Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

28

КНИГА II

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

* * *

ПУБЛИЦИСТИКА И ПИСЬМА

ТОМА XVIII—XXX

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · ЛЕНИНГРАД
1985

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ТОМ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

КНИГА ВТОРАЯ

ПИСЬМА
1860—1868

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • ЛЕНИНГРАД
1985

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук СССР*

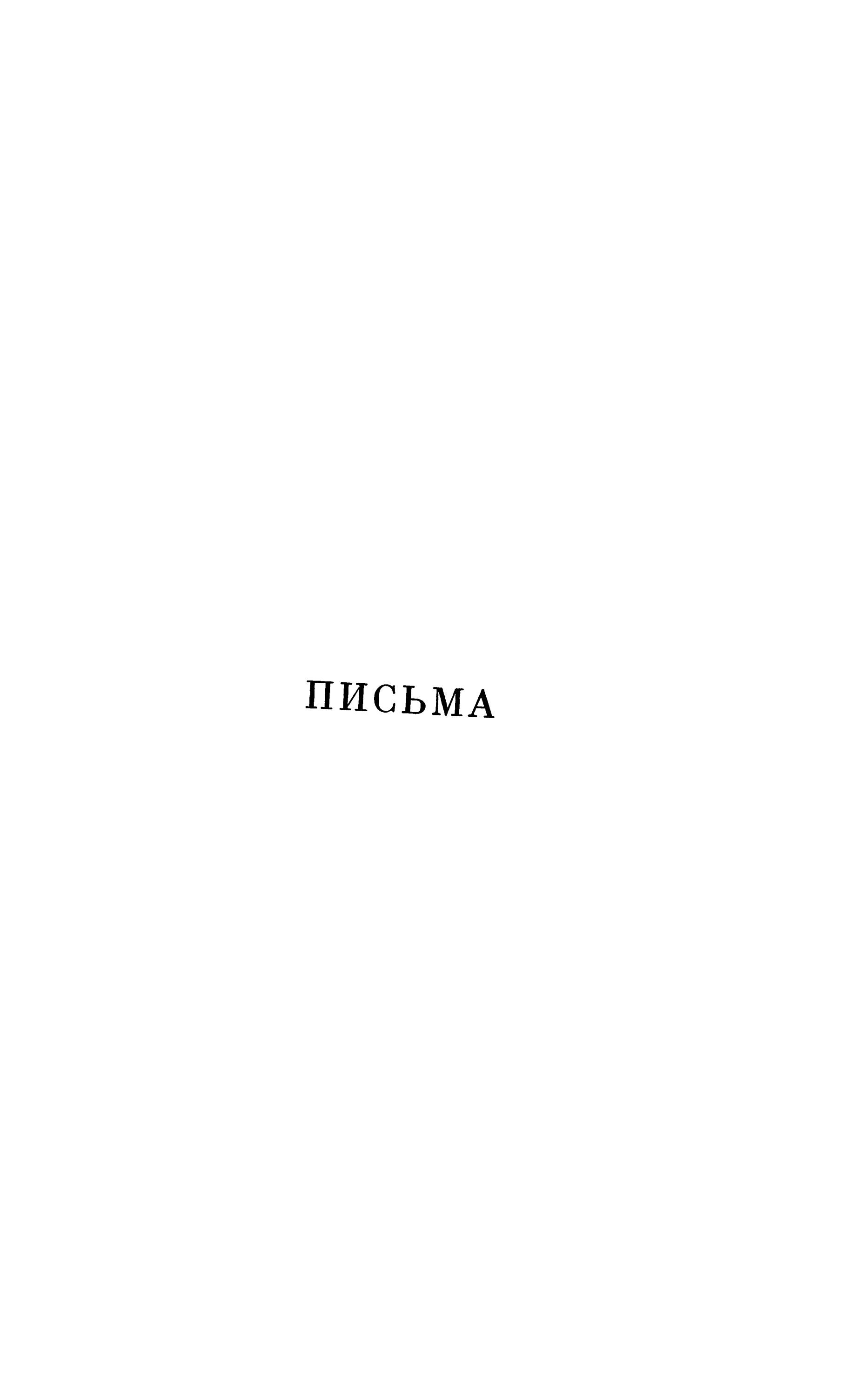
*

Тексты подготовили и примечания составили:

А. Н. БАТЮТО, П. В. БЕКЕДИН, И. А. БИТЮГОВА,
Т. И. ОРНАТСКАЯ, И. Д. ЯКУБОВИЧ

Редактор XXVIII₂ тома Т. И. ОРНАТСКАЯ

Д $\frac{4702010100-711}{042\ (02)-85}$ Подписное

ПИСЬМА

1860

172. А. И. ШУБЕРТ

14 марта 1860. Петербург

14 марта.

Добрейшая и незабвенная Александра Ивановна, вчера я видел Степана Дмитрича (был у него), и он мне показывал Ваши два письма и говорил, что Вы об нас всех помните. За это Вам поклон и целую Ваши ручки. Как я рад, что в Москве Вас приняли хорошо.[1] Писал я к Плещееву и напоминаю ему, чтоб он непременно возвестил об Ваших наступающих дебютах в «Московском вестнике». Я даже написал ему, как, по моему мнению, можно охарактеризовать Ваш талант. Писал в двух словах, потому что он и сам знает.[2] Вы не поверите, как бы я желал быть на Ваших первых дебютах. Брат [3] хочет, кажется, по делам съездить в Москву после святой.[4] Я непременно с ним поеду и авось попаду на Ваши первые дебюты.[5] Вы оставили в нас всех столько к себе симпатии и уважения, что поймете всю искренность моего желания.

Степан Дмитрич у Куликовых, и я познакомился с Куликовыми. Я был у него два раза, 1-й раз на другой день после Вашего отъезда вечером и не застал. Застал его вчера. Много говорили об Вас. Я смотрел на Ваш портрет; видел и другой, маленький, где у Вас еще обстриженные волосы и где Вы гораздо полнее. Но большой Ваш портрет мне больше понравился; он больше на Вас похож, как Вы теперь.[6] Степан Дмитрич вдруг меня спрашивает: «Вы говорили Майкову, что Александра Ивановна потеряла деньги? Почему они знают?» Я [а] Майковых и не видал. Потом он спрашивает: «А Вы знали, сколько она потеряла?..» Я смотрю на него и не знаю, что отвечать, вижу, что он знает, что я знаю о потере, и говорю: говорили, что 2 руб. Он говорит: «Какое! 320 руб.[б] Разве она Вам не сказала?» Я отвечал: [в] «Сказала и мне и брату, но я, ей-богу, принял это за шутку, потому что она была вовсе не так озабочена, а только хлопотала об укладке и об отъезде».[7] Степан Дмитрич спросил, хочу ли я ехать в Москву? Я сказал, что, может быть, с братом, после святой, он сказал, что, может, и он поедет. Говорил мне, чтоб я Вам написал что-нибудь (а у меня и до этого было в голове Вам писать). Я сказал, что пошлю в письме Плещеева и

[а] *Было начато:* смотр‹ел›
[б] *Далее было начато:* **Я сказал, что**
[в] *Было:* сказал

попрошу Плещеева Вам доставить. Он сказал: или в моем письме; я доставлю. Завтра увижу его у Милюкова и скажу, что уже послал Вам письмецо.

Как Вы, должно быть, заняты, хлопочете и вообще развлечены! Новая жизнь! Дай бог, чтоб этот переворот и маленький кризис в Вашей жизни был Вам приятен и весел. О Вас здесь часто и много вспоминают — я первый и много. Помните ли, Александра Ивановна,[г] как Вы вечером, у брата за ужином, сказали мне, что у меня такое скучное и постное лицо? И как Вы усмехались на мое лицо тогда. Вспоминаю это и так бы хотелось видеть Вас, поговорить с Вами, поцеловать у Вас ручку. Знаете ли, что последним впечатлением моим при последнем свидании с Вами был Стороженко. Вообще[д] ведь при воспоминании о ком-нибудь всегда вспоминается и та обстановка, при которой видел его в последний раз.

Если б у меня был хоть малейший талантишка написать комедийку, хоть одноактную, я бы написал для Вас. Хочу попробовать. Если удастся (решат другие), то поднесу ее Вам в знак моего глубочайшего уважения.[8]

Здесь у нас скучно, даже очень. Погода скверная. Маленькие хлопоты, а хотелось бы писать, и вообще такая безрассветная скверность, что и представить нельзя, по крайней мере, у меня. Думаю: не оживит ли весна? Хоть бы дней на 7 оставить этот гадкий Петербург! Авось состоится наша прогулка в Москву.

Прощайте, добрейшая и многоуважаемая Александра Ивановна. Не рассердитесь на меня, что написал с помарками, кошачьим почерком. Но, во-1-х) почерк — мое единственное сходство с Наполеоном, а во-2-х, совершенно неспособен написать хоть две строки без помарок. Прощайте. Целую еще раз Вашу ручку и искренно и от всего сердца желаю Вам всего, всего самого светлого, беззаботного, ясного и удачного в жизни.

Ваш весь уважающий Вас бесконечно

Ф. Достоевский.

г *Далее было начато:* добренькая и
д *Было:* Знаете ли, вообще

173. А. И. ШУБЕРТ

3 мая 1860. Петербург

Вторник. 3 мая 860 г.

Многоуважаемая и добрейшая Александра Ивановна, вот уже три дня как я в Петербурге и воротился к своим занятиям. Вся поездка в Москву представляется мне как сквозь сон; опять приехал на сырость, на слякоть, на ладожский лед, на скуку

и проч. и проч. Ходил к Степану Дмитриевичу. Он на прежней квартире, в доме Пикнева; принял меня очень радостно и много расспрашивал о Вас. Я сказал ему всё, что знал, и, между прочим, передал ему, что Вам бы очень хотелось переменить квартиру, что у Вас нет денег и что Вы ждете их от него. Он сказал, что квартира Ваша (теперешняя) хороша и вовсе не так дорога, как кажется; но что, конечно, Вам лучше бы было переехать на другую, что он Вам сам говорил про переезд, что для этого-то и в Москву ездил, чтоб сказать это и вообще Вас устроить, но заключил, однако же, тем, что на это надобны большие деньги (чтоб заводиться особняком), а их покамест нет, что он, разумеется, пошлет к Вам этак рублей триста в среду, но что это мало. Тут он прибавил мимоходом, что у Вас деньги есть, но что для этого надо разменять билет, а Вы не хотите. Помнится, Вы, еще в Петербурге, что-то говорили мне про этот билет и про желание Степана Дмитриевича, чтоб Вы его разменяли. Я ничего ему на это не сказал, описал только, как тяжело Вам иногда обедать в пять часов и проч‹ее›. Рассказал ему и про Ваши успехи на сцене,[1] про Плещеевых[2] и про m-me Иловайскую. Он того мнения, что знакомства в обществе Вам необходимы для упрочения даже и театрального Вашего положения. Я у него сидел с час. Это было в воскресение; вечером Степан Дмитриевич заходил к брату[3] и был в очень приятном расположении духа. Итак, в среду (то есть завтра) он будет писать к Вам. По крайней мере, так говорил. Вот Вам все подробности о моем свидании с ним.

Воротился я сюда и нахожусь вполне в лихорадочном положении. Всему причиною мой роман. Хочу написать хорошо, чувствую, что в нем есть поэзия, знаю, что от удачи его зависит вся моя литературная карьера.[4] Месяца три придется теперь сидеть дни и ночи. Зато какая награда, когда кончу! Спокойствие, ясный взгляд кругом, сознание, что сделал то, что хотел сделать, настоял на своем. Может быть, в награду себе поеду за границу месяца на два, но перед этим непременно заеду в Москву. Как-то Вас встречу тогда? Тогда уже Вы обживетесь с Москвой, вполне установите Ваше положение. Дай Вам бог всего лучшего. Мои желания самые искренние. Очень бы желал тоже заслужить Вашу дружбу. Вы очень добры, Вы умны, душа у Вас симпатичная; дружба с Вами хорошее дело. Да и характер Ваш обаятелен: Вы артистка; Вы так мило иногда смеетесь над всем прозаическим, смешным, заносчивым, глупым, что мило становится Вас слушать. Самолюбие хорошая вещь, но, по-моему, его нужно иметь только для главных целей, для того, что сам поставил себе целью и назначением всей жизни. А прочее всё вздор. Только бы легко жилось — это главное; да была бы симпатия к людям, да еще чтоб удалось и от других заслужить симпатию. Даже и без особенных целей — одно это уже достаточная цель в жизни.

Но я слишком зафилософствовался. Новостей я слышал мало; почти нет. Писемский очень болен, ревматизмами. Я заходил к Ап‹оллону› Майкову; он рассказывал мне, что Писемский блажит, сердится, капризится и проч‹ее› и проч‹ее›. Немудрено: болезнь мучительная.[5] Кстати: не знавали ли Вы одного *Ситкина*: он еще пописывал комические стихи под именем Аммоса Шишкина. Представьте себе: заболел и умер в какие-нибудь шесть дней. Литературный фонд принял[а] участие в его семействе.[6] Очень жаль. Впрочем, может быть, Вы его не знали. Видел Крестовского. Я его очень люблю. Написал он одно стихотворение и с гордостию прочитал нам его. Мы все сказали ему, что это стихотворение ужасная гадость, так как между нами принято говорить правду. Что же? Нимало не обиделся. Милый, благородный мальчик! Он мне так нравится (всё более и более), что хочу, когда-нибудь, на попойке выпить с ним па *ты*.[7] Удивительно странные бывают иногда впечатления! Мне всё кажется, что Крестовский должен скоро умереть, а почему это впечатление? И сам решить не могу.

Хочется нам что-нибудь сделать порядочное в литературе, какое-нибудь предприятие. Сильно мы заняты этим. Может быть, и удастся. По крайней мере, все эти задачи — деятельность,[б] хотя только 1-й шаг.[8] А я понимаю, что значит первый шаг, и люблю его. Это лучше скачков.

Степан Дмитриевич рассказывал мне кое-что о Мартынове и об одном краюшке Ваших к нему отношений.[9] Если это правда, сколько Вам надобно осторожности, ловкости, знания людей, хлопот! Да тут поневоле характер испортится. Но мне именно нравится в Вас то, что Вы, несмотря на все неприятности, веруете в жизнь, в свое назначение, любите сердцем искусство и не разочаровались в этом. Дай Вам бог. Это желанье того, кто осмеливается считать себя Вашим другом.

Прощайте, не сердитесь на меня за мою назойливость в дружбе. Впрочем, у меня прескверный характер, да только не всегда, а по временам. Это-то меня и утешает.

Пожмите за меня руку Вашему сыну, Михайле Михайловичу.[10] Какой милый мальчик.

Жму Вашу руку, целую ее и с полным, искреннейшим уважением остаюсь Вам преданнейший

Ф. Достоевский.

[а] *Далее было:* в нем

[б] *Далее было:* А я же из таких, чтобы не находить для себя в свете деятельности

174. А. И. ШУБЕРТ

12 июня 1860. Петербург

Петербург 12 июня 60.

Милый и добрейший друг мой, Александра Ивановна, с наслаждением прочел я Ваше письмо,[1] тем более, что уже не думал более получать от Вас писем. Но Вы добры, как всегда, вспомнили обо мне. Так как, может быть, я буду в Москве в половине июля, то и думал только, что увижусь с Вами лично и тогда наговорюсь лучше всяких писем. Очень рад, что Вы наконец устроились и переехали на квартиру; но боже мой, как Вы хлопочете и чего стоят Вам эти хлопоты! Хорошо еще, что теперь хоть время-то есть хлопотать: летние месяцы и в театре немного занятий. Степан Дмитрич говорит, что Вы совершенно неспособны к хозяйству и никак не обойдетесь без руководителя. А, впрочем, расскажу Вам подробно наши разговоры;[а] они же послужат ответом на многие из Ваших вопросов.

Вы боитесь, друг мой, что Степан Дмитрич выйдет в отставку и переедет в Москву.[2] Понимаю все Ваши опасения, но, кажется, непременно так и случится. У него в голове какая-то мысль; он мне много говорил; но все-таки, кажется, всего не высказал.

Воротясь из Москвы, куда он ездил после нас,[3] он так скоро собрался и переехал в Павловск, что я не застал уже его в городе. Брату тоже надо было его видеть.[б] Я, Милюков и брат отправились раз вечером погулять в Павловск. Адресс Степана Дмитрича брат забыл, и мы напрасно в этот вечер проискали его. Через неделю брат поехал к нему и виделся с ним, и он позвал меня и брата непременно к себе обедать в воскресение (он живет с Порецкими). Это было прошлое воскресение. В антракте мы опять втроем или вчетвером попали в Павловск, были у него, но он был в Царском[4] у сына; так что увидали его уже сидя в вагоне,[в] на минутку, когда он сам только что приехал из Царского. Очень обрадовался нам и повторил приглашение на воскресение. Наконец-таки в воскресение увиделись; он был очень весел, разговорчив, хотя и очень заботился о деньгах, которые надо было Вам выслать, хотел даже занять у брата 200 руб., но у брата в ту минуту свободных денег не было. (Кажется, Вам, на другой же день, переслал 100 руб., которые С‹тепан› Д‹митриевич› дал ему для пересылки.) Время мы провели весело и вечером пошли на музыку.[5] Между тем всё это время он несколько раз повторял, к слову, что очень, очень скоро поедет к Вам, через 2 или три недели, а может, и через неделю. (Кто знает? Может, это письмо приедет в Москву вместе с ним). Брат ушел к По-

---

а *Далее было начато:* так

б *Далее было начато:* и он от‹правился›

в *Далее было начато:* когда

рецким, где забыл пальто, мы остались одни с Степаном Дмитриевичем, и он тотчас же начал разговор об Вас. Всё на ту же тему: что жить Вам одной нельзя, что Вы погубите и себя и детей,[6] что устроиться независимо и бесхлопотно у Вас недостанет ни средств, ни терпения, ни способностей и что Вы положительно неспособны вести хозяйство. Я отвечал, что если Вам до сих пор и помогали другие, то все-таки Вы теперь, оставшись одна, можете привыкнуть, что это вовсе не так трудно; а что касается до средств, то они, кажется, у Вас есть, то есть у Вас есть хорошее жалование от театра. «А всегда нет денег, — отвечал он мне, — да и детей она погубит». Я спросил: как это? Он отвечал, что Вы взяли сына из пансиона с тем, чтоб отдать в гимназию, и что это значит губить его. Конец концов, что ему непременно надо переселиться в Москву. Я спросил об его делах: он объяснял мне подробно, что его удерживают на службе, но что он или в отставку или примет место, которое ему предлагают. Предлагают же ему два места: одно[г] старшего доктора в Московском госпитале,[г] а другое не помню какое, только тоже в Москве. На одном из этих мест мало жалования, на другом больше; но во всяком случае, как я понял, мне кажется, что он наверно переедет в Москву и скоро, а не то что выйдет в отставку.[7] По крайней мере, так из его слов. Жить вместе с Вами он хочет непременно, а в случае нужды, если нельзя будет переехать в Москву, то взять и Вас из Москвы. (Он говорил что-то об истечении Вашего контракта с театром будущей весной). Я заметил во всё это время нашего разговора какую-то в нем раздражительность, и чем раздражительнее становился он, тем я старался быть хладнокровнее. Мне всё казалось, что ему хотелось мне что-то высказать. Я спросил его с удивлением: неужели же Вы захотите взять из театра Александру Ивановну? — А что же, если надо будет, — отвечал он. — Да ведь это значит, — говорил я, — отнять у человека свет, воздух, солнце, неужели Вы на это решитесь? — Да что ж, если надо будет, ведь живет же Мичурина без театра. Играть она может на домашних театрах, как и Мичурина.[8] Тут я сказал, что это тиранство, и на месте Вашем я бы мог его не послушаться. — А законы-то, — отвечал он, — закон ясен; она не может меня не послушаться.[9] Я сказал ему тогда, что я не ожидал, что он в таком деле способен прибегнуть к законам. — И что же значили, — сказал я, — после того все Ваши правила и убеждения в жизни, неужели одни только слова? Он разгорячился, смешался немного, но сказал, что, конечно, до этого не дойдет и что он говорил про крайний случай. Одним словом, он имеет на Вас какие-то виды. Может быть, и ревнует, а может быть, и самолюбие играло большую роль в нашем разговоре. Он, кажется, совершенно уверен, что мы беспрерывно переписываемся, что Вы живете моими со-

---

[г] *Далее было:* **или**

ветами. Не знаю, что он говорил Вам про меня во время Вашего [д] последнего с ним свидания; но вижу, что его самолюбие страдает: ему досадно, что я верю больше Вам, чем ему, и скорее слушаю Вас, чем его. Ему как будто кажется, что я изменил ему в дружбе, что еще более подкрепили в нем Вы, сказав ему в Москве: «Ты не знаешь еще Д‹остоевско›го, он вовсе не друг тебе». Он мне это пересказал. «Вы слушаете ее, — говорил он мне, — но Вы ничего не знаете и верите ее словам, Вы не знаете, какая это женщина. На нее имел влияние Писемский,[10] теперь Вы (то есть я),[11] она всех слушает и слишком наивно принимает чужие советы, что ей вовсе не в пользу». «Напрасно Вы ее слушаете, — говорил он мне, — а мне не доверяете». Тут он распространился с горечью, что ему очень больно было, когда я Вам, как секрет, открыл кое-что из моих домашних обстоятельств, а не ему, и даже просил хранить от него секрет. «Она же мне сейчас и сказала, — говорил он: — как же ты говорил, что Д‹остоевский› твой лучший друг, когда он доверился мне, а не тебе». Вы этим укололи его, Александра Ивановна, да и вот что я Вам скажу: напрасно́ Вы раздражаете такими мелочами его самолюбие. Я ему отвечал, что если я и сказал тогда Вам, а не ему, то это потому что, во-1-х) была такая минута и что я сказал совершенно нечаянно, а во-2-х) мне не хотелось, чтобы ему это дело было передано из третьих рук, потому что для меня оно было важно, оно вырвалось у меня из сердца, и я сам хотел сказать ему, потому что есть в таких делах много таких тонкостей, что только *лично* можно передать их, а потому я и просил Вас от него секретничать. Все это точно так действительно и было. Да и вообще, дорогой друг мой, если я тогда просил Вас не сказывать ему, то, стало быть, была же у меня внутренняя мысль, которую можно признать уважительною и не сердиться на это. Если б даже он узнал (чего, кажется, не будет) про это письмо мое,[е] в котором я описываю Вам теперь наш с ним разговор об Вас, то и тут, по-моему, он не может ни на каплю сердиться. Во-1-х, он сам уверен (что я понял из его слов), что у нас с Вами беспрерывная переписка (чего и нет); во-2-х, он знает, что Вы мне многое доверили и сделали мне честь, считая мое сердце достойным Вашей доверенности, в-3-х, знает, что я и сам горжусь этой доверенностью (хотя я и не говорил ему ничего, считая это излишним), и, кроме того, симпатизирую во всей этой семейной истории более Вам, чем ему, что я и не скрыл от него, не соглашаясь с ним во многом, а тем самым отстаивал Ваши права. Если он это знает и тоже доверяет мне свои мысли, то очень хорошо может понять, что я их от Вас не скрою. Я же ведь не шпионил, не набивался ему в доверенность. Мне кажется, он тоже и ревнует немного, он, может быть, думает, что я в Вас

[д] *Было:* нашего
[е] *Далее было:* где описан наш разговор

влюблен. Увидя Ваш портрет у него на столе, я посмотрел на него. Потом, когда я другой раз подошел к столу и искал спичку, он, говоря со мной, вдруг перевернул Ваш портрет так, чтоб я его не видал. Мне показалось это ужасно смешно, жест был сделан с досадой. Я уверен, что мне это не показалось только, а действительно так было.

Вот и судите теперь, дорогая моя, что Вы можете ожидать от него. Он Вас любит; но он самолюбив, раздражителен очень и, кажется, очень ревнив. Мне кажется, он из ревности не может перенести разлуки с Вами. Может быть, я и ошибаюсь; но не думаю, чтоб ошибался. Знаете: ведь есть две ревности: ревность любви и самолюбия; в нем обе. Приготовьтесь его видеть, отстаивайте твердо свои права, но не раздражайте его напрасно; главное: щадите его самолюбие. Вспомните ту истину, что мелочи самолюбия почти так же мучительны, как и крупное страдание, особенно при ревности и мнительности. Вы говорите, чтоб я уговорил его: но что же я могу сказать ему? Он на мои советы смотрит положительно враждебно, я это испытал. А как бы я желал, чтоб между Вами всё уладилось и чтоб Вы просто разъехались. Вам не житье вместе, а мука.[12] Он и себе бы и Вам сделал хорошо, очень хорошо. Ведь Вы бы были ему благодарны за это и высоко бы оценили его гуманность. Вместо любви (которая и без того прошла) он бы приобрел от Вас горячую признательность, дружбу и уважение. А ведь это стоит всего остального. Но что говорить! Вы это знаете лучше моего сами. Высказать же ему это в виде совета я не могу; он к этому положительно не приготовлен теперь.

Дорогой друг, я Вас до того бескорыстно и чисто люблю, что страшно обрадовался, когда Вы мне написали о чувстве благодарности за детей. Значит, Вы еще способны жить и жить полною жизнию. Обрадовался я, а в то же время ужасно испугался за Вас. Вы пишете, чтоб я Вас побранил. Не возьмусь за это по совершенной бесполезности. Оно, конечно, можно бы Вам посоветовать посмотреть поближе и не очень доверяться; одним словом, побольше увериться. Что же касается до совета, которого Вы требуете от меня (как от сердцеведа; NB. Не принимаю Вашего слова на свой счет; какой я сердцевед перед Вами!), — то опять, что же я тут буду советовать? Всё это известно Вам самой в тысячу раз лучше, чем мне. Вам известно: с одной стороны счастье, блаженство; с другой — забота, мука, расстройство, да и в самом чувстве не то, что прежде; менее свободы, больше рабства. Вот и всё, что скажу я, а там рассуждайте сами. Увижу ли я Вас, моя дорогая? В июле я буду наверно в Москве. Но удастся ли нам с Вами поговорить по сердцу? Как я счастлив, что Вы так благородно и нежно ко мне доверчивы; вот так друг! Я откровенно Вам говорю: я Вас люблю очень и горячо, до того, что сам Вам сказал, что не влюблен в Вас, потому что дорожил Вашим правильным мнением обо мне и, боже мой, как горевал,

когда мне показалось, что Вы лишили меня Вашей доверенности; винил себя. Вот мука-то была! Но Вашим письмом Вы всё рассеяли, добрая моя бесконечно. Дай Вам бог всякого счастья! Я так рад, что уверен в себе, что не влюблен в Вас! Это мне дает возможность быть еще преданнее Вам, не опасаясь за свое сердце. Я буду знать, что я предан бескорыстно.

Прощайте, голубчик мой, с благоговением и верою целую Вашу миленькую шаловливую ручку и жму ее от всего сердца.

Весь Ваш Ф. Достоевский.

P. S. О статье Михайлова поговорим потом; [13] Степан Дмитриевич очень просил меня приезжать чаще в Павловск; но вот уже ровно неделя, а я не был. Страшно много всяких хлопот.

175. А. П. МИЛЮКОВУ

10 сентября 1860. Петербург

Любезнейший Александр Петрович,

Извещаю Вас, что я не поеду в воскресение, а, кажется, во вторник. И потому крестить у Вас могу. Прошу Вас, в свою очередь, известить меня по городской почте: в какой час завтра произойдет крещение? полагаю, что сейчас после вечерен.[1]

Я же приступаю к писанию и не знаю еще, что будет, но решаюсь работать, не разгибая шеи.[2]

Ваш весь Ф. Достоевский.

10 сентября 860.

1861

176. М. А. ЗАГУЛЯЕВУ

Январь 1861. Петербург

Любезнейший и добрейший Михаил Андреевич,

Если у Вас есть «Библиотека для чтения» (где «Гаваньские чиновники») и которую Вы мне обещали, то сделайте милость, пришлите, чем самым крайним образом обяжете Вашего со всей душой

Ф. Достоевского.

P. S. Если надо скоро, то продержу не более как до завтра.

Д<остоевский>.

177. Я. П. ПОЛОНСКОМУ

15 апреля 1861. Петербург

Любезнейший Яков Петрович,

Если Ваше время завтра *в воскресение* не занято, то посетите меня вечерком, выпить чайку, чем очень обяжете Вас крепко любящего

Ф. Достоевского.

15 апр. Суббота.

178—180. В РЕДАКЦИИ «СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ», «СЫНА ОТЕЧЕСТВА» И «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

4 мая 1861. Петербург

К издателю «Северной пчелы».[а]

В № 33-м газеты «Русский мир» я прочел следующее объявление от редакции «Русского мира» своим читателям: «Продолжение „Записок из Мертвого дома“ Ф. М. Достоевского, как объявлено уже, последует в журнале „Время“, в 4-й книжке которого перепечатаны главы, помещенные в январских номерах „Русского мира“, для тех из читателей, как сказано в журнале

а *В СО:* В редакцию «Сына отечества»: Милостивый государь; *в СПбВед:* Корреспонденция. Санктпетербург, 4-го мая. Мм. гг.

„Время“, которые не были знакомы с этим произведением. Равным же образом и мы сочтем себя обязанными познакомить наших читателей с продолжением „Записок“, как скоро они появятся в журнале „Время“».[1]

Позвольте Вас уведомить, милостивый государь,[б] что с редакцией «Русского мира», после помещения в газете «Русский мир» отрывка из сочинения моего «Записки из Мертвого дома» (то есть первых четырех глав), я более ни в каких литературных сношениях не состою, всё же сочинение мое «Записки из Мертвого дома» продано мною журналу[в] «Время» *вполне* и потому продолжение этих «Записок» может явиться только в этом журнале. Ни с кем же другим я, относительно продолжения этого сочинения, ни в каких формальных или каких бы то ни было обязательствах не состою и никто другой не имеет на него никакого права. О чем и прошу Вас, милостивый государь,[г] уведомить публику, напечатав в Вашей газете письмо мое.

Долгом считаю предуведомить Вас, что такое же письмо и с такою же от меня просьбою послал я и к гг. редакторам «С.-Петербургских ведомостей» и «Сына отечества».[д]

Ф. Достоевский.

4-го мая 1861 г.

[б] *В СПбВед:* милостивые государи
[в] *В СПбВед:* в журнал
[г] *В СПбВед:* Милостивые государи
[д] *В СО:* «С.-Петербургских ведомостей» и «Северной пчелы». Примите уверение в искреннем уважении Вашего покорного слуги; *в СПбВед:* «Сына отечества» и «Северной пчелы». Примите и проч.

181. Ф. Н. БЕРГУ

12 июля 1861. Петербург

Июля 12/61.

Милостивый государь Федор Николаевич,

Мне чрезвычайно неприятно и совестно, что я принял в другом смысле то место Вашей статьи, где говорилось об «Униженных» и оскорб‹ленных›». Сделайте одолжение, извините меня. Воображаю, как Вам было это даже обидно. Ваше письмо вполне меня разуверило и нагнало на меня сильное раскаяние. Одно, что скажу в свое оправдание: что действительно в статье Вашей это место было написано так неясно, что можно было ошибиться. Я бы ни за что не ошибся: но так как Вы тут же браните и Григорьева (а Вы его таки браните и довольно зло), то мне и пришло в голову: если посылается в журнал статья, опровергающая[а] этот же журнал и где зацепляются его сотрудники, то, пожалуй, могло случиться и всё остальное. Соглашаюсь, что я глупейшим образом ошибся и прошу у Вас, от всего сердца, извинения.[1]

[а] *Было:* где опровергается

Основная мысль Вашей статьи прекрасная, и мы с ней совершенно согласны. Но ведь из нее невозможно не выпустить, во-1-х) всего, что говорится в ней о Григорьеве. Согласитесь, журнал не может себе противоречить. 2) Обо мне, хоть бы Вы меня бог знает как хвалили; хвалить себя в своем журнале нельзя. 3) Всё, где Вы говорите о «Книге Наума». Положим, Вы правы: но книга составлена была честнейшим человеком и, главное, замечательнейшим деятелем во время всеобщего гнета над литературой, принесшим ей много пользы и многим ей пожертвовавшим.[2] Если тут, *ради лица*, и делается уклонка, то ведь не из низкого же побуждения [б] мы *смотрим* в *этом* случае *на лица*, а из побуждения благородного. Конечно, если б дело шло о чем-нибудь гораздо более важном, то нечего было бы смотреть *ни на какое лицо*. «Время» строго держится этого правила, для него нет *лиц*; но ведь что толку выказывать себя такими спартанцами, когда дело вовсе не так важно. Всё в меру, всё кстати. К чему же огорчать человека, которого *все* уважают и про которого во всю *честную* жизнь его никто не сказал ничего дурного, а даже совершенно напротив.

Остальное всё можно напечатать, но остального-то остается мало. Мы, впрочем, посмотрим и уж конечно найдем случай поместить.[3]

Жалею, что ответить Вам подробнее и больше не могу. *Затянулись* дела и теперь усиленная работа, а *усиленной работы* и другу и недругу не желаю. Не дай Вам бог ее испытать.

Вчера слышал чтение Вашего стихотворения. Что за прелесть! Это решительно Ваше лучшее и ко многому применимо. Вот бы Вам побольше писать на *эти темы*. Потому и говорю Вам о *темах*, что вижу, как с ними согласуется Ваше вдохновение. Сколько припомню, в этом роде я еще ничего не читал Вашего. Одну только строчку, по-моему, надо бы изменить:

Молчит бессмысленный народ.[4]

Это как будто Пушкина «Молчи, бессмысленный народ» и в смысле *модном*, то есть в смысле враждебном Пушкину. Разумеется, Вы бы не написали ничего сами в смысле враждебном Пушкину, но другие-то, пожалуй, так примут и поймут. Мы думаем изменить; я предлагаю сказать «Молчит *униженный* народ», а брат «Молчит *подавленный* народ». Мне кажется, что *униженный* сильнее и заключает в себе смысл и «*подавленного*».[5]

Сделайте одолжение, пишите, уведомляйте, и *присылайте*. На всё остальное [в] в Вашем письме, требующее ответа, ответит Вам брат.

Прощайте, Ваш от всего сердца

Ф. Достоевский.

[б] *Было:* чувства
[в] *Было:* Обо всем остальном

182. Я. П. ПОЛОНСКОМУ

31 июля 1861. Петербург

Петербург (Колтовская) 31 июля/61.

Бесценнейший Яков Петрович, простите великодушно, что до сих пор не писал к Вам ничего. Всё время был занят, — верьте богу. Ездил в Москву прогуляться, хоть и на *10* только дней, но запустил свою работу, а потому с первого июля начиная и до самого конца месяца работал усиленно.[1] А когда я работаю, так уж норов такой, что хоть и есть иногда свободный час, но уж не до постороннего и не до писем.

Вот почему и Вам до сих пор не писал. Прощаете ли?

Ну как-то Вы поживаете и, главное, здоровы ли? Что делаете? Пишете ли? Читаю все Ваши письма,[2] но Вы уж очень мало в них пишете о себе. Да кстати: когда Вы приедете и всё ли время пробудете только в одной Австрии. Италия под боком, как, кажется, не соблазниться и не съездить? [3] Счастливый Вы человек! Сколько раз мечтал я, с самого детства, побывать в Италии. Еще с романов Радклиф, которые я читал еще восьми лет, разные Альфонсы, Катарины и Лючии въелись в мою голову. А дон Педрами и доньями Кларами еще и до сих пор брежу.[4] Потом пришел Шекспир — Верона, Ромео и Джулье‹т›та — черт знает какое было обаяние. В Италию, в Италию! [а] [5] А вместо Италии попал в Семипалатинск, а прежде того в Мертвый дом. Неужели ж теперь не удастся поездить по Европе, когда еще осталось и сил, и жару, и поэзии. Неужели придется ехать лет через десять согревать старые кости от ревматизма и жарить свою лысую и плешивую голову на полуденном солнце. Неужели так и умереть, не видав ничего! [6]

Но ведь это не от Вас зависит и потому перейдем к другому. Сначала об Вас: пишете ли Вы, драгоценный голубчик? Три главы Ваши вышли еще в июне и произвели самое разнообразное впечатление.[7] Во-первых, вообще впечатление вышло *неполное* — это понятно. Весь роман, напечатанный целиком, произвел бы впечатление гораздо сильнейшее. В публике отзывы (как я слышал) различные, но что хорошо, ‹ч›то ценители [б] делятся довольно резко на две стороны: или бранят или очень хвалят — а это самое лучшее: значит, не пахнет золотой срединой, черт ее возьми! Иные в восторге, хвалят очень и ужасно бранятся, что нет продолжения. Один человек, очень неглупый, так просто объявил, что ему роман совсем не нравится, потому что «ничего не развито и романа нет». Брат отвечал ему, что развитие романа *еще* только началось, и как услышал это ценитель, то разинул рот от удивления: он было вообразил, что эти три главы — и есть весь роман, совершенно оконченный. Он прогля-

---

[а] *Далее было:* **бежать хотел в Швей‹царию›**
[б] *Было:* **то ценили**

дел, что сказано о продолжении впредь.[8] Друг Страхов заучил все эти три Ваши главы наизусть, ужасно любят цитовать из них,[в] и мы, собравшись иногда вместе, кстати иль некстати, приплетаем иногда к разговору Ваши стихи. В литературе, как Вы сами можете вообразить, отзывов еще нет, кроме тех, которым не терпится, чтоб не ругнуть. Партия Минаевых, Курочкиных (воображающих, что они составляют партию) ругаются.[9] Н. Курочкин [г] (брат Василия)) получил редакторство «Иллюстрации», — то-то его прибыло! [10] Они критикуют, что стихи не хороши, а за стих:

Блохою жизни был укушен — [11]

Минаев сравнивает Вас с Пл. Кусковым, пишущим будто бы об одних *комарах и мухах*. Но гадости всех этих мозгляков, разумеется, не имеют ни смысла, ни влияния. В Москве я видел Островского. Некрасов, проезжая Москву до меня, был у него, и Островский рассказывал мне, что Некрасов был от Вашего романа *в восторге*. Брат объявил, что продолжение Вашего романа последует в сентябре. Хорошо ли он сделал? Правда — то, что продолжать надо непременно и печатать скорее (говорю и для Вашей и для НАШЕЙ выгоды, разумеется), но отнюдь не надо откладывать. Впечатление пройдет в публике. А ведь я знаю, какое у Вас дальше в романе развитие. Сильно подействует и поставит перед публикой роман самостоятельно и крепко.[12] Я вот, например, очень плохо сделал, что моих «Униженных и оскорбленных» растянул до июля и ослабил их впечатление. Теперь кончил, слава богу. К зиме выйдет отдельной книжкой. Я продал одному издателю, взяв 1 000, — больше взять нельзя было.[13]

Журнал идет, — до сих пор еще тянется подписка, — хоть кой-какая, да тянется. В литературном мире много полемики, но [д] не об литературе, а в публицистском смысле. Чернышевский начал ряд статей о современной журналистике; преимущественно отвечает своим неприятелям. Очень бойко и, главное, возбуждает говор в публике, а это важно. Поставил себя очень рельефно и оригинально. В этой оригинальности, разумеется, и недостатки его. Мы, может быть, скажем что-нибудь по поводу его полемики, и скажем с полным беспристрастием.[14] С «Русским вестником» у нас продолжается баталия.[15] Много бы можно рассказать,[е] да уж лучше сами прочтете.

Вчера прочел Ваше письмо к Коте, но ведь брат писал к Вам. Коту же, кажется, ужасно было приятно получить от Вас письмо.[16] Мы в Колтовской,[17] живем ни весело, ни скучно. Дела много. Кажется, журнал всё более и более приобретает симпатии. До сих пор каждый номер интересует читателей.

в *Было:* их
г *Далее было начато:* к тому
д *Далее было:* всё
е *Было:* сказать

Если Вы в этом году напечатаете еще хоть только 3 главы, то цельно и рельефно поставите Ваше произведение перед публикой. Узнают, с чем имеют дело, и много будут ждать от романа. Даже самые ругатели знают и теперь, что оценить и что хорошо. Вообще мы не ошиблись; ему предназначено иметь и эффект, и значение.

Прощайте, бесценный друг, обнимаю Вас крепко.

Ваш Ф. Достоевский.

P. S. Приезжайте скорее.

183. А. К. КАЛЛАШ

16 августа 1861. Петербург

Добрейшая и многоуважаемая Александра Карловна, Вы меня должны простить за то, что я так непростительно долго не отвечал на Ваше милое письмо.[1] Видите, как я деспотически начинаю; прямо говорю: *должны* простить. Но это вовсе не от глупой самоуверенности, что, чего бы я ни пожелал, то вот сейчас и случится, а от того, что в душе своей считаю себя почти невиноватым перед Вами. Столько было в последнее время срочных занятий, что я уж никак не мог их бросить и заняться другим, чем бы то ни было. Разумеется, время всегда было — и при самых срочных занятиях; но я человек больной, нервный. Когда пишу что-нибудь, то даже думаю об том и когда обедаю, и когда сплю, и когда с кем-нибудь разговариваю. Спросите Александра Устиновича, он про меня знает.[2] А потому я, получив милое письмецо Ваше, и отложил ответ до конца работы, думая, что кончу наверно послезавтра, а кончил-то чуть не неделю спустя после этого послезавтра. Но я уверен, что Вы меня простили, потому что, несмотря на всё Ваше *самолюбие*,* Вы, кажется, чрезвычайно добры, и потому я теперь буду покоен, хотя, признаюсь, буду [а] покоен только дня четыре спустя, то есть тогда, когда уж буду совершенно уверен, что Вы получили письмо мое.

Ну, дай бог, чтоб деревня для Вас была бы все-таки лучше Кашина, — Вы хоть немного, но так ярко о нем написали, что, мне кажется, в нем довольно досадно Вам жить, несмотря на некоторое любопытство к такой обстановке. Мне, знаете ли, что понравилось? Что в письме Вашем проглядывает какая-то досада, желчь, когда Вы упоминаете о кашинском обществе. Стало быть, Вы не можете смотреть равнодушной наблюдательницей на ненормальное и уродливое.

Я рад, что в деревне Вам, как Вы пишете, недурно. Не пренебрегайте здоровьем, в особенности купайтесь. А уж на зиму непременно приезжайте в Петербург. Петербург страшно тосклив

[а] *Далее было:* рассчитывать

* Упоминаю потому, что Вы сами об этом упоминаете. (*Примеч. Достоевского*).

и скучен, но все-таки в нем теперь всё, что живет у нас сознательно. А ведь это что-нибудь да значит. Вам же Петербург, несмотря на скверный климат, все-таки будет полезен даже для здоровья. Ведь Вы нервны очень, впечатлительны и мечтательны. Следовательно, Вам менее, чем кому-нибудь, надо оставаться в уединении. Уединение всегда найти можно, а людей не всегда, то есть людей в смысле общества. А Вам теперь надо жить и пользоваться жизнию. Чтение, например, еще не жизнь.

Я в Москве провел время довольно приятно, но на этот раз Москва мне как-то не показалась.[3] Возвратился домой с удовольствием. Но дома, то есть в Колтовской на нашей даче, право, прескучно.[4] Вы спрашиваете: прошла ли моя тоска. Ей-богу, нет, и если б не работа, то я бы заболел от уныния. А между тем мне так мало нужно. Ведь я знаю сам, что мне нужно мало, и даже знаю, что именно нужно — *хороших людей*. Как Вы думаете, это много или мало?

Июнь и июль простояли у нас бесподобные, но август весь сплошь предождливый, и всё холоднее и ветренее с каждым днем, так что двадцатого мы все начнем перебираться в город. В Петербурге самое интересное во всех отношениях время — осень, особенно если не очень ненастна. Осенью закипает новая жизнь на весь год, начинаются новые предприятия, приезжают новые люди, являются новые литературные произведения. Предчувствую, что эта осень и зима промелькнут скоро; а там, весной, непременно за границу.

Я часто вспоминаю и теперь о нашем путешествии. И как мило было со стороны судьбы, что она позволила мне встретиться со всеми вами.[5] А то бы я очень проскучал.

Приезжайте же, пожалуйста, на зиму. Право, это будет лучше, чем оставаться в деревне.

Не взыщите меня за глупое письмо. Глупое потому, что всё о себе писал. Да простите мне тоже помарки; не умею ничего писать без помарок.

Охотница ли Вы до ягод, до яблок и до груш? Вот это самое лучшее, что есть в лете.*

Передайте мой поклон и мое уважение Вашей сестрице и многоуважаемому Александру Устиновичу. А затем не забудьте преданного Вам и уважающего Вас

Ф. Достоевского.

16 августа/61.
Петербург.

На конверте:

Его высокоблагородию Карлу Федоровичу Каллаш
для передачи Александре Карловне Каллаш.
Тверской губернии в город Кашин.

---

* Фи, как после этого замечания, должно быть, Вы меня презираете. (*Примеч. Достоевского*).

184. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

24 августа 1861. Петербург

Милостивый государь Александр Николаевич,

Вашего несравненного Бальзаминова я имел удовольствие получить третьего дня и тотчас же мы, я и брат, стали читать его.[1] Было и еще несколько слушателей — не столько литераторов, сколько людей со вкусом неиспорченным. Мы все хохотали так, что заболели бока. Что сказать Вам о Ваших «Сценах»? Вы требуете моего мнения совершенно искреннего и бесцеремонного.[2] Одно могу отвечать: прелесть. Уголок Москвы, на который Вы взглянули, передан так типично, что будто сам сидел и разговаривал с Белотеловой. Вообще эта Белотелова, девицы, *сваха*, маменька и, наконец, сам герой — это до того живо и, действительно, до того *целая* картина, что теперь, кажется, у меня она ввек не потускнеет в уме. Капитан только у Вас вышел как-то частнолицый. Только верен действительности, и не больше. Может быть, я не разглядел с первого чтения. Разумеется, я Вашу комедию прочту еще пять раз. Но из всех Ваших свах — Красавина должна занять первое место. Я ее видал тысячу раз, я с ней был знаком, она ходила к нам в дом, когда я жил в Москве, лет 10-ти от роду; я ее помню.

Кстати: некоторые из слушателей и из слушательниц Вашей комедии уже ввели Белотелову в нарицательное имя. Уже указывают на Белотелову [a] и отыскивают в своей памяти девиц Пеженовых.

Я и брат, мы Вам чрезвычайно благодарны. Брат просил меня Вас уведомить, что в конце этой недели (то есть дня через три от этого письма) он вышлет Вам и денег.[3]

Вы пишете, что задумали для нас еще. Ради Христа, не оставляйте этой доброй мысли. Торопить не будем, а ждать будем с самым крайним нетерпением.[4]

Корректор у нас очень хороший, — один студент, знает свое дело хорошо, и если особенно попросить его, то он и особенное внимание обратит. Я сам поговорю с ним.[5]

Сейчас только прочел письмо от Полонского из Теплица. Он всё еще болен; страшно скучает. К осени будет к нам.[6] Его роман ужасно многим в Петербурге не нравится. Но от некоторых людей мы слышали и большие похвалы.[7] Тем лучше, что с первого разу не нравится. У нас это хороший признак.

Вам душевно преданный и уважающий Вас

Ф. Достоевский.

24 августа/61.

---

[a] *Далее было:* на улицах

1862

185. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

6 июня 1862. Петербург

Петербург 6 июня/62 года.

Любезный и незабвенный друг и брат мой, милый Андрюша, прости, голубчик, за то, что так долго, так долго не писал тебе.[1] Не вини меня: я человек больной, постоянно больной, а дела в последнее время навалил на себя столько, что едва расхлебал. Не с моими силами брать на себя столько. Но, слава богу: дело у нас удалось, зато здоровье мое до того расстроилось, что теперь (именно завтра) уезжаю за границу до сентября лечиться.[2] У меня падучая, а сверх того много других мелких недугов, развившихся в Петербурге. Не сердись же. Вспомни то, что мне все причины тебя любить и уважать и ни одной — забыть тебя. И потому молчанье мое прими хоть за скверное нерадение с моей стороны, но не сомневайся в том, что хоть я и ленив, а все-таки люблю и уважаю тебя очень. Я помню, дорогой ты мой, помню, когда мы встретились с тобой (последний раз, кажется) в знаменитой Белой Зале.[3] Тебе тогда одно только слово стоило сказать кому следует, и ты немедленно был бы освобожден как взятый по ошибке вместо старшего брата. Но ты послушался моих представлений и просьб: ты великодушно вникнул, что брат в стесненных обстоятельствах; что жена его только что родила и не оправилась еще от болезни, — вникнул в это и остался в тюрьме, чтоб дать брату приготовить к тому жену[а] и по возможности обеспечить ее на отсутствие, может быть, долгое: хоть он и знал тогда, что он прав и кончит тем, что его освободят, но когда и как обернется дело, он не мог предугадывать. А если так, если ты уж раз так поступил, так великодушно и честно, — стало быть, не мог и я забыть тебя и не вспомнить о тебе как о честном и добром человеке.[4] А ты сверх того доказал, что и любишь меня. Ты писал мне в Семипалатинск и даже помогал мне. Жена твоя тоже приветствовала меня как брата. Я этого не могу забыть.[б] [5] Верьте же оба, и ты и добрая, уважаемая мною жена твоя, что я вам предан и очень люблю, а главное, не сомневайся во мне и на будущее время.

Хоть я и написал в эти два года до ста печатных листов, но

а *Вместо:* приготовить к тому жену — *было:* приготовиться к аресту.
б *Было:* заменить

брат Миша, взявший на себя все денежные и редакционные заботы о журнале, еще более трудился. И потому не вини его за молчание. У него голова трещит от забот, от которых другой давно бы бежал или сложил руки и тем вызвал бы на себя гибель. Подожди немного: уладятся дела наши и мы, верно, не будем так чужды друг другу, как теперь. Хотя наши дела по журналу идут неслыханно хорошо (у нас на этот год 4 200 подписчиков), но мы наделали долгов за прошлый год, и только разве третий и четвертый год журнала дадут нам спокойствие и устойчивое положение. Вот я теперь еду (один), оставляю брата, а сам думаю: как-то он один без меня будет? я все-таки был ревностный помощник.

Еду я один. Жена моя остается в Петербурге. Денег нет, чтоб ехать вместе, да и нельзя ей своего сына (моего пасынка) оставить, который готовится к экзамену в гимназию.[6] Все наши сестры здоровы.[7] Брат Коля кое-как ведет свои дела; даже и очень не худо, хотя бы все-таки желательно было, если б ему побольше повезло.[8] Голеновский в отставке, и Саша несколько грустна поэтому. Семейство растет, а доходу всего-то их домик на Петербургской.

Голеновский вышел в отставку из благородной гордости, не могши снести несправедливостей начальника, сильного человека, желавшего определить на его место своего родственника. Саша первая оправдывает мужа,[в] да и мы все. А между тем он ищет теперь места и тяготится своим бездействием. В этом отношении у них теперь не совсем хорошие обстоятельства.

Варенька в Москве выдала дочь [9] свою замуж. Верочка живет счастливо. Покровские здоровы. Я раз уж шесть в эти два года был в Москве, и мне весело было припомнить нашу старину, наше детство.[г]

Данилевский что-то передал мне про какую-то клевету про тебя, скверную сплетню.[10] Я говорил с Калиновским. Он мне и брату написал письмо, в котором объясняет эти обстоятельства грязными сплетнями мерзких людей, говорит, что тебя едва знает и про тебя ничего не мог говорить дурного. Если хочешь, я тебе пришлю и это письмо.[11] Отвечай мне к сентябрю. Я на этот раз обещаюсь тебе ответить в скорости.

Обнимаю и целую тебя. Пожелай мне доброго пути и здоровья. Завтра в 8 часов утра буду уже по дороге в Берлин. Передай полное и искреннее мое уважение жене твоей; расцелуй своих детей и скажи им, что у них есть дядя Федя, как зовут меня все здешние племянники.

Твой брат, тебя любящий, Ф. Достоевский.[12]

[в] *Было:* его оправдывает

[г] *Вместо:* нашу ∾ детство — *было:* наше старинное детство

186. Н. Н. СТРАХОВУ

26 июня (8 июля) 1862. Париж

26 июня /8 июля/ 62.

Вы в первых числах июля трогаетесь за границу, дорогой Николай Николаич. С богом; уж одно то, что к тому времени Вы непременно попадете на прекрасную погоду, так как теперь она везде, по всей Европе скверная; но как вспомню: на кого ж Вы оставите Михаила Михайловича, так даже жутко станет.[1] Голубчик Николай Николаевич, пора теперь скверная, как Вы пишете,[2] — пора томительного и тоскливого ожидания. Но ведь журнал дело великое; это такая деятельность, которою нельзя рисковать, потому что, во что бы ни стало, журналы как выражение всех оттенков современных мнений должны остаться. А деятельность, то есть что именно делать, о чем говорить и что писать — всегда найдется. Господи! как подумаешь, сколько еще не сделано и не сказано, и потому сижу здесь и рвусь отсюда, из так называемого прекрасного далека,[3] хоть не телом, так духом к Вам, в Россию. Всякий, всякий должен делать теперь и, главное, попасть на здравый смысл. Слишком у нас перепутались в обществе понятия. Недоумение наступило какое-то. Вы пишете, дорогой Николай Николаевич, что хотите съездить предварительно в Москву. Чтоб не опутали Вас там сенаторы журналистики! Чего доброго, Катков соблазнит Вас какой-нибудь разлинованной по безбрежному отвлеченному полю доктриной. . .[4] Нет, нет, я ведь шучу. Ах, голубчик, родной мой, как бы хотелось с Вами здесь увидеться! И знаете что: мне кажется, это совершенно возможная и должная вещь. Штука в том, чтоб не сбиться в адрессах. Главное дело в том, чтоб помнить числа. 15 июля (нашего стиля), но не раньше, я выезжаю из Парижа в Кельн. День пробуду в Дюссельдорфе; потом на пароходе вверх по Рейну до Майнца, а там в Oberland, то есть, может быть, в Базель и проч. Значит, 18 или 19-го числа нашего стиля я в Базеле, а 20, 21 или 22-го в Женеве. Следственно, всякое письмо Ваше, откуда бы то ни было, если придет в Париж не позже 15 июля, застанет меня там, и я буду знать, где Вас найти. Даже так, например, Вы мне напишете, положим, из Берлина или Дрездена, что такого-то числа будете там-то (а это Вы можете рассчитать всегда, дней на десять вперед), там я и буду Вас искать. А если Вы сделаете еще такую вещь: купите себе guide * Рейхарда,[5] так что в каждом городе будете знать, какие отели (и какие в них цены), то, например, будучи в Берлине и пиша ко мне, напишите: остановлюсь в Женеве такого-то числа и в такой-то гостинице. Так что я и буду уж спрашивать о Вас в этой гостинице. Вы, может быть, приехав в Женеву, и

---

* путеводитель (*франц.*).

не остановитесь в этой гостинице, найдете ее неудобной и остановитесь в другой, но это Вам нисколько не помешает оставить в прежней (условленной) гостинице свой адресс, для тех, кто о Вас спросит[а] (то есть для меня), и дадите за это portier* гостиницы какой-нибудь франк на водку, и таким образом я Вас непременно найду. Как любопытно мне тоже узнать Ваш маршрут. Ах, Николай Николаевич, Париж прескучнейший город, и если б не было в нем очень много действительно слишком замечательных вещей, то, право, можно бы умереть со скуки. Французы, ей-богу, такой народ, от которого тошнит. Вы говорили о самодовольно наглых и г<-->ных лицах, свирепствующих на наших минералах.[6] Но клянусь Вам, что тут стоит нашего. Наши просто плотоядные подлецы, и большею частию сознательные, а здесь он вполне уверен, что так и надо. Француз тих, честен, вежлив, но фальшив и деньги у него — всё. Идеала никакого. Не только убеждений, но даже размышлений не спрашивайте. Уровень общего образования низок до крайности (я не говорю про присяжных ученых. Но ведь тех немного; да и, наконец, разве ученость есть образование[б] в том смысле, как мы привыкли понимать это слово?). Вы, может быть, посмеетесь, что я так сужу, всего еще только десять дней пробыв в Париже. Согласен; но 1) то, что я видел в эти десять дней, подтверждает покамест мою мысль, а во-2-х) есть некоторые факты, которых заметить и понять достаточно полчаса, но которые ясно обозначают целые стороны общественного состояния, именно тем, что эти факты возможны, существуют.

Заедете ли Вы в Париж? Заметьте: на три дня в Париж ехать не стоит, а посвятить ему две недели, если Вы *только турист*, будет скучно. За делом сюда ехать можно. Много есть чего посмотреть, изучить. Мне приходится еще некоторое время пробыть в Париже и потому хочу, не теряя времени, обозреть и изучить его не ленясь, сколько возможно для простого туриста, каков я есмь. Не знаю, напишу ли что-нибудь? Если очень захочется, почему не написать и о Париже, но вот беда: времени тоже нет. Для порядочного письма из-за границы нужно все-таки дня три труда, а где здесь взять три дня?[в] Но там что будет.[7]

Еще, голубчик Николай Николаевич: Вы не поверите, как здесь охватывает душу одиночество. Тоскливое, тяжелое ощущение! Положим, Вы одинокий человек и Вам особенно жалеть будет некого. Но опять-таки: чувствуешь, что как-то отвязался от почвы и отстал от насущной, родной канители, от текущих собственных семейных вопросов. Правда, до сих пор всё мне не благоприятствовало за границей: скверная погода и то, что я

[а] *Вместо:* кто о Вас спросит — *было:* кто случайно Вас спросит
[б] *Вместо:* есть образование — *было:* составляет всё
[в] *Вместо:* три дня — *было:* его
* портье (*франц.*).

всё еще толкусь на севере Европы и из чудес природы видел один только Рейн с его берегами (Николай Николаич! Это действительно чудо). Что-то будет дальше, как спущусь с Альпов на равнины Италии. Ах, кабы нам вместе: увидим Неаполь, пройдемся по Риму,[8] чего доброго приласкаем молодую венецианку в гондоле (А? Николай Николаевич?) Но... «ничего, ничего, молчанье!», как говорит, в этом же самом случае, Поприщин.[9]

До свидания, Николай Николаевич. О заграничных впечатлениях моих не сообщаю Вам никаких подробностей. Всего не опишешь в письме, а по частям и не могу. Да и какие еще мои впечатления-то! Я еще всего девятнадцать дней за границей. Обнимаю Вас от всей души. Передайте мой поклон добрейшему, милому Тиблену (которого, я не знаю за что, я как-то стал любить в последнее время) и милой, бесконечно уважаемой Евгении Карловне. Как ее здоровье? Да кстати: если Вы поедете в Москву, то, пожалуй, письмо мое и не застанет Вас в Петербурге. Во всяком случае и адрессую в редакцию «Времени».

Прощайте. Впрочем, лучше: до свидания. Быть того не может, чтоб мы за границей не встретились! Я никогда не простил бы себе этого. Крепко жму Вам руку. Поклонитесь от меня всем общим нашим знакомым. Как ведет себя Ваш неблаговоспитанный кот?

Addio.* Ваш Ф. Достоевский.

---

* Прощайте (*итал.*).

187. А. Д. ПУТЯТЕ

8 октября 1862. Петербург

Милостивый государь,

Я сообщил Базунову о предполагаемом Вашем издании, и он ни за что не соглашается на перепечатку «Записок из Мерт‹вого› дома», несмотря на все мои доводы.[1] Взгляните на его письмо, прочтите его всё, если Вам угодно, и Вы увидите, хочет ли он позволить.[2] Я же не имею теперь (на два года) никакого права на эти «Записки», продав их Базунову.[3] И потому, к величайшему моему сожалению, ни редакции на себя не могу взять, ни даже согласиться на перепечатку. Разве каких-нибудь *8* или *10* страниц. Очень сожалею, но что делать? Через два года, если Вы будете еще продолжать Ваше издание, перепечатайте хоть несколько глав. А теперь нельзя.[4]

Федор Достоевский.

8 октября
1862.

188. Н. А. НЕКРАСОВУ

3 ноября 1862. Петербург

Вы, уж конечно, можете сами судить, добрейший и многоуважаемый Николай Алексеевич, как неприятно и тяжело нам лишиться Ваших стихотворений.[1] Но что делать, если таков Ваш расчет. По крайней мере, сдержите Ваше обещанье после выхода «Современника».[2] Уж тогда, конечно, Вас ни в чем не заподозрят. Всего лучше обругайте нас в генварском №-ре «Современника», а на февральский наш номер дайте нам Ваших стихов.

Не могу не признаться Вам, между прочим, в двух обстоятельствах, или лучше в сомнениях моих: 1) как можно Вам, такому известному человеку в литературе, да еще поэту, так дрожать перед всяким неустановившимся и (по природе своей) летучим и неосновательным мнением? 2) Почему участие в нашем журнале могло бы Вас компрометировать и утвердить такие, например, слухи, что Вы предали Чернышевского? Разве наш журнал ретроградный? Уж, кажется, нет даже и для врагов наших. Можно всё говорить, но только не об ретроградстве. (Я ведь не Вам приписываю теперь это мнение. Я отвечаю только на Ваше подозрение, что публика Вас будет винить в ретроградстве и в отступничестве, если[а] Вы будете у нас печататься). Но ведь я убежден, что публика не считает нас[б] ретроградами.

Еще: прошлого года Вы тоже у нас напечатали, а ведь наш журнал был такой же.[3] Тогда это Вам в вину никто не поставил.

Во всяком случае, подождем, и Ваше обещание мы жадно будем иметь в виду.[4] А теперь — что же делать! До свидания.

Душевно и искренно Вам преданный

Федор Достоевский.

3 ноября. Брата нет дома. Сообщу ему. Он очень будет жалеть.

а *Было:* когда

б *Было начато:* ме‹ня›

1863

189. А. П. МИЛЮКОВУ

2 января 1863. Петербург

Любезнейший Александр Петрович,

Нет ли у Вас, *Христа ради*, «Les Misérables» (Hugo) *[1] не более как на день или на два? Если нет всего, то хоть начала? Нет начала, то хоть из середины или что-нибудь? Нет по-французски, так хоть в каком бы то ни было русском переводе. Мне это надобно для одного соображения, компонирую статью.[2] Простите, что беспокою Вас так поздно.

Ваш весь Ф. Достоевский.

2 генваря/63.

---

* «Отверженных» (Гюго) (*франц.*).

190. М. В. БЕЛИНСКОЙ

5 января 1863. Петербург

Милостивая государыня Марья Васильевна,

Простите меня великодушно, что я слишком долго не отвечал на Ваше прекрасное и доброе письмо.[1] Но сначала был занят, а потом болен, потому и опоздал. Письмо Ваше произвело на меня чрезвычайно приятное впечатление. Я до того любил и уважал Вашего незабвенного мужа и вместе с тем мне так приятно было припомнить всё то лучшее время моей жизни, что я от души мысленно поблагодарил Вас за то, что Вам вздумалось написать ко мне. Летом или даже весной я непременно буду в Москве и уж непременно, на этот раз, явлюсь к Вам.[2] Признаюсь, когда я прошлого года был дней пять в Москве, мне приходила мысль быть у Вас и напомнить Вам о себе и о прошлом. Но это было летом, и в Москве я в сложности не прожил и двух дней, а жил на даче у родных.[3] Так и не пришлось заехать. Но уверяю Вас, что и без Вашего письма я, в первое же посещение Москвы, исполнил бы свое намерение.

А нам ведь много есть о чем переговорить, многое припомнить. У меня есть даже особенные к тому причины, и при свидании я Вам всё объясню. То, что Вы пишете о Вашей дочери

и о ее внимании ко мне, слишком для меня лестно.[4] Передайте ей задушевный привет. Может быть, познакомимся и сойдемся.

О себе я ничего не могу Вам теперь написать: женат, болен падучей болезнию, литературствую, участвую в издании журнала, путешествовал по Сибири и проч., и проч. Обо всем этом, конечно, можно еще говорить на словах, при свидании, но *описывать* это, после пятнадцати лет разлуки, тяжело по невыполнимости.[5]

Итак, до свидания. Крепко жму Вам руку. Мой усердный поклон Вашей сестрице.[6] Поблагодарите ее за меня, что и она меня не забыла. Брат Вам кланяется. Жена его тоже. Они помнят всё старое; всё ведь это так еще близко, как на ладони, хоть и пятнадцать лет тому прошло.[7]

Примите уверение в искреннем моем уважении и преданности.

Ваш весь Ф. Достоевский.

Петербург
5 генваря/63.

191. Н. М. ЩЕПКИНУ

13 февраля 1863. Петербург

Черновое

Милостивый государь Николай Михайлович.

Бывший секретарь Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым В. П. Гаевский[1] сообщил Комитету Общества, в заседании 12 февраля сего года, Ваше письмо к нему от 1-го февраля, в котором Вы изъявляете желание сложить с себя добровольно принятую Вами обязанность агента и корреспондента Общества в Москве.[2] Комитет при этом известии единогласно изъявил свое сожаление и положил благодарить Вас[а] за полезные труды Ваши в пользу Общества. Вместе с тем[б] постановлено Вас просить предложить всем московским членам Общества, от лица Комитета, выбрать самим[в] из своей среды нового члена-корреспондента на место Ваше в Москве и о результате выбора уведомить Комитет Общества.[3]

Примите уверение в совершенном моем уважении.

Секретарь Общества Ф. Дос‹тоевский›.

[а] *Далее было:* от лица всего Общества
[б] *Было:* Кроме того
[в] *Вместо:* выбрать самим — *было:* чтобы они выбрали сами

192. Б. И. УТИНУ

18 февраля 1863. Петербург

Петербург, 1863 г. Понедельник 18 февраля.

Посылаю Вам, многоуважаемый Борис Исакович, отчет 10 марта 61-го года (то есть, стало быть, ревизион‹ной› ком‹иссии› о действиях в 60-м году). Отчета же 62-го года (то есть ревизии о действиях 61-го года) не отыскалось, хотя мы с Егором Петровичем перебрали все бумаги. Должно быть, этот отчет у Раевского, и сегодня вечером он уже будет у меня, затем доставлю Вам. Егор Петрович сказал мне, что заседание Комитета *на сегодня не отложено* и соберется по обыкновению в 7½ часов. Будущее же заседание Комитета назначается на следующий понедельник (в 7½ часов) 25-го февраля, и тогда, то есть на тот понедельник, и отлагаются дела по настоящей ревизионной комиссии.

Вам преданный Ф. Достоевский.

193. Б. И. УТИНУ

20 февраля 1863. Петербург

Егор Петрович поручил мне спросить Вас, многоуважаемый Борис Исакович, дали ли Вы знать, как обещали, М. И. Сухомлинову, что Комитет приглашает его в свое собрание для совещания о г-не Чубинском, за которого он сам хлопочет и желает, чтоб ему было выдано вспоможение.[1] Я было хотел написать г-ну Сухомлинову на прошлой неделе, но Егор Петрович сказал мне, что Вы взялись уведомить сами г-на Сухомлинова. Между тем его в понедельник на собрании не было.[2]

Следующее собрание будет 25-го числа в понедельник, в 7½ часов вечера. Егор Петрович просит Вас известить об этом. Будьте так добры, сообщите об этом и членам, участвующим в ревизионной комиссии.

Примите уверение в моем уважении.

Ваш Ф. Достоевский.

20 февраля/63.

194. А. И. ГЛАЗУНОВУ

6 марта 1863. Петербург

Черновое

Милостивый государь Александр Ильич,

Комитет Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым в собрании 4 марта сего года определил убедительно[a]

[a] *Было:* убедительнейше

просить Вас, милостивый государь, принять на себя быть агентом и членом-корреспондентом Общества в Москве, на место Н. М. Щепкина, сложившего с себя это звание по причине закрытия своего книжного магазина.[б] Позвольте надеяться, что Вы благоволите почтить меня благоприятным ответом,[в] который я и буду иметь честь передать Комитету Общества.[1]

Примите уверение[г] в моем уважении, с которым имею честь пребыть[д]

М‹илостивый› Г‹осударь›
В‹ашим› пок‹орным› слугой 6 марта/63.

[б] *Далее было начато:* В ожидании ответа Вашего

[в] *Вместо:* благоприятным ответом — *было:* на это предложение скорым ответом

[г] *Далее было:* М‹илостивый› Г‹осударь›

[д] *Вместо:* имею честь пребыть — *было:* остаюсь

195. И. С. ТУРГЕНЕВУ

17 июня 1863 г. Петербург

Петербург, 17 июня/63.

Любезнейший и многоуважаемый Иван Сергеевич, простите меня, ради бога, за то, что не отвечал Вам на Ваше последнее письмо из Бадена. Мало того, я ужасно виноват перед Вами, до серьезного и немалого угрызения совести, что не отвечал Вам и на два предыдущие Ваши письма.[1] Но дело в том, что последнее письмо Ваше застало меня в самое хлопотливое и тугое время, то есть во время запрещения нашего журнала.[2] Тут было столько возни, тоски и прочего, очень дурного, что решительно целый месяц не подымалась рука взять перо. Верите ли Вы этому? А что касается до предыдущих писем, то болезнь жены (чахотка), расставание мое с нею (потому что она, пережив весну (то есть не умерев в Петербурге), оставила Петербург на лето, а может быть и долее,[а] причем я сам ее сопровождал из Петербурга, в котором она не могла переносить более климата); наконец, моя серьезная и довольно долгая болезнь по возвращении из Петербурга,[б] — всё это опять-таки помешало мне писать к Вам до сих пор. То есть, если б надо было только ответить Вам для соблюдения обыкновенной учтивости, время бы и тогда нашлось. Но мне, помнится, хотелось[в] тогда с Вами поговорить или, лучше сказать, подробнее описать Вам, что делалось тогда в нашей литературе, — ну а для этого я искал времени и запустил срок.

Итак, наш журнал запрещен, что, думаю, Вы, может быть,

[а] *Было:* далее

[б] *В подлиннике описка. Следует читать:* из Москвы

[в] *Было:* мне хотелось

уже как-нибудь и знаете,[3] предположив, что в Бадене есть русские газеты.[4] Запрещение это случилось довольно для нас неожиданно. У нас в апрельской книжке была статья «Роковой вопрос». Вы знаете направление нашего журнала: это направление по преимуществу русское и даже антизападное. Ну, стали бы мы стоять за поляков? Несмотря на то нас обвинили в антипатриотических убеждениях, в сочувствии к полякам и запретили журнал за статью в высшей степени, по-нашему, патриотическую. Правда, что в статье были некоторые неловкости изложения, недомолвки, которые и подали повод ошибочно перетолковать ее. Эти недомолвки, как мы сами видим теперь, были действительно весьма серьезные, и мы сами виноваты в этом. Но мы понадеялись на прежнее и известное в литературе направление нашего журнала, так что думали, что статью поймут и недомолвок не примут в превратном смысле, — в этом-то и была наша ошибка. Мысль статьи (писал ее Страхов) была такая: что поляки до того презирают нас как варваров, до того горды перед нами своей европейской цивилизацией, что нравственного (то есть самого прочного) примирения их с нами на долгое время почти не предвидится. Но так как изложения статьи не поняли, то и растолковали ее так: что мы *сами*,[г] *от себя* уверяем, будто поляки до того выше нас цивилизацией,[д] а мы ниже их, что, естественно, они правы, а мы виноваты. Некоторые журналы («День», между прочим) серьезно стали нам доказывать, что польская цивилизация только поверхностная, аристократическая и иезуитская, а след‹овательно›, вовсе не выше нашей.[5] И представьте себе: доказывают это нам, а мы это самое и имели в виду в нашей статье; мало того: доказывают тогда, когда у нас *буквально* сказано, что эта польская хваленая цивилизация носила и носит смерть в своем сердце. Это было сказано в нашей статье буквально.[6] Замечательный факт, что очень многие из частных лиц, восстававшие на нас ужасно, по собственному признанию своему, *не читали* нашей статьи. Но довольно об этом; дело прошлое, не воротишь.

Вы пишете, что намерены прожить в Баден-Бадене всё лето.[7] Знаете ли, что, может быть, мы с Вами и увидимся в Бадене.[8] Я прошусь за границу и имею надежду, что поеду. Я очень болен падучею, которая всё усиливается и приводит меня даже в отчаяние. Если б Вы знали, в какой тоске бываю я иногда после припадков по целым неделям! Я собственно еду в Берлин и в Париж, по возможности на короткий срок, единственно для того, чтоб посоветоваться с докторами-специалистами по падучей болезни (Труссо в Париже и Рамберг в Берлине). У нас же нет специалистов, и я получаю такие разнообразные и противуречащие советы от здешних докторов, что решительно потерял к ним

г *Было:* себ‹я›

д *Далее было:* что

веру. Если буду недалеко от Вас, нарочно заеду, чтоб с Вами повидаться.

Вашу просьбу о деньгах брат мой теперь не мог выполнить, многоуважаемый Иван Сергеевич.[9] Во-1-х, журнала нет, а во-вторых (признаться искренно), он совершенно разорен запрещением журнала, и семейство его должно почти пойти по миру. И потому не будьте в претензии на нас.

До свидания, любезнейший Иван Сергеевич. Может быть, даже скоро увидимся. Более Вам ничего не пишу. Не знаю, будет ли война, но вся Россия, войска, общество и даже весь народ настроены патриотически, как в 12-м году![10] Это без *преувеличения* говорю. Движение начинается великое. Что бы ни было, а Европа не знает нас хорошо. Это огромное земское[11] движение.

До свидания.

Ваш весь Ф. Достоевский.

196. И. С. ТУРГЕНЕВУ

19 июня 1863. Петербург

19 июня.

Чрезвычайно рад, что замедлил на день отсылкою Вам письма. Вчера мне сообщили письмо Ваше к В. Ф. Коршу. Боже мой, какое ж мы имеем теперь (да хоть и прежде бы, например) право на Ваше слово ничего не печатать прежде нашего журнала. Тем более, что Вашу статью о Пушкине, конечно. Вы могли бы напечатать и прежде и при существовании «Времени», — так как Вы нам обещали *повесть,* что для нас, *как для издателей журнала,* было особенно дорого, ибо наибольшая конкуренция у журналистов почти всегда и особенно теперь — романы и повести. Вы пишете тоже В‹алентину› Ф‹едоровичу›: «Разрешают ли мне Д‹остоевски›е печатанье моих статей в других журналах?»[1] Опять-таки: какое ж мы имеем право теперь Вас задерживать. тем более, что брат даже Вашу просьбу о деньгах покамест не исполнил?[2] Но вот что я Вам скажу, добрейший Иван Сергеевич. Если Вам только можно, то есть если Вы найдете хоть самомалейшую возможность повременить печатанием «Призраков» *хоть до осени,* то ради Христа повремените.[3] Я Вам не хотел только писать, по некоторым причинам, третьего дня,[4] но теперь скажу, что мы имеем *некоторую* надежду о том, что журнал наш приостановлен только на время. Наверно не знаем, но есть значительные поводы думать. Объяснится всё это *положительно* в сентябре. Поймите, Иван Сергеевич, что это только покорнейшая просьба к Вам. Права же какого-нибудь мы не можем, да и прежде не могли выставлять. Дали Вы нам Ваше слово свободно, от своего хотения, ничем другим с нами себя не

связывая (то есть, н‹а›прим‹ер›, деньгами или какими-нибудь условиями). Что же мы можем иметь в смысле какого-нибудь права? Я сам литератор, и какое-нибудь положительное требование с нашей стороны считал бы нахальством. И потому это только убедительнейшая просьба, и ничего больше.

Но вот в чем дело: журнал наш существовал почти два с половиной года без большой поддержки от наших известных литераторов, а Вы не дали нам ничего. Между тем наш журнал был *честный* журнал, а во-вторых, понимал литературу и ее смысл и назначение, право, получше «Современника» и «Русского вестника».[5] Ваша поддержка придала бы еще больше сил «Времени». Да вот как: если б мы в январе могли явиться с Вашей повестью, то у нас было бы не 4 500, а 5 500 подписчиков. Это верно. Я эти слова теперь только повторяю; я их говорил в январе.[6] Поймите теперь, Иван Сергеевич: если журнал явится вновь и даже, может быть, с осени — каково будет значение Вашей поддержки? Если б Вы пригодились «Времени» в это самое критическое для него время, то, может быть, всё было бы выиграно. И потому, если только есть какая возможность — новремените отдавать «Призраки» до осени в другой журнал. Разумеется, если только есть возможность. Права стеснять Вас хоть чем-нибудь мы не имеем ни малейшего. Да и этой просьбой моей, если она хоть чуть-чуть претит Вам, не стесняйтесь нимало. Одно только выставляю Вам на вид: что Вы можете чрезвычайно участвовать в поднятии журнала, а, я думаю, для Вас — это всё, что я могу сказать самого убедительного. Прощайте, до свидания.

Ваш весь Ф. Достоевский.

197. Е. П. КОВАЛЕВСКОМУ

20 июля 1863. Петербург

Господину председателю Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым.

Уезжая из Петербурга, прошу покорнейше снять с меня звание члена комитета Общества, предложив к избранию на мое место другого, который, конечно, будет полезнее Обществу меня, больного и отсутствующего.[1]

Федор Достоевский.

Июля 20-го
1863-го года.

198. Е. П. КОВАЛЕВСКОМУ

23 июля 1863. Петербург

Господину председателю Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым.

Собираясь отправиться на три месяца за границу для поправления моего здоровья и для совета с европейскими врачами-специалистами о падучей моей болезни, я прибегаю к помощи Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым и прошу из капитала Общества себе взаймы, до 1-го февраля будущего 1864-го года, тысячу пятьсот рублей серебром, без которых я, по обстоятельствам моим, никаким образом не могу двинуться с места. В феврале же будущего 1864 года я обещаюсь честным словом возвратить в кассу Общества взятый мною капитал (1 500 р.), с процентами, ибо твердо уверен, что к тому времени, поправив свое здоровье, успею окончить и напечатать сочинение, которым я теперь занят и которое окупит теперешний заем и все теперешние мои издержки. В случае же моей смерти, равно как в случае, если б я, к февралю будущего 1864 года, каким-нибудь образом не выплатил моего долга Обществу, я предлагаю Обществу в залог вечное право владения и издания в свою пользу всех вообще, равно как и в частности, моих сочинений. Равным образом уступаю Обществу и право продажи этих сочинений книгопродавцу или другому какому-либо лицу, в вечное владение или для единовременного издания, — одним словом, уступаю все мои права Обществу в полную и неоспоримую собственность с самого 1-го февраля 1864 года, в том случае, если б я к этому сроку или умер или не возвратил вполне взятых мною теперь заимообразно тысячи пятисот рублей из кассы Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Эта передача Обществу моего права на мои сочинения будет совершена, как следует по закону, в конторе маклера.[1]

Федор Достоевский.

23 июля
1863 года.

199. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

16 (28) августа 1863. Париж

Париж. 28 августа.

Милый Коля, я уже два дня в Париже, куда приехал усталый и измученный. Немного нездоров. Дорогой был со мной легкий припадок. Много я думал о тебе, голубчик, и с нетерпением жду о тебе известий, которые бы меня порадовали. Где-то ты теперь? У Саши или в больнице?[1] Я адрессую к Саше, для передачи тебе.[a] Здесь одна особа даже заплакала, когда я рассказал

[a] *Далее было:* Брат Миша тоже болеет ‹?›

о твоей болезни, и велела тебя горячо приветствовать.[2] О себе скажу, что не знаю, останусь ли долго в Париже. Совершенно не знаю. Всё будет судя по обстоятельствам. У Труссо я еще не был.[3] Не огляделся и не отдохнул еще. Но его хвалят. На Рейне, где я несколько замешкался, погода была удивительная, и что это за край! В Париже хоть и тепло, но дождь. Понравился мне на этот раз Париж[4] наружностью, то есть архитектурой. Лувр — вещь важная, и вся эта набережная, вплоть до Нотр-Дам, — вещь удивительная. Жаль, Коля, что ты, выйдя архитектором, не съездил за границу. Архитектору нельзя не быть за границей. Никакой чертеж не передаст действительного впечатления. Кстати, попрошу тебя об одном деле, друг Коля: справься, где теперь Мерц? Не в Париже ли? Я и забыл спросить, отъезжая. А я бы очень хотел его встретить.

Как-то мне грустно теперь, и тоска. Голова болит притом. Думаю о всех вас; думаю часто и о Марье Дмитриевне. Как бы, как бы хотелось получить об ней добрые известия! Что-то ее здоровье? Был ли у тебя Паша и не слыхал ли ты об нем чего, Коля, то есть о том, как он себя держит без меня и чем занимается? Что услышишь, напиши мне откровенно. Боюсь я, что он избалуется без меня. Не была ли у тебя Варвара Дмитриевна? Я ее очень люблю; милое, благородное существо. Она что-то говорила, провожая меня, что ей хотелось бы тебя навестить.

Край, который я проезжал до нашей границы, спокоен, хотя солдаты дежурят на каждой станции, но, однако ж, веселы и довольны, как я заметил.[5] Осмотрюсь здесь и стану посещать одну известную мне кофейную, где есть русские газеты. Напиши мне, Коля, всё, что услышишь особенного о чем бы то ни было. Кланяйся Саше и Николаю Ивановичу, равно как и всем, кто хороший человек. Детей перецелуй. Пишу тебе кратко и наскоро. Не в расположении я духа и нездоров немного, но люблю тебя больше прежнего. Дорог ты мне теперь, больной и несчастный. Как бы я желал, воротясь, застать тебя уже здоровым. Друг Коля, вспомни просьбы наши и пощади сам себя, — ложись в больницу.[6]

Обнимаю тебя и целую крепко, голубчик ты мой.

Твой Федор Достоевский

Извести меня тоже, поехал ли Шелеховский через Владимир или нет.[7]

На конверте:

Russie St. Petersbourg
Его высокоблагородию
Николаю Михайловичу *Достоевскому*
В Петербург.
На Петербургской стороне, по Большому проспекту,
дом г-жи *Голеновской № 69.*

200. П. А. ИСАЕВУ

16 (28) августа 1863. Париж

Париж *28 августа* (здешнего стиля) 1863 г.

Милый Паша, спешу тебя, голубчик, уведомить, что я наконец-то кое-как добрался до Парижа и хоть устал и немного болен, но все-таки дорога обошлась гораздо легче, чем я думал. Был, впрочем, маленький припадок. Из Берлина я написал брату, Коле и мамаше. Слышал ли ты об этих письмах?[1] Если навещал Колю, как я просил тебя, то он, верно, тебе сказал, что получил от меня письмо. Думаю я об тебе много, Паша. Держал ли ты экзамен и что выдержал? Со страхом буду ждать от тебя известия. Когда это письмо придет к тебе, наверно уже будет всё решено, и ты можешь меня тотчас уведомить.[2] Пиши ко мне обо всем откровенно и по-дружески — как ты живешь, что делаешь? Советую не откладывать письма, как ты откладываешь к мамаше, потому что я совершенно не знаю, останусь ли долго в Париже и сколько именно, след‹овательно›, старайся, чтоб письмо твое успело застать меня. Ворочусь я в свое время и, надеюсь, не запоздаю.[а] Буду писать тебе еще. Не знаю, может быть, поеду в Италию, хотя долго там жить не буду. Старайся, Паша, избегать глупых знакомств и Юсуповых садов. Глупо ведь это всё ужасно, особенно в твой возраст, когда надобно о себе подумать.[3] Пожалуйста, пиши мне о себе подробнее. Вместе с этим письмом пишу и Михаилу Васильевичу.[4] Он мне напишет, надеюсь, откровенно о тебе, то есть доволен ли он тобой? Недоданные за тебя Михаилу Васильевичу деньги я пошлю Варваре Дмитриевне.[5] От нее он всё и получит. Прощай, обнимаю тебя и целую. Надеюсь на тебя, Паша. Смотри, не разочаруй меня, друг мой.

Тебя искренно любящий Ф. Достоевский.

Что услышишь об мамаше, тотчас же мне сообщи.

[а] *Вместо:* в свое время ∾ запоздаю — *было:* в то время, в которое гов‹орил›

201. В. Д. КОНСТАНТ

20 августа (1 сентября) 1863. Париж

Париж 1-го сентября (нового стиля).

Любезнейшая и многоуважаемая Варвара Дмитриевна, Вы, может быть, уже из письма моего к Паше[1] знаете обо мне, что я счастливо и благополучно добрался до города Парижа, где и засел, но, кажется, ненадолго. Не нравится мне Париж, хоть и великолепен ужасно. Много в нем есть кой-что посмотреть; но

как осмотришь, то нападет ужасная скука. Другое дело, если б я приехал как студент, учиться чему-нибудь. Ну тут дело другое: было бы много занятий и многое надо было бы [a] и осмотреть и прослушать, а для туриста как я, наблюдающего просто за нравами, французы мерзят,[2] а город уж мне почти известен. Право, лучше всего здесь фрукты и вино: это не надоедает. О своих интимных делах я Вам ничего не пишу: «Письмо вздор, письма пишут аптекари».[3] А напишу Вам кой про какие делишки. Дело в том, голубчик Варвара Дмитриевна, что я к Вам с некоторой маленькой просьбой. Видите ли: я, дорогой, прожил дня четыре в Висбадене, ну и играл, разумеется, на рулетке. Да Вы что думаете? Ведь выиграл, а не проиграл; хоть не столько выиграл, сколько хотел, не 100 000, а все-таки некоторую маленькую капельку выиграл. (Кстати NB. Не говорите об этом никому, милая Варвара Дмитриевна. То есть, хоть Вам и некому сказать, так как Вы мало кого видите, но я разумею, главное, Пашу. Он еще глуп и, пожалуй, заберет в голову, что можно составить игрой карьеру, ну и будет на это надеяться. Ведь забрал же он себе недавно в голову, что будет в магазине приказчиком, чтобы добывать себе деньги, а след‹овательно›, не надо учиться, и это мне объявил. Ну, и не следует ему знать, что его папаша посещает рулетки. И потому ни слова.) Я, Варвара Дмитриевна, в эти четыре дня присмотрелся к игрокам. Их там понтирует несколько сот человек, и, честное слово, кроме двух, не нашел умеющих играть. Все проигрываются дотла, потому что не умеют играть. Играла там одна француженка и один английский лорд; вот эти так умели играть и не проигрались, а напротив, чуть банк не затрещал. Пожалуйста, не думайте, что я форсю, с радости, что не проиграл, говоря, что знаю секрет, как не проиграть, а выиграть. Секрет-то я действительно знаю; он ужасно глуп и прост и состоит в том, чтоб удерживаться поминутно, несмотря ни на какие фазисы игры, и не горячиться. Вот и всё, и проиграть при этом просто невозможно, а выиграете наверно.[4] Но дело не в том, а в том, что, постигнув секрет, умеет ли и в состоянии ли человек им воспользоваться? Будь семи пядей во лбу, с самым железным характером и все-таки прорветесь. Философ Страхов и тот бы прорвался. А потому блаженны те, которые не играют и на рулетку смотрят с омерзением и как на величайшую глупость. Но о деле. Я, голубчик Варвара Дмитриевна, выиграл 5 000 франков, то есть выиграл сначала 10 тысяч 400 франков, и уж домой принес и в сак запер и ехать из Висбадена на другой день положил, не заходя на рулетку; но прорвался и спустил половину выигрыша. Таким образом, и остался только при 5 000 франков. На всякий случай я положил оставить часть этого выигрышу при себе, но часть посылаю в Петербург, а именно: часть брату,[5] чтоб сохранил эти

---

[a] *Далее было начато:* все‹го?›

деньги к моему приезду, и часть Вам, для передачи или пересылки Марье Дмитриевне. Извините, голубчик, что рассчитываю, почти не спросясь, на Ваше содействие. Но помня Вашу дружбу, я в нем был уверен. Всего я к Вам посылаю 30 дублонов, то есть двойных прусских фридрихсдоров. Каждый дублон ходит здесь в Париже 41 франк, 50 сантимов. Но это мало, это грабеж здешних менял; он ходит больше. Один фридрихсдор[б] ходит здесь *20 франк. 75 сантимов*, а наш империал *20 франк. 55 сантим.*, а след‹овательно›, фридрихсдор считается здесь дороже нашего имперьала. Так должно быть и в Петербурге. Следственно, в крайнем случае, можно наверно считать фридрихсдор если не больше, так уж равным нашему имперьалу. В *30* дублонах, которые я к Вам посылаю, *60* фридрихсдоров, след‹овательно›, считая, что это всё равно что 60 имперьалов, будет по размене на кредитные билеты несколько более 300 рублей. Да, может быть, еще можно будет взять капельку на промене, так как золото у нас дорого. Вот почему я и предпочел послать прямо золотом. Просьба моя вот в чем: *5* дублонов, из этих 30-ти, Вы отложите и спрячьте у себя до времени. Это будет для Родевича, на Пашины нужды (то есть не Паше в руки), на случай, если я запоздаю.[6] А остальные[в] 25 дублонов разменяете у менялы на кредитки. Я уверен, что менялы не очень обманут. Сделайте одолжение, не заботьтесь много: сколько дадут, тем и будем довольны. Даже, если хотите только, поручите просто разменять брату Михайле Михайловичу, чтоб он разменял и возвратил в Ваши руки разменянное. Разменяв же, уведомьте Марью Дмитриевну, что эти 25 дублонов я посылаю ей, что по размене их вышло вот столько-то, и при этом спросите ее: как ей переслать? То есть по почте или другим каким образом? По-моему, по почте всего лучше, тем более что другого никакого образа и нет. Но, может быть, Марья Дмитриевна захочет, чтоб эти деньги лежали у Вас до времени, то есть хоть до моего приезда. Ну это дело другое; тогда прошу Вас очень исполнить это ее желание, если б оно было. Вообще как она захочет, так пусть и будет. Очень, очень меня, голубчик мой, обяжете, если всё это возьметесь исполнить. Ради бога, не откажите. Я Марью Дмитриевну уж уведомил и сказал, что Вы ей напишете, то есть уведомите ее, когда деньги будут Вами получены, и спросите ее, как ей переслать.

Тогда я писал к ней, чтоб она Вас тотчас же и уведомила.[7] Может быть, она Вам и раньше напишет. Сегодня только посылаю я деньги. Всё бился и узнавал здесь, каким способом лучше выслать. На почте положительно не берут, потому что здесь принят один только способ высылки через банкиров. Мне же не хотелось высылать через банкира, потому что банкир взял бы дороже за пересылку и, кроме того, наверно обчел бы меня на про-

---

б *Вместо:* Один фридрихсдор — *было начато:* Я навел

в *Было:* А об остальных

мене, так как золото здесь дешевле нашего. Вот почему я нашел здесь какую-то частную, но верную контору транспортов. Через нее и посылаю. Каким способом она Вам доставит посылку — не знаю. Знаю только, что она доставит медленно, дней в 8, так что письмо это Вы получите гораздо раньше денег. Но, по крайней мере, Вы будете уведомлены. Если б на случай вышло какое-нибудь затруднение, обратитесь к брату Михайле Михайловичу. То есть напишите ему два слова, чтоб приехал к Вам *по моему делу,* и кончено. Но это я пишу на всякий случай. Я уверен, что не будет никаких затруднений. Во всяком случае, простите, добрый и многоуважаемый друг мой, что Вами так располагаю. Но я ведь на доброту Вашу надеюсь.

Здоровье мое так себе. В Париже останусь, я думаю, недолго. Может быть, поеду в Италию. Всё зависит от обстоятельств. Напишите мне, голубчик, о всем, что знаете о Паше и что услышите (на случай, если услышите) о Марье Дмитриевне. Беспокоюсь я ужасно и сердечно о ее здоровье. Дай ей бог лучшего! Да напишите всё, что слышали (если только слышали) о брате Коле, как его здоровье. Да наставляйте, голубчик, Пашу. Напишите, что говорит о нем Родевич, если что услышите. Беспокоит меня Паша ужасно.

Наконец напишите мне хоть два словечка собственно и о себе. То есть что и как, как Ваше расположение духа, здоровье и проч. Голубчик мой, я Вас крепко люблю и уважаю, и не считайте, стало быть, моей просьбы простым любопытством. Да пишите скорее, потому что я, может быть, в Париже долго не останусь, так чтоб письмецо Ваше здесь застало меня. Да не ждите, когда деньги получите. Пишите и до получения. Дойдут наверное, нечего беспокоиться.

Прощайте. Крепко жму Вам руку

Ваш Ф. Достоевский.

202. В. Д. КОНСТАНТ

27 августа (8 сентября) 1863. Баден-Баден

Баден-Баден. 8 сентября/63.

Милый друг и сестра, Варвара Дмитриевна, пишу Вам только несколько строк, чтоб уведомить и попросить. Сегодня же еду, через час или даже скорее, и потому нет времени ни минуты. Всё дело в том, что здесь, в Бадене, я проигрался на рулетке весь, совершенно, дотла. Я проиграл до 3-х тысяч с лишком франков.[a] У меня в кармане теперь только 250 франков. Я выехал из Парижа, чтоб ехать в Рим. На эти деньги нельзя ехать в Рим и потому остановлюсь на перепутье в Турине ждать из

---

[a] *Было:* рублей

Петербурга денег. Пишу к брату, чтоб выслал,[1] но так как этого мало, то написал и Марье Дмитриевне, чтоб она из высланных мною ей денег прислала мне 100 руб. Но только 100 руб., и не больше. Она ведь очень, очень добрая и, пожалуй, захочет выслать всё, что я ей из Парижа послал.[2]

Теперь, милая тетенька, вот какая до Вас огромная просьба: контора транспортов, которая взялась Вам доставить в Петербург деньги из Парижа для Марьи Дмитриевны, уведомила меня, что скоро не может доставить, а доставит разве только через 8 или через 9 дней. Итак, деньги могут быть еще у Вас, потому что Вы могли еще не успеть отослать их Марье Дмитриевне. Если же это так, то прошу Вас *убедительнейше*, немедленно, с получением сего, взять из тех денег 100 руб. и[б] передать их брату Мих‹аилу› Мих‹айлови›чу для отправки ко мне в Турин. Он их отправит через банкира. Всё это чтоб выиграть время. Марье же Дмитриевне я пишу об этом самом, с этой же почтой, письмо и уведомляю ее, что, по моей просьбе, Вы, не спрашивая ее, может быть, возьмете 100 руб. из ее денег и мне вышлете. Если же Вы послали уже ей все деньги, то я ей пишу, чтоб она выслала на Ваше имя, а Вы с получением доставьте брату, а уж[в] он мне вышлет.

Вот и вся моя просьба к Вам, просьба покорнейшая. Целую Ваши ручки, тетенька, и умоляю Вас поскорей распорядиться. Я в Турине буду без гроша и заложу или продам часы. Приключения бывают разные; если б их не было, то и жить было бы скучно.

Прощайте, добрый друг, крепко жму Вам руку.

Ваш весь Ф. Достоевский.

Пишите мне, пожалуйста, и уведомляйте обо всем, о чем я Вас и прежде просил: очень умоляю Вас.

Адресс же Вам даю прямо в Рим:

Italie, Rome, poste restante, à M-r Theodore Dostoiewsky.*

(NB. — Не франкируйте.)

Я еще Ваших писем не получал. Они в Париж придут после меня, а уж парижский почтамт их отправит в Рим.

[б] *Далее было:* не уведомляя Марью Д‹митриевну›
[в] *Далее было:* попросите его
* Италия. Рим, до востребования, господину Федору Достоевскому (*франц.*).

203. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

8 (20) сентября 1863. Турин

Турин 8(20) сентября/63.

Ты пишешь, милый и добрый Миша, что тебе бог знает как трудно было читать мое письмо и вместе с тем исполнить мою просьбу о деньгах.[1] Но если б ты знал, друг мой, как мне было тяжело от мысли, что ты непременно будешь поставлен в тяжелое положение моим письмом, то ты бы сам сказал, что я достаточно наказан за мой проигрыш. Вообще всё время ожидания твоего письма в скучнейшем Турине проведено было мною мучительнейшим образом и, главное, от тоски по тебе и всех вас. Дело в том, что с самого отъезда из Петербурга я здесь на чужой стороне ровнешенько ни от кого из Вас не получал еще никакого известия.[2] Я бог знает что, например, выдумывал о тебе и надодумывался до таких крайностей, что просто погибал от тоски. О физических наших страданиях говорить нечего. Их и не было, но каждую минуту мы дрожали, что подадут счет из отеля, а у нас ни копейки, — скандал, полиция (sic,* это здесь так, безо всяких сделок, если нет поручителя и вещей, были наяву примеры и т. д. и т. д., а я не один),[3] гадость! Часы заложены в Женеве, одному действительно благородному человеку. Даже процентов не взял, чтоб одолжить иностранца, но дал пустяки. Теперь выкупать не буду, деньги нужны, она кольцо заложила. Но у нас написан уговор для выкупа: до конца октября (здешнего стиля). Но всё это пустяки.

Главное в том: что делается с тобой? Вот это для меня главное. Повторяю, я черт знает чего здесь надумался. Думал я, что ты мне сообщишь хоть кой-что о журнале. Но ты пишешь так коротко, что об этом ни полслова.[4] Разве это возможно? Ради бога, уведомь. А главное — нужно работать, нужно стараться. Если не «Время», так другое что можно издавать. Иначе пропадем. Я вот чувствую, что мне много нужно будет денег, чтоб обеспечить себя хоть на три месяца писанья романа. Иначе не будет романа.[5] Но где взять денег? Это я. Еще как-нибудь извернусь. Но ты-то, с семейством-то? Одним словом, я бы желал поскорей воротиться.

Ты спрашиваешь, почему я так скоро оставил Париж. Во 1-ых, он мне омерзел, а во-вторых, я сообразовался с положением той особы, с которой путешествую.[6]

Про Колю прочел с грустию. Бессеру я ни в чем не верю. Это не доктор, а шарлатан; так по-моему.[7] Кабы Боткин. Кланяйся Коле. Навещай его. Посылай кого-нибудь из семейства. Тяжело ему бедному, умирающему. Передай ему, что его целую и часто, каждый день о нем думаю.

---

* так (*лат.*).

О подробностях моего путешествия вообще расскажу на словах. Разных приключений много, но скучно ужасно, несмотря на А‹поллинарию› П‹рокофьевну›. Тут и счастье принимаешь тяжело, потому что отделился от всех, кого до сих пор любил и по ком много раз страдал. Искать счастье, бросив всё, даже то, чему мог быть полезным, — эгоизм, и эта мысль отравляет теперь мое счастье (если только есть оно в самом деле).[8]

Ты пишешь: как можно играть дотла, путешествуя с тем, кого любишь.[9] Друг Миша: я в Висбадене создал систему игры, употребил ее в дело и выиграл тотчас же 10 000 франк‹ов›. Наутро изменил этой системе, разгорячившись, и тотчас же проиграл. Вечером возвратился к этой системе опять, со всею строгостью, и без труда и скоро выиграл опять 3000 франков. Скажи: после этого как было не увлечься, как было не поверить — что следуй я строго моей системе, и счастье у меня в руках. А мне надо деньги, для меня, для тебя, для жены, для написания романа. Тут шутя выигрываются десятки тысяч. Да я ехал с тем, чтоб всех вас спасти и себя из беды выгородить. А тут, вдобавок, вера в систему.[10] А тут, вдобавок, приехал в Баден, подошел к столу и *в четверть часа* выиграл 600 франков. Это раздразнило. Вдруг пошел терять, и уж не мог удержаться и проиграл всё дотла. После того как тебе послал из Бадена письмо,[11] взял *последние* деньги и пошел играть; с 4-х наполеонов выиграл 35 наполеонов в полчаса. Необыкновенное счастье увлекло меня, рискнул эти 35 и все *35* проиграл. За уплатой хозяйке у нас осталось *6* наполеондоров на дорогу. В Женеве часы заложил.

В Бадене видел Тургенева. И я был у него два раза, и он был у меня.[12] Тургенев А‹поллинарию› П‹рокофьевну› не видал. Я скрыл. Он хандрит, хотя уже выздоровел с помощию Бадена.[13] Живет с своею дочерью.[14] Рассказывал мне все свои нравственные муки и сомнения. Сомнения философские, перешедшие в живье.[15] Отчасти фат. Я не скрыл от него, что играю. Давал мне читать «Призраки», а я за игрой не прочел, так и возвратил не прочтя.[16] Говорит, что написал для нашего журнала и что если я напишу ему из Рима, то он вышлет мне «Призраки» в Рим.[17] А что я знаю о журнале?

Надо написать статью. Знаю это. Ибо на 1450 франков, тобой присланных, ничего не сделаешь, то есть много сделаешь, но домой не доедешь. Но писать мне ужасно трудно. Что написал в Турине, всё разорвал. Надоело писать на заказ. Но, однако ж, не отчаиваюсь послать хоть из Рима. Потому что надо.[18]

Дай бог небесного царствия дяде. Думаю, тетке много хлопот и пакостей предстоит вынести. Насчет наследства нам не надеюсь. Однако ж уведомь тотчас, ежели что будет.[19]

Ради бога, уведомляй обо всем, обо всем. Обнимаю тебя, благодарю и целую.

Твой Ф. Достоевский.

NB. О моем положении никому не говори. Секрет. То есть о проигрыше. До свидания. Ради бога пиши. Но пиши теперь уж в Неаполь.

Naples. Italie. Poste restante. A m-r * такой-то.

Пиши немедленно, пожалуйста, о своем положении пиши. В Риме найду все ваши прежние письма от всех. Я, может быть, из Рима статейку пришлю.

Ворочусь в срок. Да и денег мало.

Детей всех и Федю расцелуй. Страхову кланяйся особенно и всем, кому знаешь. Скажи Страхову, что я с прилежанием славянофилов читаю, и кое-что вычитал *новое*.[20] Что Ап‹оллон› Григорьев? Что все? Обо всех напиши.[21]

Не слышал ли чего о Родевиче и о Паше?

Пишу как можно короче. Спешу ужасно из гадкого Турина. А писать еще много: Марье Дмитриевне[22] и Варваре Дмитриевне.[23]

Поблагодари Варвару Дмитриевну, как увидишь. Экая славная душа у ней. Боюсь вот чего, боюсь, что Марья Дмитриевна что-нибудь напишет тебе неприятное. Но не думаю. Конечно, до половины октября ей, может, не нужно будет денег. Но почем знать? Я, может быть, поставил ее в фальшивое положение. У ней была трата во 100 руб., которую она не решалась сделать, а после моего письма о том, что ей посылаю деньги — сделала эту трату. И вот теперь, может, без денег. Трепещу от этого. Хоть бы кто-нибудь меня о ее здоровье уведомил.

* Неаполь. Италия. До востребования. Господину (*франц.*).

204. В. Д. КОНСТАНТ

8 (20) сентября 1863. Турин

Турин 8(20) сентября/63.

Многоуважаемый и милейший друг мой, Варвара Дмитриевна, я получил сегодня от брата письмо и благодарю Вас сердечно за всю поспешность и готовность, которые Вы в моем деле выказали.[1] Дай Вам бог здоровья. Деньги так были нужны, что ужас. Слава богу, вышел из беды. Боюсь, однако, что Вам доставил много хлопот и вот чего (главное) боюсь: не будет ли в претензии *на Вас* Марья Дмитриевна за Ваше *самовольное* * распоряжение ее деньгами?[2] А я ей, как нарочно, из Турина еще написал и просил отнюдь более 100 р. от себя мне не посылать, потому (писал я ей), что мне приятнее знать, что она хоть на некоторое время обеспечена.[3] Видите: хоть я ей и выдал до

* То есть она так будет находить. (*Примеч. Достоевского*).

октября денег *достаточно, но я Вам рассказывал,* возвратясь из Владимира, что она лечится и что в случае излечения ей надо дать доктору по крайней мере 100 р.[4] Она говорила мне, что 100 р. для нее страшно много и что она не может. И вот теперь, получив мое письмо, где я уведомляю ее, что посылаю ей деньги, она, может быть, по щедрости своей (а она щедрая и благородная) и решилась дать эти 100 р., надеясь на мои деньги. Да кто знает, может, еще что-нибудь и купила себе. Так что теперь почти трепещу, что ей недостанет до октября. А это мне вдвое хуже, чем если б мне недостало.

Вы знаете сами, что брата она смерть не любит. Рассердится, пожалуй, оттого, что деньгами ее воспользовались, потому что у брата не было мне выслать. Наизусть знаю, что она обвинит брата. А след‹овательно›, пожалуй, и Вам что-нибудь напишет. Добрый, милый друг мой, не рассердитесь, не отвечайте ей жестко, если она Вам что жесткое напишет. Напишите ей так: что во всяком случае я бы был без денег и погиб бы. А след‹овательно›, надо было помочь. Время очевидно не терпело. Писать ей было некогда. Вот и распорядились ее деньгами.

Но главное: что если ей недостанет до моего возвращения? Боюсь, потому что она дорога мне. Тетенька, милая, если у Вас будут лишние деньги до моего приезда, то нельзя ли послать ей рублей 75 в виде того, что брат начал уплачивать, но не говоря, что от Вас. Спасли бы Вы меня. Разумеется, если Вас это *ни капли* не стеснит, то есть если деньги у Вас просто лежат, как это часто у Вас бывало. Если ж нет, то, разумеется, и думать нечего.

Письма моего никому не показывайте. Особенно Паше. Ради бога.

Надеюсь, голубчик тетенька, получить от Вас письмецо в Риме (то есть прежнее, если Вы только писали мне в Париж. Я ведь, не дождавшись писем, из Парижа уехал).

Ради бога, напишите мне по получении *этого* письма. Пишите[а] о себе что-нибудь, чтоб я знал. Пишите хоть что-нибудь о Марье Дмитриевне и о настоящей истории с деньгами. Да напишите тоже о Паше. Но уже пишите не в Рим, а в Неаполь. Адресс мой:

Italie. Naples, poste restante. A m-r Theodore Dostoiewsky.

В Риме пробуду дней *10.* Даже в Турине еще очень жарко. Проклятый Турин, как он мне надоел![б] Письма Ваши не франкируйте, просто посылайте.

О себе не пишу Вам никаких подробностей. Спешу. Уезжаю немедленно. А надобно еще Марье Дмитриевне написать. Время нет. Братнины дела меня очень мучают.[5] Что Коля?[6] Брат пи-

---

[а] *Далее было:* главное

[б] *Далее было:* Не пишите м‹не›

шет, что у нас дядя умер.[7] (Вы знаете, я Вам рассказывал, больной и расслабленный.) Мне жаль тетку, а он уж несколько лет полужив был.[8] Говорят, что, может быть, и нам по капельке оставил.[9] Да вряд ли. Таких-то, как мы, у него много было.

Марье Дмитриевне сегодня же пишу. Постараюсь ей выставить всё дело в настоящем свете.

Прощайте, милая, добрая Варвара Дмитриевна.

Благородная Вы душа.

Ваш весь Ф. Достоевский.

О здоровье Марьи Дмитриевны ничего не знаю. Ну что, если и в Риме от нее писем не найду.

В хлопоты (а может, и в неприятности) я Вас ввел, голубчик Вы мой.

Обо всем секрет полнейший от *всех*. А что *все*?

205. П. А. ИСАЕВУ

18 (30) сентября 1863. Рим

Рим 30(18) сентября/63.

Милый и дорогой мой Паша, благодарю тебя за письмо твое.[1] Я до сих пор не отвечал тебе, потому что не дождался писем в Париже и уехал в Рим, да в дороге опоздал и в Рим прибыл недавно, так что и письмо твое получил только теперь. Варвара Дмитриевна мне писала недавно, но ничего не написала о твоем экзамене.[2] Из этого я заключаю, что ты его не выдержал. Если б выдержал, она бы непременно написала мне об этом, чтоб меня обрадовать.[3]

Что мне сказать тебе на это, Паша? Друг мой, покамест я жив и здоров, ты на меня можешь, конечно, надеяться, но потом? Да что деньги; еще это второе дело. В солдаты можно пойти, в крайнем случае. Но быть невеждой сознательно, по своей воле, отстать от своего поколения, быть ниже и хуже других и, не имея образования, не понимать, стало быть, того, что кругом происходит — и беспрерывно чувствовать это — вот что скверно и ужасно будет. Будут дни, что проклянешь сам судьбу свою и вспомнишь наши слова. Ты думаешь, конечно, что с учением всегда можно поспеть. Нет, брат, учение вещь трудная, потому что требует огромного, усидчивого терпения; а коль не сделаешь к этому привычки с ранних лет — никогда потом не приучишься. Ну да что говорить! Много ведь раз я говорил тебе об этом.

О смерти твоего дедушки[4] мне писала Варвара Дмитриевна. Конечно, может быть, лучше не писать мамаше. Так и Варвара Дмитриевна советует. Хотя, впрочем, мамаша, может быть, рассердится за это. От нее я еще ни одного письма не получил. И как я всё это время мучился; думал, что она так больна, что

уже и писать не может, и бог знает что еще думал. Но вдруг Варвара Дмитриевна мне пишет недавно, что мамаша ей писала, будто она[a] ни одного письма от меня еще не получила. Ужасно мне это было странно слышать. Я мамаше больше всех писал, поминутно писал. Как же она ничего не получила, тогда как к другим все мои письма дошли?

Дня через три из Рима поеду в Неаполь, где пробуду с неделю, и потом ворочусь в Петербург через Турин и Женеву. В Петербурге буду к половине октября.

Желал бы я знать очень, как ты проводишь время. Неужели не отстал еще от Юсупова сада и от привычки со всеми знакомиться? Много мне писал о тебе *откровенно* Михаил Васильевич. Многое из сообщенного им о тебе мне очень не понравилось, Паша, прямо тебе говорю.[5] Надеюсь, впрочем, на твое доброе сердце и на Михаила Васильевича, житье с которым, верно, принесет тебе хоть какую-нибудь пользу.

Я здоров, припадков у меня не бывает, и хоть тут много развлечения, есть что видеть и осматривать, но очень хочется воротиться в Россию. Так что в иную минуту тяжело за границей.

Прощай, Паша, воспользуйся остальным временем, учись, пользуйся почаще обществом и разговором Михаила Васильевича и утешь меня хоть чем-нибудь.

Тебя очень любящий твой Ф. Достоевский.

Поклон тете,[6] Коле и всем нашим добрым знакомым. Тетю и Колю навещай. До свидания, скоро увидимся.

а *Вместо:* будто она — *было:* что

206. Н. Н. СТРАХОВУ

18 (30) сентября 1863. Рим

Рим 18(30) сентября.

Любезнейший и дорогой Николай Николаевич, брат в последнем письме своем, которое я получил дней 9 тому назад в Турине, писал мне, что Вы будто бы хотите мне написать письмо. Но вот уже я два дня в Риме, а письма от Вас нет.[1] Буду ожидать с нетерпением. Теперь же я сам пишу к Вам, но не для излияния каких-нибудь вояжерских ощущений, не для сообщения кой-каких идей, во весь этот промежуток пришедших в голову. Всё это будет, когда я сам приеду и когда мы нет-нет да и поговорим, как между нами часто бывало. Нет; теперь я обращаюсь к Вам с огромною просьбою и впредь предупреждаю, что имею нужду[a] во всем расположении Вашем ко мне и во всех тех

а *Вместо:* имею нужду — *было:* обращаюсь

дружеских чувствах (Вы мне позволите так выразиться), которые, как мне показалось, Вы ко мне не раз выказывали.

Дело в том, что, исполнив просьбу мою, Вы, буквально, спасете меня от многого, до невероятности неприятного.

Всё дело вот в чем:

Из Рима я поеду в Неаполь. Из Неаполя (дней через 12[б] от сего числа) я возвращусь в Турин, то есть буду в нем дней через пятнадцать. *В Турине* у меня иссякнут все мои деньги, и я приеду в него *буквально без гроша.*

Я не думаю, чтоб в настоящую минуту было разрешено «Время».[2] Да и во всяком случае я имею основание думать, что брат ничем не в состоянии мне теперь помочь.[в]

Без денег же нельзя, и, приехав в Турин, надо бы, чтоб я нашел в нем непременно деньги на почте. Иначе, повторяю, я пропал. Кроме того, что воротиться будет не на что, у меня есть и другие обстоятельства, то есть другие здесь траты, без которых мне совершенно невозможно обойтись.[3]

И потому, прошу Вас Христом и богом, сделайте для меня то, что Вы уже раз для меня делали, перед самым моим отъездом.

Вы тогда ходили к Боборыкину («Библиотека для чтения»). Боборыкин, по запрещении «Времени», сам письменно звал меня в сотрудники.[4] Следственно, обращаться к нему можно. Но в июле Вы обращались к нему с просьбою о 1 500-х рублях, и он их Вам не дал, потому что июль для издателей время тяжелое. Впрочем, помнится, он Вам что-то говорил об осени. Теперь же конец сентября. Время подписное, и деньги должны быть. И не 1500 рублей я прошу, а всего только 300 (триста руб.).

NB. Пусть знает Боборыкин, так же как это знают «Современник» и «Отеч‹ественные› записки», что я еще (кроме «Бедных людей») во всю жизнь мою ни разу не продавал сочинений, не брав вперед деньги. Я литератор-пролетарий, и если кто захочет моей работы, то должен меня вперед обеспечить. Порядок этот я сам проклинаю. Но так завелось и, кажется, никогда не выведется. Но продолжаю:

Теперь готового у меня нет ничего. Но составился довольно счастливый (как сам сужу) план одного рассказа. Большею частию он записан на клочках. Я было даже начал писать, — но невозможно здесь. Жарко и, во-2-х) приехал в такое место как Рим *на неделю*; разве в эту неделю, *при Риме*, можно писать? Да и устаю я очень от ходьбы.

Сюжет рассказа следующий: один тип[г] заграничного русского. Заметьте: о заграничных русских был большой вопрос летом в журналах.[5] Всё это отразится в моем рассказе. Да и вообще отразится вся современная минута (по возможности, разумеется)

б *Вместо:* дней через 12 — *было:* недели через

в *Далее было начато:* Спросите

г *Вместо:* один тип — *было:* тип одного

нашей внутренней жизни. Я беру[д] натуру непосредственную, человека, однако же, многоразвитого, но во всем недоконченного, изверившегося и *не смеющего не верить*, восстающего на авторитеты и боящегося их. Он успокоивает себя тем, что ему *нечего делать* в России, и потому жестокая критика[е] на людей, зовущих из России наших заграничных русских. Но всего не расскажешь. Это лицо живое (весь как будто стоит передо мной) — и его надо прочесть, когда он напишется. Главная же штука в том, что все его жизненные соки, силы, буйство, смелость пошли *на рулетку*. Он — игрок, и не простой игрок, так же как скупой рыцарь Пушкина не простой скупец. Это вовсе не сравнение меня с Пушкиным. Говорю лишь для ясности. Он поэт в своем роде, но дело в том, что он сам стыдится этой поэзии, ибо глубоко чувствует ее низость, хотя потребность *риска* и облагораживает его в глазах самого себя. Весь рассказ — рассказ[ж] о том, как он третий год играет по игорным городам на рулетке.[6]

Если «Мертвый дом» обратил на себя внимание публики как изображение каторжных, которых никто не изображал *наглядно* до «Мертвого дома», то этот рассказ обратит непременно на себя внимание как НАГЛЯДНОЕ и подробнейшее изображение рулеточной игры. Кроме того, что подобные статьи читаются у нас с чрезвычайным любопытством, — игра на водах, собственно относительно заграничных русских, имеет некоторое (может и немаловажное) значение.

Наконец, я имею надежду думать, что изображу все эти[з] чрезвычайно любопытные предметы с чувством, с толком и без больших расстановок.[7]

Объем рассказа будет minimum $1^1/_2$ печатных листа, но кажется наверно два, и очень может быть, что больше.

Срок доставки в журнал 10 ноября; это крайний срок, *но может быть и раньше*. Во всяком случае, никак не позже десятого, так что журнал может напечатать его в ноябрьской книжке. В этом даю *честное мое слово*, а я имею уверенность, что в честном моем слове еще никто не имеет основания сомневаться.

Плата 200 руб. с листа. (В крайнем случае 150.) Но никак не хотелось бы сбавлять цену. И потому лучше настаивать на двустах.[8] Вещь может быть весьма недурная. Ведь был же любопытен «Мертвый дом». А это описание своего рода ада, своего рода каторжной «бани».[9] Хочу и постараюсь сделать картину.[и]

Теперь вот что.

Простите, многоуважаемый и дорогой Николай Николаевич, что прямо и бесцеремонно Вас беспокою. Я понимаю, что это беспокойство. Но что ж мне делать? Если я, приехав дней через

[д] *Было:* делаю
[е] *Далее было начато:* на всё — нов‹ых?›
[ж] *Далее было начато:* как
[з] *Вместо:* все эти — *были:* этот
[и] *Далее было:* Да еще и с натуры ‹?› Пишите свое ‹?›

15 или 17 (maximum) в Турин, не найду в нем денег, то я буквально пропал. Вы не знаете всех моих обстоятельств, а мне слишком долго их теперь описывать. К тому же Вы были уж раз слишком добры ко мне; а потому спасите меня еще раз.

Вот что надо.

По получении этого письма прошу Вас (как последнюю надежду) сходите немедленно к Боборыкину. Скажите, что я Вас уполномочил. Покажите часть моего письма, если надо; сделайте предложение. (Разумеется, так, чтоб мне было не очень унизительно, хотя за границей очень можно зануждаться. Да, к тому же, Вы *не* можете повести дело без достоинства). Получите деньги и тотчас же вышлите их мне, то есть выдайте брату. Он уж знает, как послать.[10]

Если нельзя кончить дело с Боборыкиным, то хоть в газеты, хоть в «Якорь» (поцелуйте за меня Ан‹оллона› Григорьева),[11] хоть во *всякий* другой журнал (разумеется, не в «Русский вестник»), и по возможности избегая «Отечеств‹енных› записок». Ради бога, избегите.[12] Даже лучше не надо и денег. Даже можно в «Современник», хотя, может быть, там Салтыков и Елисеев подгадят.[13] (А почем знать, я, может быть, грешу.) Статья моя «Современника» наверно не изуродует. Во всяком случае, можно обратиться прямо к Некрасову. Это sine qua non,* и с ним решить дело. Это бы даже очень недурно. Даже лучше «Библиотеки». Некрасов, может быть, не очень на меня сердит. Да и человек он, по преимуществу, *деловой*. Разумеется, голубчик Николай Николаевич, всё дело надо бы было окончить дня в два, много в три. Я пропал, пропал буквально, если не найду в Турине денег. В Неаполь мне не пишите, а пишите теперь прямо в Турин, и умоляю Вас написать во *всяком случае*.[к] Получив деньги, снесите их брату. Мне собственно надо 200 р., но никак не меньше, *сто* же рублей остальных брат отошлет Марье Дмитриевне. Итак, достать[л] надо триста. Теперь всё написал. Вверяю Вам себя и почти судьбу мою. Так это для меня важно. Может быть, я Вам потом расскажу. Но теперь умоляю Вас, затем обнимаю от всего сердца и остаюсь Ваш

Достоевский.

Странно: пишу из *Рима* и ни слова о Риме! Но что бы я мог написать Вам? Боже мой! Да разве это можно описывать в письмах? Приехал третьего дня[м] ночью. Вчера утром осматривал Св‹ятого› Петра.[14] Впечатление сильное, Николай Николаич, с холодом по спине. Сегодня осматривал *Forum* и все его развалины. Затем *Колизей*! Ну что ж я Вам скажу...

к *Вместо:* во всяком случае — *было начато:* в том
л *Было:* просить
м *Вместо:* третьего дня — *было начато:* вчера
* непременное условие (*лат.*).

Поклонитесь от меня всем: Григорьеву и всем. Брату Вашему особенно.[15] Да еще прошу Вас очень: непременно передайте мой привет и поклон от всей души Юлии Петровне. Сделайте это при первом же свидании.

Не поможет ли Вам в чем-нибудь Тиблен, разумеется в самом крайнем случае.[16] Ему и *Евгении Карловне* мой поклон. Передайте ей при первом свидании.

Славянофилы, разумеется, сказали *новое слово*, даже такое, которое, может быть, и избранными-то не совсем еще разжевано. Но какая-то удивительная *аристократическая сытость* при решении общественных вопросов.[17]

207. И. С. ТУРГЕНЕВУ

6 (18) октября 1863. Турин

Турин, 18 октября/63.

Любезнейший и многоуважаемый Иван Сергеевич, я всё рыскал, был в Неаполе и завтра еду из Турина прямо в Россию. Несмотря на мои расчеты, я никаким образом не мог решить: как мне послать к Вам за «Призраками»? Во всех местах останавливался я на короткое время, и так случилось, что, выезжая из одного места, я почти еще накануне обыкновенно не знал, куда именно поеду завтра. Все эти разъезды, по одному обстоятельству, отчасти не зависели от моей воли, а я зависел от обстоятельств.[1] Вот почему и никак не мог рассчитать, куда Вам дать адресс, чтоб Вы могли мне прислать «Призраки».[2]

Я от брата еще в Неаполе получил письмо, в котором он писал мне, что надежды на разрешение[a] издавать «Время» у него большие и что на днях это дело решится.[3] Теперь уже может быть решено, и я сам думаю, по некоторым данным и отзывам, что «Время» будет существовать. Так как решение последует в октябре, то в ноябре брат непременно хочет выдать ноябрьскую книгу.[4] Не получавшим же шесть месяцев ничего мы выдадим на будущий год шесть книг даром.

Пишу Вам откровенно: Ваша повесть и именно в ноябрьском номере для нас колоссально много значит. И потому, если желаете нам сделать огромное одолжение, то вышлите по возможности немедленно «Призраки» в Петербург. Я к тому времени уже буду в Петербурге. Но так как квартиры я теперь в Петербурге еще не имею, то адресуйте на имя брата,[5] а именно:

На углу Малой Мещанской и Столярного переулка, дом *Евреинова*, Михаил Михайлович Достоевский.

Сделайте одолжение, при этом напишите мне хоть две строчки.[6] Мне страшно досадно. Я еще в Петербурге решил быть

---

[a] *Было:* поз‹воление›

в Бадене (но не за тем, за чем я приезжал), а чтоб видеть‹ся› и говорить с Вами.[7] И знаете что: мне многое надо было сказать Вам и выслушать от Вас. Да у нас как-то это не вышло. А сверх того вышел проклятый «мятеж страстей».[8] Если б я не надеялся сделать что-нибудь поумнее в будущем, то, право, теперь было бы очень стыдно. А впрочем, что ж? Неужели у себя прощения просить?

В Петербурге ждет меня тяжелая работа. Я хоть и поправился здоровьем чрезвычайно, но знаю наверно, что через 2—3 месяца всё это здоровье разрушится. Но нечего делать. Я еще ничего не знаю, как всё это будет. Журнал надо будет создавать почти вновь. Надо сделать его современнее, интереснее и в то же время уважать литературу — задачи, которые несовместимы по убеждениям многих петербургских мыслителей.[9] Но с начинающимся презрением к литературе мы намерены горячо бороться. Авось не отстанем. Поддержите же нас, пожалуйста, будьте с нами. Я мое здоровье несу в журнал. Денег я получу мало, я знаю, едва литературный труд окупится (журнал в долгу), а я все-таки остаюсь в Петербурге, где мне докторами запрещено теперь жить и где я сам вижу, что нельзя мне теперь жить.

Да вот что еще: пожалуйста, будем от времени до времени переписываться. От всего сердца говорю Вам это.

До свидания, крепко жму Вам руку.

Ваш Ф. Достоевский.

О путешествии ничего Вам не пишу. Рим и Неаполь сильно меня поразили. Я первый раз там был. Но, знаете, невозможно оставаться дольше одному, и мне ужасно хочется в Петербург.

Напишите, очень прошу Вас, сколько Вам выслать за «Призраки»? Я сообщу это брату.[10] Разумеется, всё, что Вы назначите, будет выполнено.

208. В. Д. КОНСТАНТ

10 ноября 1863. Владимир

Владимир 10 ноября/63.

Любезнейшая Варвара Дмитриевна, по некоторым крайним обстоятельствам, о которых рассказывать долго, мы, то есть я и Марья Дмитриевна, решились переехать *совсем* в Москву. Во Владимире во всяком случае нет почти никакой возможности оставаться. Переезд совершается на днях, то есть как можно скорее. Кой-что постараемся продать, другое повезем с собой. В Москве остановимся в гостинице до приискания квартиры. Мебель придется покупать вновь. Мне кажется, я, таким образом, сделаюсь [a] больше московским, чем петербургским жителем.

---

[a] *Было:* буду

Для журнала же буду ездить часто в Петербург, ну и т‹ак› далее. Вполне будущности моей теперь не знаю и определить не могу. Здоровье Марьи Дмитриевны *очень* нехорошо. Вот уже два месяца она ужасно больна. Ее залечил прежний доктор; теперь новый. Наиболее изнурила[б] ее двухмесячная изнурительная лихорадка. Конечно, в таком состоянии переезжать всем домом в Москву не совсем удобно. Но что ж делать? Другие причины так настоятельны, что оставаться во Владимире никак нельзя.

Посылаю Вам 115[в] рублей — 75 долгу моего Вам и 40[г] р. с просьбою употребить для Паши. Сделайте одолжение, Варвара Дмитриевна, помогите в этом. Поговорите с Пашей. Я думаю, у него вышли деньги, данные мною ему на содержание, а потому из этих 40 р.[д] дайте ему 10 р., из остальных 30 р.[е] отдайте за месяц за квартиру.[1] Там заплачено до 5-го ноября. Впрочем, поступите как сами сочтете лучше, смотря по обстоятельствам. Я приеду после 20-го ноября. Деньги теперь есть. Одним словом, употребите эти 40 р. вполне по своему усмотрению; если что останется — тем лучше. А впрочем, особенно не скупитесь, тем более, что и сумма-то не очень велика. Паше на руки выдавайте не помногу. Я постараюсь поскорее приехать, раньше конца месяца не буду. Ради бога, Варвара Дмитриевна, не откажите в Вашей помощи.

Хлопот предстоит много. Работать некогда. К брату пишу сегодня же. Наследства я получаю только 3000 р., брат 5000; всё это тоже в конце месяца.[2] Одним словом, только и есть что хлопоты. Совершенно не знаю, буду ли иметь квартиру в Петербурге. Скажите Паше, чтоб он учился и готовился. Я его в пансион отдам в Петербурге.

В Москве я потерял мой сак (который поменьше) с некоторыми вещами и с паспортом. До свидания, дорогая Варвара Дмитриевна. Мое почтение Юрию Егоровичу.[3] Марья Дмитриевна Вам и Юрию Егоровичу кланяется, она очень нездорова. Вполне на Вас надеюсь.

Ваш весь Ф. Достоевский.

За квартиру все-таки, если надо будет, внесите за месяц. Но хотя я и не знаю, буду ли я иметь квартиру в Петербурге, все-таки не говорите[ж] ни Паше, ни на квартире[з] о том, что я не знаю, буду ли нанимать квартиру вперед. По всей вероятности, буду. Брату Мих‹аилу› Михайловичу пишу с этим письмом.

б *Было:* изнуряет

в *Было:* 100

г *Было:* 25

д *Было:* 25

е *Вместо:* из остальных 30 р. — *было:* а остальные 15

ж *Было начато:* не над‹о говорить›

з *Далее было начато:* что

209. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

19 ноября 1863. Москва

19 ноября / 63 года. Москва.

Я очень хорошо знаю, любезный брат, что у тебя хлопот и забот теперь по горло,[1] да что ж мне-то делать: столько навалилось забот и на меня, что и конца не вижу. Ты пишешь, что после 20-го приедешь в Москву.[а] Когда же? *После 25-го, разумеется.* Если раньше, то мы можем разъехаться, потому что все-таки я надеюсь до 25-го быть в Петербурге.[2] А нам о многом и как можно скорее надо друг с другом переговорить. Главное, чтоб не обманывали обещаниями и *действительно* позволили бы поскорее «Правду».[3] Я признаюсь тебе, что не очень в отчаянии, что совершенно нельзя воскресить «Время». «Правда» может произвести такой же эффект, если не больше, разумеется, при благоприятных обстоятельствах, это главное. Что же касается до названия «Правда», то, по-моему, оно превосходно, удивительно и можно чести приписать выдумку названия. Это прямо в точку. И мысль *наиболее подходящую* заключает, и к обстоятельствам идет, а главное, в нем есть некоторая *наивность*, *вера*, которая именно как раз к духу и к направлению нашему, потому что наш журнал («Время») был всё время до крайности наивен и, черт знает, может быть, и взял наивностью и верой. Одним словом, название превосходное. Обертку можно ту же, как и у «Времени», чтобы напоминало собою «Время», раздел в журнале один, как в «Revue des deux Mondes»,[4] а в Объявлении о журнале, на 1-й строчке, в начале фразы напечатать[б] что-нибудь вроде: «Время требует правды ... вызывает на свет правду» и т. д., так чтоб ясно было, что это намек, что «Время» и «Правда» — одно и то же.[5] За одно боюсь, за объявление. Друг мой, тут нужно не искусство даже, не ум, а просто вдохновение. Самое первое — избежать рутины, так свойственной в этих случаях всем разумным и талантливым людям. Напишут умно, кажется, ни к чему нельзя подкопаться, а выходит вяло, плачевно и, главное, похоже на все другие объявления. *Оригинальность* и приличная, то есть натуральная *эксцентричность* — теперь для нас первое дело. Пишешь, что уже сел писать объявление. Знаешь, какая моя идея? Написать лаконически, отрывочно, гордо, даже не усиливаясь делать ни единого намека, — одним словом, выказать полнейшую самоуверенность. Само объявление[в] (о духе журнала и проч.) должно состоять из 4-х — 5-ти строк.[6] А там расчет с подписчиками тоже крайне лаконический. Надобно поразить *благородной* самоуверенностью. Алек-

---

[а] *Было:* в Петербург

[б] *Было:* сделать

[в] *Далее было начато:* дол‹жно›

сандру Павловичу не понравилось название «Правда». Но ведь это страшный рутинер, и даже добрый знак, что не понравилось. Эти господа сначала завопят: не так, нехорошо, а потом вдруг, смотришь, все разом и начинают пощелкивать языком: хорошо, дескать, прекрасно. Это жрецы минутного. Что Страхову и Разину понравилось — это я понимаю.[7] Люди с толком и, главное, с некоторым чутьем. Но остальные (может быть, и Милюков в том числе) должны забраковать. Кстати, ты ничего не пишешь о Милюкове — верно, и этот раз то же, что и прежде. Молодец! Вот люди-то! [8]

Говорил о деньгах Александру Павловичу. Тот говорит, что не знает, как это сделать, и что это невозможно до раздела.[9] Я и сам думаю, что невозможно. Саша в счет не идет: тут как-то случайно сделалось. Ты знаешь или нет, что бабушка неделю назад была в Петербурге и привезла Саше все остальные 8 *тысяч* руб.? [10] Пожалуй, тебе и не сказали. Мое мнение: лучше как можно позже приезжай в Москву, в самом конце ноября; тут, может быть, и приедешь прямо к разделу. Да и не мешкать в Москву. Мы здесь нанимаем квартиру, и как только переезду, как только устроимся, — тотчас же я и в Петербург. Хлопоты не дают мне ровно ни капли времени писать. Припадков было у меня здесь уже два, из которых один [г] (последний) сильный.

Другая фирма журнала («Правда») не будет иметь никакого влияния на *передовую статью*. Разбор Чернышевского романа и Писемского произвел бы большой эффект и, главное, подходил бы к делу. Две противоположные идеи и обеим по носу.[11] Значит, правда. Я думаю, что все эти три статьи (если только хоть 2 недели будет работы спокойной) я напишу.[12] Здесь я никого не видал, кроме Писемского, которого случайно вчера встретил на улице и который обратился ко мне с большим радушием. Вчера же вечером шла его «Горькая судьбина» в 1-й раз.[13] Я не был. Об участи драмы не знаю. Он говорил, что Анг‹лийский› клуб и вся помещичья партия собирает кабалу. Прихвастнул, должно быть.[14] Прощай, обнимаю тебя. Во всяком случае, скоро увидимся. Твой Д‹остоевский›.

Кланяйся всем кому следует. О разделе наследства здесь ничего не знают, кроме того, что в конце ноября. А Алексей Куманин сдуру начал было *формальное* дело об уничтожении завещания, потому что дядя будто бы сделал его не в своем уме. Но его образумили, и теперь это дело втуне. Этот поступок Алексея, впрочем, величайший здесь секрет. Константина Константиновича (душеприказчика) хвалят.

[г] *Далее было:* очень

210. В. Д. КОНСТАНТ

19 ноября 1863. Москва

Москва 19 ноября / 63.

Любезнейшая Варвара Дмитриевна, пишу Вам только три строки и обращаюсь к Вам со всею уверенностью, что Вы меня выслушаете и мне поможете. Обстоятельства, видите, до которых пор задержали меня в Москве. Но к 25-му (не позже, а может, и раньше) я уверен, что буду в Петербурге. Сокрушаюсь я ужасно о Паше: что с ним и как он? Наконец, хватает ли ему денег, чтоб жить. Высланных мною Вам для него денег, может, мало. Да и за квартиру надо.[1] Короче, вот в чем просьба: позовите к себе Пашу, разузнайте от него, как он живет, и, если надо, дайте ему денег (немного и лучше выдавая по частям), а если будут требовать после 20-го за квартиру, убедите, что я квартиру за собою оставляю. Хоть деньги у меня и есть, но я Вам не посылаю, во-1-х, чтоб дошло поскорее письмо, а во-2-х, сам скоро ворочусь и Вам отдам, а в-3-х, безделицу и посылать не стоит. Но и безделица ко времени дорога. И потому, *будьте друг*, исполните мою просьбу, а я за это по гроб жизни Ваш богомолец.

Пишу письмо на имя Юрия Егоровича (которому прошу поклониться) с передачею Вам, ибо вместе с саком потерял и все адрессы и номера квартиры Вашей не знаю.

Марья Дмитриевна, кажется, в Москве поправится. Мы хлопочем, ищем квартиру и проч. и проч. Я ее познакомил с родными.[2] Как устрою, так и в Петербург. Дела по журналу стали страшно хлопотливы: требуют, чтоб мы изменили название «Время». Оно положительно запрещено. И потому брат переменил название: вместо «Времени» будет издаваться «Правда».[3]

Как приеду, *много* расскажу. А теперь крепко жму Вам руку и пребываю Ваш весь

Ф. Достоевский.

Наследство раздадут в конце ноября — наверно.[4]

Марья Дмитриевна Вам и Юрию Егоровичу кланяется. Она Вам сама будет писать.[5]

211. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

5 декабря 1863. Петербург

Петербург, 5 декабря / 63.

Mon très cher Monsieur,*

Извините, что обращение к Вам написано по-французски. Я не знаю Вашего отчества (имя знаю, а отчества не знаю), а без имени и отчества русское обращение в письме невозможно. Не знаю и теряюсь в догадках, что можете теперь обо мне думать Вы и граф Толстой?[1] Вы меня так радушно одолжили в Дрездене, а граф так искренно и прямо протянул мне руку, а я отсюда до сих пор ни слова. Но вот в чем дело: в Петербурге, по приезде, я пробыл только несколько дней, в хлопотах, и, узнав что жена моя, которая жила всё лето в Владимире, опасно заболела, поспешил к ней, намереваясь отвечать и Вам и графу из Владимира. Но дорогой я потерял мой саквояж, а с ним и письмо графа и все адрессы всех моих знакомых и здесь и за границей. Улицу и номер Вашего дома в Дрездене я забыл по чрезвычайно слабой моей памяти. Письма же мне хотелось послать так, чтоб не сомневаться, что верно дойдут. Я и отложил писать к Вам до возвращения моего в Петербург, рассчитывая, что возвращусь скоро. Но день за день уходили и приносили только новые хлопоты, явились дела в Москве, так что я только теперь, пять дней тому назад, успел воротиться в Петербург.[2] Шмиццорф дал мне адресс, говорил, что дойдет верно. Хорошо бы. Граф же, как я услышал здесь, выехал из Дрездена, и я посылаю письмо, confiée au soins obligeants de la Mission Impérial de Russie.** Убедительно прошу Вас, с получением этого письма, написать от себя графу (вероятно, Вы знаете, куда писать ему) и уведомить его, что я писал Вам, и изложить при этом всё, что написал я Вам теперь о потере адрессов и проч. Мне было бы слишком тяжело, если такой прекрасный, добрый человек, который сам первый протянул мне руку, худо обо мне подумает. А что может он думать обо мне теперь после такого долгого и неделикатного молчания с моей стороны? Что можете подумать Вы, так одолживший меня? Я потому прошу Вас написать обо мне графу, что, думаю, мое письмо к нему (которое отсылаю с этой же почтой) опоздает без точного адресса.[3] И потому чем скорее он узнает, в чем дело, тем лучше. Напишите ему тоже, чтобы он дал мне адресс: куда выслать мне ему долг мой?[4] Он мне дал адресс своего управляющего в Петербурге, но я забыл, а письмо его, как уже и писал я, пропало.

Простите меня, что утруждаю Вас моею просьбой. Ради бога,

---

* Милостивый государь (*франц.*).

** вверяясь любезному попечению русской государственной миссии (*франц.*).

не откажите мне. Пишу, впрочем, Вам отчасти наугад: Вы говорили, что к Новому году приедете в Петербург. Что если письмо это придет поздно и не застанет Вас в Дрездене? Опять задержка.

Примите уверение в моем уважении и искренней моей благодарности.

Ваш весь Федор Достоевский.

Адресс мой на всякий случай:

Михаилу Михайловичу Достоевскому, в Петербурге, на углу Малой Мещанской и Столярного переулка, дом Евреинова, для передачи Федору Мих‹айловичу› Достоевскому.

212. И. С. ТУРГЕНЕВУ

23 декабря 1863. Петербург

Петербург, 23 декабря/63.

Любезнейший и многоуважаемый Иван Сергеевич, П. В.[а] Анненков говорил брату, что Вы будто не хотите печатать «Призраки» потому, что в этом рассказе много фантастического.[1] Это нас ужасно смущает. Прежде всего скажу откровенно, мы, то есть я и брат, на Вашу повесть рассчитываем. Нам она очень поможет в 1-ой книге *вновь начинающегося* нашего журнала, след‹овательно›, обязанного вновь пробивать себе дорогу. Предупреждаю Вас об этом нарочно для того, чтоб в дальнейших резонах этого письма Вы не подозревали, что я говорю из одних собственных выгод. Прибавлю еще одно обстоятельство, в верности которого даю Вам честное слово: нам гораздо нужнее Ваша повесть, чем щегольство Вашим именем на обертке журнала.

Теперь скажу Вам два слова о Вашей повести по моему впечатленью. Почему Вы думаете, Иван Сергеевич (если только Вы так думаете), что Ваши «Призраки» теперь не ко времени и что их не поймут?[2] Напротив, бездарность, 6 лет[б] сряду подражавшая мастерам, до такой пошлости довела положительное, что произведению чисто поэтическому (наиболее поэтическому) даже были бы рады. Встретят многие с некоторым недоумением, но с недоумением приятным. Так будет со всеми понимающими кое-что, и из старого и из нового поколения. Что же касается из ничегонепонимающих,[в] то ведь неужели ж смотреть на них? Вы не поверите, как они сами-то смотрят на литературу. Ограниченная утилитарность — вот всё, чего они требуют. Напишите им самое поэтическое произведение; они его отложат и возьмут то, где описано, что кого-нибудь секут. *Поэтическая правда* считается дичью. Надо только одно копированное[г] с действитель-

---

а *Вместо:* В. — *в подлиннике ошибочно:* А.

б *Было:* 4 ‹?› года

в *Было:* немного по‹нимающих›

г *Вместо:* Надо ∾ копированное — *было:* копир‹ование›

ного факта. Проза у нас страшная.[3] *Квакерство.*[4] После этого и на них смотреть нечего. Здоровая часть общества, которая просыпается, жаждет смелой выходки от искусства. А Ваши «Призраки» довольно смелая выходка, и превосходный будет пример (для всех нас), если Вы, первый, осмелитесь на такую выходку. Форма «Призраков» всех изумит. А реальная их сторона даст выход всякому изумлению (кроме изумления дураков и тех, которые, кроме своего квакерства, *не желают* ничего понимать). Я, впрочем, знаю пример одной утилитарности (нигилизма), которая хоть и осталась Вашей повестью недовольна, но сказала, что оторваться нельзя, что впечатление сильное производит.[5] Ведь у нас чрезвычайно много напускных нигилистов. Но тут главное — понять эту реальную сторону. По-моему,[д] в «Призраках» слишком много реального. Это реальное — *есть тоска развитого и сознающего существа, живущего в наше время*, уловленная тоска. Этой тоской наполнены все «Призраки». Это «струна звенит в тумане»,[6] и хорошо делает, что звенит. «Призраки» похожи на музыку. А кстати: как смотрите Вы на музыку? Как на наслаждение или как на необходимость положительную? По-моему, это тот же язык, но высказывающий то, что сознание *еще* не одолело (не рассудочность, а всё сознание), а след‹овательно›, приносящий *положительную* пользу. Наши утилитаристы этого не поймут; но те из них, которые любят музыку, *ее не бросили* и занимаются у нас ею по-прежнему.

Форма Ваших «Призраков» превосходна. Ведь если в чем-нибудь тут сомневаться, так это, конечно, в форме. Итак, всё дело будет состоять в вопросе: имеет ли право фантастическое существовать в искусстве? Ну кто же отвечает на подобные вопросы! Если что в «Призраках» и можно бы покритиковать, так это то, что они *не совсем вполне* фантастичны. Еще бы больше надо. Тогда бы *смелости* больше было.[е] У Вас являющееся существо объяснено как упырь. По-моему бы, не надо этого объяснения.[7] Анненков не согласился со мной и представил доводы, что здесь намекается на потерю крови, то есть *положительных* сил, и т. д. А я тоже с ним не согласен.[8] Мне довольно, что я уж слишком осязательно понял тоску и прекрасную форму, в которую она вылилась, то есть брожением по всей действительности *без всякого облегчения.* И *тон* хорош, тон какой-то нежной грусти, без особой злости. Картины же, как утес и проч. — намеки на стихийную, еще неразрешенную мысль (ту самую мысль, которая есть во всей природе), которая неизвестно, разрешит ли когда людские вопросы, но теперь от нее только сердце тоскует и пугается еще более, хоть и оторваться от нее не хочется.[9] Нет-с, такая мысль именно ко времени и этакие фантастические вещи *весьма положительны.*[10]

[д] *Далее было:* тут
[е] *Далее было:* Если и

1864

213. В. Д. КОНСТАНТ

10 января 1864. Москва

Москва 10 января / 64.

Любезнейший друг Варвара Дмитриевна, спешу Вам написать несколько строк с Пашей, который высылается в Петербург обратно несколько раньше, чем, может быть, сам рассчитывал. Он не произвел здесь того эффекта, на который, видимо, надеялся. Случилось то, что я[a] предвидел и ему предсказывал, а именно: он был довольно несносен Марье Дмитриевне. Легкомыслен он чрезвычайно, и, разумеется, неуменье вести себя с очень больною Марьей Дмитриевной (*при всех его стараниях*) тому причиною. Впрочем, Марья Дмитриевна от болезни стала раздражительна до последней степени. Ей *несравненно* хуже, чем как было в ноябре, так что я *серьезно* опасаюсь за весну. Жалко ее мне ужасно, и вообще, жизнь моя здесь не красна. Но, кажется, я необходим для нее и потому остаюсь.[1] В Петербург я приеду в начале февраля.[2] Ради бога, голубчик, Варвара Дмитриевна, *хоть очень изредка*, нисколько не утруждая себя, наблюдайте отчасти с Пашей. Денег ему выдано столько, сколько надо, и, я думаю, он нуждаться не будет. Но если я запоздаю, то не оставьте его. Впрочем, этого, может быть, не случится. Я к своему времени ворочусь.

Здесь нашлось у меня кой-какое знакомство. Стараюсь по возможности меньше себя развлекать, чтоб больше работать.[3] У Марьи Дмитриевны поминутно смерть на уме: грустит и приходит в отчаянье. Такие минуты очень тяжелы для нее. Нервы у ней раздражены в высшей степени. Грудь плоха, и иссохла она как спичка. Ужас! Больно и тяжело смотреть.

До свидания, голубчик мой, передайте мой поклон Юрию Егоровичу. Целую Ваши ручки и пребываю Ваш весь

Ф. Достоевский.

---

[a] *Далее было начато:* ему

214. П. А. ИСАЕВУ

28 января 1864. Москва

Москва 28 янв./64.

Скажи, пожалуйста, что с тобою делается, Паша? Или ты болен, так что не можешь двух слов написать, или ты окончательно глуп. Ты отвез от меня в Петербург 545 р. и *не почел за нужное* уведомить меня: довез ли их, отдал ли? Но ты с ума сошел! Если б не брат, который уведомил меня о получении, что бы я мог подумать об этих деньгах? Но брат меня уведомил слишком слегка, не называя даже всей суммы, так что я до сих пор не знаю, все ли деньги доставлены.[1] Ты, может быть, потерял (часть) и боишься признаться? Если ж все деньги доставлены и ты надеешься, что меня уведомит Мих‹аил› Михайлович, то знай, что ты должен и обязан был тоже меня *тотчас* же уведомить, во-1-х, потому, что об деньгах нельзя не уведомлять, во-2-х, что это невежливо, а в-3-х, потому, что это с твоей стороны в высшей степени неделикатно. Но ты этого не поймешь.

Ты должен был написать мне о квартире, о твоих занятиях, о Родевиче, о тетке,[2] о том, как тебя приняли у брата.[3] Ты ничего до сих пор не написал. Ты не только дурной сын, с скверным, ехидным сердцем (о здоровье матери хоть бы осведомился,[а] по крайней мере) — но ты просто глуп. Воображаю, как ты ведешь себя в Петербурге. Я строго спрошу по приезде, будь уверен.

А теперь, с получением этого письма, пиши мне, не медля ни одной минуты, о всем, об чем я тебя спрашивал. Письма пиши аккуратно каждую неделю. Не то будет худо, Паша.

Ф. Достоевский.

P. S. Реши теперь сам, когда улика налицо, — можно ли обходиться с тобой как с порядочным человеком? Что ты не болен и доехал благополучно, это я знаю из письма брата. След‹овательно›, ты кругом виноват.

Д‹остоевский›.

[а] *Было:* узнал

215. П. А. ИСАЕВУ

31 января 1864. Москва

Москва 31 января / 64.

Любезный друг Паша, мне хоть и жаль, что я принужден был тебя в прошлом письме бранить, но, конечно, ты всему сам виноват.[1] Так небрежно нельзя обращаться ни с мамашей (которая очень тобой обижена), ни со мной. Ты должен был давным-давно написать мне, тотчас же по приезде, а не откладывать на такой глупый срок. Простая вежливость этого требовала. Не говорю уже о требованиях внутренней, сердечной деликатности,

которую я в тебе всегда предполагал, но которой в тебе не оказалось. Лень, самолюбие и развлечения, в которые ты кинулся и в которых ты не можешь отказать себе о сю пору, — вот причины твоего грубого поступка. Всё это, конечно, должно принять другой вид.

Ты ничего не пишешь о своих занятиях.[2] Я, Паша, спрошу отчета, потому что тебе *надо* заниматься.

Ничего не пишешь тоже о поручении мамаши к Николаю Михайловичу.[3] Это ей очень неприятно было. Значит, ты на ее слова и малейшего внимания не обращаешь.

Мало тоже ты пишешь мне о квартире и о тетке.[4] Насчет пальто переговорим, когда приеду. Стало быть, ты деньги за пальто оставил у себя.

Надеюсь приехать к 7-му или к 8-му числу.[5] Мамаша всё в прежнем положении, то есть очень хворает. Сохрани ее бог.

До свидания, Паша, учись и занимайся. Не таскайся и не привыкай к подлой праздности. Кто ничего не хочет делать, тому одна дорога смолоду: быть ш<е>напаном[6] и подлецом. И не хочешь, так поневоле сделаешься. Надеюсь, что ты не пойдешь по этой дороге.

Особенно кланяйся тетке. Прощай.

Тебе всей душою преданный

Ф. Достоевский.

216. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

9 февраля 1864. Москва

Москва 9 февраля / 64.

Милый друг, Миша, медлил тебе отвечать, потому что действительно думал поминутно ехать в Петербург. А между тем я вот уж две недели всё болен и в последнее время всё хуже. Было два припадка, но это бы еще немного, а главное, геморрой бросился на мочевой пузырь и таки довольно неприятно. Боюсь, чтоб не разболеться. Если не разболеюсь, то, разумеется, должен буду скоро вылечиться. Тогда тотчас же отправлюсь в Петербург. Теперь же не рискую; во-первых, немного лечусь, а во-вторых, 20 часов сидеть, тогда как мне и сидеть-то прямо нельзя. Я, впрочем, не лежу, а так — ни стать, ни сесть.

Через это работа моя остановилась совершенно. Не можешь представить, сколько мучений я вытерпел от мысли, что к 1-м книгам моего ничего не будет. Но нечего делать; надо наконец в этом сознаться. До самого сегодня мучил себя мыслию, что авось успею.[1] С одной Тургенева повестью выходить мало;[2] достань, голубчик, хоть что-нибудь и не жалей матерьялу. Я же к марту.[3] Не скрою от тебя, что и писанье мое худо шло. Повесть вдруг мне начала не нравиться. Да и я сам там сплошал. Что будет, не знаю.

Я, может быть, приеду на будущей неделе. Всё не хотел и письма писать в надежде, что сам приеду. Это же пишу на всякий случай, то есть на случай, если и еще разболеюсь.

Никогда не прощу себе, что раньше не успел кончить. Вся-то повесть дрянь, да и та не поспела: это значит — записался. И вышло не то. Мнителен я ужасно стал.

Трудно тебе должно быть, милый, две-то книги разом издавать.[4] Здесь я слышал, что подписка на толстые журналы — мизерная[5] (даже «Московские ведомости», то есть газета — ждали себе больше), вообще на журналы. Надо так сделать, чтоб «Эпоха», в продолжение года, взяла решительное первенство между толстыми.[6]

Про себя вот что скажу: отсюда[а] нельзя *сотрудничать* в Петербург. Журнал издается *пóходя*, а я далеко; здесь я бы мог только повести писать, да и то не сумел.

Впрочем, скоро приеду — это наверно, тогда, по крайней мере, переговорим. Если же заболею — уведомлю.

Мне бы хотелось выехать послезавтра или в середу. Может быть, я так и сделаю. Алек‹сандр› Павл‹ович› обнадеживает, что сегодня-завтра пройдет у меня. Его бы устами.

А кстати: о деньгах по твоему счету он мне, в последний раз, ни слова не ответил.[7]

Если получишь какое-нибудь письмо, не пересылай ко мне до тех пор, пока я не напишу.[8]

Марья Дмитриевна *очень* нездорова, и это много задерживает меня в Москве (то есть будет задерживать).

7-го числа у Базунова было 40 подписчиков. Новых очень мало. Они говорят, что и не может быть до выхода книжки. Я там не был. Был Алек‹сандр› Павлович.

У Черенина тоже есть около 25.[9] Кажется так.

До свидания, голубчик, обнимаю тебя.

Мне кажется, Паша не должен нуждаться. Всем кланяйся, всем, а мне пожелай здоровья. Да не пеняй на меня. Болезнь и многое что мне помешало.

Твой весь Ф. Достоевский.

У Аксакова за болезнию давно не был. Островского тоже не видал.

а *Было:* здесь

217. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

29 февраля 1864. Москва

Москва 29 февраля.

Любезный брат, Миша, вчера я благополучно прибыл в Москву и хоть дорогой мало терпел, но зато вчера, здесь, вынес много, точно теми же болями, как и в Петербурге, во время самого тяжелого периода болезни. Но я надеюсь, что это пройдет

и скоро, след‹овательно›, об этом и говорить больше нечего. Как у вас теперь в доме? Всю дорогу мне всё это случившееся представлялось и мучило меня ужасно. Варю мучительно было жаль, здесь все как узнали, очень жалели.[1] Марья Дмитриевна очень плакала и даже хотела было написать Эмилии Федоровне, но раздумала. Тем не менее ей очень, очень ее жалко, и это вполне искренно. Дай бог только, чтоб у вас остальное-то всё шло порядком и хоть бы этим сколько-нибудь утешило. Главное — здоровье, а во-вторых, дела. Береги свое здоровье. Не торопись очень и не выезжай, если чувствуешь себя не совсем здоровым. Насчет же книги — так хоть если б она вышла и в конце марта — не беда.[2] Было бы хорошо. Вчера я видел «Современник» 1-й номер; критики много, и вообще тех статей, где выражается мнение журнала.[3] А литература подгуляла.[4] Вот что мне пришло в голову: как бы завести в «Эпохе»[a] прежний отдел, бывший в старину в журналах — «Литературной летописи». Тут вовсе даже не надо статей. Тут только перечень всех книг и переводов, явившихся за прошлый месяц, но зато *всех* без исключения. Из-за убеждения, бывшего в свое время, что вся литература сосредоточилась в журналах, перестали обращать внимание на появляющиеся книги. Прежде это было справедливо, но теперь не так, потому что много книг появляется, а публика должна непременно следить по газетным объявлениям, чтоб знать их названия, но все-таки, и зная названия, не имеет об них понятия. Тут же о каждой книге надо сказать строк шесть, много десять, а иногда и две. (Об иной, уж очень любопытной книге можно, разумеется, написать и страницу, и две.) Весь этот отдел мог бы составлять весьма удобно кто-нибудь из молодых людей, а то, н‹а›пример, и Бибиков. Ему нечего делать, как следить за этим. Таким образом, в одном только нашем журнале и будет полный каталог, с необходимейшими объяснениями о вышедших книгах.[5] В «Современнике» как будто уж заводится нечто подобное.[6] Наконец, в каждые два месяца, можно помещать в журнале и обозрение библиографическое других журналов, — не прежние обозрения, где журналы разбирали друг друга, а тоже, как и в «Литературной летописи», перечень всех статей, явившихся за два месяца в журналах и газетах, с отметками против некоторых о их достоинствах в двух словах. Если будут соблюдены точность и полнота, то журнал принимает вид деловитости, вид серьезно пекущегося о литературе органа. Право бы, не худо; даже и теперь можно. Начать и летопись и журналы с 1-го января. Как ты думаешь?

Выдумал еще великолепную статью на теоретизм и фантастизм теоретиков («Современника»). Она не уйдет, особенно если они нас затронут. Будет не полемика, а дело.[7] С завтрашнего же дня сажусь за статью о Костомарове.[8] Через неделю уведомлю о ходе дела. Ради бога, отвечай мне и извести меня, как всё идет у вас. Хоть немного напиши, но уведомь.

---

[a] *Было:* нашем ж‹урнале›

Кланяйся Эмилии Федоровне, перецелуй детей, Машу и Катю особенно.[9] Коле передай мой поклон непременно.

Здесь оттепель, мокрять. Снег весь сошел.

До свиданья, голубчик.

Твой весь Ф. Д‹остоевский›.

Николаю Николаичу и кой-кому другим мое почтение. Марья Дмитриевна очень слаба.[б]

[б] *Было:* плоха

218. П. А. ИСАЕВУ

29 февраля 1864. Москва

Москва 29 февраля/64.

Милый друг, Паша, вчера приехал в Москву, порядочно изломанный, и, приехав, опять почувствовал те же боли, как и в Петербурге, когда Бессер ездил.[1] Чувствую и теперь, но думаю, что это с дороги и пройдет. Мамаша была очень слаба, до крайности. Теперь ей легче. Здесь всё стояла оттепель и туман. Сегодня только немножко приморозило и показалось солнце. Тотчас же мамаше и лучше стало. Тетка Варвара Дмитриевна приедет, я думаю, сегодня или завтра. Мамаша давно уже ее ждет и ждала ее раньше, чем меня.

Сделай одолжение, Паша, исполни всё, о чем я[а] тебя просил, то есть занимайся и приучай себя к труду. Погибнешь, если пойдешь по-другому.

Мамаша очень раздражительна. Нервы ее расстроены до крайности. Нет никакой возможности поговорить о твоем приезде в Москву. Впрочем, здоровье ее еще не на последней степени расстройства. И, кто знает, может быть, переживет весну, а если переживет весну, то переживет и лето и даже поправится. Из этого, впрочем, не суди, что ей много лучше. Она очень слаба.

Еще раз говорю тебе, Паша, старайся о себе. Не сделай так, чтоб я наконец рукой на тебя махнул. Пропадешь как червь. Ведь ты в 17 лет сложения еще не знаешь и даже хвалишься, что у тебя тупые способности (из фанфаронства). Плохо это, брат. Еще немного, и ведь на меня же падет срам из-за тебя. Скажут, что я тобой не занимался. Меня же обвинят. Из-за чего я этому буду подвергаться? Ты теперь остался без присмотру. Сделай же что-нибудь для себя сам.

В каком-нибудь крайнем случае обратись к Мих‹аилу› Михайловичу. Но покамест, недели две, не ходи к ним. Если же случится заболеешь, дай знать Мих‹аилу› Михайловичу.

Во всяком случае помни, что ты не барин и не капиталист, и имей в виду, что ты готовишься сам себя кормить и содержать в жизни. Меня же во всяком случае ненадолго хватит.

[а] *Далее было:* теперь

С завтрашнего же дня, будет ли мне легче или нет, сяду за работу. Теперь же едва перо держу в руках. Боль поминутная.

Пиши аккуратно каждую неделю и не запаздывай. Письма пиши хоть небольшие, но точные, отчетные.

Прощай. Целую тебя искренно.

Твой Ф. Достоевский.

P. S. Смотри, Паша, ожидаю от тебя хорошего. Сделай же что-нибудь для себя, обрати внимание на мои слова. Не желай себе сам дурного. Теперь тебе жизнь легка. Не суди о будущем по-теперешнему. Жизнь, брат, очень тяжела. Не прохлаждайся; изгони эту подлую привычку. Старайся в меньший срок сделать как можно больше дела.

219. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

5 марта 1864. Москва

Москва, 5 марта.

Любезный друг, брат Миша, сейчас получил от тебя письмо со вложением «Голоса».[1] В прошлом письме я упомянул о моей болезни только вскользь.[2] Теперь же, скажу тебе, я до того разболелся, как и не ожидал никогда. Вот уже пять дней лежу в постеле, и мне даже для необходимых надобностей запрещено приподыматься. Лечит Александр Павлович и говорит, что болезнь серьезная. Всё то же, что и в Петербурге, те же судороги, но только в гораздо большем размере. Ставили пиявки, клистиры, дают всякие микстуры и проч. Аппетиту нет, силами ослабел. Александр Павлович говорит, что воспаление предстательной железы, и не знает, будет ли внутренний нарыв или так пройдет. Я уверен, что не будет, потому что с третьего дня мне уже гораздо легче. Я надеюсь через неделю уже вставать, я надеюсь непременно. Не думай, чтоб я себя утешал. Письмо это я пишу, вопреки приказаниям, сидя на стуле. Ну, а три дня перед этим и подумать нельзя было хоть одну минуту просидеть на стуле. Боли легче, судороги легче, но все-таки надобно *окончательно* вылечиться, а не так, как вылечился я в Петербурге.

Писать что-нибудь теперь я *физически* не могу. Буквально — невозможно; и если б знал ты, как это меня тяготит! Критику надобно, а статей нет; выпускаешь 2 номера разом, а сам больной, да еще с таким несчастием.

Статья моя (будущая) о споре Погодина с Костомаровым будет во всяком случае — большая статья и не может быть сокращена. Я смотрю на нее с надеждою. Я не знаю историю так, как они оба, а между прочим, мне кажется, что есть что сказать и тому и другому. Во всяком случае, я статью теперь написать — не могу. Физически не могу.[3]

Брат, голубчик, упроси Страхова, чтоб написал хоть что-

нибудь с общим взглядом[а] в критику еще.[4] Я же, как только[б] поправлюсь, примусь уж за повесть[5] и, кончив ее, напишу о Костомарове и о Кохановской,[6] если успею.

Теперь же придумал: может быть, я изобрету как-нибудь способ, если легче будет, писать в постеле. Для этого послезавтра, *может быть*, напишу коротенькую заметку о Слепцове.[7] Напишу умеренно, хвалить очень не буду. Но в таком случае надо бы еще статейку — хоть Страхова.[8]

Это всё *может быть*. Наверно не надейся. Если напишу, то, эдак, числа 12-го получишь. Если опоздаю — что ж делать. Но раньше не могу.

Марья Дмитриевна плоха, я выздоровлю через неделю; это верно. Сделай мне, голубчик Миша, одно одолжение: пошли кого-нибудь к Паше, чтоб спросить от меня: почему он мне на мое письмо не отвечает? Я послал и тебе и ему письма вместе,[9] от тебя уже два получил,[10] а этот барич и не думает отвечать, несмотря на мое приказание. Кабы ты сам к нему заехал и распек этого ленивого негодяя. Да, ради бога, справься у него: Варвара Дмитриевна поедет в Москву или нет?[11] Я болен, Марья Дмитриевна страшно больна. Если б она была хоть несколько дней, как бы она помогла.

Прощай, голубчик. Обнимаю тебя от всего сердца. Милый ты мой, как тебе должно быть тяжело во всех отношениях.

Всем поклон. Машу поздравь с прошедшим праздником.[12] Катю поцелуй. Эмилии Федоровне поклонись от меня искренно.

Твой, покамест бесполезный,

Ф. Достоевский.

а *Вместо:* с общим взглядом — *было:* не выходя из
б *Было:* если

220. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

20 марта 1864. Москва

Москва 20 марта/64.

Милый друг Миша, не отвечал на твое письмо (от 14-го),[1] ожидая пока придут деньги, а получил я их только вчера, 19-го. За деньги очень благодарю; слишком уж надобилось. Пишешь, что через неделю пришлешь еще столько же (то есть 100). Сделай одолжение, пришли. Эти присланные сто рублей только на затычки пошли. Слишком, слишком надобно. Да еще прибавляешь, что и после этих вторых ста рублей, *если понадобится*, вышлешь еще сто рублей; понадобится, голубчик, понадобится, слишком понадобится. И потому усиленно прошу тебя, вышли и те (третьи) сто рублей. Знаю, что ты сам как рыба на жаровне. Но авось-либо подписка нам поможет. Я уж только так, молчу, а не меньше твоего терплю; не от одних денег.

Слава богу, я теперь, кажется, совершенно выздоровел. Всё еще на диете (строгой), всё еще с бесчисленными осторожностями, но все-таки болезнь прошла, и то хорошо. А какие муки я вынес.[2] Теперь только нервы сильнейшим образом расстроены. Боюсь припадка: когда ж ему и быть, если не теперь?

Марья Дмитриевна очень слаба: вряд ли проживет до пасхи. Алекс‹андр› Павлов‹ич› прямо сказал мне, что ни за один день не ручается. У нас теперь живет Варвара Дмитриевна. Если б не она, то не знаю, что и было с нами. Она слишком помогла всем нам своим присутствием и уходом за Марьей Дмитриевной. Вот всё, что могу сообщить о себе. Ни у кого я не был, по причине болезни. Вчера видел на улице Плещеева. Очень он мне обрадовался, полагал, что я в Петербурге. Сообщил кой-что о московских, то есть что вечера у Аксакова, по случаю смерти его сестры, прекратились,[3] и т. д. и т. д.

Сел за работу, за повесть. Стараюсь ее с плеч долой как можно скорей, а вместе с тем чтоб и получше вышла. Гораздо трудней ее писать, чем я думал. А между тем непременно надо, чтоб она была хороша, *самому мне* это надобно. По тону своему она слишком странная, и тон резок и дик; может не понравиться; след‹овательно›, надобно, чтоб поэзия всё смягчила и вынесла. Но я надеюсь, что всё уладится.[4]

Главная забота моя, кроме повести, успеть еще написать в мартовскую же книгу критическую статью.[5] Но все статьи, которые теперь у меня в виду (и которые слишком кстати и журналу и его направлению), — длинные.[6] Что будешь делать? Самое лучшее делать, не оглядываясь, успею иль нет? Так я и хочу делать.

Но то, что я лично не с вами, — страшно волнует меня. Ежедневно имеется какая-нибудь мысль — поговорить и сообщить. Но вот сиди здесь один. А к вам, покамест, совершенно нельзя, да и сам теперь ни за что не поеду.

«Записки актера Щепкина» — книга, вышедшая в этом году, конечно, тебе известна. Если не читал — возьми немедленно и прочти; любопытно. Но вот в чем дело[а] (говорю на случай). Ради бога, не поручай эту книгу разбирать *кому-нибудь*. Беда. Для разбора такие книги нам драгоценность. Щепкин чуть не до 30 лет был крепостным человеком. А между тем почти с детства соединился с цивилизованным обществом, не переставая быть народом. Мы пишем о соединении с почвой. Поэтому на Щепкина, как на живой пример, надо с этой точки обратить внимание. 2-е) соединение с цивилизацией, то есть с нами, произошло у крепостного Щепкина единственно одной непосредственной силой искусства (театр). Вот и вопрос об искусстве и даже о материальной и социальной пользе его.[б] Ведь статейка-то,

---

[а] *Вместо:* Но вот ∾ дело — *было:* Вот вопрос

[б] *Далее было начато:* Сообщп

с этой точки, вышла бы прелюбопытная. Сообщи эту мысль Страхову. Он не возьмется ли разобрать.[7] (Впрочем, не минуя руководящей статьи, то есть «ряда статей».)[8] Теперь, кроме него, кто же напишет?

Известие о Разине меня как обухом по лбу хватило.[9] Ну, что же теперь делать? *Кому-нибудь* нельзя дать отдела. Мое мнение — лучше ограничиться перечнем событий с присовокуплением какого-нибудь (политического) письма в редакцию о чем-нибудь частном в политических делах.[10] Если тебя не давит дело, почему бы тебе не составить хоть на один только март политического отдела? Можно и не всё писать, а частным вопросом заняться и его отделать. Боюсь, что поручишь какому-нибудь бродячему господину, по необходимости. Лучше ничего, чем такой господин.[11] Впрочем, ты всё это в <. . .> [в]

Здесь есть некто Чаев. С славянофилами не согласен, но очень ими любим. Человек в высшей степени порядочный. Встречал его у Аксакова и у Ламовского. Он очень занимается историей русской. К удовольствию моему, я увидел, что мы совершенно согласны во взгляде на русскую историю. Слышал я и прежде, что он пишет драматические хроники в стихах из русской истории («Князь Александр Тверской»). Плещеев хвалил очень стихи.

Теперь в «*Дне*» (№ 11-й) объявлено о публичном чтении хроник Чаева с похвалою.[12] Я поручил Плещееву предложить ему напечатать в «Эпохе». Хорошо ли я сделал? [13]

[в] *Конец письма утрачен. Последующий текст вписан на полях.*

221. П. А. ИСАЕВУ

20 марта 1864. Москва

Москва, 20-го марта./64 г.

Любезный Паша, ты отговариваешься в своем *непростительном* молчанье тем, что желал сделать лучше, то есть сюрприз, прислав нам в письме свою карточку. Ну можно ли быть в твои лета так легкомысленным? Ведь я не от каприза приказал тебе писать каждую неделю.[1] Мне *надо* знать о тебе, знать о твоем здоровье. И о том (в подробности), что ты делаешь? Ты этого не понял и из-за карточки доставил мне бездну беспокойства, да еще во время тяжкой болезни моей. Мало того, ты и теперь, послав письмо,[2] кажется, ждешь от меня ответа, чтоб писать мне вновь, забыв мое формальное приказание: писать аккуратно каждую неделю. Теперь в *последний раз* тебе говорю и приказываю: непременно каждую неделю аккуратно *пиши*, иначе, Паша, — мы не друзья, и тебе же будет невыгодно. Дурное у тебя будет сердце. Впрочем, сам увидишь, что я не шучу.

Мамаша нездорова очень. Хоть бы эта мысль, что ты, может быть, скоро осиротеешь, удержала тебя хоть сколько-нибудь от ветрености и заставила бы серьезно смотреть на жизнь. Я всё до сих пор стоял за то, что у тебя сердце есть доброе. Если уж этого не будет, так куда ж ты будешь годиться?

Напиши мне подробно о том, как ты живешь, ходи к Мих‹аилу› Мих‹айлови›чу, но не надоедай ему очень. Надеюсь на тебя. Приеду — сделаю экзамен. Да вот еще что: слово две недели пишется через букву *ѣ*, а не *е*, как ты пишешь, недели. «Будете писать» пишется не *«будите писать»*, как ты пишешь, а будете писать.

Портрет твой вышел очень удачен.[3] Мамаше понравился.

Если б не было Варвары Дмитриевны с нами, то мы бы пропали.[4]

Кстати: сходи в Ревельский магазин и узнай о *скатерти*. Если готова, то скажи, чтоб скорей высылали. Адрес у них оставлен.

Прощай. Пиши. Целую тебя.

Твой весь Ф. Достоевский.

Напиши о своих расходах и вообще о нашей финансовой части. Не ленись и не повесничай. Ничего не делать — гадко, да и слишком невыгодно. Говорю — сам потом узнаешь. Не будь же глупцом. О себе скажу, что я теперь поправляюсь и, кажется, болезнь прошла.

222. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

26 марта 1864. Москва

Москва 26 марта/64.

Любезный брат, у Черенина я достал 3-го дня «Эпоху», которую он неизвестно как получил так скоро,[1] и 1½ дни читал я ее и пересматривал. Вот мое впечатление: издание могло бы быть понаряднее, опечатки бесчисленные, до *крайнего* неряшества, ни одной руководящей, вводной, хотя бы намекающей на направление статьи, кроме статьи Косицы (хотя и хорошей, даже очень, но для 1-го номера нового журнала — недостаточной).[2] Знаю, что всё это от запрещения «Ряда статей».[3] Но мне-то тем нестерпимее, потому что эти 2 номера решительно имеют теперь вид сборника.[4] Есть и ёрничество, совершенно, впрочем, извинительное, когда издаешь 2 номера на скорую руку, а именно: роман Шпильгагена,[5] «Процесс»[6] и «Записки помещика»;[7] все три статьи занимают целую половину 2-х книг. Жаль, что не читал Ержинского. Если хорошо — так всё спасено, а если нехорошо, то очень плохо. Теперь о хорошей стороне: все статьи, которые я прочел, занимательны (Шпильгагена я не читал; может, и хорошо. Я говорю только об ужасном объеме). Обертка пестра, и названия статей завлекательны. Некоторые статьи очень поря-

дочны, то есть «Призраки» (по-моему, в них много дряни: что-то гаденькое, больное, старческое, *неверующее* от бессилия, одним словом, весь Тургенев с его убеждениями, но поэзия много выкупит, я перечел в другой раз).[8] Статьи Страхова, Ап. Григорьева,[9] Аверкиева,[10] «Что такое польские восстания»,[11] компиляция из Смита,[12] «Ерши» [13] и [а] «Бедные жильцы» [14] Горского, даже Милюкова [15] мне очень понравились. В защиту на все нападения на Горского можно сказать, что это совсем не литература и с этой точки глупо рассматривать, а просто *факты* и полезные. Не читал еще «Савонароллы». Очень бы желалось знать, какого рода [б] эта статья.[16] Но всё это меркнет оттого, что запрещен «Ряд статей». Ради бога, проси Страхова выправить свою статью в цензурном отношении для следующего № или написать новый «Ряд статей».[17] Как можно скорей статью руководящую!

Пожалуюсь и за мою статью; опечатки ужасные и уж лучше было совсем не печатать предпоследней главы (самой главной, где самая-то мысль и высказывается), чем печатать так, как оно есть, то есть с надерганными фразами и противуреча самой себе. Но что ж делать! Свиньи цензора, там, где я глумился над всем и иногда богохульствовал [в] *для виду*, — то пропущено, а где из всего этого я вывел потребность веры и Христа — то запрещено.[18] Да что они, цензора-то, в заговоре против правительства, что ли?

Если не эффект, то любопытство номер произведет наверно. А это хорошо. Вообще же номер – очень порядочный, взяв в соображение время. Насчет же разнообразия я даже и не ожидал, что будет такое. Одно жаль, что никак не разберешь, какого мы направления и что именно мы хотим говорить.[19]

Прошу тебя, голубчик Миша, отвечай мне как можно скорей и подробнее о том, что сказали про журнал.[20] Здесь еще публика не получала, и потому ничьего мнения еще не слыхал.

Марья Дмитриевна до того слаба, что Алек<сандр> Пав<лович> не отвечает уже ни за один день. Долее 2-х недель она *ни за что* не проживет. Постараюсь кончить повесть поскорее,[21] но сам посуди — удачное ли время для писанья?

Не слыхал ли чего о Паше? Кроме одного письма — ничего не написал, а я велел каждую неделю.[22] Что с ним делается, как он живет? Ради бога, урвись как-нибудь или поговорить с ним, или пошли к нему на квартиру, что там делается? Это негодяй какой-то!

Вот что еще, брат: он, пожалуй, будет еще потом меня упрекать за то, что я его не выписал в Москву, чтоб проститься с матерью. Но Марья Дмитриевна положительно не хочет его видеть и сама тогда прогнала из Москвы. Ее мысли не изменились и теперь. Она не хочет его видеть. Чахоточную и обвинять нельзя в ее расположении духа. Она сказала, что позовет его, когда по-

---

а *Было:* и даже «Бедные жильцы». Последняя

б *Далее было:* и помногу ли

в *Вместо:* богохульствовал — *было начато:* вольно

чувствует, что умирает, чтоб благословить. Но она может умереть нынче вечером, а между тем сегодня же утром рассчитывала, как будет летом жить на даче и как через три года переедет в Таганрог или в Астрахань. Напомнить же ей о Паше невозможно. Она ужасно мнительна, сейчас испугается и скажет: «Значит, я очень слаба и умираю». Чего же мучить ее в последние, может быть, часы ее жизни? И потому я не могу напомнить о Паше. Хотелось бы мне, чтоб он знал это, если можешь, вырази это ему как-нибудь, но не пугай тоже очень (хотя его, кажется, не испугаешь).

Еще одна важная очень просьба: как умрет Марья Дмитриевна, я тотчас же пришлю телеграмму к тебе, чтоб ты немедленно отправил Пашу, непременно в тот же день, в Москву. Невозможно, чтоб он и на похоронах не присутствовал. Платье у него всё цветное, и потому очень надо, *перед отправлением*, успеть ему, где-нибудь в магазине готовых плат‹ьев› ‹...›[г] черное — сюртук: штаны, жилет ‹...› *дешевейшую цену*. Всё это я тебе ‹...› прошу и умоляю тебя как единственного моего друга, сделай это и окажи мне эту великую услугу в моем тяжелом положении немедленно, как получишь телеграмму. А она будет, может быть, скоро.

NB. Да когда будешь отправлять Пашу, то в толчки гони его ехать, а то он, пожалуй, выдумает какую-нибудь отговорку и отложит до завтра. Приставь к нему в тот день для наблюдений кого-нибудь. Ради бога.

Пишешь, что отправил в понедельник деньги,[23] — еще не получал.

Я всё не совсем здоров, то есть не прежнею болезнию, а остатками, то есть, главное, слабостью. Устаю ужасно, а от чего бы, кажется?

Прощай, голубчик, письмо невеселое, будь здоров. Обнимаю тебя и всех твоих.

Твой весь Ф. Достоевский.

[г] *Здесь и далее не хватает отдельных слов — верхний правый угол письма оторван.*

223. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

2 апреля 1864. Москва

2-го апреля/64 *Москва.*

Любезный друг Миша, сейчас получил твое письмо. Пусть Аверкиев пишет статью о Костомарове, если хочет и если только теперь *успеет*, но с подписью имени, не от редакции. Я ведь чего боюсь? Только того, что мы как-нибудь разойдемся в направлении. Я ведь не историческую статью хочу писать, а по поводу русских историков и их знания своего дела.[1] (Не беспокойся, я

знаю что сказать и достаточно даже специалист — не в истории, а в развитии наших идей исторических в литературе, во взглядах наших историков (главнейших). Одним словом, в грязь лицом не шлепнусь, да, кроме того, тут все идеи «Эпохи» о «почве» должны быть выражены, не беспокойся.) Пусть[а] Аверкиев пишет, но очень бы мне желалось, чтоб он собственно о Костомарове писал, а не о споре его с *Погодиным*. Но, впрочем, стеснять нельзя, как знает.[2] Я же мою статью[б] напишу тоже как знаю. Насчет же того, что время уйдет и будет *несвоевременно* — то это ничего не значит. Всегда можно прицепиться и придать такую литературную форму. Написал же Чернышевский об Окружном славянофильском послании — год спустя.[3] Это ничего.

Но вот что важное, Миша: что я *наверно* не напишу в этом месяце и не только этой статьи, но и ничего в этом месяце не напишу в критику. Ты пишешь о «Заметках летописца». Это превосходная мысль, но от меня всё будет после, а не теперь.[4] С лихвой будет, а теперь надо подождать. Я теперь пишу повесть, да и с ней горе. Друг мой, бо́льшую часть месяца я был болен, потом поправлялся и до сих пор еще, по-настоящему, порядочно не поправился. Нервы расстроены, и сил до сих пор не соберу. Мучения мои *всяческие* теперь так тяжелы, что я и упоминать не хочу о них. Жена умирает, *буквально*. Каждый день бывает момент, что ждем ее смерти. Страдания ее ужасны и отзываются на мне, потому что... Писать же работа не механическая, и, однако ж, я пишу и пишу, по утрам, но дело только начинается. Повесть растягивается. Иногда мечтается мне, что будет дрянь, но, однако ж, я пишу с жаром; не знаю, что выйдет. Но все-таки в том дело, что она потребует много времени. Если я хоть половину напишу, то вышлю для набора; но напечатать я ее хочу всю, sine qua non.[5] Вообще писать времени мало, хотя кажется[в] время-то всё у меня мое, но все-таки мало, потому что пора для меня *нерабочая* и иногда не то в голове. Вот что еще: боюсь, что смерть жены будет скоро, а тут *необходимо* будет перерыв в работе. Если б не было этого перерыва, то, кажется, кончил бы. Окончательно ничего не могу сказать. Представляю только факты, в каком положении дело. Сам можешь судить.

Ты хлопочешь о критике; правда, но три, четыре статьи, как н‹а›пример Аверкиева (исторических, по летописям), не будут стоить (при всем их успехе) и одной руководящей, вводной статьи, вроде «Ряда статей»,[6] вроде объяснения направления «Эпохи». Вот мое мнение. И потому обратись к Страхову и умоляй его писать.[7] Что же касается до критического отдела вообще, за весь год, то не беспокойся, будет с лихвой, даже эффект произведем (отвечаю за это), и на следующий год наш

[а] *Было:* Но пусть
[б] *Далее было начато:* могу д‹аже?›
[в] *Далее было начато:* куда б‹ольше?›

журнал будет решительно *первый* из толстых журналов, я в этом уверен. Увидишь. Но покамест хоть одну статью руководящую или задорную. Не беспокойся, и этого довольно для подписчиков. Но все-таки 1900 подписчиков мало. Стало быть, будет всего около 3000 подписчиков. Это великолепно для начинающего и нового журнала (потому что, как ни верти, а наш журнал и *начинающий* и *новый*), но мало для материальных средств журнала. Немало будет муки, хлопот и долгов. Будущий год поправит дело. Только бы этот год довести до конца.

Романа до сих пор не читал.[8] Это очень ловко, если он хорош. Что же касается до статьи Ержинского, то она действительно хороша и прекрасно читается.[9] Статья Горского производит здесь некоторый эффект.[10] Это любят. Голая, дескать, правда, а публика — младенец. Объявлений мало. Нигде не встречаю. Только и видел в одном «Дне». Так ли поступила, н‹а›прим‹ер›, «Библиотека для чтения» с начала осени и до сегодня. Может, объявления и были в газетах. Но, значит, только *мелькнули*, а надо бы завалить всю Россию объявлениями.[11]

Благодарю за все хлопоты и за Пашу. Он мне пишет, и пишет, что ты заплатил за квартиру и дал ему денег,[12] но вот что, брат: уверяю тебя, клянусь, что деньги и для меня здесь необходимы. Расходы ужасные. Ты об моем положении понятия не имеешь и потому вышли мне еще 100, умоляю тебя.[13] Ты писал, что вышлешь на этой неделе, но в этом письме твоем не упоминается. Если б была какая-нибудь возможность не брать у тебя, я бы не брал. На себя собственно я очень мало трачу. И потому пришли. Да мало того еще: я не знаю, что будет *дальше*. В повести моей наверно *3* листа будет, а может и больше, может и четыре. Сочтемся, пригожусь, но не оставляй и ты меня в это тяжелое время, ради бога. Не оставляй и Пашу; я надеюсь, что он не попросит у тебя лишнего. Он хоть и шалун, но честен. Я это знаю и за это отвечаю.

Без твоей помощи мне решительно не на кого здесь надеяться. Александр Павлович для нас как ангел божий, но денег у него нет.

Забыл, про что-то еще хотел писать. В следующем письме вспомню. Но объявлений ей-богу мало, очень мало, нужно повторять, надоедать объявлениями. Первая же книга так приятно пестрит статьями, что в объявлении очень хорошо могла бы фигурировать.[г]

Прощай, до свидания, всем твоим кланяюсь, а тебя обнимаю.

Твой Ф. Достоевский.

Доставь, ради бога, эту записочку Паше, от тетки,[14] ради бога, не замешкай.

г *Вместо:* могла бы фигурировать — *было:* фигурирует

224. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

5 апреля 1864. Москва

5 апреля/64.

Друг мой Миша!

Напишу тебе два слова:

Повесть моя, если б только силы, да досуг, да *без перерыва*, могла бы быть написана в этом месяце, но уж отнюдь не в первой половине.[1] Это во всяком случае. Теперь рассуди: книгу *за март* надобно выдать непременно в апреле.[2] Неблаговидно начинающему журналу являться с мартовской книгой в мае. Могу ли я кончить и поспеть? По всем признакам — нет. И главное — перерыв, который не от меня зависит и за последствия которого я не могу ручаться.[3] И потому, голубчик мой, обращаюсь к тебе: как можно скорей напиши мне: к которому числу, *самое позднее*, надо иметь тебе в руках повесть?[4] По ответу твоему буду судить — кончу иль не кончу. Во всяком же случае, возьми в соображение могущие быть обстоятельства, которые остановят работу и которые не от меня зависят.

Напиши мне тоже: есть ли у тебя что-нибудь в отделе повестей на март, кроме моей, и что именно?[5]

Мое соображение такое: можно явиться и без известных имен в этом отделе. Об моей повести можно уведомить (я думаю, совершенно не надо), что напечатается в апрельской книжке.[6] Наконец, хочется хорошенько написать и не комкать как-нибудь, а главное, что я, хоть бы, может быть, и мог окончить, но ни сил (физических), ни обстоятельств благоприятных к тому не имею.

И потому я решил так:

До получения от тебя ответа буду *усиленно* и *настойчиво* продолжать повесть (будь что будет). Если напишешь, что можно, *за нужду*, и обойтись без моей повести, то я тотчас же ее отложу и успею-таки в этот номер (*наверно*, если скоро ответишь) написать что-нибудь в критику (не о Костомарове, так как эта статья велика).[7]

Если ж напишешь, что нельзя обойтись, — буду писать повесть. Впрочем, по числу, тобой означенному для срока присылки, сам решу, что возможно, что невозможно, и только в случае совершенной невозможности оставлю повесть.

Я сознаю, брат, что теперь я тебе плохой помощник. Наверстаю потом. Теперь же положение мое до того тяжелое, что *никогда не бывал я в таком*. Жизнь угрюмая, здоровье еще слабое, жена умирает совсем, по ночам, от всего дня, у меня раздражены нервы. Нужен воздух, моцион, а и гулять некогда и негде (грязь). Мое теплое (слишком ватное) пальто мне уже тяжело (вчера было +17 градусов в тени). Да что описывать. Слишком тяжело. А главное, слабость и нервы расстроены.

А между прочим, только на тебя и надежда. Брат, деньги у меня текут как вода. Поверь, что расходы огромные. На себя

копейки не трачу, летних калош не соберусь купить, в зимних хожу. Не могу существовать без денег. Поддержи же меня теперь, в слишком эксцентрическом положении, и поверь, что скоро заработаю.

Читал на публичном чтении. Читал и Островский,[8] который, хоть и приветливо, но как бы[a] с *обидчивостью*, заметил мне, что прежде ты присылал ему «Время», а теперь «Эпохи» не выслал. Я обещал тебе передать. Если находишь нужным, пошли ему билет на Базунова.[9]

Видел Чаева. Он спрашивал меня, какой был твой ответ насчет его драмы «Александр Тверской»? Напиши, пожалуйста. (Стихи хороши. Драмы же я сам еще не читал, а о рекомендации в «Дне» я писал тебе.)[10]

Прощай, обнимаю тебя, ослабел ужасно и едва пером вожу. Теперь 12 часов, а к ночи я делаюсь ужасно слаб и не работаю (что очень худо; прежде *лучшая* работа была по ночам). Прощай, голубчик.

Твой Ф. Достоевский.

Прочел половину «Загадочных натур». По-моему, ничего необыкновенного. Натуры *совсем-таки* не загадочные, слишком обыкновенные. Где дело касается до современных идей, то видна молодость и некоторое нахальство. Много истинной поэзии, но какое же и колбасничество. Хорошо только, что не скучно.[11]

Ты скажешь, может быть, чтоб я присылал по частям повесть. Но ведь мне, главное-то, нужно крайний срок знать и повесть поспешностью не испортить.

Пожалуйста, не церемонься и меня не жалей. Мне ведь всё равно что ни писать, только бы кончить. Хотелось бы только повесть кончить получше.

---

[a] *Было:* чуть-чуть

225. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

9 апреля 1864. Москва

Москва, 9 апреля/64.

Милый друг Миша,

На письмо твое отвечаю сейчас же; сначала о *займе*.[1]

Вот мое мнение:

1) Занять у тетки и возможно и невозможно. Это значит, что не совсем[a] невозможно. А так как ты в положении критическом и губить действительно блестящее предприятие есть почти преступление, то тебе *непременно* надобно попытаться занять

---

[a] *Было:* не просто

у тетки. Спрос не беда, ничего им не проиграешь, а выигрыш слишком велик.

2) Теперь, как это сделать? На это у меня есть свое определенное мнение, может быть, очень ошибочное, но зато определенное. Прежде всего, представлю тебе на вид обстоятельства: тетка, хоть и в здравом рассудке *вполне* (я очень недавно был там), но очень слаба[б] памятью (но совсем не так, чтоб забывать людей и не помнить происшествий). В расположении духа хорошем. Начала для своего утешения на фортепианах играть, 30 лет не игравши. Характеру никакого, решимости никакой, находится под влияниями. Довольно сильное (даже очень) влияние бабушки.[2] Потом, я подозреваю, она даже боится разных Константинычей,[3] которым до нее, в свою очередь, дела нет (исключая того случая, который мне всегда мерещился, — что Константинычи сами захотят прибрать ее деньги, в руки себе, а ей выдавать проценты. На это я не имею никакого основания, но они так жадны, что это мне мерещится). Теперь опишу тебе, что мне месяц тому назад рассказывал Александр Павлович о том, как принимала тетка, при жизни дяди,[4] бесчисленные просьбы сестры Саши. Обыкновенно Голеновские, которые, кажется, всю жизнь намерены прожить на счет тетки, присылали сначала письмо (когда Сашенька сама не ездила) к Алек‹сандру› Пав‹лови›чу с просьбой передать особое письмо тетке.[5] Тот являлся к тетке и прямо, *без предисловий и подготовлений*, передавал письмо, чтоб ошибить сразу. Тетка пугалась, махала руками, охала, тосковала и не хотела принимать письма. Тот оставлял насильно. Принимали, но не распечатывали. Наконец посылали за ним и заставляли его самого распечатать и прочесть. Он читал без своих замечаний[в] и безо всяких подготовлений. «Да что, не читайте, деньги что ли, денег надо?» — Да-с. — «Сколько, сколько?» — 800. — Ах, ах! и т. д. ... Наконец посылают за ним опять назавтра. «Да скажите же вы-то, что делать? что делать? да говорите же!» — И ведь вижу, — говорит Александр Павлович, — что кончат[г] тем, что дадут, а только так *балуются*. — Да ведь ваши деньги, сами и распоряжайтесь, а я что! — «Ах боже мой, ах боже мой, сказать что ли?» — Конечно, скажите-с. — «Александр Алексеич, письмо; Сашенька пишет». — «Ах прочти, прочти», — и зальется слезами. Начинается чтение плачевного письма. «Денег просят, Александр Алексеич, 800 руб.» — «Пошли, пошли, сейчас же пошли!» — и зарыдает. Ну тут уж всё кончено, и деньги посылаются. Надо принять в соображение, что она боялась тогда Константинычей. Но характеру и решимости, конечно, с тех пор не прибавилось.

Александру Павловичу я о секрете не расскажу и никому не

[б] *Вместо:* очень слаба — *было:* несколько
[в] *Вместо:* без своих замечаний — *было:* молча
[г] *Было:* ведь кончат

скажу (хотя Александр Павлович и не разболтал бы, *уверяю тебя*).[6] Варю я видел недавно. Она тебя любит, она говорила про тебя, но, ей-богу, не знаю, утерпит ли она против искушения рассказать тетке. Но что она не будет ходатайствовать и в особенности ходатайствовать *заранее*, подготовлять, в этом *я уверен*. Но, может быть, она секрет сохранить способна.[7]

Окончательное мое мнение следующее:

— Если будешь действовать через ходатаев (хоть бы через Вареньку, если б возможно, что она согласилась, других, кроме нее, и нет ходатаев) и напишешь письмо с просьбою для передачи тетке, то наверно *ничего не достигнешь*. Откажут непременно, *непременно*. Да и Варя, повторяю, *наверно* не захочет *прямо* ходатайствовать.

Если б еще дело шло рублях о тысяче, то еще, может быть, согласились бы, но о 10 000-х — невероятно, чтоб решились дать.

Совсем другое *могло бы быть*, если б ты приехал сам и изложил просьбу лично (я говорю *могло бы быть*; ручаться, даже по соображению, я не могу. Я говорю только, что это мое *определенное* мнение, и это так). *Подготовлять*, по моему мнению, совершенно не нужно. Поверь мне. Никто не изложит дела лучше тебя самого. Будет только излишнее и очень вредное кудахтанье в случае *подготовления*, а кроме того, и излишняя *болтовня*, *огласка*.[8] Напротив, если хочешь, сделай так: выдай книгу и приезжай тотчас же по выходе, в начале святой недели.[9] (NB. Александра Павловича, кажется,[д] не застанешь. Он *наверно* едет на 10 дней в отпуск в деревню для окончательного размежевания и поедет на святой. Это решено.)

2) Остановишься у Александра Павловича. Сначала ни слова им не говорить, зачем приехал. (Я, пожалуй, за несколько дней до приезда предуведомлю, что ты, *может быть*, приедешь, по денежным делам с Базуновым.) Можно только Варе сказать, да и то если окажется, что она, по крайней мере, не враждебно отнесется к твоему намерению. Но действовать и просить ее, подготовлять — не надо совсем. Ты сделаешь первый визит. Потом, на другой день, приедешь с изложением просьбы. Я думаю, что хорошо бы было, если б предварительно изложить дело бабушке, вполне и откровенно. Это ей даже польстит.[е] Да иначе и нельзя, потому что тетка даже заговаривается (хоть и в полном здравом смысле); она испугается и тотчас же позовет бабушку. Бабушка же, предуведомленная предварительно, хоть и не возьмет на себя поддерживать твою просьбу, но, *может быть*, и не враждебно отнесется к ней благодаря своему подготовлению. С теткой нужно говорить решительно, вполне откровенно и ясно. Нужно представить, что если ты раз, прошлого года, вылез *буквально* из петли,[10] то каково же теперь не *додать* журнал и

д *Было начато:* может ‹быть›

е *Вместо:* Это ей даже польстит — *было:* Она, разумеется

просто погибнуть, стоя на краю несомненного и блистательного успеха? Представить, что тетка не разорится, а отказом погубит и тебя, и семейство. Сразу ни тетка, ни бабушка не решатся, закудахтают и заахают. Пусть. Надо их только на первый раз крепко озадачить, насесть на них нравственно, чтоб перед ними ясно стояла дилемма: «Дать — опасно; не заплатит; не дать — убьешь человека и грех возьмешь на душу». Разумеется, они сразу ничего не решат и начнут советоваться. Тут и пустить Варю, если она *действительно* захочет ходатайствовать; в противном же случае лучше пусть и не ездит. Если же Варя захочет, то совет ее много сделает; пусть не упрашивает тетку, а скажет ей à la Александр Павлович: «Ваши деньги; хотите дайте, хотите нет. Не дадите — разорите дотла и *погубите*, а это Ваш племянник, Ваш крестник, который ничего от Вас не получал и никогда ни о чем не просил. Вы в гроб смотрите и сделаете злодейство; с чем перед Христа и перед покойной сестрой[11] явитесь? Сестер устраивал Александр Алексеич,[12] а Вы что сделали сами? У Вас 150 000, а Вы боитесь разориться!» Всё это надо резко сказать, тем более, что это всё *правда* и что это *надо* хоть когда-нибудь высказать. Варенька не скажет, так *я* выскажу. И выскажу. Вообще надо быть не очень просителем, дрожащим заискивателем. Коммерческою сухостью и деловым видом тоже немного с *ними* сделаешь. Надо действовать нравственно, на душу, и действовать не патетически, а *строго*, сурово. Это всего более ошибет.

Легко может быть, что я всех обстоятельств не знаю и что она, может быть, в своих собственных деньгах пойдет просить позволения у Константиныччей. Тут может выйти случай и очень дурной и хороший, смотря по тому, что у Константиныччей на уме.

NB. Если Варя будет очень советовать, они наверно ей скажут (да и не *могут не* сказать): «А ты поручишься за брата? У тебя дом есть, поручишься?» Варя *наверно* не поручится. Это повредить может, и потому надо иметь в виду. Варя же, вообще говоря, если только *захочет* действовать в твою пользу искренно и с жаром, может много пользы оказать, но не предварительно, не подготовлением, а когда они во все стороны будут кудахтать и за советами кидаться.

Одним словом: вероятностей выиграть дело — очень много, и, на мой взгляд, *даже больше, чем проиграть*. Тебе вся выгода начать дело: выигрыш большой, а проигрыш только в том, что в Москву напрасно проехался. И потому мой совет — начинай, и начинай немедленно, на святой.

Может быть, что в первый раз просто откажут. Но потом совесть замучит, сами призовут и дадут.

Варе я покамест ни слова не скажу. На это письмо мое отвечай мне *немедленно, тотчас же*, как ты решил?[13] Тогда же и

Варю можно уведомить (а лучше уведомить после твоего приезда, — мое мнение). Начинать же с бабушки.

Окончательно: начинай дело *лично* и откладывать не советую.

Теперь о другой статье:

Друг мой, ты, верно, получил мое последнее письмо. Я писал тебе, что повесть, кажется, не кончится.[14] Повторяю, Миша: я так измучен, так придавлен обстоятельствами, в таком мучительном я теперь положении, что даже за физические силы мои, при работе, отвечать не могу. Жду я с жадностию твоего ответа. Но теперь я вот что скажу: повесть разрастается. Может быть будет 5 печатных листов, не знаю; так что, при самом огромном старании,[ж] окончить *материально* невозможно. Что же делать? Неужели печатать неоконченною? Невозможно. Она дробиться не может. А между тем — я не знаю, что будет, — может быть, дрянь, но я-то, лично, сильно на нее надеюсь. Будет вещь сильная и откровенная; будет правда. Хоть и дурно будет, пожалуй, но эффект произведет. Я знаю. А может быть, и очень хороша будет. Что же делать? Во всяком случае, повторяю, подобный труд *матерьально* невозможен в такой срок; и если ты решаешься выдать к святой,[15] то и критическая статья может быть невозможна.[16] Да и наверно. И потому, если только возможно — избавь меня от мартовской книжки, будь благодетелем. На апрель зато у тебя значительной величины моя повесть и критическая статья.[17] За это *ручаюсь головой*, если только не умру. Дай мне докончить повесть, и тогда увидишь мою деятельность.

Ты пишешь, что надобно занимательней выдать следующие книжки. За апрель ручаюсь. Но март? Приставай к Страхову за критикой;[18] если только имеешь что на март занимательного — помещай всё. Не беспокойся за апрель и помести как можно больше «Загадочных натур», ибо они очень любопытны.[19] Подписка, если бы мы даже теперь с каждым номером выдавали по *Тургеневу*,[20] — не очень увеличится. Вся подписка будет от 1-й книги. Объявление же и статьи 1-й книги заманчивы.[21] В провинцию и объявления и книга едва дошли. Подписка еще может быть от впечатления первой книги. Позднее же, то есть к лету, едва ли увеличится, даже при всех совершенствах книжек. Для впечатления же на публику — не один март месяц есть в году. К будущему году мы великолепно подготовим публику. Ручаюсь.

Марья Дмитриевна почти при последнем дыхании. Предуведомляю: ты, может быть, приедешь ко мне на похороны. Прощай, обнимаю тебя и всем кланяюсь.

Твой Ф. Д‹остоевский›.

За 100 рублей благодарю. Что со мною будет дальше — понять не могу!

ж *Далее было начато:* я просто

Прежде чем решишься на что-нибудь насчет тетки, непременно и сейчас же отвечай мне на это письмо. Не забывай, это очень нужно.

До ответа на это письмо я твоего письма Вареньке не покажу, ничего ей не скажу, да и никому не скажу. Тебя же прошу Вареньке *не писать*.

Не привезешь ли Машу? Право, это, может быть, пособит делу.[22] Да и Маша проехалась бы. А уж ее так здесь хотели бы видеть. Так хорошо вас здесь поминают.

На днях вышлю повесть Аполлинарии.[23] Предуведомляю заранее для того, чтоб ты, получив пакет с моею надписью, не подумал, что моя повесть. Повесть же не хуже ее прежних[24] и может идти.

226. П. А. ИСАЕВУ

10 апреля 1864. Москва

10 апреля/64 Москва.

Любезный Паша,

Я действительно теперь чрезвычайно занят; даже выбиваюсь из сил на работе, а сил у меня немного, потому что я пять недель сряду был болен по приезде из Петербурга, так что и теперь не могу совершенно поправиться. Потому и не писал тебе тотчас по получении твоего письма; тем более, что пришлось писать много и часто брату о делах.[1] Да, сверх того, ты сам так проморил меня своим молчанием до твоего предпоследнего письма[2] и так много сделал мне этим горя и досады, что мог бы и не удивляться, что получил ответ только от тетки[3] и что я несколько подождал отвечать.

О здоровье мамаши скажу тебе, что оно слишком, слишком плохо. Мы всё до сих пор надеялись, что авось-либо она с весной поправится, но ей всё хуже и хуже, и бог знает, к чему придет это. Я бы желал, Паша, чтоб ты думал об ней почаще. Это навело бы тебя на другие мысли, более великодушные и благородные, более идущие к молодой развивающейся душе, чем теперешнее твое легкомыслие.

Пишешь ты, что учишь уже о многоугольниках. Хорошо, если б впрок пошло и если б ты хоть это знал порядочно.[a] Помни, что не надобно и другого забывать, а напротив, всё более и более развивать себя, читать и учиться. Да одно самолюбие заставило бы всякого другого, на твоем месте, вести дело серьезно. Не говорю уже о других побуждениях.

Ты говоришь о пальто в 28 р. Послушай, Паша, что это за легкомыслие? Ты до того слаб волей и изнежен, что не можешь

---

[a] *Было:* хорошо

отказать себе ни в малейшем почесывании. К чему же это поведет? Ты знаешь, а если не знаешь, то можешь угадать, каковы наши денежные обстоятельства. Ты должен бы был сам быть скромнее. Ты хочешь рядиться; у тебя на уме хвастовство, задать шику, тону. Для чего? Кого прельщать? Говорю окончательно, я не могу тебе купить пальто дороже чем в 12 или по крайней мере в 15 рублей. Такое пальто можно купить готовым и с этим, пожалуй, обратись к брату, в том только случае, если тебе *действительно* нечего носить. Я не помню, в чем ты ходил прошлый год летом. Но если только возможно тебе несколько подождать, то подожди и проноси прошлогоднее. Во всяком случае, обратись по этому делу к брату, Михаилу Михайловичу. Покажи ему это письмо, если нужно. Как он решит, пусть так тому и быть. Я вчера еще отослал к нему письмо. Скоро буду еще писать ему и упомяну о тебе еще раз, потому что я уже просил его помогать тебе. Я ему столько теперь должен, а у него так много своих забот и трат, что мне ужасно совестно его беспокоить.

Тетка тебе кланяется. Мамаша тебя любит. До свидания.

Тебя любящий Ф. Достоевский.

P. S. Мамаше сегодня вечером слишком, слишком худо. Доктор ни за что не отвечает. Молись, Паша.

227. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

13—14 апреля 1864. Москва

Москва 13 апреля/64.

Милый друг мой, Миша,

Сегодня получил твои два письма: одно с деньгами 100 руб. и с припиской в две строки, за что (то есть за письмо и за приписку) благодарю тебя от всего сердца; а другое письмо, от 10 апреля,[1] на которое спешу отвечать. Я уже писал тебе о моей повести в двух письмах.[2] Что она не готова и что я оставил тебя в самое критическое время (время первых книг журнала) без повести и без статей,[3] — я сам слишком мучительно знаю,[a] друг мой милый. Но что же делать, всё это внешний фатализм; всё это не от меня зависело. По году жизни бы отдал за каждую книгу журнала, только бы этого не было. Я в положении ужаснейшем, нервном, больном нравственно и только тащу с тебя деньги; потому что траты мои не уменьшаются, а увеличиваются. Всё это меня мучит, мучит, и я не знаю, чем это кончится. Но о деле: что я писал о повести, то и теперь пишу: повесть растягивается; очень может быть, что выйдет эффектно; работаю я изо всех сил, но медленно подвигаюсь, потому что всё время мое поневоле дру-

[a] *Далее было:* может быть — *и 4-5 густо зачеркнутых слов.*

гим занято. Повесть разделяется на 3 главы, из коих каждая не менее $1^1/_2$ печат‹ных› листов. 2-я глава находится в хаосе, 3-я еще не начиналась, а 1-я обделывается. В 1-й главе может быть листа $1^1/_2$, может быть обделана вся дней через 5. Неужели ее печатать отдельно? Над ней насмеются, тем более, что без остальных 2-х (главных) она теряет весь свой сок. Ты понимаешь, что такое *переход* в музыке. Точно так и тут. В 1-й главе, по-видимому, болтовня; но вдруг эта болтовня в последних 2-х главах разрешается неожиданной катастрофой. Если напишешь, чтоб я присылал одну 1-ю главу, — я пришлю. Напиши же непременно. Пожертвовать такими пустяками я еще могу и пришлю главу. Но вот что: ты сам писал, что хочешь выдать к празднику книгу. Когда ж присылать? Неужели ж выйти после праздников?[4] Это задержит подписку. Теперь о подписке. Брат, я уверен и твоя собственная опытность должна бы научить и тебя, что теперь подписка уже почти проходит и что если б мы в каждом номере выдавали бы по Тургеневу, то и тогда бы не подняли *сильно* подписку. У тебя есть большая вещь Зарубина. Печатай ее. Это недурно.[5] Возьми у Милюкова рассказов и проч.[6] Похлопочи только о критике, главное о критике. Направление наше, конечно, для публики несомненно, но статей-то, *специально* разрабатывающих направление, мало. О, конечно надо, необходимо надо, чтоб март был даже лучше первых двух номеров. Но что же делать? Да и на подписку за нынешний год уже нельзя надеяться. Но зато мы последующими номерами возьмем; целым годом возьмем и зато к концу года выработаем великолепную подписку на будущий год. За это отвечаю. Деньги же на этот год доставай здесь у тетки. Ты, вероятно, получил уже мое ответное письмо на этот вопрос.[7] Было бы сумасшествием не испробовать (имея столько вероятностей на успех) этот заем! Издавай же книгу скорее, до пасхи,[8] и приезжай на святой сюда.

Кстати: достань для марта, если возможно, статью у Горского, с бойким заглавием. Вот такие-то статьи и читаются публикой. Я видел, как в Москве эту статью стар и мал читали и об ней говорили.[9] Это ясно, это понятно. Это и заманчиво. Статью же Тургенева всё, что называется массой, не хвалит, а таких людей как песку морского.[10] «Загадочных натур» тоже побольше.[11] Обещай, что в будущем номере *наверно* будет продолжение «Подполья». Объяви, что я был болен.[12]

Я читал в газетах объявление о выходе мартовской книги «Отеч‹ественных› записок», одно это объявление — прием микстуры.[13]

О Чаеве я тебе писал уже раз и всё ждал ответа. Написал с полстраницы: помню это как то, что я живу.[14] Ты верно проглядел, или письмо затерялось. О драме этой я лично не имею понятия. Читал он ее здесь на всех литературных чтениях. Аксаков в газете «День» хвалил стихи.[15] Чаев — человек образованный и смыслит русскую историю. Островский сказал, что драма-

тизма нет, но что это *хроника*, а стихи прекрасные и есть удачные сцены.[16] Драма его была давно уже послана к Боборыкину, Дмитриев (повесть «Лес» и проч.), его приятель, писал ему на днях, что берет его драму от Боборыкина и несет в «Эпоху».[17] Боборыкин не решался напечатать ее всю, а хотел печатать отдельные сцены. Чаев не согласен. Просил он с Боборыкина 100 руб. с листа. Я сказал, что ты этого ни за что не дашь во всяком случае. (Да и нельзя давать.) И поэтому, если получишь от Дмитриева, *не печатай не условившись*. Чаев сам хотел тебе писать.[18] Человек он очень хороший. Но драму его прочти со вниманием. Ведь, может быть, и действительно всё-то вместе и тяжело. А такие вещи не дают подписчиков. Ну вот и всё о Чаеве.

2) Теперь о Страхове: как бы он отлично сделал, если б еще прежде хоть две строчечки писнул мне об этом деле. Уезжая, я с ним говорил, что по первому требованию Боборыкина — деньги у тебя готовы. Но вот у тебя и требуют. Я ужасно бы желал знать, как это у них там происходило. Тут не простое любопытство, а честь. Не хотел бы я, чтоб Боборыкину представлялось, что я *надул* его. Бог видит, что я, несмотря ни на какие обстоятельства, отдал бы сперва туда мою повесть.[19] Если же не дал, *то не хочу*, чтоб осмеливались подсмеиваться надо мной за 300 р. Если б еще я не брал оттуда 300 руб., то я бы наплевал на насмешку и, если б случились такие обстоятельства, — отдал бы туда повесть. Но когда редакция «Библиотеки» сама связала меня не то что обещанием, а честным словом и деньгами, то уж тогда ей бы не следовало допускать на меня насмешки *на страницах своего журнала*: куплен, дескать, отвертеться и обидеться не смеешь, повесть все-таки дашь.[20] Нет-с, я своей личности и свободы моих действий за 300 руб. не продаю.

И потому я ужасно бы желал знать подробности, то есть каким образом и *при каких словах* Боборыкин потребовал денег? Ужасно бы мне не хотелось отдать эти 300 р. без личных объяснений с Боборыкиным. Написать письма[б] отсюда к Боборыкину я в настоящую минуту не могу: ведь бог знает, что там произошло и на что я должен отвечать? Хотелось бы это знать сперва. Но там наверно что-нибудь произошло: иначе Ник‹олай› Николаевич не стал бы *требовать* с тебя денег. Бывши в Петербурге, я корчился от болезни и мне было не до «Библиотеки». Помню, Николай Николаевич меня подбивал ехать к Боборыкину,[21] но у меня на то и времени и здоровья не было и... еще было кое-что, что помешало мне ехать. А именно: если только Боборыкин тогда уже знал *хоть кое-что* о том, что я обиделся,[в] то, мне кажется, самая простая, самая простейшая учтивость требовала, *чтоб он сделал* сам, первый шаг, — не к извинению, а к простому объяснению. Но он и этого не сделал. И потому, ради бога, пере-

---

б *Было:* даже письма
в *Было:* обижен

дай от меня Николаю Николаевичу, не может ли он *для меня*, слишком искренно его любящего, сделать так: хоть на несколько минут отдалить Боборыкину отдачу денег. Я понимаю очень хорошо его прескверное, двусмысленное положение, в которое я его поставил (то есть не я, а сам Боборыкин и все обстоятельства). Он был посредником между Боборыкиным и мною в самом начале займа. Он передавал туда мое честное слово, да и посредничеством своим *как бы сам* гарантировал Боборыкину этот заем. Если Боборыкин сердится, обижается и требует денег, то Николаю Николаевичу, разумеется, мучительно неприятно. *И потому, если только он видит себя действительно в* крайнем [г] двусмысленном положении, — то пусть отдает; а ты выдай деньги, так и быть, хотя мне может быть из-за этого бесславие: ведь я, отдавая молча деньги, как бы соглашаюсь,[д] что я действительно надул Боборыкина. *Но если только возможно хоть капельку повременить*, то упроси Николая Николаевича на это. Тем временем узнай от него, от моего имени, об обстоятельствах дела. Надеюсь, он тебе не откажет всё в подробности сообщить, ведь мне бы он верно не отказал (я не претендую на самую полную его откровенность и не смею требовать, чтоб он сообщил всё, что было *лично* между ним и Боборыкиным). Узнав, не было ли тут *чего-нибудь* и что именно было, я бы сочинил Боборыкину письмецо, самое утонченно вежливое, оправдательное и безо всякой обиды, переслал бы тебе для передачи Николаю Николаевичу незапечатанным. Ник‹олай› Николаевич сам бы его контролировал, то есть в том смысле, чтоб не было чего щекотливого, касающегося собственно Ник‹олая› Николаевича, (так как [е] он все-таки был посредником в этом деле) — и тогда, с приложением денег, всё бы это было отослано [ж] Боборыкину через редакцию журнала «Эпоха» или, если возможно, доставлено через Ник‹олая› Николаевича. Одним словом, я очень прошу: 1) уведомить меня (в случае, если еще возможно ждать отдачей денег), — как смотрит на это дело Боборыкин.[22] 2) Не обвиняет ли он меня *гласно?* Не было ли для меня чего оскорбительного, *равно как* и для Николая Николаевича? И потому сообщи эту часть моего письма [з] Николаю Николаевичу. Что он скажет окончательно, то и будет. Повторяю; если ему будет хотя *малейшая* тягость от задержки платежа, то пусть немедленно берет у тебя деньги и отдает. Если же можно повременить, то пусть прежде бы я узнал это дело обстоятельнее и там уж поступил как мне следует.

Я бы и без задержки мог написать Боборыкину.[23] Но, во-1-х, (я уже упомянул это выше) обстоятельств теперешних, может быть, очень щекотливых, не знаю, а во-2-х), не знаю, как посмот-

---

[г] *Было:* самом крайнем
[д] *Было:* молча соглашаюсь
[е] *Было:* ибо
[ж] *Было:* вручено
[з] *Вместо:* эту часть моего письма — *было:* мое письмо

рит на это Николай Николаич, который в этом деле был посредником. Одним словом, эта история запутанная.

Да вот еще кстати: пусть не винит меня Николай Николаевич, что я сам ему не пишу. Если б он всё знал, как я здесь живу, то он понял бы, что я до сих нор не успел собраться написать ему об этом деле. Да и теперь у меня столько на шее дел, что дело с Боборыкиным совсем и на ум не просилось. Николаю Николаевичу я хотел было писать по прочтении его статьи в «Эпохе».[24] И наверно бы позабыл написать о Боборыкине, если б написалось письмо к Ник‹олаю› Николаевичу.

Прощай, брат. Обнимаю тебя, будь здоров и бодр,

а я твой весь Ф. Достоевский.

Вторник, 14 апреля. Вчера, в 2 часа ночи, кончил это письмо. Потом Марье Дмитриевне стало очень худо. Она потребовала священника. Я пошел к Александру Павловичу и послал за священником. Всю ночь сидели, в 4 часа причащали. В 8 часов утра я лег отдохнуть, в 10 меня разбудили, Марье Дм‹итриев›не в эту минуту легче.[и]

Из денег 100 р., присланных тобою, ко 2-му дню праздника ни гроша не остается. Вот моя жизнь.

Надеюсь, друг милый, что о Боборыкине я написал удачно. Ник‹олай› Николаич, может быть, прочтя это, и повременит. Я, впрочем, писал правду. Иначе я бы и сам не мог решить вопроса. Но я-то, я-то, который в такое время только тяпу с тебя деньги. Никогда я не переживал времени более мучительного.

Повесть Аполлинарии посылаю отдельно. Обрати внимание. Печатать очень можно.[25]

[и] *Далее было:* Вот жизнь ‹?›

228. П. Д. БОБОРЫКИНУ

14 апреля 1864. Москва

Черновое

Москва 14 апреля/64.

Милостивый государь,

Сегодня пишу к моему брату и очень прошу его заплатить Вам за меня долг. Я очень надеюсь, что он захочет исполнить мою просьбу.[1]

Очень Вам благодарен, что Вы разрешили наконец мое недоумение этим требованием денег назад. Главное дело для меня в том,[а] что, кроме денег, я связан был с Вами и честным словом;[б] да, сверх того, передавал Вам это честное слово от меня и хода-

---

[а] *Вместо:* Главное ∾ в том — *было:* Главное для меня дело в том

[б] *Далее было:* доставить статью

тайствовал в мою пользу наш общий знакомый многоуважаемый Николай Николаевич Страхов. Неисполнением же моих обязательств я как бы кладу тень на крепость моего честного слова, а может быть, делаю некоторую неприятность и Николаю Николаевичу. И то и другое обстоятельство побуждают меня теперь сказать несколько слов, чтоб по возможности разъяснить подробнее всё это дело.[в]

Разъяснение это состоит в откровенном моем сознании, что я, кроме поразивших меня тяжких домашних бед и долгой болезни моей, много помешавших моим занятиям, получил,[г] месяца два назад, некоторое нежелание доставить в Ваш журнал мою будущую работу, хотя в то же время мне и очень хотелось сдержать мое слово. Я бы мог представить Вам положительные доказательства, что до этого времени, то есть еще 2 месяца назад, я имел твердое намерение и искреннее желание исполнить мои обязательства перед «Биб‹лиотекой› для чтения». Мысли же мои изменились поневоле, с того времени как я имел некоторое неудовольствие прочесть в Вашем журнале насмешку на мои сочинения.[д][2] Печатных насмешек на мои сочинения, во время стольких лет моего литературствования, было множество. Хотя я на очень многие из них и обращал внимание, но никогда не вступал по поводу их в какие бы то ни было объяснения, гласные или негласные. Теперь же — дело особенное и, вследствие моего взгляда на некоторые вещи, не обратить совершенно внимания на насмешку[е] «Библиотеки» (хотя и довольно скромную) я не мог. У Вас, в одной статье, сказано было, что я пишу «в чувствительном роде», и сказано было в достаточно насмешливом тоне.[ж] Конечно, это очень невинно, но такой тон,[з] при отношениях моих к «Библиотеке», даже — извините меня — был *невозможен.* Не получи я от Вас вперед денег, и, главное, не свяжи я себя с Вами честным словом, насмешка эта, как бы я ни смотрел на нее, не имела бы никакого влияния на возможность для меня печатать или не печатать в «Библиотеке». Но теперь она касалась меня, связанного по рукам и по ногам. Могло предполагаться, что я не посмею изменить обстоятельств и должен перенести *всякий тон*, потому — деньги взял. Я, конечно, не предпо-

[в] *Было:* обстоятельство. — *Далее было:* Но прежде всего я должен Вам заметить, что даже при всем моем желании исполнить мои обещания к сроку, то есть в зимние месяцы, я бы не мог [Вам доставить] этого сделать на деле вследствие непредвиденных вполне тяжелых домашних моих обстоятельств и совершенно непредвиденной моей болезни, продолжавшейся полтора месяца.

[г] *Вместо:* Разъяснение это ∾ получил — *было:* Собственно же объяснение мое с Вами состоит в откровенном моем сознании, что я, кроме домашних обстоятельств и болезни моей, получил

[д] *Вместо:* на мои сочинения — *было:* насчет моих сочинений

[е] *Было:* невинную насмешку

[ж] *Вместо:* в достаточно насмешливом тоне — *было: а.* с совершенно достаточным юмором *б. Начато:* очевидно *в. Начато:* несколько

[з] *Вместо:* такой тон — *было:* насмешливый тон был очевиден; а

лагаю и возможности такого взгляда на наши отношения в редакции «Библиотеки». Но уже одна возможность в таком случае есть щекотливое дело. Я согласен, что с моей стороны это «тонкости». Но по моему взгляду даже и излишняя тонкость в некоторых обстоятельствах жизни [и] всё же лучше известной «плотности» отношений, — извините, не могу прибрать удачного [к] слова для изображения того цинизма, которого я всегда избегал [л] в сношениях с людьми.

Вы скажете, что я мог бы и не беспокоить Вас этими подробностями, тем более, что о них всякое слово устранено Вами же, — так как Вы требованием денег назад придали всему делу чисто коммерческий оборот. Но, извините меня, мне показалось почему-то, что, при теперешних обстоятельствах, некоторая откровенность объяснения вовсе была бы не лишнею.[м] Я все-таки не могу смотреть на Вас иначе, как на собрата-литератора, тем более, что имел удовольствие познакомиться с Вами лично, хотя и не имел чести [н] продолжать это знакомство. Но во всяком случае еще раз благодарю Вас за то, что Вы,[о] очевидно, желая избавить меня разом от всех затруднений, так деликатно повернули все наши взаимные сношения [п] в одну коммерческую сторону [3] и находите, как Вы сами выразились, «что возвращение Вам мною денег будет лучшим исходом этих [р] сношений». Я нахожу то же и надеюсь, что брат мой не заставит Вас ждать долго.

С чрезвычайным почтением имею честь быть, м‹илостивый› г‹осударь›,

В‹аш Ф. Достоевский›.

[и] *Было:* делах
[к] *Было:* лучше
[л] *Было:* боялся
[м] *Далее было:* Не скрою от Вас, что я даже питал некоторую надежду, что эти недоразумения могли кончиться
[н] *Далее было:* и возможности
[о] *Далее было:* теперь
[п] *Было:* отношения
[р] *Было:* наших

229. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

15 апреля 1864. Москва

Москва 15 апреля/64.

Милый Миша,

Сейчас через Алек‹сандра› Павловича послана тебе от меня телеграфическая депеша. Я просил выслать Пашу. Может быть, у него есть хоть какой-нибудь черный сюртук. Штаны бы только разве купить. Боюсь, что он тебя втянул в расходы. Хорошо,

если б он отправился хоть завтра,[a] 16-го апреля, с 12-часовым поездом.[1]

Вчера с Марьей Дмитриевной сделался решительный припадок: хлынула горлом кровь и начала заливать грудь и душить. Мы все ждали кончины. Все мы были около нее. Она со всеми простилась, со всеми примирилась, всем распорядилась. Передает всему твоему семейству поклон с желанием долго жить. Эмилии Федоровне особенно. С тобой изъявила желание примириться. (Ты знаешь, друг мой, она всю жизнь была убеждена, что ты ее тайный враг.) Ночь провела дурно. Сегодня же, сейчас Александр Павлович сказал *решительно,* что нынче умрет. И это несомненно.

Поеду к тетке просить денег.[2] Но может отказать, потому что в руках у ней может не быть.

Не знаю как буду. Но тебя прошу — не оставь. Расходы будут очень большие. Пришли *сколько можешь больше.* На всё.[3] Ради бога. Заслужу.

От Боборыкина получил письмо 3-го дня.[4] Но в настоящих обстоятельствах отвечать ему *сейчас* не могу. Мне не до литературы. Ответом, впрочем, не замедлю.[5] Много через неделю он его получит.

Деньги он требует прямо от меня. Одна фраза до нахальства грубая.[6] Я хочу ему ответить; отвечу вежливо и напишу ему, что я *«прошу тебя отдать ему деньги за меня. Что я надеюсь, что ты отдашь, и чтоб Боборыкин не сердился, если ты, не приготовленный к моей просьбе, несколько замедлишь. Во всяком случае (уверяю его) — замедление будет ничтожное и ты выдашь непременно».*

Вот в каком смысле я пишу Боборыкину о деньгах. Иначе, Миша, я никак не могу сделать, согласись сам. Отдать надо непременно и скоро. Во всяком случае, я выставляю тебя перед Боборыкиным и Ник‹олаем› Николаевичем вовсе не связанным и не обязанным так уж очень платить за меня. Ты, если заплатишь, то по усерднейшей моей просьбе, да и то, если захочешь.[7]

Может быть, я тогда же напишу и Страхову.[8] А копию с письма к Боборыкину тебе *пришлю.*

Страхову скажи о содержании телеграфической депеши. Он поймет, что не могу я в такое время быть слишком точным в ответах к такому лицу как Боборыкин. Да и хорошо бы было, если б он передал это Боборыкину.

О письме же этом, что я теперь пишу к тебе, пожалуй, и не говори Страхову.

Прощай, друг мой, обнимаю тебя крепко.

Твой Ф. Достоевский.

P. S. Повесть теперь во всяком случае (*даже и начала*) не могу прислать. Что делать. Зато апрель будет.[9]

---

[a] *Вместо:* Хорошо ∾ завтра — *было:* Вышли его по возможности скорее; лучше б

Приезжай на святой.[10] Выдавай скорее книгу. Какая бы ни была, всё же будет лучше «Отеч‹ественных› записок». А может, и «Современника». Состав важен, а ты умеешь составить.[11]

Марья Дмитриевна умирает тихо, в полной памяти. Пашу благословила заочно.

230. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

15 апреля 1864. Москва

Москва, 15 апреля/64 г.

Милый брат Миша,

Сейчас, в 7 часов вечера, скончалась Марья Дмитриевна и всем вам приказала долго и счастливо жить (ее слова). Помяните ее добрым словом. Она столько выстрадала теперь, что я не знаю, кто бы мог не примириться с ней.

Прощай, милый брат, обнимаю тебя крепко.

Твой Ф. Достоевский.

P. S. Сейчас же передал мне твое письмо Александр Павлович. Делай как знаешь, но, по-моему, очень худо.[1] Я ведь тебе, друг ты мой, добра желаю. Ничего не будет. Вареньке покажу твое письмо.[2]

Прощай, друг.

Твой Д‹остоевский›.

231. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

23 апреля 1864. Москва

Москва, 23 апреля/64.

2

Распечатываю пакет, в который уже было уложено первое письмо,[1] чтобы приписать одно очень важное для тебя, милый друг мой, известие. Сейчас был Александр Павлович. Мы укладываемся помаленьку, и так как работы много, то он и приехал к нам (ко мне и к Варваре Дмитриевне) на совет. Теперь, прости меня, брат, что я горько думал о твоих обстоятельствах и, не видя никого, кто бы за тебя здесь постарался, и зная, наконец, Александра Павловича за честнейшего человека и весьма способного сохранить секрет, сообщил ему твой проект займа,[2] со всеми подробностями, прося его совета. Дело в том, что я сам хотел удостовериться (хотя и уверен вполне) в верности и благоразумии моего совета, то есть насесть на тетку *лично*, *строго*, и насесть не с купеческой, а с нравственной стороны (всё что я тогда писал тебе).[3] Александр Павлович, выслушав всё очень внимательно

(под величайшим секретом, в чем дал мне слово), сказал решительно, что денег тетка не даст ни за что. Когда же я ему изложил *подробнее* всю мысль мою действовать на тетку нравственно и строго (именно, что ты не просил никогда, любимый сын матери, ее прежнего друга и пр‹оч.›) и, главное, не клянчить, а строго и с достоинством просить, как честный и работящий человек, имеющий полную возможность отдать, — тогда Александр Павлович согласился, что есть шансы, но вполне отверг всякую теорию предварительного ходатайства и проч., а именно согласился со мною, что надо действовать *лично,* одному и решительно (ходатайствовать — значит уж клянчить). Что для этого тебе необходимо быть сюда самому. Насчет Вареньки же возможность ее ходатайства, при теперешнем ее собственном клянчении тысячи рублей, ему кажется предположением почти диким. Я, между прочим, ему сказал всё и изложил, что для тебя будут значить эти 10 000 и что без них ты можешь лопнуть с «Эпохой» и провалиться с детьми. Полагаю наверно, зная этого человека, что не высокие проценты, а только одно родственное участие заставило его наконец сказать мне следующее: — «А что, Ф‹едор› М‹ихайлович›, возьмет ли Ваш брат акции Московско-Ярославской железной дороги, у меня 40 акций, на 6000 серебром?» (NB. Эти деньги, как рассказывала мне покойница Марья Дмитриевна, при ней, в декабре месяце, Александр Павлович принес и торжественно отдал Маше и Соне, дочерям, каждой по 20 акций в руки, сказав, что это всё, что они, каждая, получат от него в приданое). Теперь, говорит он, это деньги Маши и Сони. Процентами они платят за уроки на фортепьяно и одеваются, а он не ввязывается. Эти-то деньги он и хочет по совету с Верочкой предложить тебе. (Не беспокойся, секрет займа у тетки будет полный, несмотря на то, что узнает и Верочка). Когда я стал расспрашивать о подробностях, он сказал: акции правительством не гарантированы, но процентов я получаю аккуратно по 8 руб. на акцию. Каждая акция в 150 р. В продаже нет. Если ты найдешь возможным, справившись, продать их, то надобно Александру Павловичу знать, в какую сумму пойдут они каждая.

«Дело в том, — сказал он мне, — что они у дочерей как их приданое, при замужестве *пойдут номинально*». Но уж если он спрашивает от тебя: в какую цену ты мог бы принять их, значит, и согласен на некоторую уступку. Теперь рассуди сам: что тебе делать. По-моему, поступать надо в этом деле совершенно искренне и по-родственному, так как он вполне из радушия и родственного участия предложил (разумеется, он не прочь будет для детей и от хороших процентов, но клянусь тебе, в процентах для него не главный расчет), да и не сбыть, например, он желает тебе акции, ибо ты зазнамо можешь справиться предварительно. Получает же он по 8 р. на каждую акцию (в 150 р.) аккуратно.

Поверь же, наконец, в истинное, действительное благородство этого человека. На это письмо ты мне не отвечай; я сам выезжаю

в субботу, много в воскресенье. Не отвечай до меня и Александру Павловичу. Об акциях, что стоят они, ты, конечно, можешь легко узнать в Петербурге. Наконец, во всяком случае это дело секретное.

Кроме того, если даже это дело с акциями сладится,[4] тебе все-таки надо будет занимать у тетки, если не 10 000, то 5. Вот тебе и причина приехать. Да я думаю и то, что теперь твоим ходатаем у тетки может быть весьма успешно и сам Александр Павлович, хотя он мне и ничего не сказал про это. Он бы объяснил им верность этого займа. Они бы спросили его: отчего ж Вы сами своих не дадите? Он бы ответил: я уж и дал. А это действует, и даже сильнее всех резонов на обеих старух подействует.[5]

Прощай, друг, обнимаю тебя.

Твой Ф. Дост‹оевский›.

232. П. А. ИСАЕВУ

8—9 июля 1864. Павловск

Милый Паша, пришли мне белья. Брат при смерти. Не говори никому об этом. Я написал Коле.[1] Я, может быть, на малое время буду в городе.[a] Не говори никому.[2]

Твой весь Ф. Достоевский.

Напиши обо всем что тебе надо. Очень бы желал увидеть тебя.

---

[a] *Далее было:* кажется

233. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

29 июля 1864. Петербург

29-го июля/64. *Петербург.*

Любезнейший брат Андрей Михайлович,

Спешу удовлетворить твою просьбу, хотя времени ни капли.[1] Все дела брата легли естественно на меня,[2] и я, вот уже скоро три недели, ног под собой не слышу.

Брат Миша умер от нарыва в печени и от последовавшего при этом излияния желчи в кровь. Вот болезнь. Болен он был давно. Доктора сказали, что года два. Но ведь с больной печенью можно долго ходить, не обращая на нее внимания, особенно если много дела. А дела у него была всегда бездна. Прошлого года запретили журнал.[3] Это его тогда как громом поразило и произвело вдруг такое расстройство во всех его делах, грозило такой грозной катастрофой, что он весь последний год был постоянно в тревоге, в волнении, в опасениях. Трудно это всё тебе объяснить подробно. Вот в нескольких словах: дела его давно еще, вследствие войны[4] и последовавшего затем денежного кризиса и упадка общего кре-

дита, — пошли очень худо. Накопились большие долги. Начали мы издавать журнал, затратили деньги, но без долгов не обошлись. Зато было со второго же года 4 000 подписчиков, след‹овательно›, 60 000 руб. оборота, и так продолжалось всегда, есть и теперь для «Эпохи». Но долги всё не могли уплатиться. Оставалось их, всего-навсе, старых и новых — тысяч 20, когда запретили «Время». Подписку брат уже успел истратить, заплатив долги. Но при аккуратной выплате долгов — оставался кредит и необходимые обороты (о которых долго объяснять), при которых можно, без затруднений, довести годовое издание до конца с честию. Вдруг всё рушилось, рушился и кредит с запрещением журнала. Год был трудный, и здоровье брата крепко потерпело. Наконец выхлопотал он право издания «Эпохи». Но издавать пришлось в убыток; ибо всем 4 000 подписчиков надо было выдать книгу за 6 рублей, а не за полную подписку (15 рублей).[5] Но брат распорядился хорошо; *занял*[6] *и имел* в виду в продолжение года один верный оборот (заведение своей типографии на $^2/_3$ в кредит, что и начал уже) и посредством этого оборота мог довести журнал до будущей подписки очень хорошо. По его расчетам через $1^1/_2$ года не было бы ни копейки долгу. Но бог судил иначе. За три недели с небольшим перед смертию он слегка заболел — рвотой, расстройством желудка и потом вдруг разлилась желчь. Надо сказать, — он пренебрегал и хотя советовался с докторами и лекарство принимал, но не соглашался перестать работать и засесть дома. Дача у них в Павловске. Он часто ездил в город, хлопотал по журналу, по типографии, по делам. Я хотел ехать по нездоровью за границу, получил паспорт[7] и съездил на неделю в Москву. Воротясь из Москвы в конце июня, с ужасом увидел, что болезнь, которую он называл пустяками, провожая меня в Москву, усилилась. Наконец Бессер (очень знаменитый здесь доктор) напугал его, сказав, что это очень серьезно и надо лечиться. Брат засел на даче. Я за границу не поехал, ездил в Павловск каждый день, а он поминутно порывался в город и ждал выздоровления. Наконец стал слабеть. В воскресенье 5-го июля ему стало вдруг легче. Бессер не терял надежды, хотя и объявил, что нарыв в печени. Да мы все никто и не предполагали худого исхода, *совершенно* никто, даже доктора. Но вдруг он, обрадовавшись, что ему легче, — стал вечером заниматься делами. В понедельник вечером ему доставили одно известие о запрещении цензурой одной статьи.[8] На другой день он мне сказал, что чувствует себя очень дурно и всю ночь не спал. В его состоянии не надо было совсем заниматься какими бы то ни было делами. Малейшая неудача, какое-нибудь неприятное известие, и, в болезненном состоянии его, это яд. Он из мухи слона мог сделать, не спать и тревожиться всю ночь. Позвали Бессера, и тот, отведя меня в сторону, вдруг объявил мне, что нет никакой надежды, потому что в эту ночь произошло *излияние желчи в кровь* и кровь уже отравлена. Бессер сказал, что брат уже ощущает сон-

ливость, что к вечеру он заснет и уже более не проснется. Так и случилось: он заснул, спал почти покойно и в пятницу 10 числа в семь часов утра скончался, не проснувшись.[а] Были три консильума. Употреблены были *все* средства. Привозили докторов из Петербурга, — ничего не помогло.

Сколько я потерял с ним — не буду говорить тебе. Этот человек любил меня больше всего на свете, даже больше жены и детей, которых он обожал. Вероятно, тебе уже от кого-нибудь известно, что в апреле этого же года я схоронил мою жену, в Москве, где она умерла в чахотке. В один год моя жизнь как бы надломилась. Эти два существа долгое время составляли всё[б] в моей жизни. Где теперь найти людей таких? Да и не хочется их и искать. Да и невозможно их найти. Впереди холодная, одинокая старость и падучая болезнь моя.

Все дела семейства брата в большом расстройстве. Дела по редакции (огромные и сложные дела) — всё это я принимаю на себя. Долгов много.[в] У семейства — ни гроша и все несовершеннолетние. Все плачут и тоскуют, особенно Эмилия Федоровна, которая, кроме того, еще боится будущности. Разумеется, я теперь им слуга. Для такого брата, каким он был, я и голову и здоровье отдам.

Дела представляются в следующем положении: журнал имеет 4 000 подписчиков. В будущем году будет наверно иметь еще более. Следовательно — это, по крайней мере, 60 000 годового оборота. В два года семейство может уплатить *все* долги и, кроме того, само прожить не только не нуждаясь, но и хорошо. Я остаюсь в сущности редактором журнала. От правительства, кроме того, назначен еще и другой.[г] [9] На третий год семейство уже может откладывать тысяч по десяти в год — цель, к которой стремился брат, потому что она верная и которую так отдалило прошлогоднее запрещение журнала. Но весь нынешний год издается себе в убыток, так как большей части подписчиков выдается он за 6 руб., а не за 14 руб. 50 к.; в виде вознаграждения за недоданные им прошлого года 8 нумеров запрещенного «Времени». Этот год для брата был трудный. Но он в начале года занял в Москве 9 000 у тетки (на два года сроком) и 6 000 руб. у Александра Павловича (акциями, которые и заложил здесь за 5 000)). На это он стал заводить свою собственную типографию, которую имел намерение заложить тысяч тоже за 5. (Она стоит 10). Таким образом, он надеялся довести дело до конца (то есть до будущей подписки, которая бы дала minimum 60 000) успешно. Того только и надо было. Здешних долгов, кроме того, до 8 000. Но он умер, и хотя Эмилия Федоровна уже назначена опекуншей, журнал ут-

---

а *Далее было:* от сна

б *Было начато:* мно‹го?›

в *Далее было начато:* Если

г *Вместо:* От правительства ∾ другой. — *было:* Правительство [для] назначило, кроме того, и

вержден[д] как собственность семейства,[10] но с братом исчез во многом и кредит его. Одним словом, всего-навсе в наличности у нас 5 000 руб., которые следует получить за заложенные акции, тысяч до 3 000, которые еще придется получить в этом году, да типография, только отчасти оплаченная. Затруднение в деньгах есть, но с божиею помощию мы дойдем благополучно. Теперь вот что скажу тебе, любезный брат. Никогда еще это семейство не было в более критическом положении. Я надеюсь, мы справимся. Но если б ты мог дать взаймы хоть 3 000 руб. (те, которые достались тебе после дяди и которые ты, верно, не затратил) семейству на журнал до 1-го марта и за 10 процентов, то ты бы сделал доброе и благородное дело и помог бы и утешил бедную Эмилию Федоровну чрезвычайно. Отдача к 1-му марту — вернейшая. Я готов тоже за нее поручиться.[е] Теперь как хочешь. Рассуди сам. Нам очень трудно будет, хоть я твердо уверен, что выдержу издание до января. Лишних 3 000 нас бы совершенно обеспечили.[11] Но как хочешь. Александр Павлович не побоялся дать брату весной. Пишу это от себя. Эмилия Федоровна кланяется тебе. Писать она еще никому не может. Прощай. Размысли о том, что я написал тебе. Дело будет доброе и благородное и в высшей степени верное. Мой задушевный и братский поклон твоей супруге[12] и поцелуй твоим детям.[13]

До свидания, голубчик.

Твой брат Ф. Достоевский.

Кстати: ты неоднократно винил нас всех, что тебе ничего не пишут. Брат все последние два года был постоянно в тревоге. Я же жил последний год подле больной в чахотке бедной моей Маши. Нынешним летом я рассчитывал ехать за границу в Италию и в Константинополь и на обратном пути, через Одессу, думал прогостить у тебя три дня в Екатеринославе, хотя бы пришлось сделать крюку.[14]

д *Было:* разрешен

е *Далее было:* или отдам часть долга ‹?›

234. Ф. Ф. ВЕСЕЛАГО

23 августа 1864. Петербург

Уважаемый Феодосий Феодорович,

То место, над которым Вы давеча еще сомневались, я решился совершенно вычеркнуть. Авг‹уст› Александ‹рович› Бергман посылает Вам 4 строчки, которыми я решил заменить это место. Согласны ли Вы?[1]

Ф. Достоевский.

23 августа.

235. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

24 августа 1864. Петербург

Многоуважаемый Александр Николаевич,

После многих колебаний, постигших нас по смерти брата, журнал наш «Эпоха» поднялся опять и в *издательском* (то есть экономическом) отношении стал твердо. Право же на издание утверждено семейству правительством.[1] Все прежние сотрудники остались. Направление и всё прежнее. Но теперь, *более чем когда-нибудь,* нам необходима помощь Ваша. Я надеюсь, что Вы не откажете поддержать «Эпоху». Обращаюсь к Вам с просьбою, если возможно, дать нам что-нибудь Вашего в этом году.[2] Теперь именно нужно, чтоб общество знало, что такие сотрудники, как Вы, не оставили журнала и, помещая в нем свое, интересуются его существованием. Зная Вас, я Вам приписываю (и беру это на себя), что Вы не захотите падения «Эпохи», которая и без того, по многим, очень тяжелым обстоятельствам, не могла еще до сих пор основаться как бы надо. Подписчики, впрочем, всё те же (4000),[3] но вспомните, что 1-е объявление было выдано в феврале, а книга (янв‹арская› и февр‹альская›) вышла только 20 марта.[4]

Твердо надеюсь на помощь Вашу. Я работаю в журнале по-прежнему и взял на себя всю хозяйственную часть. Редактор А. У. Порецкий писал когда-то у нас «Внутреннее обозрение»: это ответственный редактор.[5] Надеюсь на Вас.

Примите уверение в глубоком моем уважении.

Вам преданный Федор Достоевский.

24 авг./64.

236. Н. БУДАЕВСКОМУ

29 августа 1864. Петербург

Черновое

Милостивый государь.

Ошибки быть не могло ни малейшей. Напрасно Вы ездили[a] по типографиям. Г-ну Дьяконову я выдал 10 руб. единственно из сожаления, потому что давным-давно заплатил деньги негодяю Беляеву, с которого г-ну Дьяконову и следовало получить, а не с меня. Иначе типография или сам г-н Дьяконов должны бы были мне представить счет раньше, чем успел это сделать Беляев. Он мне подал счет, и я расплатился. Я нисколько не отвечаю за его долги. Повторяю, если я заплатил в другой раз за

a *Далее было:* срамить

одну и ту же корректуру, то единственно потому, что жалел г-на Дьяконова и пропавшие, через негодяя Беляева, труды его.

Завтра (в воскресенье) в 12 часов я дома. Если Вам этого объяснения мало, то я не отказываюсь разъяснить Вам всё это лично.

237. М. В. РОДЕВИЧУ

Июль—август 1864. Петербург

Черновое

Милостивый государь г-н Родевич,

Паша, по неопытности, показал мне Ваше письмо к нему, основываясь на том, что Вы просили его передать мне это письмо.[1] Он был в негодовании, потому что Вы, вообще, оставили в нем неприятное впечатление. Вот почему я и стараюсь, чтобы всё, совершенно всё, было между Вами и им покончено, потому что сам боюсь этих напоминаний вследствие пагубного влияния, которое Вы на него имели как учитель и воспитатель.

Отношения наши зашли слишком далеко. Я не могу унизить себя до таких грубых писем в препинаниях[а] с Вами и потому, чтоб покончить раз навсегда, предпочитаю высказать Вам *всё* — всё, что до сих пор деликатность не давала мне Вам высказать, несмотря на то, что я имел на это полное право.

Уезжая за границу прошлого года, я сделал чрезвычайную ошибку, доверив Вам Пашу.[б] Вы наняли с ним общую квартиру, обязались его учить и — так как я оставил его при Вас — руководить его и как воспитатель. Письмо, написанное мне Вами за границу о Паше, утвердило меня в мыслях, что Вы вполне и добросовестно взяли на себя должность[в] воспитателя.[2] Притом, при прощании, Вы мне обещали многое лично. Я читал Ваши статьи о разных гуманных предметах и[г] виноват был только в том, что поверил *в дело,* тогда как это всё были только слова в гуманном мундире новейших времен.[3] Возвратясь, я узнал, что Вы вели себя не как воспитатель, не как наставник, а беспорядочно и в отношении к своему ученику — безнравственно. Денег моих пошло на Вас куча; возвратясь сюда, я заплатил многое еще, за вычетом, разумеется, у Вас из уроков.

Но Вы скоро и весьма беспорядочно истратили прежде выданные мною Вам деньги. Имею право так говорить, потому что Вы отсылали Вашего воспитанника обедать к его тетке, не выдавали ему много раз денег (что всё записано и письма Ваши целы);[4] заставляли мальчика *смотреть* весь этот беспорядок, и в молодую

[а] *Далее было:* моих
[б] *Далее было:* вследствие чего
[в] *Было:* роль
[г] *Далее было:* поверил

душу его поселяли цинизм и хаос. Вы посылали его закладывать по лавкам свои часы, чтоб добыть денег, стыдясь, вероятно, идти закладывать сами, и это учитель воспитанника! Вы посылали его с Вашими статьями по разным редакциям, выставляя моему сыну (обеспеченному мною *вполне*), что если он добудет денег из редакций, то тогда может взять себе на обед. Я Вам не для того вверил 15-летнего мальчика, чтоб он шлялся по редакциям. Хаос воспитательный доходил [д] до nec plus ultra.* Подробностей тысячи; вот, например, некоторые: Вы стали носить мои рубашки; из-за этого завелся спор; он не давал Вам моего белья — и начал запирать свой ящик, — спор, согласитесь сами, унизительный для учителя и воспитателя и обнаруживающий в Вас большую нетвердость совести и распущенность. Пишу об этих случаях,[е] которых, может быть, были тысячи.

Я [ж] написал Вам слишком длинное письмо. Но это единственно потому, что мне давно уже хотелось Вам ли, другому ли так называемому прогрессисту [з] внушить, что прогресс состоит не в фразе и что недостаточно модной фразы для успокоения собственной совести и для прикрытия безобразнейших беспорядков.

К тому же я считал себя нравственно обязанным подробно объясниться с Вами и высказать Вам, почему я Вам, с самого возвращения из-за границы, выказывал [и] постоянно неуважение.[к]

Я очень жалею, если студент, приходивший от Вас за книгой,[5] чувствует себя хоть сколько-нибудь лично мною обиженным. Искренно прошу у него извинения. Если он порядочный человек (в чем я не имею ни малейшей причины сомневаться), то он поймет, что вся раздражительность, которую я тогда [л] выказал, относилась только к Вам и задевала его как Вашего посланного, а не его лично. Я действительно очень желаю, чтоб с Вами покончить совсем,[6] и потому предуведомляю Вас, что если, несмотря на это письмо мое, Вы будете еще продолжать обращаться ко мне или к моему пасынку, то я предам наконец гласности Ваше письмо и мой ответ (с которого копию на всякий случай оставляю у себя) с целью [м] ограждения публики [н] от такого наставника и учителя. Вы очень хорошо знаете, что Вам же будет хуже и что не одни голословные у меня обличения. И потому сообразите.[о]

Ф. Д‹остоевский›.

д *Было:* был
е *Было:* темах
ж *Было:* Г-н Родевич, я
з *Далее было:* а в сущности
и *В подлиннике:* вызывал
к *Было:* некоторое неуважение
л *Было:* тут
м *Было:* в виде
н *Было:* общества
о *Вместо:* И потому сообразите. — *было:* Оставьте же нас в покое.
* до крайности (*лат.*).

238. Я. П. ПОЛОНСКОМУ

8 сентября 1864. Петербург

Любезнейший Яков Петрович,

Посылаю *сто*. Не имею я ни малейшего понятия о Ваших условиях с Мишей. Объяснимтесь как-нибудь лично. Только у нас денег нет или очень мало. Я и на эти *сто* не рассчитывал, что надо будет Вам отдавать. Но всё равно. Вы говорите, что так было условие; стало быть, оно и было[a] так. До свиданья, голубчик. Жму Вам руку, теребят со всех сторон,

Ваш Ф. Достоевский.

Вторник
8 сент<ября>.

---

[a] *Вместо:* оно и было — *было:* и будет

239. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

13 сентября 1864. Петербург

Милый Коля, посылаю тебе еще пять рублей. Может быть, тебе нужны деньги. Как твое здоровье и как твои обстоятельства? Я всё боялся и боюсь, что тебя посадят.[1] Черкни об этом. Я занят по горло. Вожусь и день и ночь с корректурами. Две статьи задерживают в цензуре и, может быть, не пропустят.[2] До свидания, Коля.

Твой весь Ф. Достоевский.

13 сентября/64.

240. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

19 сентября 1864. Петербург

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Крайне благодарен Вам за Ваше обещание.[1] Если б только хоть к декабрю поспела Ваша вещь, и то было бы превосходно. Оно правда, теперь (то есть не в декабре, а теперь) у нас время самое горячее. Нам именно хотелось бы поскорей заявить перед обществом, что прежние, главнейшие наши сотрудники со смертию брата нас не оставили.[2]

Я вовсе не забыл тогда сказать брату, что Вы еще не получали журнал.[3] Он тотчас же, при мне же, сделал распоряжение Вам высылать — и опять не исполнили. Конторщик у нас давно уже не тот, еще[a] брат его прогнал за его неисправность. Теперь всё будет аккуратнее.

---

[a] *Далее было:* при жизни

Хочется сделать что-нибудь хорошее из журнала, вдруг нельзя, но к концу года, надеюсь, будет не худо. Извините, что не тотчас Вам отвечаю. (Книги тотчас послал).[4] Сидел день и ночь над работой и имел два припадка падучей. Еще раз благодарю очень.

Искренно преданный и глубоко уважающий Вас

Ф. Достоевский.

19 сентября.

241. И. С. ТУРГЕНЕВУ

20 сентября 1864. Петербург

Петербург 20 сентября.

Любезнейший и многоуважаемый Иван Сергеевич,

Егор Петрович говорил мне, что Вы, во-1-х, хорошо расположены к нашему журналу, а во-2-х, рассказывал мне, что и Вы, и он в Бадене были в некотором недоумении насчет имени Порецкого, объявленного нашим официальным редактором.[1] Из слов Ковалевского я понял (если не ошибаюсь), что если Вы и дали бы нам, может быть, Вашу повесть или роман в «Эпоху» (то есть в будущем, когда напишете), но незнакомое имя Порецкого теперь Вас способно отчасти остановить. Считаю нелишним объяснить Вам всю суть дела. Порецкий наш знакомый (мой и покойного брата) через Майковых лет еще 17 тому назад. Когда-то он составлял «Внутреннее обозрение» в «Отечеств<енных> записках». Этим занимался он и во «Времени» в 61-м году,[2] потом его сменил Разин. Теперь мне объявили, что я[а] официально редактором быть не могу и чтоб я подыскал официального редактора. Порецкий человек тихий, кроткий, довольно образованный и без литературного имени (если уж не колоссальное литературное имя, как, наприм<ер>, Писемский, то уж лучше пусть совсем без имени; для журнала выгоднее),[б] но главное: статский советник. Я и представил его как редактора, и так как он совершенно подходил к условиям, то его и утвердили. Он помогает в редакции и даже стал писать «Внутреннее обозрение», но издаем мы все, прежние сотрудники, а главное, я. И дело идет, кажется, недурно, и средства у нас теперь есть.

Но вот что: на публику все эти перемены имеют тоже чрезвычайное влияние. Теперь, именно теперь, нам надо показать, что нас не чуждаются прежние капитальные сотрудники, а если Вы будете участвовать в журнале, то публика поймет наконец, что журнал на очень хорошей дороге. И потому не стану от Вас скрывать, сколько будет значить для нас Ваше участие. Напишите мне, Иван Сергеевич, очень Вас прошу об этом, можете ли Вы нам обещать первую Вашу повесть или роман?[3] Подписчи-

---

а *Далее было:* хоть

б *Далее зачеркнуто две строки.*

ков у нас довольно. По беспристрастию, по честности литературной (то есть, не кривим душой) и по критическому отделу наш журнал будет стоять первым. «Современник» страшно падает,[4] а «Русский вестник» обратился в сборник. Не хвалюсь, впрочем. Одним словом, что будет то будет, а мы постараемся.

Мы немного запоздали. Смерть брата остановила на два месяца[в] издание, и хоть и все опоздали, но мы больше всех.[5] Но догоним. Я перенес дело в другую типографию, и работаем усиленно. Хочется январскую книгу 65-го года издать раньше всех.[6]

До сих пор я не мог ни одной строки написать сам. Работаю день и ночь и уже имел два припадка падучей. Все дела на мне, а главное — *издательская* часть;[г] у семейства я теперь один. Но слава богу, кой-что уже устроено, и я не теряю надежды.

Повторю Ва́м еще: Ваше участие для нас слишком много значит. Если нас поддержите — не раскаетесь. Конечно, всякий свое[д] хвалит; но ведь это лучше, чем если б я смотрел[е] на свое теперешнее занятие скептически. Как бы я желал, чтоб Вы получали наш журнал.[7]

Островский только что прислал теплое письмо. Обещает непременно в течение года две комедии[ж][8] (а у меня есть статья в этом номере об Островском, хоть и хвалебная, но слишком уж может быть беспристрастная.[9] Он ее и не видал еще. Но не хочу и думать, чтоб она произвела на него какое-нибудь враждебное журналу влияние).

До свидания. Крепко жму Вашу руку и пребываю Ваш весь

Ф. Достоевский.

в *Вместо:* на два месяца — *было:* на время
г *Далее было:* ибо
д *Было:* себя
е *Вместо:* ведь ∾ смотрел — *было:* а. *Начато:* если б б. Хорошо еще и то, что я смотрю на свое теперешнее занятие нескептически.
ж *Было:* драмы

242. С. В. ЭНГЕЛЬГАРДТ

27 октября 1864. Петербург

Милостивая государыня Софья Владимировна,

По расчету листа — в шестьдесят пять руб. — приходится Вам получить за Вашу повесть «Лиза» (25 стран‹иц›) 101 руб. 50 к. Контора журнала имеет честь препроводить к Вам эту сумму.[1]

Позвольте нам надеяться на Ваше сотрудничество.

Примите уверение в моем уважении. Милостивая государыня, Ваш слуга

Федор Достоевский.

27 октябр‹я›/64.
Петербург.

243. Ф. А. БУРДИНУ

20-е числа октября 1864. Петербург

Милостивый государь,

Некоторые обстоятельства помешали мне тотчас же отвечать на Ваше письмо. Надеюсь, что Вы извините меня.

Прежде всего я прошу Вас, милостивый государь, оставить меня в покое и отнюдь не вмешивать меня в Ваши неудовольствия с Вашими критиками.[1] Я никаких закулисных интриг и тайн не знаю и во все эти скандалы не вмешиваюсь. Я даже и в театр хожу редко, за недосугом, однако ж несколько раз видал Вас на сцене.[2]

Напрасно Вы трудились описывать мне историю сношений Ваших с покойным Аполлоном Александровичем Григорьевым. Вы, очевидно, надеялись вразумить меня в том, что все неодобрительные о Вас отзывы, напечатанные им о Вашей игре,[а] были делом личного какого-то мщения.[б] Обращались же Вы ко мне как к редактору журнала «Эпоха». Имею честь Вас уведомить, что я действительно помогаю редактору «Эпохи»,[3] но вот что я Вам объявляю: ни одной статьи, из тех, которые я рассматриваю, я не пропускаю без моей редакции и ни за что на свете не пропущу личность, клевету, интригу. Если же я пропускал неодобрительные отзывы о Вашем таланте, то единственно потому, что с этими отзывами я был сам согласен.[в] Вы пишете мне о каких-то площадных выходках и личных ругательствах.[4] Но я, милостивый государь, не помню ни одной. Всё что писалось, относилось только к Вашему дарованию, но отнюдь не к Вашему лицу. Об Вас как о человеке не говорилось ни слова. Площадных ругательств положительно не было и, даю Вам слово, — никогда не будет, пока я буду работать в редакции. Кстати, замечу Вам, что я помогаю редактору журнала весьма недавно.[5] Я редактировал всего только три книги.[6] Но я помню и прежние театральные обзоры, бывшие еще при моем покойном брате. Ни ругательств, ни личностей нет там, да брат и не пропустил бы их. Насмешки действительно были, но только над игрой Вашей.[7] На это Вы претендовать не можете. Вы сами, своею волею, выходите на сцену перед публику, которая платит деньги. С той минуты, как Вы вышли на сцену, Вы уже подвергаетесь и публичному суду относительно исполнения Ваших ролей.

Извините меня, милостивый государь, если я Вам замечу, что Вы принадлежите к тому разряду артистов, которые до того слишком уважают себя и ценят свои таланты и до того щекотливы,[г]

[а] *Вместо:* напечатанные им о Вашей игре — *было:* которые он напечатал

[б] *Вместо:* личного какого-то мщения — *было:* личной злости и мщения

[в] *Далее было:* с чем я не согласен, того не пропускаю.

[г] *Вместо:* которые до того ∾ щекотливы — *было:* которые до того уважают себя и до того щекотливы относительно своего таланта

что почти всякое замечание, клонящееся не к прямому обожанию их артистических достоинств, считают за личную себе обиду. Вспомните, милостивый государь, что и Пушкин и Гоголь подвергались критике и хуле. Повторяю, — не знаю я никаких Ваших закулисных дел ни с Ап<оллоном> Григорьевым, ни с кем бы то ни было; но знаю наверно, что всё писанное ими о Вас совершенно совпадало с мнением редакции «Эпохи».

Может быть, Вы найдете, милостивый государь, мое замечание о Вашей артистической щекотливости несколько фамильярным. Но вспомните собственные Ваши советы, которые Вы давали мне насчет критики нашего журнала и при этом Ваши до странности резкие выражения. Прошу Вас впредь уволить меня от подобных коротостей.[8] Замечание мое о Вашей мнительности, которое я сам назвал сейчас фамильярным, в двадцать раз слабее Ваших выходок.

Равномерно, ни за что не могу я смешать талант и старательное исполнение обязанностей. Последнее, конечно, очень похвально, но все-таки не составляет таланта и не выкупает его недостатков.[д]

Поверьте тоже, что всякий Ваш успех, всякое *действительное* проявление Вашего дарования[е] мы встретим в нашем журнале с радостию. Я твердо убежден, что такие роли в Вашем репертуаре существуют, и искренне желаю Вам полнейшего достижения цели. Искусство, которому Вы служите, — высокое и благородное искусство. Но оно — трудное, очень трудное искусство и даже избраннейшим талантам, даже гениям не дается даром. Смотреть на него свысока, пренебрегать критикой, слушать только одних льстецов, отвергать советы, надеясь на одни свои силы, — слишком опасно. Но что же я! Я уверен, что Вы сами всё это еще лучше меня знаете.[ж]

д *Вместо:* не составляет ∾ недостатков. — *было:* не талант и не выкупает недостатка таланта.

е *Было:* таланта

ж *Конец письма, содержавшийся, очевидно, на другом листке, отсутствует.*

244. А. У. ПОРЕЦКОМУ

Начало декабря 1864. Петербург

Любезнейший и многоуважаемый Александр Устинович, ради бога, умоляю Вас, присядьте поскорее за «Внутреннее обозрение». Филиппов написал ужасную дичь.[1] Надобно спешить, Александр Устинович, а потому, если на то пошло, наделайте хоть побольше выписок (не сплошь, конечно), но только чтоб вышло побольше «Обозрение». Хорошо бы тоже связать всё какой-нибудь общей

мыслью, общим взглядом. Главное — надо как можно скорее. Сядьте теперь же, умоляю Вас. Главнейшее дело в том, чтоб выдать ноябрьск<ую> книгу до рождества.[2] Я решился, по многим соображениям, не выдавать ноябрьс<кого> и декабрьск<ого> номера вместе.[3]

Филипповская работа Вам мало пособит. Из нее очень мало можно взять. Впрочем, завтра (особенно, если б заехали утром ко мне или в редакцию) я Вам передам Филиппова работу с некоторыми необходимыми объяснениями. Но, не дожидаясь ее, присядьте сейчас.[a] Страшное дело: написать совершенно некому «Внут<реннего> обозрения», и я поневоле должен беспокоить Вас.[4] А дело идет чуть не о спасении, ибо 1-е дело выйти к рождеству. Только до январского № будет продолжаться эта сбивчивость и хлопоты, а там пойдет в отношении «Внутр<еннего> и полит<ического> обозрения» по новому плану.

Спасите и выручите, ради бога

Ваш весь Ф. Достоевский.

Корректуры романов передайте хоть Третьякову.

---

[a] *Было:* хоть сейчас

245. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

9 декабря 1864. Петербург

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Извините, что еще раз решаюсь Вас беспокоить.[1] Теперь для нас самое экстренное и роковое время: январскую книгу надо составить хорошо, *приметно,* а у меня ничего еще для нее не имеется. Крепко надеюсь на Ваши слова, что в будущем году Вы поместите у нас Вашу большую вещь. Но Вы писали еще, что у Вас была начата еще одна вещь и что она поспеет в декабре, а *может и ранее* — и тоже нам ее обещали.[2] Поддержите журнал, Александр Николаевич! Если мне помогут, я за будущий год отвечаю. И теперь уже на «Эпоху» стали более обращать внимания чем прежде. Сужу по отзывам, а главное, по начавшейся подписке. В страшно затруднительном мы положении еще в том отношении, что спешим войти в сроки, а от этого действительно очень страдает отдел критики и публицистики, — а это очень важная вещь в журнале. А у нас в России журналы — еще *не должны* обращаться в сборники. Но к весне, когда совершенно войдем в сроки, мы надеемся крепко стать на ноги. Вообще говоря, на будущий год мы надеемся. Помогите же, если можно, и не сердитесь, что я Вам надоедаю. Иначе январский № выйдет совершенно ординарный, а это плохо.

До свидания, многоуважаемый Александр Николаевич. Жду Вашего ответа как спасения.

Искренно преданный и глубоко уважающий Вас

Ф. Достоевский.

9 декабря/64.

246. А. В. КОРВИН-КРУКОВСКОЙ

14 декабря 1864. Петербург

Милостивая государыня Анна Сергеевна.

Я Вам пишу: *Анна Сергеевна*, а наверно не знаю. И потому будьте так добры, уведомьте меня, правильно ли пишу или нет?

Посылаю Вам 181 руб. (сто восемьдесят один) рубль за Вашу повесть «Послушник», которая напечата‹на› в «Эпохе», в 9-м (сентябрьском) № под названием: «Михаил». Название «Послушник» было не то чтоб запрещено, а забраковано духовной цензурой. Эту повесть дух‹овная› ценз‹ура› первоначально запрещала, и потому я должен был согласиться на многие вымарки и исправления. Некоторые из этих исправлений, и по моему личному убеждению, — были нужны. (Н‹а›п‹ример›, все чувства Михаила по поводу монастыря и монахов по возвращении из Москвы и перед отъездом в Москву были вымараны, а по-моему, и хорошо, потому что упоминать о них лишнее. Кто не поймет их и без разжевывания? От этого сокращения повесть становится короче, сжатее и нисколько не темнее. Всё ясно. При этом прибавлю, что величайшее умение писателя, это — уметь вычеркивать. Кто умеет и кто в силах *свое* вычеркивать, тот далеко пойдет. Все великие писатели писали чрезвычайно сжато. А главное — не повторять уже сказанного или и без того всем понятного. Простите за это отступление). Может быть, я слишком наивен, высовываясь Вам давать советы. (Мне бы и первое письмо Ваше, где Вы просили советов, не следовало бы *принимать буквально*, не так ли?) [1]

Повесть Ваша («Михаил») всем близким к редакции людям и постоянным нашим сотрудникам — очень понравилась. Один из них (Страхов, он же пишет «Заметки летописца»), мнению которого я более всех доверяю, — находит у Вас *большое прирожденное* мастерство и разнообразие. (Разнообразие, как, наприм‹ер›, сюжет «Сна» и «Монашеская жизнь»). Вообще «Михаил» *многим* нравится. «Сон» же не всем. Мое мнение Вы знаете.

Вам не только можно, но и *должно* смотреть на свои способности *серьезно*. Вы — поэт. Это уже одно много стоит, а если при этом *талант* и *взгляд*, то нельзя пренебрегать собою. Одно — учитесь и читайте. Читайте книги серьезные. Жизнь сделает остальное.

Да еще надобно верить. Без этого *ничего* не будет.

Идеал Ваш проглянул недурно, *хоть и отрицательно.* Михаил, который не может *по натуре* (то есть бессознательно) помириться с чем-нибудь, что *ниже идеала*, — идея глубокая и сильная.[2]

Вы мне не ответили на последнее письмо (несколько строк) при отсылке Вам денег за повесть «Сон».[3] И я до сих пор не знаю, получили ли Вы их или нет?

И потому, сделайте одолжение, напишите хоть два слова, что получили деньги за «Михаила» (которые теперь посылаю).[4] За «Михаила» я рассчитал по 50 руб. с листа.

Искренно преданный Вам

Ваш слуга Ф. Достоевский.

14 декабря/64.

Извините, что я опоздал выслать Вам деньги за «Михаила» *две недели.*

247. И. С. ТУРГЕНЕВУ

14 декабря 1864. Петербург

Многоуважаемый Иван Сергеевич,

Простите, что Вас беспокою. Вы обещали, в случае если у Вас будет повесть, не забыть нас.[1] Теперь, для журналов, время самое критическое. Если б можно было в январе поместить хоть что-нибудь Ваше, — было бы великолепно. *Не претендую ни на что*; к тому же Вы сказали, чтоб Вас не беспокоить.[2] Но здесь говорят и даже печатали, что у Вас начат ряд рассказов и некоторые окончены. Говорил об этом мне и Ковалевский. Если Вам не противно напечатать хоть один из этих рассказов *теперь, то дайте ради бога.*[3] Если только это в чем-нибудь Вас не расстроит. Мы, во-1-х, явились бы с Вами, а во-2-х, мы сдержали бы слово, и все бы видели, что мы сдержали слово (я в объявлении о журнале напечатал *только*, что надеюсь поместить в «Эпохе» первое, что Вы напишете).[4]

Не хвалясь скажу, что журнал наш становится на первое место, по крайней мере из петербургских. Спешим мы очень, и это нам очень вредит, но публика довольна. Отзывы слышим хорошие, слишком даже. Но это еще только начало. С будущего года (особенно когда войдем в сроки: журнал опоздал после смерти брата) пойдет другое, *втрое* лучше будет, я за это отвечаю. Сижу день и ночь, езжу, пишу, корректую, вожусь с типографиями и цензорами и проч. Здоровьем не могу похвалиться, но в конце апреля непременно поеду на 3 месяца поправляться за границу. Заеду и к Вам.[5] А с осени опять засяду. За границей хочу писать большую повесть.[6] Впрочем, бог знает, что еще впереди, а покамест надо получше издавать журнал. А знаете что? Оказалось, что я не совсем непрактический чело-

век. Дела идут очень недурно. Подписка у всех началась поздно, но из петербургских, слышно, началась хорошо только у нас.

Никогда я еще не был в такой каторге, как теперь.

Можете себе представить, как Вы меня обрадуете удовлетворительным ответом. Но во всяком случае черкните мне хоть две строчки в ответ на это письмо. Хоть два слова, чтоб я знал. Поддержите журнал, Иван Сергеевич!

Ваш весь Ф. Достоевский.

Декабря 14/64 года.

Если б Вы выслали рассказ даже 1-го января нашего стиля, то и то он придет вовремя. Даже еще и этого позже можно.

Но не сочтите каким-нибудь образом моего письма за назойливость. Я слишком хорошо понял Ваши слова о том, чтоб Вам не мешать. Во всяком случае не сердитесь.

248. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

30 декабря 1864. Петербург

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Боюсь ужасно раздражать Вас моим надоеданием и крайне досадую на обстоятельства, принуждающие меня еще раз писать Вам о том же. Недели три тому назад я послал Вам просьбу: дать нам что-нибудь Ваше на январь.[1] Требуется выйти с чем-нибудь капитальным, а у меня на январь еще ничего нет. А пора уже начинать печатать. Журнал идет *хорошо*, и тут-то бы Ваша вещь повершила бы дело. Умоляю Вас: рассейте мое беспокойство, пришлите мне два слова — *да* или *нет*, чтобы только знать.

Боюсь, не рассердились ли Вы на меня за что-нибудь, на мою назойливость, например.[2] Боюсь тоже, не потерялось ли мое письмо к Вам (что с одним [a] письмом моим еще на днях случилось). Во всяком случае, я помню Ваше уверение в добром к нам расположении и верю в него, а потому и надеюсь, что Вы взглянете на это письмо снисходительно.

С искренним уважением

Ваш весь Ф. Достоевский.

Петербург.
30 декабря/64.

NB. Если даже и к 15-му января Вы бы могли мне что-нибудь выслать, то и тогда поспело бы.

Мы в таком исключительном положении с нашим журналом и в литературе и в публике, что надо в высшей степени заботиться поддержать себя.

---

[a] *Вместо:* с одним — *было:* со мною

1865

249. А. А. ЧУМИКОВУ

13 января 1865. Петербург

Милостивый государь Александр Александрович,

Эмилия Федоровна просит меня Вас уведомить, что по векселю моего покойного брата (в 1450 р.), которому срок 30 янв<аря>, она никаким образом Вам уплатить не может. Просит Вам также напомнить, что после брата ни ей, ни детям никакого наследства не осталось, и если она заплатила уже некоторые из долгов покойного, то единственно потому, что дорожит его памятью.

После брата остался журнал — весь в долгах (по случаю прекращения его в 63-м г.). Я, на собственные деньги, продолжал его. Если мы с Эмилией Федоровной будем уплачивать теперь, когда самим страшно нужны деньги, долги не наши, а покойника, то очень себя обессилим. И однако же, и она и я — мы положили общими силами заплатить *все* долги дорогого нам покойника. Вследствие чего и предлагаем Вам (если захотите): 30 января получить от нас 450 р. деньгами, а на остальные тысячу рублей взять вексель, подписанный уже Эмилией Федоровной и *мною*, на три месяца (по 20 апреля).[1] Таким образом, этот долг брата будет причислен к текущим журнальным делам. Мы же до сих пор по векселям, *нами* выданным, платили исправно и этим (журнальным) делом дорожим.

Рассудите, Александр Александрович, не будет ли это для Вас выгоднее? Мы Вам прямо говорим: всех денег (1450) в такой короткий срок (до 30 янв<аря>) мы никак не можем уплатить. Вам тоже придется ведь хлопотать по векселю брата. Мы же не от каприза отказываемся и полное желание имеем, но нет в настоящую минуту денег, так что нам даже малейшая отсрочка дорога.

Эмилия Федоровна кланяется Вам и свидетельствует свое почтение.

Ваш покорнейший слуга

Ф. Достоевский.

13 января/65.

250. А. А. ЧУМИКОВУ

29 января 1865. Петербург

Петербург. 29 января/65.

Милостивый государь Александр Александрович,

Сколько я ни бился, как ни разрывался, чтоб доставить Вам обещанные 500 р. к сроку, но ничего не мог сделать. До самого последнего дня надеялся, что сколочусь и достану их; ничего не вышло, кроме того, что теперь предлагаю Вам, а именно: податель письма этого, Федор Михайлович Достоевский, племянник мой и сын покойного Михаила Михайловича, вручит Вам 250 р. деньгами и, сверх того, перевод на московского Вазунова (Ивана Григорьевича), по которому Вы получите 25 февраля (но никак не раньше) 750 рублей, о чем я уже и просил нашего петербургского (Александра Федоровича) Вазунова уведомить в Москве дядю его Ивана Григорьевича. Это *всё, что я могу* сделать, и это последние слова мои.[a] Пишу так не потому, что *не хочу* заплатить Вам сейчас (странно было бы и думать это), но потому, что не могу, *положительно* не могу иначе.

Угодно Вам согласиться, то племянник мой вручит Вам деньги и перевод. Не угодно — как Вам угодно, и действуйте как Вам угодно.[1]

На векселе (прежнем, или уже протестованном) в случае Вашего согласия потрудитесь написать, что в уплату по сему векселю такого-то числа деньги двести пятьдесят рублей получили. Засим выдайте племяннику моему расписку в том, что получили от него 250 р. в уплату по векселю Мих‹аила› Михайловича.

Затем, как только 25 февраля Вы получите деньги с Вазунова и дадите ему расписку в получении, — будьте так добры, уведомьте меня, и я вышлю Вам вексель до 1-го мая на всю остальную сумму, а старый вексель отдадите тому, кто вручит Вам новый.[2]

Странными кажутся мне слова Ваши о предпочтении Вам как кредитору брата перед другими.[3] Да если мне завтра (так как я не имею такого кредита, какой имел брат) надо отдать 700 р. за одну бумагу, да столько же (minimum) заплатить за вышедший декабрьский номер в типографию, то как я Вам окажу предпочтение, когда у меня дело *от этого предпочтения остановится*? А сотрудники, которым надо платить наличными?

Вы, кажется, полагаете, что мы купаемся в золоте. Знайте же, что подписка везде во всех журналах и газетах опоздала, что я, несмотря на то, что в два последние месяца выдаю вот уже 5-й №[4] (на что требуются громадные *наличные* издержки), — знаю, однако же, наверно, что провинция едва только получила ноябрьскую книгу,[5] благодаря нашим почтам, а в Петербурге и

---

[a] *Далее было начато:* Если

Москве кто же станет подписываться раньше выхода 1-й книги. Я сижу с плохой подпиской и надеюсь только на февраль и на март, тем более, что и прошлогодняя подписка началась у нас только в марте. Между тем до 10-го февраля должен заплатить 5000 р., а в комоде и 20 р. в настоящую минуту нет.

Во-вторых, вексель, который у Вас, выдал[б] Вам *не я*. Что же естественнее: платить по своим векселям или по чужим?[в]

Не сердитесь на меня. Знайте, что я сделал теперь более, чем мог. Я заплатил больше 4000 на одной прошлой неделе.

Ваш вексель подоспел в самое тяжелейшее время года. Впрочем, всё в Вашей воле. Как хотите, так и поступите, а я ничего больше не могу предложить.

Примите уверение в полнейшем моем уважении.

Ваш покорный слуга

Федор Достоевский.[г]

[б] *Вместо:* вексель ∾ выдал — *было: а.* письмо ко мне ‹*нрзб.*› от Вас, *б.* в прошлом своем письме

[в] *Далее было:* Кстати, Вы изволите писать о процентах вперед и в одном месте письма говорите, что давали брату по шесть процентов, в другом же требуете с нас уже 8, так что я совершенно не знаю, чего придерживаться. Сделайте одолжение, сообщите мне расчет процентов точнее. Я вышлю тотчас. Если Вы уже протестовали вексель, то издержки (10 р‹уб.›) вручит Вам мой племянник.[6]

[г] *Вместо:* Примите ∾ Достоевский. — *было:* [Вам] Ваш слуга Достоевский.

251. И. С. ТУРГЕНЕВУ

13 февраля 1865. Петербург

Февраля 13-го/65.

Многоуважаемый Иван Сергеевич,

П. В. Анненков передал мне еще неделю тому назад, чтоб я выслал Вам братнин долг за «Призраки», триста рублей.[1] Об этом долге я и понятия не имел. Вероятно,[а] брат мне говорил о нем тогда же, но так как память у меня очень слабая, то я, разумеется, забыл; да и прямо это меня тогда не касалось. И жаль мне очень, что я не знал об этом долге еще летом: тогда у меня было много денег, и я наверно тотчас бы Вам, без Вашего требования, его выслал.

Боюсь, что теперь очень запоздал. Но в эти 8 дней выходила книга (январская), да к тому же я едва на ногах стоял больной, а между тем так как в *исполнительном по журналу деле* я почти один, то, несмотря на болезнь, хлопотал день и ночь. Не скрою тоже, что и денег было мало, у нас подписка запоздала и теперь только с выходом 1-ой книги повысилась.

В последнее время, с 28 ноября, когда вышла наша сентябрьская книга, по 12 января (выход январской)[2] я, в 75 дней, вы-

---

[а] *Было:* Конечно

дал 5 номеров, в каждом номере средним числом 35 листов. Можете представить, каких хлопот это стоило, и это одно уже Вам даст понятие, во что я теперь обратился? Сам не знаю: я какая-то машина.

Теперь буду иметь время не 2 недели, а уже месяц на издание книги. Надеюсь сделать журнал по возможности интересным. Долгов много: очень трудно будет, но выдержу год, и к следующему году станем твердо на ноги.

Вы писали мне, что удивляетесь моей смелости в наше время начинать журнал.[3] Наше время можно характеризовать словами: что в нем, особенно в литературе — нет никакого мнения; все мнения допускаются, всё живет одно с другим рядом; общего мнения, общей веры нету. Кому есть что сказать и кто (думает по крайней мере) что знает, во что верить, тому грех, по-моему, не говорить. Насчет же смелости — отчего не сметь, когда все говорят всё, что им вздумается, когда самое дикое мнение имеет право гражданства? Впрочем, что говорить об этом. Вот приезжайте-ка, да поприсмотритесь на месте к нашей литературе — сами увидите.

В последнее время было, впрочем, несколько литературных явлений, несколько замечательных.

3-го дня вышел 1-ый номер «Современника» с «Воеводой (Сон на Волге)» Островского. Не знаю, что такое; еще не читал, за корректурами сидел; одни говорят, что это лучшее, что написал Островский, другие не знают, что сказать.[4]

Посылаю Вам при этом через контору Гинцбурга перевод в 300 руб.

Анненков говорил, что Вы нескоро к нам приедете. Правда ли это?[5]

Кстати: удивляюсь, почему Вы считаете, что рассказ Ваш «Собака» (которого я не читал) так маловажен, что выйти с ним теперь значит повредить себе в литературе.[6] Странно мне это, Иван Сергеевич! Разве Вы можете повредить себе, хотя бы и маловажным рассказом?[7] Ну что ж из того, что явится Ваш маленький рассказ прежде большой поэмы? Кто ж не писал маленьких рассказов?

До свиданья. Вам наипреданнейший

Федор Достоевский.

252. С. Н. ФЕДОРОВУ

25 февраля 1865. Петербург[a]

Милостивый государь,

24 февраля в 10 часов вечера я получил от Вас телеграмму такого содержания:

---

[a] *Начало письма не сохранилось. Печатаем его* (*до слов:* не писал мне) *по первой редакции* (с. 345).

«Высылайте четыреста рублей. Нуждаюсь. Обещали в январе. Телеграфируйте в счет. Так не оставлю.[б] Степан Федоров».

Собственно для того, чтоб не было от Вас других телеграмм, телеграфировал я Вам на другой день. Получите приличный ответ.[в] Вот этот ответ.

Во-1-х, позвольте Вам[г] заметить, что ко мне лично, к Федору Достоевскому, Вы не имели *ни малейшего* права высылать телеграммы с приказаниями: высылайте четыреста руб., и с угрозами в конце: *Так не оставлю*. Да и никто никогда еще так не писал мне. ... ‹от›ношения, слава богу, знают. Да и к чему тогда ко мне телеграмма?[1] *Я* разве брал у Вас деньги или пользовался когда Вашим трудом? Ясное дело, что Вы приняли меня за наследника и собственника.

Иль, может быть, Вы оттого телеграфировали мне, что я Вам уже раз отвечал и обещался уплатить в январе.[2] Помилуйте, родственник Вашего должника, хотя и близкий, но относительно наследства совершенно посторонний, — обещается Вам *от своего имени* (а у меня имя *честное*) постараться уплатить, даже обнадеживает сроком (хотя в сроке[д] и сам ошибается), обещается для этого не щадить ни сил, ни способностей, — и всё это из чужого долга, — да я думал, что за эту решимость вести дела меня даже, может быть, кто-нибудь поблагодарит или, по крайней мере, даст мне (довольно неопытному в этих делах) время всё это устроить, а между тем мне же присылают телеграмму — извините меня — с *грубой* угрозой.

Ясное дело, что Вы потеряли ко мне доверенность и не хотите более в этом деле моего посредничества. Стало быть, хотите действовать по закону. Ваша полная воля; но опять скажите, для чего же присылать мне тогда[е] такую устрашительную телеграмму, с такими обидными выражениями?

Я никогда у Вас ничего не брал, ничего Вам не был должен. Для чего же Вы меня стращаете и даже срамите? Жалею о том, что Ваш труд остался неоплаченным, но отвечать лично я за него не могу,[ж] — даже старанием и желанием помочь, потому что Вы сами не имеете ко мне доверия, что доказывает Ваша телеграмма. Как только Вы хотите действовать иными путями, я очевидно тотчас же становлюсь в стороне, потому что сам я в этом деле сторона.

Примите уверение в полном моем уважении.

Ваш покорный слуга

Федор Достоевский.

25 февр./65.

[б] *Далее было:* Подписано Степ‹ан›

[в] *Далее было:* и сегодня же

[г] *Далее было:* милостивый государь

[д] *Было:* в этом

[е] *Вместо:* мне тогда — *было:* после этого

[ж] *Далее было:* тем более, что

253. А. Е. ВРАНГЕЛЮ

31 марта—14 апреля 1865. Петербург

Петербург 31 марта/65.

Милый, добрый друг мой, Александр Егорович, я понимаю, что Вы должны были очень удивиться и, конечно, судя по чувствам Вашим ко мне, оскорбиться моим молчанием в ответ на оба Ваши задушевные, добрейшие письма. Не удивляйтесь и не оскорбляйтесь. Я Вам тотчас же хотел тогда ответить и *не мог.* Почему? Прочтете ниже. Но Вас, друга моего в то время, когда у меня не было друзей, свидетеля и моего бесконечного счастья и моего страшного горя (помните ту ночь в лесу, под Семипалатинском, когда мы их провожали):[1] друга моего и потом здесь, в Петербурге, ходатая за меня[2] — Вас мог ли бы я забыть? Напротив, во все эти годы много раз я об Вас думал и вспоминал. Но что была моя жизнь в это время. Я Вам обязан объяснением и даже отчетом, чтоб разъяснить мое недавнее молчание на Ваши письма. Слушайте же, напишу Вам всю мою историю за всё время, — впрочем, не *всю*, этого нельзя, потому что в подобных случаях в письмах главнейшего никогда[а] не расскажешь. Иное просто не могу рассказывать. А потому расскажу Вам лучше, по возможности вкратце, последний год моей жизни.

Вы знаете, вероятно, что брат затеял четыре года назад журнал. Я ему сотрудничал.[3] Всё шло прекрасно. Мой «Мертвый дом» сделал буквально фурор, и я возобновил им свою литературную репутацию.[4] У брата были огромные долги при начале журнала, и те стали оплачиваться, — как вдруг в 63-м году, в мае, журнал был запрещен за одну самую горячую и патриотическую статью, которую ошибкой приняли за самую возмутительную против правительственных действий и общественного тогдашнего настроения. Правда, и писатель был отчасти виноват (один из наших ближайших сотрудников), слишком перетонил, и его поняли обратно. Дело скоро поняли как надо, но уж журнал был запрещен.[5] С этой минуты дела брата приняли крайнее расстройство, кредит его пропал, долги обнаружились, а заплатить было нечем. Брат выхлопотал себе позволение продолжать журнал под новым названием «Эпоха». Позволение вышло только в конце февраля 64-го.[6] 1-й номер не мог появиться раньше 20-го марта. Журнал, значит, опоздал, подписка уже повсеместно кончилась, потому что публика подписывается на все журналы по старой привычке только в 3 месяца, в декабре, январе и феврале. Надо было удовлетворить прежних подписчиков, которые не получили расчету при прекращении «Времени». Им объявлено было, чтоб они досылали по шести рублей, за «Эпоху» 1864-го года. Так как новых подписчиков почти не было, а были

а *Вместо:* главнейшего никогда — *было:* ничего

всё старые, досылавшие по шести рублей, то, стало быть, брат должен был издавать журнал себе в убыток. Это окончательно его расстроило и доканало. Он начал делать долги, здоровье же его стало расстроиваться. Меня подле него в это время не было. Я был в Москве, подле умиравшей жены моей. Да, Александр Егорович, да, мой бесценный друг, Вы пишете и соболезнуете о моей роковой потере, о смерти моего ангела брата Миши, а не знаете, до какой степени судьба меня задавила! Другое существо, любившее меня и которое я любил без меры, жена моя, умерла в Москве, куда переехала за год до смерти своей от чахотки. Я переехал вслед за нею, не отходил от ее постели всю зиму 64-го года, и 16-е апреля прошлого года она скончалась,[7] в полной памяти, и, прощаясь, вспоминая всех, кому хотела [б] в последний раз от себя поклониться, вспомнила и об Вас. Передаю Вам ее поклон, старый, добрый друг мой. Помяните ее хорошим, добрым воспоминанием. О, друг мой, она любила меня беспредельно, я любил ее тоже без меры, но мы не жили с ней счастливо. Всё расскажу Вам при свидании, — теперь же скажу только то, что, несмотря на то, что мы были с ней положительно несчастны вместе (по ее странному, мнительному и болезненно фантастическому характеру), — мы не могли перестать любить друг друга; даже чем несчастнее были, тем более привязывались друг к другу. Как ни странно это, а это было так. Это была самая честнейшая, самая благороднейшая и великодушнейшая женщина из всех, которых я знал во всю жизнь. Когда она умерла — я хоть мучился, видя (весь год) как она умирает, хоть и ценил и мучительно чувствовал, что́ я хороню с нею, — но никак не мог вообразить, до какой степени стало больно и пусто в моей жизни, когда ее засыпали землею. И вот уж год, а чувство всё то же, не уменьшается... Бросился я, схоронив ее, в Петербург, к брату, — он один у меня оставался, но через три месяца умер и он, прохворав всего месяц и слегка, так что кризис, перешедший в смерть, случился почти неожиданно, в три дня.[8]

И вот я остался вдруг один, и стало мне просто страшно. Вся жизнь переломилась разом надвое. В одной половине, которую я перешел, было всё, для чего я жил, а в другой, неизвестной еще половине, всё чуждое, всё новое и ни одного сердца, которое бы могло мне заменить тех обоих. Буквально — мне не для чего оставалось жить. Новые связи делать, новую жизнь выдумывать! Мне противна была даже и мысль об этом. Я тут *в первый раз* почувствовал, что *их* некем [в] заменить, что я *их* только и любил на свете и что новой любви не только не наживешь, да [г] и не надо наживать. Стало всё вокруг меня холодно и пу-

---

[б] *Было:* велела
[в] *Было:* нечем
[г] *Было:* даже

стынно. И вот, когда я три месяца назад получил Ваше горячее, доброе письмо, полное прежних воспоминаний, мне стало так грустно, что и не знаю, как Вам выразить. Но слушайте далее.

9 апреля/65.

Девять дней прошло с тех пор, как я начал к Вам письмо, и *буквально* в эти девять дней я не имел ни минуты времени, чтоб его кончить. Можете ли Вы мне поверить, Александр Егорович, что в эти три месяца, после Ваших обоих писем, и особенно после второго, при котором мне больно стало от мысли: что́ Вы обо мне подумаете, — можете ли Вы мне поверить, что я *ни одной минуты*, буквально, не мог уделить, чтоб отвечать Вам, и оттого молчал до сих пор? Верьте — не верьте, и, однако ж, это было так, это истина, а почему это так? — сейчас узнаете.[д]

Продолжаю прежнее:

После брата осталось всего триста рублей, и на эти деньги его и похоронили. Кроме того, до двадцати пяти тысяч долгу, из которых десять тысяч долгу отдаленного, который не мог обеспокоить его семейство, но пятнадцать тысяч по векселям, требовавшим уплаты. Вы спросите: какими же[е] средствами мог бы он додать шесть книг журнала за остальную половину года (он умер в июле 64 года)? Но у него был чрезвычайный и огромный кредит; сверх того, он вполне мог занять, и заем уже был в ходу.[9] Но он умер, и весь кредит журнала рушился. Ни копейки денег, чтоб издавать его, а додать надо было шесть книг, что стоило 18 000 руб. minimum, да сверх того удовлетворить кредиторов, на что надо было[ж] 15 000, — итого надо было 33 000, чтоб кончить год и добиться до новой подписки журнала. Семейство его осталось буквально без всяких средств, — хоть ступай по миру. Я у них остался единой надеждой, и они все — и вдова, и дети сбились в кучу около меня, ожидая от меня спасения. Брата моего я любил бесконечно; мог ли[з] я их оставить? Предстояло[и] две дороги: 1) прекратить журнал, предоставить журнал (так как журнал все-таки именье и чего-нибудь стоит) кредиторам вместе с мебелью и с домашним хламом и взять семейство к себе. Затем работать, литературствовать, писать романы и содержать вдову и сирот брата.[к] 2-й случай) Достать денег и продолжать издание во что бы ни стало. Как жаль, что я не решился на первое! Кредиторы, конечно, не получили бы и 20 на сто. Но семейство, отказавшись от наследства, по закону не обязано было бы ничего и платить. Я же во все эти пять лет, работая

д *Далее было начато:* После б‹рата›
е *Вместо:* какими же — *было:* чем же
ж *Вместо:* на что надо было — *было:* что стоило тоже
з *Далее было:* бы
и *Было:* Оставалось
к *Вместо:* вдову и сирот брата — *было:* их

у брата и в журналах, заработывал[л] от восьми до десяти тысяч в год. Следственно, мог бы прокормить и их и себя, — конечно, работая с утра до ночи всю жизнь. Но я предпочел второе, то есть продолжать издание журнала. Не я, впрочем, один предпочел это. Все друзья мои и прежние сотрудники были того же мнения.

14 апреля.

Опять перерыв был. Если б только Вы могли знать, Александр Егорович, в каких ужасных и давящих меня запятиях проходит всё мое время!

Продолжаю прежнее:

К тому же надо было отдать долги брата: я не хотел, чтоб на его имя легла дурная память. Средство было: дойти до годовой подписки, оплатить часть долгу, стараться, чтоб журнал был год от году лучше, и года через три-четыре, заплатив долги, сдать кому-нибудь журнал, обеспечив семейство брата. Тогда бы я отдохнул, тогда бы я опять стал писать то, что давно хочется высказать. Я решился. Поехал в Москву, выпросил у старой и богатой моей тетки 10 000, которые она назначала на мою долю в своем завещании, и, воротившись в Петербург, стал додавать журнал. Но дело было уже сильно испорчено: требовалось выпросить разрешение цензурное издавать журнал. Дело протянули так, что только в конце августа могла появиться июльская книга журнала. Подписчики, которым ни до чего нет дела, стали негодовать. Имени моего не позволила мне цензура поставить на журнале, ни как[м] редактора, ни как издателя. Надобно было решиться на меры энергические. Я стал печатать разом в трех типографиях, не жалел денег, не жалел здоровья и сил. Редактором был один я, читал корректуры, возился с авторами, с цензурой, поправлял статьи, доставал деньги, просиживал до шести часов утра и спал по 5 часов в сутки и хоть ввел в журнале порядок, но уже было поздно. Верите ли: 28 ноября вышла сентябрьская книга, а 13 февраля генварская книга 1865-го года, значит, по 16 дней[н] на книгу и каждая книга в 35 листов. Чего же это мне стоило! Но главное, при всей этой каторжной черной работе я сам не мог написать и напечатать в журнале ни строчки своего. Моего имени публика не встречала, и даже в Петербурге, не только в провинции, не знали, что я редактирую журнал.

И вдруг последовал у нас всеобщий журнальный кризис. Во всех журналах разом подписка не состоялась. «Современник», имевший постоянно 5 000 подписчиков, очутился с 2 300. Все остальные журналы упали. У нас осталось только 1 300 подписчиков.

[л] *Было:* получа‹л›

[м] *Было:* ни в виде

[н] *Было:* листов

Много причин этого журнального нашего, по всей России, кризиса. Главное, они ясны, хотя и сложны. Но об нем после. Посудите, каково положение наше. Каково, главное, мое положение! Чтоб старые братнины долги не беспокоили хода дела, я перевел их тысяч на десять на себя. Я рассчитывал, что если б журнал имел в этом году, при несчастье, хотя бы только 2 500 подп‹исчиков› вместо прежних четырех, то и тут всё бы уладилось. По крайней мере, свои долги расплатили бы. Я рассчитывал верно: никогда еще не бывало с самого начала нашего журнализма, с тридцатых годов,[10] чтоб число подписчиков убавилось в один год более чем на 25 процентов. И вдруг почти у всех убавилось наполовину, а у нас на 75 процентов. Приписывать худому ведению дела я не могу. Ведь и «Время» *я* начал, а не брат, *я* его направлял и я редактировал. Одним словом, с нами случилось то же самое, как[о] если бы у владельца или купца сгорел бы дом или его фабрика и он из достаточного человека обратился бы в банкрута.

При начале подписки долги, преимущественно еще покойного брата, потребовали уплаты. Мы платили из подписных денег, рассчитывая, что за уплатою[п] все-таки останется чем издавать журнал, но подписка пресеклась, и, выдав два номера журнала, мы остались без ничего.

В этакое-то время и застали меня Ваши письма. Я ездил в Москву доставать денег, искал компаньона в журнал на самых выгодных условиях, но кроме журнального кризиса у нас в России денежный кризис. Теперь мы не можем, за неимением денег, издавать журнал далее и должны объявить временное банкротство,[11] а на мне, кроме того, до 10 000 вексельного долгу и 5 000 на честное слово.

Из них три тысячи надо заплатить во что бы то ни стало. Кроме того, 2 000 нужно для того, чтоб выкупить право на издание моих сочинений, которые в закладе, и приступить к их изданию самому. Книгопродавцы дают мне за это право 5 000 руб. Но это мне невыгодно. Если я буду издавать их сам — будет выгоднее.[12] Теперь, чтоб заплатить долги, хочу издавать новый роман мой выпусками,[13] как делается в Англии. Кроме того, хочу издавать «Мертвый дом» тоже выпусками и с иллюстрацией, роскошным изданием,[14] и наконец, в будущем году, полное собрание моих сочинений.[15] Всё это, надеюсь, даст тысяч пятнадцать — но какова каторжная работа.

О друг мой, я охотно бы пошел опять в каторгу на столько же лет, чтоб только уплатить долги и почувствовать себя опять свободным. Теперь опять начну писать роман из-под палки, то есть из нужды, наскоро. Он выйдет эффектен, но того ли мне надобно! Работа из нужды, из денег задавила и съела меня.

[о] *Было:* что
[п] *Было:* уплатив

И все-таки для начала мне нужно теперь хоть три тысячи. Бьюсь по всем углам, чтоб их достать, — иначе погибну. Чувствую, что только случай может спасти меня. Из всего запаса моих сил и энергии осталось у меня в душе что-то тревожное и смутное, что-то близкое к отчаянью. Тревога, горечь, самая холодная суетня, самое ненормальное для меня состояние и, вдобавок, один, — прежних и прежнего, сорокалетнего, нет уже при мне. А между тем всё мне кажется, что я только что собираюсь[р] жить. Смешно, не правда ли? Кошечья живучесть.

Описал я Вам всё и вижу, что главного — моей духовной, сердечной жизни я не высказал и даже понятия о ней не дал. Так будет и всегда, пока мы в письмах. Я письма не умею писать и *об себе* не умею *в меру* писать. Впрочем, оно и трудно: много лет легло между нами, да и каких лет!

И как кстати Вы теперь отозвались мне. *Всё* Вы мне напомнили прежнее. Я люблю Вас прежнего, молодого, доброго, и таким Вас буду представлять себе всю мою жизнь. Кстати: я Вас еще совсем не знаю *как семьянина.* Кажется мне (припоминая прежнее), что Вы должны быть теперь счастливы. Но очень хочу угадать, какой новый оттенок, мне неизвестный, положила семейная жизнь на Вашу душу.[16]

Благодарю Вас за фотографии Вашего семейства. Я долго рассматривал карточки, вглядывался и угадывал.

За границей я был два раза — летом[с] 62 и 63 года. Каждый раз ездил на три месяца, был в Германии (почти во всей), в Швейцарии, Франции и в Италии (тоже во всей). Здоровье мое за границей, в оба раза, воскресало с быстротой удивительной. Я положил ездить каждый год на три месяца, тем более, что это ничего не значит в денежном отношении, при дороговизне нашей здешней жизни. Ездить же я хотел для поправки здоровья, чтоб отдыхать, поправляться и тем удобнее работать остальные 9 месяцев года в России. Но в прошлом году смерть брата заставила меня остаться, а нынешние долги и занятия доканают меня здесь окончательно. А как бы хотелось хоть на месяц съездить проветрить голову, освежиться, воскреснуть. К Вам бы заехал непременно. И кто знает, может быть, это и случится. Издание «Мертвого дома» может идти без меня, а за границей я постоянно пишу, потому что там времени и спокойствия больше, чем здесь, особенно если жить на одном месте. К Вам бы заехал непременно.

Карточку пришлю непременно, если скоро ответите, не сердясь за долгое молчание. Да и за что же, боже мой, сердиться, разве я виноват!

Я живу один, при мне Паша — мой пасынок. Ему уже семнадцатый год, учится, Вас очень помнит и Вам кланяется.

А многое бы я Вам порассказал, если б мы свиделись.

р *Было:* начинаю

с *Далее было:* каждый

Прощайте, добрый друг мой, обнимаю Вас от всей души, горячо. Будьте счастливы. Теперь буду аккуратно отвечать. Пишите скорей.

Боюсь, застанет ли Вас письмо это в Копенгагене.

Ваш весь прежний и всегдашний

Федор Достоевский.

254. Н. П. СУСЛОВОЙ

19 апреля 1865. Петербург

Петербург 19 апреля 65.

Любезнейшая и уважаемая мною Надежда Прокофьевна,

Прилагаю к этому письму к Вам письмо мое к Аполлинарии, или вернее — копию с письма моего к Аполлинарии, посланного ей с этой же почтой в Монпелье.[1] Так как Вы пишете, что она очень скоро, может быть, приедет к Вам в Цюрих, то и письмо мое к ней в Монпелье, пожалуй, придет туда уже, когда ее там не будет. А так как мне непременно надо, чтобы она это письмо мое получила, то и прошу Вас передать ей эту копию при свидании. Прошу еще Вас прочесть это письмо самой. Из него Вы ясно увидите разъяснение всех вопросов, которые Вы мне задаете в Вашем письме,[2] то есть «люблю ли я лакомиться чужими страданиями и слезами» и проч. А также разъяснение насчет цинизма и грязи.

Прибавлю, собственно для Вас, еще то, что Вы, кажется, не первый год меня знаете, что я в каждую тяжелую минуту к Вам приезжал отдохнуть душой, а в последнее время исключительно только к Вам одной и приходил, когда уж очень, бывало, наболит в сердце. Вы видели меня в самые искренние мои мгновения, а потому сами можете судить: люблю ли я питаться чужими страданиями, груб ли я (внутренно), жесток ли я?

Аполлинария — больная эгоистка. Эгоизм и самолюбие в ней колоссальны. Она требует от людей *всего*, всех совершенств, не прощает ни единого несовершенства в уважение других хороших черт, сама же избавляет себя от самых малейших обязанностей к людям. Она колет меня до сих пор тем, что я не достоин был любви ее, жалуется и упрекает меня беспрерывно, сама же встречает меня в 63-м году в Париже фразой: «Ты немножко опоздал приехать»,[3] то есть что она полюбила другого, тогда как две недели тому назад еще горячо писала, что любит меня.[4] Не за любовь к другому я корю ее, а за эти четыре строки, которые она прислала мне в гостиницу с грубой фразой: «Ты немножко опоздал приехать».

Я многое бы мог написать про Рим, про наше житье с ней в Турине, в Неаполе, да зачем, к чему? к тому же я Вам многое передавал в разговорах с Вами.

Я люблю ее еще до сих пор, очень люблю, но я уже не *хотел бы* любить ее. Она не *стоит* такой любви.

Мне жаль ее, потому что, предвижу, она вечно будет несчастна. Она нигде не найдет себе друга и счастья.[5] Кто требует от другого всего, а сам избавляет себя от всех обязанностей, тот никогда не найдет счастья.

Может быть, письмо мое к ней, на которое она жалуется, написано раздражительно.[6] Но оно не грубо. Она в нем считает грубостью то, что я осмелился говорить ей наперекор, осмелился выказать, как мне больно. Она меня третировала всегда свысока. Она обиделась тем, что и я захотел, наконец, заговорить, пожаловаться, противоречить ей. Она не допускает равенства в отношениях наших. В отношениях со мной в ней вовсе нет человечности. Ведь она знает, что я люблю ее до сих пор. Зачем же она меня мучает? Не люби, но и не мучай. Тоже много было в том письме сказанного в шутку. Сказанное в шутку она читает как серьезное с досады, и выходит как бы грубость.

Но довольно об этом. Не вините хоть Вы меня. Я Вас высоко ценю, Вы редкое существо из встреченных мною в жизни, я не хочу потерять Вашего сердца.[7] Я высоко ценю Ваш взгляд на меня и Вашу память обо мне. Я Вам потому *так прямо* про это пишу, что Вы сами знаете, я ничего от Вас не домогаюсь, ничего от Вас не надеюсь получить, след‹овательно›, Вы не можете приписать моих слов ни лести, ни заискиванию, а прямо примете их за искреннее движение моей души.

Вы в Цюрихе и надолго, пишет Ваша сестра.[8] Слушайте (если можете и хотите): где бы Вы ни были, черкните мне изредка хоть два слова о себе, уведомляйте меня. Я не требую, чтобы Вы утомляли себя, писали часто. Мне хочется только, чтобы Вы иногда вспомнили обо мне. О Вас же мне в высшей степени будет всегда интересно слышать.

Опять хочу повторить Вам свой всегдашний совет и пожелание: не закупоривайте себя в исключительность, отдайтесь природе, отдайтесь внешнему миру и внешним вещам хоть немножко. *Жизнь* внешняя, действительная развивает нашу человеческую природу чрезвычайно, она материал дает. Впрочем, Вы не смейтесь надо мной очень.

Положение мое ужасающее. Как его улажу, не знаю.[9] Из письма к Аполлинарии кой-что увидите.

Адрес мой покамест тот же. Если напишете мне в скорости, отвечу Вам и приготовлю к тому времени адрес *более постоянный*, который мог бы служить на всё время.[а] [10]

До свидания: когда-то? Прощайте. Будьте счастливы, будьте счастливы всю Вашу жизнь. Крепко жму Вам руку и очень желаю с Вами хоть когда-нибудь встретиться. Что-то мы тогда будем оба? А Вы мне всегда будете очень памятны.

Ваш весь Ф. Достоевский.

[а] *Далее вычеркнут абзац, не поддающийся прочтению.*

P. S. У Вас теперь юность, молодость, начало жизни — экое счастье! Не потеряйте жизни, берегите душу, верьте в правду. Но *ищите* ее *пристально* всю жизнь, не то — ужасно легко сбиться. Но у Вас есть сердце, Вы не собьетесь.

А я — я кончаю жизнь, я это чувствую. Всё равно, — Вы мне как молодое, новое дороги, кроме того, что я люблю Вас как самую любимую сестру.

На конверте:

Schweiz. Zürich. Plattenstrasse, № 165
Bei Frau Brändli, Fräulein Nad.
Suslowa. Fluntern.*

---

* Швейцария. Цюрих. Платтенштрассе, № 165. Госпоже Брэндли, для госпожи Над‹ежды› Сусловой. (*нем.*).

255. Е. П. КОВАЛЕВСКОМУ

9 мая 1865. Петербург

Ваше превосходительство, Егор Петрович,

Так как я уже два раза обращался к пособию Литературного фонда, а именно: занимал из его сумм деньги,[1] — то полагаю, что мне теперь, по некоторым обстоятельствам, невозможно оставаться более членом комитета Литературного фонда.

Если же я так поздно спохватился просить увольнения от комитетских занятий (то есть уже взяв два раза взаймы), то произошло это единственно по непростительной моей недальновидности: да и в голову мне не могла прийти мысль, что деньги я[a] получал взаймы не потому единственно, что я, как больной, нуждался в них для лечения за границей, а потому, главное, что я сам был членом комитета, а след‹овательно›, имел руку, протекцию и т. д.[2]

Во всяком случае прошу Вас покорнейше уже не считать меня более членом комитета, а вместе с тем и сообщить об этом всем гг. членам комитета Литературного фонда. Да, кроме того, расстройство дел моих, а вместе с тем и моего здоровья делают для меня продолжение комитетских занятий во всяком случае невозможным.

Примите уверение в глубочайшем моем уважении.

Ваш покорный слуга

Федор Достоевский.

9-го мая / 65 г.

---

a *Далее было:* получаю

256. Н. Ф. БУНАКОВУ

15 мая 1865. Петербург

Милостивый государь Николай Федорович,

На вопросы Ваши спешу отвечать следующим образом: [1]

1) «Эпоха» в том виде, в каком она до сих пор издавалась, — издаваться не будет.[2] Более же подробных и точных сведений в настоящую минуту сам не могу Вам дать, потому что сам нуждаюсь в сведениях.

2) Насчет денег тоже не могу Вам ничего сказать точного, тем более, что Вы и спрашиваете меня для того, чтобы Вам точно и окончательно знать. А я и сам этого не знаю, ибо это не от меня зависит.

Во всяком случае, если возможны будут уплаты скорые, то прежде всех расплат будет следовать уплата авторам.[3]

Вот всё, что могу сказать теперь. На днях надеюсь получить какие-нибудь сведения, тогда сообщу.

Извините, что не отвечал тотчас же. Был припадок, и голова была не в порядке.

Да вот что еще: письмо Ваше помечено 28 апреля, а на конверте [а] почтовая печать 3 мая, посудите, как оно опоздало на почте.

Искренно уважающий Вас

Ф. Достоевский.

15 мая/65.[б]

[а] *Далее было:* стоит

[б] *Далее в тексте первой публикации следует приписка, отсутствующая в подлиннике:* Извините некоторую поспешность письма этого (в неразборчивости почерка) и примите уверение в моем искреннем и всегдашнем уважении.

Ваш совершенно преданный

Федор Достоевский.

257. П. А. ИСАЕВУ

30 мая 1865. Петербург

Милый Паша, скажи, пожалуйста, что же ты со мной делаешь и что я могу подумать о тебе? Чего ты не пишешь? Беспокоюсь о тебе ужасно, думаю, не болен ли ты, доехал ли благополучно? [1] Ведь ты сам можешь рассудить, что я поневоле буду сомневаться. Предполагаю, что не так часто посылают от Федора Акимовича [а] в город за 40 верст. Но ты бы для такого случая должен был упросить послать. И Федор Акимович и Софья Дмитриевна очень хорошо поймут, что это необходимо.[2]

[а] *Далее было:* посыльного ‹?›

Боюсь, что ты болен. Тетя Варя тоже о тебе беспокоится очень и ничего не понимает в твоем молчании. Она сама, бедная, больна, простудилась, с перемежающейся лихорадкой и с кашлем, лечится. Я к ней часто хожу.

Дела мои всё хуже и хуже, за границу ехать, если не поправятся обстоятельства, никак нельзя будет.[3] Неприятностей бездна. Не усиливай же их своим легкомыслием. Пиши непременно и скорее. Буду ждать письма твоего непременно. Прощай, целую тебя.

Твой весь Ф. Достоевский.

30 мая/65.

Передай непременно мой поклон и искренний привет Федору Акимовичу и Софье Дмитриевне.

Пиши подробнее.

Адресс в *дом Олонкина.*

258. Е. П. КОВАЛЕВСКОМУ

6 июня 1865. Петербург

Ваше превосходительство Егор Петрович,

Тяжелые обстоятельства принуждают меня еще раз прибегнуть к пособию Литературного фонда.[1] В прошлом году я уже собрался было летом за границу, чтобы хоть на некоторое время избавиться от припадков падучей болезни. Эти поездки, каждый год, месяца на три, строго предписаны мне докторами. Но смерть моего брата не только принудила меня остаться в Петербурге, но и взяться за трудную работу по продолжению издания журнала, — для додачи его подписчикам, для уплаты долгов покойного брата и для доставления хоть какого-нибудь содержания его семейству. Эта работа расстроила меня в продолжение года окончательно: на меня одного обратились все труды издательские и редакторские, и, сверх того, за этими трудами я сам не успел написать почти ни строчки. Таким образом, теперь, когда пришлось сдать журнал,[2] я, не будучи даже собственником журнала и потеряв на него лично принадлежавшие мне десять тысяч рублей чистыми деньгами,[3] очутился с долгами, по векселям на мое имя, в 13 000 рублей и, кроме того, на время без всяких средств к существованию, так как ничего не написал во весь год. В настоящее время я начал одну работу, за которую могу взять деньги только осенью.[4] Успешно и как можно скорее окончить эту работу необходимо, чтобы начать, получив деньги, уплату долгов. Хотя многие из кредиторов моих согласны на полученье уплаты в будущем году и с рассрочками, — так как понимают, что мне, иначе как трудами моими, платить нечем; но зато некоторые,

сравнительно самые незначительные,[а] ждать не хотят и уже подали на меня ко взысканью.[5]

Ввиду таких особенных обстоятельств я принужден просить Вас, многоуважаемый Егор Петрович, исходатайствовать для меня у Комитета Литературного фонда заимообразно 600 руб. сроком по 1-е февраля будущего 66-го года.[6] Заклада я не могу представить на этот раз никакого, так как сочинения мои, которые я представлял в заклад в оба раза, когда прежде обращался к Фонду, — теперь давно уже заложены[7] и деньги пошли на расход по журналу. Если же никаким образом невозможно получить мне эти 600 руб. *заимообразно*, то я прошу Вас представить мою просьбу Комитету о выдаче мне этой же суммы[б] в виде единовременного пособия, так как такая форма получения пособия нисколько не помешает мне внести 600 руб. при первой возможности в кассу Литературного фонда обратно. Считаю долгом присовокупить, что делаю такую оговорку вовсе не потому, что стыжусь получить вспоможение и признаться в моих затруднительных обстоятельствах, а единственно потому, что мне весьма было бы прискорбно уменьшить и без того небогатую кассу фонда в пользу своей личности.

Я потому прошу 600 рублей, что на меня подано ко взысканию 700, и что только обещанием внести (к 9 июня) 600 рублей мог я склонить кредиторов, чтоб они меня не описали и не посадили в долговую тюрьму. При моем чрезвычайно расстроенном теперь здоровье для меня было бы весьма трудно, а может быть, и совсем невозможно приняться за работу в тюрьме.

Прибавлю еще, что, заплатив эти шестьсот рублей, я уже во весь текущий год почти совсем не буду тревожим моими кредиторами, а, следственно, надеюсь спокойно приняться за дело.

Примите уверение в глубочайшем моем уважении. Ваш покорный слуга

Федор Достоевский.

6 июня/65 года.

а *Над словами:* сравнительно самые незначительные — *вписано:* хотя не многие

б *Далее было:* (заимообразно)

259. А. А. КРАЕВСКОМУ

8 июня 1865. Петербург

8 июня/65 год.

Милостивый государь Андрей Александрович,

Сообразив наш давешний, весьма краткий разговор, считаю нелишним изложить Вам письменно всю мою просьбу, для точности и вообще для избежания каких-либо недоумений.

Просьба моя имеет два вида.

1) Я прошу 3 000 руб. теперь же, вперед за роман, который обязуюсь *формально* доставить в ред‹акцию› «От‹ечественных› записок» не позже первых чисел начала октября нынешнего года.

2) На случай моей смерти или на случай недоставления в срок рукописи романа в редакцию «От‹ечественных› записок» представляю в заклад полное и всегдашнее право на издание *всех* моих сочинений, равномерно право их продать, заложить, одним словом, поступить с ними как с полною собственностью.[1]

NB. Роман мой называется «Пьяненькие» и будет в связи с теперешним вопросом о пьянстве. Разбирается не только вопрос, но представляются и все его разветвления, преимущественно картины семейств, воспитание детей в этой обстановке и проч. и проч.[2] — Листов будет не менее *20*, но может быть и более. За лист 150 руб. (За «Мертвый дом» я получал в «Русск‹ом› мире» и во «Времени» по 250 р.) [3]

3) Если бы моя работа не понравилась редакторам «От‹ечественных› записок» (или цена показалась бы высока), то они имеют право возвратить ее мне обратно и удержать заклад до тех пор, пока я не выплачу 3 000 руб. (с 10-ю процент‹ами›). Срок внесения денег в таком случае полагается до 1-го января 66-го года. Предоставляется сверх того по контракту право на получение издателю «От‹ечественных› записок» гонорария за все те статьи, которые я где-либо и когда-либо напечатаю, вплоть до уплаты 3 000 руб. с процентами.

4) Я не имею права самовольно взять мою работу назад или не доставить ее в редакцию «От‹ечественных› записок», если б даже и представил 3 000 р. с процентами, то есть редакция «От‹ечественных› записок» всегда имеет право потребовать с меня работой, сама же имеет полное право, без моего согласия, потребовать назад деньги и возвратить мне рукопись.

Другой вид просьбы:

Я прошу 1 500 руб. Обязуюсь формально доставить роман к вышеозначенному сроку. Но прошу только избавить меня от обязанности давать заклад. Прочие же все условия могут быть сохранены, как выше сказано.

Позвольте сделать еще одно замечание.

Если только возможна выдача мне разом такой значительной суммы как 3 000, то убедительно прошу Вас обратить внимание на то, что такое разрешение всего дела было бы наиболее для меня желательно и, сверх того, удовлетворительно для обеих сторон. За право издания всех сочинений моих *на один только раз*, два книгопродавца (Стелловский и Воганов) давали мне уже 2 000 сейчас, наличными (*зная, что я в нужде*).[4] Следственно, мне кажется, сочинения представляют достаточное обеспечение. Взяв же в соображение, что предлагаемый мною договор и в других пунктах обеспечивает почти во всем редакцию «От‹ечественных› записок», надеюсь, что, в случае желания Вашего иметь мой роман в «От‹ечественных› записках», Вы не откажете мне, если воз-

можно, выдать мне 3000. Такой договор разрешил бы разом все мои затруднения в настоящем году.

Примите уверение в моем искреннем уважении.

Покорный слуга Ваш

Федор Достоевский.

260. И. С. ТУРГЕНЕВУ

3 (15) августа 1865. Висбаден

Висбаден, 3/15 августа.

Добрейший и многоуважаемый Иван Сергеевич, когда я Вас, с месяц тому назад, встретил в Петербурге,[1] я продавал мои сочинения за что дадут, потому что меня сажали в долговое за журнальные долги, которые я имел глупость перевесть на себя.[2] Купил мои сочинения (право издания в два столбца) Стелловский за три тысячи, из коих часть векселями.[3] Из этих трех тысяч я удовлетворил кое-как на минуту кредиторов и остальное роздал, кому обязан был дать, и затем поехал за границу, чтобы хоть каплю здоровьем поправиться и что-нибудь написать. Денег оставил я себе на заграницу всего 175 руб. сереб‹ром› из всех трех тысяч, а больше не мог.

Но третьего года в Висбадене я выиграл в один час до 12000 франков.[4] Хотя я теперь и не думал поправлять игрой свои обстоятельства, но франков 1000 действительно хотелось выиграть, чтоб хоть эти три месяца прожить. Пять дней как я уже в Висбадене и всё проиграл, всё дотла, и часы, и даже в отеле должен.

Мне и гадко и стыдно беспокоить Вас собою. Но, кроме Вас, у меня положительно нет в настоящую минуту никого, к кому бы я мог обратиться, а во-вторых, Вы гораздо умнее других, а следств‹енно›, к Вам обратиться мне нравственно легче. Вот в чем дело: обращаюсь к Вам как человек к человеку и прошу у Вас 100 (*сто*) талеров.[5] Потом я жду из России из одного журнала («Библ‹иотеки› для чтения»), откуда обещались мне, при отъезде, выслать капельку денег,[6] и еще от одного господина, который *должен* мне помочь.[7] Само собою, что раньше *трех недель*, может быть, Вам и не отдам. Впрочем, может быть, отдам и раньше.[8] Во всяком случае, сижу один. На душе скверно (я думал, будет скверно), а главное, стыдно Вас беспокоить; но когда тонешь, что делать.

Адресс мой:

Wiesbaden, Hôtel «Victoria», à M-r Theodore Dostoiewsky.*

Ну что если Вас не будет в Баден-Бадене?

Ваш весь Ф. Достоевский.

---

* Висбаден, гостиница «Виктория», г-ну Федору Достоевскому (*франц.*).

261. И. С. ТУРГЕНЕВУ

(20) августа 1865. Висбаден

Благодарю Вас, добрейший Иван Сергеевич, за Вашу присылку 50 талеров.[1] Хоть и не помогли они мне радикально, но все-таки очень помогли. Надеюсь скоро возвратить Вам.[2] Благодарю Вас за пожелания, но они отчасти неудобоисполнимы для меня.[3] Да к тому же я простудился, вероятно еще в вагоне, и с самого Берлина чувствую себя каждый день в лихорадке. Во всяком случае, надеюсь весьма скоро с Вами увидеться. А покамест искренно жму Вашу руку и пребываю

Ваш весь Ф. Достоевский.

20/8 Августа.

262. А. П. СУСЛОВОЙ

10 (22) августа 1865. Висбаден

Вторник.

Милая Поля, во-первых, не понимаю, как ты доехала. К моей прескверпейшей тоске о себе прибавилась и тоска о тебе.

Ну что если тебе не хватило в Кельне и для третьего класса? В таком случае ты теперь в Кельне, одна, и не знаешь, что делать! Это ужас. В Кельне отель, извозчики, содержание в дороге — если и достало на проезд, то ты все-таки была голодная. Всё это стучит у меня в голове и не дает спокойствия.

Вот уж и вторник, два часа пополудни, а от Г‹ерце›на ничего нет, а уж время бы. Во всяком случае, буду ждать до послезавтраго утра, а там и последнюю надежду потеряю. Во всяком случае, одно для меня ясно: что если никакого не будет от Г‹ерце›на известия, значит, его и в Женеве нет, то есть, может быть, куда-нибудь отлучился. Я потому так наверно буду заключать, что с Г‹ерце›ном я в очень хороших отношениях, и, стало быть, быть не может, чтоб он *во всяком случае* мне не ответил, даже если б и не хотел или не мог прислать денег. Он очень вежлив, да и в отношениях мы дружеских. А след‹овательно›, если не будет *никакого* известия, стало быть, его нет в Женеве в настоящую минуту.[1]

Между тем положение мое ухудшилось до невероятности. Только что ты уехала, на другой же день, рано утром, мне объявили в отеле, что мне не приказано давать ни обеда, ни чаю, ни кофею. Я пошел объясниться, и толстый немец-хозяин объявил мне, что я не «заслужил» обеда и что он будет мне присылать только чай. И так со вчерашнего дня я не обедаю и питаюсь только чаем. Да и чай подают прескверный, без машины,[2] платье и сапоги не чистят, на мой зов нейдут, и все слуги обходятся со мной с невыразимым, самым немецким презрением. Нет выше

преступления у немца, как быть без денег и в срок не заплатить. Всё это было бы смешно, но тем не менее и очень неудобно. И потому, если Г<ерце>н не пришлет, то я жду себе больших неприятностей, а именно: могут захватить мои вещи и меня выгнать или еще хуже того. Гадость.

Если ты в Париж доехала и каким-нибудь образом можешь добыть хоть что-нибудь от своих друзей и знакомых, то пришли мне — maximum 150 гульденов, а minimum сколько хочешь.[3] Если б 150 гульденов, то я бы разделался с этими свиньями и переехал бы в другой отель в ожидании денег. Потому что быть не может, чтоб я скоро не получил, и во всяком случае тебе отдам задолго прежде отъезда твоего из Франции. Во-первых, из Петербурга (из «Библ<иотеки> для чтения») *наверно* пришлют самое большее дней через *10* на имя сестры твоей в Цюрих,[4] и во-вторых, если б даже Г<ерце>на и не было в Женеве, то во всяком случае,[а] если он надолго уехал из Женевы, то ему, стало быть, пересылают приходящие на его имя в Женеву письма; а если он ненадолго уехал, то, стало быть, воротившись, сейчас ответит, а, след<овательно>, я во всяком случае скоро получу от него ответ. Одним словом, если что можешь сделать для меня, но не отягчая очень себя, то сделай. Адрес мой тот же: Wiesbaden, Hôtel «Victoria».

До свидания, милая, не могу поверить, чтоб я тебя до отъезда твоего не увидел.[5] Об себе же и думать не хочется; сижу и всё читаю, чтобы движением не возбуждать в себе аппетита. Обнимаю тебя крепко.

Ради бога, не показывай никому письмо мое и не рассказывай. Гадко.

Твой весь Ф. Д<остоевский>.

Подробно опиши мне свое путешествие, если были неприятности. Сестре поклон.

Если же Герцен пришлет до твоего письма, то я, во всяком случае, уезжая из Висбадена, сделаю распоряжение, чтоб мне письмо твое переслали в Париж, потому что я туда немедленно поеду.

а *Далее было начато:* ему перешлю<т>

263. А. П. СУСЛОВОЙ

12 (24) августа 1865. Висбаден

Четверг, 24/12 августа.

Я продолжаю тебя бомбардировать письмами (и всё нефранкированными). Дошло ли до тебя мое письмо от третьего дня (от вторника)?[1] Доехала ли ты сама в Париж? Всё надеюсь получить от тебя сегодня известие.

Дела мои мерзки до nec plus ultra; далее нельзя идти. Далее уж [a] должна следовать другая полоса несчастий и пакостей, об которых я еще не имею понятия. От Герцена еще ничего не получил, никакого ответа или отзыва. Сегодня ровно неделя, как я писал ему.[2] Сегодня же и срок, который я еще в понедельник назначил моему хозяину для получения денег. Что будет — не знаю. Теперь еще только час утра.

Быть не может, чтоб Герц‹ен› не хотел отвечать! Неужели он не хочет отвечать? Этого быть не может. За что? Мы в отношениях прекраснейших, чему даже ты была свидетельницею.[3] Разве кто ему наговорил на меня? Но и тогда невозможно (даже еще более тогда невозможно), чтоб он *ничего* не отвечал мне на письмо мое. И потому я еще убежден, покамест, что письмо мое к нему или пропало (что мало правдоподобно), или он, к несчастью моему, теперь отлучился из Женевы. Последнее самое вероятное. В таком случае должно выйти вот что: или 1) он отлучился ненадолго, и в таком случае я все-таки на днях (когда он воротится) могу надеяться получить от него ответ; или 2) он отлучился надолго, и в таком случае всего вероятнее, что ему перешлют письмо мое, где бы он ни был, потому что наверно уж он сделал распоряжение о пересылке к нему писем, приходящих на его имя. А следств‹енно›, я опять-таки могу надеяться получить ответ.

Надеяться получить ответ буду всю неделю до воскресения, — но, разумеется, только надеяться. Положение же мое таково, что уж теперь одной надежды мало.

Но всё это ничто сравнительно с тоской моей. Мучит меня бездействие, неопределенность выжидательного положения без твердой надежды, потеря времени и проклятый Висбаден, который до того мне тошен, что на свет не глядел бы. Между тем ты в Париже, и я тебя не увижу! Мучит меня еще Герц‹ен›. Если он получил от меня письмо и *не хочет* отвечать — каково унижение и каков поступок! да неужели я заслужил его, чем же? Моей беспорядочностью? Согласен, что я был беспорядочен, но что за буржуазная нравственность! По крайней мере, отвечай, или я не «заслужил» помощи (как у хозяина обеда).[4] Но быть не может, чтоб он не отвечал, его наверно нет в Женеве.

Я просил тебя, чтоб ты меня выручила, если можешь занять у кого-нибудь для меня. Я почти не надеюсь, Поля. Но если можешь, сделай это для меня! Согласись, что трудно сыскать положение хлопотливее и тяжелее того, в котором я теперь нахожусь.

Это письмо мое будет последнее до тех пор, пока не получу от тебя хоть какого-нибудь известия. Мне всё кажется, что в Hôtel «Fleurus» письма как-нибудь залежатся или пропадут, если ты не там сама. Потому не франкирую, что нет ни копейки. Продолжаю не обедать и живу утренним и вечерним чаем вот уже

---

[a] *Далее было:* следует

третий день — и странно: мне вовсе не так хочется есть. Скверно то, что меня притесняют и иногда отказывают в свечке по вечерам,[б] в случае, если остался от вчерашнего дня хоть крошечный огарочек. Я, впрочем, каждый день в три часа ухожу из отеля и прихожу в шесть часов, чтоб не подать виду, что я совсем не обедаю. Какая хлестаковщина! [5]

Правда, есть отдаленная надежда: через неделю и уж самое позднее дней через десять получится что-нибудь из России (через Цюрих).[6] Но до тех пор мне без помощи добром не прожить.

Не хочу, впрочем, верить, что не буду в Париже и тебя не увижу до отъезда.[7] Быть того не может. Впрочем, в бездействии так сильно разыгрывается воображение. А уж у меня полное бездействие.

Прощай, милая. Если не случится никаких приключений очень особенных, то больше писать не буду. *До свидания.* Твой весь

Дос‹тоевский›.

P. S. Обнимаю тебя еще раз, очень крепко. Приехала ли Над‹ежда› Прок‹офьевна› и когда? Кланяйся ей.

4 часа.

Милый друг Поля, сию минуту получил ответ от Герц‹ена›. Он был в горах и потому письмо запоздало.[8] Денег не прислал; говорит, что письмо мое застало его в самую безденежную минуту, что 400 флор. не может, но что другое дело 100 или 150 гульд., и если мне этим было бы можно извернуться, то он бы их мне прислал. Затем просит не сердиться и проч. Странно, однако же: почему же он все-таки не прислал 150 гульд.? если сам говорит, что мог бы их прислать. Прислал бы 150 и сказал бы, что не может больше. Вот как дело делается. А тут очевидно: или у него у самого туго, то есть нет, или жалко денег. А между тем он не мог сомневаться, что я не отдам: письмо-то мое у него. Не потерянный же я человек. Верно, у самого туго.

Посылать к нему еще просить — по-моему, невозможно! Что же теперь делать? Поля, друг мой, выручи меня, спаси меня! Достань где-нибудь 150 гульденов, только мне и надо. Через 10 дней *наверно* придет от Воскобойникова в Цюрих (а может, и раньше) на имя твоей сестры. Хоть и мало придет, но все-таки не меньше 150 гульденов, и я тебе отдам их. Не захочу же я, *тебя*, поставить в скверное положение. Быть того не может. Посоветуйся с сестрой. Но во всяком случае отвечай скорее.[9]

Твой весь Ф. Достоевский.

Теперь-то уж совсем не понимаю, что со мною будет.

б *Далее было:* особенно

264. А. Е. ВРАНГЕЛЮ

24 августа (5 сентября) 1865. Висбаден

5 сентября (здешн. стиля) 65 года. *Висбаден.*

Многоуважаемый и добрый друг, Александр Егорович, получили ль Вы мое письмо, которое я Вам послал с месяц тому назад в Копенгаген?[1] Я совершенно рассчитывал, что Вы в Копенгагене, посылая письмо, потому что написал Вам вскорости по выезде моем за границу. Если Вы выехали из Копенгагена раньше 10 июля (нашего стиля) в Россию, то наверно бы отыскали меня в Петербурге. А так как в Петербурге мы не видались, то я наверно рассчитывал, что Вы еще не выезжали в Россию (о намерении этом Вы мне писали прежде). Следственно (думаю теперь) — мы разъехались именно в то время, когда я выехал за границу. Но, может быть, Вам мое письмо переслали из Копенгагена в Россию, и в таком случае, может быть, Вы и отвечали мне по адрессу в Цюрих, как я Вам писал. Но увы! я засел в Висбадене и в Цюрихе еще не был, а потому ничего не знаю.

Есть здесь священник, Янышев, который был в Копенгагене. Я случайно с ним здесь, в Висбадене, познакомился и узнал, что он Вас знает. Между прочим, он мне сказал, что Вы, намереваясь нынешним летом ехать в Россию,[2] *говорили, что к сентябрю воротитесь опять* в Копенгаген. Это дало мне надежду написать Вам опять, и, может быть, этот раз мое письмо найдет Вас[a] в Копенгагене.

На этот раз буду писать только о себе и именно об одном только деле. Не сообщайте Вы то, что я Вам напишу, никому, потому что чувствую, что это отчасти чернит меня. Но так как в таком случае фразы совершенно бесполезны и тяжелы, то и признаюсь Вам прямо, — хотя и совестно признаться, — что я, по глупости моей, недели две тому назад *весь проигрался*, то есть проиграл всё, что со мной было.

Я играл и прежде, с самого приезда моего в Висбаден, но играл счастливо и даже значительно (относительно говоря) выиграл, но по глупости моей свихнулся и всё проиграл в три дня и теперь сижу в самом скверном положении, какое только можно изобрести, и из Висбадена не могу выехать.

Я написал в Россию одному преданному мне человеку (Милюкову) и поручил ему постараться взять у кого-нибудь вперед из издателей для меня, в виде задатка будущих трудов.[3] Он это мне обделает непременно, да и сам, может быть, поможет, но письма от него и денег я, по расчетам моим, не могу раньше ждать как через две недели (от сего числа), и это самое скорое.

---

[a] *Далее было:* опять

В ожидании же сижу совершенно без гроша и, что всего хуже, должен в отеле. А это уж хуже всего.

И потому, добрый друг мой, решаюсь обратиться к Вам. Спасите меня и выведите из беды: пришлите мне на самый короткий срок 100 талеров. Этим я здесь расплачусь и тотчас же уеду в Париж, где у меня дело и где я отыщу одного человека (который наверно там) и который тотчас же мне поможет.[4] Тогда немедленно Вам отдам.

Пишу Вам наугад, в предположении, что Вы в Копенгагене. Но в случае, если Вы еще в России и Вам перешлют это письмо и получите его не позже как через две недели, то есть *не позже* 19-го сентября здешнего стиля (по-нашему 7-го), то всё равно пришлите мне сюда эти 100 талеров, если можете, в Висбаден. Если же позже получите, то и не присылайте. Я потому так пишу, что невольно должен рассчитывать на худое. Милюков *наверно* мне всё устроит, но, во-первых, он *одна* моя надежда в России, а, во-2-х), он может не быть в Петербурге, потому что при расставании нашем говорил мне, что думает это лето съездить прогуляться в Нижний. В таком случае я могу еще долго быть без денег и поездка моя в Париж, которая для меня слишком важна, может не состояться. А там я и деньги тоже могу достать. Кроме того, здесь я слишком задолжаю, а это чрезвычайно тяжело. И потому, если можете, ради бога, пришлите.

Потому так обратился к Вам, что помню Вас прежнего и что в нашей жизни было много моментов, так нас соединивших, что мы, хотя бы и были разъединены жизнию, не можем оставаться более друг другу чужды. Вот почему и решился смело признаться Вам в этом глупом и малодушном моем поступке. Пусть это между нами. Насчет же денег думаю, что если у Вас есть в эту минуту, то Вы не оставите без помощи утопающего.[5]

Если будет у меня какая возможность, заеду непременно в Копенгаген.

Обнимаю вас.

Ваш искренний Федор Достоевский.

Адресс мой:

Allemagne, Nassau, Wiesbaden, poste restante,
à m-r Theodore Dostoiewsky.*

* Германия, Нассау, Висбаден, до востребования, г-ну Федору Достоевскому (*франц.*).

265. А. Е. ВРАНГЕЛЮ

10 (22) сентября 1865. Висбаден

Wiesbaden. 22/10 65.

Любезнейший и многоуважаемый Александр Егорович,

Я писал Вам уже два письма, на которые я не получил ответа.[1] Так и положил, что Вы, верно, в России и не сделали распоряжения, чтоб письма высылались к Вам в Россию. Здесь есть, при русской церкви, священник Янышев. Я с ним познакомился и, разговаривая с ним, узнал, что он был в Копенгагене и Вас знает. Он сообщил мне, что Вы намеревались ехать в Россию с тем, чтоб *к сентябрю воротиться в Копенгаген.* Имея таким образом хотя некоторую надежду, что это письмо найдет Вас уже в Копенгагене, решился я написать Вам еще, в третий раз. Авось хоть это письмо дойдет до Вас.

Надобно Вам сказать, что во втором письме моем я просил у Вас помощи. Я весь истратился, задолжал в отеле, кредит мой здесь исчез, и я в самом тягостном положении. То же самое продолжается и до сих пор, с тою только разницею, что вдвое хуже. Между тем надо ехать в Россию, там неотлагаемые дела, а мне ни расплатиться, ни подняться не на что, и я в совершенном отчаянии. Еще немного, и я сделаюсь серьезно болен. Что мне делать — не могу понять!

Надеялся я на мою повесть, которую пишу день и ночь. Но вместо *3-х* листов она растянулась в *6*, и работа до сих пор не окончена.[2] Правда, мне же больше денег придется, но во всяком случае раньше месяца я их не получу из России. А до тех пор? Здесь уже грозят полицией. Что же мне делать?

Я писал Вам и просил, чтоб Вы выслали мне 100 талеров. Эти деньги теперь уже не помогут мне радикально, но, по крайней мере, сильно облегчат меня и спасут от сраму. И потому, если можете мне помочь, если Вы тот же прежний, добрый друг мой, то не откажите мне в этих 100 талерах. Повесть моя стоит по теперешним нашим ценам — minimum 1 000 р. сереб<ром>, и через месяц я *наверно* Вам отдам.

Я до того в тоске, до того измучен заботой, что не в состоянии ничего Вам написать более. Простите, добрый друг, что Вас беспокою. Есть — так помогите.[3]

Адресс мой:

Wiesbaden, poste restante, à m-r Theodore Dostoiewsky.*

Этот адресс на целый месяц.

Крепко жму Вам руку.

Ваш Федор Достоевский.

---

* Висбаден, до востребования, г-ну Федору Достоевскому (*франц.*).

266. М. Н. КАТКОВУ

10 (22)—15 (27) сентября 1865. Висбаден

Черновое

М<илостивый> г<осударь> М<ихаил> Н<икифорович>.

Могу ли я надеяться поместить в Вашем журнале «Р<усский> в<естник>» мою повесть?

Я пишу ее здесь, в Висбадене, уже 2 месяца и теперь оканчиваю.[1] В ней будет от пяти до шести печатных листов. Работы остается еще недели на две, даже, может быть, и более. Во всяком случае, могу сказать наверно, что через месяц и никак не позже[а] она могла бы быть доставлена в редакцию «Р<усского> в<естни>ка».[2]

Идея повести, сколько я могу предпола<гать>, не могла бы ни в чем[б] противоречить[в] Вашему журналу; даже напротив. Это — психологический отчет одного преступления.

Действие современное, в нынешнем году. Молодой человек, исключенный из студентов университета, мещанин по происхождению, и живущий в крайней бедности, по легкомыслию, по шатости в понятиях поддавшись некоторым странным «недоконченным» идеям, которые носятся в воздухе, решился разом выйти из скверного своего положения. Он решился убить одну старуху, титулярную советницу, дающую деньги на проценты. Старуха глупа, глуха, больна, жадна, берет жидовские проценты, зла и заедает чужой век, мучая у себя в работницах свою младшую сестру. «Она никуда не годна», «для чего она живет?», «Полезна ли она хоть кому-нибудь?» и т. д. Эти вопросы сбивают с толку молодого человека. Он решает убить ее, обобрать; с тем, чтоб сделать счастливою свою мать, живущую в уезде, избавить сестру, живущую в компаньонках у одних помещиков,[г] от сластолюбивых притязаний главы этого помещичьего семейства — притязаний, грозящих ей гибелью, докончить курс, ехать за границу и потом всю жизнь быть честным, твердым, неуклонным в исполнении «гуманного долга к человечеству», чем, уже конечно, «загладится преступление»,[д] если только может назваться преступлением этот поступок над старухой глухой, глупой, злой и больной, которая сама не знает, для чего живет на свете, и которая через месяц, может, сама собой померла бы.

Несмотря на то, что подобные преступления ужасно трудно совершаются — то есть почти всегда до грубости выставляют на-

---

а *Вместо:* никак не позже — *было начато: а.* она непременн<о> *б.* она могл<а бы>

б *Вместо:* не могла бы ни в чем — *было:* не может

в *Далее было:* мысли

г *Далее было:* где

д *Вместо:* загладится преступление — *было:* загладить этот легкий

ружу концы, улики и проч. и страшно много оставляют на долю случая, который всегда почти выдает винов‹ных›, ему — совершенно случайным образом удается совершить свое предприятие и скоро и удачно.

Почти месяц он проводит после того до окончательной катастрофы. Никаких на них [е] подозрений нет и не может быть. Тут-то и развертывается [ж] весь психологический процесс преступления. Неразрешимые вопросы восстают перед убийцею, неподозреваемые и неожиданные чувства мучают его сердце. Божия правда, земной закон берет свое, и он — кончает тем, что *принужден* сам на себя донести. Принужден, чтобы хотя погибнуть в каторге, но примкнуть опять к людям; чувство разомкнутости и разъединенности с человечеством, которое он ощутил тотчас же по совершении преступления, замучило его. Закон правды и человеческая природа взяли свое, убежд‹ение?› внутреннее‹?› даже без сопр‹отивления?›. Преступн‹ик› [з] сам решает принять муки, чтоб искупить свое дело. Впрочем, трудно мне разъяснить вполне мою мысль. Я хочу придать [и] теперь худож‹ественную› форму, в которой она сложил‹ась›. О форме ‹*не закончено*›

В повести моей есть, кроме того,[к] намек на ту [л] мысль, что [м] налагаемое [н] юридическ‹ое› наказание за преступление гораздо меньше устрашает преступника, чем думают законодатели, отчасти и потому, что он и сам его нравственно требует.

Это видел я даже на самых неразвитых людях, на самой грубой случайности. Выразить мне это хотелось именно на развитом, на нового поколения человеке, чтоб была ярче и осязательнее видна мысль. Несколько случаев, бывших в самое последнее время, убедили,[о] что *сюжет* мой вовсе не эксцентричен. Именно, что убийца развитой и даже хорош‹их› накл‹онностей› м‹олодой› человек. Мне рассказывали прошлого года в Москве (верно) об одном студенте, выключенном из университета после московск‹ой› студент‹ской› истории — что он решился разбить почту и убить почтальона. Есть еще много следов в наших газетах о необыкновенной шатости понятий, подвигающих на ужасные дела.[3] (Тот семинарист, который убил девушку по уговору с ней в сарае и [п] которого взяли через час за завтрак‹ом›, и проч.) [4] Одним словом, я убежден, что сюжет мой отчасти оправдывает современность.

е *Так в подлиннике.*
ж *Далее было:* много
з *Было:* Он
и *Вместо:* Я хочу придать — *было:* В этой мысли я не могу
к *Вместо:* кроме того — *было:* таким образом
л *Было:* одну
м *Далее было:* не столько
н *Далее было:* законом
о *Вместо:* убедили — *было:* утвердили меня в
п *Далее было:* завтр‹акал›

Само собою разумеется, что я пропустил в этом теперешнем изложении идеи[р] моей повести — весь сюжет. За занимательность ручаюсь, о художественном исполнении — не беру на себя судить.[с] Мне слишком много случалось писать очень, очень дурных вещей, торопясь, к сроку и проч. Впрочем, эту же[т] вещь я писал неторопливо и с жаром. Постараюсь, хотя бы *для себя только,* кончить ее как можно лучше.

Лет шесть тому назад[у] я присылал в «Р‹усский› в‹естник›» одну мою повесть, за которую получил от Вас деньги вперед. Но вышло недоразумение, дело не состоялось, и я взял назад мою повесть, *заплатил деньги.*[ф] Может быть, я был отчасти виноват, может быть, был — отчасти[х] и прав. Всего вернее, что и то и другое было. Теперь же скорее готов обвинить себя в капризе и в заносчивости. Я забыл подробности этого дела.[ц] Могу ли я надеяться, что и Вы, многоува‹жаемый› Мих‹аил› Ник‹ифорович›, не захотите их теперь припоминать?[5]

В продолжение последних лет мне случалось получать плату с листа[ч] от 250 руб. (За «Мертвый дом», которого начало печаталось в бывшей газете «Русск‹ий› мир»)[6] до 125 р., предложенных мне еще недавно в одном издании.[7] Отдаюсь совершенно в назначении мне платы на Ваше усмотрение по прочтении повести.[8] Я слышал, что так делают многие из литераторов, имеющих с Вами сношения. Но во всяком случае я бы желал получить с листа не меньше minimum'а платы, который мне предлагали[ш] до сих пор, то есть 125 руб. Но, повторяю, полагаюсь во всем на Вас и твердо уверен,[щ] что для меня это будет выгоднее.

Извините, что перейду к делам, касающи‹мся› меня лично. Теперешние обстоятельства мои очень нехороши. Я выехал в начале июля за границу[э] совершенно больной, для лечения, и почти без денег. Я надеялся вскорости кончить одну работу,[9] но увлекся другой работой (тем, что теперь пишу), о чем и не жалею. Тем не менее я принужден теперь попросить у Вас триста рублей[ю] — разумеется, в таком случае, если Вы захотите взять мою работу. Прошу вас,[я] многоуважаемый Михаил Никифор‹ович›, не считать эту просьбу о 300-х рублях чем-нибудь при-

---

р *Было:* мысли

с *Вместо:* о художественном ∾ судить — *было:* за художественное исполнение не беру на себя руч‹ательство?›

т *Вместо:* Впрочем, эту же — *было:* Эту же

у *Далее было:* между мною и

ф *Далее было:* Я забыл [обстоятельства] подробности

х *Было:* несколь‹ко›

ц *Далее было:* Знаю только, что теперь я бы вел его не так, как тогда

ч *Было:* за пове‹сти›

ш *Было:* я получал

щ *Вместо:* твердо уверен — *было:* надеюсь

э *Далее было:* для здоров‹ья?›

ю *Далее было:* вперед

я *Вместо:* Прошу Вас — *было:* Эта просьба

надлежащим к условиям, которые бы я предложил за мою повесть. Совсем нет. Это просто просьба к Вам помочь мне в эту весьма трудную для меня минуту, — разумеется — опять повторяю — просьба, могущая иметь место только в том случае, если Вы изъявите согласие [а] принять мою работу.[10]

Адресс мой здесь [б]

Во всяком [в] случае убедительнейше прошу Вас не оставлять [г] меня долго без известия из редакции журнала.[д] Для меня, в моем стесненном положении, всякая минута дорога.[е] Хотя я и сам через месяц надеюсь возвратиться в Россию, но полагаю возможным через три недели выслать Вам мою работу в окончательном виде.

а *Было:* согласитесь
б *В подлиннике пропуск.*
в *Было:* Но во всяком
г *Было:* не замешкать
д *Вместо:* из редакции журнала — *было:* от Вас
е *Далее было начато:* Я полагаю

267. А. Е. ВРАНГЕЛЮ

16 (28) сентября 1865. Висбаден

Висбаден 28 сентября 65.

Благодарю Вас, бесценный друг, что помогли мне. Вы показали, что Вы всегдашний, неизменный друг и что сердце Ваше не изменилось с летами. Вы едете в Швецию, — вероятно ненадолго. Таким образом, это письмо, может быть, и не застанет Вас в Копенгагене. Вот вопрос: застану ли я Вас в Копенгагене? [1] Мне бы очень, очень хотелось заехать к Вам. Но если у меня будет хотя два-три дня в моем распоряжении лишних и притом при хороших обстоятельствах, — то все-таки я не могу последовать Вашему совету возвратиться в Петербург морем,[2] потому что мне *необходимо* заехать дня на три в Псковскую губернию (возле самой дороги).[3]

Ваши *сто* талеров принесли мне пользу отчасти относительную. Так как госпожа Бринкен сама (вчера) пришла в наш отель вечером и не застала меня дома, то и успела рассказать хозяину отеля, что она должна мне передать письмо с деньгами. А вследствие того сегодня, когда я к ней ходил сам и получил, хозяин, уведомленный о деньгах, отобрал у меня почти *всё*, так что мне осталось десятка полтора гульденов. Это совершенно в здешних нравах, а между тем у меня есть один долг и один расход (выкуп заклада), которые ужасно меня тревожат. Но всё равно: авось получу скоро свои деньги, и тогда отданное теперь хозяину будет *уже* отданное. Autant de gagné.*

---

* И то хорошо (*франц.*).

Надеюсь, что мне недолго ждать, и, однако ж, все-таки дней 10. Эти 10 дней я проведу в лихорадке. Вот на что я решился: я написал письмо к Каткову с предложением моей повести в «Русский вестник» и с просьбою выслать сюда 300 руб. вперед. Но я боюсь очень двух обстоятельств: 1) 6 лет тому назад Катков мне выслал в Сибирь (перед отъездом из Сибири) 500 р. вперед за повесть, которую еще я ему не послал. (Может, и 1000 выслал; я забыл: 500 или 1000). А вдруг потом мы письменно повздорили в условиях и разошлись. Деньги Каткову были возвращены и повесть, которую тем временем я успел уже выслать,[a] взята назад.[4]

2) С тех пор в продолжение издания «Времени» были между обоими журналами потасовки.[5] А Катков до того самолюбивый, тщеславный и мстительный человек, что я очень боюсь теперь, чтоб он, припомнив прошлое, не отказался высокомерно теперь от предлагаемой мною повести и не оставил меня с носом. Тем более, что я не мог, предлагая ему повесть, сделать это предложение иначе как в независимом[б] тоне и безо всякого унижения.[6]

А между тем повесть, которую я пишу теперь, будет, может быть, лучше всего, что я написал, если дадут мне время ее окончить. О, друг мой! Вы не поверите, какая мука писать на заказ. И даже материально невыгодно: чем слабее вещь, тем больше спускается цена. Но что мне делать: у меня 15 000 долгу, тогда как в это время прошлого года у меня не было долгу ни копейки. Я не только пожертвовал для семейства брата своими собственными 10-ю тысячами, но даже надавал векселей и переписал братнины векселя на свое имя и теперь буду сидеть несколько лет в тюрьме за чужие долги. А с бедным моим Пашей что будет? А с больным братом Колей? Вот я сам выехал за границу, чтоб поправить здоровье и что-нибудь написать. Написать-то я написал, а здоровье стало хуже; падучей нет, а сжигает меня какая-то внутренняя лихорадка, озноб, жар каждую ночь, и я худею ужасно. Должно быть, простудился. До свидания, друг мой. Адресс мой всё тот же: Wiesbaden, poste restante.*

Пожалуйста, poste restante.

Ваш весь Ф. Достоевский.

Деньги, если не успею отдать Вам в руки еще до России, отдам в Петербурге, как Вы назначили.[7]

Я в Висбадене наверно еще дней десять до ответа от Каткова.

---

[a] *Вместо:* которую ∾ выслать — *было:* уже потом послал

[б] *Было:* слишком независимом

* Висбаден, до востребования (*франц.*).

268. А. Е. ВРАНГЕЛЮ

8 ноября 1865. Петербург

Петербург $\frac{8\text{-го}}{20}$ ноября / 65.

Добрейший и многоуважаемый друг Александр Егорович, неужели уж четыре недели прошло?[1] Сосчитал и действительно так. А что я сделал? Ничего. Странно: по Вашему письму вижу, что Вы как будто и не получили мою записочку с парохода из Кронштадта.[2] Так ли? Напишите. Я Вам лишний фунт задолжал. Это была не записка, а несколько слов на пароходном счете. Нехватило фунта, а между тем на карманные мои расходы пошло всего 5 шиллингов (на пиво. Вода была сквернейшая). Явились такие рубрики счета, которых и подозревать нельзя было и избежать тоже. Я и написал на счете Вам несколько строк, прося заплатить этот фунт в Копенгагене, потому что у меня уже ни копейки не было. Неужели они не явились. Переход был спокойный, но притащились мы только на *шестые* сутки.

Как приехал — сейчас припадок, в первую ночь, — сильнейший. Оправился, дней через пять — другой припадок, еще сильнее. Наконец, 3-го дня еще, хоть и слабый, но три сряду меня ужасно расстроили.

Тем не менее сижу и работаю, не разгибая шеи.

Катков прислал 300 руб. в Висбаден, дома их нашел[а] у себя: переслал Янышев. Между тем всё на меня обрушилось. Семейство брата (покойного) в полном расстройстве. Только меня и ждали. Всё им отдал и, кроме того, на днях занял еще 100 руб. Что мне делать, не знаю. Советовался только с Полонским. Много говорил мне о том, что надо непременно *подождать* с журналом,[3] и советовал написать роман и еще что-нибудь, чтоб подновить свое имя, и тогда уже начинать. Значит, через год. Насчет же вспоможения — качает головой. Но я еще не пробовал, а всё еще хочу попробовать. Я буду просить для семейства брата у министра.[4]

В голове у меня есть одно периодическое издание, не журнал. И полезное и выгодное. Может быть осуществлено в будущем году.[5] Но пока надо роман кончить.[6] Работаю из всех сил, а между тем это запрещено докторами, ибо припадки.

Сейчас Вам ничего не могу выслать. Потерпите, добрейший друг. За роман получу не менее 2500 р. Отдам. Ведь уж это верно;[7] я и задаток получил. Только бы кончить!

Пальто и плед пришлю. Может, завтра же вышлю в Любек.[8]

Что мне делать с Янышевым! Боже мой: к 12-му декабря ему надо *непременно* выслать долг.[9] Тогда, может, и Вам тоже вышлю. Но где взять? Съезжу к министру. У Каткова же слишком

[а] *Далее было:* сюда

неполитично еще просить вперед. Невозможно. Нелепо. Совсем не те у меня отношения.

Полную преданность и беспредельное уважение свидетельствую Вашей супруге. А главное, желаю ей здоровья — это главное. Поздравляю с дочерью[10] и целую всех детей, особенно умницу.[11]

До свидания, голубчик и старый друг. Крепко жму Вам руку.

Ваш весь Ф. Достоевский.

Всё хотел Вам писать и всё выжидал чего-нибудь положительного.

Паша мой здоров и меня утешает, а брат больной наверно скоро умрет — в этом году, может быть.[12] Буду Вам подробно писать о всех новостях и *планах*. Не забывайте меня и Вы.

У нас снег, санная дорога, и Нева становится. Пароходы вряд ли могут быть. Перешлю другим образом.

Чемодан получил из Франкфурта. Всё стоило 62 руб.

269. И. Л. ЯНЫШЕВУ

22 ноября 1865. Петербург

Петербург 22 ноября/65.

Добрейший и многоуважаемый Иван Леонтьевич,

Довел дело до последней минуты и все-таки принужден Вам послать *пустое* письмо.[1] Кто больше Вас имеет права обвинить меня в настоящую минуту? Но будьте долготерпеливы и добры до конца, и я оправдаю себя в глазах Ваших. Я до того виноват перед Вами, что конечно и неприлично было бы мне оправдываться. Но так как я, по совести, не чувствую себя виноватым умышленно, то и напишу несколько слов по крайней мере, чтоб разъяснить теперешнее положение. (Что давно бы надо было сделать).

Всё дело в том, что я уже десять раз хотел писать к Вам и всё ждал (то есть твердо надеялся), что придет та минута, когда мне возможно будет написать Вам хоть *что-нибудь положительное*. И от ожидания к ожиданию довел до сегодня, когда уже нельзя более откладывать.

Как приехал 1½ месяца назад в Петербург, получил перевод (от Вас) из «Русского вестника».[2] У меня была надежда через 2 недели быть в Москве и там, конечно, получить еще денег. А так как, по приезде в Петербург, я увидал в семействе братниных сирот недостаток в высшей степени, то и распорядился Вами присланными деньгами, надеясь на Москву. Писать в Москву мне нельзя, надо лично.[3] Чтобы ехать лично, надо кончить работу, то есть хотя бы половину работы. Засел я работать ускоренно и усиленно. Начались припадки, один за другим. Четыре

припадка в $1^1/_2$ месяца, и до сих пор болен. Но это ничего, потому что я все-таки работал, но работа моя пошла так, что надо было вновь переработать — и я решился на это (надо сделать хорошо, иначе будущему поврежу). Таким образом, поездка моя в Москву отложена на месяц.[4] Что же касается до других надежд моих (о которых я Вам, помнится, говорил), то люди опытные мне посоветовали отложить мои намерения па год, ибо тогда дело будет вдвое вернее.[5] А так как мне в то же время представилась одна весьма выгодная работа (которою займусь по окончании теперешней),[6] и я ничего не проиграю, если подожду, то я и решился ждать.

Таким образом, я сам себя посадил без денег, чтобы выиграть несравненно больше и, главное, — *вернее* потом. До января месяца денег с «Русского вестника» я не получу, несмотря на то, что мне придется получить с него от 3-х до 4-х тысяч рублей. Но просить вперед через письмо невозможно.[7] Есть такие отношения, многоуважаемый Иван Леонтьевич, которые почти невозможно нарушить, и потому я осудил *себя* на время ждать и терпеть.

Но *Вас* я не могу, не должен и не смею осудить ждать и терпеть. Помню, как Вы мне говорили при прощании, что Вам очень будет трудно уплатить, если я не вышлю к сроку. (Говорили Вы мне тогда и другое — как тяжело Вам будет, если я Вас обману). И это меня так мучает, что я решился бы лучше холеру вынесть. Но при расчетах моих теперешних я и не имел намерения заставить Вас ждать и терпеть. Да и сам бы я не мог терпеть и ждать и работать без некоторого обеспечения (ибо 300 р., присланные Вами, в одну неделю ушли на разные выдачи и уплаты,[8] и я сам остался ни с чем). Но здесь есть люди, которые и мне должны. Изредка я получал небольшими суммами, но вот уже целый месяц жду (верного) получения от одного лица 400 р.[9] (мимо всех других получений, н‹а›прим‹ер› из «Русского вестника» и проч.) и всё не могу получить. В этот месяц я думал, что десять раз успею Вам выслать 134 талера, которые Вам должен, и 170 гульденов, за которые Вы поручились за меня в Hôtel'e,* — оттого и мешкал Вам писать, что хотелось послать письмо с деньгами. Но до сих пор не получил ничего. И не я виноват. Но знайте, что при первой возможности, которая, может быть, и *очень скоро будет*, я Вам тотчас же вышлю, хотя бы пришлось самому себя обрезать.

Но боже мой, если б только дело шло обо мне одном. Никогда еще я не был в таком тяжелом и обязанном положении, как теперь.

Если Вы на меня очень сердитесь и сетуете, то знайте, что я очень наказан. Одна мысль: *как* Вы обо мне теперь думаете, — приводит меня в исступление. Может быть, не ошибусь, если

---

* в гостинице (*франц.*).

скажу, что я теперь болен от этого, но крайней мере наполовину.

Думаю, что *очень скоро* напишу Вам еще и на этот раз письмо будет не *пустое*. А теперь обнимаю Вас крепко (если Вы всё еще верите в меня хоть капельку) и свидетельствую мое полное уважение Вашей супруге.

Прощайте, добрейший и многоуважаемый Иван Леонтьевич. Разве могу я забыть когда-нибудь, как много помогли Вы мне в минуту тяжелой тоски моей и уныния — Вы, чужой мне, во имя Того, Кто Вас послал!

Я Вам докажу, что и я честный человек, Иван Леонтьевич.

Вам бесконечно преданный

Федор Достоевский.

За помарки в письме извините и не сочтите за небрежность, но иначе и не умею писать.

270. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

15 декабря 1865. Петербург

Посылаю тебе, любезнейший Коля, 1 р. серебр‹ом›. Николай [1] говорит, что ты хочешь в больницу.[2] Это очень хорошо, если б только возможно было взяться серьезно.

У меня всё припадки, сильнейшие и так часто, как никогда еще не бывало. Работа идет туго,[3] и сверх того простужаюсь, да и в доме беспорядки.

Одним словом, много скверного.

Твой весь Ф. Достоевский.

15 дек. / 65.

На конверте:

Е‹го› в‹ысокоблагороди›ю
Николаю Михайловичу
Достоевскому.

271. М. Н. КАТКОВУ

Декабрь 1865. Петербург

Черновое

М‹илостивый› Г‹осударь› М‹ихаил› Н‹икифорович›.

Получив, в ответ на письмо мое к Вам из-за границы,[a] 300 руб.[1] в октябре месяце, я счел себя вправе считать, что дело о напечатании моего романа в «Русском вестнике» вполне ре-

---

[a] *Далее было:* с предложением напечатать в «Р‹усском› вес‹тнике›» мой р‹оман›

шено,[2] а вследствие того усердно принялся за продолжение работы.[б]

Но занятый моей работой, я уже не искал никакой другой, а так как я совсем не имею денег и никого теперь, у кого бы я мог занять, для поддержанья меня во время работы, то и впал теперь в совершенную нищету. Извините, что вдаюсь в большие откровен<ности>. Я верил [в] всегда, что Вы человек благородный, хотя и не имею удов<ольствия> [г] знать Вас лично как человека и как <*не дописано*> Обращаюсь к Вам как литератор к литератору и прошу Вас вникнуть в мое положение. Я не один, от меня зависит отчасти семейство покойного брата моего, которое находится в совершенной нищете и с которым я делю последний грош. Кроме того, у меня есть другие, святые обязанности, которыми я не могу пренебречь.[3] Не имея ни малейших средств содержать себя, истощая добродушие моих знакомых беспрерывными займами, бегая по три дня за каким-нибудь рублем,[д] я в то же время должен работать усиленно и страдаю нравственно: [е] я люблю мою теперешнюю работу, я слишком много возложил надежд и положил свою [ж] на этот [з] роман мой, которым занят, а между прочим, беспрерывно отрываюсь от работы, теряю золотое время и с расстроенным духом (а Вы [и] литератор, Вы сами занимались изящной литературой, Вы поймете это!) [4] — должен садиться за вещь, прежде всего поэтическую, которая требует и спокойствия духа и определенного настроения.[к] Я бы давным-давно уже прислал Вам все четыре части, которые у меня уже кончены начерно, в обделанном виде, но не могу по беспрерывным замедлениям в работе все дни<?> и теперь кончаю отделывать [л] вторую. . .[м] Клянусь Вам, что я не преувеличиваю. Клянусь Вам, что ровно *половину* м<оего> врем<ени>, а может и больше, я теряю в хлопотах в приискании денег и в дурном расположении духа.

А между тем на все письма мои в редакцию [5] и на вопросы А. Ф. Базунова через меня к г-ну Цветкову, секретарю Вашему, о высылке мне сколько-нибудь денег, для поддержания меня, я не получил еще даже никакого ответа. Мало того: не знаю, когда будет напечатан мой роман, и наконец, будет ли еще он

б *Далее было: а. Начато:* Потом я еще слышал подтверждение от А. Ф. *б.* Потом еще раза два мне передавал А. Ф. Базунов от секретаря Вашего г-на Цветкова, что редакция «Русского вестника» готова напечатать мое сочинение на условиях, мною предложенных. Обо

в *Незачеркнутый вариант:* знал

г *Было:* чести

д *Далее, вероятно по ошибке, вписано:* по три дня

е *Далее было:* и без того уж

ж *Так в подлиннике.*

з *Незачеркнутый вариант:* теперешний

и *Далее было:* сами

к *Далее было начато:* Занимаясь одним

л *Вместо:* отделывать — *было:* только

м *Далее было:* Всегда, когда я работал таким образом прежде, где

напечатан у Вас? Находясь в таком невыносимом[н] положении, покорнейше прошу Вас обратить внимание Ваше на нижеследующие и убедительнейшие просьбы мои: Я искренне желаю сотрудничать в «Р‹усском› В‹естник›е».

Во-первых, прошу Вас — помогите мне. Работая для Вашего журнала, я не могу взять никакой другой работы, чтоб содержать себя, и на содержание мое я не имею ни копейки[о] и заложил даже платье мое. И потому прошу Вас выдать мне 1 000 рублей вперед. 300 руб. я уже от Вас получил, таким образом, теперь я прошу прислать в дополнение ‹?› ‹к› 1 000 только 700.[6] Из этих 700 450 прошу Вас прислать мне, а 250 доставить А. Ф. Базунову, которому я их задолжал. Достав‹ил›[п] я в редакцию «Русского вестника» теперь всего никак не менее 7 листов, а может быть, и восемь.[р] Это почти равно 1 000 руб. по принятым Вами моим условиям, а может быть, даже и более. Я, конечно, не считаю, что до окончания романа имею право их требовать. Я прошу. На днях вышлю окончание 2-й части и не *замедлю* с третьей. (Одним словом, *за мной* задержки не будет; в этом отвечаю; да и сам дорожу этим, потому что с любовью занимаюсь моей работой и дорожу впечатлением на публику и на это[с] много рассчитываю).

Во-2-х, прошу Вас убедительнейше дать мне знать: начнется ли печататься мой роман с январского нумера? И когда он кончится.[т][7] Или Вы ждете окончания его от меня. Последнее будет непременно. Я и без того не замедлю и делом занялся серьезно, а не легкомысленно. Это очень важно для моего спокойствия знать об Вашем намер‹ении›.

В-третьих, прошу Вас:[у] если роман мой Вам не нравится или Вы раздумали печатать его — то пришлите мне его обратно. Вы непременно‹?› человек, Михаил Никифорович, и с человеческим чувством.[ф] Из уважения к самому себе Вы, вероятно, не захотите заставить страдать мое человеческое достоинство и меня не оставите без ответа. Вы поймете, что мне, потерявшему столько времени непроизводительно, столько здоровья, силы ‹?›, надо поскорее вознаградить его хоть чем-нибудь, ибо, клянусь Вам, у меня [гроша нет и] я продаю последние мои книги, и я не один. Триста же рублей, которые должен, честное слово даю, возвращу Вам.

В-четвертых. Сделайте одолжение, не думайте, чтоб я в чем-нибудь обвинял Вас, и не обидьтесь чем-нибудь из письма моего.

[н] *Было:* жестоком
[о] *Далее было:* я в нищете
[п] *Было:* Послал
[р] *Далее было начато:* Если
[с] *В подлиннике:* эту
[т] *Вместо:* с январского нумера? ∾ кончится. — *было:* с января месяца? Я до сих пор так рассчитывал и уж конечно не опоздаю
[у] *Далее было:* отвечать мне
[ф] *Далее было:* человек

Мне только тяжело было не получать ответа и оставаться в неведении.

А в-пятых, убедит‹ельно› прошу от Вас ответа на это письмо мое скорого и ясного, чтоб я мог знать вполне свое положение и что-нибудь предпринять.

Вполне надеюсь после таких просьб моих, что Вы, Михаил Никифорович, не захотите оставлять[х] меня в неведении.[8]

Еще прошу: если Вы намерены печатать роман мой, то покорнейше прошу редакцию «Русск‹ого› вест‹ника›» не делать в нем *никаких* поправок. Я *ни в каком случае* не могу на это согласиться.

Адресс мой[ц]

Примите уверен‹ие›[ц]

[х] *Вместо:* не захотите оставлять — *было:* не оставите

[ц] *В подлиннике пропуск.*

1866

272. Д. И. ДОСТОЕВСКОЙ

13 февраля 1866. Петербург

Столярный переулок близ
Кокушкина моста, дом *Алонкина.*
Петербург 13 февраля/65.[a]

Любезнейшая сестра Домника Ивановна,

Если я не отвечал на Ваше милое письмо [1] до сих пор, то поверьте, что *не имел часу* времени. Если же Вам покажется это невероятным, то я ничего не могу прибавить. Знайте, что мне надо приготовить к сроку 5 частей романа,[2] часть денег взята вперед; [3] письмо же, которое другому стоит полчаса, — мне стоит 4 часа, потому что я не умею писать писем. Кроме романа, который пишу ночью и к которому нужно подходить с известным расположением духа, у меня бессчетное число дел с кредиторами. Мне надо было подать одну важную бумагу в суд [4] — важнейшую, и я пропустил срок, буквально говорю, — потому что *нет времени.* Не говорю о здоровье: припадки падучей мучают меня (с усилением работы) всё сильнее и сильнее, а я, целых два месяца, не мог найти времени, чтоб сходить (2 шага от меня) в Максимильяновскую лечебницу [5] посоветоваться с доктором. Если Вам и это будет невероятно и смешно, то думайте как угодно, а я говорю правду.

Наконец-то болезнь скрючила меня. Вот уже 8 дней я едва могу двигаться. Мне велено лежать и прикладывать холодные компрессы беспрерывно, день и ночь. И вот по этому-то случаю я Вам и пишу: нашлось время. Едва хожу, едва пером вожу.[6]

Все те чувства, которые Вы ко мне имеете, имею и я к Вам. И что у Вас за недоверчивость? Вы пишете: «Я не могла не поверить Вашим словам». Да зачем же бы я Вам стал лгать? Но если я не могу писать часто писем, то это, во-1-х) значит, что не могу *буквально*, потому что нет времени, а 2-е) в переписке нашей мы ничего, кроме *отвлеченностей*, не могли бы написать друг другу. Все насущные дела наши нам обоюдно незнакомы. Про внутреннюю же, душевную жизнь — как можно писать в письмах? Этого в три дня свидания не расскажешь! Я не могу делать ничего дилетантским образом, а делаю прямо, правдиво и горячо. Поэтому если начну рассказывать о себе, то

---

[a] *В подлиннике год указан ошибочно.*

напишу Вам целую повесть. А этого я не могу. Да и что изобразишь даже и в повести?

Это ничего, что мы редко видимся. Зато свидимся хорошо и накрепко. Вы и брат Андрей, кажется, одни только и остались у меня теперь *добрые родственники.*[7] Кстати, вот пример: да тут целая книга выйдет, если написать всё об отношениях моих с родными — отношениях, которые меня волнуют и мучат. (И об чем же бы я и писать Вам стал, если не о том, что меня волнует и мучит? С друзьями разве можно переписываться иначе?) А между тем я *нужнейшего и необходимейшего* письма к родственнику моему Александру Павловичу Иванову не нахожу, вот уже месяц времени, написать. Да и как это всё описать?

Вы пишете, что я часто езжу в Москву. Да когда же это было? Вот уже ровно год как я не был в Москве, а между тем у меня там наиважнейшее дело, даже два дела. Там уже печатается у Каткова мой роман, а я еще до сих пор в цене не условился, — что надо сделать лично. Ехать надо непременно, сегодня-завтра,[8] а я не могу, — нет времени.

С братом Вашим Михаилом Ивановичем Федорченко я хоть и познакомился, но так тем дело и кончилось. Во-1-х, 7 верст расстояния (а я никуда не хожу, ни к одному знакомому. Велено доктором развлекать себя в театр ходить, не был ни разу во весь год, кроме одного разу в октябре),[9] а во-2-х) мне кажется, что и сам брат Ваш тоже занятой человек и довольно равнодушно относится к моему знакомству. Он, впрочем, был так добр, что передал мне Ваше письмо, почему и заходил ко мне на минутку. Мне он показался превосходным человеком, но необыкновенно скрытным и таинственным, желающим как можно менее высказать на самый обыкновенный вопрос и как можно более умолчать. Впрочем, повторяю, мне удалось видеть его всего только одну минуту и в такой час, в который я только чудом был дома. После же вечера, который я имел удовольствие провести у них (30 ноября) [10] и на котором я в первый раз с ними познакомился, я ни разу не встречал Вашего брата. Правда, он приглашал меня у них бывать, но ведь я человек не светский и, главное, посещаю только тех, в которых крепко уверен, *по фактам*, что они желают со мной знакомства.

Когда кончу роман, будет больше времени.[6] Очень бы хотелось приехать к вам на *святой*.

Извините некоторый беспорядок моего письма. Я очень нездоров и несколько раз бросал перо и вскакивал с места от нестерпимой боли, чтоб отдохнуть на постели и потом опять продолжать. Пожмите от меня руку брату, да покрепче, и поцелуйте деток.[11] Летом или весной к Вам буду, как кончу работу.[12]

Ваш весь Ф. Достоевский.

---

[6] *Далее было:* Я, впрочем, желал бы иметь об Вас известие.

273. А. Е. ВРАНГЕЛЮ

18 февраля 1866. Петербург

Петербург 18 февраля/66.

Добрейший и старый друг мой, Александр Егорович, — я перед Вами виноват в долгом молчании, но виноват без вины. Трудно было бы мне теперь описать Вам всю мою теперешнюю жизнь и все обстоятельства, чтобы дать Вам ясно понять все причины моего долгого молчания. Причины сложные и многочисленные, и потому их не описываю, но кой-что упомяну. Во-1-х, сижу над работой как каторжник. Это тот роман в «Русский вестник». Роман большой в 6 *частей*. В конце ноября было много написано и готово; я всё сжег; теперь в этом можно признаться. Мне не понравилось самому. Новая форма, новый план меня увлек, и я начал сызнова.[1] Работаю я дни и ночи, и все-таки работаю мало. По расчету выходит, что каждый месяц мне надо доставить в «Русский вестник» до 6-ти печатных листов. Это ужасно; но я бы доставил, если б была свобода духа. Роман есть дело поэтическое, требует для исполнения спокойствия духа и воображения. А меня мучат кредиторы, то есть грозят посадить в тюрьму. До сих пор не уладил с ними, и еще не знаю наверно — улажу ли? — хотя многие из них благоразумны и принимают предложение мое рассрочить им уплату на 5 лет; но с некоторыми не мог еще до сих пор сладить.[2] Поймите, каково мое беспокойство. Это надрывает дух и сердце, расстроивает на несколько дней, а тут садись и пиши. Иногда это невозможно. Вот почему и трудно найти минуту спокойную, чтоб поговорить с старым другом. Ей-богу! Наконец болезни. Сначала, по приезде, страшно беспокоила падучая; казалось, она хотела наверстать мои три месяца за границей, когда ее не было. А теперь вот уж месяц замучил меня геморрой. Вы об этой болезни, вероятно, не имеете и понятия и каковы могут быть ее припадки. Вот уже третий год сряду она повадилась мучить меня два месяца в году — в феврале и в марте. И каково же: *пятнадцать дней* (!) должен был я пролежать на моем диване и 15 дней не мог взять пера в руки. Теперь в остальные 15 дней мне предстоит написать 5 листов! И лежать совершенно здоровому всем организмом потому собственно, что ни стоять, ни сидеть не мог от судорог, которые сейчас начинались, только что я вставал с дивана! Теперь дня три как мне гораздо легче. Лечил меня Besser. Бросаюсь на свободную минуту, чтоб поговорить с друзьями. Как меня мучило, что я Вам не отвечал! Но я и не Вам, я и другим, которые имеют право на мое сердце, не отвечал. Упомянув Вам о моих хлопотливых дрязгах, я ни слова не сказал о неприятностях семейных, о хлопотах бесчисленных по делам покойного брата и его семейства и по делам покойного нашего журнала. Я стал нервен, раздражителен, характер мой испортился. Я не

знаю, до чего это дойдет. Всю зиму я ни к кому не ходил, никого и ничего не видал, в театре был только раз на первом представлении «Рогнеды».[3] И так продолжится до окончания романа — если не посадят в долговое отделение.

Теперь — ответ на Ваши слова. Вы пишете, что мне лучше служить в коронной службе;[4] вряд ли? Мне выгоднее там, где денег больше можно достать. Я в литературе имею уже такое имя, что верный кусок хлеба (кабы не долги) всегда бы у меня был, да еще сладкий, богатый кусок, как и было вплоть до последнего года. Кстати, расскажу Вам о теперешних моих литературных занятиях, и из этого Вы узнаете, в чем тут дело. Из-за границы, будучи придавлен обстоятельствами, я послал Каткову предложение за самую низкую для меня плату 125 р. с листа ихнего, то есть 150 р. с листа «Современника».[5] Они согласились. Потом я узнал, что согласились с радостию, потому что у них из беллетристики на этот год ничего не было: Тургенев не пишет ничего,[6] а с Львом Толстым они поссорились.[7] Я явился на выручку (всё это я знаю из верных рук). Но они страшно со мной осторожничали и политиковали. Дело в том, что они страшные скряги. Роман им казался велик. Платить за 25 листов (а может быть, и за 30) по 125 р. их пугало. Одним словом, вся их политика в том (уж ко мне засылали), чтоб сбавить плату с листа, а у меня в том, чтоб набавить. И теперь у нас идет глухая борьба. Им, очевидно, хочется, чтоб я приехал в Москву. Я же выжидаю, и вот в чем моя цель: если бог поможет, то роман этот может быть великолепнейшею вещью. Мне хочется, чтоб не менее 3-х частей (то есть половина всего) была напечатана,[a] эффект в публике будет произведен, и тогда я поеду в Москву и посмотрю, как они тогда мне сбавят? Напротив, может быть, прибавят. Это будет к святой.[8] И, кроме того, стараюсь не забирать там денег вперед; жмусь и живу нищенски. Мое от меня не уйдет, а если забирать вперед, то я уже нравственно не свободен, когда буду впоследствии окончательно говорить с ними об уплате. Недели две тому назад вышла первая часть моего романа в первой январской книге «Русского вестника». Называется «Преступление и наказание». Я уже слышал много восторженных отзывов.[9] Там есть смелые и новые вещи. Как жаль мне, что я Вам не могу послать! Неужели у Вас никто не получает «Русского вестника»?

Теперь слушайте: предположите, что мне удастся хорошо окончить, так как бы я желал: ведь я мечтаю знаете об чем: продать его нынешнего же года книгопродавцу вторым изданием,[10] и я возьму еще тысячи *две* или *три* даже. Ведь этого не даст коронная служба? А продам-то я вторым изданием наверно, потому что ни одно мое сочинение не обходилось без этого. Но вот в чем беда: я могу испортить роман, и я это предчув-

---

[a] *Далее было:* и тогда

ствую. Если посадят в тюрьму за долги, то наверно испорчу и даже не докончу; тогда всё лопнет.

Но я слишком много разболтался о себе. Не сочтите за эгоизм: это бывает со всеми, которые слишком долго сидят в своем углу и молчат. Вы пишете, что Вы и всё Ваше семейство перехворали. Это тяжело: хоть здоровьем-то заграничная жизнь должна бы Вас была вознаградить! Что было бы с Вами и с Вашим семейством эту зиму в Петербурге! Это ужас, что у нас было, а летом еще, пожалуй, холера пожалует.[11] Передайте Вашей жене мои искренние чувства уважения и желание всевозможного ей счастья, а главное, пусть начнется с здоровья![12] Добрый друг мой, Вы по крайней мере счастливы в семействе, а мне отказала судьба в этом великом и *единственном* человеческом счастье. Да, для семейства Вы многим обязаны. Вы мне пишете о предложении Вашего отца и что Вы отказались.[13] Я не имею права ничего Вам тут советовать, собственно потому что в *полноте* дела не знаю. Но вот в чем примите совет друга: не решайтесь поспешно, не говорите последнего слова и оставьте окончательное решение до лета, когда сами приедете. Эти решения делаются на всю жизнь; тут переворот всей жизни. Даже если б Вы и порешили летом продолжать службу, то все-таки не говорите окончательного слова и оставьте разрешить впоследствии обстоятельствам.

Летом, я думаю, наверно буду в Петербурге; стало быть, мы увидимся. Тогда поговорим о многом. Кстати, я очень рад, что Вас так интересует наша внутренняя, русская умственная и гражданская жизнь. Мне, как другу, очень приятно, что Вы такой, хотя не во всем с Вами согласен. На многое смотрите Вы несколько исключительно. Не черпаете ли Вы известия из иностранных газет? Там систематически искажают всё, что касается России. Но это обширный вопрос.[14] По-моему, живя за границей, действительно подпадаешь под влияние иностранной прессе. Я это даже на себе испытал. Но, однако ж, во многом, и очень даже, я предчувствую, что с Вами согласен.

«Весть» издается двумя издателями-редакторами: *Скарятиным* и *Юматовым*.[15] Прощайте, добрый друг мой, до свиданья. Надеюсь в будущем письме обменяться с Вами более счастливыми известиями. Дал бы бог! А теперь

Ваш весь Ф. Достоевский.

Поцелуйте милых деток Ваших.

Все Ваши оставшиеся у меня вещи в целости и лежат в комоде. Друг мой, я Вам должен. Подождите несколько; отдам.[16] Теперь же скряжничаю, а если б Вы знали, сколько уж должен был истратить здесь денег!

Не знаю еще, что буду делать, когда кончу роман. Главное, тогда подновится мое литературное имя и можно будет к осени что-нибудь предпринять. У меня есть план, но надо быть благоразумным.

Вот Вам еще факт: страшно усиливается подписка на все журналы и книжная торговля. Это последние сведения от книгопродавцев, да и сам имею факты.

274. Я. К. ГРОТУ

14 марта 1866. Петербург

Милостивый государь Яков Карлович,

Я говорил Егору Петровичу, что буду читать 2-ю главу первой части моего романа «Преступление и наказание», — так как тут отдельный эпизод.[1] Егор Петрович это одобрил.

Вставок не сделаю ни одного слова, но сокращения некоторые сделаю, что, конечно, возможно.

Другого экземпляра[2] у меня нет, а потому покорнейше прошу Вас, если только возможно, возвратить мне этот экземпляр хоть *в четверг*, чтоб я мог приготовиться.

Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Федор Достоевский.

14 марта.

275. М. Н. КАТКОВУ

25 апреля 1866. Петербург

Петербург 25 апреля/66.

Милостивый государь Михаил Никифорович,

Сердечно благодарю Вас за помощь, которую Вы мне оказали присылкою 1 000 руб., и искренно извиняюсь, что благодарю Вас слишком поздно.[1] Я послал в Редакцию «Р‹усского› вестника» *три главы* неделю назад.[2] Постараюсь не замедлить и с дальнейшим. Здесь мне очень трудно работать, — нездоровье и домашние обстоятельства. Я, однако ж, поспею. А отъезд мой за границу затянулся, по теперешним обстоятельствам, так как я всё еще, с самого возвращения из ссылки, состою под надзором;[3] да и война теперь в Европе.[4] Так что совершенно не знаю, где останусь на лето.[5]

Вы не поверите, с каким восторгом читаю я теперь «Московские ведомости». Все увидели и узнали теперь, что они всегда были независимым органом, безо всяких внушений и субсидий, а это слишком важно, что все узнали это наконец. Это пьедестал. Простите мне мое откровенное слово: но ведь публика (по крайней мере, масса) до сих пор была уверена в противном.[6] Это хорошо, что всё все узнали. И какую низкую роль взяли на себя все эти наши *субсидьеры*! Что они защищают?[7] (Субсидьеры —

словцо, которое я хочу пустить в ход; оно по преимуществу означает *постоянство* промысла. Гравер, танцор — означают постоянство промысла, ремесла. Субсидьер — постоянство в получении субсидий, откуда бы ни было и как бы то ни было.)

Откровенно говорю, что я был и, кажется, навсегда останусь по убеждениям настоящим славянофилом, кроме крошечных разногласий, а след‹овательно›, никогда не могу согласиться вполне с «Московскими ведомостями» в иных пунктах.[8] Совершенно и вполне понимаю, многоуважаемый Михаил Никифорович, что я не очень Вас устрашу этим. Но вот для чего я это написал: мне хотелось непременно высказать Вам самую сердечную признательность, самое горячее уважение за правду и за прекрасную деятельность Вашу особенно в эту минуту. А чтоб высказать это, не знаю почему, мне показалось необходимо высказать Вам предварительно мои настоящие убеждения. Может быть, это слишком наивно, но почему же не быть хоть раз и наивным?

Корреспонденции «Московских ведомостей» из Петербурга — все верны. Но здесь очень многие верят, что дело так и кончится одними нигилистами, а корень зла скажется разве только через несколько лет, сам собою, путем историческим.[9] Мне случалось слышать мнение, что «Московские ведомости» слишком мало придают значения нигилизму; что, конечно, центр и начало зла не тут, а вне; но что нигилисты и сами по себе на всё способны. Учение «встряхнуть всё par les quatre coins de la nappe,* чтоб, по крайней мере, была tabula rasa ** для действия», — корней не требует. Все нигилисты суть социалисты. Социализм (а особенно в русской переделке) — именно требует отрезания всех связей. Ведь они совершенно уверены, что на tabula rasa они тотчас выстроют рай.[10] Фурье ведь был же уверен, что стоит построить одну фаланстеру и весь мир тотчас же покроется фаланстерами; это его слова.[11] А наш Чернышевский говаривал, что стоит ему четверть часа с народом поговорить, и он тотчас же убедит его обратиться в социализм.[12] У наших же у русских, бедненьких, беззащитных мальчиков и девочек, есть еще свой, вечно пребывающий *основной* пункт, на котором еще долго будет зиждиться социализм, а именно, энтузиазм к добру и чистота их сердец. Мошенников и пакостников между ними бездна. Но все эти гимназистики, студентики, которых я так много видал, так чисто, так беззаветно обратились в нигилизм во имя чести, правды и истинной пользы! Ведь они беззащитны против этих нелепостей и принимают их как совершенство. Здравая наука, разумеется, всё искоренит. Но когда *еще* она будет? Сколько жертв поглотит социализм до того времени? И наконец: здравая наука, хоть и укоренится, не так скоро истребит плевела, потому что здравая наука — всё еще только наука, а не непосредственный вид гражданской и общественной деятельности. А ведь бедняжки убеж-

* *Буквально:* четырьмя углами скатерти (*франц.*).
** чистая доска (*лат.*).

дены, что нигилизм — дает им самое полное проявление их гражданской и общественной деятельности и свободы.

Известия у Вас про *реакцию* тоже очень верны.[13] Все боятся, и уж ясно, что началом этой боязни интрига.[14] Но знаете, что говорят некоторые? Они говорят, что 4-е апреля математически доказало могучее, чрезвычайное, святое единение царя с народом. А при таком единении могло бы быть гораздо более доверия к народу и к обществу в некоторых правительственных лицах. А между тем со страхом ожидают теперь стеснения слова, мысли. Ждут канцелярской опеки. А как бороться с нигилизмом без свободы слова? Если б дать даже им, нигилистам, свободу слова, то даже и тогда могло быть выгоднее: они бы насмешили тогда всю Россию *положительными* разъяснениями своего учения. А теперь придают им вид сфинксов, загадок, мудрости, таинственности, а это прельщает неопытных.

Почему бы не сделать, говорят иные, даже следствия гласным?[15] Ведь у них, в канцелярии, может быть, даже человека нет, который бы сумел говорить с нигилистами. А тут бы, при гласности, всё общество помогло, и энтузиазм народный не поглощался бы, как теперь, канцелярским секретом. Видят и в этом неловкость, робость правительственных мер, приверженность к старым формам. Ну и не доверяют, и начинают бояться реакции.

Примите уверения в полном моем уважении. Вас глубоко уважающий

Федᐸорᐳ Достоевский.

Простите за некоторые помарки в письме. Не сочтите за небрежность. Не умею писать иначе, даже переписывая.

276. И. Л. ЯНЫШЕВУ

29 апреля 1866. Петербург

Петербург 29 апреля/66.

Добрейший и многоуважаемый Иван Леонтьевич,

Посылаю Вам 405 гульд. (234 гульденᐸаᐳ 40 крейц., которые я взял у Вас, и 170 гульденов, за которые Вы поручились). Так записано у меня в книжке, когда Вы выдали мне деньги на выезд из Висбадена.[1] Кажется, я не ошибся в счете. Если же ошибся, то сообщите мне.[2]

Тяжелее всего для меня — оправдывать себя перед Вами. Я сознаю, что я виноват. Скажу Вам одно: если б я не отдавал Вам оттого только, что не хотел, или был неблагодарен, или жаден, — то мне, при таких качествах, всего тяжелее было бы отдавать Вам *теперь*, когда я за 405 гульд. заплатил в конторе Гинцбурга не 262 руб. (чего стоили 406 гульденов прошлого года), а 303 рубля 75 коп., по изменившемуся за это время курсу. При

этом заявляю Вам факт (который хоть когда-нибудь да можно проверить), что в настоящую минуту, когда я отсылаю Вам деньги, на меня поданы ко взысканию два векселя — один в 300 руб. и другой в 500 руб., а для уплаты у меня всего 100 руб. осталось в ящике.

Прибавлю к этому, что из этих 800 руб. (взыскатели гг. Демис и Гинтерлах) я никогда не пользовался ни одним рублем; всё это долги моего покойного брата, из которых я уже заплатил собственных денег до 5 000 (со времени его смерти), кроме 10 000 — всего что у меня было, — истраченных на журнал. По глупости своей я переписал тогда эти векселя на себя, в надежде помочь вдове и детям покойного; из них[a] только вдова знается со мной, а дети даже мне теперь и не кланяются.

Я работаю теперь в «Русском вестнике», печатаю роман.[3] Остается написать еще до 20 листов. За написанное я уже получил до 2 000, — но не я получал; а только расписывался в получении, — получали за меня кредиторы. Первые значительные деньги, которые я увидел в руках — это те, которые Вам теперь посылаю.

Мне остается получить еще до 2 000, по мере окончания романа. Надо заметить, что роман мой удался чрезвычайно и поднял мою репутацию как писателя.[4] Вся моя будущность в том, чтоб кончить его хорошо. (Больше дадут за следующие произведения). А между тем: до того довел мою падучую болезнь, что если только неделю проработаю беспрерывно, то ударяет припадок, и я следующую неделю уже не могу взяться за перо, иначе, через два-три припадка — апоплексия. А между тем кончить надо. Вот мое положение. Не знаю, каким образом вывернусь от долгового отделения; подал заявление о болезни. Но решат ли в мою пользу — не знаю.[5] А в тюрьме писать нельзя.

Вы скажете: почему я не отдал Вам частями мой долг, хотя бы мелкими? Отвечу Вам: в то время, когда уже я написал более чем на 1 000 руб., я принужден был продавать книги и закладывать платье, чтоб существовать. Мои деньги брали кредиторы, иначе они бы меня посадили, а в тюрьме, и особенно в нашей,[6] я не мог бы кончить работу — и тогда никогда никому бы ни гроша не мог заплатить. Что же было делать? У меня, кроме того, на руках пасынок и вдова покойного брата.[7] Конечно, Ваши права даже больше, чем ихние. Но тут я не мог решить, как бы я должен был сделать.

Не воображайте, впрочем (если захотите подумать обо мне), что я очень мучаюсь. Нет, было много и отрадных минут... Для меня еще не иссякла жизнь и надежда.

Но если и были дурные минуты, то, клянусь Вам, что из всех дурных минут, перенесенных мною за это время, одни из самых тяжелых были те, когда я вспоминал и воображал о том: что и как Вы обо мне думаете?

Ваше благороднейшее поведение со мной (кроме того, что Вы

[a] *Было:* из которых

помогли мне тогда, — во всё время Вы не напоминали мне ни единым словом о долге) меня мучило. Легче бы, если б Вы понуждали и жаловались. Право, я легче бы это перенес.

Зато никогда и никто не может уважать Вас больше моего. Вам искренно преданный весь Ваш

Федор Достоевский.

Не взыщите за помарки. Иначе писать не умею, даже если б стал переписывать.

277. А. Е. ВРАНГЕЛЮ

9 мая 1866. Петербург

Петербург 9 мая.

Добрейший Александр Егорович,

Запоздал ответом и спешу наверстать потерянное. Поверьте, друг неизменный, Александр Егорович, что совесть меня самого беспокоит, и если б Ваше письмо пришло ко мне только неделей раньше, — я бы Вам тотчас выслал.[1] Не смейтесь, что так говорю. Вот Вам мои дела: всю зиму жил анахоретом, работал, расстроил здоровье, жил копейками, а истратил 1 500 руб. Куда? Да с меня так и рвут! На страстной поехал в Москву и взял у Каткова *вперед* 1 000 р. Цель была та, чтобы поскорей поехать в Дрезден, засесть там на 3 месяца и кончить роман, *чтоб никто не мешал.* Иначе здесь в Петербурге невозможно кончить.[2] Припадки усиливаются (чего за границей не бывает), а кредиторы, чем более им плати, тем становятся нахальнее. А между тем они же должны быть мне благодарны, что после смерти брата я переписал векселя на себя и часть уже заплатил. А если б я не переписал, то ничего бы они не получили.

Но дело обернулось так, что на этот раз в выдаче паспорта за границу потребовались особые формальности,[3] дело затянулось, а курс стал падать, и что было на святой еще возможно, то теперь и немыслимо. А между тем кредиторы стали подавать ко взысканию, и моя *тысяча* пошла прахом. Мне решительно нельзя жить в Петербурге. Несмотря на всё это, сижу и продолжаю роман изо всех сил. Он, в настоящую минуту, одна моя надежда. За него еще придется мне дополучить около 1 500 р., а может, и более, а потом продам на второе издание, тоже никак не менее 1 500 (уже торгуют).[4] Но деньги с Каткова получать начну не ранее июля. В июле Вам и пришлю, — *несомненно.* Если же хотя малейшая возможность будет прислать раньше (а это очень может случиться, потому что книгопродавцы уже торгуют на второе издание, прежде чем роман кончен), то тотчас же пришлю. А Вас же прошу черкнуть мне хоть в двух словах точную цифру моего прошлогоднего Вам долга в *ригсталерах*, потому что записную книжку мою я потерял и помню мой долг приблизительно, но не точно.[5] Прибавлю, что мне прискорб-

нео Вашего не послать Вам теперь. Вы конечно обвините меня: зачем другим платил, а не Вам? Всё, что могу ответить в извинение себе, это то, что без намерения произошло. Они подле меня и стиснули меня так, что дохнуть нельзя было — всё и роздал поневоле.

Курс-то наш стал падать по европейским причинам.[6] За Каткова я не стою и стоять не стану очень, но социализма он не проповедует.[7] Вы читаете, верно, только заграничные статьи. Это мало, чтоб знать дело. Неужели Вы не приедете на лето? Много было бы об чем поговорить. Я же, кажется, останусь в Петербурге, а следственно, заплачу лишних рублей 1000. Хоть бы в Москву или в деревню куда уехать! Напишите же.

Ваш весь Ф. Достоевский.

278. А. В. КОРВИН-КРУКОВСКОЙ

Апрель—май 1866. Петербург

В Москве старшая племянница моя, Соня, доставила мне несколько прекрасных минут. Какая славная, умная, глубокая и сердечная душа и как я рад был, что, может быть, ее полюблю очень, как друга. Может быть, я и хорошо сделал, что уехал, потому что я, кажется, там надоел.

Что Вы делаете? Напишите мне дружески, искренно прошу Вас. Если б Вы знали, как у меня много иногда хороших минут; жаль, что после них еще скучнее.

Очень может быть, впрочем, что мне можно будет приехать к Вам летом. Наверно не знаю, хотя очень желалось бы. Напишите мне на всякий случай — в какое время лета всего было бы удобнее? Впрочем, главный пункт, который может меня задержать, это — моя работа. Ее нужно кончить во что бы то ни стало и как можно скорее. Правда, грустный, гадкий и зловонный Петербург, летом, идет к моему настроению и мог бы даже мне дать несколько ложного вдохновения для романа; но уж слишком тяжело. А между тем некуда выехать, потому что во всяком случае надо кончить работу.[1]

Помнит ли меня Софья Васильевна и что она говорит обо мне? Что Вы пишете? Мне кажется, что Вы что-нибудь пишете. По крайней мере, не вертите и не рвете бумажек? Помните ли Вы красненькую книжку с хвалебными стихами в честь каких-то минеральных вод, кажется? Однако вот пишу, строчки суживаю, желаю всё больше и больше уписать — а выходят одни только пустяки. Жму Вам крепко руку.

Ваш Ф. Достоевский.

Мне всё мерещится, что хандра моя ужасный вздор. Кажется иногда, что столько сил внутри и что мне много-много еще пережить надо.

P. S. Перечел мое письмо и нашел, что я слишком уж много писал о себе. Правда, если б от Вас я получил ответ поскорее, то всего более желал бы, чтоб Вы в нем написали как можно более о себе. Вы так мало говорили о себе во всё время пребывания Вашего в Петербурге, что я заключил (и, кажется, справедливо), что, вероятно, есть что-то такое во мне самом, что мешало Вашей со мной искренности. А между тем, милая, добрая, благородная моя Анна Васильевна, если б Вы знали, как искренно и как во многом готов я совершенно согласиться с Вами![a] [2] Этот раз, когда Вы уехали, я почувствовал, что Вы как будто и не приезжали, и на другой же день я стал думать, как бы опять Вас увидеть. При этом мне ужасно желалось, чтоб Вы меня несколько более уважали, потому что, в результате, мне показалось, что Вы как будто не совсем меня уважаете. Ради бога, не примите моих слов за какую-нибудь пошлую, банальную обидчивость. Совсем тут не то! Кстати, между недосказанными или, лучше сказать, невысказанными Вами мыслями была одна, которая особенно меня всё это время занимала; но очень может быть, что я и ошибся.

---

[a] *Вместо:* во многом готов ∾ с Вами! — *было:* нежно ‹*1 или 2 нрзб.*› обязан я сердцем ‹?› Вашей дружбе...

279. А. В. КОРВИН-КРУКОВСКОЙ

17 июня 1866. Москва

Москва 17-го июня/66.

Многоуважаемая Анна Васильевна,

Не сердитесь на меня, что так долго не отвечал.[1] Всё это время был я в нерешимости и сам не знал, что из меня будет летом? Если я Вам не ответил на Ваше письмо сейчас, то это потому, что думал Вас вскорости сам видеть, проездом за границу. Теперь же хоть я и получил позволение ехать, но дела так обернулись, что уж мне и нельзя, по крайней мере, сейчас ехать. Надо кончить непременно одно дело в Москве.[2] Одним словом, я ничего не мог Вам написать решительного и точного, потому и не отвечал. В Москве я всего дня четыре и совершенно не знаю, когда буду свободен. А главное, у меня теперь кроме окончания романа (который мне ужасно надоел) — столько работы, что я решительно не понимаю, как я мои дела кончу. А дела для меня важные, от них зависит моя будущность. Вообразите, между прочим, что со мной случилось (случай презабавный и очень характерный). Прошлого года я был в таких плохих денежных обстоятельствах, что принужден был продать право издания всего прежде написанного мною, на один раз, одному спекулянту, Стелловскому, довольно плохому человеку и ровно ничего не понимающему издателю. Но в контракте нашем была статья, по которой я ему обещаю для его издания приготовить роман, не

менее 12-ти печатных листов, и если не доставлю к 1-му ноября 1866-го года (последний срок), то волен он, Стелловский, в продолжении девяти лет издавать даром, и как вздумается, всё что я ни напишу безо всякого мне вознаграждения. Одним словом, эта статья контракта совершенно походила на те статьи петербургских контрактов при найме квартир, где хозяин дома всегда требует, что если у жильца в его доме произойдет пожар, то должен этот жилец вознаградить все пожарные убытки и, если надо, выстроить дом заново. Все такие контракты подписывают, хоть и смеются, так и я подписал. 1-е ноября через 4 месяца; я думал откупиться от Стелловского деньгами, заплатив неустойку, но он не хочет. Прошу у него на три месяца отсрочки — не хочет и *прямо* говорит мне: что так как он убежден, что уже теперь мне *некогда* написать роман в 12 листов, тем более что я еще в «Русский вестник» написал только что разве половину, то ему выгоднее не соглашаться на отсрочку и неустойку, потому что тогда всё, что я ни напишу впоследствии, будет его.

Я хочу сделать небывалую и эксцентрическую вещь: написать в 4 месяца *30* печатных листов, в двух разных романах, из которых один буду писать утром, а другой вечером и кончить к сроку.[3] Знаете ли, добрая моя Анна Васильевна, что до сих пор мне вот этакие эксцентрические и чрезвычайные вещи даже нравятся. Не гожусь я в разряд солидно[a] живущих людей. Простите, похвастался! Но что ж мне и осталось более, как не похвастаться; остальное-то ведь уж очень не завлекательно. Но какова же литература-то? Я убежден, что ни единый из литераторов наших, бывших и живущих, не писал под такими условиями, под которыми я *постоянно* пишу, Тургенев умер бы от одной мысли. Но если б Вы знали, до какой степени тяжело портить мысль, которая в вас рождалась, приводила вас в энтузиазм, про которую вы сами знаете, что она хороша — и быть принужденным портить ее сознательно!

Вы хотите приехать в Павловск. Напишите мне, когда именно это будет? Мне бы очень, очень хотелось погостить у Вас в Палибине.[4] Но могу ли я там так работать, как мне надо? Это для меня вопрос. Да и невежливо с моей стороны приехать и по целым дням работать. Напишите мне обо всем. Пожалуйста, не оставляйте меня. Мой поклон всем Вашим.[5] До свидания.

Искренно преданный Вам

Федор Достоевский.

Если Вы мне *сейчас* ответите, то вот Вам мой адресс: *в Москве.* Александру Павловичу Иванову, в Константиновском Межевом институте, в Старой Басманной, у Никиты Мученика, для передачи Федору Мих‹айловичу› Достоевскому.

Простите неряшливые помарки письма и не сочтите за небрежность.

---

[a] *Далее было:* благонравно

280. П. А. ИСАЕВУ

22 июня 1866. Москва

Москва 22 июня/66.

Милый Паша, вот уже с воскресения, целых три дня сряду, таскаюсь от Малого театра, где остановился в гостинице,[1] в Старую Басманную, в Констант‹иновский› институт, и спрашиваю у швейцара — нет ли мне писем? И всё нет как нет! Не понимаю, Паша, что с тобой могло сделаться! Не сказал ли я тебе, не *велел ли я тебе, ВО ВСЯКОМ СЛУЧАЕ* писать ко мне каждую субботу, не дожидаясь от меня писем? Верить не хочется, что ты с первого же шагу, тотчас, и нарушил мое приказание. Неужели леность до того уже проела тебя, что ты не в состоянии взяться за перо? Но ведь как бы ты ни был ленив, — все-таки я тебе *приказал* положительно, и ты не должен был ослушаться ни в каком случае. Неужели ты совершенно освободил себя от всяких долгов и обязанностей и принял за правило жить в одно свое удовольствие? Ты не понимаешь, что нет удовольствия без исполнения долга и обязанностей. Думаю с утра до ночи и по моей мнительности — не знаю, что и предпринять. Если еще несколько дней от тебя не будет писем — брошу всё, все дела и принужден буду ехать в Петербург, так как думаю, что ты наверно болен и лежишь без помощи. Если ты не болен и с тобой ничего не случилось, то ты жизнь мою отравляешь и жить мне мешаешь своим непослушаньем. У меня и без того много забот и муки на плечах. Здешние смеются, и Александр Павлович дает мне знать насмешливыми намеками, что если ты обещал писать, так нечего надеяться, что обещание твое будет исполнено. Пишу и приказываю тебе немедленно уведомить меня обо всем и о причинах, почему ты не исполнил приказания. Ничего не пишу тебе о себе и о моих планах, потому что не в силах разговаривать с тобой (точно так же бывало постоянно и в Петербурге: скажи, какими глазами я должен смотреть на тебя? Равнодушно относиться к этому я не могу). Если ты нездоров, — то попроси Мишу или кого другого уведомить *немедленно*. Адресс полный:

в Москву: В Константиновский Межевой институт, в Старой Басманной у Никиты Мученика Его превосходительству Александру Павловичу Иванову для передачи Федору Михайловичу Достоевскому.

До свидания, Паша. Ради бога, исполни просьбу мою, — иначе, ей-богу, должен буду бросить все дела и отправиться в Петербург.* Немедленно и без задержек. И потом каждую субботу, аккуратно, во что бы то ни стало.

Преданный тебе

Фед‹ор› Достоевский.

---

* Буквально говорю. (*Примеч. Достоевского*).

281. П. А. ИСАЕВУ

25 июня 1866. Москва

Москва 25 июня, 1866 г.

Любезный друг Паша,

Я сейчас из Люблина (где живут нынешнее лето Ивановы) и нанял там, для себя, особую дачу на лето.[1] Сейчас должен ехать. Приезжал на три часа, накупить хозяйства, взять напрокат мебель, подсвечников, чаю, сахару и прочее. Будет и служанка. Проживу до 1-е сентября. Не хочешь ли и ты приехать ко мне? Если хочешь, то напиши скорее, можешь прожить сколько хочешь, хоть до 1-го сентября, или хоть 2 недели. Не хочу стеснять тебя. Одно беда: не могу тебе скоро выслать денег на проезд, — но, однако, если хочешь приехать, пришли мне счет, — сколько тебе надо на проезд и чтоб привезть с собой кое-что из вещей, чтоб жить вместе. Напиши мне поскорей обо всем этом, и я тебе тотчас отвечу. Славно бы было. Я очень, очень рад бы был тебя видеть, Паша, и очень об тебе здесь беспокоюсь.

Письма твои я получил и только сегодня 25 июня.[2]

Извини, что бранил тебя, но зачем же ты сам был неаккуратен. Побывай у Милюкова и скажи ему о том, как я живу и что я ему буду писать.[3] Побывай у Эмилии Федоровны и ей скажи. Ей денег пришлю в июле. С завтрашнего дня крепко принимаюсь работать.[4] Кредиторам нечего говорить, где я живу.[а] Квартира, если б ты приехал, останется за мной, и Федосья может жить, а ей кормовых надо будет выдать вперед. Хозяина надо уломать, чтоб подождал.[5] В августе деньги будут, всё заплачу ему.

Ну, прощай, голубчик милый, обнимаю и целую тебя крепко.

Пиши. Многое было бы описать можно, но извозчики стоят у гостиницы уж час и ждут меня в Люблино. Купил самовар, чашки и проч. Ужасно много денег истратил. Всё стоял в гостинице. Пиши скорей на прежний адресс.[6]

Твой весь Ф. Достоевский.

[а] *Вместо:* где я живу. — *было:* где я буду.

282. П. А. ИСАЕВУ

4 июля 1866. Москва

Москва 4 июня[а] 1866.

Бог тебе судья, Паша, за то, что ты со мной делаешь и не хочешь мне отвечать. Не писал ли я тебе неделю назад, чтоб ты немедленно отвечал мне: хочешь ли ты или нет приехать ко мне.

[а] *В подлиннике месяц указан ошибочно.*

Я просил, приказывал и умолял, а ты наплевал на всю мою тоску. В Петербурге холера;[1] мучаюсь, что ты болен,[б] потому что неужели ж ты такой изверг, чтоб не отвечать мне. Не я ль велел тебе во что бы то ни стало писать ко мне каждую субботу, не дожидаясь моих ответов. Если ты уехал в Псков, то уведомил бы меня.[2] Стало быть, ты болен. Если не получу еще немного писем от тебя, то брошу все дела и поеду сам в Петербург. Что ты со мной делаешь!

С получением этого письма приказываю тебе немедленно ехать ко мне в Москву.[3] Для этого посылаю с этой же почтой 30 руб. *Александру Федоровичу Базунову*; в магазине его и получишь. Захвати с собой, во-1-х) возможно больше белья, своего и моего, если есть оставшегося, простынь и проч., свое осеннее платье и всё что найдешь нужным. 2) Привези мне *точнейшие* адрессы Эмилии Федоровны[4] и Милюкова,[5] ибо надо им писать. Если можно, съезди в Павловск, но скорее.[6] 3) Федосье выдай 10 р. харчевых и жалования и оставь на квартире, сказав об этом хозяину, которому денег привезу в сентябре. 4) С получением *этого* письма немедленно отвечай мне и затем сам, хотя бы на другой день, как можно скорее, выезжай.

Из 30 р. — 10 р. отдашь Федосье, остается 20, которых совершенно достаточно для выезда[в] и на все издержки. Если имеешь что сказать против поездки ко мне, — напиши тотчас.

Если приедешь[г] в Москву, из вагона же нанимай извозчика в *Люблино*. Выезжать надо в Покровскую заставу, на Карачарово (село) и в конце Карачарова будет поворот вправо на *Люблино*, близ Кузьминок. Надобно, чтоб ты нашел извозчика, *бывавшего в Люблино* — иначе заблудишься, хотя Люблино 5 верст от заставы и три версты от поворота из Карачарова. NB. Через Люблино идет новая железная дорога, которая еще не готова. В Люблине я стою на своей даче. Впрочем, спроси Ивановых. Можешь, если хочешь, справиться и в Константиновском институте.[7] В Люблино платить извозчику надо от $1^1/_2$ до 2-х рублей.

Деньги 30 р. получишь в магазине А. Ф. Базунова.

Твой Ф. Достоевский.

Напиши обо всех. Эмилии Федоровне на днях вышлю денег. Не замедляй выездом. Если же не можешь ехать почему-нибудь, тотчас же отвечай причину.

б *Далее было начато:* не понимаю, что
в *Далее было:* Если имеешь
г *Вместо:* Если приедешь — *было:* Приехав

283. Н. А. ЛЮБИМОВУ

8 июля 1866 г. Люблино

Пятница 8 июня.[а]

Опоздал одним днем, многоуважаемый Николай Алексеевич, но зато переделал и, кажется, в этот раз будет *удовлетворительно*.[1]

Зло и *доброе* в высшей степени разделено, и смешать их и истолковать превратно уже никак нельзя будет.[2] Равномерно, прочие означенные Вами поправки, я сделал все и, кажется, с лихвою.[3] Мало того: я даже благодарю Вас, что дали мне случай пересмотреть еще раз рукопись прежде печати:[4] решительно говорю, что не оставил бы сам без поправок.

А теперь до Вас *величайшая* просьба моя: *ради Христа* — оставьте всё остальное так, как есть теперь. Всё то, что Вы говорили, я исполнил, всё разделено, размежевано и ясно. *Чтению Евангелия* придан другой колорит. Одним словом, позвольте мне вполне на Вас понадеяться: поберегите бедное произведение мое, добрейший Николай Алексеевич![5]

4-ю главу доставлю в самом непродолжительном времени.[6] Однако же не ранее *середы*. Может быть, доставлю и во вторник. Вообще постараюсь времени не терять.

Преданный Вам весь

Ф. Достоевский.

На обороте:

Его ‹высокоблагородию›[б]
Николаю Алексеевичу Любимову

а *В подлиннике месяц указан ошибочно.*
б *В подлиннике слово повреждено.*

284. А. П. МИЛЮКОВУ

10—15 июля 1866. Люблино

Дорогой и многоуважаемый друг, Александр Петрович, вот уже месяц с лишком прошло с тех пор, как я Вас оставил в Павловске, и только теперь собрался написать Вам, хотя постоянно думал об этом. Не стану оправдываться делами и хлопотами: просто-запросто постоянно был в заботе, а потому, хотя и имел время написать, всегда откладывал до тех пор, когда мог быть *нравственно свободнее*.

Но довольно с извинениями; они никогда ничего не улаживают, а лучше прямо к делу. О себе скажу, что я было поселился сначала в Москве, у Дюссо,[1] где стоял тоже Филиппов;[2] но хотя я и прожил там неделю, и обедал в Московском трактире,[3] и гулял каждый день в Кремлевском саду, и пил квас в Сундуч-

ном роду, но нестерпимая жарища, сухота, а пуще всего знойный ветер (самум) с облаками московской белокаменной пыли, накоплявшейся со времен Иоанна Калиты[4] (по крайней мере, судя по количеству), заставили меня бежать из Москвы. Работать положительно было невозможно. Мой номер у Дюссо, хотя и был весьма недурной, походил на русскую печку, в то время как выметут *под*[5] и начнут в нее сажать хлебы. Тут никакой квас и никакая вишневая и грушевая *води* Лапина[6] не могли помочь, и я ударился бежать. Да сверх того и тоска взяла страшная. Кроме Филиппова — никого в городе знакомых: все на дачах! Ездил к Плещееву, — нет дома; живет в селе Покровском (если не ошибаюсь); ни Аксаковых,[7] ни Яновского — никого. Родственники[8] мои живут все на даче в *Люблино*, близ Кузьминок, за 8 верст от Москвы. Ездить к ним (что сделалось нравственной необходимостью моей в моем одиночестве) требовало издержек, времени и денег. Я думал-думал, да и решился сам переехать (в конце июня) на дачу, в *Люблино же*, где вдруг оказалась одна дача свободною, и я занял ее (по знакомству) за половинную цену.[9]

Всё это сопряжено было с значительными издержками: я должен был купить самовар, чашки, кофейник, даже одеяло, взять на прокат мебель, внести часть денег за дачу, выписать Пашу из холеры[10] и проч. проч. Да и вообще все эти переезды (как мой), из Петербурга в Москву, хотя и полезны (как мне, например, относительно здоровья и нравственного спокойствия), но всегда сопряжены с чрезмерною тратою *времени и денег*. Таким образом, хотя я и укрепился окончательно в Люблине, уже более 2-х недель, в одном из прелестнейших местоположений в мире и в приятнейшей компании,[11] но *дела* мало сделал, и вообще — еще только собираюсь делать, — хотя в последние 2 недели и *очень* занимался. Но есть возможность еще более (почти вдвое) заниматься, и я берегу свои силы для последнего времени, то есть для августа *м‹еся›ца*.

Катков на даче, в Петровском парке, Любимов (редактор-исполнитель «Русск‹ого› вест‹ни›ка») тоже на даче. В редакции только и можно застать (и то не всегда) убитого тоской секретаришку, от которого ничего не узнаешь. Однако я с первых дней таки достал Любимова. У него уже были в наборе *3* моих главы. Четвертую же я предложил ему написать ускоренно, что и составило бы половину окончания 2-й части романа (4 печатных листа) и к следующему номеру осталось бы еще *4* главы — то есть *полное* окончание 2-й части. Но Любимов с первых слов сказал мне: «Я Вас ожидал, чтоб сказать Вам, что теперь, в июне и в июле, не только можно (и должно) печатать понемножку, но даже один месяц и совсем пропустить, ибо *летние месяцы*, а мы лучше расположимся так, чтоб вся 2-я половина романа пришлась бы *более* к осени и последние строки заключились бы в декабре, ибо эффект будет способствовать подписке». Вследствие чего и решено было пропустить еще *м‹еся›ц*.[12] Так что

4 главы (4 листа) явятся в номере, имеющем выйти в июле, и уже сданы в набор.[1]

Но в расчете Любимова (оказалось впоследствии) была еще и другая, весьма коварная для меня мысль, а именно: что одну из этих, сданных мною 4-х глав, — *нельзя напечатать*, что и решено было им, Любимовым, и утверждено Катковым. Я с ними с обоими объяснялся — стоят на своем! Про главу эту я ничего не умею сам сказать; я написал ее в вдохновении настоящем, но, может быть, она и скверная; но дело у них не в литературном достоинстве, а в опасении за *нравственность*. В этом я был прав, — ничего не было против нравственности и даже *чрезмерно напротив*, но они видят другое и, кроме того, видят следы *нигилизма*.[14] Любимов объявил *решительно*, что надо переделать. Я взял, и эта переделка большой главы стоила мне, по крайней мере, 3-х новых глав работы, судя по труду и тоске, но я переправил и сдал. Но вот беда! Не видал Любимова потом и не знаю: удовольствуются ли они переделкою и не переделают ли *сами?* То же было и еще с одной главой (из этих 4), где Любимов объявил мне, что много выпустил (хотя я за это и не очень стою, потому что выпустили место неважное).[15]

Не знаю, что будет далее, — но эта, начинающая обнаруживаться с течением романа противоположность воззрений с редакцией начинает меня очень беспокоить.

За роман Стелловскому я еще и *не принимался*, но примусь. Составил план — весьма удовлетворительного романчика, так что будут даже признаки характеров.[16] Стелловский беспокоит меня до мучения, даже вижу во сне.

Вообще, сообщаю Вам все поверхностно и наскоро, хотя и написал много. Ради бога, отвечайте мне. Опишите мне себя, Вашу жизнь, Ваши намерения и Ваше здоровье. Напишите тоже и об *наших*, павловских;[17] потом еще не слыхали ль чего? Много я Вам не пишу. Мое нижайшее уважение Людмиле Александровне; напомните обо мне Вашим детям и передайте поклон нашим общим знакомым. До свидания, добрый друг, обнимаю Вас и пребываю

Ваш Федор Достоевский.

Припадков еще не было. Водку пью.[18]
Что холера?

285. М. Н. КАТКОВУ

19 июля 1866. Люблино

Многоуважаемый Михаил Никифорович,

Я просмотрел корректуру и два-три слова, *неразобранные в рукописи*, восстановил.[1]

Что же касается до переделок и выпусков, сделанных Вами, то некоторые из них, как замечаю теперь, конечно, необходимы,

но других выпусков (в конце) мне жалко. Впрочем, будь по-Вашему! Вам, как судье литературному, я вполне верю,[2] — тем более, что сам имею странное свойство: написав что-нибудь, совершенно теряю возможность критически отнестись к тому, что написал, на некоторое время, по крайней мере. Впрочем, об одном бы выпуске попросил Вас, на странице *786* (отметил на полях карандашом NB) — нельзя ли восстановить?[3] Тут ясно для читателя, что если он говорит: я счастли‹в›, то уж, конечно, не потому, что любуется своим поведением. Впрочем, если нельзя, то нечего делать.[4]

Примите уверение самого искреннего уважения.

Вам преданный Фёдор Достоевский.

19 июля/66.

P. S. Мне жалко не *всех* в конце выпусков. Некоторые действительно улучшили это место. Я чувствую уже 20 лет, мучительно, и яснее всех вижу, мой литературный порок: *многословность* и никак не могу избавиться.

Д‹остоевский›.

286. П. А. ИСАЕВУ

2 сентября 1866. Москва

Москва, 2 сентябр‹я› 1865.[a]

Любезный друг Паша,

Посылаю на твое имя *сто* рублей. Из них 75 руб. отвези немедленно Эмилии Федоровне и скажи ей, что *25 руб.* остальных привезу сам, а теперь извиняюсь.[1] (Денег вперед достать теперь очень трудно, — я тебе говорил причину; объясни ей). Остальные 25 р. возьми себе. Из них: 5 рублей отдай немедленно Федосье, 20 же рублей удержи на свои расходы (ибо 10-го сент‹ября› у тебя кончатся деньги).

Тороплюсь очень. Пишу из магазина И. Г. Базунова. Получил твое письмо. Очень тебя благодарю и всё передам.[2] Приеду, кажется, между 10-м и 15-м числом. Эмилии Федоровне очень кланяйся. Я ужасно занят и в хлопотах: надо переезжать с дачи.[3] Прощай. Береги здоровье.

Твой Ф. Достоевский.

---

[a] *В подлиннике год указан ошибочно.*

287. А. П. МИЛЮКОВУ

Конец сентября 1866. Петербург

Любезнейший Александр Петрович,

Если Вам только возможно, придите ко мне в 9 часов вечера. Если это письмо дойдет к Вам только завтра, то придите завтра в 9 часов, послезавтра и т. д., в тот день, когда дойдет. Пишу *9* часов, потому что в этот час меня наверно застанете. *Чрезвычайно* надо с Вами поговорить, а и без того уже много времени потеряно. Жду Вас как старинного приятеля.

Ваш весь *Ф. Достоевский.*

В 8 часов меня *никогда* не бывает дома, а только после *9* вечера.

288. Н. А. ЛЮБИМОВУ

2 ноября 1866. Петербург

Петербург 2-го ноября/66.

Милостивый государь Николай Алексеевич,

31-го октября кончил [a] я, и вчера сдал, роман в 10 листов, по контракту, Стелловскому [1] (я Вам говорил об этом; говорил и Михаилу Никифоровичу, когда просил у него льготы на месяц). Эти 10 печатных листов я начал и кончил в один месяц. Теперь принимаюсь за окончание «Преступления и наказания». Буду работать без устали и к 20 декабря *непременно* намерен кончить и сделать, по крайней мере, не хуже того, что уже напечатано.[2]

Начать присылать роман я, конечно, могу скоро, но не ранее 15-го ноября, по главам, так что и в будущем 10 № «Р‹усско›го в‹естни›ка» может явиться несколько; и за это я могу отвечать. Но не лучше ли будет, многоуважаемый Николай Алексеевич, если вся 3-я часть романа будет напечатана в 2-х № — в 11-м и 12-м, то есть, если только возможно, в X-м № не помещать (объявив, впрочем, публике, что в следующих 2-х №№, то есть в настоящем году, непременно будет кончено «Преступление и наказание»).[3]

Если бы так, то роман кончился бы гораздо эффектнее, так мне кажется. И самому мне этого бы очень желалось.

Но, впрочем, *совершенно как решит редакция.* И потому покорнейше и убедительнейше попрошу Вас, многоуважаемый Николай Алексеевич, уведомить меня: как решит редакция? Я же здесь не буду терять ни минуты и буду готов ко всякому решению.

---

[a] *Было:* окончил

Еще одна убедительнейшая просьба. В настоящую минуту я совершенно издержал все мои деньги. ¾ взятых мною из редакции денег пошли на кредиторов. А между прочим, они продолжают меня мучить, да и жить мне нечем. Прошу Вас: представьте мое положение на вид Михаилу Никифоровичу и передайте ему чрезвычайную и убедительнейшую просьбу мою — нельзя ли помочь мне еще раз? В настоящее время я нуждаюсь в 500 руб. (в пятистах руб.).[4] По расчету моему я думаю, что за мной теперь долгу в редакцию до *600* (шестьсот). Будьте уверены и передайте многоуважаемому Михаилу Никифоровичу, что, только испытав все средства и сам дойдя до последнего рубля, решился еще раз беспокоить его. Бог видит, как мне самому это тяжело, — тем более, что я уже столько раз пользовался снисхождением редакции.[5]

Александр Федорович Базунов, которому я, случайно, передал о моем намерении писать к Вам, ‹сказал›, что он с охотою возьмется выдать мне до половины этой суммы (то есть до 250 руб.) по переводу от редакции.

Примите уверение в искреннем моем уважении.

Ваш покор‹ный› слуга

Федор Достоевский.

P. S. Я теперь нанимаю стенографа[6] и хотя, по-прежнему, продиктованное по три раза просматриваю и переделываю, тем не менее стенография чуть ли не вдвое сокращает работу. Единственно только этим способом мог я кончить, в *один* месяц, 10 печатных листов Стелловскому; иначе не написал бы и пяти.

Д‹остоевский›.

289. Н. А. ЛЮБИМОВУ

3 ноября 1866. Петербург

Петербург 3 ноября/66.

Милостивый государь Николай Алексеевич,

Два перевода на сумму в 500 рублей получил от редакции «Русского вестника», за что приношу чрезвычайную благодарность.

Дня четыре тому назад получил я из редакции запрос о времени высылки романа.[1] Но в письме моем к Вам, многоуважаемый Николай Алексеевич, уже заключался ответ на этот вопрос.[2] Напротив, я с большим интересом жду Вашего ответа, — с интересом весьма для меня важным как для автора.

Я Вам писал, что начать доставку 3-й части «Прест‹упления› и нак‹азания›» я могу и в этом месяце, не ранее, впрочем, 15-го числа, — если уж это так необходимо для редакции. Но в таком случае могу доставить только несколько глав и не бо-

лее как на 2½ или 3 печатных листа. *Если Вы скажете выслать — вышлю.* Но я спрашивал, нельзя ли так сделать: в октябрьском номере сделать заметку для публики, что *окончание* «Прест‹упления› и нак‹азания›» последует непременно в этом году, а напечатать окончание в ноябрьской и декабрьской книгах? Я прошу об этом *единственно* потому, что впечатление романа на публику будет гораздо полнее и эффектнее; несравненно; простите самолюбие авторское и не смейтесь над ним, потому что это дело весьма простительное. Может быть, не будет и совсем эффекта, — но мне-то, теперь, сидя над романом, весьма простительно (а по-моему, так даже и обязательно) рассчитывать на успех. Иначе, по-моему, автор и сметь не должен приниматься за перо. Одним словом, мне бы хотелось кончить роман так, чтоб подновить впечатление, чтоб об нем говорили так же, как и вначале.[3]

Но с другой стороны, отнюдь не желаю и стеснять собою редакцию. И потому жду Вашего решения: как скажете, так и сделаю. Сам же работаю безостановочно. Чтоб себя спасти, я написал, менее чем в месяц, издателю Стелловскому роман в 10 печатн‹ых› листов (с помощью стенографии).[4] Но работа работе рознь.

В ожидании Вашего ответа пребываю с искренним уважением и преданностию покорный слуга Ваш

Федор Достоевский.

290. Н. А. ЛЮБИМОВУ

16 ноября 1866. Петербург

Петербург. Ноябрь 16/66.

Милостивый государь Николай Алексеевич,

С благодарностию уведомляю Вас, что имел чрезвычайное удовольствие получить оба Ваши слишком лестные и обязательные для меня письма.[1] Я написал Вам тогда второй раз потому, что после первого моего письма, в котором заключалась моя просьба, получил из редакции вторичный запрос о высылке романа.[2]

Работаю неутомимо и буду доставлять, по распоряжению Вашему, по мере подготовления.[3]

Не могу удержаться, чтоб не написать Вам об одном литературном известии, хотя бы меня сочли сплетником. А. Н. Майков написал драматическую сцену, в стихах, листа в полтора печатных (не менее, может, и более). Это произведение можно назвать, безо всякого колебания, chef d'œuvr'ом* *из всего того,* что он написал. Оно называется «Странник».[4] Три лица. Все

* шедевром (*франц.*).

трое раскольники-бегуны. Еще в первый раз в нашей поэзии берется тема из раскольничьего быта. Как это ново и как это эффектно! И какая сила поэзии. Я слышал ее на разных чтениях (в домах) и не устаю слушать, но каждый раз открываю новое и новое. Все в восторге. Он будет читать ее здесь на юбилее Карамзина (от Литературного фонда).[5] Изучение быта и сущности его и учений — глубокое и богатое. Много нового. Он мне говорил сам, что на этой неделе едет в Москву предложить это произведение редакции «Русского вестника». Он никому не хочет иначе. Во всяком случае — это богатое приобретение в нашей поэзии.

Примите уверение моего глубочайшего уважения.

Ваш покорный слуга Федор Достоевский.

291. Н. А. ЛЮБИМОВУ

9 декабря 1866. Петербург

Петербург 9 декабря/66.

Милостивый государь Николай Алексеевич,

Простудился, пролежал *два* дня и опять опоздал. Спешу, однако же, выслать V-ю главу[1] и ужасно боюсь, что беспрерывными опаздываниями моими выведу Вас наконец из терпения. (V-я глава от 50-го до 63 листка включительно), VI-я глава (небольшая и заключительная для ноябрьской книги) — почти написана, но требует некоторой переписки и переделки. В *два* дня может быть готова, если ничто не задержит. Вышлю, стараясь из всех сил скорее.[2] Но на всякий случай спешу Вас уведомить, что если Вам уже нельзя будет более ждать (я рассчитываю, что Вы заблагорассудите выпустить ноябрьскую книгу до праздника)[3] — то в таком случае и V-я (теперь высылаемая) глава могла бы послужить *заключительною* главою для ноябрьской книги, так как остановилась на довольно эффектном месте.[4] Извините, ради Христа, за такие мои замечания и не сочтите[a] за желание с моей стороны вмешиваться каким бы то ни было образом в Ваши распоряжения. Пишу на всякий случай, предугадывая случайности и желая поправить свои собственные промахи и упущения.

Но все-таки изо всех сил буду стараться выслать поскорее VI-ю главу. Она, по существу своему, именно и заключает этот отдел и *почти необходимая* для первых V глав.

Остальные же главы для декабрьской книги (окончание романа) будут высылаться по мере подготовки. Спешу, но ни за что не буду портить (разумея по мере сил моих). Но, к удивлению моему, декабрьских глав выйдет немного, всего четыре

[a] *Было:* не подумай<те>

(от 3-х до 4-х листов) и тем закончится весь роман.[5] Я полагал и рассчитывал прежде, что выйдет более. Но представляется необходимость повести[б] действие быстрее, чтобы не повредить *заключительному* эффекту растянутостию. Если пошлет бог здоровья, то наверно исполню всё как обещал в последний раз (предполагая, что декабрьская книга выйдет к половине января, как и во все прошлые годы). Во всяком случае, буду спешить и доставлять неуклонно. Пишу Вам еще слабый от болезни; принимаю лекарство и не выхожу со двора.

Примите уверение в глубочайшем моем уважении.

Ваш покорный слуга Федор Достоевский.

Не опоздали ли прежние 4 главы.[6] Почтамт иногда ужасно неаккуратен.

б *Было:* сдел‹ать›

292. А. Г. СНИТКИНОЙ

9 декабря 1866. Петербург

Милая моя Аня, прелестная моя именинница, — не рассердись на меня, ради бога, за мою слишком глупую осторожность. Я сегодня решился у тебя не быть, чувствую себя еще не совсем здоровым. Пустяки совершенные, но все-таки некоторая слабость и не совсем чистый язык. Видишь, ангел мой: необходимо до последней крайности быть у Базунова. Но Базунов от меня в версте, а к тебе вчетверо дальше.[1] Не лучше ли хоть немножко поосторожничать, но уж наверно выздороветь завтра, чем прохворать еще неделю?[2] И к Базунову бы совсем не следовало. Вчера сидел над переделкой 5-й главы[3] до второго часа почи (а после обеда ничего не заснул; не дали, беспокоили). Это меня доконало. Заснул я уже в четвертом часу ночи. Сегодня как-то вял, да и лицо у меня совсем не именинное, так что я уж лучше посижу дома. Обедать буду опять один суп дома, как вчера. — Не сердись, моя прелесть, что пишу тебе о таких глупостях: я сам слишком глуп сегодня. А ты, ради бога, не беспокойся. Мне главное бы сегодня заснуть. Чувствую, что сон подкрепит меня, а ты завтра зайди ко мне поутру, как обещалась. До свидания, милый друг, обнимаю и поздравляю тебя.

Тебя бесконечно любящий и в тебя бесконечно верующий твой весь

Ф. Достоевский.

Ты мое будущее всё — и надежда, и вера, и счастие, и блаженство, — всё.

Достоевский.

9 декабря/66.

293. Н. А. ЛЮБИМОВУ

13 декабря 1866. Петербург

Петербург, 13-го декабря/66.

Милостивый государь Николай Алексеевич,

Еще раз принужден извиняться перед Вами в том, что беспрерывно беспокою Вас моими письмами.

Сегодня (13-го декабря) высылаю чрез А. Ф. Базунова еще главу (6-ю), о которой в последнем, недавнем письме так много писал Вам.[1] Но вот что теперь заставляет меня еще раз беспокоить Вас моими соображениями:

После этой 6-й главы, теперь, как уже ясно обозначилась передо мной дальнейшая работа окончания романа — и я уже приступил к ней, теперь — я вижу ясно, что окончание будет *еще короче*, чем я предполагал. (Так выходит; так лучше и эффектнее будет в литературном отношении.) Таким образом, на декабрьскую книгу может выйти, со всем, с заключительною главою (эпилогом) *весьма немного*, листов до трех. В таком случае, не лучше ли уж отложить эту, теперь высылаемую 6-ю главу на декабрьский номер?[2] Конечно, она бы полнее закончила то, что напечатается в ноябрьской книге; но, с другой стороны, и не очень бы повредило отложить ее до декабря, по вышеизложенному соображению. Во всяком случае — Ваша воля. Как Вы решите, так и будет.

Следующие главы будут высылаться одна за другой непрерывно. К рождеству *твердо надеюсь* окончить и переслать весь роман в рукописи, всё окончание.[3]

Примите уверение в искреннем моем уважении.

Покорнейший слуга Ваш Федор Достоевский.

294. А. Г. СНИТКИНОЙ

29 декабря 1866. Москва

Москва, 29 декабря/66.

Не сердись на меня, мой бесценный и бесконечный друг Аня, что я пишу тебе на этот раз только несколько строк единственно с целью поздороваться с тобой, поцеловать тебя и уведомить тебя только о том, как я доехал и приехал, не более, потому что еще никуда и носу не показывал в Москве. Ехал я благополучно. Спальные вагоны — сквернейшая нелепость: сыро до безобразия, холодно, угарно. Весь день и всю ночь до рассвета прострадал зубной болью (но весьма сильною); сидел неподвижно или лежал и беспрерывно вызывал воспоминания последних $1^1/_2$ месяцев;[1] к утру заснул, крепко; проснулся с затихшей болью.

В Москву въехал в 12 часов; в половине первого был уже у наших.[2] Все очень удивились и обрадовались. Елена Павловна была у них. Очень похудела и даже подурнела. Очень грустна; встретила меня довольно слегка. После обеда началась зубная боль опять. Я с Соней остались на полчаса одни. Сказал Соне *всё*. Она *ужасно рада*. Она вполне одобряет: не находит и отрицает препятствия à la Юнге.[3] Разумеется, всё было рассказано без больших подробностей. Много еще нам с ней придется переговорить. Она качает головой и несколько сомневается в успехе у Каткова.[4] Грустит собственно о том, что *такое* дело висит на такой ниточке. Спросил ее: что Елена Павловна в мое отсутствие вспоминала обо мне? Она отвечала: о, как же, беспрерывно! Но не думаю, чтоб это могло назваться собственно любовью.[5] Вечером я узнал от сестры[6] и от самой Елены Павловны, что она всё время была очень несчастна. Ее муж ужасен; ему лучше. Он не отпускает ее ни на шаг от себя. Сердится и мучает ее день и ночь, ревнует. Из всех рассказов я вывел заключение: что ей некогда было думать о любви. (Это вполне верно). Я ужасно рад, и это дело можно считать поконченным.

О моем браке с тобою я объявлю родным при первых надеждах на успех у Каткова. Весь первый день, то есть вчера, у меня болели зубы, за ночь вспухла щека и потому сегодня не болят. Сегодня поеду к Любимову, но во всяком случае думаю, что у Каткова не буду. И вообще, не знаю еще плана действий. Увижу по обстоятельствам. Постараюсь поспешить изо всех сил, чтоб поскорей воротиться к тебе. Лишнего не останусь. Я часто бываю очень грустен, какая-то беспредметная даже грусть, — точно я совершил перед кем-нибудь преступление. Тебя представляю *себе* и тебя воображаю себе поминутно. Нет, Аня, сильно я тебя люблю, тебя любит и Соня: ужасно бы желала тебя видеть. Волнуется и интересуется.

А теперь обнимаю тебя крепко и целую — до близкого письма и свидания. Напишу тебе еще подробнее и получше дня через 2 или три — как только что-нибудь сделаю. Теперь спешу изо всех сил: чувствую, что везде опоздаю (вот беда-то будет!) Что делать — праздник у всех, и время у всех ненормально.

Как-то ты проводила вчерашний день? Думал тебя во сне увидеть — не видал. Загадал о тебе на книге, то есть развернуть книгу и прочесть первую строку на правой странице; вышло очень знаменательно и кстати.

Прощай, милочка, до близкого свидания. Целую тысячу раз твою рученьку и губки (о которых вспоминаю очень). Грустно, хлопотливо, разбиты как-то все впечатления. Масенька[7] мила и ребенок. Приехал и Федя. Все прочие дети ужасно милы и рады, Юля не удостоила выходить. Но вечером прислала ко мне из других комнат спросить: может ли она загадать на меня. К ней сошлись подруги и гадают в зеркало. Я отвечал, что

прошу. Мне вышла брюнетка, одетая в белое платье. Я послал им сказать, что всё вздор, не угадали.

Не увидишь ли, милая, Пашу. Передай ему от меня поклон и скажи, что Сашенька и Хмыров очень про него расспрашивали и страшно жалеют, что он не приехал и не приедет; они его очень ждали, даже гадали, приедет ли он или нет.

Целую тебя бессчетно. Поздравляю с Новым годом и с *новым счастьем*. Помолись об нашем деле, ангел мой. Вот как пришлось до дела, я и боюсь.[a] Но, однако, буду работать изо всех сил. Через два или три дня напишу тебе. Надежды, впрочем, не потерял.

Твой весь, твой верный, вернейший и неизменный. А в тебя верю и уповаю, как во всё мое будущее. Знаешь, вдали от счастья больше ценишь его. Мне теперь несравненно сильнее желается тебя обнять, чем когда-нибудь. Мой поклон нижайший мамаше.[8] Передай мое почтение и братцу.[9]

Твой беспредельно любящий

Ф. Достоевский.

P. S. Сонечка уговаривает и *велит* мне заехать самому в почтамт, потому что если туда подать письмо, то может и сегодня пойдет.

---

[a] *Далее несколько густо зачеркнутых слов.*

1867

295. А. Г. СНИТКИНОЙ

2 января 1867. Москва

Москва 2 января/67.

Вчера получил твое дорогое послание, бесценный и *вечный* друг Аня,[1] и был ужасно рад. Наверно и ты получить успела мое письмо в тот (или на другой день), как послала мне свое.[2] Теперь спешу тебя, главное, уведомить о делах. Дело свое я решил (то есть приступил к нему) скорее, чем думал, и теперь оно в главном почти решено. Я было думал начать действовать через Любимова (редактора «Русского вестника»), поехал к нему на другой день по приезде и — к счастью, не застал его дома. Тогда я отправился в редакцию «Русского вестника» и, опять-таки к счастью, зашел к Каткову (к которому не думал сначала заходить сейчас, рассчитывая пустить вперед Любимова). Катков был ужасно занят; я просидел у него 10 минут. Он принял меня *превосходно.* Наконец я встал, после 10 минут, и, видя что он ужасно занят, сказал ему, что имею до него дело, но так как он занят, то и прошу назначить мне время: когда приехать к нему, чтоб изложить дело? Он вдруг стал настоятельно просить, чтоб я изложил дело сей же час. Я взял, да и объяснил всё в три минуты, начав с того, что женюсь. Он меня поздравил искренно и дружески. «В таком случае, — сказал я, — я прямо Вам говорю, что всё мое счастье зависит от Вас. Если Вам нужно мое сотрудничество (он сказал: «Еще бы, помилуйте!»), то выдайте мне 2 000 вперед, так и так — и я изложил всё. Литераторы и всегда берут вперед, — заключил я, — но так как эта сумма очень сильна и таких вперед не выдают, то всё зависит от Вашей доброй воли». Он мне ответил: «Я посоветуюсь с Леонтьевым. Всё дело в том: есть ли у нас такие деньги свободными, пожалуйте ко мне дня через два, а я употреблю всё мое старание». Через 2 дня он сказал мне решенье окончательное: 1 000 рублей сейчас можно, а другую тысячу отсрочить просит на два месяца. Я так и принял и поблагодарил.

Теперь, бесценная Аня, дело в таком виде: наша судьба решилась, деньги есть, и мы обвенчаемся как можно скорее, но вместе с тем предстоит и страшное затруднение, что вторая тысяча отсрочивается на такой долгий срок, а ведь нам нужно *две* тысячи до последней копейки сейчас (помнишь, мы рассчиты-

вали).[а] Как это разрешить — еще не знаю, но все-таки, как бы там ни было, а свадьба наша может устроиться. И слава богу, слава богу! Обнимаю тебя и целую, раз 100 зараз.[б] [3]

Теперь! Я думаю, что на днях, завтра или послезавтра, получу либо деньги, либо *переводы* (праздники ужасно мешают) и — тотчас в Петербург, к тебе. Мне страшно грустно без тебя, хоть меня здесь все очень любят.[4] Могу сказать, что 6-го или 7-го буду в Петербурге. Не говорю совершенно *наверно*, потому выдача денег зависит от них, но 90 вероятностей на 100, что 6-го или 7-го буду тебя обнимать и целовать тебя, твои ручки и ножки (которые ты не позволяешь целовать). И тогда наступит *третий период* нашей жизни.

Теперь несколько слов о здешней жизни. Ах, Аня, как ненавистны мне всегда были письма! Ну что в письме расскажешь об иных делах? и потому напишу только сухие и голые факты: во-первых, я уже тебе писал, что Соне всё в тот же день открыл, и как она была рада. Не беспокойся, не забыл передать ей твой поклон, и она тебя уже очень, очень любит. По моим рассказам, она уже тебя отчасти знает и ей многое (из рассказов) понравилось. Сестре [5] сказал на другой день, после первого ответа Каткова. Была очень рада. Александру Павловичу сказал на третий день. Он меня поздравил и сделал одно замечание, весьма оригинальное, которое я тебе передам после. Затем наступило время довольно радостное. Новый год встречали весело всей семьею. Были и Елена Павловна и Марья Сергеевна (удивительная шутиха).[6] Ровно в 12 часов Александр Павлович встал, поднял бокал шампанского и провозгласил здоровье Фед‹ора› Мих‹айлови›ча и Анны Григорьевны. Машенька и Юлинька, которые ничего не знали, были очень удивлены. Одним словом, все рады и поздравляют.

До сих пор мало кого видел, кроме Яновского (моего одного приятеля) и Аксакова, который ужасно занят. Яновскому Майков, бывши в Москве, сказал про нас, что он «видел тебя и, *судя по тебе*, ожидает полного счастья Фед‹ору› Мих‹айлови›чу». Мне очень приятно было, что Майков так отозвался. Яновский много про тебя расспрашивал и тоже очень рад и поздравляет.

С Аксаковым говорил о сотрудничестве.[7]

Вообрази, до сих пор еще *не успел* просмотреть двух последних глав. Здесь вышла ноябрьская книга.[8]

Вчера, в Новый год, Елена Павловна позвала всех к себе на вечер. Стали играть в стуколку.[9] Вдруг Александру Павловичу подают письмо (присланное в квартиру Елены Павловны с нарочным из Межевого института), а он передает его мне. Кое-кто стали спрашивать: от кого? Я сказал: от Милюкова, встал и ушел читать. Письмо было от тебя; оно очень меня обрадовало и *даже* взволновало. Воротился я к столу в радости и сказал,

---

а *Далее было начато:* Но все-т‹аки›

б *Далее было начато:* К тебе

что известия от Милюкова неприятные. Через четверть часа почувствовал как бы начало припадка. Пошел в сени, намочил голову и приложил к голове мокрое полотенце. Все несколько взволновались. Я дал поутихнуть и вызвал Соню, которой и показал твой поклон. Затем, когда приехали домой, прочел всё твое письмо вслух Соне и Маше. Не сердись, моя радость, они видели и свидетельницы, как я тебя люблю — как я бесконечно тебя люблю и тем счастлив!

Елена Павловна приняла всё весьма сносно и сказала мне только: «Я очень рада, что летом не поддалась и не сказала Вам ничего решительного, иначе я бы погибла». Я очень рад, что она всё так принимает, и с этой стороны уже *совершенно теперь* спокоен.[16]

Завтра же начну хлопотать о скорейшем и немедленном получении[в] денег. Хочу тебя видеть каждый день, каждый час всё больше и больше. Скажи спасибо[г] от меня Паше за то, что он тотчас же у тебя был. Обнимаю и целую тебя бессчетно и когда пишу это, то бесконечно мучаюсь, что это только на письме покамест. О, как бы я тебя теперь обнял! Прощай, дорогой друг Аня, будь весела и люби меня. Будь счастлива; жди меня; все тебе кланяются.

Думаю, что больше не напишу тебе, — разве что случится особенное. Мамаше твоей[11] передай поклон.

Еще тебя целую (не нацелуюсь), твой счастливый муж[д]

Ф. Достоевский.

С этакой-то женой да быть несчастливым — да разве это возможно! Люби меня, Аня; бесконечно буду любить.

[в] *Было:* устройстве

[г] *Вместо:* Скажи спасибо — *было начато:* Побл<агодари>

[д] *Слово «муж» густо зачеркнуто А. Г. Достоевской.*

296. М. Н. КАТКОВУ

1 февраля 1867. Петербург

Милостивый государь Михаил Никифорович,

Я получил, по распоряжению Вашему, 1 000 руб. от А. Ф. Базунова.[1] Позвольте выразить Вам мою живейшую благодарность и еще раз засвидетельствовать перед Вами, что Вы меня *спасли* (буквально *спасли*), в самую критическую минуту моей жизни. Я и *она*[2] благодарим Вас искренно.

Примите уверение в глубочайшем моем уважении.

Преданный Вам Федор Достоевский.

Петербург
1-е февраля/67.

297. Н. Н. СТРАХОВУ

9 февраля 1867. Петербург

Добрейший и многоуважаемый Николай Николаевич,

В воскресенье, 12-го февр‹аля›, если не произойдет чего-нибудь слишком необычайного,[1] будет моя свадьба, вечером, в 8-м часу, в Троицком (Измайловском) соборе. Если Вы, добрейший Николай Николаевич, захотите припомнить многие годы наших близких и приятельских отношений,[2] то, вероятно, не подивитесь тому, что я, в счастливую (хотя и хлопотливую) минуту моей жизни, припомнил об Вас и пожелал сердцем видеть Вас в числе моих свидетелей и потом в числе гостей моих, по возвращении *молодых* домой.

Я имел твердое (и давнишнее) намерение просить Вас лично; но в настоящую минуту я, во-первых, захворал, а во-вторых — столько хлопот,[a] столько еще не сделанных и не исполненных мелочей, покупок, распоряжений, что, при скверной моей памяти, просто растерялся, и потому простите великодушно, что приглашаю Вас запиской. К тому же я до того одичал в последний год затворнической жизни и отупел от 44-х печатных, написанных мною в один год листов,[3] что даже и записку-то эту написал с чрезвычайным трудом, несмотря на то, что чувствую искренно и о слоге не старался.

А давненько-таки мы не видались.[4]

До свидания же. Крепко жму Вам руку.

Ваш искренний Федор Достоевский.

9 февр./67.

---

[a] *Далее было:* что

298. Н. Н. СТРАХОВУ

11 февраля 1867. Петербург

Многоуважаемый Николай Николаевич,

Я заболел, и свадьба моя отложена до *среды*, то есть до *15 февраля*. Извините, что Вас беспокою; но пригласив Вас, не могу не уведомить и об остановке, хотя и не знаю, сделаете ли Вы мне честь Вашим посещением, в чем, впрочем, сердечно желал бы не сомневаться,[1] а потому до свидания.

Ваш всегда преданный

Федор Достоевский.

11[a] февраля/67 г.

---

[a] *Было:* 15

299. А. П. и О. А. КАШИНЫМ

13 февраля 1867. Петербург

Многоуважаемый Александр Петрович
и многоуважаемая Ольга Алексеевна,

После многих хлопот и всякого рода недоумений (даже болезни) обозначилось судьбою, что свадьба моя будет в среду 15 февраля, в Троицком Измайловском соборе в 8-м часу пополудни. И кажется, это *наверно.*

Напоминаю Вам Ваше милое обещание посетить меня в это время и осмелюсь присовокупить чрезвычайную и приятную надежду, что многоуважаемая Ольга Алексеевна и Софья Александровна, по доброте своей ко мне, сделают мне и невесте моей чрезвычайную честь, почтив нас своим присутствием. Я чувствую особенное удовольствие при одной мысли, что Вы пожелаете быть свидетелями первых мгновений моей обновленной жизни.

Примите уверение в глубочайшем моем уважении.

Искренно и всегда преданный Вам

Федор Достоевский.

13 февраля/67 г.

300. Л. А. и О. А. МИЛЮКОВЫМ

13 февраля 1867. Петербург

Многоуважаемые Людмила Александровна и Ольга Александровна,

Напоминаю Вам Ваше милое обещание быть у меня на свадьбе и беру смелость ждать Вас *наверно.* Вы мне сделаете и честь и несказанное удовольствие. В последнее время, сначала страшные хлопоты (которые не знаю когда кончатся), а потом болезнь заставили меня сидеть *дома* безвыходно, а то бы я непременно еще раз пригласил бы Вас лично. Очень рад, что Биба выздоравливает, и вообразите, я так рассчитывал, что он поедет с образом![1] Я всё думал его навестить, и только что выйду со двора, — зайду непременно.

Вас просит тоже очень, через меня, Анна Григорьевна. Она особенно мне поручила просить Вас, хотя и не имеет еще никакого права прямо обращаться к Вам. Но надеюсь, что Вы, ее узнав, полюбите. Она давно уже любит Вас за Ваше доброе сочувствие к моему счастию и по беспрерывным рассказам моим. Итак, до свидания.

Вам искренно и совершенно преданный

Федор Достоевский.

301. А. П. МИЛЮКОВУ

13 февраля 1867. Петербург

Многоуважаемый Александр Петрович,

Свадьба моя в среду (15 февр‹аля›) в Троицком Измайловском Соборе, в 8-м часу вечера. Я вполне уверен, что Вы сдержите Ваше обещание (да Вы и *должны* как родоначальник всего дела) [1] быть у меня, равно как и Людмила Александровна и Ольга Александровна, которым я пишу, напоминая им их слово, и убежден, что они его сдержат.[2]

Бедный Биба, конечно, не может быть, и это меня очень огорчает.[3] Я всё хотел его навестить, но вот уже кажется 5-й день не выхожу никуда. Был флюс и измучил меня ужасно, а хлопот полон рот. Завтра надеюсь выйти со двора и очень, очень желал бы к Вам завернуть на минутку.

Ваш весь Ф. Достоевский.

13 февр./67.
Понедельник.

302. И. М. АЛОНКИНУ

13 апреля 1867. Петербург

Милостивый государь! Многоуважаемый Иван Максимович,

Уезжая на лето [1] за границу, покорнейше прошу Вас считать квартиру в доме Вашем в Столярном переулке и в которой я прожил с 1864 года по 20-е января 1867 года неуклонно за мною в прежней цене, то есть по 25 руб. в месяц, считая теперь с 20-го января 1867 г. Родственницу же мою, Эмилию Федоровну Достоевскую, которая будет продолжать занимать квартиру сию во всё продолжение моего пребывания за границей, прошу покорнейше во всё время моего отсутствия не беспокоить требованием уплаты за квартиру. Осенью же, прибыв в С. Петербург, обязуюсь заплатить Вам за все месяцы найма квартиры, начиная с 20 января сего 1867 года, в чем с готовностию и с удовольствием пишу Вам это удостоверение в форме письма и свидетельствую моею подписью.

Примите уверение в глубоком моем уважении.

Имею честь пребыть, милостивый государь, Вашим покорным слугою.

Федор Достоевский.

13 апреля 1867 г.

303. А. П. СУСЛОВОЙ

23 апреля (5 мая) 1867. Дрезден

Дрезден, 23 апреля/5 мая 1867 г.

Письмо твое, милый друг мой, передали мне у Базунова очень поздно,[1] пред самым выездом моим за границу, а так как я спешил ужасно, то и не успел отвечать тебе. Выехал из Петербурга в страстную пятницу (кажется, 14-го апреля), ехал до Дрездена довольно долго, с остановками, и потому только теперь *улучил* время поговорить с тобою.

Стало быть, милая, ты ничего не знаешь обо мне, по крайней мере, ничего не знала, отправляя письмо свое? Я женился в феврале нынешнего года. По контракту я обязан был Стелловскому доставить к 1-му ноября прошедшего года *новый роман* не менее 10 печатных листов обыкновенной печати, иначе подвергался страшной неустойке.[2] Между тем я писал роман в «Русском вестнике», написал 24 листа и еще оставалось написать 12.[3] А тут эти 10 листов Стелловскому. Было 4-е октября, а я еще не успел начать. Милюков посоветовал мне взять стенографа, чтоб диктовать роман, что ускорило бы вчетверо дело, Ольхин, профессор стенографии, прислал мне лучшую свою ученицу, с которой я и уговорился. С 4-го же октября и начали. Стенографка моя, Анна Григорьевна Сниткина, была молодая и довольно пригожая девушка, 20 лет, хорошего семейства, превосходно кончившая гимназический курс, с чрезвычайно добрым и ясным характером. Работа у нас пошла превосходно. 28 ноября[a] роман «Игрок» (теперь уже напечатан) был кончен, в 24 дня. При конце романа я заметил, что стенографка моя меня искренно любит, хотя никогда не говорила мне об этом ни слова, а мне она всё больше и больше нравилась. Так как со смерти брата мне ужасно скучно и тяжело жить, то я и предложил ей за меня выйти. Она согласилась, и вот мы обвенчаны. Разница в летах ужасная (20 и 44), но я всё более и более убеждаюсь, что она будет счастлива. Сердце у ней есть, и любить она умеет.

Теперь вообще о моем положении:

тебе известно отчасти, что по смерти моего брата я потерял окончательно мое здоровье, возясь с журналом, но, истощившись в борьбе с равнодушием публики и т. д. и т. д., бросил его. Сверх того, 3 000 (которые получил, продав сочинения Стелловскому), отдал их безвозвратно на чужой журнал, на семейство брата и в уплату его кредиторам. Кончилось тем, что я наколотил на себя нового долгу, по журналу, что с неуплаченными долгами брата, которые я принужден был взять на себя, составило еще свыше 15 000 долгу.[4] В таком состоянии были дела, когда я вы-

---

[a] *Так в копии вместо* «октября».

ехал в 65-м году за границу, имея при вместе 40 наполеондоров всего капиталу. За границей я решил, что отдать эти 15 000 смогу только, надеясь на одного себя. Сверх того, со смертью брата, который был для меня *всё*, мне стало очень тошно жить. Я думал еще найти сердце, которое бы отозвалось мне, но — не нашел.[5] Тогда я бросился в работу и начал писать роман. Катков заплатил больше всех, я и отдал Каткову. Но 37 листов романа и еще 10 листов Стелловскому оказались мне не по силам, хотя я и кончил обе работы. Падучая моя усилилась до безобразия, но зато я развлек себя и спас себя, сверх того, от тюрьмы. Роман мне принес (со вторым изданием) [6] до 14 000, на это я жил и, сверх того, из *пятнадцати* тысяч долгу отдал 12. Теперь на мне всего-навсе до 3 000 долгу. Но эти три тысячи самые злые. Чем больше отдаешь денег, тем нетерпеливее и глупее кредиторы. Заметь себе, если б я не взял на себя этих долгов, то кредиторы не получили бы ни копейки, и они это знают сами, да и просили они меня перевести эти долги на себя *из милости*, обещаясь меня не трогать. Отдача 12 000 только возбудила корыстолюбие тех, которые еще не получили по своим векселям. Денег у меня теперь раньше нового года не будет, да и то если начну новую работу, за которой сижу.[7] А как я кончу, когда они не дают мне покою; вот почему я и уехал (с женой) за границу. Сверх того, за границей жду облегчения падучей, в Петербурге же, в последнее время, почти даже стало невозможно работать. По ночам уж нельзя сидеть, тотчас припадок. И потому хочу здесь поправить здоровье и кончить работу. Денег я взял у Каткова вперед. Там охотно дали. Платят у них превосходно. Я с самого начала объявил Каткову, что я славянофил и с некоторыми мнениями его не согласен. Это улучшило и весьма облегчило наши отношения. Как частный же человек это наиблагороднейший человек в свете. Я совершенно не знал его прежде. Необъятное самолюбие его ужасно вредит ему. Но у кого же не необъятное самолюбие?

В последние дни мои в Петербурге я встретился с Брылкиной (Глобиной) и был у нее. Мы много говорили о тебе. Она тебя любит. Она сказала мне, что ей было очень грустно, что я счастлив с другою. Я буду с ней переписываться.[8] Мне она нравится.

Твое письмо оставило во мне грустное впечатление. Ты пишешь, что тебе очень грустно. Я не знаю твоей жизни за последний год и что было в твоем сердце, но, судя по всему, что о тебе знаю, тебе трудно быть счастливой.

О, милая, я не к дешевому *необходимому* счастью приглашаю тебя. Я уважаю тебя (и всегда уважал) за твою требовательность, но ведь я знаю, что сердце твое *не может* не требовать жизни, а сама ты людей считаешь или бесконечно спящими или тотчас же подлецами и пошляками. Я сужу по фактам. Вывод составь сама.

До свидания, друг вечный! Я боюсь, что письмо это не застанет тебя в Москве. Знай во всяком случае, что до *восьмого* (8) мая нашего стиля я еще в Дрездене (это minimum, может быть, пробуду и долее), а потому, если захочешь отвечать мне, то отвечай *тотчас* же по получении этого письма. Allemagne (Saxe), Dresden, Dostoiewsky, poste restante.* Дальнейшие же адрессы буду сообщать. Прощай, друг мой, жму и целую твою руку.

Твой Ф. Достоевский.

---

* Германия (Саксония), Дрезден, Достоевскому, до востребования (*франц.*).

304. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

5 (17) мая 1867. Гомбург

Hombourg

Пятница 17 мая. 11½ часов утра.

Здравствуй, милый мой ангел.

Обнимаю тебя и целую крепко-крепко. Всю дорогу думал о тебе.

Я только что приехал.[1] Теперь половина двенадцатого. Немного устал и сажусь писать. Мне подали чаю и воды умываться. В промежутке напишу тебе несколько строк. В Лейпциге мне пришлось дожидаться с ½ 6-го до 11 ночи, но уж таков Schnell-Zug.* Сидел в воксале, закусил и выпил кофею. Всё ходил по зале огромной и залитой волнами дыма, пропитанного пивом. Разболелась голова, и расстроились нервы. Всё думал о тебе и воображал: зачем я мою Аню покинул. *Всю* тебя вспомнил, до последней складочки твоей души и твоего сердца, за всё это время, с октября месяца начиная, и понял, что такого цельного, ясного, тихого, кроткого, прекрасного, невинного и в меня верующего ангела, как ты, — я и не стою. Как мог я бросить тебя? Зачем я еду? Куда я еду? Мне бог тебя вручил, чтоб ничего из зачатков и богатств твоей души и твоего сердца не пропало, а напротив, чтоб богато и роскошно взросло и расцвело; дал мне тебя, чтоб я свои грехи огромные тобою искупил, представив тебя богу развитой, направленной, сохраненной, спасенной от всего, что низко и дух мертвит; а я (хоть эта мысль беспрерывно и прежде мне втихомолку про себя приходила, особенно когда я молился) — а я такими бесхарактерными, сбитыми с толку вещами, как эта глупая теперешняя поездка моя сюда, — самоё тебя могу сбить с толку. Ужас как грустно стало мне вчера. Так бы, кажется, и обнял тебя, кабы ты со мной была, а назад не воротился, хоть и мелькала мысль. Как вспомню о всех этих Врангелях, Латкиных, Рейслерах[2] и о многом про-

---

* скорый поезд (*нем.*).

чем, еще их поважнее, так и собьюсь совсем и спутаюсь. Глупость, глупость я делаю, а главное, скверность и слабость, но тут есть крошечный шанс и... но черт с этим, перестану!

Наконец сели и поехали. Вагон полный. Немцы преучтивые, хотя ужасно зверские снаружи. Представь себе: ночь была до того холодна, как у нас в октябре, в ненастье. Стекла отпотели, — а я-то в своем легоньком пальто и в летних панталонах. Продрог ужасно; удалось часа три заснуть — от холоду проснулся. В *три часа* закоченелый выпил в подвернувшемся воксале чашку кофею и обогрелся минут десять. Затем опять в вагон. К утру сделалось теплее гораздо. Места здесь есть прекрасные, но всё сумрачно, облачно, сыро и холодно, холоднее, чем в Дрездене. Ждут, что разгуляется. В Франкфурте и двух минут не был, боясь упустить отправляющийся вагон сюда — и вот я здесь, в Hôtel «Victoria». Комната *пять* франков в день и — видимо разбойники. Но пробуду дня два и уж самое большее — три. Иначе невозможно — даже если б *успех*.

А зачем ты заплакала, Аня, милочка, меня провожая? Пиши мне, голубчик, сюда. Пиши [а] обо всех мелочах, но не *очень* большие письма (не утомляй себя) и не подписывайся всеми буквами (на случай, если я уеду и письма останутся).

Аня, ясный свет мой, солнце мое, люблю тебя! Вот в разлуке-то всё почувствуешь и перечувствуешь и сам узнаешь, как сильно любишь. Нет, уж мы с тобой начинаем срастаться.

Успокой же меня, авось завтра найду твое письмо, ты мое тоже, может, завтра получишь.

Не получив второго [б] от меня письма, не пиши!

Прощай, радость, прощай, свет мой. Немного нервы расстроены, но здоров и не так чтобы очень устал. А что-то ты?

Твой весь до последней частички и целую тебя бессчетно.

Любящий тебя Д<остоевский>.

На конверте:

Saxe, *Dresden*,
m-er et madame *Dostoiewsky*,
poste restante.

а *Далее было:* короче
б *Было:* следующего

305. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

6 (18) мая 1867. Гомбург

Hombourg
18 мая, 10 часов утра.
Суббота

Здравствуй, ангел мой Аня, вот тебе еще несколько строк — ежедневных известий. Каждое утро буду тебе писать покамест; и это мне в потребность, потому что думаю о тебе ежеминутно.

Всю ночь снилась ты мне и еще, представь себе, Маша, моя племянница, сестра Феди. Мы с ней во сне помирились,[1] и я очень был доволен. Но к делу.

День вчера был холодный и даже дождливый; весь день я был слаб и расстроен нервами до того, что едва держался на ногах. Хорошо еще, что в вагоне успел кое-как заснуть часа два. Целый день вчера спать хотелось. А тут игра, от которой оторваться не мог; можешь представить, в каком я был возбуждении. Представь же себе: начал играть еще утро‹м› и к обеду проиграл 16 империалов. Оставалось только 12 да несколько талеров. Пошел после обеда, с тем чтоб быть благоразумнее донельзя и, слава богу, отыграл все 16 проигранных, да *сверх того* выиграл 100 гульденов. А мог бы выиграть 300, потому что уже были в руках, да рискнул и спустил. Вот мое наблюдение, Аня, окончательное: если быть благоразумным, то есть быть как из мрамора, холодным и *нечеловечески* осторожным, то непременно, *безо всякого сомнения*, можно выиграть *сколько угодно*. Но играть надо много времени, много дней, довольствуясь малым, если не везет, и не бросаясь насильно на шанс. Есть тут один жид: он играет уже несколько дней, с ужасным хладнокровием и расчетом, *нечеловеческим* (мне его показывали), и его уже начинает бояться банк; он загребает деньги и уносит каждый день по крайней мере по 1 000 гульденов.

Одним словом, постараюсь употребить нечеловеческое усилие, чтоб быть благоразумнее, но с другой стороны я никак не в силах оставаться здесь несколько дней.

Безо всякого преувеличения, Аня: мне до того это всё противно, то есть ужасно, что я бы сам собой убежал, а как еще вспомню о тебе, так и рвется к тебе всё существо. Ах, Аня, нужна ты мне, я это почувствовал! Как вспомню твою ясную улыбку, ту теплоту радостную, которая сама в сердце вливается при тебе, то неотразимо захочется к тебе. Ты меня видишь обыкновенно, Аня, угрюмым, пасмурным и капризным: это только снаружи; таков я всегда был, надломленный и испорченный судьбой, внутри же другое, поверь, поверь!

А между тем это наживание денег даром, как здесь (не совсем даром: платишь мукой), имеет что-то раздражительное и одуряющее, а как подумаешь, для чего нужны деньги, как подумаешь о долгах и о тех, которым кроме меня надо, то и чувствуешь, что отойти нельзя. Но воображаю же муку мою, если я проиграю и ничего не сделаю: столько пакости принять даром и уехать еще более нищим, нежели приехал. Аня, дай мне слово, что никогда никому не будешь показывать этих писем. Не хочу я, чтоб этакая мерзость положения моего пошла по языкам. «Поэт так поэт и есть».

Обнимаю тебя, Аня, свет мой. Авось от тебя сегодня письмецо получу, друг мой единственный. До завтра. Завтра напишу непременно. Во всяком случае, ни за что не останусь здесь долго.

Вчера, к ночи, велел затопить камин, который дымил, и я угорел. Ночь спал как убитый, хотя и болела голова. Сегодня же совершенно здоров. Солнце светит, и день великолепный.

Прощай, радость моя.

Твой вечный Ф. Д<остоевский>.

Если не получишь почему-нибудь в какой-нибудь день от меня письма — не беспокойся.[a] Через день получишь. Но полагаю, что этого не случится.

На конверте:

Saxe, *Dresden,*
m-er et madame Dostoiewsky,
poste restante.

---

[a] *Далее было начато:* Это

306. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

7 (19) мая 1867. Гомбург

Hombourg
Воскресенье 19 мая 10 часов утра.

Здравствуй, милый, бесценный мой ангел. Пишу тебе несколько строк ежедневных. Прежде всего о делах.

День вчера был для меня прескверный. Я слишком значительно (судя относительно) проигрался. Что делать: не с моими нервами, ангел мой, играть. Играл часов десять, а кончил проигрышем. Было в продолжение дня и очень худо, был и в выигрыше, когда счастье переменялось, — всё расскажу когда приеду. Теперь на оставшееся (очень немного, капелька) хочу сделать сегодня последнюю пробу. Сегодняшний день решит всё, то есть еду ли я завтра к тебе или останусь. Завтра во всяком случае уведомлю. Не хотелось бы закладывать часов. Очень туго пришлось теперь. Что будет, то будет. Употреблю последние усилия. Видишь: усилия мои каждый раз удаются, покамест я имею хладнокровие и расчет следовать моей системе; но как только начнется выигрыш, я тотчас начинаю рисковать; сладить с собой не могу; ну что-то скажет последняя сегодняшняя проба. Поскорей бы уж.

Вчера, ангел мой, в 12 часов пришел я на почту отдать мое второе письмо к тебе, и почтмейстер подал мне письмо от тебя.[1] Милочка, спасибо тебе. Я тут же перечел его в конторе, и как мне приятно было, что оно писано карандашом (моя стенографка). Всё прошлое вспомянулось. Не тоскуй, моя родная, не тоскуй, мой ангел! Ты меня чуть не до слез перевернула, описывая свой день. Экое ведь дикое наше положение. И войдет ли кому в голову у наших, в Петербурге, что мы в настоящую минуту с тобой в разлуке и для такой цели! Дикое положение, ре-

шительно. Ох, кабы поскорей это всё кончилось, поскорей бы уж какой-нибудь результат. Поверишь ли, ангел мой, мне здесь ужасно наскучило, то есть, собственно, игра уж наскучила. То есть не то, чтоб наскучила, а устал я ужасно как нервами, нетерпеливее стал, поскорее стремлюсь к результату, тороплюсь, рискую, а из этого и выходит проигрыш.

Здоровье мое, несмотря на то, очень хорошо. Нервы расстроены, и я устаю (сидя-то на месте), но тем не менее я в хорошем *очень даже* состоянии. Состояние возбужденное, тревожное, — но моя натура иногда этого просит. Что за день был прелестный вчера; я таки капельку погулял в парке. Надо сознаться, что местоположение здесь обворожительное. Парк великолепен, воксал тоже, музыка прекрасная, лучше дрезденской.[2] Вот бы пожить-то здесь, если б не проклятая рулетка.

Прощай, мой ангел, тихий, милый, кроткий мой ангел, люби меня. Если б, мечтаю теперь, хоть на минутку тебя увидеть — сколько б мы с тобой переговорили, сколько впечатлений накопилось. В письме не упишешь; да и я сам тебе прежде говаривал, что я не умею и не способен письма писать, а вот теперь как напишешь тебе несколько словечек, то как будто и легче. Ради Христа, береги здоровье, постарайся хоть чем-нибудь себя развлекать. Помни просьбы мои: если что с тобой случится, пошли к доктору и тотчас же дай мне знать. Ну прощай, радость моя; целую тебя тысячу раз. Помни меня. Пожелай счастья, сегодняшний день всё решит. Поскорей бы уж, да не волнуйся и не беспокойся очень.

Обнимаю тебя. Твой весь и всегда.

Твой муж Федор Достоевский.

P. S. Подробностей, сколько выиграл, сколько проиграл, не пишу; всё расскажу при свидании. Одним словом, покамест плохо.

307. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

8 (20) мая 1867. Гомбург

Hombourg

Понедельник 20 мая, 10 часов утра.

Здравствуй, милая моя, бесценная, *единственная*, сокровище и радость моя. Милый мой друг, вчерашний день опять ничего не решил,[a] я всё еще на одной точке и леплюсь кое-как и не добился, покамест, ни до какого результата, так что и опять не выезжаю; что-то скажет сегодняшний день? Может быть, что-нибудь и будет решительное. Во всяком случае, завтра получишь от меня точное известие, то есть выезжаю ли я или нет?

Ангел мой, ты не поверишь, как я обрадовался и с каким счастьем прочел я, на почте, твои две крошечные писульки на

[a] *Далее было начато:* Я не знаю

двух листиках. Я их целовал и так рад, так рад был твоей любви. Она видна, в каждой строчке, в каждом выражении твоем, и как ты хорошо пишешь письма.[1] Куда мне так написать и так выразить мое сердце, мои ощущения. Я и наяву-то, и когда мы вместе, не сообщителен, угрюм и совершенно не имею дара выразить себя всего. Формы, жеста не имею.[2] Покойный брат Миша часто с горечью упрекал меня в этом. Милая моя, простишь ли ты когда-нибудь меня за то, что я тебя так мучаю, покинул тебя и не еду! Твое письмо, в этом отношении, решительно измучило меня вчера, хоть ты сама и ни словом, ни мыслию не упрекаешь меня, а даже напротив — ободряешь и утешаешь. Но ведь я чувствую всё. И во-первых, я сам не сообразил еще прежде всей затруднительности, всей муки моей будущей, решаясь ехать сюда. Я *твердо* был убежден, что еду только на четыре дня, и не сообразил, что если внешние обстоятельства, совершенно не от меня зависящие, задержат меня, то что будет с нами обоими. Будучи вблизи, возле тебя, я не сообразил тогда, как я люблю тебя и как тяжела для нас обоих разлука. Мы уже начинаем срастаться и, кажется, сильно срослись вместе, Аня, и так сильно, что не заметили, я по крайней мере. Ты не знаешь, как мне хотелось, например вчера, быть с тобою; и я со слезами молился ночью о тебе, удержаться не мог.

А вчера был день решительно пакостный и скверный. Главное, всё это бестолково, глупо и низко. А все-таки оторваться от моей идеи не могу, то есть бросить всё, как есть, и приехать к тебе. Да теперь это почти что, покамест, и невозможно, то есть сейчас-то. Что завтра скажет. Веришь ли: я проиграл вчера всё, всё до последней копейки, до последнего гульдена, и так и решил написать тебе поскорей, чтоб ты прислала мне денег на выезд. Но вспомнил *о часах* и пошел к часовщику их продать или заложить. Здесь это ужасно всё обыкновенно, то есть в игорном городе. Есть целые магазины золотых и серебряных вещей, которые только тем и промышляют. Представь себе, какие подлые эти немцы: он купил у меня часы, с цепочкой (стоили мне 125 руб. по крайней цене) и дал мне за них всего 65 гульденов, то есть 43 талера, то есть почти в 2½ раза меньше. Но я продал с тем, чтоб он дал мне одну неделю срока и что если я в течение недели приду выкупить, то он мне отдаст, разумеется, с процентом. И представь себе, на эти деньги я все-таки отыгрался, и сегодня пойду сейчас[6] выкупить часы. Затем у меня останется 16 фридрихсдоров. Я отыграл их тем, что переломил себя вчера и решительно не давал себе увлекаться. Это дает мне некоторую надежду. Но боюсь, боюсь. Что-то скажет сегодняшний день. Одним словом, завтра скажу тебе какое-нибудь *верное* слово.

Итак, простишь ли ты меня за всё это. О, Аня! Перетерпим это время, и, может быть, потом будет лучше. Не мучайся очень

[6] *Было:* опять

обо мне, не тоскуй. Главное, не тоскуй и *будь здорова.* Ведь во всяком же случае *я очень скоро* возвращусь. А там мы вечно с тобой. Эта разлука минутная даже полезна для нашего счастья. Она много-много дала сознания.

Пиши мне побольше подробностей о себе, не пропускай ничего. Если нездорова, не скрывай и напиши это. Я здесь здоров совершенно. Вчера была прелестная погода; сегодня тоже недурна кажется. Вчера было воскресенье, и все эти гомбургские немцы с женами[в] явились после обеда в воксал. Обыкновенно по будням играют иностранцы, и давки нет. А тут давка, духота, толкотня, грубость. Ах, какие подлые эти немцы. Прощай, Аня, прощай, радость моя, будь весела и счастлива. Люби меня. До завтра. Обнимаю тебя крепко, крепко. Люблю беспредельно, твой весь, до последней капли

Ф. Достоевский.

Завтра напишу непременно.

P. S. Ради бога, Аня, *не высылай* мне сюда никаких писем, ничего не может быть такого особенно важного, тем более из Москвы. Пусть подождет. А то я могу выехать отсюда каждый день, и с письмом расстренемся.

На конверте:

Saxe, *Dresden,*
m-er et madame Dostoiewsky,
poste restante.

[в] *Далее было:* которые все

308. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

9 (21) мая 1867. Гомбург

Hombourg
Вторник 21 мая. 10 часов утра.

Милый мой ангел, вчера я испытал ужасное мучение: иду, как кончил к тебе письмо, на почту, и вдруг мне отвечают, что *нет* от тебя письма. У меня ноги подкосились, не поверил. Бог знает что мне приходило в голову, и клянусь тебе, что более мучения и страху я никогда не испытывал. Мне всё приходило в голову, что ты больна, умираешь. С час я ходил по саду, весь дрожа; наконец пошел на рулетку и всё проиграл. Руки у меня дрожали, мысли терялись и, даже проигрывая, почти как-то рад был, говорил: пусть, пусть. Наконец, весь проигравшись (а меня это даже и не поразило в ту минуту), ходил часа два в парке, бог знает куда зашел; я понимал всю мою беспомощность; решил, что если завтра, то есть сегодня, не будет от тебя письма, то ехать к тебе немедленно. А с чем? Тут я воротился и пошел опять заложить часы (которые по дороге на почту успел вы-

купить), заложил тому же, как и третьего дня, и вдруг мне мелькнула мысль: что ведь ты, в сущности, и не могла мне написать, то есть прислать письмо к понедельнику. В субботу ты получила мое первое письмо, отвечала мне тут же на почте, *затем уж в субботу и не писала более*, потому что уж отвечала утром на почте (два лоскуточка). Поэтому в воскресенье и не послала мне письма; в воскресенье же, получив мое письмо (второе), отвечала мне в тот же день и могла послать только, стало быть, в понедельник, а след‹овательно›, раньше вторника (то есть сегодня) я и не могу получить. Всё это стало для меня наконец ясно, и поверишь ли, поверишь ли — я точно из мертвых воскрес. Теперь пишу тебе, а сам весь дрожу: ну что если я ошибся и сегодня не будет от тебя письма? Ну что тогда будет? О, не дай бог! Теперь спешу на почту. Аня, милая, что же ты для меня такое значишь наконец, что я так мучаюсь? Ведь я никогда, никогда еще до такой степени не мучился и не боялся, как вчера, в тот ужасный час! Нет, Аня, сильно надо любить, чтоб так чувствовать! Господи, ну что если и сегодня не получу. Тороплюсь докончить это письмо и побегу. Если от тебя опять нет письма, то каково мне: надо ехать, а денег нет. Я и закладные за часы почти проиграл, всего у меня теперь двадцать пять флоринов, а надо расплатиться в отеле, надо заплатить за дорогу, господи! Теперь опять у меня вчерашние страхи почти возобновились.

Если же ты не больна и всё как следует, то, друг мой, с получением этого письма тотчас же займись поскорее моими делами. Слушай же: игра кончена, хочу поскорее воротиться; пришли же мне немедленно, сейчас как получишь это письмо, *двадцать* (20) империалов. Немедленно, в тот же день, в ту же минуту, если возможно. Не теряй ни капли времени. В этом величайшая просьба моя. Во-первых, надо выкупить часы (не пропадать же им за 65 гульденов), затем заплатить в отеле, затем дорога, что останется, привезу всё, не беспокойся, теперь уж не буду играть. А главное — спеши послать. Завтра или послезавтра подадут в отеле счет, и, если не будет еще денег от тебя, надо идти к хозяину извиняться, тот, пожалуй, пойдет в полицию: избавь меня от этого мучения, то есть высылай скорее. И обделай это всё сама, одна, хозяйке не говори, то есть не советуйся; нечего им наши дела знать. Сделать же это легко: поди к какому-нибудь банкиру получше, в контору (о банкире хоть на почте справься, у чиновника, который письма выдает), придя в контору банкира, принеси ему 20 империалов и спроси: могут ли они тотчас же перевести деньги в *Hombourg* (точнее дай адресс) такому-то, то есть мне, *poste restant*. (Разумеется, могут.) Затем они примут от тебя деньги, с вычетом, разумеется, за комиссию и выдадут тебе *вексель* на какого-нибудь здешнего, гомбургского банкира (не беспокойся, они уж знают, на какого: у них везде есть банкиры корреспонденты). Этот вексель ты вложи ко мне

в письмо, запечатай, снеси на почту и застрахуй. скажи, что письмо денежное. Вот и всё. А я здесь, получив от тебя письмо и деньги, пойду к банкиру, и он мне по этому векселю выдаст деньги. Ради бога, давай банкиру адресс точнее, *Hombourg*, а не *Hambourg*, напиши адресс на бумаге. Буду ждать с нетерпением. Получив же, тотчас же приеду.

Друг милый, у нас останется очень мало денег, но не ропщи, не унывай и не упрекай меня. Что до меня касается, то относительно денежных дел наших я почти совершенно спокоен: у нас останется 20 империалов, да пришлют еще двадцать. Затем, воротясь в Дрезден, тотчас же напишу *Каткову* и попрошу у него прислать мне в Дрезден еще 500 рублей. Конечно, он поморщится очень, но — даст. Давши уже столько (3000 руб.), не откажет в этом. Да почти и не может отказать: ибо как же я кончу работу без денег. Конечно скверно, но ведь это всего на 23 листа, а ведь заработаю же я ему.[1] В ожидании же ответа просидим в Дрездене. Ответ придет не раньше как через месяц. Ангел мой: мучаюсь об тебе, что ты будешь в такой скуке в Дрездене сидеть. Я-то сяду за статью о Белинском [2] и, в ожидании ответа от Каткова, кончу ее. А там уедем в Швейцарию и поскорей за работу. Ангел мой, может быть, это даже и к лучшему: эта проклятая мысль, мономания, об игре — соскочит теперь с меня. Теперь опять, как и третьего года (перед «Преступлением и наказанием»), трудом возьму. Что будет, то будет. Но страшно мне, что тебе будет скучно. Об тебе, об тебе только я и беспокоюсь. Голубчик мой, кабы поскорей увидеться. Не сердись за это бестолковое письмо; я спешу из всех сил, чтоб поскорей узнать судьбу мою на почте, то есть есть от тебя письмо или нет? Даже весь дрожу теперь. Получу письмо и буду счастлив. Обнимаю тебя, друг мой, не тужи, не горюй, а обо мне не беспокойся: только бы от тебя письмо сегодня получить, и я буду счастлив. До свидания, до близкого, обнимаю тебя, не мучайся, не горюй. К тому же это вовсе не так важно в сущности. Такие ли бывают неудачи в жизни, у каждого, у самого счастливого. Я же, за эти деньги, купил себе избавление от дурацкой идеи и ‹за› это, может быть, еще дешево заплатил. Ну, что будет, то будет. Обнимаю тебя крепко. Целую бессчетно.

Твой весь, твой муж, тебя обожающий

Фед‹ор› Достоев‹ский›.

P. S. Ради бога, торопись с деньгами. Поскорей бы только отсюда выехать! Деньги адрессуй poste restante.

Замучил я тебя, ангел мой!

На конверте:

Saxe, *Dresden*,
m-er et madame *Dostoiewsky*,
poste restante.

309. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

10 (22) мая 1867. Гомбург

Hombourg
Среда 22 мая/67 10 часов утра.

Здравствуй, милый мой ангел! Вчера я получил твое письмо и обрадовался до безумия, а вместе с тем и ужаснулся. Что ж это с тобой делается, Аня, в каком ты находишься состоянии. Ты плачешь, не спишь и мучаешься. Каково мне было об этом прочесть? И это только в пять дней, а что же с тобою теперь? [1] Милая моя, ангел мой бесценный, сокровище мое, я тебя не укоряю; напротив, ты для меня еще милее, бесценнее с такими чувствами. Я понимаю, что нечего делать, если уж ты совершенно не в состоянии и выносить моего отсутствия и так мнительна обо мне (повторяю, что не укоряю тебя, что люблю тебя за это, если можно, вдвое более и *умею это ценить*); но в то же время, голубчик мой, согласись, какое же безумие я сделал, что, не справившись с твоими чувствами, приехал сюда. Рассуди, дорогая моя: во-первых, уже моя собственная тоска по тебе сильно мешала мне удачно кончить с этой проклятой игрой и ехать к тебе, так что я духом был не свободен; во-вторых: каково мне, зная о твоем положении, оставаться здесь! [2] Прости меня, ангел мой, но я войду в некоторые подробности насчет моего предприятия, насчет этой игры, чтоб тебе ясно было, в чем дело. Вот уже раз двадцать, подходя к игорному столу, я сделал опыт, что если играть хладнокровно, *спокойно* и с расчетом, то нет *никакой возможности проиграть!* Клянусь тебе, возможности даже нет! Там слепой случай, а у меня расчет, след‹овательно›, у меня перед ними шанс. Но что обыкновенно бывало? Я начинал обыкновенно с *сорока гульденов,* вынимал их из кармана, садился и ставил по одному, по два гульдена. Через четверть часа обыкновенно (*всегда*) я выигрывал вдвое. Тут-то бы и остановиться, и уйти, по крайней мере до вечера, чтоб успокоить возбужденные нервы (к тому же я сделал замечание (вернейшее), что я могу быть спокойным и хладнокровным за игрой не *более как полчаса сряду*). Но я отходил, только чтоб выкурить папироску, и тотчас же бежал опять к игре. Для чего я это делал, зная наверно почти, что не выдержу, то есть проиграю? А для того, что каждый день, вставая утром, решал про себя, что это последний день в Гомбурге, что завтра уеду, а следственно, мне нельзя было выжидать и у рулетки. Я спешил поскорее, изо всех сил, выиграть сколько можно более, зараз в один день (потому что завтра ехать), хладнокровие терялось, нервы раздражались, я пускался рисковать, сердился, ставил уже без расчету, который терялся, и — проигрывал (потому что кто играет без расчету, на случай, тот безумец). Вся ошибка была в том, что мы разлучились и что я не взял тебя с собою. Да, да, это так. А тут и я об тебе тоскую, и ты чуть не умираешь без меня. Ангел мой, повторяю тебе, что я не уко-

ряю тебя и что ты мне еще милее, так тоскуя обо мне. Но посуди, милая, что например было вчера со мною: отправив тебе письма с просьбою выслать деньги, я пошел в игорную залу; у меня оставалось в кармане всего-навсе *двадцать* гульденов (на всякий случай), и я рискнул на *десять* гульденов. Я употребил сверхъестественное почти усилие быть *целый час* спокойным и расчетливым, и кончилось тем, что я выиграл *тридцать* золотых фридрихсдоров, то есть 300 гульденов. Я был так рад и так страшно, до *безумия* захотелось мне *сегодня же* поскорее всё покончить, выиграть еще хоть вдвое и немедленно ехать отсюда, что, не дав себе отдохнуть и опомниться, бросился на рулетку, начал ставить золото и *всё*, *всё* проиграл, до последней копейки, то есть осталось всего только *два* гульдена на табак. Аня, милая, радость моя! Пойми, что у меня есть долги, которые нужно заплатить и меня назовут подлецом. Пойми, что надо писать к Каткову и сидеть в Дрездене. Мне надо было выиграть. *Необходимо*! Я не для забавы своей играю. Ведь это единственный был выход — и вот, всё потеряно от скверного расчета. Я тебя не укоряю, а себя проклинаю: зачем я тебя не взял с собой? Играя помаленьку, каждый день, *ВОЗМОЖНОСТИ НЕТ* не выиграть, это верно, верно, двадцать опытов было со мною, и вот, зная это наверно, я выезжаю из Гомбурга с проигрышем; и знаю тоже, что если б я себе хоть четыре только дня мог дать еще сроку, то в эти четыре дня я бы наверно всё отыграл. Но уж конечно я играть не буду!

Милая Аня, пойми (еще раз умоляю), что я не укоряю, не укоряю тебя; напротив, себя укоряю, что не взял с собою тебя.

NB. NB. На случай, если как-нибудь письмо вчерашнее затеряется, повторяю здесь вкратце, что было в нем: я просил выслать мне *немедленно* двадцать империалов, переводом через банкира, то есть пойти к банкиру, сказать ему, что надо переслать, по такому-то адрессу, в Гомбург (адресс вернее) poste restante, такому-то, 20 золотых, и банкир знает уж, как сделать. Просил спешить как можно, по возможности, чтоб в тот же день на почту пошло. (Вексель, который тебе дали бы у банкира, надо вложить в письмо и переслать мне страховым). Всё это, если поспешить, взяло бы времени не более часу, так что письмо могло бы в тот же день пойти.

Если ты успеешь послать в тот же день, то есть *сегодня же* (в среду), то я получу завтра в четверг. Если же пойдет в четверг, я получу в пятницу. Если получу в четверг, *то в субботу* буду в Дрездене, если же в пятницу получу, то *в воскресенье*. Это верно. *Верно*. Если успею все дела обделать, то, может быть, не на *третий*, а на другой день приеду. Но вряд ли возможно в тот же всё обделать, чтоб выехать (получить деньги, собраться, уложиться, приехать в Франкфурт и не опоздать на Schnell-Zug).

2). Хоть и из всех сил буду стараться, но вернее всего, что на третий день.

Прощай, Аня, прощай, ангел бесценный, беспокоюсь об тебе ужасно, а обо мне даже нечего совсем тебе беспокоиться. Здоровье мое *превосходно*. Это нервное расстройство, которого ты боишься во мне, — только физическое, механическое! Ведь не нравственное же это потрясение. Да того и природа моя требует, я так сложен. Я нервен, я никогда покоен быть не могу и без того! К тому же воздух здесь чудесный. Я здоров *как нельзя больше*, но об тебе решительно мучаюсь. Люблю тебя, оттого и мучаюсь.

Обнимаю тебя крепко, целую бессчетно.

Твой Ф. Д‹остоевский›.

310. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

11 (23) мая 1867. Гомбург

Hombourg
23 мая/67 10 часов утра.

Не я святая душа, ясный ты мой ангельчик, а ты, у тебя святая душа. Какое прелестное письмо ты мне прислала вчера, и как я его целовал! [1] В моем положении такое письмо как манна небесная. По крайней мере, знаю, что есть существо, которое меня на всю жизнь любит. Добрая ты, светлая, прекрасная душа. Всю жизнь тебя буду любить бесконечно.

Пишу только несколько строчек, наскоро; спешу на почту: может быть, ты уже успела выслать деньги, и я их сегодня и получу. А уж как бы надо. Ни копейки нет, а сегодня наверно счет из отеля подадут, потому что сегодня минет неделя, как я стою, а у них у всех счеты подаются понедельно. Ну, а если не получу сегодня, — нечего делать, еще сутки потерплю, не беспокойся, милая.

Да вот что еще: вчера вдруг наступила погода холодная, да так холодно, что даже странно, ветер и дождь целый день. Сегодня хоть нет дождя, но хмурится, ветрено и холодно очень. Не знаю, как меня угораздило вчера простудить себе ухо, и к вечеру прикинулись зубы. Минут пять было так, что даже дергало. Весь вечер просидел и пролежал дома, закутавшись во что попало. Сегодня хоть и прошли за ночь зубы, но в ухе всё еще чувствую как будто нездорово, а потому простудись я снова, и опять заболят зубы. И потому, милочка: если я и получу сегодня деньги, то, может быть, всё еще не выеду. Боюсь я, голубчик. Как я ехал сюда, я провел мучительнейшую ночь, от холода, в вагоне, в моем легком пальто. А теперь еще холоднее. Дай переждать немножко, мой ангельчик. Совсем я тогда простужу зубы, на несколько лет. Позволь переждать, милочка, не ропщи на меня, не сердись. Я люблю тебя бесконечно, но ведь что же будет, если я приеду домой со стонами и криками. Впрочем, надеюсь, что зубы совсем теперь затихли и не возобновятся. Дай-то бог. Тогда ни минутки

не замешкаю. Да и во всяком случае, всеми силами буду стараться не замешкать. *Верь ты мне. Верь.* Верь, что мне так же хочется обнять тебя, как и тебе меня. Еще больше, может быть. Ангел мой, прости ты меня тоже за вчерашнее письмо, не прими за какой-нибудь хоть самый малейший упрек. До свидания, до самого близкого, обнимаю тебя от всей души, целую бессчетно.

Твой бесконечно любящий тебя муж

Ф. Д‹остоевский›.

Карандаша у меня нет, а то бы распечатал письмо на почте и уведомил тебя, получил ли сегодня деньги или нет. Всё равно, если вчера послала вовремя, то уж наверно сегодня получу. Целую тебя еще раз, бесценная моя.

P. S. Половина двенадцатого:

Твое письмо получил,[2] а банкирского *нет*. Сказал мне почтмейстер, чтоб я на почту зашел в *пять* часов пополудни и что, может быть, тогда будет. Но вряд ли. Стало быть, завтра наверно получу. Сегодня же *во всяком случае* выехать невозможно: не беспокойся, ангел мой, не засижусь, постараюсь всеми силами скорее.

Это хорошо, что на здешние деньги. Так и надо. Но смущает меня: что если здесь не разменяют, потому что на Francfort. А впрочем, конечно, разменяют.

Благодарю тебя, милая, от души целую и обнимаю.

Достоевский.

P. S. Голубчик мой, прочти со вниманием это письмо. Холод страшный, а зубы ноют. Ну, если я разболеюсь. Да потерпи же хоть капельку. *Клянусь,* что употреблю все силы, чтоб приехать скорее.

311. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

12 (24) мая 1867. Гомбург

Hombourg
24 мая/67.

Аня, милая, друг мой, жена моя, прости меня, не называй меня подлецом! Я сделал преступление, я всё проиграл, что ты мне прислала, всё, всё до последнего крейцера, вчера же получил и вчера проиграл. Аня, как я буду теперь глядеть на тебя, что скажешь ты про меня теперь! Одно и *только одно* ужасает меня: что ты скажешь, что подумаешь обо мне? Один твой суд мне и страшен! Можешь ли, будешь ли ты теперь меня уважать! А что и любовь без уважения! Ведь этим весь брак наш поколебался. О, друг мой, не вини меня окончательно! Мне игра ненавистна, не только теперь, но и вчера, третьего дня, я проклинал ее: по-

лучив вчера деньги и разменяв билет, я пошел с мыслью хоть что-нибудь отыграть, хоть капельку увеличить наши средства. Я так верил в небольшой выигрыш. Сначала проиграл немного, но как стал проигрывать, — захотелось отыграться, а как проиграл еще более, так уж *поневоле* продолжал[а] играть, чтобы воротить, по крайней мере, деньги, нужные на отъезд, и — проиграл всё. Аня, я не умоляю тебя сжалиться надо мной, лучше будь беспристрастна, но страшно боюсь суда твоего. Про себя я не боюсь. Напротив, теперь, теперь, после такого урока, я вдруг сделался совершенно спокоен за мою будущность. Теперь работа и труд, работа и труд, и я докажу еще, что я могу сделать! Как уладятся обстоятельства дальнейшие — не знаю, но теперь Катков не откажет.[1] А всё дальнейшее, я думаю, будет зависеть от достоинства моего труда. Хорош будет, и деньги явятся. О если б только дело касалось до одного меня, я бы теперь и думать не стал, засмеялся бы, махнул рукой и уехал. Но ты ведь не можешь же не произнести своего суждения над моим поступком, и вот это-то и смущает меня и мучает. Аня, только бы любви твоей мне не потерять. При наших и без того скверных обстоятельствах я извел на эту поездку в Гомбург и проиграл с лишком 1 000 франков, до 350 рублей! Это преступление!

Но не оттого я истратил, что был легкомыслен, жаден, не для себя, о! у меня были другие цели! Да что теперь оправдываться. Теперь поскорей к тебе. *Присылай скорей, сию минуту денег на выезд, — хотя бы были последние.* Не могу я здесь больше оставаться, не хочу здесь сидеть. К тебе, к тебе скорее, обнять тебя. Ведь ты меня обнимешь, поцелуешь, не правда ли? Ох, если б не скверная, не холодная эта сырая погода, я вчера по крайней мере хоть бы в Франкфурт переехал! и не было бы ничего, не играл бы! Но погода такая, что мне с моими зубами и с моим кашлем *возможности* не было тронуться, чтоб проехать целую ночь в легком пальто. Это просто невозможное дело, это был прямой риск схватить болезнь. Но теперь не остановлюсь и перед этим. Сейчас же по получении этого письма вышли *10* империалов[б] (то есть точно так же, как тот вексель Robert Thore, и тут вовсе не надобно собственно империалов, а просто Anveisung,* как прошлый раз. Одним словом, точно так же, как прошлый раз). Десять империалов, то есть 90 с чем-то гульденов, чтоб только расплатиться и доехать. Сегодня пятница, в воскресенье получу *и в тот же день в Франкфурте,* а там возьму Schnell-Zug и в понедельник у тебя.

Ангел мой, не подумай как-нибудь, чтоб я и эти проиграл. Не оскорбляй меня уж до такой степени! Не думай обо мне так низко. Ведь и я человек! Ведь есть же во мне сколько-нибудь че-

---

а *Было:* начал
б *Далее было начато:* каким хо‹чешь›
* денежный перевод (*нем.*).

ловеческого. Не вздумай как-нибудь, не доверяя мне, *сама приехать* ко мне. Эта недоверчивость к тому, что я не приеду, — убьет меня. *Честное тебе слово* даю, что тотчас поеду, несмотря ни на что, даже на дождь и холод. Обнимаю тебя и целую. Что-то ты теперь думаешь обо мне. Ох, кабы мне тебя видеть в ту минуту, как ты читаешь это письмо! Твой Ф. Д‹остоевский›.

P. S. Ангел мой, *обо мне* не беспокойся! Повторяю, если б я был сам по себе, я бы только засмеялся и плюнул. Мне *ты, твое* суждение одно мучительно! Вот что только одно меня и мучает. А я — замучил тебя! До свидания.

Ох, кабы поскорее к тебе, поскорее вместе, мы бы что-нибудь выдумали.

312. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

13 (25) мая 1867. Гомбург

Hombourg
25 мая/67 суббота, 10 часов утра.

Аня, ангел мой, *единственное* мое счастье и радость, — простишь ли ты меня за всё и все мучения и волнения, которые я заставил тебя испытать. О, как ты мне нужна. Вчера сидел целый вечер один, пробовал читать мои три перечитанные книжонки; а в голове всё одно стучит, одно: что-то ты? Что с нами будет теперь? Я не говорю про дальнейшее. Дальнейшее просто неразгаданно. Но бог спасет как-нибудь. Я и никогда в жизни моей дольше шести месяцев не рассчитывал, так же как и всякий, живущий одним своим трудом, чуть не поденным. На труд-то вот я и надеюсь теперь. Пойми, Аня: он должен быть великолепен, он должен быть еще лучше «Преступл‹ения› и наказ‹ания›».[1] Тогда и читающая Россия моя, тогда и книгопродавцы мои.

В *дальнейшее* будущее наше я верю, только бы бог дал здоровья (а здесь припадков не бывает).

Но *ближайшее дальнейшее* неразгаданно (время, когда придется возвращаться в Россию, с долгами и проч.). Уж и не знаю, что будет. Теперь же серьезно и решительно верю в помощь Каткова. (Помогши раз и увидев, что я к зиме работу кончу, поможет и другой, поможет и зимой, когда приедем, беда в том, что всё будет мало). Но теперь-то только бы переждать, теперь-то только бы быть обеспеченным, до присылки от Каткова.[2] А с чем? У нас и тридцати талеров, верно, не наберется. Одна надежда, что пришлет мамаша.[3] Удивительно, что там происходит и почему не высылают. Одно меня ободряет: если б нельзя было прислать, то, верно, написали бы. Да и никто из них не пишет. Странно. Может быть, выслать не умеют. Авось уведомят.

К тебе, к тебе, Аня, теперь только и мысли, чтоб поскорей к тебе. Вместе сойдемся, вместе обо всем переговорим, обо всем перетолкуем. Жду завтрашнего дня с нетерпением болезненным.

Несмотря ни на какую погоду поеду и с вечера начну упаковываться. Одна беда: раньше двенадцати часов наверно не получу письма (коли денежное), а может, и в четыре[a] пополудни. Но во всяком случае выеду и ни за что не останусь. Еще беспокойство одно есть: вчера подали счет хозяйский за неделю, ужасный счет, я отговорился, что еду в воскресенье и разом заплачу. Нахмурились, но еще молчат. Но вот беда: счет еще подрастет к воскресенью, и боюсь, что присланных денег не хватит на проезд и на счет. Поеду в третьем классе. Застану ли в Франкфурте шнель-цуг.[4] (Ничего-то здесь узнать нельзя). Не пришлось бы ночевать где-нибудь. Погода же ужасная, холодная и дождливая. Ночи как у нас в октябре, но нужды нет, — непременно поеду. Надену двойное белье, две рубашки и проч. Но авось всё сойдет хорошо. Аня, ангел, только бы к тебе мне приехать, поскорее, а там всё уладится исподволь. Как приеду — сейчас напишу к Каткову. Может ответ прийти и через 2 недели, но надо рассчитывать на месяц. Я решил просить *тысячу,* хотя бы с рассрочкой.[5] Тогда переедем поскорее в Швейцарию. Проезд будет стоить 50 талеров, но ничего! И там за работу!

До свидания, Аня, сердце мое! Послезавтра у тебя, меньше чем через 48 часов. Часы считаю. Дай бог, чтобы всё удалось! Прости меня, ангел, прости, сердце мое.

Твой Ф. Д‹остоевский›.

а *Далее было:* после

313. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

14 (26) мая 1867. Гомбург

Hombourg
26 мая/67, 10 часов утра.

Милый ангел, пишу на клочке; бумага и пакеты все вышли; взял хозяйской. Если получу сегодня от тебя деньги, то постараюсь изо всех сил сегодня же и поехать. Поезд отсюда идет в 3 часа 20 минут; но застану ли во Франкфурте — не знаю. В шнель-цуге, как мне сказали, нет третьего класса; если же поехать в третьем классе (не в шнель-цуге), то надо ночевать дорогой: одно на одно и выйдет. А шнель-цуг дорог. У хозяев счет дойдет сегодня до 70 гульденов. Останется 20, а 20 minimum стоит один шнель-цуг. Без копейки ехать нельзя; но так как я имею *непременное* желание выехать, то как-нибудь обделаю. Одно всего больше беспокоит: *холод.* Простужусь — хуже будет. По газетам в Берлине холера,[1] а в Париже, третьего дня, 24 мая, ночью был мороз, яблони и вишни пропали, никогда не запомнят.[2] Всё покрылось инеем, а днем, 24 мая, был снег и град. Вчера здесь в Гомбурге, днем, дыхание замерзало. Попробую надеть двойное белье, а там что бог даст. Во всяком случае, ангел мой вечный,

не беспокойся. Я всеми силами *ХОЧУ!* выехать. Если завтра не приеду и вместо меня получишь это письмо, то знай, что что-нибудь не уладилось, какая-нибудь мелочь, какое-нибудь обстоятельство, а что я все-таки *на выезде*. Обнимаю тебя, мое сокровище, крепко, целую бессчетно, люби меня, будь женой, прости, не помни зла, нам ведь всю жизнь прожить вместе.

Твой вечный и верный

Фед‹ор› Достоевский.

Воскресение сегодня, вряд ли конторы будут отперты, чтоб разменять. Да вот что: если получу не утром, а в 5 часов пополудни! Ох, не желал бы.

Ангел, друг мой, прости меня.

314. П. А. ИСАЕВУ

19 (31) мая 1867. Дрезден

Дрезден, 31/19 мая/67.

Любезный друг Паша, благодарю тебя за оба твои письма.[1] Я здоров, и, по занятиям, мы должны будем остаться в Дрездене, от сего дня считая, еще *недели две*. И потому прошу тебя все накопившиеся у тебя ко мне письма мне прислать. Сделай так: все распечатай и (разумеется, не читая и не смотря даже на подписи) вложи в один конверт (купи конверт побольше) и вышли мне. Высылка не может стоить более какого-нибудь рубля. Но знай, что надобно сделать это, рассчитывая на эти *две недели*. Не ждать же мне здесь писем. Во всяком случае, высылай и высылай *сейчас*. Теперь 19, полагаю, что еще письмо мое застанет тебя не в Павловске. Если ж и в Павловске, то, верно, кто-нибудь приезжает из вас иногда домой.[2]

Я, Паша, слышу, что ты не совсем так распоряжаешься, как бы мне желалось.[а] Зачем ты взял 10 р. из денег, которые должны храниться у Ап‹оллона› Ник‹олаеви›ча? Верно ли ты отдал деньги Прасковье Петровне, все ли,[б] что велели тебе отдать?[3] Смотри, Паша, осторожнее. Мне самому нужны деньги, а их у меня очень мало. Я никаких займов, например, сделанных тобой, не заплачу. Объявляю заране.

Я бы очень желал, милый Паша, чтоб ты не только *свое*, но и *мое* положение умел понять. Денег у меня теперь очень долго не будет. Ведь я сам ничем не обеспечен. Может даже случиться, что я и не в состоянии буду выслать тебе еще денег, через два месяца; а следственно, лучше бы экономизировать на всякий случай, чем тратить.[в]

а *Далее было начато:* Те 60 р., которы‹е›

б *Далее было:* 40

в *Было:* транжирить [4]

Боюсь тоже, чтоб ты не был как-нибудь в тягость Эмилии Федоровне и не наделал бы ей каких-нибудь неприятностей. Уважай ее и будь в высшей степени к ней почтителен. Она глава в доме; так и ты ее беспрекословно почитай, покамест живешь у нее. Правда ли, что Эмилия Федоровна получила 400 р., и почему ты мне об этом не написал? Поздравь ее; я очень за нее рад. Разумеется, этих денег ей хватит ненадолго. Боюсь, что даже очень ненадолго. Надобно и отдать и обзавестись кой-чем. Это, вероятно, Разин отдал.[5] Это очень честно с его стороны, и за это ему много простится. Эмилии Федоровне теперь не пишу; напишу потом. Поклонись ей от меня и скажи, что я очень думаю и забочусь о всех ее делах. Поклонись от меня Феде. Желал бы очень, очень узнать, как его дела и что он предпринимает? Едет ли он в Москву или еще куда-нибудь? Если Федя еще в Петербурге, скажи, чтоб черкнул ко мне словечка два, а покамест передай, что я его целую и жму его руку.[6] То же передай и Мише. Коле мой поклон и особенную, глубокую благодарность за дела с Гинтерлах.[7] Поклонись Ап‹оллону› Николаевичу и всем, кому можно говорить теперешний мой адресс. Ради бога, не болтай много и старайся, чтоб и другие не говорили о том, где я теперь нахожусь, не давай моего адресса никому. Я боюсь, что меня и здесь кредиторы отыщут.[8] Сообщай, пожалуйста, точнее и вернее обо всем, что случилось. Александре Михайловне [г] и Ник‹олаю› Ив‹ановичу› поклон. Не забудь письмо Андрея Михайловича.[9] Не пропусти этих двух недель; пиши; во всяком случае пиши. Катю искренно целую; я уверен, что она бесподобно выдержит экзамен. Как бы я рад был, если б мамаша сделала ей костюм несколько получше, чем прошлого и третьего года в Павловске. Пр‹асковье› Петровне поклонись и, главное, справься: где Ваня? Хорошенько справься. Не знаешь ли чего про Федосью, Клавдию и Костю? [10]

Не забывай описать ни малейшего обстоятельства, особенно касающегося моих дел. Не откладывай отвечать. Тотчас же, как получишь это письмо, и садись за ответ.[11]

Здесь до сих пор были сильные холода. В Париже, пишут. 12 мая был снег и мороз.[12] Теперь жары. Зелень же давным-давно великолепная, а цветы уже отцветают. Здесь довольно скучновато (кроме галереи),[13] но работать можно. Зато воздух удивительный и припадки совсем перестали.

Прощай, Паша, целую тебя и желаю всего лучшего. Жаль, что ты сам не желаешь себе лучшего, а только фантазируешь.

Тебя искренно любящий

Фед‹ор› Достоевский.

Эмилии Федоровне особенно поклонись. Как ее здоровье? Анне Николавне передай мой глубокий поклон. Марье Григорьевне тоже.[14]

[г] *Далее было начато:* муж‹у›

315. Э. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ

1 (13) июня 1867. Дрезден

Дрезден, 1/12 июля [a]/67.

Многоуважаемая Эмилия Федоровна,

Я полагаю, что Вы теперь находитесь уже в Павловске, а потому и адрессую в Павловск. Хорошо, если б мое письмо не замедлило. Очень рад, что Вы здоровы; дай бог, чтоб и всё остальное было благополучно. Уехал ли Федя? Если не уехал еще, то скажите ему, чтоб он передал мой поклон Верочке и А‹лександру› П‹авловичу› и в особенности Сонечке и Машеньке. На днях я получил письмо от Паши, из которого и знаю сколько-нибудь о Вас.[1] Хорошо, кабы Разин отдал еще хоть 100 р. (больше он не даст; и рассчитывать, по-моему, нечего. Хорошо и это). Паша пишет, что Алонкин спрашивает меня насчет квартиры. Так как я полагаю (по письму Паши), что он уже уехал в Псков,[2] то и обращаюсь к Вам, многоуважаемая Эмилья Федоровна, с особенною просьбою, которую и прошу Вас, если возможно, поскорее исполнить, а именно: пошлите кого-нибудь к Алонкину (Мишу, например), а то попросите и Николая Михайловича, и, во-первых: пусть Миша передаст Алонкину мой поклон и уважение, а во-вторых, пусть передаст ему, что *теперь*, в *настоящую минуту*, я никак *не могу сказать наверно, займу ли я, возвратясь* (кроме той квартиры, в которой Вы теперь живете), ту квартиру, в которой, рядом с нами, живут жиды? Что же касается до старой моей квартиры (той самой, в которой теперь живете Вы), то я *непременно* оставляю ее за собою, и в ней будете жить я или Вы. Это очень важно для меня и надо ему передать немедленно. Полагаю, что Паша уже уехал в Псков, оттого и не пишу ему и не поручаю, а прошу Вас. Всего лучше пошлите Мишу.

Я в настоящую минуту не совсем здоров. Припадки всё не были, целых полтора месяца, а вчера вдруг случился, небольшой. Если пожить здесь еще несколько месяцев, то, полагаю, совсем пройдут. Поцелуйте за меня детей и передайте всем нашим близким искреннее мое уважение, в особенности Кашиным.[3] Каков Милюков-то? Хорош, нечего сказать.[4] На днях буду писать Майкову. Полагаю, что скоро из Дрездена выеду. Напишу еще и тогда вышлю другой мой адресс. Анна Григорьевна свидетельствует Вам искреннее свое уважение. До свидания, Эмилия Федоровна, будьте здоровы (главное) и дай бог провести счастливое лето.

Искренно любящий Вас *брат Ваш*

Федор Достоевский.

---

[a] *В подлиннике месяц указан ошибочно.*

316. А. Н. СНИТКИНОЙ

9 (21) июля 1867. Баден-Баден

Многоуважаемая и любезнейшая Анна Николаевна,

Я и Аня, мы здоровы и счастливы. Аня меня любит, а я никогда в жизни еще не был так счастлив, как с нею. Она кротка, добра, умна, верит в меня и до того заставила меня привязаться к себе любовью, что, кажется, я бы теперь без нее умер. Благодарю Вас от всего сердца за такую дочь. Вы мне дали это счастье. Мы Вас почти каждый день вспоминаем; Аня иногда даже плачет об Вас и всё мне рассказывает о том, как прежде она жила у Вас в доме. Она очень беспокоится, когда долго не приходят от Вас письма. Передайте наш поклон Марье Григорьевне и ее доброму, прекрасному Павлу Григорьевичу, который так за мной ухаживал, когда со мной был в их доме припадок.[1] Ивану Григорьевичу передайте наш братский привет. Обнимаю Вас от всего сердца и пребываю искренно и многолюбящий Вас

Федор Достоевский.

9 июля / 67.

317. А. Н. МАЙКОВУ

16 (28) августа 1867. Женева

Женева 28/16 67 года.

Эвона сколько времени я молчал и не отвечал на дорогое письмо Ваше, дорогой и незабвенный друг, Аполлон Николаевич.[1] Я Вас называю: *незабвенным другом* и чувствую в моем сердце, что название правильно: мы с Вами такие *давнишние* и такие *привычные*, что жизнь, разлучавшая и даже *разводившая* нас иногда,[2] не только не развела, но даже, может быть, и свела нас окончательно. Если Вы [a] пишете, что почувствовали отчасти мое отсутствие, то уж кольми паче я Ваше.[3] Кроме ежедневно подтверждавшегося во мне убеждения в сходстве и стачке наших мыслей и чувств, возьмите еще в соображение, что я, потеряв Вас, попал еще, сверх того, на чужую сторону, где нет не только русского лица, русских книг и русских мыслей и забот, но даже приветливого лица нет! [4] Право, я даже не понимаю, как может заграничный русский человек, если только у него есть чувство и смысл, этого не заметить и больно не прочувствовать. Может

---

[a] *Было:* Вам

быть, эти лица и приветливы для себя, но нам-то кажется, что для нас нет. Право так! И как можно выживать жизнь за границей? Без родины — страдание, ей-богу! Ехать хоть на полгода, хоть на год — хорошо. Но ехать так, как я, не зная и не ведая, когда ворочусь, — очень дурно и тяжело. От идеи тяжело. А мне Россия нужна, для моего *писания* и труда нужна (не говорю уже об остальной жизни), да и как еще! Точно рыба без воды; сил и средств лишаешься. Вообще об этом поговорим. Обо многом мне надо с Вами поговорить и попросить Вашего совета и помощи. Вы *один* у меня, с которым я могу отсюда говорить. NB. Кстати: Прочтите это письмо про себя и не рассказывайте обо мне кому не нужно знать. Сами увидите. Еще слово: почему я так долго Вам не писал? На это я Вам обстоятельно ответить не в силах. Сам сознавал себя слишком неустойчиво и ждал хоть малейшей оседлости, чтоб начать с Вами переписку. Я на Вас, на одного Вас надеюсь. Пишите мне чаще, не оставляйте меня, голубчик! А я Вам теперь буду очень часто и регулярно писать. Заведемте переписку постоянную; ради бога! Это мне Россию заменит и сил мне придаст.

Расскажу же Вам эти четыре месяца tant bien que mal * и откровенно.

Вы знаете, как я выехал и с какими причинами. Главных причин две: 1) спасать не только здоровье, но даже жизнь. Припадки стали уж повторяться каждую неделю, а чувствовать и *сознавать* ясно это нервное и *мозговое* расстройство было невыносимо. Рассудок действительно расстроивался, — это истина. Я это чувствовал; а расстройство нервов доводило иногда меня до бешеных минут. 2-я причина — мои обстоятельства: кредиторы ждать больше не могли, и в то время, как я выезжал, уж было подано ко взысканию Латкиным и потом Печаткиным [5] — немного меня не захватили. Оно, положим, — (и говорю не для красы и не для словца) — *долговое отделение* с одной стороны было бы мне даже очень полезно: действительность, материал, второй «Мертвый дом», одним словом, материалу было бы по крайней мере на 4 или на 5 тысяч рублей, но ведь я только что женился и, кроме того, выдержал ли бы я душное лето в доме Тарасова? [6] Это составляло неразрешимый вопрос. Если же бы мне писать в доме Тарасова, при припадках усиленных, было нельзя, то чем бы я расплатился с долгами? А обуза наросла страшная. Я поехал, но уезжал я тогда с смертью в душе: в заграницу я не верил, то есть я верил, что нравственное влияние заграницы будет очень дурное: один, *без материалу*, с юным созданием, которое с наивною радостию стремилось разделить со мною странническую жизнь; но ведь я видел, что в этой наивной радости много неопытного и первой горячки, и это меня смущало и мучило очень. Я боялся, что Анна Григорьевна соскучится вдвоем со мною. А ведь мы

* как-нибудь (*франц.*).

действительно до сих пор только *одни* вдвоем. На себя же я не надеялся: характер мой больной, и я предвидел, что она со мной измучается. (NB. Правда, Анна Григорьевна оказалась сильнее и глубже, чем я ее знал и рассчитывал, и во многих случаях была просто ангелом-хранителем моим; но в то же время много детского и двадцатилетнего, что прекрасно и естественно *необходимо,* но чему я вряд ли имею силы и способности ответить. Всё это мне мерещилось при отъезде, и хотя, повторяю, Анна Григорьевна оказалась и сильнее и лучше, чем я думал, но я все-таки и до сих пор не спокоен). Наконец, наши малые средства смущали меня: поехали мы со средствами весьма невеликими и задолжав *вперед ТРИ* (!) тысячи Каткову. Я, правда, рассчитывал тотчас же, выехав за границу, приняться немедленно за работу. Что ж оказалось? Ничего или почти ничего до сих пор не сделал и только теперь принимаюсь за работу серьезно и окончательно. Правда, насчет того, что *ничего* не сделал, я еще в сомнении: зато прочувствовалось и много *кой-чего выдумалось*; но написанного, но *черного на белом* еще немного,[7] а ведь *черное на белом* и есть окончательное; за него только и платят.

Бросив поскорее скучный Берлин (где я стоял один день, где скучные немцы успели-таки расстроить мои нервы до злости и где я был в русской бане), мы проехали в Дрезден, наняли квартиру и на время основались.

Впечатление оказалось очень странное; тотчас же мне представился вопрос: для чего я в Дрездене, именно в Дрездене, а не где-нибудь в другом месте, и для чего именно стоило бросать всё в одном месте и приезжать в другое? Ответ-то был ясный (здоровье, от долгов и проч.), но скверно было и то, что я слишком ясно почувствовал, что теперь где бы ни жить, — оказывается *всё равно*, в Дрездене или где-нибудь, везде на чужой стороне, везде ломоть отрезанный. Я было тотчас же хотел за работу и почувствовал, что положительно не работается, положительно не то впечатление. Что же я делал? Прозябал. Читал, кой-что писал, мучился от тоски, потом от жары. Дни проходили однообразно. Мы с Аней регулярно после обеда гуляли в Большом саду, слушали дешевую музыку,[8] потом читали, потом ложились спать. В характере Анны Григорьевны оказалось решительное антикварство (и это очень для меня мило и забавно). Для нее, например, целое занятие пойти осматривать какую-нибудь глупую ратушу, записывать, описывать ее (что она делает своими стенографическими знаками и исписала 7 книжек), но пуще всего заняла ее и поразила галерея, и я этому очень был рад: потому что в душе ее возродилось слишком много впечатлений, чтоб соскучиться. Ходила она в галерею каждый день.[9] Сколько мы с ней переговорили и перетолковали о всех наших, о петербургских, о московских, о Вас и об Анне Ивановне; было довольно грустно отчасти.

Мыслей моих Вам не описываю. Много накопилось впечатлений. Читал русские газеты и отводил душу. Почувствовал в себе

наконец, что материалу накопилось на целую статью об отношениях России к Европе и об русском верхнем слое.[10] Но что говорить об этом! Немцы мне расстроивали нервы, а наша русская жизнь нашего верхнего слоя и их вера в Европу и *цивилизацию* тоже. Происшествие в Париже меня потрясло ужасно. Хороши тоже адвокаты парижские, кричавшие: «Vive la Pologne».* Фу, что за мерзость, а главное — глупость и казенщина! Еще более убедился я тоже в моей прежней идее: что отчасти и выгодно нам, что Европа нас не знает и так гнусно нас знает. А подробности процесса г<--->ка Березовского! [11] Сколько гнусной казенщины; но главное, главное, — как это они не выболтались, как всё еще на одном и том же месте, всё на одном и том же месте!

Россия тоже отсюда выпуклее кажется нашему брату. Необыкновенный факт состоятельности и неожиданной зрелости русского народа при встрече всех наших реформ (хотя бы только одной судебной) [12] и в то же время известие о высеченном купце 1-й гильдии в Оренбургской губернии исправником.[13] Одно чувствуется: что русский народ, благодаря своему благодетелю и его реформам,[14] стал наконец мало-помалу в такое положение, что поневоле приучится к деловитости, к самонаблюдению, а в этом-то вся и штука. Ей-богу, время теперь по перелому и реформам чуть ли не важнее петровского.[15] А что дороги? Поскорее бы на юг, поскорее как можно; в этом вся штука.[16] К тому времени везде *правый суд*, и тогда что за великое обновление! (Обо всем об этом здесь думается, мечтается, от всего этого сердце бьется).

Здесь, хоть и ни с кем почти не встречался, но и нельзя не столкнуться нечаянно. В Германии столкнулся с одним русским, который живет за границей постоянно, в Россию ездит каждый год недели на три получить доход и возвращается опять в Германию, где у него жена и дети, все онемечились.

Между прочим, спросил его: «Для чего, собственно, он экспатрировался?» Он буквально (и с раздраженною наглостию) отвечал: «Здесь цивилизация, а у нас варварство. Кроме того, здесь нет народностей; я ехал в вагоне вчера и разобрать не мог француза от англичанина и от немца.

— Так, стало быть, это прогресс, по-*вашему?*

— Как же, разумеется.

— Да знаете ли вы, что это совершенно неверно. Француз прежде всего француз, а англичанин — англичанин, и быть самими собою их высшая цель. Мало того: это-то и их сила.

— Совершенно неправда. Цивилизация должна сравнять всё, и мы тогда только будем счастливы, когда забудем, что мы русские, и всякий будет походить на всех. Не Каткова же слушать! [17]

— А вы не любите Каткова?

— Он подлец.

* «Да здравствует Польша» (*франц.*).

— Почему?
— Потому что поляков не любит.
— А читаете вы его журнал?
— Нет, никогда не читаю».

Разговор этот я передаю буквально. Человек этот принадлежит к молодым прогрессистам, впрочем, кажется, держит себя от всех в стороне. В каких-то шпицов, ворчливых и брезгливых, они за границей обращаются.

Наконец в Дрездене тоска измучила и меня и Анну Григорьевну. А главное, оказались следующие факты: 1) по письмам, которые переслал мне Паша[18] (он только раз и писал мне),[19] оказалось, что кредиторы подали ко взысканию (стало быть, *возвращаться в Россию до уплаты нельзя)*. 2) Жена почувствовала себя беременной (*это, пожалуйста,* между нами. Девять месяцев выйдут к февралю: стало быть, возвращаться[б] тем более нельзя). 3) Предстал вопрос: что же будет с моими петербургскими, с Эмилией Федоровной и с Пашей и с некоторыми другими? Денег, денег, а их нет! 4) Если зимовать, то зимовать где-нибудь на юге. Да к тому же хотелось хоть что-нибудь показать Анне Григорьевне, развлечь ее, поездить с ней. Решили зимовать где-нибудь в Швейцарии или в Италии. А денег нет. Взятые нами уже очень поистратились. Написал к Каткову, описал свое положение и попросил еще 500 руб. *вперед*.[20] Как Вы думаете: ведь прислали! Что за превосходный это человек! Это с сердцем человек! Мы отправились в Швейцарию. Но тут начну Вам описывать мои подлости и позоры.

Голубчик Аполлон Николаевич, я чувствую, что мог Вас считать как моего судью. Вы человек и гражданин, Вы человек с сердцем, в чем Вы убедили меня давно, Вы муж и отец примерный, наконец, суждение Ваше я всегда ценил. Мне перед Вами покаяться не больно. Но пишу только для *Вас, одного*. Не отдавайте меня на суд людской!

Проезжая недалеко от Бадена, я вздумал туда завернуть. Соблазнительная мысль меня мучила: пожертвовать 10 луидоров и, может быть, выиграю хоть 2 000 франков лишних, а ведь это на 4 месяца житья, со всем, со всеми[в] петербургскими. Гаже всего, что мне и прежде случалось иногда выигрывать. А хуже всего, что натура моя подлая и слишком страстная: везде-то и во всем я до последнего предела дохожу, всю жизнь за черту переходил.

Бес тотчас же сыграл со мной штуку: я, дня в три, выиграл *4 000* франков, с необыкновенною легкостию. Теперь изображу Вам, как всё это мне представилось: с одной стороны, этот легкий выигрыш, — из *ста* франков я в три дня сделал четыре тысячи. С другой стороны, долги, взыскания, тревога душевная, не-

---

б *Далее было:* как говорят ‹?›
в *Далее было начато:* расх‹одами›

возможность воротиться в Россию. Наконец, третье и главное, — сама игра. Знаете ли, как это втягивает. Нет, клянусь Вам, тут не одна корысть, хотя мне прежде всего нужны были деньги для денег. Анна Григорьевна умоляла меня удовольствоваться 4000 тысячами[г] франков и тотчас уехать. Но ведь такая легкая и возможная возможность поправить всё! А примеры-то? Кроме собственного выигрыша ежедневно видишь, как другие берут по 20000, 30000 франков. (Проигравшихся не видишь). Чем они святые? мне деньги нужнее их. Я рискнул дальше и проиграл. Стал свои *последние* проигрывать, раздражаясь до лихорадки, — проиграл. Стал закладывать платье. Анна Григорьевна *всё* свое заложила, последние вещицы (что за ангел! Как утешала она меня, как скучала в треклятом Бадене, в наших двух комнатках над кузницей, куда мы переехали). Наконец, довольно, всё было проиграно. (О, как подлы при этом немцы, какие все до единого ростовщики, мерзавцы и надувалы! Хозяйка квартиры, понимая, что нам покамест, до получения денег, некуда ехать, набавила цену!) Наконец, надо было спасаться, уезжать из Бадена.[21] Опять написал Каткову, опять попросил 500 рублей (не говоря об обстоятельствах, но письмо было из Бадена, и он, наверно, кое-что понял).[22] Ну-с, ведь прислал! Прислал! Итого теперь 4000 взято *вперед* из «Русского вестника». Но, однако ж. вот в чем дело: из этих 500 более половины пошло на уплату процентов и перезаклад нашей мебели в Петербурге, что сделала мать Анны Григорьевны.[23] На ее имя, по моей просьбе, и деньги были высланы из «Р‹усского› вестника». Затем 100 руб. пошли на уплату долгов в Бадене, 50 рублей ждем еще, мать Анны Григорьевны вышлет (из тех же 500 руб. Это недополученный остаток), и[д] наконец, франков двести осталось нам на переезд в Женеву (почему в Женеву? А почем я знаю; не всё ли равно). В Женеву-то мы переехали, наняли Chambre garnie * у двух старух, и теперь, то есть на четвертый день, у нас *всего капиталу* 18 франков. Кроме 50 рублей, которые ожидаем на днях от Анны Николаевны, — месяца на два не предстоит в виду никакого получения.

Но чтоб окончить с Баденом: в Бадене мы промучились в этом аде 7 недель. В самом начале, как только что я приехал в Баден, на другой же день, я встретил в воксале Гончарова. Как конфузился меня вначале Иван Александрович.[24] Этот статский или действительный статский советник[25] тоже поигрывал. Но так как оказалось, что скрыться нельзя, а к тому же я сам играю с слишком грубою откровенностию, то он и перестал от меня скрываться. Играл он с лихорадочным жаром (в маленькую, на серебро), играл все 2 недели, которые прожил в Бадене,

---

г *Так в подлиннике.*
д *Далее было:* остаток
* меблированную комнату (*франц.*).

А. Н. Майков. Фотография 1861 г.

и, кажется, значительно проигрался. Но дай бог ему здоровья, милому человеку: когда я проигрался дотла (а он видел в моих руках много золота), он дал мне, по просьбе моей, 60 франков взаймы. Осуждал он, должно быть, меня ужасно: «Зачем я всё проиграл, а не половину, как он?»

Гончаров всё мне говорил о Тургеневе,[26] так что я, хоть и откладывал заходить к Тургеневу, решился наконец ему сделать визит. Я пошел утром в 12 часов и застал его за завтраком. Откровенно Вам скажу: я и прежде не любил этого человека лично. Сквернее всего то, что я еще с 67 года, с Wisbaden'а, должен ему 50 талеров (и не отдал до сих пор!).[27] Не люблю тоже его аристократически-фарсерское[28] объятие, с которым он лезет целоваться, но подставляет Вам свою щеку. Генеральство ужасное;[29] а главное, его книга «Дым» меня раздражила. Он сам говорил мне, что главная мысль, основная точка его книги состоит в фразе: «Если б провалилась Россия, то *не было бы* никакого ни убытка, ни волнения в человечестве». Он объявил мне, что это его основное убеждение о России.[30] Нашел я его страшно раздраженным неудачею «Дыма». А я, признаюсь, и не знал всех подробностей неудачи.[31] Вы мне писали о статье Страхова в «От‹ечественных› записках»,[32] но я не знал, что его везде отхлестали и что в Москве, в клубе, кажется, собирали уже подписку имен, чтоб протестовать против его «Дыма».[33] Он это мне сам рассказывал. Признаюсь Вам, что я никак не мог представить себе, что можно так наивно и неловко выказывать все раны своего самолюбия, как Тургенев. И эти люди тщеславятся, между прочим, тем, что они *атеисты!* Он объявил мне, что он окончательный атеист. Но боже мой: деизм нам дал Христа, то есть до того высокое представление человека, что его понять нельзя без благоговения и нельзя не верить, что это идеал человечества вековечный![34] А что же они-то, Тургеневы, Герцены, Утины,[35] Чернышевские, нам представили? Вместо высочайшей красоты божией, на которую они плюют, все они до того пакостно самолюбивы, до того[e] бесстыдно раздражительны, легкомысленно горды, что просто непонятно: на что они надеются и кто за ними пойдет? Ругал он Россию и русских безобразно, ужасно. Но вот что я заметил: все эти либералишки и прогрессисты, преимущественно школы еще Белинского, ругать Россию находят первым своим удовольствием и удовлетворением.[36] Разница в том, что последователи Чернышевского просто ругают Россию и откровенно желают ей провалиться (преимущественно провалиться!). Эти же, отпрыски Белинского, прибавляют, что они *любят Россию.* А между тем не только всё, что есть в России чуть-чуть самобытного, им ненавистно, так что они его отрицают и тотчас же с наслаждением обращают в карикатуру, но что если б действительно представить им наконец факт, который бы уж нельзя опровергнуть или

---

[e] *Было:* так

в карикатуре испортить, а с которым надо непременно согласиться, то, мне кажется, они бы были до *муки*, до боли, до отчаяния несчастны. 2-е). Заметил я, что Тургенев, например (равно как и все, долго не бывшие в России), решительно фактов не знают (хотя и читают газеты) и до того грубо потеряли всякое чутье России, таких обыкновенных фактов не понимают, которые даже [ж] наш русский нигилист уже не отрицает, а только карикатурит по-своему. Между прочим, Тургенев говорил, что мы должны ползать перед немцами, что есть одна общая всем дорога и неминуемая — это цивилизация и что все попытки русизма и самостоятельности — свинство и глупость. Он говорил, что пишет большую статью на всех русофилов и славянофилов.[37] Я посоветовал ему, для удобства, выписать [з] из Парижа телескоп. — Для чего? — спросил он. — Отсюда далеко, — отвечал я; — Вы наведите на Россию телескоп и рассматривайте нас, а то, право, разглядеть трудно. Он ужасно рассердился. Видя его так раздраженным, я действительно с чрезвычайно удавшеюся наивностию сказал ему: «А ведь я не ожидал, что все эти критики на Вас и неуспех „Дыма“ до такой степени раздражат Вас; ей-богу, *не стоит* того, плюньте на всё». «Да я вовсе не раздражен, что Вы!» — и покраснел. Я перебил разговор; заговорили о домашних и личных делах, я взял шапку и как-то, совсем без намерения, к слову, высказал, что накопилось в три месяца в душе от немцев:

«Знаете ли, какие здесь плуты и мошенники встречаются. Право, черный народ здесь гораздо хуже и бесчестнее нашего, а что глупее, то в этом сомнения нет. Ну вот Вы говорите про цивилизацию; ну что сделала им цивилизация и чем они так очень-то могут перед нами похвастаться!».

Он побледнел (буквально, ничего, ничего не преувеличиваю!) и сказал мне: «Говоря так, Вы меня *лично* обижаете. Знайте, что я здесь поселился окончательно, что я [и] сам считаю себя за немца, а не за русского, и горжусь этим!» Я ответил: «Хоть я читал „Дым“ и говорил с Вами теперь целый час, но все-таки я никак не мог ожидать, что Вы это скажете, а потому извините, что я Вас оскорбил». Затем мы распрощались весьма вежливо, и я дал себе слово более к Тургеневу ни ногой никогда. На другой день Тургенев, ровно в *10 часов* утра, заехал ко мне и оставил хозяевам [к] для передачи мне свою визитную карточку. Но так как я сам сказал ему накануне, что я, раньше *двенадцати часов*, принять не могу и что спим мы до *одиннадцати*, то приезд его в *10 часов утра* я принял за ясный намек, что он не хочет встречаться со мной и сделал мне визит в 10 часов именно для того, чтоб я это понял. Во все 7 недель я встретился с ним один

ж *Было:* что даже на‹ш›
з *Было начато:* ку‹пить›
и *Далее было:* более уже
к *Далее было:* свою

только раз в вокзале. Мы поглядели друг на друга, но ни он, ни я не захотели друг другу поклониться.

Может быть, Вам покажется неприятным, голубчик Аполлон Николаевич, эта злорадность, с которой я Вам описываю Тургенева, и то, как мы друг друга оскорбляли. Но, ей-богу, я не в силах; он слишком оскорбил меня своими убеждениями. Лично мне всё равно, хотя с своим генеральством он и не очень привлекателен; но нельзя же слушать такие ругательства на Россию от русского изменника, который бы мог быть полезен. Его ползание перед немцами и ненависть к русским я заметил давно, еще четыре года назад.[38] Но теперешнее раздражение и остервенение до пены у рта[л] на Россию происходит единственно от неуспеха «Дыма» и что Россия осмелилась не признать его гением.[39] Тут одно самолюбие, и это тем пакостнее.

Но черт с ними со всеми!

Теперь выслушайте, друг мой, мои намерения: я, конечно, сделал подло, что проиграл. Но говоря сравнительно, я проиграл немного своих-то денег. Тем не менее эти деньги могли служить мне месяца на два жизни, даже на четыре, судя по тому, как мы живем. Я уже Вам сказал: я не мог устоять против выигрыша. Если б я первоначально проиграл 10 луидоров, как положил себе, я бы тотчас бросил всё и уехал. Но выигрыш 4000 франков погубил меня! Возможности не было устоять против соблазна выиграть больше (когда это оказывалось так легко) и разом выйти из всех этих взысканий, обеспечить себя на время и всех моих: Эмилию Федоровну, Пашу и проч. Впрочем, это всё нимало меня не оправдывает, потому что я был не один. Я был с юным, добрым и прекрасным существом, которое верит в меня вполне, которого я защитник и покровитель, а след‹овательно›, которое я не мог губить и так рисковать всем, хотя бы и немногим.

Будущность моя представляется мне очень тяжелою: главное, возвратиться в Россию не могу, по вышеизложенным причинам, а пуще всего вопрос: что будет с теми, которые зависят от моей помощи. Все эти мысли убивают меня. Но так или этак, а из этого положения, рано ли, поздно ли, надо выйти. Надеяться же я могу, конечно, только на одного себя, потому что другого ничего нет в виду.

В 65 году, возвратясь из Висбадена, в октябре, я кое-как уговорил кредиторов капельку подождать, сосредоточился в себе и принялся за работу. Мне удалось, и кредиторам было порядочно заплачено.[40] Теперь я приехал в Женеву с идеями в голове. Роман есть, и, если бог поможет, выйдет вещь большая и, может быть, недурная. Люблю я ее ужасно и писать буду с наслаждением и тревогой.

Катков сам мне сказал в апреле, что им бы хотелось и

[л] *В подлиннике:* у рту

было бы лучше начать печатать мой роман с января 1868 года. Так оно и будет, хотя высылать частями я начну раньше.[41]

Хотя здесь и нет кредиторов, но обстановка моя хуже, чем в 65-м году.[42] Все-таки Паша, Эмилия Федоровна были перед глазами. К тому же я был один. Правда, Анна Григорьевна ангел, и если б Вы знали, что она теперь для меня значит. Я ее люблю, и она говорит, что она счастлива, вполне счастлива, и что не надо ей ни развлечений, ни людей, и что вдвоем со мной в комнате она вполне довольна.

Хорошо. Теперь, стало быть, мне месяцев шесть непрерывной работы. Но к тому времени жене придется родить.[43] Женева город хороший: тут и доктора и французский язык. Но климат очень дурен, мрачный, а осень, зима — скверность. Может быть, если будут средства, месяца через два с половиной можно еще будет переехать в Италию. Вообще зимовать или в Италии, или в Париже. Вообще где выгоднее и удобнее, не знаю. А может быть, и прямо до весны в Женеве останемся.

Денежные расчеты такие: если напечатать роман, то Катков не откажет еще вперед дать в течение будущего года тоже тысячи три. Тут, стало быть, будет и для нас, и для Паши с Эм‹илией› Фед‹оровной›, и даже немного и для кредиторов (для ободрения их). Роман же можно продать или запродать, с половины года, вторым изданием.[44]

Вы один у меня, Вы мой голубчик, мое провидение. Не откажитесь помогать мне в будущем. Ибо во всех этих моих делах и делишках [м] я буду умолять принять участие.

Вам, вероятно, ясна мысль, основная мысль всех этих надежд моих: ясно, что всё это может успеть сделаться и принести свои результаты под ОДНИМ ТОЛЬКО условием, именно: ЧТО РОМАН БУДЕТ ХОРОШ. Об этом, стало быть, и нужно теперь заботиться всеми силами.

(Ах, голубчик, тяжело, слишком тяжело было взять на себя эту заносчивую мысль, три года назад, что я заплачу все эти долги, и сдуру дать все эти векселя! Где взять здоровья и энергии для этого! И если опыт показал уже, что успех может быть, то ведь при каком условии: при одном только, что всякое сочинение мое непременно будет настолько удачно, чтоб возбудить довольно сильное внимание в публике; иначе — всё рушилось. Да разве это возможно, разве это может войти в арифметический расчет!)

Теперь последнее мое слово к Вам. Выслушайте, сообразите и помогите!

У нас теперь 18 франков. Завтра или послезавтра придут от матери Анны Григорьевны 50 рублей, которые она нам не дослала из катковских денег. И вот *всё*, все средства наши, до нового получения от Каткова. (Мать Анны Григорьевны именно

[м] *Было:* Ибо все эти мои дела и делишки

теперь, в эту минуту, в таких обстоятельствах, что ни одной копейкой нам помочь не может.)

Но просить у Каткова, *теперь*, решительно нельзя. Через 2 месяца дело другое: тогда я вышлю ему *тысячи на полторы* романа и опишу свое положение. 1 000 руб. он зачтет [н] в уплату моего долга, а 500 мне вышлет. Я на это надеюсь *вполне*: он добр и благороден.

Но как же прожить эти 2 месяца работы? Не судите меня и будьте моим ангелом-хранителем! Я знаю, Аполлон Николаевич, что у Вас у самих денег *лишних* нет. Никогда бы я не обратился к Вам с просьбою о помощи. Но я ведь утопаю, утонул совершенно. Через две-три недели я совершенно без копейки, а утопающий протягивает руку, уже не спрашиваясь рассудка. Так делаю и я. Я знаю, что Вы расположены ко мне хорошо; но знаю тоже, что помочь мне деньгами Вам почти невозможно. И все-таки, зная это, прошу у Вас помощи, потому что кроме Вас — *никого* не имею, и если Вы не поможете, то я погибну, вполне погибну!

Вот моя просьба:

Я прошу у Вас *150 руб.* Вышлите мне их в Женеву, poste restante. Через 2 месяца редакция «Русского вестника» вышлет Вам 500 рублей на мое имя. Я сам буду просить ее сделать так. (А что она вышлет — в этом *нет сомнения*, только бы я выслал им роман. *А я вышлю.* Это тоже без сомнения).

Итак, я прошу у Вас *на два месяца*. Голубчик, спасите меня! Заслужу Вам вовеки дружбой и привязанностию. Если у Вас нет, займите у кого-нибудь для меня. Простите, что *так* пишу: но ведь я утопающий![45]

С сентября месяца Паша останется без денег. (Об Эмилии Федоровне уже не говорю!) И потому из этих 150 руб. отделите ему 25 руб. и выдайте ему покамест, сказав, чтоб он потеснился и поприжался месяца на два. Потом я напишу Вам, сколько отделить для него покамест из катковских 500 руб. (Для того-то я и намерен просить редакцию «Русского вестника» присылать впредь деньги на Ваше имя; ибо Вас я умоляю быть мне на время помощником в кой-каких моих петербургских делишках, то есть через Ваши руки буду производить кой-какие уплаты и выдачи. Не беспокойтесь, тут не будет ничего, что бы Вас поставило в *двусмысленное* положение.[о] Я прошу только Вашего дружеского участия, умоляю, потому что *никого*, *никого* нет у меня в Петербурге, кроме Вас, на кого бы я мог понадеяться!)

Прошу Вас тоже написать мне как можно скорее. Не оставляйте меня одного! Бог Вас вознаградит за это.

Скажите Паше, чтоб написал мне сюда, в Женеву, обо всем, что с ним было, и если имеет ко мне письма, то чтоб переслал

н *Вместо:* он зачтет — *было:* пойдут

о *Далее было начато:* Останется

их по примеру прежнего раза. Я получил от него всего только одно письмо за всё это время. Не любит он меня, кажется, совсем. А ведь это очень мне тяжело.

Адресс мой:

M-r Theodore Dostoiewsky, Suisse, Genève, poste restante.*

Напишите мне тоже Ваш адресс. Так как я не знаю Ваш дом, то посылаю это письмо через Анну Николавну Сниткину (мать Анны Григорьевны), она и доставит Вам.

Во всяком случае, прошу Вас убедительнейше, напишите мне, голубчик, как можно скорее и сообщите побольше известий обо всех наших, об том, что делается, что в ходу, что Вы делаете сами. Одним словом, оросите каплей воды душу, иссохшую в пустыне. Ради бога!

Всем *Вашим* поклон, родителям [46] и Анне Ивановне. Ей особенно. От Анны Григорьевны особенно. Сколько мы об Вас вспоминали, сколько мы переговорили.

Когда-то увидимся!

Посоветуйте мне тоже что-нибудь. Скажите мне Ваш взгляд на мое положение. Да не слыхали ли Вы чего об моих делах петербургских, хоть от Паши.

В будущем письме напишу кой о чем о другом.

В Женеве я совершенно уединен и никого из русских не видал.

Ни звука русского, ни русского лица! [47]

Прощайте, обнимаю Вас крепко, крепко и целую.

Ваш весь Федор Достоевский.

---

* Господину Федору Достоевскому, Швейцария, Женева, до востребования (*франц.*).

318. А. Н. МАЙКОВУ

3 (15) сентября 1867. Женева

Женева 15 сентября/67.

Простите меня, голубчик Аполлон Николаевич, что замешкался Вам ответить, — да еще на Ваше письмо, в котором Вы прислали мне деньги. Дело в том, что кончил вот эту проклятую статью «Знакомство мое с Белинским». Возможности не было отлагать и мешкать. А между тем я ведь и летом ее писал, но до того она меня измучила и до того трудно ее было писать, что я дотянул до сего времени и наконец-то, со скрежетом зубовным, кончил. Штука была в том, что я сдуру взялся за такую статью. Только что притронулся писать и сейчас увидал, что возможности нет написать *цензурно* (потому что я хотел писать всё). 10 листов романа было бы легче написать, чем эти 2 листа! Из

всего этого вышло, что эту растреклятую статью я написал, если всё считать в сложности, раз *пять* и потом всё опять перекрещивал и из написанного опять переделывал. Наконец кое-как вывел статью, — но до того дрянная, что из души воротит. Сколько драгоценнейших фактов я принужден был выкинуть. Как и следовало ожидать, осталось всё самое дрянное и золотосрединное. Мерзость! [1]

За эту статью деньги мне дали вперед.[2] Бабиков с кем-то. Я, бывши в апреле в Москве, выпросил у Бабикова отсрочку (разумеется, не на 5 месяцев, хотя срок был и не определен окончательно). Альманах свой они хотели издать в сентябре или в октябре (так рассчитывали в апреле, это значит, что книга никак раньше Нового года не явится).[3] Итак, лучше поздно, чем никогда. Голубчик, помогите! Сделайте милость, а именно следующее:

Перешлите, родной мой, статью мою Бабикову в Москву, вместе с письмом, которое тут же прилагаю незапечатанное.[4] Бабиков в Москве, в гостинице «Рим». Я бы и сам мог прямо ему послать. Да ну как в «Риме» его нет? Вот почему я и прошу Вас быть отцом родным. А именно так сделать: напишите три строчки Бабикову в гост‹иницу› «Рим» и приложите мое письмо *без статьи* и пошлите ему в «Рим». А статью (если найдете возможным поступить так) пошлите с той же почтой на Страстной бульвар, в магазин Соловьева, бывший Базунова, с двумя строчками Соловьеву, которыми объяснить Соловьеву (самому), что вот статья для передачи Константину Ивановичу Бабикову (что можно надписать на пакете), и с просьбой к Соловьеву, что если Бабиков не в «Риме» и если Соловьев знает где он, то переслал бы ему (Бабикову). Сделайте так, ради бога. У меня совесть нечиста по поводу этой статьи, и уж не знаю, что делать. Помогите, голубчик, и простите, что мучаю Вас моими комиссиями.

Письмо к Бабикову прочтите и, если захотите, то прочтите и статью! А прочтя (если только прочтете), напишите мне откровенно Ваше мнение.[5] Мне бы только не слишком дурно было, — вот что.

Эту статью я по несколько раз думал окончить в три дня, и представьте себе, — как только переехал в Женеву, тотчас же начались припадки, да какие! — Как в Петербурге. Каждые 10 дней по припадку, а потом дней 5 не опомнюсь. Пропащий я человек! Климат в Женеве сквернейший, и в настоящую минуту у нас уже 4 дня вихрь, да такой, что и в Петербурге разве только раз в год бывает. А холод — ужас! Прежде было тепло. Вот почему и работа и письма и всё в последнее время затянулось. . . [6]

Ваши 125 р. *решительно* нас спасли. Теперь вздохну немного и опять за роман.[7] Пишите мне, пожалуйста. Мы с Аней в таком уединении, что письма для нас манна небесная, тем паче от Вас. Раз по пяти перечитываем.

Здесь есть русские газеты, читаю и «Голос» и «Московские»

и «Петербург<ские> ведом<ости>». Это счастье. А то ужасно здесь скучно, но что делать: надобно писать.

Писал ли я Вам о здешнем «Мирном конгрессе». Я в жизнь мою не только не видывал и не слыхивал подобной бестолковщины, но и не предполагал, чтоб люди были способны на такие глупости. Всё было глупо: и то как собрались, и то как дело повели и как разрешили.[8] Разумеется, сомнения и не было у меня в том, еще прежде, что первое слово у них будет: *драка.* Так и случилось. Начали с предложений вотировать, что не нужно больших монархий и всё поделать маленькие, потом что не нужно *веры* [9] и т. д. Это было 4 дня крику и ругательств. Подлинно мы у себя, читая и слушая рассказы, видим всё превратно. Нет, посмотрели бы своими глазами, послушали бы своими ушами!

Видел и Гарибальди. Он мигом уехал.[10]

Кой-что еще Вам хотел написать, но до следующего письма. Верите ли? До сих пор припадочное состояние и боюсь много писать.

Что же мне наши (Паша)и не напишут? [11] Я на днях Эм<илии> Федоровне напишу.

До свидания, голубчик, не сердитесь на меня за что-нибудь. А что наша Южная дорога? Она нам теперь нужнее всего.[12]

Поклон мой Анне Ивановне. Аня тоже и Вам и Анне Ивановне сердечно кланяется.

Если Вам что нужно узнать о Бабикове, то о нем больше всех могут знать Страхов и Аверкиев.

В следующем письме напишу и побольше и полюбопытнее. А теперь голова несвежа.

Крепко жму Вам руку.

Ваш весь Федор Достоевский.

NB. Вообразите себе! И тут бревно на дороге: ведь я совершенно-то *наверно* и *не знаю*, где гостиница «Рим»! Но кажется, кажется, что *наверно* на *Тверской.*

На Тверской, в гостиницу «Рим»

Константину Ивановичу Бабикову.

Еще раз благодарю от всей души за помощь!

Ради бога, пришлите мне Ваш адресс, то есть *№ и имя дома.* Опять прошу Анну Николавну доставить Вам и это письмо.

319. Э. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ

16 (28) сентября 1867. Женева

Женева. Сентября 16/28—67.

Милая и многоуважаемая Эмилия Федоровна,

Давно очень хотел Вам писать; по крайней мере, не проходило дня, чтоб я об вас обо всех не думал. Теперь, полагаю, Вы

уж с дачи давно воротились. Прошу Вас очень, уведомьте меня нимало не медля: как Ваше здоровье и как Вы живете? Напишите обо всех обстоятельствах. Очень прошу Вас. С Вами ли Федя? Я знаю, что он жил летом в Москве на даче;[1] но ездил ли на юг? А теперь, если он в Петербурге, то удачны ли его занятия? Здоровы ли Миша и Катя? С Вами ли жил (или живет) Паша? Об нем я не имею никакого понятия. Вот уже скоро три месяца ни одной почти строчки от него. Если б захотел написать, то всегда, конечно, мог это сделать: ведь он знал же или мог всегда узнать адресс через Анну Николавну, а лучше всего, мог передать ей письмо для пересылки мне. Тут уж ясно, что не хотел. Я просил Аполлона Николаевича передать ему 25 р., и он должен был получить в начале сентября.[2] К несчастью, я теперь совершенно без денег, живем на триста франков в месяц, но через месяц ни копейки не будет. На деньги раньше Нового года не рассчитываю. Теперь засел в Женеве и работаю; работа длинная.[3] Мучает меня *очень* то, что в настоящую минуту, ничем[а] не могу помочь Вам. Мне это чрезвычайно тяжело. К Новому году хоть из-под земли достану, а с Вами поделюсь. Как нарочно, добрый друг мой Эмилия Федоровна, именно тогда-то и нет денег, когда всего нужнее. Кто знает, года через два, если бог даст здоровья, и долги заплачу свои, может быть, и Вы нуждаться не будете. Тогда деньги будут оставаться не у кредиторов, а у нас; но всё это покамест буки[4] и славны бубны за горами.

Я Вам адрессую в Столярный переулок, полагая, что Вы на прежней моей квартире, потому что квартира до сих пор на мое имя ходит и Вы за нее *ничего не должны* платить, как и было у нас условлено с почтенным моим хозяином Алонкиным.[5] Что он? Не напоминает ли Вам чего о квартире? Напишите об этом. Я Алонкину сам писать буду скоро.[6] Забыл я несколько буквальный смысл той записки, которую я ему дал. Не помнит ли Паша? И не имеете ли Вы копии? Во всяком случае, передайте хоть через Мишу Алонкину мой поклон. (Писать ему буду сам). Такие честные люди, как он, и так благородно и деликатно со мной поступавшие, всегда могут быть во мне вполне уверены, прежде других кредиторов.

Кстати, не знаете ли Вы чего о прочих кредиторах моих, не приходили ли почему-либо обо мне справляться или не слыхали ли Вы чего? Если что знаете, то известите. Некоторым я хочу написать. К несчастью, раньше будущего года никому ничего обещать не могу. А так как они, если я ворочусь, ждать не будут и непременно начнут взыскивать с меня по суду, то я и не решаюсь некоторое время (до тех пор, пока кончу роман) возвратиться. К тому же в настоящую минуту совсем нет средств для переездки.[б] А между тем я бы гораздо скорее мог приобресть

а *Было:* почти ничем

б *Далее было начато:* да и для Анны Г‹ригорьевны›

деньги в Петербурге. Действовать через письма чрезвычайно трудно. Надо полагать, что я зазимую. Не знаю, сколько еще останусь в Женеве: всё это судя по обстоятельствам. Климат в Женеве *для меня* скверный. В Германии припадки были очень редкие, а в Женеве не опомнюсь, чуть не каждую неделю. Всё это горы и беспрерывные перемены в атмосфере. Надобно выехать. Но покамест, если хотите мне написать, то пишите в Женеву.

Suisse, Genève, A M-r Th. Dostoiewsky, poste restante.

Напишите мне что-нибудь об сестре Саше, об ее детках,[7] о моей крестнице[8] и о брате Коле? Как его здоровье? Что делает Миша? Не уведомит ли Федя хоть двумя строками о московских.[9] Что-нибудь? Не смягчится ли Паша, не напишет ли чего-нибудь? Как Вы с ним жили, Эмилия Федоровна? Не надосадил ли он Вам чем-нибудь? Во всяком случае, ему, Феде, Мише, Коле жму руку от души. Напишите мне что-нибудь, тогда напишу Вам более. Если кто из кредиторов моих обо мне наведается, то адресса моего нечего говорить. Передайте мой поклон всем тем, кто меня добром помнит. Чуть только буду при малейших средствах, то немедленно поделюсь с Вами. Катю целую. Целую Вашу руку и обнимаю Вас. Аня очень Вам кланяется, впрочем, она сама хочет приписать Вам.[10] А я в ожидании, что меня не забыли.

Вам искренно преданный и любящий Вас брат Ваш

Федор Достоевский.

P. S. Прежде брат Миша выручал, когда, бывало, без денег засяду за границей, а теперь на одного себя, больного, надейся! Много он мне помогал.

Я много перебрал денег у Каткова, который благороднейшим образом со мной поступал. Теперь, раньше чем что-нибудь кончу и перешлю, нет возможности у него просить. Но при первом[в] случае сделаю так, чтоб *Вам* и *Паше* получать помесячно и постоянно из «Русского вестника». Но это будет месяца через *два*, не раньше, а до тех пор и Паше не знаю что переслать. Хорошо бы, если б Паша написал мне поскорее; по крайней мере, я что-нибудь знал бы о нем. Сердце у него добрейшее и сам он благороден, быть не может, чтоб он меня позабыл.

Ф. Достоевский.

Особенно Кашиным передайте мой поклон и мою горячую симпатию. Людмиле и Ольге Александровне Милюковым тоже. Но не М-r Милюкову.[11]

в *Далее было:* удобно‹м›

320. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

23 сентября (5 октября) 1867. Саксон ле Бэн

Bains-Saxon
5-го октября 1867 г. 6 *часов.*

Милый друг мой, возлюбленный мой ангел, Анечка (и Сонечка).[1]

Со мной случилось, с первого шага, скверное и комическое приключение. Вообрази, друг милый, что как ни глядел я, во все глаза, а проехал Bains-Saxon МИМО! три станции, а образумился в городке *Sion,* где и вышел, доплатив еще им, разбойникам, 1 ф‹ранк› 45 санти‹мов›. Каково! Не имею понятия, как это устроилось. Я каждую станцию смотрел.

Дорога была скверная, холод, дождь ужасный и град. Как нарочно, когда я подъезжал к Bains-Saxon, прояснело. А я их-то и проехал.

Дорогой читал. 90 сантим‹ов› проел. Виды — восхищение! Истинно сказать, Женева стоит из всей Швейцарии на самом пакостном месте. Veve, Vernex-Montreux, Shillion и Вильнев — удивительны. И это в дождь и в град. Что же было бы при солнце! Горы очень высоки и очень снежны. Холод.

В Сионе прождал час и поел. В Restaurant у станции дали сосисок и супу. Это ужас ужасов! Стоило франков.

В 5 часов взял билет, заплатил опять 1 ф‹ранк› 45 сант‹имов› и теперь, *сейчас только,* в 6 часов приехал в *Saxon les Bains.* Ничего еще не видал. Сумерки полные. Saxon — деревнюшка жалкая. Но отелей много и на большую ногу. Сейчас объявили (без спросу моего), что тут рулетка и не угодно ли на рулетку.

Спросил про письмо: сказали, что из отеля пойдет в 10 часов и что раньше нельзя. Я и принялся писать, заказав ростбиф и кофей, ибо совсем голоден.

Вот и всё, Анечка, дальше не знаю что будет, что бог даст.

Ангел, ангел милый, береги Соню, береги себя, будь весела.

Сколько бы хотел тебе рассказать. Всю дорогу ты мне представлялась. В Сионе на одной картинке видел твой портрет. У хозяйки дочка, 9 месяцев, хохочет и ко мне ручки протягивает. Я об тебе сейчас вспомнил. Милая, здорова ли ты. То-то буду мучаться — по вечерам.

Я думаю, что наверно приеду *завтра.*

Поездов завтра *три* отсюда: в 5 часов утра, в 11 часов утра, и в 5¾ вечера.

Прощай, ангел милый, обнимаю и целую тебя. Соню, Соню береги! Целую твои ручки и ножки. Твой муж верный и любящий.

Ф. Дост‹оевский›.

А. Г. Достоевская.
Фотография К. Аразима. 1867—1871 гг. Дрезден.

P. S. Письмо я положу в ящик отеля *сейчас*. Пойдет оно на почту сегодня в 10 часов. Но сама почта в Женеву пойдет не раньше как завтра утром в 5 часов. *Утром*. Стало быть, ты раньше 12 часов не получишь. Я же, *если поеду завтра, что я думаю наверно*, поеду не иначе как в 11 часов утра. Следств‹енно›, буду в Женеве в 5½ часов вечера.

Если же поеду *отсюда* с последним вечерним поездом в 6 часов, то приеду в 12-м часу ночи.

До свиданья,[a] ангел милый.

Твой Дост‹оевский›.

---

a *Было:* Прощай

321. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

24 сентября (6 октября) 1867. Саксон ле Бэн

Воскресенье 6-го октября.
Saxon les Bains.
$7^1/_2$ часов вечера.

Аня, милая, я хуже чем скот! Вчера к 10 часам вечера был в чистом выигрыше 1 300 фр. Сегодня — ни копейки. Всё! Всё проиграл! И всё оттого, что подлец лакей в Hôtel des Bains не разбудил, как я приказывал, чтоб ехать в 11 часов в Женеву. Я проспал до половины двенадцатого. Нечего было делать, надо было отправляться в 5 часов, я пошел в 2 часа на рулетку и — всё. всё проиграл. Осталось 14 франков — ровно чтоб доехать. Иду в 5 часов на железную дорогу — объявляют, что прямо в Женеву нельзя доехать, а надо *ночевать* в Лозанне. Вот сюрприз! А у меня всего 14 франков. Я *беру* кольцо, отыскал такое место, чтоб заложить, обещались к 8 часам дать денег, но говорят 10 франк<ов>. Теперь я переехал ночевать к другому хозяину, *M-r Орса* (пансион). Завтра утром хочу отправиться *в 5 часов.* Буду в Женеве в 11. Если не приеду — значит что-нибудь задержало. Это письмо посылаю *на случай*, потому что приеду, может быть, раньше его. Я здоров. Аня, судьба нас преследует. Успел получить твое милое письмецо.[1] Душа ты моя, радость ты моя! Не думай обо мне, не убивайся! Брани меня, скота, но люби меня. А я тебя люблю безумно. Теперь чувствую, как ты мне дорога.

До свиданья, до скорого.

Твой весь Ф. Дост<оевский>.

322. С. А. ИВАНОВОЙ

29 сентября (11 октября) 1867. Женева

Женева $\frac{\text{11 октяб<ря>}}{\text{29 сент.}}$ 67.

Здравствуйте, милый друг Сонечка, не браните меня за слишком долгое молчание, — ни меня, ни Анну Григорьевну. У А<нны> Г<ригорьевны> уже с неделю готово к Вам письмо,[1] но вместе с моим не посылает, хочет еще приписать. Откровенно говорю, что желаю сердечно выманить от Вас ответ. Нам до того скучно здесь в Женеве, что письмо к нам зачтется Вам на небеси в число Ваших добрых дел. Кроме того, Вы знаете, как я Вас люблю и как интересуюсь всем, что бывает с Вами. Путешествовали мы довольно глупо. Правда, надо бы было немного больше денег иметь, чтоб переезжать с места на место на всей воле. Мы же по

необходимости придали характеру нашей поездки вид *житья* за границей, а не путешествия по Европе.

Жить же за границей очень скучно, где бы то ни было. Так как в Париже дорого и пыльно, так как в Италии всё лето было жарко и начиналась холера, то мы всё лето прожили в Германии, по разным местам, выбирая покрасивее местность и получше воздух. Везде было скучно, везде было местоположение хорошее и везде здоровье мое было недурно. Очень, очень радовало меня еще то, что Анна Григорьевна решительно не скучала, хоть я и не очень веселый человек для житья в продолжение шести месяцев сам-друг, вдвоем, без друзей и без знакомых.

Сколько мы переговорили и вспомнили, и клянусь, что если б вместо заграницы пришлось бы нам провести лето в Люблине, подле Вас, то было бы нам наверно в десять раз веселее.[2]

Анна Григорьевна оказалась чрезвычайной путешественницей: куда не приедет, тотчас же всё осматривает и описывает, исписала своими знаками множество маленьких книжек и тетрадок, жаль только, что немного еще видела. Наконец наступила осень; для путешествия в Италию денег оказалось у нас уже немного, да явились и другие причины. Хотели было в Париж — и дурно сделали, что не проехали, а отправились в Женеву. Я хоть прежде и бывал раза три в Женеве, но в ней не живал и не знал, что это за климат: решительно по три раза в день меняется погода, и припадки мои начались вновь, точь-в-точь, как в Петербурге. А между тем мне надо работать и, во всяком случае, просидеть в Женеве месяцев пять. Принимаюсь серьезно за роман (который позвольте посвятить Вам, то есть Вам, Сонечке, Софье Александровне Ивановой — я это так еще прежде решил), будет напечатан в «Р‹усском› в‹естни›ке».[3] Не знаю, будет ли порядочно; ей-богу, если б не нужда, то ни за что бы не решился печатать в эту пору, то есть в наше время. Небо заволакивается облаками. Наполеон объявил, что сам уже заметил у себя на горизонте черные точки. Чтоб поправить мексиканский, итальянский и, главное, германский вопросы, ему надо отвлечь умы войною и угодить французам старым средством: военным успехом. И хоть французов теперь этим, может быть, и не надуешь, но война очень может быть, что и будет.[4] Про это Вы знаете сами (кстати, получаете ли Вы какие-нибудь газеты, читайте, ради бога, нынче нельзя иначе, не для моды, а для того, что видимая связь всех дел, общих и частных, становится все сильнее и явственнее).[5] Ну-с, а если будет война, то цена на художественный товар должна чрезвычайно упасть. Вот капитальное соображение, которое, признаюсь, меня даже обескураживает. У нас и без войны-то началось к художественным вещам заметное равнодушие в последнее время.

Хуже всего боюсь посредственности; по-моему, пусть лучше или очень хорошо или совсем худо. Посредственность же в тридцать печатных листов — вещь непростительная.

Прошу Вас, милый друг мой, написать мне и написать подробнее о себе, о Масеньке[6] и обо всех Ваших, за все эти 6 месяцев. Как жили Вы в Люблине? Долго ли гостил у Вас Федя? Что делали Вы, собственно Вы, что делаете теперь и что намерены или желаете делать? Вообще нужно нам начать как бы сызнова. Паспорт у меня за границу взят на 6 месяцев,[7] но приходится, кажется, прогостить здесь еще месяцев 6 или больше. Зависит всё от дел. А между тем очень бы хотелось в Россию, по многим причинам. Одно то, что на месте. Кроме того, непременно хочу издавать, возвратясь, нечто вроде газеты (я даже, помнится, Вам говорил это вскользь, но здесь теперь совершенно выяснилась и форма и цель).[8] А для этого надо быть дома и видеть и слышать всё своими глазами. Я, впрочем, очень рад, что у меня есть теперь работа; не было бы ее, я бы умер со скуки; но кончив этот роман, что будет нескоро, уж не знáю, можно ли что-нибудь начать здесь работать, за границей. Я и просто путешественников здешних, по три года здесь живущих, не понимаю. За границу действительно можно с большою пользою и даже с удовольствием поехать на полгода, везде объехать, более двух недель на одном месте ни за что не заживаться, — вот это хорошо. Кроме того, действительно можно поправить‹ся› здоровьем! А то живут здесь семьями, детей воспитывают, по-русски отучают, а, главное, возвращаясь домой, прожив последние поскребки, еще думают нас же учить, а не у нас учиться.[9] Да здесь от всего отстанешь и после того надо целый год привыкать, чтоб в тон и в лад попасть. Писателю же особенно (если только он не специалист, не ученый) невозможно заживаться. В нашем ремесле, н‹а›пример, первое дело действительность, ну а здесь действительность швейцарская.

Женева на Женевском озере. Озеро удивительно, берега живописны, но сама Женева — верх скуки. Это древний протестантский город, а впрочем, пьяниц бездна. Я сюда попал прямо на *Конгресс Мира*, на который приезжал и Гарибальди. Гарибальди скоро уехал, но что эти господа, — которых я в первый раз видел не в книгах, а наяву, — социалисты и революционеры, врали с трибуны перед 5 000 слушателей, то невыразимо![10] Никакое описание не передаст этого. Комичность, слабость, бестолковщина, несогласие, противуречие себе — это вообразить нельзя! И эта-то дрянь волнует несчастный люд работников! Это грустно. Начали с того, что для достижения мира на земле нужно истребить христианскую веру. Большие государства уничтожить и поделать маленькие; все капиталы прочь, чтоб всё было общее по приказу, и проч. Всё это без малейшего доказательства, всё это заучено еще 20 лет назад наизусть, да так и осталось. И главное, огонь[a] и меч — и после того как всё истребится, то тогда,

---

[a] *Было:* огнем

по их мнению, и будет мир.[11] Но довольно. Отвечать Вам буду, милый друг мой, непременно и без задержек.

Напишите об сестрицах. Особый поклон Юленьке. Что Витя? Всех и братьев и сестер за меня и за жену перецелуйте.[12] Анна Григорьевна напишет Вам скоро. Обнимаю Вас и жму Вам руку. Поклон Елене Павловне.

Вас очень любящий

Федор Достоевский.

Suisse, Genève, poste restante. A M-r Dostoiewsky.

323. А. Н. МАЙКОВУ

9 (21) октября 1867. Женева

Женева 21 октября / 9 окт. /67

Я Вам, дорогой друг, на Ваше письмо отвечал (в нем благодарил за присылку 125 р.).[1] Последнее же Ваше письмо от 20 сент‹ября› получил и прочел с чрезвычайною радостию. Как ни развито Ваше сердце, а это Вам трудно представить во всей силе: Вы все-таки у себя и окружены всем тем, чем и прежде. Ну, а мы с женой до того на необитаемом острове, что вот такое, например, письмо, как это последнее Ваше, производит впечатление колоссальное, на несколько дней. Если мы, с Аней, не сошли еще с ума от скуки, то как ни хвались своими природами, а все-таки в перспективе — помешаться можно. Всё одни да одни и ничего больше! Правда, можно бы сделать так, что если мы одни, так чтоб кругом нас было не одно, заменить разнообразием окружающего. Но на переезд, н‹а›прим‹ер›, на зимовку в Париж, как я думал сперва, теперь, кажется, надеяться нечего. Хоть мы живем и очень скромно (в месяц ровно 300 франков, так что 100 р., то есть 340 франк‹ов›, стало бы и в Париже (наверно)), но все-таки, чтоб переселяться, нужны деньги, а денег у нас долго не будет. Но есть и вторая причина: Анне Григорьевне только 4 месяца сроку, и потому если ехать, то сейчас еще можно, но месяц спустя, я думаю, уже нельзя, хоть и по хорошей железной дороге.[2] Париж довольно далеко. Да вот еще газеты с каждым № сулят непременную войну. Чтоб не разгорелось.[3] Правда, большие центры как Париж тогда вещь хорошая, да ведь не совсем. Я почему говорю: Париж? Не для здоровья, о здоровье уж и говорить нечего, но для удобства уж конечно Париж недурен и, кроме того, все-таки может доставить для Анны Григорьевны многочисленные и разнообразные развлечения, несмотря на то, что денег нет: там одного Лувра на месяц хватит. При безденежье Париж очень хорош. Эту парадоксаль-

ную фразу заметьте, потому что она совершенная истина; ведь тут всё зависит от взгляда на вещи. Нужда, конечно, нехорошо; но без нужды можно жить и без больших денег; большие деньги в Париже нужны преимущественно холостому. Что же касается до меня *лично*, то мне месяцев на 5 еще всё равно хоть бы и не двигаться никуда, потому что еще месяцев *5*, не меньше, рассчитываю работать.[4] Но несмотря на это: *всё равно* Женева — пакость, и я в ней действительно обманулся. Припадки у меня здесь почти каждую неделю; начинается, кроме того, какое-то скверное сердцебиение. Это ужас, а не город! Это Кайенна.[5] Ветры и вихри по целым дням, а в обыкновенные дни самые внезапные перемены погоды, раза по три, по четыре в продолжение дня. Это геморроидалисту-то и эпилептику! И как здесь грустно, как здесь мрачно. И какие здесь самодовольные хвастунишки! Ведь это черта особенной глупости быть так всем довольным. Всё здесь гадко, гнило, всё здесь дорого. Всё здесь пьяно! Стольких буянов и крикливых пьяниц даже в Лондоне нет. И всё у них, каждая тумба своя — изящна и величественна. — Где Rue * такая-то? — Voyez, monsieur, vous irez tout droit et quand vous passerez près de cette majestueuse et élégante fontaine en bronze, vous prendrez etc.** Этот majestueuse et élégante fontaine — самая чахлая, дурного вкуса, дрянь rococo,*** но он уж не может не похвалиться, если вы даже только дорогу спрашиваете. Разбили дряннейший палисадник, из нескольких кустиков (ни одного дерева), совершенно вроде 2-х московских палисадников, в Москве, на Садовой, если б их соединить вместе, и фотографируют и продают: «Английский сад в Женеве». Но черт с этими мерзавцами! И, однако ж, всего $2^1/_2$ часа езды, на том же Женевском озере, Vevey, где, говорят, зимой очень здорово и даже приятно. Про Montreux, Chillon и проч. я знаю и бывал там несколько раз. Это и красиво и здорово и вихрей и частых перемен нету. Тут-то бы и поселиться — мне писать, а Анне Григорьевне укрепляться в здоровье. Но вот беда: *Montreux* и проч. дорого и представляет одни пансионы. А в пансионе нам нехорошо, в положении Анны Григорьевны. Остается *Vevey*. Мне говорили про него, и именно теперь и время бы переселиться. Но — денег нет. В Женеве у нас хоть и одна комната, да своя, у двух добрых старух; там в *Веве* надо наживать и квартиру и людей и все-таки на это надо истратить и время и деньги. Кто знает, может быть, как-нибудь и переселимся. Всё зависит теперь *не от меня*. Что будет — то будет.

Про работу мою Вам не пишу ничего, да еще и нечего. Одно: надо сильно, очень сильно работать. А между тем припадки до-

---

* улица (*франц.*).

** Видите, господин, вы идете совсем прямо, и когда пройдете мимо этого величественного и изящного бронзового фонтана, вы пойдете и т. д. (*франц.*).

*** рококо (*франц.*).

бивают окончательно, и после каждого я сутки по 4 с рассудком не могу собраться. А как было хорошо вначале, в Германии! Это Женева проклятая. Что с нами будет? — не понимаю! А меж тем роман единственное спасение. Сквернее всего, что это должен быть очень хороший роман. Не иначе; это sine qua non.[6] А как он будет хорош при совершенно забитых болезнию способностях! Воображение-то у меня еще есть, и даже недурно: это я на днях, на романе же, испытал. Нервы тоже есть. Но памяти нет. Одним словом, бросаюсь в роман *на ура*! — весь с головой, всё разом на карту, что будет — то будет! Ну довольно.

Об Кельсиеве с умилением прочел. Вот дорога, вот истина, вот дело! Знайте, однако же, что (но говорю уже о поляках) все наши либералишки, семинаро-социального оттенка, взъедятся как звери. Это их проймет. Это им пуще, если б им всем носы отрезали. Ну что им теперь говорить, в кого грязью кидать. Скалить зубы, конечно, можно; у нас только это и умеют. Разве Вы замечали хоть какую-нибудь серьезную идею в наших либералишках? Одно только скаление зубов. Скаление зубов гимназистам внушает. Но теперь про Кельсиева говорить будут, что он на всех донес. Ей-богу, помяните мое слово. И точно на них уж можно что доносить? 1) Сами себя компрометировали, а 2) кто ими и занимается-то? Стоят они того, чтоб на них доносить! [а] [7]

Есть у меня до Вас, голубчик, просьба: к Вам (наверно не говорю, но может быть) придет из редакции «Русского вестника» 60 р. на мое имя. Я сам указал на Вас.[8] Эти 60 р. я предназначил Паше. У Вас они будут, а Вы ему выдавайте. Но я получил письмо от Эм‹илии› Федоровны и от Феди.[9] Они у меня не просят, но видно, что в крайне бедственном положении. Тяжело мне это слышать, и вот как я решился: так как Паша живет у Эмилии Федоровны на хлебах, то отдайте 40 р. Эмилии Федоровне, за Пашу, а 20 р. Паше. Для этого надо бы узнать: живет ли точно Паша у Эм‹илии› Федоровны? Они переехали с дачи и теперь на прежней моей квартире, в Столярн‹ом›, дом Алонкина. Разумеется, всё это в случае, если Вам пришлют 60 руб. из «Русского вестника». Я для этого и попросил у них.[10]

Паша мальчик добрый, мальчик милый и которого некому любить. Одно только худо за ним — сами знаете что. Кроме того, он мальчик честный. Если действительно ему место выходит, то пусть бы взял.[11] Я последней рубашкой с ним поделюсь и буду делиться всю мою жизнь. А Вам, друг Аполлон Николаевич, до земли за Пашу кланяюсь! Никому, никому не мог я поручить его лучше в крайнем случае! Ведь Вы не оставите его в крайнем случае? Я не про деньги говорю и их даже в виду не имею. Но советом и словом не оставьте, особенно теперь, когда он знает вполне, во что ценю я Ваше внимание к нему. Я на днях ему пишу.[12] Говорил ли он Вам, что ему изо всех сил ищут (и нашли

а *Далее было:* Вот Вам и свобода

уже) место Анна Николавна и Марья Григорьевна?[13] Что за добрые души! А про Эмилию Федоровну не знаю, что дальше и будет. Федя жалуется, что уроков нет. Вот Федя так бравый малый: мать кормит, семейство кормит. Вот это молодец!

Обнимаю Вас, голубчик. Пишите иногда. Адресс тот же, но авось переселюсь. Пишите, если можно, почаще. Пусть небольшие письма, а пишите.

Так и рвусь в Россию. Вот уж по делу Умецких не оставил бы без своего слова, напечатал бы его. Как приеду, так сам лично пойду, по судам и проч.[14] Присяжные наши — лучше невозможно. Но что касается судей, то можно пожелать несколько поболее образования и практики.[15] И знаете чего еще: нравственных начал. Без этого основания ничего не устроится. Но слава богу, идет еще хорошо. Напишите мне Ваше мнение о газете «Москва»,[16] издается ли «Русский».[17]

Что-то скажет политика? Чем-то развяжутся все эти ожидания. Наполеон как будто к чему-то и готовился. Италия, Германия.[18] С замиранием сердца от радости прочел, что кажется откроют дорогу до Курска.[19] Ох, поскорей бы уж. И да здравствует Русь.

Анна Григорьевна пишет Анне Ивановне. Анне Ивановне мой глубокий поклон и горячее пожатие руки.

До свидания, голубчик,

Ваш весь Ф. Достоевский.

324. П. А. ИСАЕВУ

10 (22) октября 1867. Женева

Женева 22 октября / 10 октября 67.

Милый Паша, ответом тебе я несколько замедлил по некоторым, не зависевшим от меня обстоятельствам.[1] Очень просишь известить тебя: где я буду через 2 недели? Ну вот теперь сам знаешь, что в Женеве; две недели уже прошли. Я, милый мой, боюсь кредиторов. Заграница от них не спасает. Теперь у меня нет ни копейки. Они вовсе не так умны, чтоб дали мне вздохнуть и не преследовали хоть некоторое время, пока я что-нибудь напишу и продам. Если же меня будут они мучить, что́ я тогда напишу и чем[a] заплачу? Большинство из них — бесчестные свиньи. Я у них ни копейки никогда не брал. Все долги на мне или покойника брата, или журнальные. А между тем я все векселя перевел на свое имя. Принимаясь тогда за издание журнала, я на него положил, во-1-х), 10 000 р. своих собственных, себя не обеспечил никакой бумагой перед семейством. Так что был бы

[a] *Было:* где

успех — всё было бы ихнее, а если б лопнуло, то пропали мои денежки. Так и случилось, но сверх того очутились еще вот эти векселя, которые я или переписал на себя или выдал от своего имени, опять-таки, выдавая, не обеспечив себя журналом. Теперь, когда всё лопнуло — сколько тысяч я уже заплатил в эти 2 года? В 65-м году выплатил в июне разом 2 000, чистыми деньгами, продав за три тысячи Стелловскому мои сочинения.[2] (За границу я поехал тогда, не имея 45 империалов.) Потом зимой отдал более 1 000 р. чистыми деньгами, да второе издание «Прест‹упления› и наказ‹ания›» за векселя Працу, Базунову и Вейденштрауху. Подписывая векселя, я каждый раз говорил, что у меня нет состояния, и если надеюсь заплатить, то работой. Что ж они меня мучают, не дают мне работать? Наприм‹ер›, эта шельма Рейслер — которой я заплатил более 400 р. чистых денег, она должна бы это понимать. Ведь если б я не переписал братнин вексель, то и до сих пор ни копейки бы не получила. Теперь я должен ей 100 р., кажется, которые уж сам взял.[б] Так ведь она готова на меня всю подноготную поднять. А между тем ее все надувают, а эти деньги, которые я должен, у ней самые вернейшие, разом получит. Ради бога, Паша, не говори никому мой адресс никогда. Рейслер, говорят, даже к Анне Николавне ходила. Для чего ты спрашивал, где я буду через 2 недели? Тебе я всегда мой адресс скажу, но никому, никому не говори, не то что кредитору, а просто никому. А чтоб кончить с Рейслер, то если увидишь ее, скажи ей, что ее деньги верны и что я разом ей заплачу, а проценты так и очень скоро. Так и скажи. Если же спросит: где я? то мало ли что можно сказать? Ну скажи, что я тебе писал последний раз из Штутгарта[в] и что ты мне в Штутгарт отвечал, а теперь где я, ты не знаешь, но ждешь от меня письма. Да, кстати: спроси у ней и составь счет: сколько я по сие время должен Рейслер процентов и сколько капиталу? И напиши мне. Нарочно бегать к ней спрашивать не надо, а так, к разговору, если встретишь, сочтись с нею.[3]

Я, милый друг мой, был чрезвычайно рад, получив твое письмо. Если ты думал, Паша, что я, женившись, забуду о тебе (а я видел, что ты думал, и *нарочно*, много раз, не останавливал тебя), то ты очень ошибся. Даже совершенно напротив! Знай; что ты после женитьбы еще мне дороже стал, и бог мне свидетель, как я мучился и мучаюсь, что мало могу помочь тебе. Я тебя всегда считал и считаю добрейшим и честнейшим малым. Дай бог, чтоб эти два качества всегда в тебе остались. С ними счастлив человек, *что́ бы с ним ни случилось*. Считаю тебя тоже малым очень неглупым. Одно плохо: необразование. Но если ты не хотел учиться, то, по крайней мере, в одном меня послушайся: надобно не пренебрегать своим нравственным развитием, насколько это возможно без образования.

[б] *Далее было начато:* чего
[в] *Далее было:* а теперь где

(А об образовании все-таки до конца жизни надо стараться). Уезжая, я просил Ап<оллона> Николаевича быть твоим другом и не оставить тебя советом. Паша, это редкий из редких людей, знай это. Знаю же я его 20 лет с лишком. Он всегда тебе скажет хороший совет. Главное, не хитри с ним и будь откровенен.

Об том, что тебе предлагают и предлагали место, я давно уже знаю. Совет мой: взять место. Место у мирового судьи я считаю для тебя несравненно полезнее. Можно практически суд узнать и развиться; много можно приобрести. Но не надеюсь на тебя: тут надо много работать, много трудиться, это раз. А 2-е) к какому человеку попадешь. Если к хорошему — счастье, а к дурному хуже всего. А наконец, и Ладога. Уездный город в твои лета опасен, да еще такой скверный и скучный. Конечно, и на железной дороге компания наверно скверная. Но по-моему и в первейшей канцелярии компания также развращенная и скверная, только манеры другие. Вот поэтому Петербург тебе полезнее, потому что в нем больше людей найдешь. Впрочем, во всяком случае место надо взять. А на то, что ты не погрязнешь в скверных пороках, позволь мне на тебя надеяться. Не может быть, чтоб ты забыл о своем покойнике отце и о своей матери![4] И знай, что не для того я советую тебе место взять (и не для одного жалованья), что ты, получая жалованье, меня облегчишь. Знай, что хоть у меня теперь и ни копейки лишней, но до тех пор, покамест я жив, я твой друг и последним поделюсь с тобой, сколько бы тебе лет ни было. Я тебе советую для труда. Первое дело *труд*. Так точно любит тебя и Анна Григорьевна. Напиши мне об себе подробно всё. Живешь ты с Эм<илией> Федоровной или нет?[5] Напиши подробно. Майков тебе изредка деньги выдает: платишь ли ты Эмилии Федоровне? Дружно ли ты с ними живешь? Почитаешь ли ее?? Вежлив ли ты с Анной Николавной? Извини за эти вопросы, но это мне очень интересно.[г]

Напиши мне тоже: какие и от кого приходили ко мне письма. Если можешь, перешли, прошу тебя. Могут быть очень важные вещи и для тебя и для меня.

В Женеве я пробуду не знаю сколько. Одно скажу, что из всех сил стараюсь так устроить, чтоб отсюда переселиться. Мне теперь всего выгоднее устроиться где-нибудь месяца на 3 безвыездно. Во-1-х, зима, во-2-х, работа, а в-третьих, через три-четыре месяца Анна Григорьевна родит. И однако, в Женеве до того нездорово, что *необходимо выехать*. Климат сквернейший, город скучный, припадки как в Петербурге. Жду первых денег, чтоб выехать. Может быть, бог поможет, и тогда нимало не замедлю. Я еще не выбрал, куда переехать. Во всяком случае пиши в Женеву. Дойдет. Прощай, будь здоров. Напиши мне подробно о своих нуждах. Если *сейчас* и не в состоянии помочь тебе, то, по крайней мере, буду знать и стараться из всех сил. Во-

---

[г] *Вместо:* но ∾ интересно. — *было:* но они мне очень интересны.

рочусь, может быть, через полгода, а как бы желал поскорее. Прощай, обнимаю и целую тебя.

Твой, любящий тебя всей душой

Ф. Достоевский.

Не забывай ходить к Ап<оллону> Николаевичу, но и не очень надоедай.

Напиши мне непременно имя и отчество хозяина Алонкина Непременно. Я ему буду писать.[5] Надо. Если увидишь его, кланяйся ему от меня и скажи, что скорее я без гроша останусь, а уж ему за квартиру отдам, потому что он добрый, умный и благородный человек, и я перед ним не хочу своим словом манкировать.

Может быть, Эмилия Федоровна получит на днях 60 р. (я просил ей переслать), из которых 40 ей, а 20 тебе, если только у тебя нужды (но настоящие, а не фантастические); я просил Майкова выдать тебе эти 20 руб. по частям. Но его не беспокой, потому что эти 60 р. *очень может быть* и не придут и он их не получит. Это очень может быть. Я пишу на всякий случай. Сегодня посылаю письмо тебе, а завтра отсылаю ответы Феде[7] и Эм<илии> Федоровне,[8] которым покамест кланяйся от меня и от Анны Григорьевны.

P. S. Анна Григорьевна просила тебя узнать, *там* ли живет Ольхин, где прежде, на той ли квартире.

325. Э. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ

11 (23) октября 1867. Женева

23/11 октября 67. Женева.

Благодарю Вас очень, добрая и многоуважаемая Эмилия Федоровна, за письмо Ваше: теперь, по крайней мере, имею хоть какие-нибудь об Вас сведения.[1] Вчера отправил письмо к Паше,[2] хотел писать вчера же Вам и Феде и не успел. Да и лучше, что пойдет порознь, а не все в одном пакете, потому что письма иногда пропадают (это было), так один пакет затеряется, другой дойдет: хоть какое-нибудь да известие. Рад, что Вы, слава богу, здоровы, и очень грущу, что денежные обстоятельства у Феди плохи. А я, вообразите, слышал здесь, что Вы, будто бы, какое-то вспоможение получили[3] (так и думал что от Литературного фонда, потому что откудова же?),[4] и очень-очень обрадовался. (Слышал не от Анны Николавны). У самого меня денег нет, и как только подумаю, бывало, об Вашем положении, так тяжело самому станет. Судите же, как был я рад, за Вас, этому известию. И вот оказывается, что всё неправда и что Вы ничего не получали!

Мое положение теперь вот какое: я сижу в Женеве буквально без копейки. Месяца два назад Аполлон Майков прислал по моей просьбе 125 р. Анна Григорьевна в конце пятого месяца, стало быть, ко всему нужно приготавливаться. Между тем климат в Женеве не по мне; тут беспрерывные ветры и перемены погоды. Припадки мои обнаружились с самою полною силою. Нужно хоть куда-нибудь, а поскорее выезжать. Я работаю, и мне надо теперь много и беспрерывно работать, чтобы чрез несколько месяцев понадеяться на порядочную сумму; а до тех пор надо жить. Не знаю, помогут ли мне хоть капелькой из «Русского вестника» (куда я еще ничего не выслал).[5] Катков между тем поступал со мной так благородно, что я не знаю, как и благодарить его: я перебрал у него много денег вперед (еще до женитьбы на свадьбу взял денег, и с тех пор он никогда не отказывал, хотя, в сущности, за границей мы жили довольно-таки скромно, и много-много что каких-нибудь рублей 250 я истратил нерасчетливо. Всё же остальное время мы тратили не более 100 р. в месяц. Никак). Теперь же не знаю: Катков не один в «Р‹усском› вестнике», и, может быть, мне и откажут на время. Я просил самую малость, — иначе мне совершенно жить нечем. Сидим здесь без копейки.

Но *может* (?), впрочем, случиться, Эмилия Федоровна, что мне рублей 100 и пришлют. В таком случае я просил прислать мне еще 60 р. сверх того, и выслать эти 60 р. на имя Аполлона Николаевича Майкова. (Аполлону Николаевичу я писал).[6] Из этих 60 р. возьмите, Эмилия Федоровна, себе 40 р. Остальные 20 я просил выдать Паше, если ему очень надобно. Он, кажется, до сих пор у Вас живет. В таком случае эти 40 р. Вам сколько-нибудь, хоть капельку, помогут. Аполлон Николаевич до сих пор выдавал ему хоть немного денег. Я бы желал, чтобы Паша делился с Вами, если он у Вас ест и пьет. Очень, очень бы был рад хоть сколько-нибудь Вам еще помочь; но всё неверно, всё зависит от моей работы и на всё нужно время, а я еще всё хвораю вдобавок; да и сам с беременной женой сижу без одной копейки.

Эти 60 р. может быть придут, а может быть и нет; это главное; *я ничего не знаю наверно.* Надеюсь только. Но если придут (на имя Майкова, так я просил), то именно, кажется мне по расчету, должны прийти *теперь*, в то время как получите это письмо, — может быть несколько раньше, может быть, несколько позже. Но, повторяю, *очень может быть, что и не придут совсем.* Желал бы очень, чтобы пришли, потому что хоть капельку помогли бы Вам. Майкова я об этом уведомил. Хорошо бы, если б Вы к Майкову наведались и спросили[а] (можно даже сказать, что я писал Вам, *в виде предположения,* что, может быть, пришлют). Сомнения нет, что Майков и сам Вам доставит, если

[а] *Далее было:* не очень его беспокоя

только пришлют ему. Но, может быть, будет и ждать Вас, — не знаю. Прошу только Вас обо всем этом и о моем адрессе не говорить никому. Лучше будет. Я бы очень желал тоже, чтобы 20 руб., которые я предназначаю Паше, были выданы ему Аполлоном Николаевичем, *совершенно по воле и усмотрению Аполлона Николаевича.*

Обнимаю всех и целую и всем передаю мой искренний и глубокий поклон. Феде пишу,[7] Мишу и Катю целую. Коле скажите, что очень его люблю и часто о нем думаю. Тоже и Саше и ее семейству. Как бы хорошо было, если б Миша старался искать что-нибудь посерьезнее, чем скрипка.[8] Стоит только начать приучаться. Не оставьте Пашу. Будьте уверены, Эмилия Федоровна, в моей всегдашней, твердой и горячей привязанности к Вам и ко всему семейству нашего доброго, незабвенного Миши. Плохо только то, что средства мои слишком всегда плохи, и, уж конечно, главное, оттого, что долги доели, а их еще года на два хватит. Мечтаю, воротясь в Петербург, начать издавать еженедельный журнал в моем роде, который я придумал.[9] Надеюсь на успех, только, ради бога, не говорите *никому ничего* заране.

Про Милюкова я уже слышал давно. Эки бедные дети и экой смешной человек! Смешной и дурной. Я бы даже желал, чтоб она его обобра́ла.[10] Жаль Кашиных.[11] Анна Григорьевна теперь иногда хворает (в ее положении), велела Вам очень кланяться и передать, что она искренно и глубоко Вас любит. Адресс мой покамест тот же: Genève, poste restante. Хозяину Алонкину я напишу; но уведомьте меня, как его имя и отчество.[12] Пишите о своих делах подробнее. Если б я был в Петербурге, мне[б] было бы лучше. Что делать! До свидания, Эмилия Федоровна.

Искренно преданный и любящий Вас Ваш брат

Федор Достоевский.

б *Было:* у меня

326. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

5 (17) ноября 1867. Саксон ле Бэн

Saxon les Bains
Воскресенье 17[а] ноября/67.

Милый мой голубчик, радость моя Анечка (с Соничкой и Мишкой), целую вас всех *троих*[1] (если надо) крепко, а тебя, Аня, 50 раз. Что ты, милый голубчик? Как ты время проводила? Здорова ли ты? Из ума ты у меня не выходила. Приехал я без четверти четыре. Что за день! Что за виды дорогою! Это лучше вдвое, чем в прошлый раз. Какая прелесть, н‹а›прим‹ер›, Vevey;

а *Было:* 16

не говорю уж об Montreux. Я подробно разглядывал Веве. Это хороший город, в котором, вероятно, и хорошие квартиры есть, и доктора, и отели. На всякий случай, Анечка, на всякий случай; хотя наши старушонки тоже чего-нибудь стоят и помогут *при деле*.[2] Ах, голубчик, не надо меня и пускать к рулетке! Как только прикоснулся — сердце замирает, руки-ноги дрожат и холодеют. Приехал я сюда без четверти четыре и узнал, что рулетка до 5 часов. (Я думал, до[б] четырех.) Стало быть, час оставался. Я побежал. С первых ставок спустил 50 франков, потом вдруг поднялся, не знаю насколько, не считал; затем пошел страшный проигрыш; почти до последков. И вдруг на самые последние деньги *отыграл* все мои 125 франков и, кроме того, в выигрыше 110. Всего у меня теперь *235* фр‹анков›. Аня, милая, я сильно было раздумывал послать тебе *сто* франков, но слишком ведь мало. Если б по крайней мере 200. Зато даю себе честное и *великое* слово, что вечером, с 8 часов до 11-ти, буду играть жидом, благоразумнейшим образом, клянусь тебе. Если же хоть что-нибудь еще прибавлю к выигрышу, то завтра же[в] непременно *пошлю* тебе, а сам наверно приеду *послезавтра*, то есть во вторник.

Не знаю, когда пойдет к тебе это письмецо.

Сейчас меня прервали, принесли обедать. Забыли хлеба. Сошел вниз спросить, и вдруг хозяин отеля, встретив меня (и подозревая, что я русский), спрашивает меня: «*Не к Вам ли пришла телеграмма*?» Я так и обмер. Смотрю: *А M-r Stablewsky*. Нет, говорю, не ко мне. Пошел обедать, и сердце не на месте. Думаю: с тобой что-нибудь случилось, хозяйки или доктор подали телеграмму по твоей просьбе; имена русские все коверкают, на почте исковеркали, — ну что, если от тебя ко мне? Сошел опять: спрашиваю: нельзя ли узнать, откудова телеграмма? (так бы, кажется, и распечатал, прочел) говорят: *из Пруссии*. Ну, слава богу! А уж как испугался, господи!

Анечка, милая, радость ты моя! Всё это время об тебе буду думать. Береги себя! Умоляю тебя, целую тебя. Голубчик мой, как я раскаиваюсь: давеча я был такой нервный, так сердился, кричал на тебя. Ангел ты мой, знаешь, как я тебя люблю, как обожаю тебя. Люби только ты меня.

До свидания, милая. До *вторника наверно*. Целую тебя миллион раз и обожаю навеки, твой верный и любящий

Федор Достоевский.

Здоровье мое очень хорошо. Право, прекрасно себя чувствую. Дорога хорошая помогла.

Молюсь об тебе и *об них*.

Аня, милая, не надейся очень на выигрыш, не мечтай. Может быть, и проиграюсь, но, клянусь, буду как жид благоразумен.

б *Было:* что до
в *Далее было:* как бог свят

327. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

6 (18) ноября 1867. Саксон ле Бэн

Saxon les Bains
18 ноября 67. *Понедельник*.

Аня, милая, бесценная моя, я всё проиграл, всё, всё! О, ангел мой, не печалься и не беспокойся! Будь уверена, что теперь настанет наконец время, когда я буду достоин тебя и не буду более тебя обкрадывать, как скверный, гнусный вор! Теперь роман, один роман спасет нас, и если б ты знала, как я надеюсь на это! [1] Будь уверена, что я достигну цели и заслужу твое уважение. Никогда, никогда я не буду больше играть. Точно то же было в 65-м году.[2] Трудно было быть более в гибели, но работа меня вынесла. С любовью и с надеждой примусь за работу и увидишь, что будет через 2 года.

Теперь же, ангел мой, не беспокойся! Я надеюсь и рвусь к тебе, но до четверга двинуться не в состоянии. И вот почему: узнай всё:

Я заложил и кольцо и зимнее пальто и всё проиграл. За кольцо. и пальто надо будет заплатить 50 франков, и я их выкуплю (увидишь как). Но теперь не в том дело. Теперь *три* часа пополудни. Через полчаса я подам это письмо и пойду взять на почте *твое*, если есть (утром толкался на почту — никого там нет, никто не сидит). Таким образом мое письмо пойдет завтра — или в 5 часов утра или в одиннадцать — не знаю. Но, во всяком случае, ты завтра его получишь. Но в отели за всё это время я задолжаю, и выехать мне будет нельзя. И потому умоляю тебя, Аня, мой ангел-спаситель, пришли мне, чтоб расплатиться в отели, 50 франков. Если в среду, утром рано, или завтра во вторник вечером успеешь послать, то получу в среду вечером и в четверг, утром, *или в 6-м часу вечера*, буду у тебя.

Друг мой, не печалься, что я разорил тебя, не мучайся за наше будущее. Я всё, всё поправлю!

Друг мой, я попрошу у Огарева 300 франков до 15-го декабря. Во-первых, он не Герцен,[3] а во-вторых, хоть и тяжело мне это до мучительной боли, — я все-таки не свяжу себя ничем нравственно. Я *выговорю* это, занимая, я благородно скажу ему. Наконец, он поэт, литератор, у него сердце есть, и, кроме того, сам он ко мне подходит и ищет во мне, стало быть, уважает меня. Он не откажет мне на эти три недели.[4]

В то же время напишу Каткову (который тоже не откажет), чтоб в виде исключения прислал мне в декабре не 100, а 200 р. (а остальные 200 руб. по уговору, помесячно).[5] 15 декабря мы Огареву заплатим 300 франков, и у нас останется еще 380 франков.

Между тем из занятых теперь у Огарева 300 ф. мы заплатим: за пальто и кольцо — 50 ф. За твои платья 80 ф. За бриллианты

150 ф.[а] Итого 280 франков. Останется почти ничего, но зато останутся вещи. Без уплаты хозяйкам на одни бриллианты и кольца можно прожить до получения денег. 15 декабря можно опять выкупить и опять заложить, и так будет продолжаться месяца *три*, *а через три месяца* я уже доставлю[б] Каткову романа *на три тысячи*, и уж наверно он пришлет[в] тогда по моей просьбе, к твоим родинам, по крайней мере 300 р., а[г] еще через 2 месяца и еще 500.

Что же касается до трат насчет нашего будущего гостя и ангельчика, то я за это время изобрету и достану деньги. Будем лезть изо всех сил, сначала помаленьку, а потом поскорей, и дело сделаем!

Аня, милая, ради бога, не тревожься! Я теперь здоров, но каково мне будет сидеть до четверга и ждать минуты, когда увидимся! Аня, я недостоин тебя, но прости мне за этот раз. Я еду с крепкой надеждой и, клянусь, обещаю тебе в будущем счастья. Люби только меня, так как и я тебя, бесконечно, вечно люблю. Не считай теперешних поступков моих за легкость и за маловесность моей любви. Бог видит, как я сам наказан и как я мучился. Но всего более мучаюсь за тебя. Боюсь, что теперь ты будешь *ОДНА* (до четверга) тосковать, плакать, мучиться, не будешь беречь себя. Ангел мой святой, Аня, пойми, что я серьезно говорю, что другая жизнь начинается; увидишь меня наконец на деле. Спасу и поправлю всё. Прошлый раз я приезжал убитый, а теперь надежда в моем сердце, только одна мука — как дожить до четверга! Прощай, мой ангел, до свидания, обнимаю и целую тебя! О зачем, зачем я от тебя уехал! Целую тебя, твои руки и ноги, твой вечно любящий

Федор Достоевский.

P. S. Деньги пошли так: заверни 50-франковый билет (который достань у менялы) в письмо, вложи в конверт и пошли Saxon les Bains, poste restante, recommandé.*

P. S. Но ради бога, не горюй, не печалься, как подумаю, что ты заболеешь в эти дни, — сердце кровью обольется! И я мог тебя оставить! Не знаю, как и дожить до четверга.

Не подумай, ради Христа, что я буду играть на эти 50 франков. О, ради Христа, не подумай! Сейчас к тебе.

Я[д] потому приеду в *шестом часу* (а не утром), что здесь, в этом проклятом отеле, никаким образом нельзя добиться, чтоб *разбудили в четыре утра*.

а *Далее было начато:* хозяйк‹ам›
б *Вместо:* уже доставлю — *было:* пошлю
в *Было:* пошлет
г *Далее начато:* мож‹ет›
д *Далее было:* пойду
* заказным (*франц.*).

328. А. Н. СНИТКИНОЙ

6 (18) декабря 1867. Женева

Женева 18/6 декабря/67.

Любезнейшая и многоуважаемая Анна Николаевна, от всего сердца поздравляю Вас с днем Вашего ангела. Мы с Аней всё хотели поспеть с письмами к самому дню,[1] а меж тем наверно опоздали, за что на нас не взыщите. Не взыщите тоже и на мне, за то, что я вообще очень редко пишу. В последние месяцы много было работы и чем дальше, тем больше; работа же к сроку; через две недели, самое большее, надо будет посылать в «Русский вестник», а у меня еще ничего не переписано.[2] Аня мне помогает как прежде. Хорошо еще, что в последние месяцы здоровье мое слишком поправилось, и только в последнюю неделю были опять припадки, а то два месяца сряду не было.

Вот уже проходит и *седьмой* м‹еся›ц беременности у Ани, время приближается, а у меня чем дальше, тем больше усиливается работа, и так будет продолжаться месяцев пять. Скоро Аня, по положению своему, не в состоянии будет мне помогать, а между тем от моей работы зависит и будущность и настоящие наши средства. Хорошо еще, что Аня переносит тягость очень хорошо, и физически и нравственно (мы с ней живем очень ладно и согласно; об Вас только она часто горюет). Ну а потом я и не знаю, что с нами будет.

Если мы, многоуважаемая Анна Николаевна, Вас приглашали приехать к нам, хоть месяца на три, то уже, разумеется, имели в виду буквально *наше спасение*. Тут нечего и приниматься рассчитывать, тут дело ясное само собою: пусть Ваш переезд и Ваша жизнь у нас будут стоить нам, положим, хоть *четыреста* рублей (переезд Ваш должен быть, конечно, на мой счет), то выгоды *бесспорной* от Вашего приезда к нам было бы по крайней мере в 10 раз больше; потому что один я вряд ли кончу работу, а в ней вся наша будущность. Я уж и не говорю о нравственном спокойствии. Могу ли я или Аня быть спокойными без собственного присмотра за ребенком. Заметьте еще, что при самом малейшем переезде, н‹а›пр‹имер› отсюда в Италию (весной), мы уже должны оставаться одни; нянька с нами за горы не поедет. А случись, н‹а›прим‹ер›, со мной припадок в то время, когда Аня будет больна, — и вот она испугается, а нянька из-за этого, пожалуй, и жить не станет. Я давно хотел обо всем об этом написать окончательно, чтобы, по крайней мере, знать наверно. Если б Вы захотели быть нашей спасительницей и решились, я бы стал уже готовиться. Через месяц Вам могли быть высланы деньги. Я знаю, что у Вас есть свои большие дела и хлопоты; против невозможного ничего не сделаешь. Но, по крайней мере, знать бы что-нибудь верно.[3]

Я устроился теперь так, что получаю ежемесячно 200 р. из «Русск‹ого› вестника». Сначала было 100 р., но, кажется, так и останется по 200. Если же работа пойдет успешно, то получу и больше. Деньги мы получили вчера, сегодня же идем дать задаток за другую квартиру из 2-х комнат, прекрасно меблированных. Две комнаты необходимо. Старая хозяйка плачет, расставаясь с нами, так она полюбила Аню.

До свидания многоуважаемая и дорогая Анна[а].

а *Копия не закончена.*

329. В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ ВЕСТНИК»

24 декабря 1867 (5 января 1868). Женева

Женева 24 декабря/5 января
1867/8 г.

Посылаю в Редакцию для напечатания в «Русском вестнике» первую часть моего романа «Идиот».

Весьма сожалею (и беспокоюсь), что не мог с этою почтой выслать всю первую часть, а только *пять* глав, *шестая* и *седьмая* главы будут высланы на днях, и Редакция получит их никак не позже,[а] как через *пять* дней по получении этих первых *пяти* глав.[1]

Это *совершенно верно*. Затем, *вторая часть* романа получится в Редакции никак не позже *первого февраля* (нового стиля). А третья часть (которая даже вся почти отделана) еще раньше 1-го марта.[2] Ошибки с моей стороны быть не может. Боюсь только и беспокоюсь, не опоздал ли теперь, так как на этот раз не знаю распоряжений Редакции насчет выхода *первой* (январской) книги журнала. Помещение же моего романа в первом нумере составляет для меня чрезвычайно важный расчет.

Всё, что посылаю теперь, заключается в *64* полулистиках[б] почтовой бумаги малого формата.[3]

Сегодня же посылаю письмо Михаилу Никифоровичу особо.[4]

Федор Достоевский.

а *Было:* не больше
б *Было:* листи‹ках›

330. А. Н. МАЙКОВУ

31 декабря 1867 (12 января 1868). Женева

Женева $\frac{\text{12 янв.}}{\text{31 декабря}}$ 67.

Дорогой и добрый друг, Аполлон Николаевич, настало наконец время, что могу написать Вам несколько страничек! Что Вы обо мне подумали: что я забыл Вас? Я знаю, что Вы этого не подумаете. Но меня не вините; Вы скорей всех всё поймете. Верите ли: *ни одного часу* не было времени; я говорю буквально. Я всех забыл. Что делает мой бедный Паша, которому я уже два месяца денег не посылал? (Ни копейки нет, буквально, *чтоб отослать*!) Пишу к Вам и опишу всё, а от Вас буду ждать с болезненным нетерпением ответа. Неизвестность меня убивает.

А со мной было вот что: *работал* и *мучился*. Вы знаете, что такое значит *сочинять*? Нет, слава богу, Вы этого не знаете! Вы на заказ и на аршины, кажется, не писывали и не испытали адского *мучения*. Забрав столько денег в «Русском вестнике» (ужас! 4500 р.), я ведь с начала года вполне надеялся, что поэзия не оставит меня, что поэтическая мысль мелькнет и развернется художественно к концу-то года и что я успею удовлетворить всех. Это тем более казалось мне вероятнее, что и всегда в голове и в душе у меня мелькает и дает себя чувствовать много зачатий художественных мыслей. Но ведь только мелькает, а нужно полное воплощение, которое всегда происходит нечаянно и вдруг, но рассчитывать нельзя, когда именно оно произойдет; и затем уже, получив в сердце полный образ, можно приступить к художественному выполнению. Тут уже можно даже и рассчитывать без ошибки. Ну-с: всё лето и всю осень я компоновал разные мысли (бывали иные презатейливые), но некоторая опытность давала мне всегда предчувствовать или фальшь, или трудность, или маловыжитость иной идеи. Наконец я остановился на одной и начал работать, написал много, но 4-го декабря иностранного стиля бросил всё к черту. Уверяю Вас, что роман мог бы быть посредствен; но опротивел он мне до невероятности именно тем, что посредствен, а не *положительно хорош*. Мне этого не надо было. Ну что же мне было делать? ведь 4-ое декабря! [1] А между тем обстоятельства житейские представлялись в следующем виде:

Писал ли я Вам, — не помню (я ничего ведь не помню) — что я наконец, когда уже пресеклись все мои средства, написал Каткову просьбу высылать мне по 100 р. ежемесячно? Кажется писал.[2] Согласие воспоследовало, и мне стали присылать аккуратно. Но в письме моем [a] к Каткову (в благодарственном) я подтвердил *положительно*, честнейшим словом, что роман ему

---

[a] *Было:* Но писал ли я Вам

будет и что я в декабре вышлю в Редакцию количество романа значительное. (Еще бы, когда писалось и столько было написано!) Потом я написал ему, что расходы мои чрезвычайны и что нельзя ли выслать[б] из определенной мне суммы (пятисот руб.) один раз (на декабрь) не 100, а 200 р.[3] В декабре воспоследовало согласие и присылка, и именно к тому времени, когда я роман — уничтожил. Что мне было делать? Все надежды мои рухнули (я постиг — ведь наконец, что работа и роман есть вся и главная моя надежда, что напиши я роман удовлетворительный, то оплачу долг в Редакцию, Вам,[4] пришлю значительно Паше и Эм‹илии› Федоровне и сам просуществую; а напиши я роман *хороший*, — то и второе издание продам и, может быть, что-нибудь получу и половину или ⅔ вексельного долга заплачу и в Петербург ворочусь). Но всё рухнуло. Получив 200 р. от Каткова,[5] я написал ему подтверждение, что роман будет *непременно* для январского номера, просил извинения, что придет *первая часть* в Редакцию *поздно*, но к 1-му января (нашего стиля) *непременно*, и очень просил не выпускать первого «Русского вестника» без моего романа (№ никогда ведь не выходил ранее половины месяца).[6]

Затем (так как вся моя будущность тут сидела) я стал мучиться выдумыванием *нового романа*. Старый не хотел продолжать ни за что. Не мог. Я думал от 4-го до 18-го декабря нового стиля включительно. Средним числом, я думаю, выходило планов по шести (не менее) ежедневно. Голова моя обратилась в мельницу. Как я не помешался — не понимаю. Наконец 18-го декабря я сел писать новый роман, 5-го января (нового стиля) я отослал в редакцию 5 глав первой части (листов около *5*) с удостоверением, что 10 янв‹аря› (нового стиля) вышлю остальные *две главы* первой части.[7] Вчера, 11-го числа, я выслал эти 2 главы и таким образом отослал *всю первую часть,* — листов 6 или 6½ печатных.

Первую посылку они должны были получить 30 декабр‹я› (нашего стиля), а вторую получат 4-го января; следственно, если захотят, то первую часть еще могут напечатать в январе. Вторую часть (из которой, конечно, не написано ни строчки) я дал честное слово прислать в Редакцию к 1-му февраля (нашего стиля) неуклонно и аккуратно.

Поймите же, друг мой, мог ли я думать о письмах к кому-нибудь и об чем бы я стал писать, спрашивается? А потому *поймите* как гуманный человек и извините как друг мое вынужденное молчание. Да и время это было очень тяжелое.[в]

Теперь об романе, чтоб кончить эту материю: в сущности, я совершенно не знаю сам, что я такое послал. Но сколько могу иметь мнения — вещь не очень-то казистая и отнюдь не эффектная. Давно уже мучила меня одна мысль, но я боялся из нее

б *Было:* присылать

в *Далее было начато:* О романе и о надеждах моих

сделать роман, потому что мысль слишком трудная и я к ней не приготовлен, хотя мысль вполне соблазнительная и я люблю ее. Идея эта — *изобразить вполне прекрасного человека.* Труднее этого, по-моему, быть ничего не может, в наше время особенно. Вы, конечно, вполне с этим согласитесь. Идея эта и прежде мелькала в некотором художественном образе, но ведь только в *некотором*, а надобен полный.[8] Только отчаянное положение мое принудило меня взять эту невыношенную мысль. Рискнул как на рулетке: «Может быть, под пером разовьется!» Это непростительно.

В общем план создался. Мелькают в дальнейшем детали, которые очень соблазняют меня и во мне жар поддерживают. Но целое? Но герой? Потому что целое у меня выходит в виде *героя.* Так поставилось. Я обязан поставить образ. Разовьется ли он под пером? И вообразите какие, само собой, вышли ужасы: оказалось, что кроме героя есть и героиня, а стало быть, *ДВА ГЕРОЯ!!*[9] И кроме этих героев есть еще два характера — совершенно главных, то есть *почти героев.* (Побочных характеров, в которых я обязан большим отчетом, — бесчисленное множество, да и роман в 8 частях). Из четырех героев — два обозначены *в душе у меня* крепко, один еще совершенно не обозначился,[10] а четвертый, то есть главный, то есть первый герой, — чрезвычайно слаб.[11] Может быть, в сердце у меня и не слабо сидит, но ужасно труден. Во всяком случае времени надо бы вдвое более (minimum), чтоб написать.

Первая часть, по-моему, слаба. Но мне кажется, еще есть одно спасение: то, что еще ничего *не скомпрометировано* и может быть развито в дальнейших частях удовлетворительно (о, если бы!). Первая часть есть, в сущности, одно только введение. Одно надо: чтоб она возбудила хоть некоторое любопытство к дальнейшему. Но об этом я положительно не могу судить. У меня единственный читатель — Анна Григорьевна: ей даже очень нравится; но ведь она *в моем деле* не судья.

Во *второй* части должно быть всё окончательно поставлено (но далеко еще не будет разъяснено). Там будет одна сцена (*из капитальных*), но ведь еще как выйдет? — хотя *записалось* начерно и хорошо.[12]

Вообще всё в будущем, но от Вас жду строгого отзыва. 2-я часть решит всё: она самая трудная; но Вы мне напишите и о первой (хотя я искренно знаю, что она не хороша), но все-таки напишите.[г] Кроме того, *умоляю Вас*, уведомьте меня, только что выйдет «Русский вестник», — напечатан ли мой роман? Всё еще боюсь ужасно, что опоздал. А явиться в январе для меня капитально необходимо. Уведомьте же, ради бога, тотчас, чтоб мне знать, хоть двумя строчками.[13]

Каткову, при отсылке 1-й части, я написал о романе почти

[г] *Далее было:* тотчас

точно то же, что и Вам. Роман называется «Идиот». А впрочем, никто себе не судья, особенно сгоряча. Может быть, и первая часть недурна. Если я не развил главного характера, то ведь так по законам всей планировки выходит. Вот почему и жду Вашего суждения с таким алчным нетерпением. Но довольно об романе. Вся эта работа с 18-го декабря до того меня разгорячила, что я ни думать, ни говорить не могу ни о чем другом. Теперь скажу несколько слов о нашем здесь житье, с тех пор, как я Вам не писал.

Мое житье, конечно, работа. Но хорошо то, что теперь я, благодаря постоянной присылке ежемесячно *ста* рублей, — совершенно не нуждаюсь. Живем с Анной Григорьевной умеренно, но совершенно достаточно. Но предстоят и траты, и необходимо иметь всегда хоть маленькую сумму в запасе. Через полтора месяца Анна Григорьевна (которая великолепно переносит свое болезненное состояние) сделает меня отцом.[14] Понимаете сами, какие тут предстоят расходы. Но попрошу на это время по 200 р. в месяц, и Редакция пришлет. Я же уж отослал туда на 1 000 р. почти. А к 5-му февраля отошлю еще на 1 000 (и может быть, хорошего, покапитальнее, поэффектнее), стало быть, и могу спросить сумму позначительнее. Кстати, голубчик, если б не уничтоженный роман, то, конечно, к Новому году я бы Вам заплатил то, чем Вы меня одолжили. Но теперь прошу Вас подождать на мне еще месяца два, ибо раньше 2-й части ничего не могу спросить в Редакции позначительнее. Но к тому сроку уплачу непременно. Но главное, но самое ужасное мое сокрушение — это мысль, что делается с Пашей? Сердце мое обливается кровью, и мысль о нем, при всех *литературных мучениях* моих в декабре, приводила меня просто в отчаяние! Что он делает? Я в ноябре и в декабре не посылал ему денег, но он еще до ноября не писал мне ничего. При последней выдаче денег (60 р. от Каткова) через Вас я писал ему длинное письмо и еще поручал ему сделать маленькую справку, чрезвычайно для меня важную, а для него легкую. Я умолял его отвечать мне. Ни одной строчки ответа. Ради бога, напишите мне о нем хоть что-нибудь. Ненавидит он меня, что ли? За что же, за что же? За то ли, что я послал ему из самого последнего и жду с жгучим нетерпением, когда еще пошлю? Не может быть, чтоб ненавидел. Я приписываю всё не его сердцу, а его легкомыслию и неумению решиться даже письмо написать, так как не решился до двадцати лет хоть таблицу умножения выучить.

Он жил у Эмилии Федоровны и задолжал-таки, несмотря на то, что я до ноября высылал ему достаточно. Через Вас я оплатил тогда Эмилии Федоровне. Но что было в ноябре и декабре? Они сами терпят. Федя работает, но не может всех содержать, а раньше как через месяц я не могу выслать денег (через Вас, конечно, умоляю Вас, голубчик, *к Вам будут приходить деньги от Каткова*. Не брезгайте моей просьбой и не тяготитесь ими! Они — бедные. А я Вам на всю жизнь Ваш слуга, я Вам докажу,

как ценю то,[д] что Вы для меня сделали). Завтра пошлю письмо Феде.[15] Живут ли они у Алонкина? Я просил именно о том Пашу, чтоб он мне написал *имя* и *отчество* Алонкина (я забыл), чтоб написать Алонкину. *Мне* Алонкин поверит, но их сгонит, если от меня ни слуху ни духу, потому что я за их квартиру ему поручился. Ни от Паши, ни от Эмилии Федоровны не было ответа об *имени и отчестве*. А как я напишу письмо без имени и отчества Алонкину? Он купец, он обидится.

Впрочем, может быть, и раньше пошлю им денег, хотя страшная теперь нужда в ожидании родин. Хоть живем и не нуждаясь в насущном, но, однако ж, вещи постоянно в закладе. При каждом получении денег выкупаем, а к концу месяца опять закладываем. Анна Григорьевна моя истинная помощница и утешительница. Любовь ее ко мне беспредельна, хотя, конечно, есть много различного в наших характерах. (Она Вам и Анне Ивановне чрезвычайно кланяется. Она ужасно любит Вас за то, что Вы цените, как следует, ее мать, которую она обожает. Высоко она вас обоих ставит во всех отношениях, и Вас и Анну Ивановну, и глубоко, с сердечным жаром, самым искренним, уважает Вас).

Всего более натерпелись мы из материальных неудобств в Женеве от холода. О, если б Вы знали, как глупо, тупо, ничтожно и дико это племя! Мало проехать, путешествуя. Нет, поживите-ка! Но не могу Вам теперь описать даже и вкратце моих впечатлений; слишком много накопилось. Буржуазная жизнь в этой подлой республике развита до nec-plus-ultra.* В управлении и во всей Швейцарии — партии и грызня беспрерывная, пауперизм, страшная посредственность во всем; работник здешний не стоит мизинца нашего: смешно смотреть и слушать. Нравы дикие; о если б Вы знали, что они считают хорошим и что дурным. Низость развития: какое пьянство, какое воровство, какое мелкое мошенничество, вошедшее в закон в торговле. Есть, впрочем, несколько и хороших черт, ставящих их все-таки безмерно выше немца. (В Германии меня всего более поражала глупость народа: они безмерно глупы, они неизмеримо глупы), У нас даже Ник‹олай› Ник‹олаевич› Страхов, человек ума высокого, — и тот не хочет понять правды: «Немцы, говорит, порох выдумали». Да их жизнь так устроилась! А мы в это время великую нацию составляли, Азию навеки остановили, перенесли бесконечность страданий, *сумели* перенести, не потеряли русской мысли, которая мир обновит, а укрепили ее, наконец, немцев перенесли, и все-таки наш народ безмерно выше, благороднее, честнее, наивнее, способнее и полон другой, высочайшей христианской мысли, которую и не понимает Европа с ее дохлым католицизмом и глупо противуречащим себе самому лютеранством.[16]

[д] *Было:* тем
* донельзя (*лат.*).

Но нечего об этом! А то, что так тяжело по России, такая тоска по родине, что решительно чувствую себя несчастным! Читаю газеты, каждый № до последней литеры, «Моск‹овские› вед‹омости›» и «Голос». Спасибо «Голосу» за его новое направление.[17] Поговорил бы с Вами много, много, друг мой, и сколько накопилось-то! Но, может быть, в этом году обниму Вас. А писем от Вас жду непременно. Ради бога, пишите, голубчик. В моем мрачном и скучном уединении — ведь это единственное утешение мое. Анна Григорьевна находит себя счастливою тем, что со мной. Но мне надо и Вас, надо и родины.

В Швейцарии еще довольно лесу, на горах его осталось еще несравненно более, чем в других странах Европы, хотя страшно уменьшается с каждым годом. И представьте себе: 5 месяцев в году здесь ужасные холода и бизы (вихри, прорывающиеся сквозь цепь гор). А 3 месяца почти та же зима, как у нас. Дрогнут все от холода, фланель и вату не снимают (бань у них никаких — вообразите же нечистоту, к которой они привыкли), одеждой зимней не запасаются, бегают почти в тех же платьях, как и летом (а одной фланели слишком мало для такой зимы), и при всем этом нет ума хоть капельку исправить жилища! Ну что сделает камин с углем или с дровами, хоть топи *весь день?* А весь день топить стоит 2 франка в день. И скольку лесу истребляется даром, а тепла нет. И что ж? Ведь только бы одни двойные рамы — и даже с каминами можно бы жить! Я уж не говорю — печь поставить. Тогда весь этот лес можно бы спасти. Через 25 лет его совсем не останется. Живут как настоящие дикие. Зато и переносливы же. У меня в комнате, при ужасной топке, бывало только +5° Реомюра (*пять* градусов тепла!). Сидел в пальто и в этом холоде ждал денег, закладывал вещи и придумывал план романа — хорошо? Говорят, во Флоренции в эту зиму было до —10 *градусов*. В *Монпелье* (Montpellier) было 15° Реомюра холоду. У нас в Женеве холод дальше 8 градусов не восходил, но ведь всё равно, если в комнате вода мерзнет. Теперь я переменил недавно квартиру и имею 2 комнаты хороших, одна постоянно холодная, а другая теплая, и у меня теперь постоянно в этой теплой +10 или +11 тепла, следственно, *еще* можно жить.[18]

Написал столько, а ничего почти не успел высказать! Тем-то я и не люблю писем. Главное, жду письма от Вас. Ради бога, напишите поскорее. Письмо ко мне, в теперешней моей тоске, восходит почти до значения *доброго дела*. Да, забыл Вас попросить: не сообщайте никому того, что я написал Вам об романе, до времени. Не хочу, чтоб как-нибудь дошло до «Русского вестника», потому что я туда солгал, написав, что у меня *вчерне* много уж написано и теперь только переписываю и переделываю. Я и без того успею и — кто знает, может быть, в целом-то выйдет и совсем недурной роман. Но опять об романе; говорю Вам — помешался на нем.

Здоровье мое очень удовлетворительно. Припадки бывают очень редко, и это уже $2^1/_2$ или даже 3 месяца сряду.

Мой поклон искренний Вашим родителям.[19] Передайте поклон и Страхову, если встретите. А ему поручите передать мой поклон Аверкиеву и Долгомостьеву. Особенно Долгомостьеву. Не видали ли Вы его где-нибудь? [20]

Обнимаю Вас и целую. Ваш верный и любящий

Федор Достоевский.

Особенный мой поклон Анне Ивановне.

От Яновского я получил письмо.[21] Человек очень добрый, но иногда удивительный. Я люблю его очень.

С Новым годом, с новым счастьем! Будьте, будьте счастливы, — хоть Вы будьте счастливы!

Когда будет напечатано «Слово о Полку Игореве» и где? Пришлите мне, ради бога, сейчас как напечатаете, где бы я ни был тогда.[22]

1868

331. А. П. и В. М. ИВАНОВЫМ

1 (13) января 1868. Женева

Женева 1(13) января/1868.

Дорогие и милые Александр Павлович и Вера Михайловна,

Прежде всего обнимаю вас и поздравляю с Новым годом и, уж конечно, желаю от искреннего сердца всего самого лучшего и успешного! Вчера Анна Григорьевна приготовила мне сюрпризом $^1/_4$ бутылки шампанского и ровно в $10^1/_2$ часов вечера,[a] когда в Москве уже 12 часов, поставила на стол, на котором мы пили чай; и мы чокнулись вдвоем, уединенно, одни-одинехоньки, и выпили за всех нам милых и дорогих. А кто же милее и дороже мне (да и Анне Григорьевне, кроме своих), — как не вы и ваше семейство? Кроме вас Федя и *его семейство*[1] и Паша — вот и все те, которыми я дорожу и которых крепко люблю на всем свете.

Оба письма ваши я получил, и теперешнее и ноябрьское,[2] и простите, что не отвечал. Я вас не меньше любил и не меньше о вас думал и помнил; но я был всё это время в таком напряжении и неудовлетворенном состоянии, что всё откладывал ответ до лучшего часу, а в самое последнее время решительно ни часу (буквально) не оказалось свободного. Всё это время я работал, писал, браковал, рвал написанное и наконец-то, в самом конце декабря, мог послать в «Русский вестник» *первую часть* моего романа. Им же нужно для январского номера, так что я даже боюсь, не опоздал ли?[3] А для меня в этой работе почти всё теперь заключается, — всё обеспечение, хлеб насущный и вся моя будущность. Я забрал в «Русском вестнике» неимоверно много: до 4 500 руб., да вексельного долга в Петербурге осталось minimum на 3 000 р., да самому просуществовать надо, да еще в какое время! И потому на романе совокупились все мои надежды; работать предстоит теперь месяца 4, почти не сходя со стула. Запоздал я так, потому что забраковал почти всю прежнюю работу. За роман, по оценке «Русского вестника», будет в 6 000 р. или около. Но 4 500 р. взято, значит, останется мне все-таки 1 500. Да если он будет хорош, то я продам к сентябрю 2-е издание тысячи за *три* (по всегдашнему прежнему примеру).[4] Значит, в

a *Далее было начато:* чокн‹улись›

сам проживу, и тысячи полторы вексельного долгу уплачу, и в Россию ворочусь к сентябрю этого года. Итак, вот что значит для меня теперь моя работа. Вся будущность и всё настоящее в ней; да, кроме того, если роман будет удовлетворителен, я, в сентябре же, всегда найду кредиту в «Русском» же «вестнике» вперед. Теперь же опишу Вам, как мы жили и вообще наше положение.

В этом отношении всё однообразно, и каждый день похож на все предыдущие и последующие, с тех пор как мы в Женеве. Я работаю, а Анна Григорьевна или готовит приданое нашему будущему гостю,[5] или стенографирует, когда надо мне помогать. Переносит она свое положение великолепно (теперь только немножко начинает охать), жизнь наша ей нравится, и если тоскует, то только о своей мамаше.[6]

Наше уединение, собственно для меня, совершенно теперь необходимо, — иначе невозможно работать. Правда, в Женеве, кроме уединения, очень скучно, несмотря на панораму Монблана, Женевского озера и Роны, из него вытекающей. Я это знал вначале; но так сошлось, что никакого места для зимовки нельзя было выбрать, при наших обстоятельствах, кроме попавшейся нам на дороге, в сентябре, Женевы. В Париже, н‹а›пр‹имер›, зима холоднее, дрова в 10 раз дороже, да и вообще жизнь дороже. Мы, было, хотели в Италию, то есть, конечно, в Милан (не далее же), где климат зимой несравненно мягче, да и город привлекательнее, с его собором, театром и картинными галереями.[б] Но, во-первых, в это самое мгновение всю Европу грозила охватить война и именно в Италии,[7] а для беременной женщины[в] не совсем приятно очутиться, может быть, па самом месте войны, а во-2-х, все-таки желательно было, и даже непременно, чтоб доктора и повивальные бабки говорили на языке понятном, а итальянского мы не знаем. В Германию же ехать обратно совсем было не по пути, да и не хотелось. Женева же город ученый, с библиотеками, со множеством докторов и проч., и все они говорят по-французски. Правда, мы не знали, что здесь так скучно и что дуют периодические вихри (бизы), прорываясь через цепь гор и охлаждаясь на ледяных вершинах. Мы много очень натерпелись в нашей прежней квартире; дома здесь устроены ужасно; камины и одиночные рамы. Камин топишь весь день дровами (которые здесь все-таки дороги, хотя Швейцария единственное место в Западной Европе, где еще есть дрова), — и всё равно что двор топить. У меня доходило в комнате до 6° и даже до 5 градусов тепла и так постоянно, а у других так вода ночью мерзнет в комнате. Но теперь, с месяц, мы живем в другой квартире, две комнаты очень хорошие, из которых одна теплая, так что очень можно жить и работать.[8] У нас в Женеве мороз дохо-

---

б *Далее 2—3 густо вычеркнутых слова.*
в *Далее было:* это

дил только до 8 градусов; во Флоренции было +10, а в Монпелье, во Франции, у Средиземного моря, южнее Женевы +15°.[г]

В Петербург я тоже долго не пишу, да и они мне почти не пишут. Мучает меня всего больше то, что Феде и Паше надобно *непременно* денег послать, и как можно скорее, а я раньше чем вышлю 2-ю часть романа в «Русский вестник», что будет через 2 недели, решительно не могу спросить суммы сколько-нибудь позначительнее, так как слишком много забрал, а отработал долгу всего еще только на 1 000 р. И это меня так мучает, что даже спать не дает спокойно. Феде не справиться одному, а Паше надобно высылать аккуратно. Я же живу теперь постоянной присылкой мне ежемесячно 100 р. (ста руб.) из Редак‹ции› «Русского вестника», но скоро потребуется и самому гораздо больше. В конце февраля (здешнего стиля) Анна Григорьевна сделает меня отцом, а на это время деньги слишком необходимы и даже, на всякий случай, нужны лишние и запасные.

Как-то вы поживаете? Письма ваши для меня решительный праздник, и в высшей степени желал бы я очутиться в Москве, чтоб только увидеться. Но всё в будущем и опять-таки зависит от работы. Прошу вас очень — подробнее уведомить меня о вашей жизни и о вашем семействе. Кстати: как я досадовал, когда прочел в письме твоем, Верочка (ноябрьском), что вы хотите взять для детей гувернантку француженку. К чему? Зачем? Какое произношение? У француженок и даже у французов учителей (это я знаю по опыту и наблюдению) французскому языку до тонкости не научишься, а выучивается только тот, кто сам пожелает; произношению же отнюдь нельзя выучиться, без огромного личного желания к тому; да и совсем его не нужно. Поверь, голубчик Верочка, что к тому времени, когда твои дети будут большими, не будут у нас в гостиных говорить по-французски. Да и теперь это начинает казаться смешным. Знать язык, читать на нем — дело другое. Можно и говорить, если понадобится за границей, но для этого довольно только[д] понимать язык и читать на нем. И что будет говорить эта француженка с детьми? Скверности, глупости; будет передавать жеманно и с форсом свои подлые, исковерканные, смешные и дикие правила об обращении и изуродованные понятия об обществе, об религии. Теперь на детей твоих смотреть — душа радуется. У вас резво, крикливо, шумно — правда; но на всем лежит печать тесной, хорошей, доброй, согласной семьи. Француженка же принесет элемент новый и скверный, французский. Не говорю уже о лишних деньгах. Да и еще кстати замечание: теперь настоящему французскому произношению невозможно и выучиться, не приняв парижское, гортанное, скверное, дышащее подлостью в одних уже звуках. Произношение это новое, всего стало входить, в самом Париже-то, не далее как с двадцати пяти лет назад. У нас учителя и гувернантки еще не

[г] *Так в подлиннике*

[д] *Далее было:* читать и

смеют его вводить вполне. А потому, во всяком случае, произношению не научатся дети.[9]

Но заболтался об этой гувернантке. Теперь у меня два дня отдыху, а завтра опять сажусь за работу. Здоровье мое, к удивлению моему чрезвычайному, вдруг поправилось к осени необыкновенно. Припадки не бывают по семи недель. А между тем я работаю очень сильно головной работой. Что это означает, не совсем понимаю, но очень рад.

До свидания, дорогие мои, милые, целую вас крепко, желаю всего лучшего как друг и брат, горячо и искренно, и прошу не забывать и нас. Адресс мой всё покамест Женева. Может быть, в апреле в конце переедем через Мон-Сенис и спустимся в Италию, в Милан, на озеро *Комо*. То-то рай-то будет! Но всё зависит от работы. Пожелайте мне успеха.

Ваш весь Федор Достоевский.

332. С. А. ИВАНОВОЙ

1 (13) января 1868. Женева

Женева, 1 (13) января/1868 г.

Милый, бесценный друг мой Сонечка, несмотря на Вашу настойчивую просьбу писать Вам — я молчал. А между тем кроме того, что ощущал сильную и особую потребность говорить с *Вами*, — уж по тому одному, что *непременно* надобно было ответить Вам на один пункт Вашего письма[1] и ответить сейчас, как можно скорее, — надо было отвечать. Скажите: как могло Вам, милый и всегдашний друг, прийти на мысль, что я уехал из Москвы, рассердясь на Вас, и руки Вам не протянул! Да могло ли это быть? Конечно, у меня память плоха, и я не помню подробностей, но я положительно утверждаю, что этого не могло быть *ничего* и что Вам только так показалось. Во-первых, поводу не могло быть никакого; это я знаю как дважды два четыре, а во-вторых, и главное: разве я так легко разрываю с друзьями моими? Так-то Вы меня знаете, голубчик мой! Как мне это больно было читать. Вы *должны* были, Соня, понимать, как я Вас ценю и уважаю и как дорожу Вашим сердцем. Таких как Вы я немного в жизни встретил. Вы спросите: чем, из каких причин я к Вам так привязался? (Спросите — если мне не поверите), Но, милая моя, на эти вопросы отвечать ужасно трудно; я запоминаю Вас чуть не девочкой, но начал вглядываться в Вас и узнавать в Вас редкое, особенное существо и редкое, прекрасное сердце — всего только года четыре назад, а главное, узнал я Вас в ту зиму, как умерла покойница Марья Дмитриевна.[2] Помните, когда я пришел к Вам после целого месяца моей болезни, когда я вас всех очень долго не видал? Я люблю вас всех, а Вас особенно. Машеньку, например, я люблю чрезвычайно за ее пре-

лесть, грациозность, наивность, прелестную манеру; а серьезность ее сердца я узнал очень недавно (о, вы все талантливы и отмечены богом), — но к Вам я привязан особенно, и привязанность эта основывается на особенном впечатлении, которое очень трудно анатомировать и разъяснить. Мне Ваша сдержанность нравится, Ваше врожденное и высокое чувство собственного достоинства и сознание этого чувства нравится (о, не изменяйте ему никогда и ни в чем; идите прямым путем, без компромиссов в жизни. Укрепляйте в себе Ваши добрые чувства, потому что всё надо укреплять, и стоит только раз сделать компромисс с своею честию и совестию, и останется надолго слабое место в душе, так что чуть-чуть в жизни представится трудное, а, с другой стороны, выгодное[а] — тотчас же и отступите перед трудным и пойдете к выгодному. Я не общую фразу теперь говорю; то, что я говорю, теперь у меня самого болит; а о слабом месте я Вам говорил, может быть, по личному опыту. Я в Вас именно, может быть, то люблю, в чем сам хромаю). Я в Вас особенно люблю эту твердую постановку чести, взгляда и убеждений, постановку, разумеется, совершенно натуральную и еще немного Вами самими сознанную, потому что Вы и не могли сознать всего, по Вашей чрезвычайной еще молодости. Я Ваш ум тоже люблю, спокойный и ясно, отчетливо различающий, верно видящий. Друг мой, я со всем согласен из того, что Вы мне пишете в Ваших письмах, но чтоб[б] я согласился когда-нибудь в Вашем обвинении, — в том, что во мне хоть малейшее колебание в моей дружбе к Вам произошло, — никогда! Просто, может быть, всё надо объяснить какой-нибудь мелочью, какой-нибудь раздражительностью минутной в моем скверном характере, — да и та не могла *никогда* лично к Вам относиться, а к кому-нибудь другому. Не оскорбляйте же меня никогда такими обвинениями.[в]

А за то что так долго не отвечал, несмотря на просьбу Вашу писать к Вам скорее, даю Вам *честное слово*, что каждый месяц буду Вам присылать по письму аккуратно. В письме к Александру Павловичу и Верочке я разъяснил, насколько мог, причину моего молчания.[3] Я был в таком скверном нравственном настроении и напряжении всё это время, что ощущал потребность заключиться в самом себе и тосковать одному. Тяжело мне было садиться за письмо, да и что бы я написал? Об моей тоске? (она бы проглянула наверно в письме): но это материя плохая. Да и хлопотливое было мое положение. От работы моей зависит вся моя участь. Сверх того, я забрал около 4 500 р. в Ред‹акции› «Русского вестника» вперед, а им честное слово дал и повторял его целый год во всяком письме в Редакцию, что роман будет. И вот, почти перед самой отсылкой в Редакцию романа, мне пришлось забраковать его, потому что он мне перестал нравиться

[а] *Далее было:* представится
[б] *Далее было:* Вас
[в] *Было:* оскорблениями

(А коли перестал нравиться, то нельзя написать хорошо). Я уничтожил много написанного.[4] Между тем в романе и отдача моего долга, и жизнь насущная, и всё будущее заключалось. Тогда я, недели три тому назад (18-е декабря нового стиля), принялся за другой роман и стал работать день и ночь.[5] Идея романа — моя старинная и любимая, но до того трудная, что я долго не смел браться за нее, а если взялся теперь, то решительно потому, что был в положении чуть не отчаянном. Главная мысль романа — изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь.[6] Все писатели, не только наши, но даже все европейские, кто только ни брался за изображение *положительно* прекрасного, — всегда пасовал. Потому что это задача безмерная. Прекрасное есть идеал, а идеал — ни наш, ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался. На свете есть одно только положительно прекрасное лицо — Христос, так что явление этого безмерно, бесконечно прекрасного лица уж конечно есть бесконечное чудо. (Все Евангелие Иоанна в этом смысле; он всё чудо находит в одном воплощении, в одном появлении прекрасного).[7] Но я слишком далеко зашел. Упомяну только, что из прекрасных лиц в литературе христианской стоит всего законченнее Дон Кихот. Но он прекрасен единственно потому, что в то же время и смешон.[8] Пиквик Диккенса (бесконечно слабейшая мысль, чем Дон Кихот; но все-таки огромная) тоже смешон и тем только и берет. Является сострадание к осмеянному и не знающему себе цены прекрасному — а, стало быть, является симпатия и в читателе. Это возбуждение сострадания и есть тайна юмора.[9] Жан Вальжан, тоже сильная попытка, — но он возбуждает симпатию по ужасному своему несчастью и несправедливости к нему общества.[10] У меня ничего нет подобного, ничего решительно, и потому боюсь страшно, что будет положительная неудача. Некоторые детали, может быть, будут недурны. Боюсь, что будет скучен. Роман длинный. *Первую часть* написал всю в 23 дня и на днях отослал.[11] Она будет решительно не эффектна. Конечно, это только введение, и хорошо то, что ничего еще не скомпрометировано; но ничего почти и не разъяснено, ничего не поставлено. Мое единственное желание, — чтоб она хотя некоторое любопытство возбудила в читателе, для того, чтоб он взялся за вторую. Вторую, за которую сажусь сегодня, — окончу в месяц (я и всю жизнь ведь так работал).[12] Мне кажется, она будет покрепче и покапитальнее первой. Пожелайте мне, милый друг, хоть какой-нибудь удачи! Роман называется «Идиот», посвящен Вам, то есть Софье Александровне Ивановой.[13] Милый друг мой, как бы я желал, чтоб роман вышел хоть сколько-нибудь достоин посвящения. Во всяком случае, я себе сам не судья, особенно так сгоряча, как теперь.

Здоровье мое совершенно удовлетворительно, и я тяжелую работу могу выносить, хотя наступает для меня тяжелое время, по болезненному состоянию Анны Григорьевны.[14] Проспишу в ра-

боте еще месяца четыре, а там мечтаю переехать в Италию. Уединение мне необходимо. Сокрушаюсь о Феде и о Паше. К Феде[г] тоже пишу с этой же почтой.[15] Мне, впрочем, очень тяжело за границей, ужасно хочется в Россию. Мы с Анной Григорьевной одни-одинешеньки. Жизнь моя: встаю поздно, топлю камин (холод страшный), пьем кофе, затем за работу. Затем в четыре часа иду обедать в один ресторан и обедаю за 2 франка с вином. Анна Григорьевна предпочитает обедать дома. Затем иду в кафе, пью кофей и читаю «Московские ведомости» и «Голос» и перечитываю до последней литеры. Затем полчаса хожу по улицам, для движения, а потом домой и за работу. Потом опять топлю камин, пьем чай и опять за работу. Анна Григорьевна говорит, что она ужасно счастлива.

Женева скучна, мрачна, протестантский глупый город, с скверным климатом, но тем лучше для работы. Увы, мой друг, раньше сентября, может быть, никак не ворочусь в Россию! Только что ворочусь — немедленно поспешу обнять Вас. У меня в мыслях начать, по приезде в Россию, одно новое издание.[16] Но всё зависит, разумеется, от успеха теперешнего моего романа. И вообразите, так работаю, а не знаю еще: не опоздал ли для январского номера? Вот уж неприятность-то будет!

Как-то я с Вами сойдусь, как-то увижусь, как-то встречусь! Часто я мечтаю об вас о всех. На днях видел во сне Вас и Масеньку — целую повесть во сне видел; героиня была Масенька. Поцелуйте ее покрепче от меня. Но что это с Вашим здоровьем? Вы меня испугали. Не тоскуйте, друг мой, — в этом главное, а главное: не спешите, не заботьтесь очень много; всё придет своим чередом и придет хорошо, само собою. В жизни бесконечное число шансов; слишком много заботиться значит время терять. Желаю Вам энергии и твердости характера, — в них я, впрочем, уверен. Голубчик мой, занимайтесь своим образованием и не пренебрегайте даже и специальностию, но не торопитесь главное; Вы еще слишком молоды, всё придет своим порядком, но знайте, что вопрос о женщине, и особенно о русской женщине, непременно, в течение времени даже Вашей жизни, сделает несколько великих и прекрасных шагов. Я не о скороспелках наших говорю, — Вы знаете, как я смотрю на них.[17] Но на днях прочел в газетах, что прежний друг мой, Надежда Суслова (сестра Аполлинарии Сусловой) выдержала в Цюрихском университете экзамен на доктора медицины и блистательно защитила свою диссертацию. Это еще очень молодая девушка; ей, впрочем, теперь 23 года, редкая личность, благородная, честная, высокая![18]

Много, слишком много задумал было писать к Вам и вот уже сколько исписал, а не написал и 1/10-й доли. До следующего письма, милый друг мой!

Мне хотелось бы поговорить с Вами об одном очень интерес-

[г] *Было начато:* К нем‹у›

ном предмете особенно, касающемся Вас.[19] Не забывайте меня и пишите. Здоровье сохраняйте пуще всего. Обнимите еще раз Маленьку. Я слышал, что ...[д] произведен в генерал-лейтенанты папской армии и будет играть на дудочке польку своего сочинения на разбитие Гарибальди,[20] а кардинал Антонелли и генерал-канцлер (за даму) танцевать в присутствии папы, а Юленька будет смотреть и сердиться. Поцелуйте ее тоже, если допустит поцеловать (от меня!), Витю тоже от меня поцелуйте и *хваленого* Лелю. Затем всех, а братцу Александру Александровичу пожмите от меня руку покрепче.[21]

Обнимаю Вас и целую. *Всегдашний* друг Ваш

Федор Достоевский.

Честное слово свое писать Вам каждый месяц — исполню. Но, ради бога, пишите тоже ко мне!

[д] *В подлиннике имя густо зачеркнуто.*

333. В. М., С. А. и М. А. ИВАНОВЫМ

1 (13) февраля 1868. Женева

Genève, 1 (13) февраля/68 г.

Милый друг, бесценная сестра Верочка.

Милый друг, голубчик мой Соня, милый друг, ангел мой Машенька, милые все, — я поражен как громом письмом Сони, которое сию минуту получил![1] Это так кажется невозможным, так безобразным, ужасным, что верить не хочется, представить нельзя, а между тем как припомнишь этого человека, как припомнишь, как лежало к нему сердце, то станет так больно и и жалко, что уж не рассудком, а сердцем одним мучаешься и *рад мучиться*, несмотря на боль, как будто сам чувствуешь себя тоже виноватым.[2] Припоминаю теперь, когда мы виделись в последний раз: ну могло ли быть это на уме при прощании?[3] Такого святого и дорогого человека нельзя себе и представить умершим. И пусть долго он пребывает памятью между вами всеми и служит соединением всей семье, как и прежде всегда служил. Еще бы, Сонечка! Вы пишете, что многие изъявляют сочувствие! Еще бы! Имея 10 человек детей, он почти усыновлял других детей. Десятки, сотни воспитанников К‹онстантиновского› училища его должны за отца считать.

А почему все мы его так любили, как не потому, что это был человек сам с редким, любящим сердцем. Кто его не любил!

Всего для меня тяжеле, что не могу теперь видеть и обнять вас всех. Кажется бы, не наговорились! Аня, жена моя, знала лично Александра Павловича всего только несколько дней — и как она плакала, в каком была отчаянии, когда я ей сообщил! (А как любила и уважала его бедная Марья Дмитриевна!)[4]

Пишу вам сейчас, то есть сию минуту по получении письма, чтоб как можно скорее пошло! Напишу больше потом; но вас зато буду особенно просить *как можно скорее*, если возможно (друг милый Сонечка, пожалуйста!), написать мне о подробностях и как можно подробнее, во-первых, о покойнике и о последних днях его, а во-вторых, о вас всех самих — о ваших первых мыслях, первых намерениях, и первых шагах. Верочка, друг мой, горюй и плачь, но не приходи, ради Христа, в отчаяние. Вот *он*, который так глубоко умел чувствовать и имел такое сердце,— не пришел бы в отчаяние, а сейчас понял бы *долг*; у этого человека долг и убеждение — были во всем прежде всего. Так будь и ты, Верочка, и этим его память почтишь. Ведь ты веришь же в будущую жизнь, Верочка, так же как и все вы; никто из вас не заражен гнилым и глупым атеизмом. Поймите же, что он наверно знает теперь о вас; никогда не теряйте надежду свидеться и верьте, что эта будущая жизнь [а] есть необходимость, а не одно утешение.[5]

Теперь день и ночь (и всё время нашей разлуки) буду думать об вас. Напишите, ради бога, не скрывая ничего, *всё что знаете* о ваших делах и о ваших средствах. Сонечка, Вы пишете, что не осталось ничего; так и должно было быть, но всё думаю и тоскую о том, с чем вы хоть на первое мгновение остались. Вот еще что: я не знаю, как у вас деревня, то есть заложена ли, в долгах ли, цела ли? Но если [б] она только есть, *то, ради бога, не продавайте!*[6] Берегите и цените — это всегдашняя надежда, это всегдашнее пристанище, это, наконец, кредит. *Второе*: после покойника есть пенсион, хоть небольшой, но есть, — напишите мне и об этом, и, наконец, *третье* и самое *главное*, об чем я ужасно думаю и об чем я хоть и ничего почти не знаю подробно, но все-таки пишу, чтоб вызвать вас на откровенный ответ, потому что это ужасно успокоит меня.

Александр Павлович (третьего, кажется, года) взялся заведовать, по усиленной просьбе тетки и бабушки,[7] теткиным капиталом. Скажу тебе, Верочка, откровенно, что я слышал от 2-х или 3-х даже лиц, что будто бы Александр Павлович употребил деньги легкомысленно, то есть отдал под залог. *не стоящий денег* при этом эти, не расположенные к вам люди (один — не знавший дела, а другой — скверное сердце) намекали на то, что Александр Павлович сделал это с целью, в свою пользу. За это я с ними тут же жестоко поссорился с обоими.[8] Всё это, разумеется, глупость и низость, но я убежден, что нерасположение к Александру Павловичу и, напротив, — расположение его обвинять — *существует*, и, может быть, у *всех* тех, которые чуть-чуть заинтересованы в наследстве после тетки. Теперь, по смерти этого благороднейшего и честнейшего человека, — не возникли

[а] *Вместо:* будущая жизнь — *было:* надежда
[б] *Вместо:* если — *было:* есть ли

бы недоумения, вам во вред, взяв в соображение, что вы тоже участники в наследстве после тетки? Не оклеветали бы покойника перед теткой. У тетки, разумеется, сейчас явится холоп по делам, на место Александра Павловича: в ясном ли[в] виде это дело? Знаешь ли ты его, Верочка? Успел ли Александр Павлович распорядиться? Вот что волнует и мучает меня теперь! Меня очень ободряет, что в один из последних разов, когда мы виделись с покойным братом Александром Павловичем, он сам заговорил со мной об этом деле с негодованием и при этом, я помню, сказал мне, что ничего не может быть яснее этого заклада и что заклад *втрое* больше стоит, чем капитал. Ради бога, напишите мне об этом несколько подробнее, всё что знаете: так это меня беспокоит!

Теперь еще одно для меня главное дело: по *моему* ходатайству отчасти, в 1864 году, брат Александр Павлович выдал брату Мише — не знаю сколько, тысяч на *пять*, я думаю, или на шесть, по первоначальной цене, акций *Ярослав‹ской› желез‹ной› дороги*. Брат умер, и Александр Павлович стал кредитором семейства брата, не имеющего ничего, кроме права на их журнал, который лопнул (и на который я посадил моих собственных 1) 10 000, выданных *мне* теткой, потом[г] *3 000*, полученных мною за обязательную продажу (в 1865 году) моих сочинений разбойнику Стелловскому, наконец, разным кредиторам журнала до 2 000 р. из полученных мною за «Преступление и наказание», и наконец, 7 000 руб., то есть право издания романа, уступленное мною, по соглашению, в 7000-х рублях Базунову, Праву и Вайденштрауху — то есть кредиторам журнала).[9] Между тем когда, в апреле 1864 года, я просил Александра Павловича дать брату Мише взаймы эти акции, то он тогда же сказал мне: *«Я бы желал, чтоб Вы тоже за них поручились»*. Я сказал, что в крайнем или несчастном случае я хоть и не имею ничего, но если буду иметь, то готов поручиться. Письменного я Александру Павловичу не дал ничего и вполне[д] не знаю точных подробностей и условий, на которых он потом выдал акции[е] брату Мише (когда тот был в Москве через месяц). Потом, после смерти Миши летом, в Люблине, кажется, Александр Павлович, узнав от меня же о получении моем от тетки 10 000 руб. и о том, что я принимаюсь продолжать журнал, напомнил мне о моем отчасти — поручительстве, данном ему на слово в уплате ему за брата, и просил иметь непременно в виду, при первом успехе журнала, эту уплату. Я обещал твердо, имея полнейшее намерение исполнить.[10]

№ 3. (Прибавлю кстати, что я подозревал всегда, что брат Александр Павлович, может быть, несколько упрекал меня за эти

[в] *Было:* ясно
[г] *Было:* вместо
[д] *Было:* совершенно
[е] *Было начато:* день‹ги›

деньги. Но тогда, когда я получил деньги от тетки для вспоможения семейству брата и поддержания журнала, решительно *не моя* воля была не издавать журнал и, 2-е) все шансы были тогда за журнал: с его успехом отдавались все долги и спасалось всё семейство от нищеты. Не издавать журнала было бы тогда преступлением, меня же бы все обвинили, что я погубил журнал. Одним словом, я *должен* был издавать. Неуспех журнала теперь ясен всем почему, и никем решительно не был и не мог быть предвиден (потому что тут вышли совершенно особые обстоятельства)).

Когда журнал погиб, все мои усилия пошли на уплату кредиторам журнала, что не могло быть иначе, потому что они меня посадили бы в тюрьму и тогда я никому бы уже не мог заплатить. Теперь осталось у меня всего долгу по векселям до 3 000 р. и еще долгу есть тысяч до *двух*, да сверх того, за роман, который я теперь пишу, забрано 4 000 вперед. Здоровье мое расстроено, состояния у меня никакого, и все мои средства зависят от двух вещей: 1) от моей работы, а 2-е) *от успеха* этой работы, то есть если хорошо написано, то и плата возвышается и 2-е издание можно за хорошую сумму продать.

Но несмотря на совершенно пролетарское и неизлечимо-больное положение мое, я ведь все-таки, случалось, зарабатывал большие деньги и многим уже заплатил много. Сейчас я ничего не имею, но в этот общий час, когда нас связывает общая великая печаль, объявляю тебе, Верочка, и вам, Сонечка и Машенька, и всем: *что ничего святее и крепче не будет для меня теперь отдачи вам этого долга брата Миши за акции!* Когда это будет, когда я в состоянии буду — не знаю. Но я опять-таки повторяю, что надеюсь, главное, на то, что бог поможет мне работать *успешно*, и *на то*, что, не имея ничего за душой, мне случалось же ведь в один год зарабатывать очень большие суммы (как, н<а>прим<ер>, за «Мертвый дом» или «Преступление и наказание») и тогда, конечно, употреблю все усилия и буду считать *самым святым долгом* отдачу вам этих денег.

Разумеется, это теперь только одни слова или, лучше сказать, мое слово. А одни слова в тяжелом положении — слишком мало и ничтожно. Я это знаю. *Но все-таки когда-нибудь от меня возвращения этих денег ожидать вам можно.* Это я обязанностью счел заявить.

Целую и обнимаю вас всех крепко. Масеньку, Сонечку, Верочку и всех, ради Христа, станем чаще переписываться, отвечайте мне немедленно, милые, родные! Сашеньку целую, Витю, Юленьку — всех![11] Будем любить друг друга еще крепче, если можно. Не будем расходиться, пока живы.

Ваш брат и друг навсегда

Ф. Достоевский.

P. S. Я работаю день и ночь (боюсь ужасно за успех работы, а как бы именно теперь надо успеха!)[12] Аня вам пишет несколько строк: она *последние дни* ходит.[13]

Ожидаю скорого письма от вас. До свидания, дорогие, когда-то увидимся.

Адрес мой *тот же*.

334. А. Н. МАЙКОВУ

18 февраля (1 марта) 1868. Женева

Женева $\frac{\text{18 февр.}}{\text{1 марта}}$/68.

Добрый, единственный и бесценный друг (все эти эпитеты к Вам применимы и со счастьем их применяю) — не сердитесь на мое бессовестное молчание. Судите меня с тем же умом и с тем же сердцем, как прежде. Молчание мое хоть и *бессовестное*, но почти ведь буквально невозможно мне было отвечать, — хоть и порывался несколько раз. Завяз с головой и со всеми способностями во 2-й моей части, приготовляя ее к сроку. Окончательно испортить не хотелось, — слишком много от успеха зависит. Теперь же даже и не успеха надо, а только чтоб не случилось окончательного падения: в дальнейших частях еще можно будет поправиться, потому что роман выходит длинный. Отослал наконец и 2-ю часть (опоздал сильно, но, кажется, поспеет).[1] Что Вам сказать? Сам ничего не могу про себя самого выразить. До того даже, что всякий взгляд потерял. Нравится мне финал 2-й части;[2] но ведь это только мне; что скажут читатели? Остальное всё как и в первой части, то есть, кажется, довольно вяло. Мне бы хоть бы только без большой скуки прочел читатель, — более ни на какой успех и не претендую.

Голубчик, Вы мне обещали тотчас же по прочтении 1-й части отписать сюда Ваше мнение о ней. И вот каждый день шляюсь на почту, и нет письма, а вероятно, уж Вы «Русский вестник» имели. Заключение вывожу ясное: что роман слаб и так как Вам говорить мне такую правду в глаза, по деликатности, и совестно и жалко, то Вы и медлите. А я именно в *такой* правде нуждаюсь! Жажду какого-нибудь отзыва. Без этого просто мучение.[3]

Правда, Вы мне написали 2 письма еще до выхода,[4] — но не может быть, чтоб Вы, в таком деле, со мной письмами считались! Но довольно об этом.

Если б Вы знали, друг мой, с каким счастьем я перечитываю по нескольку раз каждое письмо Ваше! Если б Вы только знали, какова моя здешняя жизнь и что для меня значит получение письма от Вас![5] Никого-то я здесь не вижу, ни о чем-то не слышу, а с начала года так даже и газеты («Московск<ие> ведомости» и «Голос») совсем не приходили. Живем с Анной Григорьевной глаз на глаз и хоть живем довольно согласно и друг друга любя и, кроме того, оба заняты, а все-таки скучно, — мне по крайней мере. Анна Григорьевна уверяет совершенно искренно

(я в этом убедился), что она очень счастлива. Представьте себе, до сих пор еще у нас нет ничего и ожидаемый джентльмен еще не являлся на свет. Я каждый день жду, потому что все признаки. Ждал вчера в мои именины; не было. Жду сегодня и уж завтра-то, кажется, наверно.[6] Анна Григорьевна ждет с благоговением, любит будущего гостя чрезмерно, переносит бодро и крепко, но в самое последнее время у ней нервы расстроились и иногда посещают ее мрачные мысли: боится умереть и проч.[a] Так что положение довольно тоскливое и хлопотливое. Денег у нас самая малая капелька, но, по крайней мере, не бедствуем окончательно. Предстоят, впрочем, траты. В этом, однако, положении Анна Григорьевна мне стенографировала и переписывала, кроме того, успела сама всё сшить и приготовить, что следует ребенку.

Сквернее всего то, что Женева уж слишком скверна; мрачное место. Сегодня воскресение: ничего не может быть мрачнее и гаже ихнего воскресения. Переехать же теперь никуда нельзя, недель пять просидим здесь по болезни, а там еще неизвестно как деньги. Наступающий месяц для меня тяжел будет: болезнь жены и 3-я часть, которую, хотя и опоздаю, а все-таки надо безостановочно выслать. А затем и 4-ю;[7] вот тогда, я думаю, и выедем из Женевы, этак к маю. Хорошо еще, что здесь зима вдруг смягчилась. Весь здешний февраль был теплый и ясный, точь-в-точь как у нас в Петербурге в апреле, в ясные дни.

Обо всем, об чем мне сюда пишете, всегда и беспрерывно интересуюсь. В газетах ищу всегда чего-нибудь в этом же роде, как потерянной иголки, — соображаю и угадываю. Подлость и мерзость нашей литературы и журналистики и здесь ощущаю. И как наивна вся эта дрянь: «Современники», н‹а›пр‹имер›, лезут на последние барыши всё с теми же Салтыковыми и Елисеевыми — и всё та же закорузлая ненависть к России, всё те же ассоциации рабочих во Франции и больше ничего.[8] А что Салтыков на земство нападает, то так и должно.[9] Наш либерал не может не быть в то же самое время закоренелым врагом России и сознательным. Пусть хоть что-нибудь удастся в России или в чем-нибудь ей выгода — и в нем уж яд разливается. Я это тысячу раз замечал. Наша крайняя либеральная партия в высшей степени стакнулась с «Вестью»,[10] и не может быть иначе. А про цинизм и гадость всей этой швали, — я иногда из газет вижу. Прислали мне сюда из Ред‹акции› 1-й № «Русского вестника». Прочел от доски до доски. Вашего нет, — должно быть, Вы или опоздали или для скрашивания февральской книжки Вас берегут, а в 1-й Полонский (стихотвор‹ение› премилое) [11] и Тургенев с повестью весьма слабою.[12] Прочел разбор «Войны и мира».[13] Как бы желал всё прочесть. Половину я читал. Должно быть, капитальная вещь, жаль, что слишком много мелочных психоло-

---

[a] *Далее было начато:* Лишь бы поскорей

гических подробностей, капельку бы поменьше. А впрочем, благодаря именно этим подробностям как много хорошего. Ради бога, пишите мне чаще о литературных новостях. Вы о «Вестнике Европы» упоминали (это Стасюлевич?). Мне кажется, такого направления у нас много развелось.[14] Представьте: об «Москве»,[б] об «Москвиче» — понятия не имею.[15]

Ваша «Софья Алексеевна» — совершенная прелесть, но у меня мысль махнула: как бы хорошо могло бы быть, если б вот этакая «Софья Алексеевна» очутилась эпизодом в *целой поэме* из того времени, то есть *поэме раскольничьей*, или в романе в стихах из того времени! Неужели Вам такие намерения никогда не заходят в голову? А такая поэма произвела бы огромный эффект.[16] Но что же, что же наконец «Слово о полку Игореве» — Вы не пишете, где оно будет? Вероятно, в «Русском вестнике».[17] В таком случае я прочту его! Можете представить, с каким нетерпением жду. Кроме чтения, о котором Вы упоминали, — не читали ли Вы где его в публике?[18] Опишите мне всё. Что Вы читали на юбилее Крылова, кроме того, что мне прислали? Я читал в газетах, но неясно.[19]

В последнее время у нас как будто затихло;[20] только — вот о подписке на голодных читаю.[21] Славянство и стремления славянские, должно быть, вызывают у нас целую тьму врагов из русских либералов.[22] Когда-то эти проклятые подонки застарелого и ретроградного выскребутся! Потому что русского либерала нельзя никак считать чем-нибудь иначе, как застарелым и ретроградным. Это — так называемое прежде «образованное общество», сбор всего отрешившегося от России, не понимавшего ее и офранцузившегося — вот что либерал русский, а стало быть, ретроград. Вспомните лучших либералов — вспомните Белинского: разве не враг отечества сознательный, разве не ретроград?

Ну, черт с ними! Здесь я только полячишек дрянных встречаю по кофейным, громадными толпами, — но в сношения не вхожу ни в какие. С священником я не познакомился.[23] Но вот родится ребенок — придется сойтись. Но, друг мой, вспомните, что священники наши, то есть[в] заграничные, не все такие же, как висбаденский, о котором я Вам говорил, уезжая из Петербурга (а познакомились ли Вы с этим? Это редкое существо: достойное, смиренное, с чувством собственного достоинства, с ангельской чистотой сердца и *страстно* верующее.[г] Ведь он, кажется, ректор теперь в Академии).[24] Впрочем, дай бог, чтоб и здешний оказался хорош, хотя он не может не быть избалован аристократией. Здесь, в Женеве (по «Journal des Etrangers») ужасно много русской аристократии, так даже странно, что всю зиму зимовали не в Montreux, например, а в Женеве, где климат плохой.

б *Было:* об «Москвитянине»

в *Далее было:* по преиму‹ществу›

г *Было:* верующий

Если перееду куда-нибудь, то в Италию, но до этого еще далеко и, во всяком случае, тотчас же Вас уведомлю, так что в адрессе Вам не будет задержки. А Вы мне, ради Христа, пишите. Здоровье мое не скажу чтоб очень хорошо. С весной припадки стали опять почаще. Читал Ваш рассказ о Вашем присяжничестве, и у самого сердце билось от волнения.[25] Об судах наших (по всему тому, что читал) вот какое составил понятие: нравственная сущность нашего судьи и, главное, нашего присяжного — выше европейской бесконечно: на преступника смотрят христиански.[26] Русские изменники заграничные даже в этом согласны.[27] Но одна вещь как будто еще и не установилась: мне кажется, в этой *гуманности* с преступником еще много книжного, либерального, несамостоятельного. Иногда это бывает. Впрочем, издали я могу ужасно ошибаться. Но, во всяком случае, наша сущность, в этом отношении, бесконечно выше европейской. И вообще, все понятия нравственные и цели русских — выше европейского мира. У нас больше непосредственной и благородной веры в добро как в христианство, а не как в буржуазное разрешение задачи о комфорте.

Всему миру готовится великое обновление через русскую мысль (которая плотно спаяна с православием, Вы правы), и это совершится в какое-нибудь столетие — вот моя страстная вера.[28] Но чтоб это великое дело совершилось, надобно чтоб *политическое право* и первенство великорусского племени над всем славянским миром совершилось окончательно и уже бесспорно. (А наши-то либералишки проповедуют распадение России на союзные штаты! [29] О, г<--->ки!)

Имею к Вам опять огромнейшую просьбу, или, лучше сказать, 2 просьбы, и надеюсь всего от Вашего доброго сердца и братского участия ко мне.[д] Вот в чем дело: я написал Каткову с отправлением 2-й части и прошу у него 500 руб. Это ужас — но что же мне делать? Возможности нет не просить. Сначала у меня были мечты: 1) написать 4 части (то есть 23—24 листа) и 2) написать *хорошо*, — и тогда уже обратиться с большой просьбой. Но повторяю — возможности нет. Теперь, со 2-ю частию, сдано в Редакцию всего $11^1/_2$ листов, — значит, рублей на 1 700 примерно. Всего я должен туда 4 560 г. (Ух!) = значит, остается теперь еще долгу на 2860 р., и вот при этаком-то положении долга я прошу опять 500 р., то есть возвышаю опять долг на 2 860 + 500 = 3 360 р. Но в виду то́, что к 1-му мая доставлю опять на 1 700 р., а следов<ательно>, останется всего долга тоже рублей на 1 700 и не более. Мучился я, посылая эту просьбу о 500 р., чрезмерно. Главное то́, если б роман был хорош! Тогда бы и просить было несколько извинительнее.

Пришлет или нет — не знаю. Но, однако, на всякий случай, сообщаю Вам всё, а вместе с тем и две великие просьбы мои:

[д] *Далее было начато:* Закончу когда-нибудь

1-я просьба: я просил Каткова, в случае согласия на эти 500 р., распорядиться так, чтоб 300 р. были высланы мне сюда, в Женеву, а 200 р. в Петербург, на Ваше имя,[30] Вам лично. И однако, несмотря на то, что, может быть, Вы и получите эти 200 р., я все-таки перед Вами остаюсь подлецом и не могу уплатить Вам (который, уже конечно, нуждаетесь) ни копейки! [31] Меня и Анну Григорьевну это так мучает, что мы иногда по ночам говорим об этом; но все-таки просьба моя: подождите еще немножко на мне и тем спасите меня от ужасных страданий. Страдания же мои в том — *2-я просьба*, — что я даже вообразить не могу без ужаса, что делается теперь с несчастной Эмилией Федоровной? У ней Федя, но не жестоко ли и не грубо ли с моей стороны надеяться и взвалить всю заботу о семействе на бедного молодого человека, который слишком молод, слишком бьется, чтоб прокормить их, и, уж конечно, может *потерять терпение*, а это ведет на дурную дорогу. Очень, очень может привести. Чем-нибудь помочь я должен и обязан. Хоть крошкой. Кроме их есть Паша. Опять та же история: невозможно молодому мальчику, несовершеннолетнему, жить своим трудом, это невозможно, нелепо и грубо с моей стороны. Жестоко. Это значит толкать его на погибель; не вытерпит. А мне его Марья Дмитриевна завещала, последняя просьба ее. И потому *умоляю Вас*, если получите эти 200 р., распорядиться так: *сто руб.* отдать Эмилии Федоровне, все разом, и 100 р. Паше, но Паше выдать теперь только 50 р. (не говоря ему, что у Вас есть другие 50) и через 2 месяца еще 50, разом же. (Кроме житья необходимы поправки в белье, в платье, *необходимы* и некоторые пустяки, одним словом, нельзя менее 50 разом.) Эти 200 р., если Катков согласится, к Вам могут прийти отселе через две недели, но могут замешкать и на месяц. Я же Пашу уведомлю так, чтоб он слишком рано к Вам не заходил. Вы мне писали, что они Вас тогда очень беспокоили; [32] простите им, голубчик! Эмилии же Федоровне доставьте сами или дайте знать через Пашу, чтоб она к Вам пришла получить. Всё это, разумеется, если получите: так я и им напишу. Ну вот, это 2-я просьба моя. Беспокою я Вас чрезвычайно, но, друг мой, избавьте меня от этих страданий. Вообразить их положение для меня такое страдание, что лучше мне самому это вынести. И подумать, что всё, вся судьба моя зависит от успеха романа! Ох, трудно быть поэтом при таких условиях! Какова же судьба, н‹а›-пр‹имер›, Тургенева, и как он смеет после этого являться с Ергуновым! [33] А что он мне сам сказал буквально, что он [е] немец, а не русский, и считает за честь считать себя [ж] немцем, а не русским, то это *буквальная* правда! [34]

До свидания, друг мой. Главное, чему я рад за Вас, это то, что Вы не допускаете праздности Вашему духу. В Вас кипят и

[е] *Далее было начато:* счит‹ает›
[ж] *Вместо:* считать себя — *было:* называться

желания и идеалы и цели. Это много. В наше время если апатия захватит человека, то он пропал, умер и погребен.

До свиданья, обнимаю Вас крепко и желаю всего лучшего. Пишите мне и напишите хоть что-нибудь о моем романе. Ну хоть что-нибудь.

Читаю политические новости все постоянно. Врак, конечно, бездна;[35] но пугает меня ужасно некоторое ослабление и принижение нашей иностранной политики в последнее время.[36] Кроме того, и внутри у нас много врагов реформ государевых.[37] На него только одна и надежда. Он уже доказал свою твердость.[38] Дай бог ему еще долго царствовать.

Анна Григорьевна кланяется Вам, Анне Ивановне и Евгении Петровне. Я тоже; напомните им обо мне, пожалуйста. Кажется, сегодня у меня что-нибудь будет. Миша или Соня — так уж положено.

Прощайте, дорогой друг.

Ваш весь Ф. Достоевский.

335. П. А. ИСАЕВУ

19 февраля (2 марта) 1868. Женева

Женева 3[а] марта / 19 февраля 68.

Милый, дорогой, бесценный мой Паша, прости меня, голубчик, что не тотчас отвечал на твое письмо.[1] Занят был ужасно; но твоему письму я обрадовался как не знаю чему. Я, друг мой, думал, что ты за что-нибудь сердишься на меня, и ужасно страдал сердцем (поверь мне). А ты просто, по всегдашней своей ветрености, махнул в Милан. Ну как это можно делать? И еще с важным письмом! Сделай одолжение, друг мой, вперед никогда не адрессуй[б] *наугад*, а всегда жди заране уведомления от меня с точным адрессом.

Если б ты знал, Паша, как я страдал об тебе и, главное, тем, что ничем не могу тебе помочь. Поверь, что сам мучился здесь без денег и всё было в закладе. Главное то, что задолжался в «Русский вестник» чрезмерно. Выехав из России, я уже был должен 3000 р. в «Русский вестник». Потом еще брал. И вдруг оказалось, что я и роман-то перед самой отсылкой, что написано было, уничтожил, потому что скверно. Начал другой; но прежде чем послал в Редакцию «Русского вестника» 1-ю часть — ничего от них не мог просить. Да и теперь,[в] по моему колоссальному

[а] *В подлиннике описка.*

[б] *Вместо:* никогда не адрессуй — *было:* никогда ничего на данный адресс

[в] *Было:* тут

долгу, долго еще просить не в состоянии значительной суммы. Теперь я отослал уже 2 части. Знай, что ровно в 2 месяца я написал и отослал $11^1/_2$ печатных листов. Можешь себе представить, как я работал! День и ночь;[2] и потому, опять повторяю, извини, что не мог тебе сейчас ответить на твое милое письмецо от 25 января.

Федя тебе сказал, пишешь ты, что я, может быть, к 1-му числу (февраля) денег пришлю. Я ему с такою точностию не писал и чисел не обозначал.[3] Потому что я еще ничего не могу требовать *наверно* из Ред‹акции› «Русского вестника», так как сам должен, а разве просить честью.

Но вот что напишу тебе теперь: *три дня* назад, то есть по нашему 15 числа февраля, я послал к Каткову письмо, в котором прошу его убедительнейше, чтоб он, между прочим, прислал на имя Аполлона Николаевича Майкова (в Петербург) — 200 р.[4] Аполлону же Николаевичу писал сегодня и просил его очень распорядиться этими деньгами так, чтоб *100 р.* были выданы Эмилии Федоровне; 50 р. (пятьдесят рублей) тебе и 50 р. Анне Николавне за проценты за нашу мебель и вещи (она очень нуждается и уже не в силах платить за нас, а до сих пор всё из своего кармана платила).[5] NB. Ты ей об этом не говори, да и никому не говори; она будет уведомлена отдельно. Таким образом, ты получишь себе и разом пятьдесят рублей от Ап‹оллона› Николаевича. Я понимаю, голубчик мой дорогой, что это мало и что тебя бы надо покрепче поддержать, но что же делать мне, друг мой, — не могу покамест. Но при первых деньгах, знай, еще пришлю тебе. Когда именно, не знаю. И потому, советую, береги и эти 50 р. Потому что охоты у меня много, а когда-то еще я в состоянии буду?

Теперь, друг мой, вот что и *ГЛАВНОЕ:* пишу тебе об этих *пятидесяти рублях*, а между тем еще и сам не знаю наверно: разрешит ли Редакция? Согласится ли Катков? (потому что уж слишком я туда задолжал, а отработал все-таки еще мало). Боюсь ужасно, что не согласится; тогда пропал и я, потому что мои дела здесь ужасно плохие — долги и расходы. Боюсь и за вас: то есть за тебя и за Эмилию Федоровну. И потому по получении этого письма *не надейся еще наверно.* Впрочем, я должен тебе признаться, что вероятности получить *гораздо больше*, чем не получить, и думаю, что получишь наверно.

Теперь вот что еще и опять-таки *главное*: Редакция «Русского вестника» отвечает всегда чрезвычайно медленно. Поэтому ожидать получения ты можешь не иначе как разве недели 2 спустя по получении этого письма, а *может и позже.* Во всяком случае, сходи наведаться к Аполлону Николаевичу (через которого и получишь) никак не раньше 1-го марта. Боюсь, что вы его очень обеспокоите беспрерывными осведомлениями.

Не ропщи на меня и не претендуй, дорогой мой и милый мне всегда Паша, что я Эмилии Федоровне посылаю *100* р., а тебе

только *50*. Но, друг мой, ты все-таки один, а она не одна. Сам ты пишешь, что нужд у ней много. Да и Феде надо помочь; он трудится и дай ему бог. Я его люблю очень. И тоже готов бы всё отдать, да покамест нечего.

О тебе же скажу, что ты меня очень обрадовал, что решился взять место и стал работать.[6] Я уважаю тебя за это, Паша. Это благородно. Конечно, место неважное; но ведь и ты еще молод; подожди. Но знай, что ты не оставлен мною. Покамест я жив, ты будешь сын мой, и сын дорогой и милый. Я твоей матери клялся не оставить тебя еще накануне ее смерти. Я тебя еще малого ребенка[г] назвал сыном моим. Могу ли я тебя оставить и забыть? Когда я женился и когда ты мне тогда намекал, что теперь твоя роль будет другая — я тебе ничего не отвечал, потому что мне тогда твое предположение *было обидно*. Теперь признаюсь тебе в этом. Знай же, что ты всегда останешься моим сыном, моим *старшим* сыном, и не по долгу, а по сердцу.

Если я на тебя часто кричал и сердился, — то таков мой несчастный характер, а я тебя люблю так, как редко кого любил. Как только ворочусь в Петербург, то употреблю все средства и усилия, чтоб достать тебе место получше, и деньгами всегда буду помогать тебе, *пока живу* и когда будут хоть какие-нибудь деньги.

Испугал ты меня очень тем, что писал в письме, что ты нездоров. Напиши мне (прошу тебя) сейчас по получении этого письма, хоть несколько строк. Не франкируй, чтоб не расходоваться напрасно. Адресс мой тот же:

Suisse, Genève, poste restante. A m-r Dostoiewsky.

Все мои надежды, разумеется, на моем романе. Удастся он — продам 2-е издание, заплачу долги и ворочусь в Россию. Сверх того, могу еще вперед взять из журнала. Но боюсь, что выйдет плох. Мысль мне очень нравится; но ведь как исполнение! Называется «Идиот». 1-я часть[д] вышла в «Русском вестнике». Не читал ли?[7] Главное, если б удался; тогда всё спасено.

Работаю день и ночь; живу скучно. Женева ужасно скучный город. Всю зиму дрог от холода; но теперь у нас весна настоящая, +10 град‹усов› Реомюра. Здоровье мое ни то ни се. Нуждаюсь ужасно и постоянно. Живем копейками; всё заложили. Анна Григорьевна теперь уж *на последних часах*. Думаю, не родит ли сегодня в ночь?[8] Сам в тревоге ужасной, а между тем писать надо, не останавливаясь. Суди сам, могу ли я отвечать тотчас на письма.

Об своем житье пиши подробнее.[е] Береги здоровье. Насчет твоего вопроса о том, что 30 р., посланных Эм‹илии› Фед‹оровне›, были ли плата за тебя или собственно ей, — *реши сам как хочешь*,

---

г *Было:* малым ребенком

д *Было:* глава

е *Далее было начато:* Пишу тебе по

то есть как тебе выгоднее. Если тебе выгоднее, чтоб в виде платы за тебя, то пусть так и будет. Ты мне написал свой адресс, но я боюсь и потому пишу письмо через Ап<оллона> Николаевича, которого и попрошу передать тебе немедленно. У кого ты живешь? не у Прасковьи ли Петровны? то кланяйся и целуй Ваню. Ох Паша, моли бога, чтоб роман удался, всё тогда спасется, со всеми расплачусь, вам всем помогу и сам приеду.

Если ты очень нуждаешься, то не найдешь ли занять до получения 50 руб. хоть капельку? потому что все-таки эти 50 р. *довольно верны.* Прощай, Паша, обнимаю тебя и целую крепко-крепко, как дорогого и милого сына,

твой весь Ф. Достоевский.

Анна Григорьевна тебе кланяется. Ей теперь очень трудно. хотя она и бодро переносит. Надеюсь, что всё пройдет благополучно. Береги себя, пиши. Кланяйся всем.

Катков со мной постоянно поступал благороднейшим образом; вот почему и надеюсь твердо, что согласится и на эти 200 р.

Алонкину напишу завтра или послезавтра.[9] Боюсь, чтоб он не встревожился. Я честно ему заплачу.

Будь здоров, главное. Всегда буду о тебе помнить. Чаще пиши. До тех пор, *пока сам не переменю адресса, — мой адресс тот же.*

Я так был поражен смертью Александра Павловича и так жаль его. Кому он не делал добра! Редкий и благороднейший был человек.[10]

336. А. Н. МАЙКОВУ

20 февраля (3 марта) 1868. Женева

Женева $\frac{\text{3 марта}}{\text{20 февраля}}$/68.

Вот и опять к Вам несколько строк, любезный друг Аполлон Николаевич, и опять с чрезвычайной просьбой. (Получили ли Вы вчерашнее мое письмо, в котором я Вас уведомлял, что Катков, может быть, недели через *2* или *три* пришлет на Ваше имя 200 р.? Я Вас просил убедительнейше помочь мне и раздать эти деньги (*100* р. Эмилии Федоровне, *50* Паше, а *50* остальных) (тоже для Паши) — не говоря ему, попридержать у себя и выдать через два месяца).[1] По одному настоятельному случаю и по неотлагательной причине я должен распорядиться иначе. А именно: выдав Эм<илии> Фед<оровне> 100, *а Паше теперь 50*, остальные *50* выдайте, голубчик мой родной, Анне Николавне Сниткиной, матери Анны Григорьевны. Вы ей можете дать знать, чтобы она пришла к Вам за получением, через Пашу. А впрочем, мы ей напишем, и она сама придет. Уезжая из Петербурга, мы заложили ростовщикам и в громоздкие движимости, кажется, всю нашу мебель

и все наши вещи. В продолжение целого года проценты (и весьма значительные) платила за нас Анна Николавна из своего кармана; но теперь у ней у самой большие расходы, и хоть она не просит с нас денег для уплаты процентов и продолжает платить по-прежнему, но помочь ей необходимо и именно в это время. А уж Паше я потом как-нибудь пришлю, если будут деньги через 2 месяца.

Не оставьте же меня, друг бесценный, не оставьте и исполните все эти комиссии, имеющие для меня самую капитальную важность. Прошу убедительнейше. Постараюсь, чтоб они все Вас не очень беспокоили, попрошу их.

До свидания. Обнимаю Вас крепко.

Ваш весь Федор Достоевский.

P. S. Нынешнею ночью произошел со мной припадок, до того крепкий, что я опомниться не могу до сих пор, и всё болит, особенно голова до нестерпимости.

P. S. Вот до какой степени я рассеян и всё у меня сбилось в голове от припадка: написал письмо к Паше, самое *неотлагательное,* и хоть он и сообщил мне свой адресс, но я боюсь посылать, потому что он, может быть, опять съехал, и прошу Вас доставить это письмо ему.[2] Голубчик Аполлон Николаевич, простите меня за все эти бессовестные хлопоты, которые Вам доставляю, но письмо это к Паше, которое при сем прилагаю, для меня до такой *степени важно* и заключает такой вопрос для моей души и сердца, что ничего для меня не может быть важнее, как скорая доставка ему этого письма. Будьте благодетелем. Стоит только это письмо послать к нему через кого-нибудь в *Адресный стол.* Это близко от Вас, и Вы его тотчас же найдете. На всякий же случай на письме надписываю и адресс его квартиры,[3] тоже от Вас не очень далеко. Будьте благодетелем и доставьте немедленно.

337. В. М. ИВАНОВОЙ

24 февраля (7 марта) 1868. Женева

Женева $\frac{\text{7 марта}}{\text{24 февраля}}$/68.

Пишу тебе, милый друг Верочка, чтоб поблагодарить тебя за письмо твое,[1] которое пришло к нам прямо в день моего рождения,[2] и вместе с тем возвестить тебе, что третьего дня, 5 м‹арта›/22[а] ф‹евраля› Аня подарила мне дочку, славную, здоровую и умную девочку, до смешного на меня похожую. Обе они, и мать и дочь, находятся в самом удовлетворительном состоянии, и надеюсь на божию помощь, что и дальнейшее всё обойдется благо-

---

[а] *В подлиннике ошибочно:* 24

получно. Дочка будет названа Соней в честь Сонечки (так уж давным-давно было положено) — причем напоминаю, что Сонечка мне не пишет. Но не смею и требовать. Ваше общее положение таково, что мы с Аней несколько раз старались себе представить его и каждый раз возвращались с половины дороги. Благодарю тебя, друг мой, за все подробности твоего письма. Я жаждал узнать их. Да, редкий человек может сказать: «Мне можно умереть, я никому зла не сделал». Это был человек полный настоящей, деятельной любви. Ты говоришь, что многие выказали свою симпатию: еще бы![3] Каждый день жалею, что теперь я не в Москве. Не знаю, друг мой, что сказать тебе насчет брата Андрея. Ты сама знаешь, что он, с самого начала своего поприща, почел как бы за обязанность отделиться от нас от всех, хотя, разумеется, не имел ни малейшей причины отдаляться. Со мной он сделал в после‹днее› время, в России, некоторые шаги к сближению.[4] Дай ему бог всевозможного счастья. Но бояться, я думаю, ему нас нечего. О том, что покойный брат[5] оставил дела в порядке, я рад: по крайней мере это утрет кой-кому нос. Напрасно, голубчик мой, ты как будто уверить меня хотела, что в делах, оставленных им, не могло быть фальши. У тебя есть фраза: «Но это, ты теперь видишь, была ошибка, а не мошенническая проделка». Будто я в состоянии был хоть одну минуту заподозрить такого человека! А на то, что ты упрекнула меня, зачем я тебе не сказал тогда же, кто отзывался о его распоряжениях и намерениях дурно, то это было совершенно не надо, до того, что напрасно я и теперь сказал.[6] Факты всегда сами за себя скажут — это раз. Во-вторых, ты слишком принимаешь это к сердцу. Да наплевать на эту грязь, — вот всё, чего она стоит! Милая Верочка, да неужели ты не знаешь таких людей, которые за свою выгоду продадут отца и мать, отрекутся от родных и друзей и не только не умрут, на работе человечеству, оставив 10 человек детей, мал-мала меньше, и вдову, но еще других ограбят. В этих грязных сердцах как-то безо всякого угрызения и стыда складывается всегда, день и ночь, подозрение насчет ближнего и непременно в том, что тот посягает на их собственный интерес. Им легче быть с подозрением, чем без него. Я не знаю, кого они любят, да и любят ли они кого-нибудь. Так что ж, неужели ж взяться их разуверять и исправлять их сердца? Стоит того! А наконец, в-третьих, я тогда сам хорошо ответил, так что возбудил негодование и чуть не намек на себя самого.[7]

Пишу тебе, в этот раз, только несколько строк, дорогая сестра. Не взыщи на мне. Теперь буду писать часто, каждый месяц по крайней мере. В настоящую же минуту я весь исковеркан и изломан. Ровно в 2 месяца отослал в редакцию «Русского вестника» $11^1/_2$ печатных листов романа и в следующие 2 месяца надо отослать, по крайней мере, еще столько же.[8] У меня свободного времени в каждый месяц теперь только два-три дня, сейчас после отсылки в редакцию текста, и вот в это время я и отвечаю на

все полученные в продолжение месяца письма; в другое же время физической возможности не имею. Сегодня же сяду за 3-ю часть; надо было бы раньше сесть, да помешал ужасно сильный припадок, бывший накануне рождения Сони. Полюби свою племянницу, голубчик мой. Напиши мне что-нибудь поскорее, главное, более подробностей о себе, не пренебрегай никакими подробностями: чем мельче подробность, тем отраднее. Напиши, где намереваетесь жить летом? Я покамест в Женеве и не выеду месяца два, пока не напишу 3-ю и 4-ю часть. Этот роман мучает меня из ряду вон, как никакой прежний: на нем сосредоточено слишком много надежд моих. Если удастся — будут деньги и можно будет воротиться скорее, не удастся — полное бедствие. У меня убеждение, что не удастся, и я нахожусь в самом тяжелом расположении духа. С тех пор как я начал письмо, то есть вчерашней ночи, у Ани лихорадка (третий день сегодня). Хорошо еще, что не так холодно; иные дни как у нас в мае, в начале. Зато ужасно изменчива погода; бывают вихри. Вчера целый день дождь. До свидания, милая сестра, обнимаю тебя крепко и люблю всех вас. Напомни обо мне Сонечке и Машеньке. Аня просила меня несколько раз *не забыть* от нее поклониться. Знай, Верочка, что она от искреннего сердца плакала об Александре Павловиче. Адресс тот же. До свидания милая, скоро буду опять писать.

Твой искр‹енне› брат Ф. Достоевский.

Мой поклон всем — Елене Павловне, Марье Сергеевне.

338. Э. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ

26 февраля (9 марта) 1868. Женева

Женева $\frac{\text{9 марта}}{\text{26 февраля}}$/68.

Любезнейшая и многоуважаемая сестрица Эмилия Федоровна,

22 февраля/5 м‹арта› бог мне дал дочь, Софью, о чем спешу Вас уведомить, вместе с просьбою полюбить Вашу племянницу. Всё обошлось совершенно благополучно, и Анна Григорьевна (которая Вам искренно кланяется и желает всего лучшего) в настоящую минуту почти выздоравливает.

У нас было много хлопот во все последние месяцы нашего житья в Женеве и порядочная нужда, так что я не мог часто писать к Вам. В последнее же время, два месяца напролет, занят день и ночь, работаю, пишу роман; надобно и не опоздать и сделать хоть сколько-нибудь удовлетворительно. Слишком много связано с этим романом в будущем; при успехе[a] можно продать

---

[a] *Далее было:* его

к концу года *второе издание*, а стало быть, хотя частию заплатить долги и возвратиться в Россию. При неуспехе же уж и не знаю что будет, но только очень плохо. В эти два месяца я написал и отослал в Редакцию «Русского вестника» на $11^1/_2$ печатных листов,[1] а стало быть, сами видите, было ли мне время писать хоть кому-нибудь?

И, однако ж, всё это время я страшно сокрушался, что ничего не могу Вам послать и ничем поделиться с Вами. Был в невыносимой тоске по Вас. Хуже всего то, что я запоздал с романом. Если б я не истребил того, что написал раньше, [2] то в настоящую минуту хоть какие-нибудь деньжонки были бы. Но я сам постоянно нуждался всё это время и хотя постоянно получал, по моим просьбам, из «Русского вестника», но слишком мало, так что здесь задолжал, и вещи мои, какие возможно, здесь в закладе. Так как уж слишком много забрано в «Русском вестнике» вперед, то я и определил раньше не просить сумму сколько-нибудь позначительнее, пока не отошлю по крайней мере листов на 20 печатных. Но обстоятельства доконали меня и сделали, что я не мог выдержать решения и теперь, отослав всего только 11-ть печатных листов, послал просьбу о 500-х рублях.[3] (Родины обошлись гораздо дороже, чем я думал, и даже в эту минуту имею всего только сорок франков, а должен более 400 франков). Не знаю, будут ли согласны в «Русском вестнике» на эту просьбу, то есть пришлют или нет 500 р.? Они (то есть Катков) всегда со мной поступали превосходно. Но в последние три месяца я получал с небольшим только по сту руб. в месяц, так что 500 р., может быть, при моем огромном долге, покажется им слишком значительным требованием.[4]

Во всяком случае, надеяться все-таки можно, хотя ждать придется и долго, так как они, постоянно и всем, чрезвычайно медленно отвечают. Из этих 500 р. я просил прислать мне сюда в Женеву только 300 р., а 200 р. выслать к Вам в Петербург, на имя Аполлона Николаевича Майкова, о чем я А‹поллона› Николаевича, на всякий случай, предуведомил. Из этих 200 р. — *сто* руб. я просил Ап‹оллона› Николаевича выдать Вам, а *50* Паше.

Итак, наверно — конечно нельзя сказать: пришлют они или нет? Но все-таки ожидать можно, что пришлют. Во всяком же случае, пришлют *не сейчас,* а по крайней мере через *неделю по получении Вами этого письма*, так что раньше этого срока и не наведывайтесь к Ап‹оллону› Николаевичу.

Если эти 100 р. получите, то прошу Вас, любезнейшая Эмилия Федоровна, выдать *на руки* 10 р. Мише (которому, конечно, нужно гораздо больше для костюма и проч.), и 10 р. употребить (для костюма и проч.) на Катю, а 80 р. возьмите себе.

Ах, Эмилия Федоровна, пожелайте, чтоб роман удался, не опоздал и написал бы я его поскорее; тогда деньги будут, и опять Вам пришлю, может быть, и гораздо побольше. Я теперь сажусь писать дальше; роман будет листов печатных в сорок. В Женеве

проживу еще, по необходимости, месяца два и разве к маю переeду куда-нибудь недалеко. Сделайте одолжение, напишите мне или попросите Федю уведомить меня об Вас. Я рассчитывал еще осенью, что по крайней мере рублей 300 перешлю Вам и Феде в эту зиму; но вот как оно обернулось; даже Пашу бедного оставил на своем заработке.

Хозяину квартиры, Алонкину, буду писать завтра и буду просить его подождать еще немного па мне.[5] Во всяком случае, даже при самом малом успехе в моих делах, он не очень долго на мне прождет. Письмо же мое послужит ему все-таки некоторого рода документом па меня. Я очепь боюсь, что Вы от пего переехали. Не думаю, чтоб он Вам решился сделать неприятности: это человек рассудительный и благородный.

Известие о смерти Александра Павловича очень меня поразило. Бедная Верочка и бедные дети! На днях хочу писать к Саше и к Коле, чтоб уведомить их о рождении дочери, да и вообще сказать словечка два. Но так как адресс Саши, по моей глупой памяти, в точности говоря забыл, то и напишу на имя Ваше с передачею Саше. Здоров ли Федя? Здоровы ли все Ваши, а, главное, Вы? Я тащусь кое-как: припадки хоть и реже, чем в Петербурге, но все-таки посещают, особенно когда стал усиленно заниматься. Боюсь, что письмо мое как-нибудь к Вам не дойдет, то есть что Вы оставили эту квартиру или что-нибудь в этом роде. До свидания, любезнейшая и уважаемая Эм‹илия› Федоровна, жму руку Феде и целую Мишу и Катю, Анна Григорьевна обнимает Вас и кланяется Феде п Мише и целует Катю.

Ваш весь Ф. Достоевский.

P. S. Я Паше писал дней 5 тому назад.[6] Но тогда еще Соня не родилась. Уведомьте его от моего имени о рождении сестры, которую и прошу его любить. Ребенок здоровый, большой, сильный и необыкновенно на меня похожа. Соней назвали в честь Сонечки Ивановой. Если б мальчик был, то был бы Миша, в честь милого и незабвенного нашего покойнпка.

P.P.S.S.

С месяц тому назад я Феде писал (отвечал на его письмо). Дошло ли мое письмо?[7]

339. А. Н. МАЙКОВУ

2 (14) марта 1868. Женева

Женева 2/14 марта/68.

Любезнейший и истинный друг, Аполлон Николаевич, получил Ваше письмо, благодарю чрезвычайно, но нахожусь в ужаснейшем волнении и беспокойстве, потому что получил и другое

письмо (от Анны Николавны, матери жены) с странным известием: что Паша был у ней, говорил заносчиво, что он «знать не хочет, что я нуждаюсь, что я обязан его содержать и что теперь от Каткова много денег будет», вследствие чего объявил, что поедет в Москву, лично увидится с Катковым, разъяснит ему свое положение и спросит, на мой счет, денег. Анна Николавна *положительно* уведомляет, что он уже уехал в Москву, 15 фев‹раля› нашего стиля, а с начальством своим поссорился, так что она боится, чтоб его не выключили.[1]

Можете себе представить теперь мое положение? Каково положение перед Катковым? Я и сам-то о своих делах краснею и каждый раз положительно боюсь обращаться к Каткову, потому что уж до последнего не́льзя деликатно со мной поступали, и это связывает ужасно (на 4500 р. поверили вперед больному человеку, за границей, не видя еще ни строчки, а тут я, как раз, в то же время, 500 р. еще попросил!). Каково же представить, что он явится к Каткову, среди его действительно огромных занятий, и начнет декламировать, а может быть, говорить и дерзости, и, уже разумеется, меня черня по возможности![2]

Наконец: я вчера заложил последнее свое пальто, имею всего триддать франков и сорок для отдачи garde-malade,* 100 франков нужно отдать повивальной бабке, 120 франков квартира и прислуга к 20-му марта, то есть через 6 дней (экстренные цены за этот месяц) и на 300 франков долгу за заложенное имущество. Ровно через шесть дней у меня кончатся мои 30 франков, и тогда ни копейки, и нечего заложить, и весь кредит истощен. Вся моя надежда была на то, что Катков исполнит просьбу мою о 500 рублях, вышлет Вам двести (как я писал),[3] а 300 р. мне сюда, и что эти 300 именно придут к 20-му числу марта, то есть через шесть дней. Ну что же будет теперь, если Паша рассердит его и наконец выведет из терпения (потому что каждый человек может наконец потерять терпение при известных обстоятельствах) и он ответит мне отказом. Ну что тогда будет? Ведь я погиб, и уже не просто, а втройне погиб, потому что жена уже родила и больна. Между тем получаю вчера Ваше письмо; хоть числа и не обозначено, но на пакете значится, что принято в почтамте петербургском 26 февраля. В письме этом Вы ни слова не упоминаете об этом приключении. Стало быть, может быть и неправда. И, однако, Анна Николавна уведомляет *положительно*. Если так, то может быть и правда, но Вы не знаете (потому что, действительно, Вам трудно знать, потому именно, что если уж он это сделать решился, то наверно избегал попадаться Вам на глаза). Сижу теперь раздавленный и измученный и не понимаю, что делать. Думал сегодня же написать Каткову и извиниться перед ним, разъяснив ему все обстоятельство; потому что, во-1-х) так стыдно перед ним, что хоть провалиться,

* сиделке (*франц.*).

а во-2-х) боюсь и за деньги, что рассердится и не пришлет. С другой стороны, я письмо-то пошлю, а всё это неверно? Решаюсь лучше послать и пошлю завтра (письмо к Каткову).[4] Если б какое-нибудь известие просветило меня; но никакого ниоткуда известия не имею! Ждать же опасно, да и тяжело.

Во всяком случае, *УМОЛЯЮ* Вас, голубчик: исследуйте это дело и пришлите мне немедленно сведение; ибо я умру с тоски.

Если же это неверно, если Паша только говорил, а не сделал, то есть если он в Москву не ездил, с Катковым не говорил и даже не писал ему (это почти что всё равно, впрочем, то есть писать или видеться лично) — то, пожалуйста, не говорите Паше, что это я знаю через Анну Николавну. Боюсь, что он ей очень нагрубит. Одним словом, *во всяком случае*, про Анну Николавну ему ни слова. На Вас же смотрю как на провидение. А Каткову все-таки письмо пошлю; нельзя. Если Паша не виноват, то есть у Каткова не был, то я так ведь напишу, что ему лично не очень повредит: увлечение молодого человека, которого там и не знают. С своей стороны, скажу Вам, что мне жаль Пашу; я его не ужасно виню: действительно, молодость, совершенная невыдержанность. Это надо извинить и не поступать круто, потому что до погибели, будучи таким дурачком, — недалеко. А я ведь воображал, что он за ум взялся и понял, что ему уже (без очень малого) 21 год и что надо трудиться, если нет капиталу. Я думал, что, поступив на службу, он понял наконец, что честный труд его обязанность, равно как и всякого, и что нельзя же *упорно* и никого не слушая, как бы дав себе слово — *ничего не делать* и стать на том. А он, как теперь я понимаю, вообразил, что он *мне этим милость сделал*, что стал служить. И кто вбил ему в голову, что я *обязан* его содержать вечно, даже после 21-го года? Слова его Анне Николавне (которые, уж конечно, верны): «Я знать не хочу, что он сам нуждается; он обязан меня содержать», слишком значительны в известном смысле для меня: это значит, что он *не любит* меня. Конечно, я первый извиняю и знаю, что значит увлечение и заносчивое слово, то есть знаю, что слово не дело. Я всю жизнь помогать ему буду и желаю. Но вот беда: много ль он потрудился-то для себя? Три месяца он не получал только от меня пенсиона; но все-таки в эти три месяца он получил от меня 20 руб. деньгами и 30 р. я заплатил за него долгу Эм‹илии› Федоровне. Итак, в сущности, он только один месяц не получал! И тут стосковаться уж успел! Стало быть, не способен же этот человек для себя трудиться! Мысль не отрадная. Уж конечно, я из последнего необходимого посылаю теперь и ему и Эм‹илии› Федоровне. А ведь я уверен, что и у Эм‹илии› Федоровны меня бранят на чем свет стоит. И к тому же я человек больной. Ну если работать не в состоянии буду — что тогда?

Голубчик, Вы один мое провидение и истинный друг! Ваше вчерашнее письмо воскресило меня. Никогда тяжеле и труднее

не было ничего в моей жизни. 22 февраля (нашего стиля) жена (после ужасных 30-часовых страданий) родила мне *дочь*[5] и до сих пор больна, и тут знаете как нервы расстроены, надо удалять всякое неприятное известие, она же меня так любит. Соня, дочь, здоровый, крупный, красивый, милый, великолепный ребенок: я положительно половину дня целую ее и не могу отойти. Это хорошо; но вот что дурно: денег 30 франков; все до последней тряпки, моей и жены, заложены. Долги настоятельные, необходимые, *немедленные*. Вся надежда на Каткова и беспрерывная мысль: а что если не пришлют? Измучившее нас обоих известие о Паше. Страшная и беспрерывная боязнь моя, мешающая мне ночью спать: что если Аня захворает? (сегодня 10-й день), а у меня не на что ни доктора позвать, ни лекарства купить. *Еще не начатая* 3-я часть романа, которую я обязался честным словом доставить к 1-му апреля *нашего стиля* в Редакцию. Вчера ночью *радикально* измененный (в 3-й уже раз) весь план 3-й и 4-й части (а стало быть, еще три дня, по крайней мере, надо употребить на обдумывание нового расположения);[6] усилившееся расстройство нервов и число и сила припадков,[7] — одним словом, вот мое положение!

При этом при всем, до самого Вашего письма, полное отчаяние за неуспех и скверность романа, и следств<енно>, не упоминая об авторской тоске, убеждение во всех лопнувших надеждах, потому что на романе все надежды. Каково же должно было обрадовать Ваше письмо: ну не вправе ли я Вас назвать провидением! Ведь Вы мне всё равно, что покойный брат Миша, в теперешних моих обстоятельствах!

Итак, Вы меня радуете известием об успехе. Я совершенно ободряюсь теперь.[8] Третью часть я к 1-му апреля кончу и сдам. Ведь написал же $11\frac{1}{2}$ листов ровнешенько в два месяца! Умоляю Вас, голубчик, когда прочтете финал 2-й части (то есть в февральской книжке), напишите мне сейчас же.[9] Поверьте, что Ваши слова для меня ключ живой воды. Этот финал я писал в вдохновении, и он мне стоил двух припадков сряду. Но я мог преувеличить и потерять меру и потому жду беспристрастной критики. О, голубчик, не осуждайте меня за это беспокойство как за тоску самолюбия. Самолюбие конечно есть, разве можно быть без него? Но тут главные мотивы мои, ей-богу, другие! Слишком много с этим романом сопряжено, во всех отношениях.

Ваши письма всегда меня возбуждают и *подымают* во мне всё на несколько дней сряду. Ужасно бы хотелось и мне с Вами кой об чем поговорить. Но этот раз всё пошло на семейную дребе<де>нь; до другого письма. Ведь это тот Данилевский, бывший фурьерист, по нашему делу?[10] Да, это сильная голова. Но в журнале Министерств! Мало они расходятся, мало читаются. Нельзя ли оттиснуть хоть потом особо. О, как бы я желал прочесть?[11]

Пишите мне об себе как можно больше. Поклон мой всем Вашим. Жена Вас ужасно любит и кланяется Анне Ивановне. Она в восторге от своего произведения, да и я тоже (то есть от Сони). Что же касается до «Идиота», то так боюсь, так боюсь — что и представить не можете. Какой-то даже неестественный страх; никогда так не бывало.

Какие я Вам тоскливые и ничтожные письма пишу! Обнимаю Вас крепко, ваш весь

Федор Достоевский.

Во всяком случае буду писать чаще теперь.

Аня заплакала даже, прочтя в Вашем письме об успехе «Идиота». Она говорит, что гордится мною.

340. М. Н. КАТКОВУ

3 (15)—5 (17) марта 1868. Женева

Женева 3/15 марта/68.

Милостивый государь, многоуважаемый Михаил Никифорович,

Не нахожу слов, чтоб извиниться перед Вами, и не знаю как начать мое странное письмо. Я получил одно очень странное известие; оно может быть и неверно; в таком случае я только напрасно Вас беспокою, и мне это до крайности больно, потому что слишком уж часто я Вам надоедал личными, домашними моими обстоятельствами. Но, к несчастью, это известие скорее верно, чем неверно! Во всяком случае, я обязан перед Вами чрезвычайными извинениями и с этою целью пишу письмо это: если известие верно — простите за причиненное беспокойство; если нет — простите за письмо это.

Меня уведомили, и уведомили *положительно*, что пасынок мой, Павел Александрович Исаев, молодой человек около двадцати одного года, отправился из Петербурга в Москву, в конце февраля, с целью явиться к Вам и испросить у Вас денег, в счет моей работы, — от моего ли имени, или прямо для себя — не знаю.[1] Получив это известие, я был убит и не знал что делать. Вы так деликатно со мной поступали и вдруг, через меня, такое беспокойство! Но так как это очень могло быть (а если не было, то еще может случиться), то позвольте мне сделать некоторые объяснения.

Уезжая за границу, я оставил моего пасынка, всегда жившего со мною, под косвенным, нравственным надзором искреннего и доброго друга моего Аполлона Николаевича Майкова, через которого и пересылал всё что мог для его содержания. Этот пасынок мой — добрый честный мальчик, и это *действительно*; но, к несчастию, с характером удивительным: он положительно дал себе

слово, с детства, *ничего не делать*, не имея при этом ни малейшего состояния и имея при этом самые нелепые понятия о жизни. Из гимназии он выключен еще в детстве, за детскую шалость. После того у него перебывало человек пять учителей; но он *ничего* не хотел делать, несмотря на все просьбы мои, и до сих пор не знает таблицы умножения. Он, однако, уверен, и год назад спорил с Аполлоном Николаевичем Майковым, что если он захочет, то сейчас же найдет себе место управляющего богатым поместьем. Тем не менее, повторяю, до сих пор, лично, он — мил, добр, услужлив при истинном благородстве; немного заносчив и нетерпелив, но совершенно честен. Уезжая, я оставил ему денег, потом присылал сколько мог. Но в последние три месяца я нуждался ужасно, несмотря на беспрерывные присылки мне Вами денег и несмотря на чрезвычайную скромность и даже крайность моей жизни. Всё дело в сделанном раньше долге, хотя и очень небольшом, здесь в Женеве, в болезни жены и в некоторых экстренных расходах. То, что я не могу посылать помощи вдове моего брата[2] и пасынку, сокрушало меня здесь до боли. Но, однако же, в эти три месяца я все-таки пересылал ему 20 руб. деньгами и отдал за него 30 р. долгу. Стало быть, он не получал от меня денег всего какой-нибудь месяц. Между тем мои родственники и знакомые упросили его в это время принять хоть какое-нибудь служебное место, и я с чрезвычайной радостию узнал, что он наконец решился взяться *за какой-нибудь труд*. Он служил месяца два в Петербурге в адресном столе (место, конечно, по способностям).[3] Вдруг слышу, что он поссорился с начальством и отправился в Москву, прямо к Вам, чтоб взять у Вас денег, на том основании, что я: «обязан его содержать».

Обязанность эту я признаю, но только свободно в сердце, потому что искренно люблю его, взрастив его с детства, и по убеждениям моим понимаю, что значит ожесточить строгостию молодой и легкомысленный характер. Я сам-то, может, был еще легкомысленнее его в его летах, хотя, впрочем, учился. Тем не менее мне бы очень хотелось и я хотел осторожно довести до того, чтоб он понял сам, что нельзя же быть праздным, достигши полного совершеннолетия. Еще две недели назад просил я Вас, Михаил Никифорович, в просьбе моей о 500-х рублях, чтоб 200 были высланы Аполлону Николаевичу Майкову и только 300 руб. мне сюда.[4] Эти 200 назначались для вдовы моего брата и для него, для пасынка. Бог видит, что стоило мне просить у Вас такую сумму! Я предполагал попросить, — это так, — но заработав несравненно более; я же успел отослать всего только одиннадцать листов в Редакцию Вашего журнала. Если я это сделал, то единственно, чтоб отделить им эти 200 руб.! А между тем эти 200 руб. слишком бы много для меня теперь значили: ровно 12 дней тому назад родила жена моя; ее болезнь, прибавившиеся расходы — всё это ставит меня в крайнее положение. Каково же мне узнать об этаком приключении? Пишу к Вам, чтоб извиниться перед Вами

и попросить Вас не выдавать ему ничего, потому что я сделал положительные распоряжения сообща с Аполлоном Николаевичем. Я никогда не оставлю глупенького мальчика, пока буду иметь хоть малейшую возможность, — но простите, ради бога, если он Вас обеспокоил.[5] Вы поступали так деликатно со мной, что мне слишком тяжело было узнать об этом.

Несмотря на мое чрезвычайно хлопотливое теперешнее положение — работа идет. Третья и четвертая часть (всего листов 10 или 11) — последуют непрерывно одна за другой. Это будет половина романа.[6] Извините некоторую поспешность письма этого (в неразборчивости почерка) и примите уверение в моем искреннем уважении.

Вам совершенно преданный

Федор Достоевский.

P. S. Удастся ли роман — не знаю. Мучает меня его успех — ужасно. Но работаю с любовью. Задался, может быть, слишком, но за некоторые характеры ручаюсь. (Кабы за главный!)[7] Ах, кабы удался роман! В успехе его — вся моя будущность.

P. P. S. S. Если же случилось так, что пасынок мой уже получил что-нибудь от Вас, то в таком случае я, разумеется, беру этот долг на себя, а Аполлону Николаевичу прошу выслать уже не 200 руб., а с вычетом выданного моему пасынку.

Еще раз прошу Вас: извините за все эти дрязги. Мне так совестно перед Вами!

Ф. Д‹остоевский›.

Марта 5-го/17.

P. S. На всякий случай всё еще не веря в справедливость первого известия, остановил отсылку письма, в надежде получить какое-нибудь разъяснение через новое известие. Сейчас получил письмо, в котором уведомляют меня, что пасынок мой был у Вас и уже воротился и говорил, что Вы обещали ему в скором времени дать денег.[8]

Простите меня, ради бога, за него, многоуважаемый Михаил Никифорович! Когда я начинал это письмо, я всё еще думал, что это, может быть, и неправда. Подтверждаю все прежние просьбы мои. Я не могу допустить такой наглости с его стороны. Кто 12 лет пекся об нем, тот не мог и оставить его, и он должен был в это верить. Да и урок ему должен быть наконец дан: бывши совершеннолетним, нельзя жить в праздности и говорить всем: «Он обязан меня содержать». Это значит, что он даже меня и не любит, потому что не верит, что я и не по обязанности это сделаю. Обязанности же официальной, формальной тут нет и ни малейшей; она давно прекратилась, если и была.

Я уведомляю его обо всем через Аполлона Николаевича Майкова.

Еще раз простите меня за все эти чудовищные беспокойства и еще раз примите уверения искреннего уважения преданного Вам

Федора Достоевского.

341. А. Н. МАЙКОВУ

21—22 марта (2—3 апреля) 1868. Женева

Женева $\frac{20^{a}\ \text{мар‹та›}}{2\ \text{апреля}}$

Любезнейший и добрый друг, Аполлон Николаевич, во-первых, благодарю Вас чрезвычайно, голубчик, за исполнение всех моих поручений, которые оказываются очень хлопотливыми и за которыми Вам пришлось столько ходить.[1] Простите, что мучаю Вас, но ведь Вы один человек, на которого могу понадеяться (что вовсе не составляет резону Вас мучить). Во-вторых, благодарю за привет, поздравление и пожелание счастья нам троим. Вы правы, добрый мой друг, Вы с натуры описали это ощущение быть отцом и с натуры взяли Ваши прекрасные слова: все совершенно верно. Я ощущаю, вот уж месяц почти, ужасно много нового и совершенно до сих пор мне неизвестного, ровно с той минуты, как я первый раз увидел мою Соню, до сей минуты, когда мы ее только что, общими стараньями, мыли в корыте. Да, ангельская душа и к нам влетела.[2] Ощущений моих, впрочем, Вам описывать не буду. Они растут и развиваются с каждым днем. Вот что, голубчик мой, прошлый раз, когда я Вам писал в такой тревоге, я *забыл* (!) написать Вам то, об чем *еще в Дрездене* прошлого года мы условились с Аней (и об чем она мне ужасно попрекала за то, что я забыл теперь), — *это то, что Вы у меня крестный отец Сони.* Голубчик, не откажите! У нас так уж почти 10 месяцев как решено. Если Вы откажетесь, это будет несчастьем Сони. Первый крестный отец и тот отказался! Но Вы не откажетесь, друг мой. Присовокупляю, что Вам это не составит ни самомалейших каких-нибудь забот, а что мы покумимся, — так тем лучше. Крестная мать Анна Николавна — говорила она Вам?[3] Сообщите мне, ради бога, Ваш ответ поскорей — потому что это надо для крещения.[4] Вот уж месяц, а она еще не крещена! (так ли в России?) А Ваша крестница (я уверен в том, что она Ваша крестница) — сообщаю Вам — прехорошенькая, — несмотря на то, что до невозможного, до смешного даже похожа на меня. Даже до странности. Я бы этому не поверил, если б не видел. Ребенку только что месяц, а совершенно даже мое выражение лица, полная моя физиономия, до морщин на лбу, — лежит — точно роман сочиняет! Я уж не говорю об чертах. Лоб до странности даже похож на мой. Из

---

[a] *В подлиннике описка.*

этого, конечно, следовало бы, что она собой не так-то хороша (потому что я *красавец* только в глазах Анны Григорьевны — и серьезно, я Вам скажу!). Но Вы, сами художник, отлично хорошо знаете, что можно совершенно походить и не на красивое лицо, а между тем быть самой очень милой. Анна Григорьевна Вас чрезвычайно просит, чтоб Вы были крестным. Она Вас и Анну Ивановну ужасно любит и до бесконечности уважает.

Вы слишком большой пророк: Вы пророчите мне, что у меня теперь новые заботы и что я стану *эгоистом*, и это, к несчастью и по невозможности иначе, сбылось: вообразите: весь этот месяц я не написал *ни одной строчки!* Боже мой, что я делаю с Катковым, с моими обещаниями, честными словами, обязанностями! Я был до невероятности рад, когда, вследствие моего уведомления, что я опоздаю, по случаю родин,[5] «Русский вестн‹ик›» выставил в конце первой части романа, что продолжение в апрельской, а не в мартовской книге.[6] Но увы! и для апрельской у меня остается теперь никак не более *20* дней (опоздав ужасно) и ни строчки не написано! Завтра же пишу к Каткову и извиняюсь[7] — но ведь из моих извинений им не шубу шить. А все-таки надо поспеть к апрельской книге, хоть и поздно. А между тем, кроме всего остального, всё мое существование (денежными средствами) зависит от них же. Подлинно, положение отчаянное. Но что делать: весь-то месяц прошел в чрезвычайных тревогах, хлопотах и заботах. Случалось по целым ночам напролет не спать, и не то чтоб от нравственного беспокойства одного, а потому что так действительно нужно было. А для падучей это ужасно. Нервы мои расстроены теперь до последней степени. Март здесь стоял до безобразия гадкий — со снегом и с морозом, почти как в Петербурге. Анна Григорьевна была ужасно расстроена физически (не говорите этого НИ ЗА ЧТО Анне Николавне, потому что она и бог знает что вообразит. Просто Аня долго не может оправиться и, вдобавок, сама кормит). Молока, конечно, мало. Употребляем и рожок. Ребенок, впрочем, очень здоров. (Ах, чтоб не сглазить!) Аня же уж начинает выходить гулять. Третий день как удивительные солнечные дни стоят, и начинается уже зелень. Я же едва опомнюсь от всего этого. Забота тоже страшная — деньги. Прислано нам было 300 р. Это, с променом, 1025 франков. Но у нас уже почти нет. Расходы увеличились, надо заплатить было прежние должишки, выкупить заложенные вещи, а ровно через три недели от сего дня предстоят большие траты, по поводу перемены квартиры (с этой нас сгоняют за крик ребенка), и, кроме того, предстоят кой-какие расплаты — ужас. Да и жить надо, начиная от сего дня, по крайней мере, месяца два до надежды еще получить из «Р‹усского› вестника». Но из «Р‹усского› вестника» во всяком случае нельзя получить, не послав туда 2-й части — а когда я напишу? Разве опять в 18 дней, как то, что было напечатано в январской книге?

Распоряжения Ваши с деньгами были очень хороши. И как

ни горько мне Вас тревожить, но пришлите мне оставшиеся у Вас 25 р. сюда, в Женеву, *если возможно немедленно*.[8] Вот до какого зарезу нужда![6] (NB. Положите просто 25-рублевый кредитный билет в письмо, рекомандируйте,[9] чтоб не пропало па почте, и пошлите сюда, по моему адресу. Здесь разменяют и наш русский кредитный билет. Только вот что: теперь, кажется, у нас новые кредитные 25-рублевого достоинства. Боюсь, что здесь еще их не знают. Так пошлите лучше из старых билетов.)

Очень рад, что Вы Паше выдали 50 руб., а не 25. Ничего. Рад ужасно, что он на службе.[10] Голубчик, наведывайтесь иногда, изредка хоть об нем! Если буду ему писать, то напишу, что я, узнав от Вас, что Вы ему выдали заимообразно 25 р. — уже заплатил Вам. Только вот что: неужели и Паша не напишет мне ничего и не поздравит с Соней. Другие поздравили: Вы, Страхов,[11] из Москвы,[12] знакомые Анны Григорьевны из Петербурга,[13] а от Паши — не только и теперь нет ничего, но даже и ответа на мое письмо, которое я месяца полтора писал ему, адресуя па Ваше имя (получили ли Вы? Вы об этом что-то *не* упоминаете), ответа не получил. А на то письмо можно бы было ответить.[14] Кстати, еще и *чрезвычайно важное*: ведь я все-таки не знаю, был ли он в Москве или нет? Ходил ли к Каткову? Это для меня ужасно важно знать.[15] Представьте, я послал Каткову большое извинительное письмо, единственно по этому поводу![16] Мне чрезвычайно нужно узнать. Нельзя ли узнать, голубчик, ради бога!

(Эмилию Федоровну я официально, торжественно уведомил, что у меня родилась дочь,[17] — ничего, никакого от нее ответа! Да и прежде, на чрезвычайно важный от меня спрос насчет их квартиры и хозяина дома Алонкина, — никакого от нее ответу не было. Даже удивляет меня. Ведь это даже уже грубо до безобразия!)

Насчет завещания и прочих Ваших советов я ведь всегда, всегда был совершенно Ваших мнений сам.[18] Но, друг мой, искренний и преданный друг (может быть, единственный!), к чему Вы меня таким добрым и щедрым считаете! Нет, друг мой, нет, я не бог знает как добр, и это меня печалит. А Пашу мне бедная Марья Дмитриевна на смертном одре оставила! Как можно совсем бросить? (Да этого Вы и не советуете). Нет-нет, а все-таки надо помочь, тем более, что я его искренно люблю; я ведь его в моем доме больше 10 лет растил! Всё равно что сын. Мы с ним жили вместе. И в таких ранних летах, и одного, на свои собственные руки оставить — да разве это возможно! Все-таки хоть иногда, как я ни беден, а надо помочь. Ветрогон он большой, правда; да ведь я, может быть, в его лета, еще хуже его был (я помню). Тут-то и поддержать. Доброе, хорошее впечатление в его сердце теперь оставить, — это ему при дальнейшем развитии пригодится.

---

[6] *Рядом с текстом:* Распоряжения Ваши ∾ нужда! — *на полях помета:* NB.

А что он служит и сам добывает теперь, — этому я ужасно, ужасно рад, — пусть поработает. А Вас обнимаю и целую братски за то, что Вы ходили к Разину и там об нем заботились.[19]

Что же касается до Эм‹илии› Федоровны, то ведь тут опять-таки покойный брат Миша. А ведь Вы не знаете, чем всю жизнь, с первого моего сознания, был для меня этот человек! Нет, Вы этого не знаете![в] Федя же мой крестник и тоже молодой человек, тяжелым трудом добывающий себе хлеб.[20] И тут, *если только возможно,* надо иногда поддержать (ибо человек молодой, не всё же ему на шею, тяжело-с).[г] Да Вы-то сами, голубчик мой, себя таким практикантом и эгоистом чего выставляете: не Вы ли мне 200 р. взаймы дали, а со смертию брата Миши и с падением журнала 2 000 р. почти потеряли![д][21] А впрочем, я обо всем об этом напрасно заговорил. Ваши же советы, во всяком случае, я совершенно считаю правильными. А насчет меня собственно есть пословица: не хвались, идучи на рать. Я к тому это вот пишу, что надо бы помочь и т. д. А почем я знаю, что со мной самим будет?

Как ни безобразна, как ни гадка для меня стала заграничная жизнь, а знаете ли, что я иногда со страхом помышляю о том, что будет с моим здоровьем, когда бог приведет в Петербург воротиться? Уж когда здесь припадки, — что же там? Решительно теряются умственные способности, память например.

Всё что Вы пишете про Россию, и, главное, Ваше настроение (розовый цвет), меня очень радует.

Это совершенная правда, что нечего обращать внимание на разные частные случаи;[22] было бы целое и толчок и цель у этого целого, а всё остальное и невозможно иначе при таком огромном перерождении, как при нынешнем великом государе.[23] Друг мой, Вы решительно точно так же смотрите, как и я, и выговорили наконец-то, что я три года назад, еще в то время, когда журнал издавал, говорил даже вслух и меня не понимали, именно: что наша конституция есть взаимная любовь монарха к народу и народа к монарху.[24] Да, любовное, а не завоевательное начало государства нашего (которое открыли, кажется, первые славянофилы) есть величайшая мысль, на которой много созиждется. Эту мысль мы скажем Европе, которая в ней ничего ровно не понимает.[25] Наше несчастное, оторванное от почвы сословие умников, увы! — тем и должно было кончить. Они с тем и умрут, их не переделаешь.[е][26] (Тургенев-то!)[27] На новейшее поколение — вот куда надо смотреть. (Классическое образование могло бы очень помочь.

[в] *Далее было:* А от сердца нельзя

[г] *Далее было:* А ведь я за весь последний год, кроме квартиры, за которую я плачу, всего только 250 р. им выдал.

[д] *Далее было:* (Потому что хоть я поклялся все братнины долги уплатить по долгу чести, так сказать *от сердца*, но ведь вряд ли я смогу [до сих пор только разве вместо долгов почти!], только долги по векселям или уплатил или па себя перевел.)

[е] *Было начато:* не передел‹ишь›

Что такое лицей Каткова?)[28] Здесь я за границей окончательно стал для России — совершенным монархистом. У нас если сделал кто что-нибудь, то, конечно, один только он (да и не за это одно, а просто потому, что он царь, излюбленный народом русским, и лично потому что царь. У нас народ всякому царю нашему отдавал и отдает любовь свою и в него единственно окончательно верит. Для народа — это таинство,[ж] священство, миропомазание). Западники ничего в этом не понимают, и они, хвалящиеся основанностию на фактах, главный и величайший факт нашей истории просмотрели. Мне нравится Ваша мысль о всеславянском значении Петра. Я первый раз в жизни эту идею услыхал, и она совершенно верная.[29]

Но вот что: я здесь читаю «Голос». В нем иногда ужасно печальные факты представляются. Например, об расстройстве наших железных дорог (новопостроенных),[30] об земских делах,[31] об печальном состоянии колоний.[32] Ужасное несчастье, что у нас еще людей, исполнителей мало. Говоруны есть, но па деле первый-другой, обчелся. Я, разумеется, не в высоких делах исполнителей разумею, а просто мелких чиновников, которых требуется множество и которых нет. Положим, на судей, на присяжных хватило народу. Но вот на железных-то дорогах? Да еще кое-где. Столкновение страшное новых людей и новых требований с старым порядком. Я уже не говорю про одушевление их идеей: вольнодумцев много, а русских людей нет. Главное, самосознание в себе русского человека — вот что надо. А как гласность-то помогает царю и всем русским, — о господи, даже враждебная, западническая.

Мне бы ужасно хотелось, чтоб у нас устроились поскорей железные дороги политические (Смоленская, Киевская, да поскорей, да и ружья новые тоже поскорей бы!).[33] Для чего Наполеон увеличил свое войско и рискнул на этакую неприятную для народа своего вещь, в такой критический для себя момент?[34] Ч‹ерт› его знает. Но добром для Европы не кончится. (Я как-то ужасно этому верю). Плохо, если и нас замешают.[35] Кабы только хоть два годика спустя. Да и не один Наполеон. Кроме Наполеона страшно будущее, и к нему надо готовиться. Турция на волоске,[36] Австрия в положении слишком ненормальном[37] (я только элементы разбираю и ни об чем не сужу), страшно развившийся проклятый пролетарский западный вопрос (об котором почти и не упоминают в насущной политике!)[38] — и наконец, главное, Наполеон старик и плохого здоровья. Проживет недолго. В это время наделает неудач еще больше, и Бонапарты еще больше омерзеют Франции — что будет тогда? К этому России непременно надо готовиться и поскорей, потому что это, может быть, ужасно скоро совершится.[39]

Как я рад, что наследник в таком добром и величественном

ж *В подлиннике, вероятно, ошибочно:* таинственно

виде проявился перед Россией и что Россия так свидетельствует о своих надеждах на него и о своей любви к нему.[40] Да, хоть бы половина той любви, как к отцу, и того было бы довольно. А нашему, а Александру дай бог жить-поживать еще хоть сорок лет. Он чуть ли не больше всех своих предшественников, вместе взятых, для России сделал.[41] А главное то, что его так любят. На этой *опоре* всё русское движение теперь, всё перерождение основано, и только на ней. О друг мой, как бы я желал воротиться, как тошна моя жизнь здесь. Скверная жизнь. И, главное, работа нейдет на лад. Если б только мне роман порядочно окончить, как было бы хорошо! Это начало всему моему будущему.[42] Анна Григорьевна не тоскует и искренно говорит, что счастлива. А мне тошно. Никуда не хожу и никого не вижу. Да если б и были знакомые — так, кажется, не ходил бы. Совсем опустился, — а работа все-таки не идет. Выхожу в день только на два часа из квартиры, в пять часов, и иду в кафе читать русские газеты. Никого-то не знаю здесь и рад тому. С нашими *умниками* противно и встретиться. О бедные, о ничтожные, о дрянь, распухшая от самолюбия, о г‹---›о! Противно![43] С Г‹ерценом› случайно встретился на улице, десять минут проговорили враждебно-вежливым тоном с насмешечками, да и разошлись.[44] Нет-с, не пойду-с. Как они, о как они отстали, до какой степени они ничего не понимают. А распухли-то, распухли-то как!

Я здесь с жадностию читаю объявления в газетах о выходе номеров журналов и оглавления. Странные имена и составы книжек, н‹а›пр‹имер› «Отеч‹ественные› записки», да, тряпье вместо знамен, это правда! Голубчик, не давайте им ничего, подождите. А вопрос, где печататься, Вас, по-видимому, даже заботит.[45] Не беспокойтесь, друг мой. Я теперь Вам наскоро пишу, а то бы с Вами поговорил. У меня есть одна мысль, для Вас, но она требует особого изложения, в целом письме, а теперь некогда. Скоро напишу. Мысль эта по поводу Вашей «Софьи Алексеевны» у меня зародилась. И поверьте, что серьезно, не смейтесь. Сами увидите, что это за мысль! Я изложу.[46] Это не роман и не поэма. Но это так нужно, так будет необходимо, и так будет оригинально и ново и с таким необходимым, русским направлением, что сами ахнете! Я Вам изложу программу. Жаль, что не в живом разговоре, а на письме. Этим прославиться можно будет, и, главное, это даже *надо* будет особой книгой издать, напечатав несколько отрывков предварительно, а книга *должна* будет разойтись в громадном числе экземпляров.

Так Вы таки кончили «Апокалипсис»? А я-то вообразил, что Вы его оставили. Разумеется, от духовной цензуры не уйдет ни за что, да и невозможно иначе, но если Вы переводили совершенно верно, то, разумеется, позволят.[47] Я получил письмо от Страхова. Обрадовало меня.[48] Хочу ему поскорей ответить, но так как он мне своего адресса не написал (забыл!), то я и отвечу через Вас. А Вас попрошу доставить.[49] Голубчик, пишите мне

чаще, Вы не поверите, что значат для меня Ваши письма! Вот уже 3-е число апреля, здешнего стиля, а 25-го последний срок (minimum!) высылке романа, а *у меня ни строки,* ни единой строки не написано! Господи, что со мной будет! Ну до свиданья, целую Вас и обнимаю, Аня Вам кланяется, оба мы кланяемся Анне Ивановне. Ваш весь

Федор Достоевский.

P. S. Ради бога, пишите мне всё, что услышите (если только услышите) об «Идиоте».[50] Мне это надо, надо, непременно надо! Ради бога! Финал 2-й части, об котором я Вам писал, — то самое, что напечатано в конце первой части.[51] А я-то на это надеялся! В совершенную верность характера Настасьи Филипповны я, впрочем, и до сих пор верю. Кстати: многие вещицы в конце 1-й части — взяты с натуры, а некоторые характеры — просто портреты, н<а>п<ример> генерал Иволгин, Коля.[52] Но Ваше суждение может быть и очень верно.[53]

342. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

23 марта (4 апреля) 1868. Саксон ле Бэн

Saxon les Bains. Суббота 4-го апреля.

Милый мой ангел Нютя, я всё проиграл как приехал, в полчаса всё и проиграл. Ну что я скажу тебе теперь, моему ангелу божьему, которого я так мучаю. Прости, Аня, я тебе жизнь отравил! И еще имея Соню!

Я снес кольцо; она кольцо взяла, но с большим отвращением, и денег мне не дала, потому что, говорит, *нет*, а сказала прийти за ответом в 7 часов. Теперь $6^1/_4$. Но говорит, что больше 10 франков не даст. Просто-запросто, по всему видно, она трусит и что ее скрутили, то есть здешним начальством запрещают давать ей. Она даже проговорилась мне. Я буду умолять, чтобы она дала не 10, а 15 франков. Но не только с 15-ю, а и с 20-ю франками (которых она наверно не даст) [1] мне уже нельзя теперь приехать. На отель надо все-таки положить хоть 17 франков, проезд франков 8, итого 25 фр. А у меня — ничего, ровно ничего,[a] несколько сантимов.

Что бы ни было, Аня, а мне здесь *невозможно* оставаться. Выручи, ангел-хранитель мой. (Ах, ангел мой, я тебя *бесконечно* люблю, но мне суждено судьбой всех тех, кого я люблю, мучить!)

Пришли мне как можно больше денег. Не для игры (поклялся бы тебе, но не смею, потому что я тысячу раз тебе лгал). Вот счет самого худшего положения, хотя может быть и лучше, но я беру *самое худшее,* потому что это вернее:

---

[a] *Далее было:* ни одного

Если твои деньги придут послезавтра утром, то в отеле надо считать *дня за четыре*, итого

minimum	60 ф.
На проезд	10 ф.
Для выкупа кольца	20 ф.
Итого	90 ф.

Ангел мой, пришли 100 фр. У тебя останется 20 или меньше, заложи что-нибудь. Только бы поскорее к тебе!

Играть не буду. Твои письма получал я прежде (с деньгами) утром (в последний раз до 9 часов), так что тотчас же успел и отправиться. Если получу теперь тоже утром, то мне будет время одуматься, и я не *пойду играть* (игра начинается с 2-х часов).

Я брал самое худшее. И потому я, может быть, наверно не истрачу 90 франков. Но если останется из присланных тобою *ста* за всеми расходами даже *сорок* франков, то *не пойду играть,* а все привезу к тебе.

Слушай еще: в 7 *часов* эта гадина даст мне от 10 до 15 фр. Так как всё равно мне ничего с этими деньгами нельзя будет сделать, а жить *здесь* для меня *ужас,* то я пойду их поставлю. Если только выиграю 10 франков, то завтра же утром, не дожидаясь твоего письма, отправлюсь к вам, для письма же дам здесь, на почте, свой адресс в Женеве, с тем, что когда, без меня, придет твое рекомендированное[2] письмо и *100 фр.,* то чтоб немедленно мне переслали письмо в Женеву, по моему адрессу.

Вот шанс, по которому я, может быть, еще могу воротиться завтра. Но боже мой! какой слабый шанс!

Прости, Аня, прости, милая! Ведь я как ни гадок, как ни подл, а ведь я люблю вас обеих, тебя и Соню (вторую тебя) больше всего на свете. Я без вас обеих жить не могу.

Ради бога, обо мне не грусти (клянусь тебе, что я бодрее смотрю, чем ты думаешь; а ты до того меня любишь, что наверно будешь обо мне грустить).

Не жалей этих ста франков, Аня! С майковскими у нас все-таки 200 будет,[3] а я, как приеду, тотчас же исполню одно намерение: ты знаешь, что я должен писать Каткову. Ну так я знаю, что теперь напишу к нему! И будь уверена, что имею надежду. Я имел это в виду еще три дня назад.[4]

Прости, прости меня, Аня! Ноги твои целую, прости своего беспутного. Соня-то, Соня-то, милая, ангел!

О, не беспокойся обо мне! Но об тебе, об тебе как я буду беспокоиться. Что если 4 дня вместо одного!

Обнимаю, целую вас обеих, бесконечно люблю, береги Соню, береги изо всех сил, хозяйке и всем скажи, что получила письмо и что я, *может* быть, еще дня *два* не приеду!

Как я буду без вас!

У меня-то еще есть занятие. Я буду сочинять или письма

в Россию писать. Но ты, ты! Ты всё будешь плакать! О, Аня! чем я рискую? Ведь у тебя молоко пропасть может. Не жалей этих 100 франков, ворочу, только бы мне самому-то скорее к тебе воротиться! Твой и Сонин навеки, вознагражу, любовью вознагражу!

Твой Ф. Достоевский.

Не считай, Аня, моего требования 100 франков сумасшедшим. Я не сумасшедший! И порочным не считай тоже: не сподличаю, не обману, не пойду играть. Я только *для верности* спрашиваю.

Работать буду теперь день и ночь. Приехав в Женеву, в сентябре прошлого года, мы были еще в худшем положении.

343. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

23 марта (4 апреля) 1868. Саксон ле Бэн

Bains-Saxon
4-го апреля — $9^1/_2$ часов вечера.

Ангел Аня, вместо меня[a] придет к тебе завтра, в 5 часов, это письмо, — если только ты вздумаешь наведаться вечером на почту. (Очень может быть, что не вздумаешь, в горе, за хлопотами с Соней (которой я недостоин), какой я отец?) А главное — так как уже получишь утром от меня письмо.[1] А между тем хорошо бы, если б и это письмо ты прочла завтра!

Дело в том, что от этой подлой m-me Дюбюк я получил в 7 часов, сегодня, 20 франк., но так как у меня было только 50 сантимов и 20-ть франков, во всяком случае бы недостало расплатиться и к тебе приехать, то я пошел играть в 8 часов и — всё проиграл! У меня теперь те же 50 сантимов. Друг мой! Пусть это будет моим последним и окончательным уроком, да, урок ужасен! Слушай, милая, как-то раз, то есть в последний раз, прежде ты мне прислала очень скоро деньги, так что я мог с утренним поездом и отправиться. Самое скверное, то есть долгое будет, если я возвращусь во вторник. Но если б бог сделал так, чтоб они пришли в понедельник рано, то я бы мог, может быть, приехать и в понедельник! О, если б это могло только случиться!

NB (Кстати, на случай, если мое письмо сегодняшнее, пущенное к тебе в *6* часов, не дойдет до тебя (то есть пропадет, чего, кажется, быть не может), то объявляю тебе, что я в нем писал о том, что всё, дотла, проиграл и кольцо заложил и что мне нужно в самом скором времени 100 фр. При этом умолял тебя, чтоб ты не тосковала, что так много, 100 фр., то есть почти всё, и давал тебе последнее и великое слово мое — уже более не играть, а прямо получив эти 100 франков — к тебе ехать).

---

[a] *Было:* себя

Теперь, ангел мой радостный, ненаглядный, вечный и милый, — выслушай то *главное*, которое я намерен теперь сказать тебе!

И во-первых, знай, мой ангел, что если б не было теперь этого скверного и низкого происшествия, этой траты даром 220 фр., то, может быть, не было бы и той удивительной, превосходной мысли, которая теперь посетила меня и которая послужит к окончательному *общему нашему спасению!* Да, мой друг, я верю, что, может быть, бог, по своему бесконечному милосердию, сделал это для меня, беспутного и низкого, мелкого игрочишки, вразумив меня и спасая меня от игры — а стало быть, и тебя и Соню, нас всех, на всё наше будущее!

Выслушай же.

Эта мысль мерещилась мне еще от отъезда моего сюда; но она только мерещилась, и я бы ни за что ее не исполнил, если б не этот *толчок,* если б не эта беспутная потеря последних крох наших. А теперь исполню. Я, признаюсь тебе, даже нарочно медлил писать к Каткову, что уже неделю тому назад надо бы было сделать (чтоб извиниться насчет моего опаздывания). Я ждал результата поездки моей сюда. Теперь же, проигравшись весь, весь завтрашний день просижу над этим письмом и напишу его здесь, то есть вполне приготовлю. Как только ворочусь в Женеву — в тот же день и пущу в Москву.

В этом письме совершенно откровенным и прямым тоном объясню ему всё мое положение. Это письмо до того будет искренно и прямодушно, что, мне кажется, я безо всякого труда буду писать его.

Начну с того, что объясню ему причину, почему опоздал. Причина случайная — родины. Этого больше не повторится (то есть опаздывания), он поймет это. Затем скажу ему, что и мое и твое здоровье в Женеве только расстроилось, что переехать в лучший климат и мне, и, главное, тебе советуют доктора, и что это только и способно меня успокоить.

Но так как я не могу теперь, *ни в каком случае*, рассчитывать на большие средства, да и времени у меня нет, чтоб переезжать, то и намерен (то есть желаю ужасно) переехать недалеко, два шага от Женевы, в город *Вевей,* на правом берегу озера, где нет *биз* и резких перемен климата.

В этом городке, где прекрасный и здоровый климат, но который ужасно похож на дачу, то есть на деревню, — я проживу в полном уединении до окончания моего романа. А уединение и спокойствие мне для этого необходимо. К осени роман будет окончен; присылать буду безостановочно. Тем временем жена моя поправит здоровье, и мы выкормим наше дитя, не боясь простудить его, выносят на внезапную здешнюю бизу.

Затем напишу ему, что мне тяжело уже жить за границей. Между тем есть 3000 руб. вексельного долгу. Вся надежда моя на роман и на успех его. Я душу мою в него хочу положить, и,

может быть, он будет иметь успех. Тогда вся будущность моя спасена. Роман будет кончен осенью, и если будет хорош, — у меня купят на второе издание. (Разумея, что если Каткову весь долг уплатится, то есть отпишется). Тогда я, воротясь, прямо предложу кредиторам второе издание.

И так скажу ему: от Вас, Михаил Никифорович, зависит всё мое будущее! Помогите мне теперь кончить этот роман хорошо (а мне мерещится, что он будет хорош) — поддержите меня теперь, дайте мне возможность хорошего климата и уединения вплоть до осени, — и вот чего я желаю:

Взял я у Вас, Михаил Никифорович, всего теперь 5060 г. вперед.[б] Но так как доставлено мною романа почти 12 листов, то можно считать примерно, что за мной остается теперь около 3300 р. Я прошу прислать мне теперь *еще 300 р.*, долгу будет, стало быть, *3600* р., но менее чем в два месяца я пришлю еще от 10 до 12 листов, стало быть, долгу будет уже только около 2000.

До полной присылки этих 10—12 листов, то есть полной 2-й части (или по прежнему счету 3-й и 4-й части),[2] я обещаюсь денег больше не просить. Но после присылки, через два месяца, попрошу еще,[в] но зато еще через два месяца придет 3-я часть, то есть 5-я и 6-я, и тогда за мной останется всего только *одна тысяча*, не более, а может быть, менее. Но затем будет еще 4-я часть (то есть 7-я и 8-я), и я вполне мой долг выплачу. (NB. Я действительно не помню, как я решил в последнем свидании с Катковым,[3] по 150 р. лист или по 125 считать, это я ему и напишу: то есть если роман будет хорош, то есть произведет эффект, то 150, если так условлено, если же не очень хорош, а только хорош, то по чрезвычайной его величине (40 листов) я согласен взять и по 125 р.).

Триста рублей, то есть почти сейчас, мне нужно, главное, теперь потому (если только возможно, чтоб мой переезд состоялся) — что как мы ни считали с женою, а все-таки менее 1000 франков, чуть ли не на два месяца, с переездом и уплатою мелких долгов, невозможно.

Итак, в руках Ваших,[г] Михаил Никифорович, почти моя участь.

Во всяком случае, 2-е издание «Идиота» все-таки принадлежит Вам, до тех пор, пока я не уплачу Вам всего, то есть не кончу романа, а там к Вам же обращусь с просьбою дать мне средства переехать к осени в Россию.

Вот содержание моего письма.[4] Прибавлю еще, что в видах твоего и моего здоровья и всех наших обстоятельств попрошу его отвечать мне немедленно. С этим ответом для меня сопря-

---

б *Далее было начато:* Из
в *Далее было начато:* рублей
г *Было:* Каткова

жено почти всё, а Вы, скажу ему, слишком благородный человек, чтоб обидеться этою просьбою отвечать скорее. Вы для меня[д] почти провидением были всё это время, и через Вас я счастлив тем, что еще год назад дали мне помощь для брака.[5] Вот как я на Вас смотрю.

Итак,[е] вот какое письмо, милый ангел мой Аня, хочу я послать Каткову в тот же день как приеду. Клянусь тебе, друг мой, что я надеюсь на благоприятный ответ!

Теперь выслушай, Аня, далее.

Ответ от Каткова и 1000 ф. придут (я твердо надеюсь, что придут) 1-го мая здешнего стиля. Я в этом уверен как в боге. Весь вопрос теперь заключается собственно в нас самих, то есть во мне и тебе, и как бог нам даст сладить это дело; дело же и весь вопрос в следующем:

Удастся ли нам к 1-му мая здешнего стиля (когда Катков уже пришлет ответ) сделать так, чтоб за всеми уплатами и за всеми расходами и с переездом (к 1-му мая) в Вевей — сохранить 400 или по крайней мере 350 франков? Выслушай:

Я так рассчитываю: закладов около 200 франков будет, то, что возьмет кредит, M-me Ролан и проч., тоже[ж] 100 франков. Жосселен — 200 франков (на худой конец) и, наконец, 100 франков для твоих летних платьев (это во что бы то ни стало!)[6]

Итого, стало быть — на 600 франков. Значит, останется 400 фр. (Но мы с тобой, когда ворочусь, разочтем всё подробно. Может быть, M-me Жос‹се›лен и больше возьмет. Но это ничего! Главное, поскорей из Женевы!) Теперь:

Про *Вевей* мы еще с тобой много поговорим, но, однако, я полагаю, что мы там уже не 100 франков, а много что 50 будем за квартиру платить. Да и пища, конечно, дешевле. Переедем через озеро. Жозефину с собой возьмем.[7]

Если даже останется только 300 франков чистых, со всеми расходами, по переезде в *Вевей*, то и эти 300 франков все-таки немало, потому что в Вевее наверно всё дешевле женевского.

Теперь, ангел мой, милая, радость, небо мое бесконечное, жена моя добрая, — одна у меня забота! Выслушай:

Эта забота — что будет с тобою? Вевей городок еще меньше Женевы. Правда, местоположение — картинка, и климат прелестный, но ведь ничего-то нет более, кроме, может быть, библиотеки. Правда, в шести верстах, не более — Vernex-Montreux, там музыка, воксал, гуляния и проч. — но все-таки опять уединение до осени! Скучно тебе будет, моему ангелу, и вот чего я боюсь!

Для того ли я взял тебя от матери, чтоб ты так скучала и такую тяготу выносила? но, милая, подумай, в чем наше теперь

д *Далее было:* скажу

е *Далее было:* как

ж *Далее было:* рублей

главное: *главное* — это успех моего романа! (О, прочь теперь игру, проклятый мираж, ничего не будет подобного никогда более!) Если же роман успеет, — то и всё спасено. И к тому же его надо кончить *непременно* как можно скорее, к осени. Стало быть, во всяком случае путешествовать уж нельзя было, *до времени*, а надо было на месте сидеть. Женева мне опротивела. В Вевее же мы будет как в деревне, как на даче. Я буду писать день и ночь, и новое место меня надолго успокоит, припадки в прелестном климате утихнут, женевская тоска пройдет, может быть. В виду буду иметь то, что если кончу роман и удачно и скоро, то скорее освобожусь. Через два месяца я попрошу еще рублей 300 или 400. Следственно, жить будет чем. Между тем ты там поправишься тоже здоровьем в хорошем климате, и мы к окончанию романа выкормим и укрепим Соню. (О если б мамаша приехала! Как бы помогла она нам во всем!) [3] Затем к осени, когда кончится роман, и *весь долг* Каткову (или около того) выплатится, — я попрошу рублей 1 000, и в сентябре, в половине или в конце, мы оставим Веве и поедем через Италию, которую я хочу показать тебе, через Флоренцию, Неаполь, Венецию, Вену — в Россию. (Если будет мамаша, то предварительно можно посетить два-три места в Швейцарии). В Россию [3] мы приедем, конечно, без денег, но если успех романа (о чем я увижу, услышу и мне знать дадут), то я получу заказы и продать «Идиота» могу. Я прямо скажу кредиторам: если вы посадите меня теперь, то есть потребуете, чтоб я сейчас продал роман, то я продам его за бесценок. Подождите на мне месяца четыре — и я с вами расплачусь.

Чем мы будем жить в России? Но в России я найду средства, найду новую работу, новый заказ.

Итак, всё от романа и от успеха и от поездки нашей в Вевей зависит. Может быть, всё будущее. И чем дальше, тем легче будет. И может быть, года через три мы окончательно на хороших ногах будем стоять.

Аня, милая! Не знаю как тебе, но мне *вся эта теперешняя* мысль нравится. Катков непременно поможет, я убежден, я уверен. Я тебе прочту письмо к нему, которое напишу здесь завтра, как только ворочусь и обниму тебя и Соню. О милые! Но согласись, согласись, радость моя, что если б не было теперь со мной этого мерзейшего проигрыша, — то я бы не решился на этот *шаг*, который нас от всего избавит и который я считаю теперь верным! Господи, да, может быть, еще бога благодарить надо будет за этот случай, что установил меня теперь окончательно на одной надежде — на работе моей.

Не думай, о не думай, мой ангел, что я из 100 франков, которые ты мне пришлешь, хоть один франк проиграю теперь! Да если б теперь я знал бы наверно, что я что-нибудь и выиграл бы,

3 *Далее было начато:* я при‹еду›

если б еще раз рискнул, то право, мне было бы совестно и пред тобою и пред собою за этот выигрыш, после теперешней окончательной решимости моей и новых надежд моих!

И если б ты знала, как это всё меня вдруг теперь успокоило и с какою верою и надеждою буду я писать завтра письмо к Каткову. Это уже не прежние письма будут! Я теперь в такой бодрости, в такой бодрости! Одно, одно меня мучит: как подумаю, сколько времени мне теперь еще не видать вас, тебя и Соню! Может, даже до вторника! Только и буду думать, что об Вас день и ночь! Но, главное, мучает меня, что ты придешь в отчаяние, заплачешь, заболеешь, и, пожалуй, молоко тебе в голову бросится. И зачем, зачем я давеча тебе всего этого не написал, а послал это отчаянное письмо! Но давеча мне хотя и мерещилось, но я все-таки окончательно еще не выяснил себе эту превосходную мысль, которая мне пришла теперь! Она пришла мне уже в девять часов или около, когда я проигрался и пошел бродить по аллее. (Точно так же как в Висбадене было, когда я тоже после проигрыша выдумал «Преступление и наказание» и подумал завязать сношения с Катковым.[9] Или судьба или бог).

Аня, верь богу, милая, верь его милосердию и знай, что никогда я не был бы в силе и в надежде! Только об вас, об вас обеих тоскую ужасно! Что с тобой будет, что с Соней! Может быть, ты так будешь тосковать, истощать себя! А Соня! Соня! Кабы мне поскорее быть при вас!

Милая, до 1-го мая проживем кредитом, закладами, майковскими деньгами.[10] Теперь я тотчас же за работу сажусь и ура!

Но вы, вы обе — о боже мой! Проживем еще любовью, сердечным согласием. Я теперь так ободрен, так уверен, что мы переедем в Вевей. Ей-богу, ей-богу, это лучше выигрышу! (А главное, тоже, кабы мамаша приехала, это главное! Денег на прожитье достанет, об этом и говорить нечего!)

Обнимаю тебя, обнимаю Соню, будьте веселы, будьте счастливы, ждите меня! Трепещу за вас.

Не мучай себя, спи больше, кушай больше. Кстати, скажи как-нибудь ловче дома, что я приеду в понедельник, на день опоздав. О милая! Благословляю вас! О, кабы поскорей и счастливо свидеться!

Я здоров совершенно.

Одного только боюсь, что ты не пойдешь вечером на почту и это письмо тебе не попадется сегодня. Может быть, я его адресую тебе на дом.

До свидания, ангел, до *радостного*! Обнимаю вас обеих.

Ваш весь Ф. Достоевский.

В Вевее *непременно* будем. Верь, верь, надейся!

344. С. А. ИВАНОВОЙ

29 марта (10 апреля) 1868. Женева

Женева Апреля 10-го / Марта 30[а] / 68.

Милый, бесценный друг мой Сонечка, простите, что не сейчас отвечал Вам на Ваше дорогое мне письмо.[1] Да и теперь пишу совершенно наскоро. Я занят ужасно, измучен заботой, а главное, беспрерывною мыслию, что вот не поспею выслать в редакцию продолжение романа, вот опоздаю.[2] Не говорю уже о хлопотах всех этих 5 недель.[3] Верите ли, что по целым ночам напролет бывал на ногах. Март же месяц у нас в Женеве стоял мерзейший, холодный и дождливый, так что Анна Григ‹орьевна› очень-очень медленно поправлялась. Я почти ничего написать романа не успел. Во 2-м номере «Русского вестника» объявлено, что «продолжение романа в апрельской книжке». Значит месяц мне дали льготы, а я тут, пожалуй, опоздаю, и к апрелю-то! Каково вынести эту мысль. Мне осталось теперь ровно 10 дней до самой крайней отправки. Буду сидеть день и ночь.[4] Ах, Сонечка, тут дело для меня вдвойне, втройне хлопотливое и главное — капитальное, гораздо более имеющее важности *на всю судьбу мою* (нисколько не преувеличивая), чем кажется с первого взгляда. Во-первых, боюсь, чтоб добрые отношения мои с «Р‹усским› вестником» не нарушились. Вы представить себе не можете, до какой степени до сих пор Катков был со мной деликатен и до крайности доверчив! Он высылал мне денег весь год, по первым просьбам моим, так что к Новому году за мной накопилось долгу в Редакции «Русского вестника» *5060* руб. Сумма ужасная! Все-таки ведь я мог и заболеть и умереть и не прислать ничего или прислать что-нибудь скверное. Это доверенность чрезвычайная. Теперь я уже напечатал (в двух номерах) на 1800 р., но опять послал[б] просить 400 р. (ибо в ужасном положении). Просить-то послал, а сам опять не готов, и потому надо работать день и ночь. Слава богу, что Анне Григорьевне легче и она может уж теперь мне помогать (потому что она стенографирует и переписывает), а то я бы один не справился. Второе и главнейшее обстоятельство в том, чтоб роман вышел хорош. Выйдет худо — и всё пропало. Надо, чтоб он непременно выдержал второе издание, то есть принес бы мне продажею второго издания хоть три, хоть две тысячи;[5] без этого я никак не могу воротиться в Россию (где долги и всякие хлопоты по устройству); и кроме того, если не удастся роман, то мигом и цена и мне упадет. Дадут половину того, что получаю с листа, да и то с трудом, а я всегда нуждаюсь в деньгах вперед. Я ужасно

[а] *В подлиннике описка.*
[б] *Так в подлиннике.*

боюсь за роман и минутами почти совсем уверен, что не удастся. Идея слишком хороша, а на выполнение меня, может быть, и не хватит, особенно так спеша, и за границей (верите ли, ангел мой, что значит долго быть за границей и отвыкать от России: мыслей тех нет, восторга нет, энергии нет, как в России. Как ни странно, а это так). Меня, впрочем, ободрили: я получил несколько писем и отзывов из Петербурга, тотчас по выходе первой части, от людей слишком компетентных. Там провозгласили роман *совершенством*, выше всего, что я написал, одним словом восторг.[6] Но я в это не верю: идея одна из тех, которые не берут эффектом, а сущностью. Эта сущность хороша в замысле, но какова-то еще в исполнении? Но если б даже и удалось выполнить, то эффектный роман все-таки выгоднее. Он продается дороже. А для меня деньги — всё — так они мне нужны, проклятые! *Голубчик Соня*, роман посвящен Вам, что и написано en toutes lettres * в начале его.[7] Но я уверен, что Вы его еще и не читали и не видали, — во-первых, потому, что Вам не до того,[8] а во-вторых, что Вы журнала наверно не получаете. (С первым письмом моим в Редакцию попрошу, чтоб Вам доставили «Русский вестник» за нынешний год *с пересылкою*, а уж Вы позаботьтесь о точности адресса). Роман будет огромный, в 40 листов, писать буду всё лето, но Женева для меня и для всех нас до того ужасна, что мы все и здоровьем плохи, и я не напишу ничего. Прошу 400 р. у Каткова для переезда два шага отсюда в *Вевей* (по озеру 4 часа езды на пароходе), всё совершится в один день. Вевей — город, который лежит в той самой излучине озера, где Montreux, Шильон, Villeneuve, то есть места, известные всему свету по необыкновенной мягкости и прелести климата. Место защищено со всех сторон горами. Местоположение же известно всему свету: это одна из самых живописных точек на всем земном шаре. Кроме того, там дешевле жить. Наконец, Женева так опротивела, что точно нарыв на сердце. Много я в ней вынес тоски, Ан<на> Григорьевна тоже. Ребенок наш, Соня (ангел наш) — здоров, но там ему будет во *сто* раз лучше. Там я буду писать роман месяца четыре, пока кончу. Адресс мой Вам сообщу, но покамест, до формального моего заявления, продолжайте адрессовать в Женеву: где бы я ни был — придет. (Вы тоже не забывайте мне Ваш адресс, потому что теперь надо чаще переписываться. Я вас всех бесконечно люблю. Мы с Анной Григорьевной только об Вас и вспоминаем. В семействе нашего дорогого покойника,[9] в одном только (в Вашем) я и нашел себе настоящих родных, теплый, сердечный угол. Мы не должны разлучаться, хотя будем и на многих тысячах верстах расстояния.)

Но довольно о себе говорить, теперь о Вас, а Вы, с Вашего последнего письма, у меня с Анной Григорьевной (которая Вас

---

* полностью (*франц.*).

любит не меньше меня, любит и *почитает*) из головы не выходите. У нас у обоих явилась одна мысль, один проект относительно Вас, и я спешу Вам сообщить его. Об этом проекте надо Вам написать длиннее и подробнее вчетверо, а теперь только два слова. Вот что: *не хотите ли заняться стенографией?* Слушайте внимательно, Сонечка: стенография есть искусство высокое, не унижающее ремесло (хотя таковых и нет совсем, по моим идеям), а дающее честь и огромные средства обладающему искусством. Это искусство свободное, — а следств‹енно›, женщины находят в нем свою дорогу (пример — Анна Григорьевна, которая, впрочем, далеко *не успела* усовершенствоваться, но непременно хочет продолжать, приехав в Петербург). Это искусство в лучших представителях своих требует даже очень большого и отчасти специального образования. Вы поймете это: составлять отчеты серьезных заседаний для газет надо человеку очень образованному. Мало передать слово в слово, надо обработать потом литературно, передать дух, смысл, *точное слово* сказанного и записанного. (При политической передаче нужно, например, иметь довольно крепкое историческое образование, особенно новейшей истории. Вы это поймете, хотя пишу кратко. (NB. Кстати: если примете мою мысль, то запаситесь как-нибудь, в деревню всей «Consulat et l'Empire» * Тьера,[9] на первый случай; в ней слишком много современной истории, и читайте не как роман, а, так сказать, изучая. Это на первый случай; но, конечно, надо прочесть серьезно подобных книг, может быть, *50,* чтоб иметь серьезное и твердое знание, твердое основание для искусства)). Теперь: мы к осени или к зиме, в случае моей удачи (романа) — надеемся быть в Петербурге. Я приеду в Москву, переговорим серьезно и окончательно, и если будем все согласны — то переезжайте с нами в Петербург, на время изучения. Это года полтора, два, не более. Это не будет разлука с семьею; Вы будете раза по три в год ездить в Москву (мне, например, часто придется ездить, потому что я не желаю порвать мои литер‹атурные› связи с «Русским вестником»). Вы будете жить у нас; Вы нас ничем не стесните. Мы с Анной Григорьевной с восторгом говорим теперь об этом, и только об этом, чуть об Вас заговорим, что случается каждый день. К тому же в Петербурге будет и Саша. О, милый друг, если б Вы знали, как это Вам будет полезно. Отлучка из семейства Вам на время необходима, потому что настроение Ваших мыслей ужасно. Вы пишете, что, может быть, Вы в семействе лишняя и составляете ему ущерб! Да Вы себе цены не знаете и никогда не знали. Вы-то ущерб! Вы себя всегда низко ценили, Вы себе цены не знаете. Вы духом, общим направлением, сущностью своею уже дороги для семьи. О, не разрушайте эту гармонию, эту целость! Попробуйте-ка отлучиться из семейства на время и увидите, как вы взаимно друг

* «Консульство и империя» (*франц.*).

другу необходимы; тогда и узнаете себе цену. Вы скажете, что я, говоря так, себе противуречу, отзывая Вас в Петербург? Нет, потому что тут посторонний элемент входит: вам необходимо на время разлучиться, чтоб именно эту цену взаимную узнать, а во-вторых, что у Вас слишком большие обязанности и относительно их и относительно себя. Знаете ли, что с этим знанием — Вы будете поддержкой и семье и на всю жизнь иметь хорошее обеспечение. Вы только начинаете жизнь: через 10 лет страшно много изменится у нас. Может быть, каждая губерния в России будет нуждаться в стенографе для земских заседаний и судов. Стенографов и теперь ищут и не находят. Надо ловить минуту и усвоить искусство, когда еще оно так мало известно у нас. Кроме того: Вы пишете[в] в письме Вашем насчет *самопожертвований*, которые приводят Вас в ужас: «Всю жизнь жить против своего убеждения ужасно» — Ваши слова. Боже Вас сохрани делать это! О, не губите себя, не унижайте себя нравственно, не губите и семью, потому что никто в ней не будет счастлив Вашим несчастьем.[10] Ну похожи ли Вы на мою племянницу[г]! Ну можете ли Вы отдать себя негодяю-мужу, вроде ее мужа?[11] Это свинство! Но знайте, друг мой (дорогая сердцу моему Соня, как дочь дорогая!) — знайте, что Вы *не можете* не быть замужем, Вы должны быть счастливы (непременно!) и чем даст бог скорее, тем лучше! И выбрать свободным сердцем и по убеждению. Что ж, друг милый, Вам это, живя с нами, так же будет легко, как и оставаясь в Москве, в родительском доме. Я не говорю, что это будет *легко*, но *ТАК ЖЕ* легко. Друг мой, не сердитесь на меня, что я изложил всё это, Вам, девице, так грубо и обнаженно. Я говорю, как друг, как брат; я говорю *всё*.

Но вот и конец письму. Спешу. Об этом, согласитесь, нужно листы исписать и много еще говорить. Анна Григорьевна, которой первой мелькнул этот проект, напишет Вам при первой возможности (сама кормит, не спит по ночам, 6-ти недель нет). Но когда Вы мне ответите (я ведь не жду, например, *последнего слова*, полного согласия *тотчас* в Вашем ответе), то тогда я уже отошлю на № тексту и у меня будет несколько дней свободнее. Тогда подробнее напишу. Теперь же обнимаю Вас крепко, Анна Григорьевна тоже, и люблю Вас всем моим сердцем. Обнимите за меня Верочку, крепче, скажите ей, как я ее люблю и ей сочувствую; Масеньку и всех. Поклон мой всем. Будем преданы друг другу и *не будем разлучаться.* Составимте общую семью. Анна Григорьевна обнимает вас всех. Она с болью жалеет об папаше; она понимает это. Она сама отца любимого 2 года назад потеряла.[12] Милая Соня, неужели Вы не верите в продолжение жизни и, главное, в прогрессивное и бесконечное, в сознание и в общее слияние всех. Но знайте что: «le mieux n'est trouvé que par le

---

в *Было:* напишите

г *Вместо:* на мою племянницу! — *было:* на Марию Михайловну.

meilleur».* Это великая мысль! Удостоимся же лучших миров и воскресения, а не смерти в мирах низших! Верьте! О как бы я желал быть с Вами и много говорить с Вами! А ведь мы уже *ровно* год как не видались, даже больше. Это много.

До свидания дорогая, золотая моя.

Ваш весь, весь, друг, отец, брат, ученик — всё-всё!

Ф. Достоевский.

Покрепче Верочку обоймите.

Ради бога, чтоб Масенька музыки не бросала! Да поймите же, что ведь для нее это слишком серьезно. Ведь в ней ярко объявившийся талант. Музыкальное образование для нее необходимо, на всю жизнь!

---

* «Лучшее дается лишь лучшему» (*франц.*).

345. А. Н. МАЙКОВУ

9 (21) апреля 1868. Женева

Женева 21/9 апреля/68

Любезнейший друг Аполлон Николаевич, Анна Григорьевна получила сегодня письмо от своей мамаши, и та пишет, что у Вас была на святой и Вы сказали ей, что давно уже послали мне письмо с 25 р. и не застраховали.[1]

Ну, разумеется, оно пропало; я ничего не получал, а теперь уже вторник Фоминой недели.[2] Если я Вам и писал, чтобы просто вложить 25 р. в письмо, так это потому, что здесь наши деньги легко меняются. Но все-таки я Вам приписал в письме: *рекомандируйте*, т. е. застрахуйте.[3] А уж известно, что наш почтамт деньги таскает. Они ведь недавно судились за это; я читал.[4] Но там не уймешь никаким судом.

Денег мне очень жаль, потому что уж страх как нужны и, уж конечно, в 1000 раз было бы лучше, если б они попались Паше или Эм‹илии› Федоровне. Но, однако, черт с ними, больше-то они и не стоят, а вот чего мне жаль — Вашего письма, голубчик мой! Верите ли, как досадно, то есть, ей-богу, я бы за него 200—300 фр. дал, только чтоб получить его теперь.[а] И в таком я через это унынии, что и представить не можете.

В Вашем письме Вы, может быть, мне кой-что и важное, деловое сообщали. Если так, то, ради Христа, напишите еще это письмо *вкратце*.

Я Вам пишу, влагая письмо в письмо жены к Анне Николавне. Она, наверно, не откажется передать. Какова Анна Николавна, хочет приехать к нам![5] Вот это я люблю!

[а] *Было:* Вот теперь

Я Вам пишу, только чтоб обо всем Вас известить. А теперь даже и минуты времени не имею. Работаю, и ничего не делается. Только рву. Я в ужаснейшем унынии; ничего не выйдет. Они объявили, что в апрельском № явится продолжение, а у меня ничего не готово, кроме одной ничего не значащей главы. Что я пошлю — не понимаю! 3-го дня был сильнейший припадок. Но вчера я все-таки писал в состоянии, похожем на сумасшествие. Ничего не выходит. Чем я извинюсь перед Катковым — и понять не могу, а апрельской книге уж пора выходить. Хоть бы 2 листочка выслать успелось.[6]

Во всяком случае буду писать.

А денег-то я все-таки у Каткова уж попросил на переезд в Вевей.[7] Полнейшее, самое полнейшее имеет право не прислать! И я бы на его месте наверно не послал, со зла. Но только что с нами-то будет тогда?

Напишите мне, голубчик, напишите хоть что-нибудь о том, что у Вас делается и происходит.[8] Я газеты читаю, это правда, но газеты — не живая дружеская речь. Видите ли, время мое скучное, где бы я ни жил, время тяжело-рабочее, время и скучное и волнующее, стало быть. Я всё дома сижу и каждый день выхожу только на 2½ часа. Прихожу в кафе читать русские газеты, и можете представить, какое они оставляют впечатление. Еще «Москов‹ские› ведомости» — хорошо читать, но «Голос» и «С. Петербург‹ские›» (ужас!) невозможно читать без скверного ощущения.[9] Приходишь домой в этом грустном и ветреном городе — грустный и чуть не сумасшедший, а дома опять работа и работа неудающаяся. Одно дитя и развлекает меня с Аней. Но развлекает-то мучительно: как подумаешь вперед — ух!

И вот можете судить по этому, что значит для меня Ваше письмо! Пишите же, пожалуйста.[10] Я же Вас буду уведомлять всегда. А со мной что будет, то и будет.

Да напишите насчет крестин. Вы наверно написали в пропавшем письме.

Взял перо для двух слов, только чтоб уведомить и известить. Аня Вам кланяется.

А я Ваш верный и всегдашний

Ф. Достоевский.

Я письмо не запечатываю, по трудности послать два письма в одном конверте. Не взыщите. Анна Николавна не прочтет ни строчки.

346. А. Н. МАЙКОВУ

18 (30) мая 1868. Женева

Женева 18/30 мая/68

Благодарю Вас за Ваше письмо, дорогой мой Аполлон Николаевич, и за то, что, рассердясь на меня, не прекратили со мной переписку. Я всегда, в глубине сердца моего, был уверен, что *Аполлон Майков* так не сделает.

Соня моя умерла, три дня тому назад похоронили. Я за два часа до смерти не знал, что она умрет. Доктор за три часа до смерти сказал, что ей лучше и что будет жить. Болела она всего неделю; умерла воспалением в легких. Ох, Аполлон Николаевич, пусть, пусть смешна была моя любовь к моему первому дитяти, пусть я смешно выражался об ней во многих письмах моих многим поздравлявшим меня. Смешон для них был только один я, но Вам, *Вам* я не боюсь писать. Это маленькое, трехмесячное создание, такое бедное, такое крошечное — для меня было уже лицо и характер. Она начинала меня знать, любить и улыбалась, когда я подходил. Когда я своим смешным голосом пел ей песни, она любила их слушать. Она не плакала и не морщилась, когда я ее целовал; она останавливалась плакать, когда я подходил. И вот теперь мне говорят в утешение, что у меня еще будут дети. А Соня где? Где эта маленькая личность, за которую я, смело говорю, крестную муку приму, только чтоб она была жива? Но, впрочем, оставим это, жена плачет. Послезавтра мы наконец расстанемся с нашей могилкой и уедем куда-нибудь. Анна Николавна с нами: она только неделю раньше ее смерти приехала.

Я [a] работать последние две недели, с самого открытия болезни Сони, не мог. Опять написал извинение Каткову,[1] и в «Русском вестнике», в майском номере, опять явится только три главы.[2] Но я надеюсь, что теперь день и ночь буду работать, не отрываясь, и с июньского номера роман будет выходить, по крайней мере, прилично.

Благодаря Вас, что не отказались быть крестным отцом. Она крещена была за 8 дней до смерти.

Я знаю, друг мой, что очень виноват перед Вами, до сих пор не возвратив Вам взятых у Вас денег, и что, кроме того, из тех, которые еще недавно получил от Каткова, отдал часть Эмилии Федоровне и Паше и ничего еще Вам, тогда как Вы теперь, должно быть, очень нуждаетесь.[3] Но сожалением не поправишь, и потому скажу прямо всё, что могу сказать *точного*: в настоящую минуту отдать ничего не могу, у самого *почти* ничего нет и, оставляя Женеву, даже платье свое и женино заложил (говорю только Вам). У Каткова же попросить в сию минуту — не смею, так как вот уже три месяца его обманываю. Но через

---

[a] *Далее было:* к удивлению ‹?› нашему

$1\frac{1}{2}$ месяца и *самое большее* через 2 (*верно говорю*) — попрошу Каткова выслать Вам от меня 200 р. Это верно. Что же касается до того, что до сих пор об Вас не подумал, — то это, *ей-богу*, несправедливо. У меня очень болело; но что я Вам скажу? Ничего не могу сказать. Вспомните только одно, Аполлон Николаевич, что, занимая у Вас тогда эти 200 р., я и тогда почти наполовину занимал для них, для родных, и через Вас же пошло им 75 руб. из тех 200. Кажется, так было, сколько помню. Вас же слишком благодарю за то, что спасли меня тогда, и слишком ценю Вашу деликатность со мной до сих пор, несмотря на то, что Ваше положение было тяжелое, об чем я теперь узнал.

Кстати, одна *большая просьба*: не передавайте известия о том, что моя Соня умерла, никому из моих *родных*, если встретите их. По крайней мере, я бы очень желал, чтоб они не знали этого до времени, разумеется, в том числе и Паша. Мне кажется, что не только никто из них *не* пожалеет об моем дитяти, но даже, может быть, будет напротив, и одна мысль об этом озлобляет меня. Чем виновато это бедное создание перед ними? Пусть они ненавидят меня, пусть смеются надо мной и над моей любовью — мне всё равно.

Простите, что Паша Вас так беспокоит. Что с ним будет — не понимаю? К чему он ведет?[4] Эти два места, которые у него были, могли бы сделать его честным и независимым.[5] Какое направление, какие взгляды, какие понятия, какое фанфаронство! Это типично. Но опять-таки, с другой стороны, — как его так оставить? Ведь еще немного и из этаких понятий выйдет Горский или Раскольников.[6] Ведь они все сумасшедшие и дураки. Что с ним будет, не знаю, — только богу *молюсь* за него. Кстати еще: на мое письмо, три месяца назад, — он *ничего* не ответил. Нежнее нельзя было написать ему. Он смотрит на меня единственно только как на обязанного посылать ему деньги, *до того*, что даже не написал мне двух строк, хотя бы в приписке в чьем-нибудь письме, чтоб поздравить меня, когда родилась Соня. Мне не хотелось бы, чтоб он узнал о ее смерти.

Я узнал тоже, что у него в руках некоторые пришедшие ко мне, в этот год, письма — чрезвычайно важные. (Одно из них от прежней моей знакомой Круковской). Как бы их переслать мне сюда. Это очень, очень для меня важно.[7] Может быть, и другие есть у него письма.

До свидания, друг мой. Постараюсь писать Вам с нового места. *Montreux*, про которое Вы пишете, есть одно из самых *дорогих* и модных мест во всей Европе.[8] Поищу где-нибудь деревеньку подле Вевея. Ваш перевод Апокалипсиса — великолепен, но жаль, что не всё. Вчера читал его.[9]

Ваш весь Федор Достоевский.

Жена Вас благодарит за всё и просит образок Сони оставить для нее.[10]

347. П. А. ИСАЕВУ

9 (21) июня 1868. Веве

Вевей (на Женевском озере)
Июня 9-го 1868 года.

Добрый мой голубчик Паша, во-первых, целую и обнимаю тебя. Получил наконец от тебя большое письмо. Ты пишешь, что послал мне до этого четыре письма: *ни одного* я не получил и удивляюсь, как они могли не дойти.

С огорчением прочел об твоих нуждах, голубчик мой Паша, но сам, в эту минуту, нуждаюсь ужасно, ничего не имею, а в «Русском вестнике» до того забрал вперед и до того запоздал доставкой романа, что *совестно до крайности*, до некоторого срока, просить денег.[1] Кажется, руку бы отрезал, если б мог этим помочь тебе. Посылаю письмо к Гаврил‹ов›у и расписку в 200 р.[2] Да даст ли под такую простую расписку? А впрочем, мы с ним имели дела денежные, и с ним я всегда был точен. К тому же у него будут в руках мое письмо и моя расписка, весьма точная: этого совершенно достаточно, чтобы каждый мировой судья заставил меня уплатить немедленно. К тому же мы все-таки можем еще пригодиться друг другу при будущих изданиях (не знаю, но все-таки рассчитываю на хороший конец «Идиота»). Он же человек хороший, по крайней мере, со мной всегда был таким. По этой расписке я надеюсь твердо уплатить к сроку непременно. К зиме тоже надеюсь быть в Петербурге наверно. Итак, с богом, и буду рад чрезмерно, если тебе удастся достать под эту расписку (в 200 р.) *рублей сто шестьдесят*, как ты пишешь.

Из них ты *сто* возьмешь себе. Но во всяком случае (то есть сколько бы ни получил с Гаврилова) из полученных денег отнеси немедля ни мало *двадцать пять* рублей (25 р.) к Марье Григорьевне Сватковской и вручи ей (она уже будет предуведомлена и будет знать, для чего). Смотри же, Паша, твердо буду на тебя надеяться, это для меня очень важно, если только получишь деньги. Остальное, что у тебя останется от полученного с Гаврилова (и от твоих ста рублей), выдай Эмилии Федоровне. Кланяйся ей и попроси у нее от меня извинения, что я до сих пор не успел ответить ей на ее доброе и приветливое письмо.[3] Уверь, что я очень ценю его. Ужасно жалею, что не могу решительно в *настоящую минуту* помочь ей в чем-нибудь более. Очень благодарю ее за тебя и, по возможности, не останусь в долгу ни у ней, ни у Феди. Это мое горячее желание. Жалею чрезвычайно, что она, как ты пишешь, хворает.

Алопкину я писал месяца два или полтора назад.[4] Ему я непременно заплачу если не всё, то покамест хорошую половину при первой возможности. Чувствую, что надо, да и человек со мной всегда поступал деликатнейшим образом. Понимаю, что

тебе была нужда страшная, коль ты пошел к нему просить денег. Но поступил ты в этом случае крайне нерасчетливо (потому что во всяком случае бы мог рассудить, что ведь он наверно не даст. Только встревожил его).[5]

Об службах твоих и отчасти о подробностях я слышал и от Ап<оллона> Николаевича и от Анны Николавны. Не знаю, Паша, кто тут виноват: конечно, всё, что ты пишешь, очень может быть совершенно справедливо, но, не зная подробностей, невозможно судить. Но во всяком случае, милый друг мой, *прошу тебя* очень — будь вперед с начальством терпеливее, скромнее и сносливее. *Иначе* невозможно, клянусь тебе, на службе. Вежливость и рассудок никогда и нигде не считались низостью, или угодливостью, или лестию.

Судя по письму твоему ко мне (то есть по тому, как оно написано), думаю, что ты можешь работать над судебными бумагами.[6] Ты пишешь очень порядочно, и с этим тебя поздравляю. О, как рад бы я был, если б ты мог достать опять место. Что же касается до брезгания иными местами, как низкими, — то это нелепость. Места низкого или унизительного нет. Но ты это, вероятно, понимаешь очень, особенно в твоем положении.

Жду от тебя (и во всяком случае, получишь или не получишь от Гаврилова деньги) *немедленного* ответа на это письмо, с уведомлением: получил или не получил. Мне это крайне надо узнать, и во всяком случае надо знать о твоем положении, не то я надумаюсь и измучаюсь. Но я имею и другую цель. В коротких словах: у меня есть положительная надежда (по контракту с Стелловским) получить с него *шестьсот* или даже *семьсот* руб. Но не теперь, а к 1-му января 1870 года. Это не надежда, а совершенная уверенность. Я непременно получу; у меня контракт.[7] У меня есть мысль: если Гаврилов даст тебе теперь под эту расписку 160 р., то я, *может быть*, предложу ему еще дать мне денег, значительнее гораздо сумму, выдать ему расписку, а в виде процентов переслать ему право получить по этому контракту с Стелловского в 1870-м году 600 р. или 700 р. Таким образом Гаврилов, хоть и через полтора года, но получит проценты громадные (сто на сто) и, *главное*, совершенно верные и обеспеченные контрактом, то есть почти будет их иметь сразу в кармане. Но я объясню потом, когда получу от тебя ответ. *Но пойми, Паша, главнейшее*: отнюдь и не заикайся говорить Гаврилову об этом займе (и контракте) *прежде чем* получишь с него деньги под расписку, теперь посылаемую, в 200 р. Иначе он не даст тебе. Когда же получишь деньги и положишь их в карман, тогда можешь сказать ему, по *вскользь*, для того только, чтоб узнать от него, будет ли он расположен одолжить мне рублей шестьсот, под точнейшие проценты? Если скажет, что мог бы, то я тогда ему, может быть, напишу. Впрочем, это только еще фантазия. Ради бога, осторожнее и никому не говори,

всего лучше. Главное, сам не надейся, потому что это только еще мысль.

Я переехал в Вевей и месяца три сряду буду работать день и ночь, чтобы кончить роман. Я думаю и даже надеюсь на удачу. Но я очень несчастен теперь, Паша! Бог поразил меня. Моя Соня умерла, и мы уже ее схоронили. Спасибо тебе, голубчик, за горячие твои пожелания и поздравления со счастием, но вот каково мое счастье. Ох, Паша, мне до того тяжело и горько, что лучше бы умереть. Если любишь меня хоть немного — пожалей!

Это горе было большою причиною остановки моей в работе. Анна Григорьевна страдает ужасно (можешь себе представить). Всё за грехи мои. До сих пор ни капли не могу привыкнуть к этому несчастью и отвыкнуть от Сони.

Прощай, голубчик, обнимаю тебя, до свидания. Пиши немедленно. Я запоздал работой романа и до того спешу догнать, что минутки нет свободного времени. И потому никому не отвечаю, даже Аполлону Николаевичу не успел еще ответить на его последнее дорогое письмо.[8] Уважай и люби этого человека. Обнимаю всех вас сердечно: тебя, Эмилию Федоровну, Федю милого, Мишу (поцелуй его крепко) и Катю. (Пожелай ей всяких успехов и всего лучшего от меня). Если Колю увидишь, передай ему мой братский поцелуй и расскажи о моем горе.

Пиши же.

Твой всегдашний и очень любящий

Ф. Достоевский.

Адресс мой:

Suisse, Vevey (Lac de Genève), A m-r Dostoiewsky, poste restante.*

(Точнее и четче пиши адресс).

---

* **Швейцария, Вевей (на Женевском озере), Г-ну Достоевскому до востребования** (*франц.*).

348. А. Н. МАЙКОВУ

22 июня (4 июля) 1868. Веве

Вевей $\frac{4}{22}$ июля [a]/68.

Любезнейший, добрейший и лучший друг мой, Аполлон Николаевич, простите меня, голубчик, за долгое молчание! Ради Христа. Причина молчания пустейшая: я до того запоздал в «Русский вестник», что всё это время работал *день* и *ночь* буквально, несмотря на припадки. Но увы! Замечаю с отчая-

---

[a] *В подлиннике ошибка.*

нием, что уже не в состоянии почему-то стал так скоро работать, как еще недавно и как прежде. Ползу как рак, а начнешь считать — листа $3^1/_2$ аль 4 каких-нибудь, чуть не в целый месяц. Это ужасно, и что со мной будет, не знаю. Романа еще листов 27 остается, а может, и 30, а главное, стыдно помещать такими кусочками и отрывками, как я вот уже третью книжку тяну: себе только врежу, не говоря о том, какое мнение, *вероятно*, имеют обо мне в Редакции «Русск‹ого› вестника», а это мне дороже мнения публики. Послал на июньский номер 4 главы (последнюю отослал вчера) — и дал *ЧЕСТНОЕ СЛОВО*, что к июльскому номеру, *своевременно*, будет выслано всё окончание 2-й части (5 листов minimum).[1] Времени у меня, самое большее, остается 3 недели. Ну что мне делать и как тут хорошо кончить? Завтра сажусь за работу, а сегодня гуляю, то есть должен написать три письма.[2]

Друг мой, Аполлон Николаевич, я знаю и верю, что Вы истинно и искренно жалеете меня. Но никогда я не был более несчастен, как во всё это последнее время. Описывать Вам ничего не буду, но чем дальше идет время, тем язвительнее воспоминание и тем ярче представляется мне образ покойной Сони. Есть минуты, которых выносить нельзя. Она уже меня знала; она, когда я, в день смерти ее, уходил из дома читать газеты, не имея понятия о том, что через два часа умрет, она так следила и провожала меня своими глазками, так поглядела на меня, что до сих пор представляется и всё ярче и ярче. Никогда не забуду и никогда не перестану мучиться! Если даже и будет другой ребенок, то не понимаю, как я буду любить его; где любви найду; мне нужно Соню. Я понять не могу, что ее нет и что я ее никогда не увижу.

Другое несчастье мое — состояние Анны Григорьевны. Она ужасно тоскует, плачет по целым ночам, и это сильнейшим образом действует на ее здоровье. Сам я, как говорю Вам, писал день и ночь (не думаю, чтоб было порядочно, потому что очень тяжело было писать). Ей, по Вашему совету, много задавал работы, но она быстро кончала, а потом опять та же мука.[3] Я вижу, что ей очень надо развлечения. Но судьба уж как заладит преследовать, так уж со всех концов: средств нет, чтоб переехать куда-нибудь в большой город (во Флоренцию, в Неаполь), да и не по сезону, а в Париж тоже невозможно, да и далеко. Большой город, с музеями, с галереями и т. д. (как Дрезден прошлого года) сильно бы развлек ее: она любительница, любит смотреть и учиться. А как нарочно должны здесь сидеть и даже по тому одному, что переезд самый ничтожный отнимает ужасно время (по опыту), а надо сидеть и работать, — иначе не докончишь, а стало быть, и последние ресурсы уничтожатся. Переехали мы из Женевы сюда в Вевей не без хлопот и со средствами самыми скуднейшими (болезнь, смерть и похороны ребенка стоили несколько денег, на которые мы рассчитывали),

и вот в Вевее не только всё по-старому гадко, но даже и хуже. Конечно, гаже житья в Женеве ничего и представить нельзя. Но здесь положительно не лучше, и мы все (втроем, с нами Анна Николавна) подозреваем, что слова женевских докторов, предупреждавших нас, справедливы: здесь воздух, расстраивающии нервы. Мы чувствуем это все трое. Правда, для здоровья в Женеве, в других отношениях (бизы), было несравненно хуже. Поживем немного, а там посмотрим, не умирать же. Жаров здесь нет; панораму озера Вы знаете; в Вевее она положительно лучше, чем из Монтре и Шильона, которые рядом. Но, кроме этой панорамы (и правда, еще некоторые места есть в горах для прогулки, чего не было в Женеве), — остальное всё слишком гадко, и за одну панораму мы боимся слишком дорого заплатить. О, если б Вы понятие имели об гадости жить за границей на месте, если б Вы понятие имели об бесчестности, низости, невероятной тупости и неразвитости швейцарцев. Конечно, немцы хуже, но и эти стоят чего-нибудь! На иностранца смотрят здесь как на доходную статью; все их помышления о том, как бы обманывать и ограбить. Но пуще всего их нечистоплотность! Киргиз в своей юрте живет чистоплотнее (и здесь в Женеве). Я ужасаюсь; я бы захохотал в глаза, если б мне сказали это прежде про европейцев. Но черт с ними! Я ненавижу их дальше последнего предела! Но в Женеве по крайней мере я имел газеты русские, а здесь ничего. Для меня это очень тяжело. От Паши я получил наконец большое письмо.[4] Пишет тоже о 4-х посланных мне письмах:[5] невероятно мне это, куда ж они могли деться? А с другой стороны, трудно и не верить ему совсем. Письмо он написал складно. Я порадовался, что он может излагать дело ладно и без ошибок. Но положение его действительно должно быть ужасное. Это мне так тяжело, что во сне даже снится. (Чем отблагодарю я Вас за все Ваши старания и заботы о нем. Разумеется, Вам нельзя давать ему денег: что Вы это? Вы так добры, что, пожалуй, и сделаете.[6] Я Вам сам должен, и, кроме того, Вам самим постоянная[6] нужда в деньгах; Вы с семейством и с доходами чуть-чуть достающими). Вот, однако же, дело, которое я Вам должен сообщить и по которому прошу Вашего совета:

Паша мне писал, что нельзя ли ему, по крайней мере, сделать на мое имя заем, и назначал человека, который мог бы дать под мою расписку деньги. Этот человек — один Гаврилов, бывший фактор типографии, в которой печатался наш журнал. Человек так себе, пожилой, не без некоторых достоинств, хитроватый и имеющий деньжонки. Он у меня раз купил второе издание романа («Униж‹енные› и оскорб‹ленные›») за 1000 р. Другой раз он ко мне как-то пришел; я спросил его: Гаврилов, у Вас есть деньги? — Есть немного. — Дайте мне 1000 руб.? —

---

6 *Было начато:* постоянно должны быть

Извольте, — и принес в тот же день, под вексель, разумеется, на отличные проценты, не помню какие. Эту 1000 я третьего года ему отдал всю. Действительно, этот человек мог бы дать. По просьбе Паши я написал ему письмо, а Паше послал и расписку в 200 р. (за 160 р., которые Паша хотел бы взять у него на мое имя, для себя и для Эм<илии> Федоровны, находящейся в нищете и заболевшей). Срок 1-е января. Не знаю, получил ли с него Паша? Голубчик, ради бога, если увидите Пашу, спросите его, — получил ли он, и если еще он не отвечал мне, то понудьте его отвечать немедленно,[7] но так, чтоб письма его не пропадали. (Очень может быть, что он как-нибудь посылает так небрежно, что они пропадают, а пожалуй, и другие причины — не знаю). Вас же прошу написать мне (а Вы, верно, не будете так же долго не отвечать мне, как я Вам, потому что простите меня за это и поймете действительную *тягость* моего положения и работы) — получил ли Паша с Гаврилова, потому что я ужасно беспокоюсь о том, что с ним будет, если он не получит? Я ведь чувствую, что он в последней крайности. Разумеется, я не прошу Вас нарочно ехать с дачи отыскивать Пашу. Он, вероятно, и к Вам сам явится. Но между тем вот об чем я хотел спросить Вашего совета:

Очень может быть, что Гаврилов, если у него есть деньги налицо, был бы опять расположен мне дать рублей тысячу на год (то есть 800, если Паше дал 200); разумеется, под вексель. Вексель можно и отсюда написать. Да сверх того через $1^1/_2$ года (по контракту) мне придется получить с Стелловского за «Преступление и наказание» (которое он *наверно* напечатает в своем издании моих сочинений, имея право по контракту, но только не раньше 1-го января 1870 года и так, как уже он опубликовал об этом в газетах) [8] — не менее 650 р. или 700 в виде доплаты (так у нас по контракту и это *наверно*). Не заложить ли мне этот контракт, то есть право получения [в] по нем с Стелловского денег, — Гаврилову, чтоб заохотить его дать эту тысячу? Не предложить ли это Гаврилову? А мне 800 р. были бы очень теперь спасительны, даже за огромные проценты. Кроме некоторых долгов, которые *необходимо* уплатить, — надо внести проценты за заложенную мою мебель и вещи в Петербурге, иначе пропадут, — а это дороже тысячи руб. Наконец, из этих 800 капелька денег осталась бы и мне сюда, а уж бог видит, как нам здесь надо. Я писал Паше, чтоб он сходил к Гаврилову и, *не говоря ему* всего, зондировал бы его насчет того, мог бы он дать или нет? Но Паша человек юный и неопытный. (Притом я хоть и написал Паше об этой моей мысли занять для себя 800 руб., но, признаюсь Вам, я смотрю на эту мысль даже и теперь только как на фантазию и много не жду от нее, потому что сам еще не решился, да и не знаю, что может сказать Гаврилов). Одним

[в] *Вместо:* то есть право получения — *было:* с правом получения

словом, я бы желал знать, как у него обошлось с Пашей, чтоб судить о его расположении, и 2-е) желал бы Вашего совета: делать или не делать? Прибавлю, что Гаврилов — человек горячий (и трусливый вместе) и предприимчивый. По его собственному признанию, он от «Унижен‹ных› и оскорбленных» был с барышком. Этот человек, если он только издает иногда и не прекратил теперь этих *попыток* издательских, как прежде, мог бы уж по тому одному не отказать мне в деньгах, что надеялся бы выгодно купить у меня [г] право издания (ну хоть «Идиота», если окончание будет хорошо), хотя я, разумеется, и не заикнусь делать предложения. На всякий случай, его адресс теперешний: у Вознесенского моста, в доме Китнера, при типографии Головачева, Гаврилов, фактор в типографии. Я, голубчик, не смею утруждать Вас и не прошу ходить к Гаврилову, потому что и не надо, но *на всякий случай* только сообщаю этот адресс.[д]

Я до того заработался, что отупел и голова как забитая. От Вас писем жду всегда как *царства небесного*. Голос из России, от друга — что же драгоценнее? Нечего мне Вам написать, никаких новостей, тупею и дурею я здесь. И, однако же, пока не кончу романа — ничего предпринять нельзя. А тогда, во что бы то ни стало, приеду в Россию. А чтоб кончить роман, нужно сидеть пять месяцев по 8 часов в день minimum, не вставая. Долг Каткову я наполовину уж отработал. Отработаю и остальное. Пишите мне, друг мой, Христа ради пишите. Жена кланяется Вам и Анне Ивановне. Она Вас обоих очень любит. Засвидетельствуйте Анне Ивановне мое уважение. Анна Николавна тоже просила Вам поклониться. До свидания. Обнимаю Вас. Вам преданный и искренний

Ф. Достоевский.

В 4-х главах, которые прочтете в июньском номере (а может, только в 3-х, потому что четвертая запоздала), попробовал эпизод современных позитивистов из самой крайней молодежи. Знаю, что написал верно (ибо писал с опыта; никто более меня этих опытов не имел и не наблюдал), и знаю, что все обругают, скажут нелепо, *наивно и глупо* и неверно.[9] Адресс мой:

Suisse, Vevey (Lac de Genève). A m-r Dostoiewsky, poste restante.

[г] *Вместо:* купить у меня — *было:* получить от меня

[д] *Далее было:* напр‹имер›, хоть в крайнем случае

349. С. А. ИВАНОВОЙ

23 июня (5 июля) 1868. Веве

Вевей 5/23 $\frac{\text{июля}}{\text{июня}}$ 68.

Милый и добрейший друг мой, Софья Александровна, я перед Вами невыразимо виноват, голубчик, что на письмо Ваше (от 3 мая) до сих пор не отвечал.[1] Но я был в таком горе, в каком никогда не был. Да и теперь оно не прошло; еще сильнее. Соня моя умерла, вот уже с лишком месяц. Она была больна неделю. Глупый доктор (первый в Женеве!) не рассмотрел болезни и даже в день смерти ее говорил, что ей легче. Я за два часа до смерти еще не думал, что она умрет, веря доктору! Ах, Сонечка, ах, ангел мой, если Вы вытерпели несчастье,[2] то я, уж конечно, не меньше выношу. Да что считаться: это уже была для меня личность, она меня знала, улыбалась мне, уже любила, когда я подходил, провожала меня глазками. Вот уж месяц прошел, как ее нет, а я не только не забыл ее, но чем дальше, тем больнее и тем ярче она в моем воспоминании. Мы похоронили ее в Женеве и переехали сюда в Вевей, на другой конец озера. Анна Григорьевна плачет по целым ночам до сих пор. Не знаю, что с нею делать, но она, конечно, больна. Она худеет, нервы ее раздражаются, и не знаю, что будет. Ее мать, Анна Николавна Сниткина, приехала к ней из Петербурга и живет теперь с нами. Приехала ходить за Соней и — вот! Кроме этого горя, я и прежде запоздал романом (потому что рождение Сони и уход за ней и за Анной Григорьевной у меня много взяли рабочего времени и расстроили мое здоровье). А теперь, по болезни Сони, запоздал еще больше. Наконец, переезд. И потому, несмотря на всё горе, весь этот месяц сидел день и ночь за романом (и как проклинал работу, как неприятно и гадко было писать!) и написал очень мало. Вот уже 3-й № выходит: апрельский, майский и теперь июньский, а я всё помещаю клочками и отрывками, и до сих пор тянется только 2-я часть.[3] Я забрал деньги вперед; они на меня надеялись и рассчитывали; по составу книжек «Р‹усского› вестника» вижу, что они, конечно, в надежде иметь от меня постоянно и помногу романа, почти совсем не запаслись этим отделом литературы. И вот теперь я их посадил! Так как роман длиннейший и остается его писать еще 30 печатных листов, то надо поправиться и, по крайней мере, конец доставлять помногу и чтоб работа была лучше. Как это для меня важно, можете судить, голубчик, по тому, что на романе этом совокупилась теперь вся моя надежда в будущем. Во-первых, надо сделать порядочно, во-2-х, отработать долг Редакции, а в-третьих, сделать, чтоб они на меня не сердились и охотно присылали теперь деньги, потому что я живу только ихними присылками. И потому перспектива: сидеть день и

ночь на одном месте, никуда почти не выезжая, никакого развлечения себе не позволяя, писать с тоской в сердце и мучиться, смотря на мучения жены. Надеюсь, Соня, ангел мой милый, что Вы не станете очень винить меня, прочтя всё это, за молчание мое. Я и никому не отвечал.[a] Однако же знаю, по письму Вани Сниткина, что Вы уже в деревне.[4] От Вас, от Вас жду, Сонечка, писем. Напишите что-нибудь, молчаливый, но верный друг мой. Так ли? Так ли? Ведь верный! Ведь мы с Вами никогда, никогда не разойдемся сердцем. Мою Соню я назвал Соней в Вашу честь. Друг мой милый, как Вы мне дороги. Напишите (я хочу знать всё это непременно), как вы, то есть Верочка и вы все, как и когда намерены вернуться в Москву, где будете жить?[5] Я из всех сил буду стараться воротиться в Россию к зиме, но знаю *наверно*, что это не иначе может быть, как к самому Новому году или даже в январе. Тогда, конечно, тотчас в Москву приеду. Наговоримся обо всем. Я понимаю, друг мой, что про стенографию Вы, конечно, не можете ничего теперь сказать ни положительно, ни окончательно. Я ведь Вам сообщил только одну идею. Разрешение ее в будущем, а теперь для того только писал, чтоб Вы имели это в виду как идею. Считаю себя обязанным прибавить про стенографию еще одно: что, по всем моим заключениям, эта идея (если только она Вам по сердцу — это важнее всего) *весьма осуществимая* и простая и гораздо менее фантастическая, чем многие и многие проекты.[6] Но, разумеется, дело об этом впереди. Вот еще мысль: если я угожу «Р‹усскому› вестнику» и останусь с ними в добрых и очень ладных отношениях, то во что бы то ни стало сближу Вас с Редакцией, буду хлопотать изо всех сил и, может быть, достигну того, что Вы получите занятие. При двух изданиях («Моск‹овские› вед‹омости›» и «Русск‹ий› вестн‹ик›») можно найти место, а там, судя по Вашей работе, Вы можете укорениться надолго. Работа благородная и при всяком положении Вашей судьбы — удобная. Но, разумеется, для этого нужно мне просить Каткова лично и узнать хорошенько место. Прежде там всё было занято, яблоку упасть было негде, но ведь не всегда же так.

Вот уже месяц как мы в Вевее — городишка дрянной, в 4 000 жителей, и по несчастию нашему опять в дрянь попали (всё мне здесь гадко!). Не люблю я этой уединенной жизни, в углу; за границей хорошо поездить по большим городам и по хорошим местам мимоходом, а постоянно жить тяжело. Но в настоящую пору роман связал: надо сидеть и работать, да теперь в это время года некуда и переехать, кроме разве на Рейн; но ведь там гуляние и людные места, а мне надо уединения и работы. Не в Париж же ехать для этого, а в Италии, даже в Северной, теперь сгоришь и раньше сентября туда и думать нельзя пере-

[a] *Далее густо зачеркнута фраза.*

ехать, хотя я бы желал. Что же касается до Вевея, то Вы, может быть, и знаете — это одна из первых панорам в Европе. В самом роскошном балете такой декорации нету, как этот берег Женевского озера, и во сне не увидите ничего подобного. Горы, вода, блеск — волшебство. Рядом Монтрё и Шильон. («Шильонский узник», не помните ли старый перевод Жуковского).[7] Но скверно то, что в Вевее раздражаются нервы, и скоро предрекают сильные жары (а мне именно в это время надо будет работать). Гулять есть где, если захочешь, а купаться опять-таки нельзя: признано докторами, что озерная вода расслабляет организм. Наконец, газет русских нет в Женеве,[6] а для меня это очень важно. Книжная лавка одна. Галерей, музеев и духу нет; Бронницы или Зарайск! [8] — вот Вам Вевей. Но Зарайск, разумеется, и богаче и лучше. Тут только один из самых первых в Европе ландшафтов и больше ничего.

Вот Вам всё обо мне покамест, всё что в письме можно высказать. Если б было наяву, конечно, нашлось бы сказать койчто побольше. Думаю об вас почти каждый день обо всех, и, уж конечно, мне тяжело, что в такое время мы не вместе, что Верочка? Я не пишу ей теперь, но напишу потом, чуть только найду минуту. Опять сажусь заниматься; думаю, что в деревне Вам не будет ни очень спокойно, ни даже приятно. Я не говорю уже о *главной причине*. Но так как вы все, разумеется, смотрите на ваше летнее пребывание в деревне как на временное и переходное, то, конечно, заботитесь и думаете о том, когда переедете в Москву; потому что там только, можно сказать, положите первое начало вашей новой жизни. Дай бог, чтоб мы поскорее свиделись. Целую всех, Верочку, Масеньку, Витю — всех.[9] Письмо к Василию Иванову и, кажется, довольно важное, — я получил. Представляю себе удивление Василия Иванова, получившего в свое время письмо с своим адрессом и начинающееся, может быть, словами: «Любезный брат». Ах, милая Верочка! И как, должно быть, она потом сердилась, когда оказалось, что ошиблась адрессами. Анна Григорьевна этот раз много пишет Вам. Я этому очень рад. Еще раз обнимаю Вас всех. Вы знаете, что я вас люблю, не правда ли? до свидания. Пожелайте, милый друг, чтоб работа моя хорошо кончилась. Если хорошо и удачно кончится, тогда более шансов скорее воротиться на родину. А уж как бы хотелось; как здесь скучно и неприятно жить. Пишите же, пишите, пожалуйста.

Ваш весь и навсегда

Федор Достоевский.

Адресс мой теперь:
Suisse, Vevey (Lac de Genève). A m-r Dostoiewsky, poste restante.

---

[6] *Так в подлиннике, вместо:* в Вевее.

Этот адресс месяца на два по крайней мере, — от сего числа. Напишите от меня поклон, когда будете писать, Елене Павловне и Марье Сергеевне.

350. А. Н. МАЙКОВУ

21 июля (2 августа) 1868. Веве

Вевей 19[а]/2 августа/68.

Добрейший и любимый друг мой, незабвенный Аполлон Николаевич, беру перо, чтоб написать Вам три строки.

Я послал Вам большое письмо в *июне м‹еся›це*, в ответ на Ваше, написанное в мае.[1] То письмо Ваше (майское) доказало мне, что Вы не только на меня не сердитесь ни за что (что я мог сдуру вообразить, по больному моему характеру), — но даже и любите меня по-прежнему. Не ответил я сию минуту, потому что день и ночь сидел 20 дней сряду за работой, которая плохо шла.[2] Но на письмо мое к Вам, ответное, июньское, большое и чрезвычайно для меня важное, я от Вас никакого ответа *не получил до сих пор.* Причины передо мной стоят две: 1) или Вы на меня за что-нибудь рассердились или 2) пропало мое письмо или Ваше.

Я ни за что не верю первой причине: Ваше письмо (последнее, майское) было такое, что я не могу понять, можно ли после таких добрых чувств ко мне опять вдруг на меня рассердиться, и потому я *слепо верю*, что письмо мое пропало. Верю потому еще, что имею причины так думать: я слышал, что за мной приказано[б] следить.[3] Петербургская полиция вскрывает и читает *все* мои письма, а так как женевский священник, по всем данным (заметьте, не по догадкам, а по фактам), служит в тайной полиции,[4] то и в здешнем почтамте (женевском), с которым он имеет тайные сношения, как я знаю заведомо, некоторые из писем, мною получаемых, задерживались.[5] Наконец, я получил анонимное письмо о том, что меня подозревают (черт знает в чем), велено вскрывать мои письма и ждать меня на границе, когда я буду въезжать, чтобы строжайше и нечаянно обыскать.[6]

Вот почему я твердо уверен, что или мое письмо не дошло, или Ваше ко мне пропало. NB (Но каково же[в] вынесть человеку чистому, патриоту, предавшемуся им до измены своим прежним убеждениям, обожающему государя, — каково вынести подозрение в каких-нибудь сношениях с какими-нибудь полячишками или с Колоколом![7] Дураки, дураки! Руки отваливаются невольно служить им. Кого они не просмотрели у нас, из виновных, а Достоевского подозревают!)

[а] *В подлиннике описка.*
[б] *Было:* велено
[в] *Далее было:* это

Но не в том дело. Письмо это Вам доставит сестра жены моей из рук в руки.[8]

Это все-таки не письмо, а три строчки, потому я уж и не знаю, что написать Вам. Все-таки ведь я не имею Вашего письма у себя. Аполлон Николаевич, друг мой. (Вы меня сами называли другом!) Как мне тяжело было в это время иногда от мысли, что Вы на меня сердитесь!

Напишите же мне, напишите в обоих случаях: если сердитесь, то объясните причину. Если не сердитесь, напишите, что меня любите.

Я был очень несчастен всё это время. Смерть Сони и меня и жену измучила. Здоровье мое некрасиво; припадки; климат Вевея расстроивает нервы.

При первых средствах намерен выехать из Вевея. (Но, во всяком случае, если сейчас ответите, то адресуйте по-прежнему: Vevey (Lac de Genève) poste restante).

Романом я недоволен до отвращения. Работать напрягался ужасно, но не мог: душа нездорова. Теперь сделаю последнее усилие на 3-ю часть. Если поправлю роман — поправлюсь сам, если нет, то я погиб.[9]

У жены расстроены нервы, худеет, и здоровье хуже и хуже.

Я написал перед Вашим письмом письмо к Паше; [10] он просил, нельзя ли занять у одного отдающего под залог деньги (бывшего знакомого фактора типографии) [11] на мое имя. Так как и в Вашем письме подтвердили Вы о его нуждах, то я позволил занять и послал расписку в 200-х рублях, так как они просили и требовали. До сих пор от Паши *никакого ответа.*

Перед Вами я преступник. Ваши 200 до сих пор за мной! [12] Отдам, не обвиняйте меня! Если б Вы знали, сколько я вынес, но отдам! Что скажет 3-я часть.

Если перееду, то, главное, чтоб спасти жену.

Она кланяется Вам, жмет руку. Мой и ее поклон искренний многоуважаемой Анне Ивановне.

Ваш весь Ф. Достоевский.

Имею причины подозревать, что и Паша ни письма, ни расписки от меня не получил. Расписка в 200 рублях. Если перехватили на почте, то где же она может быть? Все-таки документ важный.

Не обратиться ли мне к какому-нибудь *лицу*, не попросить ли о том, чтоб меня не подозревали в измене Отечеству и в сношениях с полячишками и не перехватывали моих писем? Это отвратительно! Но ведь они должны же знать, что нигилисты, либералы Современники еще с третьего года в меня грязью кидают [13] за то, что я разорвал с ними, ненавижу полячишек и люблю Отечество. О подлецы!

351. Э. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ

9 (21) августа 1868. Веве

Вевей 9/21 августа 1868 г.

Многоуважаемая и любезнейшая сестра, Эмилия Федоровна,

Вчера я получил письмо Ваше; оно меня чрезвычайно удивило, потому что мне *не хотят* писать и отвечать на мои письма, а не я молчу и не отвечаю на Ваши письма, которых я, впрочем, давным-давно не получал.[1] Я несколько раз зимой и весной писал к Паше, но ответа не получал; наконец, месяца два с половиной тому назад, получил от него большое письмо,[2] в котором он извещал меня, что он много раз писал ко мне, но что письма его, стало быть, ко мне не доходили. Это мне очень странно. В этом письме он писал мне про Михаила Гавриловича Гаврилова, бывшего фактором при типографии Праца (*теперь же* у Вознесенского моста, в доме Китнера, при типографии Головачева, фактором же). Паша предлагал мне на вид возможность сделать у него, для Вас (и для Паши), заем, и писал мне, что он уже говорил об этом с Гавриловым и что нужно с моей стороны, отсюда, во-1-х) *расписку*, в которой бы я, на отдельном листе, засвидетельствовал, что получил от Мих‹аила› Гавр‹иловича› Гаврилова 200 руб. (*двести* рублей) и обязуюсь их уплатить ему через восемь месяцев, и во-2-х) написать ему при этом отсюда письмо, в котором просить Гаврилова, чтоб он мне не отказал.

Так как я с Мих‹аилом› Гав‹риловичем› Гавриловым делывал уже неоднократно, удачно и счастливо, большие и тысячные дела и так как он знает меня за человека верного и состоятельного (и сверх того, не перестающего заниматься литературой, а Гаврилов занимается изданиями), то я, желая искренне и поскорее помочь Вам, *отвечал тотчас же*, тогда же, *не медля ни мало*, то есть два с половиной месяца назад Паше, и в письме к нему вложил расписку в двухстах рублях и письмо от меня к Гаврилову, в котором просил не отказать мне и выдать эти 200 руб. в руки Павлу Александровичу Исаеву. Письмо это к Паше, со вложением писем к Гаврилову и расписки, я адресовал *на Ваше имя* (то есть Эмилии Федоровне Достоевской). Вам, собственно, в этом письме я не писал, а просил только Пашу Вам кланяться и засвидетельствовать мое уважение и при этом поручал Паше *выдать Вам* часть полученных от Гаврилова денег, другую часть определял самому Паше и, наконец, третью, очень маленькую часть, определял употребить на одно из моих поручений.[3]

Кроме того, в этом письме я делал Паше одно очень важное поручение: смысл этого поручения состоял в том, чтоб переговорить с Гавриловым (уже после того, когда кончится дело и он выдаст 200 руб.) о возможности у Гаврилова еще сделать один заем, гораздо больше, уже для меня, на основании заклада права

получения по контракту одной суммы (которую мне придется получить в будущем году со Стелловского) — одним словом, дело, как Вы можете сами видеть, очень важное. И потому, отослав $2^1/_2$ месяца тому назад, на Ваше имя, это большое письмо к Паше и с такими важными бумагами, я просил и требовал от Паши немедленного ответа, во-первых), как он распорядился, то есть получил ли деньги, сколько оставил у себя и сколько выдал Вам, и во-2-х), говорил ли с Гавриловым?

И вот до сих пор, то есть целых два с половиной месяца, я *не получал никакого ответа* на такое важное для меня письмо! Наконец вчера получил письмо от Вас, и в нем *ничего нет* об этом деле! Если Вы получили деньги, то хоть бы полслова написали об этом! Неужели же письмо пропало? То почему же другие письма мои не пропадают? Но если оно пропало, то согласитесь сами, что в нем были важные бумаги, была расписка в *двухстах* рублях и письмо Гаврилову. Даже могло случиться, что кто-нибудь этим воспользовался, предъявил расписку и письмо Гаврилову и получил с него деньги. Во всяком случае, это молчание меня всё это время тревожило (а у меня немало горестей и тревог других).

И потому, прошу Вас покорнейше и убедительнейше, многоуважаемая Эмилия Федоровна, написать мне, по возможности не медля, во-1-х). Получено ли было Вами, два с половиной месяца назад, письмо к Паше, но адресованное на Ваше имя, во-2-х), получили ли Вы деньги? *Если нет,* то покорнейше Вас прошу послать к Гаврилову (а лучше бы самим сходить) и расспросить его: не получал ли он от кого-нибудь моего письма и расписки в займе у него двухсот рублей?

Письмо Ваше меня огорчило и расстроило чрезвычайно; я хоть надеялся всё это время, что Вы хоть немного, но получили денег (через Гаврилова), а я из письма Паши еще мог заключить, что Вы всё страдаете. Теперь и Паша без денег. У меня же теперь ни копейки нет в виду до самой осени (то есть до окончания и сдачи 3-й части романа), и я сам, в эту минуту, едва перебиваюсь.

Смерть моей Сони поразила меня ужасно, так что я не мог много и работать. Жена тоже часто хворает. Жду возможности переехать из Вевея. Климат здесь даже вредный для нас обоих.

С этим письмом я пишу тоже к Ивану Максимовичу Алонкину. Я сам рассчитывал получить порядочно денег, по крайней мере в июле месяце, а потому уже писал ему раз, в конце весны, и обнадеживал его, что в июне или в июле пришлю ему в уплату за квартиру по крайней мере половину.[4] Понятно, что он теперь недоволен мною очень. Я пишу к нему теперь письмо извинительное и прошу его продержать Вас на квартире хоть два месяца. Но, согласитесь сами, что теперь уже во всем его добрая воля; не видя ни уплаты, ни моего возвращения, он может начать сомневаться. Он полтора года ждал, — это беспримерно.

И хоть я при первых деньгах начну уплату с него, но все-таки полагаю, что теперь мое письмо и мои просьбы не очень-то много будут значить в его глазах.

Письмо это я вкладываю в письмо мое к Ивану Максимовичу и прошу его покорнейше и убедительнейше доставить его Вам. Согласитесь сами, что если все, и самые важные притом для меня письма, пропадают, то лучше взять свои меры. Это письмо к Ивану Максимовичу я застраховываю. Таким образом, оно *непременно* должно дойти до Вас, и я надеюсь на немедленный ответ от Вас о Гаврилове.

Вы напрасно, Эмилия Федоровна, пишете в Вашем письме, что будто бы нас, то есть меня с Вами, кто-то хочет поссорить и что это грешно перед богом. Будьте уверены, что нас никто не ссорит и не хочет ссорить; даже совершенно напротив. Примите эти слова буквально. Мне, который отослал $2^1/_2$ месяца в Петербург (хоть и Паше, но прямо касающееся Вас) письмо и с тех пор вот уже два месяца жду ответа и нахожусь в чрезвычайном беспокойстве, — мне вдруг пишут обвинение, что я шесть месяцев не писал! После этого, конечно, не знаешь что и подумать.

Несмотря на слабое здоровье, я занят день и ночь работой. Времени у меня так мало, что не сердитесь за то, что я писал к Паше, а не к Вам лично, хотя и об Ваших делах, и велел ему передать Вам полное мое уважение. Я не переставал писать даже тогда, когда ко мне, напротив, все перестали писать. Это я повторяю.

Жена Вам кланяется. Передайте, прошу Вас, мой поклон всем, кто меня помнит, и будьте уверены, что я во веки веков Вам предан и поделюсь с Вами последним в память брата Миши, если только будет у меня это последнее.

Ваш искренний и глубоко уважающий Вас брат

Федор Достоевский.

Хоть я и желаю отсюда переехать, но адресс мой тот же, то есть *Вевей*. Если перееду, Вам напишу. Письмо это я вложил в письмо к Ивану Максимовичу *незапечатанным*.

352. РЕДАКТОРУ ОДНОГО ИЗ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

Конец августа—начало сентября 1868. Веве

Черновое

Господин редактор.

Позвольте иностранцу прибегнуть к благосклонной помощи Вашего уважаемого журнала для ниспровержения лжи и восстановления истины.[1]

Вот уже год как я живу в Швейцарии. Выезжая прежде из России за границу, я только проезжал[а] мимо, путешествовал. Теперь же в первый раз поселился на месте, не езжу как путешественник, а живу в чужой земле, на одном месте. Таким образом, в первый раз в моей жизни заметил во всей силе многое из того, чего бы мне и в голову не пришло, если б я только проезжал путешественником.

Между прочим, меня чрезвычайно поразило необыкновенное незнание европейцев почти во всем, касающемся России. Люди, называющие себя образованными и цивилизованными, готовы часто с необычайным легкомыслием судить о русской жизни, не зная не только условий нашей цивилизации, но даже, наприм<ер>, географии. Не буду распространяться об этой неприятной и щекотливой теме.[2] Замечу[б] только, что самые дикие и необычайные известия из современной жизни России находят в публике полную и самую наивную веру. Нельзя не заметить, что масса этих известий увеличивается как в газетах, так и в отдельных изданиях, что, конечно, составляет признак всё большего и большего интереса, который возбуждает мое Отечество в массах европейской публики.

Всем известно, что есть в Европе несколько периодических изданий, почти специально назначенных ко вреду России.[в][3] Не прекращается тоже в разных краях[г] Европы и появление отдельных сочинений с тою же целью. Эти книжки имеют большею частию вид обнаружения тайн и ужасных секретов России. Человек, европеец или русский, долго страдавший и негодовавший в России, собиравший сведения, случайно поставленный так, что мог добраться[д] до истины и до обнаружения чрезвычайных фактов, успевает наконец покинуть несчастную страну, в которой он задыхался от негодования, и где-нибудь за границей, где уже русское правительство над ним бессильно, издает наконец книгу — свои наблюдения, записки, секреты. Его издатель спешит надписать на заглавной странице «собственность издателя» — и вот масса публики, в чем я твердо убедился в этот год жизни моей за границей, с самой наивной добросовестностию верит, что всё это правда, святая истина, а не спекуляция на благородных чувствах читателя, не продажа на фунты или на метры благородного негодования, отлично фабрикованного[е] для двух целей — для вреда России и для собственной выгоды, потому что благородное негодование все-таки продается, и продается с выгодой. Книжка издателю окупается, «труд» сочинителя тоже.

а *Было:* ездил
б *Было:* Скаж<у>
в *Далее было начато:* Но есть
г *Было:* концах
д *Было:* обнаружить
е *Было:* подделанного

Таких книжек я видел много, некоторые из них читал. Фабрикованы они или иностранцами или даже русскими, — во всяком случае людьми необходимо бывшими в России. В них называются известные имена, сообщается история известных лиц, описываются события, действительно бывшие, — но всё это описание неверно, с искажением для известной цели. И чем более автор лжет, тем становится он наглее.[ж] Промахи против истины и умышленные клеветы до такой степени иногда наглы и бесстыдны, что становятся даже забавны; я часто смеялся, читая эти сочинения. Тем не менее они[з] вредны, так как и всякая клевета, всякое искажение истины.[4] От всякой клеветы, как бы она ни была безобразна, все-таки что-нибудь остается. Кроме того, в массах европейской публики распространяются ложные, искаженные, мнения и тем сильнее, чем малоизвестнее европейцам русская жизнь, а ложные мнения, ложные убеждения могут вредить в этом случае и не одной России. Таково по крайней мере мое убеждение.

И, однако, признаюсь, я никогда[и] не взял бы на себя труда обнаруживать в этом случае ложь и восстановлять истину: труд слишком был бы уж унизителен. По прочтении некоторых[к] из этих сочинений мне становится всегда почему-то чрезвычайно стыдно: или за автора или за себя, что я взял на себя труд читать такую наглую нелепость.[л]

Но вот на днях, случайно, попалась мне на глаза книжонка: «Les mystères du Palais des Czars (Sous l'Empereur Nicolas I) par Paul Grimm, propriété de l'Editeur. Vurzbourg, F. A. Julien libraire-éditeur, 1868».* В этой книжке описывается собственная моя история, и я занимаю место одного из главнейших действующих лиц. Действие происходит в Петербурге, в последний год царствования императора Николая, то есть в 1855 году. И хоть бы написано было: роман, сказка; нет, все объявляется действительно бывшим, воистину происшедшим[м] с наглостью почти непостижимою. Выставляются[н] лица, существующие действительно, упоминается о происшествиях не фантастических, но всё до такой степени искажено и исковеркано, что читаешь и не веришь такому[о] бесстыдству. Я, например, назван моим полным именем Théodore Dostoiewsky, писатель, женат, председатель тайного общества[п] [5]

ж *Далее было:* нужны
з *Было:* эти
и *Было:* все-таки
к *Было:* многи‹х›
л *Вместо:* наглую нелепость — *было:* мерзость
м *Далее было:* обнаруживаются будто бы секреты и тайны
н *Было:* Упоминают‹ся›
о *Было:* подо‹бному›
п *Письмо не закончено.*

* «Тайны царского двора (При Николае I). Сочинение Поля Гримма. Собственность издателя. Вюрцбург, книжное издательство Ф. А. Жюльена, 1868» (*франц.*).

353. П. А. ИСАЕВУ

22 сентября (4 октября) 1868. Милан

Милан $\frac{\text{4 октяб‹ря›}}{\text{22 сентя‹бря›}}$ 68.

Милый друг Паша,

Благодарю тебя за твое письмо, за то, что пожалел о бедной моей Соне, целую и обнимаю тебя.[1] Прости, что не ответил сейчас: я изъяснил в письме к Эмилии Федоровне, что меня задержало сейчас ответить.[2] Твое *отчаянное* положение, Паша, меня измучило. Я об тебе часто думаю, чаще чем ты воображаешь, потому что ты, кажется, сомневаешься в моей любви к тебе. Но что мне делать, когда я сам в таком тяжелом безденежье был все лето, что никак не мог прислать тебе ничего. Через месяц буду просить Редакцию «Русского вестника» выслать тебе денег, хоть немного.[3] Потом пойдет лучше. Теперь я надеюсь быть богаче; надеюсь к зиме на некоторую сумму. Тебя, уж конечно, не забуду. Ты у меня ежеминутно и на сердце и в мыслях. Желал бы знать, как ты теперь живешь? Полагаю, что очень худо. Но всего более желал бы, чтоб достал ты себе место и не только достал, но и удержался бы на нем. Ах Паша! Сколько раз я тебе говорил прежде кой о чем! Не сердись, если я скажу тебе прямо, что ты жизни не понимаешь. Я подробно знаю, как ты *служил*.[4] Не в том состоит истинное благородство и достоинство человека, в чем ты его понимаешь! [5]

Сходи к Марье Григорьевне (но поспеши, потому что она по делам своим может опять очень скоро поехать за границу).[6] Попроси ее похлопотать за тебя еще раз и поискать тебе места; я ее уже попросил.[7] Это очень добрая и благородная женщина; она искренно тебе добра желала. Она выдаст тебе 3 руб. от нас, чтоб ты *страховал* ко мне свои письма. Я хочу,[а] чтоб они доходили ко мне и чтоб не было между нами таких ужасных недоразумений, как еще недавно.[8]

Очень мне тяжело, друг мой, что я всё еще принужден оставаться за границей. Но так или иначе, а надо очень скоро уладить мне мои дела. Кончу работу в «Русс‹ком› вестнике» и тогда надо будет вернуться. В Петербурге мне гораздо удобнее зарабатывать деньги, чем здесь.

Во всяком случае, помогу тебе при первом удобном случае. Через полтора месяца надеюсь *что-нибудь* выдать тебе. Но до тех пор что с тобой будет? [9]

Я живу скучно, работаю сильно (запоздал). В Милане теперь дожди. Но здоровье мое здесь видимо лучше стало. От Аполлона Николаевича я очень давно не получал писем.[10] Напиши мне что-нибудь о нем.

[а] *Было:* Я не знаю

Обнимаю тебя, голубчик Паша, и дай бог нам поскорее свидеться.

Тебя искренно любящий твой отец

Федор Достоевский.

Адресс мой:

Italie, Milan, poste restante. A M-r Théodore Dostoiewsky.*

Четче надписывай.

Вышли мне, Паша, расписку гавриловскую сюда. Мне это надо. Передай Эмилии Федоровне; я просил ее переслать.[11]

---

* Италия, Милан, до востребования. Господину Федору Достоевскому (*франц.*).

354. С. А. ИВАНОВОЙ

26 октября (7 ноября) 1868. Милан

Милан 26 октября / 7 ноября /68.

Милый и добрый друг мой, Сонечка. Я ужасно давно Вам не писал.[a] Оправданий у меня нет, кроме одного: занятие романом. Верите ли, друг мой, что ведь это день и ночь, и если не пишешь пером, то ходишь, куришь и думаешь. Сам себе не верю, чтоб недоставало действительно одного часу на письмо; но оно так. Но как бы то ни было, я Вас люблю, дорогая моя, вдвое, может быть, чем прежде. Вы — «дитя моего сердца» — так я Вас считаю, и Ваше имя мне слишком дорого. Вы и сестра моя и дочь моя. Но как-то Вы живете, где именно (конечно в Москве). Сбылись ли хоть в малой мере Ваши расчеты (между прочим найти журнальную работу),[1] а главное — как настроение Ваших мыслей и Вашего сердца теперь? Дорогая моя, смотрите вперед бодрее; не такой, как Вы, унывать и падать духом. Напишите мне подробнейшим образом о Вашей теперешней жизни и о жизни мамаши[2] и всех вас и пришлите мне поскорее. Не мстите мне за молчание и не берите в пример аккуратность в переписке Вашего взбалмошного дяди. О себе же представляю следующий отчет:

С женой мы живем согласно и дружно. Она терпелива, и интересы мои ей дороже всего, но вижу, что она тоскует по России, по родным и знакомым. Это меня отчасти мучает, но в продолжение нескольких месяцев нельзя еще делать никаких расчетов, за неясностию моего положения. Обстоятельства же, вопреки прежнему моему расчету, обернулись отчасти против меня.

---

[a] *Было:* описал

Именно: через 2 месяца кончается год, а из 4-х частей мною писанного[б] романа окончено всего 3, а 4-я самая большая еще и не начата. А так как ни малейшей возможности нет написать в месяц (если писать постоянно целый год) более 3½ листов (говорю по опыту), то, стало быть, я, по крайней мере, на 6 листов опоздаю в этом году, то есть в декабрьской книге «Русского вестника» не будет окончания романа.[3] Это меня ставит в неприятнейшее и вредное положение, во-первых, потому, что ставлю в чрезвычайно неприятное, хлопотливое и убыточное положение редакцию журнала, которая должна додавать подписчикам окончание романа в особом приложении[4] (что уже убыток, не говоря о другом), и во-вторых, потому что и меня ставит в денежный убыток на 900 руб., ибо я, не желая доставлять убытка журналу, предложил, что денег не возьму за эти 6 листов, которые не успеют напечататься. Наконец, и (главное) для меня в том, что эта 4-я часть и окончание[в] ее — самое главное в моем романе, то есть для развязки романа почти и писался и задуман был весь роман.[5]

А если б я успел всё докончить в декабре, то роман, выиграв этой развязкой, имел бы эффект на книгопродавцев, и, наверно, у меня явился бы издатель[г] на второе издание, а стало быть, были бы деньги, а с ними возвращение в Россию. Теперь же ждать долго, и всё это неопределенно.[6]

Об частной жизни нашей скажу следующее. Похоронив Соню в Женеве, мы, как Вы знаете, переехали в Вевей.

К Анне Григорьевне приехала ее мать и жила с нами.[7] В крошечном и живописном Вевее мы жили затворниками, гуляя иногда по горам. Про местоположение не говорю, — этого во сне не увидишь; но Вевей раздражает нервы — чего я не знал и что, впрочем, известно всем докторам на свете. И падучая и другие нервные припадки, зубная боль сверх того, замучили меня. Жена тоже заболела. Мы переехали теперь в Италию, через Симплон (самое пылкое воображение не представит себе, что это за живописная горная дорога (через Симплон)) и поселились в Милане, ибо дальше ехать не имели денежных средств (я столько забрал в 1½ года в «Русском вестнике», что теперь всеми силами стараюсь об уплате, и хоть получаю от них деньги постоянно и значительно, но при разных обстоятельствах, едва концы свожу и в Петербург ни Паше, ни Эмилии Федоровне давно уже ничего не мог выслать, чем мучаюсь). В Милане хоть и часто дождь, но климат для моего здоровья удивительный, необыкновенный. Милан, впрочем, славится частыми апоплексическими ударами, но со мной, может быть, и не будет удара. Жить в Милане немного дорого; город большой и значительный,

---

б *Было:* печатанного
в *Было:* это окончание
г *Далее было:* а это

но не живописный и почти не похож на настоящую Италию. В окрестностях, то есть полчаса езды по железной дороге, чудное озеро *Комо*, но я там еще в этот раз не был. Всё, что есть замечательного в городе, — это знаменитый Миланский собор, громадный, мраморный, готический, весь вырезан à jour* и фантастичен, как сон. Внутренность необычайно хороша. В конце ноября думаю переправиться во Флоренцию, ибо там есть русские газеты и жизнь может быть дешевле.[8] Мимоходом же сделаю крюк на три дня в Венецию (показать жене), что будет мне стоить 100 франков лишних.[9]

Вот вкратце всё обо мне. Нравственное состояние мое очень тяжело: грусть по родине, забота об том, что будет, то есть как разрешатся мои обстоятельства, долги и проч. Отвычка от России, невозможность даже писать здесь без русских впечатлений всегдашних и непосредственных; вообразите, что вот уже 6 месяцев ни одной газеты не читал русской, отстав от России. И ко всему этому 4-я часть романа, на которую я так надеюсь и которую надо еще 4 месяца писать. Но покамест обо мне довольно. Подробнее напишите мне, ангел мой, о мамаше, о Маше и обо всех ваших, как о внешнем, так и о нравственном их состоянии. Обнимите за меня мамашу; я об ней каждый день думаю и молюсь. Часто думаю о прошедших днях наших. Покрепче поцелуйте Масеньку. Сообщите подробный Ваш адресс. Мне же адрессуйте:

Italie, Milan, à Mr. Th. Dostoiewsky, poste restante.

Если я и не буду уже в Милане, а во Флоренции или в Венеции (которую хвалят и рекомендуют на зиму), то письмо Ваше, адресованное ко мне в Милан, по вышеданному адрессу, наверно дойдет, ибо я оставляю адресс в миланской почтовой конторе. Итак, пишите в Милан. Переехав же, я Вас сейчас уведомлю из нового места. Жена Вам кланяется, обнимает и целует всех вас горячо. Оба мы тоскуем по родине.

Меня уведомили, что в Петербурге с Нового года будет издаваться новый журнал. Издатель Кашпирев, редактор мой приятель и друг Страхов. Просят моего сотрудничества.[10] Предприятие, кажется, серьезное и прекрасное. Майков пишет мне об этом с восторгом.[11]

Прочтите в сентябрьской книге «Русского вестника» статью «Съезд британских ученых», прочтите непременно.[12]

Обнимаю Вас, целую крепко и прижимаю к сердцу. Ваш друг и брат Федор Достоевский.

Что Елена Павловна? Что Марья Сергевна? Всем поклон. Сообщите обо всех. Пишите побольше. Христос с вами!

---

* сквозной, прозрачный (*франц.*).

355. А. Н. МАЙКОВУ

26 октября (7 ноября) 1868. Милан

Милан $\frac{7 \text{ октября}^{а}}{26 \text{ ноября}^{а}}$ 68.

Дорогой друг, Аполлон Николаевич,

Давно уже, недели три назад, получил я Ваше письмо и не отвечал сейчас, потому что занят и душою и телом работой; и хоть и можно было найти час-другой, чтоб ответить, но мне так тяжело бывает в рабочее время, что, ей-богу, сил нет писать,[1] тем более когда от души хотел бы поговорить. А тут стал ждать Ваше второе письмо, которое получил наконец вчера и за которое очень Вас благодарю, бесценный друг. Но прежде всего — никакого никогда я не имел на Вас неудовольствия и говорю это честно и совестливо, но, напротив, думал, что Вы на меня рассердились за что-нибудь. Во-первых, то, что Вы перестали писать, а для меня Ваше письмо здесь — событие в жизни; Россией веет, праздник, буквально говоря. Но как Вы-то могли подумать, что я из-за какой-нибудь идеи или фразы мог обидеться![2] Нет, у меня сердце другое. И вот что: познакомился я с Вами 22-х лет (в первый раз у Белинского, помните?).[3] С тех пор много раз швыряла меня жизнь туда и сюда и изумляла иногда своими вариациями, а в конце концов теперь, в эту минуту — ведь один Вы, то есть один такой человек, в душу и сердце которого я верю и которого я люблю и с которым идеи наши, и убеждения наши сошлись в одно. Можете ли Вы мне не быть дороги почти как покойный брат был для меня?[4] Письма Ваши меня обрадовали и ободрили, потому что нравственное состояние мое очень плохо. И во-первых, работа меня измучила и истощила. Вот уж год почти как я пишу по $3^1/_2$ листа каждый месяц — это тяжело. Кроме того, — нет русской жизни, нет впечатлений русских кругом, а для работы моей это было всегда необходимо. Наконец, если Вы[б] хвалите мысль моего романа,[5] то до сих пор исполнение его было не блестящее. Мучает меня очень, что напиши я роман вперед, в год, а потом месяца два-три переписки и поправки, и не то бы вышло, отвечаю. Теперь, как уж всё мне самому выяснилось, я это ясно вижу.

Я так прямо и начал Вам с себя и с романа. Но хочу объяснить сначала мое положение, из него яснее увидите дальнейшее. Итак, вот оно, мое положение:

Более $3^1/_2$ листов в месяц писать нельзя, — это факт, если писать целый год сряду. Но через это вышло то, что в этом году я не кончу роман и напечатаю всего только половину последней четвертой части. Даже месяц назад я еще надеялся кончить, но

а *В подлиннике описка.*

б *Далее было начато:* хотите

теперь прозрел — нельзя! А между тем 4-я часть (большая, 12 листов) — весь расчет мой и вся надежда моя! Теперь, когда я всё вижу как в стекло, — я убедился горько, что никогда еще в моей литературной жизни не было у меня ни одной поэтической мысли лучше и богаче, чем та, которая выяснилась теперь у меня для 4-й части, в подробнейшем плане.[6] И что же? Надо спешить из всех сил, работать не перечитывая, гнать на почтовых и, в конце концов, все-таки не поспею! В какое же положение, не говоря уже о себе, ставлю я «Русский вестник» и как оказываюсь перед Катковым? Катков же так благородно поступал со мной. Им надо будет додавать окончание романа в будущем году в приложении, а это уже убыток журналу![7] Я решился даже написать туда и отказаться от платы за всё то, что будет напечатано в будущем году, чтоб вознаградить журнал за убыток печатания в приложении.[8] А это сильно подрывает мои интересы денежные.

Жизнь моя здешняя слишком уж мне становится тяжела. Ничего русского, ни одной книги и ни одной газеты русской не читал вот уже 6 месяцев. И наконец, полное уединение. Весной, когда мы потеряли Соню. мы переселились в Вевей. Тут прибыла к нам мать Анны Григорьевны.[9] Но Вевей расстроивает нервы (что известно всем здешним докторам, и не могли предуведомить, когда я советовался). Под конец жизни в Вевее и я и жена — мы заболели. И вот два месяца назад мы переехали через Симплон в Милан. Здесь климат лучше, но жить дороже, дождя много и, кроме того, скука смертная. Анна Григорьевна терпелива, но об России тоскует, и оба мы плачем об Соне. Живем мрачно и по-монастырски. Характер Анны Григорьевны восприимчивый, деятельный. Здесь ей заняться нечем. Я вижу, что она тоскует, и хоть мы любим друг друга чуть не больше, чем $1^1/_2$ года назад, а все-таки мне тяжело, что она живет со мной в таком грустном монастыре. Это очень тяжело. В перспективе же бог знает что. По крайней мере, если б кончен был роман, то я был бы свободнее. В Россию воротиться — трудно и помыслить. Никаких средств. Это значит как приехать, так и попасть в долговое отделение. Но ведь я уж там не рабочий. Тюрьмы я с моей падучей не вынесу, а стало быть, и работать в тюрьме не буду.[10] Чем же я стану уплачивать долги и чем жить буду? Если б мне дали кредиторы один спокойный год (а они мне три года ни одного спокойного месяца не давали), то я бы взялся через год уплатить им работой. Как ни значительны мои долги, но они только $^1/_5$-я доля того, что я уже уплатил работой моей. Я и уехал, чтоб работать. И вот идея «Идиота» почти лопнула. Если даже и есть или будет какое-нибудь достоинство, то эффекта мало, а эффект необходим для 2-го издания, на которое я еще несколько месяцев назад слепо рассчитывал и которое могло дать некоторые деньги. Теперь, когда даже и роман не кончен, — о втором издании нечего и думать.[11]

Переехав в Россию, я бы знал чем заняться и добыть денег; я таки добывал их в свое время. А здесь я тупею и ограничиваюсь, от России отстаю. Русского воздуха нет и людей нет. Я не понимаю, наконец, совсем русских эмигрантов. Это — сумасшедшие![12]

Вот в таком-то положении наши дела. Но в Милане оставаться тоже нельзя: слишком неудобно жить и слишком уж мрачно. Хотим переехать через месяц во Флоренцию, и там я кончу роман.[13] Деньги я всё еще получаю от Каткова; ужас сколько проживаем en tout,* хотя живем страшно обрезая себя. Скоро, с окончанием романа, кончится, разумеется, и получение денег от Каткова. Опять хлопоты и заботы. Но все-таки долг мой Каткову, считая с тем, что забрано первоначально, чрезвычайно теперь уменьшен.

От Вашей жизни я отстал совершенно, хотя всё сердце мое у Вас и потому Ваши письма — для меня манна небесная. Ужасно я порадовался известию о новом журнале. Я никогда не слыхал ничего о Кашпиреве, но я очень рад, что наконец-то Николай Николаевич находит достойное его занятие; именно ему надо быть редактором и не ограничивать себя как-нибудь отделом в новом журнале, а стать душой всего журнала.[14] Это, в таком случае, будет благонадежно. С полгода назад он мне писал сюда и очень-очень порадовал своим письмом.[15] Я не ответил, не зная его адресса, который он не приложил. Он сообщил мне в этом письме выписку своего письма к Каткову, в котором предлагал ему занять в «Русском вестнике» критический отдел. Я не знаю, что отвечал Катков Николаю Николаевичу, но знаю про себя, что там, и в газете и в журнале, все места, редакторства и отделы заняты и крепко заняты, по гоголевскому выражению, что как сядет человек, то скорее под ним место затрещит, чем он слетит с места.[16] По-моему, между нами, если б даже и Катков захотел что-нибудь изменить в этом занятии мест, то не всегда бы мог исполнить. Но теперь чего же лучше Николаю Николаевичу, но пусть только, главное, он будет полным хозяином на своем месте. Желательно бы очень, чтоб журнал был непременно *русского духа*, как мы с Вами это понимаем, хотя, положим, и не чисто славянофильский. (По-моему, друг мой, нам *слишком* гоняться за славянством, право, не надо, то есть слишком. Надо, чтоб они сами к нам пришли). После Славянского съезда в Москве некоторые из славян же, возвратясь к себе, подшучивали свысока над русскими за то, что «руководствовать других взялись и как бы импонировать славянам, а у самих-то еще что и какое малое самосознание» и т. д. и т. д.[17] И поверьте, что многие из славян, в Праге например, судят нас совершенно с западных точек зрения, с немецкой и с французской, и даже, может быть, удивляются, что у нас сла-

---

* в целом (*франц.*).

вянофилы, н‹а›пример, мало заботится об общепринятых формах западной цивилизации. Так что нам, например, только-то бы подождать за славянами. Изучать их — дело другое; помочь тоже можно; но брататься лезть не надо, но только лезть, потому что братьями их считать и как с братьями поступать с ними, несомненно, должно. Надеюсь тоже очень, что Николай Николаевич придаст журналу и политический оттенок, не говоря уж о самопознании. Самопознание — это хромое наше место, наша потребность. Во всяком случае, у Николая Николаевича будет блистательно, и я с неистощимым удовольствием готовлюсь читать его статьи, которых так давно не читал, с той самой «Эпохи». Хорошо, если б журнал поставил себя сразу независимее собственно в литературном мире; чтоб, например, не платить двух тысяч за гнусную кутью вроде «Минина» или других исторических драм Островского,[18] единственно для того, чтоб иметь Островского; а вот если комедию о купцах даст, то и заплатить можно. Или «Роя» Кохановской, которой имя я увидел с ужасом, после всей мерзости и всего срама, которые я вынес два года назад, читая «Роя»,[19] — эту аллилую с маслом, от которой даже Аксаков морщился.[20] А вот если даст что-нибудь вроде «Гайки», ну тогда и погордиться можно. Или напыщенного и исписавшегося Ергунова.[21] Одним словом, литераторов, по-моему, надо бы взять наконец в руки и за одно имя не платить, а только за дело — чего ни один журнал доселе еще не осмеливался сделать, не исключая «*Времени*» и «Эпохи». Без литературного же произведения первой руки в 1-х двух нумерах журнала — и выходить нельзя; это значит упустить 1000 подписчиков в самом начале. Я не советы даю, а от любви говорю. Надеюсь, что Николай Николаевич мне пришлет журнал. Быть участником журнала, разумеется, согласен от всей души. Только теперь занят. Вот кончу роман, тогда можно подумать.[22] Хотелось бы мне, чтоб журнал был капитально хорош. Напишите мне поболее об этом подробностей, голубчик мой. Даете ли Вы сами что-нибудь в журнал? Дайте им для первого номера что-нибудь целое и большое, Ваше «Слово о Полку Иг‹ореве›»[23] например. Как называется журнал? Публиковались ли, объявляя подписку? Если хотят издавать с нового года, то давно пора.

Я читал книжонку, об которой Вы мне писали, как раз незадолго до Вашего уведомления и, признаюсь, был взбешен ужасно. Наглее ничего представить нельзя. Конечно, наплевать, я так было и хотел сначала; но меня смущает и то, что если я не протестую, то тем самым как бы дам мое оправдание подлой книжонке. Но где протестовать? В Nord? Но я по-французски не умею хорошо написать и, кроме того, желал бы поступить с тактом. Думаю перебраться во Флоренцию и посоветоваться в русском консульстве, спросить наставления, как поступить.[24] Конечно, перебираюсь во Флоренцию не для одного этого. Вы мне предлагаете съездить в Венецию (которую хвалят зимою в санитар-

ном отношении во всех гидах и все доктора). Я ужасно бы рад, хотя бы собственно для того, чтоб развлечь Анну Григорьевну, и не знаю, может быть, и сделаем,[25] ибо действительно переезд не долгий;[в] но, во-первых, времени очень уж мало, во-вторых, — это будет стоить нам обоим, если даже ехать в третьем классе и жить хоть три дня, 100 франков не менее, а для нас теперь ужас что значит сто франков, хотя, н‹а›пример, нам не редкость получить 1000 франков от Каткова. Но получишь и тотчас же отделить надо на жизнь на месяц или полтора, потом заплатить долги, которые всегда накопятся, переезд, одежда. А так как будущее очень не обеспечено, то надо сильно поджать ноги. А прежде всего кончить роман и работать день и ночь; ибо иначе ничего не будет.

С Ламанским желалось бы увидеться очень.[г] [26] Книгу Самарина рад бы прочесть ужасно, тем более что обо всем этом сам всегда думаю, но где я ее достану?[27] Здесь ужас что такое. Даже в Женеве, где есть русские книги, лежат на прилавках[д] только «Что делать»[28] и разная дрянь наших эмигрантов.[29] Если и есть[е] еще русские книги, — какой-нибудь томик Гоголя, Пушкина, — то случайно. В продаже русских книг нигде ни порядку, ни толку, ни мысли. И редко где даже и продают. Здесь, в Италии, ничего нет. Желал бы достать Самарина, да негде.

Мучаюсь и беспокоюсь тоже об родных. Паше я[ж] не мог ничего прислать всё лето, но и он уж хорош. Но я на него не сержусь; не за что ему любить меня особенно, а к ошибкам его по службе я не могу быть строг.[30] Бедный, неразвитый мальчик, один и без помощи, — как не наделать ошибок, но боюсь худшего и ужасно бы желал поскорей помочь ему. Эмилия Федоровна, в ноябре месяце, тоже должна съехать с моей квартиры у Алонкина, потому что я не могу платить за квартиру. Всё это меня беспокоит и все-таки прежде всего надо кончить работу!

А уж про мой долг Вам, друг мой, Вам, — мне стыдно и подумать! Мучает он меня ужасно и именно тем, что Вы поступили со мной как родной брат, да еще не всякий поступит. У Вас же у самих семья. Но получаю же ведь я деньги! И потому — отдам. Придет и для меня рассвет, а главное, хотелось бы мне в Россию. В России я бы обернулся лучше. И подумать еще, что Соня наверно была бы жива, если б мы были в России!

Анна Григорьевна Вас любит и об Вас думает и говорит с радостию. Передайте мой и ее поклон усердный (она уже три раза спрашивала сегодня, пишу ли я от нее поклон) — Вашей супруге, и Вашим родителям.[31] А от меня тоже и всем меня

[в] *Было:* не долог
[г] *Было:* ужасно
[д] *Вместо:* лежат на прилавках — *было:* продают только
[е] *Далее было:* остальные
[ж] *Далее было:* сам

помнящим. Мне жаль Ковалевского, — добрый и *полезнейший* был человек, — так полезен, что, может быть, только по смерти его это совершенно почувствуется.[32]

Ваш весь Ф. Достоевский.

Ради бога, пишите ко мне. Адресс *во всяком случае:*
Italie, Milan, a M-r Dostoiewsky, poste restante.

356. Э. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ

28 октября (9 ноября) 1868. Милан

Милан 9 ноябр‹я›/28 октяб‹ря›/68.

Любезнейшая и многоуважаемая сестра, Эмилия Федоровна,

Простите, что не сейчас отвечаю на доброе и приветливое письмо Ваше, Эмилия Федоровна.[1] Но я до того был занят работой, что не мог оторваться, как ни странно это Вам покажется. Я и не Вам одной, а всем ничего уже не пишу в рабочее время, и даже откладываю отвечать на самые важные и касающиеся до моих интересов деловые письма, чем и врежу себе лично, как и случилось со мной недавно. Мне очень жаль, что Вы не можете более пользоваться квартирой у Алонкина, но спешу Вас еще раз уведомить, что всё это случилось против моего желания. Но так как я, в полтора года, ни гроша не заплатил Алонкину, то он сам рассердился и уведомил меня, что не может более оставлять за мной квартиру.[2] Я просил лично Марью Григорьевну поговорить с ним и склонить его потерпеть на мне, рассчитывая, что он согласится подождать до Нового года.[3] Когда же получил от Вас уведомление, что Алонкин просит вексель, то и просил Вас в последнем письме сходить к нему и спросить только совета: как послать вексель из-за границы?[4] Он торговый человек и лучше меня это знает. Мне очень жаль, что Вы у него не были: во-первых, мне самому хочется удовлетворить его требованию насчет векселя, а во-вторых, видя мою готовность дать вексель, он, может быть, и сам согласился бы, без Вашей просьбы даже, оставить квартиру за мною, так что, может быть, Вы бы могли прожить на квартире долее. Я так рассчитывал потому, что я жил с ним и расстался с ним в весьма хороших отношениях. Марье же Григорьевне я ничего не поручал собственно насчет векселя.

Вы выписываете слова из прошлогоднего письма моего и спрашиваете их объяснения. Трудно мне сказать теперь, не имея всего письма перед глазами, всю мою тогдашнюю мысль; но, наверно, я подразумевал[a] помощь от правительства.[5]

Просьба Ваша, жены издателя и редактора весьма значительного журнала, *по моему полному убеждению,* не может остаться

---

[a] *Было:* подозревал

безо всякого внимания, особенно если Вы докажете, что Вы не имеете ни малейших средств к существованию. Но действовать, подавая эту[б] просьбу, можно двумя путями, то есть подавая министру или обратясь лично[в] с просьбою еще выше. К сожалению, я не могу Вам разъяснить всю мою мысль, будучи так далеко от Вас. В этом отношении я имею свои особенные соображения и полное убеждение в милость государя. Но зато вполне убежден, что если Вы начнете просить теперь, то можете как-нибудь ошибиться и повредить своему делу. Я очень, очень бы хотел быть теперь при Вас, но не могу еще возвратиться при расстроенных моих обстоятельствах. Всё зависит от денег и от расчетов на будущее. Для этого мне, во-первых, надо кончить роман в «Русский вестник», с которым я опоздал чрезвычайно, и кончив, уплатить долг «Русскому вестнику». Вот причина, почему я не могу обратиться в «Русский вестник», как делал прежде, с просьбою о значительной сумме разом: надо прежде заработать долг. Если кончу чуть-чуть *успешно* работу, то, может быть, найду издателя на второе издание, здесь или в Москве — а следственно, и еще деньги, значительные, говоря относительно.[6] Наконец, есть у меня и другие расчеты. Но прежде всего и главное надо кончить работу. Имея некоторые деньги, я, во-первых, удовлетворю горячему желанию помочь Вам и Паше, а во-вторых, войду отсюда в соглашение с кредиторами, выплатив им часть долга наличными, а на остальное выпросив годичный срок. Если же я прямо приеду, не войдя в соглашение, то кредиторы меня посадят в тюрьму, не понимая того, что я, в тюрьме, при здоровье моем, не могу работать, а стало быть, не смогу им и выплатить, тогда как, имея срок[г] и шанс, смогу, при *счастье* разумеется, получить за работу такие же огромные деньги, как за роман мой «Преступление и наказание».[7] Вот Вам откровенно всё мое положение. Но не советую Вам показывать это письмо другим; я не хочу, чтобы дошло до кого-нибудь из кредиторов раньше, чем следует, что я хочу войти с ними в соглашение. Это повредит мне, а стало быть, и Вам. Если я теперь некоторое время не в состоянии Вам помочь, то верьте, что при первых средствах я Ваш верный и искренний слуга и брат, пока живу, помня брата Мишу. О Паше я измучился думая. Но так сошлись обстоятельства, что никак не могу, до времени, попросить у «Русского вестника» хоть что-нибудь свыше получаемого мною содержания. Впрочем, повторяю, хотя и не знаю наверно сроку, попрошу при первом случае рублей полтораста (по 75 рублей Вам и Паше), а если можно, и побольше. Постараюсь это сделать возможно скорее. В Вевее до того дурен климат (для моей болезни), что я переехал в Милан. Климат удивительно здесь хорош, но жизнь и дорога и неудобна[д]

[б] *Было:* по этой
[в] *Далее было:* еще
[г] *Далее было:* могу
[д] *Конец письма не сохранился.*

357. А. Н. МАЙКОВУ

11 (23) декабря 1868. Флоренция

11/23 декабря/68. *Флоренция.*

Спешу Вам ответить, дорогой друг Аполлон Николаевич, и именно спешу, хотя так бы хотелось от сердца поговорить. Вообразите, что я натащил на себя? Я писал Вам, кажется, что я с окончанием «Идиота» застрял и кончить в декабрьском нумере не успел и не успею.[1] Об этой mea culpa * я уведомил Каткова совершенно откровенно, то есть что окончание романа придется напечатать в виде приложения подписчикам в будущем году.[2] Теперь я вдруг решил иначе (только не знаю, согласятся ли с моим решением в Редакции «Русского вестника»). *Я решил кончить всё,* и 4-ю часть и заключение, в декабрьском № нынешнего года, с тем, однако, чтоб декабрьская книжка «Русск<ого> вестника» несколько запоздала, а именно; сегодня послал Каткову уведомление, что к 15 января нашего стиля заключение «Идиота» будет уже в Редакции; предварительные же главы буду высылать постепенно, каждые пять дней.[3] Штука в том, что у них без того декабрьская книга каждый год опаздывала и даже так, что январская книга следующей подписки выходила даже ранее декабрьской прошлого года. Номер, таким образом, выйдет к 20-му января — немного запоздает, стало быть. Не знаю, как решат. Но мне от сего дня надо будет написать и отослать листов 7 печатных в *4* недели. Я вдруг увидал, что я это в состоянии сделать, не портя романа очень. К тому же всё, что осталось, всё уже записано более или менее начерно и я каждое слово наизусть знаю. Если есть читатели «Идиота», то они, может быть, будут несколько изумлены неожиданностию окончания; но, поразмыслив, конечно согласятся, что так и следовало кончить. Вообще окончание это из удачных, то есть собственно как окончание;[4] я не говорю про достоинство собственно романа; но когда кончу, кой-что напишу Вам как другу, что я думаю сам о нем.

Итак, вот в каком я положении. А между тем накопилось 4 письма, на которые я слишком должен ответить, хотя бы по тому одному, что самому хочется. Вы, конечно, не можете себе вообразить, как Ваши письма меня здесь оживляют. Вот уже с мая месяца не читал ни одной русской газеты! Получаю только один «Русский вестник», и день получения книжки — целый праздник. Кстати: Николаю Николаевичу я пишу, чтоб он мне прислал «Зарю» сюда во Флоренцию, так-таки с первого №, иначе жить не могу.[5] Пусть поставят в Редакции «Зари» на счет, если хотят; ведь, может быть, и сочтемся. Судите после того, как же мне дороги письма такого изведанного и испытанного приятеля, как Вы. А когда Вы пишете мне о Ваших беседах с Страховым,

---

* моей вине (*лат.*).

то ведь я точно сам тут присутствую.[6] Я от Страхова письмо тоже получил; много литературных новостей. Порадовало меня, между прочим, известие о статье Данилевского «Европа и Россия», о которой Ник<олай> Ник<олаеви>ч пишет как о капитальной статье.[7] Признаюсь Вам, что о Данилевском я с самого 49-го года ничего не слыхал, но иногда думал о нем. Я припоминал, какой это был отчаянный фурьерист. И вот из фурьериста обратиться к России, стать опять русским и возлюбить свою почву и сущность! Вот по чему узнается широкий человек![8] Тургенев сделался немцем из русского писателя, — вот по чему познается дрянной человек.[9] Равномерно, никогда не поверю словам покойного Аполлона Григорьева, что Белинский кончил бы славянофильством.[10] Не Белинскому кончить было этим. Это был только паршивик — и больше ничего. Большой поэт в свое время; но развиваться далее не мог. Он кончил бы тем, что состоял бы на побегушках у какой-нибудь здешней м-м Гёгг адъютантом по женскому вопросу на митингах и разучился бы говорить по-русски, не выучившись все-таки по-немецки.[11] А знаете ли, кто новые русские люди? Вот тот мужик, бывший раскольник, при Павле Прусском, о котором напечатана статья с выписками в июньском номере «Русского вестника». Это не тип грядущего русского человека, но, уж конечно, один из грядущих русских людей.[12]

Но на эту тему начнешь ведь и не кончишь. Хочу я у Вас, дорогой мой, спросить дружеского совета: что делать? Но у Вас одного, конечно. Не надо, чтоб другим были известны мои домашние дела. Вот в чем дело: через месяц я отработаюсь в «Русский вестник». В «Идиоте» всего окажется около 42-х печатных листов. Взял я у них (считая то, что взял перед свадьбой моей,[13] и безделицу, которую еще попрошу) до 7 000 руб. Да-с, до семи тысяч. Правда, оно так и выходит, что мы проживали во всё это время средним числом в год до 2 000 р., — и то со всеми разъездами, с платьем, с ребенком, со всем, — чего уж никак не могли бы сделать в Петербурге.

По моему расчету (не входя в подробности), я все-таки останусь должен в Редакцию «Русского вестника» до 1 000 р. Может быть, они этим и не потяготятся; они знают, что я заработаю. Но вопрос: чем же мне жить? Кончив роман, я еще месяца два протяну, ну а там что делать? Обращаться к Каткову? Если они намерены пользоваться моим сотрудничеством, то, конечно, они будут присылать деньги, по моим просьбам, но хуже всего для меня будет то, что я все-таки не буду знать, на каком я буду у них основании? То есть как должный в Редакцию писатель, — это я понимаю. Но они никогда не отвечают, — так даже, что я не знаю, приятен ли им мой роман[14] или нет и желают ли они моего сотрудничества? А это, даже по одним только денежным расчетам, уже довольно важно знать.

Проклятые кредиторы убьют меня окончательно. Дурно сделал я, что выехал за границу: право, лучше было бы в долговом про-

сидеть. Если б я мог отсюда войти с ними в соглашение, — а я и этого-то не могу, потому что нет меня там лично.

Главное же, я к тому говорю, что у меня есть на уме, например, *два* или даже *три* издания, требующие одной только воловьей механической работы и между тем которые бесспорно дали бы деньги.[15] Мне ведь на этот счет иногда удавалось. Здесь же у меня на уме теперь 1) огромный роман, название ему «Атеизм» (ради бога, между нами), но прежде чем приняться за который, мне нужно прочесть чуть не целую библиотеку атеистов, католиков и православных. Он поспеет, даже при полном обеспечении в работе, не раньше как через два года. Лицо есть: русский человек нашего общества, *и в летах*, не очень образованный, но и не необразованный, не без чинов, — *вдруг*, уже в летах, теряет веру в бога. Всю жизнь он занимался одной только службой, из колеи не выходил и до 45 лет ничем не отличился. (Разгадка психологическая; глубокое чувство, человек и русский человек). Потеря веры в бога действует на него колоссально. (Собственно действие в романе, обстановка — очень большие). Он шныряет по новым поколениям, по атеистам, по славянам и европейцам, по русским изуверам и пустынножителям, по священникам; сильно, между прочим, попадается на крючок иезуиту, пропагатору, поляку; спускается от него в глубину хлыстовщины — и под конец обретает и Христа и русскую землю, русского Христа и русского бога. (Ради бога, не говорите никому; а для меня так: написать этот последний роман, да хоть бы и умереть — весь выскажусь).[16] Ах, друг мой! Совершенно другие я понятия имею о действительности и реализме, чем наши реалисты и критики. Мой идеализм — реальнее ихнего. Господи! Порассказать толково то, что мы все, русские, пережили в последние 10 лет в нашем духовном развитии, — да разве не закричат реалисты, что это фантазия! А между тем это исконный, настоящий реализм! Это-то и есть реализм, только глубже, а у них мелко плавает. Ну не ничтожен ли Любим Торцов в сущности,[17] — а ведь это всё, что только идеального позволил себе их реализм. Глубок реализм — нечего сказать! Ихним реализмом — сотой доли реальных, действительно случившихся фактов не объяснишь. А мы нашим идеализмом пророчили даже факты. Случалось.[18]

Голубчик мой, не смейтесь над моим самолюбием, но я как Павел: «Меня не хвалят, так я сам буду хвалиться».[19]

Но покамест нужно жить! «Атеизм» на продажу не потащу (а о католицизме и об иезуите у меня есть что сказать сравнительно с православием).[20] Есть у меня идея одной довольно большой повести, листов в 12 печатных, и привлекает меня.[21] Есть и еще одна мысль.[22] На что решиться и кому предложить труды? «Заре»?[23] Но ведь я беру деньги вперед, а там вряд ли дадут. Конечно, не обойдусь, может быть, без их помощи, но туда надо посылать готовую статью, а это тяжело. Чем жить, пока готовишь статью? Это и «Русский вестник» с лихвой мне даст (150 р.

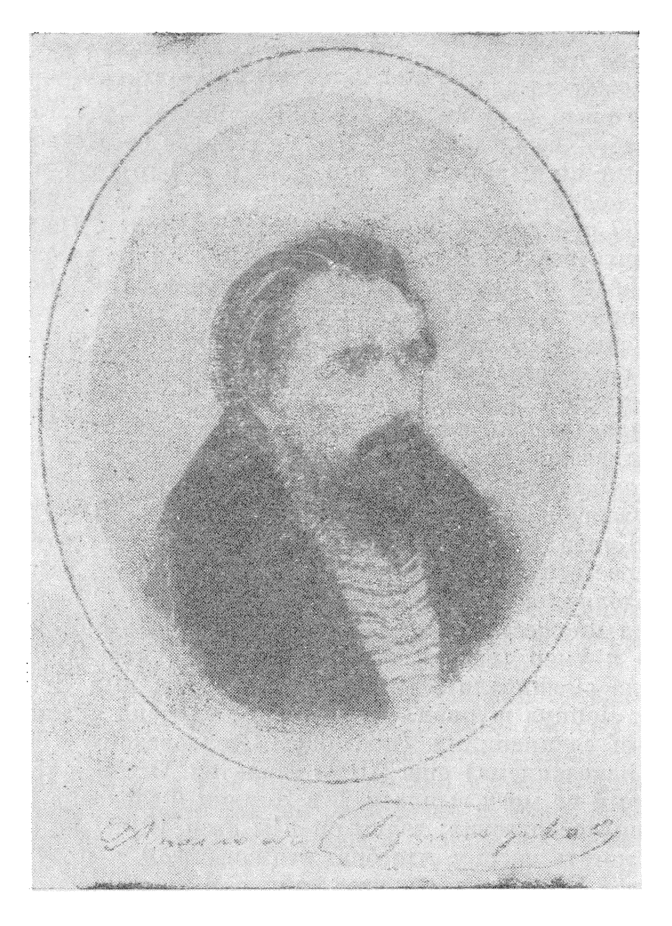
за лист, да еще вперед тысячами, по крайней мере давал). Окончание «Идиота» будет эффектно (не знаю, хорошо ли?). Но предлагать самому книгопродавцам второе издание — значит потерять половину. Надо, чтоб сами пришли, как всегда и было со мною, а придут ли? Я понятия не имею об успехе или неуспехе романа. Впрочем, всё решит конец романа.

Во всяком случае, прошу у Вас, друг мой, совета. Главного совета жду от Вас, когда прочтете окончание «Идиота». С января же я свободен, а не в моем положении сидеть сложа руки: надо жить и долги отдавать. Напишите мне, друг мой (между нами только одним) всё о «Заре», каковы ее денежные средства и может ли она выдать вперед, говоря вообще, и мне, говоря в частности? Я же Вам признаюсь, что для меня попросить вперед у «Зари» будет нечто слишком решительное. Оставлять «Русский вестник», хотя бы на время, несколько щекотливо, особенно оставаясь туда должным. (Если б я только знал личный взгляд на мое сотрудничество в «Русском вестнике»! Впрочем, конечно, знаю: *дают деньги*). Во всяком случае, напишите мне кое-что и об этом обо всем.[24] Опять-таки тоже: хорошо ли самому кабалиться и лезть в исключительное сотрудничество, — тем более, если на него смотрят довольно хладнокровно. Отстал я ужасно от Вас — ничего не знаю. Во всяком случае, всё что я Вам написал, прося совета, — между нами.

Благодарю Вас очень, родной мой, что пристроили Пашу. Уж если у Порецкого не уживется, — то чего же ему надобно?[25] Опять просьба, голубчик, опять просьба: я только что попросил у Каткова 100 р., с тем чтоб он выслал их на Ваше имя, а Вас умоляю еще раз быть так же бесконечно добрым, как Вы до сих пор ко мне были: эти 100 р. Паше и Эмилии Федоровне, по 50 руб. в каждые руки. Что делать, друг мой, невозможно! Паше-то надо хоть чем-нибудь помочь, а Эмилия Федоровна хоть и враг мой исконный (не знаю за что), хоть и ненавидит меня, но невозможно *этот раз* не дать ей хоть 50 руб. Ах, друг мой, Вы не поверите, что за глупость и что за наглость в этих головах. «Он, дескать, *обязан* нам помогать», — стала на том! Почему же, позвольте спросить, обязан. Я из сострадания, да еще единственно потому, что она жена брата, готов помочь чем могу, но *обязанным* себя отнюдь не считаю. Она основывается на том, что брат Миша посылал мне деньги в Сибирь. Но это было в сложности так немного, что я уже, по крайней мере, в пять раз более отдал и ему и им. Я в Сибири 2 000 руб. за две мои напечатанные тогда повести получил,[26] — не мог он мне всё помогать. Я еще при жизни его ему отдал. Она говорит про меня: «Он нас разорил, мы имели фабрику, жили богато; он приехал и уговорил начать журнал (чтоб печатать свои сочинения, которые в другие журналы не принимали; это прибавляет Владиславлев и, вероятно, про «Записки из Мертвого дома»). Но когда я приехал, фабрика была в упадке; папиросы, которые пошли вначале, совершенно лоп-

нули под конец и были задавлены Миллером и Лаферм; долгов же было пропасть, и он всё охал, предчувствуя банкрутство. Всё это может засвидетельствовать Николай Иванович, его приказчик, который и купил на 2-й год журнала[27] у него фабрику за 1 000 руб. — всю фабрику![28] Это не великое богатство. Журнал основан был им и затеян по его идее и с 1-го года имел 4 000 с лишком подписчиков, в продолжение 4-х лет, это значит minimum 20 000 руб. серебр. чистого барыша ежегодно. На это существуют книги редакции, чтобы знать, да есть и свидетели.[29] Журнал спас брата от банкрутства. Я же получал за всё мое сотрудничество никогда не более *семи* или *восьми* тысяч в год. Запрещение журнала разорило брата. Когда он умер, были долги.[30] Скажите, ради бога, что бы сказало это *семейство*, если б я отказался продолжать журнал? Они закричали бы: у нас было состояние, да дядя, бывший *пополам* с братом (а я никогда не был *пополам*), отказался издавать и нас разорил. Это буквально слова Феди в клубе: у нас было имение, но дядя так плохо вел дела, что нас разорил. А я выпросил тогда у тетки 10 000 и дал на журнал. Журнал же затеялся с общего совета всех сотрудников, на этом совете и они все участвовали: продолжать или нет? Решили продолжать; я и стал продолжать. Я с 10 000 выдал 8 книг и заплатил множество долгов. Журнал не пошел, потому что думали, что *я* умер (ведь я это положительно знаю!), а не брат (нас всегда смешивали), да и редактором уж имя Достоевского не стояло. Лопнул журнал — и все долги на меня упали. Я после того моими сочинениями (продажей Стелловскому и «Преступлением и наказанием») еще 10 000 заплатил. Остался теперь кончик, который не могу выплатить, а Эмилия Федоровна буквально говорит: он нас разорил; зачем он нам свои 10 000 не отдал? Он обязан помогать потому, что брат его содержал, и проч. Хорошо! Ну, приеду в Петербург — другое пойдет. Я их наконец вразумлю. Оставил я им, уезжая, мою квартиру у Алонкина. С Алонкиным мы стали наконец знакомы приятельски, и хоть он как деловой человек и сердится на меня, что я не плачу (так контракт был, что с них он не имеет права требовать, а с меня), но все-таки во мне уверен и подождет. Но он требовал векселя от меня. Я ее просил сходить к Алонкину и предложить ему самому написать вексель, послать мне за границу и я бы воротил подписанный. Она обиделась и не пошла, — обиделась тем, что будто бы я не хочу их на квартире держать, тогда как Алонкин не хотел, а не я.

Теперь пишет, что *ждет* от меня денег, потому что я ей обещал.[31] Выдайте ей эти 50 руб., голубчик, родной мой, не говоря ничего, и тем забастую. А Паше надо помочь хоть капельку, хотя он не так ведет себя, как бы я желал. Зачем он лжет беспрерывно. Он уверяет, что письма его пропадают поминутно. Ни одно письмо, ни от кого, не пропало, только у него одного пропадают. Он мне писал, что Гаврилов мог бы дать ему взаймы под

А. А. Григорьев.
Фотография Оже. 1850-е гг.

мое обеспечение. Я написал бумагу, что должен Гаврилову, и, сверх того, послал другую в обеспечение займа, будущими деньгами, которые наверно получу от Стелловского в этом или в будущем году. Так у нас по контракту. Эти две бумаги до сих пор у Паши. Он мне писал, что Гаврилов не согласился. Я потребовал от Паши высылки мне назад моих бумаг; но он не высылает и теперь на настоятельные приказания мои ему (через Эм‹илию› Ф‹едоров›ну) *обещался* выслать *одну* бумагу. Я напишу ему теперь, чтоб он обе бумаги принес и *отдал Вам*.[32] (Вас же попрошу сохранить их до моего приезда). Боюсь подумать, но тут может быть какая-нибудь непорядочность с его стороны. Спросите у него эти бумаги. Адресс же Эмилии Федоровны: на Петербургской стороне, по Съезжинской улице, дом Корба, № 13, кварт. № 5.

Умоляю Вас, голубчик, добрый Вы как ангел человек, не сердитесь на меня, что я Вас еще раз в этом утруждаю, — тем более, что Вам же еще должен (но Вам теперь скоро отдам, скоро; иначе быть не может. Простите, что так говорю;[а] но, друг мой, ведь Вы сами трудами живете). Паше *всех* моих подозрений не сообщайте.

Флоренция хороша, но уж очень мокра. Но розы до сих пор цветут в саду Boboli на открытом воздухе. А какие драгоценности в галереях! Боже, я просмотрел «Мадонну в креслах» в 63-м году, смотрел неделю и только теперь увидел.[33] Но и кроме нее сколько божественного. Но всё оставил до окончания романа. Теперь закупорился.

Ваше: «У часовни» — бесподобно. И откуда Вы слов таких достали! Это одно из лучших стихотворений Ваших, — всё прелестно, но *одним* только я не доволен: *тоном*. Вы как будто *извиняете* икону, *оправдываете*: пусть, дескать, это изуверство, но ведь это слезы убийцы и т. д.[34] Знайте, что мне даже знаменитые слова Хомякова о чудотворной иконе, которые приводили меня прежде в восторг, — теперь мне не нравятся, слабы кажутся.[35] Одно слово: «Верите Вы иконе или нет!»[б] Может быть, Вы поймете то, что мне хочется сказать; это трудно вполне высказать. Ах, как о многом хотелось бы поговорить. Пишите мне. Адресс мой:

Italie, Florence, à m-r Th. Dostoiewsky, poste restante.

Анна Григорьевна Вам и Анне Ивановне от души кланяется. Ей ведь еще скучнее, чем мне, я, по крайней мере, занят усиленно.

P. S. Может случиться, что ведь из Ред‹акции› «Русского вестника» и *не придут* к Вам деньги (100 руб.).

P. S. Я Страхову пишу: В редакцию журнала «Заря», дойдет ли?[36]

Обнимаю Вас,

Ваш Ф. Достоевский.

а *Вместо:* так говорю — *было:* стараюсь об этом уведомлять

б *Далее было:* Храбрее, смелее, дорогой мой, уверуйте.

358. Н. Н. СТРАХОВУ

12 (24) декабря 1868. Флоренция

Флоренция, 12/24 декабря/68.

Вы меня много обрадовали, дорогой Николай Николаевич, во-первых, письмом, а во-вторых, добрыми известиями в письме.[1] На первое письмо Ваше я не ответил уже по тому одному, что Вы адресса Вашего не приложили, хотя письмо то «*заключил*

в моем сердце».[2] Буквально говорю: такие письма, как от Вас, от Майкова, — для меня здесь как манна небесная. Теперь сижу во Флоренции уже недели с две, и, кажется, долго придется просидеть, всю зиму, по крайней мере, и часть весны. А помните, как мы с Вами сиживали по вечерам, за бутылками, во Флоренции (причем Вы были каждый раз запасливее меня: Вы приготовляли себе 2 бутылки на вечер, а я только одну, и, выпив свою, добирался до Вашей, чем, конечно, не хвалюсь)? Но все-таки те 5 дней во Флоренции мы провели недурно.[3] Теперь Флоренция несколько шумнее и пестрее, давка на улицах страшная. Много народу привалило как в столицу;[4] жить гораздо дороже, чем прежде, но сравнительно с Петербургом все-таки сильно дешевле. И все-таки все мечты мои устремлены к Вам, в Россию, в Петербург, да, видно, бодливой корове бог рог не дает. Но какая же, однако, я бодливая корова, помилуйте! Я, может быть, глупая корова, во многих делах — это правда, согласен, но если бодливая, то разве нечаянно.

Что совсем было прекратилась литература, так это совершенно верно.[5] Да она, пожалуй, и прекратилась, если хотите. И давно уже. Видите, дорогой мой Николай Николаич, ведь с какой точки зрения смотреть: по-моему, если иссякло свое, настоящее русское и оригинальное слово, то и прекратилась, нет гения впереди — стало быть, прекратилась. Со смертию Гоголя она прекратилась. Мне хочется поскорее своего. Вы очень уважаете Льва Толстого, я вижу; я согласен, что тут есть и *свое*; да мало. А впрочем, он, *из всех нас,* по моему мнению, успел сказать наиболее своего и потому стоит, чтоб поговорить о нем.[6]

Но оставим это, а вот что: что это Вы пишете про себя: «Нет, Вы на меня не надейтесь». Эти слова Ваши не могут иметь серьезного основания, Николай Николаевич. Если Вам стало наконец *отвратительно* вечно писать, к срокам, заказные статьи, то ведь это и всем нам точно так.[7] Эти сроки и заказы одолевают наконец всякое настроение и всякий жар, особенно к летам. Но успокойтесь, *сердцевины Вашего влечения* Вы никогда не потеряете. Что же? Не пишите 12-ти статей в год, а пишите *три*. Это напишете с удовольствием, особенно если разгорячитесь. Но ведь достаточно не только трех, двух, но даже одной статьи покапитальнее, чтоб уж дать тон журналу (новому особенно) и обратить на него внимание. Но ведь главное — редакторство. Редакторство вещь капитальнейшая: свой глаз, своя рука и всегдашнее направление. Теперь же,[a] особенно теперь — это самое главное. Нет, не разуверяйте меня насчет «Зари»! Из писем Ап‹оллона› Ник‹олаеви›ча и даже из Вашего я вижу, что, к счастью, у нового журнала много будет молодого и горячего; много соберется около него людей, которые захотят что-нибудь сделать.[8] А было бы молодо,

---

[a] *Было:* Вот что

будет и свежо; а что будет толково и даже назидательно, — то в этом я, зная Вас, не хочу сомневаться.

Теперь вот что, Николай Николаевич: я жду «Зари»; ради бога, пришлите экземпляр сюда во Флоренцию, и не задерживая. Поставьте на счет (если уж очень надо?). Может быть, как-нибудь и сочтемся. Вы не поверите, что́ для меня это будет значить! Это надо самому испытать на себе, чтоб постичь. Напишите мне, если не секрет, число Ваших подписчиков. Я Вам пишу: «напишите мне». Это значит, я серьезно убежден, что Вы меня не забудете. Я понимаю, что Вам много дела; но напишите страницу — для меня и то будет радостью. Вы да Ап‹оллон› Ни‹колаеви›ч — только ведь двое и есть у меня. Я надеюсь через месяц совершенно отработаться в «Русский вестник», но зато этот месяц буду сидеть, не отрываясь от работы. Хорошо еще, что во Флоренции тепло, хотя и сыро; а в Милане я не знал, сидя дома, во что закутаться. Про Швейцарию же и говорить нечего — это Лапландия.

Да, дорогой мой, много бы хотелось переговорить с Вами; после 2-х лет, я думаю, даже и взгляды и убеждения должны отчасти измениться! [9]

То, что Вы мне пишете про Данилевского, меня очень интересует. Ведь он непременно должен быть тот отчаянный фурьерист (и натуралист) кажется Данилевский, которого я тогда знал. Исполать ему — коли в силах был из фурьериста стать русским, да еще передовым, как Вы рекомендуете. Жду его статьи как голодный хлеба.[10]

Итак, наше направление и наша общая работа — не умерли. «Время» и «Эпоха» все-таки принесли плоды — и новое дело нашлось вынужденным начать с того, на чем мы остановились.[11] Это слишком отрадно. А знаете, не худо бы в продолжение года, в «Заре», пустить статью об Аполлоне Григорьеве, то есть не то чтоб биографию, а вообще о его литературном значении.[12]

Пишу Вам наугад: в Редакцию «Зари». Надеюсь, дойдет.

Мой адресс:

Italie, Florence, à M-r Th. Dostoiewsky poste restante.

До свиданья, жена сейчас напомнила, чтоб я не забыл Вам написать *от нее* поклон. Если б Вы знали, как мы часто обо всех вас вспоминаем. Одни сидим. Но вот я отработаюсь и — не без милости же бог! Может, и возвращусь как-нибудь в будущем году в Петербург. То-то радость! Того только и жду. А покамест до свиданья.

Ваш искренние Федор Достоевский.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПИСЬМА И ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

1860

11. ПРЕДСЕДАТЕЛЮ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА Н. В. МЕДЕМУ

20 сентября 1860. Петербург

На бланке:

Редакция
журнала
«Русский мир».
На Вознесенском проспекте
близ Измайловского моста,
Соболевской, кв. № 7.
С. Петербург
20 сентября 1860 г.

Его превосходительству,
барону Николаю Васильевичу Медему

Редакция имеет честь почтительнейше представить Вашему превосходительству дополнение к статье «Записки из Мертвого дома» на тот конец, что не найдете ли, Ваше превосходительство, возможным допустить к печатанию статью с этим дополнением, которое совершенно парализует собою впечатление, производимое статьею в прежнем ее виде, без малейшего нарушения, впрочем, истины предмета, которую изволили оценить в статье Ваше превосходительство и которою дорожит автор и редакция.

Если причиной недопущения статьи к печати могло служить опасение за впечатление, ведущее к превратному понятию в народе о каторжной жизни, то теперь статья эта имеет целию произвести то впечатление, что несмотря ни на какие облегчения участи каторжных, со стороны правительства, — каторга не перестанет быть нравственной мукой, невольно и неизбежно карающей преступление.[1]

Что же касается до выраженного Вашим превосходительством мнения, что статья скорее могла бы быть дозволена для печатания в каком-либо другом журнале (ежемесячном), то редакция убедительно просит Ваше превосходительство обратить внимание Ваше на следующие обстоятельства:

1) Редакция «Русск‹ий› мир» имеет в виду сообщить жур-

налу характер насколько возможно серьезный; следовательно, журнал предназначается преимущественно для классов более или менее образованных, а не для массы; что отчасти видно в двух выпущенных доныне №№.

2) Если редакция лишена будет возможности продолжить печатание статьи, которая потом может появиться в другом журнале, то ред‹акция› «Рус‹ский› мир» *в глазах публики* не будет иметь никаких оправданий на помещение одного лишь начала статьи, без обещанного уже продолжения; а журналистика может подвергнуть укору и публичной насмешке редакцию в самую критическую минуту для издания — при его первых выпусках; истинная же причина прекращения печатания статьи в «Рус‹ском› мир‹е›» останется неизвестной как для публики, так и для журналов.[a]

---

[a] *Далее следует текст дополнения ко II главе «Записок из Мертвого дома» и подпись:* Ф. Достоевский.

1862

12. ДОГОВОР С А. Ф. БАЗУНОВЫМ

16 января 1862. Петербург

С.-Петербург, тысяча восемьсот шестьдесят второго года, января шестнадцатого дня Я нижеподписавшийся подпоручик Федор Михайлович Достоевский заключил Условие с временным с.-петербургским и полным купцом Александром Федоровичем Базуновым в том, что Достоевский собственное свое сочинение под заглавием «Записки из Мертвого дома» продал ему Базунову, на одно издание, состоящее из пяти тысяч экземпляров, за три тысячи пятьсот рублей серебром на следующих условиях: 1. При подписании сего условия Базунов обязан выдать мне, Достоевскому, в задаток тысячу рублей серебром, через три месяца по выходе в свет сего сочинения тысячу двести пятьдесят рублей и после сего срока через три месяца достальные тысячу двести пятьдесят рублей. 2. Я, Достоевский, обязуюсь в течении двух годов не возобновлять оного издания, и в случае неустойки издания со стороны моей, автора, возвращении задатка Базунову ответствует брат мой, отставной инженер подпоручик Михаил Михайлов Достоевский, подписавшийся в этом на сем условии. 3. Я, Базунов, теряю право на получение задатка, если издание не будет пущено мною в продажу до первого января тысяча восемьсот шестьдесят третьего года. Второй платеж имеет быть учинен первого августа тысяча восемьсот ‹шестьдесят› второго года, а третий, то есть окончательный, первого ноября тысяча восемьсот шестьдесят второго года.

К сему условию временно с.-петербургский 3-й гильдии купец Александр Федоров Базунов руку приложил.

К сему условию отставной подпоручик Федор Михайлов Достоевский руку приложил.

К сему условию отставной инженер подпоручик Михайла Михайлов Достоевский.

1862 года, января, шестнадцатого дня в СПБурге в конторе маклера при подлинном Условии явлено и в книгу под № двадцать седьмым записано.

Частный маклер ‹подпись› [a]

Получил по условию в задаток тысячу рублей серебром. Отставной подпоручик Федор Михайлович Достоевский.[1]

---

[a] *Подпись неразборчива.*

13. ДОВЕРЕННОСТЬ М. Д. ДОСТОЕВСКОЙ

6 июня 1862. Петербург

В магазин Базунова, в С.-Петербурге.

Доверяю получить подательнице письма сего, жене моей Марье Дмитриевне Достоевской всё, что следует получить мне от Александра Федоровича Базунова в счет уплаты за издание сочинения моего «Записки из Мертвого дома», то есть 1250 р. сереб‹ром›.

Равномерно передаю ей, в случае моей болезни или смерти за границею, право мое и на все окончательные счеты с г-ном Базуновым, то есть и на получение второй половины уплаты, в 1250 рублей в декабре месяце сего года, как значится о сем в контракте моем с г-ном Базуновым.[1]

Федор Достоевский.

Петербург
6 июня, 1862 года

1863

14. СВИДЕТЕЛЬСТВО М. В. РОДЕВИЧУ

Июль 1863. Петербург

Свидетельство. Сим удостоверяю, что пасынок мой, Павел Александров Исаев, шестнадцати лет, поручен мною для приготовления его в гимназию и для жительства Михаилу Васильевичу Родевичу, имеющему от С.-Петербургского университета диплом

на звание учителя русского языка и словесности и проживающему 3-й Части 4-го квартала в доме г‹оспо›жи Томас. В чем и подписуюсь с приложением печати.

Отставной подпоручик Достоевский.

1865

15. С.-ПЕТЕРБУРГСКОМУ ВОЕННОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ А. А. СУВОРОВУ

10 мая 1865. Петербург

Его светлости господину с.-петербургскому военному генерал-губернатору, генерал-адъютанту князю Италийскому графу Суворову-Рымникскому.

16-го июня прошедшего 1864 года, всемилостивейшим соизволением его императорского величества выдан мне был, здесь, в С.-Петербурге, паспорт за границу для излечения от болезни. Между тем 10-го июля того же года умер брат мой, и я принужден был остаться в Петербурге, чтоб привести в известность и в порядок его дела. Ныне, вследствие еще более расстроившегося здоровья моего, осмеливаюсь вновь обратиться к Вашей светлости и просить о возобновлении прошлогоднего паспорта моего, которым я не мог своевременно воспользоваться и который вашей светлости имею честь при сем представить.

Отставной подпоручик

Федор Михайлов Достоевский.

1865 года
мая 10-го дня.

1868

16. ПРОЕКТ ЗАЯВЛЕНИЯ

Март 1868. Женева

Проект

МОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

1) Сим заявляю и свидетельствую, что впредь от нижеписанного числа право на полную собственность и на издание всех моих сочинений, когда-либо мною написанных и напечатанных, представляю и дарую, навсегда и ненарушимо, возлюбленной жене моей Анне Гр‹игорьевне› Д‹остоевской›, урожденной Сниткиной.

2) Право на издание моих сочинений, предоставленное Стелловскому, по контракту, с которого я имею копию, уже кончилось; полное же издание всех моих сочинений (по тому же конт-

ракту) и полная собственность оных предоставляются мне в непродолжительном времени. А так как я, первым пунктом, дарую в полную и всегдашнюю собственность моих сочинений жене моей Анне Григорьевне, то и все права мои по контракту моему с Стел‹овским› переходят к ней одной, исключительно и ненарушимо.

3) Заявляю, кроме того, что я взял в ред‹акции› «Р‹усского› в‹естника›» от издателя этого журнала в Москве, Мих‹аила› Никиф‹оровича› Каткова, до пяти тыс. руб. в продолжение прошлого 1867 и в нынешем 1868 году. За это предоставил ему, впредь до уплаты печатанием моих сочинений в его журнале добровольно, из Дрездена, в письме, право на полную собственность всех моих сочинений, до уплаты моего долга, или в случае моей смерти.[1] Из этого долга уже уплачено мною в настоящее время доставкою г-ну Каткову до двенадцати печатных листов печатающегося в нынешнем году в его журнале моего сочинения под названием «Идиот» до 1 900 р. Насчет же уплаты остального долга, всю обязанность беру на себя доставлением ему продолжения моего романа «Идиот» для его журнала. В случае же смерти моей предоставляю жене моей Анне Григ‹орьевне› Дост‹оевской› согласиться с г-ном Катковым для уплаты ему остального долга, если таковой еще окажется, деньгами или при издании женою моею моих сочинений. Пишу весь этот третий пункт моего заявления, имея во всяком случае в виду истинное и высокое благородство души Михаила Никифоровича Каткова, неоднократно мною испытанное при литературных моих сношениях с ним.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

236_1. Н. БУДАЕВСКОМУ (стр. 98)

1-я редакция

Милостивый государь,

Ошибки быть не могло ни малейшей. Вы же странным образом ошиблись, найдя нужным справляться в типографии: что получает корректор? Нанимал Вас я, а не типография, и хозяин журнала тоже не типография.

О какой это грустной сцене Вы пишете?[1] Итак, Вам нельзя даже заметить, что плохо продержана корректура? Это Вы называете грустной сценою? Что же касается до г-на Дьяконова, то знайте, что отдал я г-ну Дьяконову 10 руб. единственно из сожаления, что труд его пропадает даром. О г-не Дьяконове, до прихода его за деньгами, я не имел ни малейшего понятия, равно как и ‹о› том, что он когда-то работал в журнале. Типография меня ни о чем не предуведомила. Напротив, негодяй корректор Беляев получил с меня все деньги, следуемые за корректуру, о чем есть и его расписка; он же должен был заплатить и г-ну Дьяконову, а не я. В счеты между частными людьми я не вхожу. Отдал же я Дьяконову, уже ввечеру того дня, когда он приходил за деньгами, отдал из своего кармана, поняв, что пьянчужка Беляев его обманет и ему не заплатит; выдал же другой раз.

236_2. Н. БУДАЕВСКОМУ (стр. 98)

2-я редакция

Милостивый государь,

Ошибки быть ни малейшей не могло; напротив, Вы странным образом ошиблись, найдя нужным справляться в типографии: что получает корректор? Не типография хозяин журнала, я плачу корректору с листа рубль серебр‹ом› и более не желаю платить. Я уверен, что найду много хороших корректоров за эту цену. Другое дело, если б Вы еще до смерти брата были взяты в журнал корректором. Тогда бы я мог сообразоваться с прежнею платою. Взял же Вас корректором я и потому Вы от меня получаете плату, а не из типографии.

Всё Ваше письмо проникнуто обидной для меня мыслию, что я утаил Ваши деньги. Милостивый государь, я пользуюсь с журнала *менее чем Вы* и работаю в нем только для сирот моего брата ‹*не закончено*›

237[1]. М. В. РОДЕВИЧУ (стр. 99)

1-я редакция

Милостивый государь г-н Родевич,

Вы прислали Паше наглое письмо.[1] По неопытности он показал его мне. Вообще Вы оставили на Пашу впечатление отвратительное, — Вы, бывший его учитель и некоторое время наставник.[а] В письме Вашем я считаю только одно серьезным — о студенте, будто бы мною обиженном. Да, я взял у него из рук книгу, взял с сердцем и передал Паше; я сказал, что надобно кончить с Вами. Но если я был неуважителен к студенту (жалею, что не знаю его имени), то в неуважении этом ничего лично к студенту не относилось; я обошелся с ним, как с Вашим посланным, и не мог поступить иначе. Почему? Извольте наконец выслушать правду. Я давно Вам собирался сказать ее и всё колебался высказать, потому что не знал всех фактов. Иные из них таковы, что я их узнал только вчера.

Уезжая за границу, я поручил Вам Пашу, не только как учителю, но и как наставнику.[2] Вы торжественно обещались мне добросовестно исполнить свою обязанность. За границу Вы писали мне письмо, в котором старались утвердить меня в убеждении, что Вы хороший наставник.[3] Помню, Вы наполнили письмо Ваше разными психологическими наблюдениями над характером моего пасынка. А между тем Вам нужны были только деньги. Вы взяли деньги вперед и пошли по всем по трем. Никогда не прощу себе этой ошибки. Но ведь если я и знал, что в «молодом поколении» есть несколько шарлатанов,[б] прикрывающихся модными фразами и пренаивно думающих,[в] что за модную, мундирную фразу им простятся всякие безобразия,[г] то обратно на столько же я и верил в молодые и свежие силы, чтоб считать, что негодяи составляют одно только исключение. Вы тогда еще не дали мне никакого повода судить о Вас дурно.[д] А между

а *Далее было:* его

б *Вместо:* несколько шарлатанов — *было:* бездна шарлатанов и негодяев

в *Было:* считаю‹щих›

г *Было:* пакости

д *Было:* Перед тем Вы уже несколько месяцев давали моему пасынку уроки; Вы писали модные статейки на модные темы и хоть статейки Ваши ровно ничего о Вас самих не доказывали, но, по крайней мере, можно было верить в Вашу искренность и честность.

тем что ж вышло на деле? Едва я уехал,[е] пошло полное, грязное безобразие. В отношении к своему ученику и воспитаннику Вы вели себя безнравственно и нечестно. Денег я выдал Вам вперед кучу, почти за всё время, и к тому же обеспечил Вас на случай, если бы опоздал за границей. Раньше месяца[ж] Вы уже требовали от тетки[4] моего пасынка новых ресурсов. Кончилось тем, что Вы, обрадовавшись деньгам и раньше срока растратив их, несколько дней даже не кормили его, а отсылали кормиться куда угодно. Что же мог подумать ученик[з] о своем наставнике? Каким же уважением он мог быть Вам обязан,[и] видя[к] безобразие? Какой грязный цинизм вливали Вы в молодую душу. Вы посылали его с подобными расписками от себя: «Обязуюсь уплатить *тому лицу,* у которого Исаев займет столько-то, через 2 недели и т. д.». Вы посылали его закладывать по лавкам свои часы, чтоб добыть денег, стыдясь, вероятно, идти закладывать сами, Вы, наставник вверенного ему воспитанника! И не стыдно это было Вам? Вы посылали его с Вашими статьями по разным редакциям, выставляя моему пасынку (обеспеченному мною *вполне*) на вид, что если он добудет из редакций деньги, то тогда может взять себе на обед. Для такой ли грязи вверил я Вам 15-летнего мальчика?[5] Так ли поступать Вы мне обещали? Всего не перечислить, вот еще, впрочем, случай. Но случаев было тысячи, и все носили один и тот же характер грязи, цинизма и разнузданности. Вот один из тысячи случаев: Вы вздумали носить мои рубашки. Из-за этого завелся у Вас грязный спор с моим пасынком. Воспитанник принужден был доказывать своему наставнику, что нельзя обходиться легкомысленно с чужой собственностью, и не давал Вам моего белья, спорил с Вами и стал запирать от Вас ящики.[л] Ну, разве возможны, разве мыслимы такие споры между воспитанником и его воспитателем? Где же была после этого Ваша совесть, когда Вы просили меня найти Вам место воспитателя в каком-нибудь русском семействе, живущем за границей? Или Вы, может быть, сами не знаете, что творите?

Да, милостивый государь, Вы[м] безобразно понимали званье наставника: когда Вы начали водить к себе на квартиру девок и взманили этим Пашу завести себе тоже девку, Вы вступили с ним в препинанье о том, что Вы имеете право водить б<--->й, а он как воспитанник[н] не имеет! Может быть, даже и теперь считаете, что грязь, цинизм и малодушие самая лучшая метода

е *Вместо:* я уехал — *было* — Вы остались одни с моим пасынком
ж *Было:* через две недели
з *Было:* Паша
и *Далее было:* после этого?
к *Далее было:* наглое
л *Было:* свой ящик
м *Вместо:* Да ∾ Вы — *было:* И как
н *Незачеркнутый вариант:* подчиненный Вам

воспитания после этого? Да на кого же я оставлял моего пасынка?

Милостивый государь, я жалею, что Паша, вероятно, жалея Вас, скрыл от меня наигадчайшие Ваши проделки. Он объявил мне только, сейчас же по приезде моем из-за границы, о том, что Вы не умели вести хозяйства и что он голодал.[о] Эту беспорядочность я хоть и пробовал про себя извинить в молодом человеке, но, однако ж, тотчас же удалил Вас от него. Жалею только, что оставил Вас на некоторое время приходящим давать уроки учителем. При первой возможности (а у меня было много хлопот, я должен был ехать из Петербурга) я отказал Вам и как учителю. Но если б я только знал тогда обо всем (об девках и о рубашках, например, я узнал только на днях, теперь), то уверяю Вас, что я бы не так кончил дело, я бы огласил Вас публично, чтоб избавить общество от такого наставника и учителя. Говорю Вам серьезно.

А между тем у Вас самолюбие. Вы претендуете, что нельзя публично сказать: «Надо покончить с Родевичем». И что Вы написали Паше в Вашей записке, которую имели наглость препоручить передать мне? Я подслушиваю у дверей? У каких? Когда? Зачем? И где Вы это видели? Много людей честных меня знают лично и[п] знают, способен ли я подслушивать. Вы упрекаете меня раздражительностью. Я слишком хорошо знаю сам, милостивый государь, больные, дурные и даже некоторые смешные стороны моего характера. И каюсь в том пор‹ой›, но не Вам судить, потому что я и не способен обидеть напрасно.[р] По всему видно, что Вы хотели, кажется, запугать меня и отсутствием направления, гуманности.[6] Вздор Вы говорите,[с] а меня не запугаете. Я не мальчик. Если я и раздражителен (что в себе нисколько не оправдываю), то я не обидлив, я сумею загладить неловкость и обиду, и человек не мучится от меня, потому что видит, что это только наружность, внешность, а зла нет. Очень много людей кончали тем, что любили меня, чего и Вам желаю.[т]

Вы пишете, что я выходил из себя, когда Вы[у] спрашивали у меня денег на уроки? Испытали ль Вы хоть раз это на себе лично, если только у Вас есть совесть, у Вас, которому я столько передавал денег вперед? Я ни разу не отдавал Вам денег лично, а всегда через Пашу и всегда аккуратно. Я негодовал иногда

о *Над текстом:* о том ∾ голодал. — *незачеркнутый (и не законченный) вариант:* он объявил мне только о таких фак‹тах›, которы‹е› доказывали

п *Вместо:* Много людей ∾ лично и — *было:* Люди честные, многочисленные, по многу лет знающие меня лично и изучившие мой характер

р *Вместо:* И каюсь ∾ напрасно. — *было:* Но знаю тоже, что я неспособен обидеть напрасно

с *Далее было:* и потому

т *Далее было:* Зато дурных людей я не терплю и не жалею, что прямо это высказываю. Но, впрочем, об этом

у *Было:* Когда я выходил из себя, если

(и то про себя), отдавая деньги, что Паша не успевает и что Вы, вместо того чтоб сидеть с ним полтора часа, сидели с ним по $^3/_4$ часа, особенно в последнее время. Последнюю же выдачу Вам денег, кажется, месяца $2^1/_2$ назад, когда уже Вам совсем отказано было от уроков, я действительно остановил сам, с намерением па несколько дней, по просьбе Паши, который уверял, что Вы взяли, переезжая, мои книги и две простыни. Я хотел, чтоб книги и простыни воротились, и потому не давал до тех пор денег. Но простыни воротились уже после денег, и это Вы это[ф] сами знаете. Не простыни были дороги, а наглость Ваша возмущала меня.[х] И наконец, хотел взять от Вас Гоголя — единственную книгу, оставшуюся ему в память от отца.[7]

Вы уверяете, что у Вас нет этой книги. Что с Вами делать.[ц] И потому я отсылаю Вам Вашу книгу Мея, которую хотел было удержать, покамест Вы не отдадите книгу моего[ч] пасынка. Но об этой книге Мея я в первый раз узнал, что она в моей квартире, когда взял ее из рук Вами посланного студента.

Кстати, Вы пишете Паше, что я словами «Покончите поскорее с Родевичем» дал Вам право «отпускать разные фразы» на мой счет, «хотя этим презренным правом никто не станет пользоваться» — прибавляете Вы. И тут же[ш] сколько Вы гадостей уместили на мой счет в Вашем письме к Паше? Да Вы, стало быть, ничего не замечаете в себе, г-н Родевич, ни малейшего противуречия?[щ] Вы думаете, что достаточно сказать ‹?› какую-нибудь сладкую, гуманную фразу, чтоб уже быть потом[ъ] совсем обеспеченным на все разнузданности по всем по трем? Паше Вы пишете, что он может за своей потерянной книгой адресоваться к черту,[8] и между тем претендуете на мою самую зак‹онную› фразу «Надо покончить с Родевичем» и после этого делаете вышесказанное замечание. Что это такое?

ф *Так в подлиннике.*

х *Вместо:* Не простыни ∾ меня. — *было:* Когда я посылал Пашу ревизовать Вашу квартиру? Напротив, я как можно желал прервать всевозможные отношения с Вами. Паша ходил к Вам за книгами, за простынями (не простыни мне были дороги, а наглость Ваша возмущала меня)

ц *Далее было:* А через эту-то книгу и спор.

ч *В тексте письма ошибочно:* Вашего

ш *Незачеркнутый вариант:* А между тем

щ *Над словами:* ни малейшего противуречия — *вариант:* даже того, что на одной стран‹ице›

ъ *Вместо:* чтоб уже быть потом — *было:* и затем уже Вы

252[1]. С. П. ФЕДОРОВУ (стр. 113)

1-я редакция *

<...> Сообразите,[а] милост<ивый> государь, что я у Вас никогда не брал ни копейки денег, лично Вас не знаю, трудом Вашим не пользовался, да и даже произведения Вашего, за которое Вы денег требуете *с меня*, совсем не читал. Сообразите, что Вы можете искать Ваших денег на журнале, а на мне лично не можете иметь ни малейшей претензии. Мало того: я даже к журналу не принадлежу официально: я не редактор, я не издатель и, если хотите, я такой же точно сотрудник, как и всякий другой.

Вы скажете, что Вам писали и обещались уплатить в январе, и вот поэтому-то Вы и обратились теперь ко мне. Ну-с, вот это-то я Вам и нахожу нужным[б] разъяснить теперь, чтоб не было каких-нибудь дальнейших, у Вас относительно меня, недоразумений.

Вам кажется, что если я Вам писал и обещал уплату за журнал «Время» в январе, то значит Вы имеете полное право требовать с меня уплаты, чуть ли не лично, и считаете[в] позволительным мучить меня телеграммами с грубейшими угрозами. На это я[г] нахожусь вынужденным разъяснить Вам мое отношение к журналу, как к прежнему «Время», так и теперь, и всё это для того, чтоб обеспечить себя вперед от не заслуженных мною и грубых со стороны Вашей выходок.

Итак, уведомляю Вас, во-1-х, что в издании журнала «Время» я ничем не участвовал. Журнал был полною собственностью моего брата, что доказывают все счетные книги, оставшиеся после него, и свидетельство всех сотрудников и всех, знавших здесь, в Петербурге, меня и брата. У брата в журнале я работал всё время издания — совершенно точно так же, как и всякий сотрудник, за плату. Никогда[д] ничего не слыхал я от моего брата о денежных его отношениях и делах, кроме самых общих слов. О том, что он остался Вам должен, узнал только после смерти его.[е]

После смерти брата осталось до 30 000[ж] тысяч долгу, и всё большею частию по журналу.[з] Наличных денег не осталось почти ничего.[1]

---

* *Начало письма см. на стр. 113—114.*

[а] *Было:* Вспомните

[б] *Вместо:* нахожу нужным — *было:* желаю

[в] *Было:* полагаете <?>

[г] *Далее было:* Вам

[д] *Было:* Не только

[е] *Далее было:* *а.* Думаю только, что брат ни за что не остался *б.* Запрещ<ение> журнала разорило брата. Издавать же «Эпоху» на 6 р. можно было только

[ж] *Было:* 40 000

[з] *Далее было:* Запрещение «Времени» его разорило.

1861

1. В КОМИТЕТ ОБЩЕСТВА ДЛЯ ПОСОБИЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМ И УЧЕНЫМ

23 сентября 1861. Петербург

В Комитет Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым.

Так как Комитет прекратил с некоторого времени печатание отчетов о своих заседаниях, то многие из членов Общества находятся в совершенном неведении о ходе его дел. Между тем некоторые обстоятельства заставляют предполагать, что расходы Общества будут постоянно увеличиваться.[1]

Вследствие этого нижеподписавшиеся члены покорнейше просят Комитет известить их через газеты о ходе дел Общества и тех мерах, какие он полагает принять, в течение нынешнего года, для увеличения своих средств.[2]

С.-Петербург 23-го сентября 1861 г.

Ф. М. Достоевский
М. М. Достоевский
Н. Л. Тиблен[3]

2. КАЗНАЧЕЮ ОБЩЕСТВА ДЛЯ ПОСОБИЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМ И УЧЕНЫМ И. Н. БЕРЕЗИНУ

18 февраля 1863. Петербург

На бланке:

Комитет
Общества для пособия нуждающимся
литераторам и ученым
февраля 18 дня 1863 года
№ 6
Санктпетербург

Г-ну казначею Общества И. Н. Березину

По определению комитета 18 текущего февраля покорнейше прошу выдать:

1. Е. А. Авдеевой семьдесят пять рублей, и
2. Г-ну Прозорову сто рублей.

Председатель Ковалевский.
Секретарь Ф. Достоевский.[1]

3. КАЗНАЧЕЮ ОБЩЕСТВА ДЛЯ ПОСОБИЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМ И УЧЕНЫМ И. Н. БЕРЕЗИНУ

2 марта 1863. Петербург

На бланке:

Комитет
Общества для пособия нуждающимся
литераторам и ученым
марта 2 дня 1863 года
№ 12
Санктпетербург

Г-ну казначею Общества

Согласно заключения журнала 79-го заседания Комитета Общества, благоволите выдать в пользу учащимся по прилагаемому списку 153 руб.[1]

Председатель общества Ковалевский.
Секретарь Ф. Достоевский.

4. КАЗНАЧЕЮ ОБЩЕСТВА ДЛЯ ПОСОБИЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМ И УЧЕНЫМ И. Н. БЕРЕЗИНУ

4 марта 1863. Петербург

На бланке:

Комитет Общества для пособия нуждающимся
литераторам и ученым
марта 4 дня 1863 года
№ 9
Санктпетербург

Господину Казначею
Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым
И. Н. Березину

По определению Комитета сего февраля 25 числа (журн<ал> 77 собрания, ст<атья>...[а]) покорнейше прошу вас выдать:

1) г-же Тхоржевской двести (200) руб.
2) г-ну Чубинскому сто пятьдесят (150) руб.

Председатель[б]
Секретарь Ф. Достоевский.

а *В рукописи пропуск.*
б *Подпись отсутствует.*

5. КАЗНАЧЕЮ ОБЩЕСТВА ДЛЯ ПОСОБИЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМ И УЧЕНЫМ И. Н. БЕРЕЗИНУ

4 марта 1863. Петербург

На бланке:

Комитет Общества для пособия нуждающимся
литераторам и ученым
марта 4 дня 1863 года
№ 9
Санктпетербург

Господину Казначею
Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым
И. Н. Березину

По определению Комитета сего февраля 18 числа (журнал 77 собр., статья 5) покорнейше прошу вас выдать г-же Тхоржевской двести (200) рублей.[1]

Председатель Ковалевский.
Секретарь Ф. Достоевский.

6. КАЗНАЧЕЮ ОБЩЕСТВА ДЛЯ ПОСОБИЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМ И УЧЕНЫМ И. Н. БЕРЕЗИНУ

25 марта 1863. Петербург

На бланке:

Комитет Общества для пособия нуждающимся
литераторам и ученым
марта 25 дня 1863 года
№ 11
Санктпетербург

Г-ну казначею Общества

Согласно журнала заседания 80-го благоволите произвести следующие выдачи: 1) г-ну Стопановскому для употребления на похороны г-на *Елагина 50 руб.*, 2) вдове *Мининой 150 руб.*, 3) г-ну *Шевичу 150 руб.*, 4) г-ну члену Комитета Пыпину для устройства дел г-на *Щапова 200 руб.*, 5) отправить в Москву г-ну Киттаре для выдачи г-же *Кресиной 50 руб.*

Председатель общества Ковалевский.
Секретарь Ф. Достоевский.

7. В ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БАНК

5 августа 1864. Петербург

5 августа 1864.
№ 42

Комитет Общ‹ества› для пос‹обия› н‹уждающимся› лит‹ераторам› и уч‹еным› пок‹орнейше› просит [а] возвратить [б] предъявителю сего, секретарю общества В. П. Гаевскому, отданный им на хранение 21 минувшего июля 5 % банковый билет в 500 р. за № 16454.

Подписали: пом‹ощник› председ‹ателя› кн‹язь› Щербатов,
члены Комитета В. Корш,
Ф. Достоевский.[1]

[а] *Вместо:* пок‹орнейше› просит — *было начато:* имеет честь
[б] *Было:* выдать

1864

ПРОШЕНИЕ В С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

18 июля 1864. Петербург

В С.-Петербургский Цензурный Комитет

Вдовы отставного подпоручика
Михаила Михайлова Достоевского

Прошение

Издание ежемесячного журнала «Эпоха», на которое посвящал свои труды мой покойный муж, было и единственным средством, служившим к содержанию нашего семейства. Для этого издания были сделаны значительные затраты и заключены значительные обязательства на будущее время;[1] к числу обязательств принадлежит и обещание выдать многочисленным подписчикам остальные книги журнала «Эпоха» за текущий год. Для того, чтобы издание по-прежнему служило поддержкою ныне осиротевшему семейству, чтобы затраты, на него сделанные, не пропали даром, а обязательства были выполнены, я, как опекунша детей моих, а вместе с тем и сонаследница прав и обязательств моего мужа, имею честь просить С.-Петербургский Цензурный Комитет исходатайствовать утверждение за моим семейством и за мною права продолжать издание журнала «Эпоха», с тем, что редакцию журнала примет на себя статский советник Александр Устинович Порецкий, если Комитет не найдет препятствия утвердить его в звании редактора.[2]

Вдова отставного подпоручика
Михаила Михайлова Достоевского
Эмилия Достоевская.

Июля 18 дня 1864 года.

Письмо Ф. М. Достоевского к Я. П. Полонскому. 31 июля 1861 г.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

1867

321а. С. Д. ЯНОВСКОМУ

28 сентября (10 октября) 1867. Женева

С французского:

Женева, 28 сент./10 окт. 67.

Любезнейший и почтеннейший Степан Дмитриевич,

Побывали ли Вы за границей? Мы искали Ваших следов по всей Германии, — ни слуху ни духу.[1] Пишу Вам, но адреса Вашего не знаю и потому поручаю Александру Павловичу Иванову доставить Вам это письмо; ведь не может же он не знать места Вашей службы. Стало быть, я убежден, что письмо дойдет до Вас, если только Вы в Москве.

Вот уже скоро месяц, как я засел в Женеве; надо сказать, что это самый прескучный город в мире; он строго протестантский, и здесь встречаешь работников, которые никогда не протрезвляются. Право же, не всё золото, что блестит. Немецкая честность, швейцарская верность и т. д. и т. д. — не могу вообразить себе, кто только мог их придумать. Возможно, сами немцы и швейцарцы.[2] Пишут же и в рижских газетах и в прусских, что стоит балтийским немцам оставить нас, и мы, русские, впадем в прежнее варварство.[3] Устрялов, а равно Соловьев (поклонник немцев) утверждают, что в Немецкой слободе пили с утра до вечера.[4] Вольтер прославил женевца Лефорта,[5] а в ученых трудах о нем пишут, что мир не знавал такого пьяницы.[6] Не смейтесь надо мной, дорогой Степан Дмитриевич; скажу только, что трудно найти где-нибудь, кроме Германии, такую глупость, такое надувательство и притом такое самодовольство. И вот еще: из года в год ввозят к нам, в Россию, множество иностранных изделий; поэтому многие из наших русских, отправляющихся за границу, уверены вследствие некоего предрассудка, что за границей всё хорошо и недорого. Я же теперь убедился на опыте, что, за исключением предметов первой необходимости, только в Париже и Лондоне изделия хороши и недороги. В прочих городах Европы всё дороже и хуже, чем у нас, я Вас уверяю. Всякий более или менее значительный город (например, Женева) производит и потребляет собственные свои изделия, хотя Франция и под боком. Надо, однако, иметь в виду вот что: в отношении мануфактурных изделий у ряда городов существует своя специальность (более или менее); в одном это вино, в другом — ремни, в третьем швейцарские шале из красивого дерева, — ну, хорошо же, покупайте в каждом городе те изделия, которые составляют его специаль-

ность, покупать остальное — значит бросать деньги на ветер. Наши соотечественники во множестве едут за границу; там они воспитывают детей и прилагают все старания, чтобы заставить их забыть русский язык.[7] Есть такие, которые живут здесь подолгу, например Тургенев. Он мне напрямик заявил, что не хочет больше быть русским, что хотел бы забыть, что он русский, что он себя считает немцем и гордится этим.[8] Я его с этим поздравил и расстался с ним. В Женеве я попал прямо на «Конгресс мира». В зале, который мог бы вместить три или четыре тысячи человек, с высокой трибуны разглагольствовали разные господа, которые решали судьбу человечества. Проблема была философского порядка, но цель конгресса — практической; вот в чем она состояла: как сделать, чтобы на земле исчезли войны и чтобы воцарился мир? Я впервые в жизни своей слушал и наблюдал революционеров не в книгах, а наяву и притом за работой; поэтому я был немало заинтересован. Сразу же было решено, что, дабы мир воцарился, необходимо истребить огнем и мечом папу и всю христианскую религию. Затем: поскольку великие державы показали, что не могут существовать, не имея больших армий и не ведя войн, надо их разрушить и заменить маленькими республиками; затем надо уничтожить огнем и мечом капитал, а равно и всех тех, кто не всецело разделяет этот взгляд. Среди присутствовавших нашлись такие, которые, наслушавшись этой бестолковщины, попытались возражать; им помешали. Начали голосовать: революционеры остались в жалком меньшинстве, но комитет с нескрываемым цинизмом подтасовал голоса и заявил, что революционеры — в большинстве.[9] Не могу понять, почему подобные конгрессы запрещены во Франции.[10] Пусть взбаламученные и доведенные до неистовства этими проповедниками бедняки поймут наконец, на что способны подобные подстрекатели, могут ли они сказать или сделать что-либо серьезное и полезное. Ибо конгресс этот ясно показал, чего стоят все эти престарелые изгнанники и социалисты, и особенно хорошо дал почувствовать, какими силами они располагают и что никто за ними не пойдет, кроме таких же безумцев.[11]

Я намерен на некоторое время еще остаться в Женеве. Я пишу роман и хотел бы если не окончить, то хотя бы довести его до определенной точки.[12] Анна Григорьевна передает Вам привет (она на четвертом месяце). В Женеве мои припадки возобновились. Это геморроидальное; погода здесь всё время меняется — отсюда мои припадки. Если Вы захотите мне написать, то доставите мне большое удовольствие. Вот мой адрес:

Suisse, Genève, poste restante, M-r Th. D‹ostoiewsky›

У меня к Вам большая просьба, мой добрый друг Степан Дмитриевич. Не подумайте, однако, что именно из-за этого я принялся Вам писать. Не хочу лгать: повод, действительно, представился кстати, но пишу я Вам по двум совершенно различным

причинам: первая из них, не слишком важная, — сожаление: повсюду в Германии мы с женой не оставляли надежды встретить Вас или что-нибудь о Вас разузнать,[13] и если бы мы встретились с Вами, мы были бы очень рады; вот уже пять месяцев, как мы живем совершенно одни. Вторая причина — это надежда, что Вы мне ответите. А так как я намерен возвратиться только месяцев еще через пять,[14] письма с родины будут мне очень дороги: воспоминаниями и радостью. Со своей стороны обещаю Вам отвечать вовремя и чистосердечно. Кстати о путешествии — пошло ли оно Вам на пользу? Что до меня, новости я Вам уже сообщил. Что же касается моей просьбы, то вот в чем она состоит: я работаю и буду работать еще месяцев пять, но все мои деньги израсходованы. Кроме суммы (очень незначительной), которая была у меня с собой, Катков выслал мне по первой же моей просьбе 1 000 рублей. Но поскольку я не мог еще ничего ему отослать, надеясь отправить сразу половину романа, мне пока очень неловко возобновлять свою просьбу. Я попросил 125 рублей у Майкова, он мне их выслал,[15] но они также истрачены. Однажды, дорогой друг, года три тому, после сердечной дружеской беседы Вы сказали, что если когда-нибудь мне понадобятся деньги, Вы могли бы мне одолжить *немного*. Сейчас я сказал бы не то, что *мне понадобились эти деньги*, но что надобность в них *срочная* — иначе остается только пропáсть. Я получу деньги к первому декабря, но сейчас у нас ни гроша, и я отношу в заклад последние свои вещи. Итак, если Вы можете, вытащите меня из затруднения и вышлите 100 рублей, если же это невозможно, пришлите по крайней мере 75 рублей. Я знаю, дорогой друг, что и это представляет некоторую сумму, но пришлите ее, только *если Вы можете* это сделать. Здесь и речи не может быть о то́м, чтобы деликатничать. Со своей стороны, уведомляю Вас на всякий случай, что я Вам их верну к рождеству, но не раньше, учитывая мою отдаленность. Словом, *если Вы можете мне помочь*, сделайте это, не теряя ни минуты, ибо, не будь я в нужде, я бы никогда не высказал этой просьбы.[16]

Пишу Вам второпях, хотя настрочил уже довольно длинное письмо. Правду сказать, я в некотором расстройстве, а именно: 1) не могу работать по вечерам, опасаясь припадка; 2) меня очень тревожит будущее: мне надо написать что-нибудь, что не было бы плохо, иначе, без денег, невозможно предстать перед своими кредиторами, а только им я должен по меньшей мере 3 000 рублей. С другой стороны, мне надо до тех пор здесь жить. Может быть, мы переберемся в Италию; хотя Женева удобнее для нас: жизнь здесь дешевле, чем в Париже, а доктора, как и акушерки, говорят по-французски, а *это важно*. Дорогой друг, напишите мне со всей определенностью, что думаете Вы вот о какой идее: не лучше ли было бы для меня (для *моего* здоровья, для моей падучей) оставить Петербург и перебраться в Москву? Я сам хорошо знаю, что Москва немного лучше, и мне кажется, я Вам

уже об этом говорил, но я хотел бы знать, действительно ли этого «лучше» *достаточно*, чтобы оправдать переезд. Что скажете Вы — *пусть только в самом общем смысле?* [17]

До свидания, обнимаю Вас от всего сердца. Еще раз поклон от Анны Григорьевны и мое дружеское рукопожатие.

Искренне Ваш Ф. Д‹остоевский›

P. S. Если я не обращаюсь с подобными просьбами к своим родным, то это потому, что моя тетка дала мне три года тому 10 000 рублей на мой журнал и что брат мой по смерти остался должен Ал‹ександру› Павловичу по меньшей мере 4 000 рублей, а может быть, и все 6 000.[18]

Ф. Д‹остоевский›

325а. С. Д. ЯНОВСКОМУ

1 (13)—2 (14) ноября 1867. Женева

С французского:

Женева, 1-го/13 ноября 67.

Добрейший, незабвенный друг мой Степан Дмитриевич,

Если Вы уже в Москве [1] и, следственно, не нашли на своем столе моего письма, не судите меня поспешно, не обвиняйте. Письмо Ваше со 100 рублями я получил уже более двух недель назад, и если я не отвечал Вам до сих пор, то не по лености или безразличию, но только вследствие моей мучительной теперешней ситуации. Вы понимаете, когда в душе мрак, тяжко обращаться к кому-либо, особенно для такого ипохондрика, как я. Ваше письмо доставило нам, Анне Григорьевне и мне, огромное удовольствие. Мысленно я следовал за Вами и сопровождал Вас и в Риме, и в Неаполе,[2] вспоминая свое пребывание в Италии, в Риме и Неаполе, представлял себе, как Вы останавливаетесь перед шедеврами искусства. Из всего путешествия в южную Италию только об искусстве я вспоминаю с удовольствием и радостью. Что до природы, то она меня восхитила только в Неаполе. В Северной Италии, то есть в Ломбардии, природа несравненно прекраснее. Вы побывали в Милане; но ездили ли Вы на озеро Комо, которое находится поблизости? И почему, почему было не добраться до Венеции? Это непростительно. Потому что Венеция не только очаровывает, она поражает, она пьянит. Но мы побываем в Венеции в другой раз вместе. Даю Вам честное слово.

В этот раз я пока здесь мало ездил и мало видел. Это прежде всего потому, что характер поездки уже не тот: я не путешествую, а живу за границей, жить же в Европе для меня более чем невыносимо. Но что делать? Я не мог выкроить времени, чтобы многое показать Анне Григорьевне: мы были в Германии,

останавливались в Дрездене и в Баден-Бадене, а теперь прибыли в Женеву и застряли здесь на берегу озера Леман. Ваши 100 рублей вытащили меня из беды, правда, только на некоторое время. Хочу объяснить Вам свое положение: я должен 4000 рублей «Русскому вестнику», который мне их дал вперед. Эти четыре тысячи рублей были израсходованы на мою свадьбу, на уплату ряда мелких долгов, на некоторые другие расходы и на поездку за границу. Вот уже давно от денег моих ничего не осталось, а, с другой стороны, мне не удалось еще *послать* в «Русский вестник» *ни одного листа* моего *нового романа* (за который 4000 рублей и были получены вперед). Почему я не работал? Работа не шла. Не знаю почему, но ничего не приходило мне в голову. В настоящий момент я работаю еще над первой частью, между тем как нужно, чтобы роман непременно появился в январском номере «Русского вестника». Но он и появится.[3]

Вопрос, который я должен разрешить, для меня мучителен: если я напишу плохой роман, мое положение (финансовое) сразу же рухнет. Кто в этом случае станет давать мне деньги вперед? А между тем я существую только благодаря авансам и переизданиям. В подобном же случае не будет больше ни авансов, ни переизданий. Таким образом, мне надо выполнить работу, которая ни в коем случае не должна быть плохой, — и это необходимо, чтобы не погибнуть. Таков первый вопрос.

Как же, скажите мне, приступать к работе при такой требовательности к себе. Рука дрожит, разум мутится.

2-й вопрос. — Я покинул Россию, оставив из своего долга, который я уплатил на четыре пятых, одну пятую часть неоплаченной. Эта пятая часть достигает 3000 рублей в виде векселей.[4] Если я покажусь в Петербурге, меня посадят в долговое отделение. Стало быть, необходимо рассчитаться. Чем? Откладывая из каких запасов? И это с моей работой?

3-й вопрос. — Моя добрая Аня, единственная моя радость и единственная моя утешительница здесь, *через три месяца* должна родить. Представьте только, через три месяца, а у меня нет ни копейки. Ваши 100 рублей пошли на уплату некоторых мелких долгов, на покупку каких-то вещей (которых на зиму совсем недостаточно), на наши ежедневные расходы. Теперь мы снова начали отдавать свои вещи в заклад, то есть Анна Григорьевна отдает свои платья, — нам не на что купить хлеба.

Сегодня ровно пять недель, как я обратился к Каткову с следующей просьбой: сверх выданных четырех тысяч рублей выслать, *если возможно*, еще 500 рублей, по сто рублей в месяц (это чтобы облегчить финансовое положение редакции).[5] Через пять месяцев я закончу мой роман, который должен составить самое малое 30 листов, следственно, через пять месяцев, по получении последних 100 рублей, весь мой долг (4500 рублей) будет выплачен.[6] Сегодня ровно пять недель, как я послал свое письмо. Правда, я никогда не получал ответов из «Русского вестника»

раньше чем через месяц: это их правило и для друзей и для врагов, но пять недель — это и впрямь слишком.[7] В «Московских ведомостях» постоянно жалуются на заграничную службу русской почты, пишут, что письма то теряются, то приходят с опозданием.[8] Не могу представить себе, что письмо мое было задержано. Если же дело не в этом, то почему мне не отвечают? Если они не хотят давать мне денег вперед, им всего-то и ответить: нет. С другой же стороны, журнал ждет моего романа, — не в его интересах молчать.

Если бы тем временем не пришли Ваши деньги, мы бы уже давно пропали, Аня и я.

Но попытайтесь теперь уяснить себе: каковы перспективы, которые открываются предо мной. Мы живем в одной комнате, которая, правда далеко не плоха и просторна, у добрых старых хозяек.[9] Но эта комната становится уже слишком холодной: нет никаких возможностей ее отапливать; не представляю себе, что будет зимой. Ведь зимой, в конце февраля (по новому стилю), жена должна родить. Вообразите, что всё будет происходить в одной комнате: роды, доктор, швейцарская нянька и мой роман. Были бы у меня деньги, я бы снял дополнительно *за 20 франков* соседнюю комнату, из которой выехали жильцы и которая сейчас свободна.[10] Но что будет, если я не получу ответа от Каткова. А если и получу, что такое 100 рублей в месяц? На пять предстоящих месяцев мне надо самое малое 150 рублей в месяц.

В довершение всего еще один вопрос: я настолько был поглощен всё последнее время планом и идеей романа, что в течение нескольких месяцев только и был этой идеей занят. Наконец роман продуман, тщательно разработан. Вопрос упростился. Не должно быть ошибок ни в разработке, ни в исполнении. Сроку для высылки романа у меня ровно месяц, и это последний срок. Как можно окончить в месяц такую работу (то есть первую часть, которая будет насчитывать самое малое шесть печатных листов)? И больше всего меня мучает, что я отдаю себе отчет, ясно вижу, что если бы я располагал достаточным временем (или по крайней мере равным временем и на исполнение, и на разработку), это бы вполне удалось.

Кроме того, я опасаюсь припадков падучей. Вначале в Женеве у меня приступы были почти каждую неделю. Климат отвратительный. С гор дуют порывы ледяного ветра, погода меняется три-четыре раза на дню. Но вот уже около месяца у меня нет припадков. Боюсь, что сейчас, когда я собираюсь начать изо всех сил работать, болезнь настигнет меня и поразит.

Ах, друг мой Степан Дмитриевич, падучая в конце концов унесет меня! Моя звезда гаснет, — я это чувствую. Память моя совершенно помрачена (совершенно!). Я не узнаю более лиц людей, забываю то, что прочел вчера, я боюсь сойти с ума или впасть в идиотизм. Воображение захлестывает, работает беспорядочно; по ночам меня одолевают кошмары.[11] Но хватит об этом!

Довольно о себе. Следующий раз буду больше говорить на другие темы. Я собирался обсудить с Вами вопрос о Швейцарии.[12] Но хватит, может быть, так будет лучше. Аня крепко, крепко жмет Вашу руку. Я обнимаю Вас, мой друг, и не забывайте, что я всегда искренне преданный Вам

Д‹остоевский›

1868

336а. С. Д. ЯНОВСКОМУ

21—22 февраля (4—5 марта) 1868. Женева

С французского:

Женева, 21 февраля/4 марта 68.

Дорогой, добрый и старый друг Степан Дмитриевич,

Я виноват перед Вами и кажусь из-за своего молчания бессовестным, но знайте же всё: 18 декабря я уничтожил всё, что написал для «Русского вестника», начал писать новый роман и с 18 декабря по 18 февраля отправил $11^1/_2$ печатных листов в редакцию «Русского вестника». Работал я день и ночь, не щадя здоровья.[1] Что же касается ответов на письма, то пока не были отосланы эти одиннадцать с половиной листов, я и не отвечал никому.[2] Послезавтра я приступаю к третьей части, которую мне надо окончить за 25 дней, — в таких условиях есть ли у меня время даже для друзей? [3] Сердце мне подсказывало, что Вы не станете сомневаться во мне.

22 февраля/5 марта.

С того момента, как я начал это письмо, прошло 24 часа; за это время Анна Григорьевна, жена моя и Ваш искренний друг, подарила мне дочку, Соню. Она ужасно страдала, но наконец в два часа утра из соседней комнаты, которая была для меня закрыта, я услышал крик ребенка, *моего ребенка.* Это странное ощущение для отца, но из всех человеческих ощущений оно одно из лучших; теперь я знаю это по собственному опыту. Моя жена мужественно перенесла всё это испытание; сейчас она чувствует себя достаточно хорошо и не перестает любоваться своим творением. Малышка большая и чувствует себя хорошо, [4] — трудно себе представить, как она ее вынашивала, ибо для посторонних ее беременность прошла почти незамеченной, и, например, продавщицы в магазине звали ее «мадемуазель», что очень ее задевало. Аня просит передать Вам много добрых слов; она Вас любит, ценит и бесконечно уважает. Из моих друзей Вас и Аполлона Николаевича она ценит больше всех. Третий, кого она ценила так же, — как члена нашей семьи — недавно скончался в Москве, о чем Вы,

наверное, уж должны знать. Я говорю о смерти мужа моей сестры, Александра Павловича Иванова. Это ужасное несчастье для его семьи, к тому же покойный не был человеком заурядным: он сделал много добра немалому числу людей.[5] Я люблю его семью, как свою собственную, и эта духовная близость установилась уже много лет тому назад. Из всей семьи я особенно люблю двух старших дочерей, и в особенности самую старшую, Софью; ей уже 21 год; это девушка редких достоинств сердца и ума. Мы сердечно привязались друг к другу за последние пять лет. Это в ее честь я назвал свою дочь Софьей. Я посвятил ей свой роман.[6] Но трудно представить себе, что с ними будет теперь, без отца, который был для своей семьи добрым гением. Есть люди даже и не очень значительные, чье воздействие на всех, кто их окружает, слишком сильно и необходимо. Память об этом человеке станет для детей его предметом почитания на всю жизнь; он внушил им большую любовь; во всю мою жизнь я не встречал лучшего отца.

Вы поймете, дорогой друг, что состояние моей жены и роман помешали бы мне оставить Женеву, даже если бы у меня были нужные для этого деньги; тех, что я имел, было недостаточно, хотя я и не могу сказать, что мы жили здесь всё это время в нужде. Трудно вообразить себе редактора, который вел бы себя благороднее по отношению к сотруднику, чем вел себя Катков по отношению ко мне. Конечно, я не мог просить у него малейшей прибавки; порядочность и совестливость не позволяли этого, потому что мой долг журналу был слишком велик; но теперь, слава богу, я выполнил работы почти на 1 700 рублей (за два месяца! — что Вы скажете о Федоре Михайловиче?); а потому мне кажется, что я могу просить выслать мне дополнительно сразу более значительную сумму, так как я в ней очень нуждаюсь! В течение ближайших двух месяцев я намерен написать еще третью и четвертую части (в целом, по иному делению, это составляет две части, — всего, включая то, что уже написано, набирается от 22 до 24 печатных листов) и довести тем самым роман до половины; думаю, что тогда я мог бы обратиться с новой просьбой.[7] Но, с другой стороны, я измучился здесь от одиночества и от неведенья, в котором я пребываю относительно достоинств того, что я написал. Если третья и четвертая части не смогут улучшить написанного, роман, я опасаюсь, будет слабоват; а если будет так, все надежды, которые я возлагаю на будущее, лопнут, то есть не согласятся на второе издание и моя писательская известность, которая за последнее время начала было возрастать, снова несколько потускнеет. Таким образом, положение мое в данный момент чрезвычайно неустойчивое и критическое. Но в любом случае надо работать без послабления, чтобы самому видеть результат. В этих условиях, само собой разумеется, не может быть и речи о переездах. Вот почему я останусь наверняка еще на пару месяцев в этой прескучной, отвратительной Женеве. За всю свою жизнь я не встречал ничего более унылого, более угрюмого,

более абсурдного, чем этот мрачный протестантский город. Здесь не живут: здесь отбывают каторгу. Республика (или по крайней мере город) насчитывает 50 000 обитателей, и все они разделены на политические партии; каждый старается в газетах, в журналах подковырнуть и загрызть своего противника. Заметьте еще к тому же, что жизнь здесь очень дорогая. Но наверное вы бы отдали всё, чем владеете, лишь бы не оказаться здесь в воскресенье. С утра заунывный звон колоколов; с полудня пьянство. До чего же здешние работники унылы, грязны, невежественны! А их здесь множество. Я уверяю Вас, что заработки у них изрядные; легко можно было бы откладывать, и немало. Но все эти люди напиваются как свиньи и пропивают весь свой заработок. И всю ночь я слышу их ужасные песни, вопли и крики, которые они издают, толпясь под моими окнами. Это сущий ад. Я отдыхаю только на неделе.[8] Но что здесь хуже всего — это климат. Холодные ветры и бури! Погода меняется четыре раза на дню. Мои припадки здесь случаются довольно часто. Припадок сам по себе не страшен, но после припадков я в течение пяти дней испытываю тоску и беспокойство — вот что ужасно.

Аполлон Николаевич обещал сообщить мне свое мнение о моем романе, как только он появится. Мы переписываемся довольно часто. Но вот уже немало времени прошло с тех пор, как роман мой появился, а я не получил от него ни строчки; не случилось ли с ним чего? [9]

Если я закончу всю работу и если закончу удачно, я вернусь в Петербург осенью. В противном случае мне надо будет волей-неволей оставаться за границей. Мы живем, как затворники, никаких развлечений; ничего, кроме тоски и скуки. Без работы и взаправду можно было бы сойти с ума от скуки. Счастье еще, что становится теплее. К середине дня температура доходит до $+10°$ по Реомюру. Но о том, как мы страдали от холода зимой, проживи я до 100 лет, не буду вспоминать без дрожи. Дорогой мой Степан Дмитриевич, проезжать страну в качестве путешественника — совсем другое дело, чем в ней жить.

Ах, дорогой мой друг, какие хорошие, сердечные письма Вы пишете; в них по крайней мере видишь искреннего верного друга, на которого можно положиться. Я только что перечитал Ваше последнее письмо и заметил, с каким участием пишете Вы о приближающихся родах, об единственной комнате и т. д. и т. д.[10] Но хвала господу, он хранит мою Аню; мы располагаем скромной, но достаточной суммой, жилье весьма уютно и нас устраивает, акушерка — лучшая в городе; она принимала у половины Женевы, и, наконец, мы пользуемся услугами врача, который прибыл вовремя и кстати. Можно сказать, что из необходимого ничего не было упущено. Добавьте к этому весьма крепкое сложение и молодость моей жены, на которые можно было положиться.

Между тем у меня ужасное желание куда-нибудь поехать вес-

ной, скорее всего в северную Италию. Впрочем, я жду, пока жена поправится; тогда мы решим, с чего начинать и что предпринимать. Всё зависит, очевидно, от состояния моего кошелька, а состояние моего кошелька зависит от моей работы. В конечном счете всё сводится к работе. Идея моего романа мне нравится, его поэтическая сторона меня прельщает. Но произведение не сводится к одной идее, его еще надо создать и выполнить. И всё это еще не совсем ясно рисуется в моей голове. Ах, Степан Дмитриевич, старый друг, возьмите «Русский вестник», прочтите хотя бы одну часть и напишите мне что-нибудь, — разумеется, правду, одну только правду — вот чего требует душа.[11] Сейчас я здесь почти ничего не читаю, кроме газет. Что до русских книг, то я получаю только «Русский вестник».

Извините, дорогой друг, за довольно беспорядочное письмо. Я весь разбит и изнемогаю прежде всего из-за припадка, что случился со мной третьего дня, и затем от всех этих семейных беспокойств. Несмотря на это, Ваш больной друг искренне и всем сердцем любит Вас. Аня нежно пожимает Вашу руку. Не забывайте нас, пишите! И знаете ли Вы, дорогой друг, что в итоге, в конце концов я всё же счастлив и даже не могу понять, чем заслужил всё это. Аня меня бесконечно любит; мы жили совсем одни весь год без малейших развлечений, и она меня уверяет совершенно искренне, что счастлива. И как только устроятся некоторые мои дела, можно будет начать спокойную жизнь. Но первый шаг ко всему этому — по-прежнему успех моего романа! Я думаю, что сойду с ума из-за этого успеха. Начиная с завтрашнего дня принимаюсь за работу. Пожелайте мне успеха, дорогой друг, пожелайте счастья Ане, и обнимемся все трое во имя милого прошлого и неопределенного будущего. До свидания. Адрес мой всё тот же.

Искренне и сердечно Ваш

Д‹остоевский›.

ПРИМЕЧАНИЯ

Вторая книга XXVIII тома Собрания сочинений и писем Ф. М. Достоевского содержит 190 писем и 14 документов, отнесенных в разделы «Официальные письма и деловые бумаги», «Коллективное» и «Приложение». Они написаны в период от 23 августа 1860 г. до 12 (24) декабря 1868 г.

Из числа печатающихся в томе 204 текстов 189 публикуются по подлинникам, находящимся в различных архивах и музеях Советского Союза. 8 писем к И. С. Тургеневу, подлинники которых хранятся в Национальной библиотеке в Париже, публикуются по фотокопиям; по фотокопии же с подлинника из Манчестерского университета (Англия) публикуется и 1 письмо к Неустановленному лицу. 18 писем, подлинники которых не сохранились или остались неизвестными редакции, печатаются по тексту первой публикации или по авторитетным копиям. Из них нужно прежде всего выделить 3 письма к С. Д. Яновскому (№№ 321а, 325а и 336а; 1867—1868 гг.). Они были опубликованы Ж. Легра в 1930 г. в парижском журнале «Le monde slave» во французском переводе с подлинников, местонахождение которых ныне неизвестно. Письма эти не попали в указатели эпистолярного наследия Достоевского, и французский перевод их был обнаружен Т. И. Орнатской, когда настоящий том был уже набран. Обратный перевод их на русский язык печатается на стр. 356—361, а французский перевод Легра в примечаниях к тому (стр. 496—507). Впервые печатается Договор с А. Ф. Базуновым, заключенный 16 января 1862 г. (см.: Офиц. письма и делов. бумаги, № 12). Все письма и деловые бумаги публикуются в составе Собрания сочинений впервые. Определен адресат письма, фигурировавшего ранее как письмо «Корректору» (*Д, Письма*, т. IV, стр. 271—272). Им оказался корректор «Эпохи» Н. Будаевский (см. письмо 236). Адресатом другого письма, печатавшегося в отрывке с пометой «Неизвестному» (там же, т. I, стр. 447), оказался Н. А. Любимов (см. письмо 290); изменено наименование адресата недописанного и неотправленного письма (там же, т. II, стр. 134): вместо «Неизвестному» печатается — «Редактору одного из иностранных журналов» (письмо 352); уточнена фамилия одного адресата: письмо к А. К. Каломейцевой (там же, т. I, стр. 304) в томе печатается как письмо к А. К. Каллаш (см. письмо 183); печатавшемуся прежде документу (А. Ф. Базунову) (там же, стр. 309) дано верное обозначение: «Доверенность М. Д. Достоевской» (см.: Офиц. письма и делов. бумаги, № 14).

Уточнено время написания следующих писем, датированных в предыдущем издании (*Д, Письма*, тт. I—IV) ошибочно или приблизительно (см. табл. на стр. 366).

Передатировано 2 письма, отнесенных А. С. Долининым к 1860-м годам. Одно из них, адресованное И. Ф. Горбунову и помеченное: «Петербург ‹?› 60-е годы ‹?›» (*Д, Письма*, т. IV, стр. 326), отнесено к концу 1870-х гг.; к этому же периоду отнесено и другое письмо — «К Неизвестному» с датой «60-е годы» (там же, т. I, стр. 290). Приложенный к тому «Список несохранившихся и ненайденных писем и деловых бумаг» содержит указание на 127 писем Достоевского к разным лицам, среди которых

Адресовано	Датировалось	Датируется в настоящем издании
М. А. Загуляеву	1861 год	Январь 1861 г.
Я. П. Полонскому	Не датировано	15 апреля 1861 г.
Ф. Н. Бергу	12 июня 1861 г.	12 июля 1861 г.
Н. М. Щепкину	февраль 1863 г.	13 февраля 1863 г.
П. А. Исаеву	Начало июля 1864 г.	8—9 июля 1864 г.
М. В. Родевичу	1864 г.	Июль—август 1864 г.
А. У. Порецкому	Конец ноября—начало декабря 1864 г.	Начало декабря 1864 г.
Ф. А. Бурдину	Ноябрь—декабрь 1864 г.	20-е числа октября 1864 г.
М. Н. Каткову	1-я половина сентября 1865 г.	10 (22)—15 (27) сентября 1865 г.
А. В. Корвин-Круковской	1865 г.	Апрель—май 1866 г.
А. П. Милюкову	10-е числа июля 1866 г.	10—15 июля 1866 г.
А. П. Милюкову	60-е годы 〈?〉	Конец сентября 1866 г.
Н. А. Любимову	8 ноября 1866 г.	3 ноября 1866 г.
Редактору одного из иностранных журналов	Вторая половина сентября 1868 г.	Конец августа—начало сентября 1868 г.
	Коллективное	
И. Н. Березину	4 марта 1863 г.	Конец февраля—начало марта 1863 г.

фигурируют такие адресаты, как А. И. Герцен, А. Н. Плещеев, В. Ф. Корш, М. Д. Достоевская, А. А. Головачев, А. С. Ушаков, П. Н. Горский; здесь же содержатся сведения о значительном количестве утраченных писем к И. С. Тургеневу, М. М. Достоевскому, С. Д. Яновскому, А. П. Милюкову, А. Е. Врангелю, А. П. Сусловой, А. В. Корвин-Круковской, а также ряду менее известных лиц.

В письмах, включенных в настоящий том, отразились события 1860—1868 гг. Эти годы, несомненно, представляют собою один из важнейших этапов и в биографии и в творчестве Достоевского. За 8 лет были созданы «Записки из Мертвого дома», «Скверный анекдот», «Униженные и оскорбленные», «Зимние заметки о летних впечатлениях», «Записки из подполья», «Крокодил. Необыкновенное событие, или Пассаж в Пассаже», «Преступление и наказание», «Игрок», «Идиот». В письмах к А. Н. Майкову, М. Н. Каткову, Н. А. Любимову, А. А. Краевскому и другим содержатся ценнейшие подробности, касающиеся творческой истории этих произведений, а также множество упоминаний о других замыслах писателя. Среди них — романы «Атеизм», «Пьяненькие», статья «Знакомство мое с Белинским» и др.

В жизни Достоевского 1860—1868 гг. ознаменованы рядом исключительных событий. Так, 1860 г. — это не только год возвращения его в Петербург после десятилетнего отсутствия («Петербург страшно тосклив и скучен, но все-таки в нем теперь всё, что живет у нас сознательно» — письмо 183), но и начало новой полосы биографии: писатель стремительно входит в столичную литературную жизнь, в первые же полгода он вырабатывает программу и позицию журнала «Время» (не случайно многие современники считали именно его редактором этого журнала. Н. В. Шелгунов, например, перечисляя журналы 1860-х гг., так и пишет: «. . . „Эпоха“

Достоевского, сменившая его же „Время"...»),[1] становится активнейшим деятелем недавно образованного Литературного фонда, принимает участие в многочисленных литературных чтениях, вечерах и спектаклях. В 1862 г. он совершает первую поездку за границу, позволившую ему лично ознакомиться с жизнью Германии, Франции и Англии и сыгравшую огромную роль в становлении системы исторических и политических взглядов писателя. В начале 1860-х гг. Достоевский возобновляет старые литературные знакомства и вступает в новые деловые и дружеские контакты («Ведь я знаю сам, что мне нужно мало, и даже знаю, что именно нужно — *хороших людей*» — письмо 183). На литературных вторниках своего прежнего приятеля А. П. Милюкова он теперь, по замечанию Н. Н. Страхова, «первенствовал не только по своей известности, но и по обилию мыслей и горячности, с которою их высказывал» (*Биография*, отд. I, стр. 172). И разумеется, так же первенствовал он и на собственных «субботах»,[2] проводившихся в доме М. М. Достоевского и сменивших «вторники» Милюкова. По словам Н. Ф. Бунакова, это был «пророк кружка, перед которым все преклонялись».[3]

Из писем 1861—1865 гг. вырисовывается еще одна важнейшая сторона биографии Достоевского: его обширная деятельность в качестве журналиста и публициста во «Времени» и «Эпохе», а с июля 1864 г. — единоличного редактора журнала «Эпоха». Из писем этого периода видно, сколько усилий было потрачено писателем на обреченный заранее (из-за недостатка средств) журнал (в письме к И. С. Тургеневу от 14 декабря 1864 г. Достоевский писал: «Никогда я еще не был в такой каторге, как теперь» (письмо 247)).

В письмах 1860—1868 гг. нашли отражение почти все главные моменты личной судьбы писателя: сложные обстоятельства семейной жизни с первой женой М. Д. Достоевской, ее долгая, изнурительная болезнь и смерть (жена упоминается в письмах только как больной человек, требующий ухода и забот); период страстного увлечения А. П. Сусловой; эпизод знакомства с А. В. Корвин-Круковской. Лейтмотив многих писем до 1867 г. — неудовлетворенность жизнью одинокого человека («...Вы, по крайней мере, счастливы в семействе, — писал Достоевский А. Е. Врангелю, — а мне отказала судьба в этом великом и *единственном* человеческом счастье» — письмо 273). В письмах конца 1866—1868 гг. отражен еще один этап жизни писателя — обстоятельства знакомства и работы со стенографисткой А. Г. Сниткиной и женитьба на ней, рождение и смерть первого ребенка и ожидание нового отцовства.

Большое место занимают в письмах вопросы материального порядка: глубокая нужда после падения журнала «Эпоха», усугубленная взятой на себя обязанностью содержать требовательного и часто неблагодарного пасынка П. А. Исаева и семью умершего в 1864 г. брата М. М. Достоевского, вдова и дети которого считали Достоевского виновным в своем разорении. Неуклонно развивавшаяся болезнь (эпилепсия), изнуряющие долги, невозможность хоть на время, необходимое для работы, скрыться от кредиторов, и наконец, реальная угроза попасть в Тарасов дом (долговую тюрьму) вынудили писателя в начале 1867 г. уехать с А. Г. Достоевской за границу. Но затянувшаяся жизнь за границей вынуждала писателя постоянно

---

[1] Н. В. Шелгунов. Из прошлого и настоящего. — В кн.: Штурманы будущей бури. Л., 1983, стр. 135.

[2] Н. М. Достоевский, рассказывая А. М. Достоевскому о музыкальных успехах Ф. М. Достоевского (младшего) и М. М. Достоевской, писал 18 ноября 1862 г.: «Эти-то дарования детей доставили брату (М. М. Достоевскому, — *Ред.*) знакомство со многими известными талантами, так что чуть не каждую неделю составляются у брата трио, квартеты <...>, кроме обязательных литературных вечеров по субботам, где собираются тоже тузы в своем роде» (*ЛН*, т. 86, стр. 387).

[3] Н. Ф. Бунаков. Записки. СПб., 1909, стр. 50.

обращаться с денежными просьбами к М. Н. Каткову, печатавшему в это время роман «Идиот». Предпринятая как кратковременное путешествие, заграничная поездка затянулась на три года. В эти годы письма друзей — А. Н. Майкова, Н. Н. Страхова, С. А. Ивановой оказались единственным звеном, связывавшим писателя с Россией. И потому лейтмотивом заграничных писем Достоевского является издавна волновавшая его проблема отношений России и Запада. Он делится с корреспондентами своими размышлениями об историческом пути развития России, о западниках и славянофилах, о либералах и «нигилистах» (российских и заграничных), о «верхнем слое» и «почве». В этих письмах нередки несправедливые, гневные, резко полемические оценки Белинского, Тургенева, Чернышевского, круга журнала «Современник», «нигилистической» молодежи, объясняющиеся недоверием как к либерально-дворянскому «западничеству», так и к освободительному движению 1860-х гг. (подробнее см.: Г. М. Фридлендер. Письма Достоевского. — Наст. изд., т. XXVIII$_1$, стр. 12—13). Тоска по России (см. в письме к С. А. Ивановой: «Писателю же особенно ‹...› невозможно заживаться. В нашем ремесле, н‹а›пример, первое дело действительность, ну а здесь действительность швейцарская» — письмо 322) обострила и без того отрицательное отношение Достоевского к современной европейской буржуазии, что сказалось на отдельных, чрезвычайно резких, подчас открыто субъективных оценках в ряде писем французов, немцев, швейцарцев.

Письма настоящего тома адресованы почти к шестидесяти лицам. Это писатели, поэты, артисты, издатели, журнальные служащие, близкие, друзья, родственники, кредиторы. Среди писем есть и откровенные письма-исповеди (А. Е. Врангелю, М. М. Достоевскому, А. Н. Майкову, Н. П. и А. П. Сусловым, А. Г. Достоевской), и дружеские послания (А. И. Шуберт, С. А. Ивановой, А. В. Корвин-Круковской), и письма, содержащие рассказы о творческих замыслах и текущей работе (Н. Н. Страхову, А. Н. Майкову, М. Н. Каткову), «нравоучительные» послания (П. А. Исаеву) и т. п.

За содействие в получении микрофильма с копиями писем Достоевского к И. С. Тургеневу редакция выражает благодарность проф. Ж. Катто (Париж, Сорбонна).

Тексты писем подготовили и примечания к ним составили: А. И. Батюто (195—230, 231 (примечания), 232—235, 237—252, 254 (примечания), 255, 256 (примечания), 257—263, 266, 269—272, 274—276, 278—286, 290 (примечания), 291—294; Офиц. письма и делов. бумаги, № 14; Другие редакции, 249$_1$, 253$_1$); П. В. Бекедин (231 (текст), 256 (текст), 276 (примечания совместно с А. И. Батюто), 290 (текст), 341 (примечания совместно с Т. И. Орнатской)); Г. Л. Боград (254 (текст)); Т. И. Орнатская (177, 236, 253, 264—265, 267—268, 273, 277, 287, 295—358; Офиц. письма и делов. бумаги, №№ 15, 16; Другие редакции, 236$_1$, 236$_2$; Приложение); И. Д. Якубович (172—176, 178—194; Офиц. письма и делов. бумаги, №№ 11—13; Коллективное, 1—7); Список несохранившихся и ненайденных писем подготовили И. А. Битюгова (1860—1866 гг.) и Т. И. Орнатская (1867—1868 гг.).

Перевод на русский язык трех писем к С. Д. Яновскому, печатаемых в обратном переводе с французского перевода Ж. Легра (№№ 321а, 325а, 336а) выполнен Н. Л. Сухачевым и отредактирован П. Р. Заборовым и Г. М. Фридлендером.

Аннотированный указатель имен и указатель произведений Достоевского подготовлен Т. И. Орнатской и И. Д. Якубович при участии других составителей обеих частей тома.

Указатель мест пребывания Достоевского с 14 марта 1860 по 12 (24) декабря 1868 г. составлен Т. И. Орнатской.

Редактор тома — Т. И. Орнатская. Ею же написана вступительная заметка к примечаниям.

В редакционно-технической подготовке тома к печати принимал участие П. В. Бекедин.

172. А. И. ШУБЕРТ (стр. 7)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.47.
Впервые опубликовано (не полностью): *РС*, 1883, № 9, стр. 648—649; полностью — *Д, Письма*, т. I, стр. 291—292.

[1] Шуберт вспоминала позднее о своем переезде в Москву: «Меня манило на московскую сцену то, что там серьезно относятся к своему делу ‹...› особенно поддерживал Ф. М. Достоевский ‹...› Играла с успехом, принимали хорошо» (*Шуберт*, стр. CXXIV, CXXX. См. также: Н. Г. Зограф. Малый театр второй половины XIX века. М., 1960, стр. 217). 3 октября 1860 г. состоялся бенефис актрисы (см.: Малый театр. 1824—1974. М., 1978, стр. 615).

[2] Это письмо Достоевского к А. Н. Плещееву неизвестно. Актриса часто бывала в семье Плещеева (см.: *Шуберт*, стр. CXXXI). В № 14 «Московского вестника» от 15 апреля 1860 г. появилась «Театральная заметка» Плещеева (за подписью А. П.): «В понедельник 11 апреля, — сообщалось здесь, — явилась перед здешней публикой, на сцене Малого театра, петербургская артистка А. И. Шуберт. Москва давно ее знала, она начинала здесь свое поприще ‹...› Шуберт была прекрасна ‹...› высказала столько теплого чувства, в интонации ее было столько задушевности, искренности, а движения были так мягки, грациозны и милы, что она вызвала самые единодушные рукоплескания» (стр. 227—228).

[3] Речь идет о М. М. Достоевском.

[4] «Святая» или пасхальная неделя приходилась в 1860 г. на 7—14 апреля.

[5] Достоевский мог видеть актрису 17 апреля в комедии Мольера «Школа женщин» и 20 апреля в водевиле «Любовь по приказу, или Первые опыты кокетства» (переделка с французского А. А. Тальцевой. — См.: *МВед*, 1860, 20 апреля, № 87).

[6] Вероятно, этот «большой» портрет А. И. Шуберт воспроизведен в кн.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 124—125.

[7] Об этом случае актриса писала: «Перед отъездом я потихоньку от мужа заняла в дирекции (театров, — *Ред.*) 300 р. на год с выплатой по 25 р. в месяц, но и до дома их не довезла: должно быть, выронила их в санях» (*Шуберт*, стр. CXXVIII).

[8] Вспоминая позднее об этом обещании, Шуберт писала: «Просила Дружинина переделать „Поленьку Сакс“, он не брался, говорил Достоевский о „Неточке Незвановой“...» (*Шуберт*, стр. CXXIV). Своего намерения Достоевский не выполнил.

173. А. И. ШУБЕРТ (стр. 8)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.47.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 292—294.

[1] См. примеч. 1 к письму 172.

[2] Об отношениях Шуберт с семьей А. Н. Плещеева и ее выступлениях на московской сцене см. примеч. 1, 2 к письму 172.

[3] Т. е. к М. М. Достоевскому.

[4] Речь идет о только что начавшейся работе над «Униженными и оскорбленными» (подобнее см. наст. изд., т. III, стр. 521—522).

[5] Возможно, что Шуберт просила Достоевского написать ей о Писемском (о ее взаимоотношениях с ним см. в письме 174 и примеч. 10 к нему).

[6] А. П. Сниткин к 1860 г. все еще считался начинающим литератором, хотя печататься начал в 1856 г. По воспоминаниям П. И. Вейнберга, непосредственной причиной смерти явился факт участия Сниткина в «Ревизоре» — знаменитом спектакле 14 апреля 1860 г. Как известно,

Достоевский играл в нем роль почтмейстера Шпекина, а роль «квартального, — пишет Вейнберг, — соглашается играть только что начинающий литератор Сниткин, приобревший себе некоторую известность в легкой юмористической прессе под псевдонимом Аммоса Шишкина (и увы! умерший жертвою этого спектакля, потому что простудился на нем и схватил горячку)» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 332). Сниткин умер в Максимилиановской больнице для бедных, «куда его положила заботливая рука Общества вспоможения бедным литераторам. Общество не могло возвратить его к жизни, но оно извлекло его из омута самой страшной бедности и дало ему возможность умереть, не проклиная русской журналистики, которой он посвятил все свои труды», — писал Л. П. Блюммер (Книжный вестник, 1861, № 3, стр. 41—43). В связи с болезнью и смертью Сниткина его мать Н. Сниткина получила в 1860 г. пособие от Литературного фонда (см.: *ГПБ*, ф. 438, № 8, лл. 47—48, 56).

[7] О горячем дружеском отношении Достоевского к В. В. Крестовскому свидетельствует и А. П. Милюков, в доме которого собирались сотрудники журнала «Светоч»; здесь же, сразу по возвращении в Петербург, стал часто бывать и Достоевский. «Между прочим, постоянным моим посетителем был ‹...› Крестовский, тогда только что оставивший университет и начинавший свою деятельность лирическими стихотворениями, замечательными по свежести мысли и изяществу формы, — пишет Милюков. — Однажды он в присутствии Достоевского прочел небольшую пьесу „Солимская гетера" ‹...› Федор Михайлович, выслушав это стихотворение, отнесся к автору с самым теплым сочувствием и после того не раз просил Крестовского повторять его. Еще с большим участием любил он слушать его поэтические эскизы, связанные в одну небольшую лирическую поэму, под общим названием „Весенние ночи". Стихотворения эти так нравились ему, что некоторые эпизоды он удержал в памяти. Однажды, когда В. В. Крестовский почему-то не был на моем обычном вечере, Достоевский за ужином сам продекламировал отрывок из его „Ночей" ...» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 325).

[8] Речь идет о выработке программы ежемесячного журнала (вместо разрешенного еще в 1858 г. еженедельника), прошение об издании которого было подано М. М. Достоевским 18 июня 1860 г. в Цензурный комитет (о предыстории журнала «Время» см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 203—208, 229—230, а также: *Нечаева*, *«Время»*, стр. 36—40).

[9] А. Е. Мартынов был партнером Шуберт во время ее бенефиса в 1858 г. Актриса очень тепло вспоминает о нем (см.: *Шуберт*, стр. XL—XLV, CCXXII).

[10] Речь идет о старшем сыне Шуберт от первого брака М. М. Шуберте.

174. А. И. ШУБЕРТ (стр. 11)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.47.
Впервые опубликовано: *Д*, *Письма*, т. I, стр. 294—299.

[1] Письма Шуберт к Достоевскому неизвестны.

[2] Летом 1860 г. Яновский, получив место в Москве, переехал туда со своими сыновьями и поселился вместе с Шуберт (*ГЛМ*, Н-в 1352/1—3).

[3] О поездке Достоевского в Москву (вместе с М. М. Достоевским) см. в письме 173.

[4] Речь идет о Царском Селе (ныне г. Пушкин).

[5] Летом в Павловском вокзале по вечерам давались музыкальные концерты. Один из таких концертов посещают герои романа «Идиот» (см. описание публики, собравшейся «на музыку» — наст. изд., т. VIII, стр. 286).

[6] У Шуберт было трое сыновей от первого брака и трое детей от С. Д. Яновского.

[7] Хотя Шуберт вспоминает, что ее муж был переведен на службу в Москву лишь в 1862 г. (*Шуберт*, стр. CXXXIV—CXXXV), из послужного списка Яновского следует, что он получил летом 1860 г. в Москве место «лекаря пехотной части», что с 13 июля по 14 ноября 1860 г. он был в длительной командировке «для осмотра военных госпиталей в Казани и Оренбурге», а в 1861 г. назначен штаб-доктором резервов армейской пехоты. В отставку Яновский вышел в 1869 г. (*ГЛМ*, Н-в 1352/1—3).

[8] Актриса петербургского Александринского театра В. В. Самойлова 2-я в 1853 г. вышла замуж за гвардейского офицера А. М. Мичурина. По тогдашним правилам жены офицеров не могли быть актрисами, а на отставку Мичурина не дал согласия Николай I. Царь дал актрисе 3 тысячи рублей на приданое, но «допустил лучше лишить театр такой даровитейшей представительницы, чем взять из строя хорошего служаку или сохранить на сцене жену гвардейского офицера» (см.: В. А. Крылов. Сестры Самойловы. — *ИВ*, 1898, № 2, стр. 532). В. В. Самойлова вынуждена была оставить театр, но часто выступала в благотворительных спектаклях и давала уроки сценического искусства в Петербургском театральном училище (см. там же).

[9] По брачному законодательству супруги обязаны были жить вместе. Но обязанность эта зависела, однако, от воли мужа, который мог разрешить или не разрешить жене жить отдельно.

[10] В 1860-х гг., несмотря на запрещение Яновского, Шуберт часто бывала в доме А. Ф. Писемского. Позднее она писала об этом: «...задумала я опять на сцену, сказала мужу, он и руками и ногами ‹...› Пошла я со своим горем к Писемским. Я к ним потихоньку хаживала, хотя официальное знакомство не прекращалось: при встречах муж отговаривался множеством дел» (*Шуберт*, стр. CXIX).

[11] С. Д. Яновский писал А. У. Порецкому о Шуберт, что «она принадлежит к числу тех особ, которые, при репутации совсем умных и развитых, в то же время совсем подчиняется вожатым», и отмечал, что «всего сильнее» на нее влияют «мысли и резонерство Фед‹ора› Мих‹айловича›» (письмо от 21 августа 1861 г. — Музей-квартира Ф. М. Достоевского (Ленинград), ф. 2, оп. 1, № 32. ГИК 601).

[12] Почти этими же словами писал об отношениях Шуберт с мужем и А. Н. Плещеев в письме к Достоевскому от 25 марта 1860 г. «Я думаю, жить с Яновским скука мучинская, слушать всю жизнь одни фразы — ведь это всё равно что если бы кого-нибудь осудили всю жизнь не есть ничего, кроме клубничного варенья!» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 453). После переезда Яновского летом 1860 г. в Москву супруги прожили вместе три года; окончательно разошлись они летом 1863 г. (*ГЛМ*, Н-в 1352/1—3).

[13] Вероятно, речь идет о только что вышедшей статье М. Л. Михайлова «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе» (*С*, 1860, № 4, стр. 473—500; № 5, стр. 89—106).

175. А. П. МИЛЮКОВУ (стр. 15)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 179, № 10280.
Впервые опубликовано: *Сб. Достоевский*, I, стр. 387.

[1] Речь идет о крестинах сына Милюкова, которые должны были происходить в Павловске, где Милюковы жили на даче (см.: *Милюков*, стр. 246). Здесь же проводила лето семья М. М. Достоевского.

[2] Достоевский начал писать роман «Униженные и оскорбленные» (см. наст. изд., т. III, стр. 521—522).

176. М. А. ЗАГУЛЯЕВУ (стр. 16)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 213, I.36, л. 14.

Впервые опубликовано: *Д*, *Письма*, т. IV, стр. 325.

Датируется январем 1861 г. по содержанию. Достоевский интересуется очерками И. С. Генслера «Гаваньские чиновники в домашнем быту, или Галерная Гавань во всякое время дня и года (Пейзаж и жанр)», напечатанными в журнале «Библиотека для чтения» (1860, №№ 11, 12). Этот интерес связан с публикацией в февральском номере «Времени» (1861, № 2, стр. 139—150) рецензии на сочинение Генслера, возможно, принадлежащей Достоевскому (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 145).

177. Я. П. ПОЛОНСКОМУ (стр. 16)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 241, № 12065.

Впервые опубликовано: *Сб. Достоевский, I*, стр. 457.

Датируется 1861 г., так как проставленную Достоевским в конце записки дату, прочтенную в первой и второй публикациях ошибочно как «8 апреля» (второй раз письмо печаталось в изд.: *Из архива Достоевского*, стр. 82), а в третьей (*Д*, *Письма*, т. IV, стр. 327) как «18 апреля», следует читать как «15 апреля». В этом случае письмо относится к самому началу знакомства Достоевского с Полонским, когда их встречи были наиболее частыми, а отношения самыми близкими (по сравнению с теми, что сложились позднее). Датировка подтверждается тем, что записка написана на таком же точно листке бумаги, как и другое письмо Достоевского к Полонскому, написанное 31 июля 1861 г. (см. письмо 182). Более поздние годы, в которые суббота приходилась на 15 апреля (1867, 1872 и 1878), исключаются по причинам пребывания то Достоевского, то Полонского за границей; исключается и в принципе возможное (графически) прочтение даты как «18 апреля» на следующих основаниях: суббота 18 апреля приходилась на 1864 и 1870 гг. Записка не может датироваться 1864 г., потому что 18 апреля, в субботу, Достоевский хоронил первую жену; в апреле 1870 г. он был за границей.

178—180. В РЕДАКЦИИ «СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ», «СЫНА ОТЕЧЕСТВА» И «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» (стр. 16)

Печатается по тексту первой публикации: *СП*, 1861, 6 мая, № 100 (текст всех трех писем одинаков за исключением разночтений, приведенных в тексте письма под строкой).

[1] Достоевский приводит полностью объявление газеты «Русский мир» (1861, 3 мая, № 33, стр. 581), в которой с сентября 1860 г. начали публиковаться «Записки из Мертвого дома» (1860, 1 сентября, № 67). В январе 1861 г. в газете были напечатаны вторая, третья и четвертая главы (4, 11 и 25 января, №№ 1, 3, 7). На этом публикация прекратилась, несмотря на помету «Продолжение следует» (*РМ*, 25 января, № 7). Достоевский продолжал печатание «Записок» в журнале «Время». Перепечатав в апрельской книжке первые четыре главы, он сопроводил их примечанием, что продолжение публикации последует здесь же (см. наст. изд., т. IV, стр. 277). Реакцией на это примечание и было цитируемое Достоевским объявление «Русского мира». В декабре 1861 г., выполняя обещание познакомить своих читателей с продолжением «Записок», «Русский мир» поместил следующую «Библиографическую заметку»: «В январе этого года в „Русском мире“ напечатаны были первые четыре главы „Записок из Мертвого дома“ Ф. М. Достоевского; продолжение их появилось затем в журнале „Время“, в IX, X и XI книжках. Кроме интереса, возбуждаемого этими „Записками“, изображающими до мельчайших под-

робностей и с редкой наблюдательностью быт и обстановку той среды, которая была до сих пор вовсе неизвестна, — мы обязаны познакомить наших читателей с содержанием всей первой части „Записок“, окончившейся в ноябрьской книжке, и потому, что обещали сделать это, когда в журнале „Время“, при перепечатке глав, помещенных в „Русском мире“, сказано было, что продолжение „Записок“ будет помещено в этом, а не в нашем журнале». Далее следуют довольно значительные отрывки из «Записок», изложение отдельных эпизодов, сопровождаемые связками, сделанными редакцией. Заметка оканчивается оценкой первой части книги: «Едва ли последующие части „Записок“ будут столь же интересны, сколько напечатанные уже главы; но во всяком случае публика вправе ждать от автора не одного описания, а также и каких-либо серьезных заключений об избранном им предмете ‹...› кроме художественного достоинства, статья г-на Достоевского „Записки из Мертвого дома“ есть *новое слово* в нашей литературе» (*РМ*, 1861, 31 декабря, № 102).

181. Ф. Н. БЕРГУ (стр. 17)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 262, № 3.

Впервые опубликовано: *Д*, *Письма*, т. IV, стр. 268—269, с ошибкой в дате (*вместо:* июля — *напечатано:* июня).

Ответ на письмо Берга от 8 июля 1861 г. (*Материалы и исследования*, т. V, стр. 246—248). Берг ответил 20 июля (там же, стр. 249—250).

[1] Письмо Берга от 8 июля 1861 г. было вызвано следующим обстоятельством: П. А. Кусков передал Бергу резкий отзыв Достоевского о его статье для «Времени». В письме, в частности, Берг следующим образом разъясняет непонятое Достоевским положение статьи: «Там стоит: „*не может пустой фат, унижающий и оскорбляющий, быть поэтом «Униженных и оскорбленных»*“. Но, Федор Михайлович, Вы же ведь и написали „Униженных и оскорбленных“, значит, нечего толковать о том, что *можно*, когда уже это *есть* на деле. Виновато проклятое неуменье выражаться» (стр. 246—247).

[2] В письме от 8 июля Берг писал Достоевскому: «Что касается книги Наума, она попалась мне случайно и уж я совсем не знал, что ее писал кн. Одоевский, кот‹орого› я очень уважаю и многие сочинения его люблю. Мнение мое вызвано не лицом, а книгой» (стр. 247). В 1843—1867 гг. В. Ф. Одоевский, будучи редактором журнала «Сельское обозрение», выпустил вместе с А. П. Заблоцким-Десятовским четыре книги «Сельского чтения». В одной из них имеется статья «Что крестьянин Наум твердил своим детям, наставляя их на добро». Явившись перед читателями в образе умного бывалого крестьянина Наума, любящего давать наставления, Одоевский как бы продолжил восхитившую его в свое время написанную М. А. Максимовичем «Книгу Наума о великом божьем мире» (1834).

[3] Статья Берга напечатана не была.

[4] Строка из стихотворения А. С. Пушкина «Поэт и толпа» (1828).

[5] На эти слова Берг отвечал 20 июля 1861 г.: «Насчет же стихотворения я не понял, зачем Вы хотите изменить. Мне кажется — именно этот стих выражает что следует. Заметьте, Пушкин говорит: Молчи..., т. е. негодует, зачем народ говорит, и говорит в смысле *толпы* вообще, а не простолюдинов. А мой *лукавый раб* сообщает, что вот, мол, народ гадкий не может даже революции произвести, молчит» (стр. 250). Достоевский согласился с Бергом, и стихотворение это, озаглавленное «Ты их ведь знал», было напечатано без изменений (*Вр*, 1861, № 7, стр. 315—316).

182. Я. П. ПОЛОНСКОМУ (стр. 19)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 241, № 12065.
Впервые опубликовано: *Сб. Достоевский, I*, стр. 453—456.
Полонский ответил 17 (29) августа 1861 г. (*Из архива Достоевского*, стр. 69—71).

[1] Достоевский работал в это время над окончанием романа «Униженные и оскорбленные» для июльской книжки «Времени», а также над заключительными главами первой части «Записок из Мертвого дома» и над «Рядом статей о русской литературе».

[2] Эти письма неизвестны.

[3] В ответном письме Полонский, лечившийся на австрийском курорте Теплице, писал Достоевскому: «В Италию поехал бы с удовольствием — но... цепь не пускает — я прикован за ногу к Австрии — нога меня удерживает не только от дальних путешествий, но даже от прогулок по окрестностям» (стр. 70).

[4] «Готические» романы А. Радклиф пользовались большой популярностью в России (здесь под ее именем был издан ряд литературных подделок). Действие в них происходило обычно в средневековых замках, изобиловало таинственными встречами, нападениями разбойников, что создавало атмосферу «ужасного» и «загадочного» («Видения в Пиренейском замке». М., 1802; «Живой мертвец». М., 1816; «Итальянец». М., 1802—1804; «Лес, или Сен-Клерское аббатство». М., 1801; «Монастырь св. Катерины». Орел, 1815, и др.). Герои романов — или злодеи с сильной волей и безудержными страстями (Фридрих, барон Дорнгейм), или благородные, мужественные люди (Альфонс и Родольф — романы «Полночный колокол, или Таинства Когенбургского замка». М., 1802 и «Пещера смерти в дремучем лесу». М., 1806); героини же — это обычно невинно страдающие Эмилии («Удольфские тайны». М., 1804), прекрасные Шарлотты («Гробница». М., 1802) или мечтающие с лютней при луне Юлии («Юлия, или Подземелье Мандзини». М., 1819). В «Зимних заметках о летних впечатлениях» Достоевский писал: «За границей я не был ни разу; рвался я туда чуть не с моего первого детства, еще тогда, когда в долгие зимние вечера, за неумением грамоте, слушал я разиня рот и замирая от восторга и ужаса, как родители читали на сон грядущий романы Радклиф, от которых я потом бредил во сне и лихорадке» (см. наст. изд., т. V, стр. 46). Роман «Удольфские тайны» (1794) упомянут писателем в «Братьях Карамазовых» (см. наст. изд., т. XV, стр. 158; см. также: Л. П. Гроссман. 1) Поэтика Достоевского. М., 1925, стр. 21—35; 2) Достоевский-художник. — *Творчество Достоевского*, стр. 372).

[5] Начатая далее и зачеркнутая фраза «бежать хотел в Швей‹царию›» — строка из юмористического стихотворения Н. А. Некрасова «Говорун. Записки петербургского жителя А. Ф. Белопяткина» (1843—1845). Ее же в сходном контексте писатель привел в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (см. наст. изд., т. V, стр. 51).

[6] Полонский отвечал Достоевскому: «Вы стремитесь в Италию. Думаете, что раньше старости Вам и не путешествовать! Поверьте, что для того, чтобы ехать в наше время за границу — нужно только захотеть — ибо жизнь за границей, может быть, гораздо дешевле петербургской жизни ‹...› Оканчивайте Ваши „Записки о Мертвом доме“. Его можно будет продать и взять хорошие деньги — и тогда берите Вашу жену и поезжайте проветриваться...» (стр. 70). Милюков, вспоминая о стремлении Достоевского по возвращении с каторги совершить путешествие за границу, писал: «... но это было затруднительно, так как он состоял под надзором полиции и Третье отделение не разрешало выдачи ему паспорта» (*Милюков*, стр. 223).

[7] Во «Времени» печатался «роман в стихах» Полонского «Свежее преданье» (*Вр*, 1861, № 6, стр. 393—432).

[8] О незаконченности романа было косвенно объявлено в предыдущем, майском номере «Времени» (см. наст. изд., т. XIX, стр. 213).

[9] Д. Д. Минаев в «Дневнике Темного человека» язвительно отозвался о романе (*РСл*, 1861, № 7, стр. 16—22). Подробный перечень критических отзывов о «Свежем предании» см. в наст. изд., т. XIX, стр. 351—352.

[10] В 1861—1862 гг. Н. С. Курочкин (брат редактора «Искры» В. С. Курочкина) отредактировал лишь несколько номеров еженедельника (№№ 183—206); официальным редактором «Иллюстрации» он стал с 1865 г.

[11] Строка из второй главы романа «Свежее преданье». Полонский в письме к Достоевскому подробно рассказывает, «по какому поводу ‹...› пустил в ход эту „блоху“ и почему это выражение так врезалось в его памяти» (стр. 71).

[12] Полонский отвечал Достоевскому: «Брат Ваш нехорошо сделал, что объявил о продолжении моего романа в сентябре (как можно так положительно и решительно располагать вдохновением. Если б даже я и обещал наверное) ‹...› Конечно, очень может статься, что 4 глава к сентябрю будет готова — но... печатать одну главу — не стоит, надо побольше захватить действия, чтобы заинтересовать читателей, или, как Вы говорите, поставить мой роман перед публикой крепко и самостоятельно» (стр. 72). Четвертая глава романа была помещена в пятой книжке «Времени», пятая же — лишь в январской за 1862 г. Роман остался незаконченным (позднее Полонский изложил план его предполагавшегося окончания. См.: Я. П. Полонский. Полн. собр. стихотворений. СПб., 1896, т. 3, стр. 447—450).

[13] «Униженные и оскорбленные» вышли отдельным изданием в типографии Эд. Праца в конце 1861 г.

[14] Имеются в виду статьи Н. Г. Чернышевского «Полемические красоты (Коллекция первая: Красоты, собранные из «Русского вестника»)» (*С*, 1861, № 6). Об отношении к ним Достоевского см. наст. изд., т. XIX, стр. 332—333).

[15] Подразумевается полемика с журналом М. Н. Каткова «Русский вестник», начатая Достоевским с третьего номера «Времени» за 1861 г. статьями «Образцы чистосердечия» и «„Свисток“ и „Русский вестник“» (см. наст. изд., т. XIX, стр. 91—116) и продолженная в майском и июльском номерах статьями «Ответ „Русскому вестнику“» и «Литературная истерика» (там же, стр. 119—138, 140—146). Характер полемики был обусловлен неприятием Достоевским общественно-литературной позиции катковского журнала (см. наст. изд., т. XIX, стр. 295—334).

[16] Вероятно, речь идет о Ф. М. Достоевском, племяннике писателя.

[17] Колтовская — дачная местность на окраине Петербургской стороны в районе Колтовской набережной (ныне наб. Адмирала Лазарева). Здесь Достоевский жил летом 1861 г. вместе с семьей М. М. Достоевского.

183. А. К. КАЛЛАШ (стр. 21)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 6, № 79.

Впервые опубликовано: *ИВ*, 1909, № 5, стр. 593—595, с ошибкой в фамилии адресата: А. К. Каллаш в это время еще не была замужем за Коломийцевым (ошибка повторена в изд.: *Д, Письма,* т. I, стр. 304).

[1] Это письмо неизвестно.

[2] А. У. Порецкий был мужем сестры Каллаш.

[3] О поездке Достоевского в Москву см. в письме 173.

[4] См. примеч. 17 к письму 182.

[5] По всей вероятности, речь идет об упомянутой выше поездке в Москву и о встрече в одном вагоне с семьей Порецких, отправлявшихся на лето в свое имение в Тверской губернии под Кашином. Позднее сын Каллаш А. Коломийцев, публикуя комментируемое письмо Достоевского, писал: «Находясь в гостях у своей сестры, моя мать познакомилась впер-

вые с Ф. М. и даже одно время помогала Порецкому в корректуре, так что некоторые из произведений Ф. М., как например „Униженные и оскорбленные", были прочитаны ею еще в рукописи ‹...› О ее занятиях корректурою его сочинений Ф. М. конечно знал, и бывало, что, просматривая рукописи Ф. М., моя мать делала иногда даже замечания ему за его очень неразборчивый почерк и помарки. Когда летом 1861 года она опять уехала из Петербурга в имение, то у Достоевского завязалась с нею переписка» (*ИВ*, 1909, № 5, стр. 593).

184. А. Н. ОСТРОВСКОМУ (стр. 23)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. III, оп. 2, № 1099.

Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1916, № 10, стр. 55—56.

Ответ на письмо Островского (без даты), сопровождавшее присылку пьесы (*Островский*, т. XI, стр. 133).

[1] Речь идет о присланной Островским в журнал «Время» третьей комедии из трилогии о Бальзаминове «За чем пойдешь, то и найдешь» («Женитьба Бальзаминова») (*Вр*, 1861, № 9, стр. 5—49).

[2] Островский просил Достоевского высказать мнение о пьесе именно «совершенно искренно и бесцеремонно».

[3] Драматург просил о скорейшей высылке гонорара за пьесу и выражал пожелание «получше смотреть корректуры» в редакции.

[4] Островский писал в постскриптуме: «Я еще задумал для Вас пьесу, только не торопите». Вероятно, речь идет о драме «Грех да беда на кого не живет», опубликованной в № 1 журнала «Время» за 1863 г. (*Островский*, т. XI, стр. 134).

[5] Кого именно из корректоров имеет в виду Достоевский, неясно. Но возможно, что речь идет об А. И. Баканине (см.: *Нечаева*, *«Эпоха»*, стр. 266).

[6] Речь идет о письме Я. П. Полонского от 17 (29) августа (см. примеч. к письму 182).

[7] Об отношении читателей к роману Полонского «Свежее преданье» см. в письме 182.

185. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 24)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 387.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 138—140.

[1] А. М. Достоевский с семьей жил в это время в Екатеринославе.

[2] В «Отношении» товарища министра внутренних дел о разрешении Достоевскому выезда за границу говорится о необходимости для него пользоваться гастейнскими водами и морскими купаниями в Биаррице (Франция; см.: *Гроссман*, *Жизнь и труды*, стр. 112).

[3] Речь идет о встрече 23 апреля 1849 г. в здании III отделения, куда были под утро доставлены лица, арестованные по делу Петрашевского.

[4] История ошибочного ареста А. М. Достоевского (вместо Михаила Михайловича) описана им в воспоминаниях (см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 189—208). Поясняя данные строки, он писал здесь: «...я вовсе не играл роли брата Михаила и вовсе не знал об ошибочном аресте» (там же, стр. 290—291).

[5] Письма А. М. и Д. И. Достоевских неизвестны (см. ответные письма Достоевского от 6 ноября 1854 г. — наст. изд., т. XXVIII_1, №№ 93, 94).

[6] Речь идет о П. А. Исаеве.

[7] В семье Достоевских было три сестры: Варвара, Вера и Александра.

[8] Сам Н. М. Достоевский писал позднее об этом времени сестре В. М. Ивановой (письмо не датировано): «...61 и 62-й годы были весьма

счастливы для меня. Я был обставлен как нельзя лучше: держал собственный экипаж, имел много казенных и частных работ и всё шло как нельзя лучше» (см.: *Волоцкой,* стр. 350).

[9] Речь идет о М. П. Карениной

[10] О не имеющей оснований «сплетне», «пущенной» неким Краевским по поводу поведения А. М. Достоевского, якобы «предавшего своих братьев» при аресте в 1849 г., и о письме Г. П. Данилевского к последнему от 7 января 1862 г. см. в кн.: *Достоевский, А. М.*, стр. 283—291.

[11] Это письмо Д. И. Калиновского неизвестно.

[12] Далее приписка М. М. Достоевского: «И я, голубчик Андрюша, приписываю тебе одну строку, чтоб сказать тебе, что помню тебя и люблю по-прежнему.

Обнимаю тебя братски.

Твой М. Достоевский».

186. Н. Н. СТРАХОВУ (стр. 26)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 287, № 52.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 240—243.

Страхов ответил 10 июля ст. ст. 1862 г. (*ЛН*, т. 86, стр. 384).

[1] Озабоченность Достоевского объясняется неблагоприятными обстоятельствами, в которых оказался журнал «Время» из-за запрещения двух статей и общей обострившейся политической обстановки в стране (см.: *Нечаева, «Время»*, стр. 297—303). Страхов был одним из основных сотрудников редакции журнала.

[2] Это письмо Страхова неизвестно.

[3] Неполная цитата из XI главы I тома «Мертвых душ» Н. В. Гоголя; эти же слова были использованы В. Г. Белинским в письме Гоголю от 15 июля 1847 г. (*Белинский*, т. X, стр. 213).

[4] Об отношении Достоевского к Каткову и его журналу «Русский вестник» см. примеч. 15 к письму 182.

[5] Речь идет о путеводителе Г. Рейхарда «Passagier auf der Reise in Deutschland etc.», выдержавшего в течение 1805—1861 гг. 19 изданий.

[6] Публикуя позднее это письмо, Страхов заметил: «Тут разумеются „Минеральные воды“, загородное гулянье, устроенное Излером и долго бывшее единственным и модным» (*Биография*, отд. I, стр. 241).

[7] В письме от 18 июня 1862 г. М. М. Достоевский предлагал брату: «Да написал бы ты в Париже что-нибудь для „Времени“. Хотя бы письма из-за границы» (см.: *Д, Материалы и исследования*, стр. 535). Заграничные впечатления Достоевского отразились в написанных им по возвращении «Зимних заметках о летних впечатлениях».

[8] Достоевский встретился со Страховым 22 июля (4 августа) 1862 г. в Женеве (см.: *Сб. Достоевский, II*, стр. 179) и совершил вместе с ним путешествие в Италию (см.: *Биография*, отд. I, стр. 243—245); около недели друзья провели во Флоренции (см.: *Материалы и исследования*, т. IV, стр. 174—175; т. V, стр. 206; *ЛН*, т. 86, стр. 560—562).

[9] Слова из «Записок сумасшедшего» (1835) Н. В. Гоголя.

187. А. Д. ПУТЯТЕ (стр. 28)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 394.1.100.

Впервые опубликовано (как письмо к Неизвестному): *Сб. Достоевский, I*, стр. 389; перепечатано (с указанием адресата): *Д, Письма*, т. I, стр. 312.

Ответ на письмо Путяты от 8 октября 1862 г. (*Достоевский и его время*, стр. 254).

[1] А. Д. Путята обратился к Достоевскому с просьбой разрешить перепечатать отрывки из «Записок из Мертвого дома» в беллетристическом

отделе задуманной им совместно с Н. Г. Чернышевским серии книг «для чтения народа» (об этом издании см.: В. Лейкина-Свирская. Н. Г. Чернышевский и «Записки из Мертвого дома». — *РЛ*, 1962, № 1, стр. 212—215; см. также наст. изд., т. IV, стр. 296; т. XXI, стр. 394—395).

[2] Это письмо А. Ф. Базунова неизвестно.

[3] Договор о продаже Базунову права на издание «Записок из Мертвого дома» с обязательством Достоевского «в течение двух годов не возобновлять издания» см.: Офиц. письма и делов. бумаги. № 12.

[4] Через год одна из глав «Записок из Мертвого дома» — «Акулькин муж» вошла в составленный Путятой и изданный при поддержке кружка Н. А. Серно-Соловьевича «Сборник рассказов в прозе и стихах» (СПб., 1863; о судьбе названного сборника см.: наст. изд., т. IV, стр. 296—297).

188. Н. А. НЕКРАСОВУ (стр. 29)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.35.

Впервые опубликовано: «Русский современник», 1924, № 1, стр. 180—181.

Год устанавливается по содержанию: Достоевский отвечает на письмо Некрасова от 3 ноября 1862 г. (*Некрасов*, т. X, стр. 479—480).

[1] После закрытия «Современника» и ареста Чернышевского в 1862 г. Некрасов предполагал сотрудничать в журнале братьев Достоевских «Время» и обещал предоставить редакции два стихотворения. Но в связи с распространившимися слухами о его «измене» направлению «Современника» поэт отказался от своего намерения, следующим образом объяснив это Достоевскому: «...*теперь* мне неудобно появиться с моим именем в чужом журнале <...> Начнет выходить „Современник", дело разъяснится для публики, и тогда я исполню мое обещание» (стр. 480).

[2] «Современник» был приостановлен в июне 1862 г.; возобновить издание Некрасову удалось лишь в январе 1863 г.

[3] В 10-й книге «Времени» за 1861 г. было напечатано стихотворение «Крестьянские дети».

[4] Некрасов свое обещание выполнил. Во «Времени» (1863, № 1) был напечатан отрывок из поэмы «Мороз Красный нос» (главки I, II, VI и VII) под заглавием «Смерть Прокла».

189. А. П. МИЛЮКОВУ (стр. 30)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 608. I.4850.

Впервые опубликовано: «*Достоевский*». *Однодневная газета*, стр. 21.

[1] Впервые Достоевский прочел «Отверженных» Гюго летом 1862 г., живя во Флоренции. Страхов писал позднее: «Тогда только что вышел роман В. Гюго „Les misérables" и Федор Михайлович покупал его том за томом <...> тома три или четыре было прочитано в эту неделю» (*Биография*, отд. I, стр. 244). Роман Гюго, затрагивавший близкие Достоевскому социально-политические и нравственные вопросы, всегда оставался одним из любимых произведений писателя (см. также наст. изд., т. VII, стр. 344, 404—405; т. XVII, стр. 390; т. XX, стр. 274—277).

[2] Упоминаемая в этом письме статья (очевидно, неосуществленная) «во „Времени" не появилась — либо из-за последовавшего вскоре прекращения журнала, либо потому, что роман Гюго к тому времени был запрещен в России цензурой» (см.: Г. Фридлендер. Достоевский и мировая литература. М., 1985, стр. 184).

190. М. В. БЕЛИНСКОЙ (стр. 30)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 52.3.22.

Впервые опубликовано: «*РВед*» 1894, № 241, 1 сентября.

Ответ на письмо Белинской от 12 декабря ‹1862› г. (*Д*, *Письма*, т. I, стр. 559). Белинская ответила 17 февраля 1863 г. (*Гроссман*, *Жизнь и труды*, стр. 121).

[1] В своем письме Белинская выражала желание вновь увидеться с Достоевским после пятнадцатилетнего перерыва.

[2] В начале лета 1863 г. Достоевский перевозил в Москву больную жену (см. об этом в письме 195). Встречался ли он с Белинской, неизвестно. Белинская отвечала Достоевскому: «Но лето, мне кажется, еще так далеко, что я не могла удержаться, чтоб не написать Вам».

[3] Лето 1862 г. Достоевский провел за границей; пребывание же в семье В. М. Ивановой (во второй половине августа) в Люблине было очень кратким.

[4] Белинская писала, что ее дочь Ольга, которую Достоевский «носил на руках», теперь — его «усерднейшая» поклонница.

[5] Белинская в ответном письме сообщала: «Что Вы женаты и участвуете в журнале — я это знала, знала тоже, что здоровье Ваше всегда было плохо, и по тому, как сложилась жизнь Ваша, нельзя было ожидать, чтоб оно перешло в цветущее; но что Вы страдаете падучей болезнью — это для меня было неожиданной и очень горькой новостью — даже и этим не обошла Вас судьба — велики ее к Вам милости».

[6] Речь идет об А. В. Орловой.

[7] В мае—августе 1846 г. Белинская с сестрой и дочерью жили в Ревеле и по рекомендательному письму Достоевского познакомились с М. М. и Э. Ф. Достоевскими (см. наст. изд., т. XXVIII$_1$, письмо 59; см. также: *Белинский*, т. XII, стр. 287, 309, 542). 31 августа Достоевский, проводивший лето у брата, вместе с М. В. Белинской отправился пароходом в Петербург (см.: *Достоевский и его время*, стр. 283). В ответном письме Белинская передавала привет М. М. и Э. Ф. Достоевским и замечала: «... я с удовольствием вспоминаю время, проведенное в Ревеле, и никогда не забуду того дружеского радушия, с которым они меня принимали».

191. Н. М. ЩЕПКИНУ (стр. 31)

Печатается по черновику письма: *ГПБ*, ф. 438, № 12, л. 91. Беловой текст неизвестен.

Впервые опубликовано: *Д*, *Письма*, т. I, стр. 315.

Датируется на основании ответного письма Щепкина от 26 февраля 1863 г. (*ГПБ*, ф. 438, № 12, л. 117).

[1] 2 февраля 1863 г. на общем годичном собрании членов Литературного фонда Достоевский был избран секретарем Комитета общества, а 12 февраля принял у В. П. Гаевского дела и с этого времени вел журнал заседаний общества (см.: *Достоевский и Литературный фонд*, стр. 162—163).

[2] В письме к В. П. Гаевскому от 31 января Щепкин отказывался от обязанностей агента Общества в Москве в связи с закрытием его книжного магазина. На этом письме, зарегистрированном в книге документов Общества 1 февраля, помета рукой Ф. М. Достоевского: «Читано в Комитете общества в собрании 12 февраля 1863 г.».

[3] Щепкин отвечал: «Милостивый государь, Федор Михайлович! На письмо Ваше от 13-го февраля имею честь ответить, что по предложению Вашему собрать гг. московских членов для выбора агента Общества в настоящее время для меня совершенно неудобно. С моей же стороны я советовал бы Вам отнестись прямо с предложением быть агентом

К г-ну московскому книгопродавцу Александру Ильичу Глазунову как человеку известному и верному.

С истинным почтением имею честь быть Ваш покорный слуга

Н. Щепкин.

Февраль 26, 1863».

192. Б. И. УТИНУ (стр. 32)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2567, оп. 2, ед. хр. 275.

Впервые опубликовано: *Д*, *Письма*, т. I, стр. 314.

Ответ на письмо Утина (без даты), содержавшее просьбу о присылке отчетов Комитета литературного фонда за 1861 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.9.76).

193. Б. И. УТИНУ (стр. 32)

Печатается по тексту первой публикации: *Д*, *Письма*, т. I, стр. 315. Подлинник неизвестен.

[1] После нескольких месяцев учительствования на Украине П. П. Чубинский был сослан в Пинегу. М. И. Сухомлинов, знавший Чубинского еще по университету, ходатайствовал за начинающего ученого перед Литературным фондом. Он писал: «Получая в день 15 коп. на содержание и не имея решительно никаких средств для приобретения книг, необходимых по его специальности — истории русского права, он лишен возможности продолжать свои ученые занятия» (см.: *Достоевский и Литературный фонд*, стр. 163).

[2] Заседание Комитета Литературного фонда происходило в понедельник 18 февраля (см. раздел «Коллективное», № 2).

194. А. И. ГЛАЗУНОВУ (стр. 32)

Печатается по черновику письма: *ГПБ*, ф. 438, № 12, л. 121. На черновике помета Достоевского «Черновая». Беловой текст неизвестен.

Впервые опубликовано: *Д*, *Письма*, т. I, стр. 316.

[1] Ответа Глазунова в бумагах Литературного фонда нет.

195. И. С. ТУРГЕНЕВУ (стр. 33)

Печатается по фотокопии: *ПРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 429, лл. 7—9. Подлинник: *Bibl. Nat.*, p. 121—123.

Впервые опубликовано: *Mazon*, p. 121—123.

Ответ на письмо Тургенева от 13 (25) мая 1863 г. (*Тургенев*, *Письма*, т. V, стр. 125—126).

[1] Известно лишь одно из упоминаемых здесь писем: от 27 марта (8 апреля) 1863 г. (там же, стр. 108—109). В нем содержалась просьба помочь начинающему писателю Д. П. Ломачевскому, устроив его хотя бы корректором в журнал «Время». По-видимому, Достоевский встретился с Ломачевским, и тот принес в редакцию рукопись под названием: «Русская колония Александрова близ Потсдама». Она осталась ненапечатанной (см.: *Нечаева*, *«Эпоха»*, стр. 287).

[2] Поводом к запрещению «Времени» послужила упоминаемая ниже в письме статья Н. Н. Страхова «Роковой вопрос» (см. об этом: наст. изд., т. XVIII, стр. 211—212; т. XX, стр. 97—101, 253—255, 316—317). Истинные же причины крылись глубже: уже в 1862 г. журнал привлек к себе внимание министерств и специальных комиссий, признавших его направ-

ление «вредным», ведущим «явно к осуждению действий правительства» (подробно об этом см.: *Нечаева, «Время»*, стр. 288—313).

[3] Достоевский не ошибся. Тургенев действительно знал об этом событии. 8 (20) июня он писал Н. В. Щербаню: «Вы, стало быть, еще не прочли в „Северной почте“ указа о запрещении этого журнала по поводу статьи „Роковой вопрос“ в апрельской книжке?» (*Тургенев*, *Письма*, т. V, стр. 130, 572).

[4] Достоевский подразумевает текст официального извещения о запрещении «Времени», опубликованный в газете «Северная почта» (1863, 1 июня, № 119).

[5] Инкриминируя Страхову тенденциозное цитирование статьи И. В. Киреевского «Обозрение современного состояния литературы» (1845), газета «День» писала в редакционной «Заметке по поводу статьи в журнале „Время“ <...> „Роковой вопрос“»: «Автор статьи, в подтверждение своей мысли о великом значении и победоносной силе польской образованности <...> приводит слова Киреевского о польской цивилизации в XV и XVI веке, *опустив начало и конец* его рассуждения об этом предмете. Между тем Киреевский именно доказывает, что вся эта польская блестящая ученость была принадлежностью одних высших классов, отражалась на одной поверхности общественной жизни, не обратилась в капитал народного просвещения и *прошла почти без следа для образованности польской и совсем без следа для просвещения общечеловеческого.* Таким образом, мысль Киреевского не только не подтверждает, но положительно опровергает мысль автора статьи „Роковой вопрос“» (*Д*, 1863, 1 июня, № 22).

[6] В статье «Роковой вопрос» об этом было сказано не буквально, а с «неловкостями изложения» и «недомолвками», о которых Достоевский упоминает выше. Впоследствии Страхов в связи с недоразумениями в истолковании его статьи так разъяснял свою позицию: «Польский аристократизм и вообще, и особенно в приложении к захваченным русским областям отвратителен <...> да он-то больше всего и погубил Польшу. Между тем этот аристократизм и был развит и поддерживается давним усвоением европейской образованности. Из этого следует, что зло может заключаться даже в столь хорошем деле, как просвещение, что иногда лучше отстать в культуре, но сохранить духовное здоровье и не попасть в тот безвыходный разлад стремлений и чувств, в котором находятся поляки. Вот в каком смысле я назвал свою статью „Роковым вопросом“; я готов был прямо сказать, что полякам уже нет спасения, что история осудила их на гибель» (*Биография*, отд. I, стр. 249).

[7] В упомянутом выше письме от 13 (25) мая Тургенев писал: «Я поселился здесь на все лето и надеюсь работать <...> Пишите мне сюда» (стр. 125—126).

[8] Во время пребывания в Баден-Бадене (с 4 по 8 сентября н. ст. 1863 г.) Достоевский несколько раз встречался с Тургеневым (см. письмо 207, примеч. 7, а также: *Тургенев*, *Письма*, т. V, стр. 585—586).

[9] В том же письме от 13 (25) мая Тургенев просил Достоевского уплатить за него долг П. В. Анненкову («109 руб. 50 коп. сер.») «в счет <...> будущих сношений» (стр. 126).

[10] Речь идет о событиях, связанных с польским восстанием 1863 г. Различные политические силы по-разному реагировали на него. Желание западных держав ослабить Россию повлекло за собой их совместное выступление с резкими нотами, врученными Горчакову в апреле и июне этого года, что заставило правительство серьезно готовиться к войне.

[11] Слово «земское» употреблено здесь в значении «общее», «общегосударственное».

196. И. С. ТУРГЕНЕВУ (стр. 35)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 429, лл. 10—12. Подлинник: *Bibl. Nat.*, p. 123—124.

Впервые опубликовано: *Mazon*, p. 124—125.

[1] Это письмо Тургенева к В. Ф. Коршу неизвестно. Еще 19 (31) января 1863 г. Тургенев писал П. В. Анненкову, сотрудничавшему в газете Корша «С.-Петербургские ведомости»: «Лекции о Пушкине я все-таки не могу выслать или, лучше сказать, я могу их выслать, но с тем условием, чтобы они были напечатаны после вещи, которую я оканчиваю для „Времени"» (*Тургенев*, *Письма*, т. V, стр. 87). 28 июня 1863 г. Корш писал Анненкову: «...недавно я получил письмо от Тургенева, который обещает статью о Пушкине для „СПб. Ведомостей"...» (*Д*, *Письма*, т. I, с. 561). Эта статья в печати не появилась. Возможно, что материалы из нее были использованы Тургеневым в «Воспоминаниях о Белинском» (1867) и в речи о Пушкине (1880) (см. об этом: *Тургенев*, *Письма*, т. V, стр. 540—541).

[2] О денежных расчетах с Тургеневым см. примеч. 9 к письму 195.

[3] «Призраки» были напечатаны в первой же (сдвоенной) книжке «Эпохи» за 1864 г.

[4] Речь идет о письме от 17 июня 1863 г. (195).

[5] Намек на полемику с «Современником» и «Русским вестником» по эстетическим вопросам, которую Достоевский вел в 1861—1862 гг. Наиболее полное выражение эта полемика нашла в статье «Г-н —бов и вопрос об искусстве», направленной против «Современника» (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 70—103, 269—285) и в статье «Ответ „Русскому вестнику"», разоблачавшей неуважение Каткова к русской литературе в целом и к Белинскому и Пушкину в особенности (см. наст. изд., т. XIX, стр. 132—138, 297, 298, 301, 303, 305, 307).

[6] Очевидно, речь идет о не дошедшем до нас письме Достоевского (см.: *Список*, № 142).

197. Е. П. КОВАЛЕВСКОМУ (стр. 36)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 438, № 12, л. 278.

Впервые опубликовано: *Д*, 1916, 10 апреля, № 99.

[1] Отказ Достоевского от звания члена комитета Общества, вероятно, вызван тем, что он вынужден был обратиться к Обществу с просьбой о ссуде (см. письмо 198). В звании члена Комитета такая просьба была бы неудобной (см.: *Д*, *Письма*, т. I, стр. 561).

198. Е. П. КОВАЛЕВСКОМУ (стр. 37)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 438, № 12, л. 279—279 об.

Впервые опубликовано: *Д*, 1916, 10 апреля, № 99.

[1] 25 июля 1863 г. последовало распоряжение председателя Комитета Литературного фонда Е. П. Ковалевского казначею Б. И. Утину, гласившее: «По положению комитета 23 текущего июля <...> покорнейше прошу Вас выдать Ф. М. Достоевскому в ссуду тысячу пятьсот (1500) рублей до 1 февраля 1864 г., прилагаемое же обязательство, обеспечивающее эту выдачу, хранить в кассе Общества». В этот же день последовало и распоряжение Утина о выдаче Достоевскому ссуды (см.: *ГПБ*, ф. 438, № 12 с. 283).

199. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 37)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.15, лл. 1—2.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 321—322.
Год устанавливается по содержанию и по связи со следующим письмом.

[1] Н. М. Достоевский жил в это время у А. М. и Н. И. Голеновских и собирался лечь в клинику лечиться. Об этом его намерении несколько позже сообщал Достоевскому М. М. Достоевский (см.: *Д, Материалы и исследования*, стр. 540). Сам же адресат так писал сестре В. М. Ивановой о своем положении в 1863—1865 гг. (письмо без даты): «В декабре 63-го года я почувствовал боль в ногах и слабость зрения и, конечно, не обратил никакого внимания. В марте следующего года зрение мое сделалось до того плохо, что я должен был по необходимости подать в отставку ‹...›. В июне я уже почти ничего не видел и узнавал людей только по голосу...» (см.: *Волоцкой*, с. 350—351).

[2] Речь идет об А. П. Сусловой.

[3] По-видимому, Достоевский перед отъездом говорил брату о намерении посоветоваться с доктором Труссо о лечении эпилепсии.

[4] В первый раз Достоевский был в Париже летом 1862 г.

[5] До границы с Пруссией путь из Петербурга на Запад шел через Польшу (об отношении Достоевского к польским событиям 1863—1864 гг. см. наст. изд., т. XX, стр. 99—100, 253—254). Когда Достоевский подъезжал к русской государственной границе, польские повстанцы уже потерпели ряд поражений (февраль—март 1863 г.). Кроме того, на территории всей Украины и почти всей Белоруссии восстание не получило поддержки народа.

[6] 2 (14) сентября 1863 г. М. М. Достоевский сообщил Достоевскому: «Коля в клинике, а так как летом она закрыта, то пока он лежит во 2-м Сухоп‹утном› госпитале и лечится у Бессера. Я много раз говорил о нем с Бессером. Он надеется, боится только за глаза» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 542).

[7] Во Владимире в это время жила М. Д. Достоевская.

200. П. А. ИСАЕВУ (стр. 39)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 35—36. На подлиннике помета Достоевского: «Паше».
Впервые опубликовано: *СВ*, 1891, № 10, стр. 12—13.

[1] Эти письма М. М. и Н. М. Достоевским неизвестны; сохранился лишь конверт от письма последнему (см.: *Список*, № 145—146). Письмо к М. Д. Достоевской («мамаше») также не сохранилось.

[2] Очевидно, речь идет о вступительном экзамене в гимназию. Готовиться к нему Исаев продолжал и в следующем году.

[3] В этот период представление Достоевского о своем пасынке как о легкомысленном и нерадивом юноше слагалось в значительной степени под влиянием сообщений домашнего учителя Паши — М. В. Родевича.

[4] Это письмо к Родевичу неизвестно (подробнее о взаимоотношениях Родевича, Исаева и Достоевского см. в письме 237 и примеч. к нему).

[5] Эти деньги были посланы (см. письмо 201).

201. В. Д. КОНСТАНТ (стр. 39)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 39—43.
Впервые опубликовано: *МГ*, 1908, № 8, стр. 155—158.
Год написания устанавливается по содержанию письма.

[1] См. письмо 200.

[2] В этих словах слышится отголосок суждений Достоевского о французах в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (см. наст. изд., т. V, стр. 68—77).
[3] Неполная цитата из «Записок сумасшедшего» (1835). У Гоголя: «Что письмо? Письмо вздор. Письма пишут аптекари...».
[4] Эти наблюдения позднее отразятся в ряде сцен романа «Игрок» (см. наст. изд., т. V, главы IV, XIV, XVII, а также стр. 399—401).
[5] Т. е. М. М. Достоевскому.
[6] О деньгах для М. В. Родевича см. в письме 200.
[7] Эти письма к М. Д. Достоевской неизвестны.

202. В. Д. КОНСТАНТ (стр. 42)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 44—45.
Впервые опубликовано: *СВ*, 1891, № 10, стр. 13—14.

[1] Это письмо к М. М. Достоевскому неизвестно. В ответном письме (от 2 (14) сентября 1863 г.) М. М. Достоевский выражал неудовольствие по поводу зародившегося у брата за границей пристрастия к рулетке (*Д, Материалы и исследования*, стр. 541—542). А. Г. Достоевская, наблюдавшая за игрой мужа в 1867 г., так писала об этом: «...я поняла, что это не простая „слабость воли", а всепоглощающая человека страсть, нечто стихийное, против чего даже твердый характер бороться не может. С этим надо было примириться, смотреть на увлечение игрой как на болезнь, против которой не имеется средств» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 163).
[2] Это письмо неизвестно. О посланных М. Д. Достоевской деньгах см. в письме 201.

203. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 44)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.14, лл. 1—3.
Впервые опубликовано: *Русский современник*, 1924, № 1, стр. 181—184.
Ответ на письмо М. М. Достоевского от 2 (14) сентября 1863 г. (*Д, Материалы и исследования*, стр. 541—542). М. М. Достоевский ответил 16 сентября (там же, стр. 542—543).

[1] Деньги Достоевский получил. См. также письмо 202, примеч. 1.
[2] Возможно, что из-за частых переездов писателя не успевали догонять письма родных. С июля 1862 г. по август 1863 г. М. М. Достоевский написал брату по крайней мере шесть писем (см.: *Д, Материалы и исследования*, стр. 534—541).
[3] Достоевский путешествовал с А. П. Сусловой.
[4] М. М. Достоевский сообщал только, что, «по случаю запрещения журнала» его денежные дела плохи. Столь же кратки и неопределенны сведения о запрещенном «Времени» и в его письме от 22 августа 1863 г.: «Начал хлопоты по журналу. Не знаю, будет ли прок только». И далее: «Позволят ли мне „Время"? Если нет, я просто погиб» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 541).
[5] Вероятно, речь идет о задуманном еще в конце 1862 г. «большом романе» под названием «Исповедь». О нем говорилось в объявлении «От редакции» в декабрьской книжке «Времени» за 1862 г. и первом номере журнала за 1863 г. Замысел «Исповеди» предваряет «Записки из подполья» (см. наст. изд., т. V, стр. 374—383).
[6] Намек на перемену отношений с Сусловой, пережившей любовную драму к моменту приезда Достоевского в Париж (см.: А. С. Долинин. Достоевский и Суслова. — *Сб. Достоевский, II*, стр. 179—190).
[7] О состоянии Н. М. Достоевского см. примеч. 6 к письму 204.

По отношению к В. В. Бессеру Достоевский здесь несправедлив: опытный врач-терапевт помог Н. М. Достоевскому (он умер спустя 20 лет), а в 1864 г. верно определил болезнь самого М. М. Достоевского и точно определил ее исход (см. письмо 233).

[8] В этих словах чувствуются и беспокойство о больной М. Д. Достоевской (см. письмо 201), и переживания, связанные со сложной историей отношений с А. П. Сусловой (см. примеч. 6).

[9] М. М. Достоевский писал: «Не понимаю как можно играть, путешествуя с женщиной, которую любишь» (стр. 542).

[10] О «системе» игры, созданной Достоевским, см. также в письме 201.

[11] Это письмо М. М. Достоевскому неизвестно.

[12] О встречах с Тургеневым в Баден-Бадене см. в письме 203.

[13] Подразумевается «старинная пузырная болезнь», от очередных приступов которой Тургенев избавился к середине августа 1863 г. (см.: *Тургенев, Письма*, т. V, стр 133, 137, 144, 151).

[14] В 1860—1863 гг. Тургенев жил в Париже и Баден-Бадене с дочерью Полиной.

[15] Эти «нравственные муки» и «сомнения философские» отразились в уже написанных «Призраках» и, в еще большей степени, в философском отрывке «Довольно», замысел которого к этому времени уже занимал Тургенева (см.: *Тургенев, Сочинения*, т. IX, стр. 476—477, 488—491).

[16] За эту «оплошность» Достоевский получил выговор от брата (см. примеч. 5 к письму 207).

[17] «Призраки» не были высланы в Рим, а привезены самим Тургеневым в Петербург. Об этом М. М. Достоевский сообщил брату в письме от 14—15 января 1864 г.: «Тургенев уже более недели в Петербурге, и нынче он отдал мне свою повесть» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 545).

[18] Возможно, имеется в виду задуманная Достоевским статья, посвященная разбору только что опубликованных романов Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и А. Ф. Писемского «Взбаламученное море» (см. письмо 209 и примеч. 11 к нему, а также наст. изд., т. XX, стр. 391).

[19] М. М. Достоевский еще 22 августа сообщил брату, что 20 августа 1863 г. умер их дядя А. А. Куманин; в письме же, на которое отвечает Достоевский, он сообщал: «Поговаривают, что он нам понемножку оставил, так тысячи по две. Я думаю, что это только слухи. Завещание вскроют через шесть недель...» (стр. 542). А. Ф. Куманиной предстояло распределить наследство мужа между многочисленной родней.

[20] Записные тетради Достоевского 1860-х гг. свидетельствуют о том, что в это время он, возможно по побуждению А. А. Григорьева, с особым «прилежанием» читал сочинения А. С. Хомякова и газету И. С. Аксакова «День» (см.: *Биография*, отд. I, стр. 203—209). В учении славянофилов Достоевского привлекают критика западноевропейской буржуазной цивилизации, неприятие католицизма и папства, защита славянства и православия как «нового слова» в нравственном развитии человечества и т. п. Впоследствии эти заметки (и в особенности заметки, в которых православие противопоставлялось католицизму) нашли отражение в «Бесах», в публицистике Достоевского 1870-х гг. и в «Братьях Карамазовых» (см. наст. изд., т. XX, стр. 181—182, 189, 190, 194, 195, 371, 380—381, 385, 386; см. также; *PC*, 1924, № 1, стр. 189).

[21] В ответном письме от 16 сентября 1863 г. М. М. Достоевский сообщал: «Страхов краснеет и толстеет. Он работает в „Библиотеке ‹для чтения›“ и распинается за нас. Ап‹оллон› Григорьев пьет горькую и, разумеется, не пожинает своих плодов. Долгомостьев все такой же востроносый» (стр. 543).

[22] Это письмо к М. Д. Достоевской не сохранилось (см.: *Список*, № 152).

[23] См. письмо 204.

204. В. Д. КОНСТАНТ (стр. 46)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 48—49.
Впервые опубликовано: *СВ*, 1891, № 10, с. 14—15.

[1] В письме от 2 (14) сентября 1863 г. М. М. Достоевский писал, что Констант была у него и не застала дома и что «нынче» он «был у нее, сказал ей все дело» и что они «решили сделать так:

1) Паше оставить 5 дублонов.

2) Остальные 25 дублонов и моих 100 р. отослать к тебе, так как Мар‹ье› Д‹митриевне› теперь не нужны деньги, а к 15 октября я обязался возвратить остальные твои деньги В‹арваре› Д‹митриевне›, а она отошлет уже их к М‹арье› Д‹митриевне›» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 541).

[2] О деньгах, взятых Констант из суммы, предназначавшейся Достоевским для жены, см. в письме 202.

[3] Это письмо к М. Д. Достоевской не сохранилось (см.: *Список*, № 153).

[4] Достоевский отвез больную жену во Владимир в начале лета 1863 г. (см. также письмо 211).

[5] Подразумеваются тяжелое материальное положение М. М. Достоевского в связи с закрытием журнала «Время» и его долго не дававшие результата попытки добиться разрешения на издание нового журнала.

[6] О состоянии Н. М. Достоевского вскоре сообщил писателю М. М. Достоевский. 16 октября 1863 г. он писал: «...о Коле не беспокойся. Он уже не умирающий, как ты пишешь, а сильно поправляющийся и даже выздоравливающий. Ходит уже молодцом и каждый раз, как я приеду навестить его, хвастается своими ногами ‹...›. Глазам его тоже лучше» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 542; см. также примеч. 6 к письму 199).

[7] О смерти А. А. Куманина см. примеч. 19 к письму 203.

[8] С 1856 г. А. А. Куманин был в параличе. «Тетка» — А. Ф. Куманина.

[9] Достоевский получил 3000 р., а М. М. Достоевский — 5000 (см. об этом в письме 208).

205. П. А. ИСАЕВУ (стр. 48)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 51—52.
Впервые опубликовано: *СВ*, 1891, № 11, с. 6—7.

[1] Это письмо Исаева неизвестно.

[2] Это письмо В. Д. Констант неизвестно.

[3] Речь идет об экзамене, дающем право на поступление в гимназию. См. также письмо 200 и примеч. 2 к нему.

[4] Дедушка — Д. С. Констант.

[5] Это письмо М. В. Родевича неизвестно.

[6] Речь идет о В. Д. Констант.

206. Н. Н. СТРАХОВУ (стр. 49)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 287, № 52, лл. 3—4.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. I, стр. 259—263.

Год устанавливается по содержанию: Достоевский только что уехал из Турина (см. письмо 204), где получил от М. М. Достоевского упоминаемое ниже письмо (см. примеч. 1).

Страхов ответил письмом, датируемым предположительно 29 сентября (*Шестидесятые годы*, стр. 256—257).

[1] В письме от 2 (14) сентября 1863 г. М. М. Достоевский сообщал: «Страхов будет писать тебе в Рим» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 542). Речь идет о письме Страхова к Достоевскому от 18 сентября

1863 г. Оно начинается фразой: «Итак, Вы увидите Рим и Неаполь» (*Шестидесятые годы*, стр. 255). Очевидно, Достоевский получил его позднее.

[2] О запрещении журнала «Время» и хлопотах по его возобновлению см. в письмах 195, примеч. 2—6 и 203, примеч. 4.

[3] Вероятно, имеются в виду расходы, вызванные совместным путешествием с А. П. Сусловой.

[4] Из более позднего письма П. Д. Боборыкина к Достоевскому (от 30 сентября 1863 г.) известно, что в мае 1863 г., т. е. действительно после запрещения «Времени», он передавал Достоевскому через его брата Михаила Михайловича приглашение сотрудничать в «Библиотеке для чтения» (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 127).

[5] Достоевский подразумевает печатавшиеся в газете «День» (1863, 23 марта, № 12 и 20 апреля, № 16) корреспонденции Касьянова (И. Аксакова) «Из Парижа», в которых русские, живущие за границей, названы «гулящими людьми», и хронику М. Е. Салтыкова-Щедрина «Наша общественная жизнь», в которой «гулящими людьми» названы представители старшего поколения русского общества — «отцы», мечтающие о возобновлении крепостного права (*С*, 1863, № 5). Об отражении материала корреспонденций Аксакова и хроники Щедрина в сюжетной канве «Игрока» см. в комментариях к этому роману (наст. изд., т. V, стр. 400). В начале 1863 г. вопроса о русских «гулящих людях» за границей касался в «Зимних заметках о летних впечатлениях» и сам Достоевский (там же, стр. 62—63). Еще раньше в печати приводились данные, согласно которым только в 1860 г. за границу выехало огромное количество русских.

[6] Из этого плана вырос роман «Игрок», напечатанный в 1866 г. (см. наст. изд., т. V, стр. 398—399).

[7] Неточная цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (д. II, явл. 1).

[8] Это условие было принято, и Достоевский получил вперед 300 руб. Однако целый ряд причин помешал писателю сдержать слово, данное Боборыкину (долгая болезнь жены и собственные недомогания, а также затянувшаяся работа над «Записками из подполья»). Раздосадованный задержкой, Боборыкин допустил несколько мелочных выпадов против братьев Достоевских на страницах своего журнала и написал Достоевскому оскорбительное письмо с предложением вернуть выданные за «рассказ» деньги, на что Достоевский ответил согласием (см. письмо 228 и примеч. 2 к нему).

[9] В данном случае Достоевский воспользовался оценкой Тургенева, отмечавшего в своем восторженном отзыве о «Записках из Мертвого дома»: «Картина *бани* просто дантовская» (из письма к Достоевскому от 26 декабря 1861 г. (7 января 1862 г.) — *Тургенев, Письма, т. IV*, стр. 320).

[10] Страхов выполнил это поручение (см.: *Биография*, отд. I, стр. 264). В письме к Достоевскому, датируемом предположительно 29 сентября ст. ст. 1863 г., он писал: «Завтра или послезавтра будут к Вам отправлены деньги Боборыкина» (*Шестидесятые годы*, стр. 256).

[11] А. Григорьев был в это время редактором еженедельной газеты «Якорь», издававшейся Ф. Т. Стелловским.

[12] С редактором «Русского вестника» М. Н. Катковым и редактором «Отечественных записок» А. А. Краевским Достоевский в это время не хотел иметь дела, так как на страницах журнала «Время» с ними велась активная полемика (см. об этом наст. изд., т. XIX, стр. 21, 91—116, 233—235, 241, 292—298; т. XX, стр. 30—49, 50—58, 59—70, 278—298).

[13] В сентябрьском номере «Времени» за 1862 г. Достоевский открыл полемику с журналом «Современник», положившую, в частности, начало его ожесточенным спорам с М. Е. Салтыковым-Щедриным (см. наст. изд., т. XX, стр. 50—120, 300—329; подробно см.: В. А. Туниманов. Достоевский и Салтыков-Щедрин (1856—1863). — *Материалы и исследования*, т. III, стр. 92—113). Сотрудники Щедрина Ю. Г. Жуковский и Г. З. Елисеев тоже

оказались вовлеченными в полемику (см., например: *С*, 1863, № 3, отд. I, стр. 183; отд. II, стр. 39).

[14] Речь идет о соборе Св. Петра.

[15] Речь идет о П. Н. Страхове. В ответном письме Страхов писал Достоевскому: «Павел Николаевич уехал в Финляндию» (стр. 257).

[16] Обращаться к Н. Л. Тиблену за деньгами не понадобилось.

[17] Отношение Достоевского к славянофилам с достаточной определенностью проявилось уже в 1861 г. (см. его статью «Последние литературные явления. Газета „День“» и примеч. к ней — наст. изд., т. XIX, стр. 57—66, 253—262; см. также письмо 203 и примеч. 20 к нему).

207. И. С. ТУРГЕНЕВУ (стр. 53)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 429, лл. 13—15. Подлинник: *Bibl. Nat.*, p. 125—126.

Впервые опубликовано: *Mazon*, p. 125—127.

[1] Достоевский имеет в виду обстоятельства путешествия с А. П. Сусловой.

[2] Тургенев сам привез «Призраки» в Петербург (см. примеч. 17 к письму 203).

[3] Подразумевается письмо от 16 сентября ст. ст. 1863 г., в котором М. М. Достоевский писал: «...нынче же спешу отвечать тебе в Неаполь ‹...› Теперь о журнале. Дело о нем еще длится. Надежды есть у меня большие, но еще ничего решительно не могу сообщить тебе. Боюсь только, что решение выйдет не раньше половины будущего м‹еся›ца...» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 542, 543).

[4] «Решение последовало» лишь 24 января 1864 г. (см. письмо 209, примеч. 3).

[5] Эта настойчивая просьба к Тургеневу появилась в результате «выговора», полученного Достоевским в названном выше письме брата. «Как жаль, — писал М. М. Достоевский, — что ты не взял „Призраки“ Тургенева. Ты такого маху дал, что я и сказать тебе не могу. И что тебе за дело знать о положении журнала? Ты должен был говорить, что знаешь, а там что бог даст. Была бы повесть только в руках. Знаешь ли ты, что значит теперь для нас Тургенев? ‹...› Если можно, на обратном пути заезжай в Баден и исхить у него повесть» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 543).

[6] Вероятно, Тургенев не написал Достоевскому.

[7] Достоевский приезжал в Баден-Баден играть в рулетку и пробыл там с 4—5 по 8 сентября н. ст. 1863 г. В это время он неоднократно встречался с Тургеневым, рассказывавшим ему о своих «нравственных муках» и «сомнениях философских» (см. письмо 203, примеч. 15).

[8] Подразумевается игра в рулетку. Возможно, что выражение «мятеж страстей» восходит к LX строфе поэмы Тургенева «Параша» (1843; «Тем лучше, — скажут мне, — разгар страстей опасен...» — *Тургенев, Сочинения*, т. I, стр. 98). Не исключено также, что оно представляет собою намек на начальные строки стихотворения В. Г. Бенедиктова «Отрывки (Из книги любви)» (1838). У Бенедиктова:

Опять мятежная проснулась
Давно ль затихнувшая страсть,
И вновь пред бурною шатнулась
Рассудка царственная власть.

(В. Г. Бенедиктов. Стихотворения. Л., 1983, стр. 135 (Библиотека поэта. Большая серия)).

[9] «Петербургские мыслители» — главным образом члены редакции «Современника»: М. А. Антонович, М. Е. Салтыков-Щедрин и отчасти редактор «Голоса» А. А. Краевский. Резкая полемика с ними велась в журнале «Эпоха» (см. наст. изд., т. XX, стр. 102—120, 125—132, 137—147, а также стр. 324—342).

[10] Первоначальная сумма гонорара за «Призраки» — тысяча рублей — была определена в письме Тургенева к П. В. Анненкову от 15 (27) сентября 1863 г. (см.: *Тургенев, Письма*, т. V, стр. 157). Затем, «из чувства некоего стыда», Тургенев «сбавил 200 руб. сер. с обещанной» ему суммы (см. там же, стр. 332). Большую часть гонорара — пятьсот рублей — писатель получил от братьев Достоевских через А. А. Бергмана в Петербурге 18 февраля 1864 г. — см.: *Достоевский и Тургенев. Переписка*, стр. 92; остальные триста — от Ф. М. Достоевского около 21 февраля (5 марта) 1865 г. (см. письмо 251).

208. В. Д. КОНСТАНТ (стр. 54)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 54—55.
Впервые опубликовано: *СВ*, 1891, № 10, стр. 15—17.

[1] Очевидно, речь идет о квартире на Малой Мещанской улице в доме А. А. Астафьевой (современный адрес — Казначейская ул., д. 1), в которой Достоевский жил с сентября 1861 г. по август 1863 г. (см.: *Саруханян*, стр. 270).

[2] Речь идет о деньгах по завещанию А. А. Куманина.

[3] Юрий Егорович — это, вероятно, тот Комаров, о котором со слов Достоевского упоминает в своем дневнике А. Г. Достоевская (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 208).

209. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 56)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29608, лл. 1—4.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 265—266.
Ответ на письмо М. М. Достоевского от 15 ноября 1863 г. (*Д, Материалы и исследования*, стр. 544).

[1] М. М. Достоевский писал: «...я говорил тебе при расставанье, что ты уезжаешь от меня в самые решительные минуты нашей будущности <...> Я сильно хлопотал последнее время по журналу, ездил по разным лицам и был наконец у министра. Результатом всех моих хлопот было то, что я узнал, что воскресить „Время“ нет никакой возможности, но что мне позволяют издавать новый журнал».

[2] Достоевский приехал в Петербург 26 ноября 1863 г.

[3] М. М. Достоевский писал: «Я, брат, решился и буду издавать „Правду“. Название „Эпоха“ всеми было забраковано. Никто не придумал имени новому детищу, так что я уже сам окрестил его <...> Прошение уже мною подано». Прошение на имя министра внутренних дел П. А. Валуева было подано в тот же день (см.: *Сб. Достоевский, II*, стр. 570), но этим дело не ограничилось. 11 января 1864 г. М. М. Достоевский написал второе прошение, в котором журнал фигурировал под первоначальным заглавием (см. там же, стр. 571—573). Эти колебания в выборе названия журнала Н. Н. Страхов объяснял следующим образом: «Случай с „Роковым вопросом“, очевидно, сбил цензуру с толку <...> Название „Правда“ показалось прямым намеком и не было допущено; точно так было признано опасным название „Дело“ и другие подобные; после долгих переговоров редакция, скрепя сердце, остановилась на неудачном названии „Эпоха“, в котором наконец цензура не нашла ничего неудобного. Не русское название было очень неприятно; нас сердило, когда попада-

лись читатели, которые с трудом его запоминали, произносили „Эпоха́", смешивали с „Эхо" и т. д.» (*Биография*, отд. I, стр. 267).

[4] Сходства с разбивкой на отделы с французским журналом «Revue des deux Mondes» соблюсти не удалось. При утверждении программы «Эпохи» министром внутренних дел «был исключен отдел юридический, как составляющий принадлежность специальных журналов, находящихся под цензурою министерства юстиции» (см.: *Сб. Достоевский, II*, стр. 573).

[5] Поскольку название журнала переменилось, это намерение осталось невыполненным. Лишь в заключительных строках объявления о журнале «Эпоха», напечатанном в ряде петербургских и московских газет, М. М. Достоевский писал: «Придет же наконец время, когда направление всех истинно русских будет слишком ясно без всяких разъяснений, без всяких печальных недоразумений» (наст. изд., т. XX, стр. 214). О характере этого объявления см. также: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 13—14.

[6] М. М. Достоевский сообщал: «Теперь пишу объявление ‹...› Объявление явится не раньше 25» (стр. 544). Позднее Страхов еще раз отметил: «Объявление мастерское, именно такое, о каком питал замыслы Федор Михайлович» (*Биография*, отд. I, стр. 267—268).

[7] М. М. Достоевский писал о придуманном им заглавии «Правда»: «Всем, т. е. Разину и Стр‹ахову›, понравилось».

[8] По-видимому, речь идет о связи А. П. Милюкова с З. В. Нарден (см. примеч. 4 к письму 315).

[9] Речь идет о 5000 р., причитавшихся М. М. Достоевскому по завещанию А. А. Куманина (см. письмо 208). Он писал по этому поводу: «После двадцатого мне необходимо съездить на два или на три дня в Москву ‹...› Поговори с Александром Павловичем, нельзя ли так устроить, чтоб получить мне кстати и деньги».

[10] Имеется в виду Ольга Яковлевна Антипова, очень любившая младшую сестру Достоевского. Очевидно, упоминаемая здесь сумма — часть наследства после А. А. Куманина, полученная А. М. Голеновской до раздела.

[11] Речь идет о романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и о романе А. Ф. Писемского «Взбаламученное море». «Две противоположные идеи» — очевидно, обоснование утопического социализма, теории разумного эгоизма и деятельности революционной интеллигенции с целью подготовки предпосылок крестьянской революции в «Что делать?», с одной стороны, и либерально-охранительная интерпретация русского «нигилизма», в особенности характерная для последней части романа «Взбаламученное море», — с другой. Кроме того, в творчестве Писемского Достоевскому претил «бытовой реализм» (см. наст. изд., т. XX, стр. 391). О неприятии Достоевским теории разумного эгоизма см. наст. изд., т. V, стр. 379—380; об отношении его к Чернышевскому см. гл. «Чернышевский и Достоевский» в кн.: В. А. Туниманов. Творчество Достоевского. 1854—1862. Л., 1980, стр. 246—283.

[12] Этих статей Достоевский не написал.

[13] Подразумевается первое представление «Горькой судьбины» на сцене Московского Малого театра 18 ноября 1863 г., в бенефис С. В. Шумского (см.: *Писемский, Письма*, стр. 652). До этого пьеса, напечатанная в 1859 г. в «Библиотеке для чтения», не допускалась к постановке.

[14] Писемский несколько сгустил краски. Недовольство по поводу пьесы «Горькая судьбина» выразили лишь некоторые, правда, влиятельные представители «помещичьей партии» — Л. Ф. Львов и П. А. Тучков. В связи с этим уже после представления пьесы на любительском спектакле в Петровском парке (31 июля 1863 г.) Писемский писал А. М. Борху: «...управляющий здешнею конторою г-н Львов делает на мою пиэсу изветы здешнему генерал-губернатору, в III-е отделение ‹...› пиэса, говорят, может возбудить неудовольствие дворян...». И далее, в письме к министру внутренних дел П. А. Валуеву (4 августа 1863 г.) он повторял: «„Горькая судьбина" ‹...› на днях была сыграна любителями в Петровском парке. Пиэса имела полный успех, каковой, вероятно, ожидает ее и на императорской сцене; а между тем по городу распространился слух, что москов-

ский генерал-губернатор обратился к вашему высокопревосходительству с письмом о том, чтобы пиэса моя снова была запрещена к представлению на том основании, что будто бы она может оскорбить дворян» (*Писемский, Письма*, стр. 157, 158, 159; см. также стр. 161). Однако запрещения не последовало, и пьеса появилась сначала на сцене Александринского театра в Петербурге (18 октября 1863 г.), а через месяц на сцене московского Малого театра (см. там же, стр. 651, 652).

210. В. Д. КОНСТАНТ (стр. 58)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 58—59.
Впервые опубликовано: *СВ*, 1891, № 10, стр. 16—17.

[1] О квартире Достоевского см. письмо 208, примеч. 1.
[2] Речь идет о семье В. М. Ивановой.
[3] Название «Правда» также не было разрешено (см. письмо 209, примеч. 3).
[4] О наследстве после А. А. Куманина см. письмо 209, примеч. 9.
[5] На обороте письма приписка: «Варя, поторопись заказать в Рижском магазине белый платок вязаный, как мой, и с первым приездом Ф. М. перешли, деньги возьми у него, а пока будут вязать, такой величины, как у меня.
С приездом Ф. М. буду кое-что писать.
Сестра М. Дост‹оевская›».

211. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ (стр. 58)

Печатается по фотокопии с подлинника, хранящегося в Манчестерском университете (Англия).
Впервые опубликовано Д. С. Г. Симмонсом: Oxford Slavonic Papers, Oxford, 1959, vol. IX, pp. 64—65.

[1] Кому адресовано это письмо, установить не удалось. Что касается «графа Толстого», то, по достаточно убедительному, хотя и не вполне документированному заключению Д. С. Г. Симмонса, это, скорее всего, А. К. Толстой. Оказавшись в затруднительном положении после очередного проигрыша в Гомбурге, Достоевский мог встретиться с ним в Дрездене в середине или во второй половине октября ст. ст. 1863 г. Возможность такой встречи именно в это время подтверждается, в частности, тем, что, согласно данным, на которые обращает внимание Симмонс в своих комментариях, А. К. Толстой и С. А. Миллер после своего бракосочетания в Лейпциге (в апреле 1863 г.) «вдвоем сделали Дрезден своим штабом в Германии более чем на год» (Oxford Slavonic Papers, p. 67).
[2] Это письмо свидетельствует о том, что, будучи в Дрездене, Достоевский сделал заем как у адресата, так и у Толстого. Однако в конце письма Достоевский озабочен возвращением долга только Толстому. Из этого можно заключить, что заем, сделанный Достоевским у адресата, был погашен, быть может, еще в Дрездене из суммы, занятой у Толстого.
[3] Это письмо неизвестно (см.: *Список*, № 156).
[4] А. К. Толстой жил в это время в Италии (см.: А. К. Толстой. Собр. соч. М., 1964, т. 4, стр. 159—162).

212. И. С. ТУРГЕНЕВУ (стр. 60)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 429, лл. 16—18. Подлинник: *Bibl. Nat.*, p. 127—128. Конец письма не сохранился.
Впервые опубликовано: *Mazon*, p. 128—130.

[1] Очевидно, Анненков говорил об этом М. М. Достоевскому исходя из содержания писем, полученных им от Тургенева (см.: *Тургенев, Письма*, т. V, стр. 161, 184, 185).

[2] Этот вопрос свидетельствует о знакомстве Достоевского с содержанием одного из писем Тургенева к П. В. Анненкову (от 13 (25) декабря 1863 г.), в котором есть такие строки: «Что касается „Призраков", то я получаю отовсюду столько увещаний их не печатать, что я сам начинаю думать, что появление сего продукта моей музы было бы крайне неуместно; а потому, если возможно, уговорите Достоевского повременить и, во всяком случае, не печатать до моего приезда...» (*Тургенев, Письма*, т. V, стр. 185).

[3] В этих словах содержится сходство с основными положениями статьи «Рассказы Н. В. Успенского» (1861), принадлежащей, по всей вероятности, перу Достоевского. Характеризуя манеру Н. В. Успенского, Достоевский писал в этой статье: «Большею частью г-н Успенский вот как делает. Он приходит, например, на площадь и, даже не выбирая точки зрения, прямо, где попало, устанавливает свою фотографическую машину. Таким образом, всё, что делается в каком-нибудь уголке площади, будет передано верно, как *есть* <...> Скажут нам: „Да это-то и хорошо, вот именно эта точность хороша". Да разве это точность, и разве в этом должна состоять точность? Это путаница, а не точность. И что вы передадите исключительно одним описыванием матерьяла?» и т. д. (см. наст. изд., т. XIX, стр. 180—181).

[4] Словечком «квакерство» Достоевский вновь полемически подчеркивает недостаток эстетического начала в современной литературе. Ср. со словами Т. Н. Грановского из статьи «Квакеры» (1847). Характеризуя семейный и домашний быт квакеров (квакеры — религиозная секта в Англии и США в середине XVII в.), Грановский отмечал, что он «носит <...> характер простоты с некоторою примесью ригоризма <...> До конца прошлого столетия, — продолжал историк, — частная жизнь квакеров была очень однообразна и бедна наслаждениями, потому что из нее изгонялись искусства» (Т. Н. Грановский. Полн. собр. соч. СПб., 1905, т. 1, стр. 105). О других «заимствованиях» из упомянутой статьи Грановского, сказавшихся в данном письме и отразившихся затем в полемических речах Степана Трофимовича Верховенского в защиту красоты и искусства («Бесы») см.: А. И. Батюто. Идеи и образы (к проблеме «И. С. Тургенев и Ф. М. Достоевский в 1860—1870-е годы»). — *РЛ*, 1982, № 1, стр. 82—83.

[5] О ком идет речь, неясно.

[6] Как видно из контекста письма, эта цитата из «Записок сумасшедшего» Гоголя употребляется Достоевским в качестве определения основной идеи «Призраков» и характеристики настроений их героя. Спустя несколько лет эта же цитата, и по существу в том же значении, была употреблена в «Преступлении и наказании» — при характеристике мятущегося сознания Раскольникова (см. наст. изд., т. VI, стр. 345; см. об этом: В. Е. Холшевников. О литературных цитатах у Достоевского. — Вестник Ленингр. ун-та. Серия истории, языка и литературы, 1960, № 8, вып. 2, стр. 135).

[7] Отрывок «Призраков» с фразой, имеющей прямое отношение к Эллис: «Рассказы об упырях, о вампирах пришли мне на ум» — в печатный текст включен не был (см.: *Тургенев, Сочинения*, т. IX, стр. 383—384, 475; см. также: А. Б. Муратов. И. С. Тургенев после «Отцов и детей». Л., 1972, стр. 12—13). Вероятно, Тургенев учел замечание Достоевского.

[8] Следствием этих разногласий между Достоевским и Анненковым явилась известная непоследовательность в тургеневской интерпретации образа Эллис. Перестав соотносить Эллис непосредственно с упырями, писатель оставил в окончательном тексте несколько намеков на то, что она все-таки вампир, т. е. существо, повинное в потере «положительных сил» героем «Призраков» (см.: *Тургенев, Сочинения*, т. IX, стр. 97, 98, 104, 108, 109).

[9] Достоевский имеет в виду описанное в «Призраках» вечное «завыва-

ние бури, леденящее дыхание расколыхавшейся бездны» возле утеса Блакганг на острове Уайт, бездны, внушающей человеку мысль о жестокой безучастности природы и «ужас» перед лицом смерти (см.: *Тургенев, Сочинения*, т. IX, стр. 87).

[10] Главным образом это письмо имел в виду Тургенев, когда 3 (15) декабря 1872 г. писал М. А. Милютиной по поводу пародийного изображения его в «Бесах»: «Д‹остоевский› позволил себе нечто худшее, чем пародию „Призраков"; в тех же „Бесах" он представил меня под именем Кармазинова тайно сочувствующим нечаевской партии. Странно только то, что он выбрал для пародии единственную повесть, помещенную мною в издаваемом им журнале „Эпохе", повесть, за которую он осыпал меня благодарственными и похвальными письмами!.. Вот было бы забавно напечатать их! Но он знает, что я этого не сделаю» (*Тургенев, Письма*, т. X, стр. 39; см. также письмо 222 и примеч. 8 к нему).

213. В. Д. КОНСТАНТ (стр. 62)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 61—62.
Впервые опубликовано: *СВ*, 1891, № 10, с. 17—18.

[1] А. Н. Майков, побывавший в Москве в январе 1864 г., писал жене о жизни Достоевского в это время: «Марья Дмитриевна ужасно как еще сделалась с виду-то хуже: желта, кости да кожа, просто смерть на лице ‹...› Федор Михайлович всё ее тешит разными вздориками, портмонейчиками, шкатулочками и т. п., и она, по-видимому, ими очень довольна. Картину вообще они представляют грустную: она в чахотке, а с ним припадки падучей» (*ЛН*, т. 86, стр. 393).

[2] Поездка была отложена (см. письмо 216).

[3] В это время Достоевский работал над «Записками из подполья».

214. П. А. ИСАЕВУ (стр. 63)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 64—65.
Впервые опубликовано: *СВ*, 1891, № 11, стр. 7—8.

[1] Вероятно, речь идет о письме М. М. Достоевского от 14—15 января 1864 г., в котором сообщалось, что долг Достоевского в Литературный фонд пока еще не возвращен, так как Е. П. Ковалевского три раза не удалось застать дома (см.: *Д, Материалы и исследования*, стр. 545). Об этом долге см. в письме 198.

[2] Речь идет о В. Д. Констант.

[3] Из упомянутого выше письма М. М. Достоевского можно заключить, что Исаева приняли радушно. «Паша у нас бывает, — сообщалось в письме. — Я сам пригласил его и полушутя просил его не шалить у себя дома. Он отвечал мне на это, что в „его лета" это было бы смешно и позорно. Мы так все и прыснули со смеху» (стр. 546).

215. П. А. ИСАЕВУ (стр. 63)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, л. 68.
Впервые опубликовано: *СВ*, 1891, № 11, стр. 8.

[1] См. письмо 214.

[2] Упоминаемое письмо Исаева неизвестно. В нем речь шла, очевидно, о занятиях его с М. В. Родевичем.

[3] О каком поручении к П. М. Достоевскому идет речь, неясно.

[4] Тетка — В. Д. Констант.

[5] Поездка Достоевского была отложена.

[6] От франц. chenapan — негодяй, хулиган, лодырь.

216. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 64)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.14, лл. 189—192.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 141—142.

Ответ на письма М. М. Достоевского от 27 января и 3 февраля 1864 г. (*Д, Материалы и исследования*, стр. 546—548).

[1] Первый номер «Эпохи» за 1864 г. представлял собою двойную книгу (за январь и февраль). Достоевский все же успел поместить здесь первую часть «Записок из подполья» («Подполье»).

[2] Подразумеваются «Призраки», которыми открывался первый номер «Эпохи» за 1864 г.

[3] Вторая часть «Записок из подполья» («По поводу мокрого снега») появилась не в мартовском, а в апрельском номере «Эпохи» за 1864 г.

[4] М. М. Достоевский писал брату 27 января: «Кто же тебе сказал, что я передумал насчет двух №№ в одной книге. Так и будет и иначе не может быть» (стр. 546).

[5] Достоевский отвечает на слова брата из письма от 3 февраля: «На петерб‹ургские› толстые журналы подписка самая плохая. „Современник", говорят, охает. Губернии очевидно злы на петербургскую журналистику» (стр. 547).

[6] В письме от 3 февраля М. М. Достоевский сообщал брату: «Подписка городская началась и у Базунова и у других книгопродавцев. Но сказать еще ничего не смею. Такое исключительное положение. Что-то скажут наши губернии» (стр. 547).

[7] Достоевский отвечает на следующие слова из письма М. М. Достоевского от 3 февраля: «Спроси денег (по моему счету, который я дал тебе) у А‹лександра› Павлов‹ича Иванова›» (стр. 548).

[8] Под «каким-нибудь письмом» подразумевается письмо от А. П. Сусловой. М. М. Достоевский обычно передавал брату ее письма (см.: *Д, Материалы и исследования*, стр. 548, 549, 577).

[9] Упоминаемые в письме Базунов и Черенин — московские книгопродавцы И. Г. Базунов и М. М. Черенин, в магазинах которых принималась подписка на «Эпоху».

217. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 65)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.14, лл. 193—196.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 142—143.

Год устанавливается по содержанию и по связи со следующим письмом.

М. М. Достоевский ответил 2 марта 1864 г. (*Д, Материалы и исследования*, стр. 548).

[1] Речь идет о смерти дочери М. М. Достоевского Вари.

[2] Первый номер «Эпохи» вышел в свет 24 марта 1864 г. (дата цензурного разрешения — 20 марта 1864 г.; см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 254).

[3] Первый номер «Современника» за 1864 г. появился 16 февраля 1864 г. (дата цензурного разрешения — 18 января 1864 г.). В нем были напечатаны обозрение М. Е. Салтыкова-Щедрина «Наша общественная жизнь», статья А. Н. Пыпина «Вопрос о национальности и панславизм» (подписано буквой «-А-»), «Внутреннее обозрение» Г. З. Елисеева и обозрение «Политика» Э. К. Ватсона.

[4] Скептическое отношение Достоевского ко всему отделу «Литературы» 1-го номера журнала вряд ли справедливо. Здесь кроме действи-

тельно слабого в художественном отношении сочинения Н. С. Преображенского «Общественный деятель» были напечатаны поэма Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос!», переводы «Людвига Берне» Г. Гейне и «Еврейских молодий» Д. Г. Байрона, очерк А. И. Левитова «Выселки» и др.

[5] Наиболее подробной и все же далеко не полной была «Литературная летопись» в журнале «Библиотека для чтения» (1840-е гг.). В «Отечественных записках» за те же годы функции литературной летописи выполняла «Библиографическая хроника» с подотделами «Русская литература», «Книги, изданные в России на иностранных языках» и «Библиографические и журнальные известия». «Современник» начала 1840-х гг. имел отдел «Разбор новых книг» с подотделами «Новые сочинения», «Новые переводы», «Новые издания». Еще раньше, в 1830-е гг., в журнале «Московский телеграф» был отдел «Русская литература» с подзаголовком «Новые книги». Однако во всех этих журнальных летописях и обозрениях действительно не было того, что мечтал завести Достоевский в «Эпохе», — перечня «всех книг и переводов... без исключения». Замысел писателя не осуществился.

[6] Достоевский имеет в виду помещенные в первой книжке «Современника» за 1864 г. перечни литературных и музыкальных сочинений, поступивших в некоторые книжные магазины Петербурга (например, в книжный магазин при главной конторе редакции «Современника» на Литейном проспекте). При этом «Современник» перечислял и книги, вышедшие в свет задолго до 1864 г. Только одна из книг, указанных в этом перечне (И. С. Рыбников. Карты пяти частей света. СПб., 1860), была снабжена пространной аннотацией.

[7] Эту статью Достоевский не написал, но работа над нею велась (см. наст. изд., т. XX, стр. 363, 365, 367, 387).

[8] Замысел этой статьи возник в связи с полемикой между историками Н. И. Костомаровым и М. П. Погодиным. В приложениях к «Месяцеслову» на 1864 г. Костомаров опубликовал статью «Куликовская битва», в которой поставил под сомнение личную доблесть и силу характера князя Дмитрия Донского. Погодин возражал на эту статью в специальном «письме» («Два слова о статье „Куликовская битва", помещенной в календаре»), опубликованном в газете «День» (1864, 25 января, № 4, стр. 19—22). На это «письмо» Костомаров отвечал в газете «Голос» (1864, 1 (13) февраля, № 32). Достоевский полагал, что, если он вмешается в полемику Костомарова с Погодиным, ему будет «что сказать и тому и другому» (см. письмо 219). Однако статья не была написана из-за недостатка времени. Кроме того, несколько позже М. М. Достоевский решил, что брат «лучше напишет» на литературную, нежели на историческую тему. Статья о Костомарове была поручена писателю Д. В. Аверкиеву, который специально занимался русской историей. Она появилась в «Эпохе» (1864, № 3) под названием «Г-н Костомаров разбивает народные кумиры» (см.: *Д, Материалы и исследования*, стр. 549, 577). О подготовительных заметках Достоевского для статьи о Костомарове см. наст. изд., т. XX, стр. 364—365, 367—368.

[9] Этот «особенный» привет объясняется следующими строками из письма М. М. Достоевского от 2 марта: «Нынче Машино рожденье! Скучно провели мы его. Катя выздоравливает...» (стр. 549).

218. П. А. ИСАЕВУ (стр. 67)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 71—72.
Впервые опубликовано: *СВ*, 1891, № 11, с. 8—9.

[1] О болезни Достоевского см. в письме 217.

219. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 68)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.14, лл. 5—7.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 270—271.
Ответ на письмо М. М. Достоевского от 2 марта 1864 г. (*Д, Материалы и исследования*, стр. 548—549).

[1] М. М. Достоевский писал: «Посылаю тебе „Голос“, в котором ты найдешь материал для статьи своей. Новый ответ Костомарова». Речь идет о № 62 газеты «Голос» от 2 (14) марта 1864 г. Здесь под общей рубрикой «Переписка гг. Погодина и Костомарова» был помещен ответ М. П. Погодина, озаглавленный: «Н. И. Костомарову (По поводу его ответа на мою статью, напечатанную в 4 № «Дня», о Куликовской битве)», помеченный 10 февраля, и ответ Костомарова Погодину (без заглавия и под датой: февраля 19-го).

[2] См. письмо 217.

[3] Ответ на следующие слова из письма М. М. Достоевского: «Не пиши большой статьи, не вдавайся в подробности. Покороче, но только, ради бога, поскорее» (стр. 549).

[4] Такую статью «с общим взглядом» Н. Н. Страхов написал, но ее запретила цензура (см. письмо 22, примеч. 3).

[5] Речь идет о «Записках из подполья». Они были напечатаны в «Эпохе» в №№ 1—2, 4 за 1864 г.

[6] Замысел статьи о Кохановской возник у Достоевского, по всей вероятности, в связи с публикацией в еженедельной газете «День» (1864, №№ 5—15) ее романа «Рой-Феодосий Саввич на спокое». О резко отрицательном отношении к названному роману свидетельствуют наброски Достоевского к статье о Кохановской в записных тетрадях за 1863—1864 гг. (см. наст. изд., т. XX, стр. 176, 178, 365; см. также примеч. 19 к письму 355). Однако в творчестве Кохановской Достоевский усматривал и положительное начало. Свидетельство этому — более поздний отзыв о ее повести «Гайка» (см. письмо 355) и факт намерения братьев Достоевских привлечь Кохановскую к сотрудничеству в журнале «Время» (см.: *ЛН*, т. 83, стр. 188; наст. изд., т. XX, стр. 359).

[7] К марту 1864 г. были напечатаны следующие очерки и рассказы В. А. Слепцова: «Владимирка и Клязьма», «Спевка», «Письма об Осташкове», «Сцены в больнице», «Питомка», «Ночлег» и «Свиньи». «Заметка» Достоевского о Слепцове в «Эпохе» не появлялась.

[8] Вместо запрещенной цензурой статьи с «общим взглядом» (см. примеч. 4), Страхов ограничился опубликованием в первой книжке журнала за 1864 г. «Письма в редакцию „Эпохи“», подписанного обычным его псевдонимом Н. Косица. В этом письме не было ни единого слова о конкретных литературных явлениях (например, рассказах Слепцова), а констатировалось в самой общей форме «оскудение идеала» в современной общественной жизни, превозносилась философия Гегеля, подчеркивалась «несостоятельность» материализма, владеющего умами современной молодежи, и т. д. Заявив в начале «письма», что ему «непонятно ‹...› каким образом оптимизм может держаться в наш век», Страхов тем не менее заканчивал его следующим пожеланием редакции и сотрудникам «Эпохи»: «Итак, радость и бодрость! Та радость и та бодрость, без которой уже невозможно ни жить, ни работать. Вот вам напутствие для начала нового вашего журнала» (*Э*, 1864, № 1, стр. 578, 580, 582, 586).

[9] См. письма 217, 218.

[10] Имеются в виду письма М. М. Достоевского от 1 и 2 марта (*Д, Материалы и исследования*, стр. 548—549).

[11] В. Д. Констант вскоре приехала в Москву (см. письмо 220).

[12] Имеется в виду день рождения М. М. Достоевской (см. примеч. 9 к письму 217).

220. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 69)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1.37, лл. 1—2 об.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 612—614.

М. М. Достоевский ответил 23 марта (*Д, Материалы и исследования*, стр. 550).

[1] Это письмо М. М. Достоевского неизвестно. 21 марта он послал еще одно письмо брату, в котором уведомлял о выходе первого номера «Эпохи» (сдвоенного), о запрещении статьи Страхова, о получении письма «из Парижа» от Сусловой и об отправке Достоевскому в Москву очередных 100 р. (*Д, Материалы и исследования*, стр. 549).

[2] О болезни Достоевского см. в письме 219.

[3] Аксаковские «вечера» происходили еженедельно по пятницам: они приурочивались к выходу очередного номера газеты «День». Так, в пятницу 5 января 1862 г. И. С. Аксаков писал Н. С. Сохановской: «Пишу вам второпях, потому что некогда, а некогда потому, что выпускаю 13 № (он у меня в пятницу вечером всегда готов и раздается друзьям, а в книжные лавки поступает утром в субботу» (*РО*, 1897, № 5, стр. 65). Аналогичное сообщение о тех же «вечерах» содержится в письме Аксакова к А. Д. Блудовой (9 декабря 1861 г.): «...нумер у меня всегда выходит в пятницу, в 9 часов вечера: в это время у меня всегда бывает человек до 20 знакомых, которые тут же и получают свои экземпляры; с вечера же выдается газета рассыльным для разноски, по городу, а ранехонько утром в субботу сдается на почту и книгопродавцам» (см.: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. СПб., 1896, т. IV, стр. 217). Очевидно, под «друзьями» и «знакомыми» подразумевались здесь единомышленники-славянофилы. Душой же этих встреч, по свидетельству самого И. С. Аксакова, была его сестра Вера Сергеевна («Сестра была мне старшим, строгим другом, — она сверстница моего покойного брата, вся выросла и развилась в направлении славянофильской школы, которой больше была верна, чем я сам» — *РО*, 1897, № 8, стр. 480). «Пятницы» проводились регулярно со дня выхода в свет первого номера газеты «День» (15 октября 1861 г.) по февраль 1864 г. (дата смерти В. С. Аксаковой — 24 февраля этого года).

[4] Подразумеваются «Записки из подполья».

[5] Статья не была написана. О задуманных для «Эпохи» статьях см. письмо 217, примеч. 7, 8.

[6] Отклик на совет М. М. Достоевского написать статью «покороче» (см. примеч. 3 к письму 219).

[7] Речь идет о книге «Записки и письма М. С. Щепкина. С его портретом, факсимиле и статьею о его сценическом таланте, писанною С. Т. Аксаковым» (М., 1864). Она была упомянута в объявлении «Эпохи» (1864, № 3) о новых поступлениях в книжный магазин А. Ф. Базунова; М. М. в ответном письме сообщал: «Я не видал еще Страхова и не говорил еще с ним о книге Щепкина. Критика, действительно, может выйти превосходная». Статья об этой книге в «Эпохе» не появилась.

[8] М. М. Достоевский тоже выражал уверенность, «что „Ряд статей“ будет напечатан в мартовской книжке» (см. примеч. 3 к письму 222).

[9] В начале 1864 г. А. Е. Разин, составлявший во «Времени» и «Эпохе» раздел «Внутреннее обозрение», был направлен в Польшу на службу по крестьянским делам (см.: Русский биографический словарь. П—Р. СПб., 1910, стр. 414). М. М. Достоевский отвечал на слова брата о Разине: «Разина, конечно, нескоро заменишь. Кстати, я получил от него письмо. Он предлагает писать в „Эпоху“ корреспонденции из Варшавы по поводу тамошнего крестьянского дела. <...> Корреспонденции его могут быть в высшей степени интересны. Таким образом, потеря в одном отделе может с лихвою вознаградиться в другом» (подробнее об участии Разина в журналах братьев Достоевских см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 67—69, 73—75, 93, 95, 97).

[10] Вняв этому совету, М. М. Достоевский поместил в «Эпохе» (1864, № 3) политический очерк «Рим, папа и Антонелли», подписанный буквами С. К. Автором этого очерка был С. П. Колошин (см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 255).

[11] «Политический отдел» для мартовского номера «Эпохи» составлен не был.

[12] Достоевский имеет в виду заметку Я. О. Орла «О драмах из русской истории г-на Чаева», в которой сообщалось: «Г-н Н. А. Чаев написал, после многолетнего приготовления, две драмы, называемые им драматическими хрониками или летописями в лицах: „Александр князь Тверской“ и „Дмитрий Самозванец“.

Они еще нигде не напечатаны; два акта первой были читаны на днях по просьбе Комитета общества любителей художеств с большим успехом в его зале; а вторая только в тесном кружке друзей автора. Художественный, верный и чисто народный язык и замечательное уменье владеть им невольно поразили слушателей ‹...› Уступая просьбам слышавших и желая в то же время оказать пособие студентам-югославянам, воспитывающимся в России, автор решился прочесть эти драмы в Кокоревской зале...» (*Д*, 1864, 14 марта, № 11).

[13] Н. А. Чаев напечатал в «Эпохе» пьесу «Сват Фадеич. Предание в лицах» (1864, № 2) и драматическую хронику «Дмитрий Самозванец» (1865, № 1; подробнее см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 119, 120).

221. П. А. ИСАЕВУ (стр. 71)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 74—75.
Впервые опубликовано: *СВ*, 1891, № 11, стр. 9—10.

[1] Об этом «приказании» см. в письме 218.

[2] Это письмо, как и все письма Исаева к Достоевскому, написанные до 29 августа 1866 г., неизвестны.

[3] Этот «портрет» (т. е. фотография) неизвестен. В Историческом музее в Москве хранилась фотография Исаева, сделанная в 1871 г. (см.: *Достоевская, Библиографический указатель*, стр. 320; в кн.: *Гроссман, Жизнь и труды* помещена его фотография, относящаяся к 1870-м гг.).

[4] В. Д. Констант приехала ухаживать за тяжелобольной сестрой.

222. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 72)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29608, лл. 5—6; *ЦГАЛИ*, ф. 202, оп. 1, ед. хр. 37, л. 3 (здесь хранится заключительная часть письма — от слов «в магазине готовых плат‹ьев›»).

Впервые опубликовано (частично): *Биография*, отд. II, стр. 271; полностью: *Д, Письма*, т. I, стр. 352—354.

Ответ на письма М. М. Достоевского от 21 и 23 марта 1864 г. (*Д, Материалы и исследования*, стр. 549—550).

[1] В письме от 21 марта 1864 г. М. М. Достоевский писал: «Нынче вышла „Эпоха“. Наконец-то!» (стр. 549). Объявление о выходе первого номера «Эпохи» было напечатано в «СПб. ведомостях» 24 марта 1864 г.

[2] См. письмо 219, примеч. 8. «Письмо в редакцию „Эпохи“» действительно гораздо больше было похоже на торопливую отписку, чем на программную статью для журнала.

[3] В журнале «Время» несколько статей под общим названием «Ряд статей о русской литературе» принадлежали перу самого Достоевского (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 41—103; т. XIX, стр. 5—66). Предполагалось, что издание «Эпохи» также начнется «Рядом статей», подчеркивающих общественную и литературно-эстетическую позицию почвенников, и что эти статьи будет писать Н. Н. Страхов. Но первую же из написанных им

статей не пропустила цензура, о чем М. М. Достоевский сообщал брату в упомянутом выше письме от 21 марта: «Столько борьбы пришлось выдержать и всё безуспешно. Самая патриотическая статья, самая лучшая в журнале, именно „Ряд статей", не могла быть напечатана» (стр. 549). Сам Страхов позднее вспоминал: «Началась „Эпоха" в очень неблагоприятных обстоятельствах. Федор Михайлович был в Москве, у постели умирающей жены, и сам больной, так что не успел ничего написать. Мою статью „Перелом" запретила напуганная цензура, вообще очень подозрительно следившая за „Эпохою", а меня считавшая чрезвычайно опасным, так что не пропускала тех самых моих статей, в которых я рвался заявить свой патриотизм и снять с себя обидное обвинение» (*Биография*, отд. I, стр. 269). Далее Страхов пишет о том, что из-за запрещения «Современника» и «Русского слова», падения авторитета герценовских изданий и усиления влияния «Московских ведомостей» «в 1863 году совершился глубокий перелом общественного настроения, самый глубокий и важный из всех подобных переворотов, происходивших в прошлое царствование» (там же, стр. 270). Очевидно, суждения об этом переломе, т. е. спаде революционной ситуации и усилении «казенного» патриотизма, занимали много места в запрещенной статье. Не прошла цензуру и еще одна статья Страхова из этого цикла. Называлась она «Воздушные явления» (см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 15, 16, 69, 148).

[4] Январский и февральский номера «Эпохи» за 1864 г. вышли одной книжкой.

[5] Перевод романа Ф. Шпильгагена «Загадочные натуры» печатался в 1—4-м номерах «Эпохи» за 1864 г.

[6] Имеется в виду переводная статья из «Знаменитых процессов всех народов» А. Фукье «Из уголовных дел Франции. Госпожа де-Прален (Praslin). Процесс 1847 года». (См.: *Материалы и исследования*, т. I, стр. 239—241).

[7] Речь идет об очерке О. Ержинского «Старые и новые порядки (Записки помещика)» (подробнее о нем см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 51). Достоевский прочитал этот очерк позднее (см. письмо 223).

[8] При первом прочтении Достоевский высоко оценил повесть Тургенева (см. письмо 212). Настоящий же отзыв является как бы отдаленным предвестием пародийных сцен в «Бесах», в которых Тургенев будет жестоко высмеян под именем тщеславного, пошло самовлюбленного Кармазинова, автора «Merci». О пародировании в «Бесах» личности Тургенева и эпизодов из целого ряда его произведений («Призраки», «Довольно», «Отцы и дети», «Дым», «По поводу „Отцов и детей"», «Казнь Тропмана») см.: *Тургенев, Сочинения*, т. IX, стр. 477—478, 493—494; наст. изд., т. XII, стр. 225—226, 311).

[9] Речь идет о статье А. А. Григорьева «Русский театр. 1. По возобновлении в первый раз», посвященной артистам александринской сцены.

[10] Подразумевается первая часть статьи Д. В. Аверкиева «Университетские Отцы и Дети» (продолжение ее было напечатано в мартовской книжке «Эпохи» за 1864 г.).

[11] Кому принадлежит эта анонимная статья, неясно. Предположение В. С. Нечаевой, что автором ее является А. Е. Разин (см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 67—68), сомнительно (см. об этом в рецензии В. А. Туниманова «Завершение многолетнего труда» — *РЛ*, 1976, № 2, стр. 202—203).

[12] Речь идет о статье «История польского восстания и войны 1830 и 1831 годов Ф. Смита. Переведено с немецкого гвардии штабс-капитаном Квитницким. Том I и II. СПб., 1863 г. (Статья первая)». А. С. Долинин писал: «Компиляция сделана, по всей вероятности, Долгомостьевым (указание Б. В. Томашевского, сделанное им на основании приходно-расходных книг по журналам «Время» и «Эпоха»)» (*Д, Письма*, т. II, стр. 517). Продолжение «компиляции» печаталось в мартовской и апрельской книжках «Эпохи» за 1864 г. (подробнее см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 68—69).

[13] «Ерши» — отрывок из романа В. В. Крестовского «Петербургские трущобы».

[14] Подразумевается очерк П. Н. Горского «Бедные жильцы. В больнице и на морозе (Из записок Страстотерпцева)». Отводя несколько ниже «все нападения на Горского», — на том основании, что «это совсем не литература», — Достоевский, по всей вероятности, имеет в виду напечатанную в «Современнике» очень резкую анонимную рецензию на «Сатирические очерки и рассказы Петра Горского», вышедшие отдельным изданием в 1863 г. В этой рецензии разоблачалась претензия Горского рассматривать себя в одном ряду с такими писателями как Щедрин, Писемский и Островский, указывалось на «совершенное отсутствие» у него «наблюдательности», «чутья действительности», «понимания того, что совершается в обществе и литературе». «О сатире в современном ее значении, — добавлял рецензент, — он <...> не имеет ни малейшего понятия» (*С*, 1864, № 1, отд. II, стр. 88). В связи с этим и «остроумие» Горского определялось в рецензии как «самое плоскодонное», выражающееся лишь «в перевирании слов» (там же, стр. 94). Переходя к оценке рассказов Горского о «бедных тружениках» (очевидно, подобных тем, которые описывались им в очерке «Бедные жильцы», помещенном несколько позже в «Эпохе»), рецензент констатировал: «К сожалению, и здесь почти все отзывается или положительной выдумкой, или самой безобразной натяжкой <...> на каждом шагу видно, что правда жизни положительно незнакома автору» (там же, стр. 95). В конце рецензии обращалось внимание на такие особенности «стиля» Горского, как «деланный азарт и резонерство», «деревянность» описаний и т. п. (там же). Впоследствии П. Н. Горский послужил одним из прототипов Мармеладова (см. наст. изд., т. VII, стр. 334).

[15] Имеется в виду небольшой рассказ из серии «Листки из памятной книжки» А. П. Милюкова. Следующий рассказ из этой серии появился в апрельской книжке «Эпохи» за 1864 г.

[16] Речь идет об анонимной статье «Иероним Савонарола. Опыт исторической монографии», принадлежавшей Н. А. Осокину. Значительное место в ней отведено характеристике Савонаролы как обличителя безнравственности католического духовенства (подробнее см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 109).

[17] О «новой» статье Н. Н. Страхова, также запрещенной, см. письмо 223, примеч. 7.

[18] Эта «статья» — первая часть «Записок из подполья» («Подполье»). Автограф ее не сохранился, и потому установить конкретно изменения в тексте, появившиеся вследствие вмешательства цензуры, невозможно (см. наст. изд., т. V, стр. 374, 375, 381, а также т. XX, стр. 191—194, 384).

[19] Испытывая потребность заявить как можно определеннее о направлении журнала, Достоевский вскоре после смерти брата напечатал пространное объявление «Об издании ежемесячного журнала „Эпоха"...» (*Э*, 1864, № 8). В нем говорилось о необходимости продолжения почвеннических традиций «Времени». Вместе с тем здесь было допущено и отступление от прежних позиций. Достоевский, например, заявлял: «Не хулить, не осуждать, а любить уметь — вот что надо теперь наиболее настоящему русскому» (наст. изд., т. XX, стр. 217). Об идеологической позиции и сложном материальном положении журнала, приведшем его вскоре к полному краху, см. в рецензии В. А. Туниманова «Завершение многолетнего труда» (*РЛ*, 1976, № 2, стр. 200—202).

[20] В сохранившихся письмах М. М. Достоевского об откликах печати на выход в свет «Эпохи» не упоминается. Отношение же публики к «Эпохе» было настороженным. В связи с этим М. М. Достоевский писал брату 6 апреля 1864 г.: «Заявивших требование с майской книги пока очень немного. Около 200. Очевидно, публика ждет, каковы будут последующие книги» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 552).

[21] Продолжение повести «Записки из подполья» появилось в четвертой книжке «Эпохи» за 1864 г.

[22] Об этих «наказах» Исаеву см. в письмах 218 и 221.

[23] Сообщения об отправленных деньгах содержались в письмах М. М. Достоевского от 21 и 23 марта 1864 г.

223. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 74)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.14, лл. 197—202.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 144—146.
М. М. Достоевский ответил 6 апреля 1864 г. (*Д, Материалы и исследования*, стр. 550—551).

[1] Достоевский отвечает на не дошедшее до нас письмо М. М. Достоевского, написанное, по всей вероятности, в последних числах марта 1864 г. Но еще в письме от 21 марта 1864 г. М. М. Достоевский писал брату: «Так как ты, мне кажется, гораздо лучше напишешь о Кохановской, чем о Костомарове, то позволь мне передать этот сюжет Аверкиеву, который занимается русской историей. Отвечай мне. В таком случае вместо одной были бы две статьи» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 549). Достоевский не успел написать ни о Кохановской, ни о Костомарове, а статья Аверкиева о Костомарове появилась в третьей книжке «Эпохи» за 1864 г. (см. также письмо 217, примеч. 8).

[2] Возможно, об этом пожелании М. М. Достоевский успел сообщить Аверкиеву, и последний постарался в какой-то мере его учесть. Косвенное подтверждение этому — следующее заявление в статье Аверкиева «Г-н Костомаров разрушает народные кумиры»: «Нас... интересуют не столько подробности полемики двух ученых, сильно понадеявшихся па память, сколько самая битва, хотя мы, по-видимому, будем следить по этой полемике за ходом битвы» (*Э*, 1864, № 3, стр. 289).

[3] Ироническая интерпретация славянофильской брошюры «К Сербам. Послание из Москвы» (1860) дана Н. Г. Чернышевским в статье «Самозванные старейшины» (*С*, 1862, № 3; см.: *Чернышевский*, т. X, стр. 125—135).

[4] «Заметки летописца» вскоре были написаны Н. Н. Страховым и напечатаны в № 3 «Эпохи» за 1864 г. (см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 255).

[5] Имеется в виду вторая часть «Записок из подполья», появившаяся в апрельской книжке «Эпохи» за 1864 г.

[6] О «Ряде статей» см. письмо 222, примеч. 3.

[7] Такая статья под названием «Воздушные явления» была Страховым написана в мае этого года. Она носила остро полемический характер и не была пропущена цензурой (см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 148).

[8] Очевидно, речь идет о «Загадочных натурах» Ф. Шпильгагена (см. письмо 222, примеч. 5).

[9] Об очерке О. Ержинского см. письмо 222, примеч. 7.

[10] Об очерке П. Н. Горского «Бедные жильцы» см. письмо 222, примеч. 14.

[11] В связи с этим пожеланием М. М. Достоевский писал в ответном письме: «...ты напрасно обвиняешь меня в том, что мало объявлений. Во всех газетах, даже в „Бирж‹евых› вед‹омостях›" было объявлено о выходе №№ 1 и 2 „Эпохи". В „М‹осковских› ведом‹остях›", „Голосе", „Инвалиде" и в „СПб. вед‹омостях›" было объявлено об этом по *два* раза. Чего же более. Причин не особенно сильной подписки должно искать не в этом, а в ее запоздалости. Публика привыкла подписываться в декабре и январе и уж ничем не заставишь ее изменить ее привычку» (стр. 550—551).

[12] Это письмо П. А. Исаева неизвестно.

[13] Эти деньги были высланы Достоевскому 7 апреля 1864 г. (см.: *Д, Материалы и исследования*, стр. 550).

[14] Имеется в виду В. Д. Констант.

224. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 77)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.14, лл. 203—206.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 146—147.

[1] Речь идет о «Записках из подполья».

[2] Дата цензурного разрешения мартовской книги «Эпохи» за 1864 г. — 23 апреля 1864 г.; дата выхода этой книги в свет — 3 мая 1864 г. (см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 255).

[3] «Перерыв» в работе над «Записками из подполья» был связан с предсмертной болезнью М. Д. Достоевской. См. также примеч. 12 к письму 227.

[4] В письме от 6 апреля 1864 г., с которым разминулось настоящее письмо, М. М. Достоевский писал: «Непременно бы нужно выдать книгу к праздникам. За тобою дело» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 552). Под «книгой» подразумевался мартовский номер «Эпохи», а под праздниками — пасхальные дни.

[5] В названном выше письме М. М. Достоевский сообщал: «Полонский везет свою драму в Москву. Вещь очень не дурная, но ломит он неимоверно. „Современник" отказался от нее. Я предлагал 500 р. деньгами и 1000 оттисков. Не соглашается». Эта пьеса под названием «Разлад. Сцены из последнего польского восстания» была все-таки напечатана в «Эпохе» (1864, № 4).

[6] Об этом объявлении см. в письме 227 и примеч. 12 к нему.

[7] Кроме окончания «Записок из подполья», Достоевский ничего не успел написать для апрельской книжки «Эпохи» за 1864 г.

[8] Это чтение состоялось 4 апреля 1864 г. в доме Кокорева на Маросейке. Достоевский читал отрывок из «Записок из Мертвого дома», Островский — отрывок из пьесы «Праздничный сон до обеда», а Н. А. Чаев — отрывок из драмы «Князь Александр Тверской» (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 134; см. также: *ЛН*, т. 86, стр. 395—396; сообщение о предстоящем «литературном утре» см.: *МВед*, 1864, 2 апреля, № 74; 3 апреля, № 75).

[9] Книжки «Эпохи» были высланы Островскому гораздо позже самим Достоевским (см. письмо 240).

[10] О драме Н. А. Чаева «Александр Тверской» см. в письме 220 и примеч. 12 к нему.

[11] О романе Ф. Шпильгагена «Загадочные натуры» см. письмо 222 и примеч. 5 к нему.

225. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 78)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.14, лл. 207—214.

Впервые опубликовано (с пропусками): *Биография*, отд. I, стр. 148—152; полностью: *Д, Письма*, т. I, стр. 358—363.

Ответ на письмо М. М. Достоевского от 6 апреля 1864 г. (*Д, Материалы и исследования*, стр. 550—552). М. М. Достоевский ответил 14 апреля 1864 г. (там же, стр. 552—553).

[1] Испытывая финансовые затруднения с изданием «Эпохи», М. М. Достоевский решил занять 10 000 р. у А. Ф. Куманиной. Погасить этот заем, с уплатой вперед 10 % годовых, он предполагал в два срока — к маю 1865 г. и в 1866 г. (см.: *Д, Материалы и исследования*, стр. 551). После смерти брата к помощи тетки пришлось прибегнуть и Ф. М. Достоевскому. В связи с этим Н. Н. Страхов пишет в своих воспоминаниях: «„Эпоха" была начата *ни с чем*; через год, когда она кончилась (второю книжкою 1865), на нее была убита не только вся подписка, но и та доля наследства, которая приходилась братьям от богатой московской родственницы (кажется, по 10 000 руб. на каждого) и которую они выпросили вперед...» (*Биография*, отд. I, стр. 269). В *ИРЛИ* сохранились два векселя (один на четыре, другой на шесть тысяч рублей), выданные Ф. М. Достоевским А. Ф. Куманиной 11 августа 1864 г. (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 137).

[2] Имеется в виду О. Я. Нечаева.

[3] О племянниках А. А. Куманина — А. К. и К. К. Куманиных см. в письме 209.

[4] Речь идет об А. А. Куманине.

[5] А. П. Иванов был поверенным в делах А. Ф. Куманиной.

[6] Это заверение — ответ на просьбу М. М. Достоевского, не желавшего посвящать А. П. Иванова в свой план займа у тетки: «Ради бога только, — писал он 6 апреля, — это секрет, и Александру Павловичу об этом ни полслова. Это болтун. Помочь он не поможет, а болтовней своей все испортит» (стр. 551).

[7] Это ответ на следующие строки из того же письма М. М. Достоевского: «Я хочу написать к Вареньке. Как ты думаешь? Или не поговорить ли тебе самому с нею. Тут должно поступить осторожно, то есть довериться тем, кто действительно захочет способствовать этому <...> Если ты найдешь полезным поговорить с Варенькой, то поговори по секрету и покажи ей письмо это» (стр. 551).

[8] Все эти советы и наставления не были приняты М. М. Достоевским. В ответном письме он писал: «Я могу приехать не иначе как после кудахтанья <...> Напрасно ты не показал письма Вареньке <...> Пусть Варя разболтает. Это и прекрасно. Этого я и хочу. Главное только, нужно непременно сделать, чтоб она была за меня; вообще нужно подготовить почву. Тогда я обращусь к тетке с письмом, и, когда оно произведет действие, тогда и только тогда я приеду» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 552—553).

[9] В 1864 г. святая неделя приходилась на 19—25 апреля ст. ст.

[10] Подразумевается запрещение журнала «Время» и хлопоты М. М. Достоевского, в результате которых последовало разрешение издавать журнал «Эпоха».

[11] Речь идет о М. Ф. Достоевской.

[12] Подразумевается регулярная денежная помощь, которую получали сестры Достоевского от А. А. Куманина, а также наследство, которым он их обеспечил. Из неопубликованного письма А. П. Иванова известно, что в ноябре 1863 г., через несколько месяцев после смерти А. А. Куманина, все братья и сестры Достоевские получили по три тысячи рублей (см.: *Д, Письма*, т. I, стр. 563).

[13] См. выше, примеч. 8. В письме от 18 апреля 1864 г. М. М. Достоевский писал: «Чем больше я раздумываю о тетке, тем более укрепляюсь в мысли, что я поступаю благоразумно. Я бы только даром проездил. Этот шаг еще не уйдет» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 554).

[14] Речь идет о «Записках из подполья» (см. письмо 224).

[15] В письме от 6 апреля 1864 г. М. М. Достоевский писал брату: «Непременно бы нужно выдать книгу к праздникам». Но в следующем письме, от 14 апреля 1864 г., сообщал: «К празднику я не успел выпустить книги» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 552). Третья книжка «Эпохи» за 1864 г. вышла в свет 2 или 3 мая 1864 г. (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 143).

[16] Критическая статья Достоевского в мартовской книге «Эпохи» за 1864 г. не появилась.

[17] В апрельской книжке Достоевский поместил только продолжение «Записок из подполья» («По поводу мокрого снега»).

[18] Еще в письме от 23 марта 1864 г. М. М. Достоевский писал: «Я не видал еще Страхова и не говорил еще с ним о книге Щепкина. Критика действительно может выйти превосходная. Я надеюсь, т. е. есть надежда, что „Ряд статей“ будет напечатан в мартовской книге» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 550). Эти надежды не оправдались.

[19] О романе Ф. Шпильгагена см. в письме 222 и примеч. 5 к нему.

[20] В первой (сдвоенной) книге «Эпохи» за 1864 г. были напечатаны «Призраки» Тургенева.

[21] Объявление о выходе в свет сдвоенной (январь и февраль) книги «Эпохи» за 1864 г. появилось в петербургских газетах 24 марта 1864 г. (см. письмо 222, примеч. 1). «Заманчивым» это объявление Достоевский называет, очевидно, потому, что в нем обещалось доставлять «Эпоху» подписчикам из расчета за 6, а не за 16 руб. в год — с целью погашения

задолженности за не вышедшие в свет номера «Времени» после запрещения этого журнала в мае 1863 г. Характеристику содержания «Эпохи» за январь—февраль 1864 г. см. в письме 222.

[22] Очевидно, на М. М. Достоевскую возлагалась надежда повлиять на А. Ф. Куманину.

[23] Речь идет о повести А. П. Сусловой «Своей дорогой». Она была напечатана в № 6 «Эпохи» за 1864 г.

[24] «Прежде» в журнале «Время» были напечатаны два рассказа начинающей писательницы: «Покуда» (1861, № 5) и «До свадьбы» (1863, № 3). Характеристику литературных произведений Сусловой, незначительных по своему художественному достоинству, но интересных как материал, проясняющий некоторые важные моменты биографии и творчества Достоевского, см. в статье А. С. Долинина «Достоевский и Суслова» (*Сб. Достоевский, II*, стр. 172—173, 178, 179, 181, 185, 191—196, 203—204 и др.).

226. П. А. ИСАЕВУ (стр. 83)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 77—78.
Впервые опубликовано: *СВ*, 1891, № 11, стр. 10—11.

[1] См. письма 222—225.
[2] Это письмо Исаева неизвестно.
[3] О записочке Исаеву от В. Д. Констант см. в конце письма 223.

227. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 84)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.14, лл. 215—222.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. I, стр. 152—157.

[1] Эти письма неизвестны.

[2] Речь идет о «Записках из подполья». Достоевский ссылается на свои письма от 5 и 9 апреля (см. письма 224, 225).

[3] Продолжение «Записок из подполья» появилось в апрельской книжке журнала; о «статьях» см. письмо 217, примеч. 7, 8.

[4] Речь идет о письме М. М. Достоевского от 6 апреля 1864 г. (*Д, Материалы и исследования*, стр. 552). Праздник — святая (т. е. пасхальная) неделя.

[5] Имеется в виду роман П. А. Зарубина «Происшествия сороковых годов». Первая часть его была напечатана в мартовской книжке «Эпохи» за 1864 г., вторая — в апрельской.

[6] Для апрельской книжки «Эпохи» за 1864 г. у А. П. Милюкова были «взяты» статья «О малороссийской литературе» и второй рассказ «Листки из памятной книжки» (первый рассказ под таким названием был напечатан в январско-февральском номере «Эпохи» за 1864 г.). Кроме того, в августовской книжке «Эпохи» за тот же год появилась его повесть «Посмертные записки одного скитальца». О произведениях Милюкова, напечатанных в «Эпохе», см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 127—128, 149.

[7] См. письмо 225.

[8] Объявления (газетные) о выходе мартовской книжки «Эпохи» за 1864 г. появились только 3 мая 1864 г.

[9] Ни в мартовской, ни в последующих книжках «Эпохи» сочинения П. Н. Горского не появлялись. Возможно, в Москве Достоевский «видел», как «читали» очерк Горского из цикла «Бедные жильцы. В больнице и на морозе», напечатанный в № 1—2 «Эпохи» за 1864 г.

[10] Эта хотя и беглая, но по существу вторая положительная оценка Достоевским повести «Призраки» (первую см. в письме 212) созвучна суждениям об этой «фантазии», содержащимся в переписке Тургенева с П. В. Анненковым. Подбадривая Тургенева, не решавшегося выступать

в печати с «Призраками», Анненков писал ему 25 сентября 1863 г.: «Десяток человек, конечно, поймут, сколько тут относительной правды, жизненности, душевной исповеди, грусти и теплоты, но для этого десятка именно и нужно печатать фантазию...» (*Достоевский и Тургенев. Переписка*, стр. 74). «Мне приятно, — отвечал Тургенев в письме 28 сентября (10 октября) 1863 г., — что Вам эта вещь понравилась, а до остальных, то есть до массы, — мне, право, дела мало» (*Тургенев, Письма*, т. V, стр. 161). Не исключено, что в личном общении с братьями Достоевскими (еще до опубликования «Призраков» в «Эпохе») Анненков упоминал об этом тургеневском пренебрежении к читательской «массе», и оно получило приглушенный отголосок в настоящем письме.

[11] Речь идет о романе Шпильгагена «Загадочные натуры» (см. письмо 222, примеч. 5).

[12] В конце мартовской книжки «Эпохи» за 1864 г. М. М. Достоевский поместил объявление «От редакции»: «Продолжение повести Ф. М. Достоевского „Записки из подполья", по случаю болезни автора, отложено до следующей книги».

[13] В этом объявлении Краевский ограничился перепечаткой оглавления номера (см.: *Г*, 1864, 12 (24) апреля, № 102). Об отношении Достоевского к Краевскому и выходившим под его редакцией «Голосу» и «Отечественным записками» см. в статье «Каламбуры в жизни и в литературе» — наст. изд., т. XX, стр. 137—147.

[14] Об Н. А. Чаеве и его драме «Александр Тверской» Достоевский писал брату дважды (см. письма 220 и 224).

[15] Вероятно, имеется в виду заметка Я. О. Орла «О драмах из русской истории г-на Чаева» (см. письмо 220, примеч. 12).

[16] Островский, судя по контексту настоящего письма, высказал Достоевскому свое мнение о пьесе Чаева на «публичном чтении» 4 апреля 1864 г. (см. письмо 224, примеч. 8). Позднее в «Библиотеке для чтения» (1864, № 9) была напечатана драматическая хроника Чаева «Князь Александр Михайлович Тверской».

[17] Очевидно, речь идет о доставленной в «Эпоху» Н. Д. Дмитриевым драматической хронике Чаева «Дмитрий Самозванец», позднее напечатанной в этом журнале (1865, № 1).

[18] Было ли написано это письмо, неизвестно.

[19] О деньгах для П. Д. Боборыкина за обещанную ему Достоевским, но не представленную вовремя повесть см. в письме 229 и примеч. 7 к нему.

[20] Эта «насмешка» была допущена в статье «Приемный день у редактора», напечатанной в декабрьском номере «Библиотеки для чтения» за 1863 г. Достоевский узнал об этом из письма М. М. Достоевского от 27 января 1864 г. (см.: *Д, Материалы и исследования*, стр. 546—547; см. также письмо 228, примеч. 2).

[21] Страхов мог «подбивать» Достоевского «ехать к Боборыкину» между 5 и 8 апреля 1864 г. (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 134—135).

[22] Деньги были возвращены Боборыкину безотлагательно.

[23] Имеется в виду письмо 228.

[24] Имеется в виду статья Н. Н. Страхова «Письмо в редакцию „Эпохи"», напечатанная под псевдонимом Н. Косица в январско-февральской книжке этого журнала за 1864 г.

[25] Повесть А. П. Сусловой «Своей дорогой» была напечатана в июньской книжке «Эпохи» за 1864 г.

228. П. Д. БОБОРЫКИНУ (стр. 88)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.4.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 158—160.

Ответ на письмо Боборыкина от 11 апреля 1864 г. (*Д, Письма*, т. I, стр. 571).

[1] См. письмо 227.

[2] Достоевского раздосадовали фамильярные суждения о характере его творчества в сценках «Приемный день у редактора», принадлежавших перу В. П. Буренина и напечатанных в декабрьской книжке «Библиотеки для чтения» за 1863 г. В одной из этих сцен разбитной «господин», распространяющий вокруг «винный запах», предлагает редактору: «Есть у меня вещицы в тепленьком роде, знаете, à la Достоевский... записки заключенного... нынче больше этот род требуется.

Редактор. Гм, гм.

Господин. Так вам в чувствительном-с? А то не желаете ли сатирическую поэму?» (*БдЧт*, 1863, № 12, стр. 8—9).

[3] Действительно, тон письма Боборыкина исключал возможность дальнейших объяснений. Оно начиналось так: «Милостивый государь, Федор Михайлович.

Так как Вы, вероятно, не нашли возможным до сего дня исполнить Вашего обещания касательно доставления мне Вашего рассказа, то позвольте мне почтительнейше просить Вас: покончить наши счеты и возвратить мне взятые Вами триста рублей сер. Я положительно рассчитывал поместить Вашу вещь в начале года, а не в летние месяцы...».

229. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 90)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.14, лл. 223—225.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 157—158.

М. М. Достоевский ответил 18 апреля 1864 г. (*Д, Материалы и исследования*, стр. 553—554).

[1] Эта телеграмма неизвестна. В ответном письме М. М. Достоевский писал: «Странно, что так запоздала депеша: мы получили ее ночью в 3 часа на 17 число. 17-го же утром я скрутил Пашу и отправил его к тебе...» (стр. 553).

[2] Речь идет о деньгах на похороны М. Д. Достоевской. Тетка — А. Ф. Куманина.

[3] М. М. Достоевский писал: «С Пашей я послал тебе, что мог в настоящую минуту <...> именно 100 р.».

[4] Имеется в виду письмо П. Д. Боборыкина от 11 апреля 1864 г. (см. примеч. к письму 228).

[5] Было ли переписано черновое письмо Боборыкину (см. письмо 228) набело, неизвестно.

[6] Вероятно, имеются в виду следующие слова Боборыкина: «Я <...> нахожу, что возвращение Вами денег будет лучшим исходом наших сношений» (*Д, Письма*, т. I, стр. 571).

[7] Извиняясь за незначительность суммы, высылаемой на похороны М. Д. Достоевской, М. М. Достоевский отвечал: «Сверх того, я должен был отложить неприкосновенными 300 р. для Боборыкина, на случай, если пришлось бы выдать. Это дело чести, и потому просить подождать нельзя. Но теперь ты сам приедешь скоро и сам их отдашь. Они хранятся у меня к твоим услугам» (стр. 553).

[8] Это письмо к Н. Н. Страхову написано не было.

[9] Под «началом» повести подразумевается начало второй половины «Записок из подполья», напечатанной не в мартовской, как предполагалось, а лишь в апрельской книжке «Эпохи» за 1864 г.

[10] М. М. Достоевский собирался в Москву для переговоров с А. Ф. Куманиной о 10 000 р. на нужды журнала «Эпоха». Но и в этот раз отложил поездку. «Чем больше я раздумываю о тетке, — писал он, — тем более укрепляюсь в мысли, что я поступаю благоразумно. Я бы только даром проездил. Этот шаг еще не уйдет». В заключение письма он передоверял дело брату: «Проценты тетке 1000 р. я заплатил бы вперед. На это напирай» (стр. 554).

[11] Мартовская книга «Эпохи» была разрешена цензурой 23 апреля, а вышла в свет 3 мая 1864 г. Содержание ее см. в кн.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 255.

230. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 92)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.37.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 373.

[1] Речь идет о письме М. М. Достоевского от 14 апреля 1864 г. Продолжая здесь обсуждение вопроса о займе денег у А. Ф. Куманиной, М. М. Достоевский отказывался незамедлительно приехать в Москву (см.: *Д, Материалы и исследования*, стр. 552—553).
[2] На сестру В. М. Карепину М. М. Достоевский возлагал особые надежды как на возможную посредницу в переговорах с А. Ф. Куманиной. Об этом он напоминал брату в письме от 14 апреля 1864 г. (там же. стр. 553). В данном случае Достоевский обещает показать В. М. Карениной первое письмо М. М. Достоевского о займе — от 6 апреля 1864 г. В нем подробно излагался план займа и содержалась просьба не только «поговорить с Варенькой», но и показать ей «письмо это» (см. письмо 225, примеч. 7).

231. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 92)

Печатается по тексту первой публикации (с копии, хранившейся в Центрархиве): *Д, Письма*, т. I, стр. 373—375. Подлинник неизвестен.

[1] Это письмо Достоевского неизвестно.
[2] О проекте «займа» у А. Ф. Куманиной см. письмо 225, примеч. 1. Заверение в том, что А. П. Иванов способен «сохранить секрет», вызвано сомнениями М. М. Достоевского, изложенными в письме к брату от 6 апреля 1864 г. (см. примеч. 6 к письму 225).
[3] Речь идет о письме 225.
[4] М. М. Достоевский принял это предложение, о чем свидетельствует письмо Достоевского к А. М. Достоевскому (см. письмо 233), а также письма к С. А. Ивановой от 8 (20) марта 1869 г. и от 14 (26) декабря 1869 г. Как видно из названных писем к Ивановой, Достоевский считал себя обязанным выплатить семейству А. П. Иванова долг покойного брата.
[5] «Обе старухи» — А. Ф. Куманина и О. Я. Нечаева.

232. П. А. ИСАЕВУ (стр. 94)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, л. 80.
Впервые опубликовано: *СВ*, 1891, № 11, стр. 11.
Датируется по содержанию и по связи с письмом 233: о том, что состояние М. М. Достоевского безнадежно, стало известно 8 июля, а 10-го он скончался.

[1] Это письмо Н. М. Достоевскому неизвестно.
[2] Настойчивое наставление П. А. Исаеву «не говорить никому» о случившемся объясняется тяжелым финансовым положением редакции «Эпохи» и боязнью кредиторов, так как со смертью М. М. Достоевского рушился кредит журнала в деловом и финансовом мире.

233. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 94)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 387.
Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 299—303.

[1] В своих воспоминаниях А. М. Достоевский пишет об этой переписке с братом: «В половине июля месяца (1864 г., — *Ред.*) я прочел в газетах неожиданное и очень прискорбное для меня известие о смерти брата Михаила Михайловича. Это краткое газетное известие так поразило меня, что я сейчас же написал письмо к брату Федору Михайловичу, прося его в подробности известить меня о случившемся несчастии. На это письмо свое я вскоре, а именно в первых числах августа, получил письмо от брата Федора Михайловича от 29 июля» (*Достоевский, А. М.*, стр. 299). Упоминаемое здесь письмо А. М. Достоевского неизвестно.

[2] В основном это были дела по изданию и редактированию журнала «Эпоха».

[3] О запрещении «Времени» см. в письме 195 и примеч. 2 к нему.

[4] Крымская война 1853—1855 гг. не могла не отразиться на делах табачной фабрики, приобретенной М. М. Достоевским в 1852 г. (см. также примеч. 28 к письму 357).

[5] В 1864 г. число подписчиков на «Эпоху» было меньшим почти вдвое, и у Достоевского были на этот счет точные сведения (см.: *Д, Материалы и исследования*, стр. 551). Следовательно, цифру «4000» он называет для того, чтобы произвести впечатление на брата Андрея Михайловича и убедить его в своей потенциальной платежеспособности: он хотел занять у Андрея Михайловича крупную сумму для поддержания издания «Эпохи».

[6] М. М. Достоевскому удалось сделать заем у шурина А. П. Иванова и у тетки А. Ф. Куманиной (см. письмо 231).

[7] Заграничный паспорт был получен Достоевским 16 июня 1864 г. (см. об этом в письме к петербургскому военному генерал-губернатору А. А. Суворову от 10 мая 1865 г.: Офиц. письма и делов. бумаги, № 15).

[8] По убедительному предположению В. С. Нечаевой, это была статья Н. П. Страхова «Воздушные явления», готовившаяся для майской книжки журнала, вышедшей в свет 12 июля (см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 16).

[9] Речь идет об А. У. Порецком.

[10] См. об этом в примеч. к Прошению в С.-Петербургский цензурный комитет (см. раздел «Приложение»).

[11] Надежды Достоевского на заем у брата не оправдались. А. М. Достоевский писал позднее в своих воспоминаниях: «Получив письмо это, мы ‹...› готовы были уже исполнить просьбу брата и дать семейству покойного брата Михаила Михайловича на поддержку журнала просимые братом Федором Михайловичем три тысячи рублей, но мы не могли этого исполнить. Дело в том, что три тысячные билета были именные (на мое имя) и по получении их в апреле были отданы мною торговому дому Ульман и Ко для их торговых оборотов (без права разменивать их как именных) на целый год из 5 годовых процентов ‹...› я и отписал об этом брату Федору Михайловичу, что я при всем желании не могу исполнить его просьбы...» (*Достоевский, А. М.*, стр. 303).

[12] Речь идет о Д. И. Достоевской.

[13] У А. М. Достоевского было в это время четверо детей: Александр, Андрей, Варвара и Евгения.

[14] Эти намерения Достоевского не осуществились.

234. Ф. Ф. ВЕСЕЛАГО (стр. 97)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 608, собр. И. В. Помяловского, ед. хр. 4849.

Впервые опубликовано: *«Достоевский». Однодневная газета*, стр. 22.

Год устанавливается по сопоставлению с письмом цензуровавшего «Эпоху» Ф. Ф. Веселаго к Достоевскому от 17 августа 1864 г., в котором есть такие строки: «...мне необходимо переговорить с Вами лично об Вашем объявлении; сам я явиться к Вам не могу — нога в гипсовой перевязке — и потому остается одно средство: пожаловать ко мне и, если можно, поскорее, чтобы не задерживать объявления» (*ГБЛ*, ф. 93, II.2.28).

Подразумевается объявление об издании журнала «Эпоха» после кончины М. М. Достоевского (см. наст. изд., т. XX, стр. 214), предназначенное для августовской книжки (эта книжка вышла в свет лишь 27 октября 1864 г.).

[1] Очевидно, Достоевский посетил Веселаго незадолго до 22 августа, и во время этой встречи они пришли к соглашению об исключении из объявления какого-то отрывка. «4 строчки», предложенные Достоевским взамен (какие именно — неясно), удовлетворили цензора, и он поставил под объявлением свою подпись.

235. А. Н. ОСТРОВСКОМУ (стр. 98)

Печатается по подлиннику: *ГЦТМ*, ф. 200, № 251.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 376.

[1] Это право было утверждено III отделением 25 июля 1864 г. (см.: *Сб. Достоевский, II*, стр. 574—575, 576).
[2] Сотрудничеству А. Н. Островского в «Эпохе» в конце 1864 и в начале 1865 г. помешали сначала болезнь драматурга, а затем прекращение «Эпохи» (см. письмо 245, примеч. 2).
[3] Чтобы не «отпугнуть» Островского, Достоевский умалчивает о падении подписки на «Эпоху». Еще при жизни М. М. Достоевского число подписчиков на «Эпоху» было менее трех тысяч.
[4] Объявление о выходе в свет двойной январско-февральской книжки «Эпохи» за 1864 г. появилось в газетах 24 марта 1864 г. (см. письмо 222, примеч. 1; дата цензурного разрешения этой книги — 20 марта).
[5] А. У. Порецкий был только номинальным редактором.

236. П. БУДАЕВСКОМУ (стр. 98)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.27, лл. 5—6.
Впервые опубликовано (без определения адресата и с неверной датировкой): *Д, Письма*, т. IV, с. 272.

Адресат и дата письма устанавливаются на основании письма корректора Н. Будаевского к Достоевскому от 28 августа 1864 г., в котором содержалась просьба доплатить к 30 руб. еще 10 руб. за чтение корректур на основании того, что другие корректоры журнала получают за «каждую книжку» по 40 руб. Письмо заканчивалось просьбой: «Дорожа временем и боясь не вовремя прийти в редакцию, я посылаю при сем конверт с моим адресом и почтовой маркой, в той надежде, что Вы будете так добры, что не откажетесь уведомить меня о времени, в которое я могу прийти за получением остальных 10 руб.» (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29652). По получении этого письма Достоевский пометил в записной тетради 1864—1865 г. «29 ‹августа› ... Говор‹ить› с Будаевским в 12 часов» (наст. изд., т. XXVII, стр. 94). Благодаря этой записи и устанавливается адресат и точная дата письма Достоевского, условно обозначенного А. С. Долининым как письмо «корректору» и датированного им приблизительно июлем 1864 г. (*Д, Письма*, т. IV, стр. 271—272). Письмо, а вернее, два черновика и последнее письмо-записка написаны Будаевскому в тот же день, когда было получено его письмо, и на следующий день, т. е. 29 августа, ему назначалась встреча. См. также стр. 341—342.

237. М. В. РОДЕВИЧУ (стр. 99)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29621.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 387—390.

Датируется периодом с июля по август 1864 г. по содержанию: «прошлогодняя заграничная поездка» — это поездка 1863 г., перед которой

Родевичу было выдано «свидетельство», удостоверявшее, что он готовит П. А. Исаева в гимназию (см.: Офиц. письма и делов. бумаги, № 14). В начале 1864 г. Родевич все еще состоял учителем Исаева. Как явствует из отброшенной первой редакции этого письма, с момента окончательного разрыва с Родевичем прошло не менее $2^1/_2$ месяцев (см.: наст. том, стр. 342), т. е. письмо писалось летом этого года. Оно не могло быть написано позднее этого времени, так как весной 1864 г. Родевич получил назначение на новое место службы (сохранилось его прошение в Комитет Литературного фонда, которое рассматривалось на заседании 23 марта 1864 г. В нем Родевич, в частности, писал: «Новым попечителем Виленского учебного округа я — по моему прошению — назначен сверхштатным учителем Виленской гимназии <...> должен уезжать непременно в конце этой недели...» (т. е. недели до 23 марта 1864 г.), см.: В. Н. Сажин. Об источниковедческом значении архива Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. — В кн.: Источники по истории отечественной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки. Л., 1983, стр. 42) и с начала учебного года должен был приступить к своим новым обязанностям (с 1865 г. Родевич уже числился в списке сверхштатных учителей Виленского учебного округа (см.: *Д, Письма*, т. I, стр. 574—576).

[1] Это письмо Родевича (без даты) сохранилось (см.: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29621; напечатано: *Д, Письма*, т. I, стр. 575—576).

[2] Это письмо Родевича неизвестно.

[3] Достоевский имеет в виду статьи Родевича «Наша общественная нравственность» (*Вр*, 1862, № 8) и «Купцы-реформаторы» (*Вр*, 1862, № 10). В первой из этих статей автор защищал от нареканий «падших» женщин из бедного сословия, указывая на главные причины этого явления — нищету, отсутствие «материальной точки опоры» в жизни. Во второй статье, носившей назидательно-педагогический характер, Родевич ратовал за отмену наказаний и системы надзирательства в гимназиях. В момент написания настоящего письма Достоевский ставит под сомнение искренность рассуждений о гуманности и нравственности в обеих статьях (подробнее о статьях Родевича см.: *Нечаева, «Время»*, стр. 67).

[4] Сохранилось лишь одно письмо Родевича (см. примеч. 1).

[5] О книге Исаева (это был Гоголь) см. в первой редакции письма (наст. том, стр. 99). По этому поводу Родевич писал: «Гоголя Вашего я у Вас никогда не брал <...> Да и если недостает у Вас какой-нибудь книги, то Вы можете адресоваться к черту, а не ко мне» (*Д, Письма*, т. I, стр. 575).

[6] Родевич писал Исаеву: «Еще скажите Вашему отцу, что когда он при посторонних отпускает насчет других разные фразы — вроде „покончите поскорее с Родевичем“, то этим он дает право и другим отпускать разные фразы на свой собственный счет, хотя таким презренным правом никто не станет пользоваться» (там же).

238. Я. П. ПОЛОНСКОМУ (стр. 101)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 403, оп. 1, ед. хр. 48.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 276.

Год устанавливается по содержанию: Достоевский отвечает на письмо Полонского от 7 сентября 1864 г., в котором речь идет о полагающихся поэту, по условию с покойным М. М. Достоевским, 100 рублях (см.: *Из архива Достоевского*, стр. 73). Датировка подтверждается и тем, что 8 сентября 1864 г. приходилось именно на вторник.

239. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 101)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.15, л. 3.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*. т. I, стр. 376.

[1] Речь идет о психиатрической лечебнице, в которой Н. М. Достоевский регулярно лечился.
[2] О каких статьях идет речь, неясно.

240. А. Н. ОСТРОВСКОМУ (стр. 101)

Печатается по подлиннику: *ГЦТМ*, ф. 200, № 250.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 377.
Датируется 1864 г. по содержанию: в письме упоминается о покойном М. М. Достоевском (умер 10 июля 1864 г.) и об обещании Островского дать в «Эпоху» пьесу в «декабре» (см. об этом в более позднем письме драматурга Достоевскому: *Островский*, т. XI, стр. 194).

[1] Очевидно, Достоевский благодарит драматурга за обещание (содержавшееся в не дошедшем до нас письме — там же, стр. 195) дать в журнал очередную пьесу («Шутники»). См. также примеч. 2 к письму 245.
[2] К числу «главнейших сотрудников» относился и Островский, напечатавший во «Времени» две пьесы: «За чем пойдешь, то и найдешь» (*Вр*, 1861, № 9) и «Грех да беда на кого не живет» (*Вр*, 1863, № 1).
[3] Об этой просьбе Островского см. в письме 224.
[4] Речь идет о книжках «Эпохи».

241. И. С. ТУРГЕНЕВУ (стр. 102)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 429, лл. 19—21. Подлинник: *Bibl. Nat.*, p. 129—130.
Впервые опубликовано: *Mazon*, p. 130—132.
Датируется по содержанию (упоминанию о покойном брате, о будущей январской книжке «Эпохи», о письме А. Н. Островского) и по ответному письму Тургенева от 3 (15) октября 1864 г. (*Тургенев, Письма*, т. V, стр. 287—288).

[1] А. У. Порецкий был объявлен редактором «Эпохи» 25 июля 1864 г. (см.: *Сб. Достоевский, II*, стр. 574—575; наст. изд., т. XX, стр. 398).
[2] О Порецком как сотруднике журналов «Время» и «Эпоха» см.: *Нечаева, «Время»*, стр. 50—51; *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 17—18, 39.
[3] Тургенев отвечал на просьбу Достоевского: «Начну с уверения, что мои чувства к Вашему журналу нисколько не изменились — что я от всей души готов содействовать его успеху, по мере сил — и *даю Вам обещание* первую написанную мною вещь поместить у Вас; но определить срок, когда эта вещь будет написана, мне невозможно...» (стр. 287).
[4] В обстановке начавшегося кризиса революционно-демократических идей, связанного с крушением надежд революционно-демократического лагеря на ближайшее осуществление крестьянской революции, «Современник» действительно переживал трудное время. В числе его сотрудников уже не было Добролюбова и Чернышевского, обеспечивавших выдержанность принципиальной линии журнала. Все это сказалось на степени влияния «Современника» на широкие круги читателей. Изменился и характер полемики «Времени» с «Современником», принявший чрезвычайно резкие формы (подробнее: наст. изд., т. XX, стр. 300—315).
[5] За день до написания настоящего письма цензура разрешила выход в свет июльской книжки «Эпохи» за 1864 г.
[6] Январская книжка «Эпохи» за 1865 г. вышла по существу без опоздания: дата цензурного разрешения — 5 февраля, выход в свет — 13 февраля (см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 259).
[7] В начале 1864 г. Тургенев просил Анненкова похлопотать, чтобы «Эпоха» высылалась ему по почте в Париж. По справкам, наведенным тогда же еще М. М. Достоевским, выяснилось, что посылка в Париж

только «первых двух номеров» журнала обошлась бы рублей в 50—60. Оформить подписку на «Эпоху» за границей Тургеневу также не удалось (см.: *Достоевский и Тургенев. Переписка*, стр. 87—91; *Тургенев, Письма*, т. V, стр. 288).

[8] Это письмо А. Н. Островского неизвестно.

[9] В июльском номере «Эпохи» за 1864 г. была напечатана статья Д. В. Аверкиева «Значение Островского в нашей литературе (письмо к редактору «Эпохи»)», подписанная: «Один из почитателей Островского». Опасаясь, чтобы эта статья не вызвала раздражения со стороны Островского и не отпугнула его от сотрудничества в «Эпохе», Достоевский снабдил наиболее спорные тезисы ее своими примечаниями (см. наст. изд., т. XX, стр. 229, 418—420).

242. С. В. ЭНГЕЛЬГАРДТ (стр. 103)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 574, оп. 1, ед. хр. 58.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 276 с опечаткой в названии повести С. В. Энгельгардт (вместо «Лиза» напечатано «Лица»).

Ответ на письма Энгельгардт от 10 и 15 октября 1864 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.10.8).

[1] В письме от 10 октября Энгельгардт просила известить, будет ли напечатана в «Эпохе» ее повесть «Лиза», в другом, написанном через пять дней, содержится запрос об условиях получения гонорара. Повесть «Лиза» (под псевдонимом «Ольга N») была напечатана в августовской книжке «Эпохи» за 1864 г.

243. Ф. А. БУРДИНУ (стр. 104)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29623.

Впервые опубликовано (с неточной датировкой): *Д, Письма*, т. I, стр. 390—392.

Датируется по содержанию и по сопоставлению с ответным письмом Бурдина от 29 октября 1864 г. (А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Неизданные письма. М.—Пг., 1923, стр. XIII—XVI), позже которого оно не могло быть написано.

Ответ на письмо Бурдина (без даты), написанное, как следует из его содержания, вскоре после смерти А. А. Григорьева, последовавшей 25 сентября 1864 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.1.124).

[1] Речь идет о направленных против Бурдина и «бурдинизма» на русской драматической сцене статьях, обзорах и заметках А. А. Григорьева и Д. В. Аверкиева, печатавшихся в «Эпохе» с января по июль 1864 г. (июльская книжка «Эпохи» вышла в свет 29 сентября 1864 г. — см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 257). В обрисовке Григорьева и солидарного с ним Аверкиева Бурдин предстает актером пошло претенциозным, склонным к рутине, дешевым эффектам и ненатуральному пафосу. Выпады обоих критиков отличались чрезвычайной резкостью тона. Аверкиев, например, в статье «Русский театр в Петербурге. Первые три недели сезона» (*Э*, 1864, № 8) ставил Бурдина ниже «скромной бездарности». И все же эти выпады в основе своей были обусловлены соображениями строго принципиальными. Так, в статье «Русский театр», посвященной артистам Александринской сцены, Григорьев утверждал: «... только *правда*, *искренность*, *простота* нужны в искусстве...». В игре Бурдина и ему подобных критик не находил этих качеств и полагал, что в их среде настоящие «поборники правды в искусстве... сочувствия не встретят» (*Э*, 1864, №№ 1—2, стр. 456, 459). В заметке «Голос старого критика» Григорьев упрекнул даже самого Островского за предоставление Бурдину ролей Тита Титыча (пьеса «Тяжелые дни») и Льва Краснова («Грех да беда на кого не жи-

вет»). В этой же заметке Бурдин саркастически назван «российским Леметром, про игру которого... ходит премилая поговорка, что он „лампы глотает“ — так азартен!» (*Э*, 1864, № 8). Заметка Ап. Григорьева представляла собою нечто вроде постскриптума к статье Аверкиева «Русский театр в Петербурге...». Бурдин же по недосмотру решил, что и она принадлежит перу Аверкиева. Следствием этого явилась его претензия к Достоевскому-редактору в письме от 29 октября 1864 г.: «А бездоказательные ругательства г. Аверкиева в июльской книжке „Эпохи“ с анекдотами о том, что я *лампы глотаю*, это, по-Вашему, все хорошие, исполненные самоуважения и приличия поступки?» (стр. XIV). Не ограничиваясь этим заявлением, Бурдин послал гневное письмо Аверкиеву, а копию с этого письма отправил Достоевскому. В названном выше письме Бурдин писал: «Вы совершенно справедливо обиделись приложением копии с письма к г. Аверкиеву... К сожалению, это факт. Вы находите мое письмо к г. Аверкиеву грязным, совершенно согласен! Но, вероятно, второпях Вы забыли написать мне, как Вы находите поступки г. Аверкиева, описываемые мною?» (стр. XV). Как видно из этих строк, эта копия была Достоевским получена.

[2] Достоевский был на премьере драмы Островского «Грех да беда на кого не живет», состоявшейся на сцене Александринского театра в Петербурге 23 января 1863 г., и остался крайне недоволен Бурдиным, игравшим Краснова. Побывав второй раз на представлении этой пьесы, Достоевский в незаконченной рецензии восторженно отзывался о П. В. Васильеве, игравшем роль Краснова вместо Бурдина (см. наст. изд., т. XX, стр. 148—149, 343—344; *ЛН*, т. 86, стр. 55—58). Рецензия Достоевского — веское подтверждение его солидарности с Григорьевым и Аверкиевым в оценках сценической деятельности Бурдина.

[3] Чтобы избавиться от нападок Бурдина, Достоевский преуменьшает свою роль в «Эпохе» (А. У. Порецкий был только номинальным редактором журнала).

[4] Имеются в виду выпады против Григорьева в названном выше неопубликованном письме Бурдина: «Это, м‹илостивый› г‹осударь›, не критика, это лексикон площадных выражений...».

[5] Достоевский начал «помогать» Порецкому с 24 июля 1864 г. — даты утверждения последнего официальным редактором «Эпохи».

[6] Речь идет об июньской, июльской и августовской книжках «Эпохи» за 1864 г. (даты цензурных разрешений их: 20 августа, 19 сентября и 11 октября 1864 г.).

[7] Подразумеваются насмешки над игрой Бурдина в статье Ап. Григорьева «Русский театр. 1. По возобновлении в первый раз» (*Э*, 1864, №№ 1—2). Пытаясь убедить Достоевского в том, что эти насмешки имели личный характер, Бурдин писал 29 октября 1864 г.: «...а вот возьмем на выдержку несколько мест: „Эпоха“. 1864. Январь, стр. 424. „Бурдинизм, может быть, останется только верен себе, пока не падет, наконец, перед общим посмеянием, но ведь, во-первых, на то он бурдинизм, а во-вторых, нарочно для него устроены так называемые *чередовки*, гибельное зло, открывающее путь не соперничеству талантов с талантами, а соперничеству всяческой тли с талантами...“. По-Вашему, это не ругательство, а критика?» (стр. XIV. Ср.: *Э*, 1864, №№ 1—2, стр. 424, 454).

[8] Достоевский, вероятно, имеет в виду следующую фразу из неопубликованного письма Бурдина: «...критические статьи Вашего журнала имеют целью только произвести *скандал*».

244. А. У. ПОРЕЦКОМУ (стр. 105)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, архив А. У. Порецкого, ф. 407, № 1.
Впервые опубликовано: *Д*, *Письма*, т. I, стр. 379.

Датируется по содержанию: речь идет о составлении «Внутреннего обозрения» для ближайшей книжки «Эпохи». Порецкий выполнил просьбу

Достоевского, и в вышедшем в свет 1 января 1865 г. ноябрьском номере журнала обозрение появилось под заглавием «Наши домашние дела». Цензурное разрешение на выход книжки было дано 24 декабря 1864 г. Следовательно, письмо было написано в самом начале этого месяца (см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 33, 43).

[1] Никаких следов работы О. А. или М. А. Филиппова над «Внутренним обозрением» обнаружить не удалось.

[2] Ноябрьская книжка «Эпохи» за 1864 г. вышла на неделю позднее намеченного здесь срока.

[3] Ноябрьская и декабрьская книжки «Эпохи» за 1864 г. вышли раздельно.

[4] Достоевский не впервые обращается к Порецкому по поводу «Внутреннего обозрения». По предположению В. С. Нечаевой, «Внутреннее обозрение» было написано последним также для июньского, июльского, августовского и сентябрьского номеров «Эпохи» за 1864 г. (см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 256—258).

245. А. Н. ОСТРОВСКОМУ (стр. 106)

Печатается по подлиннику: *ГЦТМ*, ф. 200, № 249.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 379—380.

[1] См. письма 235 и 240.

[2] Это письмо неизвестно. Позднее Островский еще раз подтвердил свои слова. 3 января 1865 г. он писал Достоевскому: «Я думал, буду свободен в декабре и *успею* кончить трехактную пьесу, начатую еще весной, о которой я Вам писал ‹...› Дайте мне отдохнуть немного, я Вам непременно напишу пьесу и скоро» (*Островский*, т. XI, стр. 194). В комментариях к этому письму драматурга высказано предположение, что обещанная им пьеса — «Шутники», работа над которой была начата летом 1864 г. (там же, стр. 195). Болезнь (в конце 1864 и в начале 1865 г.) помешала Островскому выполнить обещание, данное Достоевскому.

246. А. В. КОРВИН-КРУКОВСКОЙ (стр. 107)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29618, лл. 1—2.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 381—382.

[1] Это письмо А. В. Круковской не сохранилось. Оно было послано Достоевскому вместе с повестью «Сон», опубликованной в № 8 «Эпохи» за 1864 г. Писатель ответил на него настойчивым советом продолжать писать и попросил корреспондентку «сообщить ‹...› побольше о себе» (текст письма воспроизведен в воспоминаниях С. В. Ковалевской — см.: *Ковалевская*, стр. 65; см. также: *Список*, № 172).

[2] По более позднему свидетельству С. В. Ковалевской, герой рассказа ее сестры Михаил напоминает Алешу Карамазова: «Когда ‹...› я читала этот роман ‹...› это сходство бросилось мне в глаза, и я заметила это Достоевскому ‹...›

— А ведь это, пожалуй, и правда! — сказал Федор Михайлович, ударив себя рукой по лбу: — но, верьте слову, я и забыл о Михаиле, когда придумывал своего Алешу. Разве, впрочем, бессознательно он мне пригрезился, — прибавил он, подумав» (*Ковалевская*, стр. 68; ср. также заметку Т. И. Орнатской: *Материалы и исследования*, т. VI).

[3] Это письмо неизвестно.

[4] В связи с получением этого письма, попавшего нечаянно в руки отца юного автора — В. В. Корвин-Круковского, в семье разразился скан-

дал, и вероятно поэтому А. В. Круковская не отвечала на письмо вплоть до последовавшего от отца разрешения (подробно об этом см.: *Ковалевская*, стр. 68—73).

247. И. С. ТУРГЕНЕВУ (стр. 108)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 429, лл. 22—24. Подлинник: *Bibl. Nat.*, p. 131—132.

Впервые опубликовано: *Mazon*, p. 132—134.

Тургенев ответил 28 декабря 1864 г. (9 января 1865 г.) (*Тургенев, Письма*, т. V, стр. 315—316).

[1] Об этом обещании Тургенева см. примеч. 3 к письму 241.

[2] Обещая «первую написанную» им вещь поместить в «Эпохе», Тургенев писал Достоевскому 3 (15) октября 1864 г.: «...определить срок, когда эта вещь будет написана, мне невозможно — потому что я совершенно обленился — и более года пера в руки не беру» (*Тургенев, Письма*, т. V, стр. 287).

[3] По этому поводу Тургенев писал в ответном письме к Достоевскому от 28 декабря 1864 г. (9 января 1865 г.): «Рассказ под названием „Собака", о котором была речь в разных журналах, действительно существует и находится теперь в руках П. В. Анненкова; но я решился, по совету всех моих приятелей, не печатать этой безделки ‹...›, которая, сверх того, говоря без обиняков, — не удалась мне ‹...› Поводом же к распространившемуся слуху о *ряде* подобных рассказов — послужила фраза, прибавленная мною к заглавию „Собаки" — а именно: „Из вечеров у г-на Ф."». Ложные слухи о скором появлении, по преимуществу в «Русском вестнике», целого ряда рассказов Тургенева распространялись, как свидетельствуют Достоевский и сам Тургенев, не только устно, но и в печати — в газетах «Le Nord» (1864, 27 ноября) и «Русский инвалид» (1864, 1 (13) декабря, № 266); в журнале «Книжный вестник» (1864, 15 декабря, № 23, стр. 484) (см.: *Тургенев, Письма*, т. V, стр. 660).

[4] Достоевский здесь не совсем точен. В написанном им объявлении «Об издании ежемесячного журнала „Эпоха", литературного и политического, издаваемого семейством М. М. Достоевского» (*Э*, 1864, № 8), действительно напечатано: «И. С. Тургенев уведомил нас, что первая написанная им повесть будет помещена в нашем журнале». Однако несколько выше, в том же объявлении, Тургенев назван в числе «всегдашних сотрудников покойного редактора», которые «по-прежнему будут помещать свои труды в „Эпохе"» (наст. изд., т. XX, стр. 216, 217).

[5] В 1865 г. к Тургеневу в Баден-Баден Достоевский не заезжал.

[6] По-видимому, речь идет о «Преступлении и наказании». Первое документальное свидетельство о его замысле относится к 17 сентября 1863 г. (см. наст. изд., т. VII, стр. 308).

248. А. Н. ОСТРОВСКОМУ (стр. 109)

Печатается по подлиннику: *ГЦТМ*, ф. 200, № 248.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 382—383.

Островский ответил 3 января 1865 г. (*Островский*, т. XI, стр. 194).

[1] См. письмо 245.

[2] Рассеивая опасения Достоевского, Островский писал: «Я не отвечал Вам не потому, что сержусь на Вас, да и за что мне на Вас сердиться? Вот уж третья неделя у меня такой сильный ревматизм, что я не подымал рук, теперь только могу писать и то с трудом».

249. А. А. ЧУМИКОВУ (стр. 110)

Печатается по копии (рукой А. Г. Достоевской): *ИРЛИ*, ф. 100, № 29622.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 392—393.

[1] Этот долг Достоевский выплатил с запозданием и не полностью (см. письмо 250, примеч. 1).

250. А. А. ЧУМИКОВУ (стр. 111)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 265, оп. 2, № 934.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 393—395.

Чумиков ответил письмом (без даты) и 26 февраля вновь написал письмо, содержавшее ту же просьбу об уплате денег по векселю (*ИРЛИ*, ф. 265, оп. 2, № 935, лл. 1—3).

[1] Получив упоминаемые ниже 250 р., Чумиков выражал опасение насчет своевременной выплаты ему остальной части долга. В первом ответном письме, датируемом приблизительно первыми числами февраля 1865 г., он писал: «...могу ли я полагаться на обещанные 750 р. 25 февр‹аля›? Поймите меня: я чувствую недоверие не к Вашему лицу, а к Вашим (денежным журнальным) обстоятельствам...». Действительно, к 25 февраля 1865 г. Достоевский не смог собрать обещанной суммы. В связи с этим Чумиков писал ему 26 февраля 1865 г.: «Извещаю Вас, что г. Базунов выплатил мне вчера вместо обещанных 750 р. только 250 р., уверяя, что он часть денег дает даже из своих, а не журнальных» (там же, л. 3). В дальнейшем Достоевским была предпринята по крайней мере еще одна попытка погашения долга частями, однако большая часть суммы осталась невыплаченной. Об этом свидетельствует помета Чумикова на публикуемом письме Достоевского: «Деньги даны были Мих‹аилу› Мих‹айловичу› Достоев‹скому› для журнала. Фе‹дор› Мих‹айлович› не доплатил 800 р., к‹о›т‹о›р‹ые› и пропали за ним. Он отказался платить, я разорвал вексель и возвратил его вдове М‹ихаила› М‹ихайловича›».

[2] Строки: «На векселе (прежнем, или уже протестованном) ∾ вручит Вам новый» перечеркнуты. По-видимому, собираясь публиковать письма Достоевского к нему, Чумиков зачеркнул эти строки. Такой вывод подтверждается тем обстоятельством, что настоящее письмо находится в архиве журнала «Русская старина» (см. также примеч. 6).

[3] Письмо Чумикова, содержащее эти слова, неизвестно.

[4] Достоевский имеет в виду пять книжек «Эпохи» за август—декабрь 1864 г. Они вышли в свет с 27 октября 1864 г. по 13 февраля 1865 г.

[5] Объявление о выходе в свет ноябрьской книжки «Эпохи» за 1864 г. появилось в газетах только 1 января 1865 г.

[6] В первом ответном письме Чумиков пишет: «Михаил Михайлович платил мне 6 % на суммы, уплаченные им в срок, но в случае отсрочек в уплате, являвшихся всегда в виде неприятных сюрпризов, он охотно платил и 8 % (даже предлагал 10 %), котор‹ые› с доброю совестью я мог принимать, имея в виду лишние расходы, причиняемые мне этою неаккуратностию» (л. 2).

251. И. С. ТУРГЕНЕВУ (стр. 112)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 429, лл. 25—28. Подлинник: *Bibl. Nat.*, p. 133—134.

Впервые опубликовано: *Mazon*, p. 134—136.

Тургенев ответил 21 февраля (5 марта) 1865 г. (*Тургенев, Письма*, т. V, стр. 349—350).

[1] Собираясь выдавать замуж дочь, Тургенев писал П. В. Анненкову 26 января (7 февраля) 1865 г.: «Известно ли Вам, что мне российский журнал „Эпоха“ остался должен 300 руб. сереб‹ром›. Не может ли он их выслать мне теперь безотлагательно? ‹...› Деньги должны быть теперь у „Эпохи“ ‹...› Батюшка, порадейте!» (*Тургенев, Письма*, т. V, стр. 332, 333).

[2] Январская книжка «Эпохи» за 1865 г. вышла не 12 января, а 12 февраля (см.: *Д, Письма*, т. I, стр. 577).

[3] Не обещая участия в «Эпохе» в ближайшее время, Тургенев писал Достоевскому 28 декабря 1864 г. (9 января 1865 г.): «...я могу теперь только сочувствовать Вам, удивляться смелости, с которой Вы, в наше время, беретесь за литературное дело, — и желать Вам здоровья и сил — но больше ничего» (*Тургенев, Письма*, т. V, стр. 316). «Удивляясь смелости» Достоевского как издателя и редактора, Тургенев, очевидно, имел в виду «всеобщий журнальный кризис», в результате которого подписка даже на наиболее читаемые журналы резко упала (см.: *Д, Письма*, т. I, стр. 400).

[4] Плану «Воеводы» очень высокую оценку дал Н. А. Некрасов («Это гениальная вещь будет...»; см.: *Некрасов*, т. XI, стр. 30). После появления пьесы в печати о ней весьма сочувственно отзывались А. С. Суворин и П. В. Анненков и крайне сурово — Д. И. Писарев (см.: *Островский*, т. VI, стр. 582—583). Порицание автору за демократическую направленность его пьесы было сделано кн. Н. С. Назаровым в «Современной летописи» Каткова (см. там же, стр. 583). Что касается Тургенева, то он всячески торопил своих литературных друзей с высылкой к нему в Баден-Баден номера «Современника» с этой пьесой. И когда пьеса была им прочитана, он отзывался о ней с восторгом. В письме к И. П. Борисову от 16 (28) марта 1865 г. он писал: «А „Воевода“ Островского меня привел в умиление. Эдаким славным, вкусным, чистым русским языком никто не писал до него! Последний акт (особенно где воевода бегает за своей невестой, чтобы *защекотать ее насмерть*) плох; но 2-й и 3-й это совершенство! Какая местами пахучая, как наша русская роща летом, поэзия! Хоть бы в удивительной сцене „Домового“. Ах, мастер, мастер этот бородач!» (*Тургенев, Письма*, т. V, стр. 365; см. также т. V, стр. 367).

[5] Сведения П. В. Анненкова оказались неточными. На непродолжительное время Тургенев приезжал в Россию летом того же 1865 г. (см.: *Тургенев, Письма*, т. VI, стр. 5—13). В первых числах июля 1865 г. он встретился с Достоевским (см. письмо 260).

[6] О рассказе «Собака» см. письмо 247, примеч. 3. В письме Тургенева к Достоевскому от 28 декабря 1864 г. (9 января 1865 г.) было и такое замечание относительно этого рассказа: «Анненков сам Вам скажет — что явиться мне теперь с таким вздором перед публикой — значило бы окончательно добить всякий свой кредит» (*Тургенев, Письма*, т. V, стр. 316).

[7] Большинство отзывов о рассказе «Собака», появившемся в 1866 г., действительно было отрицательным (см.: *Тургенев, Сочинения*, т. IX, стр. 502—503).

252. С. Н. ФЕДОРОВУ (стр. 113)

Печатается по подлиннику (начало его утрачено): *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1.50—51, лл. 3—3 об.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 614—616.

Место написания письма — Петербург — устанавливается на основании слов из его первой редакции: «...и свидетельство всех сотрудников и всех, знавших здесь, в Петербурге, меня и брата» (см. стр. 346).

[1] Этому обмену телеграммами (телеграмма Достоевского неизвестна) предшествовала переписка братьев Достоевских с Федоровым. Представление о ней дает неопубликованное письмо Федорова к Ф. М. Достоевскому, написанное, по всей вероятности, в августе или в сентябре 1864 г. Согласно этому письму, М. М. Достоевский еще в письме от 24 марта

1864 г. обещал Федорову выслать гонорар за его роман «Свое и наносное» 1 мая 1864 г. (*Вр*, 1862, № 10). Однако это обещание было выполнено с запозданием и лишь отчасти. Во втором письме (от 29 мая 1864 г.) М. М. Достоевский уведомлял Федорова, что высылает ему только 300 руб., а остальную сумму, вместе с процентами, вышлет несколько позже (см.: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29881, л. 1). Получить недостающую сумму Федорову не удалось — этому помешало закрытие журнала «Время», в результате которого М. М. Достоевский оказался на грани банкротства. А затем последовала смерть его самого. Через несколько месяцев после этих событий Федоров вновь напоминает о гонораре, обращаясь на этот раз уже к Ф. М. Достоевскому. В не дошедшем до нас ответном письме к Федорову Достоевский обещает заплатить ему в январе следующего, 1865 г. (см. дневниковую запись — «Федорову в Оренбург заплатить в январе» — наст. изд., т. XXVII, стр. 97). Когда же и это обещание не было выполнено, Федоров отправил упоминаемую Достоевским телеграмму.

[2] Здесь и ниже речь идет о не дошедшем до нас письме Достоевского к Федорову (см. примеч. 1; см. также: *Список*, № 178).

253. А. Е. ВРАНГЕЛЮ (стр. 115)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29613.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. I, стр. 277—283.

Ответ на письма Врангеля от 10 (22) ноября 1864 г. (*Материалы и исследования*, т. III, с. 273—274) и от 26 декабря 1864 г. (*ЦГАЛИ*, ф. 212, I.63). Врангель ответил 23 апреля (5 мая) 1865 г. (*Материалы и исследования*, т. III, стр. 274—277).

[1] Речь идет о романе Достоевского с М. Д. Исаевой и об отъезде ее вместе с мужем и сыном в Кузнецк (см.: *Врангель*, стр. 50—52; см. также: наст. изд., т. XXVIII$_1$, письмо 97).

[2] Только что прибыв в Семипалатинск на должность областного прокурора, 22-летний Врангель начал хлопотать через высокопоставленных петербургских знакомых и родственников об улучшении положения Достоевского в Сибири, о переводе его в Тверь, а потом и в Петербург (см.: *Материалы и исследования*, т. III, стр. 258—259).

[3] Речь идет о журнале «Время».

[4] О восприятии современниками «Записок из Мертвого дома» см.: наст. изд., т. IV, стр. 294—300.

[5] Подробнее о запрещении «Времени» и об истории со статьей Н. Н. Страхова «Роковой вопрос» см. письмо 195 и примеч. 2—6 к нему.

[6] Разрешение на издание «Эпохи» было получено 27 января 1864 г. (см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 12).

[7] М. Д. Достоевская умерла не 16, а 15 апреля.

[8] О причинах смерти М. М. Достоевского подробно писал Н. Н. Страхов в письме к своему брату П. Н. Страхову от 15 июля 1864 г. Утверждая, что журнал «Эпоха» «его (т. е. М. М. Достоевского, — *Ред.*) доконал», Страхов писал: «...запрещение журнала, брань, которая на него сыпалась, наконец, неудача новых книжек, придирки цензуры — всё это на него сильно действовало. В половине июня <...> он получил неприятное известие — задержали мою статью — он не спал ночь; на другой день заснул и уже не выходил из беспамятства. Желчь отравила кровь...» (*ЛН*, т. 86, стр. 397).

[9] Речь идет о предполагавшемся займе у А. Ф. Куманиной (см. письмо 225, примеч. 1).

[10] «Началом нашего журнализма» Достоевский считал то 1830-е, то 1840-е годы (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 124, 387).

[11] Объявление о прекращении «в настоящее время журнала „Эпоха“» было помещено в № 157 газеты «Голос» за 9 июня 1865 г. (см. наст. изд., т. XX, стр. 222—223, 402).

[12] Собственное издательское дело Достоевскому удалось завести лишь в 1871 г.

[13] Речь идет о задуманном в это время романе «Пьяненькие», предложенном в «Отечественные записки». Краевский отказал Достоевскому в авансе (см. письмо 259 и примеч. 1, 2 к нему).

[14] Это намерение не было осуществлено.

[15] 1 июля 1865 г. Достоевский заключил контракт с Ф. Т. Стелловским на трехтомное собрание сочинений (см. об этом в письме 259, примеч. 4 и письме 260, а также: *Список*, № 190а).

[6] В ответ на эти слова Врангель писал: «...мы любим друг ‹друга›, понимаем, что не можем жить друг без друга — а между тем внутренне чувствуем, что наши натуры, взгляды на жизнь, идеи, привычки так розны, что, право, удивляешься, как два такие существа могут жить вместе и в мире ‹...› Оттенок, который положила на меня семейная жизнь, — большая доза философии и терпения — в остальном (говорят друзья) я не переменился...» (стр. 275, 276).

254. Н. П. СУСЛОВОЙ (стр. 121)

Печатается по подлиннику: Крымский обл. Гос. архив, ф. 536, I.94, стр. 403—405.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 403—405; одновременно: Известия Крымского педагогического института, т. II. Симферополь, 1928, стр. 7—9.

[1] Упоминаемое письмо к А. П. Сусловой и копия с него неизвестны. Возможно, речь идет о письме от 6 марта или от 15 апреля 1865 г., отмеченном А. С. Долининым при перечислении данных о переписке писателя с А. П. Сусловой (см.: *Суслова*, стр. 189).

[2] Это письмо Н. П. Сусловой неизвестно. Но приведенная из него цитата свидетельствует о том, что в этот период отрицательное отношение Н. П. Сусловой к Достоевскому в значительной степени подогревалось письмами к ней ее сестры.

[3] Очевидно, слова, взятые в кавычки, были в не дошедшем до нас «коротеньком письме» Сусловой к Достоевскому, посланном ему в гостиницу по городской парижской почте 27 августа 1863 г. (см.: *Суслова*, стр. 50).

[4] Подразумевается не дошедшее до нас письмо А. П. Сусловой к Достоевскому, написанное, по всей вероятности, в первой половине августа 1863 г. Косвенное подтверждение этому — дневниковая запись А. П. Сусловой, помеченная 19 августа ‹1863 г.›: «Еще очень недавно я мечтала ехать с тобой в Италию и даже начала учиться итальянскому языку...» (*Суслова*, стр. 47).

[5] Дальнейшая жизнь А. П. Сусловой действительно была тяжелой: отъезд в провинцию, полицейский надзор, неудачный брак с В. В. Розановым, который был почти на двадцать лет моложе ее, уход от него и долгая, всепоглощающая ненависть к покинутому мужу (см.: *Сб. Достоевский, II*, стр. 251—258).

[6] Письмо Достоевского, о котором здесь идет речь, неизвестно. По-видимому, оно было написано зимой или весной 1864 г. (см.: *Сб. Достоевский, II*, стр. 189; см. также: *Список*, № 162).

[7] Ср. с характеристикой Н. П. Сусловой в письме Достоевского к С. А. Ивановой от 1 (13) января 1868 г.: «...редкая личность, благородная, честная, высокая!» (см. письмо 332).

[8] В Цюрихе Н. П. Суслова пробыла до середины, а может быть, и до конца 1867 г. В этом году она защитила докторскую диссертацию в Цюрихском университете (см. письмо 332, примеч. 18).

[9] Подразумевается закрытие «Эпохи» и принятые Достоевским на себя журнальные долги. Значительная часть этих долгов была выплачена после

продажи отдельного издания романа «Преступление и наказание» (см. письмо 233, 253).

[10] Адрес этот — дом И. М. Алонкина в Столярном переулке близ Сенной площади; здесь Достоевский прожил с 1864 г. по 20 января 1867 г.

255. Е. П. КОВАЛЕВСКОМУ (стр. 123)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 438, № 15, л. 41.
Впервые опубликовано: *Д*, 1916, 10 апреля, № 99.

[1] Согласно документам (расписке Е. П. Ковалевского, обязательству Достоевского, поручительству его брата Михаила Михайловича), 14 января 1864 г. Достоевский вернул Литературному фонду 545 руб., одолженных там в предшествующем 1863 г. 4 июня 1864 г. он получил от Литературного фонда новую ссуду — 1600 руб., а 31 января 1865 г. возвратил в Литературный фонд 1000 руб. (см.: *ГПБ*, ф. 438, № 2, с. 21—22; см. также: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 130, 136, 145). Сведения эти несколько расходятся с данными, которые за два месяца до написания настоящего письма были оглашены членом ревизионной комиссии Литфонда П. Л. Лавровым (см. примеч. 2).

[2] Это письмо было вызвано «особым мнением», которое подал 7 марта 1865 г. П. Л. Лавров по поводу незаконной, по его мнению, выдачи двух больших ссуд суммою в 1500 руб. члену Комитета Ф. М. Достоевскому. Этот вопрос обсуждался на общем собрании Общества 17 апреля, и хотя общее собрание вотировало Комитету доверие, Достоевский все же счел себя обязанным выйти из Комитета. Особое мнение Лаврова было напечатано в «С.-Петербургских ведомостях» за 1865 г., № 125 от 20 мая — см.: *Д*, *Письма*, т. I, стр. 578.

256. Н. Ф. БУНАКОВУ (стр. 124)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2567, оп. 2, ед. хр. 274 (Архив Ю. Г. Оксмана).
Впервые опубликовано (с неточностями): *Д*, Письма, т. IV, стр. 276—277.

[1] Подразумеваются «вопросы» в не дошедшем до нас письме Н. Ф. Бунакова к Достоевскому.

[2] Последний номер «Эпохи» (1865, № 2) вышел в свет 22 марта 1865 г., но некоторое время Достоевский еще надеялся на продолжение журнала.

[3] Речь, вероятно, идет о гонораре за рассказы Бунакова «Наши браконьеры» и «Ума помрачение», напечатанные в декабрьской книжке «Эпохи» за 1864 г. Кроме того, в архиве «Времени» и «Эпохи» остались его рассказы «На поседке» и «Озерский приход» (см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 283, 287). Официальное объявление о прекращении «Эпохи» и расчете с подписчиками появилось несколько позже — в газете «Голос», 1865, 9 июня, № 157 (см. наст. изд., т. XX, стр. 222—223).

257. П. А. ИСАЕВУ (стр. 124)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 85—86.
Впервые опубликовано: *СВ*, 1891, № 11, стр. 11—12.

[1] Исаев был отправлен на лето к С. Д. Констант в Псковскую губернию.

[2] С. Д. Констант жила в поместье Ф. А. Яковлева в селе Высоцком (А. Г. Достоевская записала со слов Достоевского в своем «женевском» дневнике» о сестре М. Д. Достоевской: «Третья сестра, Софья, живет

с каким-то генералом Яковлевым, тоже не замужем», см.: *ЛН*, т. 86, стр. 208).

[3] Такими «обстоятельствами» были в это время прекращение «Эпохи» и масса долгов, за неуплату которых кредиторы угрожали Достоевскому описью имущества и долговой тюрьмой (см. письмо 258). Но выхлопотав ссуду от Литературного фонда и заключив кабальный контракт с издателем Ф. Т. Стелловским, Достоевский получил возможность расплатиться с самыми неотложными долгами и 29 или 30 июля 1865 г. был уже в Висбадене (см. также письма 253 и 258).

258. Е. П. КОВАЛЕВСКОМУ (стр. 125)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.24. Беловой автограф: *ГПБ*, ф. 438, № 14, лл. 80—81; на нем пометы С. П. Щепкина: «Получено 7 июня 1865. Доложено 7 июня 1865. Положено выдать 600 р.».

Впервые опубликовано: *Д*, 1916, 10 апреля, № 99.

[1] До этого Достоевский прибегал к помощи Литературного фонда дважды (см. письмо 255, примеч. 1).

[2] Объявление о прекращении «Эпохи» и расчете с подписчиками появилось в печати через три дня после написания данного письма — 9 июня 1865 г. (см. наст. изд., т. XX, стр. 222—223).

[3] Решив после смерти брата во что бы то ни стало продолжать издание журнала, Достоевский в августе 1864 г. занял эти деньги у тетки А. Ф. Куманиной (см. письмо 253).

[4] Подразумевается роман «Пьяненькие», который Достоевский обещал представить издателю «Отечественных записок» Краевскому в первых числах октября 1865 г. (см. письмо 259, примеч. 2).

[5] Речь идет о С. М. Пушкине и о П. Лыжине. Первому Достоевский был должен 249 руб., второму — 450. В связи с этим 5 июня 1865 г. Достоевский получил от квартального надзирателя повестку с извещением, что на 6 июня 1865 г. назначена опись его имущества (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 149).

[6] Эту сумму Достоевский получил от Литературного фонда 7 июня 1865 г. В отчете Комитета фонда за 1865—1866 г. записано: «Известному романисту Достоевскому выдать 600 руб. для уплаты срочных долгов, которые он принял на себя после смерти издателя и редактора журналов „Время“ и „Эпоха“ и за которые он должен был подвергнуться тюремному заключению...» (*ГПБ*, ф. 438, № 15, л. 4 об.).

[7] Достоевский несколько опережает события: он еще только собрался предложить А. А. Краевскому (под будущий аванс за «Пьяненьких») в заклад «полное и всегдашнее право» на издание всех своих сочинений (см. письмо 259).

259. А. А. КРАЕВСКОМУ (стр. 126)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, фонд А. А. Краевского, № 391, ед. хр. № 342.

Впервые опубликовано: *РС*, 1913, кн. III, стр. 486—487.

Краевский ответил 11 июня 1865 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.5.139).

[1] Краевский не согласился на просьбу Достоевского, мотивируя свой отказ отсутствием денег и большим запасом беллетристики в редакции «Отечественных записок» (см. также наст. изд., т. VII, стр. 309). Его нежелание вступать в деловой контакт с Достоевским наверняка диктовалось и другими мотивами. 9 июня 1865 г. в газете «Голос» было помещено объявление о прекращении «Эпохи» и расчете с подписчиками (см. примеч. 2 к письму 258). Следовательно, Краевский знал о тяжелом финан-

совом положении писателя в настоящем и едва ли верил в его платежеспособность в ближайшем будущем. С другой стороны, этот отказ в денежном авансе был, по всей вероятности, ответом на насмешки над ним в статье «Каламбуры в жизни и литературе», напечатанной в десятой книжке «Эпохи» за 1864 г. (см. наст. изд., т. XX, стр. 137—147 и примеч. к ним).

[2] Упоминаемый здесь в качестве отдельного самостоятельного произведения (первые наброски к нему относятся к 1864 г. — см. наст. изд., т. VII, стр. 5, 309) роман «Пьяненькие» вошел впоследствии в состав «Преступления и наказания» (главы, рисующие Мармеладова и его семейство). Но такое расширение замысла «Преступления и наказания» произошло не раньше осени 1865 г., о чем свидетельствует письмо 266. Набрасывая в этом письме конспект повести о преступлении «молодого человека» (будущего Раскольникова), Достоевский еще не помышляет о слиянии ее с романом «Пьяненькие» (подробно об этом см. там же, стр. 308—311).

[3] Первая публикация «Записок из Мертвого дома» была осуществлена в еженедельной газете «Русский мир» за 1860—1861 гг. и в ряде номеров журнала «Время» за 1861 г. (см. наст. изд., т. IV, стр. 273, 276, 277; см. также письма 178—180).

[4] Вскоре Достоевскому удалось получить эту сумму (3 000 руб.), правда, на кабальных условиях Ф. Т. Стелловского (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 58—59).

260. И. С. ТУРГЕНЕВУ (стр. 128)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 429, лл. 29—32. Подлинник: *Bibl. Nat.*, p. 135—136.

Впервые опубликовано: *Mazon*, p. 136—137.

Год устанавливается на основании упоминания о долговых обязательствах по журналу «Эпоха», закрывшемуся в июне 1865 г., и о контракте с Ф. Т. Стелловским (летом 1865 г.).

[1] 29 июня (11 июля) 1865 г. Тургенев выехал из Спасского за границу (очевидно, — через Москву и Петербург); 5 (17) июля 1865 г. он был уже в Берлине (см.: *Тургенев, Письма*, т. VI, стр. 13—14). Следовательно, встреча его с Достоевским в Петербурге состоялась в первых числах июля 1865 г.

[2] О долгах по журналу «Эпоха» см. письма 253, 258.

[3] О контракте с Ф. Т. Стелловским см. также письмо 253, примеч. 15.

[4] Здесь «третьего года» следует понимать как «1863 года» (о выигрыше в 5 000 франков см. в письме 201).

[5] Тургенев прислал Достоевскому половину этой суммы (см. письмо 261).

[6] Из письма Н. Н. Воскобойникова к Достоевскому от 12 августа 1865 г. можно сделать вывод, что летом 1865 г. редакция «Библиотеки для чтения» обещала писателю аванс за напечатание его будущих произведений или «писем из-за границы». Но за неимением денег Воскобойников обещал Достоевскому к концу августа 1865 г. выслать лишь сто франков (см.: *Д, Письма*, т. I, стр. 579).

[7] Подразумевается А. И. Герцен (см. письмо 262).

[8] Достоевский забыл об этом долге и вернул его лишь в 1876 г. (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 301—303, 458).

261. И. С. ТУРГЕНЕВУ (стр. 129)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.49.

Впервые опубликовано (с неверной датировкой): *Из архива Достоевского*, стр. 128—129.

Год устанавливается по сопоставлению с письмом 260.

[1] Достоевский просил 100 талеров (см. письмо 260).

[2] На подлиннике расписка Тургенева: «50 талеров, данных мною Ф. М. Достоевскому, я получил обратно. Иван Тургенев. Париж. Март 1876».

[3] О каких пожеланиях идет речь, неясно, так как письмо (или записка) Тургенева, посланное Достоевскому вместе с деньгами, не сохранилось.

262. А. П. СУСЛОВОЙ (стр. 129)

Печатается по тексту первой публикации: *Сб. Достоевский, II*, стр. 261—263. Подлинник неизвестен.

Датируется по сопоставлению с письмами 260, 261, 263 и по содержанию. Известно, что Герцен, упоминаемый в письме, проводил лето в Женеве только в 1865 г. Следующее же письмо к Сусловой помечено датой «Четверг, 24/12 августа»; упоминаемое в нем настоящее письмо было отправлено «третьего дня (от вторника)». Вторник же приходился именно на 10 августа в 1865 г.

[1] 3 (15) августа 1865 г. Достоевский послал Герцену письмо (оно не сохранилось) с просьбой одолжить 300 флоринов (см.: *Список*, № 192), без которых, после крупного проигрыша в рулетку, он не мог рассчитаться с хозяином гостиницы и выехать домой. Герцен в это время совершал экскурсию в горы, о чем упоминал в частично сохранившемся письме к Достоевскому от 21 августа н. ст. 1865 г. (см. там же). Дружеские отношения Достоевского с Герценом начались в июле 1862 г., во время поездки Достоевского в Лондон (см. письмо Герцена к Огареву от 17 июля н. ст. 1862 г. — *Герцен*, т. XXVII, кн. 1, стр. 247).

[2] Машина — вероятно, то же, что спиртовка. Ср. в несколько более поздней дневниковой записи А. Г. Достоевской: «Суббота, 22 (10) июня ‹1867 г.› ‹...› Напились чаю, но сегодня такая беда случилась с моею чайной машиной, — ежеминутно нужно было подливать спирт, иначе огонь гас, и чай был холоден» (*Достоевская, Дневник*, стр. 143—145).

[3] Очевидно, Сусловой не удалось достать денег для Достоевского. Он уехал из Висбадена благодаря помощи А. Е. Врангеля и И. Л. Янышева (см. письмо 267, 269).

[4] Н. П. Суслова уже переехала (из Петербурга) или должна была, приблизительно в это время, переехать в Цюрих для продолжения образования в цюрихском университете.

[5] Достоевский предполагал встретиться с А. П. Сусловой в Париже. Эта встреча не состоялась.

263. А. П. СУСЛОВОЙ (стр. 130)

Печатается по тексту первой публикации: *Сб. Достоевский*, II, стр. 263—265. Подлинник неизвестен.

Год устанавливается по содержанию и по сопоставлению с письмом 262 (см. обоснование его датировки).

[1] См. письмо 262.

[2] Это письмо А. И. Герцену неизвестно (см. примеч. 1 к письму 262).

[3] Достоевский и Суслова встречались с Герценом во время их пребывания в Неаполе и Ливорно в октябре 1863 г. (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 127).

[4] См. письмо 262.

[5] Намек на сходную ситуацию в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (д. второе, явл. II, III).

[6] См. примеч. 4 к письму 262.

[7] Встреча Достоевского с Сусловой в Париже не состоялась.

[8] От этого письма Герцена к Достоевскому сохранился только оторванный конец (текст его см.: *Список*, № 192).

[9] Ответ Сусловой на это письмо неизвестен.

264. А. Е. ВРАНГЕЛЮ (стр. 134)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.5.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 162—163.

Врангель ответил 11 (23) сентября 1865 г. (*Материалы и исследования*, т. III, стр. 277—278).

[1] Это письмо неизвестно.

[2] О своем намерении приехать в Россию «в начале июня» Врангель писал Достоевскому в письме от 23 апреля (5 мая) 1865 г. (см.: *Материалы и исследования*, т. III, стр. 275).

[3] Это письмо не сохранилось (см.: *Список*, № 198).

[4] Речь идет об А. П. Сусловой (см. письмо 262).

[5] В ответном письме Врангель спрашивал Достоевского, «нужны ли еще деньги или нет», и выслал их лишь после еще одного напоминания (см. письмо 265).

265. А. Е. ВРАНГЕЛЮ (стр. 134)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.5.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 162—163.

Месяц устанавливается по содержанию и по связи с письмом 264.

[1] Первое из упоминаемых писем не сохранилось (см.: *Список*, № 198). Второе — это письмо 264.

[2] Речь идет о работе над романом «Преступление и наказание».

[3] Деньги Достоевский вскоре получил (см. об этом в письме 267).

266. М. П. КАТКОВУ (стр. 136)

Печатается по черновику письма: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.4, лл. 110—112. Беловой текст не сохранился.

Впервые опубликовано: «Красный архив», 1923, № 4, стр. 368—370.

Датируется по сопоставлению с письмом 267, в котором есть такие строки: «...я написал письмо к Каткову с предложением моей повести в „Русский вестник“ и с просьбою выслать сюда 300 руб. вперед» (стр. 140).

[1] Речь идет о будущем романе «Преступление и наказание», еще не слившемся с прежним замыслом — «Пьяненькими» (см. письмо 259, примеч. 2). По мнению Л. Д. Опульской, «одна из центральных идей романа», то есть та идея, о которой идет речь в настоящем письме, сложилась у Достоевского «уже к 1863 г.» (см. наст. изд., т. VII, стр. 308; о данном письме к Каткову и о дальнейшей эволюции замысла романа см. также: Ю. Ф. Карякин. Миф о «черной магии» Достоевского (черновики к «Преступлению и наказанию»). — *РЛ*, 1972, № 1, стр. 113—125).

[2] Печатание романа в «Русском вестнике» началось с января 1866 г.

[3] О реальных преступлениях, бывших в поле зрения Достоевского во время создания «Преступления и наказания», см. в комментарии к роману (наст. изд., т. VII, стр. 332—333).

[4] Источник этого факта не установлен.

[5] Речь идет о разногласиях Достоевского с Катковым по поводу повести «Село Степанчиково и его обитатели» (см. наст. изд., т. III, стр. 498—499; т. XXXVIII$_1$, письма 149, 150 и примеч. к ним; см. также письмо 267).

[6] См. примеч. к письмам в редакции «Северной пчелы», «Сына отечества» и «Санкт-Петербургских ведомостей» (№№ 178—180).

[7] О каком «издании» идет речь, неясно.

[8] За роман «Преступление и наказание» так же, как и за романы

«Идиот» и «Бесы», Достоевский получал по 150 руб. за лист (см.: *Л. К. Ильинский.* Гонорары Достоевского. — Библиографические листы русского библиологического общества, 1922, № 3, стр. 4—9. См. также: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 419).

[9] Очевидно, речь идет о замысле романа «Пьяненькие».

[10] Катков выслал Достоевскому эти деньги (см. письмо 268).

267. А. Е. ВРАНГЕЛЮ (стр. 139)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.5.

Впервые опубликовано (с сокращениями): *Биография*, отд. II, стр. 163—165; полностью: *Д, Письма*, т. I, стр. 421—423.

Ответ на два письма Врангеля: на последнее, сопровождавшее присылку денег (оно не сохранилось) и на письмо от 11 (23) сентября 1865 г. (*Материалы и исследования*, т. III, стр. 277—278).

[1] Вероятно, Достоевский получил ответ на это письмо, так как 1 октября (н. ст.) он уже приехал к Врангелю в гости (см. письмо 268, примеч. 1).

[2] Приглашая (в письме от 11 (23) октября) Достоевского погостить у него, Врангель приводил довод, что из Копенгагена «...на пароходе в четыре дни в Петербурге, и это в три раза дешевле, нежели по железным дорогам...» (стр. 278).

[3] Достоевский собирался навестить П. А. Исаева, жившего в это время у С. Д. Констант в с. Высоцком Псковской губ. (см. письмо 257, примеч. 2).

[4] См. об этом в письме 266 и примеч. 5 к нему.

[5] О полемике «Времени» с «Русским вестником» см. наст. изд., т. XX, стр. 278—280, 316—317, а также письмо 182, примеч. 15.

[6] Речь идет о письме 266.

[7] Долг Врангелю Достоевский возвратил лишь в 1873 г.

268. А. Е. ВРАНГЕЛЮ (стр. 141)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.5.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 165—166.

Ответ на письмо Врангеля от 3 (15) ноября (*Материалы и исследования*, т. III, стр. 279—280).

[1] «Четыре недели прошло» со времени пребывания писателя в гостях у Врангеля в Копенгагене. Он пробыл в гостеприимной семье неделю. Врангель писал позднее в своих воспоминаниях: «Очень радостна была наша встреча, всплыли, конечно, воспоминания о Сибири, о „Казаковом саде“, о наших сердечных увлечениях и пр. и пр. Много говорили и о покойнице Марии Дмитриевне, и о красавице Марине О., которую так ревновала к нему его жена...» (*Врангель*, стр. 215).

[2] Эта записка неизвестна (см.: *Список*, № 198).

[3] О задуманном журнале Достоевский говорил с Врангелем при встрече. В названном выше письме Врангель писал: «Если издание предполагаемого журнала состоится — то напишите мне, пригодится ли Вам статейка (переводы) из Petermann's Геогр‹афического› сборника и других современных обозрений» (*Материалы и исследования*, т. III, стр. 280). Поскольку намерение издавать «журнал» было оставлено, то и на вопросы Врангеля Достоевский не ответил.

[4] Вероятно, этого намерения Достоевский не выполнил. Семья М. М. Достоевского получала пособие только от Литературного фонда (см. об этом в примеч. 4 к письму 325).

[5] В это время Достоевский вынашивал замысел будущего «Дневника писателя», осуществленный лишь в 1873 г.

[6] Речь идет о романе «Преступление и наказание».

[7] Об этом долге Врангелю см. примеч. 7 к письму 267.

[8] Врангель просил возвратить ему «пальто и плед» по возможности скорее и лучше пароходом, отходящим «всякую субботу» из Кронштадта в Любек (стр. 279).

[9] О долге И. Л. Янышеву см. письмо 269 и примеч. 1 к нему.

[10] Вскоре после отъезда Достоевского из Копенгагена у Врангеля родилась третья дочь — Екатерина (см.: *Материалы и исследования*, т. III, стр. 279).

[11] «Умница» — одна из двух дочерей Врангеля, с которыми Достоевский «много возился» во время своего пребывания в Копенгагене (***Врангель***, стр. 215).

[12] Н. М. Достоевский умер нескоро (в 1883 г.).

269. И. Л. ЯНЫШЕВУ (стр. 142)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 100, № 22549, лл. 1—3.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 424—425.

[1] «Пустое письмо» — т. е. письмо без присовокупления денег, полученных Достоевским от Янышева перед отъездом из Висбадена около 1 октября 1865 г. Достоевскому удалось уплатить этот долг только в конце апреля следующего года (см. письмо 276).

[2] 300 руб., которые Достоевский просил у Каткова (см. письмо 266), пришли по висбаденскому адресу уже после отъезда Достоевского. Эти деньги получил Янышев и отослал их писателю в Петербург.

[3] Обстоятельства (крайнее безденежье) все-таки заставили Достоевского написать письмо к Каткову с просьбой о новом авансе под роман «Преступление и наказание» (см. письмо 271). В марте 1866 г. Достоевский получил от Каткова еще тысячу рублей (см. письмо 275).

[4] Длительную поездку в Москву в связи с работой над «Преступлением и наказанием» Достоевский совершил летом 1866 г.

[5] В это время Достоевского еще не покидала мысль о возобновлении деятельности в качестве издателя и редактора нового журнала (см., например, в письме 268).

[6] Речь идет о романе «Игрок», который в 1866 г. создавался одновременно с «Преступлением и наказанием».

[7] См. выше, примеч. 3.

[8] Эти деньги Достоевский отдал семейству брата Михаила Михайловича (см. письмо 268).

[9] Вероятно, речь идет о деньгах из «Библиотеки для чтения», редакции которой Достоевский предлагал будущее «Преступление и наказание» и «Письма из-за границы». Об этом Достоевскому писал в августе 1865 г. соиздатель П. Д. Боборыкина Н. Н. Воскобойников (см.: *Д, Письма*, т. I, стр. 579; см. также: *Список*, № 193).

270. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 144)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.15, лл. 5—6.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 430.

[1] Имеется в виду Н. И. Голеновский.

[2] Н. М. Достоевский лежал в клинике и раньше, в 1863 г. Тогда ему лечение пошло на пользу (см. письмо 204, примеч. 6 и письмо 239; см. также: *Д, Материалы и исследования*, стр. 540, 542, 543).

[3] Речь идет о работе над романом «Преступление и наказание».

271. М. Н. КАТКОВУ (стр. 144)

Печатается по черновику письма: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.3, лл. 55—57. Беловой текст не сохранился.

Впервые опубликовано: «Красный Архив», 1923, № 4, стр. 370—372.

Датируется декабрем 1865 г. на том основании, что упоминаемая в настоящем письме первая часть «Преступления и наказания» была отослана в редакцию «Русского вестника» не ранее декабря 1865 г.

[1] См. письмо 266.

[2] Речь идет о «Преступлении и наказании».

[3] Подразумеваются, по всей вероятности, заботы о воспитании и образовании П. А. Исаева.

[4] Намек на деятельность Каткова, связанную с переводом на русский язык произведений Шекспира. В 1862 г. в полемике с Катковым Достоевский также (но с иронией) намекал на эту деятельность (см. наст. изд., т. XX, стр. 37, 288).

[5] Эти письма неизвестны.

[6] Катков прислал Достоевскому не 700, а 1 000 руб. (см. письмо 275).

[7] Роман «Преступление и наказание» печатался в «Русском вестнике» с января по декабрь 1866 г. (книги I, II, IV, VI—VIII, XI—XII).

[8] Ответное письмо Каткова неизвестно.

272. Д. И. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 148)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 388.

Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 399—401.

Год уточняется по содержанию письма (см. примеч. 2 и 10).

[1] Это письмо Д. И. Достоевской неизвестно.

[2] Речь идет о романе «Преступление и наказание», первая часть которого была уже напечатана в январской книжке «Русского вестника» за 1866 г.

[3] См. письмо 271.

[4] О какой бумаге идет речь — неясно. Но вероятна ее связь с постоянно грозившим Достоевскому долговым отделением (см. об этом в письме 276 и примеч. 5 к нему).

[5] Здание Максимилиановской лечебницы одной стороной выходило на Вознесенский проспект, другой — на ул. Пирогова (ныне, соответственно, проспект Майорова и ул. Декабристов). От дома в Столярном переулке (ныне ул. Пржевальского), в котором жил тогда Достоевский, до Максимилиановской лечебницы — около трехсот метров.

[6] О болезнях см. в письме 273.

[7] Намек на натянутые отношения с семьей покойного брата Михаила Михайловича.

[8] Очевидно, подразумеваются осложнения с редакцией «Русского вестника» по поводу объема «Преступления и наказания» и полистного гонорара за него (см. письмо 273). Во время пребывания в Москве и в Люблине летом 1866 г. Достоевскому пришлось также сокращать некоторые сцены «Преступления и наказания», показавшиеся редакции «Русского вестника» неудобными с точки зрения цензурно-идеологической (см. письмо 283).

[9] 27 октября 1865 г. Достоевский был в Мариинском театре на первом представлении оперы А. Н. Серова «Рогнеда».

[10] Вечер 30 ноября 1865 г. — это отпразднованные в доме М. И. Федорченко именины А. М. Достоевского, приезжавшего в это время в Петербург по делам службы (*Достоевский, А. М.*, стр. 320).

[11] О детях А. М. и Д. И. Достоевских см. письмо 233, примеч. 13.

[12] Поездка Достоевского в Ярославль не состоялась ни на святой (т. е. пасхальной) неделе, ни позднее.

273. А. Е. ВРАНГЕЛЮ (стр. 150)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29613.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. I, стр. 286—289.

Ответ на письма Врангеля от 5 (17) декабря 1865 и 31 января 1866 г. (*Материалы и исследования*, т. III, стр. 280—283).

[1] О ходе работы над романом «Преступление и наказание» см. наст. изд., т. VII, стр. 308—328; какие части были написаны и сожжены — неясно (см. там же, стр. 317).

[2] Подробнее о расчетах с кредиторами после краха «Эпохи» см. наст. изд., т. XXVII, стр. 202—204, а также в письме 253.

[3] О посещении премьеры оперы «Рогнеда» см. в письме 272, примеч. 9.

[4] «Коронная служба» — т. е. служба в государственном учреждении. В письме, на которое отвечает Достоевский, Врангель писал: «...лучше верный рубль, нежели миллион в надежде; а потому умоляю Вас, ищите место, службу, у правит‹ельст›ва, или частное — всё равно, лишь бы был верный кусок хлеба ‹...› отчего же Вам не достать места, когда Майков, Полонский etc. имеет таковые?» (стр. 280—281).

[5] Об этом предложении М. Н. Каткову см. в письме 266.

[6] Вероятно, Достоевскому были известны собственные признания И. С. Тургенева в письмах середины 1860-х гг. о том, что он охладел к литературному труду и что он, может быть, вообще расстанется с литературным творчеством (см.: *Тургенев, Сочинения*, т. IX, стр. 454). В «Русский вестник» писатель действительно долгое время ничего не посылал: лишь в 1867 г. (в № 3) здесь появился роман «Дым».

[7] Л. Н. Толстой не раз расходился с Катковым. Так, 12 ноября 1865 г. он писал А. А. Толстой: «Между мной и им столько же общего, сколько между вами и вашим водовозом» (*Толстой*, т. 61, № 149). Результатом очередной размолвки, произошедшей в 1866 г., было то, что в 1867 г. ни в «Русском вестнике», ни в отдельном издании не появился роман «Война и мир» (см.: Н. Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого, 1828—1890. М., 1958, стр. 329). Очередная ссора произошла в 1877 г. — во время печатания «Анны Карениной». «С „Русским вестником“ впредь дела иметь никогда не желаю и не буду», — телеграфировал Толстой Каткову (*Толстой*, т. 20, стр. 664).

[8] Святая неделя в 1866 г. приходилась на 3 (15) — 9 (21) апреля.

[9] Речь идет об устных отзывах на «Преступление и наказание». Первым (и тоже почти «восторженным») печатным отзывом явился анонимный разбор нескольких глав романа в газете «Голос» от 17 февраля (1 марта) 1866 г. (см. наст. изд., т. VII, стр. 346).

[10] Отдельным изданием «Преступление и наказание» вышло в 1867 г. (см. там же, стр. 304, 328—329).

[11] Зима 1866 г. была в Петербурге чрезвычайно суровой, а уже в феврале в прессе появились первые заметки о возможном возникновении холеры (см., например: *Г*, 1866, 19 февраля (3 марта), № 50), и выражалось «тревожное опасение насчет появления страшной гостьи, забравшейся ‹...› в Россию еще в начале осени прошлого года и продолжающей до этих пор свой непрошенный и докучливый визит» (*Г*, 1866, 13 (25) марта, № 72). Летом холера действительно появилась в Петербурге. Автор фельетона «Вседневная жизнь» писал о последних неделях июня — начале июля: «Эпидемия, как ни милостиво относительно обошлась с нами на этот раз, дала, однако, себя почувствовать и вырвала порядочное число жертв; в образованном кругу она, правда, очень мало распоряжалась и обрушивалась, как всегда, на беднейшем классе; но это не помешало

нагнать на столицу временно уныние, особенно на жителей улиц, по которым лежит путь к кладбищам ‹...› Эпидемия, сначала развивавшаяся медленно, через десять дней стала делать вдруг такие быстрые шаги, что невольно нагнала страх, и многие боялись уже, не дошло бы дело до размеров 1848 года. Но дело не доходило до этого, и теперь столичный город Петербург расцветает» (*Г*, 1866, 10 (22) июля, № 188).

[12] В письме от 31 января Врангель писал: «...я почти со дня Вашего отъезда не переставал возиться с докторами. Жена была очень больна, опасно больна и теперь помаленьку выздоравливает. Все дети, люди и я сам перехворали вследствие сырой, теплой, отвратительной зимы» (стр. 282).

[13] В письме от 31 января 1866 г. Врангель писал: «На днях получил настоятельное приглашение отца моего перейти на службу в Россию и посвятить себя управлению имением, но вследствие полного убеждения, что всё это только может повредить моей будущности, — я решительно отказал и решился на многие годы продолжать службу по Минист‹ерст›ву ин‹остранных› дел за границею» (стр. 282).

[14] В этом же письме Врангель восклицал: «Неужели наша газет‹ная› литература не находит более интересных и благодетельных, необходимых теперь разговоров и прений, — как только ‹...› ругать все немецкое и иностранное, обманывать народ собственным преувеличением своих сил и способностей и заваливать его хаосом идей новых, ему пока не понятных и только еще путающих ‹...› петровскую, ломку всего старого...» (стр. 282—283).

[15] В названном выше письме Врангель спрашивал: «Скажите, пожалуйста, кто редактор газеты „Весть“? Хотя она часто и разделяет взгляды à la Bismarck ‹...›, но часто говорит правду и хорошо отделывает квасной патриотизм многих наших журналистов...» (стр. 282).

[16] Об этом долге Врангелю см. в письмах 265, 267.

274. Я. К. ГРОТУ (стр. 153)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 123, I.42.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 433—434,

Год устанавливается по содержанию данного письма и на основании содержания двух неопубликованных писем Я. К. Грота к Достоевскому.

Ответ на письмо Грота от 14 марта 1866 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.2.127).

Грот ответил 16 марта 1866 г. (там же).

[1] Грот писал Достоевскому: «Егор Петрович Ковалевский сказывал мне, что Вы изъявили благосклонное согласие принять участие в чтении в пользу Литературного фонда. Вследствие этого долгом считаю уведомить Вас, что это чтение будет в пятницу вечером в 8-м часов (18 марта) в зале Бенардаки. На случай, если б И. Д. Делянов счел нужным предварительно прочесть избранный Вами отрывок, не благоволите ли Вы на короткое время прислать его мне с подателем?». Упомянутая Достоевским глава из «Преступления и наказания» была напечатана в первой книжке «Русского вестника» за 1866 г. В ней рассказывается о встрече и беседе Раскольникова с Мармеладовым в трактире.

[2] «Экземпляр» — первая книжка «Русского вестника» за 1866 г., в которой была опубликована 2-я глава первой части «Преступления и наказания» (см. примеч. 1). Отвечая Достоевскому, Грот писал: «Если б я знал, что Вы будете читать *напечатанный* уже отрывок, то, конечно, не стал бы и беспокоить Вас. Между тем, однако ж, И. Д. Делянов пожелал, действительно, ознакомиться с избранною Вами для чтения главою, и я, по требованию его, посылал к нему возвращаемую при сем книгу. Он с своей стороны также не находит препятствий к этому чтению и полагается на Ваше чувство приличия в сокращении некоторых подробностей, которое не может ослабить общего впечатления».

275. М. Н. КАТКОВУ (стр. 159)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 120, 3.10, лл. 6—7.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 279—281.

[1] Достоевский получил эти деньги от Каткова на страстной неделе, т. е. в двадцатых числах марта 1866 г. (см. письмо 277).

[2] Т. е. три главы из второй части романа «Преступление и наказание» (в отдельном издании эти главы вошли в третью его часть).

[3] Под «теперешними обстоятельствами» подразумевается усиление строгостей в связи с покушением (4 апреля 1866 г.) Д. В. Каракозова на Александра II (о «полицейском надзоре» см.: Ю. Г. Оксман. Секретные инструкции о Достоевском. — *Творчество Достоевского*, стр. 36—38).

[4] Речь идет о приближавшейся австро-прусской войне, неизбежность которой была очевидной за несколько месяцев до ее начала (в июне 1866 г.). Передвижения войск, закупка лошадей, контракты на большие поставки хлеба в армию, приобретения карт Богемии, Силезии и Саксонии, слухи о тайном договоре между Пруссией и Италией, бесконечный обмен нотами, депешами, спешные военные приготовления враждующих сторон, сопровождавшиеся усиленными разговорами о прекращении вооружений, поведение Бисмарка и т. п. — вот темы постоянных газетных сообщений. В «Голосе» писалось, например: «Почти каждый день телеграф передает новое известие о передвижениях войск в Австрии, о приведении на военную ногу прусских корпусов или о других приготовлениях к войне» (*Г*, 1866, 22 марта (3 апреля), № 81); «Только что последовало приказание привести в положение готовности к войне пятую, седьмую и девятую пехотную дивизии, также весь шестой армейский корпус, четыре новые полка гвардии, дивизию, расположенную в Шлезвиге, равно как и соответствующую этим силам артиллерию»; «...из Берлина получены приказания в наискорейшем времени привести прусские военные корабли на военное положение» (*Г*, 1866, 20 марта (1 апреля), № 79); «Все австрийские офицеры, бывшие в отпуску в Риме, отправились к своим полкам»; «В Вене ... ожидали вскоре обнародования императорской прокламации, объявляющей о поставлении армии на военную ногу, так как на севере и на юге война сделалась неизбежною»; «По всей Италии продолжаются патриотические манифестации в пользу войны»; «По словам венской газеты „Neues Fremdenblatt“, от 21-го апреля (3-го мая), на основании соглашения между Пруссиею и Италиею, инициатива военных действий против Австрии представлена Италии» (*Г*, 1866, 25 апреля (7 мая), № 113); «...жителям богемских крепостей дан уже совет запастись съестными припасами на более или менее продолжительное время, вследствие опасности войны» (*Г*, 1866, 24 апреля (6 мая), № 112); «Здесь (в Париже, — *Ред.*) более расположены предвидеть войну, чем мирный исход ссоры Пруссии с Австриею» (*Г*, 1866, 31 марта (12 апреля), № 88); «Прусское правительство заказало огромное количество орудий на заводе Крупна в Эссене» (*Г*, 1866, 6 (18) апреля, № 94); «...Италию, без всяких трактатов, можно считать вполне готовою к участию в борьбе с Австриею, кто бы ни начал эту борьбу» (*Г*, 1866, 15 (27) апреля, № 103); «...говорят, что Пруссия намерена прибегнуть к так называемой „военной мере обезопасения себя“ и занять какой-нибудь стратегический пункт, лежащий вне Пруссии, и таким образом дать повод к войне» (*Г*, 1866, 29 марта (10 апреля), № 86); «В прусской крепости Козеле, в Силезии, комендант приказал прибить к стенам объявление, по которому жителям предписывается запастись съестными припасами на шесть месяцев или уезжать, если они не хотят подвергнуться сильным лишениям» (*Г*, 1866, 2 (14) апреля, № 90); «Много было толков о разговоре между графом Бисмарком и австрийским посланником в Берлине, графом Карольи, который задал ему прямой вопрос: „Намерена ли Пруссия нарушить гастейнский договор?“ Венский корреспондент ‹...› уверяет из вернейшего источника, что Бисмарк отвечал на это: „Нет“, но прибавил: „вы не можете думать,

чтоб правительство, которому делают запрос в такой прямой и неожиданной форме, отвечало иначе, как «нет», хотя бы оно даже твердо решилось на другой же день нарушить своё слово". Из этого корреспондент заключает, что „нет" в этом случае равняется „да"» (*Г*, 1866, 26 марта (7 апреля), № 85).

[5] Лето 1866 г. Достоевский провел под Москвой, в Люблине, на даче своих родственников, где продолжал работу над романом «Преступление и наказание».

[6] Достоевский имеет в виду полемику Каткова с французским журналом «Revue des deux Mondes» и петербургской газетой «Le Nord», обвинявшими «Московские ведомости» в продажности. Опровергая эти обвинения, Катков писал в передовой статье «Москва, 24-го марта»: «В полученном третьего дня № газеты „Le Nord" прочли мы корреспонденцию из Петербурга, которая находится в самой тесной связи с <...> внезапным ополчением французской журналистики на Россию <...> автор корреспонденции <...> находит, что русская политическая печать в настоящее время есть явление вредное и опасное; он, очевидно, согласен с таинственными авторами статьи г-на де Мазада во взглядах на русскую независимую печать и полагает, что нужно отнять дарованные ей льготы и прибрать ее к рукам. Не знаем, как примет это иностранная публика, но в России публика знает, что русская печать тем лучше, чем она независимее». Далее Катков утверждал демагогически: «Русская публика знает, какого свойства органами бывают те из наших журналов и газет, которые получают казенные субсидии или находятся в теснейшей зависимости от правительственных лиц, а также какое зрелище представляла русская журналистика в то время, когда цензура была во всей своей силе. Публика сравнивает, например, „Современник" за 1862 год с нынешним и приходит к утешительным выводам. А в 1862 году „Современник" не только находился под цензурой, но и получал пособие от того правительственного ведомства, которому тогда было подчинено цензурное управление» (*МВед*, 1866, 25 марта, № 65).

[7] Причисляя к «нашим субсидьерам» и такие органы демократической печати, как «Современник» (см. примеч. 6), Достоевский возмущался тем, что при этом они «защищают» «нигилизм», скомпрометировавший себя покушением Каракозова.

[8] Словами «не могу согласиться вполне» Достоевский, по-видимому, напоминает Каткову о своей полемике с ним в 1861—1862 гг. Главными «пунктами» тогдашних разногласий между ними была англомания редактора «Русского вестника», его высокомерные суждения о народности, русской литературе вообще и Пушкине в особенности (см.: наст. изд., т. XIX, стр. 303, 307, 331, 332; т. XX, стр. 33, 284—285).

[9] В начале 1866 г. Катков в одном номере своей газеты напечатал сразу пять корреспонденций из Петербурга (их-то главным образом и имеет в виду Достоевский) с описанием покушения на Александра II. В пятой из этих корреспонденций были такие строки: «Никто не хочет верить, чтобы злодей был действительно настоящий русский; какие ни прибирайте доводы, не придумаете мотива, который в силах был бы побудить русского на цареубийство. Если бы, паче чаяния, злодей и оказался таковым, то он, очевидно, может быть только орудием партии, конечно, *нерусской*, ибо ничто не может быть враждебным самому себе» (*МВед*, 1866, 7 апреля, № 77, передовая «Москва, 6-го апреля»).

[10] Об отношении Достоевского к радикальной молодежи 60-х гг. и к «русскому социализму» см.: наст. изд., т. V, стр. 379—380; т. VII, стр. 336—338; т. XX, стр. 191—194; см. также: Г. М. Фридлендер. Новые материалы из наследия художника и публициста. — *ЛН*, т. 83, стр. 105—107.

[11] Очевидно, имеется в виду следующее высказывание Ш. Фурье по поводу фаланстеров и предполагаемого расселения в них общин: «Если я с такой уверенностью возвещаю универсальную гармонию в ближайшем будущем, так это потому, что организация социетарного строя потребует

не свыше двух лет с того момента, как какой-либо кантон подготовит здания и насаждения. Этот прекрасный социальный строй народился бы мгновенно, если бы где-либо можно было осуществить эти мероприятия, если бы существовали здания и плантации, которые можно бы использовать для фаланги прогрессивных серий» (Ш. Фурье. Теория четырех движений и всеобщих судеб. Проспект и анонс открытия. М.. 1938, стр. 118). Попытка построения первого опытного фаланстера, предпринятая учениками и последователями Фурье в 1832 г., не увенчалась успехом из-за недостатка средств (см. там же, стр. 16). О знакомстве Достоевского с трудами социалистов-утопистов и об его отношении к их идеям см. наст. изд., т. XVIII, стр. 315—316. Ср. также с эпизодом из «Зимних заметок о летних впечатлениях», в котором фурьеристский фаланстер приравнивается к «Мертвому дому» (наст. изд., т. V, стр. 81).

[12] Достоевский неоднократно приписывал эту фразу «теоретикам» из разночинно-демократического лагеря (см. об этом в комментариях к подготовительным материалам к роману «Бесы» — наст. изд., т. XII, стр. 336).

[13] Имеются в виду следующие слова передовой статьи «Московских ведомостей»: «...есть люди столько бессовестные, что даже и в эту минуту, при первом серьезном внимании, обращенном на зло, начинают говорить о какой-то будто бы начинающейся у нас реакции, грозящей нашему общественному прогрессу. Политические злоумышленники <...> начинают возбуждать в обществе толки о том, что слишком сильные действия против нигилизма угрожают нашему прогрессу и просвещению и что с либеральной точки зрения не следует желать, чтобы исследование дела простиралось слишком далеко и глубоко. Толки эти идут из Петербурга...» (*МВед*, 1866, 21 апреля, № 84, передовая «Москва, 20-го апреля»). В следующем номере газеты оправданию реакции и нападкам на недовольных ею были посвящены передовая статья и корреспонденция «Из Петербурга», подписанная буквой Z. И в данном случае согласие Достоевского с Катковым, ратовавшим, по существу, за безоговорочное применение против нигилистов и всяческой оппозиции самых крутых мер, едва ли могло быть вполне искренним.

[14] Вероятно, Достоевский откликался на следующее сообщение «Московских ведомостей»: «...несмотря на недостаток официальных известий о заговоре, недостаток, вытекающий из необходимости тайны производящегося следствия, в настоящее время мы можем с достаточною достоверностью признавать заговор созревшим вне России и не имеющим вовсе русского происхождения» (*МВед*, 1866, 21 апреля, № 84); ср. также: «...едва ли где-нибудь пускалось в ход столько обманов и делалось столько расчетов на несообразительность людскую, как у нас в эти три истекшие года. Интрига не унывала ни при каких обстоятельствах...» (*МВед*, 1866, 25 марта, № 65, передовая «Москва, 24-го марта»).

[15] Следствие по делу 4 апреля велось закрыто (председателем следственной комиссии был назначен граф М. Н. Муравьев).

276. И. Л. ЯНЫШЕВУ (стр. 155)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 100, № 22549, лл. 4—5.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 434—435.
Янышев ответил 6 мая 1866 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.10.27).

[1] Эта записная книжка не сохранилась.

[2] В ответном письме Янышев сообщал, что деньги, присланные Достоевским, пойдут на помощь погоревшему племяннику и на приезд дочери из Петербурга.

[3] Роман «Преступление и наказание» печатался в «Русском вестнике» в течение всего 1866 г.

[4] О первоначальных отзывах о романе см. примеч. 9 к письму 273.

[5] Это «заявление» Достоевского неизвестно. Вероятно, оно представ-

ляет собою ту самую «важную бумагу в суд», срок подачи которой был уже упущен (см. письмо 272).

[6] Речь идет о так называемом Тарасовом доме (см. примеч. 6 к письму 317).

[7] Имеются в виду П. А. Исаев и Э. Ф. Достоевская.

277. А. Е. ВРАНГЕЛЮ (стр. 157)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29613.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 166—167.

Ответ на письмо Врангеля от 9 мая н. ст. 1866 г. (*ЦГАЛИ*, ф. 212, I.63). Врангель ответил 1 (13) июля 1866 г. (*Материалы и исследования*, т. III, стр. 283—285).

[1] В письме от 9 мая Врангель просил: «...не можете ли Вы выслать мне денег? Я в страшной нужде <...> Поверьте, что я никогда бы не напомнил Вам об этом — будь я одинокий и в других обстоятельствах».

[2] В это время писатель работал над VII—IX главами второй части «Преступления и наказания» (в журнальном варианте).

[3] Вероятно, эти формальности были связаны с тем, что Достоевский состоял под надзором полиции (см. примеч. 3 к письму 275).

[4] О будущем отдельном издании романа см. примеч. 10 к письму 273.

[5] Врангель сообщил сумму долга в письме от 1 (13) июля 1866 г.: она равнялась 196 датским ригсталерам (или 160 руб.) (стр. 284).

[6] Достоевский отвечает этими словами на сетование Врангеля в письме от 9 мая по поводу падения заграничного курса «на 34 %» и ухудшения финансового положения России.

[7] В письме от 9 мая Врангель писал: «...лучше и честнее, если бы Катков и вся его братия проповедовала не ненависть к Европе, немцам, полякам etc., не социализм и нигилизм, а ум и разум, за который бы следует взяться всякому отдельно и правительству в особенности. Вы как литератор и честный человек обязаны сами писать и кричать в этом смысле».

278. А. В. КОРВИН-КРУКОВСКОЙ (стр. 158)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.42.

Впервые опубликовано (с неверной датировкой): *Д, Письма*, т. II, стр. 616.

Датируется апрелем—маем 1866 г. по содержанию: в письме, во-первых, упоминается поездка Достоевского в Москву (в 20-х числах марта 1866 г. — см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 157), во-вторых, речь идет о недавнем пребывании Круковской в Петербурге (в феврале этого же 1866 г. — см. там же) и, в-третьих, говорится о намерении побывать «летом» в имении Круковских Палибино (под Витебском). Это намерение не было осуществлено (см. также: *Ковалевская*, стр. 79).

[1] Речь идет о работе над романом «Преступление и наказание».

[2] По всей вероятности, намек на споры Достоевского с Корвин-Круковской по поводу нигилизма (см.: *Ковалевская*, стр. 81).

279. А. В. КОРВИН-КРУКОВСКОЙ (стр. 159)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29618, лл. 3—4.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 437—438.

[1] Это письмо Корвин-Круковской неизвестно. Возможно, в нем содержалось согласованное с отцом приглашение Достоевскому погостить летом этого года в Палибине. Во всяком случае, В. В. Круковский писал Достоевскому 14 января 1866 г.: «По возвращении жены моей с дочерью из Петербурга они сказали мне, что Вы располагали приехать летом отдохнуть у нас в деревне. Конечно, мы все были бы этому рады» (см.: И. С. Книжник-Ветров. Русские деятельницы первого Интернационала и Парижской коммуны. М.—Л., 1964, стр. 150). О предполагаемой поездке в Палибино летом 1866 г. Достоевский говорит и в более раннем письме к Корвин-Круковской (см. письмо 278).

[2] К лету 1866 г. у Достоевского возник острый конфликт с «Русским вестником» (см. о нем в письме 284; см. также: наст. изд., т. VII, стр. 325).

[3] В течение 1866 г. Достоевский закончил роман «Преступление и наказание» и успел написать новый роман — «Игрок», который и был представлен Ф. Т. Стелловскому 1 ноября ст. ст. 1866 г. — в день, установленный условиями контракта с ним (см. также письма 253, 259 и наст. изд., т. V, стр. 398—402).

[4] В 1866 г. Круковская в Павловск не приезжала, а Достоевскому вообще не довелось побывать в Палибине.

[5] Речь идет об С. В., Е. Ф. и В. В. Корвин-Круковских.

280. П. А. ИСАЕВУ (стр. 161)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 94—95. Впервые опубликовано: *СВ*, 1891, № 11, стр. 12—13.

[1] Достоевский жил близ Малого театра в гостинице Дюссо.

281. П. А. ИСАЕВУ (стр. 162)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 98—99. Впервые опубликовано: *СВ*, 1891, № 10, стр. 18.

[1] Люблино — дачная местность под Москвой. О даче, где жил Достоевский, его отдыхе и работе в Люблине сохранились воспоминания Н. Фон-Фохта (см.: *Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 372—379).

[2] Эти письма Исаева неизвестны.

[3] См. письмо 284.

[4] Речь идет о работе над романом «Преступление и наказание».

[5] Имеется в виду И. М. Алонкин.

[6] «Прежний адрес» — это московский адрес семейства А. П. Иванова (см. письмо 280).

282. П. А. ИСАЕВУ (стр. 162)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 91—92. Впервые опубликовано: *СВ*, 1891, № 11, стр. 13—14.

Описка в дате письма исправляется на том основании, что в нем упоминается предшествующее письмо Исаеву (см. письмо 281).

[1] Об эпидемии холеры в Петербурге см. в письме 273 и примеч. 11 к нему.

[2] Под Псковом жила тетка Исаева С. Д. Констант (см. примеч. 3 к письму 267).

[3] Исаев приехал в Москву, а затем в Люблино, где прожил до 23 августа 1866 г. Об этом свидетельствуют начальные строки его неопублико-

ванного письма к Достоевскому от 29 августа 1866 г.: «Милый папа, из Люблино я выехал 23 числа, надеясь в тот же день уехать, но случилось иначе, я опоздал; так что пришлось переночевать в Москве и на другой только день вечером отправиться в дорогу» (*ИРЛИ*, ф. 100, № 32639).

[4] Написал ли Достоевский Э. Ф. Достоевской, неизвестно.

[5] Достоевский собирался писать А. П. Милюкову (см. письмо 284).

[6] На даче в Павловске жила в это время Э. Ф. Достоевская с семьей.

[7] В Москве, в Константиновском Межевом институте, на Старой Басманной, жила семья Ивановых.

283. Н. А. ЛЮБИМОВУ (стр. 164)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160, № 1 (собрание Любимова), лл. 1—2.

Впервые опубликовано: «Былое», 1919, № 14, стр. 39.

Год устанавливается по содержанию. Описка в дате письма исправляется на том основании, что в 1866 г. пятница приходилась именно на 8 июля.

[1] Эти строки являются отзвуком конфликта Достоевского с редакцией «Русского вестника» (см. письма 284, 285).

[2] Речь идет об эпизоде чтения Соней Евангелия Раскольникову (см. наст. изд., т. VI, стр. 241—253; о характере претензий редакции «Русского вестника», высказанных по поводу этого эпизода, и результатах его переделки см. там же, т. VII, стр. 326—329).

[3] О каких поправках идет речь, точно неизвестно. Возможно, писатель имеет в виду длинноты, которые советовал или предлагал устранить Любимов и о которых, как о редакционных «выпусках», упоминается и несколько позже (см. письмо 285, примеч. 2).

[4] Рукопись глав, предназначенных для июньской книжки «Русского вестника» за 1866 г., поступила в набор приблизительно через неделю после этого письма. Около 19 июля 1866 г. Достоевский уже держал корректуру этих глав (см. письмо 285).

[5] Любимов и Катков были не вполне удовлетворены поправками, сделанными Достоевским. Правка текста романа, в соответствии с их новыми или повторными требованиями, продолжалась и в корректуре (подробнее см. наст. изд., т. VII, стр. 325—328).

[6] В письме А. П. Милюкову от 10—15 июля 1866 г. Достоевский пишет о четырех главах романа, предназначавшихся для июньской книжки «Русского вестника», вышедшей в свет в июле 1866 г. (см. письмо 284). Так как Любимов советовал Достоевскому в летние месяцы «печатать понемножку», то, возможно, упоминаемая 4-я глава — это глава, не включенная в июньскую книжку журнала.

284. А. П. МИЛЮКОВУ (стр. 164)

Печатается по тексту первой публикации: *РВ*, 1889, № 2, отдел «Сообщения и известия», стр. 358—360. Подлинник неизвестен.

Датируется периодом с 10 по 15 июля по содержанию (например: «...4 главы <...> явятся в номере, имеющем выйти в июле, и уже отданы в набор») и по связи с письмом 283. Позднее письмо не могло быть написано, потому что в нем говорится о предстоящей работе: «...я берегу свои силы <...> для августа м<еся>ца».

[1] В гостинице Дюссо Достоевский останавливался и в 1867 г.

[2] Вероятно, имеется в виду О. А. или М. А. Филиппов.

[3] Московский трактир (Печкина) находился на месте бывшей гостиницы «Гранд-отель» (ныне площадь Революции, 1).

[4] При Иване Калите было начато строительство Успенского собора и построено или заложено несколько других церквей и соборов. Основным материалом для возведения этих зданий служил белый камень, залегавший в больших количествах неподалеку от Москвы.

[5] *Под* — «кирпичная, гладкая выстилка, или глиняная набойка и смазка внутри всякой печи, где кладутся дрова» (см.: *Даль*, т. III, стр. 218).

[6] Купец Н. П. Ланин владел магазином минеральных вод.

[7] Речь идет об И. С. Аксакове и его родных.

[8] Т. е. семья Ивановых.

[9] О даче Достоевского в Люблине см. письмо 281 и примеч. 1 к нему.

[10] О случаях заболевания холерой в Петербурге см. письмо 273, примеч. 11. Правда, довольно многочисленные проявления эпидемии холеры летом 1866 г. отмечались и в Москве (см: *ИВ*, 1901, № 12, стр. 1030).

[11] О «приятнейшей компании», окружавшей Достоевского в Люблине, Н. Н. Фон-Фохт писал: «Было много молодежи, несколько очень хорошеньких и взрослых барышень, так что по вечерам на прогулку нас собиралось со взрослыми до двадцати человек. Всё это общество было всегда беззаботно весело, всегда царствовало во всем полное согласие <...> И душою этого общества всегда были А. П. Иванов и Ф. М. Достоевский» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 376).

[12] Печатание романа «Преступление и наказание» действительно закончилось в декабре 1866 г.

[13] Речь идет о вышедшей в июле июньской книжке «Русского вестника» за 1866 г., в которой были напечатаны VII—IX главы второй части. В окончательном распределении глав эти три главы превратились в первые четыре главы четвертой части (VIII гл. журнального текста была поделена на две: II и III — см. наст. изд., т. VII, стр. 325).

[14] В редакционном примечании «Русского вестника», напечатавшего в 1889 г. публикуемое письмо к Милюкову, по поводу этих и следующих строк Достоевского сказано: «Девятая глава второй части, где описывается посещение Раскольниковым Сони, несчастной женщины, поддерживавшей своим печальным ремеслом существование семьи, и чтение ими Евангелия, возбудила некоторые сомнения в редакции, и М. Н. Катков не решался печатать главу в том виде, как она была доставлена автором. Федор Михайлович <...> согласился на переделку <...> Из письма видно, что ему не легко было отказаться от задуманной утрированной идеализации Сони, как женщины, доведшей самопожертвованье до такой ужасной жертвы. Федор Михайлович значительно сократил разговор при чтении Евангелия <...> Н. А. Любимов и принялся улаживать это дело, склоняя Федора Михайловича к уступчивости и умеряя требования Михаила Никифоровича» (*РВ*, 1889, № 2, отдел «Сообщения и известия», стр. 361; см. также примеч. 2 к письму 285).

[15] Более конкретного представления о характере авторских переделок и поправок не имеется, так как рукопись упомянутых выше глав (VII—IX глав второй части по журнальному и I—IV глав четвертой части по тексту наст. изд., т. VI, стр. 214—253) не сохранилась.

[16] Речь идет о романе «Игрок».

[17] Имеется в виду Э. Ф. Достоевская с детьми.

[18] Возможно, упоминание о водке связано с бытовавшим мнением, что при холере надо пить водку.

285. М. Н. КАТКОВУ (стр. 166)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 120, 3.10, лл. 8—9.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 281—282.
Ответ на письмо Каткова (без даты) — *ГБЛ*, ф. 93, 2.V. 55.

[1] Речь идет о корректуре VII—IX глав второй части «Преступления и наказания» (см. примеч. 13, 15 к письму 284).

[2] В своем письме Катков писал: «...убедительно прошу Вас не сетовать на меня за то, что я позволил себе исключить некоторые из приписанных Вами разъяснительных строк относительно характера и поведения Сони <...> Скажу только, что ни одна существенная черта в художественном изображении не пострадала. Устранение резонирующих мест придало ему только большую объективность...».

[3] Очевидно, стр. 786 в корректуре была идентична стр. 786 в журнальной публикации (*РВ*, 1866, № 6), соответствующей стр. 248 VI тома наст. изд. Но как на той, так и на другой странице Раскольников не говорит о том, что он счастлив, и не любуется своим поведением. Значит, Катков пренебрег просьбой Достоевского восстановить какой-то отрывок в IX главе романа (в IV гл. IV части по всем следующим изданиям).

[4] О характере исправлений в тексте романа см. примеч. 14 к письму 284.

286. П. А. ИСАЕВУ (стр. 167)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, л. 88.

Впервые опубликовано (с неверной датировкой): *СВ*, 1891, № 11, стр. 12.

Ответ на письмо Исаева от 29 августа 1866 г. (*ИРЛИ*, ф. 100, № 32639).

[1] Достоевский отвечает на следующее сообщение Исаева: «Ем<илия> Ф<едоровна> просила передать Вам, что не можете ли Вы выслать ей денег раньше своего приезда, потому что, как она говорит, ей надо переезжать в город, а денег нет, да и вдобавок надо еще доплатить за дачу 25 руб. сер.».

[2] В своем письме Исаев просил: «Передайте, голубчик, Вере Михайловне, что ее поручения я исполнил на другой же день своего приезда. <...> Александра Павловича и Александра Александровича поздравьте с днем их ангела. Марии Александровне передайте, что с 25 на 26 число приснилась мне баллада, вероятно, на экзамене она сыграла ее очень хорошо. Передайте г-ну прегрешному Фон-Фохту мое полное сочувствие ему за его последние победы в Люблине. Юлии Александровне скажите, что я питаю к ней уважение за ее небесную красоту, несмотря на ее язык, имеющий свойство самого ядовитого животного на всем земном шаре...».

[3] Об этой даче см. письмо 281 и примеч. 1 к нему.

287. А. П. МИЛЮКОВУ (стр. 168)

Печатается по тексту первой публикации (с примерной датировкой): *Д, Письма*, т. IV, стр. 326.

Датируется концом сентября 1866 г. на следующих основаниях: письмо написано из Петербурга, где постоянно жил Милюков и куда недавно из Москвы возвратился Достоевский. «Чрезвычайная» необходимость встречи с Милюковым может объясняться только надвигающимися сроками представления Ф. Т. Стелловскому будущего романа «Игрок» (об этом Достоевский писал Милюкову в письме от 10—15 июля 1866 г. — см. письмо 284). Отсюда и упоминание о том, что «и без того уже много времени потеряно» (т. е. речь идет о нескольких днях, которые Достоевский пробыл в Петербурге с момента возвращения из Москвы). Датировка подтверждается и характером обращения к адресату как к «старинному приятелю»; известно, что эти «приятельские отношения» вскоре оказались испорченными: Достоевский счел Милюкова автором «пошловатой» «статейки» «Же-

нитьба романиста» (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 110—112), а позднее осуждал его за плохое отношение к собственным дочерям (см. письмо 315 и примеч. 4 к нему).

288. Н. А. ЛЮБИМОВУ (стр. 168)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160, № 1 (собрание Любимова), лл. 1—2.

Впервые опубликовано: «Былое», 1919, № 14, стр. 40—41.

Любимов ответил 7 ноября 1866 г. (*ЛН*, т. 86, стр. 130).

[1] Речь идет о романе «Игрок». О контракте со Стелловским см. письма 253, 258, 259, 260.

[2] Печатание «Преступления и наказания» закончилось в двенадцатой книге «Русского вестника» за 1866 г.

[3] Отвечая Достоевскому, Любимов писал: «Относительно присылки романа поступайте как найдете лучше сами. Присылайте по мере отработки. Помещение можно отложить до XI №, объявив, как Вы пишете, публике. Во всяком случае, надеемся скоро читать продолжение и окончание Вашего романа, всеми признанного замечательным произведением и производящего такое впечатление». Объявление для публики было напечатано в десятой книжке «Русского вестника» за 1866 г. на цветной обложке под оглавлением. Вот его текст: «Продолжение романа „Преступление и наказание“ будет помещено в следующей книге».

[4] Относительно просьбы о деньгах Любимов написал Достоевскому: «Я передал Михаилу Никифоровичу Ваше желание, и он очень согласен его исполнить. На днях Вы получите перевод на 500 руб. с‹еребром› согласно Вашему желанию».

[5] См., например, письмо 277, в котором Достоевский сообщает А. Е. Врангелю о получении тысячи рублей в апреле месяце.

[6] Речь идет об А. Г. Сниткиной, которая через несколько месяцев стала женою писателя. О ее помощи Достоевскому (стенографировании романа «Игрок» и последних страниц «Преступления и наказания») см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 47, 56—67, 71. См. также: *Милюков*, стр. 232—236; *Биография*, отд. I, стр. 290—293.

289. Н. А. ЛЮБИМОВУ (стр. 169)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160, № 1 (собрание Любимова), лл. 3—4.

Впервые опубликовано: «Былое», 1919, № 14, стр. 42—43 с ошибкой в дате: 8 ноября вместо 3 ноября, повторенной в изд.: *Д, Письма*, т. I, стр. 446—447.

[1] Очевидно, автором этого несохранившегося запроса был секретарь редакции «Русского вестника» П. Колосов. Сам же Любимов в письме от 7 ноября 1866 г. просил присылать в редакцию «Русского вестника» главы «Преступления и наказания» по мере их завершения (*ЛН*, т. 86, стр. 130).

[2] Речь идет о письме 288.

[3] О глубоком впечатлении, произведенном на публику начальными главами романа, см.: наст. изд., т. VII, стр. 345—346. Н. Н. Страхов писал впоследствии: «Только его и читали, только об нем и говорили охотники до чтения, говорили, обыкновенно жалуясь на подавляющую силу романа, на тяжелое впечатление, от которого люди с здоровыми нервами почти заболевали, люди с слабыми нервами принуждены были оставлять чтение» и т. д. (*Биография*, отд. I, стр. 288—290).

[4] Речь идет о романе «Игрок».

290. Н. А. ЛЮБИМОВУ (стр. 170)

Печатается по подлиннику: *ГЦММК* (Музей-квартира А. Б. Гольденвейзера. Москва, инв. 56).

Впервые опубликовано (частично): *Сб. Достоевский, I*, стр. 389—390; полностью: *ЛН*, т. 86, стр. 130.

Ответ на письмо Любимова от 7 ноября 1866 г. (*ЛН*, т. 86, стр. 130).

[1] Упоминаемое здесь «второе» письмо Любимова неизвестно.

[2] См. письма 288, 289. О запросе из редакции «Русского вестника» см. письмо 289, примеч. 1.

[3] См. письмо 288, примеч. 3.

[4] Речь идет о первой части незавершенной поэмы А. Н. Майкова «Жаждущий», напечатанной вскоре в первом номере «Русского вестника» за 1867 г. Впоследствии поэма печаталась Майковым под заглавием «Странник».

[5] Майков читал «Странника» на карамзинском вечере Литературного фонда 3 декабря 1864 г. (см.: Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки. М.—Л., 1934, стр. 347—348). Юбилей Н. М. Карамзина — сто лет со дня его рождения — отмечался в течение 3-х дней. В «Голосе», в разделе «Вседневная жизнь», сообщалось: «Хотя карамзинский юбилей, праздновавшийся в последние дни истекшей недели, и не имел того яркого характера, которым отличался юбилей ломоносовский, хотя все ограничилось торжественными заседаниями Академии наук и университета да литературным вечером, данным Обществом для пособия нуждающимся литераторам и ученым, мы, тем не менее, считаем празднование этого юбилея самым важным событием этой недели» (*Г*, 1866, 4 (16) декабря, № 335). В появившейся несколько месяцев спустя пространной статье «По поводу поэмы „Жаждущий“, читанной г-ном Майковым на карамзинском вечере» (статья подписана инициалами Н. Г.), содержатся такие строки: «Одним из самых сильных впечатлений, вынесенных нами из карамзинского вечера в пользу нуждающихся литераторов, было то, которое произвел на нас г-н Майков чтением отрывка из поэмы „Жаждущий“. Хотя это заглавие казалось совершенно чуждым имени, которому был посвящен вечер, но мы были поражены глубокою внутреннею связью этого прекрасного художественного произведения с самыми заветными желаниями Карамзина <...> Карамзин <...> был после Ломоносова самым горячим провозвестником неотъемлемых прав народа на просвещение <...> Чтение г-на Майкова красноречиво напомнило об этом еще и до сих пор не удовлетворенном ожидании народа <...> В живых художественных образах представляет нам поэт раскольничий мир с своими животрепещущими религиозными вопросами, с своими преданиями и верованиями, с своею особою духовною литературой» (см.: «Современная летопись „Русского вестника“», 1867, 9 апреля, № 13; см. также: *СПбВед*, 1866, 7 (19) декабря. № 326). Об отношении Достоевского к расколу и раскольникам см. наст. изд., т. VII, стр. 393—395.

291. Н. А. ЛЮБИМОВУ (стр. 171)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160, № 1 (собрание Любимова), л. 5.

Впервые опубликовано: «Былое», 1919, № 14, стр. 43—44.

[1] Речь идет о пятой главе третьей части «Преступления и наказания».

[2] Эта глава была выслана 13 декабря 1866 г. (см. письмо 293).

[3] Подразумевается праздник рождества (25 декабря 1866 г.).

[4] Так как Достоевский успел закончить и выслать VI главу (см. примеч. 2), ею и закончилась публикация очередного отрывка романа в ноябрь-

ской книжке. «Эффектное место» — свидание Дуни со Свидригайловым, во время которого она стреляет в своего «мучителя».

[5] В декабрьской книжке «Русского вестника» были напечатаны последние две главы романа и эпилог, разделенный на две части.

[6] Имеются в виду главы I—IV третьей части (по журнальному распределению глав), напечатанные в ноябрьской книжке «Русского вестника» за 1866 г.

292. А. Г. СНИТКИНОЙ (стр. 172)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.23. лл. 1—2.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 3.

[1] Через А. Ф. Базунова Достоевский отправлял в «Русский вестник» очередные главы «Преступления и наказания» (см. письмо 293).

[2] В своих «примечаниях» к письмам Достоевского к ней А. Г. Достоевская пишет: «По поводу этого письма скажу следующее: на 9-е декабря приходились мои именины, а также именины моей матери, Анны Николаевны Сниткиной. По обычаю, у нас собирались в этот день родные и знакомые. Я очень приглашала Ф. М. приехать в этот день к обеду. Кроме слабости после недавнего припадка, следы которого не исчезли, Федора Михайловича стесняли незнакомые ему лица, которых он мог у меня встретить, а подобные встречи в его болезненном настроении были для него тягостны. Поэтому Ф. М. предпочел не приехать, а прислал поздравить именинниц своего пасынка, Павла Александровича Исаева, который доставил мне это письмо и золотой браслет» (*Д, Письма к жене*, стр. 312).

[3] Глава была отправлена в «Русский вестник» в этот же день (см. письмо 291).

293. Н. А. ЛЮБИМОВУ (стр. 173)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 160, № 1 (собрание Любимова), лл. 7—8.
Впервые опубликовано: «Былое», 1919, № 14, стр. 44.

[1] Речь идет о письме 291.

[2] См. примеч. 5 к письму 291.

[3] Это обещание было выполнено (см. примеч. 5 к письму 291).

294. А. Г. СНИТКИНОЙ (стр. 173)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.23, лл. 3—4.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 3—5.

[1] «Полтора месяца» — время со дня, когда А. Г. Сниткина стала невестой Достоевского (см.: *Д, Письма*, т. I, стр. 588).

[2] «Наши» — семья В. М. Ивановой.

[3] Э. А. Юнге не одобрял намерения Достоевского жениться на А. Г. Сниткиной. Главным препятствием для этой женитьбы он считал разницу в возрасте: Достоевскому было уже 45 лет, а его будущей жене только 20 (см.: *Д, Письма к жене*, стр. 312).

[4] На другой день Достоевский встретился с М. Н. Катковым, сообщил ему о женитьбе и попросил «2000 вперед». Через два дня Катков согласился одолжить 1000 р., а другую тысячу обещал ссудить через 2 месяца (см. письмо 295).

[5] В связи с этим А. Г. Достоевская отмечает: «Живя летом 1866 г. в Люблине вблизи Москвы, вблизи дачи Ивановых и встречаясь с Еленой

Павловной. Ф. М. спросил ее однажды, „пошла ли бы она за него замуж, если б была свободна". Она не ответила ничего определенного, и Ф. М. не считал себя с нею связанным никаким обещанием. Тем не менее Ф. М. очень тяготила мысль, что он, может быть, внушил ей надежды, которым не суждено осуществиться» (см.: *Д, Письма к жене*, стр. 313; *Д, Письма*, т. I, стр. 589).

[6] Речь идет о В. М. Ивановой.

[7] «Масенька» — домашнее имя М. А. Ивановой.

[8] Подразумевается А. Н. Сниткина.

[9] Речь идет об И. Г. Сниткине.

295. А. Г. СНИТКИНОЙ (стр. 176)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1.23, лл. 5—6 об.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 5—7.

[1] Это письмо неизвестно.

[2] См. письмо 294.

[3] А. Г. Достоевская вспоминала позднее: «Федор Михайлович пробыл в Москве двенадцать дней и успешно окончил переговоры с редакцией „Русского вестника" ‹...› Таким образом явилась возможность устроить свадьбу до великого поста» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 105).

[4] Достоевский, как обычно, жил в семье В. М. Ивановой.

[5] Речь идет о В. М. Ивановой.

[6] М. С. Иванчина-Писарева, отличавшаяся особенным остроумием, «рельефно выведена» в «Вечном муже» «в виде бойкой подружки Марьи Никитишны» (*Достоевская, А. Г.* Воспоминания, стр. 129).

[7] И. С. Аксаков безуспешно пытался привлечь Достоевского к участию в издававшейся им в 1867—1868 гг. газете «Москва».

[8] В ноябрьской и декабрьской книжках «Русского вестника» были напечатаны последние главы и эпилог «Преступления и наказания».

[9] Стуколка (стукалка) — азартная карточная игра.

[10] См. примеч. 5 к письму 294.

[11] Речь идет об А. Н. Сниткиной.

296. М. Н. КАТКОВУ (стр. 178)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 120.3.10.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 283.

[1] Это был аванс за будущий роман «Идиот» (см. письмо 295).

[2] Речь идет об А. Г. Сниткиной.

297. Н. Н. СТРАХОВУ (стр. 179)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 287, № 52.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. I, стр. 284—285.

[1] Свадьба была перенесена на 15 февраля.

[2] Эти «близкие и приятельские» отношения сложились в 1860-е годы; Достоевского связывала тогда со Страховым совместная работа во «Времени» и «Эпохе». Страхов так писал об этом: «...мы особенно подружились и виделись каждый день и даже не раз в день ‹...› Часа в три пополудни мы сходились обыкновенно в редакции ‹...› он после своего утреннего чаю, а я после своей утренней работы. Тут мы пересматривали газеты, журналы, узнавали всякие новости, и часто потом шли вместе гулять до обеда. Вечером в седьмом часу он опять иногда заходил

ко мне <...> Наша тогдашняя дружба хоть имела преимущественно умственный характер, но была очень тесна <...> В первые годы это было чувство, переходившее в нежность» (*Биография*, отд. I, стр. 223—225).

[3] В 1866 г. были написаны романы «Преступление и наказание» и «Игрок».

[4] Достоевский со Страховым не виделись с лета 1865 г. — со времени закрытия журнала «Эпоха». Позднее Страхов вспоминал: «У нас вышла первая размолвка, о которой не стану рассказывать. Отчасти <...> тут участвовали и те неудовольствия и затруднения, которые бывают при падении общего дела <...> Грустно вспоминать черты эгоизма, которые таким образом обнаруживаются...» (стр. 284).

298. Н. Н. СТРАХОВУ (стр. 179)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.4.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 282.

[1] Страхов писал позднее: «Д. В. Аверкиев и я были свидетелями со стороны Федора Михайловича на его свадьбе, и много других сошлись в церкви и у него на дому после совершения таинства» (*Биография*, отд. I, стр. 284).

299. А. П. и О. А. КАШИНЫМ (стр. 180)

Печатается по копии (неустановленной рукой): *ИРЛИ*, ф. 100, № 29616. Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано: *Сб. Достоевский, II*, стр. 310.

300. Л. А. и О. А. МИЛЮКОВЫМ (стр. 180)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 100, № 2655, л. 65.

Впервые опубликовано: *Сб. Достоевский, I*, стр. 390.

Датируется по содержанию: в этот день были разосланы окончательные приглашения на свадьбу (ср. письма 299, 301).

[1] Биба — сын А. П. Милюкова, крестник Ф. М. Достоевского (см. письмо 175). С образом поехал сын П. М. Ольхина — Костя (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 108).

301. А. П. МИЛЮКОВУ (стр. 181)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 6, № 201.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 283 (напечатанный в изд.: *Д, Письма*, т. I, стр. 456 текст представляет собою неточный отрывок из настоящего письма).

[1] Именно Милюков обратился через посредство одного из своих сослуживцев к преподавателю стенографии П М. Ольхину, порекомендовавшему для работы у Достоевского одну из лучших своих учениц А. Г. Сниткину (см.: *Милюков*, стр. 234—235).

[2] Милюков жил отдельно от семьи (см. примеч. 4 к письму 315). Его жена, А. П. Милюкова, умерла в 1864 г. (см.: *Д, Материалы и исследования*, стр. 547).

[3] См. примеч. 1 к письму 300.

302. И. М. АЛОНКИНУ (стр. 181)

Печатается по копии (неустановленной рукой): *ИРЛИ*, ф. 100, № 29611. Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 457.

[1] Достоевский возвратился в Петербург только летом 1871 г.

303. А. П. СУСЛОВОЙ (стр. 182)

Печатается по незаконченной копии неустановленной рукой: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.114. Текст дополнен по первой публикации (от слов: «...я с самого начала объявил Каткову...»).

Впервые опубликовано: «Недра», 1923, № 2, стр. 271—274.

Адресат письма установлен Н. Л. Бродским, впервые опубликовавшим письмо, и подтвержден А. С. Долининым, печатавшим это письмо позднее (см., например: *Суслова*, стр. 166). Содержание письма и совершенно очевидная связь его с другими письмами Достоевского к А. П. Сусловой (см. письма 262, 263), а также к ее сестре Н. П. Сусловой (см. письмо 254) исключают всякие другие предположения об адресате. Кроме того, на это письмо в Дрезден пришел ответ от Сусловой (см.: *Достоевская, Дневник*, стр. 48).

[1] Это письмо Сусловой не сохранилось. О характере его можно судить по реакции А. Г. Достоевской, тайно от мужа прочитавшей письмо. 27 апреля (9 мая) она записала в «Дневнике»: «Прочитав письмо, я так была взволнована, что просто не знала, что делать. Мне было холодно, я дрожала и даже плакала. Я боялась, что старая привязанность возобновится и что любовь его ко мне исчезнет» (*Достоевская, Дневник*, стр. 28). Вероятно именно потому, что полученное от Сусловой письмо беспокоило Достоевского, он в этот день, 23 апреля, был, по замечанию А. Г. Достоевской, «страшно сердит, не знаю на кого и на что». И далее замечено: «Федя писал письмо» (там же, стр. 22).

[2] Имеется в виду роман «Игрок» (подробнее см. письмо 269 и примеч. 6 к нему).

[3] Речь идет о работе над романом «Преступление и наказание».

[4] О характере работы Достоевского-редактора в 1864—1865 гг., о его попытках спасти гибнувшую «Эпоху» и о крахе журнала см. в письмах 233, 253.

[5] Намек на отказ Сусловой в ответ на предложение Достоевского. В ее дневнике под 2 ноября 1865 г. записано: «Сегодня был Ф. М., и мы все спорили и противоречили друг другу. Он уже давно предлагает мне *руку и сердце* и только сердит этим...» (*Суслова*, стр. 129).

[6] Об отдельном издании «Преступления и наказания» см. в письме 273 и примеч. 10 к нему.

[7] Речь идет о романе «Идиот».

[8] Переписывался ли Достоевский с Е. Н. Глобиной, неизвестно.

304. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 184)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.23, лл. 7—8.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 8—10.

[1] А. Г. Достоевская вспоминала позднее: «Прошло недели три нашей дрезденской жизни, как однажды муж заговорил о рулетке <...>. Я стала уговаривать мужа поехать в Гомбург на несколько дней, уверяя, что за его отсутствие со мной ничего не случится. Федор Михайлович пробовал отговариваться, но так как ему самому очень хотелось „попытать счастья“, то он согласился и уехал в Гомбург, оставив меня на попечение нашей хозяйки» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 157—158).

[2] Перечисленным здесь лицам Достоевский был должен различные суммы — по векселям (Рейслер — 300 руб.) и на слово (о долге А. Е. Врангелю см. в письмах 264, 265). О векселе Латкину см. в письме 317.

305. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 185)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.23, лл. 10—11 об.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 10—11.

[1] По позднейшему свидетельству Л. Ф. Достоевской, причиной этой ссоры Достоевского с племянницей были обстоятельства брака М. М. Достоевской и М. И. Владиславлева (подробнее см.: *Достоевская Л. Ф.*, стр. 42—43; *Д, Переписка с женой*, стр. 393—394). Примирение произошло вскоре после возвращения Достоевского из-за границы.

306. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 187)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.23, лл. 13—14 об.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 11—12.

[1] Это письмо неизвестно.
[2] Достоевский с женой посещал по вечерам дрезденский парк Grossen Garten, где «играла то полковая, медная, то инструментальная музыка» (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 151).

307. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 188)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.23, лл. 15—16 об.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 13—14.

[1] Это письмо неизвестно. О нем сама А. Г. Достоевская писала в «Дневнике»: «Узнав, что сегодня вечером почта пойдет в Hombourg, я решилась туда написать. Идти домой мне не хотелось, потому я пошла на бульвар, села на скамейку и на вырванных листках моей записной книжки написала ему письмо» (*Достоевская, Дневник*, стр. 55).
[2] Эти слова почти буквально вложены в уста князя Мышкина (наст. изд., т. VIII, стр. 458).

308. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 190)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.23, лл. 18—20.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 14—17.

[1] Речь идет о будущем романе «Идиот».
[2] Статья предназначалась для задуманного К. И. Бабиковым альманаха «Чаша». Она была написана к началу осени 1867 г., отправлена в Петербург, но там затерялась (см. письмо 318 и примеч. 1—5 к нему).

309. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 193)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.23, лл. 22—24 об.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 17—19.

[1] Это письмо А. Г. Достоевской не сохранилось. Но в своем дневнике она так передает его содержание: «Получила письмо сначала от Феди, а потом <...> от мамы <...>. Федя писал, что почти всё проиграл, а мама

прислала только 35 рублей. Меня это ужасно огорчило ‹...›, я плакала долго и много, но потом написала письмо Феде, в котором просила его лучше приехать домой поскорее, чем там оставаться» (*Достоевская, Дневник*, стр. 62—63).

[2] А. Г. Достоевская ожидала ребенка.

310. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 195)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.23, лл. 25—26 об.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 19—21.

[1] Это письмо А. Г. Достоевской неизвестно.

[2] Об этом письме А. Г. Достоевской см. в примеч. 1 к письму 309.

311. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 196)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.23, лл. 27—28 об.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 21—22.

[1] Достоевский собирался написать Каткову письмо с денежной просьбой. Оно неизвестно (см.: *Список*, № 218).

312. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 198)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.23, лл. 29—30.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 22—23.

[1] Речь идет о романе «Идиот».

[2] См. примеч. 5.

[3] Имеется в виду А. Н. Сниткина.

[4] Т. е. скорый поезд (от нем. Schnellzug).

[5] Катков прислал 500 руб.

313. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 199)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.23, лл. 31—31 об.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 24.

[1] Весной 1867 г. вспышки холеры наблюдались и в Западной Европе и в ряде других стран (см., например: *Г*, 1867, 14 (26) мая, № 132; 16 (28) мая, № 134).

[2] Май 1867 г. в Западной Европе был отмечен чрезвычайно резкими перепадами погоды. «Вот уже несколько дней, — сообщалось в «Голосе», — как во Франции установилась великолепная погода и жара, поистине летняя» (*Г*, 1867, 3 (15) мая, № 121). И несколько позднее та же газета сообщала: «12 (24) мая в Берлине шел сильный снег» (*Г*, 1867, 16 (28) мая, № 134).

314. П. А. ИСАЕВУ (стр. 200)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 101—102.
Впервые опубликовано: *СВ*, 1891, № 11, стр. 14—15.
Исаев ответил в конце мая 1867 г. (*ИРЛИ*, ф. 100, № 32639; сохранился лишь конец письма).

[1] Эти письма Исаева неизвестны. Одно из них было получено Достоевским 12 (24) мая. В этот день А. Г. Достоевская записала: «Получила я письмо от Павла Александровича (Исаева). Письмо было к Феде, но я

знаю его руку, сама распечатала и прочла, ничего особенного» (*Достоевская, Дневник*, стр. 77).

[2] В Павловске жила на даче семья Э. Ф. Достоевской.

[3] Достоевский помогал Ване, сыну П. П. Аникеевой от М. М. Достоевского. В ответ на слова о деньгах Аникеевой Исаев в ответном письме писал: «...денег 10 р., недоданных Пр‹асковье› Петр‹овне›, отдать было нельзя, да и некому. Если я ее до отъезда увижу, то деньги отдам; если же нет, — то оставлю у себя. Будьте спокойны, деньги эти будут целы, хоть до Вашего приезда; ибо я не так еще жаден до растрат чужих денег: у меня есть еще, слава богу, и совесть и честь!».

[4] Вероятно, об этом зачеркнутом слове «транжирить» писала А. Г. Достоевская: «Федя написал сегодня письмо к Паше, я приписала кое-что. Федя запечатал письмо, но потом, когда я сказала, что там есть одно резкое выражение, он снова распечатал и зачеркнул это слово» (*Достоевская, Дневник*, стр. 90).

[5] Слух о получении Э. Ф. Достоевской этих денег не подтвердился (см. письмо 325). О долге А. Е. Разина М. М. Достоевскому см. также в письме 315.

[6] Исаев писал в ответном письме: «Дожидаться Феди мне было некогда; письмо уже было готово, а его не было дома. В Москву, как он мне сам говорил, едет наверно в первых числах июня».

[7] 26 января 1865 г. Достоевский вместе с Э. Ф. Достоевской выдал вексель в 500 руб. сроком на 12 месяцев вдове петербургского купца Е. Г. Гинтерлах. Самому купцу Достоевский с братом были должны 1500 руб. (см.: *ЛН*, т. 83, стр. 181, 185, 194).

[8] Об одном таком случае и сообщил Исаев в ответном письме: «Я Вам в прошлом письме написал про Рейслер почти все, а самое важное и забыл. Она просила меня, что если я достану Ваш адрес, то чтобы написал Вам, что она просит, нельзя ли ей давать проценты за каждый месяц; она говорила, что этим только и живет».

[9] Письмо А. М. Достоевского Исаев переслал в Дрезден (см.: *Достоевская, Дневник*, стр. 90).

[10] В ответ на эти вопросы Исаев писал: «Ваня живет теперь у матери, его хотят отдать в пансион. Про Федосью не знаю положительно ничего. Костю, слышал, куда-то она отдала».

[11] В ответном письме Исаев сообщал Достоевскому некоторые новости: «У Ивановых 6 мая родилась дочь; назвали Наташей, узнал это я от Феди. Что Вам сказать о Ваших делах, их было от 9 и до 25 мая очень мало. Был поверенный от Ушакова, спрашивал насчет драмы „Прест‹упление› и наказ‹ание›“. Я послал его к Страхову, а последний, как я узнал от него после, отдал драму и письмо, адрес‹ованное› на имя Ушакова. Был доверенный Куканова; я ему сказал, что Вы за границей и что вернетесь оттуда не раньше как через четыре месяца. ‹...› А вот интересное: узнал от Никол‹ая› Мих‹айловича›, что Чубинскому препоручено было от Литературного фонда пригласить Вас на Славянский вечер...».

[12] См. об этом в письме 313, примеч. 2.

[13] А. Г. Достоевская писала: «Федор Михайлович очень любил Дрезден, главным образом за его знаменитую картинную галерею...» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 148; см. также стр. 150).

[14] Речь идет об А. Н. Сниткиной и М. Г. Сватковской. На обороте письма А. Г. Достоевская сделала приписку, в которой, кроме добрых слов и поклонов родным, писала Исаеву: «Я Вам очень благодарна за книги, взятые от Ивановой, если б не взять теперь, то она конечно бы их зачитала»; и далее содержится просьба «известить О. А. Кашину, что мы остаемся еще 2 нед‹ели› в Др‹houездене› и что я жду туда ее ответа».

315. Э. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 202)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.9а.

Впервые опубликовано: «Искусство». М., 1927, кн. 1, стр. 118—119.

Описка в дате исправляется на том основании, что в июле Достоевский с женой находился уже в Баден-Бадене, а комментируемое письмо отправлено из Дрездена.

[1] О письме Исаева см. в письме 314, примеч. 1.

[2] Под Псковом жила тетка Исаева, С. Д. Констант (см. примеч. 3 к письму 267).

[3] Имеется в виду семья А. П. Кашина.

[4] 27 мая (8 июня) А. Г. Достоевская получила письмо от О. А. Кашиной, в котором содержалось известие о Милюковых. В этот же день она записала в дневнике: «Мне так было жаль эту бедную милую Людмилу, которая должна так терпеть от своего отца и этой негодной женщины. Ах бедная, бедная девушка! Когда Федя пришел, я ему рассказала: он начал читать письмо и также пришел в ужасное негодование. Он жалел, что его нет в Петербурге, тогда бы он непременно что-нибудь бы предпринял. Он готов был отколотить Милюкова и дать пощечину m-me Nardin, хотя бы за это пришлось просидеть три месяца в тюрьме. Мы очень жалели Людмилу. Если б у меня были деньги, я тотчас бы послала ей, чтоб она могла хотя бы жить отдельно ‹...› Если ей все так будет дурно, то мы, если она только согласится, возьмем ее к себе» (*Достоевская, Дневник*, стр. 107). Некоторые черты Милюкова (в основном бытовые, житейские) отразились в образе Липутина (роман «Бесы» — см. наст. изд., т. XII, стр. 218).

316. А. И. СНИТКИНОЙ (стр. 203)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, 6.43.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 24.

Датируется 9 (21) июля на том основании, что в тех редких случаях, когда Достоевский в письмах из-за границы проставлял одно число, — это обычно бывал старый стиль (ср., например, письмо 347).

[1] Достоевский вспоминает о двойном припадке эпилепсии, случившемся с ним в доме М. Г. Сватковской 26 февраля 1867 г. Рассказывая об этом случае, А. Г. Достоевская, в некотором противоречии с комментируемыми словами, писала: «Помочь мне было некому: сестра моя была в истерике, и зять мой (т. е. П. Г. Сватковский, — *Ред.*) и горничная хлопотали около нее» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 113).

317. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 203)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 168, 16640, № 171.

Впервые опубликовано (с пропусками): *Биография*, отд. II, стр. 168—178; полностью: *Д, Письма*, т. II, стр. 24—36.

Пропущенный в дате месяц устанавливается по содержанию: Достоевский, в частности, ссылается на события, о которых он узнал из июльских номеров газеты «Голос» за 1867 г.

Ответ на письмо Майкова (без даты) (см. его текст: *Сб. Достоевский, II*, стр. 338—339). Майков ответил 27 августа 1867 г. (*А. Н. Майков. Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 63—64).

[1] Письмо Майкова было получено Достоевским еще 29 мая (н. ст.) 1867 г. (см.: *Достоевская, Дневник*, стр. 111).

[2] Возможно, намек на события, связанные с арестом петрашевцев. Братья Майковы (А. Н. и В. Н.), также имевшие отношение к этому движению, не пострадали: В. Н. Майков умер за два года до следствия, а А. Н. Майков был отпущен под тайный надзор (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 356).

[3] Майков писал в письме, на которое Достоевский отвечает: «Трудно мне писать Вам, потому что привык ежедневно видеться и осмысливать в беседе каждое явление дня мира внутреннего и внешнего» (стр. 338).

[4] Намек на слова из монолога Чацкого (см. их в конце письма; А. С. Грибоедов. «Горе от ума», д. III, явл. 21).

[5] Вексель Латкину неизвестен. Срок векселя В. П. Печаткину истек еще в ноябре 1864 г. (см.: *ЛН*, т. 83, стр. 218).

[6] В доме Тарасова в Первой роте Измайловского полка (ныне 1-я Красноармейская ул., 7/9) помещалось петербургское долговое отделение — «Дом содержания неисправных должников» (в просторечии «яма» или «тарасовская кутузка»).

[7] Первые записи к роману «Идиот» были сделаны в сентябре—ноябре 1867 г. (см. наст. изд., т. IX, стр. 339).

[8] А. Г. Достоевская вспоминала позднее: «От нашего дома до парка и обратно составляло не менее шести-семи верст, и мой муж, любивший ходить пешком, очень ценил эту прогулку <...> В те времена в парке существовал ресторан „Zur grossen Wirtschaft“, где по вечерам играла то полковая, медная, то инструментальная музыка <...> муж мой очень любил музыкальные произведения Моцарта, Бетховена „Fidelio“, Мендельсона-Бартольди „Hochzeitmarsch“, Россини „Air du Stabat Mater“ и испытывал искреннее наслаждение, слушая любимые вещи» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 151).

[9] А. Г. Достоевская в своих воспоминаниях рассказала о том, как по приезде в Дрезден Достоевский повел ее в картинную галерею (там же, стр. 148—149).

[10] Темы отношений России и Запада, «русского верхнего слоя» и народа и круг идей, связанных с ними, будут вскоре затронуты в романах «Бесы» и «Подросток» (см. об этом: наст. изд., т. XII, стр. 166—167; т. XIII, стр. 452—455), а позднее развиты в «Дневнике писателя» 1873—1881 гг. (см. об этом, например, наст. изд., т. XXII, стр. 286—287; т. XXIII, стр. 114—116; т. XXIV, стр. 61—63; т. XXV, стр. 196—197 и др.).

[11] 25 мая (6 июня) 1867 г. польский эмигрант А. Березовский совершил покушение на Александра II, находившегося со свитой в Париже по случаю открытия Всемирной выставки (см.: *Г*, 1867, 27 мая (8 июня), № 144 и *МВед*, 1867, 27 мая, № 115). Березовский промахнулся, и 30 мая (11 июня) Александр II выехал из Парижа в Берлин. Вскоре после покушения парижские адвокаты вышли на демонстрацию, во время которой выражали сочувствие к полякам и к Березовскому криками «Vive la Pologne»; по поводу этой демонстрации совет адвокатов собрался на специальное заседание с целью вынесения официального выговора демонстрантам, но решение о выговоре не было принято. Под тем же знаком сочувствия к Березовскому проходил и суд присяжных (он состоялся 3 (15) июля). Вместо смертной казни Березовский был осужден на принудительные работы (подробнее см.: *Д, Письма*, т. II, стр. 382; см. также: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 156—157).

[12] Об отношении Достоевского к судебной реформе 1864 г. см. наст. изд., т. XII, стр. 299—300; см. также письмо 334 и примеч. 26 к нему.

[13] О происшествии на ярмарке в «торговом селе Березовка Бирского уезда Уфимской (а не Оренбургской, — *Ред.*) губернии» Достоевский узнал из «Голоса», который регулярно читал за границей. В №№ 192, 244 и 254 за июль 1867 г. рассказывалось о купце Севастьянове, к которому явился пристав Ватланов и от имени исправника Васильева потребовал 5 000 руб. Купец отказался дать взятку. Вскоре он был насильно схвачен сотскими, и под угрозой расправы исправник потребовал у его жены уже 10 000 руб. Севастьянов вновь отказал и тотчас же был высечен розгами. После экзекуции исправник предложил купцу расцеловаться с ним и его подручными, говоря при этом: «Мы с Вами не сошлись в принципах. Вы позабрали себе большой капитал и не хотели с нами поделиться. Теперь мы с вами квиты, вы молчите, и мы не будем говорить» (*Г*, 1867, 14 (26) июля, № 192). Севастьянов молчать не согласился, и дело попало в суд (как известно, купцы 1-й и 2-й гильдий были освобождены от телесных наказаний еще при Екатерине II).

[14] В 1860-е гг. правительством Александра II была произведена пере-

стройка центрального и местного управления, порядка судопроизводства, системы народного просвещения, деятельности печати (закон о земстве был принят в январе 1864 г.; судебные уставы — в ноябре 1864 г.; школьная реформа: «Положение о начальных народных училищах» — в июле 1864 г., «Устав для средней школы» — в ноябре 1864 г., университетский устав — в июне 1863 г.; цензурный устав — в апреле 1865 г.).

[15] Эпоха Петра I и его реформаторская деятельность постоянно привлекали внимание Достоевского. Признавая необходимость петровских преобразований, позволивших русской интеллигенции усвоить плоды многолетнего развития европейской мысли, Достоевский неоднократно подчеркивал и то, что эти реформы образовали глубокую пропасть между высшими классами и народом. Через несколько лет в записной тетради 1872—1873 гг. Достоевский отметит: «Все реформы нынешнего царствования суть прямая противуположность (по существу) реформам Петра Великого и упразднение их во всех пунктах ‹...› Нынешнее царствование решительно можно считать началом конца петербургского периода (столь длинного) русской истории. (Задыхание России в тесных петровских рамках)» (см. наст. изд., т. XXI, стр. 268).

[16] В 1857—1859 гг. правительство создало несколько акционерных обществ для строительства сети железных дорог. Одной из основных целей этого строительства было обслуживание хлебного рынка. И для этого предусматривалось несколько южных линий, построенных в конце 1860-х— начале 1870-х гг.: Москва—Рязань—Козлов—Воронеж (1869); Москва—Курск—Харьков (1868); Москва—Смоленск—Минск—Брест (1871). Тогда же сеть дорог связала Одессу с Украиной и Бессарабией.

[17] Позиция М. Н. Каткова в начале 1860-х гг. была откровенно националистической, шовинистской (см. об этом: В. К. Кантор. Русская эстетика второй половины XIX столетия и общественная борьба. М., 1978, стр. 43—63). На то, что в данном письме речь идет о П. А. Висковатове, указала А. Г. Достоевская в своих «Воспоминаниях» (в главке «Ответ Страхову»). Говоря о необоснованности ссылки Н. Н. Страхова на Висковатова, якобы слышавшего от самого Достоевского о происшествии с гувернанткой и девочкой (по поводу известного письма Страхова к Л. Н. Толстому от 28 ноября 1883 г.), она писала: «...профессор никогда у нас не бывал; Федор же Михайлович имел о нем довольно легковесное мнение, чему служит доказательством приведенный в письме к А. Н. Майкову рассказ о встрече в Дрездене с одним русским» (см.: *Достоевская А. Г. Воспоминания*, стр. 403).

[18] Чьи письма переслал Достоевскому П. А. Исаев, неизвестно. Лишь одно из них было написано А. М. Достоевским (см. в письме 314 и примеч. 9 к нему).

[19] Это письмо Исаева неизвестно. Очевидно, в нем речь шла о кредиторах Латкине и Печаткине.

[20] Это письмо к Каткову неизвестно (см.: *Список*, № 219).

[21] Этот период заграничной жизни писателя подробно описан А. Г. Достоевской (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 161—163).

[22] Это письмо к Каткову также неизвестно (см.: *Список*, № 220).

[23] Речь идет об А. Н. Сниткиной.

[24] Встреча с Гончаровым произошла 25 июня (Гончаров пробыл в Баден-Бадене с 18 июня по 19—20 июля). В письме чувствуется то же холодно-ироническое отношение к Гончарову, которого Достоевский ранее, в письме к А. Е. Врангелю от 9 ноября 1856 г., охарактеризовал как человека «с душою чиновника, без идей, и с глазами вареной рыбы, которого бог будто на смех одарил блестящим талантом» (см. наст. изд., т. XXVIII$_1$, стр. 244; см. также: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 164).

[25] Еще в 1863 г. Гончаров был произведен в действительные статские советники.

[26] Отношение Гончарова к Тургеневу в течение многих лет было болезненно-пристрастным. Причины такого отношения изложены с исчерпывающей полнотой самим Гончаровым в своеобразной исповеди «Необык-

новенная история (Истинные события)», написанной в 1875—1878 гг. и не предназначавшейся для печати (см. ее текст: Сборник Российской публичной библиотеки. Пг., 1924, вып. 1, стр. 88—173).

[27] Здесь в тексте письма описка: речь идет о событии 1865 г. Подробнее историю этого долга Тургеневу см. в письмах 260, 261 и примеч. к ним.

[28] Фарсерское — шутовское (от франц. farce — шутовская выходка, грубая шутка).

[29] Эти строки напоминают описание кармазиновской (роман «Бесы») манеры «лобызаться» (см. наст. изд., т. X, стр. 285).

[30] Эта «главная мысль» вложена в романе в уста Потугина. «...если бы такой вышел приказ, — произносит он, — что вместе с исчезновением какого-либо народа с лица земли немедленно должно было бы исчезнуть из Хрустального дворца все то, что тот народ выдумал, — наша матушка, Русь православная, провалиться бы могла в тартарары, и ни одного гвоздика, ни одной булавочки не потревожила бы, родная: все бы преспокойно осталось на своем месте, потому что даже самовар, и лапти, и дуга, и кнут — эти наши знаменитые продукты — не нами выдуманы» (*Тургенев, Сочинения*, т. IX, стр. 232—233).

[31] Роман «Дым» тотчас по выходе привлек широкое внимание читающей публики. Друг Тургенева, П. В. Анненков, так рассказывал об этом в письме своему корреспонденту: «Петербург в эту минуту читает „Дым", и не без волнения <...> Большинство испугано романом, который приглашает верить, что вся русская аристократия да и вся русская жизнь есть мерзость» («Новь», 1888, т. XXIII, № 20, стр. 201). «Запевалы литературные», о которых пишет Анненков, почти единодушно отрицательно отнеслись к роману (подробнее см.: *Тургенев, Сочинения*, т. IX, стр. 528—542). Так же отрицательно отнесся к «Дыму» и Майков. В письме от 29 августа он писал Достоевскому: «Насчет Тургенева так и должно было быть. Воображает из прекрасного далека, что Россия на коленях примет все, что он плюнет, — а оказалось, что она смеет думать сама и тебя судить. „Да как же она смеет? Да чтоб ей провалиться!" Вот весь процесс в чем» (*Д, Письма*, т. II, стр. 388).

[32] В письме Майкова сообщалось, что Н. Н. Страхов «написал очень учтивый и хороший разбор „Дыма"». Статья Страхова появилась в майском номере «Отечественных записок» за 1867 г. (подробнее о ней см.: *Тургенев, Сочинения*, т. IX, стр. 536—537).

[33] Знакомая Тургенева, Н. А. Островская, так передала в своих «Воспоминаниях» рассказ самого писателя о впечатлении, произведенном «Дымом» в кругу петербургской аристократии: «Знаете ли, когда вышел „Дым", они, настоящие генералы, так обиделись, что в один прекрасный вечер в Английском клубе совсем было собрались писать мне коллективное письмо, по которому исключали меня из своего общества» (Тургеневский сборник. Пг., 1915, стр. 91).

[34] Позднее, в «Дневнике писателя» за 1873 г., Достоевский, ссылаясь на Э. Ренана, писал, что Христос «есть идеал красоты человеческой, тип недостижимый, которому нельзя уже более повториться даже и в будущем» (наст. изд., т. XXI, стр. 11; ср. также широко известные строки о Христе из его письма к Н. Д. Фонвизиной от конца января—20-х чисел февраля 1854 г.: «...нет ничего прекраснее, глубже, симпа<ти>чнее, разумнее, мужественнее и совершеннее <...> и не может быть» (наст. изд., т. XXVIII_1, стр. 176).

[35] Речь идет о Н. И. Утине. В 1863 г., будучи предупрежден о предстоящем аресте, он эмигрировал за границу и жил сначала в Лондоне, затем в Женеве.

[36] Данное письмо Достоевского, как и ряд близких по времени других писем к А. Н. Майкову, Н. Н. Страхову и С. Д. Яновскому (см. № 334, 321а) отражают вспышку тех его антизападнических и реакционно-почвеннических настроений конца 60-х гг., которыми будет отмечен роман «Бесы». В крайне раздраженном тоне, «руками, дрожащими от гнева» (по выражению Щедрина), Достоевский злобно, с явным вызовом самому себе

как бывшему петрашевцу, спешит перечеркнуть в состоянии возбуждения после ссоры с Тургеневым все священные убеждения собственной молодости. Отсюда — утрированное, искаженное воспроизведение позиции Тургенева и беседы с ним (подготовляющее будущее памфлетное изображение его в «Бесах»), а также неприязненные, враждебные и несправедливые суждения о Белинском, Герцене, Чернышевском и вообще о прогрессивных кругах русского общества. Подводя всех их под один общий знаменатель, Достоевский приписывает либеральным «западникам» и революционным демократам одни и те же враждебные ему крайне западнические, абстрактно космополитические убеждения, упрекая их в незнании и непонимании России.

[37] Речь идет о несохранившейся статье Тургенева «Семейство Аксаковых и славянофилы», задуманной, как явствует из комментируемого письма, в 1867 г. (а не в 1869, ср.: *Тургенев, Сочинения*, т. XIV, стр. 572). В 1874 г. она должна была войти в состав «Литературных и житейских воспоминаний» (см.: *Тургенев, Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 272), но из-за резко отрицательного отношения И. С. Аксакова к самому факту появления статьи она была оставлена Тургеневым. Не включал ее писатель и в собрания сочинений 1880 и 1883 гг. Рукопись статьи затерялась, и сохранился лишь черновой ее отрывок (см.: *Тургенев, Сочинения*, т. XIV, стр. 305).

[38] Достоевский вспоминает о встречах с Тургеневым 5—8 сентября 1863 г. в Баден-Бадене.

[39] Выход романа «Дым» до крайности обострил идеологические расхождения между писателями. На их дальнейших личных взаимоотношениях сказался и тот факт, что Тургеневу (через П. В. Анненкова) стало известно, что якобы некое письмо Достоевского об их баденской встрече было передано последним в редакцию «Русского архива» для опубликования в 1890 г. Это вынудило Тургенева обратиться с письмом к П. И. Бартеневу (см.: *Тургенев, Письма*, т. VII, стр. 17—18). Виновником этой неприятной истории оказался Майков, показавший письмо Достоевского племяннику П. И. Бартенева Н. П. Барсукову (см. об этом в письме Барсукова Бартеневу от 19 января 1868 г.: *ЛН*, т. 86, стр. 411). Сводку материалов о взаимоотношениях Тургенева и Достоевского см. также в комментариях А. С. Долинина к данному письму (*Д, Письма*, т. II, стр. 384—388; а также: наст. изд., т. XII, стр. 167—168, 226).

[40] Речь идет о работе над романом «Преступление и наказание».

[41] Речь идет о романе «Идиот», первая запись к которому была сделана 14 сентября н. ст. 1867 г., а 24 декабря 1867 г. (5 января 1868 г.) в «Русский вестник» были отправлены пять глав первой части (см. наст. изд., т. IX, стр. 337—357). Именно об этом сроке Достоевский договаривался с Катковым во время встречи в Москве 6 апреля 1867 г. (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 165).

[42] О долгах Достоевского, связанных с крушением журнала «Эпоха», см. в письмах 233, 253 и примеч. к ним.

[43] Дочь Достоевского Соня родилась 22 февраля (5 марта) 1868 г.

[44] Вторым изданием роман «Идиот» вышел только в 1874 г.

[45] Майков деньги прислал (см. письмо 318).

[46] Речь идет об Н. А. и Е. П. Майковых.

[47] См. примеч. 4.

318. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 215)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 168, № 16640.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. I, стр. 178—180.

Ответ на несохранившееся письмо Майкова с вложенными в него 125 руб. 20 сентября 1867 г., еще не получив письма от Достоевского, Майков начал писать ему очередное письмо; оно было продолжено 24 сентября, уже по получении комментируемого письма (начальную часть письма см.: *Сб. Достоевский, II*, стр. 340—341; последующую: *А. Н. Майков. Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 64—65).

[1] Статья о В. Г. Белинском предназначалась для несостоявшегося альманаха «Чаша» (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 410, 413; ср. наст. изд., т. XXVII, стр. 175).

[2] Достоевский получил за статью 200 р. серебром (см.: *ВЛ*, 1971, № 11, стр. 201), в чем и дал К. И. Бабикову расписку (несохранившуюся) в августе—сентябре 1865 г. (см.: *Список*, № 197).

[3] В письме от 31 декабря 1867 г., посланном через А. Н. Майкова, Бабиков напоминал Достоевскому: «В письме Вашем от февраля ныне проходящего года и при личном свидании в Москве Вы говорили, что если я не согласен дожидаться Вашей статьи, то Вы готовы возвратить мне взятые Вами за оную деньги. Тогда я надеялся, теперь предприятие это рушилось, и, находясь сам в величайшей крайности, я питаю полную надежду, что Вы исполните Вами обещанное...» (*ВЛ*, 1971, № 11, стр. 201).

[4] Это письмо Бабикову неизвестно (см.: *Список*, № 222).

[5] 24 сентября Майков писал Достоевскому: «Письмо Ваше и статью получил и переслал к Соловьеву в Москву. Статья — вот какое впечатление производит: автор взялся рассказывать все, да как стал писать, и увидал, что рассказывать нельзя. Нет, это только в *посмертных* мемуарах можно» (стр. 64).

[6] А. Г. Достоевская в своем «женевском» дневнике записала 29 августа (10 сентября) 1867 г.: «Сегодня <...> с Федей сделался припадок <...> очень сильный, сильнее прежних, т. е. гораздо сильнее были судороги в лице, так что голова качалась, потом он довольно долго не приходил в себя <...> Это припадок ровно через неделю, это уж слишком часто; мне кажется, не виновата ли тут погода, которая теперь переменилась <...> Сегодня он хотел работать, но писал очень немного, вот опять 4 дня прошло для работы, потому что теперь у него сильное бывает умопомрачение после припадка, дня 4 или 5 он решительно не может прийти в себя» (*ЛН*, т. 86, стр. 174—176).

[7] Речь идет о работе над романом «Идиот».

[8] Конгресс «Лиги мира и свободы» открылся в Женеве 9 сентября 1867 г. Его целью была пропаганда идей политической свободы и пацифизма в обстановке назревавшей войны между Пруссией и Францией. Однако ни ко времени заседаний, ни по завершении работы Конгресс не выработал никакой программы и поручил комитету составить ее и представить на утверждение очередного конгресса в 1868 г. Достоевский, узнав от Н. П. Огарева (избранного вице-президентом Конгресса от русских эмигрантов), что вход на заседания свободный, посетил вместе с А. Г. Достоевской заседание 11 сентября (подробный пересказ хода заседания дан в «женевском» дневнике А. Г. Достоевской — *ЛН*, т. 86, стр. 176—177).

[9] Вероятно, Достоевский откликается на речь, произнесенную Бакуниным 10 сентября (очевидно, он знал содержание речи в передаче бельгийской или французской печати или в пересказе Огарева). Бакунин требовал уничтожить прежде всего централизованные государства как органы насилия (ср.: «Всеобщий мир будет невозможен, пока существуют нынешние централизованные государства. Мы должны желать их разложения, чтоб на развалинах этих единств, организованных сверху вниз деспотизмом и завоеваниями, могли развернуться единства свободные, организованные снизу вверх...» — Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Женева, 1896, стр. 422).

[10] Дж. Гарибальди приезжал на открытие Конгресса. Церемонию его приезда и «блестящий прием», оказанный ему женевцами 8 сентября, описывает А. Г. Достоевская в своем дневнике: «Издали, когда я увидела его лоб, — пишет она, — мне показалось, что это Федя, так у него был похож на лоб Гарибальди. Наконец показался и он, одетый в красный камзол и в полосатом плаще, с серой шляпой, которою он махал во все стороны. Какое у него доброе, прекрасное лицо, лет ему 55, мне кажется, он с лысиной. Но что за доброе, милое, простое лицо, должно быть, он удивительно добрый и умный человек» (*ЛН*, т. 86, стр. 173). 9 сентября Гарибальди был избран почетным президентом Конгресса, но 11 сентября покинул Женеву, не дождавшись окончания его работы.

Этот отъезд вызвал разноречивые толкования. В своей речи, произнесенной по избрании его президентом Конгресса, он выдвинул ряд тезисов, которые (уже после его отъезда) были отклонены голосованием. Он, в частности, призывал признать войны между нациями невозможными, а все ссоры между ними предлагал передавать на рассмотрение Конгресса. Он предложил объявить низверженным папство, но признать неконфессиональную веру в бога и проповедовать христианское милосердие (речь была напечатана 11 сентября 1867 г. в газете «L'Indépendance Belge». В письме к Герцену от 12 сентября 1867 г. Н. П. Огарев сообщал: «Слухи ходят, будто его (Гарибальди, — *Ред.*) швейцарское правительство просило уехать. Не знаю, кто пустил это в ход по городу, но сомневаюсь в истине, ибо накануне сам Гар‹ибальди› говорил мне, что он просто не может дальше остаться, потому что некогда» (*ЛН*, т. 39—40, стр. 470—471). О других выступлениях на заседаниях «Лиги» см. также: наст. изд., т. XII, стр. 200—202.

[11] Майков объяснил Достоевскому в ответном письме, что по просьбе А. Н. Сниткиной и М. Г. Сватковской он не дал П. А. Исаеву женевского адреса отчима.

[12] О южных железнодорожных линиях см. примеч. 16 к письму 317.

319. Э. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 217)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.9а.
Впервые опубликовано: «Искусство». М., 1927, кн. 1, стр. 119—121.

[1] Ф. М. Достоевский (младший) учился в Москве у Н. Г. Рубинштейна и готовился стать профессиональным музыкантом.

[2] О деньгах для П. А. Исаева см. в письме 317.

[3] Достоевский работал в это время над романом «Идиот».

[4] По определению В. И. Даля, «...*буки* означает нечто неверное, гадательно будущее» (*Даль*, т. I, стр. 139).

[5] Об условиях найма квартиры у И. М. Алонкина см. в письме 302.

[6] Было ли написано это письмо, неизвестно.

[7] Имеются в виду А. М. Голеновская и ее дети М. П., А. Н., Е. Н., Н. Н. Голеновские.

[8] Речь идет о М. М. Достоевской.

[9] «Московские» — это семья В. М. Ивановой.

[10] В своем «женевском» дневнике А. Г. Достоевская 16 (28) сентября записала: «Сегодня утром Федя принялся писать письмо к Эмилии Федоровне. Мне очень хотелось узнать, в чем оно заключается, и потому я предложила, что не оставит ли он мне несколько места, чтобы я могла тоже что-нибудь ей приписать» (*ЛН*, т. 86, стр. 194). В этой приписке Анна Григорьевна интересовалась здоровьем Эмилии Федоровны и ее детей, спрашивала, занимается ли П. А. Исаев стенографией, и передавала поклон знакомым (см.: *Д, Письма*, т. II, стр. 393—394).

[11] О причинах неприязненного отношения Достоевского к Милюкову см. примеч. 4 к письму 315, а также в примеч. к письму 287.

320. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 220)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.23, лл. 38—39 об.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 24—25.

[1] А. Г. Достоевская сделала к этой фразе следующее примечание: «Ф‹едор› М‹ихайлович› говорит о будущем нашем ребенке, который появился на свет в Женеве 22 февраля (5 марта) ‹1868 г.›». (*Д, Письма к жене*, стр. 314).

321. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 222)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1.23, лл. 34—35 об.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 26.

[1] Это письмо неизвестно.

322. С. А. ИВАНОВОЙ (стр. 222)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.17.

Впервые опубликовано (с пропусками): *PC*, 1885, № 7, стр. 137—139; полностью: *Д*, *Письма*, т. II, стр. 42—45.

[1] В своем «женевском» дневнике А. Г. Достоевская записала: «*Воскресенье* 6 ‹октября›/24 ‹сентября› ‹...›. Написала я письмо к Сонечке, надо будет послать» (*ЛН*, т. 86, стр. 203).

[2] О лете, проведенном Достоевским в Люблине, см. в письме 281 и примеч. 1.

[3] На титульном листе романа в «Русском вестнике» (1868, № 1, стр. 83) после заглавия следовало: «Посвящено Софье Александровне Ивановой». В отдельном издании 1874 г. посвящение было снято.

[4] Наполеон III был обеспокоен целым рядом событий, в том числе и названными Достоевским «мексиканским, итальянским и ‹...› германским» вопросами. В Мексике в 1867 г. был взят в плен индейцем Хуаресом мексиканский император Максимилиан, ставленник Наполеона III. В Италии Гарибальди продолжал бороться за объединение Италии и грозил папскому Риму и Венеции, находившимся под защитой французских войск. И наконец, сильнейшее беспокойство императора вызывали победа Пруссии в прусско-австрийской войне и политика Бисмарка, стремившегося к объединению немецких государств в единую Германию. Все это создавало в Европе предвоенную атмосферу и привело в конце концов к франко-прусской войне 1870—1871 гг.

[5] Сам Достоевский, живя за границей, ежедневно «часа два проводил за чтением „Голоса“, „Московских“ и „Петербургских ведомостей“. Прочитывал и иностранные газеты» (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 166). Вообще же привычка следить за русской и иностранной периодической печатью выработалась у него еще в 1840-х гг.

[6] «Масенькой» называли в семье М. А. Иванову.

[7] О заграничном паспорте см. в разделе «Офиц. письма и делов. бумаги», № 15.

[8] О возникновении замысла «Дневника писателя» см.: наст. изд., т. XXI, стр. 371—372 (на более ранней стадии заглавие мыслилось иным: это и «Записная книга», и «Дневник литератора»).

[9] Мысли об оторванности высшего общества России от народа и об «офранцуживании» русского языка были впоследствии развиты в третьей главе «Дневника писателя» за июль—август 1876 г. (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 77—78).

[10] В Конгрессе Лиги мира и свободы, задуманном республиканской пацифистски настроенной интеллигенцией при активном участии В. Гюго, Дж. Гарибальди и др. (см. также письмо 318 и примеч. 8 к нему), программа которого отличалась неопределенностью и половинчатостью, не приняли, в частности, участия ни К. Маркс, ни Герцен. Отрицательное отношение первого было вызвано уже тем, что устроители Конгресса намеренно отделились от проходившего почти в это же время (со 2 по 8 сентября) в Лозанне Второго конгресса Международного товарищества рабочих (см.: *К. Маркс, Ф. Энгельс*. Сочинения. 2-е изд., т. 16, стр. 210, 556). Герцен же не принял участия в работе Конгресса потому, что абсолютное большинство участников, представлявших западноевропейскую демократию, открыто выказывали враждебное отношение к России (причины отказа были изложены самим Герценом в несохранившемся открытом

письме к председателю учредительной комиссии Конгресса Ж. Барни; см.: *Герцен*, т. XXIX, кн. 2, стр. 631; см. также статью: «Un fait personnel». — Колокол, 1868, 1 января, № 1).

[11] Возможно, здесь содержится отклик на слова из устной беседы с Огаревым об антирусских тенденциях в Конгрессе (28 августа Огарев писал по этому поводу: «...видно желание поднять меч, да еще чуть ли не под знаменем Австр‹ии› и Тур‹ции›» — *ЛН*, т. 39—40, стр. 464). Речь идет об идее превентивной войны, которую должна была начать Австрия против России с тем, чтобы охранить от нее свои территории.

[12] Кроме Ю. А. и В. А. Ивановых, названных в письме, у С. А. Ивановой были еще братья Александр и Алексей и сестры Мария, Наталья и Ольга.

323. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 225)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 168, № 16640.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 180—187.

Ответ на письмо Майкова от 20—24 сентября 1867 г. (см. о нем в примеч. к письму 318).

Майков ответил 3 ноября 1867 г. (*Сб. Достоевский, II*, стр. 342—343).

[1] Речь идет о письме 318.

[2] А. Г. Достоевская ожидала ребенка.

[3] Франко-прусская война началась лишь 19 июля 1870 г. Но уже в 1867 г. между этими государствами сложились очень напряженные отношения и возникла реальная угроза войны. Поводом послужили переговоры Наполеона III с нидерландским герцогом Вильгельмом III о приобретении Люксембурга, входившего до 1866 г. в состав Германского союза и оккупированного Пруссией после уничтожения этого союза. На страницах газет изо дня в день мелькали то сообщения об испытаниях Францией нового «положительно убийственного» оружия (*Г*, 1867, 14 (26) сентября, № 254), то раздавались воинственные возгласы, подобные следующему: «Официозная парижская газета „Patrie“ от 12-го (24-го) августа опровергает слова французских газет, обвиняющих французское правительство в малодушии относительно циркуляра графа Бисмарка и доказывает, что „правительство следит за событиями и сумеет защитить интересы и честь страны“» (*Г*, 1867, 15 (27) сентября, № 255; см. также: 19 сентября (1 октября), № 259; 30 сентября (12 октября), № 270).

[4] Работа над романом «Идиот» была закончена в 20-х числах января 1868 г. (см. наст. изд., т. IX, стр. 384).

[5] Город Кайенна (французская часть Гвианы), расположенный на нездоровом болотистом острове, еще со времен Великой французской революции служил местом ссылки. Достоевский упомянет его несколько позже в «Иностранных событиях» (см. наст. изд., т. XXI, стр. 210).

[6] Часть латинского выражения (полностью: Conditio sine qua non).

[7] О В. И. Кельсиеве, в 1867 г. по возвращении из-за границы добровольно сдавшемся русскому правительству и «прощенном» царем, Майков писал 20—24 сентября: «...меня все это трогает до слез. Как же это по-русски! ‹...› Ведь это в другом виде — история Ермака. Казак вор-разбойник завоевывает Сибирь, бьет челом царю, моля простить старые вины. Царь милует» (стр. 341), «Умиление» Достоевского могли вызвать и последующие слова письма Майкова, переданные им со слов самого Кельсиева. В автобиографии, написанной для комиссии по его делу, бывший эмигрант остановился на так называемом славянском вопросе, показав, что только в нем и «в роли России в славянстве разрешились все его идеальные беспочвенные стремления к свободе и деятельности, что только этот вопрос освещает значение России» и что, «раз увидев ее в этом свете, поймешь ее, пленишься и целиком, безвозвратно и безусловно ей отдашься, ибо получаешь цель деятельности, осязательную, живую, исто-

рическую, с корнями назади и с плодом впереди» (там же). Некоторые черты личности Кельспева, этого «раскаявшегося» революционера, пригодились писателю во время работы над романом «Бесы» (см. наст. изд., т. XII, стр. 232—233).

[8] Речь идет о не дошедшем до нас письме М. Н. Каткову (см.: *Список*, № 223).

[9] Это письмо Э. Ф. и Ф. М. Достоевских неизвестно.

[10] В ответ на это распоряжение Майков писал 3 ноября: «Из „Русского вестника" получил кредитов на 60 р., Анна Николаевна была у меня несколько раз и просила отложить 10 р. ей для выкупа или для платежа процентов за салоп Ан‹ны› Гр‹игорьев›ны: сама издержалась совсем, так что я Эмилии Федор‹овне› дал 30 р., Паше 20, а 10 ей (Ан‹не› Ник‹олаевне›)» (стр. 343).

[11] О «месте» для Исаева см. примеч. 1 к письму 324.

[12] Речь идет о письме 324.

[13] В письме от 20—24 сентября Майков писал: «Советовал (Исаеву, — *Ред.*) найти какое-нибудь место — хоть маленькое, стыдя его, и пр. — ну, пожалуй, министра место он возьмет, а вот что Ваша belle-mère нашла для него (хоть 12 р. в мес.), это не годится» (стр. 340).

[14] Имеется в виду «Дело о дочери помещика Ольге Умецкой, обвиняемой в поджогах, и о родителях ее, Владимире и Екатерине Умецких, обвиняемых в злоупотреблении родительской властью», о котором Достоевский мог узнать из газет «Москва» (1867, 23 и 24 сентября, №№ 136 и 137) и «Голос» (1867, 26—28 сентября, №№ 266—268). Подробнее об этом процессе, отразившемся в «Идиоте», см. наст. изд., т. IX, стр. 340—341.

[15] Об отношении Достоевского к судебной реформе 1864 г. и новому суду см. в письме 317 и примеч. 12 к нему.

[16] О газете «Москва» см. письмо 334 и примеч. 15 к нему. Майков своего мнения о «Москве» в ответном письме не высказал.

[17] Еженедельная «политическая и литературная» газета «Русский» издавалась М. П. Погодиным в 1867—1868 гг. Вопрос Достоевского не случаен: в 1867 г. вышло 26 номеров «Русского» вместо 52-х. Объяснялось это в заявлении «От редактора» в первом же возобновленном номере газеты (№ 1—2 от 1 января 1868 г.). Погодин писал здесь, что «замедление издания» случилось «совершенно нечаянно», по причине его «заграничного путешествия» (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 410). Из письма (мартовского) А. Н. Майкова Погодину за 1867 г. узнаем, что Достоевский одобрительно отозвался о только что начавшем выходить органе (там же, стр. 406).

[18] См. примеч. 3.

[19] Железнодорожная линия Москва—Курск—Харьков была открыта в 1868 г., и через два года от Курска отошла ветвь на Киев. Благодаря этому Москва оказалась соединенной с районами, служившими основными поставщиками хлеба.

324. П. А. ИСАЕВУ (стр. 228)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 104, 117. Впервые опубликовано: *СВ*, 1891, кн. 10, стр. 18—21.

[1] Это письмо Исаева не сохранилось, но о содержании его частично известно из дневниковой записи А. Г. Достоевской от 4 (16) октября 1867 г. «Оказывается, — пишет она, — что Маша и мама (М. Г. Сватковская и А. Н. Сниткина, — *Ред.*) предлагали ему 2 места: одно в Ладогу, к мировому судье, а второе на железную дорогу, оба по 25 рублей в месяц. Это меня заставило призадуматься, — говорит он ‹...› по его мнению, место на железной дороге ему кажется выгодней ‹...› Паша просит непременно, чтобы Федя написал свой адрес, потому что имеет к нему какую-то просьбу» (*ЛН*, т. 86, стр. 226—227).

[2] О контракте с Ф. Т. Стелловским см. письмо 260.

[3] О долге Рейслер см.: *ЛН*, т. 83, стр. 216, 218.

[4] Достоевский предостерегает пасынка от порока, погубившего А. И. Исаева, — пьянства. П. П. Семенов-Тян-Шанский, знавший по Сибири семью Исаевых, писал о М. Д. Исаевой: «Муж ее был недурной человек, но неисправимый алкоголик, с самыми грубыми инстинктами и проявлениями во время своей невменяемости. Поднять его нравственное состояние ей не удалось, и только заботы о своем ребенке, которого она должна была ежедневно охранять от невменяемости отца, поддерживали ее» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 218—219).

[5] Исаев жил в это время у Э. Ф. Достоевской.

[6] Написал ли Достоевский И. М. Алонкину, неизвестно.

[7] Письмо Достоевского Ф. М. Достоевскому (младшему) неизвестно.

[8] См. письмо 325.

325. Э. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 231)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.9а.
Впервые опубликовано: «Искусство». М., 1927, кн. 1, стр. 122—123.

[1] Это письмо Достоевской не сохранилось. Достоевский получил его вместе с письмом П. А. Исаева (см. примеч. 1 к письму 324). По поводу ее письма, написанного по-немецки, А. Г. Достоевская заметила, что оно «полно разного рода упреков», «т. е. что ей не давали адреса, что у нее не было ни гроша, с чем переехать с дачи, что они там жили до 26 сентября, что она заложила салоп и не знает, с чем его выкупить ‹...› Она говорит, что Анна Николаевна (Сниткина, — *Ред.*) через Пашу передала ей, что Федя перестанет платить за их квартиру, однако, так как это было передано через других, то она не придает никакой веры и продолжает жить в его квартире» (*ЛН*, т. 86, стр. 227).

[2] См. письмо 324.

[3] См. об этом в письме 314.

[4] Еще в 1865 г. Э. Ф. Достоевская обращалась в Комитет Литературного фонда с просьбой о пособии. По поручению Комитета Н. А. Некрасов «собирал сведения» о просительнице и по представленной им записке 27 декабря 1865 г. вдова М. М. Достоевского получила пособие в 200 р. (см.: *ГПБ*, ф. 438, № 3, л. 32). В 1866 г. Литературный фонд принял на себя «плату за воспитание ее (Э. Ф. Достоевской, — *Ред.*) дочери (речь идет об Е. М. Достоевской, — *Ред.*) в женской гимназии по 40 руб. в год, до окончания ею курса, примерно на 6 лет» (там же, № 6, л. 7). В 1868 г., в связи с возросшей до 60 руб. платой за обучение, Комитет определил «отпускать ежегодно, на воспитание малолетней Достоевской ‹...› вместо 40-ка по шестидесяти руб.» (там же, л. 80 об.). В начале 1868 г. Эмилия Федоровна вновь обратилась в Литературный фонд с просьбой о назначении ей пенсии. В докладе по этому вопросу, составленном со слов самой Достоевской, сообщалось, что она «после смерти мужа в 1864 году ‹...› осталась без всяких средств; продолжение, при содействии Ф. М. Достоевского, издания „Эпохи“ принесло только долги и разорение им обоим, а в настоящее время брак Ф. М. Достоевского и пребывание его за границею лишили просительницу и возможности надеяться на его помощь». Далее сообщалось, что старший сын (т. е. Ф. М. Достоевский) не может помогать матери и что «на ее попечении дочь 13 лет, которую она должна содержать и покупать ей учебные книги ‹...› и еще второй сын (М. М. Достоевский, — *Ред.*), который не мог, по болезни, учиться в учебном заведении и теперь подготовляется к поступлению в оркестр». Обследовать положение семьи было поручено К. К. Арсеньеву, и хотя он доложил, что «г‹оспо›жа Достоевская живет не бедно, в порядочной квартире», Е. П. Ковалевский предложил Комитету (и Комитет согласился с ним) «выдавать г‹оспо›же Достоевской, на обучение сына в консерватории, по сту руб. в год в течение двух лет,

которые необходимы для окончания полного курса...» (там же, л. 12 об.—13).

[5] Достоевский обратился к М. Н. Каткову с денежной просьбой в конце сентября—начале октября 1867 г. (см.: *Список*, № 223).

[6] См. письмо 323.

[7] Это письмо неизвестно.

[8] М. М. Достоевский давал уроки музыки.

[9] О задуманном периодическом издании см. примеч. 8 к письму 322.

[10] Речь идет о З. В. Нардеп.

[11] Что случилось в семье А. П. Каппа, неизвестно. Возможно, заболел он сам (умер в 1869 г.).

[12] Написал ли Достоевский И. М. Алонкину, неизвестно.

326. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 233)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.23, лл. 36—37 об.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 26—27.

[1] Достоевские ждали ребенка. 22 февраля 1868 г. у них родилась дочь Софья.

[2] В Женеве Достоевские жили у двух «очень старых девиц» «m-lles Raymondin» (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 165—166); «при деле» — т. е. при родах.

327. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 235)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.23, лл. 38—39 об.
Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 27—29.

[1] В ноябре продолжалась работа над ранней неосуществленной редакцией романа «Идиот» (см. наст. изд., т. IX, стр. 339).

[2] О проигрыше, случившемся с Достоевским в 1865 г., см. в письме 260.

[3] О неудавшейся попытке занять денег у А. И. Герцена (в 1865 г.) см. в письмах 262, 263.

[4] 16 (28) ноября А. Г. Достоевская записала в своем «женевском» дневнике: «Федя видел Огарева и просил у него денег, хотел спросить 300 франков, но тот даже ужаснулся, услышав о такой громадной для него сумме; наконец сказал, что, может быть, даст франков 60, но не раньше, как послезавтра, да и то не наверно...»; действительно, через день, 18 (30) ноября, Огарев сам принес Достоевскому эти 60 франков (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 276—277).

[5] Было ли написано это письмо М. Н. Каткову, неизвестно.

328. А. Н. СНИТКИНОЙ (стр. 237)

Печатается по копии А. Г. Достоевской: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.154. Подлинник неизвестен.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 57—58.

[1] Именины Сниткиной приходились на 9 декабря.

[2] Пять глав первой части романа «Идиот» были отправлены в Петербург 24 декабря 1867 г. (5 января 1868 г.) (см. наст. изд., т. IX, стр. 357). См. также письмо 329.

[3] Сниткина приехала в Женеву в начале мая 1868 г.

329. В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ ВЕСТНИК» (стр. 238)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 3.1.
Впервые опубликовано: «Журнал журналов», 1915, № 2, стр. 3.

[1] Действительно, VI и VII главы романа были отправлены в Петербург 30 декабря 1867 г. (11 января 1868 г.).

[2] О дальнейшем ходе работы над романом см. наст. изд., т. IX, стр. 358—385.

[3] Эта рукопись не сохранилась.

[4] Это письмо М. Н. Каткову неизвестно.

330. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 239)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 168, № 16640.
Впервые опубликовано: «Коммунист», Харьков, 1921, 12 ноября.
Майков ответил 7 января 1868 г. (*Сб. Достоевский*, II, стр. 343—345).

[1] Обо всех стадиях работы над романом «Идиот» см. в комментарии к нему: наст. изд., т. IX, стр. 337—385.

[2] Достоевский писал Майкову не о помесячных выплатах, а вообще о своих расчетах с Катковым (см. письмо 317).

[3] Оба эти письма неизвестны (см.: *Список*, №№ 223, 228), причем второе из них и есть, вероятно, письмо от 10 (22) ноября.

[4] Об этом долге см. в письмах 317, 318.

[5] Деньги от Каткова Достоевский получил 5 (17) декабря 1867 г. (см. «женевский» дневник А. Г. Достоевской — *ЛН*, т. 86, стр. 279—280).

[6] Это письмо М. Н. Каткову неизвестно (см.: *Список*, № 234).

[7] См. письмо 329.

[8] О мотивах и образах, предварявших замысел «Идиота», см. наст. изд., т. IX, стр. 337—338.

[9] Речь идет об уже определившихся к этому времени героях романа — Настасье Филипповне и Рогожине (см. там же, стр. 358).

[10] Вероятно, речь идет о еще не сформировавшемся образе Аглаи.

[11] Действительно, первая часть романа была уже отправлена в Москву, а Достоевский продолжал разрабатывать характер главного героя (см. там же, стр. 363—386).

[12] Под «капитальной» сценой на этой стадии подразумевалась, вероятно, сцена именин Настасьи Филипповны и ее ухода с Рогожиным и его компанией, ставшая потом составной частью XVI главы (см. наст. изд., т. VIII, стр. 140—149).

[13] Сразу же по выходе январской книжки «Русского вестника» с начальными семью главами романа Майков написал Достоевскому письмо, в котором рассказал о «сильном» впечатлении, произведенном романом на знакомых ему читателей («успех, возбужденное любопытство ‹...›, оригинальная задача в герое ‹...› и многое, многое...») (*А. Н. Майков. Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 65), а в следующем письме изложил и собственное довольно критическое мнение об «Идиоте» (см. примеч. 3 к письму 334).

[14] Дочь Соня родилась у Достоевских 22 февраля 1868 г.

[15] Было ли написано письмо Ф. М. Достоевскому, неизвестно.

[16] В этих словах выразилась вера Достоевского в то, что «идея всемирного человеческого обновления» осуществится «не в революционном виде», а «в виде божеской правды», «в виде Христовой истины» (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 41), и что залог этого — в самом русском народе, в его религиозно-нравственных идеалах, готовности к самоотречению и подвигу. Затронутый здесь круг идей (Россия—Европа, православие—католицизм) будет впоследствии развит в «Дневнике писателя» за 1873—1881 гг. (см. наст. изд., т. XXI, стр. 91—94; т. XXII, стр. 88—90, 280—282,

285, 361—364; т. XXIII, стр. 37—38, 49—50, 377; т. XXIV, стр. 120, 147; т. XXV, стр. 6—7, 9, 151—157), а до этого затронут в романе «Бесы» (в связи с книгой Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» — см. наст. изд., т. XII, стр. 233—234).

[17] В 1860—1870-е гг. газета «Голос» активно выступала в защиту реформ в стране, считая своим долгом участвовать в их практической разработке, ратовала за развитие капитализма в России, отстаивая интересы русских промышленников и торговцев (см.: Пятнадцатилетие газеты «Голос». 1863—1877. СПб., 1878). Об отношении Достоевского к Краевскому и его газете см.: В. Виноградов. Достоевский и А. А. Краевский. — В кн.: *Достоевский и его время*, стр. 17—32. Характерен, однако, отзыв (принадлежащий, вероятно, Н. Н. Страхову) о Краевском, появившийся в № 3 журнала «Заря» за 1869 г. В «Заявлении от редакции» здесь говорилось: «Этот неутомимый издатель имеет в настоящую минуту в руках два издания: „Голос", удовлетворяющий одному направлению, существующему в читательской публике, и „Отечественные записки", удовлетворяющие другому направлению, прямо противоположному...» (стр. 202).

[18] Из-за припадков эпилепсии m-me Raymondin отказала Достоевским от квартиры. На новую квартиру они переехали 6 (18) декабря. За два дня до этого Анна Григорьевна записала в дневнике: «Ходили опять отыскивать квартиру, нашли себе на улице Montblanc во 2-м этаже у m-me Josslin; квартира нам очень понравилась, состоит из 2-х комнат: маленькая спальня и большая комната, с кроватями и мягкой мебелью, и хозяйка нам показалась с первого взгляда очень милой и простой, хотя потом мы и поняли, что это была за женщина». — *ЛН*, т. 86, стр. 278.

[19] Речь идет о Н. А. и Е. П. Майковых.

[20] В ответ на эту просьбу Страхов сообщил Достоевскому о том, что Долгомостьев умер. В письме от середины марта 1868 г. он писал о покойном: «Он сошел с ума у меня на квартире, и я был свидетелем зрелища почти невыносимого» (*Шестидесятые годы*, стр. 257).

[21] Это письмо Яновского от 9 октября 1867 г. опубликовано (см.: *Сб. Достоевский, II*, стр. 371—374).

[22] В письме от 3 ноября 1867 г. (см.: *Сб. Достоевский, II*, стр. 342—343) Майков сообщал Достоевскому о работе над стихотворным переводом «Слова о полку Игореве». Этот перевод был полностью напечатан в журнале «Заря» (1870, № 1; отрывок же из него появился впервые в 1868 г. в № 8 «Модного магазина»).

331. А. П. и В. М. ИВАНОВЫМ (стр. 246)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.17.
Впервые опубликовано: *РС*, 1885, кн. 7, стр. 140—143.

[1] Под словами «Федя и его семейство» подразумевается семья покойного М. М. Достоевского; к этому времени Ф. М. Достоевский был единственным работающим членом семьи.

[2] Эти письма Ивановых неизвестны.

[3] См. об этом в письме 329.

[4] Второе издание романа «Идиот» состоялось только в 1874 г.

[5] Соня родилась 22 февраля 1868 г.

[6] Речь идет об А. Н. Сниткиной.

[7] Подразумевается движение под предводительством Гарибальди, угрожавшее интересам папского Рима и Венеции, находившимся под защитой французских войск (подробнее см. примеч. 4 к письму 322).

[8] О новой квартире Достоевских см. примеч. 18 к письму 330.

[9] Через несколько лет выраженные здесь мысли найдут отражение в третьей главе «Дневника писателя» за июль—август 1876 г. («I. Русский или французский язык? II. На каком языке говорить отцу отечества?») и во второй главе за 1877 г. («I. Прежние земледельцы — будущие дип-

ломаты»). Коснется здесь писатель и «картавки и грассейемана», о которых упоминается в письме (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 77—84 и примеч. к ним; т. XXV, стр. 136—144).

332. С. А. ИВАНОВОЙ (стр. 249)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.17.
Впервые опубликовано: *РС*. 1885, кн. 7, стр. 143—145.

[1] Это письмо Ивановой не сохранилось, но содержание его передано А. Г. Достоевской в ее «женевском» дневнике. «Она писала, — сообщается здесь, — о своем тягостном положении в семье, говорила, что мать ее принуждает идти замуж и видит в этом счастье не только ее, но и всего семейства, говорит, что детей много, что они небогаты ‹...› говорит, что не может же до такой степени убить себя, сломать свою жизнь, чтобы, не любя человека, решительно никого не зная, идти замуж. Что ей самой очень тяжело быть в тягость семейству, что она для того, чтобы самой зарабатывать деньги, нарочно изучила английский язык, чтобы переводить что-нибудь, но что переводов у нее нет. Она просит Федю посоветовать ей, что бы ей делать ‹...›. Тут же она писала, что Елена Павловна теперь вдова ‹...›» (*ЛН*, т. 86, стр. 249—250).

[2] Речь идет о зиме 1863—1864 гг. (М. Д. Достоевская умерла 15 апреля 1864 г.).

[3] Речь идет о письме 331.

[4] Об этой стадии работы над романом «Идиот» см. в письме 330.

[5] Речь идет о второй редакции романа «Идиот» (см. наст. изд., т. IX, стр. 358—359).

[6] О том, как отразились черты евангельского Христа в образе князя Мышкина, см. в комментарии к роману (наст. изд., т. IX, стр. 394—395).

[7] Об особом интересе и внимании Достоевского именно к Евангелию от Иоанна и о его отражении в романе «Идиот» см. наст. изд., т. IX, стр. 396—398.

[8] Роман Сервантеса Достоевский считал «величайшей и самой грустной книгой из всех, созданных гением человека» (см.: «Дневник писателя» 1877 г., сентябрь — наст. изд., т. XXVI, стр. 25; см. также: *В. Е. Багно*. Достоевский о «Дон Кихоте» Сервантеса. — *Материалы и исследования*, т. III, стр. 126—135).

[9] Фигура героя юмористического романа Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» (1837; рус. пер. 1838), благодушного и незлобивого чудака мистера Пиквика, не случайно привлекла внимание Достоевского. Мистер Пиквик добр и благороден (как и герой Сервантеса), стремится стать благодетелем других людей (подробнее об отношении Достоевского к творчеству английского романиста см.: И. М. Катарский. Достоевский и Диккенс. — *Материалы и исследования*, т. II, стр. 277—284).

[10] Речь идет о герое романа В. Гюго «Отверженные» (1862, рус. пер. в этом же году); подробнее об отношении Достоевского к этому роману см.: М. П. Алексеев. Виктор Гюго и его русские знакомства. Встречи. Письма. Воспоминания — *ЛН*, т. 31—32, стр. 841—894, см. также письмо 189 и примеч. 1 и 2 к нему.

[11] Пять начальных глав романа были отосланы в Петербург 24 декабря 1867 г. (5 января 1868 г.), см. письмо 329.

[12] Продолжение романа (вторая часть) было отправлено в Петербург только через полтора месяца (см. наст. изд., т. IX, стр. 359).

[13] Об этом посвящении см. письмо 322 и примеч. 3 к нему.

[14] Достоевские ожидали ребенка (см. письмо 331, примеч. 5).

[15] Это письмо к Ф. М. Достоевскому не сохранилось (см.: *Список*, № 233).

[16] Речь идет о задуманном альманахе, прообразе будущего «Дневника писателя» (см. письма 268, 269, 322).

[17] Об отношении Достоевского к так называемому «женскому вопросу» и к «скороспелкам» («нигилисткам») см. в «Дневнике писателя» за 1876 г. — наст. изд., т. XXIII, стр. 28—29, 363—364.

[18] 14 декабря 1867 г. Н. П. Суслова получила в Цюрихском университете диплом доктора медицины, хирургии и акушерства за диссертацию «Beitrag zur Physiologie der Lymphe» («Материалы к физиологии лимфы»). Сообщения об этом появились в журналах «Медицинский вестник» (1867, № 35, с. 320), «Женский вестник» (1867, № 8, стр. 80—84) и в газетах. 3 (15) марта 1868 г. в № 63 «Голоса» говорилось: «Читателям „Голоса“ известно, что несколько времени назад одна русская молодая девушка, г-жа Суслова, получила в цюрихском университете звание *доктора медицины* <...> г-жа Суслова вернулась в Петербург и находится здесь уже несколько времени, собираясь начать медицинскую практику».

[19] Достоевский собирался привлечь Иванову участвовать в будущем альманахе (см. примеч. 16).

[20] Намек на поражение отряда Гарибальди при Ментане 3 ноября 1867 г.

[21] О братьях и сестрах Ивановой см. примеч. 12 к письму 322.

333. В. М., С. А. и М. А. ИВАНОВЫМ (стр. 253)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93. I.6.17.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 73—77.

[1] Это письмо С. А. Ивановой неизвестно.

[2] 17 января 1868 г. А. П. Иванов умер от заражения крови, которое получил, делая операцию (см.: *Волоцкой*, стр. 190).

[3] Это «прощание» происходило 7 апреля 1867 г. накануне отъезда Достоевского с молодой женой из Москвы (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 165).

[4] А. П. Иванов лечил умиравшую М. Д. Достоевскую (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 207—208).

[5] Ср. с рассуждениями Достоевского о будущей (загробной) жизни в известной автобиографической записи, связанной со смертью М. Д. Достоевской (наст. изд., т. XX, стр. 172—174).

[6] Речь идет о родительской деревеньке Даровое, доставшейся В. М. Достоевской в приданое к свадьбе ее с А. П. Ивановым.

[7] Имеются в виду А. Ф. Куманина и О. Я. Антипова.

[8] О ком идет речь, неизвестно. Но возможно, что подразумеваются родственники А. А. Куманина (см. примеч. 3 к письму 225).

[9] О последствиях краха журнала «Эпоха» см. в письмах 233, 253 и примеч. к ним.

[10] Еще в 1865 г. А. П. Иванов обращался к Э. Ф. Достоевской с просьбою возвратить акции или перезаложить их, но получил вынужденный отказ (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 404—405; подробнее об акциях см. в письме 231).

[11] О детях Ивановых см. примеч. 12 к письму 322.

[12] Достоевский работал над романом «Идиот».

[13] Дочь Достоевских Соня родилась 22 февраля (5 марта) 1868 г.

334. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 257)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 168, № 16640, № 175.
Впервые опубликовано: *Сб. Достоевский, I*, стр. 402—408.
Ответ на письмо Майкова от 7 января 1868 г. (см. примеч. к письму 330). Майков ответил около 26 февраля 1868 г. (*А. Н. Майков. Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 65—67).

[1] О работе над второй частью романа «Идиот» см. в письме 332, примеч. 12.

[2] Под «финалом 2-й части» подразумевается сцена именин Настасьи Филипповны, т. е. заключительная главка первой части романа (см. примеч. 9 к письму 339).

[3] В ответном письме Майков писал: «...успех. Возбужденное любопытство, интерес многих лично пережитых ужасных моментов, оригинальная задача в герое <...>. Генеральша, обещание чего-то сильного в Настасье Филипповне, и многое, многое — остановило внимание всех, с кем говорил я, между прочими Тютчев, Соловьев, Милюков, Ламанский, мои все и многие, кого Вы не знаете <...> Словом, можете быть за эту часть спокойны и работать с духом...». Письмо завершалось сообщением: «Сейчас пришел Соловьев и просит передать Вам свой *искренний* восторг от „Идиота“. Он свидетельствует, что видел на многих сильное впечатление: образы, говорит, в мозг врезываются» (стр. 65—67); см. также примеч. 1 к письму 330.

[4] Речь идет о письмах Майкова от 27 августа и 20—24 сентября 1868 г. (*А. Н. Майков. Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 63—65; *Сб. Достоевский, II*, стр. 340—341).

[5] Еще в октябре 1867 г. А. Г. Достоевская в письме к А. И. Майковой писала: «Если бы Вы попросили Аполлона Николаевича писать Федору Михайловичу почаще; ведь его письма — просто клад для нас на чужой стороне» (*ЛН*, т. 86, стр. 409).

[6] Соня родилась 22 февраля 1868 г.

[7] О работе над третьей и четвертой частями романа (по раннему восьмичастному замыслу, позднее изменившемуся в четырехчастный) см.: наст. изд., т. IX, стр. 359—361.

[8] Речь идет о бывших главных сотрудниках «Современника» М. Е. Салтыкове-Щедрине и Г. З. Елисееве, взявших (вместе с Н. А. Некрасовым) в аренду журнал «Отечественные записки» и выпустивших под новой редакцией 1-й, январский номер журнала за 1868 г. (вышел в свет 23 января). Елисеев поместил в номере статью «Наказ императрицы Екатерины о сочинении проекта нового уложения», Некрасов — «Притчу о „Киселе“» и «Выбор»; никаких материалов об «ассоциациях рабочих во Франции» в номере не было. Об отношении Достоевского к Щедрину и Елисееву см. в письме 206 и примеч. 13 к нему.

[9] Темой очерка Салтыкова-Щедрина «Новый Нарцисс, или Влюбленный в себя», помещенного в январском номере «Отечественных Записок», были первые шаги земства (введенного реформой 1864 г.). В очерке рассеивались иллюзии, связанные с земством, а либеральные «земцы», претендовавшие на роль созидателей «великого будущего» России, уподоблялись герою греческого мифа Нарциссу, влюбившемуся в собственное отражение в воде (подробнее о восприятии очерка современниками см.: *Салтыков-Щедрин*, т. VII, стр. 551—552).

[10] «Весть» — газета политическая и литературная выходила в Петербурге с 1863 (до № 32 она именовалась «Русским листком») по 1870 г. Основал ее Н. А. Безобразов, а с 1863 г. руководящую роль в ней стали играть крайне реакционные публицисты В. Д. Скарятин и Н. Н. Юматов, именовавшие свою группу «охранительными либералами» и обвинявшие самого М. Н. Каткова в социалистических тенденциях (см.: Весть, 1866, 11 ноября, № 90).

[11] Речь идет о стихотворении «Вакханка и сатир».

[12] Этот нелестный отзыв Достоевского о рассказе И. С. Тургенева «История лейтенанта Ергунова» совпал с мнением многих современников и очень малочисленными оценками критики (см.: *Тургенев, Сочинения*, т. X, стр. 429—430).

[13] Имеется в виду статья П. К. Щебальского «Война и мир, соч. графа Толстого. Москва, 1868 г. Томы I, II и III», представлявшая собою, в сущности. пересказ содержания романа (см.: *РВ*, 1868, № 1, стр. 300—320, см. также отрицательный отзыв Н. Н. Страхова об этой статье: *Шестидесятые годы*, стр. 258). Майков еще в письме от 7 января писал: «А по части литературы мы все-таки не дремлем, и ведь вот не прошло и году, как

появилось „Преступление и наказание“, как возникает в другом роде, но тоже капитальное явление — „Война и мир“ Толстого — я еще не достал ‹...› но люди весьма строгие как Ламанский и Страхов — от него в восторге. Главное, роман исторический! Лица изображены с их историческими и будничными недостатками, но веяние, великое веяние эпохи охватывает сердце читателя: русским духом пахнет. К этому сводятся отзывы» (стр. 344).

[14] В письме от 7 января Майков писал, что в «ехидном журнале западников» «Вестнике Европы» «в последнем № советуется предоставить Западный край самому себе, дать полякам все блага наших реформ, и быть уверенным, что это примирит и привяжет их...» (стр. 344).

[15] В конце 1867 г. в «Голосе» было помещено объявление «Об издании газеты „Москвич“». Оно гласило: «С 23 декабря сего года будет выходить новая ежедневная политическая, экономическая и литературная газета „Москвич“ ‹...› По соглашению редакции газеты „Москва“ с редакциею газеты „Москвич“ подписчикам „Москвы“ будет высылаем „Москвич“ впредь до возобновления „Москвы“.

Редактор-издатель П. Андреев.

От редакции газеты „Москва“.

По соглашению с редакцией газеты „Москвич“ подписчикам газеты „Москва“, приостановленной с 3-го декабря на 4 месяца, будет высылаться газета „Москвич“ впредь до возобновления „Москвы“.

Редактор-издатель Иван Аксаков» (*Г*, 1867, № 359, 30 декабря).

Очевидно, в не дошедшем до нас письме Майков и рассказывал историю этих двух изданий. В ответном же письме он писал: «...„Москва“ получила 3 предостережения (главное, за провозглашение голода, то есть предлог нашли другой) и на 4 месяца умолкла. Вместо ее стал издаваться „Москвич“ под подставною редакцией, что дозволили, и при этом подставного спросило начальство, будет ли Аксаков писать? Подставной отвечал „будет“. И „Москвич“ издавался в форме „Москвы“, с переменою трех букв. Тоже не понравился начальству, и вдруг внесли в Ком‹итет› Мин‹истров›, что это подлог, и потому исходатайствовали его запрещение. Сроку „Москве“ остается молчать еще месяц. Аксаков не знает, что делать, но издатели объявили ему, что они согласны на убытки до 50 000, лишь бы он продолжал» (стр. 67). «Подставное» лицо — названный в объявлении редактор-издатель П. Андреев.

[16] Речь идет о стихотворении Майкова «Стрелецкое сказание о царевне Софье Алексеевне» из раздела «Отзывы истории» (см.: *Майков*, стр. 384—389). Оно было напечатано во 2-м номере «Русского вестника» за 1868 г. Вероятно, Майков посылал Достоевскому рукописный текст стихотворения.

[17] О своей работе над поэтическим переводом «Слова о полку Игореве» Майков писал Достоевскому еще в письме от 3 ноября 1867 г.: «Я все перечитываю бездну книг ‹...›, — сообщал он, — пишу введение к нему, хочется, чтобы было хорошо, то есть не срамно со стороны научной ‹...› Вообще мне хочется, чтоб это был мой маленький monumentum, приношение на „алтарь отечества“. Потому и не тороплюсь печатать...» (*Сб. Достоевский, II*, стр. 343). Отрывок из перевода под заглавием «Игорь в плену» и с подзаголовком «Отрывок из перевода „Слова о полку Игореве“» появился в журнале «Модный магазин», 1868, № 8, стр. 138. Полностью перевод был опубликован в журнале «Заря» (1870, № 1, стр. 82).

[18] В письме от 3 ноября 1867 г. Майков лишь обмолвился: «Кому читал — нравится...» (см. выше, стр. 455). Об одном из таких чтений, состоявшемся 13 октября 1867 г., свидетельствует А. В. Никитенко. В его «Дневнике» записано: «А. Н. Майков читал у меня свой перевод „Слова о полку Игоря“. Это прекрасный труд» (А. В. Никитенко. Дневник в 3-х т. М., 1956, т. 3, стр. 101).

[19] На состоявшемся 3 февраля 1868 г. литературном вечере в пользу Литературного фонда, посвященном столетию со дня рождения И. А. Кры-

лова, Майков прочел стихотворения «У памятника Крылову» и «Стрельцы». В «Голосе» широко освещался юбилей Крылова, отмечавшийся в Москве и С.-Петербурге. Так, 6 (18) февраля в разделе «Внутренние новости» сообщалось об «артистическом вечере, данном в художественном клубе». Внимание Достоевского привлекли следующие строки: «В конце вечера в клуб прибыл А. Н. Майков с литературного чтения, происходившего в купеческом клубе, и, по просьбе распорядителей праздника, прочел оба стихотворения свои, произнесенные на этом чтении».

[20] Вероятно, речь идет о тревоживших Достоевского ранее симптомах войны с Пруссией (см. примеч. 3 к письму 323).

[21] В 1868 г. из-за серьезного неурожая ряд центральных губерний страдал от сильного голода. В связи с этим 23 января 1868 г. был образован особый комитет под председательством наследника (будущего Александра III), собиравший пожертвования и распределявший пособия голодающим (см.: *Г*, 1868, 8 (20) февраля, № 39); в журналах и газетах регулярно печатались статьи с призывом помочь «бедствующим братьям» (см. также наст. изд., т. XII, стр. 294).

[22] Речь идет о широко освещавшихся в печати событиях в Сербии и Болгарии, связанных с ростом и усилением движения за национальную самостоятельность (см., например: *Г*, 1868, 17 февраля, № 48; 18 февраля, № 49; 2 марта, № 62).

[23] По-видимому, в недошедшем письме Майков советовал Достоевскому познакомиться с женевским священником А. К. Петровым (см. также письмо 350).

[24] Речь идет о И. Л. Янышеве; ректором Петербургской духовной академии он стал в 1866 г.

[25] В письме от 7 января 1868 г. Майков писал: «...был я присяжным в окружном суде, две недели ходил, сидел там иногда от 11 утра до 5 часов ночи, то есть 18 часов. В эти две недели можно пережить пять жизней — такого биения сердца не запомню. Интересу столько, что лучше ‹бы› не начинал писать, проговорить можно бы двое суток. Поучительно, страшно, любопытно. Верьте, что все присяжные ‹...› все идут на свою жесткую скамью словно к исповеди и причастию...» (стр. 344—345).

[26] По судебной реформе 1864 г. старые сословные суды были заменены новыми, общими для всех сословий. В отличие от дореформенного суда дела слушались при открытых дверях, с участием присяжных и адвоката, а судебные материалы печатались в газетах. Однако частые оправдательные приговоры по преступлениям, заслуживающим суровой кары, вскоре стали вызывать у Достоевского недоумение. Это отразилось, в частности, на страницах романа «Бесы» (см. наст. изд., т. X, стр. 233—234; т. XII, стр. 299—300; ср.: т. XXI, стр. 13—16).

[27] Чье мнение имеет в виду Достоевский в данном случае, неясно. Так, например, А. И. Герцен придерживался иного мнения о русском судопроизводстве. Так, в частности, в заметке «Assassinat juridique» («Юридическое убийство») (Колокол, 1876, 1 апреля, № 6, стр. 86) он писал: «Читатели наши знают, что смертная казнь *существует de jure* в русском уставе уголовного судопроизводства *только как льгота* для военных. Чтоб убить разбойников, их приравнивают к военным ‹...› Частое повторение юридической бойни, с 1862 г., переходит все границы» (*Герцен*, т. XX, кн. 1, стр. 276).

[28] Вероятно, этими словами Достоевский откликается на недошедшее письмо Майкова. Мысль об «обновлении» всего мира «через русскую мысль» будет развита писателем в «Дневнике писателя» (см. об этом в примеч. 16 к письму 330).

[29] Намек на один из пунктов прокламации П. Г. Зайчневского «Молодая Россия» (1862), гласивший: «Мы требуем изменения современного деспотического правления в республиканско-федеративный союз областей, причем вся власть должна перейти в руки национального и областных собраний. На сколько областей распадется земля русская, какая губерния

войдет в состав какой области — этого мы не знаем: само народонаселение должно решить этот вопрос» (см.: М. К. Лемке. Политические процессы. Пб., 1907, стр. 514). Этот же пункт прокламации был пародирован позднее в романе «Бесы» (см. наст. изд., т. X, стр. 22).

[30] Это письмо к М. Н. Каткову не сохранилось (см.: *Список*, № 234).

[31] О долге Майкову см. в письме 318.

[32] В письме от 7 января Майков писал: «...все Ваши ходили ко мне за Вашим адресом, Паша даже сегодня был и получил ответ, что не знаю» (стр. 343).

[33] Об оценке рассказа «История лейтенанта Ергунова» современниками и самим Достоевским см. примеч. 12.

[34] Об этом эпизоде в отношениях Достоевского с Тургеневым см. в письме 317.

[35] О справедливости этих слов Достоевского свидетельствуют многочисленные формулировки вроде «носятся слухи», «по слухам», «говорят, что», «поговаривают, что», «слух о том, что», присутствовавшие в большинстве газетных статей, посвященных обзору политических новостей. Газеты часто помещали на своих страницах непроверенную, неподтвержденную информацию.

[36] Возможно, что под «ослаблением» и «принижением» иностранной политики Достоевский подразумевал как твердый нейтралитет России в таких европейских конфликтах 1860-х гг., как австро-итальянское столкновение, датско-прусская война, австро-прусская война и т. п., так и политику правительства Александра II в отношении Пруссии, дававшую, например, возможность французской печати упрекать русскую дипломатию в том, что она идет на поводу у Бисмарка. Французские газеты (по свидетельству «Голоса») то волновались по поводу «тревожных слухов касательно отношений между Франциею и Россиею» (см.: *Г*, 1868, 17 (29) февраля, № 48), то сокрушались от «печальных известий» «о заключении союза между Россиею и Пруссией» (*Г*, 1868, 15 (27) февраля, № 46) и в то же время регулярно допускали на свои страницы «бесцеремонные нападки на Россию» (*Г*, 1868, 9 (21) февраля, № 40). «Кляузы эти, — говорилось в этом же номере «Голоса», — появляются периодически, в связи с каким-нибудь новым поворотом, или, скорее, новыми причудами в политике тюильрийского кабинета». Не исключено, однако, что под «ослаблением и принижением» иностранной политики Достоевский подразумевал и то, что правительственные реформы Александра II в какой-то мере отвлекали правительство от внешнеполитических проблем.

[37] Реформаторская деятельность Александра II действительно встречала сопротивление в реакционных правительственных кругах. Так, еще до проведения крестьянской реформы Редакционные комиссии испытывали противодействие со стороны начальника III отделения князя В. А. Долгорукого и министра государственных имуществ М. Н. Муравьева. Но реформы 1860-х гг., проводившиеся в интересах помещиков и самодержавия, не могли удовлетворить и передовые общественные и демократические круги. Они возбудили многочисленные студенческие выступления, а крестьянская реформа вызвала в одном только 1861 г. более 1800 волнений крестьян. Даже либеральный «Голос» позволял себе «высказывания» вроде следующего: «В числе многих реформ, совершившихся у нас в недавнее время, преобразование сметного, кассового и ревизионного порядка по началам, выработанным и принятым почти во всех государствах Европы, занимает далеко не последнее место. <...> В мире официальном, как нам случалось слышать, она возбуждала не совсем благоприятные отзывы» (*Г*, 1868, 7 (19) февраля, № 38).

[38] Вероятно, речь идет о «твердости» Александра II, проявленной им во время разгрома в 1864 г. восстаний в Польше, Литве и Белоруссии, в расправе с ишутинцами и Д. В. Каракозовым, в массовых арестах среди революционно-демократического лагеря, в колониальной политике в Средней Азии.

335. П. А. ИСАЕВУ (стр. 262)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 108—109. Впервые опубликовано: *СВ*, 1891, кн. X, стр. 21—24.

Письмо датируется 19 февраля (2 марта) по сопоставлению с письмом 336.

[1] Это письмо Исаева неизвестно.

[2] О работе над романом «Идиот» см. письма 330, 334.

[3] Об этом письме к Ф. М. Достоевскому см.: *Список*, № 233.

[4] Это письмо к М. Н. Каткову не сохранилось (см.: *Список*, № 234).

[5] О выдаче 50 р. А. Н. Сниткиной Достоевский написал А. Н. Майкову на следующий день (см. письмо 336).

[6] С 10 ноября 1867 г. по 8 января 1868 г. Исаев служил в петербургском Адресном столе с жалованьем 25 руб. в месяц (см. в его письме к Достоевскому от 31 мая 1868 г. — *Сб. Достоевский, II*, стр. 398).

[7] В названном выше письме Исаев писал: «Роман Ваш мне очень нравится, в особенности начало первой части. Начало второй пока ничего не объясняет. Тема, папа, широкая, богатая...» (там же, стр. 405).

[8] Сообщение Достоевского о рождении дочери см. в письме 337.

[9] Это письмо И. М. Алонкину не сохранилось (см.: *Список*, № 236).

[10] О смерти А. П. Иванова см. письмо 333 и примеч. 2 к нему.

336. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 265)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 168. № 16640.
Впервые опубликовано: *Сб. Достоевский*, I, стр. 409—410.

[1] Имеется в виду письмо 334.

[2] Речь идет о письме 335.

[3] П. А. Исаев жил в это время у П. П. Аникеевой.

337. В. М. ИВАНОВОЙ (стр. 266)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.17.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 88—89.

[1] Это письмо В. М. Ивановой неизвестно.

[2] Достоевский оговорился: 19 февраля был день его именин, а день рождения — 30 октября.

[3] Речь идет о смерти А. П. Иванова.

[4] Об этой попытке к «сближению», может быть, свидетельствует письмо Достоевского к Д. И. Достоевской (см. письмо 273).

[5] Имеется в виду А. П. Иванов.

[6] В. М. Иванова, по-видимому, отвечала Достоевскому на его опасение, связанное с обстоятельствами «заведования» А. П. Ивановым капиталом А. Ф. Куманиной (см. письмо 333).

[7] Об этом неприятном инциденте с родственниками А. Ф. Куманиной см. в письме 333 и примеч. 8 к нему.

[8] Речь идет о работе над романом «Идиот».

338. Э. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 268)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.9а.
Впервые опубликовано: «Искусство». М., 1927, кн. 1, стр. 124—126.

[1] Речь идет о работе над романом «Идиот».

[2] Об этой отброшенной редакции романа см. в письме 330.

[3] Об этом несохранившемся письме к М. Н. Каткову см.: *Список*, № 234.

[4] Катков деньги прислал.

[5] Об этом несохранившемся письме И. М. Алонкину см.: *Список*, № 236.

[6] Имеется в виду письмо 335.

[7] Об этом несохранившемся письме к Ф. М. Достоевскому см.: *Список*, № 233.

339. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 270)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 168, № 16640.

Впервые опубликовано: *Сб. Достоевский, I*, стр. 410—413.

Ответ на недатированное (около 26 февраля) письмо Майкова (см. о нем в примеч. к письму 334). Майков ответил 7—14 марта 1868 г. (*Сб. Достоевский, II*, стр. 345—349); конец этого письма, продолженного 14 марта, см.: *А. П. Майков. Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 67.

[1] Письмо А. Н. Сниткиной неизвестно.

[2] Майков писал Достоевскому 7 марта в ответ на это сообщение о П. А. Исаеве: «Ездил он или нет — не знаю, но она (А. Н. Сниткина, — *Ред.*) говорит, что он неделю пропадал; из его слов (он был дня три тому назад) видно, что живет (или жил) в доме Тура на углу Вознесенской» (стр. 347). Из письма Исаева от 31 мая 1868 г. Достоевский узнал, что тот и не собирался в Москву, а ездил в Псков, надеясь занять денег у тетки С. Д. Констант; квартирной же хозяйке своей он действительно сказал, что едет в Москву за деньгами. Далее в письме сообщалось: «Анна Николаевна, услышав от хозяйки, куда я уехал, стала вдруг меня подозревать в самом нелепейшем поступке: ей показалось, что я с письмом Анны Григорьевны отправился к Каткову просить у него денег. Не знаю, правда ли, но носился слух, что она тотчас же послала об этом депешу в Москву. Все бы это ничего, бог с ними, с этими происшествиями, но зачем же, не узнав хорошенько дела, писать Вам, расстраивать Вас, заставить Вас писать Аполлону Николаевичу письмо за письмом за справками, наконец, вооружать всем этим Вас против меня» (стр. 399).

[3] О письме к М. Н. Каткову (несохранившемся) см.: *Список*, № 234.

[4] Это письмо Каткову было начато на следующий день (см. письмо 340).

[5] Позднее А. Г. Достоевская заметила: «В романе „Бесы“, в сцене родов жены Шатова, Федор Михайлович описал многие свои ощущения при рождении нашей первой дочери» (*Достоевская, А.Г. Воспоминания*, стр. 175).

[6] Достоевский начал обдумывать новое четырехчастное строение романа «Идиот», но приводить в исполнение этот план стал несколько позднее (см. письмо 343).

[7] С 1869 г. Достоевский, должно быть, по совету врачей, тщательно фиксировал все припадки (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 100—118).

[8] Это «известие» Майкова см. в примеч. 3 к письму 334.

[9] В февральской книжке «Русского вестника» за 1868 г. появилось окончание не второй (по старому строению), а первой части («финал» — это сцена у камина). Отзыв Майкова на этот раз был более критичен. В ответном февральском письме он, в частности, писал: «...ужасно много силы, гениальные молнии (например, когда Идиоту дали пощечину и что он сказал, и разные другие), но во всем действии *более возможности и правдоподобия, нежели истины*. Самое, если хотите, реальное лицо — Идиот ‹...›, прочие же все как бы живут в фантастическом мире...» (*Д, Письма*, т. II, стр. 419).

[10] Действительно, на собраниях у Петрашевского Н. Я. Данилевский пользовался репутацией лучшего знатока Фурье (его пространное толкование фурьеризма см. в кн.: Петрашевцы. Собрания материалов. М.—Л., 1927, т. II, стр. 118—149).

[11] Достоевский отвечает на следующие слова из февральского письма Майкова: «Этот Данилевский — Вы его знаете — бесподобная голова. Он написал книгу листов в 25 под заглавием „Россия и Европа“. Тут и история, начиная с арийцев, и этнография, и политика и Восточный вопрос. Представьте себе: методы естественных наук, приложенные к истории — прелесть что такое! Это будет капитальное явление <...> Будет печататься по частям в Ж<урнале> М<инистерства> Нар<одного> Просв<ещения>. Светлая голова, развившаяся в странствиях по России и окрепшая в науке. Крепкая мысль» (*Д, Письма*, т. II, стр. 414). Подробно об отношении Достоевского к Н. Я. Данилевскому см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 352—353; т. XXIII, стр. 377. О книге Данилевского см. в письмах 357, 358.

340. М. Н. КАТКОВУ (стр. 274)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 120, 3.10.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 283.

[1] Об этом известии см. также в письме 339 и примеч. 2. к нему.
[2] Речь идет об Э. Ф. Достоевской.
[3] О последнем месте работы П. А. Исаева см. в письме 335 и примеч. 6 к нему.
[4] Это письмо не сохранилось (см.: *Список*, № 234).
[5] Известие о поездке Исаева в Москву оказалось ложным.
[6] Речь идет о романе «Идиот».
[7] О подобных сомнениях Достоевского см. также в письме 330.
[8] Что это за письмо, неизвестно. Но вероятнее всего, что оно было написано А. Н. Сниткиной.

341. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 277)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 168, № 16640, № 178.
Впервые опубликовано: *Сб. Достоевский, I*, стр. 414—420.
Год устанавливается по содержанию: Достоевский отвечает на письмо Майкова от 7—14 марта 1868 г. (см. о нем в примеч. к письму 339). Дату «3 апреля» см. на стр. 283. Майков ответил в апреле 1868 г. (*А. Н. Майков. Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 68—69).

[1] Майков в письме от 7—14 марта сообщал, что посетил Э. Ф. Достоевскую и что у него был П. А. Исаев, а также писал об исполнении денежных распоряжений самого Достоевского.

[2] Поздравляя Достоевских с рождением дочери, Майков писал 7—14 марта: «Да, эта маленькая, бессильная, еще не могущая из кулачка разогнуть розовых пальчиков — уж начала и будет поддерживать Вас, любезнейший дружище! Она сделает Вас немножко эгоистом (что для Вас необходимо), подтянет, приведет к своему знаменателю» (*Сб. Достоевский, II*, стр. 345).

[3] А. Н. Сниткина бывала в семье Майковых.

[4] Первое ответное письмо Майкова пропало (см. об этом в письме 345), и в письме от 17 апреля 1868 г. он повторял: «Не забудьте же, что я *крестный отец Сони*» (*Сб. Достоевский, II*, стр. 351).

[5] Это письмо в редакцию «Русского вестника» не сохранилось (см.: *Список*, № 237).

[6] Полученные редакцией главы были напечатаны в февральском номере «Русского вестника» как XIII—XVI главы первой части и сопровождались следующим редакционным примечанием: «(Продолжение в апрельской книжке)». — *РВ*, 1868, № 2, стр. 656. В апрельской же книжке жур-

нала появилось лишь начало второй части романа с редакционным извещением, что «болезнь лишила» автора «возможности выслать ранее продолжение своего труда» (см. наст. изд., т. IX, стр. 359).

[7] Это письмо не было написано.

[8] В мартовском письме Майкова содержались такие строки: «...я намерен до *Вашего разрешения* сделать так: Паше и Эмилии Федоровне объявить, что получил от Каткова не 200 р., а 125 — дать Паше 25, а Эмилии Федор‹овне› — 50; 75 же придержать для Вас...» (*Сб. Достоевский, II*, стр. 347). Из этих 75 р. — 50 предназначались А. Н. Сниткиной; потому, вероятно, Достоевский и пишет об «оставшихся» 25 р.

[9] Рекомандировать — т. е. послать заказным, застраховать (от франц. recommandé — заказной).

[10] Исаеву первоначально было выдано 25 р. О его службе Майков сообщал: «Из Адресного стола он вышел ‹...› Паша мне говорил, что перешел в Архив Царства Польского. Пошел я к Разину — оказалось верно; Разин призывал начальника, просил прибавить жалования, которого он получает 25 руб. (а теперь еще прибавят), и иметь отеческий надзор; я с своей стороны тоже просил» (*Сб. Достоевский, II*, стр. 348).

[11] Это письмо Н. Н. Страхова с поздравлением по поводу рождения дочери см. в изд.: *Шестидесятые годы*, стр. 257—259.

[12] Вероятно, речь идет о письме от В. М. или С. А. Ивановых (оно неизвестно).

[13] Имеются в виду М. Н. и В. Я. Стоюнины.

[14] Речь идет о письме 335.

[15] Исаев в Москву не ездил.

[16] Имеется в виду письмо 340.

[17] Речь идет о письме 338.

[18] Достоевский отвечает на следующее сообщение из мартовского письма Майкова: «Краем уха слышал я, что здесь ходят такие толки: хорошо, что у Вас родилась дочь, а не сын, потому что в случае Вашей смерти сочинения Ваши наследует семейство брата, а не жена и дочь, если Ф. М. не сделает завещания ‹...› не худо Вам сделать такое распоряжение, кто знает — может быть, затеют процесс, если что-либо такое свершится» (*Сб. Достоевский, II*, стр. 348). Достоевский после этого письма сразу же набросал проект «заявления», состоящий из трех пунктов, по которому А. Г. Достоевской в случае смерти мужа предоставлялось право на полную собственность и издание его сочинений, а также права по контракту со Стелловским; ей же предоставлялось рассчитаться за долг в «Русский вестник» (см. выше, стр. 339).

[19] А. Е. Разин служил в это время в канцелярии по делам Царства Польского.

[20] Ф. М. Достоевский (младший) давал уроки музыки.

[21] Вероятно, эти деньги Майков дал еще М. М. Достоевскому в период. когда вместо «Времени» было получено разрешение издавать «Эпоху» и когда М. М. Достоевский испытывал серьезные денежные затруднения. Н. Н. Страхов писал позднее: «„Эпоха“ была начата *ни с чем*; через год, когда она кончилась (второю книжкою 1865), на нее была убита не только вся подписка, но и та доля наследства, которая приходилась братьям...» (*Биография*, отд. I, стр. 269). Вероятно, в упоминаемую здесь «подписку» входили и майковские 2000 р. (см. заметку в Записной книжке 1863—1864 гг.: «2000 — Майкову по векселю» — *ЛН*, т. 83, стр. 185).

[22] В мартовском письме Майков сообщал о смещении П. А. Валуева и назначении А. Е. Тимашева, о действиях правительства против голода, о работах по строительству железных дорог, о том, что через год армия «будет перевооружена». И заключал: «Пусть бранят меня, что я вижу все в розовом цвете — да ведь мы с Вами Vates (пророки) ‹...› Не видь того, что мы видим — ну пулю в лоб и конец! Нет, опять повторю, славное время, над которым пылают зори будущего — и пусть много грязи они еще освещают, уберется грязь, сама собой высохнет» (*Сб. Достоевский, II*, стр. 349).

[23] Достоевский отвечает Майкову на следующие слова из его мартовского письма: «Народная любовь (к Александру II, — *Ред.*) — вот наша конституция! Вот чего не поймет никогда не русский человек! И мы живем все-таки в хорошее время, хотя в умах и брожение, и борьба, и непонимание, великое непонимание! Но, знаете, все это ничего! Россия в ее основных принципах необходима для мира, для истории, и в этом ее сила, и это ничего, что даже умные люди этого не понимают: история, провидение, бог — как хотите называйте — их не спросят, понимают они или нет!» (там же, стр. 348; см. также наст. изд., т. XX, стр. 217—220).

[24] В журнале «Эпоха», который «три года назад», т. е. в 1864—1865 гг., редактировал сам Достоевский, каких-либо высказываний его о подобной «конституции» не обнаружено.

[25] Достоевский здесь повторяет основной тезис славянофильской теории государственности, с которой он был знаком уже в 1840-е гг. Это отразилось в его показаниях на следствии по делу петрашевцев (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 123; подробнее см.: А. Л. Основат. Достоевский и раннее славянофильство (1840-е годы). *Материалы и исследования*, т. II, стр. 175—178).

[26] Под «сословием умников» Достоевский здесь подразумевает западников.

[27] Речь идет о западнических симпатиях Тургенева, проявившихся в романе «Дым» (см. письмо 317 и примеч. к нему).

[28] Московский Лицей памяти цесаревича Николая Александровича был основан в 1868 г. на средства М. Н. Каткова, П. М. Леонтьева и С. С. Полякова. Проект его устава был подан министру народного просвещения еще в июле 1867 г. Сообщения об этом событии появились в ряде газет. Так, «С.-Петербургские ведомости» писали: «В Москве учреждается новое учебное заведение, которое содержит в своей программе курсы гимназический и университетский. Устав этого заведения, составленный будущими его руководителями, редакторами „Московских ведомостей“, рассматривается теперь, с высочайшего соизволения, в законодательном порядке. Учредители надеются открыть с Нового года три первых гимназических курса» (*СПбВед.*, 1867, 28 сентября (10 октября), № 268). Программа гимназических классов была в Лицее той же, что и в классических гимназиях, но в нее вошло, кроме того, преподавание естественной истории и новых языков.

[29] В мартовском письме Майков писал о своем взгляде на будущий учебник «средней» истории и, в частности, так излагал петровскую эпоху (конспективно): «...слабость и падение Востока, возрождение его с громов полтавских: общеславянское значение Петра и рост России». И прибавлял: «А кстати, о Петре: Соловьев нашел и печатает — как он тогда уже решил Восточный вопрос и как его понял — как мы с Вами! <...> Погодите — и не сердитесь — мы все будем гордиться Петром...» (*Сб. Достоевский, II*, стр. 346—347).

[30] Почти в каждом номере «Голоса» за первую половину марта 1868 г. печатались материалы, свидетельствующие о разного рода нарушениях и происшествиях на недавно построенных железных дорогах. Причинами этого являлись и ненадежная укладка рельсов, и плохие насыпи, и несоблюдение графика движения поездов, необорудованность подвижного состава и т. д. и т. п. Особенно тревожное положение создалось на Воронежско-Козловской дороге, о чем не раз сообщалось в «Голосе». Так, в корреспонденции «От Воронежа до Козлова» отмечалось: «...нельзя определить даже и дня, не только часа, в который прибудет к месту назначения пассажир <...> В комнатах станции было холодно, как на дворе, потому что стекла в окнах повыбиты...». Здесь же говорилось о том, что, например, «в ночи на 6-е марта, на рязано-козловской железной дороге, над вороновскою станциею в товарном поезде произошел пожар...» (*Г*, 1868, 12 (24) марта, № 72). На следующий день в газете сообщалось, что путешествие по этой же дороге «на расстоянии 170 верст продолжалось с 25 февраля по 2-е марта» (*Г*, 1868, 13 (25) марта, № 73).

Обо многих печальных фактах на той же дороге рассказывалось и в корреспонденции из Липецка. В заключение здесь отмечалось, что «диковинкам» и «немыслимым вещам» этой станции начинают подражать другие дороги. Так, например, на «поляковке» (названной так по имени железнодорожного магната С. С. Полякова) «шпалы и рельсы начали уже и теперь разъезжаться в разные стороны. Между Никольской и Муравьевской станциями их столько расшаталось и выскочило, что должны были остановить движение на два дня». В этой же корреспонденции рассказывалось о многочисленных случаях гибели людей и составов, объясняющихся бесхозяйственностью и халатным отношением персонала дороги к своим прямым обязанностям (*Г*, 1868, 16 (28) марта, № 76); ср. также с «пассажем» о порядках на русских железных дорогах в главе первой «Дневника писателя» за 1877 г. (наст. изд., т. XXV, стр. 172).

[31] Земство — органы местного самоуправления, созданные по губерниям России в 1864 г. Правительство передало земствам только хозяйственные дела, а также решение вопросов здравоохранения и отчасти образования. Но такое отделение повело, в частности, к тому, что одни и те же вопросы нередко попадали в ведение различных инстанций, что вело к разного рода казусам. Кроме того, в работе самих земских учреждений наблюдались просчеты и недостатки. Особенно часто внимание прессы привлекали нерациональное использование денежных средств, разбазаривание их (а подчас и хищение), недостаточная оперативность земцев и т. п. Так, некто В. Каленов, рассказывавший в письме в газету о голоде в Смоленской губернии, предлагал, в частности, следующее: «...я думаю, что нашей земской администрации предстоит теперь уже не одно народное продовольствие, а двойная задача: во-первых, прокормить голодных людей до нового хлеба и, во-вторых, исправить то зло, которое причинено народу прежним недосмотром и беспечностью. Эта последняя задача не менее важна, чем первая. <...> Надо же наконец нашей земской администрации взглянуть на это дело внимательно и поработать хоть раз серьезно за получаемое ею жалованье! <...> Я полагаю, что единственно верный путь к осуществлению этой задачи — составление по волостям комиссий из сельских старост, с прикомандированием в каждую одного или двух земских гласных. Но проектов всякого рода может быть, как известно, тысяча. Спешу окончить мое письмо, чтоб не увлечься на этом скользком пути и оставить поле изобретательности за чиновными лицами нашего смоленского земства, специально посвятившего свою деятельность сочинению всякого рода проектов. Дай бог, чтоб они подумали наконец и о деле!» (*Г*, 1868, 17 (29) марта, № 77). В крайне затруднительном положении оказалось екатеринославское земство, откуда приходили «самые диковинные вести» о распрях и раздорах. «Когда же наконец, — вопрошал автор газетного сообщения, — будет положен конец столкновениям между председателем и управою, столкновениям, служащим помехою для разработки серьезных вопросов?» (*Г*, 1868, 16 (28) марта, № 76).

[32] Под «колониями» здесь имеются в виду некоторые удаленные территории Российской империи, в частности отдельные области Сибири, образованное в 1867 г. Туркестанское генерал-губернаторство и недавние приобретения России на Дальнем Востоке. Там было далеко не спокойно, и не во всем царил порядок. Волнения (хотя и незначительные) наблюдались, например, в Туркестане. «„Московские ведомости“, — сообщал „Голос“, — пишут из Петербурга, что один гвардейский офицер обратился к генералу Кауфману с просьбой о принятии его на службу в войска туркестанского военного округа для участвования в действиях против неприятеля». На эту просьбу генерал Кауфман отвечал депешей, в которой, между прочим, было заявлено, что «никаких военных действий в крае не предвидится» (*Г*, 1868, 16 (28) марта, № 76). Правда, обстановка в этом крае нормализовалась довольно быстро, о чем говорилось в печати: «В „Русском инвалиде“ сообщены следующие сведения из Туркестанской области: „Как внутри края, так и на границах все спокойно; особых сколько-нибудь заметных происшествий нет. Организационные комиссии

во многих уездах открыли свои действия. Из некоторых уездов получены уже донесения о том, что народ встречает новые порядки с удовольствием“» (там же). В этом же номере «Голоса» помещена пространная статья, анализирующая положение дел на Дальнем Востоке и призывавшая «оживить» Приморье торговлей и населением, а также «быть нетерпимее к бесхозяйственности и запустению».

[33] Достоевский откликается на следующие сообщения из письма Майкова от 7—14 марта: «А вот <...> радостные вести: утверждены и начаты работы по Московско-Смоленской-Витебской дороге, и другая от Курска до Азовского моря <...> А вот через год армия будет перевооружена...» (*Сб. Достоевский, II*, стр. 348—349).

[34] Провозгласив, что «империя — это мир», часто твердя о мире и миролюбии и даже высказывая идею о разоружении, Наполеон III тем временем тайно готовился к войне, в которой усматривал надежду на усиление престижа личной власти. В преддверии франко-прусской войны, с помощью которой он мечтал укрепить бонапартистский режим и предотвратить назревавшую революцию, Наполеон издал закон о наборе подвижной национальной гвардии. В связи с этим в «Голосе» писалось, что во Франции «обнародован утвержденный императором Наполеоном доклад военного министра о подвижной гвардии, на основании которого эта гвардия, в продолжении пяти лет, будет доведена до нормального наличного состава не свыше 500 000 человек» и что «на специальные денежные средства будут сформированы в подвижной гвардии стрелковые роты и артиллерийские команды» (*Г*, 1868, 18 (30) марта, № 78; см. также: *Г*, 1868, 21 марта (2 апреля), № 81). Этот закон о подвижной национальной гвардии был крайне непопулярен во Франции. Беспорядки наблюдались во многих городах и департаментах страны. «К сопротивлению, встреченному приведением в исполнение нового закона о наборе во Франции подвижной национальной гвардии, следует присовокупить еще оппозицию, которая уже теперь начинает проявляться между членами бюджетной комиссии законодательного корпуса. Предвидят, что в комиссии этой будут происходить сильные прения по поводу новых расходов особенно по военному министерству, после того как французское правительство дало торжественное уверение в своих дружественных отношениях ко всему миру» — сообщал «Голос» (1868, 19 (31) марта, № 79). Вызывало недоумение, что такого рода закон об увеличении численности войска был принят Наполеоном III в столь неподходящее время, когда Вторая империя буквально разваливалась: «...Франция обязана Наполеону III $^{2}/_{3}$ всего государственного долга. Долги Парижа и некоторых департаментов увеличились еще в большей прогрессии. Это в финансовом отношении. В отношении политико-экономическом, прежде всего, обращает на себя внимание развитие пролетариата: число французских пролетариев в последнее время достигло, несмотря на усиленные общественные работы, страшной цифры — 3 000 000. Вывоз в прошлом году уменьшился, несмотря на парижскую всемирную выставку; частный кредит упал; дела в застое. Акционерные компании, созданные правительством Наполеона III, — накануне банкротства. Военные тягости напоминают самые печальные времена первой империи» (там же).

[35] Сведения, просачивавшиеся в печать, наталкивали на мысль, что предстоит война с Пруссией. «Франция может воевать только с Пруссиею и с Россией», — писал «Голос» (1868, 17 (29) марта, № 77). Флорентийский корреспондент «Голоса» Н. Родионов замечал в связи с различными действиями Наполеона III: «Все это до нас, может статься, теперь не касается; но подождите: когда поспеют ягодки этих политических цветочков, кому, как не нам, придется глотать их косточки? а потому, кажется, лучше бы теперь же принять меры предосторожности» (там же). Как известно, во время франко-прусской войны 1870—1871 гг., подготовка к которой обеими сторонами велась с 1867 г., Россия соблюдала доброжелательный по отношению к Пруссии нейтралитет.

[86] Речь идет о той критической ситуации, в которой оказалась Османская империя к концу 60-х годов. Было ясно, что для Турции пришло время расплачиваться за ее внешнюю и внутреннюю политику. Страна была накануне полного банкротства, финансового, экономического и политического: стремительно увеличивались ее долги, росла зависимость от европейских держав (Турция практически превратилась в полуколонию), усиливалась борьба славян против османского ига и т. д. Распад империи приближался, ей грозило крушение господства на Балканах. Начавшееся в 1866 г. критское восстание против турецкого феодального и национального гнета за объединение Крита с Грецией вызвало горячие симпатии к Греции, готовившейся к войне. События на Крите явились серьезным предупреждением Турции. Внутреннее положение страны было также критическим. Реформы, проводившиеся во второй период танзимата (с 1856 г.), отвечали прежде всего интересам иностранного капитала, получившего право владеть землей, а также заключившего ряд концессий на строительство железных дорог, эксплуатацию недр, портовых и муниципальных предприятий. Были учреждены иностранные банки, в том числе получивший право эмиссии банкнот англо-французский Оттоманский имперский банк. Быстрыми темпами увеличивался внешний долг Турции. Газетные сообщения, освещавшие обстановку в Турции и вокруг нее, были весьма красноречивыми и однозначными: «Порта чувствует, что ее владычеству на Иллирийском полуострове угрожает великая опасность, и принимает меры»; «Министерский кризис в Турции не кончился, и почти ежедневно следуют новые назначения. <...> Настоящее coup d'Etat в Константинополе совершилось под влиянием Франции, желающей подчинить себе Порту; последствия этого переворота обнаружатся вскоре, так как Порта едва ли переживет грозный финансовый кризис, который довел ее до банкротства. Пальятивные меры не принесут пользы» (*Г*, 1868, 19 (31) марта, № 79); «Признаки приготовляющейся бури на Востоке ежедневно увеличиваются. В Анатолии назначен большой набор. Турецкое правительство, едва имеющее теперь 210 000 человек в своей регулярной армии, хочет увеличить это число до 300 000» (*Г*, 1868, 13 (25) марта, № 73); «В официальных сферах в Константинополе <...> господствует убеждение, что война с Грецией неизбежна и начнется в самом непродолжительном времени. Порта посылает своих лучших генералов в Эпир и Фессалию и укрепляет все пограничные турецко-греческие пункты. Галим-паша, новый турецкий генерал-губернатор и начальник войск, осмотрел все укрепления и перевел свою главную квартиру из Янины на границу. Персия приготовляется к войне с Турцией. Г. Булье, француз по происхождению и инженерный генерал персидской армии, с чрезвычайной поспешностью возобновляет старые крепости и окружает Тегеран целым рядом укреплений. Несколько тысяч человек работают днем и ночью при насыпке валов» (*Г*. 1868, 20 марта (1 апреля), № 80); «Из Боснии пишут в газету „Застава", что там образовался комитет для освобождения Боснии...»; «Нет, разумеется, никакой надобности России раздувать огонь, для возбуждения страстей христиан, находящихся под властью турок; для этого достаточно одного варварства турок. Уже около трехсот лет, как над этими странами тяготеет кровавый оттоманский гнет; можно только удивляться, что так долго держится этот порядок вещей. В настоящее время на Западе все настроено против России, на которую в моде нападать по поводу восточных дел. Но если б каждая держава хотя наполовину делала доброе дело России в пользу христиан Оттоманской Империи, то давно бы уже с политического горизонта исчезли черные точки» (*Г*. 1868, 16 (28) марта, № 76).

[87] Отклик на газетную корреспонденцию, в которой говорится о «противоестественности» положения Австрии, где «главенствуют немцы и мадьяры», тогда как «огромное большинство народонаселения — славяне» осуждены на политическое бесправие» (*Г*. 1868, 6 (18) февраля, № 37). Далее в корреспонденции утверждалось: «Бедствия Австрии происходят не от нападок русской печати и не от панславистской пропаганды, а от-

того, что там меньшинство захватило в свои руки все политические права, низвергая большинство на степень илотов» (см. также корреспонденцию «Венская неделя»: *Г*, 1868, 7 (19) февраля, № 38).

[38] Упоминаемый здесь «пролетарский западный вопрос» стал действительно одним из важнейших политических вопросов. На протяжении марта 1868 г. ему были посвящены многочисленные корреспонденции того же «Голоса». «Толпа в двести или триста человек нарушила вчера вечером спокойствие в городе Гренобле, распевая по улицам марсельезу, и рассеялась сама, без употребления против нее войск», — сообщалось здесь (*Г*, 1868, 21 марта (2 апреля), № 81). По случаю положения, сложившегося в окрестностях Шарлеруа, кавалерия, находящаяся в Брюсселе, получила приказание «быть готовою к выступлению»; «В Кателе произошли новые беспорядки между рабочими. Кавалерия дважды ходила в атаку против возмутителей порядка. Много лиц ранено и много арестовано» (*Г*, 1868, 18 (30) марта, № 78); «Здесь (в Шарлеруа, — *Ред.*) получено известие о важных беспокойствах, вспыхнувших между горными рабочими. Власти потребовали присылки войск»; «В Геннегау беспорядки усиливаются серьезным образом. Слух носится, что в Шателино войска стреляли по народу. Сегодня утром войска были отправлены из Брюсселя на место происшествий с обыкновенною поспешностью. Во многих местах геннегауского горного округа происходили действительные сражения, причем было много убитых и раненых, именно между офицерами и жандармами»; «Между рабочими в Тролльгёттапе (в Швеции) происходили беспорядки ночью 3-го (15-го) марта, вызвавшие вмешательство войск. Местное начальство рассчитывает на помощь вольных стрелков для прекращения новых беспорядков, которыми угрожают рабочие» (*Г*, 1868, 15 (27) марта, № 75), и т. д. Большой резонанс в мире вызвали такие события, как стачка бронзовщиков Парижа, волнения текстильщиков в г. Рубе (февраль—март 1867 г.) и рабочих заводов каменноугольного бассейна Шарлеруа (март 1868 г.). Русская печать лишь кратко сообщала о выступлениях рабочих Европы, избегая анализа и объяснения происходящего, что, по-видимому, и дало основание Достоевскому считать, что пролетарский вопрос оказался почти исключенным из «насущной политики».

[39] Еще в 1866 г. в «Голосе» сообщалось о Наполеоне III: «...говорят, что, после недавнего парада, на котором он простудился, вернулась к нему боль в почках. При дворе уверяют, что у него начинается diabete. Врачи советуют ему перемену воздуха» (1866, 5 (17) апреля, № 93). 20 апреля 1868 г. императору исполнялось 60 лет. Он страдал «каменной» болезнью и умер от нее 9 января 1873 г. Неудачная внешняя политика Второй империи 1850—1860-х гг. ослабила позиции Наполеона и вызвала недовольство внутри страны. Пытаясь исправить создавшееся положение, т. е. отвлечь внимание от внутренних неурядиц, Наполеон повел агрессивную политику по отношению к Пруссии. Во время приема в Тюильри 26 марта 1868 г. он заявил: «Меня считают состарившимся, но я скоро докажу противное громким фактом» (*Г*, 1868, 20 марта (1 апреля), № 80). Под этим «громким фактом» он подразумевал готовившуюся с 1867 г. войну с Пруссией. По стране прошел ряд антибонапартистских выступлений. Русские газеты много писали о волнениях во Франции. В Бордо, например, демонстранты «пели марсельезу, кричали „да здравствует республика!" и носили с собой красное знамя»; они «воткнули ‹...› морковку в решетку, окружающую статую Наполеона III», «плясали вокруг статуи», кидали «в нее каменья» и «сильно попортили ее» (*Г*, 1868, 16 (28) марта, № 76). Газета привела слова Гарибальди: «Защищать Бонапарте значит защищать зло. По моему мнению, не только вся Германия, но и Италия, и даже весь свет должны восстать против него» (*Г*, 1868, 13 (25) марта, № 73). В одной из статей, помещенных вслед за названной, выражалась уверенность, что конец Второй империи близок: «Мы, однако, не теряем надежды, что скоро наступит то блаженное время, когда шпага Наполеона III перестанет быть мечом Дамокла, ежеминутно висящим над цивилизованным миром» (*Г*, 1868, 17 (29) марта,

№ 77). (Подробнее см.: Э. А. Желубовская. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции. М., 1956).

[40] Речь идет о деятельности вел. кн. Александра Александровича в качестве председателя комитета по сбору пожертвований в пользу голодающих (см. примеч. 21 к письму 334). Майков писал Достоевскому об этом: «У нас против голода действуют, кажется, хорошо <...> Вообще наследник по этому поводу входит в большую популярность: у Аничкина дворца выставлена кружка для пожертвований: вынимают в день по 3—4 тысячи, а в день его рождения выпули, кажется, 6 000» (*Сб. Достоевский, II*, стр. 348).

[41] Речь идет о реформах 1860-х гг. (см. письмо 317, примеч. 12, 14; письмо 334, примеч. 26; а также примеч. 31).

[42] Имеется в виду роман «Идиот».

[43] Подразумеваются представители западнической и русской эмиграции, к которым Достоевский, в данном случае, причисляет прежде всего И. С. Тургенева и А. И. Герцена.

[44] В феврале—марте 1868 г. Герцен жил в Женеве подле тяжело больного Н. П. Огарева.

[45] Достоевский отвечает на следующие слова из мартовского письма Майкова: «...набросаны у меня две пьески; не хочется и кончать, некуда поместить. Петербургские журналы такого свойства, так решительно поставили свои тряпки на палках (воображая, что это знамена), что не хочется туда являться; да и им у меня спросить тоже не хочется...» (*Сб. Достоевский, II*, стр. 347).

[46] Об этом замысле Майкова и плане его разработки, созревшем у Достоевского, см. в письме Достоевского к Майкову от 15 (27) мая 1869 г. (наст. изд., т. XXIX$_1$, письмо 367).

[47] Отрывок «Из Апокалипсиса» в переложении Майкова был напечатан в № 4 «Русского вестника» за 1868 г.

[48] В письме Страхова (см. примеч. 11) кроме известий о смерти нескольких общих знакомых (И. Г. Долгомостьева, Е. Н. Эдельсона, В. С. Кострова, В. Н. Карпова, Н. Н. Филиппова и А. И. Бенни) сообщался и ряд литературных новостей (например, о переходе «Отечественных записок» к А. А. Краевскому, о намерении самого Страхова сотрудничать в «Русском вестнике»). Достоевского несомненно обрадовал отзыв критика об «Идиоте», а также строки письма «о веселых редакционных временах», т. е. о литературном кружке «Времени» и «Эпохи». Письмо завершалось перечнем успехов членов этого кружка в настоящее время: «...Вы идете блистательно, — писал Страхов, — Аверкиев развивается, я еще не пропал. Признаюсь, я не без радости видел даже успех беспутного В. Крестовского или истинно даровитого Стебницкого. Часто в эти два года мне приходилось с радостью замечать: все наши! все наши на первом плане. Даже Н. И. Соловьев совершил блистательную карьеру с Вашего благословения» (*Шестидесятые годы*, стр. 259).

[49] Этого письма Достоевский не написал.

[50] Ответ Майкова на данное письмо пропал, но в письме, написанном 17 апреля 1868 г., Майков повторял: «...пишите роман, пишите спокойнее, он обратил на себя внимание; первая часть — единогласный восторг; при второй голоса разделились, одни в восторге и ждут, что будет, с нетерпением, другие говорят, что форсировано — и тоже ждут продолжения, ибо, может быть, так нужно» (*Сб. Достоевский, II*, стр. 350—351).

[51] В приписке от 14 марта Майков писал: «Прочел вторую половину первой части „Идиота" в февральской книжке. Я не знаю, что вы называете второй частью и ее финалом: то ли, что в февральской книжке, или еще впереди» (*А. Н. Майков. Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 67).

[52] О реальных фактах, отразившихся в «Идиоте», и о прототипах героев романа см.: наст. изд., т. IX, стр. 385—393. О «портрете генерала» и Коли Иволгина см. также в заметке Р. Г. Назирова «О прототипах некоторых персонажей Достоевского» — *Материалы и исследования*, т. I, стр. 209—212.

[13] «Суждение» Майкова состояло в том, что все лица первой части романа, кроме главного героя, «как бы живут в фантастическом мире», «на всех хоть и сильный, определительный, но фантастический, какой-то исключительный блеск». «Читается запоем, — отмечал он, — и в то же время — не верится» (*А. П. Майков. Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 67).

342. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 283)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.24, лл. 5—6 об. Год в дате приписан А. Г. Достоевской.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 30—31.

[1] Речь идет о мадам Дюбюк (см. письмо 343).

[2] См. примеч. 9 к письму 341.

[3] А. Н. Майков должен был выслать оставшиеся 25 франков (см. письмо 341).

[4] Об этом намерении Достоевского см. в письме 343.

343. А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 285)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.23, лл. 1—4 об. Год в дате приписан А. Г. Достоевской.

Впервые опубликовано: *Д, Письма к жене*, стр. 32—37.

[1] Имеется в виду письмо 342.

[2] Речь идет о новом четырехчастном строении романа вместо прежнего восьмичастного (см. об этом в письме 339 и примеч. 6 к нему).

[3] Достоевский виделся с Катковым 6 апреля 1867 г. (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 165).

[4] Это письмо не сохранилось (см.: *Список*, № 232).

[5] См. об этом в письме 295.

[6] Вероятно, Достоевский пытается этими словами несколько сгладить впечатление от одной из размолвок с женой, происшедшей в сентябре 1867 г. А. Г. Достоевская записала в своем «женевском» дневнике: «...Федя постоянно мне толкует, что я очень дурно одета, что я одета как кухарка, что на кого на улице ни поглядишь, все одеты, туалеты, только одна я одета как бог знает кто. Право, мне это было так больно слушать, тем более, что я и сама вполне хорошо понимаю, что я одеваюсь ужасно, из рук вон плохо. Но что же мне делать <...>, ведь если бы он мне давал хотя бы 20 франков в месяц для одежды...» (*ЛН*, т. 86, стр. 187).

[7] Жозефина — вероятно, прислуга Достоевских.

[8] А. Н. Сниткина приехала в Женеву в начале мая 1868 г.

[9] Подробнее об этом обстоятельстве см. в комментарии к «Преступлению и наказанию» (наст. изд., т. VII, стр. 309—312).

[10] О деньгах от А. Н. Майкова см. в письме 341.

344. С. А. ИВАНОВОЙ (стр. 291)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.17.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 110—115.

[1] Это письмо Ивановой, содержавшее, очевидно, поздравление с рождением дочери Сони, не сохранилось.

[2] Речь идет о романе «Идиот».

[3] Речь идет о хлопотах, связанных с рождением дочери.

[4] Продолжение романа появилось в апрельской книжке «Русского вестника».

[5] В 1874 г. вышли два издания романа «Идиот».

[6] См. например, об этом в письме 341, примеч. 50.

[7] Об этом посвящении в письме 322, примеч. 3.

[8] Имеется в виду недавняя смерть А. П. Иванова.

[9] Достоевский имеет в виду сочинение: «Histoire du Consulat et l'Empire» Адольфа Тьера (о нем см. наст. изд., т. XXI, стр. 482—483).

[10] В одном из писем к Достоевскому Иванова писала, что мать принуждает ее выйти замуж за нелюбимого человека (см. примеч. 1 к письму 332).

[11] Речь идет о М. М. Достоевской, вышедшей замуж за М. И. Владиславлева; по возвращении из-за границы Достоевский помирился с Владиславлевыми; см. также выше, стр. 330.

[12] Г. И. Сниткин умер в 1866 г.

345. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 295)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 168, № 16640, № 179.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 184—185.

Майков ответил сначала 17 апреля 1868 г. (*Сб. Достоевский, II*, стр. 349—351, а потом послал еще одно письмо, с А. Н. Сниткиной, помеченное, вместо даты, записью: «(Не помню числа — но перед отъездом Анны Николаевны)» (*А. Н. Майков. Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 68—69).

[1] 17 апреля Майков отвечал на это: «Крайне жалею, что Вы не получили моего последнего письма <...>; в нем я писал <...>, что очень рад быть крестным отцом Вашей Сони <...> Бумажка в 25 р. была вложена внутрь письма» (стр. 349).

[2] Фомина неделя следовала за святой (т. е. пасхальной) неделей. В 1868 г. она приходилась на 8 (20) — 14 (26) апреля.

[3] Речь идет о письме 341. Во втором ответном письме Майков объяснял причину пропажи письма так: «... я не понял, что значит recommander — я думал, что афраншировать, а не застраховать» (стр. 68).

[4] В «Голосе» неоднократно сообщалось о кражах в почтамте (см., например, заголовки в одном из фельетонов газеты под названием «Московская жизнь»: «Кражи (в почтамте, — *Ред.*) изобилуют»; «Разграбление почты почтальонами в Москве» — *Г*, 1868, 24 января (5 февраля), № 24. В перечне прошедших в 1867 г. судебных процессов, помещенном в № 1 «Отечественных записок» за 1868 г., фигурировал и процесс «петербургских письмоносцев (20 человек), вскрывавших конверты и похищавших из них деньги и разные квитанции на получение денег и вещей» (с. 157).

[5] А. Н. Сниткина приехала в Женеву в начале мая 1868 г.

[6] В ответ на эту жалобу Майков отвечал во втором письме: «Зачем такое отчаяние? Роман имеет успех. Первая часть — повальный успех; относительно второй — одни в восторге, другие замечают, что есть форсировка; но все-таки успех» (стр. 68). Продолжение романа успело к апрельской книжке «Русского вестника».

[7] Это письмо к М. Н. Каткову не сохранилось (см.: *Список*, № 237).

[8] Во втором ответном письме Майков писал: «Скучновато без известий из России — ну, это дело понятное! да что ж тут делать. Ведь и здесь живешь, не знаешь всего, что делается: всё слухи да слухи, которые верны ли, нет ли, не знаешь». Далее он излагал новости «о переменах начальства», вновь восхищался наследником (см. примеч. 40 к письму 341), иронически отзывался о «петербургской литературе», которая «и злит и смешит» (стр. 68).

[9] О впечатлении от чтения «Голоса» в последнее время см. в письме 341.

[10] 17 апреля, в ответ на эту просьбу, Майков, расстроенный тем, что

пропажа 25 р. означает перлюстрацию частной переписки, писал: «Я решительно чувствую себя не в состоянии болтать с Вами и в этой болтовне изливать свои самые горячие убеждения, мысли и чувства...» (стр. 350).

346. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 297)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 168, № 16640.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 185—187.

Ответ на письмо Майкова от 10 мая 1868 г. (*Сб. Достоевский, II*, стр. 351—353). Майков ответил 24 мая 1868 г. (*А. Н. Майков. Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 69—70).

[1] Это письмо Каткову не сохранилось (см.: *Список*, № 238).

[2] В майском номере «Русского вестника» появились III, IV и V главы второй части «Идиота».

[3] Майков писал 10 мая в своем письме о болезни Н. А. Майкова и его полном безденежье (стр. 351).

[4] 10 мая Майков сообщил Достоевскому, что П. А. Исаев вновь бросил работу и просил у него и Страхова поручительство перед Е. И. Ламанским для займа денег (стр. 351—352; об этом см. также в письме Исаева к Достоевскому — *Сб. Достоевский, II*, стр. 401—402).

[5] О службе Исаева см., в частности, в письме 335 и примеч. 6 к нему.

[6] Речь идет о 18-летнем тамбовском гимназисте Витольде Горском, убившем в доме купца Жемарина 6 человек. Судебный процесс по делу Горского подробно освещался в газете «Голос», а имя убийцы, испытавшего на себе, по мнению Достоевского, влияние нигилистических теорий 1860-х гг., попало на страницы романа «Идиот» (см. наст. изд., т. IX, стр. 391).

[7] Об этих письмах см. в названном выше письме Исаева к Достоевскому (стр. 405); «важность» письма А. В. Корвин-Круковской объясняется, должно быть, тем, что история знакомства с Анной Васильевной и ее семьей в это время художественно преломлялась в ряде глав романа «Идиот» (см. наст. изд., т. IX, стр. 386—387).

[8] Майков писал об этом курорте в предыдущем письме, отправленном вскоре после письма от 17 апреля (см. о нем в примеч. к письму 345): «Вы хотите переехать в Вевей — но это по дороговизне та же Женева, надобно ехать в местечки Montreux, Château и пр.» (стр. 68).

[9] О майковском «Апокалипсисе» см. в письме 341 и примеч. 47 к нему.

[10] Об образке для Сони Майков писал во втором апрельском письме (см. примеч. 8): «...кроме крестика еще назначается для Сони образок от Сергия Чудотв‹орца› московского: я ведь вырос почти под сенью Троицкой лавры» (стр. 69).

347. П. А. ИСАЕВУ (стр. 299)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 111—112.

Впервые опубликовано: *СВ*, 1891, кн. 11, стр. 15—18.

Письмо датируется по старому стилю, так как оно является ответом на письмо Исаева от 31 мая 1868 г. (см.: *Сб. Достоевский, II*, стр. 397—405).

[1] В мае—июне 1868 г., когда Достоевский работал над окончанием второй части романа «Идиот», внезапно заболела и вскоре умерла его дочь Соня, последовал переезд из Женевы в Веве, наконец, заболел сам писатель (подробнее см.: наст. изд., т. IX, стр. 374—376).

[2] Это письмо и расписка М. Г. Гаврилову не сохранились. Содержание их (заем для Исаева и Э. Ф. Достоевской 160 руб.) см. в письме Исаева (стр. 403—404).

[3] Это письмо Э. Ф. Достоевской неизвестно.

[4] Это письмо И. М. Алопкину не сохранилось (см.: *Список*, № 236).

[5] Исаев писал, что к Алонкину ему посоветовал обратиться А. Н. Майков, и далее сообщал, что домохозяин просил передать Достоевскому, чтобы тот «хоть сколько-нибудь» ему прислал за квартиру.

[6] О таком месте работы в письме Исаева упоминания нет. Он просил Достоевского похлопотать перед П. И. Ламанским о должности в петербургском банке и о корректорских работах у А. Ф. Базунова (стр. 404).

[7] О контракте с Ф. Т. Стелловским см. в письмах 225, 258, 259, 260.

[8] Речь идет о письме А. Н. Майкова от 24 мая 1868 г. (*А. Н. Майков. Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 69—70).

348. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 301)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 100, № 16640.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 187—192.

Ответ на письмо Майкова от 24 мая 1868 г. (*А. Н. Майков. Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 69—70).

[1] В июньском номере «Русского вестника» были напечатаны VI, VII и VIII главы второй части романа «Идиот»; упоминаемая здесь «четвертая» глава запоздала и была напечатана в июльском номере вместе с X, XI и XII главами (см. наст. изд., т. IX, стр. 347). Сопровождавшее посылаемые главы письмо не сохранилось (см.: *Список*, № 242).

[2] Вероятно, второе письмо предназначалось С. А. Ивановой (см. письмо 349). Кому еще собирался писать Достоевский, неясно.

[3] Майков писал Достоевскому: «...верьте, одно утешение в горе — это труд. Непременно диктуйте, чтоб и Анну Григорьевну занять. Знаю по опыту, что только труд может помочь пережить подобные потери» (стр. 70).

[4] О письме Исаева см. в примеч. к письму 347.

[5] Майков писал об Исаеве: «...на мои вопросы, пишет ли он к Вам, уверяет, что пишет, и беспрестанно осведомляется об адресе Вашем — в Женеве ли? ‹...› Я был, словом, такого мнения, что он Вам часто пишет» (стр. 69).

[6] Майков писал об этом: «Он (Исаев, — *Ред.*) в отчаянии, что не может достать 150 р. для отправления с письмом Порф‹ирия› Ламанского в Козлов получить место ‹...› Ей-богу, не знаю, как ему помочь ‹...› пойду к Кашпиреву попросить, нет ли у него места или работы» (стр. 70).

[7] Деньги у Гаврилова Исаев получил (см. письмо 353).

[8] Речь идет об издании: Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений. Тт. I—IV. Изд. Ф. Стелловского. СПб., 1865—1870. «Преступление и наказание» вошло в IV том, вышедший в 1870 г.

[9] Имеются в виду VII—X главы второй части романа «Идиот» — посещение князя Мышкина компанией Бурдовского (подробнее о работе над этими главами и отражении в них «опыта» самого Достоевского см. наст. изд., т. IX, стр. 392—393).

349. С. А. ИВАНОВОЙ (стр. 306)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.17.

Впервые опубликовано: *Д. Письма*, т. II, стр. 126—129.

[1] Это письмо Ивановой неизвестно.

[2] Речь идет о смерти А. П. Иванова.

[3] О работе над второй частью романа «Идиот» см. в письме 348.

[4] Вероятно, это письмо было адресовано А. Г. Достоевской.

[5] Вероятно, речь идет о переезде семьи Ивановых с дачи (из Люблина) в Москву.

[6] Об этом предложении см. также в письме 344.
[7] Поэма Дж. Байрона «Шильонский узник» была переведена В. А. Жуковским в 1821—1822 гг.
[8] Бронницы — уездный город Московской губ. на Москве-реке. Зарайск — уездный город Рязанской губ. на реке Осетре. Эти города находились неподалеку от деревень, где мальчиком проводил лето Достоевский. А. М. Достоевский пишет: «Вспоминаю станции: Люберцы, Чулково, Бронницы, Ульянино, Коломна, Злобино и Зарайск. От Зарайска наше имение находилось только в 10-ти верстах» (*Достоевский, А. М.*, стр. 54).
[9] Обо всех членах семьи Ивановых см. примеч. 12 к письму 322.

350. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 309)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 100, № 15540.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 588—589.

Майков ответил письмом без даты: *А. Н. Майков. Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 72—74. Письмо, очевидно, было написано 30 сентября.

[1] Речь идет о письме 348.
[2] О работе над романом «Идиот» см. примеч. 1 к письму 348.
[3] В «Алфавитном указателе лиц, состоящих под полицейским надзором в СПб. за 1867 г.» рядом с именами П. Н. Ткачева, Г. Е. Благосветлова, Д. И. Писарева, Г. З. Елисеева, Д. Д. Минаева и В. С. Курочкина числится и имя Достоевского (см.: А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Под ред. М. К. Лемке. М.—Пг., 1923, т. XX, стр. 113—114). В самом деле, стоило Достоевскому уехать за границу, как последовал запрос обер-полицеймейстера, «куда именно и на какой срок» он выехал. И уже в ноябре в Петербург поступило следующее донесение: «В числе экзальтированных русских, находящихся в Женеве, агент называет Достоевского, который очень дружен с Огаревым» (*ЛН*, т. 86, стр. 598).
[4] О женевском священнике А. К. Петрове см. в письме 334. О подобных «доносящих» священниках см. наст. изд., т. XXV, стр. 174.
[5] Достоевский, очевидно, забыл, что Майков в письме от 17 апреля сообщал ему: «Одно очень высокостоящее лицо ‹...› сказало мне, что очень немудрено, что ваша переписка с Достоевским читается, потому что вы — литераторы» (*Сб. Достоевский, II*, стр. 350).
[6] Действительно, инструкция III отделения от 28 ноября 1867 г. за № 1292 предписывала: «*Секретно*. Господину начальнику Одесского жандармского управления. Поручаю вашему высокоблагородию, при возвращении из-за границы в Россию отставного поручика Федора *Достоевского*, произвести у него самый тщательный осмотр, и если что окажется предосудительного, то таковое немедленно представить в III отделение собственной его императорского величества Канцелярии, препроводив в таком случае и самого Достоевского, арестованным в это отделение. Управляющий Отделением свиты его величества генерал-майор Мезенцев» (см. в публикации Ю. Г. Оксмана: *Творчество Достоевского*, стр. 36—38). Обыск был произведен, но Достоевские предварительно сожгли часть рукописей, и полиция ничего предосудительного у них не нашла (см. об этом: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 198—199).
[7] Об обострившихся в этот период отношениях Достоевского с Герценом см.: *Материалы и исследования*, т. I, стр. 232—235.
[8] Речь идет об М. Г. Сватковской.
[9] В ответном письме Майков попытался успокоить Достоевского. «Да что Вы так беспокоитесь насчет своего романа? — писал он. — Уж одно, что он очень *интересен*, заставляет публику его читать. Прозреваемая мною мысль великолепна. Да ведь и не кончен еще, нельзя сказать положительного приговора окончательно. Отзывы разные, главный упрек в фантастичности лиц, даже один господин говорил, что „эдаких

дач нет в Павловске, он все обошел нарочно“. Но дело все-таки в том, что читают, — так что и тут особенно тревожиться Вам нечего» (стр. 73).

[10] Речь идет о письме 347.

[11] Речь идет о М. Г. Гаврилове (см. также письма 351 и 353).

[12] Эти деньги Майков прислал Достоевскому еще в сентябре 1867 г. (см. письмо 318).

[13] Речь идет об оценке романа «Преступление и наказание» революционно-демократическими кругами («Современником», «Искрой», «Делом», «Неделей»), увидевшими в нем нападение на передовое студенчество и вообще революционную молодежь 1860-х годов. Так, Г. З. Елисеев утверждал, что Достоевский присоединился к травле революционного студенчества, которая велась в эти годы реакцией и правительственными верхами (см.: *С*, 1866, № 3, отд. II, стр. 32—40); подробнее см. в комментарии к роману — наст. изд., т. VII, стр. 346—354). В ответ на эту тираду Майков писал Достоевскому: «При бестолковости же наших влияющих голов и не такие курьезы у нас бывали. Не знаю, при Вас или без Вас — было тайное распоряжение Валуева и Шувалова читать все письма к Каткову и Аксакову и в числе подозрительных личностей, с ними переписывавшихся, был пойман — кто бы вы думали? Наследник Алекс‹андр› Александрович. Что же нам-то с Вами обижаться, если и он отнесен к категории подозреваемых для временно возвышающихся партий» (стр. 73).

351. Э. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 311)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.9а.

Впервые опубликовано: «Искусство». М., 1927, кн. 1, стр. 126—129.

[1] Это письмо Достоевской неизвестно.

[2] Имеется в виду письмо П. А. Исаева от 31 мая 1868 г. (см. о нем в примеч. к письму 347).

[3] Эту часть Исаев должен был передать М. Г. Сватковской.

[4] Это письмо И. М. Алопкину не сохранилось (см.: *Список*, № 243).

352. РЕДАКТОРУ ОДНОГО ИЗ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ (стр. 313)

Печатается по черновику письма: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.6, лл. 89—90. Письмо не было отправлено.

Впервые опубликовано Н. Ф. Бельчиковым (с неверной датировкой) в журнале «Красный архив», 1927, № 2, стр. 241—244 (ср.: Н. Ф. Бельчиков. Достоевский в процессе петрашевцев. М., 1971, стр. 277—278).

Датируется началом сентября н. ст. по содержанию письма: книга Поля Гримма, о которой идет речь в письме, вышла в Вюрцбурге в 1868 г. Достоевский приехал в Женеву годом ранее, 13 (25) августа 1867 г. (ср. в письме: «Вот уже год как я живу в Швейцарии»). Датировка подтверждается и содержанием письма Достоевского к А. Н. Майкову от 28 октября (9 ноября) 1868 г. (письмо 355). В нем, говоря о скандальной книге, Достоевский отмечает: «Я читал книжонку ‹...› незадолго до Вашего (т. е. Майкова, — *Ред.*) уведомления» (стр. 323), а Майков уведомил Достоевского о книге в письме от 17 сентября (см. его: *А. Н. Майков. Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 70—71); кроме того, упоминая об истории с «запрещенной книжкой» в своих воспоминаниях, А. Г. Достоевская заканчивает рассказ о «вевейском» периоде и следующую главку, VI, начинает с переезда «в начале сентября» в Милан (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 182), ср. также датировку А. С. Долинина: *Д, Письма*, т. II, стр. 427.

[1] В названной выше книге Гримма Достоевского могло возмутить буквально все: и фантасмагорическая картина последних дней царствования Николая I, и та роль, которая отводилась ему самому в этой картине.

Действие отнесено к 1855 г. Достоевский, один из главных героев книги, только что вернувшийся из Сибири, вновь принимает участие в тайном революционном заговоре. Заговорщиков арестовывают, Достоевского допрашивают в III отделении, где подвергают телесному наказанию и отправляют в Петропавловскую крепость. Жене Достоевского удается вымолить у Николая I прощение мужу, но оно опоздало: приговоренный к ссылке в Сибирь, писатель умирает еще по дороге в Шлиссельбурге. Несчастная жена уходит в монастырь, Николай I кончает самоубийством. По свидетельству А. Г. Достоевской, «рассказ страшно возмутил Федора Михайловича, и он даже хотел писать опровержение (имеется черновик письма (речь идет о публикуемом наброске), — *Ред.*), но потом решил, что не стоит придавать значения глупой книжонке» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 182). См. также письмо 355.

[2] Этой темы Достоевский касался не раз. Впервые он заговорил о «заезжих» путешественниках в одном из фельетонов «Петербургской летописи» (см.: Е. И. Кийко. Белинский и Достоевский о книге Кюстина «Россия в 1839». — *Материалы и исследования*, т. I, стр. 196—200); затем во «Введении» к «Ряду статей о русской литературе» (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 42—43, 249) и в романе «Бесы» (см. наст. изд., т. X, стр. 354, «хохотуны заезжие путешественники»).

[3] Вероятно, имеются в виду «Колокол», «Полярная звезда» и другие запрещенные в России заграничные издания. Вообще в 60—70-х гг. Достоевский враждебно относился к русским эмигрантам и эмигрантской печати (см., например, в письме 341 и примеч. 43 к нему).

[4] Прежде всего имеется в виду книга «La Russie en 1839 par le Marquis de Custine. Second edition, revue, corrigée et augmentée, tt. 1—4. Paris, 1843», с которой Достоевский познакомился еще в 40-е гг. (см. примеч. 2).

[5] Вот как излагает содержание этого «самомерзейшего романа, немецко-французского изделья» А. Н. Майков: «Между невообразимыми глупостями, которые и смешат и сердят, в этом романе повествуется, что известная гадальщица Марфуша — жена Рылеева, Асенкова актриса — дочь Ник‹олая› Павл‹овича›: он представлен под конец жизни отравляющимся. Интрига идет между заговорщиками, и представьте себе, главным лицом между ними являетесь — Вы, с женой своей. В конце романа Вы умерли, жена Ваша постриглась в монастырь...» (*А. Н. Майков. Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 71).

353. П. А. ИСАЕВУ (стр. 316)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 114—115. Впервые опубликовано: *СВ*, 1891, стр. 18—19.

[1] Это письмо Исаева неизвестно.

[2] См. письмо 351.

[3] «Через месяц» Достоевскому пришлось оправдываться перед «Русским вестником» за очередное опоздание глав романа «Идиот», и вряд ли он обращался к Каткову с денежной просьбой (см. письма 355 и 357).

[4] Обо всех местах службы Исаева Достоевский знал от Майкова (см. примеч. 1 к письму 324).

[5] Очевидно, Достоевский имеет в виду рассказ самого Исаева о том, как он бросил службу в Архиве. Причиной явилась перемена в отношении к нему непосредственного начальника, Н. В. Тихменева. «Я понял очень хорошо, — писал он Достоевскому 31 мая 1868 г., — что Тихменев желает избавиться от меня, и потому первый, не дожидаясь с его стороны отказа, объяснил ему тут же, что заниматься у него далее не желаю» (*Сб. Достоевский, II*, стр. 400).

[6] М. Г. Сватковская часто ездила за границу с мужем и двумя старшими детьми, а с 1871 г. поселилась в Риме, где через год умерла (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 232).

[7] Муж Марии Григорьевны П. Г. Сватковский служил цензором в С.-Петербургском цензурном комитете и, вероятно, именно он мог попытаться подыскать место Исаеву.

[8] Речь идет о жалобах Исаева на пропажу его писем (см. письмо 347).

[9] Исаев не всегда дожидался выдачи очередной суммы и, не желая работать, находил другие средства добывать себе деньги. Так, в частности, он распродал библиотеку Достоевского, в которой находилось, например, «несколько редких книг, которые невозможно было купить впоследствии» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 207). Вспоминая о ряде серьезных потерь, ожидавших Достоевских по возвращении из-за границы, А. Г. Достоевская отмечает, что самым большим огорчением явилась для Достоевского утрата библиотеки, «о которой он очень тосковал за границей. В ней было много книг, подаренных ему друзьями-писателями и с их посвящениями; много было серьезных произведений по отделам истории и старообрядчества, которыми Федор Михайлович очень интересовался. При нашем отъезде Павел Александрович упросил моего мужа оставить эту библиотеку на его попечение, уверяя, что она нужна для его образования, и обещал возвратить ее в целости; оказалось, что он, нуждаясь в деньгах, распродал ее по букинистам. На мой упрек он отвечал дерзостями и объявил, что мы сами во всем виноваты, зачем вовремя не высылали ему деньги» (там же, стр. 206—207).

[10] Последнее письмо А. Н. Майкова было написано 17 сентября (см. о нем в примеч. к письму 355).

[11] Об этой гавриловской расписке см. в письме 351.

354. С. А. ИВАНОВОЙ (стр. 317)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.17.
Впервые опубликовано: *РС*, 1885, № 7, стр. 145—148.

[1] Иванова сотрудничала в «Русском вестнике»: ей предоставляли переводную работу, и, очевидно, она выполняла разные поручения редакции (см. об этом в письме Достоевского к ней от 25 января (6 февраля) 1869 г. — наст. изд., т. XXIX_1, письмо 360).

[2] Речь идет о В. М. Ивановой.

[3] Редакция «Русского вестника» поместила в оглавлении декабрьского номера журнала за 1868 г. следующее объявление: «Последние листы этой книжки, которые будут заключать в себе окончание романа „Идиот“, будут в непродолжительном времени особо разосланы подписчикам „Русского вестника“ 1868 года, так как автор, находясь за границей, замедлил доставкой рукописи».

[4] Окончание романа «Идиот» действительно появилось в приложении к 12 номеру «Русского вестника» за 1868 г. (стр. 759—824). Туда вошли главы VIII—XII четвертой части.

[5] Это чрезвычайно важное признание совпадает с началом работы над финальной сценой романа «Идиот» (Рогожин и Мышкин у трупа Настасьи Филипповны). Подробнее о работе писателя над окончанием четвертой части романа см.: наст. изд., т. IX, стр. 383—384.

[6] Эти опасения Достоевского оправдались. Со вторым, т. е. отдельным, изданием романа возникли серьезные осложнения: А. Ф. Базунов предложил Достоевскому очень низкую цену, а контракт с Ф. Т. Стелловским сорвался. Издать роман отдельной книгой (причем дважды) удалось лишь в 1874 г. самому Достоевскому (подробнее см.: наст. изд., т. IX, стр. 384).

[7] Речь идет об А. Н. Сниткиной.

[8] Приехав во Флоренцию, Достоевский вскоре записывается в одну из местных читален — «Кабинет Вьёсё»: в его регистре № 7 на стр. 111 под датой 17 декабря 1868 г. содержится собственноручная запись Достоевского (см.: *Материалы и исследования*, т. V, стр. 207). Вероятно,

вскоре после этого А. Г. Достоевская сделала следующую запись в своем дневнике, позднее попавшую в ее воспоминания: «Во Флоренции, к нашей большой радости, нашлась отличная библиотека и читальня с двумя русскими газетами, и мой муж ежедневно заходил туда почитать после обеда. Из книг же взял себе на дом и читал всю зиму сочинения Вольтера и Дидро на французском языке...» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 184).

[9] В Венеции Достоевским побывать не удалось.

[10] Имеется в виду журнал «Заря» (1869—1873). Об участии Достоевского в нем см.: наст. изд., т. XXIX$_1$, письма 362, 364—377. Письма В. В. Кашпирева к Достоевскому за 1868 г. неизвестны.

[11] Майков сообщал Достоевскому о новом журнале (в письме от 17 сентября 1868 г.): «В Петербурге давно уж чувствовалась потребность нового журнала, *русского* ‹...› Умственным фондом пока будет статья Данилевского, о которой я писал Вам когда-то: „Европа и Россия“. Страхов важен как звено, соединяющее с журналом славянофильскую сторону. *Что будет увидим.* А пока мне поручено просить Вас быть сотрудником ‹...› могу ли я дать Ваше имя к именам: Ламанского, Григорьева (Вас. Вас.), Гильфердинга, Бестужева, Кохановской, Писемского, Фета, Толстого («Война и мир») и пр. ...» (*Д, Письма*, т. II, стр. 429).

[12] В статье «Съезд британских естествоиспытателей» (*РВ*, 1868, № 9, стр. 337—359) содержалась информация о годичном собрании «Британского общества споспешествования наук». Достоевского могли заинтересовать изложенные здесь речи видных ученых ботаника Дж.-Д. Гукера и физика Дж. Тиндаля, содержавшие, в частности, положения о необъяснимости явлений душевной жизни силами материальными. В центре докладов обоих ученых стоял вопрос о взаимоотношении между наукой и религией.

355. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 320)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 168, № 16640.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 194—199.

Ответ на письма Майкова от 17 сентября (*А. Н. Майков. Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 70) и 30 сентября 1868 г. (см. примеч. к письму 350). Майков ответил 22 ноября: *А. Н. Майков. Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 74.

[1] Речь идет о работе над романом «Идиот».

[2] Достоевский отвечает на следующие слова Майкова из его письма от 30 сентября: «Может быть, в каких-нибудь общих взглядах и рассуждениях, которые попадаются под перо, когда пишу к Вам, — Вы сделали такое заключение, видя там arrière pensée (заднюю мысль, — *Ред.*), т. е. ища arrière pensée, но со мной этого нечего делать: задничных мыслей не имею» (стр. 73).

[3] В тексте письма описка; вероятно, следует читать: «22 года назад»: Достоевский действительно познакомился с А. Н. и В. Н. Майковыми, как он сам указывает, в 1846 г. (см. также наст. изд., т. XVIII, стр. 168, 355—357).

[4] Речь идет о М. М. Достоевском (об отношении Достоевского к брату и его памяти см. в письме 253; см. также наст. изд., т. XVIII, стр. 341—342).

[5] Речь идет об отзыве, содержавшемся в письме Майкова от 30 сентября (см. примеч. 9 к письму 350).

[6] О предполагаемом финале романа см. в примеч. 5 к письму 354.

[7] См. примеч. 4 к письму 354.

[8] Было ли написано это письмо, неизвестно.

[9] Речь идет об А. Н. Сниткиной.

[10] От грозящей реальной опасности попасть в долговую тюрьму (Тарасов дом) Достоевский и уехал за границу в 1867 г.

[11] Вторым изданием роман «Идиот» вышел только в 1874 г.

[12] Об отношении Достоевского к русским эмигрантам см. также в письмах 317, 341.

[13] Достоевские приехали во Флоренцию в конце ноября 1868 г. На фасаде дома, где они поселились, ныне установлена мраморная мемориальная доска с надписью: «Здесь на рубеже 1868 и 1869 годов Федор Михайлович Достоевский завершил роман „Идиот“» (см.: Н. П. Прожогин. Достоевский во Флоренции в 1868—1869 гг. — *Материалы и исследования*, т. V, стр. 207; см. также примеч. 8 к письму 354).

[14] В письме от 17 сентября Майков, сообщая о начинающемся журнале «Заря», писал: «...издатель, положим, человек неизвестный (я-то его знаю), Кашпирев (не музыкант), но редактор нам известный — Страхов» (стр. 70).

[15] Речь идет о письме Страхова, написанном в марте 1868 г. (*Шестидесятые годы*, стр. 257—259).

[16] Неточная цитата из «Мертвых душ». У Гоголя: «Толстые же никогда не занимают косвенных мест, а всё прямые и уж если сядут где, то сядут надежно и крепко, так что скорей место затрещит и угнется под ними, а уж они не слетят» (т. I, гл. 1).

[17] В Москву на этнографическую выставку, открывшуюся в мае 1868 г., съехалось много представителей ученых и политических кругов западных и южных славян. Деятели Славянского благотворительного комитета, основанного еще в 1858 г., устраивали гостям торжественные встречи в Москве и Петербурге (подробнее см.: *Д, Письма*, т. II, стр. 431—432).

[18] Историческая хроника А. Н. Островского «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» была напечатана в журнале «Современник» (1862, № 1). Журнал «Время» в этом же году дал две противоречащие друг другу оценки драмы. Одна из них содержалась в критическом обзоре «Сочинения К. С. Аксакова» (№ 3, стр. 79—88); другая принадлежала Ап. Григорьеву (№ 7, стр. 1—46). Не принимая исторической драматургии Островского, Достоевский в целом высоко ценил его талант (см. об этом наст. изд., т. XX, стр. 182, 371, а также письмо 184).

[19] Повесть Н. Кохановской (Н. С. Соханской) «Рой-Феодосий Саввич на спокое», написанная в славянофильском духе, была напечатана в газете «День» (1864, №№ 5—13). (Ср. отзыв Достоевского с отзывом И. С. Тургенева об этой же повести, охарактеризованной им как «образчик славянотрупердой галиматьи»: «Каждое слово „Роя“ словно в мурмолке ходит, и потому всё впечатление тяжелое. Всё уж это больно искусственно, хотя талант большой» — *Тургенев, Письма*, т. V, стр. 252, 268). Об отношении Достоевского к творчеству Н. С. Соханской см. также в письме 219 и примеч. 6 к нему.

[20] Резкий отзыв И. С. Аксакова относился к концу повести, противоречившему его славянофильской доктрине. 23 апреля 1864 г. он писал Соханской: «Конец „Роя“ не удовлетворил никого, а меня раздосадовал <...> Рой из христианского деятеля обращается в пошлого человека, который во славу божию ест, пьет и прохлаждается, бездействует и сибаритствует, который скучает и не знает, *что с собой делать* <...>. Читая конец, невольно приходишь к такому заключению: ну, видно, все эти духовные и бытовые основы сами по себе бесплодны, бессильны, неспособны к развитию, коли они дают в окончательном продукте: тучную барыню — поглупевшую к старости, пичкающую детей сластями и портящую детей, — барина, не умеющего коротать время без жены иначе, как за чтением канонов, умирающего со скуки и залавливающего гостей с дороги, чтобы вместе с ними пображничать под дубом... Этим концом вы убиваете все значение Роя. На него нельзя уже указывать с гордостью как на высокий тип русского народного человека — христианина, — он выходит байбак <...> Но освящение церкви, но сборы и одеванье невесты, и Иосаф Горленко — это все прелесть несказанная». — *РО*, 1897, № 8, стр. 482—483.

[21] Ергуновым Достоевский называет здесь И. С. Тургенева (по имени героя его повести «История лейтенанта Ергунова») — см. также письмо 334 и примеч. 12 к нему. Об отношении Достоевского к Тургеневу в этот период см. наст. изд., т. XII, стр. 167.

[22] В «Заре» Достоевский опубликовал повесть «Вечный муж» (1870, №№ 1—2).

[23] Майков поместил в «Заре» перевод «Слова о полку Игореве» (1870, № 1).

[24] О полной нелепых измышлений книге П. Гримма см. письмо 352 и примеч. к нему.

[25] Съездить в Венецию Достоевским не удалось.

[26] В письме от 30 сентября Майков писал: «...недалеко от Вас, в Венеции, живет Ламанский, Владимир — спишитесь да съездите к нему поговорить, поболтать, душу отвести ‹...› Из Милана ведь несколько часов туда» (стр. 73).

[27] Речь идет о книге Ю. Ф. Самарина «Окраины России. Вып. 1—3. Прага, 1868». Майков писал о ней в письме от 17 сентября: «...появилась книга, которая, как брошенный камень, возмутила тишь и гладь русских салонов. ‹...› это книга ‹...› о Балтийском Поморье нашем. Вы ее, может быть, и читали ‹...› Написана со знанием дела, горячо ‹...›. Никогда еще русское государство не имело такого могучего защитника в умственной сфере, на политическом поприще, и по вопросу специальному ‹...› это книга для русских государственных людей как настольная, которую они должны выучить наизусть ‹...› Это уже зрелый плод русского народного самосознания» (стр. 71). Книгу Самарина Достоевский прочитал. В записной тетради 1875—1876 гг. он записал: «Высший смысл этой книги совпадает с древним пониманием народа о своем значении. 3-й Рим — Москва, а 4-го не будет» (наст. изд., т. XXIV, стр. 181).

[28] В 1867 г. в Женеве М. К. Элпидиным был перепечатан из «Современника» роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (в количестве 1 000 экземпляров). Об отношении Достоевского к этому роману см. наст. изд., т. V, стр. 379, 388.

[29] Об отрицательном отношении к эмигрантской печати см. также в письме 352 и примеч. 3 к нему.

[30] Вероятно, здесь Достоевский откликается на сообщение Майкова об Исаеве из письма от 24 мая 1868 г. «Паша меня беспокоит не тем, что обращается ко мне с своими нуждами, но тем, что делает не так, как бы следовало ‹...›. Как он мне ни объясняй, а я всё стою на своем, что уж от Разина-то выходить не следовало. Если что не нравилось ему в непосредственном начальнике (столоначальнике), мог бы сказать мне, и устроили бы дело, ибо Разин ‹...› проектировал для него целую карьеру ‹...› что доказал тут же прибавкою жалованья...» (*А. Н. Майков. Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 69).

[31] Речь идет об А. И., Е. П. и Н. А. Майковых.

[32] В письме от 30 сентября 1868 г. Майков писал о смерти Е. П. Ковалевского: «Очень жаль этой потери; конечно, не для Литер‹атурного› фонда только, но по влиянию его на нашу славянскую и азиатскую политику, по влиянию на общественные высокие сферы, где он сильно ратовал в прояснении русской идеи...» (стр. 73).

356. Э. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 325)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.9а.
Впервые опубликовано: «Искусство». М., 1927, кн. 1, стр. 129—130.

[1] Это письмо Достоевской неизвестно.

[2] Письмо И. М. Алонкина неизвестно.

[3] Речь идет о М. Г. Сватковской, часто приезжавшей за границу и встречавшейся с Достоевскими (см. примеч. 6 к письму 353).

[4] Речь идет о письме 348.
[5] Очевидно, речь идет о письме 317.
[6] Отдельное издание романа «Идиот» появилось лишь в 1874 г.
[7] О расчетах с Катковым за роман «Преступление и наказание» см. в письме 273.

357. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 327)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 168, № 16640.

Впервые опубликовано (с сокращениями): *Биография*, отд. II, стр. 199—206; полностью: *Д, Письма*, т. II, стр. 148—154.

Ответ на письмо Майкова от 22 ноября 1868 г. (*А. Н. Майков. Письма к Ф. М. Достоевскому*, стр. 74—76).

[1] Речь идет о письме 355.
[2] Это письмо к М. Н. Каткову не сохранилось (см.: *Список*, № 244).
[3] Это письмо к Каткову также не сохранилось (см.: *Список*, № 246).
[4] О работе над финалом и эпилогом романа «Идиот» см. наст. изд., т. IX, стр. 381—382.
[5] Речь идет о письме 358.
[6] В своем письме Майков писал: «Я хожу к Страхову — наши беседы все — б‹ольшей› ч‹астью› объяснение фактов психологических, научных, литературных» (стр. 75).
[7] Речь идет о письме Страхова от 25 ноября 1868 г. В нем сообщалось: «Самое капитальное произведение, намеченное для журнала, — это ряд статей Ник‹олая› Яковл‹евича› Данилевского ‹...›». Он «в первый раз выступает на поприще литературы с рядом статей „Россия и Европа“. Это целое учение славянофильства в более определенных и ясных чертах, всего листов 40 печатных» (*Д, Письма*, т. II, стр. 441).
[8] Данилевский был арестован вместе с другими петрашевцами, но под суд не был отдан, а подвергся высылке из Петербурга. С 1853 г. он путешествует по России, участвует в ряде ихтиологических экспедиций, а с 1865 г. начинает работать над книгой «Россия и Европа», печатавшейся первоначально в журнале «Заря» (1869, №№ 1—12). Достоевский прочитал первую главу книги в марте 1869 г. (см. наст. изд., т. XXIX_1; о Данилевском и его книге см. также в письме 339 и примеч. 10, 11 к нему).
[9] Об отношении Достоевского к Тургеневу в это время см. в письме 317.
[10] А. А. Григорьев в статьях, помещенных во «Времени» и «Эпохе», неоднократно говорил о том, что взгляды Белинского претерпевали эволюцию именно в плане смягчения прежнего враждебного отношения к славянофильству. Так, в статье «Вступление. Народность и литература» критик писал: «Вражда (Белинского к славянофилам, — *Ред.*) ‹...› в последнее время его жизни ‹...› начинала переходить в чувство совершенно противоположное» (*Вр*, 1861, № 2, стр. 89). И несколько позднее повторял: «...Белинский, по его пламенной и жизненной натуре, смело отрекся бы в пятидесятых годах от своих заблуждений, прямее других отнесся бы к новому направлению и ‹...› стал бы во главе его» (там же, № 4, стр. 209). В статье же «Знаменитые европейские писатели перед судом нашей критики» он прямо отмечал: «Белинский был прежде всего доступен — даже иногда неумеренно доступен всякому новому проявлению истины. Можно без особенной смелости предположить, что в *1856* году он стал бы славянофилом» (там же, № 3, стр. 47). И наконец, в «Парадоксах органической критики» (*Э*, 1864, №№ 5, 6) он с особенной категоричностью утверждал: «...нет ни малейшего сомнения в том, что проживи еще несколько лет великий критик, он все бы это понял и все бы это лучше всех нас выяснил ‹...› Увлечение Белинского (западничеством, — *Ред.*), нет сомнения, сменилось бы иным и столь же пламенным

увлечением» (см.: Сочинения Ап. Григорьева. Т. 1. Критические статьи. СПб., 1876, стр. 621, 628; см. также наст. изд., т. XXI, стр. 384). Подробнее об отношении Григорьева к Белинскому см. в комментарии А. С. Долинина: *Д, Письма*, т. II, стр. 435—436.

[11] Эти слова о Белинском почти буквально будут повторены в главе «Старые люди» «Дневника писателя» за 1873 г. (см. наст. изд., т. XXI, стр. 11, 12), а несколько ранее в подготовительных материалах к «Бесам» (см. там же, т. XII, стр. 341).

[12] Достоевский говорит о статье Н. Субботина «Русская старообрядская литература за границей» (*РВ*, 1868, № 7, стр. 99—129; № 8, стр. 325—352), в которой рассказывается о содержании журнала «Истина» (выходил в Пруссии, в Иоганнесбурге), издаваемого философом-самоучкой К. Е. Голубовым и заполненного в основном его сочинениями. Эти сочинения и личность их автора занимали Достоевского в период создания романа «Бесы» (подробнее об этом см. наст. изд., т. XII, стр. 178—183).

[13] О деньгах, полученных у Каткова в апреле 1867 г., см. в письме 295.

[14] О впечатлении, произведенном первой частью «Идиота» на редакцию «Русского вестника», Достоевский знал еще весной от С. Д. Яновского. 12 апреля 1868 г. последний писал: «На днях я виделся с одним господином, участвующим в „Москов‹ских› ведом‹остях›“ и близким ко всему семейству Каткова; господин этот мне сказал, что салон Катковых в восторге от романа...» (*Сб. Достоевский, II*, стр. 376).

[15] Речь вновь идет о замысле будущего «альманаха» или «Дневника писателя» (см. также в письме 322, примеч. 8).

[16] Речь идет о неосуществленном замысле. Заглавие «Атеизм» уже к июлю—августу 1869 г. перестало упоминаться в связи с этим замыслом. В декабре первоначальный план изменился, и появилось другое заглавие: «Житие великого грешника». Подробнее см. наст. изд., т. IX, стр. 500—518.

[17] Имеется в виду герой пьесы А. Н. Островского «Бедность не порок» (1854), восторженно принятой славянофильской критикой, и в частности Ап. Григорьевым (см. об этом: *Островский*, т. I, стр. 550—558; см. также наст. изд., т. XX, стр. 229, 418—419).

[18] Достоевский вспоминает об известном московском процессе, связанном с убийством студентом Даниловым ростовщика со служанкой и совпавшем по времени с печатавшимся тогда романом «Преступление и наказание» (подробно см. в комментарии к этому роману: наст. изд., т. VII, стр. 349—350).

[19] Неточная цитата из «Второго послания к коринфянам святого апостола Павла» (у Павла: «Как многие хвалятся по плоти, то и я буду хвалиться» — гл. 11, ст. 18). О «фантастическом» характере русской действительности и об обусловленном этим определении собственного реализма как «фантастического» см. также в главе «Нечто о вранье» «Дневника писателя» за 1873 г. (наст. изд., т. XXI, стр. 119).

[20] Круг идей, связанных с антитезой католицизма и православия, отразился во многих сочинениях Достоевского и прежде всего в только что заканчиваемом «Идиоте» (в гл. VII четвертой части — см. наст. изд., т. VIII, стр. 450—451), в «Бесах» (в гл. I части второй, в подготовительных материалах к роману, см. наст. изд., т. XII, стр. 347, 360).

[21] Вероятно, речь идет о повести «Вечный муж».

[22] Возможно, что имеется в виду замысел романа «Брак» (см. наст. изд., т. V, стр. 319, 404).

[23] Повесть «Вечный муж» была напечатана в «Заре».

[24] Ответ Майкова на это письмо неизвестен.

[25] Майков сообщал, что Исаева «определили в канцелярию к Порецкому» и что он собирается «держать экзамен на чин» (стр. 75). А. У. Порецкий служил в это время начальником инспекторского отдела Канцелярии министра государственных имуществ.

[26] Речь идет о рассказе «Маленький герой», напечатанном в августовском номере «Отечественных записок» за 1857 г., и повести «Дядюшкин сон», появившейся в № 3 журнала «Русское слово» за 1859 г.

[27] Речь идет о журнале «Время».

[28] Н. Н. Страхов писал об обстоятельствах продажи табачной фабрики М. М. Достоевского: «...Михаил Михайлович, как и многое множество наших дворян, имел очень мало свойств *делового* человека. Жизнь он вел скромную <...>, но он имел большое семейство, и фабрика его давно уже шла в убыток, давая ему только опору для поддержания кредита и постепенного наращения долгов. Когда журнал пошел с чрезвычайным успехом, он постарался развязаться с невыгодным делом, уплатил долги и продал фабрику. В начале 1863 года я помню, как он похвалялся этим, показывая кипу разорванных векселей. Расчет его был очень хороший, но, когда неожиданно стряслось запрещение журнала, он оказался вдруг и без денег, и без всякого торгового кредита. Удар для него был страшный...» (*Биография*, отд. I, стр. 264; см. также наст. изд., т. XXVIII$_1$, примеч. 32 к письму 89 и примеч. 10 к письму 113).

[29] Об успешном начале дел в журнале «Время» см. также в письме 185.

[30] О долгах после крушения «Эпохи» см. в письмах 233, 253.

[31] О письме Э. Ф. Достоевской и о характере ее жалоб см. в письме 356.

[32] Было ли написано это письмо Исаеву, неизвестно.

[33] Достоевский «просмотрел» картину «Madonna della Sedia» и в 1862 г., проведя во Флоренции неделю. Страхов вспоминал об этом: «...тут мы не делали ничего такого, что делают туристы <...> Однако мне не хотелось упустить случая познакомиться с великими произведениями искусства <...> Однажды мы пошли <...> вместе; но, так как мы не составили никакого определенного плана и нимало не готовились к осмотру, то Федор Михайлович скоро стал скучать и мы ушли, кажется, не добравшись даже до Венеры Медицейской» (*Биография*, отд. I, стр. 244). Сведений о посещении Достоевским Palazzo Pitti в 1863 г. не сохранилось. А. Г. Достоевская так писала об упоминаемом здесь посещении галереи: «Часто мы с мужем бывали в Palazzo Pitti, и он приходил в восторг от картины Рафаэля „Madonna della Sedia"» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 184; см. также: *Биография*, отд. I, стр. 297).

[34] Речь идет о стихотворении Майкова «Дорог мне, перед иконой...», которое, по всей вероятности, было послано Достоевскому в письме от 22 декабря (напечатано в «Заре», 1869, № 1). Достоевский говорит о строках:

Этих свеч знаменованье
Чую трепетной душой:
Это — медный грош вдовицы,
Это — лепта бедняка,
Это... может быть... убийцы
Покаянная тоска.

(*Майков*, стр. 172)

[35] Речь здесь идет не о Хомякове, а об Ив. Киреевском, слова которого о чудотворной иконе приводит Герцен в 4-й части «Былого и дум» (подробнее об этом см.: *Д, Письма*, т. II, стр. 439—441).

[36] См. письмо 358.

358. Н. Н. СТРАХОВУ (стр. 333)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 287, № 52.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 259—262.

Ответ на письмо Страхова от 24—25 ноября 1868 г. (*Шестидесятые годы*, стр. 259—261). Страхов ответил 29—31 января 1869 г. (там же, стр. 261—262).

[1] В письме от 24—25 ноября Страхов сообщал о «начинающемся» журнале «Заря» и о сгруппировавшихся вокруг него единомышленниках самого критика и Достоевского (стр. 260).

[2] Речь идет о недатированном письме, написанном в марте 1868 г. и упоминаемом в письмах 341, 355 (там же, стр. 257—259). Слова «заключил в моем сердце» будут вскоре использованы в романе «Бесы» (Варвара Петровна Ставрогина, прочитав очередные письма Степана Трофимовича, «складывала в особый ящичек, помеченные и рассортированные; кроме того, слагала их в сердце своем» — наст. изд., т. X, стр. 13).

[3] Достоевский вспоминает о путешествии (вместе со Страховым) летом 1862 г. Страхов позднее писал: «Во Флоренции мы прожили неделю в скромной гостинице <...>. Кроме прогулок по улицам, здесь мы занимались еще чтением. Тогда только что вышел роман В. Гюго „Les misérables", и Федор Михайлович покупал его том за томом <...> наши прогулки по городу были очень веселы, хотя Федор Михайлович и находил иногда, что Арно напоминает Фонтанку <...> Но всего приятнее были вечерние разговоры на сон грядущий за стаканом красного местного вина» (*Биография*, отд. I, стр. 244).

[4] В 1865—1871 гг. Флоренция была столицей Итальянского королевства.

[5] В письме от 24—25 ноября Страхов писал: «...начинается новый журнал „Заря". Его непременно нужно было начать, а то, как выражается один из моих новых и юных знакомых, *Незеленов <...> совсем было прекратилась литература.* А знаете ли, с которых пор он считает прекращение литературы? Со времени прекращения „Эпохи"» (стр. 260). И к этим же строкам он сделал примечание: «Разумеется, в гиперболе о прекращении литературы под литературой понималась журнальная струйка народного и эстетического направления» (стр. 260).

[6] Об отношении Достоевского к творчеству Л. Н. Толстого в 60—70-е годы см.: Г. М. Фридлендер. Достоевский и мировая литература. Л., 1983, стр. 223—248.

[7] Достоевский отвечает на слова Страхова, говорившего в письме от 24—25 ноября о своем участии в «Заре»: «На себя я надеюсь меньше всего. Увы <...> охота писать почти пропала; пишу статью о Л. Н. Толстом *через силу* и в месяц приготовил печатный лист <...> Нет, вы на меня не надейтесь» (стр. 260).

[8] Страхов писал в этом же письме по поводу организационной стороны дела в «Заре»: «Новый журнал уже имеет историю. Уже было несколько скандалов в печати и ссор в портфеле самой редакции. Расписывать все это было бы слишком долго; общий смысл — неопытность редактора..; затем — безмерное самолюбие и своекорыстие одного сотрудника и жена-нигилистка другого (А. Н. Серова). А еще общée смысл — отсутствие усердия к общему делу...» (стр. 260).

[9] Идейные разногласия между Достоевским и Страховым существовали и раньше. Особенно же усилились они в 70-е годы (подробно об этом см.: *Розенблюм*, стр. 30—44).

[10] Страхов писал о Данилевском в названном выше письме: «Самое капитальное произведение, намеченное для журнала, — это ряд статей Ник<олая> Яковл<евича> *Данилевского*, которого Вы вероятно помните по истории 47—48 годов и по ссылке в Вятку. Он теперь действ<итель-ный> с<татский> советник и в первый раз выступает на поприще литературы с рядом статей „Россия и Европа". Это — целое учение, славянофильство в более определенных и ясных чертах» (стр. 260). О книге Данилевского «Россия и Европа» и отношении Достоевского к ней см. наст. изд., т. XVIII, стр. 352—353.

[11] Подразумевается, что «Заря» будет продолжать дело «Эпохи» и проводить ее направление (ср. выше, примеч. 5). Далее Страхов писал о Кашпиреве: «Познакомившись с ним ближе, я увидел, что он воспитанник „Времени" и „Эпохи", что он воспитался на них, как другие русские люди на „Современнике", „Русском слове" и пр. Итак, есть плоды и нашей деятельности; они редки; но действительные плоды, а не пустоцвет» (стр. 260).

[12] Такой специальной статьи об А. А. Григорьеве в «Заре» не появлялось. Но уже в февральской книжке «Зари» за 1869 г. в статье о «Войне

и мире» Л. Н. Толстого Страхов напомнил о заслугах критика. В письме к Достоевскому от 29 января 1869 г., говоря о «полной свободе» действий в журнале, он сообщал: «...во второй статье я смело пустился хвалить Ап. Григорьева. Видите, как мы сходимся в мыслях! поставил его выше Белинского — чего. конечно, ни в одном журнале нельзя было сделать, кроме „Зари“» (*Шестидесятые годы*, стр. 261). И конечно же не без участия Страхова в сентябрьском номере журнала за 1869 г. в разделе «Критические заметки о текущей литературе» Григорьеву было посвящено несколько страниц. Речь шла о только что появившихся воспоминаниях И. С. Тургенева о Белинском. «По случаю <...> „Воспоминаний“, — говорилось в статье, — мы желаем напомнить читателям, что есть у нас писатель, который лучше всех других говорил о Белинском. Этот писатель — Аполлон Григорьев. Кто желает найти правильную и точную оценку Белинского, тот должен обратиться к статьям Ап. Григорьева». Далее подробно цитировались мнения Григорьева из разных его статей. в том числе и напечатанной в журнале «Время» (1861, № 3) статьи критика «Знаменитые европейские писатели перед судом нашей критики» (см.: *З*, 1869, № IX, стр. 216—220). Подлинным же ответом на просьбу Достоевского явился изданный в 1876 г. первый (и единственный) том «Сочинений Аполлона Григорьева. Издание Н. Н. Страхова», включивший все основные статьи критика за 1851—1864 гг.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПИСЬМА И ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

11. ПРЕДСЕДАТЕЛЮ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА Н. В. МЕДЕМУ (стр. 336)

Печатается по подлиннику: *ЦГИА*, ф. 777, оп. 2/1858 г., ед. хр. 77, ч. 2. Дата на бланке: «20 сентября» — вписана Достоевским.

Впервые опубликовано: *Сб. Достоевский, I*, стр. 361.

[1] Письмо на бланке редакции журнала «Русский мир», в котором 1 сентября 1860 г. (с № 67) начали публиковаться «Записки из Мертвого дома» («Введение» и первая глава). Вторая глава вызвала неожиданный упрек цензуры в слабости «определенных законом за тяжелые преступления наказаний». Н. В. Медем писал об этом в Главное управление цензуры 14 октября 1860 г. (см.: *Сб. Достоевский, I*, стр. 361). Ответом на его «отношение» и является данное письмо Достоевского и посланное одновременно с ним дополнение ко второй главе «Записок из Мертвого дома» (см. наст. изд., т. IV, стр. 250—252, а также примеч. на стр. 276—277). О дальнейшей публикации «Записок» в «Русском мире» см. примеч. 1 к письмам 178—180.

12. ДОГОВОР С А. Ф. БАЗУНОВЫМ (стр. 337)

Печатается по подлиннику (писарской рукой, с подписью-автографом Достоевского): *ГБЛ*, ф. 93, I.3.18.

Публикуется впервые.

[1] Согласно этому договору первая часть «Записок из Мертвого дома» была выпущена отдельным изданием уже в начале февраля 1862 г. (ценз. разр. — 30 января); ценз. разр. на издание второй части последовало 6 июня 1862 г.

13. ДОВЕРЕННОСТЬ М. Д. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 338)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, л. 195.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 309 (как письмо А. Ф. Базунову).

[1] Достоевский в связи с отъездом 7 июня 1862 г. за границу предоставил эту доверенность жене.

14. СВИДЕТЕЛЬСТВО М. В. РОДЕВИЧУ (стр. 338)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 6, № 81.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 329.
Датируется июлем 1863 г. по содержанию: П. А. Исаев был определен к Родевичу (т. е. поселен вместе с ним) непосредственно перед отъездом Достоевского за границу в августе 1863 г. (ср. написанное через год письмо 237).

15. С.-ПЕТЕРБУРГСКОМУ ВОЕННОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ А. А. СУВОРОВУ (стр. 339)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.4.2.
Впервые опубликовано: *Достоевский и Тургенев. Переписка*, стр. 116.
На прошении две пометы карандашом (вероятно, рукою Суворова): «Придет в среду, в 12 часов» и «Выдать новый заграничный паспорт». Там же пометы писарской рукой: 12 мая и 14 мая (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 148).

16. ПРОЕКТ ЗАЯВЛЕНИЯ (стр. 339)

Печатается по копии А. Г. Достоевской: *ИРЛИ*, ф. 100, № 30707, лл. 44 об.—45. Подлинник неизвестен.
Датируется на основании упоминания в пункте 3 «Заявления» «двенадцати печатных листов» романа «Идиот», появившихся в январской и февральской книгах «Русского вестника» за 1868 г. (см. наст. изд., т. IX, стр. 358—359).

[1] Это письмо Каткову неизвестно (см.: *Список*, № 247).

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

236_1. Н. БУДАЕВСКОМУ (стр. 341)

1-я редакция

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.27, л. 5.
Впервые опубликовано (без определения адресата): *Д, Письма*, т. IV, стр. 271.

[1] См. письмо 236 и примеч. к нему.

236_2. Н. БУДАЕВСКОМУ (стр. 341)

2-я редакция

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.27, лл. 5—6.
Впервые опубликовано (без определения адресата): *Д, Письма*, т. IV, стр. 271—272.

237_1. М. В. РОДЕВИЧУ (стр. 342)

1-я редакция

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29621.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 383—387.

[1] О письме Родевича см. в примеч. 1 к письму 237.

[2] Подразумевается отъезд Достоевского за границу в августе 1863 г. Но учителем пасынка Достоевского Родевич был уже в начале 1863 г. (см.: *Д, Письма*, т. I, стр. 575).

[3] Это письмо Родевича неизвестно.

[4] Речь идет о В. Д. Констант.

[5] Достоевский называет здесь Исаева «пятнадцатилетним мальчиком», а из «свидетельства», выданного Родевичу в 1863 г., следует, что пасынку «шестнадцать лет». Согласно другим источникам, Исаев родился в конце 1846 г. (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 43).

[6] Намеки на отсутствие у него «направления, гуманности» Достоевский усмотрел, по всей вероятности, в следующих строках письма Родевича: «С людьми же, которых он на знает и которые его не знают, он может обходиться хоть и по-литераторски, но должен обходиться и по-человечески» (см.: *Д, Письма*, т. I, стр. 575).

[7] Имеется в виду А. И. Исаев.

[8] Подразумевается следующее характерное место из письма «прогрессиста» М. В. Родевича к пасынку Достоевского: «Гоголя вашего я у вас никогда не брал... Да и если не достает у вас какой-нибудь книги, то вы можете адресоваться к черту, а не ко мне». Вместе с тем Родевич напоминал, что у Исаева остались две книги, принадлежащие ему, Родевичу: «Мей» и некая «Легенда о грешнике» (см.: *Д, Письма*, т. I, стр. 576). Одна из этих книг (Мей) была возвращена Родевичу (см. письмо 237).

252_1. С. Н. ФЕДОРОВУ (стр. 346)

1-я редакция

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.50.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 614—615.

[1] См. примеч. к письму 252.

КОЛЛЕКТИВНОЕ

1. В КОМИТЕТ ОБЩЕСТВА ДЛЯ ПОСОБИЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМ И УЧЕНЫМ (стр. 347)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 438, № 9, л. 284.
Впервые опубликовано: *РЛ*, 1975, № 3, стр. 161.

[1] Судя по письму Н. Л. Тиблена к Достоевскому от 3 октября 1861 г., заявление было написано Достоевским и Тибленом в связи с рядом прошедших политических арестов («половина литературы и университета сидит в крепости», — писал Н. Л. Тиблен Достоевскому 4 октября 1861 г.) и необходимостью из-за этого значительно увеличить средства для помощи семьям пострадавших (см.: *Достоевский и Литературный фонд*, стр. 161—162).

[2] В «С.-Петербургских ведомостях» 3 октября 1861 г. появилось обращение Литературного фонда к членам Общества об уплате членских взносов ввиду предстоящих расходов на пособия нуждающимся литераторам

и их семьям, а также бедным студентам (*см.* там же, стр. 161). Заявление было передано в Комитет 16 октября 1861 г.

[3] Кроме Достоевских и Тиблена заявление подписали: М. П. Розенгейм, В. П. Попов, Г. Е. Благосветлов, Ф. Х. Минут, К. Н. Бестужев-Рюмин, Н. В. Альбертини, А. В. Лохвицкий, Н. С. Курочкин, К. К. Арсеньев, Д. Е. Кожанчиков, С. С. Громека, В. В. Пеликан, М. И. Семевский, Г. Д. Думшин.

2. КАЗНАЧЕЮ ОБЩЕСТВА ДЛЯ ПОСОБИЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМ И УЧЕНЫМ И. Н. БЕРЕЗИНУ (стр. 348)

Печатается по подлиннику (писарской рукой с подписью-автографом и датой «февраля 18» «63», вписанной в штамп Достоевским): *ГПБ*, ф. 438, № 12, л. 96.

Впервые опубликовано: *РЛ*, 1975, № 3, стр. 163.

[1] Достоевский был избран секретарем Комитета Общества 2 февраля 1863 г. (см. письмо 191, примеч. 1).

3. КАЗНАЧЕЮ ОБЩЕСТВА ДЛЯ ПОСОБИЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМ И УЧЕНЫМ И. Н. БЕРЕЗИНУ (стр. 348)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 438, № 12, л. 110.

Впервые опубликовано: *РЛ*, 1975, № 3, стр. 164.

[1] По этому распоряжению была выдана помощь 18 студентам Петербургского университета (см.: *Достоевский и Литературный фонд*, стр. 164).

4. КАЗНАЧЕЮ ОБЩЕСТВА ДЛЯ ПОСОБИЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМ И УЧЕНЫМ И. Н. БЕРЕЗИНУ (стр. 349)

Печатается по подлиннику (текст его перечеркнут): *ГПБ*, ф. 438, № 12, л. 124.

Впервые опубликовано: *Д*, *Письма*, т. I, стр. 316.

5. КАЗНАЧЕЮ ОБЩЕСТВА ДЛЯ ПОСОБИЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМ И УЧЕНЫМ И. Н. БЕРЕЗИНУ (стр. 349)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 438, № 12, л. 118.

Впервые опубликовано: *Д*, *Письма*, т. I, стр. 316.

6. КАЗНАЧЕЮ ОБЩЕСТВА ДЛЯ ПОСОБИЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМ И УЧЕНЫМ И. Н. БЕРЕЗИНУ (стр. 350)

Печатается по подлиннику (писарской рукой с подписью-автографом и датой «марта 25» «63», вписанной в штамп Достоевским): *ГПБ*, ф. 438, № 12, л. 142.

7. В ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БАНК (стр. 350)

Печатается по отпуску рукой В. П. Гаевского: *ГПБ*, ф. 438, № 20, л. 18. Подлинник неизвестен.

Публикуется впервые.

[1] Отпуск находится в делах Литературного фонда среди «Исходящих бумаг за 1864 год».

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРОШЕНИЕ В С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ (стр. 351)

Печатается по тексту первой публикации: *Сб. Достоевский, II*, стр. 574—575. Подлинник неизвестен.

Прошение, хотя оно и подписано Э. Ф. Достоевской, несомненно, было написано Достоевским, так как все издательские и материальные дела по журналу «Эпоха», после смерти М. М. Достоевского, велись исключительно им (см. в письме 241: «Все дела на мне, а главное — *издательская* часть»; см. также: наст. изд., т. XX, стр. 257; *Сб. Достоевский, II*, стр. 562; *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 17).

[1] Об этих «затратах» и «обязательствах» см. в письмах 225, 233 и примеч. к ним.

[2] Порецкий в тот же день подал в Цензурный комитет прошение об утверждении его редактором «Эпохи» (см.: *Сб. Достоевский, II*, стр. 575). 25 июля 1865 г. было дано разрешение на издание журнала (см. наст. изд., т. XX, стр. 398—399).

ПИСЬМА, ИЗВЕСТНЫЕ В ИНОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДАХ

321а. С. Д. ЯНОВСКОМУ (стр. 353)

Печатается перевод первой публикации в журнале: Le monde slave. Revue mensuelle. Paris, mars, 1930, p. 322—327. Вот этот текст:

Genève, le 28 sept./10 oct. 67.

Très aimable et honoré Stepan Dmitrjevič.

Êtes-vous allé à l'étranger? Nous avons cherché vos traces à travers toute l'Allemagne, — rien de rien. Je vous écris sans connaître votre adresse, c'est pourquoi je confie à Alexandre Pavlovič Ivanov le soin de vous remettre cette lettre; car, enfin, il ne peut ignorer l'endroit où vous avez votre service. Je suis donc persuadé que la lettre vous parviendra, pourvu seulement que vous soyez à Moscou.

Me voilà depuis bientôt un mois échoué à Genève; c'est, il faut l'avouer, la ville la plus ennuyeuse du monde; elle est sévèrement protestante et on y voit des ouvriers qui ne dessoûlent pas. Vraiment, tout ce qui brille n'est pas or. L'honnêteté allemande, la fidélité suisse etc., etc., je ne puis me représenter qui a bien pu les inventer. Probablement, les Allemands et les Suisses eux-mêmes. On écrit bien dans les «Nouvelles» de Riga et dans celles de Prusse qu'il suffirait aux Allemands baltes de nous lâcher, nous autres Russes, pour que nous retombions dans la barbarie. Ustrjalov, aussi bien que Solov'ev (admirateur des Allemands) affirment que dans le «Faubourg allemand» on se grisait du matin jusqu'au soir. Voltaire a exalté le Genevois Lefort, or voici que des travaux à son sujet montrent que le monde n'a pas connu pareil ivrogne. Ne riez pas de moi, cher Stepan Dmitrjevič;

mais il serait difficile de trouver ailleurs, si ce n'est en Allemagne, pareille sottise, pareille duperie et, avec cela pareille suffisance. Et puis, encore ceci: on importe tous les ans chez nous, en Russie, une quantité de marchandises étrangères; aussi beaucoup d'entre nous autres Russes se rendent à l'étranger sont-ils persuadés, par suite de quelque préjugé, qu'à l'étranger tout est beau et bon marché. A présent je suis convaincu par expérience qu'à l'exception d'objets de première nécessité, il n'y a qu'à Paris et à Londres que les produits soient bons et bon marché. Dans le reste des villes de l'Europe entière, — tout est plus cher et moins bon que chez nous, je vous assure. Qu'une ville soit tant soit peu importante (par exemple Genève), elle fabrique et consomme ses propres produits, quoique la France soit à côté. Pourtant, il faut tenir compte de ceci: en ce qui concerne les produits manufacturés; certaines villes ont leur spécialité (plus ou moins), l'une aura son vin, l'autre ses courroies, la troisième ses chalets suisses en joli bois, — eh bien, soit, achetez dans chaque ville ses spécialités, mais pour tout le reste c'est jeter son argent par la fenêtre. Nos compatriotes s'en vont en masse à l'étranger; ils y élèvent leurs entants, et s'evertuent à leur faire oublier le russe. Il y en a qui y vivent depuis longtemps, par exemple Turgenev. Il m'a déclaré carrément qu'il ne voulait plus être Russe, qu'il voulait oublier qu'il est Russe, qu'il se considérait comme un Allemand et qu'il s'en faisait gloire. Je l'en ai félicité et puis je l'ai quitté. En arrivant à Genève, je suis tombé en pleine «Congrès de la Paix». Dans une salle pouvant contenir trois ou quatre mille pesronnes discouraient, du haut d'une tribune, différents personnages qui décidaient du sort de l'humanité. Le problème était d'ordre philosophique, mais le but du congrès etait pratique; le voici: comment s'y prendre pour que la guerre disparaisse du monde et pour que règne la paix? C'est pour la première fois de ma vie que j'entendais et voyais des révolutionnaires non pas dans des livres, mais en personne et à l'œuvre; aussi m'y intéressais-je vivement. Dès le premier mot il fut décidé que, pour faire régner la paix, il était nécessaire de détruire par le fer et par le feu le Pape et toute la religion chrétienne. Ensuite: les grands États ayant démontré jusqu'ici qu'ils ne pouvaient exister sans avoir de grandes armées ni sans faire de guerre, il convient de les détruire et de les remplacer par de petites républiques; ensuite, il faut détruire par le fer et par le feu le capital, ainsi que toutes les personnes que ne partageraient pas de tous points cette manière de voir. Il s'est trouvé des auditeurs qui, après avoir écouté toutes ces misères, ont voulu protester; on les en a empêchés. On procéda au vote: les voix révolutionnaires ne formaient qu'une minorité insensée; le comité vola les voix avec cynisme, sans s'en cacher et déclara que les voix rèvolutionnaires étaient en majorité. Je n'arrive pas à comprendre pourquoi de pareils congrès sont interdits en France. Que les pauvres, excités et chauffés à blanc par ces prédicateurs, se rendent compte enfin de quoi sont capables ces propagandistes, s'ils peuvent dire ou faire quelque chose de sérieux ou l'utile. Car ce congrès a montré clairement ce que valent tous ces vieux exilés et socialistes, et surtout a bien fait sentir de quelles forces ils disposent, et que personne ne les suivrait, à part des fous des leur espèce.

Je vaix rester quelque temps à Genève. J'écris un roman et voudrais bien, sinon le terminer, du moins le mener jusqu'à un certain point. Anna Grigor'evna vous envoie le bonjour (elle est enceinte de quatre mois). A Genève mes accès m'ont repris. Cette est hémorroïdale, le temps y change sans cesse, — de là mes accès. Si vous vouliez m'écrire, vous me feriez grand plaisir. Voici mon adresse:

Suisse, Genève, poste restante, M-r Th. D‹ostoiewsky›

J'ai une grosse prière à vous adresser, mon bon ami Stepan Dmitrjevič. N'allez pas croire, pourtant, que ce soit précisément pour cela que je me suis mis à vous écrire. Je ne veux pas mentir: l'occasion, en effet, est venue à propos, mais, si je vous écris, c'est pour deux raisons essentiellement différentes: la première est de mince importance, le regret: à travers l'Allemagne entière, ma femme et moi n'avons pas perdu l'espoir de vous ren-

contrer ou d'apprendre quelque chose de vous et, si nous vous avions rencontré, nous aurions été rudement contents; voilà cinq mois que nous vivons tout seuls. L'autre raison est que j'espère que vous me répondrez. Et comme j'ai l'intention de ne pas rentrer avant quelque chose comme cinq autres mois, les lettres venant du pays vaudront cher pour moi: des souvenirs et de la joie. De mon côté je vous donne ma parole de vous répondre exactement et sincèrement. A propos, le voyage vous a-t-il fait du bien? Pour ce qui est de moi, je vous ai déjà donné des nouvelles. Quant à ma prière, voici en quoi elle consiste: je travaille et travaillerai encore cinq mois, mais tout mon argent est épuisé. En plus de la somme (peu importante) que j'ai emportée avec moi, Katkov m'a envoyé, à ma première demande, 1.000 roubles. Mais, comme je n'ai pas encore pu lui faire rien parvenir, désirant expédier d'un seul coup la moitié du roman, j'éprouve une grande honte à renouveller ma demande avant un certain temps. J'ai demandé 125 roubles à Majkov, il me les a envoyés, mais il sont également dépensés. Un jour, cher ami, il y a quelque trois ans de cela, après une chaleureuse et amicale conversation, vous m'avez dit, que si jamais j'avais besoin d'argent, vous pourriez m'en avancer *un peu*. A présent, je ne dirai pas que *j'ai besoin de cet argent*, mais que ce besoin est *urgent* — autrement il ne me resterait plus qu'à disparaître. Je recevrai de l'argent pour le 1-er décembre, mais, pour l'instant, c'est le néant, et je porte ici au Mont de piété mes derniers effets. Donc, si cela vous est possible, tirez-moi d'embarras — envoyez 100 roubles et, si vous ne le pouvez pas, euvoyez du moins ne serait-ce que 75 roubles. Je sais, cher ami, que cela représente quand même une somme, mais n'envoyez cela que *si vous le pouvez*. Il ne peut nullement ici s'agir de faire des manières. De mon côté, je vous avertis à tout hasard que je vous les rendrai à la Noël, mais pas avant, tenant compte de mon éloignement. Enfin, *si vous pouvez m'aider*, faites-le sans perdre une minute, car, si je n'étais pas dans le besoin, je n'aurais pas formulé cette demande.

Je vous écris à la hâte, quoique ce que je viens d'aligner soit déja assez long. A vrai dire j'ai quelques desagréments, à savoir: — 1°. Je ne peux travailler le soir, sous peur d'avoir un accès; — 2°. J'ai beacoup de soucis au sujet de l'avenir: il me faut écrire quelque chose qui ne soit pas mauvais, sinon, sans argent, impossible de me presenter devant mes créanciers, or rien qu'à eux je dois au bas mot 3 000 roubles. D'autre part, j'en ai jusque-là, de vivre ici. Peut-être filerons-nous en Italie; pourtant Genève est plus commode pour ce qu'il me faut: la vie y est meilleur marché qu'à Paris, et les médecins, ainsi que les sages-femmes, parlent le français, et *cela est important*. Cher ami, écrivez-moi ce que, *décidément*, vous pensez de l'idée que voici: vaut-il mieux pour moi (pour *ma* santé, pour mon épilepsie) abandonner Pétersbourg et aller vivre à Moscou? Je sais bien moi-même que Moscou vaut un peu mieux, et il me semble que je vous en ai déjà parlé, mais ce que je voudrais savoir, c'est si ce «mieux» est *suffisant* pour justifier un déménagement. Qu'en dites-vous, ne serait-ce que *d'une manière générale*?

Au revoir, je vous embrasse de tout coeur. Encore les amitiés d'Anna Grigor'evna, et une cordiale poignée de mains.

Sincèrement vôtre

F. D‹ostoiewsky›

P. S. Si je n'adresse pas de pareilles demandes aux personnes de ma famille c'est que ma tante m'a donné il y à trois ans 10 000 roubles pour ma revue, et que mon frère, à sa mort, devait encore à Al. Pavlovič au moins 4 000 roubles, et peut-être même 6 000.

F. D‹ostoiewsky›

Подлинник неизвестен. Он вместе с подлинниками публикуемых ниже писем к Яновскому (см. №№ 325а и 336а) был в 1930 г. предоставлен профессору-слависту парижского университета Ж. Легра для публикации одним из родственников умершего в 1897 г. в Швейцарии Яновского. В ру-

ках этого родственника, вероятно, и оставалась швейцарская часть архива Яновского, судя по предисловию Легра к публикации, довольно обширная. Зная круг знакомых Яновского (во многом общий с окружением Достоевского), можно предположить, что этот архив содержал много важных материалов, относящихся к 50—80 гг. XIX в.

Яновский ответил 9 октября 1867 г. (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29915; частично опубликовано: *Сб. Достоевский, II*, стр. 370—371).

[1] Яновский ответил на это: «За границей я был; отправился туда 25 мая, а возвратился 2 октября ‹. . .› отправился через Эйдкунен, Берлин и Лейпциг в Карлсбад ‹. . .› Окончив месячный курс лечения, я с наслаждением отправился в путешествие ‹. . .›, выехав 10 июля ‹. . .› из Эгера, я поехал чрез Франкфурт на Майне в Базель. . .» (*ИРЛИ*).

[2] Не поняв истинной причины этого выпада Достоевского, вызванного тоской по родине, Яновский писал в ответ: «. . . грешный человек, каюсь чистосердечно пред Вами, Швейцария доставила мне невыразимое удовольствие. До опьянения восхитительная природа, до умиления обхватывающая история страны и в особенности некоторых кантонов, например Люцерна, Цюриха, Фрейбурга и друг., дивная честность и трезвость всего народонаселения (не исключая даже самого скверного люда — это так называемых кельнеров) — всё это меня удовлетворило вполне» (*ИРЛИ*).

[3] Вопрос об «окраинах» России, и в частности «балтийских», интересовал Достоевского и ранее. Отразилось это в его интересе к книге Ю. Ф. Самарина «Окраины России» (см. примеч. 27 к письму 355). Первая часть книги так и называлась: «Русское Балтийское поморие». Здесь Самарин, в частности, писал: «Указывать на систематическое возбуждение заграничной немецкой прессы, кажется, не предстоит надобности ‹. . .› Не говоря уже о крупных газетах и обозрениях, нет такого городка от Вислы до Рейна, где бы местный листок, издаваемый для самого ограниченного круга читателей, в последнее время не помещал пасквилей на Россию в форме корреспонденций из Риги и Митавы и не подбивал Германии к заступничеству за ее будто бы обижаемых единоплеменников» (стр. 35).

[4] Н. Г. Устрялов во втором томе «Истории царствования Петра Великого» (тт. 1—6. СПб., 1858—1864) писал о Немецкой слободе: «Жизнь в Слободе была веселая и разгульная; пиршества, балы, маскарады продолжались по нескольку дней сряду; мужчины любили много пить, часто заводили ссоры и убивали друг друга на дуэлях» (т. I, стр. 109). Здесь же он писал о «веселом товарище Петра»: «Лефорт, по единогласному свидетельству современников ‹. . .› не отличался искусством в военном деле ‹. . .› едва ли и любил труды военные: удовольствия веселой жизни, дружеская попойка с разгульными друзьями, пиры по нескольку дней сряду, с танцами, с музыкою, были для него, кажется, привлекательнее славы ратных подвигов. Неумеренное празднование Немецкой масленицы прекратило его жизнь» (стр. 121—122). То, что Достоевский называет автора сочинения, которое он чрезвычайно ценил («История России с древнейших времен»), «поклонником немцев», объясняется в данном случае именно тем, как С. М. Соловьев трактует роль Немецкой слободы и ее обитателей в становлении взглядов Петра I: «Мы видели, — пишет он, — что Россия поворачивала к Западу и при этом повороте встретилась с Западом у себя, в Немецкой слободе. Молодой царь, сгорая неудовлетворенною жаждою знания, уже начинает создавать новое и тут встречается с людьми, которые были именно призваны для того, чтобы выучить русских необходимым вещам, завести то, что сами русские не могли у себя устроить. Понятно, что царь должен был обратиться преимущественно к этим людям» (С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. VII. М., 1962, стр. 468). Весьма высокую и сочувственную оценку давал Соловьев и личности Лефорта: «Лефорт был полным и блестящим представителем людей, населявших Немецкую слободу ‹. . .› это был человек бывалый, необыкновенно живой, ловкий, веселый, открытый, симпатичный,

душа общества, мастер устраивать пиры на славу ‹...› Если б Петр смотрел на Лефорта как на веселого товарища в пирах только, то назначил бы его не адмиралом, и не послом, а Кокуйским патриархом (там же, стр. 468—469).

[5] Речь идет о сочинении Вольтера «Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand, par l'auteur de l'Histoire de Charles XII». Здесь Вольтер пишет о происхождении Лефорта, годах его учения и службы, о дружеских отношениях с Петром и о его влиянии на царя (см.: Œuvres complètes de Voltaire, t. XXXI. Paris, s. a., p. 114—116). О самом же сочинении Вольтера Устрялов писал: «Сообщили ему (Вольтеру, — *Ред.*) материалы, извлеченные из архивов, частию в подлиннике, частию в переводах ‹...› и ровно через год (в 1761 г.), вместо ожидаемой полной и подробной истории Петра, получили от него в одной небольшой книге ‹...› сочинение слабое, бесцветное, столь же неудовлетворительное в смысле истории империи, как и в смысле жизнеописания императора» (Н. Г. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. I. СПб., 1858, стр. XL).

[6] В конце XVIII—начале XIX в. о Лефорте появилось несколько монографий, в том числе книга Басевиля «Краткая история жизни Лефорта» (Basseville. Précis historique sur la vie de Leforte, 1784), в которой влияние Лефорта на Петра I было сильно преувеличено. Была известна Достоевскому и популярная, ходившая в списках рукопись Н. М. Карамзина «Записка о древней и новой России». К тому же отрывок из нее, касающийся именно взаимоотношений Петра и Лефорта, был процитирован Н. А. Добролюбовым в статье «Первые годы царствования Петра Великого», без сомнения, замеченной Достоевским (см. об этом: наст. изд., т. XVIII, стр. 248—249). Здесь говорилось: «К несчастью, сей государь, худо воспитанный ‹...› узнал и полюбил женевца Лефорта, который от бедности заехал в Москву и, весьма естественно, находя русские обычаи для него странными, говорил ему об них с презрением, а всё европейское возвышал до небес; вольные общества Немецкой слободы, приятные для необузданной молодости, довершили Лефортово дело, и пылкий монарх с разгоряченным воображением, увидев Европу, захотел сделать Россию Голландией» (Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений, т. III. М.—Л., 1962, стр. 40). Несомненно, отталкиваясь от этих слов Карамзина, Достоевский несколько раз с явной иронией упоминает «женевца Лефорта» во «Введении» к «Ряду статей о русской литературе» (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 42, 48—49, 55).

[7] Здесь Достоевский впервые касается «старомодной» темы «о вреде усвоения чужого языка, вместо своего родного» (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 79); подробнее см. в письме 331 и примеч. 9 к нему.

[8] О встрече и разговоре с Тургеневым см. также в письме 317 и примеч. к нему. Яновский отвечал на эти слова Достоевского: «Тургенев мне жалок, хотя слова, им произнесенные, меня не удивляют. Я заплакал бы, если бы их сказал А. Майков, Катков, Достоевский или Цейдлер; но если их повторит Тургенев или Писемский, Потехин или Григорович, ей-богу, я только думаю: тако и подобает сему быти...» (*Сб. Достоевский, II*, стр. 371).

[9] О впечатлениях Достоевского от посещения одного из заседаний Конгресса «Лиги мира и свободы» см. также в письме 317 и примеч. 8—10 к нему.

[10] Очевидно, речь идет о полулегальном положении, в которое были поставлены все секции I Интернационала (1864—1876).

[11] Здесь Достоевский обнаружил замечательную проницательность: не случайно в Конгрессе не приняли участия такие деятели, как К. Маркс и А. И. Герцен (см. примеч. 10 к письму 322).

[12] Речь идет о работе над романом «Идиот».

[13] В более позднем письме, вспоминая об этом же, Яновский писал: «...только я приезжаю в Женеву, как мне говорят: был, но уехал в Италию; я в Италию, и именно во Флоренцию, как говорят: уехал в Дрезден...» (***ИРЛИ***).

[14] Достоевский возвратился в Петербург только летом 1871 г.

[15] См. об этом в письме 318.

[16] Яновский выслал 100 руб., написав при этом: «Деньги отдадите по возвращении...» (стр. 371). Долг был возвращен 5 февраля 1872 г. (сохранилась расписка петербургского почтамта с этой датой: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29915, л. 21).

[17] На этот вопрос Яновский ответил в следующем письме к Достоевскому. 16 декабря 1867 г. он писал: «...переезжайте к нам в Москву. Климат здешний несомненно окажет на Вас более благоприятное влияние, нежели в Северной Пальмире; без дела Вы не останетесь и у нас, а почем знать, может быть, его найдется у нас и побольше, чем в чахло-золотушной Ингерманландии, а люди у нас ей-ей проще, сердечнее и теплее. Имея даже в виду особенное Ваше расположение к нервным атакам ‹...› и в этом отношении здесь будет для Вас лучше, чем в питерских туманах и частых в нем барометрических переменах. Что же касается до материальных удобств и дешевизны жизненных потребностей, то из опыта уже могу Вам сказать, что они выгоднее если не наполовину, то без всякого уже спора на третью часть. Ко всему этому мы, конечно, должны прибавить ‹...› и ту выгоду ‹...›, что всякое желание познакомиться с внутреннею Россиею сделалось чрезвычайно легко и удобно. Ведь мы в несколько часов теперь можем посмотреть и на то, как живется и можется в Рязани, в Орле, Туле, Курске и Харькове, да и полюбоваться как настоящим, так и прошедшим в Казани, Жигулях и Астрахани» (*Сб. Достоевский, II*, стр. 373).

[18] Речь идет о семье В. М. и А. П. Ивановых и о тетке — А. Ф. Куманиной (см. письма 225, примеч. 1; 230, примеч. 2 и письмо 333).

325а. С. Д. ЯНОВСКОМУ (стр. 356)

Печатается перевод первой публикации в журнале: Le monde slave. Revue mensuelle. Paris, mars, 1930, p. 327—331. Вот этот текст:

Genève, le 1-er/13 novembre 67.

Mon très bon, mon inoubliable ami Stepan Dmitrjevič.

Si vous êtes déjà à Moscou et, par conséquent, n'avez pas trouvé ma lettre sur votre bureau, ne me jugez pas à la hâte, ne m'accusez pas. J'ai reçu votre lettre avec les 100 roubles il y a plus de quinze jours; or, si je ne vous ai pas répondu jusqu'ici, ce n'est pas par paresse ou par indifférence, mais simplement par suite de ma pénible situation présente. Vous savez, quand on a dans l'âme du cafard, comme il est dur de s'adresser à autrui. surtout quand on est un hypocondre de mon espéce. Votre lettre nous a fait, à Anna Grigor'evna et à moi, un plaisir extrême. Je vous suivais par la pensée et vous accompagnais à Rome et à Naples et, me souvenant de mon séjour en Italie, à Rome et à Naples, me représentais comment vous vous arrêtiez devant les chefs-d'œuvre de l'art. De tout mon voyage en Italie méridionale il n'y a que l'art dont je me souvienne avec plaisir et bonheur. Quant à la nature, elle ne m'a charmé qu'à Naples. Dans l'Italie du Nord, c'est-à-dire en Lombardie, la nature est incomparablement plus belle. Vous avez été à Milan; mais êtes-vous allé au lac de Côme qui est à côté? Et pourquoi, pourquoi n'avoir pas poussé jusqu'à Venise? C'est impardonnable. Car Venise ne se borne pas á charmer, elle frappe, elle enivre. Mais nous irons à Venise une autre fois ensemble. Je vous en donne ma parole.

Cette fois-ci j'ai jusqu'à présent peu voyagé et peu vu. C'est que surtout le caractère du voyage n'est plus le même: je vis à l'étranger, je n'y voyage pas, et, pour moi vivre en Europe est plus que désagréable. Mais que faire? Je n'ai pas eu le temps de faire voir grand'chose à Anna Grigor'evna: nous avons été en Allemagne, avons séjourné à Dresde et à Bade, et à présent

nous sommes descendus à Genève et nous y sommes échoués, au bord du lac Léman. Vos 100 roubles m'ont sorti du malheur, pour un temps seulement, il est vrai. Je vais vous expliquer ma situation: je dois 4 000 roubles au «Russkij Vêstnik», qui me les a avancés. Ces quatre mille roubles ont été dépensés pour ma noce, pour le payement de certaines petites dettes, pour quelques dépenses et pour le voyage à l'étranger. Il y a longtemps que mes ressources sont épuisées, et d'autre part, je n'ai pas encore pu trouver le moyen *d'envoyer au «Russkij vêstnik» un seule feuille de mon nouveau roman* (sur lequel les 4 000 roubles représentent une avance). Pourquoi n'ai-je pas travaillé? Le travail ne marchait pas. Je ne sais pourquoi, mais rien ne me venait dans la tête. En ce moment je travaille encore à la première partie, et il faut pourtant que le roman paraisse sans faute dans le numéro de janvier du «Russkij vêstnik». Mais il paraîtra. Le problème que j'ai à résoudre est redoutable: si j'écris un mauvais roman, ma carrière (financière) s'écroulera aussitôt. Qui, dans ce cas, me ferait des avances? Et pourtant je ne subliste que grâce à des avances et à des rééditions. Dans le cas envisagé, il n'y aurait plus ni avances, ni rééditions. Ainsi, il me faut produire un œuvre qui ne soit pas mauvaise du tout — et cela m'est indispensable pour ne pas périr. Voilà donc le premier problème.

Comment voulez-vous, dites-moi, aborder le travail, quand on a de telles exigences envers soi-même? La main tremble, l'esprit se trouble.

2° problème. — J'ai quitté la Russie en y laissant, sur ma dette, dont j'ai payé les quatre cinquièmes, un cinquième non soldé. Cette cinquième partie se monte à 3 000 roubles d'effets. Si je me présente à Pétersbourg, on me mettra en prison. Donc, nécessité de payer depuis ici. Avec quoi? En prélevant sur quels fonds? Avec mon travail?

3° problème. — Ma bonne Ania, ma seule joie et ma seule consolatrice ici, va accoucher *dans trois mois*. Pensez donc, dans trois mois et je n'ai pas un sou. Vos 100 roubles ont été employés au payement de quelques petites dettes, à l'achat de quelques frusques (bien insuffisantes pour l'hiver), à nos dépenses journalières. A présent nous avons recommencé à porter nos effets au Mont de piété c'est-à-dire qu'Anna Grigor'evna y porte ses robes. Autrement, — nous n'avons pas de quoi manger du pain.

Aujourd'hui, il y a juste cinq semaines que j'ai adressé à Katkov la demande suivante: en plus des quatre mille roubles déjà avancés, m'envoyer, *si l'est possible*, encore 500 roubles par mensualités de 100 roubles (cela afin d'alléger l'effort financier de la direction). Dans cinq mois je terminerai mon roman, qui doit compter au minimum 30 feuilles par conséquent, dans cinq mois, à la réception de la dernière mensualité de 100 roubles, ma dette tout entière (4 500 roubles) serait payée, éteinte. Aujourd'hui il y a juste cinq semaines qui j'ai envoyé ma lettre. Il est vrai que je n'ai jamais reçu de réponse du «Russkij vêstnik» en moins d'un mois: telle est leur règle, aussi bien pour les amis que pour les ennemis, mais cinq semaines — c'est vraiment trop. Dans les «Nouvelles de Moscou», on se plaint constamment du service étranger de la poste russe, et on imprime que les lettres tantôt sont égarées, tantôt arrivent avec des retards. Je ne peux m'imaginer que ma lettre ait été retenue. Or si ce n'est pas le cas, pourquoi ne me répond-on pas? Si l'on ne veut pas me faire d'avance, on n'a qu'à me dire: non. D'autre part, la revue attend mon roman, — elle n'a pas intérêt à se taire.

Si, entre temps, vos roubles n'étaient pas arrivés, nous aurions été depuis longtemps perdus, Ania et moi.

Mais essayez à présent de voir un peu clair; quelles sont les perspectives qui s'ouvrent devant moi? Nous habitons dans une seule pièce qui, il est vrai, est loin d'être mauvaise et qui est spacieuse, chez de bonnes vielles propriétaires. Mais cette pièce devient déjà trop froide: pas moyens de la chauffer; je ne m'imagine pas comment se passera l'hiver. C'est en hiver, vers la fin de février (nouveau stile) que doit accoucher ma femme. Pensez donc que tout se passera dans un seule pièce: l'accouchement, le docteur, la bonne suisse et mon roman. Si j'avais eu de l'argent, j'aurais loué en plus *pour 20 francs* la chambre voisine, que les locataires ont quittée et qui est inoccu-

pée pour le moment. Mais qu'arrivera-t-il si je ne reçois pas de réponse de Katkov? Et, même en cas de réponse, qu'est-ce que 100 roubles par mois? Pour les cinq mois à venir, il me faudrait au moins 150 roubles par mois.

Pour comble, encore un problème: j'ai été tellement pris ces derniers temps par mon plan et par l'idée du roman que j'ai passé des mois à ne m'occuper que de cette idée. Enfin, le roman a été composé, mis d'aplomb. Le problème est devenu plus clair. Il ne doit y avoir d'erreur ni dans l'élaboration, ni dans l'exécution. Comme délai pour l'envoi du roman, j'ai juste un mois, et c'est le dernier délai. Comment peut-on terminer en un mois un tel travail (c'est-à-dire la première partie, qui comptera au moins six feuilles imprimées)? Et ce qui me torture le plus, c'est que je me rends compte, que je vois clairement que, si je disposais d'un temps suffisant (ou du moins, d'autant de temps pour l'exécution que pour l'élaboration), cela irait bien. En outre, je redoute les attaques d'épilepsie. Au début, à Genève j'en ai eu des accès presque toutes les semaines. Le climat est abominable. Du haut des montagnes soufflent des rafales de vent glacial, le temps change trois ou quatre fois par jour. Mais voilà qu'il y a près d'un mois que je n'ai plus d'accès. J'ai peur qu'à présent, lorsque je me serai mis au travail avec intensité, le mal vienne me frapper et me briser.

Ah, mon ami Stépan Dmitrijevič, cette épilepsie finira par m'emporter! Mon étoile pâlit, — je le sens. Ma mémoire s'obscurcit complètement (complètement!). Je ne reconnais plus la figure des gens, j'oublie ce que j'ai lu la veille. J'ai peur de devenir fou ou de tomber dans l'idiotie. Ma fantasie déborde, travaille d'une façon désordonnée; la nuit, j'ai des cauchemars. Mais en voilà assez! En voilà des choses que j'écris sur moi! La prochaine fois je parlerai davantage d'autres sujets. J'avais l'intention de discuter avec vous ou sujet de la Suisse. Allons, peut-être cela vaut-il mieux ainsi. Ania vous serre bien fort, bien fort la main. Je vous étreins, mon ami, et n'oubliez pas que je suis toujours votre sincère et fidèle

D‹ostoiewsky›

Подлинник неизвестен.

Ответ на письмо Яновского от 9 октября 1867 г. (см. о нем в примеч. к письму 321а).

Яновский ответил 16 декабря 1867 г. (*Сб. Достоевский, II*, стр. 371—374).

Датировка уточняется на основании следующей записи в «женевском» дневнике А. Г. Достоевской: «Четверг 14 (2) ноября ‹...› Федя ‹...› оканчивал свое письмо к Яновскому...» (*ЛН*, т. 86, стр. 265).

[1] В письме от 9 октября 1867 г. Яновский сообщал: «Завтра же, то есть 10-го окт‹ября›, я опять оставляю Москву и еду в Курск, где, по случаю смерти моей старушки-матери, меня ожидают до крайности неприятные сцены и столкновения с братьями...» (*ИРЛИ*).

[2] Рассказав Достоевскому (в письме от 9 октября) о своем путешествии «через Мон-Сени в Турин, из Турина в Милан, потом через Александрию и другие города во Флоренцию, Рим и Неаполь», Яновский прибавлял: «...от всего был в полном и невыразимом восторге; а Неаполь и Рим просто мне до сей поры и спать не дают ‹...› А все-таки Неаполь — рай земной, а Рим с его стенами, башнями и памятниками престол божий!» (там же).

[3] Первые пять глав первой части романа «Идиот» действительно появились в январском номере «Русского вестника» за 1868 г. Подробнее об этой стадии работы над романом см. в письме 317 и примеч. 41 к нему.

[4] Об этом долге Достоевского, образовавшемся в результате крушения журнала «Эпоха», см. в письмах 233, 253 и примеч. к ним.

[5] Это письмо М. Н. Каткову неизвестно (см.: *Список*, № 223).

[6] Работа над романом «Идиот» продолжалась еще в течение всего 1868 г.

[7] Вероятно, в этот же день Достоевский получил ответ из редакции «Русского вестника» (см.: *Список*, № 223).

[8] О недостатках в работе почты говорилось в московских и в петербургских газетах (см., например: *МВед*, 1867, 27 января, № 22; 4 августа, № 170; *Г*, 1868, 24 января, № 24; см. также письмо 345 и примеч. 4 к нему).

[9] Достоевские жили в это время у двух сестер — Луизы и Шарлотты Реймонден (Raymondin).

[10] Вскоре Достоевские переехали в другую квартиру, из двух комнат (см. об этом в письмах 328, 330).

[11] Яновский, успокаивая Достоевского как врач, писал ему: «...звезда Ваша не только не потухает, а напротив, она только выходит, и освещаемый ею горизонт тогда только воссияет! Вы говорите, что лиц людей не узнаете, прочитанного вчера не запомните; это всё происходит не от истощения или упадка сил, а от чрезвычайной сосредоточенности на одной мысли. Я пари готов держать о том, что состояние это далеко не в такой степени бывает у Вас развито в то время, когда Вы покончите Вашу работу! <...> А сколько мы знаем исторических примеров тому, как поэты забывали об обеде или ужине до тех пор, пока не рожали на свет свое детище, слыли за помешанных или безумцев, пока не разрешали мировых истин; — вот состояние, в котором Вы находитесь» (стр. 374).

[12] Достоевский, без сомнения, откликается на слова Яновского из его письма от 9 октября 1867 г. о «дивной честности и трезвости всего народонаселения» Швейцарии (см. примеч. 2 к письму 321а).

336а. С. Д. ЯНОВСКОМУ (стр. 359)

Печатается перевод первой публикации в журнале: Le monde slave. Revue mensuelle. Paris, mars, 1930, p. 331—336. Вот этот текст:

Genève, le 21 février/4 mars 68.

Cher, bon et vieil ami Stepan Dmitrjevič.

Je suis coupable de mon silence envers vous comme un homme sans conscience, mais vous savez tout: le 18 décembre j'ai détruit tout ce que j'avais écrit pour le «Russkij vêstnik», je me suis mis à écrire un nouveau roman et, du 18 décembre au 18 février, j'en ai fait parvenir 11½ feuilles imprimées á la rédaction du «Russkij vêstnik». J'ai travaillé jour et nuit et n'ai pas ménagé ma santé, mais quant à répondre à des lettres avant l'envoi de ces onze feuilles et demi, je n'ai répondu à personne. Après demain j'attaque la troisième partie, qu'il me faut terminer en 25 jours, — dans ces conditions, ai-je du temps même pour les amis? Mon cœur me disait que vous ne douteriez pas de moi.

22 février/5 mars. — Depuis le moment où j'ai commencé cette lettre il s'est écoulé vingt-quatre heures, pendant ce temps Anna Grigor'evna, ma femme et votre sincère amie, m'a fait présent d'une petite fille, Sonia. Elle a souffert terriblement, mais enfin, à deux heures du matin, de la pièce voisine, qui était fermée pour moi, j'ai entendu le cri d'un enfant, de *mon enfant*. C'est une sensation étrange pour un père mais de toutes les sensations humaines, c'est une des meilleures; maintenant je le sais par expérience. Ma femme a supporté vaillamment toute cette épreuve; en ce moment elle se porte assez bien et ne se lasse pas d'admirer son œuvre. La petite est énorme et se porte bien, — il est difficile de se représenter où elle la logeait, car, dans la rue, sa grossesse passait à peu près inaperçue, et par exemple, les vendeuses de magasine lui disaient «Mademoiselle», ce qui la froissait beacoup. Ania me prie de vous dire bien des choses aimables; elle vous aime, vous apprécie et vous respecte infiniment. De mes amis, c'est vous et Apollon Nikolaevič, qu'elle a le plus appréciés. Le troisième qu'elle ait apprécié également — comme étant de la famille — vient de mourir à Moscou, ce que vous avez certainement dû apprendre. Je parle du décès du mari de ma sœur, Alexandre Pavlovič Ivanov. C'est un terrible malheur

pour sa famille, et le défunt lui-même n'était pas le premier venu: il a fait beacoup de bien à un qrand nombre de personnes. J'aime sa famille comme si elle était la mienne, et cette union spirituelle s'est établie depuis de nombreuses années. De toute la famille, ce sont les deux filles aînées que j'aime le mieux, et par-dessus tout l'aînée, Sophie; elle a déjà 21 ans; c'est une jeune fille dont le cœur et l'esprit sont d'une qualité rare. Nous nous sommes liés d'amitié chaleureuse depuis quelques cinq ans. C'est en son honneur que je donne à ma fille le nom de Sophie. Je lui ai dédié mon roman. Mais il est dificile de s'imaginer ce qui va leur arriver maintenant, sans leur père, qui, pour sa famille, était une providence. Il y a des hommes dont l'action est trop puissante et trop indispensable sur tous ceux qui les entourent, même dans la mesure la plus modeste. Le souvenir de cet homme sera, pour ses enfants, l'objet d'une adoration qui durera toute leur vie; il leur a inspiré trop d'amour; de toute ma vie je n'ai rencontré un père meilleur.

Vous comprendrez, cher ami, que l'état de ma femme et le roman m'auraient empêché de quitter Genève, même si j'avais de l'argent nécessaire; or, ce que j'avais était insuffisant, encore que je ne puisse dire que nous ayons vécu tout ce temps-là dans la gêne. On aurait peine à imaginer un directeur qui se conduise plus noblement envers un collaborateur que Katkov ne l'a fait envers moi. Assurément je ne pouvais pas lui demander la moindre augmentation; la délicatesse et la conscience ne le permettaient pas, car ma dette envers la revue était trop importante; mais à présent, grâce à Dieux, j'ai fourni du travail pour près de 1700 roubles (en deux mois! qu'est-ce que vous direz de Fedor Mikhajlovič?); j'estime donc que je pourrai solliciter d'un seul coup une augmentation plus sensible, car j'en ai bien besoin! Au cours des deux mois qui vont venir, j'ai l'intention d'écrire encore la troisième et la quatrième parties (en somme, d'après une autre division, cela forme deux parties, le tout, avec ce qui est déjà écrit, s'élevant à 22 ou 24 feuilles d'impression) et conduire ainsi le roman jusqu'à la moitié; je pense qu'alors je pourrai faire une nouvelle demande. Mais, d'autre part, je me tourmente, ici, dans la solitude et dans l'ignorance où je me trouve, sur la valeur de ce que j'ai écrit. Si la troisième et la quatrième parties n'arrivent pas à embellir l'ouvrage, le roman, a mon gré, sera faiblard; et, s'il en est ainsi, toutes les espérances que je fonde sur l'avenir craqueront, c'est-à-dire que l'on ne me prendra pas la seconde édition, et que de nouveau s'estompera quelque peu mon renom d'écrivain, lequel, dans les derniers temps, avait recommencé à monter. Ainsi, en ce moment, ma position est extrèmement inetable et critique. Dans tous les cas il me faut travailler sans relâche pour voir moi-même le résultat. Dans ces conditions, il va de soi qu'il ne peut être question de déplacements. Voilà pourquoi je resterai sûrement encore couple de mois dans cette très ennuyeuse, dans cette abominable Genève. De toute ma vie, je n'ai rien rencontré de plus triste, de plus sombre, ni de plus absurde que cette sombre cité protestante! On n'y vit pas: on y est au bagne. La république (ou du moins la ville) compte 50000 habitants — et tout cela est divisé en partis politiques; chacun y cherche dans les journaux, dans les revues, à miner et à ronger son voisin. Remarquez d'ailleur que la vie est ici encore assez chère. Mais, sûrement, vous donneriez tout ce que vous possédez pour ne pas vous trouver ici un dimanche. Dès le matin une lugubre sonnerie de cloches; dès le milieu du jour, l'ivrognerie. Combien les ouvriers d'ici sont tristes, crasseux, ignorants! Ils sont ici fort nombreux. Je vous assure que les salaires sont importants; on pourrait facilement mettre beaucoup de côté. Mais tout le peuple s'enivre, en canaille et boit tout sa paye. Et tout la nuit j'entends leurs horribles chansons et les hurlements et les cris qu'ils poussent, groupés en foule sous mes fenêtres. C'est un enfer. Je ne me repose que les jours de semaine. Mais, ce qu'il y a de pire ici, c'est le climat. Ce sont des bises et des tourmentes! Le temps change quatre fois par jour. Mes accès sont assez fréquents ici. Un accès en lui-même ce n'est pas grand'chose; mais, après l'accès, durant cinq jours, j'éprouve une sensation sombre et inquiète, — cela, c'est affreux.

Apollon Nikolaevič m'a promis de me communiquer son opinion sur mon roman aussitôt qu'il aura paru. Nous correspondons assez souvent. Or voilà déjà pas mal de temps qu'a paru mon roman, et pourtant je n'ai pas reçu une ligne de lui; ne lui serait-il pas arrivé quelque chose?

Si j'achève tout l'ouvrage, et si je l'achève heureusement, je rentrerai à Pétersbourg en l'automne. Dans le cas contraire, il me faudra, bon gré mal gré, rester à l'etranger. Nous vivons comme des reclus, aucune distraction: rien que sombre et de l'ennui. Sans le travail, certainement ce serait à devenir fou à force d'ennui. Heureusement encore qu'il fait plus chaud: vers le milieu de la journée, la température atteint+10° Réaumur. Mais, ce que nous avons souffert du froid en hiver, de cela je ne me souviendrai pas sans frémir, dussé-je vivre 100 ans. Mon cher Stepan Dmitrievič, traverser le pays en voyageur, c'est tout autre chose que de l'habiter.

Ah, mon cher ami, que vous écrivez de bonnes, de chaleureuses lettres; là au moins on voit un ami sincère, fidèle, en qui l'on a eu confiance. Je viens de relire votre dernière lettre et je m'aperçois avec quelle sensibilité vous vous inquiétez de l'accouchement qui approche, de la chambre unique, etc., etc. Mais, grâce soit rendue à Dieu, il protège mon Ania; nous disposions d'une somme modeste, mais suffisante, le logement est assez confortable et il est convenable; la sage-femme était la première de la ville; elle a accouché la moitié de Genève, et enfin nous avons eu l'assistance du médecin qui est venu à temps et à propos. C'est-à-dire que rien de nécessaire n'a fait défaut. Ajoutez à cela la constitution assez solide et la jeunesse de ma femme sur quoi on pouvait compter.

Et cependant j'ai une terrible envie de nous en aller ailleurs au printemps, certainement dans l'Italie du Nord. D'ailleurs j'attends que ma femme soit rétablie; alors nous déciderons ce qu'il faudra aborder et entreprendre. Tout dépend évidemment de l'état de ma caisse, et l'état de ma caisse dépend de mon travail. En fin de compte, tout se ramène au travail. L'idée de mon roman me plaît et son côte poétique me séduit; mais l'ouvrage ne se réduit pas à la seule idée, il faut encore le créer et l'exécuter. Cela n'est pas encore bien dessiné dans ma pensée. Ah, Stépan Dmitrjevič, vieil ami, ‹prenez en› mains le «Russkij vêstnik»; lisez-en au moins une partie et écrivez-moi quelque chose, mais la vérité, surtout la vérité, — voilà ce que mon cœur réclame. A présent, ici, je ne lis presque rien que les journaux. En fait de livres russes, je ne reçois que le «Russkij vêstnik».

Excusez, cher ami, ma lettre un peu désordonnée. Je suis tout cassé et fourbu d'abord à la suite de mon accès d'avant-hier et, ensuite, de tous ces soucis de famille. Malgré cela votre ami malade vous aime sincèrement et de tout son cœur. Ania vous serre affectueusement la main. Ne nous oubliez pas, écrivez-nous! Et, savez-vous, cher ami, qu'en définitive, qu'en fin de compte, je suis tout de même heureux et ne peux même comprendre par quoi j'ai mérité tout cela. Ania m'aime à l'extrème; nous avons vécu absolument entre nous deux toute l'année sans le moindre divertissement, et elle m'assure le plus sincèrement du monde qu'elle est heureuse. Et alors, que seulement quelques-unes de mes affaires s'arrangent, et il sera possible de commencer à vivre tranquillement. Mais le premier pas en vue de tout cela, — c'est toujours le succès de mon roman! Je pense en devenir fou, de ce succès. A partir de demain je me mets au travail. Souhaitez-moi du succès, cher ami, souhaitez du bonheur à Ania et étreignons-nous tous les trois au nom du cher passé et de l'incertain avenir. Au revoir. Mon adresse est toujours la même.

Votre sincère et affectueux

D‹ostoiewsky›

Подлинник неизвестен.

Ответ на письмо Яновского от 16 декабря 1867 г. (см. о нем в примеч. к письму 325а).

Яновский ответил 12 апреля 1868 г. (*Сб. Достоевский, II*, стр. 374—377).

[1] Об этой стадии работы над романом «Идиот» (над 2-й частью) см. также в письме 334.

[2] Кроме Яновского, Достоевского беспокоили также остававшиеся без ответа письма А. Н. Майкова и П. А. Исаева (см. об этом в письмах 334, 335).

[3] К работе над 3-й частью романа «Идиот» Достоевский приступил 24 февраля (7 марта), но к обещанному сроку ее не выполнил (см. наст. изд., т. IX, стр. 359—361; см. также письма 339 и 340).

[4] В ответ на эти слова Яновский писал: «...немало радовался я и тому, что у вас родилась маленькая (хотя последнее слово и употреблено относительно, так как Вы пишете, что она большая...») (стр. 375).

[5] См. об этом в письме 333.

[6] Об этом посвящении см. в письме 333 и примеч. 13 к нему.

[7] С этой «новой» просьбой Достоевский обратился к Каткову в конце марта—начале апреля 1868 г. (см.: *Список*, № 237).

[8] Этими словами письма Достоевский как бы продолжает «обсуждать» с Яновским «вопрос о Швейцарии» (см. письмо 325а и примеч. 12 к нему).

[9] Об отзыве А. Н. Майкова на содержавшиеся в февральском номере «Русского вестника» главы «Идиота» см. в примеч. 9 к письму 339.

[10] В письме от 16 декабря Яновский писал: «... мне более нежели тяжело, мне больно читать те места, где Вы говорите и о холоде и о том, что можно приблизиться ко времени родов и остаться в одной комнате ‹...› так, кажется, вот и пошел бы к Вам, да по дороге купил бы Вам хоть на последний франк коксу, да и протопил бы у Вас камелек...» (*Сб. Достоевский, II*, стр. 372).

[11] В ответ на эту просьбу Яновский писал: «...масса вся безусловно в восторге! В клубе, в маленьких салонах, в вагонах на железной дороге (ведь я постоянно бываю в разъездах и вот на днях только возвратился из Тамбова) — везде и от всех только и удается слышать одно и то же ‹...› ведь это прелесть, просто не оторвешься до последней страницы! ‹...› Я готов называть Вам даже имена тех, от которых мне удавалось во множестве слышать эти отзывы ‹...› многие другие, выражая мне свой восторг, говорили прямо, что они ничего подобного еще не читали, они влюблены в роман, а от истории Marie до сих пор плачут ‹...› К личности Идиота привязываешься до того, что спишь, обедаешь вместе с ним и в это время любишь его так, как любишь только самого себя. Последний рассказ его трем сестрам и маменьке, объяснение, как можно нарисовать картину — полную картину — из одной головы, и определение натур и характеров двух сестер и маменьки — верх художественного совершенства, торжество таланта!» (стр. 375—376).

СПИСОК НЕСОХРАНИВШИХСЯ И НЕНАЙДЕННЫХ ПИСЕМ И ДЕЛОВЫХ БУМАГ 1860—1868 ГОДОВ

1860

123. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

Первая половина марта 1860. Петербург

Упоминается в письме к А. И. Шуберт от 14 марта 1860 г.: «Писал я к Плещееву и напоминал ему, чтоб он непременно возвестил об Ваших наступающих дебютах в „Московском вестнике“. Я даже написал ему, как, по моему мнению, можно охарактеризовать Ваш талант. Писал в двух словах...» (см. стр. 6).

124. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

Середина марта 1860. Петербург

Упоминается в письме Плещеева к Достоевскому от 17 марта 1860 г. Сообщив Достоевскому, что он «сегодня» получил его письмо и что сочинения Достоевского в издании Н. А. Основского тоже «окончены» «сегодня» и экземпляры будут ему высланы, Плещеев писал по поводу романа «Накануне»: «Я на тебя ‹...› очень сердит, за твой отзыв о романе Тургенева. Что за ярлычки ты везде находишь. После этого — не смей художник выставить ни одного типа, служащего представителем известной породы людей, известного класса общества, всё ярлычки. И почему так легко жить болгару — посвятившему себя великому делу освобождения родины? Не знаю, легко ли ему жить — но я бы желал пожить такой жизнью. Непосредственным натурам, *цельным*, не подточенным анализом и рефлекторством, не путающимся в разных противоречиях, жить, конечно, если хочешь, легче... но когда эти натуры несут на плаху голову во имя любви к правде — ужели они менее гамлетов и гамлетиков достойны сочувствия? А что натуры практические, деятельные — не любят по большей части искусства — это факт, повторяющийся беспрестанно в действительности. Тургенев взял этот факт и был вправе так сделать. — Он вовсе не хотел сказать — что эти люди не *могут* или не *должны* любить искусства. Но показал только, что есть на самом деле. Артистические натуры по большей части — не деятели ‹...› „Светоча“ я до сих пор не имею; и денег не получил. Это срам, что новый журнал так запаздывает. Драмы Мея не читал. Случевский холоден, что я и сказал в „М‹осковском› в‹естнике›“» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 451—452). Упоминаемая драма Л. А. Мея — «Псковитянка» была напечатана в № 2 «Отечественных записок» за 1860 г.

125. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

22 марта 1860. Петербург

Упоминается в письме Плещеева к Достоевскому от 25 марта 1860 г.: «Письмо твое от 22 я получил ‹...› Ты обвиняешь меня в этикетности и щепетильности. Ты не прав. На твоего брата и на многих других, которым я разослал свои книги без всякого письма, я решительно не имею повода претендовать; но к Яновскому я писал и, кроме того, газету по

его просьбе за весь прошлый год выслал. Мог бы он хоть два слова-то ответить. И притом я с ним не так короток, как с вами. И следовательно, остаюсь при своем мнении, что он невежа. Но жену его я и не думал сюда мешать. А так как она хотела известить меня о своем приезде, то я и жду этого извещения. О каком ты горе говоришь? Разве она должна была почему-нибудь уехать — а не добровольно переселилась сюда? ‹...›

О тургеневском романе («Накануне», — *Ред.*) я с тобой ни в одной йоте не согласен. О Случевском тоже не совсем, впрочем, я не мастер разбирать разные тонкости; не хорошо понимаю, что значит *прием.* И у Фета и у Майкова, мне кажется, свои приемы, не сходные с пушкинскими и лермонтовскими. Может из Случевского и выйдет что-нибудь — не говорю против этого. А что он обходится без заимствованных чувствований — это действительно хорошо. „Бандурист" и по идее хорош, да и теплота, задушевность есть — а без них нет поэзии. Блестящий стих и красивость не дают еще права на название поэта» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 453—454).

126. Е. ТЮМЕНЦЕВУ

Март—декабрь 1860. Петербург

Упоминается в письме Тюменцева к А. Голубеву от 30 мая 1884 г.: «Чрез неделю после венчания уехали они в Семипалатинск, а оттуда в С.-П‹етер›бург; откуда я получил от них два письма, на которые и я отвечал; но тут ничего не было серьезного» (*ГБЛ*, ф. 93, II.2.101).

1861

127—128. РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫЕ ПИСЬМА П. В. БЫКОВУ К РЕДАКТОРУ «РУССКОГО МИРА» А. С. ГИЕРОГЛИФОВУ И В РЕДАКЦИЮ «РУССКОГО СЛОВА»

Начало 1861. Петербург

Быков в своих воспоминаниях, рассказывая о первом знакомстве с Достоевским в редакции «только что возникшего» журнала «Время», куда он принес свой перевод рассказа Амедея Ашара, напечатанного в «Фигаро», писал: «Через два дня я пришел за ответом и узнал, что Разин много говорил обо мне с Федором Михайловичем, который принял мой перевод, участливо стал расспрашивать о юге, о моей жизни в Петербурге и, наконец, дал мне рекомендательные письма к редактору еженедельного журнала „Русский мир" и к кому-то из членов редакции „Русского слова"» (П. В. Быков. Силуэты далекого прошлого. М.—Л., 1930, стр. 52). В № 8 «Времени» за 1861 г. был опубликован перевод рассказа Ашара «Мечтательница». Принадлежал ли он Быкову, неизвестно.

129. Ф. М. ТОЛСТОМУ

Конец апреля—начало мая 1861. Петербург

Упоминается в письме Толстого Достоевскому от 2 мая 1861 г.: «Узнав подробности тяжелой Вашей болезни, Вы не поверите, как мне стало стыдно и совестно, что я утруждал Вас докучливыми моими письмами. Простите также великодушно за намеки, выраженные в последнем письме. Сердце наболело от незаслуженного моего отчуждения от литературного нашего мира.

Приговор Ваш над моею драмою я принимаю за окончательный — безапелляционный и душевно благодарен Вам за откровенность. Откровенность Ваша еще более возбудила во мне желание лично с Вами познакомиться; и если Вам угодно будет или посетить меня или назначить мне

день свидания, я с особенным удовольствием буду у Вас»* (*ГБЛ*, ф. 93, II.9.57; письмо в отрывках процитировано: *Ланский. Утраченные письма*, стр. 210). Это письмо является третьим по счету из писем Толстого к Достоевскому; в первых двух, от 8 и 27 апреля 1861 г., он обращался к автору «Униженных и оскорбленных» с просьбой вынести свое суждение о его пьесе «Пасынок» и опубликовать ее во «Времени». Несмотря на отрицательное суждение Достоевского, Толстой добился постановки пьесы на сцене сначала в Москве, а затем в Петербурге, а позднее включил ее в двухтомник своих сочинений. Пьеса вызвала резко отрицательный отзыв Салтыкова-Щедрина (см.: *Салтыков-Щедрин*, т. 5, стр. 139—151).

130. Н. Л. ТИБЛЕНУ

3 октября 1861. Петербург

Упоминается в письме Тиблена к Достоевскому от 4 октября 1861 г.: «Возвратясь домой вчера вечером, я нашел записку Вашу и спешу сообщить следующее...». Далее следует изложение ряда пунктов составляемого Достоевским и Тибленом заявления, в котором формулируются требования по расширению прав комитета Литературного фонда в обеспечении студентов и «всей пишущей и ученой братии» (см. стр. 347).

131. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Конец октября 1861. Петербург

Упоминается в письме Тургенева к Достоевскому от 30 октября (11 ноября) 1861 г.: «...извините меня, что я на Ваше большое письмо отвечаю на таком лоскутке. ‹...› Во-первых — спасибо и за письмо и за обещание прислать „Время“, которое я жду с нетерпеньем; во-вторых, должен сказать Вам, что моя повесть, по причинам внутренним и внешним, явится *не скоро* в „Русском вестнике“, во всяком случае не прежде возвращения моего в Россию — весной, а может быть, совсем не явится ‹...› Повесть, назначенная для „Времени“, не подвинулась в эти последние дни, много других мыслей (не литературных) вертелось у меня в голове... Но я либо ничего не буду писать или напишу эту вещь для Вас. А писать ее хочется» (*Тургенев, Письма*, т. IV, стр. 301). Речь идет об «Отцах и детях» и «Призраках».

132. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Декабрь 1861. Петербург

Упоминается в письме Тургенева к Достоевскому от 26 декабря 1861 г. (7 января 1862 г.): «...Ваше письмо меня очень удивило. Вы как будто вычитали из моего письма, что я приписывал Вам распространение слуха о моей повести — а мне это и в голову не приходило — как же мог подобный намек попасть в мое письмо? И как будто нужно искать особого объяснения всякой сплетне: она царствует в нашей литературе, преимущественно на задних дворах, где издаются „Книжные вестники“ и т. д. Впрочем, все дело не представляет никакой важности: мне жаль только, что оно могло обеспокоить и Вас и Каткова ‹...› Повесть, назначенная для

* Л. П. Гроссман зафиксировал в 1935 г. наличие в архиве *ГБЛ* еще одного письма Ф. М. Толстого к Достоевскому от 18 мая 1861 г. (*Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 105); местонахождение этого письма в данный момент неизвестно. Можно предположить, что Достоевский ответил на письмо Толстого от 2 мая, а письмо последнего от 18 мая было ответом на еще одно утраченное письмо Достоевского.

„Времени“, подвинулась в последнее время — и я имею твердую надежду, что она будет готова ко 2-му номеру; но ведь Вы сами знаете — дело это прихотливое.

Очень Вам благодарен за присылку 2‹-х› № „Времени“, которое я читаю с большим удовольствием. Особенно — Ваши „Записки из Мертвого дома“» (*Тургенев, Письма*, т. IV, стр. 319—320).

1862

133. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Февраль 1862. Петербург

Упоминается в письме Тургенева к Достоевскому от 2 (14) марта 1862 г.: «Любезный Федор Михайлович, мне бог знает как давно следовало отвечать Вам ‹...› Повесть моя едва-едва подвигается — так что раньше моего возвращения в Россию (в апреле) навряд ли будет готова» (*Тургенев*, *Письма*, т. IV, стр. 348). Речь идет о повести Тургенева «Призраки».

134. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Первая половина марта 1862. Петербург

Упоминается в письме Тургенева от 18 (30) марта 1862 г. Выражая Достоевскому благодарность за его отзыв об «Отцах и детях», пришедший в то время, когда ряд близких ему людей советовал чуть ли не бросить роман «в огонь», Тургенев писал: «Вы до того полно и тонко схватили то, что я хотел выразить Базаровым, что я только руки расставлял от изумленья — и удовольствия. Точно Вы в душу мне вошли и почувствовали даже то, что я не счел нужным вымолвить. Дай бог, чтобы в этом сказалось не одно чуткое проникновение мастера, но и простое понимание читателя — то есть дай бог, чтобы все увидали хотя часть того, что Вы увидели! ‹...›

Вот еще Вам доказательство, до чего Вы освоились с этим типом: в свидании Аркадия с Базаровым, в том месте, где, по Вашим словам, недостает что-то, Базаров, рассказывая о дуэли, трунил над *рыцарями* и Аркадий слушал его с тайным ужасом и т. д. — Я выкинул это — и теперь сожалею: я вообще много перемарывал и переделывал под влиянием неблагоприятных отзывов — и от этого, может быть, и произошла копотливость, которую Вы заметили...» (*Тургенев, Письма*, т. IV, стр. 358—359). Об этом же письме Достоевского Тургенев сообщал В. П. Боткину 26 марта (7 апреля) 1862 г.: «Я получил несколько писем о моей повести: от Писемского — критическое, от Майкова и Достоевского — восторженные. (Д‹остоевский› уверяет, что эта одна вещь стоит всего, что я написал, сравнивает ее с «Мертвыми душами» (!) etc.)...» (там же, стр. 368).

135. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

Первая половина марта 1862. Петербург

Упоминается в письме Плещеева к Достоевскому от 19 марта 1862 г.: «Наконец-то я получил от тебя весть. Я действительно с самого начала поста все собирался в Петербург, да разные дела помешали. ‹...› Рад душевно, что ты едешь за границу. Это для тебя будет полезно, в отношении здоровья, и рассеет тебя. Ты всегда был мнителен; а в последнее время — по случаю серьезной болезни, вероятно, эта мнительность у тебя и еще усилилась. Так ли?

Что касается до денег, которые ты мне должен — позволь тебе раз навсегда сказать, чтобы ты о них не беспокоился. Меня даже несколько обижает, что ты так часто передо мной извиняешься. Если б мне была уже такая крайность, я бы у тебя просто попросил их сам — но крайности, слава богу, еще не было. А удерживать у себя вырученные за твои книги деньги мне не приходило и в голову. Твое ли — чужое ли издание романа — мне все равно. На эти деньги я права не имею никакого» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 456). Имеется в виду отдельное издание «Униженных и оскорбленных», экземпляры которого были высланы Плещееву для продажи.

136. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВУ

Май—начало июня 1862. Петербург

Упоминается в письме Валиханова Достоевскому от 15 октября 1862 г.: «Письмо твое с известием, что скоро едешь за границу, я давно уже получил и с того времени все собираюсь писать и, как видишь, наконец-таки пишу» (Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч. в пяти томах. Алма-Ата, 1868, т. IV, стр. 63).

137. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Середина июня 1862. Берлин

Упоминается в письме М. М. Достоевского от 18 июня 1862 г.: «...письмо твое я получил с большою радостью. Я много за тебя боялся, именно боялся твоих припадков. Ждал я его уж и сказать не знаю с каким нетерпением. ‹...› очень жалею, что первые заграничные впечатления были для тебя отравлены дождем и холодом ‹...› Пиши, голубчик, ради бога, почаще. Хоть раз в неделю. Тебе есть о чем писать ‹...› Ты вот недавно видел немецкого человека и скоро увидишь французского, а потом итальянского и швейцарского. Впечатлений будет множество ‹...›

Насчет пожаров не беспокойся: поджоги, благодаря бдительности домохозяев и полиции, прекратились. По крайней мере, о пожарах почти не слышно. И потому насчет Марьи Дмитр‹иевны› будь покоен. Следствие над поджигателями производится, но результат еще неизвестен.

Я бы не советовал тебе ездить по ночам. Это утомительно, а при твоей болезни не безопасно. ‹...› Давно ли ты выехал, а сколько стран уже видел ‹...› Я как получил письмо твое, сейчас же понес его к Никол‹аю› Никол‹аевичу›. Он вчера писал уже тебе ‹...› Ал‹ександра› Петровна и Паша до упаду хохотали, когда я им читал письмо твое» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 534—535).

138. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Середина июля 1862. Париж

Упоминается в письме М. М. Достоевского к Н. Н. Страхову от 18 июля 1862 г.: «...нынче я получил письмо от брата. Он все еще в Париже и 15 числа нашего стиля оттуда выезжает. Писать к нему он просит во Флоренцию, poste restante, где он будет к 1 августа или в первых числах. Стало быть, в двадцатых июля — он в Женеве. Он очень жалеет, что Вы не отвечали ему на письмо его, и потому он не знает даже, уехали ли Вы за границу или нет» (*ЛН*, т. 86, стр. 384). Достоевский ждал ответа на свое письмо к Страхову от 26 июня (8 июля) 1862 г. из Парижа.

139. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Вторая половина июля 1862. Женева

Упоминается в письме М. М. Достоевского от 28 июля 1862 г.: «До сих пор не мог собраться написать тебе <...> Встретился ли ты с Николаем Никол<аевичем>? Меня сильно это беспокоит. Я все боюсь за тебя и за твои припадки, за твою хандру и тоску, на которые ты мне жалуешься чуть не в каждом письме. С ним было бы тебе веселее <...> Подписка почти прекратилась. Ты заботишься о критике и о фельетоне. Это все прекрасно; но обстоятельства устраиваются, кажется, так, что подписчики скорее будут рады твоему роману, чем твоим статьям. А впрочем, посмотрим <...>

Ты пишешь мне, чтоб я выслал тебе сто руб. во Флоренцию. Голубчик, теперь у меня денег нет ни гроша <...> Назначь другой город <...>

P. S. Пиши почаще да побольше. После твоего пассажа в Висбадене письма твои приняли какой-то деловой тон. О путешествии. о впечатлениях ни полслова...» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 537—539).

140. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Первая половина августа 1862. Флоренция

Упоминается в письме М. М. Достоевского от 16 августа 1862 г.: «Вчера получил я письмо твое из Флоренции и нынче же посылаю тебе *сто* рублей в Дрезден. Я ужасно рад, что путешествие твое кончается и что я скоро обниму тебя <...> Посылаю перевод на имя Михаила Каскеля в Дрезден» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 539).

141. Е. И. КОРСИНИ

Сентябрь—октябрь 1862. Петербург

Упоминается в письме Корсини к Достоевскому из Дюссельдорфа от 2 декабря 1862 г.: «Ради бога, извините меня, что я целую вечность не отвечаю на Ваше славное, теплое письмо. <...> не раскаивайтесь в Вашем дружеском расположении ко мне! Если мне теперь надо бы было объяснить Вам причину, почему я чуть ли 3 месяца не отвечала Вам, то ничего основательного и толкового не найдется, разве только, что я получила Ваше письмо в то время, когда очень была занята моими собственными *личными* делами и что долго после того меня наполняло собственное мое несчастие <...> Я не надивлюсь молчанию А<поллинарии>. Что с ней творится? Где она? Я Вас убедительно прошу, напишите хоть бы слово одно об этой личности...» (*Ланский, Утраченные письма*, стр. 204).*

1863

142. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Январь 1863. Петербург

Упоминается в письме к Тургеневу от 19 июня 1863 г.: «Ваша поддержка придала бы еще больше сил „Времени“ ∾ Я эти слова теперь только повторяю; я их говорил в январе» (см. стр. 36). Вероятно, речь идет о «словах» в январском письме Достоевского, так как Тургенев в это время находился за границей (см. также: *Тургенев, Письма*, т. V, стр. 125).

---

* Среди заметок 1862 г. в записной книжке 1860—1862 гг. записано: «Написать: Бакаппну — Валиханову — поэту — Штрандману — Настасье Петровне — Гейбовичу — Тону <?>» (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 91 и 356—357).

143. Е. П. АХМАТОВОЙ

10—12 февраля 1863. Петербург

Упоминается в письме Ахматовой к Достоевскому от 12 февраля 1863 г.: «Я очень сожалею, что я не знала ранее о беспорядке, с которым Вам присылался мой журнал. Ни одной Вашей жалобы я не видала, потому что, вероятно, Вы обращались в контору г. Кожанчикова, а не ко мне. Прошу извинения в том, что контора моего журнала не удовлетворила Ваших справедливых жалоб. Чтобы прекратить беспорядки, существовавшие столько лет относительно рассылки моего издания, я через несколько месяцев переведу контору к себе, о чем буду просить и Вас сказать несколько слов в Вашем журнале, *когда* я буду иметь честь сообщить Вам лично» (*ГБЛ*, ф. 93, II.1.59).

144. А. П. СУСЛОВОЙ

Около 6 (18) августа 1863. Берлин

Упоминается в дневнике Сусловой — в записи от 7 (19) августа 1863 г.: «Сейчас получила письмо от Ф‹едора› М‹ихайловича›. Он приедет через несколько дней» (*Суслова*, стр. 47).

145. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Около 6 (18) августа 1863. Берлин

Упоминается в письме Достоевского к П. А. Исаеву от 16 (28) августа: «Из Берлина я написал брату...» (см.: *Список*, № 146).

146. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

6 (18) августа 1863. Берлин

Достоевский писал П. А. Исаеву 16 (28) августа 1863 г.: «Из Берлина я написал брату, Коле и мамаше. Слышал ли ты об этих письмах? Если навещал Колю, как я просил тебя, то он, верно, тебе сказал, что получил от меня письмо» (см. выше, стр. 39). От письма к Н. М. Достоевскому сохранился конверт с берлинским штемпелем от 18.VIII.1863 (см. *ГБЛ*, ф. 93.I.6.15).

147. М. Д. ДОСТОЕВСКОЙ

6 (18) августа 1863. Берлин

Упоминается в письме Достоевского к П. А. Исаеву от 16 (28) августа 1863 г. (см.: *Список*, № 146).

148. А. П. СУСЛОВОЙ

14 (26) августа 1863. Париж

Упоминается в дневнике Сусловой — в записи от 15 (27) августа 1863 г.: «Сейчас получила письмо от Ф‹едора› Мих‹айловича› по город‹ской› уже почте. Как он рад, что скоро меня увидит. Я ему послала очень коротенькое письмо, которое было заранее приготовлено. Жаль мне его очень» (*Суслова*, стр. 50).

149. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

16 (28) августа 1863. Париж

Написано, вероятно, одновременно с письмами Н. М. Достоевскому и П. А. Исаеву (№№ 199, 200). В ответ на это письмо М. М. Достоевский писал 22 августа 1863 г.: «Вчера, приехав в Павловск ‹...› получил я письмо твое ‹...› Читал его с разными чувствами и, дойдя до известного места, обругал тебя ‹...› Так, брат, всегда будешь в проигрыше ‹...›. Я ужасно обрадовался, что ты мне высылаешь 50 фридрихсдор‹ов›. К твоему приезду они будут к твоим услугам ‹...›. Письмо твое мне показалось странным в одном месте. Ты пишешь о предчувствиях и нигде ни одного слова об Аполлинарии ‹...›

Ты затрудняешься, как переслать деньги ‹...› К Марье Дмитриевне ты можешь послать деньги через меня же ‹...› Пиши подробнее обо всем, не стесняйся: я никому твоих писем не показываю» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 540—541).

150. М. В. РОДЕВИЧУ

16 (28) августа 1863. Париж

Упоминается в письме к П. А. Исаеву от 16 (28) августа 1863 г.: «Вместе с этим письмом пишу и Михаилу Васильевичу. Он мне напишет, надеюсь, откровенно о тебе, то есть доволен ли он тобой?» (см. выше, стр. 39).

151. М. Д. ДОСТОЕВСКОЙ

Около 20 августа (1 сентября) 1863. Париж

Упоминается в письме к В. Д. Констант от 20 августа (1 сентября) 1863 г.: «Очень, очень меня, голубчик мой, обяжете ∾ Тогда я писал к ней, чтоб она Вас тотчас же и уведомила» (см. выше, стр. 41).

152. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

27 августа (8 сентября) 1863. Баден-Баден

Упоминается в письме М. М. Достоевского от 2 (14) сентября 1863 г.: «Письмо твое, милейший друг и брат, просто меня убило, так-таки наповал убило. Я его прочел в 12 часов ночи по возвращении из Павловска. Дело в том, что накануне только я получил твое золото, и оно уже было мною истрачено ‹...› Ты знаешь, голубчик, что у меня теперь никакого кредита по случаю запрещения журнала. Хоть лоб разбей, хоть в гроб ложись, а денег не достанешь ‹...› Посылаю ‹...› тебе через контору Винекена или через Гинцбурга. Я раз пять принимался читать письмо твое; все не мог окончить. Так тяжело и больно было мне.

Напиши мне подробно, отчего ты из Парижа скоро уехал» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 541—542). О том, что он пишет брату, Достоевский сообщает также в письме к В. Д. Констант от 27 августа (8 сентября) 1863 г. (см. выше, стр. 43).

153. М. Д. ДОСТОЕВСКОЙ

27 августа (8 сентября) 1863. Баден-Баден

Упоминается в письме к В. Д. Констант от 27 августа (8 сентября) 1863 г.: «...в Бадене, я проигрался на рулетке весь ∾ написал и Марье Дмитриевне, чтоб она из высланных мною ей денег прислала мне 100 руб.

<...> я не больше» (см. выше, стр. 42—43). По всей вероятности, о том же письме к М. Д. Достоевской идет речь и в следующем письме к В. Д. Констант, от 8 (20) сентября 1863 г., в котором Достоевский, однако, допустил описку, назвав как место отправления не Баден-Баден, а Турин (см. выше, стр. 46).

154. М. Д. ДОСТОЕВСКОЙ

Сентябрь 1863. Рим

Упоминаются несколько писем к М. Д. Достоевской в письме П. А. Исаеву от 18 (30) сентября 1863 г.: «Я мамаше больше всех писал, поминутно писал» (см. выше, стр. 49). Одно из этих писем, вероятно, может быть датировано 8 (20) сентября 1863 г., так как в этот день Достоевский сообщал В. Д. Констант: «Марье Дмитриевне сегодня же пишу. Постараюсь ей выставить всё дело в настоящем свете» (см. выше, стр. 48).

155. А. П. СУСЛОВОЙ

14 (26) октября 1863. Гомбург

Упоминается в дневнике Сусловой — в записи от 15 (27) октября 1863 г.: «Вчера получила письмо от Ф<едора> М<ихайловича>, он проигрался и просит прислать ему денег» (*Суслова*, стр. 66).

156. А. К. ТОЛСТОМУ<?>

5 декабря 1863. Петербург

Упоминается в письме Достоевского к неустановленному лицу от 5 декабря 1863 г.: «Мне было бы слишком тяжело, если такой прекрасный, добрый человек, который сам первый протянул мне руку, худо обо мне подумает <...> потому прошу Вас написать обо мне графу, что, думаю, мое письмо к нему (которое отсылаю с этой же почтой) опоздает без точного адреса» (см. выше, стр. 59).

1864

157. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

11—12 января 1864. Москва

Упоминается в письме М. М. Достоевского от 14—15 января 1864 г.: «Последние три дня я просто измучился, и потому не отвечал тебе <...> Начну теперь о журнале <...> Кажется, на этих днях все уладится, но заглавие „Почва“ не понравилось, и я принужден был переменить его. <...> Тургенев уже более недели как в Петербурге, и нынче он отдал мне свою повесть. Стало быть, первая книга явится с его именем. Он и не думал отдавать ее в „Р<усский> вестник“.

Егору Петровичу еще не мог отдать твоего долга: три раза был у него (нынче два раза) и не заставал его дома <...>

Если еще твою повесть, и номер выйдет хороший...» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 545).

---

* В записной книжке 1863—1864 гг. среди заметок 1863 г. записано: «...2) Отдать В<арваре> Д<митриевне> письма <...>. 4) Написать в Москву, когда ворочусь» (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 92, 357).

158. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

25 января 1864. Москва

Упоминается в письме М. М. Достоевского от 27 января 1864 г.: «Все это время никак не мог писать тебе <...> Теперь дело разрешилось. Еще третьего дня вечером мне изустно объявили, что „Эпоха" разрешена. Нынче я получил официальное отношение. Итак, да здравствует „Эпоха"! <...> Кто же тебе сказал, что я передумал насчет двух №№ в одной книге. Так и будет и иначе не может быть.

Насчет Боборыкина я тебе вот что скажу. Прочти в декабр<ьской> книге „Биб<лиотеки> для чтен<ия>" статейку „Приемный день у редактора". Статья пустая, литературного достоинства никакого, выведен редактор с общими местами в разговоре, но говорящий горячо о почве. Метили на меня. Это пусть бы. Дурно то, что не постыдились клеветать. Приписали мне двух француженок, которых будто бы я имею на содержании <...> Задет также и ты, по крайней мере назван чувствительным писателем. Прочти, и у тебя, может быть, пройдет охота писать для Боборыкина. Так не третируют известного писателя, работы которого просят и ждут. Даже Страхов изумился глупости „Б<иблиотеки> д<ля> ч<тения>". Впрочем, решай сам. Я тут сторона» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 546—547).

159. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Конец января 1864. Москва

Упоминается в письме М. М. Достоевского от 3 февраля 1864 г.: «Я завален корректурами, да и писать нечего, все пока обстоит благополучно. Подписка городская началась и у Базунова и у других книгопродавцев <...> Когда я выдам книгу? спрашиваешь ты. Хочу в конце м<есяц>а, а там что бог даст. Позже тоже не годится. Как раз остановишь подписку. Крайний срок был бы, по-моему, к 20-му, но в случае крайности денька три-четыре прихватить можно <...>

Мы все ждем тебя с нетерпением. <...>

Деньги твои Ковалевскому давно уже отданы — в чем имеется у меня расписка» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 547—548).

160. ТЕЛЕГРАММА М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

15 апреля 1864. Москва

Упоминается в письме Достоевского от 15 апреля 1864 г., связанном со смертью жены: «Сейчас через Алек<сандра> Павловича послана тебе от меня телеграфическая депеша. Я просил выслать Пашу» (см. выше, стр. 90).

161. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

23 апреля 1864. Москва

Упоминается в письме М. М. Достоевскому от 23 апреля 1864 г.: «Распечатываю пакет, в который уже было уложено первое письмо, чтобы приписать...» (см. выше, стр. 92).

162. А. П. СУСЛОВОЙ

Конец 1863—май 1864<?>

Упоминается в черновике ответного письма Сусловой (без даты), в котором она писала: «Ты [сердишься] просишь не писать, что я краснею

за свою любовь к тебе. <...> за любовь свою никогда не краснела; она была красива, даже грандиозна. Я могла тебе писать, что краснела за наши прежние отношения <...>» (*Суслова*, стр. 170).

163. А. П. СУСЛОВОЙ

2 июня 1864. Петербург

Упоминается в ответном письме Сусловой: «На днях получила от тебя письмо от 2 июня <...> Вижу, что у тебя ум за разум зашел: писала тебе из Версаля и послала свой адрес, а ты сомневаешься, как мне адресовать письмо: в Париж или в Версаль.

Через две недели ровно поеду в Спа <...> это очень близко от Ахена, следовательно, тебе по дороге <...> иначе нам видеться, пожалуй, не придется долго, так как ты не долго думаешь пробыть в Париже, а я нескоро возвращусь в Россию <...> Удивляюсь, откуда тебе характер мой перестал нравиться [ты пишешь это в последнем письме] <...> Напрасно ты восхваляешь Спа, там должно быть очень гадко <...> Ты мне писал как-то, убеждая меня возвратиться в Петербург, что там теперь так много хорошего, такой прекрасный поворот в умах и пр. <...> Благодарю за заботливость о моем здоровье...» (*Суслова*, стр. 170—172).* Задуманная Достоевским летом 1864 г. поездка за границу не состоялась.

164. Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

8—9 июля 1864. Павловск

Упоминается в письме к П. А. Исаеву от 8—9 июля 1864 г.: «Брат при смерти. Не говори никому об этом. Я написал Коле» (см. стр. 94).

165. А. В. КОРВИН-КРУКОВСКОЙ

Конец августа—начало сентября 1864. Петербург

С. В. Корвин-Круковская (Ковалевская) в своих воспоминаниях приводит по памяти текст письма Достоевского (которое она много раз перечитывала) к ее старшей сестре с отзывом о рассказе последней «Сон», предназначенном для августовской книги «Эпохи»: «Милостивая государыня, Анна Васильевна! Письмо Ваше, полное такого искреннего и милого доверия ко мне, так меня заинтересовало, что я немедленно принялся за чтение присылаемого Вами рассказа.

Признаюсь Вам, я начал читать не без тайного страха; нам, редакторам журналов, выпадает так часто на долю печальная обязанность разочаровывать молодых начинающих писателей, присылающих нам свои первые литературные опыты на оценку. В нашем случае мне это было бы очень прискорбно. Но, по мере того, как я читал, страх мой рассеивался, и я всё более и более поддавался под обаяние той юношеской непосредственности, той искренности и теплоты чувства, которыми проникнут Ваш рассказ. Вот эти-то качества так подкупают в Вас, что я боюсь, не нахожусь ли я и теперь под их влиянием; поэтому я не смею еще ответить категорически и беспристрастно на тот вопрос, который Вы мне ставите: „разовьется ли из Вас со временем крупная писательница?“.

Одно скажу Вам: рассказ Ваш будет мною (и с большим удоволь-

---

* В записной книжке А. П. Сусловой отмечены даты писем к ней Достоевского: «За 1864 г. — от 27 марта, 17 апреля, 16 мая, 3 июня, 11 июля, 2 августа, 2 сентября, 26 сентября, 18 октября. За 1865 г. — от 13 января, 6 марта, 15 апреля, 7 мая, 29 сентября, 5 октября. За 1866 г. — от 4 февраля» (*Суслова*, стр. 189).

ствием) напечатан в будущем же № моего журнала; что же касается Вашего вопроса, то посоветую Вам: пишите и работайте; остальное покажет время.

Не скрою от Вас — есть в Вашем рассказе еще много недоделанного, чересчур наивного; есть даже, простите за откровенность, погрешности против русской грамоты. Но всё это мелкие недостатки, которые, потрудившись, Вы можете осилить; общее же впечатление самое благоприятное.

Поэтому, повторяю, пишите и пишите. Искренно буду рад, если Вы найдете возможным сообщить мне побольше о себе: сколько Вам лет и в какой обстановке живете. Мне важно всё это знать для правильной оценки Вашего таланта» (*Ковалевская*, стр. 65). С. Я. Штрайх, видевший черновики воспоминаний С. В. Корвин-Круковской, приводит одно разночтение в тексте воспроизводимого ею письма Достоевского. Вместо: «для правильной ∾ таланта» — было: «чтобы составить себе понятие о Вас и о Вашем таланте» (С. Я. Штрайх. Сестры Корвин-Круковские. М., 1934, стр. 25).*

166. А. А. ГОЛОВАЧЕВУ

2—3 сентября 1864. Петербург

15 сентября 1864 г. Головачев, сообщив о том, что ввиду его поездки в Калугу письмо Достоевского долго «пролежало на почте», отвечал: «Вы просите меня избежать по возможности *нецензурного* способа выражения. <...> Вы говорите о внешности взгляда, но в этом случае я не хотел именно обратить внимание на внутреннюю разницу, потому что в статье моей о классическом образовании была проведена мысль о разности нашей цивилизации от западноевропейской, но Вы забраковали ее, и потому я избегал этого.

Впрочем, я Вам очень благодарен, что Вы сообщили мне Ваши замечания о недостатках статьи, только жаль, что не вполне <...> Что касается до выборки из моей статьи, то предоставляю Вам полное право распорядиться с нею, как Вам угодно. Жалею только, что мы не сходимся в мнениях по поводу вероятия свободной торговли. <...> По политическому обозрению попробую написать еще статью, в которой, конечно, поговорю и об речи Персиньи» (*Ланский. Утраченные письма*, стр. 202; полный текст этого письма см.: *ГБЛ*, ф. 93, II.2.98; о датировке письма см.: наст. изд., т. XXVII, стр. 95, 362—363).

167. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

Первая половина сентября 1864. Петербург

В письме Плещеева от 16 сентября 1864 г. содержится упоминание о письме Достоевского: «Я писал к тебе недавно — в ответ на твое письмо о даме, которая до сих пор еще не явилась сюда; но не получаю от тебя ответа и не знаю, не сердишься ли ты на меня за что» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 460).

168—169. И. С. ТУРГЕНЕВУ

24 августа и 20 сентября 1864. Петербург

Упоминаются в ответном письме Тургенева от 3 (15) октября: «...я всё собирался отвечать Вам на Ваше письмо от 24-го августа <...> другое

---

* В записной тетради Достоевского 1864—1865 гг. среди заметок 1864 г. содержатся записи: «*22 авг<уста>*. Тургеневу написать. <...> Написать: Колошину — Серову — Тургеневу — Островскому.

NB. Справиться, кому еще. *Ап. Григорьеву* написать <...> 6 <сентября>. О Колошине. Отвечать на его письмо. Завтра же утром» (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 94, 95, 360, 363).

Ваше письмо от 20-го сент‹ября› напомнило мне мою обязанность, и я спешу ее исполнить. Начну с уверения, что мои чувства к Вашему журналу нисколько не изменились — что я ото всей души готов содействовать его успеху, по мере сил — и *даю Вам обещание* первую написанную мною вещь поместить у Вас ‹...› Встряхнусь ли я наконец — единому богу известно — но если эта штука со мною случится — работа моя исключительно к Вашим услугам. Я часто думал об Вас все это время, обо всех ударах, которые Вас поразили — и искренно радуюсь тому, что Вы не дали им разбить Вас вконец. Боюсь я только за Ваше здоровье, как бы оно не пострадало от излишних трудов. Мне самому очень и очень жаль, что я не вижу здесь „Эпохи“, надеюсь лучше распорядиться с будущего года» (*Тургенев, Письма*, т. V, стр. 287—288).

170. П. И. ГОРСКОМУ

Вторая половина сентября 1864. Петербург

Упоминается в ответном письме Горского от 2 октября 1864 г.: «За литературный совет искренне благодарю! Я сам, хотя и смутно, сознавал справедливость Ваших слов. ‹...› В моей жизни до сумасшествия много сердечного; я и писать буду сердечно, а не хлестать сарказмами. Темненькие заведения — вещь очень годная для живого описания. Одним словом, исправлюсь» (*Достоевский и его время*, стр. 259).* Неизвестное письмо Достоевского было ответом на письмо Горского от 15 сентября 1864 г., посланное вместе с его очерками «Записки умалишенного».

171. А. А. ГОЛОВАЧЕВУ

23 октября 1864. Петербург

В недатированном письме Головачев ответил: «Письмо Ваше и деньги 112 руб. получил и очень Вам благодарен за Вашу аккуратность, а то мне приходило‹сь› очень плохо ‹...› В ожидании Вашего ответа на мой вопрос о Гладстоне я делал только выборки и отдельные заметки ‹...› P. S. Какой я закоренелый западник? Напротив, я всегда считаю учреждения Запада довольно гнилыми: для меня на Западе существует только одна наука, которая, добывая общечеловеческие истины, не может быть ни западною, ни восточною» (*ГБЛ*, ф. 93, II.2.98; см. также: *Ланский. Утраченные письма*, стр. 202, 203).** Письмо Достоевского датируется днем выплаты Головачеву денег за «Политическое обозрение» в августовском выпуске «Эпохи» (см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 76—77; *ЛН*, т. 83, стр. 237).

---

* В записной тетради 1864—1865 гг. среди заметок 1864 г. содержатся записи: «19) сентября ‹...› Филиппову написать ‹...› 23 ‹сентября›. Головачеву ‹...› 25 ‹сентября› Соколовскому в Брянск. 27 ‹сентября›. *Колошину непременно* (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 95—96, 363—364).

** В записной тетради 1864—1865 гг. среди заметок 1864 г. содержатся записи: «3 октября (болен). Головачеву написать, чтоб не торопился с политическим обозрением. 5 октября. ‹...› Письмо и деньги Бабикову. 6 ок‹тября›. Отыскать письмо Калатузова. ‹...› Колошину непременно. ‹...› 8 ‹октября›. Через неделю 18 числа октября Бунакову окончательный ответ. „Кит‹айская› царевн‹а›“ окончательный ответ. 13 ‹октября›. В Уфу *Лесничему* NB. 16 октября ‹...› 21 ‹октября›. Ауэрбах (Бурдину). Справиться о письмах, которые надо написать. 24 ‹октября› Письмо и деньги Ольге N. 25 ‹октября›. Отвечать *Лесовику*. ‹...› 30 ‹октября›. Отыскать письмо Круковской. ‹...› 4 ноябр‹я›. Зотову отвечать» (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 96, 364—365).

172. А. А. ГОЛОВАЧЕВУ

Конец ноября 1864. Петербург

19 декабря 1864 г. Головачев писал Достоевскому: «Последнее Ваше письмо с деньгами 81 руб. 25 коп. я получил <...> Простите меня, что я долго не отвечал Вам; причиною этого было собственно содержание Вашего письма, которого, я признаюсь, до сих пор не могу себе объяснить. Вы даете мне тему для статьи, я совершенно с нею согласен, пишу статью на эту тему, и Вы не согласны ее напечатать только потому, что в ней придано большое значение экономическому началу. Но скажите мне, пожалуйста, неужели в государстве экономическое начало не имеет большого значения? Ведь у меня нигде не сказано, чтобы это начало было единственной целью государства. Мне кажется только, что другие цели могут лучше достигаться при условии правильного развития экономических отношений. Мысль, что русские интересы в европейской политике еще не выяснились, кажется, также не может шокировать, кажется, никого, потому что наш народ не жил политически и его интересы мы угадывать не можем» (*ГБЛ*, ф. 93, II.2.98; *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 78—79).*

173. А. В. КОРВИН-КРУКОВСКОЙ

Ноябрь или начало декабря 1864. Петербург

Упоминается в письме Достоевского к Корвин-Круковской от 14 декабря 1864 г.: «Вы мне не ответили на последнее письмо (несколько строк) при отсылке Вам денег за повесть „Сон“» (см. стр. 108).

174. Н. АДАМОВУ

Около 10 декабря 1864. Петербург

10 декабря 1864 г. Адамов, которого Достоевский поддерживал материально и снабжал книгами для чтения, ответил: «Чувствительно благодарю Вас за поздравление и с нетерпением жду минуты, когда Вы будете посвободнее и улучите минуту навестить меня. Я знаю, что Вы... да почти все знают, что такое Вы <...> Я редко *сам* намекал Вам о своих мелких нуждах; между тем Вы *сами*, по непонятной для меня доброте своей ко мне, предупреждали мои нужды <...> Зачем Вы себя не бережете? Здоровье Ваше дорого, может быть, не мне одному» (*ИРЛИ*, № 29628, а также: *Ланский. Утраченные письма*, стр. 220).

175. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

Около 20 декабря 1864. Петербург

23 декабря 1864 г. Плещеев в ответ на соболезнование по поводу смерти его первой жены писал Достоевскому: «Крепко тебя обнимаю и жму твою руку за дружеское братское участие. Да! голубчик мой, разразилось над моей несчастной головой нежданное, негаданное горе. И какое горе! <...> Ты пишешь мне: плачь, но не старайся забыть. Ах — друг мой! Разве могу я ее забыть <...> Верь, что свидишься, пишешь ты! Ах! если бы свидеться — хоть на миг бы свидеться; если б хоть эта вера — все было бы не так невыносимо тяжко» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 462).

---

* В записной тетради 1864—1865 гг. среди заметок 1864 г. содержится запись: «*22 декабря.* Ответ Врангелю. Ответ Головачеву. Ответ С<условой>. Ответ Зименко. Ответ Ушакову» (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 97, 365—366).

176. М. БРАУН (ПАНИНОЙ)

Конец декабря 1864. Петербург

Марфа Браун, находившаяся в это время в больнице, писала Достоевскому: «Пользуясь Вашим позволением, осмеливаюсь известить Вас, что я получила с посланною от меня женщиною Ваше письмо ко мне и деньги. Очень Вам благодарна как за эти, так и за те, которые Вы мне вручили лично <...> Извините меня за пространность моего письма и позвольте мне искренно поблагодарить Вас за Ваше доброе расположение ко мне и за удовольствие и честь, которые Вы мне доставили Вашим посещением» (Звенья. М.—Л., 1936, т. VI, стр. 595—596).

177. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

Конец декабря 1864. Петербург

Упоминается в письме Островского от 3 января 1865 г.: «Я не отвечал Вам не потому, что сержусь на Вас, да и за что мне на Вас сердиться? <...> Дайте мне отдохнуть немного, я Вам непременно напишу пиесу и скоро. На днях я буду в Петербурге и увижусь с Вами» (*Островский*, т. XI, стр. 194).

178. С. Н. ФЕДОРОВУ

Декабрь 1864—февраль 1865. Петербург

В письме от 25 февраля 1865 г. (1-я редакция) Достоевский писал Федорову: «Вам кажется, что если я Вам писал и обещал уплату за журнал „Время" в январе, то <...> Вы <...> считаете позволительным мучить меня телеграммами с грубейшими угрозами» (см. стр. 346).

1865

179. П. Н. ГОРСКОМУ

Начало января 1865. Петербург

Горский писал Достоевскому 7 января 1865 г.: «Почел бы за долг явиться к Вам лично, да не в чем выйти. Хотя Вы и справедливо сердитесь за мою рекомендацию Рогге, за то, что я не умел написать удачной статьи для Вашего журнала, за то, что забрал у Вас много денег, — но в этом виновата не моя совесть, а обстоятельства.

Во-первых, облагодетельствованный Вами, помощью, посещением меня в больнице, обнадеженный словами письма Вашего в больницу: „Мы все желаем Вас иметь сотрудником" — я рвался из кожи, пиша на данную тему. Но как Вы сами знаете, что лучше писать, о чем хочется, а излишнее усердие портит дело, — то, немудрено, что мои статьи не удались. Не удались они и потому, что я был в самых стесненных обстоятельствах...» (*Достоевский и его время*, стр. 265).*

180. Н. А. ЧАЕВУ

7 января 1865. Петербург

Чаев 8 января 1865 г. ответил: «Вчера получил письмо Ваше <...> Я согласен принять предложение Редакции „Эпохи", то есть получить за „Свата Фадеича" 300 рублей. „Самозванца" не лучше ли пустить в генваре <...> Впрочем, делайте как заблагорассудится» (*ГБЛ*, ф. 93, II.9.14).

* В записной тетради 1864—1865 гг. среди заметок 1865 г. содержится запись: «1 января *написать* Врангелю — Шидловскому — Круковской — Калатувову» (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 97 и 366).

180-а. П. Н. РЫБНИКОВУ

26 января 1865. Петербург

Сообщая в письме к Достоевскому от 16 января 1865 г. о своей собирательской деятельности, Рыбников обращался к нему «...с предложением помещать время от время собираемые ... <им> былины и песни, по мере накопления их, в „Эпохе“, в виде приложения» (см.: *Из архива Достоевского*, стр. 97). На письме помета Достоевского: «Отв<ечено>. 26 янв./65 г.».

181. Н. А. ЧАЕВУ

Вторая половина января 1865. Петербург

30 января 1865 г. Чаев отвечал Достоевскому из Москвы: «По желанию Вашему <...> я говорил с Иваном Дмитриевичем Беляевым об статье для „Эпохи“. Он мне сказал, что теперь ничего нет, но к лету обещал приготовить. О „Самозванце“ же он не писал и не пишет. Получили ли Вы мое письмо о поправках в „Самозванце“? <...>

P. S. На вопрос Ваш: пишу ли я что? Отвечаю: покуда нет, а работаю, читаю для „Василия Шуйского“» (*ГБЛ*, ф. 93, II.9.14).

182. А. В. ЗИМЕНКО

Вторая половина января 1865. Петербург

Зименко ответил Достоевскому 1 февраля 1865 г.: «Извините великодушно, что только теперь, после выздоровления, имею возможность отвечать на любезное письмо Ваше и уверить Вас, что я нисколько не сомневаюсь относительно условий, предложенных мне как покойным братом Вашим, так ровно и самими Вами». Прося выслать ему 100 р. и обещая остальное подождать до середины марта, Зименко далее писал: «Извините, пожалуйста, что я даже после Вашего категорического ответа обращаюсь к Вам с такою просьбою. Поверьте, что если я решился ее высказать, то единственно потому, что меня вынудила крайность моего положения». В заключение Зименко сообщал, что он работает над повестью «Маскарад» для «Эпохи» (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29719, а также: *Ланский. Утраченные письма*, стр. 200).*

183. С. Н. ФЕДОРОВУ

25 февраля 1865. Петербург

Телеграмма

25 февраля 1865 г. Достоевский отправил Федорову телеграмму, в ответ на телеграмму последнего с категорическим требованием немедленно выслать деньги за его роман во «Времени» (см. письмо 252 и примеч. к нему).

184. Н. АДАМОВУ

Около 28 февраля 1863, 1864 или 1865. Петербург

Сообщая свой адрес в ответ на запрос Достоевского, Адамов писал 28 февраля: «Время наступает теплое, дни весенние, может быть, Вы и

---

* В записной тетради 1864—1865 гг. среди заметок 1865 г. содержится запись: «*Отвечать* 2 февраля Тургеневу — Зименко — Врангелю — Шидловскому — Шейну — Чаеву — Брату Андрею» (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 97, 366—367).

вздумаете прокатиться, чтобы обрадовать навсегда Вам преданного Николая Адамова» (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29628).

185. А. В. ЗИМЕНКО

Февраль—март 1865. Петербург

Высылая Достоевскому свою повесть «Маскарад», Зименко писал 23 марта 1865 г.: «Вы писали, что уплата должных мне покойным Михаилом Михайловичем денег будет сделана Вами *непременно* в конце февраля...» (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29719; *Ланский. Утраченные письма*, стр. 200).

186—187. О. ЖУРАВСКОЙ

Первая половина апреля 1865. Петербург

Упоминаются в письмах начинающей писательницы Ольги Журавской — во втором, недатированном, и в третьем, написанном 17 апреля (год в письмах не проставлен, но речь может идти только о 1865 г., когда Достоевский редактировал журнал «Эпоха»). В своем первом письме (от 8 апреля) Журавская просила писателя прочесть ее повесть и напечатать ее, если это окажется возможным. Получив ответ, содержавший обещание посетить ее, она писала: «Я, право, не нахожу слов, как благодарить Вас за Вашу любезность и за внимание, что Вы не отказали протянуть мне руку» (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29715). В третьем письме, написанном в канун пасхи, она просила писателя назначить день, когда он сможет приехать к ней «на несколько часов» (там же; см. также: *Ланский. Утраченные письма*, стр. 205). Ответ Достоевского на это письмо мог быть написан 18 апреля 1865 г.

188. А. П. СУСЛОВОЙ

19 апреля 1865. Петербург

19 апреля 1865 г. Достоевский отправил Н. П. Сусловой вместе с письмом к ней копию своего письма к А. П. Сусловой с просьбой прочесть его: «Из него Вы ясно увидите, — писал он, — разъяснение всех вопросов, которые Вы мне задаете в Вашем письме, то есть „люблю ли я лакомиться чужими страданиями и слезами“ и проч. А также разъяснение насчет цинизма и грязи» (см. стр. 121).

189. А. В. ЗИМЕНКО

Первая половина мая 1865. Петербург

В ответ на извещение Достоевского о прекращении издания «Эпохи» Зименко 17 мая 1865 г. писал: «Весьма сожалею, что враждебно сложившиеся для Вашего журнала обстоятельства лишают Вас возможности уплатить мне теперь должные редакцией деньги. Впрочем, я уверен, что когда дела Ваши поправятся. Вы не преминете исполнить данное мне Вами слово. Но так как время на перемену к лучшему так неопределенно, что, судя по Вашему письму, Вы сами ничего не можете сказать верного ‹...› прошу Вас передать мою рукопись (повесть «Маскарад», — *Ред.*) моему хорошему приятелю полковнику Александру Павловичу Мосолову...» (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29719; *Ланский. Утраченные письма*, стр. 200).*

---

* В записной тетради Достоевского 1864—1865 гг. среди заметок 1865 г. содержится запись: «6 мая 1) Попову до 25 мая, известие об уплате помесячно» (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 98).

190. В. Ф. КОРШУ

Около 5 июня 1865. Петербург

Упоминается в письме Корша от 5 июня 1865 г.: «Долгом считаю благодарить Вас за желание поместить Ваш будущий роман в конце текущего года в „С.-Петербургских ведомостях“. Само собою разумеется, что я воспользуюсь этим желанием, если только роман будет отвечать газетным требованиям, которые, как Вам известно, не всегда совпадают с требованиями толстых месячных журналов». Далее Корш высказывал свое согласие платить Достоевскому 150 р. за печатный лист и писал: «Что касается до других Ваших сочинений, то я не сомневаюсь, что всякий понимающий дело издатель охотно уплатит Вам за них не две тысячи рублей, а значительно больше» (*ГБЛ*, ф. 93, II.5:128; *Ланский. Утраченные письма*, стр. 199).

190а. КОНТРАКТ С Ф. Т. СТЕЛЛОВСКИМ

1 июля 1865. Петербург

Упоминается в письме к Тургеневу от 3 (15) августа 1865 г. (стр. 128; см. также примеч. 15 к письму 253). Дата контракта названа в письме к П. А. Исаеву от 10 (22) декабря 1869 г. (см. наст. изд., т. XXIX_1, письмо 377).

191. В. Ф. КОРШУ

Июнь—начало июля 1865. Петербург

Получив еще одно письмо Достоевского, Корш 5 июля (в подлиннике ошибочно: 5 июня) сообщал, что он промедлил с ответом, так как не мог решить «мудреной задачи ‹...› насколько ‹...› будущий роман подойдет к газетным требованиям», и, во-вторых, не знал, позволят ли ему «средства сделать известный ‹...› лишний расход». В заключение он писал: «Все это, естественно, повергает меня в раздумье, и, в конце концов, я мог придумать только средний термин, едва ли для Вас удовлетворительный. Прилагаемое письмо, на Ваше имя написанное, как видите, условно. Оно ни к чему не обязывает ни меня, ни Вас. Ради бога, не подумайте, что *не хочу* исполнить Ваше желание. Мои обстоятельства таковы, что я просто *не могу*, несмотря на сильное желание, хоть сколько-нибудь поддержать Вас» (*ГБЛ*, ф. 93, II.5.128).

192. А. И. ГЕРЦЕНУ

3 (15) августа 1865. Висбаден

В связи с проигрышем в рулетку Достоевский 3 (15) августа 1865 г. обратился к Герцену с просьбой одолжить 400 флоринов (см. письма к А. П. Сусловой, стр. 129—132). Письмо не застало Герцена в Женеве; 9 (21) августа, по возвращении, Герцен ответил Достоевскому. Сохранился лишь конверт от этого ответа и концовка письма: «Прощайте. Тороплюсь, потому что Ваше письмо пришло без меня (я был в горах). В Женеве заезжайте. Усердно кланяюсь Вам. А. Герцен. Женева. La Boissière» (см.: *Герцен*, т. XXVIII, стр. 96, 321).

193. Н. Н. ВОСКОБОЙНИКОВУ

Начало августа 1865. Висбаден

Упоминается в письме Н. Н. Воскобойникова от 12 (24) августа 1865 г.: «Письмо Ваше я получил 9-го, а отвечаю 12-го потому что эти дни хлопотал о размене акций „С.-Петерб‹ургского› страх‹ового› общ‹ества›" и думал тотчас выслать Вам деньги ‹...› Текущих денег редакция „Б‹иблиотеки› д‹ля› ч‹тения›" уже давно почти вовсе не имеет, а самому мне невозможно достать что-нибудь у знакомых ‹...› Некрасова еще нет. Я извещу Вас, когда узнаю, что он приехал. Ваше подробное объяснение с подписчиками («Эпохи», — *Ред.*) до сих пор ходит по цензуре, и, стало, мало надежды, чтобы оно прошло с предварительною...» (*ГБЛ*, ф. 93, II.2.55; *Ланский. Утраченные письма*, стр. 201).

194. А. Е. ВРАНГЕЛЮ

Начало августа 1865. Висбаден

Упоминается в письме к А. Е. Врангелю от 24 августа (5 сентября) 1865 г.: «...получили ль Вы мое письмо, которое я Вам послал с месяц тому назад в Копенгаген? ‹...› написал Вам вскорости по выезде моем за границу» (см. стр. 133).

195. А. П. МИЛЮКОВУ

Начало сентября 1865. Висбаден

А. П. Милюков в своих воспоминаниях приводит отрывки из адресованного ему сентябрьского письма Достоевского 1865 г.: «Сижу в отеле, кругом должен и мне грозят; денег ни гроша». И далее Милюков писал: «При этом он (Достоевский, — *Ред.*) сообщает, что сюжет задуманной им литературной работы „расширился и разбогател", и просит „запродать повесть хоть куда бы ни было, но только с условием выслать немедленно 300 рублей". О содержании повести он не говорит, но замечает только: «ведь на нее внимание обратят, заговорят... в этом роде ничего у нас никогда не было; за оригинальность ручаюсь, да и за занимательность тоже». Речь идет, как и полагает Милюков, о «Преступлении и наказании» (*Милюков*, стр. 225—226).

196. М. Н. КАТКОВУ

10 (22)—15 (27) сентября 1865. Висбаден

Утрачен беловой текст письма, черновик которого сохранился (см. письмо 266).

197. А. Е. ВРАНГЕЛЮ

Около 15 (27) октября 1865. Кронштадт

Упоминается в письме Достоевского к Врангелю от 8 ноября 1865 г.: «...по Вашему письму вижу, что Вы как будто и не получили мою записочку с парохода из Кронштадта ‹...› написал на счете Вам несколько строк, прося заплатить этот фунт в Копенгагене...» (см. стр. 141).

198. А. В. КОРВИН-КРУКОВСКОЙ

24 ноября 1865. Петербург

А. М. Евреинова 24 ноября 1865 г. с «верной» прислугой пересылала Достоевскому письмо А. В. Круковской с просьбой передать с той же прислугой «хотя несколько слов, которые, — по ее словам, — завтра же отправятся радовать нашу славную Анну Васильевну». «Не взыщите за беспокойство, — писала Евреинова, — быть может, даже прервала Ваши занятия, но это средство заполучить от Вас письмо для передачи Анюте столь верно, что я решилась порисковать.

Мы с ней сестры (духовные по стремлениям) — следовательно, можете быть уверены, что кроме ее лично никто не прочтет, — подлая цензура (то есть родительский просмотр) не подлежит нашему ведению (то есть мы этим не занимаемся)» (см.: С. Я. Штрайх. Сестры Корвин-Круковские. М., 1934, стр. 45—46).

199. В. Ф. КОРШУ

Конец декабря 1865. Петербург

27 декабря 1865 г. Корш сообщал Достоевскому о том, что уплатил за него 300 р. по векселю, и просил его «заработать эти деньги в течение года», поместив в газете «небольшой рассказ или цельный отрывок из большого нового сочинения». Достоевский, по всей вероятности, ответил на эту записку Корша, так как за ней следует другое ответное письмо Корша от 30 декабря ‹1865› г.: «С удовольствием исполнил бы Ваше условие, если б *имел право* исполнить. Имея сам много незаплаченных долгов, я обязан прежде всего думать о них и считать не только сотни рублей, но даже и копейки. Я убедительно прошу Вас стать на мое место, чтобы не осуждать меня за вынужденный обстоятельствами отказ. Если б я был богаче, тогда и сам предложил бы Вам свои услуги» (*ГБЛ*, ф. 93, II.5.128; *Ланский. Утраченные письма*, стр. 199).

200. В РЕДАКЦИЮ «РУССКОГО ВЕСТНИКА»

Ноябрь—декабрь 1865. Петербург

Несколько писем в Редакцию «Русского вестника» упоминаются в декабрьском письме Достоевского к Каткову: «А между тем на все письма мои в редакцию ‹...› о высылке мне сколько-нибудь денег, для поддержания меня, я не получил еще даже никакого ответа. Мало того: не знаю, когда будет напечатан мой роман, и наконец, будет ли еще он напечатан у Вас?» (см. стр. 145—146).

201. М. Н. КАТКОВУ

Декабрь 1865. Петербург

Утрачен беловой текст письма, черновик которого сохранился (см. письмо 271).

1866

202. Н. Н. ВОСКОБОЙНИКОВУ

Между 19 и 22 января 1866. Петербург

В письме к Достоевскому от 19 января 1866 г. Воскобойников выражал сожаление, что, вызванный телеграммой в Москву, он перед отъездом

не успел зайти к Достоевскому, и просил доставить ему «несколько приятных минут» исполнением поручения «у Каткова или где бы то ни было». В ответном письме Достоевский, по-видимому, высказал пожелание, чтобы Воскобойников разузнал, как обстоят дела с публикацией «Преступления и наказания». 22 января 1866 г. Воскобойников сообщал, что он «перебросился несколькими словами» о романе с П. М. Леонтьевым, спросил его, как же они думают напечатать роман Боборыкина «Земские силы», «когда место занято ‹...› романами Достоевского и Клюшникова», на что Леонтьев ответил: «Да, это правда, что место занято, но, может быть, Боборыкин согласится поместить свой роман в 1867 году». И далее Воскобойников писал: «Из этих слов, я полагаю, можно заключить, что роман Ваш появится в „Русск‹ом› вестн‹ике›“. В дальнейшем разговоре, не помню по какому случаю, Леонтьев выразился, что Вы не соблюли первого срока для доставки романа.

Вы желали, чтобы я написал, что услышу здесь о Вашем романе, — это я и исполнил. На днях надеюсь узнать больше. Завтра я буду у Любимова, заведующего в „Русск‹ом› вест‹нике›“ беллетристикой...» (*ГБЛ*, ф. 93, II.2.55; *Ланский. Утраченные письма*, стр. 201—202).

1864—1866

203—209. П. ПОПОВУ

Апрель 1864—25 января 1866. Петербург

7 писем Достоевского к Попову упоминаются в письме последнего от 27 января 1866 г., в котором он в связи с выданным ему векселем писал: «Пред моими глазами лежит семь Ваших писем, полученных мною с апреля 1864 и по 25 число января сего 1866 года. Главное их содержание заключается в том, чтобы я сколько возможно укреплялся терпением и ожиданием того времени, когда будут у Вас деньги; но ‹...› я решительно не знаю, когда ниспошлется Вам финансовая манна» (*Ланский. Утраченные письма*, стр. 197—198).

1866

210. П. ПОПОВУ

13 марта 1866. Петербург

15 марта 1866 г. Попов писал: «Читая Ваше письмо от 13 сего марта, нельзя не удивляться необыкновенным Вашим понятиям о вексельном кредите ‹...› в начале Вашего письма Вы, между прочим, изъясняете, что я будто бы не понял Ваших слов, *назвав отпискою*, когда Вы сказали, что коль скоро будут деньги, тогда Вы заплатите ‹...› После сего Вы объясняете те источники, из коих текут к Вам в карман финансы ‹...› В прошлый раз при свидании моем с Вами Вы сказали, что непременно постараетесь удовлетворить меня к празднику пасхи, а теперь пишете, что положительно можете удовлетворить меня на *святой* ‹...› В заключение Вы пишете, что Вы не брали у меня взаймы ни одного рубля, что это долг Вашего брата Благосветлову и что он после смерти его не получил бы от Вас ни одной копейки; эта грамота Ваша решительно для меня мудрена и непонятна ‹...› тогда бы, конечно, не написали Вы упрека кредитору, что вексель этот составляет Ваше несчастие и что тяжело для Вас терпеть столько мук из-за остатка этого долга от безжалостных кредиторов и работать не для того, чтобы *сшить себе штаны*, а чтобы платить не за свои долги ‹...› Напрасно Вы изъявляете неудовольствие, что я будто бы подсмеиваюсь в моем письме над Вашею болезнию ‹...› Вы почти в каждом письме извиняете себя в неустойках Ваших и обещаниях болезненными припадками...» (*Ланский. Утраченные письма*, стр. 198).

211. ЗАЯВЛЕНИЕ В СУД

Апрель 1866. Петербург

Упоминается в письме Достоевского к И. Л. Янышеву от 29 апреля 1866 г.: «... (взыскатели гг. Демис и Гинтерлах) ‹...› Не знаю, каким образом вывернусь от долгового отделения; подал заявление о болезни» (см. стр. 156).

212. А. Ф. БАЗУНОВУ

4 июля 1866. Люблино

Упоминается в письме Базунова от 8 июля 1866 г.: «Письмо Ваше от 4-го июля я получил. Чрез час по получению мною Вашего письма явился ко мне и пасынок Ваш Павел Александрович Исаев с Вашим письмом (см. письмо 282, — *Ред.*) и получил от меня 30 (тридцать) руб. сер‹ебром› по Вашему назначению и по приписке Ивана Григор‹евича› Соловьева. На мои глаза его здоровье находится в самом удовлетворительном состоянии. Я полагаю, что он, получивши от Вас письмо, а от меня 30 р. с‹еребром›, непременно Вас обо всем уведомит» (*ГБЛ*, ф. 93, II.1.65).

1867

213. РАСПИСКА К. И. БАБИКОВУ

10 января 1867. Петербург

Упоминается в письме книготорговца И. Желтова (от 29 января 1873 г.), перекупившего у К. И. Бабикова эту расписку Достоевского: «На письмо, посланное Вам, — писал Желтов Достоевскому, — я не удостоился ответа. Посланному моему отвечали, что Вы меня не знаете, — но перепишетесь с Бабиковым по поводу выданной ему записки в получении денег 200 рублей серебром за статью „Мое знакомство с Белинским“. Рассчитывая на Вашу высокую честность, я возвращаю Вашу расписку на невыполненное обязательство и надеюсь, что Вы или пришлете мне деньги, или на эту сумму за известной уступкой нового Вашего романа „Бесы“» (*ЛН*, т. 86, стр. 413; см. также ниже, № 215). Датируется на основании письма Бабикова к Достоевскому от 9 января 1867 г.

214. А. В. КОРВИН-КРУКОВСКОЙ

Январь 1867. Петербург

С. В. Ковалевская вспоминала о зиме 1866—1867 гг.: «Месяцев шесть спустя сестра получила от Федора Михайловича письмо, в котором он извещал ее, что встретился с удивительной девушкой, которую полюбил и которая согласилась пойти за него замуж ‹...› „Ведь если бы за полгода тому назад мне кто-нибудь это предсказал, клянусь честью, не поверил бы!“ — наивно замечал Достоевский в конце своего письма» (*Ковалевская*, стр. 88).

215. К. И. БАБИКОВУ

Февраль 1867. Петербург

Упоминается в письме Бабикова Достоевскому от 31 декабря 1867 г.: «В письме Вашем от февраля ныне проходящего года и при личном свидании в Москве Вы мне говорили, что если я не согласен дожидаться

Вашей статьи, то Вы готовы возвратить мне взятые Вами за оную деньги <...> 200 рублей серебром» (*Ланский. Утраченные письма*, стр. 201).

216—217. А. С. УШАКОВУ

Конец февраля—март 1867. Петербург

22 февраля 1867 г. Ушаков обратился к Достоевскому с просьбой разрешить «переделать» или «приноровить» для сцены роман «Преступление и наказание», на что, очевидно, писатель ответил письмом с согласием на переделку, и Ушаков вскоре отправил ему свою пьесу. Возможно, что, возвращая Ушакову в начале апреля 1867 г. просмотренную и одобренную пьесу, Достоевский сопроводил ее запиской и отзывом (письма Ушакова см. в сб.: *Достоевский и его время*, стр. 270—272).

218. М. Н. КАТКОВУ

17 (29) мая 1867. Дрезден

Упоминается А. Г. Достоевской: «Среда, 17 мая (29). Сегодня Федя целое утро занимался составлением письма Каткову...» — *Достоевская, Дневник*, стр. 89; см. также письма 312, 317.

219. М. Н. КАТКОВУ

Начало июня 1867. Дрезден

Упоминается в письме А. Н. Майкову от 16 (28) августа 1867 г.: «Опять написал Каткову ∾ Прислал!» (см. стр. 208).

220. М. Н. КАТКОВУ

Середина июля 1867. Дрезден

Упоминается в «Проекте заявления», составленного в марте 1868 г.: «...предоставил ему (Каткову, — *Ред.*), <...> из Дрездена, в письме, право на полную собственность всех моих сочинений...» (см. стр. 340).

221. А. Н. СНИТКИНОЙ

Август—сентябрь 1867. Женева

Упоминается в «женевском» дневнике А. Г. Достоевской: «Вторник 8 <октября>/26 <сентября> <...> я прочитала ему письмо, в котором мама говорит, что она так была рада получить его драгоценное письмо» (*ЛН*, т. 86, стр. 206).

222. К. И. БАБИКОВУ

Около 3 (15) сентября 1867. Женева

Упоминается в письме Достоевского к А. Н. Майкову от 3 (15) сентября 1867 г.: «Перешлите <...> статью мою Бабикову в Москву, вместе с письмом, которое тут же прилагаю незапечатанное <...> Письмо <...> прочтите...» (см. стр. 216).

223. М. Н. КАТКОВУ

26—27 сентября (8—9 октября) 1867. Женева

Упоминается в «женевском» дневнике А. Г. Достоевской: «Вторник 8 ‹октября›/26 ‹сентября› ‹...› Сегодня весь вечер Федя просидел за письмом к Каткову и просил меня выслушать письмо и сказать, как я его нахожу ‹...› Я сказала, что по-моему письмо хорошее, что ничего не следует ни переписывать, ни уменьшать». «Среда 9 ‹октября›/27 ‹сентября› ‹...› Федя сегодня его несколько переменил, и когда окончательно написал, то предложил мне прочесть его...» (*ЛН*, т. 86, стр. 208); см. также в письмах Достоевского к А. Н. Майкову от 9 (21) октября (стр. 225) и Э. Ф. Достоевской от 11 (23) октября 1867 г. (стр. 231).

27 октября (ст. ст.) Достоевскому был выслан ответ на это письмо. Сотрудник редакции К. А. Поддер писал: «...Михаил Никифорович сделал распоряжения о высылке Вам в продолжение пяти месяцев по 100 рубл. в месяц. На первый раз редакция честь имеет препроводить Вам вексель на братьев Ротшильд в Париж в *345 франков*.

Также послан сегодня г-ну А. Н. Майкову перевод в 60 р. с. ...» (*ГБЛ*, ф. 93, II.8.20).

224. С. Д. ЯНОВСКОМУ

28 сентября (10 октября) 1867. Женева

Утрачен подлинник письма (см. стр. 352).

225. Г-ЖЕ МОПЕР

3 (15) октября 1867. Женева

Упоминается в «женевском» дневнике А. Г. Достоевской: «Вторник 15/3 ‹октября› ‹...› он написал письмо к Moppert, у которого (*ошибка в расшифровке дневника вместо:* которой, — *Ред.*) в Бадене заложены мои серьги и брошка, и предлагает ему 150 франков, чтобы только он подождал еще месяц» (*ЛН*, т. 86, стр. 216).

226. Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

11 (23) октября 1867. Женева

Упоминается в письмах Достоевского к П. А. Исаеву от 10 (22) октября и к Э. Ф. Достоевской от 11 (23) октября 1867 г.: «...завтра отсылаю ответы Феде и Эм‹илии› Федоровне»; «Феде пишу...» (см. стр. 228, 231).

227. С. Д. ЯНОВСКОМУ

1 (13)—2 (14) ноября 1867. Женева

Утрачен подлинник письма (см. стр. 355).

228. М. Н. КАТКОВУ

10 (22) ноября 1867. Женева

Упоминается в «женевском» дневнике А. Г. Достоевской: «22 числа он написал письмо к Каткову, что все еще не кончил (роман «Идиот», — *Ред.*) ‹...› 23-го он послал письмо Каткову» (*ЛН*, т. 86, стр. 276).

В ответ на это письмо, содержавшее также и денежную просьбу, секретарь редакции «Русского вестника» Н. Колосов ответил 28 ноября 1867 г.: «По поручению Михаила Никифоровича Каткова честь имею препроводить Вам при сем вексель на сумму 680 франков на Париж» (*ГБЛ*, ф. 93, II.8.20).

229. М. Н. КАТКОВУ

5 (17) декабря 1867. Женева

Упоминается в письме Достоевского к А. Н. Майкову от 31 декабря 1867 г. (12 января 1868 г.): «Получив 200 р. ‹...› я написал ему (Каткову, — *Ред.*) подтверждение ‹...› просил не выпускать первого „Русского вестника“ без моего романа» (стр. 240). Датируется на основании записи в «женевском» дневнике А. Г. Достоевской о получении 5 (17) декабря денег от Каткова (*ЛН*, т. 86, стр. 279).

230. Э. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ

Декабрь 1867. Женева

Упоминается в письме к Э. Ф. Достоевской от 28 октября (9 ноября) 1868 г. из Милана: «...слова от прошлогоднего письма моего ‹...› помощь от правительства» (см. стр. 325).

231. А. Е. РИЗЕНКАМПФУ

1867. Женева

Упоминается в письме Ризенкампфа к А. М. Достоевскому от 16 февраля 1881 г.: «В 1867 году Федор Михайлович писал мне о своем путешествии в Германию, Францию и Италию...» (*ЛН*, т. 86, стр. 550).

232. М. Н. КАТКОВУ

24 декабря 1867 (5 января 1868). Женева

Упоминается в письме Достоевского в Редакцию журнала «Русский вестник» от этого же числа: «Сегодня же посылаю письмо Михаилу Никифоровичу особо» (см. стр. 238).

1868

233. Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Начало января 1868. Женева

Упоминается в письмах к С. А. Ивановой от 1 (13) января 1868 г. («К Феде тоже пишу с этой же почтой»; стр. 252) и П. А. Исаеву от 19 февраля (2 марта) 1868 г.: «Федя тебе сказал ‹...› к 1-му числу (февраля) денег пришлю. Я ему с такою точностию не писал...» (стр. 263).

234. М. Н. КАТКОВУ

15 февраля 1868. Женева

Упоминается в письме Достоевского А. Н. Майкову от 18 февраля (1 марта) 1868 г.: «...прошу у него 500 руб. ∾ на Ваше имя» (стр. 260—261) и в письме к П. А. Исаеву от 19 февраля (2 марта) 1868 г.: «...15 числа февраля, я послал Каткову письмо» (см. стр. 263). По поводу

этого же письма Каткову Достоевский сообщал А. Н. Майкову 21—22 марта (2—3 апреля) 1868 г.: «Я был до невероятности рад, когда, вследствие моего уведомления, что я опоздаю, по случаю родин, „Русский вестник" выставил в конце первой части романа, что продолжение в апрельской, а не в мартовской книге» (см. стр. 278).

235. С. Д. ЯНОВСКОМУ

21—22 февраля (4—5 марта) 1868. Женева

Утрачен подлинник письма (см. стр. 358).

236. И. М. АЛОНКИНУ

Март 1868. Женева

Упоминается в письмах Достоевского к П. А. Исаеву от 19 февраля (2 марта) 1868 г.: «Алонкину напишу завтра или послезавтра» (стр. 265) и от 9 (21 июня) 1868 г.: «Алонкину я писал месяца два или полтора назад» (см. стр. 299), а также к Э. Ф. Достоевской от 26 февраля (9 марта) 1868 г.: «...Алонкину, буду писать завтра ∾ документом на меня» (стр. 270) и от 9 (21) августа 1868 г.: «...писал ему раз, в конце весны...» (см. стр. 312).

237. М. Н. КАТКОВУ

Конец марта—начало апреля 1868. Женева

Упоминается в письме Достоевского к А. Г. Достоевской от 23 марта (4 апреля) 1868 г.: «...весь завтрашний день просижу над этим письмом ∾ хочу я послать Каткову в тот же день, как приеду» (стр. 286); о том, что письмо было отправлено, явствует из письма Достоевского А. Н. Майкову от 9 (21) апреля 1868 («А денег-то я все-таки у Каткова уж попросил...») (см. стр. 296). В ответ на это письмо секретарь редакции «Русского вестника» Н. Колосов ответил: «Редакция <...> имеет честь препроводить Вам при сем вексель на 375 руб. на братьев Ротшильд в Париже...» (*ГБЛ*, ф. 93, II.8.20).

238. М. Н. КАТКОВУ

Начало мая 1868. Женева

Упоминается в письме Достоевского А. Н. Майкову от 18 (30 мая) 1868 г.: «Опять написал извинение Каткову...» (см. стр. 297).

239. П. А. ИСАЕВУ

Первая половина мая 1868. Веве

Упоминается в письме А. Н. Майкова к Достоевскому от 24 мая 1868 г.: «Я не знаю, как и понимать — на мои вопросы, пишет ли он к Вам, уверяет, что пишет, и беспрестанно осведомляется об адресе Вашем — в Женеве ли? Письмо Ваше он мне показывал и говорил об нем с чувством» (*ГБЛ*, ф. 93, II.6.42).

240—241. ПИСЬМО И РАСПИСКА М. Г. ГАВРИЛОВУ

9 (21) июня 1868. Веве

Упоминаются в письме Достоевского к П. А. Исаеву от 9 (21) июня 1868 г.: «Посылаю письмо к Гаврил‹ов›у и расписку в 200 р.» (стр. 299) и к Э. Ф. Достоевской от 9 (21) августа 1868 г. («...получил от Мих‹аила› Гавр‹иловича› Гаврилова...» — стр. 311); содержание письма см. также в письме П. А. Исаева к Достоевскому от 31 мая 1868 г. (*Сб. Достоевский, II*, стр. 403—404).

242. М. Н. КАТКОВУ

21 июня (3 июля) 1868. Веве

Упоминается в письме Достоевского А. Н. Майкову от 22 июня (4 июля) 1868 г.: «Послал ‹...› 4 главы (последнюю отослал вчера) — и дал *ЧЕСТНОЕ СЛОВО* ‹...› будет выслано всё окончание 2-й части...» (см. стр. 302).

243. И. М. АЛОНКИНУ

9 (21) августа 1868. Веве

Упоминается в письме Достоевского Э. Ф. Достоевской от 9 (21) августа 1868 г.: «С этим письмом я пишу тоже к Ивану Максимовичу Алонкину» (см. стр. 312).

244. М. Н. КАТКОВУ

Октябрь (ст. ст.) 1868. Милан

Упоминается в письме Достоевского к А. Н. Майкову от 11 (23) декабря 1868 г.: «...я уведомил Каткова ‹...› в виде приложения подписчикам в будущем году» (см. стр. 327).

245. Э. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ

Сентябрь—октябрь 1868. Милан

Упоминается в письме Достоевского к Э. Ф. Достоевской от 28 октября (9 ноября) 1868 г.: «Когда же получил от Вас уведомление ‹...› то и просил Вас в последнем письме ‹...› послать вексель из-за границы» (см. стр. 325).

246. М. Н. КАТКОВУ

11 (23) декабря 1868. Флоренция

Упоминается в письме Достоевского к А. Н. Майкову от 11 (23) декабря 1868 г.: «...сегодня послал Каткову уведомление <...> только что попросил <...> 100 р.» (см. стр. 327).

247. М. Н. КАТКОВУ

Декабрь 1868. Флоренция

Упоминается в письме Достоевского к С. А. Ивановой от 8 (20) марта 1869 г.: «Но я уже им (т. е. редакции «Русского вестника», — *Ред.*) написал, еще три месяца назад, что роман, который я им напишу, будет готов не для этого, а для будущего семидесятого года» (см. наст. изд., т. XXIX_1, письмо 363).

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПО АДРЕСАТАМ [1]

[1] Цифры соответствуют номерам писем.

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ ПРЕБЫВАНИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО С 14 МАРТА 1860 ПО 12 (24) ДЕКАБРЯ 1868 ГОДА[1]

1860. Петербург — 14 марта—20-е числа апреля.
Москва — 20-е числа апреля—31 апреля.
Петербург — 1 мая—декабрь.
Павловск — поездки на дачу с конца мая по сентябрь.
1861. Петербург — 1 января—20 июня.
Колтовская — поездки на дачу в течение лета.
Москва — 20—30 июня.
Петербург — 1 июля—декабрь.
1862. Петербург — 1 января—7 июня.
Москва — конец мая—начало июня.
Люблино — поездка на дачу.
Берлин — 11—14 (23—26) июня.
Париж — 15—16 (27—28) июня.
Лондон — 27 июня (9 июля)—7 (19) июля.
Париж — 8 (20) июля—14 (26) июля.
Кельн — 15 (27) июля.
Дюссельдорф — 16 или 17 (25 или 26) июля.
Базель — 18 или 19 (27 или 30) июля.
Флоренция — 3 или 4 (15 или 16) августа—9 или 10 (21 или 22) августа.
Баден-Баден — 8 (20) августа.
Дрезден — середина августа.
Петербург — сентябрь—декабрь.
1863. Петербург — 1 января—май.
Москва — конец мая—начало июня.
Владимир — начало июня.
Петербург — около 10 июня—начало августа.
Берлин — 6 (18) августа.
Висбаден — 10 (22)—13 (25) августа.
Париж — 14 (26) августа—22 или 23 августа (3 или 4 сентября).
Баден-Баден — 24—27 августа (5—8 сентября).
Турин — 27 августа (8 сентября)—9 (21) сентября.
Женева — 29 августа (10 сентября).
Генуя — 10 (22) сентября.
Рим — 16 (28) сентября—3 (15) октября.
Неаполь — 24 сентября (6 октября)—2 (14) октября.
Турин — 5 (17)—7 (19) октября.
Гомбург — 8 (20)—14 (26) октября.

[1] Даты, обозначающие пребывание Достоевского в России, даются по старому стилю.

Петербург — около 16 октября—начало ноября.
Владимир — начало ноября—10 ноября.
Москва — 11 ноября—25 ноября.
Петербург — 26 ноября—конец декабря.
1864. Москва — начало января—19 февраля.
Петербург — 20—27 февраля.
Москва — 28 февраля—25 апреля.
Петербург — 26 апреля—середина июня.
Москва — около 20 июня—конец июня.
Петербург — первые числа июля—конец июля.
Павловск — поездки на дачу в течение лета.
Москва — середина августа.
Петербург — середина августа—31 декабря.
1865. Петербург — 1 января—середина июля.
Висбаден — 29 июля (10 августа)—конец сентября н. ст.
Копенгаген — 1 (13)—10 (22) октября.
Кронштадт — 15 октября.
Петербург — 15 октября—31 декабря.
1866. Петербург — 1 января—20-е числа марта.
Москва — 20-е числа марта—конец марта.
Петербург — апрель—начало июня.
Павловск — май—начало июня — поездки на дачу.
Москва — 13 июня—первая половина сентября.
Люблино — около 25 июня—начало сентября.
Петербург — после 10 сентября—27 декабря.
Москва — 28—31 декабря.
1867. Москва — 1—3 ‹?› января.
Петербург — 4 января—29 марта.
Москва — 30 марта—8 апреля.
Петербург — 9—14 апреля.
Вильно — 15—16 апреля.
Берлин — 17 (29)—18 (30) апреля.
Дрезден — 19 апреля (1 мая)—5 (17) мая.
Гомбург — 5 (17)—14 (26) мая.
Дрезден — 15 (27) мая—21 июня (3 июля).
Лейпциг — 21 июня (3 июля)—22 июня (4 июля).
Франкфурт-на-Майне — 22 июня (4 июля).
Баден-Баден — 22 июня (4 июля)—11 (23) августа.
Базель — 11 (23)—12 (24) августа.
Женева — 13 (25) августа—31 декабря (12 января).
Саксон ле Бэн — 23—25 сентября (5—7 октября); 5—9 (17—21) ноября.
1868. Женева — 1 (13) января—конец мая.
Саксон ле Бэн — 23—24 марта (4—5 апреля).
Веве — 24 мая (5 июня)—начало сентября ‹?›.
Милан — середина сентября—середина ноября ‹?›.
Флоренция — конец ноября—12 (24) декабря.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО[1]

[1] Страницы текстов писем печатаются прямыми цифрами, страницы примечаний — курсивными. Редакторские названия неосуществленных замыслов произведений и статей даются в угловых скобках.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН [1]

---

[1] Указатель относится к обеим книгам тома (XXVIII_{1-2}). Отсылки к несохранившимся и ненайденным письмам из обеих книг тома даются в сокращении: *Список* 1 (т. е. XXVIII_1) и *Список* 2 (т. е. XXVIII_2). Имена, упомянутые только в примечаниях, в указатель не включены. Адресаты писем отмечены одной звездочкой, адресаты несохранившихся и ненайденных писем — двумя звездочками. Страницы текстов писем печатаются прямыми цифрами, страницы примечаний — курсивными.

четной каймой», но не успел (набросок ответа см.: наст. изд., т. XXVII, стр. 198) — XXVIII_2, 60—61, 112—113, *381*, *389*, *392*, *404—405*, *411*, *415*, *417*, *450—451*

* *Анненкова* Прасковья (Полина) Егоровна, рожд. Гёбль (1800—1876), жена И. А. Анненкова. Достоевский познакомился с нею в Тобольском пересыльном остроге в 1850 г., где она вместе с дочерью О. И. Ивановой была в числе других жен декабристов, посетивших петрашевцев. Об этой встрече Достоевский вспоминал в «Записках из Мертвого дома» (см. наст. изд., т. IV, стр. 67) и в «Дневнике писателя» 1873 г. (см. наст. изд., т. XXI, стр. 12). Впоследствии Анненкова принимала участие в судьбе ссыльного Достоевского (см.: *Врангель*, стр. 13). Она приезжала в Омск в апреле 1853 г. и встречалась с Достоевским. Об Анненковой см.: М. М. Громыко. Ф. М. Достоевский и семья декабриста И. А. Анненкова. — В кн.: Политические ссыльные в Сибири. Новосибирск, 1983, стр. 102—122. Известно одно письмо Достоевского к Анненковой; письма ее к Достоевскому неизвестны — XXVIII_1, 195, *393*, *453*, *463*, *464*

Антипова Ольга Яковлевна — см. *Нечаева* О. Я.

Антонелли (Antonelli) Джакомо (1806—1876), итальянский кардинал, с 1850 г. глава Государственного совета Папской области — XXVIII_2, 253

Аполлинария Прокофьевна — см. *Суслова* А. П.

***Ахматова* Елизавета Николаевна (1820—1904), писательница и переводчица. С 1856 по 1885 г. — издательница и редактор ежемесячно выходившего «Собрания иностранных романов, повестей и рассказов в переводе на русский язык». Достоевский был подписчиком этого издания в первой половине 1860-х гг. Личное знакомство писателя с Ахматовой, вероятно, состоялось после ее обращения к нему в марте 1861 г. с предложением публиковать в журнале «Время» переводы иностранных романов и уголовных процессов. Достоевский, по-видимому, бывал у нее дома, так как, посылая ему в апреле 1864 г. свою повесть «Мое завещание», Ахматова просила или ответить ей письменно, или прийти «поговорить», если эта повесть «заслужит» его «одобрение». Публикаций Ахматовой ни во «Времени», ни в «Эпохе» не появлялось. Известно 3 письма Ахматовой Достоевскому (1861—1864; *ГБЛ*). Сведения об одном несохранившемся письме Достоевского к ней 1863 г. см.: *Список* 2, № 143, XXVIII_2, *514*

Ахшарумов Николай Дмитриевич (1819 или 1822—1893), романист, литературный критик. В 1864 г. в «Эпохе» был напечатан его роман «Мудреное дело»; в 1867 г. он выступил со статьей о романе «Преступление и наказание» (см. наст. изд., т. VII, стр. 353—354; подробнее о нем см.: *Нечаева*, *«Эпоха»*, стр. 138—140). Известно одно его письмо к Достоевскому (1864; *ГБЛ*) — XVIII_1, 174, *457*

***Бабиков* Константин Иванович (1841—1873), писатель; в 1861—1864 гг. печатался в журналах «Время» и «Эпоха» (см.: *Нечаева*, *«Время»* стр. 217, 225—226; *Нечаева*, *«Эпоха»*, стр. 128). Личное знакомство Достоевского с Бабиковым состоялось, по-видимому, в 1864 г., когда Достоевский жил в Москве; встречались они и в 1866 г., незадолго до отъезда Достоевского за границу. Сведения о несохранившихся письмах Достоевского Бабикову см.: *Список* 2, №№ 213, 215, 222. Известно 6 писем Бабикова Достоевскому (1864—1870; *ГБЛ*) — XXVIII_2, 216, 217, *444*, *452*, *520*, *529—530*

**Базунов* Александр Федорович (1825—1899), петербургский книгоиздатель и книгопродавец. Издал ряд произведений Достоевского (отдельные издания «Записок из Мертвого дома», «Преступления и наказания», «Вечного мужа»). В его магазине принималась подписка на журналы «Время» и «Эпоха», а позднее на «Дневник писателя» за 1876 г. Сохранилась доверенность Достоевского на получение денег по договору с Базуновым (1862) и расписка в получении от него денег (1871). Известно письмо Базунова к Достоевскому (1866; *ГБЛ*) — XXVIII_2, 28, 65, 111, 145—146, 163, 172—173, 178, 182, 229, 255, 337—338, 355, *365*, *378*, *394*, *397*, *416*, *440*, *480*, *484*, *493*, *529*

с сестрой и дочерью на воды в Гапсаль, а затем в устройстве их в Ревеле, дав рекомендательное письмо к М. М. Достоевскому. Летом 1846 г. она встречалась с Достоевским в Ревеле, а в конце августа они вместе вернулись в Петербург. Их отношения ненадолго возобновились в конце 1862 г.: получив от Белинской письмо (см. его текст: *Д, Письма*, т. I, стр. 559), Достоевский ответил на него и в ответ получил еще одно письмо (см. текст его: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 121) — XXVIII_1, 122—124; XXVIII_2, 30—31, *379*

Белинская Ольга Виссарионовна, в замужестве Бензи (род. 1845), дочь В. Г. Белинского — XXVIII_1, 122—124, *433*, *434*; XXVIII_2, 30, *379*

Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848). Личное знакомство Достоевского с критиком произошло в конце мая—первых числах июня 1845 г. (рассказ Достоевского об этом событии см.: наст. изд., т. XXI, стр. 8—12 и 375—385; т. XXV, стр. 30—31 и 370—371). Благодаря сближению с Белинским Достоевский вошел в круг литераторов «натуральной школы». Особенно близкими отношения Достоевского и Белинского стали в 1846 г. (см. наст. изд., т. XXI, стр. 12, 131). Восприятие молодым Достоевским социалистических идеалов Белинского подготовило вступление его в ряды петрашевцев. Белинский первым дал верную оценку общественного и художественного значения романов «Бедные люди» и «Двойник», угадав по ним многие основные особенности таланта Достоевского и предсказав ему великое будущее (см. наст. изд., т. I, стр. 470, 473—474, 476, 477—478, 489—490, 492). Факты личных и литературных взаимоотношений молодого Достоевского с Белинским отразились в «Униженных и оскорбленных» (см. наст. изд., т. III, стр. 186—187, 523). Симптомами расхождений писателя и критика явились частичный пересмотр Белинским первоначальной оценки «Двойника», резкие отзывы его о «Хозяйке» и «Господине Прохарчине» (см. наст. изд., т. I, стр. 379, 510). Постепенно разногласия между Достоевским и революционным демократом Белинским углублялись, затрагивая равно общественные, нравственно-философские и эстетические проблемы (см.: *Белинский*, т. XII, стр. 251, 532). О причинах «размолвки» с Белинским, а затем и «окончательного разрыва» с ним в 1840-х гг. (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 127; ср.: *Кирпотин, Достоевский и Белинский*, стр. 199; *Фридлендер, Достоевский и мировая литература*, стр. 121—122). Одним из главных пунктов обвинения Достоевского по делу петрашевцев было чтение им дважды на собраниях у Петрашевского и Дурова письма Белинского к Гоголю (ст. наст. изд. т. XVIII, стр. 127, 189). По возвращении из Сибири Достоевский остается почитателем Белинского (см. там же, стр. 71), но в оценках его появляется новая полемическая нота, связанная с постепенным формированием «почвеннических» идей Достоевского (см. наст. изд., т. V, стр. 50). Осуждение Белинского как западника укрепляется у Достоевского во второй половине 1860-х гг. — в период, предшествовавший созданию «Бесов» (см. письма 1867—1871-х гг. к Майкову и Страхову). В 1867 г. Достоевский работал над статьей «Знакомство мое с Белинским». Статья эта не была напечатана, и рукопись ее не сохранилась (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 197—200). К основным положениям ее восходят, вероятно, некоторые полемические наброски о Белинском в заметках к «Бесам» (см. наст. изд., т. XII, стр. 168). С конца 1873 г. начинается новый этап отношения Достоевского к памяти критика. Продолжая свой спор с Белинским — революционным демократом и материалистом, Достоевский в «Дневнике писателя» вновь все чаще отдает должное его уму и искренности: в последовательности социализма Белинского и его революционности писатель усматривает отражение исконно народной черты — отрицания западной буржуазной цивилизации (см. наст. изд., т. XXI, стр. 8—12 и 375—376, а также: *Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 146—147). Известна записка Белинского к Достоевскому конца 1845— начала 1846 г. (*Белинский*, т. XII, стр. 251; о датировке ее см.: А. С. Н е м з е р, А. Л. О с п о в а т. Две заметки о В. Г. Белинском. — Известия АН СССР. Сер. литературы и языка, 1982, т. XLI, вып. 1, стр. 65—68) — XXVIII_1, 5, 9, 13, 24, 111—113, 115—122, 126, 128, 130, 134, 135, 148, 383, *395*,

Бернардский Евстафий Ефимович (1819—1880-е гг.), гравер. Создатель иллюстраций к «Мертвым душам» Гоголя (изд. 1846 г.) — XXVIII$_1$, 133, *437*

Бессер (Besser) Виктор Вилибальдович (1825—1890), петербургский врач, профессор Военно-медицинской академии по кафедре патологии, диагностики и терапии — XXVIII$_2$, 44, 67, 95, 150, *383, 385*

Бестужев-Марлинский Александр Александрович (1797—1837), писатель и критик, декабрист — XXVIII$_1$, 220, *407, 470*

Бибиков Петр Алексеевич (1832—1875), публицист и переводчик, сотрудник редакции журнала «Время». Вероятно, к началу основания журнала относится и знакомство Достоевского с Бибиковым. Возможно, что Достоевскому принадлежит редакционное примечание к статье Бибикова «Феноменология войны» (см. наст. изд., т. XIX, стр. 214 и 353—354); возможно также, что именно Бибикову принадлежал некролог Н. А. Добролюбова, помещенный во «Времени» (1861, № 11; см.: *Нечаева, «Время»*, стр. 278) — XXVIII$_2$, 66

Боб, прозвище кого-то из барнаульских знакомых А. Р. Гернгросса, Врангеля и Достоевского — XXVIII$_1$, 272, *503*

**Боборыкин Петр Дмитриевич* (1836—1921), писатель, критик. Его автобиографический роман «В путь-дорогу» (1864) иронически упомянут Достоевским в 1864 г. (см. наст. изд., т. XX, стр. 184); Достоевский познакомился с ним в начале 1860-х гг. в пору редактирования Боборыкиным журнала «Библиотека для чтения». В 1863 г. он приглашал Достоевского сотрудничать в его журнале. В 1865 г. после ликвидации журнала «Эпоха» Боборыкин согласился выдать подписчикам Достоевского «Библиотеку для чтения», но журнал также внезапно закрылся. В 1875—1876 гг. Достоевский несколько раз полемически упомянул Боборыкина в записях к будущим выпускам «Дневника писателя» (см. наст. изд., т. XXIV, стр. 173, 213, 214, 218, 300, 311, 312), но в печати в спор с ним не вступил. Известны одно письмо Достоевского к Боборыкину (1864) и 4 письма Боборыкина к Достоевскому (1863—1876; *ГБЛ*) — XXVIII$_2$, 50, 52, 86—91, *387, 405—406, 426, 517*

Болотов Алексей Павлович (1803—1853), топограф и геодезист, автор «Курса высшей и низшей геодезии» (1837) — XXVIII$_1$, 67

Волховский Дмитрий, тверской чиновник, знакомый А. Е. Врангеля — XXVIII$_1$, 371, *513*

Бонапарты (Bonaparte), династия французских императоров в 1804—1814, 1815 (Наполеон I) и в 1852—1870 (Наполеон III) — XXVIII$_2$, 281

Борси — см. *Джули Борси*

Боткин Сергей Петрович (1832—1889), знаменитый петербургский врач-терапевт, профессор Медико-хирургической академии, брат В. П. Боткина; у него лечился и Достоевский (см. письмо А. Е. Разина к Достоевскому от 11 марта 1862 г.— *ГБЛ*).

***Браун* (Панина) Марфа Петровна (наст. имя — Хлебникова Елизавета Андреевна), дочь калязинского помещика, в шестнадцатилетнем возрасте бежавшая из дому и в погоне «за впечатлениями» объездившая и обошедшая чуть не всю Европу. По возвращении в Россию познакомилась с П. Н. Горским и в 1860 г. вышла за него замуж. С Достоевским познакомилась в 1864 г. в связи с тем, что собиралась заняться переводами для «Эпохи» и составлением записок о своих путешествиях. Достоевский навещал ее в больнице, помогал ей материально и некоторое время был дружен с нею (в одном из писем к Достоевскому она благодарит его за то, что он «хотя на минуту или на некоторое время» удостоил ее своей «дружбы» и «расположения» (Звенья, т. VI, стр. 600; подробно о ней см. там же, стр. 582—586 и *Достоевский и его время,* стр. 258). Известно 8 писем Браун к Достоевскому (1864—1865; Звенья, т. VI, стр. 586—600); письма Достоевского к ней неизвестны. Сведения о его несохранившемся письме к ней от 1864 г. см.: *Список* 2, № 176 — XXVIII$_2$, *522*

Брашман Николай Дмитриевич (1796—1866), математик, профессор, автор «Курса аналитической геометрии» (1836) — XXVIII$_1$, 67

Времмер, хозяин квартиры Достоевского в доме Шиля, где писатель жил весной 1847 г. и где он был арестован по делу петрашевцев — XXVIII$_1$, 140

Бринкен, вероятно, знакомая А. Е. Врангеля — XXVIII$_2$, 139

Брылкина (Глобина) Елизавета Николаевна (ум. 1869), беллетристка. Печаталась в журналах «Дело», «Кронштадтский вестник» и газете «Северная пчела». Приятельница А. П. и Н. П. Сусловых — XXVIII$_2$, 183, *443*

**Будаевский* П., корректор в журнале «Эпоха». Известно одно письмо Достоевского к Будаевскому (1864) и одно письмо Будаевского к Достоевскому (1864; *ИРЛИ*) — XXVIII$_2$, 98—99, 341—342, *365, 493*

Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859), реакционный писатель и журналист, редактор газеты «Северная пчела» (1825—1859) — XXVIII$_2$, 113, *428, 430, 439*

**Бунаков* Николай Федорович (1837—1904), педагог, беллетрист, этнограф и статистик; участник революционного молодежного кружка в Вологде, а с 1862 г. член «Земли и воли». Был в числе сотрудников журналов «Время» и «Эпоха»; Достоевский был с ним хорошо знаком. Бунаков вспоминал позднее о том, как в конце 1861 г. был приглашен писателем на вечер в редакцию «Времени» и присутствовал при «шумном споре» о возможности «народного революционного движения» (см.: Н. Ф. Бунаков. Записки. СПб., 1909, стр. 50; *Нечаева*, *«Время»*, стр. 291—292). Подробнее об участии Бунакова в журнале Достоевского см.: *Нечаева*, *«Эпоха»*, стр. 123, 292. Известно одно письмо Достоевского к Бунакову (1865); письма Бунакова к Достоевскому неизвестны — XXVIII$_2$, 124, *367, 420, 520*

**Бурдин* Федор Алексеевич (1827—1887), артист Александринского театра (1847—1883), автор переводов и переделок пьес иностранных драматургов, друг А. Н. Островского. Достоевский довольно критически отозвался о его игре (см. наст. изд., т. XX, стр. 148—149). Кроме того, он, очевидно, полностью был согласен с оценками Бурдина-актера, данными А. А. Григорьевым (см. об этом там же, стр. 343). Известны одно письмо Достоевского к Бурдину (1864) и 2 письма Бурдина к Достоевскому (1864; *ГБЛ*) — XXVIII$_2$, 104—105, *366, 412—413, 520*

Буташевич-Петрашевский Михаил Васильевич (1821—1866), окончил Александровский лицей в 1839 г., кандидат прав Петербургского университета, с 1841 г. переводчик в департаменте внутренних сношений Министерства иностранных дел, организатор литературно-политических собраний («пятниц»), происходивших у него на квартире с 1845 г. Арестованный 23 апреля 1849 г., Петрашевский был приговорен к расстрелу, по конфирмации — к бессрочной каторге, которую отбывал на Шилкинском заводе Нерчинского округа, а затем в Акатуе. По манифесту 26 августа 1856 г. вышел на поселение и жил в Иркутске, сотрудничал в местных газетах. Подавал ряд протестов с требованием аннулирования приговора над ним (часть из них была опубликована в «Колоколе»). После многочисленных столкновений с местными властями выслан в село Шушу, а затем в село Вельское Енисейского округа. Достоевский познакомился с ним весной 1846 г. (подробнее об этом см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 306—307, 335—336, а также *Бельчиков*) и хотя относился к нему без особой симпатии, но уважал его «как человека честного и благородного» (см.: В. И. Семевский. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы. М., 1922, стр. 97). Некоторые черты характера Петрашевского послужили Достоевскому материалом при создании памфлетного образа Петра Верховенского в «Бесах» (см. об этом: наст. изд., т. XII, стр. 218—219) — XXVIII$_1$, 9, 174, *431, 452, 453, 456, 466;* XXVIII$_2$, *376, 468*

Бутков Яков Петрович (1820?—1857), писатель, автор сборника очерков и рассказов «Петербургские вершины» (ч. 1—2. СПб., 1845—1846). Во второй половине 1840-х гг. сотрудничал вместе с Достоевским в «Отечественных записках». Достоевский относился к нему дружески (см.: *Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 161—162, 167). Черты Буткова отразились в «Двойнике»; он же, вероятно, послужил прототипом Васи Шумкова

в «Слабом сердце» (см. об этом: наст. изд., т. II, стр. 475—476) — XXVIII$_1$, 148, 276, *443, 444, 483, 526*

***Быков* Петр Васильевич (1843—1930), поэт, критик и библиограф, автор мемуаров «Силуэты далекого прошлого» (М.—Л., 1930), в которых рассказывается о знакомстве мемуариста с Достоевским в редакции «Времени» в начале 1861 г. и ряде других его визитов в редакцию журнала. Достоверность некоторых его свидетельств вызывает сомнение. Адресат Достоевского с 1876 г. — XXVIII$_2$, *509*

**Валиханов* Чокан Чингисович (1835—1865), казахский просветитель-демократ, путешественник, историк, этнограф и фольклорист, друг Достоевского. Писатель познакомился с ним в Омске в 1854 г. в доме К. И. Иванова. Валиханов, окончивший Сибирский кадетский корпус, был адъютантом генерал-губернатора Г. Х. Гасфорта (с октября 1853 г.). Позднее друзья неоднократно встречались в Семипалатинске (о взаимоотношениях Достоевского и Валиханова см.: *Врангель,* стр. 94—95, 174; В. А. Мануйлов. Друг Ф. М. Достоевского Чокан Валиханов. — Труды Ленинградского библиотечного ин-та, 1959, т. V, стр. 343—369). В 1860—1861 гг. Валиханов жил в Петербурге, работал в Главном штабе над подготовкой карты Азии, участвовал в трудах Русского географического общества, часто встречался с Достоевским. Известны одно письмо Достоевского к Валиханову (1856) и 4 письма Валиханова к Достоевскому (1856—1862; Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений, т. V. Алма-Ата, 1968, стр. 110, 248—250). Сведения о недошедших письмах Достоевского к Валиханову см.: *Список* 2, № 136 — XXVIII$_1$, 361, 371, *477, 478, 507, 511, 513, 532;* XXVIII$_2$, *512—513*

Валькенау, статский советник, врач Главного инженерного училища — XXVIII$_1$, 40, 380, 381

Ваня — см. *Аникеев* И. М.

Варвара Дмитриевна — см. *Констант* В. Д.

Варя — см. *Достоевская* В. М.

Варя — см. *Иванова* В. А.

Варя, Варенька — см. *Карепина* В. М.

Василий, денщик Достоевского в семипалатинские годы (см.: З. А. Сытина. Из воспоминаний о Достоевском. — *ИВ,* 1885, № 1, стр. 126) — XXVIII$_1$, 368, *512*

Васильев, исправник в селе Березовка Уфимской губернии — XXVIII$_2$, 206 («исправник»)

Васильчиков Виктор Илларионович (1820—1878), генерал-лейтенант, управляющий военным министерством с 1858 по 1860 г. — XXVIII$_1$, 365

Вейденштраух (Вайденштраух), владелец бумажной фабрики; поставлял бумагу для журнала «Эпоха», один из кредиторов Достоевского — XXVIII$_2$, 229, 255

Вельтман Александр Фомич (1800—1870), писатель. По свидетельству брата Андрея, Достоевский увлекался в юности его романом «Сердце и думка» (1838) (см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 69) — XXVIII$_1$, 110, *411, 427*

Вера, Верочка — см. *Иванова* В. М.

Вергилий Публий Марон (70—19 до н. э.), римский поэт — XXVIII$_1$, 328, *499*

***Вергунов* Николай Борисович (род. 1832), уроженец г. Томска, кузнецкий учитель, приятель А. И. Исаева, дававший уроки рисования П. А. Исаеву. Овдовевшая М. Д. Исаева, занимаясь с Вергуновым французским языком, увлеклась им, что вызвало ревность Достоевского. На свадьбе Достоевского Вергунов был его «поручителем». Позднее он приезжал к Достоевским в Семипалатинск (см.: Б. Г-в. Ф. М. Достоевский в Семипалатинске. — Сибирские огни, 1926, № 3, стр. 127—129). Известно о существовании письма Вергунова к Достоевскому (см. наст. изд., т. XXVIII$_1$, стр. 236); сведения о письме Достоевского к М. Д. Исаевой и Вергунову см.: *Список* 1, № 72 — XXVIII$_1$, 235—237, 239, 240, 243, 254, *474, 476, 479, 483, 532*

Верне (Vernet) Орас (1780—1863), французский художник, автор картин на исторические и батальные темы — XXVIII₁, 107

**Веселаго* Феодосий Федорович (1817—1895), генерал, историк русского флота, цензор Петербургского цензурного комитета, исполнявший в 1860—1870-х гг. должность начальника Главного управления по делам печати. Достоевский встречался с ним в 1864 г. по делам журнала «Эпоха» (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 94, 361). Известны одно письмо Достоевского к Веселаго и 2 письма Веселаго к Достоевскому (1864; *ГБЛ*) — XXVIII₂, 97, *408—409*

Вессель, старший товарищ Достоевского по пансиону Л. И. Чермака — XXVIII₁, 36

Вико (Vico) Джамбатиста (1668—1744), итальянский историк, его главный труд «Новая наука» был переведен французским историком Ж. Мишле (1844) — XXVIII₁, 171

Висковатов (Висковатый) Павел Александрович (1842—1905), историк литературы, доктор философии, с 1873 г. профессор русской словесности в Дерптском университете. Достоевский познакомился с ним в Петербурге в 1860-х гг., встречался в 1867 г. за границей и в 1880 г. в Москве во время пушкинских торжеств. Известно 2 письма Висковатова к Достоевскому (1870, 1881; *ГБЛ*); писал ли Достоевский Висковатову, неизвестно — XXVIII₂, 206 («с одним русским»), *449*

Витя — см. *Иванов* В. А.

Вихман, владелица известного петербургского модного магазина — XXVIII₁, 332, 333, 335

Владиславлев Михаил Иванович (1840—1890), с 1861 г. сотрудничал во «Времени» (большею частью — анонимно). С этого же времени стал посещать дом М. М. Достоевского, где Ф. М. Достоевский и познакомился с ним. С 1862 по 1864 г. учился за границей, а по возвращении в Петербург в 1864 г. начал работать в «Эпохе». В 1865 г. женился на племяннице писателя М. М. Достоевской и вместе с другими членами семьи своей жены безосновательно считал Достоевского виновным в их разорении. Достоевскому был также известен его отрицательный отзыв о «Преступлении и наказании» (намек на это см.: *Достоевская, Л. Ф.,* стр. 39). Все это привело к временному разрыву отношений Достоевского с племянницей и Владиславлевым. Адресат Достоевского с 1872 г. — XXVIII₂, 294 («негодяю-мужу»), 330, *444, 478*

Вл. Ч. — см. *Чачков* В.

Воганов, петербургский книгопродавец — XXVIII₂, 127

Вольтер (Voltaire), наст. имя и фамилия — Франсуа-Мари Аруэ (Arouet, 1694—1778) — XXVIII₂, 353, *500*

Вольф (Wolf) Фридрих Август (1759—1824), немецкий филолог, автор гипотезы об «Илиаде» и «Одиссее» как собрании отдельных песен — XXVIII₁, 159, *448*

***Воскобойников* Николай Николаевич (1838—1882), публицист, журналист, соиздатель П. Д. Боборыкина по журналу «Библиотека для чтения». По словам Боборыкина, он «был вхож к Достоевским» и именно от него Боборыкин «слыхал о нем ‹Достоевском, — *Ред.*› и его жизни в Петербурге довольно много» (П. Д. Боборыкин. Воспоминания, т. I, М., 1965, стр. 391). В № 7 журнала «Время» за 1861 г. была напечатана работа Воскобойникова «Заметки по крестьянскому вопросу...». Воскобойников исполнял отдельные поручения Достоевского, когда писатель летом 1865 г. был за границей и когда он сам в начале 1866 г., в период публикации там «Преступления и наказания», ездил в Москву. Известно 3 письма Воскобойникова Достоевскому (1865—1866; *ГБЛ*); письма Достоевского Воскобойникову неизвестны. Сведения о несохранившихся письмах Достоевского к нему 1865—1866 гг. см.: *Список* 2, №№ 193, 202 — XXVIII₂, 132, *422, 426, 526—528*

**Врангель* Александр Егорович, барон (1833—после 1912), дипломат, юрист и археолог. Окончив в 1853 г. Лицей и прослужив год в Министерстве юстиции, отправился на службу в Сибирь. Судя по воспоминаниям

Гальянов, владелец дома в Твери, где жил Достоевский — XXVIII$_1$, 355

Гарибальди (Garibaldi) Джузеппе (1807—1882), народный герой Италии, участник Итальянской революции 1848—1849 гг.; в 1848, 1859 и 1866 гг. во главе добровольцев участвовал в освободительных войнах против Австрии; в 1860 г. возглавил поход за освобождение юга Италии, обеспечивший победу Итальянской революции 1858—1860 гг. В 1862 и 1867 гг. пытался вооруженной силой освободить Рим от власти пап — XXVIII$_2$, 217, 224, 253, *452—454, 460, 462*

Гарнер, старший товарищ Достоевского по пансиону Л. И. Чермака — XXVIII$_2$, 36

**Гартонг* Василий Андреевич, капитан Главного инженерного училища, автор повести «Панихида» (*БдЧт*, 1837, т. XXII). См. о нем: *РА*, 1887, № 3, стр. 490. Известно 2 рапорта Достоевского на его имя (1843) — XXVIII$_1$, 87, 380, 381, *516*

Гасфорт Густав Христианович (1794—1874), генерал от инфантерии, генерал-губернатор Западной Сибири (1851—1860) и командующий отдельным Сибирским корпусом, с 1861 г. — член Государственного совета. Ходатайствовал о производстве Достоевского в чин унтер-офицера (1855), прапорщика (1856) и об отставке (1859). См. рапорты его: *ЛН*, т. 22—24, стр. 728—729; биографические сведения о нем и характеристику его как командующего см. в книгах: И. Ф. Бабков. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859—1875. СПб., 1912; П. П. Семенов-Тян-Шанский. Путешествие в Тянь-Шань. М., 1946, стр. 45—52; *Врангель*, стр. 12—13, 80—81 — XXVIII$_1$, 186, 203, 228, 229, 230, 232, 233, 237—240, 254, *460, 461, 465, 472, 473, 486, 489, 495, 517*

Гёгг (Гёк; Goegg) Мари (1826—1899)., основательница женского пансиона в Женеве, жена немецкого республиканца, редактор журнала «Les Etats-Unis de l'Europe», секретарь Лиги мира и свободы — XXVIII$_2$, 328

Гегель (Hegel) Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — XXVIII$_1$, 173, *426, 455*

**Гейбович* Артемий Иванович (ум. 1865), ротный командир 7 линейного Сибирского батальона, непосредственный начальник Достоевского. Отношения Достоевского с Гейбовичем носили дружеский характер (см. воспоминания дочери Гейбовича З. А. Сытиной о знакомстве ее отца с Достоевским: *ИВ*, 1885, № 1, стр. 123; см. о нем также: Н. П. Ивлев. Находки краеведа. Алма-Ата, 1977, стр. 60—65). Известны одно письмо Достоевского к Гейбовичу (1859) и ответное письмо Гейбовича (1860; Простор, 1971, № 11, стр. 108—110) — XXVIII$_1$, *10*, 354, 360—368, *509—513, 518*; XXVIII$_2$, *513*

Гейбович З. А. — см. *Сытина* З. А.

Гейбович Прасковья Михайловна (или Максимовна; ум. 1871), жена А. И. Гейбовича. Дочь ее З. А. Сытина вспоминала о теплых, дружеских отношениях матери и Достоевского (см.: *Материалы и исследования*, т. II, стр. 300) — XXVIII$_1$, 364, 367, 368, *512*

Генслер Иван Семенович (1820—1870-е), беллетрист, переводчик. Его очерки и рассказы были известны Достоевскому еще в начале 1860-х гг. (см.: наст. изд., т. XXVII, стр. 145, 409); в 1873 г. писатель поместил в «Гражданине» его же «Гаваньские сцены» (*Гр*, 1873, №№ 9 и 10). Известно одно письмо Генслера к Достоевскому (1873; *ГБЛ*) — XXVIII$_2$, 16. *372*

Гернгросс Андрей Родионович (род. 1814), полковник, горный инженер, с 1854 г. горный начальник Алтайских заводов в Барнауле, с 1859 г. член совета и ученого комитета Корпуса горных инженеров в Петербурге. Достоевский познакомился с ним через А. Е. Врангеля (см.: *Врангель*, стр. 62—63, 88—89) и встречался с ним в Петербурге в 1860-х гг. См. о нем: В. Ф. Гришаев. К пребыванию Достоевского на Алтае. — *Материалы и исследования*. т. VI. стр. 196—197 — XXVIII$_1$, 202, 203, 219, 232, 237, 240, 251, 252, 267, 268. 271, 272, *465, 469, 476, 477, 482*

Гернгросс Екатерина Иосифовна (Осиповна), урожд. Львова (род. 1818), жена предыдущего, знакомая А. Е. Врангеля. Достоевский познакомился с ней в 1856 г. В переписке Достоевского с Врангелем фигурирует под

1864 г. см.: *Список* 2, №№ 170, 179 — XXVIII$_2$, 73, 76, 85, 298, *366, 400—401, 404, 520, 522*

· *Гофман* (Hoffmann) Эрнст Теодор Амадей (1776—1822) — XXVIII$_1$, 1, 9, 51, 69, *403, 404, 405*

Граве де Алексей Федорович (1793—1864), генерал-майор, комендант Омской крепости. В «Записках из Мертвого дома» Достоевский охарактеризовал коменданта как «человека благородного и рассудительного» (наст. изд., т. IV, стр. 301). О нем см.: *РС*, 1889, № 2, стр. 318; П. К. Мартьянов. Дела и люди века, т. 3, СПб., 1896, стр. 251—252; В. С. Вайнерман. Омское окружение Ф. М. Достоевского. — *Материалы и исследования*, т. IV, стр. 187 — XXVIII$_1$, 169, 284, 361, *453, 534*

*******Граве де* Анна Андреевна, урожд. Романова, жена предыдущего. Достоевский познакомился с ней в Омске. (см.: В. С. Вайнерман. Омское окружение Ф. М. Достоевского. — *Материалы и исследования*, т. VI, стр. 185). Сведения о 2-х несохранившихся письмах к ней Достоевского 1856—1857 гг. см.: *Список* 1, №№ 75, 82 — XXVIII$_1$, 284, 394, *486, 511, 532, 534*

Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829) — XXVIII$_1$, 98, 215, *415, 422*; XXVIII$_2$, 51, 215, *387*

Григорович Дмитрий Васильевич (1822—1899), писатель, товарищ Достоевского по Инженерному училищу. В 1844—1845 гг. они жили на одной квартире (см.: *Саруханян*, стр. 260), в 1846 г. разъехались и встречались только у общих знакомых. Глава о Достоевском из «Литературных воспоминаний» Григоровича содержит первостепенный по важности материал для биографии молодого Достоевского (см.: *Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 121—136). Известно одно письмо Григоровича к Достоевскому (1880; *ЦГАЛИ*) — XXVIII$_1$, 10, 111, 113, 114, 126, 136, *393, 397, 401—403, 405, 408, 428, 429, 431, 435, 438, 507*; XXVIII$_2$, *500*

Григорьев Аполлон Александрович (1822—1864), поэт и критик, теоретик «почвеннической» ветви славянофильства. Сближение писателя и критика началось значительно раньше их личного знакомства: «почвенничество» лишь объединяло их во многом общие убеждения и представления, сложившиеся уже в 1840-х—1855 гг. (см. об этом: А. Л. Осповат. К изучению почвенничества (Достоевский и Ап. Григорьев). — *Материалы и исследования*, т. III, стр. 144—150). Достоевский познакомился с Григорьевым при посредничестве Страхова в 1860 г. По словам последнего, Достоевский «объявил, что он сам очень любит Григорьева» (см.: *Биография*, отд. 1, стр. 202). Первая статья Григорьева и его стихи появились в февральском номере «Времени» за 1861 г. Вскоре он стал ведущим критиком журнала. К этому же времени относятся высокие оценки Григорьевым «Униженных и оскорбленных», «Записок из Мертвого дома» и «Записок из подполья» (см. наст. изд., т. II, стр. 528—529; т. IV, стр. 295; т. V, стр. 382). Григорьев становится и участником литературного кружка братьев Достоевских — см.: *Биография*, отд. 1, стр. 223. Летом 1861 г. критик в результате расхождения с М. М. и Ф. М. Достоевскими уезжает в Оренбург (причины этого изложены самим Достоевским — см. наст. изд., т. XX, стр. 134—135), но работы для «Времени» не прекращает. В мае 1862 г., возвратившись из Оренбурга, Григорьев продолжает сотрудничать во «Времени» и «Эпохе»: в №№ 5 и 6 «Эпохи» были напечатаны его «Парадоксы органической критики» с подзаголовком: «Письма к Достоевскому». В № 8 «Эпохи» Достоевский поместил некролог Григорьева, написанный Д. В. Аверкиевым. Достоевский постоянно выручал Григорьева в тяжелейших обстоятельствах, незадолго до смерти критика навещал его в «долговом отделении»; писатель был одним из немногих близких людей, участвовавших в его похоронах. Внезапная смерть Григорьева была для Достоевского тяжелым ударом. Позднее, в «Дневнике писателя» Достоевский собирался обратиться к последним годам жизни Григорьева и особенно к обстоятельствам и характеру его смерти (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 182, 186; т. XXIV, стр. 228, 232, 234). Замысел этот остался неосуществленным. Высказано предположение, что в некоторых чертах Дмитрия Карамазова могли отразиться отдельные проявления характера А. А. Григорьева (см.

Демчинский Василий Петрович, адъютант генерал-майора главного штаба Западной Сибири, семипалатинский приятель Достоевского (см. о нем: *Семенов-Тян-Шанский*, стр. 69) — XXVIII$_1$, 194, 227, 234, 237, 240, 244, 248, 250, 251, 273, *463, 476*

Державин Гавриил Романович (1743—1816) — XXVIII$_1$, 70, *413*

Дефо (Defoe) Даниель (ок. 1660—1731) — XXVIII$_1$, 289, *488*

Джули Борси (Giuli Borsi) Тереза (1817—1877), певица итальянской оперы в Петербурге в сезоны 1846/1847 и 1847/1848 гг. Достоевский упоминает ее в рассказе «Чужая жена и муж под кроватью» (наст. изд., т. II, стр. 62) и в фельетоне «Петербургская летопись» (наст. изд., т. XVIII, стр. 112) — XXVIII$_1$, 137, *437—439*

Диккенс (Dickens) Чарльз (1812—1870) — XXVIII$_1$, 281; XXVIII$_2$, 251, *461*

Димитрий Ростовский (1651—1709), митрополит, духовный писатель — XXVIII$_1$, 153, *466*

Диодор Сицилийский (ок. 80—29 до н. э.), древнегреческий историк, автор «Исторической библиотеки» (рус. пер. 1774—1775) — XXVIII$_1$, 179

Дитмар фон Эмилия — см. Достоевская Э. Ф.

Дмитриев Николай Дмитриевич (1824—1874), беллетрист — XXVIII$_2$, 86, *405*

Дмитрий Степанович — см. *Констант* Д. С.

Добролюбов Николай Александрович (1836—1861) — XXVIII$_1$, 339, *504*; XXVIII$_2$, *411, 500*

Долгомостьев Иван Григорьевич (ум. 1867), переводчик, журналист, сотрудник журналов «Время» и «Эпоха», член литературного кружка братьев Достоевских; после смерти М. М. Достоевского активно помогал Ф. М. Достоевскому по делам «Эпохи» — XXVIII$_2$, 73, 245, *385, 460, 476*

* *Долгоруков* Василий Андреевич, князь (1803—1868), государственный деятель, в 1849 г. член Следственной комиссии по делу петрашевцев; с 1858 г. шеф жандармов и главный начальник III отделения. Известно 2 официальных письма Достоевского к нему (1859) — XXVIII$_1$, 335, 336, 338, 343, 344, 351, 359, 363, 370, 372—374, 378, 379, 384, 387, 388, *502, 506, 513—515, 518—520, 540*; XXVIII$_2$, *466*

Достоевская Александра Михайловна — см. *Голеновская* А. М.

**Достоевская* Анна Григорьевна, урожд. Сниткина (1846—1918), вторая жена писателя (с 1867), мемуаристка. Родилась в семье мелкого петербургского чиновника Г. И. Сниткина. Образование получила сначала в Училище св. Анны, затем в 1858—1864 гг. в первой женской Мариинской гимназии, по окончании которой поступила на Педагогические курсы Н. А. Вышнеградского. Не закончив обучения, поступила на курсы стенографии. С 4 октября 1866 г. по рекомендации руководителя курсов П. М. Ольхина начала работать стенографисткой-переписчицей у Достоевского. Благодаря ее помощи Достоевским был вовремя написан роман «Игрок». 8 ноября 1866 г. Достоевский сделал предложение Сниткиной, и 15 февраля 1867 г. состоялась их свадьба. С этого времени А. Г. Достоевская помогала писателю в стенографировании его произведений, вела его издательские дела (позднее ею была организована собственная книжная торговля). Во время пребывания с мужем за границей в 1867—1871 гг. она вела стенографические дневники (см.: *Достоевская. Дневник*; Женевский дневник А. Г. Достоевской. — *ЛН*, т. 86, стр. 167—282). Достоевский посвятил жене роман «Братья Карамазовы». После смерти писателя А. Г. Достоевская активно собирала его рукописи, письма, документы; она выпустила семь собраний сочинений Достоевского. Оказывала значительную помощь биографам писателя при составлении книги «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского» (СПб., 1883). В 1906 г. выпустила «Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского». В последние годы жизни Достоевская работала над расшифровкой своего дневника 1867 г., готовила к изданию отдельной книгой письма Достоевского к ней, а в 1911—1916 гг. писала воспоминания. Известны

Достоевская* Эмилия Федоровна, урожд. фон-Дитмар (1822—1879), жена М. М. Достоевского с 1842 г. Достоевский познакомился с ней в 1842 г. и в конце этого же года стал крестным отцом первенца семьи Федора (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 37). Отношения его с невесткой обострились после смерти брата в результате падения журнала «Эпоха», повлекшего к разорению семьи Эмилии Федоровны. После женитьбы Достоевского на А. Г. Сниткиной отношения стали еще более натянутыми, хотя внешне продолжались и переписка, и по возвращении Достоевских из-за границы редкие родственные встречи. Известны 8 писем Достоевского к Э. Ф. Достоевской (1867—1869) и письмо Э. Ф. Достоевской к писателю (1868; *ИРЛИ***) — XXVIII₁, 74, 79, 83, 85, 87, 89, 108, 110, 112, 114, 116, 118, 121—123, 125, 127, 128, 130, 133—136, 139, 141, 144, 155, 157, 159, 161, 162, 165, 167, 171, 180, 185, 193, 198, 206, 216, 247, 259, 260, 276, 277, 302, 306, 313, 314, 316, 320, 327, 336, *415, 416, 444*; XXVIII₂, 31, 66—67, 69, 96, 110, 117, 156, 162—163, 167, 181, 201—203, 207, 212—214, 217—219, 227—228, 230—232, 242—261, 263—264, 268—270, 272, 275, 279—280, 295, 297, 299, 301, 304, 311—313, 316—318, 324—326, 330—332, 351, *379, 425, 433, 435—437, 446—447, 453, 456—458, 460, 462, 467—470, 479, 487, 490, 496, 531—534*

* *Достоевский* Андрей Михайлович (1825—1897), младший брат Достоевского, гражданский инженер. Учился в пансионе Л. И. Чермака (1837—1841); в конце 1841 г. приехал в Петербург и жил некоторое время на одной квартире с Ф. М. Достоевским. После неудачной попытки сдать экзамены в Главное инженерное училище поступил в 1842 г. в Училище гражданских инженеров, преобразованное вскоре в Строительное училище, которое он окончил в 1848 г. В июле того же года получил назначение в Департамент проектов Главного строительного управления в Петербурге. В апреле 1849 г. был ошибочно арестован вместо М. М. Достоевского, пробыл в Петропавловской крепости 13 дней. С октября 1849 г. по 1890 г. работал архитектором в Елисаветграде, Симферополе, Екатеринославе, Ярославле, где проектировал и построил ряд зданий (см.: И. Потапов. А. М. Достоевский и Ярославский край. — Северный рабочий (Ярославль), 1985, 27 марта). Автор «Воспоминаний» (Л., 1930), охватывающих время с 1825 по 1871 г. и содержащих много ценных сведений о семье Достоевских, особенно о детских и юношеских годах писателя. Хотя братья никогда не были очень близки, родственные отношения их не прерывались. Известны 17 писем Ф. М. Достоевского к брату (1842—1880) и 2 письма А. М. Достоевского к писателю (1849—1869; ***ИРЛИ***; *Достоевский, А. М.*, стр. 338—343). Сведения о несохранившемся письме Ф. М. Достоевского к брату за 1843 г. см.: *Список* 1, № 23 — XXVIII₁, 10, 33—35, 37, 38, 51, 59, 73, 79—81, 104, 105, 124, 130, 151, 155—157, 161, 163, 173, 178, 181—183, 193, 216, 247, 287, 313, 317, *395—402, 407, 408—410, 413—417, 420, 421, 423—425, 434, 436, 444—448, 454—456, 458, 459, 463, 470, 487, 521, 523—525, 527*; XXVIII₂, 24—25, 94—97, 149, 201, 267, *376—377, 404—405, 427—428, 523, 532*

**Достоевский* Михаил Андреевич (1788—1839), отец писателя. Сын священника; порвал со своей семьей и по окончании Подольской духовной семинарии отправился в Москву, где поступил в Медико-хирургическую академию. В августе 1812 г. во время Отечественной войны был командирован в военно-полевой госпиталь. В 1813 г. произведен в лекари. В 1820 г. уволен с военной службы и определен в 1821 г. на службу в Московскую Мариинскую больницу для бедных. В 1837 г. в чине коллежского советника вышел в отставку и поселился в приобретенном им на имя жены в 1831 г. селе Даровом Тульской губернии Каширского уезда. Сохранившиеся свидетельства рисуют его человеком мужественного и волевого склада, суровым и требовательным в семейном быту (некоторыми чертами его характера наделен отец Вареньки в «Бедных людях»). Добившись без поддержки родных образования и сумев породниться с московским ученым медицинским миром и купечеством, завоевать своим трудом признание и уважение окружающих, он хотел, чтобы его старшие сыновья также получили практическое, военно-инженерное образование. В то же время он, по-видимому, не был чужд литературных интересов, знакомил детей

с «Историей государства Российского» Н. М. Карамзина, с литературой русского классицизма и сентиментализма конца XVIII—начала XIX в. и т. д., но к мечтам их о литературном призвании относился неодобрительно. После смерти жены в деревне М. А. Достоевский начал пить. Этому способствовали также неурожаи и болезненно им переживавшаяся угроза разорения. В июне 1839 г. скончался в поле при загадочных обстоятельствах. Родственники (в частности, А. М. Достоевский) полагали, что он был убит крепостными. В последнее время это было подвергнуто сомнению одним из современных исследователей (см. XXVIII$_1$, стр. 409). Л. Ф. Достоевская высказала предположение, — оговорив при этом, что у нее нет каких-либо документальных свидетельств в его пользу, — о возможном внешнем и психологическом сходстве М. А. Достоевского в последние годы жизни с Федором Павловичем Карамазовым. Это предположение послужило в трудах венского психоневролога З. Фрейда и его последователей основой для создания легенды о скрытой неприязни Достоевского к отцу. Но прямые высказывания писателя об отце в письмах и «Дневнике писателя» противоречат созданной Фрейдом легенде, которой последний воспользовался для подкрепления своего учения об «эдиповом комплексе». Подробнее о М. А. Достоевском и о взаимоотношениях его с Ф. М. Достоевским см.: *Биография*, отд. I, стр. 6—26; *Достоевский, А. М.* (по указателю); *Нечаева, В семье и усадьбе Достоевских* (там же см. и переписку М. А. и М. Ф. Достоевских — стр. 71—113); *Нечаева, Ранний Достоевский*, стр. 16—31, 85—94. Известны 8 писем Достоевского к отцу, написанных совместно с братьями (из них 3 рукою Ф. М. Достоевского, остальные написаны М. М. Достоевским), и 6 писем к нему самого Достоевского за 1832—1839 гг. Из писем М. А. Достоевского к Ф. М. Достоевскому сохранилось два (1837, 1839) — одно к обоим старшим сыновьям, другое отдельно к Ф. М. Достоевскому (*Нечаева, В семье и усадьбе Достоевских*, стр. 115—116, 120—122). Сведения о ряде несохранившихся писем Достоевского к отцу см.: *Список*' 1, №№ 6, 10—17 — XXVIII$_1$, 29, 30, 34, 36—59, 64, 65, 73, *393—411, 414, 521—523*

**Достоевский* Михаил Михайлович (1820—1864), старший брат Достоевского, писатель, критик, переводчик, журналист. Обучался вместе с братом Федором в пансионах Н. И. Драшусова (1833—1834) и Л. И. Чермака. Летом 1837 г. оба брата приехали в Петербург для поступления в Главное инженерное училище, но М. М. Достоевский, не допущенный к экзаменам, поступил в январе 1838 г. кондуктором 2-го класса в С.-Петербургскую инженерную команду, из которой вскоре был переведен в инженерную команду в Ревеле; сдав экзамены в Петербурге, в январе 1841 г. был произведен в полевые инженер-прапорщики, после чего снова служил в Ревельской, Нарвской и Свеаборгской инженерных командах; тяготясь службой, писал романтические стихи и жил литературными интересами. В 1847 г. по совету Ф. М. Достоевского вышел в отставку и переехал с семьей в Петербург. Все это время между братьями продолжала существовать тесная духовная связь. Письма к М. М. Достоевскому — главный источник для воссоздания истории первых творческих замыслов Ф. М. Достоевского. С конца 1840-х гг. М. М. Достоевский выступает в печати как автор ряда повестей, написанных в русле натуральной школы. Его переводы Шиллера и Гете получили в критике высокую оценку (в 1860 г. перевел также повесть Гюго «Последний день приговоренного к смерти», которая нашла отражение в «Идиоте» — см. наст. изд., т. IX, стр. 429—430, 432—433). Как критика М. М. Достоевского наиболее ярко представляют статьи «О новейших русских писателях» (1848), «Жуковский и романтизм» (1852), «„Гроза“ А. Н. Островского» (1860). С осени 1847 г. М. М. Достоевский посещал «пятницы» Петрашевского, с которым его познакомил брат Федор. В мае 1849 г. был арестован после освобождения ошибочно арестованного вместо него брата Андрея; в результате следствия и показаний Ф. М. Достоевского был признан невиновным и отпущен на свободу, хотя негласный надзор за ним сохранялся до конца жизни (см. его следственное дело: *Материалы и исследования*, т. I, стр. 254—265). С 1852

корреспондентом иностранных газет — в частности бельгийской «Indépendance Belge» (1863—1870); на петербургской и московской сценах шел «Гамлет» в его переводе. Выступал с рассказами и повестями на страницах различных газет и журналов. Высоко ценя творчество Достоевского. Загуляев посвятил ему рассказ «Бедовик» (Русский мир, 1861, № 94) и повесть «Скороспелки» (Огонек, 1880, №№ 46—52). Достоевский познакомился с ним в 1860 г.; в сентябре этого года он был гостем на свадьбе Загуляева (см. запись писателя в альбом Ф. Г. Загуляевой — наст. изд., т. XXVII, стр. 119. 383). В 1863 г. Загуляев, бывший членом Литературного фонда, обращался к Достоевскому как к секретарю Комитета Общества с просьбой о получении пособия. В 1870-х гг. они встречались в доме Е. А. Штакеншнейдер (см.: *Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 302—304, 314; а также: *Материалы и исследования*, т. V, стр. 268). Известно одно письмо Достоевского к Загуляеву (1860) и 3 письма Загуляева к Достоевскому (1863—1878; *ГБЛ*) — XXVIII_2, 16, *366, 372*

Залюбецкий, знакомый Достоевского по кружку братьев Бекетовых — XXVIII_1, 134

Зарубин Павел Алексеевич (1816—1886). известный механик-самоучка, был удостоен Демидовской премии; писатель, автор нескольких романов. В «Эпохе» был напечатан отрывок из его романа «Происшествие сороковых годов» и статья «Еще один практический взгляд на всероссийскую сельскохозяйственную выставку» (подробнее см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 123—124). Писал ли Достоевский Зарубину, неизвестно; известно одно письмо Зарубина Достоевскому (1864; ***ИРЛИ***) — XXVIII_2, 85, *404*

Зименко* Ардалион Васильевич, писатель и сотрудник ряда журналов и газет 1860-х гг. (см. его характеристику для поступления в члены Литературного фонда: ***ИРЛИ, № 14239; а также отрывок из его записок: *РА*, 1883, № 1, стр. 132—136). С М. М. и Ф. М. Достоевскими вступил в переписку в связи с пересланным им для «Времени» романом («повестью») И. А. Салова «Бутузка», гонорар за который, по всей вероятности, был передан автором ему (о дружеских отношениях между Зименко и Саловым свидетельствует посвящение последним своей повести «Мельница купца Чесалкина» Зименко — *ОЗ*, 1877, № 9). Зименко написал для «Эпохи» повесть «Маскарад» и обратился к Достоевскому с предложением составлять для журнала хронику московской «обыденной» и литературной жизни и, видимо, получив согласие, подготовил первую часть. Однако сотрудничество его в журнале не состоялось из-за закрытия «Эпохи». Известно 4 письма Зименко к Достоевскому (1864—1865; ***ИРЛИ***). Письма Достоевского к Зименко неизвестны. Сведения о несохранившихся письмах Достоевского к нему 1864—1865 гг.: *Список 2*, №№ 182, 185, 189 — XXVIII_2. *521, 523—524*

Зинаида Артемьевна — см. *Сытина* З. А.

Зотов Рафаил Михайлович (1795—1871), участник войны 1812 г., писатель и театральный деятель, автор исторических романов «Леонид, или Некоторые черты из жизни Наполеона» (1832), «Таинственный монах» (1836) — XXVIII_1, 55, *407, 408*; XXVIII_2, *520*

Иван Викентьевич — см. *Ждан-Пушкин* И. В.

Иван Григорьевич — см. *Сниткин* И. Г.

Иванов Александр Александрович (род. 1850), племянник Достоевского, сын В. М. и А. П. Ивановых, студент Московского университета, впоследствии инженер путей сообщения, служил на Харьковско-Николаевской железной дороге — XXVIII_1, 378; XXVIII_2, 175. 256, 293, *437, 455*

****Иванов*** Александр Павлович (1813—1868), муж сестры Достоевского Веры Михайловны, врач Константиновского межевого института и преподаватель физики и естественной истории в различных учебных заведениях Москвы. В 1852 г. Иванов приобрел имения Достоевских Даровое и Черемошню. В 1863 г. он был доверителем Достоевского при получении наследства от А. А. Куманина. В 1866 г. Достоевский проводит лето вместе

с семьей Ивановых на даче в Люблине. Известны одно письмо Достоевского к Иванову и В. М. Ивановой (1868) и 2 письма Иванова к Достоевскому (1863—1864; *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 129, 133). Сведения о несохранившихся письмах Достоевского к Иванову см.: *Список* 1, №№ 80, 85 — XXVIII₁, 121, 185, 263, 276, 280, 287, 292. *432, 444, 447, 483, 485, 487, 515, 533—535*; XXVIII₂, 56—57, 65, 68, 70, 73, 76, 79—81, 88. 90—92, 94. 96—97, 149, 160, 177, 202, 246—249, 253—256, 265, 268, 270, 292 («покойника»), 353, 356, 359—360, *390, 403—404, 408, 434, 436—437, 460—462, 467, 478, 480, 501, 517*

Иванов Алексей Александрович (1860—1921), племянник писателя, сын В. М. и А. П. Ивановых, впоследствии железнодорожный служащий — XXVIII₂, 253, *455*

Иванов Виктор Александрович (1854—1910), племянник писателя, сын В. М. и А. П. Ивановых, впоследствии инженер путей сообщения — XXVIII₂, 225, 253, 256, 308, *455*

***Иванов* Константин Иванович (ум. 1887), генерал, военный инженер. Окончил Главное инженерное училище на год позже Достоевского. В 1850-х гг. служил в Омске адъютантом начальника инженеров Сибирского отдельного корпуса. Частые поездки Иванова по делам службы по Западной Сибири позволили ему познакомиться с рядом ссыльных декабристов. В 1851 г. он женился на дочери декабриста И. А. Анненкова. В ведении Иванова были арестантские работы, и он мог влиять на выбор работ, в которые назначали Достоевского. Писатель заметил о нем в «Записках из Мертвого дома»: «Из инженеров были люди (из них особенно один), очень нам симпатизировавшие» (см. наст. изд., т. IV, стр. 216). В доме Ивановых в 1853 г. Достоевский встретился с Е. И. Якушкиным и П. Е. Анненковой; через Иванова шла неофициальная переписка писателя. После выхода из острога Достоевский и С. Ф. Дуров в течение месяца жили у Иванова. Здесь писатель познакомился с Ч. Ч. Валихановым. В мае 1854 г. Иванов был переведен в Петербург. Связь его с Достоевским не оборвалась: они переписывались. В 1860-х гг. Иванов служил на Кавказе, затем в Иркутске начальником инженеров Восточно-Сибирского военного округа. В начале 1870-х гг. он возвратился в Петербург. В записной тетради Достоевского 1872—1875 гг. имеется запись адреса Иванова (см.: *ЛН*, т. 83, стр. 318). Знакомство его с Достоевским продолжалось до смерти писателя, позднее Иванов поддерживал отношения с А. Г. Достоевской (см. о нем: *РС*, 1888, № 1, стр. 173; И. И. Пущин. Записки о Пушкине; Письма. М., 1956, стр. 272, 300—301; М. М. Громыко. Ф. М. Достоевский и семья декабриста И. А. Анненкова. — В кн.: Политические ссыльные в Сибири. Новосибирск, 1983, стр. 108—117). Сведения о несохранившихся письмах Достоевского к Иванову 1855—1857 гг. см.: *Список* 1, №№ 50, 66 — XXVIII₁. 171, 173, 174, 184, 196, 205, 245, *451, 452, 455, 460, 463, 464, 529, 531*

Иванов, брат К. И. Иванова — XXVIII₁, 173

**Иванова* Вера Михайловна, урожд. Достоевская (1829—1896), средняя сестра Достоевского. Замужем за А. П. Ивановым с января 1846 г. Бывая в Москве, Достоевский всегда посещал семью любимой сестры, а лето 1866 г. провел вместе с Ивановыми на даче в Люблине. О жизнерадостной, легкой атмосфере этой семьи вспоминали современники (см.: *Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 363—366, 369—374). В рассказе «Вечный муж» Достоевский в лице семейства Захлебининых изобразил в какой-то мере семью Ивановой (см. наст. изд., т. IX, стр. 475). Известны 5 писем Достоевского к сестре (1868—1872) и 3 письма Ивановой к Достоевскому (1846—1872; *ИРЛИ*). Сведения о несохранившихся письмах Достоевского к сестре см.: *Список* 1, №№ 37, 63—65, 107—108 — XXVIII₁, 31—34, 37, 43, 59, 82, 118, 121, 155, 163, 173, 180, 203, 205, 245, 247, 260, 263, 269, 276, 278, 286, 287, 291, 313, 317, 328, 336, 350—352, 362, 377, 378, *395, 410, 432, 433, 444, 445, 447, 455, 459, 470, 480, 483, 484, 508, 515, 525, 531, 535, 539*; XXVIII₂. 25, 93, 174, 177, 202, 246—249, 253—257, 266—268, 270, 294—295, 307, 317 («мамаши»), *376, 379, 383, 437, 440—441, 453, 460—462, 467, 470, 501*

Д. И. Менделеева. Достоевский познакомился с ними в Омске в июле 1859 г. на пути в Тверь (см.: В. С. Вайнерман. Омское окружение Достоевского. — *Материалы и исследования*, т. VI, 187—189). Известно письмо Капустиной к Достоевскому (1862; *ИРЛИ*; частично опубликовано: *Валиханов*, т. IV, стр. 112—113) — XXVIII_1, 361

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — XXVIII_1, 38, *398*; XXVIII_2, *439, 500*

Карепин Александр Петрович (род. 1841), племянник Достоевского, сын В. М. Карепиной; врач, в 1870-х гг. сотрудник «Московской медицинской газеты». Достоевский познакомился с ним в 1866 г. во время пребывания в Люблине (см. шутливую «оду» в стихах о нем, сочиненную там Достоевским, — наст. изд., т. XVII, стр. 446—447). По предположению биографов, некоторыми чертами Карепина наделен Трусоцкий — герой повести «Вечный муж» (см. наст. изд., т. IX, стр. 475) — XXVIII_1, 82, 263, 269, 278

**Карепин* Петр Андреевич (1796—1850), муж старшей сестры Достоевского Варвары Михайловны (с 1840 г.), правитель канцелярии Московского военного генерал-губернатора. Вступив во второй брак довольно состоятельным пожилым вдовцом, Карепин вскоре после женитьбы был назначен опекуном братьев и сестер Достоевских. Воспринятый Достоевским как тип ограниченного, черствого дельца, Карепин послужил прототипом Быкова в «Бедных людях» и Лужина в «Преступлении и наказании» (см. наст. изд., т. I, стр. 467 и т. VII, стр. 334). Несколько иную его характеристику см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 113—117. Известны 5 писем Достоевского к Карепину (1843—1844) и одно письмо Карепина к Достоевскому (1844; см. текст его: наст. изд., т. XXVIII_1, стр. 421—422). Сведения о несохранившихся письмах Достоевского к нему см.: *Список* 1, №№ 24, 26 — XXVIII_1, 8, 81—83, 92—104, 143, 155, *393, 411, 415, 417, 419, 420—425, 441, 444, 446, 447, 524, 525*

**Карепина* Варвара Михайловна, урожд. Достоевская (1822—1893), старшая сестра Достоевского. После смерти матери вместе с отцом, младшими детьми и няней Аленой Фроловной жила в Даровом. Между нею и отцом сложились тягостные отношения, которые вынудили ее уехать в Москву весной 1838 г. и поселиться в доме Куманиных. В апреле 1840 г. вышла замуж за П. А. Карепина, получив от Куманиных в приданое 25 тысяч рублей. В 1850 г. овдовела, оставшись с тремя малолетними детьми. Играла заметную роль в истории с наследством тетки А. Ф. Куманиной, особенно доверявшей Карепиной и слушавшейся ее (см.: *ЛН*, т. 77, стр. 498). А. М. Достоевский вспоминал, что Достоевский «очень любил и уважал ее не только как сестру, но и как женщину редкого ума и твердого характера» (*Достоевский, А. М.*, стр. 85). По мнению исследователей, биографические факты юности Карепиной послужили для Достоевского источником при создании начала романа «Неточка Незванова», а также в описании детства и истории замужества Вареньки Доброселовой в «Бедных людях» (см.: *Нечаева, Ранний Достоевский*, стр. 143—146; 184—189, а также наст. изд., т. I, стр. 467). В черновых записях к роману «Подросток» Достоевский упоминает сестру в качестве одного из прототипов Анны Андреевны (см. наст. изд., т. XVII, стр. 270, 419). Известны 7 писем Достоевского к сестре (1840—1859) и одно письмо к ней, написанное совместно с М. М. Достоевским (1837), а также два ее письма к Ф. М. Достоевскому (1878—1881; *ИРЛИ*). Сведения о несохранившихся письмах Достоевского к Карепиной см.: *Список* 1. №№ 40, 41, 51, 63—65, 107—108 — XXVIII_1, 8. 29. 32, 33. 45. 52, 73. 82. 104. 121. 155, 163. 178, 180, 185. 193. 203—205, 245, 247. 258—263. 269. 274, 277, 278, 286, 287, 291, 313, 317, 328, 336. 350—352. 362, 377. 378. *459. 461. 465, 470. 479, 480. 482—484, 487, 508. 515. 523. 527, 529, 531. 533, 539*; XXVIII_2. 25, 80, 82—83, 93. 125, *376, 403—404*

Карепина Елизавета Петровна (род. ок. 1846), племянница Достоевского, дочь В. М. Карепиной, больная от рождения (см. о ней: *Волоцкой*, стр. 172) — XXVIII_1, 82, 263, 269. 278

Каренина Мария Петровна, в замужестве Смирнова (род. 1842), племянница Достоевского, дочь В. М. Карениной (см. о ней: *Волоцкой*, стр. 170—171) — XXVIII₁, 263, 269, 278, 377, 378. *515*; XXVIII₂, 25, *377*

Карр (Karr) Альфонс Жан (1808—1890), французский писатель. В 1839—1849 гг. издавал сатирический журнал «Осы» («Les Guepes») — XXVIII₁, 114, *429*

Катанаев Иван Миронович, кузнецкий окружной исправник. По свидетельству жителей Кузнецка, Достоевский бывал вместе с М. Д. Исаевой на вечерах в его доме (см.: М. М. Кушникова. Остались в памяти края. Кемерово, 1984, стр. 81—82). Был посаженным отцом Достоевского при венчании с Исаевой — XXVIII₁, 194 («исправник»). *483*

Катанаева Анна Николаевна, жена предыдущего, она устраивала у себя свадьбу Достоевского (описание венчания и «свадебного пира», см: в названной выше книге М. М. Кушниковой, стр. 81—82) — XXVIII₁, 190 («жена исправника»), 274 («с исправницей»)

Катерина Осиповна — см. *Гернгросс* Е. И.

Катерина Федоровна — см. *Нечаева* Е. Ф.

**Катков* Михаил Никифорович (1818—1887), публицист, редактор, издатель. Окончил в 1838 г. словесное отделение Московского университета, был участником кружка Станкевича; сотрудничал в «Московском наблюдателе», редактировавшемся Белинским, в «Отечественных записках» Краевского. В конце 1840-х гг. в Берлине слушал лекции Шеллинга. В 1845 г. защитил магистерскую диссертацию и в течение пяти лет был адъюнкт-профессором Московского университета по кафедре философии, в 1851 г. стал редактором газеты «Московские ведомости», а в 1856 г. начал издание журнала «Русский вестник». В середине 1850-х гг. Катков придерживался умеренно-либеральных взглядов. В 1857 г. Достоевский, рекомендованный Каткову Плещеевым, начал переговоры с ним о напечатании в «Русском вестнике» «большого романа» (остался неосуществленным), а затем повести «Село Степанчиково и его обитатели». Редакция «Русского вестника» отказалась выполнить просьбу Достоевского о повышении гонорара, и повесть была возвращена писателю. К 1859—1860 гг. из умеренного либерала Катков становится крайним консерватором. В 1861 г. началась полемика Достоевского с ним на страницах журнала «Время», отразившая неприятие писателем общественно-литературной позиции Каткова (см. наст. изд., т. XIX, стр. 91—117, 119—138, 169—177; *Кирпотин, Достоевский в шестидесятые годы*, стр. 91—108). Сношения Достоевского с Катковым как издателем возобновились в 1865 г.: писатель по совету Н. П. Шаликовой (родственницы Каткова) обратился к нему с предложением поместить в «Русском вестнике» новую повесть и подробно изложил содержание и главную идею будущего романа «Преступление и наказание». До этого Достоевский и Катков не были лично знакомы (см. наст. изд., т. XXVIII₂, стр. 145). Их знакомство относится ко времени печатания «Преступления и наказания», скорее всего — к 20-м числам марта 1866 г., то есть к периоду переговоров, связанных с конфликтом между Достоевским и Катковым, усмотревшим в IX главе второй части романа «следы нигилизма». Под давлением Каткова писатель вынужден был пойти на ряд нежелательных для него изменений и сокращений в романе (см. наст. изд., т. VII, стр. 325—326). Уезжая за границу в 1867 г., Достоевский получил у Каткова большую сумму денег вперед за будущий роман. В 1868 г. в «Русском вестнике» печатался роман «Идиот». В 1870-х гг. Достоевский сочувствовал публицистической деятельности Каткова, их связывали также денежные обязательства писателя. Печатание «Бесов» (1871—1872) сопровождалось серьезными разногласиями в связи с отказом «Русского вестника» напечатать главу «У Тихона» (см. наст. изд., т. XII, стр. 239—251). В 1879—начале 1880 г. в журнале Каткова печатались «Братья Карамазовы». Известны 15 писем Достоевского к Каткову (1858—1880) и 2 письма Каткова к Достоевскому (1866—1867; *ГБЛ*). Сведения о несохранившихся письмах Достоевского к Каткову см.: *Список* 1, № 96; *Список* 2, № 196 — XXVIII₁, 7, 12, 14, 16, 18, 229, 280, 295—298, 300—303, 306, 308, 309, 311, 314, 316, 318, 322—

Ковригин Николай Никифорович (род. ок. 1809), подполковник, главный смотритель рудников Змеиногорского края, с 1854 г. горный ревизор при военном губернаторе Западной Сибири. Знакомый Достоевского по Семипалатинску (об их взаимоотношениях см.: В. Ф. Гришаев. К пребыванию Достоевского на Алтае. — *Материалы и исследования*, т. VI, стр. 195—196) — XXVIII₁, 253, 262, 263, 266, 269, 273, 274, 289, 290, *480—483*

Колошин Сергей Павлович (1825—1868), публицист славянофильской ориентации; был рекомендован в журнал «Эпоха» И. С. Аксаковым, напечатал здесь две статьи; предлагал Ф. М. Достоевскому и другие свои статьи и библиографические заметки, написанные на основе иностранных источников, но они в журнале помещены не были (см. о нем: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 89—91). Известно одно письмо Колошина от 11 августа 1864 г., обращенное в редакцию «Эпохи» (*ГБЛ*). В записной тетради Достоевского 1864—1865 гг. имеются заметки о письмах его к Колошину (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 94—96) — XXVIII₂, *398, 519—520*

Кольцов Алексей Васильевич (1809—1842) — XXVIII₁, 337, *503, 515*

Коля — см. *Достоевский* Н. М.

Комаров Юрий Егорович, с ним состояла в неофициальном браке В. Д. Констант — XXVIII₂, 55, 58, 62, *389*

**Констант* Варвара Дмитриевна, старшая сестра М. Д. Достоевской, в 1850-х гг. жила с отцом в Астрахани, в 1860-х — в Петербурге. Достоевский был дружен с ней. Запись рассказа его о Констант содержится в «женевском» дневнике А. Г. Достоевской (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 208). Известно 8 писем Достоевского к Констант (1857—1864); ответные письма ее неизвестны — XXVIII₁, 10, 11, 202, 260, 261, 279, 283—285, 293, 294, 307, *484, 486, 499*; XXVIII₂, 38—43, 46—49, 54—55, 58, 62, 63 («о тетке»), 64 («о тетке»), 67, 69—70, 72, 76 («от тетки»), 92, 99 («тетке»), 124, 343 («от тетки»), *384, 386, 389, 391, 396, 398, 401, 404, 494, 515—516*

**Констант* Дмитрий Степанович (ум. 1863), отец М. Д. Достоевской, коллежский советник, директор карантинного дома в Астрахани. Известно 3 письма к нему Достоевского (1857—1858). Ответные письма Константа не сохранились — XXVIII₁, 202, 212, 221, 231, 237, 243, 256, 260, 261, 279, 285, 286, 294, 307, *479, 480, 484, 486, 491*; XXVIII₂, 48 («дедушка»)

Констант Лидия Дмитриевна, младшая сестра М. Д. Достоевской — XXVIII₁, 262, 279, 285, 294, 307, *465, 480*

Констант Софья Дмитриевна, сестра М. Д. Достоевской. Известно два ее письма к Достоевскому (1879; *ИРЛИ*) — XXVIII₁, 202, 256, 260, 261, 279, 285, 294, 307, 465, 480; XXVIII₂, 124—125, *420, 425, 434*

Константин Константинович — см. *Куманин* К. К.

Коптев Иван Харитонович, капитан, исправляющий дела канцелярии генерал-губернатора Западной Сибири при Локтевском заводе (см. о нем: *Врангель*, стр. 62) — XXVIII₁, 189

**Корвин-Круковская* Анна Васильевна, в замужестве Жаклар (1843—1887), дочь генерал-лейтенанта от артиллерии В. В. Корвин-Круковского, сестра С. В. Ковалевской. Достоевский познакомился с ней в конце февраля—начале марта 1865 г. (их переписка началась в 1864 г., в связи с опубликованием в журнале «Эпоха» двух рассказов Круковской; о них см. в публикации Т. И. Орнатской — *Материалы и исследования*, т. VI, стр. 238—241). Дружеское отношение к ней вскоре перешло у Достоевского в серьезное чувство (он бывал в семье Круковских по 3—4 раза в неделю), и, по воспоминаниям А. Г. Достоевской, Круковская вскоре (вероятно, в конце апреля—начале мая) стала невестой писателя, но он вернул ей слово (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 63, 89—90; подробнее о Круковской, ее семье и об отражении отдельных черт членов этой семьи, некоторых встреч с ними и о самой Круковской как прототипе Аглаи в романе «Идиот» см.: наст. изд., т. IX, стр. 386—388). В 1869 г. Круковская с С. В. и В. О. Ковалевскими уехала за границу, затем одна отправилась в Париж, работала в типографии наборщицей и вскоре вышла замуж за деятеля Интернационала, полковника Коммуны Виктора Жаклара ставшего активным участником Парижской коммуны. В дни Коммуны во-

Кохендорф Б. И., владелец дома на Большой Мещанской (ныне ул. Плеханова), в котором Достоевский жил в сентябре 1846 г. — XXVIII$_1$, 124, 127, 130

**Краевский* Андрей Александрович (1810—1899), журналист и издатель. С 1839 по 1860 г. редактор-издатель «Отечественных записок», которые он реорганизовал и к сотрудничеству в которых привлек лучших писателей и ученых России, однако привнес в дело практику беспощадной эксплуатации литературных поденщиков, одним из которых стал в 1840-х гг. Достоевский. Кроме «Бедных людей», «Романа в девяти письмах» и «Ползункова», все произведения Достоевского докаторжного периода печатались в журнале Краевского: работая на него по договору, писатель должен был к определенному сроку поставлять обусловленное количество листов. В 1857 г. Краевский опубликовал рассказ «Маленький герой», а в 1859 г. «Село Степанчиково». В эпилоге «Униженных и оскорбленных» Достоевский изобразил свои отношения с Краевским, выведя его под именем журналиста Александра Петровича (см. наст. изд., т. III, стр. 538). В 1860—1870-х гг. Достоевский резко полемизировал с Краевским, редактировавшим газету «Голос», дав общую оценку ему в статье «Каламбуры в жизни и в литературе» (см. наст. изд., т. XX, стр. 137—147). Подробнее об их взаимоотношениях см.: В. В. Виноградов. Достоевский и А. А. Краевский. — В кн.: *Достоевский и его время*, стр. 17—32. Известны 5 писем Достоевского к Краевскому (1849—1865) и одно письмо Краевского к Достоевскому (1865; *ГБЛ*). Сведения о несохранившейся записке Достоевского к Краевскому 1849 г. см.: *Список* 1, № 33 — XXVIII$_1$, 10, 12, 113, 115, 116, 118, 120—126, 128, 130, 131, 133—136, 138, 140, 144, 147, 148—155, 167, 174, 296, 304—306, 347, 348, 352, 354, 356—358, 360, 370, 376, *429, 432, 435, 437—439, 441—445, 452, 489, 491, 501, 507—510, 512, 513, 515, 526, 538*; XXVIII$_2$, 126—128, *387, 389, 419, 421—422, 460, 476*

Кресина Жозефина, вдова умершего в 1861 г. писателя А. Д. Кресина — XXVIII$_2$, 350

Крестовский В. — см. *Хвощинская* Н. Д.

Крестовский Всеволод Владимирович (1840—1895), в конце 1850—начале 1860-х гг. выступал как поэт, впоследствии популярный беллетрист, автор нашумевшего романа «Петербургские трущобы» (1864—1866), а затем ряда «антинигилистических» романов. В 1860—1861 гг. вместе с Достоевским посещал «вторники» Милюкова, а в 1861—1864 гг. входил в литературный кружок братьев Достоевских; с 1861 г. печатался во «Времени». Достоевский симпатизировал молодому поэту, и отношения их в 1862—1863 гг. были дружескими: они вместе участвовали в литературных чтениях, оба интересовались «трущобным» Петербургом (несомненна перекличка между отдельными эпизодами «Униженных и оскорбленных» и «Петербургскими трущобами»; отрывок из этого романа был напечатан в первой же книжке журнала «Эпоха» за 1864 г.). По-видимому, разлад в отношениях Достоевского и Крестовского начался с разгромной рецензии Д. В. Аверкиева па роман Крестовского (*Э*, 1865, № 2). Сведений о дальнейших отношениях Достоевского с Крестовским нет. Известно 6 писем Крестовского к Достоевскому (1862—1864; *ГБЛ*) — XXVIII$_2$, 10, 73, *370, 399, 476*

Кривопишин Иван Григорьевич (1796—1867), генерал-лейтенант, вице-директор инспекторского департамента Военного министерства. Будучи родственником П. А. Карепина по первой жене, Кривопишин по просьбе Карепина посещал Достоевского в Главном инженерном училище. Став офицером, Достоевский сам бывал у Кривопишина, жившего в здании Главного штаба (см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 134—135, 138—142) — XXVIII$_1$, 77, 80, 98, *416, 422*

Кривцов Василий Григорьевич, плац-майор омского острога, покончил с собой в 1861 г. Изображен Достоевским в «Записках из Мертвого дома» под прозвищем «Восьмиглазый» (см. наст. изд., т. IV, стр. 14, 288; а также: *ЛН*, т. 60, кн. 2, стр. 624; S. Tokarzewski. Siedem lat katorgi. Warsawa,

сатель. Его поэтическая сказка «Ундина» (1811) была переведена В. А. Жуковским — XXVIII$_1$, 51, *404*

Ланин Николай Петрович (1830—1896), купец-заводчик, владелец магазина минеральных вод — XXVIII$_2$, 165, *436*

Латкин Василий Николаевич, один из кредиторов Достоевского. Сохранилось его письмо к писателю, содержащее просьбу об уплате долга Л. Ф. Пантелееву (1866; *ИРЛИ*) — XXVIII$_2$, 184, 204, *444, 448*

Лафлёр (La Fleur), слуга Л. Стерна — XXVIII$_1$, 108

Леонтьев Павел Михайлович (1822—1874), филолог и журналист, профессор классической филологии Московского университета, с 1856 г. соредактор М. Н. Каткова по журналу «Русский вестник», а с 1865 г. и по газете «Московские ведомости» — XXVIII$_1$, 353; XXVIII$_2$. 176, *471*

Лесаж (Lesage) Ален Рене (1688—1741), французский писатель — XXVIII$_1$, 87, 236, *418, 474*

Лефорт Франц Яковлевич (1656—1699), уроженец г. Женевы, с 1678 г. находился на русской службе, стал ближайшим соратником Петра I; адмирал (о нем см: наст. изд., т. XVIII, стр. 42, 48, 49, 55 и 248—249) — XXVIII$_2$. 353, *499—500*

Лизавета Никитишна, племянница или приемная дочь А. И. Гейбовича — XXVIII$_1$, 364, 367, 368, *512*

Лисицын, петербургский домовладелец — XXVIII$_1$, 184

Логинов, петербургский домовладелец — XXVIII$_1$, 178, *455*

Ломновский Петр Карлович (ум. 1860), инженер-полковник, инспектор классов Главного инженерного училища в 1833—1837 гг., с 1853 г. — начальник училища, впоследствии генерал-лейтенант — XXVIII$_1$, 39, 45, 46

Львов Федор Николаевич (1823—1885), петрашевец. С 1847 г. посещал кружок Н. А. Момбелли, с октября 1848 г. «пятницы» Петрашевского и кружок С. Ф. Дурова. Арестованный 29 апреля 1849 г., Львов был приговорен к расстрелу, по конфирмации — к 12 годам каторги, которую отбывал в Шилкинском заводе Нерчинского округа. Через три года был переведен в Александровский завод. В 1856 г. вышел на поселение, служил в Иркутске, в Главном управлении Восточной Сибири, уволен в январе 1860 г. В Сибири сотрудничал с Н. А. Спешневым в «Иркутских губернских ведомостях», составил при участии Петрашевского «Записку о деле петрашевцев» (см.: *ЛН*, т. 63, стр. 166—190), написал «Выдержки из воспоминаний ссыльно-каторжного», где описал Томскую пересыльную тюрьму (*С*, 1861, № 9, стр. 107—128; 1862, № 2, стр. 205—240). С 1863 г. Львову было разрешено жить в столицах — XXVIII$_1$, 174, 371, *513*

**Любимов* Николай Алексеевич (1830—1897), профессор физики, публицист; в 1863—1882 гг. соредактор М. Н. Каткова по «Русскому вестнику». Отношения Достоевского с ним начались в 1866 г. и носили сугубо деловой характер, отразившийся и на их переписке. В известных ныне 33 письмах Достоевского к нему (1866—1881) речь идет о печатании романов «Преступление и наказание», «Бесы», «Братья Карамазовы»; таково же содержание и 13 писем Любимова к Достоевскому (1866—1880; *ГБЛ*) — XXVIII$_2$, 164—166, 168—174, 176, *365—366, 435—436, 438—440*

Ляпухин, почтальон в Семипалатинске; в его доме на Крепостной улице Достоевский нанимал квартиру после женитьбы на М. Д. Исаевой. По просьбе Достоевского Ляпухин в 1857 г. отвозил П. А. Исаева в Сибирский кадетский корпус в Омск. Современники свидетельствуют, что после отъезда Достоевского из Семипалатинска стены в доме Ляпухина были оклеены рукописями писателя, ими же «покрывала крынки» жена Ляпухина (см.: Б. Г—в. Достоевский в Семипалатинске. — Сибирские огни, 1924, № 4, стр. 148) — XXVIII$_1$, 282, 284, 285, 310, 381, *483, 486, 492, 516, 534*

**Майков* Аполлон Николаевич (1821—1897). поэт, сын Н. А. Майкова, ближайший друг Достоевского. В середине 1840-х гг. Майков сблизился с Белинским и кругом петрашевцев. У Белинского же в 1846 г. Майков познакомился с Достоевским; теснее они сошлись в кружке братьев Беке-

редакторским названием «Как я велик!» («В тот же день часов в одиннадцать утра...» — см.: *Некрасов, ПСС*, т. VIII, стр. 411—438. 766—780). Тем не менее Достоевский до конца 1840-х гг. продолжает печатать отдельные произведения в редактируемых Некрасовым органах и изданиях: «Роман в девяти письмах» (*С*, 1847, № 7), рассказ «Ползунков» («Иллюстрированный альманах». СПб., 1848). По выходе Достоевского из каторги Некрасов обратился к нему через Плещеева и М. М. Достоевского с предложением сотрудничать в «Современнике», но в вопросе об условиях публикации «Села Степанчикова» они не достигли договоренности (возможно, из-за негативного отношения Некрасова к повести). Позже Некрасов, по свидетельству Достоевского, указал ему на поэму того же периода «Несчастные» (1856) как на произведение, написанное с мыслями о нем (см. наст. изд., т. XXV, стр. 31, 371). После возвращения Достоевского из ссылки в Петербург и основания братьями Достоевскими журнала «Время» Некрасов, откликаясь на просьбу Ф. М. Достоевского поддержать журнал, напечатал в нем стихотворение «Крестьянские дети» (1861, № 10) и четыре отрывка из поэмы «Мороз Красный нос» (из главы «Смерть Прокла» — 1863, № 1). Но различия между «почвеннической» платформой журналов Ф. М. и М. М. Достоевских «Время», а затем «Эпоха» и революционно-демократической программой «Современника» вскоре привели к резкой полемике между журналами. Наибольшей остроты расхождения между Достоевским и Некрасовым достигают в конце 1860—начале 1870-х гг., что отразилось на отзывах Достоевского о «направлении» поэзии Некрасова и некоторых его произведениях в письмах этого периода и «Дневнике писателя» 1873 г. (см., например, отзыв о поэме «Русские женщины» — наст. изд., т. XXI, стр. 73). Однако в том же «Дневнике писателя» 1873 г. Достоевский посвятил специальную главу некрасовскому «Власу», трактуя его как емкий и важный для него символ способности русского народа к «восстановлению и самоспасению» (см. там же, стр. 31—41). Важным поворотом в отношениях поэта и писателя явилась публикация Достоевским в 1875 г. в «Отечественных записках» романа «Подросток». За месяц до смерти Некрасова Достоевский навестил его, а затем произнес речь на его могиле. В «Дневнике писателя» 1877 г. он высоко оценил «Последние песни» Некрасова, а в декабрьском выпуске посмертно определил значение его поэзии. Достоевский подчеркнул, что, несмотря на противоречия, внутренняя связь между ним и Некрасовым никогда не прерывалась, что он всегда оставался для него «любимым», «страстным к страданию», «народным поэтом» (см. наст. изд., т. XXV, стр. 57 и т. XXVI, стр. 119). О взаимоотношениях между Некрасовым и Достоевским см.: *Долинин*, стр. 64—65, 128—133; В. А. Тупиманов. Достоевский и Некрасов. — *Достоевский и его время*, стр. 33—66; Ф. И. Евнин. Достоевский и Некрасов. — *РЛ*, 1971, № 3, стр. 24—48; М. М. Гин. Достоевский и Некрасов. — Север, 1971, № 11, стр. 103—123 и № 12, стр. 106—124; наст. изд., т. XXI, стр. 398—401 и т. XXVI, стр. 425—431. Известны 4 письма Достоевского к Некрасову (1847—1875) и 9 писем Некрасова к Достоевскому (1862—1875; *Некрасов*, тт. X, XI). Сведения о несохранившихся письмах Достоевского к Некрасову 1859, 1874—1875 гг. см.: *Список* 1, № 104 — XXVIII_1, 10, 14, 111—116, 120, 121, 124, 125, 127, 128, 131, 133—135, 138, 142—144, 148, 329, 334, 336, 339, 341, 342, 346—348, 353, 354, 356, 357, 358, 359, 368, 376, *426—430, 433, 434, 436, 437, 441, 473, 489, 494, 497, 498, 500—502, 504, 507, 509, 510, 512, 515, 535, 538*; XXVIII_2, 18, 20, 29, 52, *374, 378, 395, 417, 457, 526*

Неслинд, владелец дома, в котором жил М. М. Достоевский в 1849 г. — XXVIII_1, 165, 178, *452*

* *Нечаева* Ольга Яковлевна, урожд. Антипова (1794—1870), вторая жена (с 1814 г.) деда Достоевского Ф. Т. Нечаева (1769—1832). Долгое время жила вместе с ним в доме Куманиных и, овдовев, осталась там почти полноправной хозяйкой. В 1820—1830-х гг. вместе с А. Ф. Куманиной часто навещала семью Достоевских. А. М. Достоевский свидетельствует о ее властном характере, особенно проявившемся в поздний период, когда она из-за болезни А. Ф. Куманиной своевольно распоряжалась ее деньгами

(см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 34—36, 41, 73, 80, 105, 107, 110, 265, 328—329, 336, 338—339, 351 и др.). Ф. М. Достоевский относился к «бабушке» почтительно, считал необходимым учитывать ее мнение «в деле» о завещании А. Ф. Куманиной. Известно одно письмо Достоевского к О. Я. Нечаевой (1840) — XXVIII$_1$, 73, *414*; XXVIII$_2$, 57, 79—82, 254, *390*, *402*, *404*, *462*

Нечаева Екатерина Федоровна, в замужестве Ставровская (1823—1855), тетка Достоевского, дочь его деда Ф. Т. Нечаева от второго брака — XXVIII$_1$, 73, *414*

Низар (Nisard) Дезире (1806—1888), французский критик и историк литературы — XXVIII$_1$, 55, *404*

Никитенко Александр Васильевич (1805—1877), профессор Петербургского университета и академик, историк литературы, критик. С 1840 г. ответственный редактор «Сына отечества», в 1847—1848 гг. официальный редактор «Современника», цензор. В 1845 г. цензуровал «Бедных людей» — XXVIII$_1$, 84, 85, 89, 117, *431, 434, 464*

Николаев (ум. 1860), почтальон, сопровождавший Достоевского из Семипалатинска в Тверь — XXVIII$_1$, 361, 362, *511*

Николай Александрович, великий князь (1843—1865), сын Александра II — XXVIII$_1$, 323, *497*; XXVIII$_2$, *471*

Николай Иванович, Николай — см. *Голеновский* Н. И.

Николай Николаевич — см. *Страхов* Н. Н.

Николай Николаевич, великий князь (1831—1891), третий сын Николая I, генерал-инспектор по инженерной части и кавалерии — XXVIII$_1$, 349, *471, 472*

Николай I (1796—1855) — XXVIII$_1$, 40, 48, 161, 178, 215, *395, 492*; XXVIII$_2$, *371, 483*

Николенька — см. *Достоевский* Н. М.

Нововейский, семипалатинский сослуживец Достоевского — XXVIII$_1$, 368, *512*

Ободовский Платон Григорьевич (1805—1864), переводчик, автор сборника стихов «Царский цветник» и нескольких пьес. Постоянный сотрудник журнала «Репертуар и Пантеон» — XXVIII$_1$, 91, 99, *426*

Обух В. В., артиллерийский офицер в Семипалатинске — XXVIII$_1$, 244

Огарев Николай Платонович (1813—1874), поэт, публицист, революционный демократ, друг и сподвижник Герцена. Достоевский познакомился с ним в Женеве в 1867 г. — XXVIII$_2$, 235—236, *423, 452—453, 455, 458, 476*

*******Одоевский*** Владимир Федорович, князь (1803—1869), гофмейстер, член Ученого комитета Министерства государственных имуществ, писатель, литературный и музыкальный критик, композитор; Достоевский познакомился с ним в конце 1845 г. Судя по упоминаниям в письме Достоевского к брату от 16 ноября 1845 г. (письмо 56) и в ответной записке Некрасова Одоевскому от 27 ноября 1845 г. (см. наст. изд., т. XXVIII$_1$. стр. 429), Одоевский дважды выражал желание видеть у себя автора «Бедных людей», корректуру которых ему переслал А. А. Краевский «только на ночь» также 27 ноября (см.: *РСт*, 1904, № 6, стр. 584). Визит Достоевского к Одоевскому состоялся скорее всего в первой половине декабря 1845 г., возможно, по приглашению Белинского (см.: А. С. Немзер, А. Л. Осповат. Две заметки о В. Г. Белинском. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1982, т. XLI, № 1, стр. 68). Позднее, по выходе из каторги, Достоевский обратился к Одоевскому с просьбой похлопотать за него о разрешении печататься. Сведения о несохранившемся письме Достоевского Одоевскому 1856 г. см.: *Список* 1, № 67 — XXVIII$_1$, 115, 117, 205, 215, 394, *429, 431, 465, 469, 531*; XXVIII$_2$, 18, *373*

Озёмов, автор курса физики, по которому обучались кондукторы в инженерном училище — XXVIII$_1$, 67

Ольга Ивановна — см. *Иванова* О. И.

Ольга N. или *Н.* — см. *Энгельгардт* С. В.

Ольденбургский, принц Петр Георгиевич (1812—1881), сенатор, основатель Училища правоведения, с 1836 г. член Государственного совета. Он был знаком с родными А. Е. Врангеля по Александровскому лицею, попечителем которого являлся, способствовал облегчению участи Достоевского в Семипалатинске, передав по просьбе Врангеля стихи «На коронацию и заключение мира» императрице Марии Александровне (см.: *Врангель*, стр. 78, 194) — XXVIII$_1$, 240, *461, 475*

Ольхин Павел Матвеевич (род. 1830), преподаватель и директор Курсов стенографии в Петербурге — XXVIII$_2$, 182, 231, *442*

Ордынский Борис Иванович (1823—1861), филолог, журналист — XXVIII$_1$, 159, *448, 449*

Ордынский Карл, ссыльный поляк, отбывавший четырехлетнюю каторгу в Усть-Каменогорской военно-каторжной тюрьме и солдатчину в Семиречье; затем обосновался в Семипалатинске, где был сначала смотрителем провиантских магазинов, а затем казначеем 7 линейного Сибирского батальона. Современники отмечали, что у него с Достоевским были «особенно тесные отношения ‹...› На квартире у Ордынского Достоевский иногда проводил целые дни за своей работой» (Н. Яковлев. Заметка о жизни Ф. М. Достоевского в Семипалатинске. — Сибирь, 1897, 11 июля, № 80). См. также о нем: *Врангель*, стр. 47; *ИВ*, 1903, № 1, стр. 225— XXVIII$_1$, 189

Орлов Александр Анфимович (ум. 1840), автор романов в псевдонародном стиле и пародии на роман Булгарина «Выжигин» под заглавием «Смерть Ивана Выжигина» (1831) — XXVIII$_1$, 55, *407*

Орлова Аграфена Васильевна, младшая сестра М. В. Белинской; жила в доме Белинских с 1844 г. Достоевский познакомился с нею в доме критика в 1845 г. — XXVIII$_1$, 122—124, 130, *433*, *434*, *438*, XXVIII$_2$, 30 («сестрице»), *379*

Орса (Orsa), владелец пансиона в Саксон ле Бэн — XXVIII$_2$, 222

Остермейер, барнаульский знакомый А. Е. Врангеля — XXVIII$_1$, 244, 252, 268

**Островский* Александр Николаевич (1823—1886). Знакомство Достоевского с ним произошло в Москве во второй половине июня 1861 г. Достоевский просил драматурга поддержать журнал «Время» и получил согласие: здесь были напечатаны две пьесы Островского — «За чем пойдешь, то и найдешь» (1861, № 9) и «Грех да беда на кого не живет» (1863, № 1). В 1864 г. Островский согласился принять участие и в «Эпохе», но не успел из-за прекращения журнала. Встречался Достоевский с Островским и весной 1864 г.: они оба участвовали в одном литературном чтении (см. наст. изд., т. XXVIII$_2$, письмо 224). В последний раз они виделись в 1880 г. на пушкинских празднествах в Москве. Достоевский неизменно высоко ценил драматургию Островского (см. об этом: наст. изд., тт. XVIII, XIX — по указателю имен); не принимал он лишь его исторических пьес (см. об этом в письме 355; подробнее об отношении Достоевского к творчеству драматурга см.: наст. изд., т. XX, стр. 182, 371). Известны 5 писем Достоевского к Островскому (1861—1864) и 2 письма Островского Достоевскому (1861, 1865; *Островский*, т. XI, стр. 133, 194). Сведения о несохранившемся письме Достоевского к драматургу 1864 г. см.: *Список* 2, № 177 — XXVIII$_1$, 11, 174, 210, *456, 467*; XXVIII$_2$, 20, 23, 65, 78, 85—86, 98—99, 101—103, 106—107, 109, 113, 323, 329, *376, 402, 405, 409, 411—415, 417, 486, 489, 519, 522*

Остроградский Михаил Васильевич (1801—1861), математик, академик, автор многочисленных трудов по математической физике, аналитической и небесной механике — XXVIII$_1$, 60

Павел Григорьевич — см. *Сватковский* П. Г.

Павел Прусский (1821—1885), религиозный писатель, деятель раскола; в 1868 г. присоединился к православию и в связи с этим вернулся из

Пруссии, где он стоял во главе раскольничьего монастыря, в Москву — XXVIII$_2$, 328

* *Павловский* Александр Михайлович (1800—1867), генерал-лейтенант, директор Сибирского кадетского корпуса, где с 1857 по 1859 г. учился П. Исаев. Известно одно официальное письмо к нему Достоевского (1858) — XXVIII$_1$, 284, 310, 385, *492, 518*

Палынины, семипалатинские домовладельцы. В их доме жил Достоевский после получения унтер-офицерского чина. Сын хозяина дома П. Л. Палынин вспоминал: «К своим хозяевам Достоевский относился просто, без всяких претензий, и иногда любил с ними поговорить» (Сибирь, 1897, 11 июля, № 80) — XXVIII$_1$, 247, *477*

Пальм Александр Иванович (1823—1885), петрашевец, литератор. Начал печататься в 1843 г. С 1847 г. посещал «пятницы» Петрашевского. Был одним из инициаторов создания кружка С. Ф. Дурова. Приговорен к смертной казни, затем помилован и переведен с тем же чином в Литовский егерский полк в Одессе. После Крымской войны вышел в отставку; в 1857 г. получил звание майора. Наиболее значительное произведение Пальма — роман «Алексей Слободин» (*ВЕ*, 1872, №№ 10—12; 1873, №№ 2—3), воспроизводящий обстановку кружков 1845—1849 гг. и представляющий живые характеры их участников, в том числе молодого Достоевского. О взаимоотношениях Пальма и Достоевского 1870-х—1881 гг. см. наст. изд., т. XVIII, стр. 344 — XXVIII$_1$, 161, 301, *445, 450*

Панаев Иван Иванович (1812—1862), писатель, журналист и критик, соредактор Н. А. Некрасова по журналу «Современник». Достоевский познакомился с ним в 1845 г., в первой половине 1846 г. часто бывал у него в доме. Панаев оставил «Литературные воспоминания», в которых содержатся сведения о Достоевском — XXVIII$_1$, 115, 116, 124, 128, 131, 339, *433, 434, 436, 494, 504, 517*

Панаева Авдотья Яковлевна, урожд. Брянская, во втором браке Головачева (1819—1893), писательница, автор «Воспоминаний», жена И. И. Панаева (с 1837 г.), позднее гражданская жена Н. А. Некрасова. Знакома с Достоевским с 1846 г. При первых встречах писатель был увлечен ею — XXVIII$_1$, 116, 118, 124, *429, 430, 434—436*

Панов, полковник Генерального штаба, военный губернатор Семипалатинска с 1858 г. — XXVIII$_1$, 273

Паскаль (Pascal) Блез (1623—1662), французский философ, писатель, математик и физик — XXVIII$_1$, 50, 60, *403*

Паскевич Иван Федорович, граф (1782—1856), генерал — XXVIII$_1$, 215

Паттон Оскар Петрович (род. 1822), товарищ Достоевского по Инженерному училищу, с которым он собирался вместе переводить «Матильду» Э. Сю — XXVIII$_1$, 83, 85, 87

Паша — см. *Исаев* П. А.

Песоцкий Иван Петрович (ум. 1849), издатель. В 1839—1841 гг. издавал журнал «Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров» — XXVIII$_1$, 89, *419*

Петр Михайлович — см. *Пешехонов* П. М.

Петр I (1672—1725) — XXVIII$_1$, 309, *492*; XXVIII$_2$, *449, 499—500*

Петров Афанасий Константинович, священник русской церкви в Женеве. Достоевский познакомился с ним и его женой летом 1868 г. (см. об этом в письмах О. Петровой к нему 1868—1869 гг.; *ИРЛИ*). Имеются сведения о его письме (написанном совместно с А. Г. Достоевской) к Петровым 1869 г. (см. наст. изд., т. XXIX$_1$, *Список* 1, № 248) — XXVIII$_2$, 259 («с священником»), 309 («женевский священник»), *465, 481*

Печаткин Вячеслав Петрович, кредитор Достоевского с 1864 г. — XXVIII$_2$, 204, *448*

Пешехонов Петр Михайлович, судья в Семипалатинске, знакомый Достоевского. Современники характеризуют его как замечательного хлебосола, двери дома которого были открыты для всех желающих. Достоевский бывал у него довольно часто (см.: А. В. Скандин. Достоевский в Семи-

губа, искавшего встречи с автором «Бедных людей» (об обстоятельствах этого знакомства см.: В. А. Соллогуб. Из «Воспоминаний». — *Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 144—145). В дальнейшем они не встречались — XXVIII_1, 110, 115, 117, 341, 344, *427, 429, 431, 505*

Соловьев Иван Григорьевич (1818—1881), московский книгопродавец — XXVIII_2, *452*

Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879), историк, профессор Московского университета, академик — XXVIII_2, 353, *499*

Солошич В. М., петербургский домовладелец — XXVIII_1, 134—136

Соня — см. *Иванова* С. А.

Сорокин, петербургский книгопродавец — XXVIII_1, 160

Софья, лицо неустановленное, семипалатинская знакомая Достоевского — XXVIII_1, 264

Соханская Надежда Степановна (1825—1884), писательница (печаталась под псевдонимом Кохановская), автор ряда повестей, горячо поддержанных славянофилами. В 1860 г. Достоевский обратил внимание на ее повесть «Гайка», напечатанную в «Русском слове». В 1861 г. редакция журнала «Время» предполагала поместить у себя какое-либо из ее сочинений и напечатала «разбор» ее повестей (*Вр*, 1861, № 9); подробнее см.: *Д, Письма*. т. II, стр. 432 — XXVIII_2, 69, 323, 396—397, 401, 485—486

Спешнее Николай Александрович (1821—1882), петрашевец. С 1847 г. посещал «пятницы» Петрашевского, а также кружок Н. С. Кашкина. Спешнев был наиболее радикально настроенным из петрашевцев; вместе с П. Н. Филипповым участвовал в организации тайной типографии. Достоевский познакомился со Спешневым осенью 1848 г. Убежденный атеист, Спешнев приобрел, живя в Швейцарии, опыт реальной политической борьбы, сочувствовал утопическому социализму, был знаком с работой К. Маркса «Нищета философии». Конечной целью своей борьбы он ставил вооруженное восстание. Арестованный 23 апреля 1849 г., он был приговорен к смертной казни, по конфирмации — к 10 годам каторги. 23 декабря 1849 г. был отправлен в Александровский завод Нерчинского округа. По манифесту 26 августа 1856 г. вышел на поселение, служил канцеляристом в Забайкальском областном управлении в Иркутске. В 1857 г. Спешнев был назначен редактором «Иркутских губернских ведомостей». В марте 1859 г. стал правителем путевой канцелярии Н. Н. Муравьева, посетил Китай и Японию. В 1860 г. ему было возвращено дворянство, и Спешнев возвратился в Петербург, где вновь встретился с Достоевским (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 377). С 1861 г. Спешнев был мировым посредником Островского уезда Псковской губернии. Размышления над личностью Спешнева отразились в творческой истории романов «Бесы» (см. наст. изд., т. XII, стр. 220—222) и «Подросток» (см. там же, т. XVI, стр. 66, 259; т. XVII, стр. 404—405) — XXVIII_1, 169, 174, *453, 456*

Спиридов — см. *Свиридов* Н.

Спиридонов Петр Михайлович, губернатор Семипалатинской области, доброжелательно относившийся к Достоевскому (о нем см.: *Врангель*, стр. 25—26) — XXVIII_1, 227, 245, 264, 285, *473, 476, 480*

**Старчевский* Альберт Викентьевич (1818—1901), журналист, критик и издатель; в первой половине 1850-х гг. был соредактором «Библиотеки для чтения» Сенковского, а в 1856—1861 гг. редактором-издателем «Сына отечества». В 1845 г. вышли две его книги, которые могли привлечь внимание Достоевского, — «Очерк литературы русской истории до Карамзина» и «Жизнь Н. М. Карамзина». Личные контакты между Достоевским и Старчевским начались в связи с редакторской работой Старчевского над издаваемым К. К. Крайем «Справочным энциклопедическим словарем» (тт. 1—12. СПб., 1847—1855). Нуждаясь в деньгах, Достоевский в 1847 г. участвовал в этом словаре. Известно 2 письма Достоевского Старчевскому (1847). Письма Старчевского к Достоевскому неизвестны — XXVIII_1, 10, 141, 142, 393, *440, 442*

Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1911), историк, журналист и общественный деятель. В 1866—1908 гг. редактировал журнал «Вестник Ев-

ропы». Не сочувствуя общему направлению этого издания, Достоевский признавал, что «Вестник Европы» «несомненно будет первым журналом» (см. главу «Нечто личное» «Дневника писателя» 1873 г. — наст. изд., т. XXI, стр. 23) — XXVIII$_2$, 259

* *Стелловский* Федор Тимофеевич (ум. 1875), петербургский издатель и книгопродавец. По словам Достоевского, «спекулянт» и «ничего не понимающий издатель» (см. наст. изд., т. XXVIII$_2$, письмо 279). В 1865—1870 гг. выпустил «Полное собрание сочинений» Достоевского, заключив с ним грабительский контракт — XXVIII$_2$, 127—128, 159—160, 166, 168, 182—183, 229, 255, 300, 304, 312, 331—332, 339—340, *387, 419, 421—422, 434, 437, 456, 470, 480, 484*

Степан Дмитриевич — см. *Яновский* С. Д.

Степанов, семипалатинский домовладелец; у него нанимал квартиру А. Е. Врангель (см.: *Врангель*, стр. 22—23) — XXVIII$_1$, 244, *476, 503*

Стерн (Sterne) Лоренс (1713—1768) — XXVIII$_1$, 108, *426*

Стопановский Михаил Михайлович (1830—1877), писатель, сотрудник «Отечественных записок», «Современника» и «Искры». Во «Времени» опубликованы его «Губернские сцены» (1861, № 8) — XXVIII$_2$, 350

Стороженко Алексей Петрович (1805—1874), украинский писатель; член Театрально-литературного комитета при Александринском театре в Петербурге. Знакомый сестры А. И. Шуберт по Киеву — XXVIII$_2$, 8

Стоюнины, семья подруги А. Г. Достоевской М. Н. Стоюниной (о ней см.: *Сб. Достоевский, II*, стр. 36—37) — XXVIII$_2$, 279 («знакомые из Петербурга»), *470*

**Страхов* Николай Николаевич (1828—1896), литературный критик, публицист, философ, автор «Воспоминаний о Ф. М. Достоевском», имеющих ценность документального свидетельства. Страхов познакомился с Достоевским в начале 1860 г. в доме своего сослуживца А. П. Милюкова, пригласившего критика, принятого в число сотрудников журнала «Светоч», на свои литературные «вторники». В первом номере этого журнала за 1860 г. Страхов напечатал статью «Значение гегелевской философии в настоящее время», а затем «Письма о жизни»; одновременно он сотрудничал в «Русском вестнике», где опубликовал статью «Об атомистической теории вещества». В «Воспоминаниях» Страхов писал, что Достоевского заинтересовали его статьи в «Светоче», писатель постоянно «отличал», «ободрял» его и пригласил участвовать в журнале «Время» (*Биография*, отд. I, стр. 277). С 1861 г. Страхов — основной сотрудник и идеолог журнала. Первая статья его в журнале братьев Достоевских «Жители планет» (*Вр*, 1861, № 1) носила полунаучный, полуфилософский характер; в последующих номерах журнала Страхов вступил в полемику с П. Л. Лавровым и М. А. Антоновичем, защищая свое понимание идеалистической философии Гегеля. Литературно-критические статьи Страхова были направлены против революционно-демократической критики. Общность взглядов, совместное путешествие по Италии (1862) позволяют говорить о близости Страхова с Достоевским в 1861—1863 гг. Однако журнальные материалы свидетельствуют и о многих принципиальных расхождениях между ними (см. редакционную оговорку Достоевского к статье Страхова «Нечто о полемике» в поддержку добролюбовского «Свистка» — наст. изд., т. XIX, стр. 139). Публикация статьи Страхова «Роковой вопрос» (*Вр*, 1863, № 4) привела к закрытию журнала «Время». В «Эпохе» Страхов помещал критико-публицистические статьи на литературные, философские и общественные темы; его влияние на общий характер журнала усиливалось. С падением «Эпохи» начался период «размолвки» Страхова с Достоевским, продолжавшийся до появления романа «Преступление и наказание» (см. статью Страхова о романе: *ОЗ*, 1867, №№ 3, 4). Общую оценку творчества Достоевского Страхов дал в заметке, посвященной двухтомному собранию сочинений писателя, изданному Стелловским (*ОЗ*, 1867, № 2, стр. 551). В этом же году Страхов был свидетелем со стороны Достоевского на его свадьбе. Переписка их за 1867—1871 гг. говорит о весьма дружеских отношениях между ними. В 1869—1871 гг. Страхов играл ведущую роль в журнале В. В. Кашпирева

«Заря», через него Достоевский получил приглашение участвовать в этом журнале. В 1873 г. Страхов сотрудничал в «Гражданине», редактируемом Достоевским. Новое охлаждение отношений с Достоевским в 1874—1875 гг. связано с публикацией романа «Подросток» в «Отечественных записках». В последние пять лет жизни Достоевского Страхов часто встречался с писателем (как вспоминает А. Г. Достоевская, Страхов обедал в их доме каждое воскресенье. — *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 319), однако прежней духовной близости в их отношениях уже не было. После смерти Достоевского Страхов писал Л. Н. Толстому о чувстве «ужасной пустоты» (Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. СПб., 1914, стр. 266). Однако двойственность отношения Страхова к Достоевскому вскрылась при сопоставлении его «Воспоминаний» с письмом к Л. Н. Толстому от 28 ноября 1883 г., (см.: *Достоевская. А. Г., Воспоминания*, стр. 391—406). О Страхове см.: Б. Никольский. Н. Н. Страхов. Критико-биографический очерк. СПб., 1896; Розенблюм, стр. 30—45; Н. Н. Скатов. Н. Н. Страхов. — В кн.: Н. Н. Страхов. Литературная критика. М., 1984, стр. 5—43; об отношениях Страхова и Достоевского см.: *Долинин*, стр. 307—343; Б. И. Бурсов. У свежей могилы Достоевского (Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым). — В кн.: Проблемы жанра в истории русской литературы (Л., 1969, Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 320), стр. 254—270; *Нечаева, «Время»*; *Нечаева, «Эпоха»* (по указателю имен). Известны 26 писем Достоевского к Страхову (1862—1873) и 24 письма Страхова к Достоевскому (1862—1880; *Шестидесятые годы*, стр. 255—280) — XXVIII$_2$, 20, 26—28, 33, 34. 40, 46, 49—53, 57, 67, 69, 71, 72 («Косица»), 73, 75, 82, 86—89, 91, 107, 115, 179, 210, 217, 243, 245, 279, 319, 322—323, 327—328, 333—335, *367—368, 377, 380—381, 385—390, 396—402, 405—406, 408, 418, 438, 442, 446, 449—450, 460, 464, 476, 479, 486, 488, 490—492, 512*

Страхов Павел Николаевич, брат Н. Н. Страхова — XXVIII$_2$, 53, *388, 418*

Струговщиков Александр Николаевич (1808—1878), поэт и переводчик, сотрудник «Библиотеки для чтения», «Современника», «Отечественных записок» — XXVIII$_1$, 89

**Суворов* Александр Аркадьевич, князь (1804—1882), внук А. В. Суворова, генерал-адъютант, член Государственного совета, в 1861—1866 гг. петербургский военный генерал-губернатор. В июне 1863 г. ходатайствовал перед министром внутренних дел о «высочайшем соизволении на увольнение подпоручика Ф. Достоевского за границу для пользования от болезней», а позднее сообщил Достоевскому, что он находится под надзором полиции (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 124, 278) — XXVIII$_2$, 339, *493*

**Сусанна*, семипалатинская знакомая Достоевского. Известно одно письмо Достоевского к ней (1856); ее письма к Достоевскому неизвестны — XXVIII$_1$, 264, 265, *480, 533*

**Суслова* Аполлинария Прокофьевна, в замужестве Розанова (1839—1918), участница демократического движения 1860-х гг. В III Отделении Суслова и ее сестра числились среди «девиц», «известных под именем стриженых» и «принадлежащих к партии нигилистов» (см.: *Сб. Достоевский, II*, стр. 171, 251). Достоевский познакомился с Сусловой, очевидно, в самом начале 1861 г. — в № 5 журнала «Время» за этот год была напечатана ее повесть «Покуда», а позднее Достоевский напечатал еще одну ее повесть — «Своей дорогой» (*Э*, 1864, № 5; об этих повестях см.: *Нечаева, «Эпоха»*. стр. 130—131). С этого же времени Суслова становится близким другом писателя (о сложном характере их отношений свидетельствует и их переписка, и дневник Сусловой, и ее автобиографическая повесть «Чужая и свой», напечатанная в книге «Годы близости с Достоевским»). Достоевский познакомил Суслову с М. М. Достоевским, а в 1863 г., во время заграничного путешествия с ней, — и с А. И. Герценом. Суслова нашла общий язык с Н. А. Тучковой-Огаревой. они встречались и переписывались. Иначе воспринял ее Герцен (см.: *Герцен*, т. XXVIII, стр. 80). После увлечения Сусловой студентом-испанцем (лето 1863 г.) ее близость с писателем возобновилась — они продолжали путешествовать вместе, затем встречались в Петербурге и Москве и переписывались (о характере их отношений

в этот период см. письмо 254). Окончательный разрыв произошел в 1866 г. (см. рассказ Достоевского об этом А. Г. Сниткиной — *ЛН*, т. 86, стр. 262); вслед за этим было написано последнее известное нам письмо Достоевского к ней, «другу вечному» (см. письмо 303). По наблюдениям А. С. Долинина, некоторые черты характера (и внешности) Сусловой, а также отдельные ситуации ее отношений с Достоевским нашли отражение в произведениях писателя (см.: *Суслова, Годы близости с Достоевским*, стр. 5—6, а также: *Д, Письма*, т. I, стр. 563); наиболее отчетливо взаимоотношения Достоевского с Сусловой отразились в «Игроке» (см. наст. изд., т. V, стр. 400). Известны 3 письма Достоевского к Сусловой (1865—1867) и 2 письма Сусловой к Достоевскому, написанные предположительно в 1863—1864 гг. (см.: *Суслова, Годы близости с Достоевским*, стр. 170—171). Сведения о несохранившихся (или неизвестных) письмах Достоевского к ней см.: *Список* 2, №№ 144, 148, 154, 162—163, 188 — XXVIII_2, 44 («она»), 45, 83, 88, 121—122, 129—132, 182—184, 252, *366—368, 383—385, 387—388, 397, 404—405, 419, 423—424, 443, 513—514, 516—518, 521, 524—525*

**Суслова* Надежда Прокофьевна, в замужестве Эрисман (1843—1918), сестра А. П. Сусловой; в начале 1860-х гг. вольнослушательница Медико-хирургической академии в Петербурге; с 1864 г. — слушательница Цюрихского университета, где в 1867 г. защитила диссертацию на степень доктора медицины и стала первой русской женщиной-врачом. В 1869 г. вышла замуж в Вене за швейцарского подданного, доктора Ф. Ф. Эрисмана. Знакомство Достоевского с нею состоялось в начале 1860-х гг. и перешло в дружеские отношения (см.: наст. изд., т. XVII, стр. 403—404); в то же время писатель счел прямолинейным ее выступление на процессе Кронеберга в качестве эксперта, о чем упомянул в подготовительных материалах к февральскому выпуску «Дневника писателя» за 1876 г. (см. наст. изд., т. XXII, стр. 157, 159 и 348). Известно одно письмо Достоевского к ней (1865), письма Н. П. Сусловой к Достоевскому неизвестны — XXVIII_2, 121—123, 130, 132, 252, *368*, *419—420*, *423*, *443*, *462*, *524*

Сухомлинов Михаил Иванович (1828—1901), историк литературы, академик, профессор Петербургского университета — XXVIII_2, 32, 352, *380*

Сытина Зинаида Артемьевна, урожд. Гейбович, дочь ротного командира 7 линейного Сибирского батальона А. И. Гейбовича. Известны ее воспоминания о Достоевском (*ИВ*, 1885, № 1, стр. 123—137). Сохранилось ее письмо к Достоевскому (1876; *ИРЛИ*; *Материалы и исследования*, т. II, стр. 299—301) — XXVIII_1, 364, 367, 368, *483, 512*

Сытников Михаил Александрович (ум. 1859), помощник почтмейстера в Семипалатинске — XXVIII_1, 368, *509, 512*

Сю (Sue) Эжен (псевд., наст. имя — Мари Жозеф) (1804—1857) — XXVIII_1, 83—87, 110, 114, *417—418, 427—428*

Талейран (Talleyrand) Шарль Морис (1754—1838), французский дипломат, крайне неразборчивый в средствах — XXVIII_1, 252

Тацит (ок. 55—ок. 120). Достоевский не раз упоминал его имя и его работы, в частности «Анналы» (см. наст. изд., т. XXII, стр. 138; т. XXIV, стр. 101, 104) — XXVIII_1, 179

Тиблен Евгения Карловна, жена Н. Л. Тиблена — XXVIII_2, 28, 53

***Тиблен* Николай Львович (1825 — после 1869), бывший военный, участник Севастопольской обороны; с 1862 г. — петербургский издатель, преимущественно политической и социально-экономической литературы. «Его издания отличались хорошим выбором и имели большой ход; им был издан Маколей, Бокль, Спенсер, Куно Фишер и др.» (*Биография*, отд. I, стр. 243). В феврале 1862 г. входил в возглавленную Н. Г. Чернышевским депутацию, хлопотавшую за арестованного А. П. Щапова (см.: *Достоевский и Литературный фонд*, стр. 162). Достоевский познакомился с ним в 1860 г. в связи с совместным участием в делах Литературного фонда, и знакомство это перешло в дружеское общение: Тиблен с женой бывал в доме М. М. Достоевского, посещал литературный кружок братьев Достоевских, а с 1864 г. в его типографии печатался журнал «Эпоха». Сохранилось

4 письма Тиблена к Достоевскому (1861—1863; *ИРЛИ, ГБЛ*). Сведения о несохранившемся письме Достоевского к нему см.: *Список* 2, № 130 — XXVIII$_2$, 28, 53, 347, 388, *494, 510*

**Тимашев* Александр Егорович (1818—1893), генерал-адъютант, в 1856—1861 гг. начальник штаба корпуса жандармов, управляющий III Отделением, в 1868—1877 гг. министр внутренних дел. Известно одно официальное письмо Достоевского к нему (1859) — XXVIII$_1$, 372—374, 378, 389, *506, 515, 519*; XXVIII$_2$, *470*

Толль (Толь) Феликс Густавович (1823—1867), петрашевец, писатель, педагог. Посещал «пятницы» Петрашевского с 1845 г., был арестован 23 апреля 1849 г. Военно-судной комиссией приговорен к расстрелу, по конфирмации — к 2 годам работы на заводах. Ссылку отбывал на Керчевском заводе. Описанию пути в Сибирь и впечатлениям пребывания в ссылке посвящены «Сибирские очерки» Толля (СПб., 1864). В 1855 г. ему было разрешено жить в Томске, в 1857 г. возвращены права дворянства, в 1859 г. разрешено жить в столицах. В 1860-х гг. получил известность как педагог и критик детской литературы (см. о нем: Б. П. Козьмин. Социальный роман петрашевца Феликса Толля. — В кн.: Б. Козьмин. Литература и история. М., 1969, стр. 184—225; а также наст. изд., т. XVIII, стр. 131, 339—340) — XXVIII$_1$, 174, *301, 453, 456, 486, 505, 507*

***Толстой* Алексей Константинович, граф (1817—1875), поэт. Достоевский познакомился с ним, скорее всего, в начале 1860-х гг., возможно, через Я. П. Полонского, которого А. К. Толстой в письме от первой половины июля 1862 г. просит поблагодарить «Достоевского за его предложение» опубликовать «Князя Серебряного» в журнале «Время», но передать ему, что это невозможно, так как существует договоренность с «Русским вестником» (см.: А. К. Толстой. Собр. соч., т. IV. М., 1964, стр. 147; по всей вероятности, речь идет именно о Ф. М. Достоевском, с которым Полонский был в эту пору в более близких отношениях, чем с его старшим братом). К этому времени Достоевский мог знать раннюю фантастическую повесть А. К. Толстого «Упырь», слышать о независимом благородном поведении Толстого, его заступничестве за И. С. Аксакова (как редактора «Дня») и И. С. Тургенева (в деле о его сношениях с «лондонскими пропагандистами»). Встретившись с А. К. Толстым за границей (в Дрездене) после проигрыша в Гомбурге (во второй половине октября п. ст. 1863 г.), Достоевский обратился к нему с просьбой о денежной помощи. С этим связано и несохранившееся письмо Достоевского, вероятно адресованное А. К. Толстому, 1863 г. (см. *Список* 2, № 155) — XXVIII$_2$, 59 («граф»), 391

Толстой Лев Николаевич (1828—1910) — XXVIII$_1$, 5, 7, 24, 184, 210, *460, 467, 476*; XXVIII$_2$, 151, 228, 334, *428, 449, 464, 485, 491—492, 516*

***Толстой* Феофил Матвеевич (1809—1881), внук М. И. Кутузова, писатель, музыкальный критик, композитор, со второй половины 1860-х гг. член совета Главного управления по делам печати. Не будучи лично знакомым с Достоевским, Толстой обратился к нему в апреле 1861 г. как к наиболее авторитетному для него «писателю-художнику» с просьбой дать оценку его драме «Пасынок» и, если возможно, опубликовать ее во «Времени». После отрицательного отзыва писателя о драме Ф. Толстой признал, что «откровенность» Достоевского «еще более возбудила» его желание с ним познакомиться и просил назначить «день свидания». Состоялась ли эта встреча, неизвестно, так как ответ Достоевского не сохранился. Известно 3 письма Ф. Толстого к Достоевскому (1861; *ГБЛ*). Письма Достоевского к Толстому неизвестны. Имеются сведения о несохранившемся письме Достоевского к нему (см. *Список* 2, № 129) — XXVIII$_2$, *509—510*

Томас, петербургская домовладелица — XXVIII$_2$, 339

Тотлебен Адольф (Густав) Иванович, граф, товарищ Достоевского по Инженерному училищу, младший брат Э. И. Тотлебена. Будучи в офицерских классах Инженерного училища, Достоевский и А. И. Тотлебен жили в одной квартире на Караванной улице (см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 90; *Григорович*, стр. 43) — XXVIII$_1$, 214, 215, 224, 226, 232, 234, 240, *468, 470, 473, 474*

узнал себя. В письмах Достоевского и Тургенева следующих лет содержится много резких отзывов друг о друге. К концу 1875 г. Достоевский собирался выступить с откликом на роман «Дым», по не осуществил своего намерения (см. наст. изд., т. XXII, стр. 25, 111, 137, 138, 141, 143, 145, 152—154, 162; а также т. XXVII по указателю имен). Из позднейших высказываний Достоевского о творчестве Тургенева наиболее примечательны беглые отзывы о «Трех портретах» (в письме к Н. Н. Страхову от 18 (30) мая 1871 г.) и о «Дворянском гнезде» (см.: наст. изд., XXII; стр. 44, 189—190). В последний раз Достоевский и Тургенев встречались на пушкинских торжествах в июне 1880 г. в Москве (подробнее об эпизодах праздника и о речах на нем Достоевского и Тургенева см.: наст. изд., т. XXVI, стр. 458—466). Известны 11 писем Достоевского к Тургеневу (1863—1874) и 15 писем Тургенева к Достоевскому (1860—1877; см.: *Тургенев, Письма*, т. XIII$_2$, по указателю имен). Сведения о несохранившихся письмах Достоевского к Тургеневу см.: *Список* 2, №№ 131—134, 142, 156, 168—169 — XXVIII$_1$, *6, 7, 11, 12, 13, 15, 16, 17, 23, 24,* 115, 116, 160, 209, 325—326, *429, 433, 437, 450, 457, 467, 498*; XXVIII$_2$, 33—36, 45, 53—54, 60—61, 64, 73, 82, 85, 108—109, 112—113, 128—129, 151, 160, 210—212, 258, 261, 280, 323, 328, 354, *365—366, 368, 380—382, 385, 387—388, 391—394, 399, 403—405, 411—412, 415—417, 422—423, 428, 449—451, 463, 466, 471, 476, 486—488, 492, 500, 508—509—511, 513, 519—520, 523*

Тургенева Полина (Пелагея) Ивановна, в замужестве Брюэр (1842—1919), внебрачная дочь И. С. Тургенева. До 1850 г. жила в Спасском, затем была отправлена Тургеневым в семью Виардо в Париж; в 1860—1863 гг. Тургенев жил с нею в Париже — XXVIII$_2$, 45, *385, 417*

Тхоржевская, вероятно, родственница польского эмигранта С. Тхоржевского — XXVIII$_2$, 349

Тьер (Thiers) Луи Адольф (1797—1877), французский историк и консервативный политический деятель. Достоевского могли интересовать его исторические работы: «История Французской революции» (1823—1827) и «История Консульства и Империи» (1845—1869). И впоследствии Достоевский не раз упоминает его (см. наст. изд., т. XXVII, по указателю имен) — XXVIII$_1$, 171; XXVIII$_2$, 293, *478*

Тьерри (Thierry) Огюстен (1795—1856), французский историк. Основные исторические работы его, которыми мог интересоваться Достоевский, — «Письма об истории Франции» (1827), «Завоевание Англии норманнами» (1826), «Десятилетние исторические труды» (1835) — XXVIII$_1$, 171

Тюменцев Евгений, священник Одигитрневской церкви в Кузнецке, венчавший Достоевского с М. Д. Исаевой и присутствовавший у них на свадьбе. По свидетельству В. Ф. Булгакова, видевшегося с Тюменцевым в 1904 г., «посещал Достоевский часто венчавшего его священника о. Евгения Тюменцева, которому после прислал в подарок свою автобиографию» (см.: М. М. Кушникова. Остались в памяти края. Кемерово, 1984, стр. 77). Возможно, что эта «автобиография» — письмо-исповедь, написанное Достоевским Тюменцеву после смерти М. Д. Достоевской в 1864 г. Сведения об одном несохранившемся письме Достоевского 1860-х гг. к Тюменцеву см.: *Список* 2, № 126 — XXVIII$_1$, 274, *482, 483, 530*; XXVIII$_2$, *509*

Тютчев Николай Николаевич (1815—1878), чиновник департамента податей и сборов Министерства финансов, переводчик, член кружка Белинского, где, вероятно, он познакомился с Достоевским — XXVIII$_1$, 210, *434, 468*

Тютчев Федор Иванович (1803—1873) — XXVIII$_1$, 210, *468*

Умецкие Владимир и Екатерина, подсудимые по Каширскому процессу, супруги-помещики, обвинявшиеся в злоупотреблении родительской властью (подробнее о них см.: наст. изд., т. IX, стр. 340—341) — XXVIII$_2$, 228, *456*

Устрялов Николай Герасимович (1805—1870), историк, академик, профессор С.-Петербургского университета, автор монографии «История цар-

ствования Петра Великого» (1858—1864), привлекшей внимание Достоевского и находившейся в его библиотеке (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 367). Сохранились его «Замечания на статью Семевского о книге Устрялова „Царевич Алексей Петрович“» (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 104—107 и 296) — XXVIII$_2$, 353, *499—500*

**Утин* Борис Исаакович (1832—1872), юрист, публицист и журналист. Арестованный по делу петрашевцев в апреле 1849 г., в сентябре этого же года был освобожден (см.: *Дело петрашевцев*, т. III, стр. 333—350). Окончил Дерптский университет, впоследствии стал профессором Петербургского университета по кафедре истории положительных законодательств. Во время студенческих волнений 1861 г. оставил университет. В 1860-х гг. активно сотрудничал в журналах «Современник», «Русский вестник», «Отечественные записки», где публиковал статьи по вопросам юстиции и судопроизводства. Активный член Литературного фонда, Утин в 1863 г. был избран в члены Комитета Общества, исполнял обязанности председателя ревизионной комиссии. Позднее был членом петербургского окружного суда и Петербургской судебной палаты. Известны 2 письма Достоевского к нему (1863) и одно письмо Утина к Достоевскому (1863; *ГБЛ*) — XXVIII$_2$, 32, 352, *380, 382*

Утин Николай Исаакович (1841—1883), революционер-демократ, брат Б. И. Утина; за участие в студенческих волнениях 1861 г. был арестован и исключен из университета; член Центрального комитета общества «Земля и воля». В 1863 г., предупрежденный об угрозе ареста, бежал за границу. Был приговорен (заочно) к смертной казни. В эмиграции жил сначала в Лондоне, затем в Швейцарии. Вступил в основанный К. Марксом I Интернационал и стал секретарем его Русской секции — XXVIII$_2$, 210, *450*

***Ушаков* Александр Сергеевич (род. 1836), московский литератор и книгопродавец; выступал с очерками и повестями в журналах «Современник», «Библиотека для чтения», «Светоч» и др. Достоевский познакомился с ним весной 1864 г. в Москве и дважды принимал по его просьбе участие в литературных чтениях. Ушаков передал в редакцию «Эпохи» рукопись своей повести «Из огня да в полымя», судьба которой неизвестна (см.: *Достоевский и его время*, стр. 268—269). В 1867 г. Достоевский по просьбе Ушакова разрешил ему переделать для сцены роман «Преступление и наказание» (см.: Т. И. Орнатская, Г. В. Степанова. Романы Достоевского и драматическая цензура. — *Материалы и исследования*, т. I, стр. 268—275). Известно 4 письма Ушакова к Достоевскому (1864—1867; *Достоевский и его время*, стр. 267—272). Письма Достоевского к Ушакову неизвестны. Сведения о несохранившихся письмах Достоевского к Ушакову см.: *Список* 2, №№ 216—217 — XXVIII$_2$, *366, 446, 521, 530*

Федор Акимович — см. *Яковлев* Ф. А.

Федор Антонович — см. *Маркус* Ф. А.

**Федоров* Степан Николаевич (1834—1868), беллетрист, автор драматических сцен. Жил в Оренбурге, но печатался в журналах и газетах Петербурга и Москвы. Достоевскому его представил А. Н. Плещеев еще в 1858 г. Печататься во «Времени» Федоров стал с самого начала журнала: в № 3 за 1861 г. появились его драматические сцены «Помешанный», а в 1862 г. было напечатано начало его романа «Свое и наносное» (№ 10), снабженное редакционным примечанием Достоевского (см. наст. изд., т. XX, стр. 226; подробнее о нем см.: П. Г. Усенко. Письма С. Н. Федорова к Н. А. Добролюбову, Зыгмунту Сераковскому и Яну Станевичу. — *РЛ*, 1977, № 4, стр. 129—136). Известны письмо Достоевского Федорову (1865) и письмо Федорова к Достоевскому (*ИРЛИ*). Сведения о несохранившихся письмах Достоевского к нему см.: *Список* 2, №№ 178, 183 — XXVIII$_2$, 113—114, 346, *417—418, 494, 522—523*

Федорченко Домника Ивановна — см. *Достоевская* Д. И.

Федорченко Михаил Иванович, брат Д. И. Достоевской — XXVIII$_2$, 149, *427*

Федосья, служанка Достоевского — XXVIII$_2$, 162—163, 167, 201, *446*

бывшего в 1840-х гг. режиссером Александринского театра. Дебютировала здесь на сцене в 1842 г. В 1844 г. переведена в московский Малый театр, где особенно сблизилась с М. С. Щепкиным. С 1847 по 1853 г. вместе со своим первым мужем актером М. Шубертом работала в Одесском драматическом театре, с 1853 по 1859 г. — в Александринском театре в Петербурге. В 1854 г. произошло знакомство Шуберт с С. Д. Яновским, а через него вскоре с А. Н. Майковым, А. Ф. Писемским, И. А. Гончаровым, А. А. Григорьевым. После смерти М. Шуберта в 1855 г. вышла замуж за Яновского. Достоевский познакомился с Шуберт в конце 1859 г. в доме М. М. Достоевского и «очень привязался» к пей, «уговаривал взяться за серьезные роли» (*Шуберт*, стр. CXXIII—CXXIV). Писатель поддержал ее намерение переехать в Москву, где она поселилась с начала марта 1860 г. В апреле 1860 г. Шуберт дебютировала в Малом театре, где играла до 1868 г. После 1868 г. играла в ряде провинциальных театров, с 1882 г. в Петербурге (см.: А. И. Шуберт. Моя жизнь. (Воспоминания артистки). СПб., 1913). Известно 3 письма Достоевского к Шуберт (1860), ответные письма ее неизвестны — XXVIII$_2$, 7—15, 368—371, *508*

Шуберт Михаил Михайлович (род. 1847), сын предыдущей от первого брака — XXVIII$_2$, 10, *370*

Щапов Афанасий Прокофьевич (1830—1876), историк и публицист, профессор Казанского университета, в 1864 г. был сослан в Иркутск. Статья Щапова «Земство и раскол. Бегуны» была напечатана в журнале «Время» (1862, №№ 10, 11) — XXVIII$_2$, 350

Щебальский Петр Карлович (1810—1886), историк и публицист, член Главного управления цензуры — XXVIII$_2$, 258 («разбор „Войны и мира"»), *463*

Щепкин Михаил Семенович (1788—1863), знаменитый актер — XXVIII$_1$, 122, *433*, *450*; XXVIII$_2$, 70, *397*, *403*

Щепкин Николай Михайлович (1820—1886), издатель и общественный деятель, сын М. С. Щепкина, был гласным Московской думы и земского собрания, почетным мировым судьей и директором московского городского кредитного общества; кроме того — комиссионером Русского географического общества, Министерства государственных имуществ и Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым в Москве. Книжный магазин «Щепкина и К^0» пользовался в Москве особой известностью. Щепкин был членом Литературного фонда с декабря 1859 г. Известны одно письмо Достоевского к нему (1863) и ответное письмо Щепкина (1863; *ГБЛ*) — XXVIII$_1$, 11, 376, *515, 539*; XXVIII$_2$, 31, 33, *366, 379—380*

Щербатов Григорий Алексеевич, князь (1819—1881); в середине 1860-х гг. — петербургский губернский предводитель дворянства, член Комитета Литературного фонда в одни годы с Достоевским — XXVIII$_2$, 350

Эдуард Иванович — см. *Тотлебен* Э. И.

Эмилия — см. *Достоевская* Э. Ф.

**Энгельгардт* Софья Владимировна, урожд. Новосильцева (1828—1894), писательница, выступавшая с 1853 г. в журналах «Русский вестник», «Библиотека для чтения» и «Русская речь» под псевдонимом Ольга Н. (или Ольга N.). Во «Времени» была напечатана ее повесть «Лиза» (1864, № 8). Известны одно письмо Достоевского к Энгельгардт (1864) и 2 письма Энгельгардт к Достоевскому (1864; *ГБЛ*) — XXVIII$_1$, 184, *460, 467*; XXVIII$_2$, 103, *412, 520*

Юлия Петровна, лицо неустановленное — XXVIII$_2$, 53

Юля, Юлинька — см. *Иванова* Ю. А.

Юматов Н. Н., издатель (совместно с В. Д. Скарятиным) газеты «Весть» — XXVIII$_2$, 152, *463*

Юнге Эдуард Андреевич (1833—1898), петербургский профессор-окулист; в 1866 г. лечил Достоевского, поранившего глаз во время приступа эпилепсии. В 1867 г. Достоевский ездил к нему перед женитьбой на А. Г. Сниткиной (см. наст. изд., т. XXVII, стр. 98) — XXVIII$_2$, 174, *440*

Юрий Егорович — см. *Комаров* Ю. Е.

Языков Михаил Александрович (1811—1885). В 1840-х гг. принимал участие в делах редакции «Современника»; к этому времени относится и его знакомство с Достоевским. Адресат Достоевского с 1878 г. — XXVIII$_1$, 128, *425, 434*

Яковлев Федор Акимович, генерал, помещик Псковской губернии; с ним в гражданском браке состояла С. Д. Констант — XXVIII$_2$, 124—125, *420—421*

Якушкин Евгений Иванович (1826—1905), этнограф, юрист, сын декабриста И. Д. Якушкина. В 1850-х гг. состоял на службе в Межевой канцелярии. Познакомился с Достоевским в Омске в 1853 г., когда приезжал туда по делам службы и останавливался в доме К. И. Иванова, устроившего ему свидание с писателем (см.: В. Любимова-Дороватовская, Достоевский в Сибири. — Огонек, 1946, № 46—47, стр. 27, а также письма В. Е. Якушкина к М. И. Семевскому от 1 и 12 сентября 1883 г. — *ИРЛИ*, ф. 265, оп. 2, № 941). В 1860-х гг. Якушкин служил управляющим Ярославской палатой государственных имуществ, был членом губернского присутствия по крестьянским делам, принимал деятельное участие в проведении крестьянской реформы. Известно 5 писем Достоевского к Якушкину (1855—1858); письма Якушкина к писателю неизвестны — XXVIII$_1$, 184, 205, 240, 280, 281, 287, 292, 293, 302, 303, 317, 318, *455, 460, 485, 487, 490, 493, 495, 526, 533, 534*

Яновский Степан Дмитриевич (1815—1897), врач. Достоевский обратился к нему в конце мая 1846 г.; с этого времени и до ареста писателя они встречались очень часто. По возвращении Достоевского из Сибири Яновский первый посетил писателя в Твери, а затем встречался с ним в Петербурге и Москве. В 1860 г. их отношения несколько осложнились из-за семейного конфликта Яновского с А. И. Шуберт (с которой он разошелся в 1863 г.), но время от времени прежние друзья продолжали встречаться. В начале 1867 г. в Москве Достоевский представил Яновского своей невесте А. Г. Сниткиной. В 1869 г. Яновский вышел в отставку, поселился сначала в Киеве, а с 1877 г. за границей, в Швейцарии, где и умер. В конце 1860-х гг. «история Яновского и его характер» послужили писателю материалом при создании образа Трусоцкого в «Вечном муже» (см. наст. изд., т. IX, стр. 474—475). Яновский оставил «Воспоминания о Достоевском» (*РВ*, 1885, № 4; *Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 154—175). После смерти писателя Яновский признавался А. Г. Достовской: «Федор Михайлович 40 лет был для меня тот человек, в котором я постоянно видел идеал правды, чести и любви к ближнему и которого я любил и уважал беспредельно» (*Сб. Достоевский, II*, стр. 379; подробнее о Яновском см.: Биографические сведения и послужной список — *ГЛМ*, Н—в$_{1352/1-3}$). Известны 5 писем Достоевского к Яновскому (1867—1877) и 12 писем Яновского к Достоевскому (1847—1877; *Сб. Достоевский, II*, стр. 366—396). Сведения о несохранившихся письмах Достоевского к Яновскому 1847 г. см.: *Список* 1, №№ 30, 32 — XXVIII$_1$, 163, 368, *394, 431, 434, 443, 454, 512, 515, 525, 526*; XXVIII$_2$, 7—15, 165, 177, 245, 352—361, *365—366, 368, 370—371, 450, 460, 489, 496—508, 531, 533*

Янышев Иоанн (Иван) Леонтьевич (1826—1910), священник русской церкви в Висбадене, доктор богословия; в 1866—1883 гг. ректор Петербургской духовной академии. Достоевский познакомился с ним в 1865 г. в Висбадене. Известны два письма Достоевского к Янышеву (1865 — 1866) и письмо Янышева к Достоевскому (1866; *ГБЛ*) — XXVIII$_2$, 133, 135, 141—144, 155—157, 259 («висбаденский»), *423, 426, 432—433, 465, 529*

Ястржембский Иван-Фердинанд Львович (1814—1880), петрашевец; на нескольких «пятницах» у Петрашевского читал основные начала политической экономии. Был приговорен к расстрелу, замененному шестью годами каторжных работ в Сибири, куда его отправили в одной партии с Достоевским и С. Ф. Дуровым. В 1857 г., после окончания срока каторги и года поселения, ему было разрешено вернуться в Петербург (см.: *Дело петрашевцев*, т. II, стр. 199—227; наст. изд., т. XVIII, стр. 340) — XXVIII$_1$, 167, 169, 174, *453, 456, 485*

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Места хранения рукописей

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
ГПБ — Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
ГЦММК — Государственный центральный музей музыкальной культуры (Москва).
ГЦТМ — Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина (Москва).
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (Ленинград).
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград).

Печатные источники

БдЧт — «Библиотека для чтения» (журнал).
Белинский — В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, тт. I—XIII. Изд. АН СССР, М., 1953—1959.
Биография — Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. СПб., 1883.
ВЛ — «Вопросы литературы» (журнал).
Волоцкой — М. В. Волоцкой. Хроника рода Достоевских. 1506—1933. М., 1933.
Вр — «Время» (журнал).
Врангель — А. Е. Врангель. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири. 1854—1856 гг. СПб., 1912.
Г — «Голос» (газета).
Герцен — А. И. Герцен. Собрание сочинений, тт. I—XXX. Изд. АН СССР, М., 1954—1966.
Гроссман, Жизнь и труды — Л. П. Гроссман. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. Биография в датах и документах. Изд. «Academia», М.—Л., 1935.
Д — «День» (газета).
Даль — В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, тт. I—IV. М., 1955.
Д, Материалы и исследования — Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. Под ред. А. С. Долинина. Изд. АН СССР, Л., 1935.
Д, Письма — Ф. М. Достоевский. Письма, тт. I—IV. Под ред. А. С. Долинина. ГИЗ—«Academia»—Гослитиздат, Л.—М., 1928—1959.

Д, Письма к жене — Ф. М. Достоевский. Письма к жене. Предисл. и примеч. Н. Ф. Бельчикова. Общая ред. В. Ф. Переверзева. М.—Л., 1926.

Достоевская, Л. Ф. — Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской. Пер. с нем. Л. Я. Круковской. Под ред. и с предисл. А. Г. Горнфельда. ГИЗ, М.—Пг., 1922.

Достоевская, Библиографический указатель — Достоевская А. Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, собранных в Музее памяти Ф. М. Достоевского в Московском историческом музее. Пб., 1906.

Достоевская, А. Г. Воспоминания — А. Г. Достоевская. Воспоминания. «Художественная литература», М., 1971.

Достоевская, Дневник — А. Г. Достоевская. Дневник. 1867. Изд. «Новая Москва», М., 1923.

Достоевский в воспоминаниях — Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, тт. I—II. М., 1964.

Достоевский, А. М. — А. М. Достоевский. Воспоминания. Ред. и вступ. статья А. А. Достоевского. «Изд. писателей в Ленинграде», 1930.

Достоевский и его время — Достоевский и его время. Под ред. В. Г. Базанова и Г. М. Фридлендера. «Наука», Л., 1971 (Институт русской литературы АН СССР).

Достоевский и Литературный фонд — Р. Б. Заборова. Ф. М. Достоевский и Литературный фонд. — *РЛ*, 1975, № 3, стр. 164—170.

«Достоевский». Однодневная газета — «Достоевский». Однодневная газета Русского библиологического общества. Пг., 1921, 30 окт. (12 ноября).

Достоевский и Тургенев. Переписка — История одной вражды. Переписка Достоевского и Тургенева. Под ред. И. С. Зильберштейна. Л., 1928.

З — «Заря» (журнал).

ИВ — «Исторический вестник» (журнал).

Из архива Достоевского — Из архива Достоевского. Письма русских писателей. М.—Пг., 1923.

Ковалевская — С. В. Ковалевская. Воспоминания. Повести. М., 1974.

Ланский, Утраченные письма — Л. Ланский. Утраченные письма Достоевского. — *ВЛ*, 1971, № 11, стр. 196—222.

ЛН — «Литературное наследство», тт. 1—93. Изд. АН СССР—«Наука», М., 1931—1982. Издание продолжается.

Майков — А. Н. Майков. Избранные произведения. Л., 1977 (Библиотека поэта. Большая серия).

А. Н. Майков. Письма к Ф. М. Достоевскому. — Н. Т. Ашимбаева. А. Н. Майков. Письма к Ф. М. Достоевскому. 1868—1870. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1982. «Наука», Л., 1984, стр. 60—98.

Материалы и исследования — Достоевский. Материалы и исследования. «Наука», Л., 1974—1985, тт. I—VI. Издание продолжается.

МВед — «Московские ведомости» (газета).

МГ — «Минувшие годы» (журнал).

Милюков — А. П. Милюков. Литературные встречи и знакомства. СПб., 1890.

Некрасов — Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем, тт. I—XII. Гослитиздат, М., 1948—1953.

Нечаева, «Время» — В. С. Нечаева. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861—1863. «Наука», М., 1972.

Нечаева, «Эпоха» — В. С. Нечаева. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864—1865. «Наука», М., 1975.

Описание — Описание рукописей Ф. М. Достоевского. Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1957 (Библиотека СССР им. В. И. Ленина—Центр. гос. архив литературы и искусства — Институт русской литературы АН СССР).

Островский — А. Н. Островский. Полное собрание сочинений в двенадцати томах. М., 1973—1980.

Писемский, Письма — А. Ф. Писемский. Письма. Подгот. текста и коммент. М. К. Клемана и А. П. Могилянского. М.—Л., 1936.
РВед — «Русские ведомости» (газета).
РВ — «Русский вестник» (журнал).
РЛ — «Русская литература» (журнал).
РМ — «Русский мир» (газета).
Розенблюм — Л. М. Розенблюм. Творческие дневники Достоевского. М., 1981.
РО — «Русское обозрение» (журнал).
РС — «Русская старина» (журнал).
РСл — «Русское слово» (журнал).
С — «Современник» (журнал).
Салтыков-Щедрин — М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений в двадцати томах. «Художественная литература», М., 1965—1977.
Сарухапян — Е. П. Сарухапян. Достоевский в Петербурге. Л., 1972.
Сб. Достоевский, I — Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Сборник I. Под ред. А. С. Долинина. «Мысль», Пб., 1922.
Сб. Достоевский, II — Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Сборник II. Под ред. А. С. Долинина. «Мысль», Л.—М., 1924.
СВ — «Северный вестник» (журнал).
СО — «Сын отечества» (газета).
СП — «Северная пчела» (газета).
СПбВед — «Санкт-Петербургские ведомости» (газета).
Список — Список несохранившихся и ненайденных писем 1835—1868 годов.
Суслова — А. П. Суслова. Годы близости с Достоевским. Дневник. — Повесть. — Письма. Вступ. статья и примеч. А. С. Долинина. М., 1928.
Творчество Достоевского — Творчество Ф. М. Достоевского. Изд. АН СССР, М., 1959 (Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР).
Толстой — Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, тт. 1—90. М.—Л., 1928—1964.
Тургенев, Письма — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Письма, т. I—XIII. Изд. АН СССР— «Наука», М.—Л., 1960—1968.
Тургенев, Сочинения — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Сочинения, тт. I—XV. Изд. АН СССР— «Наука», М.—Л., 1960—1968.
Чернышевский — Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, тт. I—XVI. М., 1939—1953.
Шестидесятые годы — Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. Изд. АН СССР, М.—Л., 1940.
Шуберт — А. И. Шуберт. Моя жизнь. 1827—1883. СПб., 1913.
Э — «Эпоха» (журнал).
Bibl. Nat. — Bibliothèque Nationale. Service photographique, Paris. Departement des manuscripts. Slave 81.
Mazon — André Mazon. Quelques lettres de Dostoévsky à Tourguénew. Revue des études Slaves, tome premier. Paris, 1921.

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА

	Текст	Примечания

1868

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ XXVIII, кн. 2

Редактор издательства *Е. А. Гольдич*
Оформление художников *С. Н. Тарасова* и *Л. А. Яценко*
Технический редактор *Г. А. Смирнова*
Корректоры *Л. М. Бова, И. А. Корзинина, Т. Г. Эдельман*

Сдано в набор 18.01.85. Подписано к печати 5.07.85. Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 38.50. Усл. кр.-отт. 39.50. Уч.-изд. л. 45.77. Тираж 55 000. Изд. № 8990. Тип. зак. 55. Цена 5 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука». Ленинградское отделение. 199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука». 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.